

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКИТИН

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ:

К 110-летию со дня рождения С. Я. НИКИТИНА

Москва
ТЕЗАУРУС
2013

УДК 94(367)+327(2)(091)+929
ББК 63.3(4)+63.3(2)-6+63.3г(2)
С471

*Издание выполнено при частичной финансовой поддержке
фонда «Русский мир»*

Редакционная коллегия:

И. В. Чуркина (отв. редактор), С. И. Данченко, М. М. Фролова

Рецензенты:

*доктор исторических наук В. И. Косик,
кандидат исторических наук О. А. Дубовик*

**СЛАВЯНЕ И РОССИЯ: к 110-летию со дня рождения
С. А. Никитина: Сборник статей / Институт славяноведения Рос-
сийской академии наук. – М., ТЕЗАУРУС, 2013. – 792 с.**

Данный сборник подготовлен по материалам научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского слависта, профессора С. А. Никитина, которая прошла 8 ноября 2011 г. в Институте славяноведения РАН. На основе новых архивных и историографических материалов представлен жизненный путь ученого и его многогранная деятельность. Впервые опубликованы по чудом сохранившемуся экземпляру никогда не издававшиеся ранее главы книги С. А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг.», в которых прослежено развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40–70-е гг. XIX в.

В статьях современных авторов рассматривается проблематика, входившая в широкий круг исследовательских интересов Никитина: история южных славян, русско-славянские связи в XIX в., политика России на Балканах. Широкая документальная основа позволила авторам осветить новые аспекты в истории балканских народов, пересмотреть устоявшиеся в историографии взгляды, поспорить с некоторыми современными учеными стран региона, развенчать сложившиеся в литературе мифы.

Книга предназначена для ученых, преподавателей, студентов и аспирантов, для широкой читательской аудитории, интересующейся историей России и судьбой славянских народов.

ISBN-10 5-7576-0267-8
ISBN-13 978-5-7576-0267-7

© Институт славяноведения
Российской академии наук, 2013
© ТЕЗАУРУС, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
I. Сергей Александрович Никитин	7
<i>С. И. Данченко, И. В. Чуркина.</i> С. А. Никитин и его научная школа историков-славистов	8
<i>А. Н. Горяинов.</i> Семейные истоки формирования личности и начало научной биографии С. А. Никитина	35
<i>Л. В. Горина.</i> С. А. Никитин – заведующий кафедрой истории южных и западных славян (1947–1961)	58
<i>М. Ю. Досталь.</i> С. А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ	67
<i>Л. В. Горина.</i> Средневековая Болгария в творчестве профессора С. А. Никитина	86
<i>Б. Н. Билунов.</i> Болгарское возрождение в трудах С. А. Никитина	97
<i>Л. В. Кузьмичева.</i> Сербская проблематика в трудах С. А. Никитина	103
<i>М. Я. Гольберг.</i> «Со свиданьем!»	110
<i>С. П. Боброва, В. Г. Таранова.</i> С. А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете	118
<i>С. А. Никитин.</i> Воспоминания о гимназических годах	127
II. Неизданные главы книги С. А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг.»	147
Неизданная книга С. А. Никитина (<i>И. В. Чуркина</i>)	148
<i>С. А. Никитин.</i> Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг.	161
Глава I. Крымская война	162
Глава II. Шестидесятые годы. Раздел II. Панславистские теории и их критика	216
Глава V. Панславистские теории конца 60-х годов	277
Некоторые размышления по поводу глав о панславизме неизданной книги С. А. Никитина (<i>И. В. Чуркина</i>)	344
III. Список трудов профессора С. А. Никитина и фотодокументы	373
Список трудов профессора С. А. Никитина	374
Фотографии из личного архива профессора В. Г. Карасева	389

IV. Статьи	393
<i>Г. Л. Ариш.</i> Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов	394
<i>Л. П. Лаптева.</i> Паисий Хилендарский и его «История славеноболгарская» в освещении русской историографии советского периода	414
<i>В. П. Грачев.</i> Бухарестский мир 1812 г. и сербский вопрос	437
<i>И. С. Достян.</i> Милош Обренович – основатель династии сербских правителей	489
<i>И. И. Лециловская.</i> Мировоззренческие аспекты хорватской национальной культуры в годы иллиризма	509
<i>Т. И. Чепелевская.</i> Вук и Анна. Страницы жизни великого ученого	518
<i>М. М. Фролова.</i> К вопросу о социо-конфессиональной обстановке в Битольском эялете в 1861 г. (по донесениям русского дипломата М. А. Хитрово)	536
<i>И. Ф. Макарова.</i> К истории болгарского четнического движения (новые архивные материалы) (1860-е годы)	574
<i>А. Л. Шемякин.</i> По стопам С. А. Никитина («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.)	586
<i>Н. И. Хитрова.</i> Формирование черногорских границ и Россия (1878–1884 гг.)	611
<i>В. Б. Хлебникова.</i> Патриархальный воин в индустриальную эпоху (П. А. Ровинский и Н. М. Потапов о боевых качествах черногорцев)	632
<i>Н. Г. Струнина.</i> К вопросу о влиянии России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX вв.	652
<i>П. А. Искендеров.</i> Россия и сербо-албанские отношения (начало XX в.)	662
<i>Л. А. Кирилина.</i> Восприятие России словенскими либералами в начале XX в.	686
<i>В. Б. Каширин.</i> О проблеме начертания «границы Романовского» (Из предыстории Балканских войн 1912–1913 гг.)	697
<i>Э. Г. Задорожнюк.</i> А. И. Герцен, Т. Г. Масарик и славянский вопрос	721
<i>А. С. Стыкалин.</i> Юрий Крижанич глазами работников идеологического аппарата КПСС (1950-е годы)	748
<i>С. И. Данченко.</i> Материалы архива Н. Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация	756

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Профессор Сергей Александрович Никитин внес весомый вклад в развитие отечественного славяноведения. Эта наука, почти уничтоженная в СССР к середине 30-х годов XX в., возродилась, в значительной мере, благодаря заслугам С. А. Никитина. В эпоху, когда необходимо было подгонять исторические события под схемы марксистской теории, Сергей Александрович во главу своих исследований всегда ставил факты и к этому же приучал своих многочисленных учеников.

В честь юбилеев С. А. Никитина российскими славистами было проведено несколько конференций, по результатам которых вышли в свет сборники статей и материалов:

1. Славяне и Россия. К 70-летию С. А. Никитина. М., 1972.
2. Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина // Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992.
3. Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004.

Представляемый сборник «Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина» является итогом конференции, прошедшей 8 ноября 2011 г. в Москве, в которой приняло участие более 20 ученых из научных и учебных учреждений г. Москвы. Их доклады составили основу предлагаемого издания. Помимо этого в него включены статьи некоторых других ученых-славистов. Наконец, в этом труде изданы наиболее значимые, по мнению редколлегии, статьи из двух сборников (1992 и 2004 гг.). Эти работы опубликованы вновь потому, что указанные сборники были изданы очень небольшим тиражом и стали библиографической редкостью.

Сборник «Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина» состоит из 4 разделов.

Первый раздел посвящен личности С. А. Никитина, а также его многогранной деятельности. Он открывается очерком С. И. Данченко и И. В. Чуркиной «С. А. Никитин и его научная школа историков-

славистов». Затем идут статьи из упомянутых сборников (1992 и 2004 гг.): А. Н. Горяинова – о семейных истоках формирования ученого и начале его научной биографии; Л. В. Гориной – о деятельности Никитина в качестве заведующего кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ; М. Ю. Досталь – о попытках репрессировать С. А. Никитина в период борьбы с космополитизмом; Л. В. Гориной и Б. Н. Билунова – об исследовании Никитиным средневековой Болгарии и болгарского Возрождения; Л. В. Кузьмичевой – о сербской проблематике в творчестве ученого; С. П. Бобровой и В. Г. Тарановой – о помощи С. А. Никитина в создании исторической славистики в Воронежском университете. Здесь также опубликованы воспоминания украинского ученого М. Я. Гольберга о встречах с Никитиным и воспоминания самого С. А. Никитина о его гимназических годах, подготовленные к изданию А. Е. Москаленко.

Во втором разделе публикуются главы о панславизме из неизданной книги С. А. Никитина, а также комментарии к ним И. В. Чуркиной.

В третьем разделе представлены библиография трудов С. А. Никитина и фотодокументы из личного архива профессора В. Г. Карасева.

Четвертый раздел включает в себя статьи ученых, посвященные балканской тематике, разрабатывавшейся в трудах С. А. Никитина. Так, болгарским сюжетам посвящены статьи Л. П. Лаптевой и И. Ф. Макаровой; деятельности русских консулов на Балканах – Г. Л. Арша и М. М. Фроловой; сербской истории – В. П. Грачева, И. С. Достян, А. Л. Шемякина; черногорским проблемам – Н. И. Хитровой, В. Б. Хлебниковой, Н. Г. Струниной; позиции России в связи с сербо-албанскими отношениями в начале XX в. – П. А. Искендерова; хорватской культуре – И. И. Лещиловской; русско-словенским отношениям в начале XX в. – Л. А. Кирилиной. О Вуке Караджиче и его взаимоотношениях с супругой Анной рассказывается в статье Т. И. Чепелевской. В. Б. Каширин представил новые материалы о предыстории Балканских войн 1912–1913 гг. Э. Г. Задорожнюк осветила отношение Т. Г. Масарика к славянскому вопросу. Статья А. С. Стыкалина раскрывает отношение работников идеологического аппарата КПСС в 1950-е годы к личности Ю. Крижанича. Завершает этот раздел публикация новых материалов о русско-сербских связях во второй половине XIX в., выполненная С. И. Данченко.

РАЗДЕЛ I

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
НИКИТИН

*С. И. Данченко, И. В. Чуркина
(Институт славяноведения РАН, Москва)*

С. А. НИКИТИН И ЕГО НАУЧНАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

*Профессор С. А. Никитин принадлежит к тому поколению советских ученых, которое было призвано в изменяющемся мире направлять славяноведение по новому пути.
Н. Тодоров*

Изучение наследия лучших представителей исторической науки как дореволюционной России, так и СССР необходимо для молодых историков, ибо с 90-х гг. XX в. вплоть до настоящего времени в историческую литературу хлынула толпа любителей сенсаций и политических демагогов, приводящих в своих трудах только те исторические факты, которые соответствуют их сиюминутным политическим пристрастиям и целям, интерпретируя их в своих интересах, мало заботясь об объективности.

К числу тех ученых, которые могут послужить для молодежи примером честного отношения к науке, принадлежит, несомненно, профессор Сергей Александрович Никитин. Говоря о его научном наследии, его ученицы Л. В. Горина и И. В. Чуркина подчеркивают, что он сумел в сложное время сохранить преданность науке, уважительное отношение к прошлому. В этом они видят большое нравственное содержание его трудов¹.

Известный ученый-славист, внесший весомый вклад в становление советского и российского славяноведения, профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979) был учителем для целого поколения ученых, чьи достижения стали гордостью отечественной науки. Его труды высоко оценены не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Научной и педагогической деятельности С. А. Никитина посвящены многие работы его коллег. О нем писали академики АН СССР В. М. Хвостов, А. Л. Нарочницкий, Ю. А. Писарев, академик

Боснийско-герцеговинской, Сербской и Черногорской академий наук и искусств М. Экмечич. Творчество ученого исследовали его многочисленные ученики и ученики его учеников, отечественные и зарубежные: В. Г. Карасев, И. В. Чуркина, С. И. Данченко, В. И. Фрейдзон, Л. В. Горина, Б. Н. Билунов, В. М. Хевролина, С. П. Боброва, Н. П. Данилова, А. Н. Горяинов, Л. В. Кузьмичева, словацкий ученый В. Матула, академик Болгарской академии наук Н. Тодоров и другие². Уже сам интерес такого большого числа серьезных ученых к научной деятельности С. А. Никитина указывает на то, какое важное место в развитии отечественного славяноведения второй половины XX в. она занимает.

Сергей Александрович Никитин происходил из небогатой, но образованной семьи. Его дед, отец Василий, был приходским священником в селе Дмитровский Погост Егорьевского уезда Рязанской губернии. Один из его сыновей, Дмитрий Васильевич Никитин, в 1902–1903 гг. являлся домашним врачом Л. Н. Толстого. После ухода от великого писателя он сохранил хорошие отношения со всей семьей Толстых. По воспоминаниям Сергея Львовича Толстого, Дмитрий Васильевич вместе с Душаном Маковицким, сменившим его на посту врача Толстого, находился у постели Льва Николаевича до его последнего вздоха³. Другой сын отца Василия, Александр Васильевич, пошел по стопам отца. Он стал магистром богословия, принял священнический сан (был протоиереем) и долгие годы преподавал в Николаевском сиротском институте в Москве, одновременно являясь настоятелем церкви св. Екатерины при нем. В семье Александра Васильевича и родился 25 июня 1901 г. Сергей Александрович Никитин. Он учился в 4-й московской гимназии, воспоминания о демократических порядках в которой, о духе товарищества, царившем там, он сохранил до конца своих дней⁴. В гимназические годы Сергей Александрович с увлечением читал исторические сочинения В. О. Ключевского, А. Н. Пыпина и др., закладывая фундамент той энциклопедичности, которая всегда поражала в нем его коллег разных поколений.

В 1918 г., после окончания гимназии, С. А. Никитин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который годом позже был преобразован в факультет общественных наук. Здесь изучалось множество предметов из области философии, психологии, логики, права, экономики и, конечно, истории, которую

преподавали лучшие отечественные ученые и педагоги. Так, историю России Никитин изучал под руководством С. В. Бахрушина, М. М. Богословского, Ю. В. Готье, А. И. Яковлева, а всеобщую историю – Р. Ю. Виппера, В. П. Волгина, В. М. Лавровского, Д. М. Петрушевского, С. Д. Сказкина.

Учебу Никитину приходилось совмещать с военной службой, которую он проходил с 1919 г. до 1924 г. сначала как курсант отделения русского языка Военно-педагогического института, а затем в качестве преподавателя Командной артиллерийской школы.

В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета и наряду с преподаванием стал заниматься профсоюзной работой – заведовал профсоюзными курсами, был лектором Московского совета профсоюзов. К этому периоду относится появление первых научных статей будущего ученого о профсоюзной печати в России в 1905–1906 гг.⁵

В 1924 г. Сергей Александрович стал аспирантом Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) и начал вести самостоятельные научные исследования. В годы учебы в аспирантуре, а именно в 1927 г., в Большой Советской Энциклопедии была опубликована первая славистическая работа С. А. Никитина, посвященная богомилам. В 1928–1929 гг. он ассистировал проф. С. Д. Сказкину в МГУ в семинаре по истории связей славянских народов с Россией.

Внимание Никитина привлекла тема «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русская политика на Балканах в 70-е годы XIX в.». На этот выбор, а также на пробуждение у молодого ученого интереса к славяноведению повлияли известные ученые С. Д. Сказкин и А. М. Селищев⁶. Именно они, высоко оценив эту первую серьезную работу С. А. Никитина, посоветовали ему обратиться в его дальнейших изысканиях к архивным материалам.

С 1928 г. по сентябрь 1930 г. Сергей Александрович работал в библиотеке Высшего совета народного хозяйства, где занимался библиографической деятельностью в должности помощника редактора Технической библиотеки. По мнению Л. П. Петровского и А. Н. Горяинова, изучавших жизненный путь С. А. Никитина, то обстоятельство, что он не работал по специальности, было связано с его пребыванием в аспирантские годы в семинаре известного историка Н. А. Рожкова, который в конце 1920-х гг. полемизировал с

М. Н. Покровским и обвинялся властями в меньшевистской интерпретации исторического процесса.

14 сентября 1930 г. С. А. Никитин был арестован. По этому «академическому» делу, которое часто именуют «делом академика Платонова», проходили такие крупные историки, как М. К. Любавский, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, В. И. Пичета и др. Сергею Александровичу инкриминировалась не только связь с группой историков, арестованных по делу «Всенародного Союза за возрождение свободной России», сфабрикованному ОГПУ с целью обвинения в контрреволюционной деятельности большой группы членов АН СССР, но и «участие в антимарксистском кружке Рожкова», а также выступления против Общества историков-марксистов⁷. Под следствием Сергей Александрович пробыл около 2,5 месяцев и содержался в Бутырской тюрьме, где его допрашивал следователь Н. Н. Соловьев. Записи этих допросов сохранились. Во время допросов Сергей Александрович очень откровенно рассказал о своих взглядах. Мы приводим их по статье Л. П. Петровского и А. Н. Горяинова.

В беседе со следователем Сергей Александрович заявил: «Считаю себя близко стоящим к марксистской системе взглядов. Отношение к советской власти как к неизбежному следствию всего исторического развития России». Сергей Александрович считал себя близко стоящим к марксизму, но полностью принимал «только одну часть марксова учения – учение о критике основ капиталистического способа производства». Одновременно он подчеркивал: «Я был, остаюсь и хочу остаться христианином». На следующем допросе следователь дописал, что С. А. Никитин якобы сказал, что он не может себя считать вполне советским человеком, поскольку он христианин. И далее следовала приписка рукою Соловьева, но зафиксированная подписью Никитина: «По тем же самым вышеуказанным убеждениям я не могу встать на путь активной классовой борьбы с классовыми врагами советской власти, и требовать от меня этого невозможно». Мы потому так подробно останавливаемся на записи допроса С. А. Никитина, что это единственное его откровенное высказывание о своих взглядах. Его подробный и достаточно откровенный разговор со следователем можно объяснить его неопытностью: ведь он никогда до этого не сталкивался с подобными организациями и, вероятно, полагал, что следователь воспримет его чистосердечный рассказ о своих взглядах как вполне лояльное и

доверчивое отношение к советской власти. Однако заключение Н. Н. Соловьева по делу № 103591, которое он отправил Особому совещанию при коллегии ОГПУ, показывает, насколько ошибался молодой ученый. В действительности Соловьев передернул высказывания Никитина. «Никитин, стоя на позиции резко отрицательного отношения к советской власти, – писал он, – и в научной своей деятельности стоит на чуждых советской власти классовых позициях... Принимая во внимание отношение Никитина к советской власти и его социальное происхождение – сын священника-арендатора, считая С. А. Никитина элементом социально опасным, полагал бы: дело гражданина Сергея Александровича Никитина передать на рассмотрение Особого совещания ОГПУ». Кроме того в этом документе, ставшем известным благодаря изысканиям в архиве КГБ Л. П. Петровского, содержалась оценка профессиональных качеств молодого ученого с точки зрения полуграмотного следователя, который уверенно констатировал, что подследственный Никитин – «исключительный путаник и ценности как историк никакой не представляет» (!). А в документе от 31 декабря 1930 г., вышедшем из кабинетов той же организации, говорилось о недопустимости использовать С. А. Никитина как историка, поскольку он, «трактую научно-исторические проблемы, преломляет их через призму христианского вероучения»⁸.

Сосланный на Урал в январе 1931 г. сроком на три года, С. А. Никитин оказался в Свердловске, благодаря ходатайствам своей матери Глафиры Северьяновны и поддержке первой жены А. М. Горького Е. П. Пешковой, возглавлявшей существовавший до 1937 г. в Москве политический Красный Крест. Там он устроился на работу в трест «Восток-сталь» на должность старшего экономиста. В июле 1932 г. Сергей Александрович был досрочно освобожден и вернулся в Москву. В первые два года он работал главным редактором организации «Союзоргучет» и лишь в 1935 г. вошел в состав группы, образованной в Историко-археографическом институте с целью публикации документов по истории Средней Азии.

Забегая вперед, следует отметить, что при жизни Сергея Александровича с него так и не были сняты обвинения в «контрреволюционной деятельности». Лишь 3 марта 1989 г., т.е. спустя почти 10 лет после его смерти, «дело академика Платонова» было официально признано незаконным, а С. А. Никитин был реабилитирован⁹.

С 1937 г. началась преподавательская деятельность Сергея Александровича. М. Н. Тихомиров привлек его к чтению курса источниковедения России XIX в. в Историко-архивном институте. В своих лекциях молодой ученый с присущими ему тщательностью, скрупулезностью и эрудицией представил классификацию источников по русской истории XIX в., раскрыл их значение, охарактеризовал научные приемы их исследования. Впоследствии этот курс был выпущен отдельной книгой¹⁰, которую Никитин в 1941 г. защитил как кандидатскую диссертацию. Этот труд был высоко оценен научной общественностью и стал учебником для студентов и аспирантов, которым они пользовались более 20 лет.

В 1941 г. С. А. Никитин был принят на работу в МГУ им. М. В. Ломоносова в качестве преподавателя исторического факультета. Здесь он трудился до 1961 г., а с 1947 по 1961 гг. являлся заведующим кафедрой истории южных и западных славян. Наряду с этим в 1947 г. Сергей Александрович стал одним из основателей Института славяноведения АН СССР, в котором возглавил сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

Конец 1940-х гг. ознаменовался новыми серьезными неприятностями для Никитина. В 1949 г. в стране развернулась кампания против космополитизма. В конце марта 1949 г. на расширенном заседании Ученого совета истфака МГУ рассматривался вопрос о борьбе с космополитизмом в исторической науке. В принятой резолюции указывалось на необходимость вести непримиримую борьбу «с малейшими проявлениями безродного космополитизма, низкопоклонства и буржуазного объективизма, являющихся питательной средой для любых космополитических тенденций». Эта резолюция стала сигналом к осуждению многих историков. 9 апреля 1949 г. произошло заседание на кафедре истории южных и западных славян, на котором часть преподавателей, а также аспиранты и студенты критиковали и даже клеймили работу кафедры, которой руководил С. А. Никитин. И. М. Белявская подчеркивала, что «ошибки кафедры ведут к космополитизму», что общий курс истории славян Никитина характеризуют «фактологизм, отсутствие точных политических формулировок». В том же плане выступала и В. И. Владимирская. Сергея Александровича упрекали в том, что он положительно оценивал славянское движение в России, хотя и указывал на консервативные и монархические взгляды славянофилов, а также за то, что

он признавал преимущество дореволюционного и советского славяноведения. Декан истфака Г. А. Новицкий выступил в примирительном плане, сам Никитин признал свои ошибки¹¹. Все эти события нанесли ученому еще одну глубокую моральную травму, заставили его еще больше замкнуться в себе. Хорошо еще, что заседание 9 апреля не имело серьезных административных последствий ни для кафедры, ни для самого Сергея Александровича. Партбюро истфака постановило снять с него все обвинения в космополитизме, как «обвиненного неправильно». По мнению М. Ю. Досталь, скрупулезно изучившей материалы по данному вопросу, такая относительно счастливая концовка была связана с тем, что в конце апреля 1949 г. общесоюзная кампания по борьбе с космополитизмом была свернута по указанию И. В. Сталина¹².

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. научные интересы С. А. Никитина сосредоточились вокруг проблем истории балканской политики России и русско-славянских связей 50–70-х гг. XIX в. Изыскания по данной проблематике в отечественных архивах, детальное изучение многочисленных периодических изданий этого периода позволили ученому создать ряд ценнейших исследований и публикаций документов, появившихся в 40–60-е гг. XX в. в «Литературном наследстве», «Славянском сборнике», «Славянском архиве»¹³. Последнее издание было учреждено в Институте славяноведения АН СССР по инициативе Сергея Александровича в 1958 г. (он же стал его редактором) и до появления многотомных публикаций по истории связей России с южными славянами было одним из немногих изданий, в которых публиковались вновь открытые источники по указанной проблематике.

В 1940-е гг. С. А. Никитин в качестве главной определил для себя тему русско-балканских отношений, в частности, вопросы балканской политики России и отношения русского общества к событиям на Балканах в период от Крымской войны 1853–1856 гг. до Берлинского конгресса 1878 г. В 1947 г. Никитин защитил докторскую диссертацию по теме «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.». Защита прошла успешно, о чем свидетельствовали положительные отзывы крупных отечественных историков, выступивших в качестве официальных оппонентов: славистов Н. М. Дружинина, В. И. Пичеты и турколога А. Ф. Миллера. Вскоре после защиты Сергей Александрович подготовил свой труд к

публикации отдельной книгой в издательстве АН СССР, однако цензура сочла невозможным его напечатать, и набор был рассыпан¹⁴. В этой работе, как и в последующих, С. А. Никитину по методологии ближе всего был позитивизм с его обстоятельностью в подборе фактов, со стремлением любой вывод базировать именно на них.

Фундированность вышеуказанного труда просто поражает. Он основан на уникальных документах из 12 московских и ленинградских архивов, на материалах центральной и провинциальной прессы, автором были широко использованы многочисленные опубликованные источники, а также обширная литература на многих языках. Впоследствии часть материалов неопубликованной книги с небольшими изменениями вошла в монографию С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах», а некоторые разделы были опубликованы в «Очерках по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.». Неопубликованные разделы объединялись единой проблематикой – развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40–70-е гг. XIX в. По-видимому, власти не устраивал тот факт, что при сравнении планов русских панславистов с тем, чего достиг СССР в 1945 г., у читателя могли возникнуть нежелательные ассоциации.

Главным научным трудом Сергея Александровича, по признанию большинства ученых, его учеников и коллег в различных странах, является монография «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах» (М., 1960). В послевоенные годы вокруг этих общественных организаций среди политиков, публицистов и ученых на Западе ходило немало нелепых легенд, проистекавших оттого, что эта тема была совершенно не изучена, а также из-за неприязненного отношения многих из них к России, а затем к СССР. Славянские комитеты, действовавшие в России в 60–70-е гг. XIX в., представлялись секретными организациями, созданными русским правительством для сбора агентурной информации в балканских странах. Особенно часто упоминались они в связи с приписываемой России политикой панславизма. Взявшись за исследование этой проблемы, С. А. Никитин шел от архивных источников. Наряду с ними он впервые в отечественной славистике широко привлек прессу различных направлений, в том числе и провинциальные издания, а также обширную мемуарную литературу. Отдав дань уважения своим пред-

шественникам в изучении этой сложной темы, С. А. Никитин по-новому рассмотрел деятельность славянских комитетов в России. Прежде всего, он показал, что славянофилы вовсе не были ретроgrадами, которыми их пыталась представить советская историография, а являлись деятелями умеренно либеральных взглядов, выступавшими за проведение постепенных буржуазных реформ. Проследив двадцатилетнюю историю существования славянских комитетов, ученый сделал ряд ценных наблюдений, в том числе и тех, которые не вписывались в существовавшую в то время официальную концепцию. Со страниц монографии С. А. Никитина славянские комитеты предстают своеобразной общественной благотворительной организацией с политическими тенденциями, довольно многочисленной и пестрой по своему составу. Действовали они легально и были единственной организацией в России, которая оказывала разнообразную помощь южным и западным славянам. Комитеты располагали небольшими денежными средствами, которые в основном поступали от благотворителей, но иногда пользовались некоторыми правительственными субсидиями и церковными пожертвованиями. Вместе с тем, как показал Сергей Александрович в своем труде, их помощь в деле формирования национальной интеллигенции в балканских странах, развитии там образования, науки и культуры, была бесценна. Ее значение в тот непростой период истории этих народов трудно переоценить.

Книга С. А. Никитина по праву может считаться первой в ряду серьезных трудов по данной проблематике. Ее появление в значительной мере стимулировало научные поиски в этом направлении. Современные исследователи, являющиеся в большинстве своем учениками и последователями профессора Никитина или учениками его учеников, к настоящему времени опубликовали множество новых, уникальных документов, создав таким образом прекрасную источниковедческую базу для исследователей нынешнего XXI века. После появления труда С. А. Никитина вклад славянских комитетов в расширение связей России с народами Балкан уже не мог быть оспорен. Собранные воедино уникальные архивные документы, публикации в российской периодике, выдержки из мемуаров деятелей того времени позволили ученому сделать обоснованные выводы и, отделив зерна от плевел, показать место и действительную историческую роль славянских комитетов в развитии русской политики в

балканском регионе. Неслучайно эта книга Сергея Александровича получила такую высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. «Этим своим научным трудом он по праву завоевал большой авторитет в мировой науке», – писал известный сербский историк М. Экмечич¹⁵. «Тот, кого интересуют такие проблемы, как славянское единство и славянская взаимность, освободительная роль России и различные ее интерпретации, расхождения между русскими славянофилами и славянофилами других стран, должны непременно обратиться к этой работе С. А. Никитина», – подчеркивал тогдашний директор Института балканистики академик Болгарской академии наук Н. Тодоров¹⁶.

Национально-освободительное движение на Балканах в 50–70-е гг. XIX в. находило широкий резонанс в русской периодической печати – центральной и провинциальной. Отклики газет и журналов, выходящих в России, на главные события этого движения способствовали формированию общественного мнения в защиту прав угнетенных народов. Среди советских ученых Сергей Александрович первым обратился к этим источникам, показав, что русская периодика представляет большой интерес для историка-слависта как в плане выяснения позиций различных общественно-политических течений в тогдашнем российском обществе по славянскому вопросу, так и в плане ее связей с зарубежными славянскими народами.

Уже в 1950-е гг. С. А. Никитин начал публиковать статьи по данной проблематике, а в 1970 г. издал монографию «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.»¹⁷. Как уже отмечалось выше, в ней были собраны некоторые уже опубликованные, а также подготовленные заново исследования по указанной тематике. Центральной проблемой, рассматриваемой в этом труде, стало отношение ведущих органов русской периодической печати к целому ряду важнейших событий в истории южнославянских народов, а именно: национально-освободительная борьба в Боснии и Герцеговине, черногорско-турецкие конфликты, создание Балканского союза 60-х гг. XIX в., борьба за церковную самостоятельность Болгарии и переселение болгар в Россию, а также Восточный вопрос во всех его проявлениях. Здесь же был помещен обширный очерк об экономическом облике болгарского города в момент освобождения Болгарии от османского ига. Впервые введенные в научный оборот данные русской переписи в Болгарии в

1879 г. дали возможность расширить и скорректировать существовавшие ранее представления о социально-экономической структуре болгарского города. Однако этими, безусловно, важными сюжетами исследование Сергея Александровича не ограничивалось. В нем также был рассмотрен ряд вопросов другой темы, которую он разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни. Речь идет о балканской политике России, которая, как отмечал ученый, видела в славянских народах Балканского полуострова, вставших на путь национально-освободительной борьбы, союзную силу, способную сформировать более благоприятную для русских интересов ситуацию в регионе, что, в свою очередь, создавало почву для ответного тяготения к России со стороны южных славян. Этот и другие новаторские труды С. А. Никитина дали толчок дальнейшим исследованиям в отечественной науке русской периодической печати как важного источника по истории русско-славянских связей. И в этом отношении он стал примером для своих последователей.

Широта научных интересов Сергея Александровича поражает. Он исследовал самые разнообразные темы по истории славянских народов начиная от раннего средневековья. Особое внимание он уделял средневековой истории Болгарии. Поставленные им проблемы и сделанные выводы сохраняют свое значение и по сей день, например, вывод о том, что вторжение славян на Балканы значило «ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен»¹⁸. В период, когда македонская историография активно стремилась доказать, что македонская нация существовала уже в раннем средневековье, профессор Никитин осторожно, но твердо выступил против этой точки зрения. Он указывал, что со второй четверти IX в. македонские славяне развивались в рамках Болгарского государства¹⁹. Начало формирования македонской нации, ее выделение из болгарской Сергей Александрович относил к 1878 г., когда после Берлинского конгресса македонские земли оказались отрезанными от Болгарского государства. Этой точки зрения придерживается современная отечественная наука.

Кроме болгарского средневековья С. А. Никитин интересовался средневековой Боснией, особенно богомильским учением, имевшим в ней широкое распространение до турецкого завоевания, а также классовую борьбу в Чехии и Моравии в XIV – начале XV вв., как раз накануне развернувшегося там гуситского движения.

Однако наибольший интерес Сергей Александрович проявил к проблемам славянского возрождения. Он написал ряд статей о крупных деятелях славянской культуры: о болгарях Паисии Хилендарском, Любене Каравелове, Марине Дринове; о словаке Людовите Штуре и его знаменитом трактате «Славянство и мир будущего». Несколько работ он посвятил реформатору сербского литературного языка Вуку Караджичу, в которых нашли отражение биография ученого и его отношения с властями Сербии, Австрии и России. С. А. Никитин подчеркивал уважение и благодарность Караджича к России. «Во всех моих исторических трудах, – писал сербский ученый, – я с чрезвычайной заботливостью охранял имя России от всякой черной тени»²⁰.

Никитин исследовал также один из самых спорных и сложных вопросов сербской истории – роль воеводинских сербов в революции 1848–1849 гг. И хотя он вынужден был придерживаться отрицательной оценки, данной К. Марксом и Ф. Энгельсом славянскому национальному движению, он, тем не менее, выделил первый период сербского движения как прогрессивный, сделав тем самым шаг вперед к отказу от привычных штампов. В последние годы жизни Сергей Александрович особое внимание проявлял к Первому (1804–1813) и Второму (1815) сербским восстаниям, заложившим основу сербской независимости и новой сербской государственности.

Одним из главных направлений научной деятельности С. А. Никитина являлось его участие в подготовке публикаций документов по истории балканской политики России и русско-славянских связей в XIX в.

Уже в период работы над докторской диссертацией Сергей Александрович вскрыл громадные пласты в большинстве своем не известных ранее документов. Познакомившись с их содержанием, он пришел к выводу, что выявление, издание и обстоятельное их изучение – важнейшая задача отечественной науки. Новые документы были необходимы для углубленных исследований в области недостаточно и односторонне трактуемой в те годы балканской политики России. Следует подчеркнуть, что Сергей Александрович рассматривал этот вид работы как особую форму научно-исследовательского труда, где исторические проблемы, в отличие от монографических исследований, освещаются языком снабженных комментариями и справочным аппаратом документов.

Первой фундаментальной публикацией, организатором которой был С. А. Никитин, стала публикация «Освобождение Болгарии от турецкого ига», изданная в трех томах²¹. В ее подготовке наряду с учеными, архивными и библиотечными работниками Советского Союза приняли участие болгарские коллеги: А. Бурмов, Н. и Г. Тодоровы, Н. Жечев, Х. Гандев, К. Каратеодорова, Д. Косев и другие. С конца 1950-х гг. под руководством Сергея Александровича в нашей стране впервые были проведены масштабные работы по выявлению архивных документов, осуществленные не только в хранилищах столичных городов СССР, но и в регионах – на Кавказе, в европейской части России, в бывших советских республиках (Украина, Молдавия), а также за границей.

В период подготовки «Освобождения Болгарии...» был сделан решающий шаг в деле формирования научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые, которых он привлек к выявлению и комментированию документов (А. А. Улунян, Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина, К. Л. Струкова, И. В. Чуркина, Д. Ф. Поплыко, В. Г. Карасев, И. В. Козьменко, Н. И. Хитрова, В. Д. Конобеев, Н. П. Данилова и др.), являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под его руководством, перенимая мастерство учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превратились в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей. Все это они впоследствии широко использовали в своей работе и щедро передавали своим ученикам, обеспечивая таким образом преемственность научных исследований. Следует отметить личное участие Сергея Александровича в подготовке публикации «Освобождение Болгарии...» в качестве ответственного редактора, прежде всего при отборе и комментировании документов.

Несомненной заслугой создателей этого труда является публикация многочисленных документов, отражающих общественные связи между Россией и южными славянами в период Восточного кризиса 1870-х гг.

Материалы первого тома освещают отношение различных слоев русского общества к восстанию 1875 г. в Боснии и Герцеговине, к национально-освободительной борьбе других южных славян. Большой интерес представляют документы о русском добровольческом движении в Сербии, которая в 1876 г. вступила в войну с Турцией.

Основным содержанием второго тома являются документы, раскрывающие важнейшие стороны дипломатической истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освещающие переговоры России с Турцией и международную обстановку в период заключения Сан-Стефанского прелиминарного договора, а также такие вопросы, как деятельность русского Гражданского управления в Болгарии; национально-освободительное движение болгарского народа; русско-болгарское боевое содружество и др.

Документы третьего тома публикации касаются многих вопросов независимого существования освобожденной Болгарии на начальном этапе формирования ее государственности. Здесь представлены также неопубликованные документы о переговорах Е. П. Новикова и Н. П. Игнатьева в Вене и П. А. Шувалова в Лондоне, предшествовавших Берлинскому конгрессу 1878 г., а также впервые полностью приводятся инструкции русским уполномоченным на конгрессе, раскрывающие отношение правящей элиты России к различным вариантам решения вопроса о создании болгарского государства.

После выхода в свет публикация «Освобождение Болгарии...» получила очень высокую оценку научной общественности в нашей стране и за рубежом. По признанию многих, это издание стало непревзойденным, классическим образцом советского академического документального издания.

Впоследствии под руководством С. А. Никитина было подготовлено еще два издания документов: «Зарубежные славяне и Россия»²² и двухтомник «Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия»²³. Выход в свет последней публикации Сергею Александровичу уже не удалось увидеть.

Сборник документов «Зарубежные славяне и Россия» явился совместной публикацией Института славяноведения и балканистики АН СССР (С. А. Никитин, И. В. Чуркина, С. И. Бочкарева-Данченко), Института истории в Белграде (Н. Петрович), Института истории Словацкой академии наук (В. Матула), Чехословацко-советского института Чехословацкой академии наук (Й. Кочи). Выявление и первый отбор документов для публикации был сделан В. Матулой и И. В. Чуркиной. Сборник содержит впервые опубликованные письма настоятелю русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевскому (1811–1884) русских и зарубежных славянских государственных, политических и общественных деятелей, представителей культуры,

освещающие вопросы отношений русской научной и политической общественности и славянских народов Габсбургской и Османской империй. Эти документы касаются многих аспектов национально-политического, социального и культурного развития зарубежных славян, а также отношения участников национального движения этих народов к официальной России, их связей с представителями русской общественности, главным образом со славянофилами, с русскими учеными-славистами. Издание содержит большое число новых фактов о помощи русской общественности национальным движениям угнетенных народов, о роли М. Ф. Раевского и его корреспондентов в установлении и расширении российско-славянских контактов. Большое научное значение имела публикация не известных ранее писем ряда выдающихся деятелей: черногорского митрополита и замечательного поэта Петра II Петровича Негоша, В. С. Караджича, чешского политика и историка Ф. Палацкого, словацкого ученого-слависта П. Й. Шафарика, хорватского историка и политического деятеля И. Кукулевича-Сакцинского и многих других. Сергей Александрович являлся не только ответственным редактором этого издания, но также комментатором документов и главным консультантом по всем вопросам.

Уже в процессе подготовки сборника ученики С. А. Никитина – И. В. Чуркина и В. Матула опубликовали ряд интересных статей, в которых использовались материалы архива М. Ф. Раевского. После кончины Сергея Александровича работа над этим изданием была продолжена на тех же принципах, которые были установлены при его жизни. В 1989 г. в Белграде была издана первая книга второго тома документов – «Югославяне и Россия», в которой были опубликованы письма русских и югославянских корреспондентов М. Ф. Раевского²⁴. Над этим томом работали И. В. Чуркина, С. И. Данченко, М. Экмечич, В. Крестич, В. Мелик, Н. Петрович, Н. Станчич, Д. Петрович-Милоевич. К сожалению, в 90-е гг. в силу причин, связанных с изменением политической ситуации в России и славянских странах, это научное сотрудничество, установлению которого столько сил отдал С. А. Никитин, было прервано. Неизданной осталась вторая книга труда «Югославяне и Россия», уже подготовленная к печати. К 200-летию со дня рождения Раевского подготовлена к изданию книга, содержащая письма к нему словаков. В осуществлении данного проекта принимали участие В. Матула (1928–2011) и М. Даниш.

В 2006 г. в Праге вышла в свет публикация «Дорога на восток. Чехи в корреспонденции М. Ф. Раевского» под редакцией В. Дубека²⁵.

Под научным руководством Сергея Александровича в 1970-е гг. осуществлялась подготовка к изданию дипломатических документов по истории Первого сербского восстания из архивов тогдашнего Советского Союза (совместный проект Института славяноведения и балканистики АН СССР и Института балканистики Сербской академии наук и искусств). Хотя Никитину уже не пришлось увидеть изданной эту фундаментальную работу, но он, тем не менее, вложил в нее немало своего труда, знаний и таланта. Двухтомная публикация содержит материалы, которые впервые систематически освещают политику России в сербском вопросе в начале XIX в. В ней широко представлены документы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи. Эти материалы позволяют сделать вывод о том, что Россия на протяжении всего хода национально-освободительной борьбы сербов оказывала им всестороннюю дипломатическую, военную и материальную помощь, сыграв тем самым значительную роль в деле создания национального Сербского государства.

В. М. Хевролина подсчитала, что под руководством С. А. Никитина в 1960–1970-е гг. было подготовлено и частично издано около 300 печатных листов исторических документов²⁶.

Говоря в целом о публикаторской работе профессора Никитина как составной части его научной деятельности, следует подчеркнуть ее новаторство. По его настоянию в вышеуказанные сборники в научный оборот вводились материалы различного характера: дипломатическая переписка, официальные записки, а также документы личного происхождения – письма, дневники, прошения, принадлежащие как известным деятелям, так и рядовым свидетелям той эпохи. Подобный отбор исторических свидетельств, наряду с другими достоинствами публикаций, выполненных под руководством Сергея Александровича, а именно – тщательной археографической подготовкой документов, развернутым справочным аппаратом, серьезными предисловиями и комментариями, содержащими большой объем научной информации и часто являющимися небольшими исследованиями, выделяет их из других подобных трудов, издававшихся в СССР.

Сергей Александрович был убежден, что пройдут годы, десятилетия и про многие некогда «выдающиеся» теоретические труды, на которые была мода в 1970-е гг. (и позднее), никто не вспомнит, а добросовестно, профессионально выполненные публикации документов не устареют, займут достойное место в истории науки и будут служить образцом этого вида научно-исследовательской работы.

Они и служат. После кончины С. А. Никитина было издано немало трудов этого плана – в Институте славяноведения РАН, Института российской истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова. Среди них – «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы» (М., 2008), «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг. Сборник документов и материалов» (Самара, 2009), «Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.)» (М., 2010), «Москва – Сербия, Белград – Россия», Т. 1–2 (Белград – М., 2009–2011). Все эти публикации выполнены на тех же, «никитинских», принципах. И это тоже своеобразный памятник Сергею Александровичу, признание его научных и организаторских заслуг, вклада в отечественную историческую науку и историографию.

Значительную роль Сергей Александрович Никитин сыграл в расширении тематики Международных съездов славистов и включении в их программу докладов с исторической тематикой. Инициатором этого новшества был академик М. П. Алексеев, который в декабре 1955 г. обратился с письмами к ряду историков-славистов с предложением обсудить вопрос об участии историков в Московском съезде славистов 1958 г. В частности, он писал воронежскому профессору И. Н. Бороздину: «Хотя это будет съезд филологов, но и участие историков-славистов в нем очень желательно»²⁷. Однако съезд 1958 г. был еще чисто филологическим. В восстановлении давней традиции понимания славистики как комплекса гуманитарных дисциплин, неотъемлемой частью которого является история, большую роль сыграло координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, которое состоялось в конце января 1961 г. в Москве. На нем С. А. Никитин выступил с докладом «Задачи в организации работы по проблеме "Генезис капитализма, национально-освободительные движения, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах"». Ключевой в его выступлении стала мысль о том, что политическая и социальная история и исто-

рия культуры должны дополнять друг друга. Задача, поставленная Никитиным, требовала объединения усилий историков, культурологов, литературоведов, лингвистов. В 1963 г. на V Международном съезде славистов Сергей Александрович одним из первых выступил с докладом на историческую тему: «Русская дипломатия и национально-освободительное движение южных славян в 50–70-е гг. XIX в.». На следующем, VI Международном съезде славистов он сделал доклад «Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в.». С. А. Никитин участвовал в работе XII Международного конгресса исторических наук в Вене, коллоквиума Международной славянской комиссии в Париже и др. Широкое международное признание научных заслуг С. А. Никитина выразилось в том, что на Венском конгрессе историков он был избран вице-президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, а на Московском конгрессе историков в августе 1970 г. – президентом этой комиссии. Сергей Александрович являлся членом Комиссии историков СССР и Болгарии. За заслуги в укреплении советско-болгарского сотрудничества он был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Еще одним аспектом научной и научно-организационной деятельности С. А. Никитина являлось его активное участие в объединении историков-славистов Советского Союза и налаживании их сотрудничества с учеными славянских стран. Он был одним из инициаторов и организаторов Всесоюзных межвузовских научных конференций историков-славистов, проводившихся в СССР с целью развития и координации славяноведческих исследований, улучшения учебно-методической работы и подготовки кадров славистов. Всесоюзные межвузовские научные конференции историков-славистов способствовали росту профессионализма ученых в периферийных научных учреждениях, возникновению и развитию в них славистических центров.

Особое внимание Сергей Александрович уделял Воронежскому государственному университету, где с 1949 г. кафедре всеобщей истории возглавлял проф. И. Н. Бороздин, археолог, медиевист. Бороздин отправлял своих аспирантов, желавших заниматься историей южных и западных славян, на консультации в Москву к С. А. Никитину. Последний не только их консультировал, но и был оппонентом на защите их кандидатских диссертаций. Это были:

Н. Т. Сапронова, написавшая диссертацию о болгарском национальном и культурном деятеле Захарии Стоянове (впоследствии она стала доктором исторических наук), С. П. Боброва, исследовавшая социально-экономическую историю средневековой Сербии, Н. П. Мананчикова, чья диссертация была посвящена истории Дубровника XIII–XIV вв. В дружеских отношениях С. А. Никитин был и с заведующим кафедрой истории средних веков и зарубежных славян ВГУ А. Е. Москаленко, которому он передал часть своего архива²⁸.

Доктор исторических наук Д. Г. Песчаный, более 20 лет заведовавший кафедрой новой и новейшей истории Кубанского университета, также являлся учеником С. А. Никитина. Последний не только помог ему выбрать тему кандидатской диссертации («Россия и национально-культурное возрождение болгарского народа. 30–40-е гг. XIX в.»), но и выступил оппонентом на ее защите. Сергей Александрович оказал поддержку молодому ученому в создании в Краснодаре Центра исторической болгаристики. Сотрудники этого центра к 1991 г. опубликовали в советской и болгарской печати 185 трудов по указанной тематике²⁹.

Доктор исторических наук А. З. Нюркаева, в качестве аспирантки Никитина, защитила диссертацию «Положение сербского крестьянства в XIII–XIV вв.», а затем возглавила в Пермском государственном университете небольшой круг историков, занимающихся историей южных и западных славян.

С. А. Никитин помогал, чем мог, славистическим центрам, уже существовавшим в СССР. Тесные отношения сложились у него с доцентом В. П. Чорним, заведующим кафедрой истории славян во Львовском университете, с профессором С. И. Сидельниковым, заведующим кафедрой новой и новейшей истории Харьковского университета. И тот, и другой исследовали историю Болгарии 60–80-х гг. XIX в., и тот, и другой не раз участвовали в межвузовских конференциях историков-славистов. С. А. Никитин помог защитить докторские диссертации профессору Киевского университета В. А. Жебокрицкому («Болгария накануне и во время Балканских войн») и профессору Тбилисского университета К. С. Лилуашвили («Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия») ³⁰. В межвузовских конференциях принимали активное участие д.и.н. А. С. Бейлис из Львова, профессор Куйбышевского

пединститута Н. Н. Яковлев, д.и.н. А. С. Мыльников из Ленинграда и многие другие ученые.

Сергей Александрович Никитин вообще проявлял большое внимание к ученым, работавшим на периферии. И они высоко ценили это. «В конечном счете для С. А. Никитина, – пишет С. П. Боброва, – не было науки центра и периферии, была единая Наука, которой он отдавал талант – Ученого, силы – Учителя, способности – Организатора»³¹. С большой теплотой вспоминает о встречах с С. А. Никитиным украинский ученый из Дрогобыча доктор филологических наук М. А. Гольберг. «Сергей Александрович, – подчеркивает он, – заставил меня серьезно задуматься над многими вопросами, в первую очередь, над проблемой взаимодействия наук в славистическом комплексе... В моей памяти С. А. Никитин остался как воплощение подлинной интеллигентности, духовности, честного служения науке»³².

Активное участие принимал С. А. Никитин в общественной жизни нашей страны. В 1947–1957 гг. он входил в состав редколлегии издававшегося Славянским комитетом в СССР журнала «Славяне», являлся членом комиссии ученых по содействию Комитету борьбы за мир. В течение ряда лет он отдавал много сил и времени работе в Обществе советско-болгарской дружбы, являясь членом его Центрального правления.

Несомненной заслугой С. А. Никитина явилось то, что он сумел не только сохранить, но и передать своим ученикам лучшие традиции российского дореволюционного славяноведения: научную добросовестность, использование сравнительно-исторического метода, опору при выводах прежде всего на факты. Он стал как бы связующим звеном между дореволюционной и современной отечественной славистикой.

Сергей Александрович создал свою школу историков-славистов. Она стала складываться в 50–70-е гг. XX в. Тогда ее представителями были аспиранты, молодые сотрудники и начинающие преподаватели. В своем руководстве учениками Сергей Александрович исходил из двух важных принципов: научной значимости решаемых проблем и учета индивидуальных способностей и творческих интересов каждого.

К изучению Болгарии и русско-болгарских связей приступили в тот период ученики профессора Никитина – Н. В. Зуева, Е. М. Шато-

хина, А. А. Улунян, В. Д. Конобеев, И. В. Козьменко. Все они стали высокопрофессиональными учеными, чьи работы признаны и оценены не только в России, но и за рубежом. Н. В. Зуева и Е. М. Шатохина создали серию статей об отношении России к турецким реформам в европейских провинциях в 60–70-е гг. XIX в. с привлечением нового архивного материала, а также вели большую публикаторскую работу. А. А. Улунян стал автором нескольких монографий, освещающих историю Болгарии конца 70-х гг. XIX в. и русско-болгарские связи, в том числе книги «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия» (М., 1976). В последние годы своей жизни он плодотворно работал по созданию биобиблиографических словарей участников болгарского Возрождения, а также видных деятелей Болгарии от обретения ею независимости до Первой мировой войны. В. Д. Конобеев защитил докторскую диссертацию, посвященную болгарскому национально-освободительному движению в XIX в., а также стал автором ряда трудов о русско-болгарском военном сотрудничестве в 1877–1878 гг. и роли России в становлении независимого Болгарского государства. Свои многолетние изыскания по болгарской истории XIX в. И. В. Козьменко обобщила в монографии «Русская дипломатия и формирование болгарской государственности после освобождения» (София, 1983).

В начале 1960-х гг. аспиранткой С. А. Никитина стала Л. В. Горина, ныне профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, автор более 100 научных работ. Тринадцать ее учеников уже стали кандидатами, а трое защитили докторские диссертации. Начав с исследования социально-экономических отношений во Втором Болгарском царстве, Л. В. Горина впоследствии приступила к изучению жизни и деятельности видного историка Марина Дринова и написала о нем монографию. Среди учеников С. А. Никитина был и молдавский историк-болгарист К. А. Поглубко. Он много работал в архивах, и результатом его деятельности стали многочисленные статьи, монографии, публикации – об обучении болгар в России, участии выходцев из Болгарии в русском революционном движении и др.

Наряду с подготовкой историков-болгаристов С. А. Никитин сыграл большую роль в становлении отечественной югославистики. По этому поводу югославский историк М. Экмечич писал: «С. А. Ни-

китин был духовным отцом многочисленного московского центра по изучению югославистических проблем, в составе которого более 50 ученых своими научными исследованиями оказывают влияние на формирование представлений об истории югославянских народов во всей Восточной Европе и значительной части остального мира»³³. Под руководством Сергея Александровича начали свой путь в науке многие видные ученые-югослависты. К их числу относится В. Г. Карасев, по мнению многих, любимый ученик профессора Никитина. Он вошел в историю отечественного славяноведения как автор целого ряда работ о сербских революционных демократах С. Марковиче и Ж. Жуевиче, о русско-сербских связях, разделов в коллективных трудах по истории Югославии. Как и его учитель, В. Г. Карасев стал профессором, заведующим кафедрой истории южных и западных славян истфака МГУ, создал свою школу историков-югославистов, подготовив 16 кандидатов и 8 докторов наук.

Под научным руководством Никитина окончила аспирантуру д.и.н. Н. И. Хитрова, специалист по истории Черногории и русско-черногорских связей в XIX – начале XX вв., автор многочисленных статей, публикаций документов, разделов в коллективных трудах и двух монографий по этой проблематике. К. Л. Струкова, также аспирантка Сергея Александровича, сначала занималась историей Болгарии, затем перешла к изучению македонских земель во второй половине XIX в. и написала об этом монографию. Из школы С. А. Никитина вышла В. М. Хевролина, специалист по истории русско-балканских связей второй половины XIX в. В ее статьях и монографиях освещаются важнейшие проблемы: участие русских народников в национально-освободительной борьбе на Балканах, Восточный кризис 70-х гг. XIX в., отношение различных слоев русского общества к балканскому вопросу, роль русских дипломатов (Н. П. Игнатьева и др.) в проведении внешнеполитического курса России.

Среди учеников-югославистов С. А. Никитина были также доктора наук Е. П. Наумов и В. П. Грачев. В своих кандидатских диссертациях они исследовали социальные отношения и государственный строй Сербии в средние века. Впоследствии Е. П. Наумов продолжил свои изыскания в данной области, а В. П. Грачев стал исследователем Первого сербского восстания 1804–1813 гг.: его предыстории, причин, хода военных действий, русской помощи сербским пов-

станцам. Он написал несколько монографий на эту тему. Ученица С. А. Никитина д.и.н. И. В. Чуркина стала специалистом по истории южных славян в средние века и в XIX в. Особое внимание она уделяла исследованию истории и истории культуры словенцев, о чем ею написаны пять монографий и более 250 статей.

Профессор МГУ Л. П. Лаптева не была ни студенткой, ни аспиранткой С. А. Никитина, однако, по ее собственному признанию, именно его она считает своим учителем. Работы Сергея Александровича, общение с ним стали лучшей научной школой для Л. П. Лаптевой, автора около 700 трудов, в том числе 28 монографий. Среди них исследования по средневековой истории Чехии, истории лужицких сербов, русско-славянским научным связям, истории российского славяноведения. 25 учеников Л. П. Лаптевой защитили кандидатские и 8 учеников – докторские диссертации.

В год смерти (1979) С. А. Никитина среди его учеников было 9 докторов и 25 кандидатов исторических наук³⁴. Его роль как учителя очень емко охарактеризовал Н. Тодоров: «Благодаря его поощрению и поддержке несколько десятков советских исследователей смогли утвердиться как талантливые слависты и посвятить себя изучению истории славянских народов. Среди его учеников немало болгарских, чехословацких, польских и румынских исследователей»³⁵.

Как учитель С. А. Никитин отличался строгостью. По воспоминаниям д.и.н. И. В. Чуркиной, ему было достаточно взглянуть на провинившегося или сказать всего несколько слов, чтобы человек осознал свою ошибку – будь то неточное приведение исторического факта в работе, или же недостаточно обоснованный вывод. «Страх перед оценкой учителя всегда незримо присутствовал у меня вплоть до его кончины», – добавляет исследовательница. Хвалебные оценки С. А. Никитина отличались лаконичностью: «это пойдет», «приемлемо», «занимательно». Особенно раздражала Сергея Александровича неряшливость в приведении и интерпретации фактов, которые он считал основой исторического исследования. Из учеников наибольшим доверием у С. А. Никитина пользовался В. Г. Карасев. Именно он посоветовал Сергею Александровичу, когда об этом встал вопрос, остаться не в МГУ, а в Институте славяноведения, и Никитин к нему прислушался и поступил именно таким образом. Иногда Сергея Александровича упрекали в равнодушии к своим

ученикам, в том, что он не помог некоторым из них написать диссертации. Однако у профессора Никитина был принцип: к вершинам науки нельзя доставлять на фуникулере, и каждый, избравший научную стезю, должен очень много трудиться, даже если у него выдающиеся способности, иначе из него никогда не получится настоящий ученый.

«Я не была ни студенткой, ни аспиранткой С. А. Никитина, – вспоминает д.и.н. С. И. Данченко, – но мне посчастливилось работать с ним в одной «команде» в последние 8 лет его жизни – с 1971 г. по 1979 г., когда я пришла на работу в Институт славяноведения и балканистики. В 70-е гг. под руководством профессора Никитина интенсивно трудился сплоченный интернациональный коллектив ученых из СССР, Чехословакии и Югославии, задачей которого была публикация архива протоиерея М. Ф. Раевского, имевшего обширные связи среди зарубежных славянских народов. В связи с подготовкой к печати первого тома этого издания – «Зарубежные славяне и Россия» – мне, младшему члену рабочей группы, довольно часто приходилось встречаться с Сергеем Александровичем, выполнять его задания как ответственного редактора и даже бывать у него дома. Особенно мне запомнилась одна наша встреча, когда я принесла ему какие-то материалы для комментирования, а также выделенную для него профкомом Института путевку в пансионат «Звенигородский». Встретил он меня радушно, напоил чаем с шоколадными конфетами, а затем вдруг предложил обсудить с ним мои первые немногочисленные статьи. Я была потрясена, что при своей занятости профессор Никитин нашел время их прочитать. Да, это обсуждение и этого рецензента я запомнила на всю жизнь! Не думая о моем самолюбии, тихим голосом, но твердо и очень аргументированно, Сергей Александрович говорил о сильных и слабых сторонах моих статей. При этом он несколько раз повторил, что ни один вывод ученого не должен быть голословным, и что уже в начале научного пути каждый историк должен вырабатывать свой собственный стиль изложения материала. А для этого, по убеждению Сергея Александровича, необходимо как можно больше читать – не менее 300 страниц текста в день! – и внимательно изучать стиль ученых девятнадцатого века – Ключевского, Соловьева, Николая Попова. Помню, как меня тогда поразила эта цифра, казавшаяся мне запредельной. Скажу честно, мне редко удавалось выполнить эту «рекомендацию», но

всякий раз, когда число прочитанных мною за день страниц приближалось к этой цифре, я вспоминала Сергея Александровича, его исключительно правильную речь, сдержанную манеру общения, весь его облик «русского профессора из девятнадцатого века», всецело преданного науке».

Три события – арест 1930 г., отказ печатать его книгу и попытка обвинить его в космополитизме – оказали большое влияние на характер Сергея Александровича, сдержанный и очень закрытый. Следует отметить еще одну черту характера С. А. Никитина: никогда, даже в самые сложные моменты своей жизни, он не старался облегчить свою участь или получить какие-нибудь преимущества с помощью доносов. Эта черта характеризует ученого как человека высокой порядочности, очень важной для настоящего ученого, ибо непорядочность в человеческих отношениях неизбежно ведет к непорядочности в науке, стремлению подтвердить свои концепции с помощью выпячивания одних фактов и умолчанию других, не соответствующих этой концепции.

Завершая рассмотрение научной деятельности профессора Никитина, следует подчеркнуть, что его вклад в развитие отечественного славяноведения трудно переоценить, ибо во многих его областях он был первопроходцем. Научное наследие С. А. Никитина насчитывает около 300 больших и малых работ. И главное их значение в том, что они и сейчас востребованы, к ним обращаются молодые исследователи и студенты. Его труды – это классика, они по-прежнему поражают своей документальной базой и захватывающим повествованием о далекой эпохе, богатой событиями и личностями.

Благодаря активной научной и преподавательской деятельности Сергея Александровича в отечественном славяноведении сложилось научное направление по изучению связей народов России и балканских стран. Опосредованное влияние С. А. Никитина на историческую науку продолжается и сегодня, так как его мысли, идеи, концепции, методы исследования материала продолжают развивать его ученики, ученики его учеников и совсем молодые историки-слависты, представители научного поколения уже XXI в. И это, безусловно, свидетельствует о большом значении научного наследия профессора Никитина.

Примечания

¹ Горина Л. В., Чуркина И. В. С. А. Никитин // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1992. С. 5.

² Хвостов В. М., Нарочницкий А. Л., Валев Л. Б., Писарев Ю. А., Карасев В. Г. Профессор Сергей Александрович Никитин // Славяне и Россия. М., 1972. С. 3–11; Зуева Н. В., Данилова Н. П. Юбилей видного советского ученого С. А. Никитина // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 112–113; Хвостов В. М., Нарочницкий А. Л., Писарев Ю. А. Профессор Сергей Александрович Никитин // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 199–203; Matula V. S. A. Nikitin 70-ročny // Historicky časopis. Bratislava, 1971. N 2. S. 312; Todorov N. Le professeur S. A. Nikitin // Etudes balkaniques. Sofija, 1971. N 1. P. 150–153; Боброва С. П. Сергей Александрович Никитин (из истории советского славяноведения) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1972. С. 97–112; Фрейдзон В. И., Чуркина И. В. Исследования С. А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 11–19; Боброва С. П. Об исследовательской методике С. А. Никитина // Славяне и Россия. С. 20–26; Екмеčić М. Sergej Aleksandrović Nikitin // Jugoslovenski časopis. Beograd, 1980. N 1–2. S. 230–231; Чуркина И. В. Сергей Александрович Никитин // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 46–56; Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992. Статьи: а) Горина Л. В., Чуркина И. В. С. А. Никитин; б) Горяинов А. Н., Петровский Л. П. Неизвестная страница биографии С. А. Никитина (По материалам ОГПУ начала 1930-х гг.); в) Чуркина И. В. Неизданная книга С. А. Никитина; г) Горина Л. В. Средневековая Болгария в творчестве профессора С. А. Никитина; д) Билунов Б. Н. Болгарское возрождение в трудах С. А. Никитина; е) Кузьмичева Л. В. Сербская проблематика в трудах С. А. Никитина; ж) Боброва С. П., Таранова В. Г. С. А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете; з) Хевролина В. М. С. А. Никитин и издание документов; и) Вартамян Э. Г. С. А. Никитин и развитие исторической славистики на Кавказе; к) Тодоров Н. (Болгария) Профессор С. А. Никитин; л) Экмечич М. (Югославия) Сергей Александрович Никитин (1901–1979); Данченко С. И., Чуркина И. В. Сергей Александрович Никитин (1901–1979) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 323–337; Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. Статьи: а) Данченко С. И., Чуркина И. В. Научная деятельность С. А. Никитина; б) Горина Л. В. С. А. Никитин – заведующий кафедрой истории южных и западных славян (1947–1961); в) Досталь М. Ю. С. А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ; г) Карасев А. В. Профессор С. А. Никитин и В. Г. Карасев – учитель и ученик; д) Воробьева И. Г. С. А. Никитин о деятельности историка-слависта Н. А. Попова; е) Гольберг М. А. «Со свиданьем».

³ Толстой С. Л. В Астапове // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1978. С. 444, 447, 449.

⁴ Никитин С. А. Воспоминания о гимназических годах (публикация А. Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 120–142.

⁵ Никитин С. А. Очерки по истории профессиональной печати в России // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 2. С. 141–158; М., 1925. Сб. 3. С. 43–59.

- ⁶ *Билунов Б. Н.* Болгарское возрождение ... С. 49.
- ⁷ *Горяинов А. Н., Петровский Л. П.* Неизвестная страница ... С. 13.
- ⁸ Там же. С. 16–18.
- ⁹ Там же. С. 19.
- ¹⁰ Источниковедение истории СССР. Т. II: XIX век. М., 1940.
- ¹¹ *Досталь М. Ю.* С. А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом ... С. 30–45; *она же.* Как Феникс из пепла ... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 104–112.
- ¹² *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла ... С. 112.
- ¹³ *Никитин С. А.* Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 года // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах; *он же.* Письмо Огарева Бакунину // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956; *он же.* Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Славянский архив. М., 1959 и др.
- ¹⁴ *Чуркина И. В.* Неизданная книга С. А. Никитина. С. 22–23.
- ¹⁵ *Экмечич М.* Сергей Александрович Никитин. С. 93.
- ¹⁶ Тодоров Н. Профессор С. А. Никитин. С. 91.
- ¹⁷ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- ¹⁸ *Никитин С. А.* Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1952. № 1. С. 134.
- ¹⁹ История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 70.
- ²⁰ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян ... С. 318.
- ²¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. М., 1961–1967.
- ²² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975.
- ²³ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Т. 1–2. М., 1980–1983.
- ²⁴ Югословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Рајевског. 40–80. година XIX века. Т. II. Књ. 1. Београд, 1989.
- ²⁵ *Cesty na východ. Češi v korespondenci M. F. Rajevského.* Ed. Vratislav Doubek. Praha, 2006.
- ²⁶ *Хевролина В. М.* С. А. Никитин и издание документов. С. 68.
- ²⁷ *Боброва С. П., Таранова В. Г.* С. А. Никитин и историческая славистика ... С. 77.
- ²⁸ Там же. С. 72–75.
- ²⁹ *Вартамян Э. Г.* С. А. Никитин и развитие исторической славистики ... С. 82–83.
- ³⁰ Там же. С. 84.
- ³¹ *Боброва С. П.* Об исследовательской методике С. А. Никитина ... С. 80.
- ³² *Гольберг М. А.* «Со свиданьем!» С. 83.
- ³³ *Экмечич М.* Сергей Александрович Никитин. С. 94.
- ³⁴ *Горина Л. В., Чуркина И. В.* С. А. Никитин. С. 9.
- ³⁵ *Тодоров Н.* Профессор С. А. Никитин. С. 91.

А. Н. Горяинов
(Институт славяноведения РАН, Москва)

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ И НАЧАЛО НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ С. А. НИКИТИНА

Автор помнит крупного отечественного историка-слависта Сергея Александровича Никитина как профессора и заведующего кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, на которой учился в 1947–1952 гг. В отличие от других профессоров и преподавателей, Сергей Александрович был окружен как бы некоторой загадочностью. Вокруг него на кафедре кипели страсти, о нем ходили разные, порой даже ужасные, на взгляд студентов, слухи, а он, как казалось, совсем не обращал на них внимания. Почему Никитин молчал, когда его обвиняли в таких страшных, по тем временам, грехах, как буржуазный объективизм и политическая индифферентность? Почему не являлся членом партии, что было тогда почти обязательным для профессора истфака? На эти вопросы не находилось ответа ни при жизни мэтра, ни в течение нескольких лет после его кончины. Загадка, быть может, лежала в каких-то давних событиях, но о начале творческой биографии ученого было известно до обидного мало. Обычно научное творчество С. А. Никитина более или менее подробно рассматривалось лишь с момента прихода ученого на кафедру истории южных и западных славян Московского университета. О его предыдущей научной деятельности сообщают лишь сухие перечни работ в библиографиях¹, причем при просмотре списков обращает на себя внимание одна странность: за период 1928–1936 гг. в них фигурирует только одна рецензия С. А. Никитина, да и то подписанная псевдонимом².

В связи с почти полным отсутствием материалов о молодых годах ученого автор настоящей работы поставил своей целью разыскать хотя бы самые минимальные сведения о семье, в которой прошло становление личности С. А. Никитина. На занятия этой темой его однажды натолкнул ученик Сергея Александровича профес-

сор В. Г. Карасев, обмолвившийся, что дядя Никитина был личным врачом Л. Н. Толстого. Захотелось выяснить, есть ли какие-нибудь материалы об этом враче и как они могут помочь в изучении молодости маститого историка. Разыскания привели к интересным и неожиданным находкам, связанным с юностью Сергея Александровича. А в связи с 90-летием со дня рождения ученого коллеге автора Л. П. Петровскому удалось изучить некоторые не известные ранее его биографам архивные материалы о С. А. Никитине и сделать из них подробные выписки. Материалы Петровского легли в основу совместного сообщения на научной конференции «Россия и славяне», опубликованного в 1992 г.³ Таким образом, все более ясно вырисовывалась картина событий, определивших становление С. А. Никитина как человека и ученого. Ниже подводятся итоги проведенным разысканиям.

Для получения сведений о враче Никитине естественно было обратиться в Государственный музей Л. Н. Толстого. Это обращение сразу же дало положительный результат: в музее нашлись ценнейшие материалы о Никитиных. Хотя они преимущественно относятся к дяде Сергея Александровича, в документах рассеяны крупницы различных сведений и о других членах семьи. Имеющиеся материалы интересны, в частности, потому, что раскрывают взгляды личного врача Толстого, во многом созвучные убеждениям Сергея Александровича Никитина.

Врач Дмитрий Васильевич Никитин родился 14 сентября 1874 г. в селе Дмитровский Погост Егорьевского уезда Рязанской губернии в многодетной семье. Его отец, дед Сергея Александровича, был сельским священником, а мать – учительницей французского и английского языков. Родители Дмитрия Васильевича принадлежали к сельской интеллигенции. Являясь потомственными сельскими жителями, они получили хорошее образование: о. Василий Никитин окончил сначала духовную семинарию, а затем Московскую духовную академию⁴, его жена, завершив обучение в пансионе князя Волконского в Зарайске⁵, в 1856–1858 гг., до замужества, преподавала в этом пансионе⁶.

В семье и 1-й рязанской мужской классической гимназии, которую Дмитрий окончил с золотой медалью⁷, он получил отличное воспитание, изучил французский, английский и немецкий языки. Затем Д. Никитин стал студентом медицинского факультета Мос-

ковского университета, где проявил склонность к научной работе⁸, там сформировались также его демократические убеждения. В 1897 г. молодой Никитин получил университетский диплом, а в следующем году поехал в качестве врача-консультанта на строительство Павелецкой железной дороги, где изучал условия работы, быт и состояние здоровья рабочих (впоследствии впечатления от этой поездки он изложил в журнале В. Г. Короленко «Русское богатство»)⁹.

Недолгая работа земским врачом в Рязанской губернии сразу после окончания университета убедила молодого медика в том, что он еще недостаточно подготовлен к самостоятельной врачебной деятельности. Дмитрий Никитин уехал в Москву и стал ординатором в клинике известного русского терапевта А. А. Остроумова. Весной 1902 г. он успешно завершил ординатуру, поверил в свои силы и, видимо, решил заняться частной практикой¹⁰. Однако как раз тогда Д. В. Никитин получил приглашение стать домашним врачом Л. Н. Толстого, который по настоянию медиков жил в это время в Крыму, в Гаспре, и которого там преследовали различные болезни.

Никитин хорошо понимал ответственность, ложившуюся на него в случае принятия предложения. Он знал также от своих коллег, лечивших ранее Л. Н. Толстого, что тот недоверчиво и во многом негативно относится к медицине. В то же время Дмитрий Васильевич дважды видел Льва Николаевича, и тот произвел на него неизгладимое впечатление. По свидетельству близкого знакомого семьи Толстых В. А. Дунаева, Никитин «был очень рад поехать, так как любит Льва Николаевича и очень ценит его»¹¹. Ответ на лестное для него предложение Никитин дал не сразу. Предварительно он советовался с матерью, приехавшей в Москву, и с другими родственниками¹², а также, видимо, с пользовавшимися доверием Л. Н. Толстого врачами и другими коллегами.

30 марта 1902 г. Дмитрий Васильевич прибыл в Гаспру и, как пишет Г. А. Кулижников, «довольно-таки быстро обрел авторитет своего знаменитого, но не очень-то послушного пациента»¹³. Впрочем, С. А. Толстая признала его за своего человека не сразу. В первые дни пребывания у Толстых Дмитрия Васильевича она характеризовала его в своем дневнике как «довольно легкомысленного» человека¹⁴, а затем между ней и Никитиным, в связи с настоятельным желанием Софьи Андреевны немедленно перевезти мужа в Ясную Поляну, возник конфликт: врач Толстого считал «такую поспеш-

ность ненужной и даже опасной...». В результате Никитин заявил, что проводит Толстых в их имение, а спустя 3–4 дня «уедет совсем», однако отказался от этого намерения, приняв извинения Софьи Андреевны. «Меня очень тронула прямота С. А. и то, что она не постеснялась признаться в своей неправоте, мы помирились, и я остался...», – пишет Д. В. Никитин в своих неопубликованных воспоминаниях¹⁵.

Д. В. Никитин сравнительно быстро стал своим в семье Толстых. Он познакомился и подружился также со многими людьми, окружавшими великого писателя или бывавшими у него, в том числе с М. Горьким (которого тоже лечил в Крыму), А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреевым, Ф. И. Шаляпиным, В. В. Стасовым, А. Ф. Кони, А. Б. Гольденвейзером. Писатель С. Г. Петров (Скиталец) набросал в своих воспоминаниях живой портрет Никитина. «Тогдашний домашний врач (Л. Н. Толстого. – А. Г.), Никитин, частенько заходил ко мне [...], – вспоминал Скиталец. – Мало-помалу мы подружились с этим симпатичным юношей, каким он тогда был: по внешности Никитин походил больше на студента последнего курса, чем на врача [...].»¹⁶.

Дмитрий Васильевич успешно выполнял свои врачебные обязанности, и Лев Николаевич высоко ценил его знания и опыт. «Он очень внимательный человек и знает все, что знает теперь медицина», – писал 5 июня 1903 г. Толстой брату Сергею¹⁷. В свободное время Д. В. Никитин помогал Толстому в переписке рукописей, выполнял отдельные секретарские дела, вел амбулаторный прием крестьян. Помощь крестьянам вызвала негативную реакцию местных властей, потребовавших от Никитина представления медицинской отчетности. Соответствующая переписка была прекращена только после отъезда Дмитрия Васильевича из Ясной Поляны¹⁸.

В начале 1903 г. серьезно заболела мать Д. В. Никитина, и 1 февраля он надолго уехал в Дмитровский Погост. Похоронив мать, Дмитрий Васильевич снова вернулся к Толстым¹⁹, но вскоре уехал совершенствоваться в Париж, где посещал лекции и знакомился с клиниками широко известных в медицинском мире профессоров Видаля и Шеффера, выезжал в Англию, где встречался с В. Г. Чертковым и П. А. Кропоткиным. У Кропоткина собрались русские революционеры, и все собравшиеся отмечали Новый год по старому стилю, причем хозяин был очень любезен и много говорил о по-

литике, предсказав, между прочим, скорое начало русско-японской войны²⁰.

Впоследствии Дмитрий Васильевич, любивший путешествовать, побывал во многих странах и часто писал из них Толстым о своих впечатлениях. Он отмечал характерную для западноевропейских государств высокую культуру населения, умение людей работать, изящество и остроумие французов, основательность, простоту и любовное отношение к детям немцев. В Париже Никитин усердно знакомился с музеями, посещал выставки. Он писал С. А. Толстой во время первого посещения французской столицы, что в Лувре или Люксембургском дворце «не замечаешь, как проходит время». Передавая свои впечатления о выставке французских художников начала XX в., Дмитрий Васильевич показал, что хорошо разобрался в манере их живописи, но отметил, что она ему не понравилась. «[...] Большинство картин, – писал он, – декадентские; краски какие-то необыкновенные: лица зеленоватые или желтоватые, какие-то экзотические платья, и все это окутано каким-то лиловым туманом и сделано очень грубыми мазками; кроме того, конечно, *le nu*^{*} играет большую роль»²¹. В канун Первой мировой войны Д. В. Никитин оказался в командировке в Германии. «Я вижу, что можно не любить немцев, – писал он из Берлина дочери Л. Н. Толстого Александре Львовне, – но нельзя их не уважать»²². Вернувшись в феврале 1904 г. в Ясную Поляну, Никитин пришел вскоре к решению расширить рамки своей врачебной деятельности. Он претендовал на вакантное место врача в Тульской земской больнице, где смог бы продолжать «быть полезным» Л. Н. Толстому и его семье. Однако в результате «интриг в Туле»²³ Д. В. Никитин был, видимо, признан неблагонадежным (сохранился запрос Тульского губернского жандармского управления губернатору с просьбой сообщить сведения о враче)²⁴, и в результате не был избран земством. Пришлось обосноваться в Звенигороде, где Дмитрию Васильевичу была предоставлена должность старшего врача местной больницы. В этом, как он писал С. А. Толстой, «маленьком, но прекрасном городе»²⁵ Д. В. Никитин проработал свыше 20 лет. Здесь он не только практиковал как врач, но и вел научную работу в области бактериологии – одним из первых начал применять прививки против скарлатины, готовил по

* *Le nu* – нагота (франц.)

этому «чрезвычайно важному, по его общественному и научному значению», вопросу²⁶ доклад к всероссийскому Пироговскому съезду врачей.

И во время работы в Звенигороде, и позднее Дмитрий Васильевич постоянно поддерживал связи с семейством Толстых, иногда гостил у них в Ясной Поляне. Он называл «счастливым» время, проведенное под одной кровлей с Л. Н. Толстым, которое оценивал как «несколько лучших лет моей жизни»²⁷. Как отмечал в своих воспоминаниях сын Л. Н. Толстого Сергей Львович, «Дмитрий Васильевич был другом нашей семьи» и «при каждом заболевании отца с готовностью приезжал в Ясную Поляну [...]. Он лечил отца и в предсмертной его болезни»²⁸.

Накануне первой годовщины смерти Толстого в газете «Русские ведомости» появились воспоминания Д. В. Никитина «Последние дни Л. Н. Толстого». Они получили впоследствии широкую известность и неоднократно перепечатывались в посвященных Льву Николаевичу сборниках²⁹. Корреспондент «Русских ведомостей», побывавший в траурный день в Ясной Поляне, отметил, что на собравшихся в имении Толстого родственников и друзей писателя «особенно сильное впечатление произвела статья доктора Никитина. Слушатели, следя за его рассказом, еще раз переживали астаповские дни»³⁰.

В 1916 г. Дмитрий Васильевич, которому было «как-то совестно сидеть в тылу»³¹, в качестве врача отправился добровольцем на Западный фронт, но скоро был ранен и вернулся в Звенигород. Он восторженно встретил Февральскую революцию, стал активно работать в органах новой власти как товарищ (т.е. заместитель) комиссара Временного правительства по Звенигородскому уезду, поддерживал правительственный курс на продолжение военных действий. Октябрьский переворот Д. В. Никитин в письмах к Толстым считал причиной «ужаса, который всех нас окружает»³². Он писал, что под властью большевиков «Россия пропала навсегда и стала рабой Германии, которая вправе теперь смотреть на нас действительно как на славянский народ для удобрения немецких нив»³³.

В 1924–1929 гг. Дмитрий Васильевич пытался перебраться в Москву, но закрепиться на работе в столице ему не удалось. Лишь в 1929 г. Д. В. Никитин смог занять никак не соответствовавшую его опыту и знаниям должность ординатора московской Бабухинской

(бывшей Старо-Екатерининской) больницы. Впрочем, он, очевидно, показал себя там с самой лучшей стороны, поскольку вскоре стал старшим научным сотрудником созданного на базе больницы Московского клинического института, а в конце 1931 г. по просьбе М. Горького получил командировку в Италию и два с половиной месяца пробыл в Сорренто, где лечил писателя³⁴.

После возвращения из-за границы Д. В. Никитин был арестован и в октябре 1933 г. сослан на четыре года в Архангельск. Как предполагает ученик Дмитрия Васильевича Г. А. Кулижников, ссылка была связана с темами бесед между Горьким и Никитиным. «За возможную опасность этих тем Никитин, видимо, и пострадал», – пишет Кулижников³⁵. В Архангельске ссыльный Никитин работал в больницах и показал себя прекрасным врачом. По истечении срока ссылки, который, как он пишет, оканчивался в феврале 1936 г.³⁶, Дмитрий Васильевич решил остаться в Архангельске, где в декабре 1932 г. открылся медицинский институт. В 1936 г. в институте была организована кафедра инфекционных болезней, и Д. В. Никитина избрали ее заведующим, а через три года ему было присвоено звание доцента. Г. А. Кулижников, слушавший лекции Никитина в 1939/40 учебном году, вспоминает о нем как о лекторе несколько старомодного облика, но вызывавшем уважение слушателей с первого взгляда. Читал Дмитрий Васильевич без конспектов, «строго академично и настолько четко, что при желании его лекции можно было записывать почти что дословно»³⁷. «Его эрудиция поражала, – пишет Кулижников. – Мы прозвали его “ходячей энциклопедией”. Он [...] стал нашим кумиром»³⁸. Вместе с тем, по словам Кулижникова, «по натуре своей Дмитрий Васильевич был [...] врачом-практиком»³⁹, и все его исследования имели научно-прикладной характер.

Когда осенью 1940 г. отмечалось 30-летие со дня смерти Л. Н. Толстого, Дмитрий Васильевич выступил с воспоминаниями о великом писателе, но его доклад разочаровал студентов отсутствием, помимо чисто литературных, иных сюжетов. «Впечатление было такое, – вспоминает Кулижников, – что он побаивался говорить лишнее, а тем более как-то афишировать свои связи с Толстым и его семейными [...]»⁴⁰. Впрочем, в неофициальной обстановке Д. В. Никитин был более словоохотлив. Среди собранных Г. А. Кулижниковым и приложенных к его работе мемуаров учеников Дмитрия Ва-

Васильевича есть краткие воспоминания Т. Л. Комоликовой, по словам которой, она несколько раз по договоренности с заведующим кафедрой собирала у себя дома знакомых врачей, и Никитин рассказывал им о Толстом. «Он всегда говорил о нем с каким-то благоговением, считал, что это – титан, который рождается раз в столетие», – пишет мемуаристка⁴¹.

В годы Отечественной войны 1941–1945 гг. Дмитрий Васильевич Никитин напряженно работал. В 1944 г. мединститут торжественно отметил его 70-летие, впоследствии ему был присвоено звание «Отличник здравоохранения». В январе 1954 г. после тяжелой болезни Д. В. Никитин вышел на пенсию, получил инвалидность и переехал к родным в Москву. Здесь он скончался 9 января 1960 г. и был похоронен на Востряковском кладбище.

Дмитрий Васильевич Никитин имел двух сестер и трех братьев. Из братьев старше Дмитрия были Николай и Александр, младше – Валериан. О Николае нам известно, что он скончался в 1924 г.⁴² Валериан, как сообщал Д. В. Никитин в 1959 г. рязанскому краеведу С. П. Шульгину в одном из писем⁴³, был сельским учителем, долго болел и умер в возрасте около 40 лет. Видимо, именно к нему в 1903–1905 гг. Дмитрий Васильевич совершал поездки в Дмитровский Погост, о которых неоднократно упоминает в письмах к Толстым. Сестра Екатерина «была замужем в Петербурге и умерла там от голода» вместе с двумя своими детьми⁴⁴. Немного больше известно о сестре Лидии (в замужестве Булатовой). Она жила в Москве, на Большой Полянке, у нее в дореволюционные годы Дмитрий Васильевич обычно останавливался во время поездок в столицу. У Лидии Васильевны была дочь Людмила Андреевна Воскресенская, с которой Г. А. Кулижников беседовал при подготовке биографии Д. В. Никитина. Перебравшись в Москву, Никитин жил сначала на «оставшейся от сестры» площади в коммунальной квартире, и лишь в 1958 г. обрел собственное жилье⁴⁵.

О брате Дмитрия Васильевича Александре, отце С. А. Никитина, некоторые первоначальные сведения содержатся в письме Л. Н. Толстому от 1 марта 1902 г. близкого знакомого Толстых В. А. Дунаева. Характеризуя Д. В. Никитина как умного, спокойного, обстоятельного человека и не новичка в своем деле, он отмечал, что в предлагаемом им кандидате «есть некоторая кривинка: он попович, и брат его

даже поп; но по свидетельству Михайлова, с которым он вместе учит в одном из учебных заведений, поп он очень добропорядочный [...]»⁴⁶.

Как известно, Лев Николаевич Толстой резко критиковал казенную церковь и ее служителей, и Дунаев не мог не предупредить писателя о принадлежности его будущего врача к духовному сословию. Вместе с тем он передал Толстому положительное мнение об отце Сергея Александровича последователя и хорошего знакомого Толстого художника Константина Анемподистовича Михайлова, преподававшего в ряде учебных заведений Москвы. Поскольку имя «попа» в письме Дунаева не было названо, следовало выяснить, где и вместе с кем преподавал К. А. Михайлов. Это удалось сделать при просмотре адресной книги «Вся Москва» за 1902 г.⁴⁷, в которой Михайлов числится преподавателем Николаевского сиротского института – одного из благотворительных учреждений, занимавшихся призрением, воспитанием и обучением девочек-сирот. Среди коллег Михайлова назван Александр Васильевич Никитин, магистр богословия, преподаватель Института и одновременно священник церкви Святой Екатерины Великомученицы при нем. Кроме службы в благотворительном учреждении, А. В. Никитин был членом общественной благотворительной организации – «Общества вспомоществования воспитанницам Николаевского сиротского института», что также отмечено в адресной книге. В аналогичной книге на 1917 г. А. В. Никитин снова упоминается как преподаватель и священник Сиротского института, но он уже протоиерей⁴⁸.

Что С. А. Никитин был сыном протоиерея А. В. Никитина, подтверждает еще один, весьма неожиданный источник – «дело» Никитина, обнаруженное Л. П. Петровским в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (Д. Р–34558)⁴⁹. Об истории ареста С. А. Никитина, следствии по «делу» и его результатах будет подробно рассказано ниже.

Здесь отметим только, что, отвечая на вопросы следователя, С. А. Никитин перечислил родственников: покойного отца, «преподавателя, позднее священника», мать Глафиру Северьяновну 58 лет, брата Николая 36 или 37 лет и сестру Екатерину 32 лет (оба – сотрудники московских научных учреждений), а также дядю Дмитрия Васильевича Никитина, врача Бабухинской больницы⁵⁰.

Как следует из воспоминаний Е. А. Никитиной⁵¹, в 1930 г. главы семейства Никитиных уже не было в живых, он скончался до 1925 г. Глафира Северьяновна умерла после тяжелой болезни в 1942 г. на руках у Сергея Александровича, его брат Николай (1893–1972), физик, и сестра Екатерина, химик, стали докторами наук и профессорами, оба они, как и Сергей Александрович, возглавляли кафедры в высших учебных заведениях – Энергетическом и 2-м Московском медицинском институтах.

До Октября 1917 г. семейство Никитиных жило не слишком богато, но в достатке. С. А. Никитин сообщил следствию, что «недвижимости никогда не имел»⁵². Он, однако, вынужден был признать, что в 1917 г. у него были сбережения в две тысячи рублей и что его родители арендовали 5-комнатную дачу с десятиной земли⁵³.

Именно на эту дачу родители, по всей вероятности, в детстве «летом Сергея Александровича вывозили на воздух» вместе с братом и сестрой⁵⁴.

Отец Сергея Александровича, Александр Васильевич Никитин, в отличие от многих других духовных лиц, был прогрессивно мыслящим человеком. Сменивший Д. В. Никитина на посту врача Толстого Д. Маковицкий записал 24 декабря 1906 г., во время первой русской революции, что Лев Николаевич расспрашивал приехавшего в Ясную Поляну своего бывшего доктора о его брате-священнике. Тот ответил, что брата «огорчают убийства», но он «признает и что-то доброе в революции», поскольку «некоторые старые порядки нельзя удержать». В ответ Толстой сказал об Александре Васильевиче, с взглядами которого был уже, видимо, хорошо знаком по предыдущим рассказам Дмитрия Васильевича, что преподаватель Сиротского института – «исключительный экземпляр», не принадлежащий ни к какому политическому направлению и ни к одной политической партии, но воплощающий «без всякого усилия» «редкий признак разумности»⁵⁵.

Отмеченные выше взгляды отца, его приверженность христианству, его благотворительная деятельность неизбежно должны были повлиять на формирование взглядов Сергея Александровича Никитина. Не могло не сказаться на их становлении и мировоззрение Дмитрия Васильевича, жившего вместе с племянником в первые годы его творческой деятельности⁵⁶.

Д. В. Никитин, как это видно из его писем и работ о нем, придерживался скорее народнических, чем толстовских идеалов. Он признавался, что грязную и пьяную русскую деревню любит больше, чем уважаемых им немцев. «Как бы я хотел, чтобы она была лучше, чтобы даром не пропадали в ней ее лучшие силы и таланты [...]», – писал о деревне Дмитрий Васильевич А. Л. Толстой⁵⁷. А в письме от 8 января 1918 г. Т. Л. Сухотиной-Толстой он отмечал, что для событий Октябрьской революции и Гражданской войны характерны «борьба классов», всеобщее озлобление, взаимная ненависть, разнузданность. Вспоминая, что он верил в «русскую душу», Д. В. Никитин сожалел, что эта вера оказалась беспочвенной. Разочаровавшись в своих идеалах, он винил во всем социализм, «который не только не сумел внести равенства, но внес силу и насилие туда, где их еще не было»⁵⁸.

Вера в народ соединялась у Д. В. Никитина с приверженностью к православию. По свидетельству знавших его людей, даже в архангельской ссылке он посещал церковь. В то же время Дмитрий Васильевич был сторонником свободы совести. В 1928 г. Д. В. Никитин был крайне возмущен тем, что празднование 100-летнего юбилея Л. Н. Толстого, «величайшего художника и религиозного мыслителя нашего века»⁵⁹, газета «Известия» отметила статьями, в центральной из которых Толстой был назван «юродивым во Христе», а его учение «безусловно утопичным и по своему содержанию реакционным»⁶⁰. «Борьба с религией, в каких бы формах последняя не выражалась [...], есть по-видимому сейчас одна из главных задач партии. Разрушать московские церкви, ссылать духовенство и сектантов, фальсифицировать празднование Толстого – все это явления одного и того же порядка. Рабство и гнет коммунизма так тяжело легли на всех, они так сковывают проявления мысли и чувства, что хочется пойти и публично крикнуть все наболевшее и накопившееся в душе чувство протеста [...]», – писал он А. Л. Толстой⁶¹.

Хотя взгляды Толстого на религию оказали на него определенное влияние, Дмитрий Васильевич не относился к ортодоксальным толстовцам. Показательно в этом отношении письмо Д. В. Никитина Т. Л. Сухотиной-Толстой от 18 января 1905 г. В нем он писал, что в связи с событиями 9 января переживает «очень тяжелое чувство; возмущению и негодованию нет границ, но нет и выхода [...] Я вовсе не сторонник насилия, но временами возмущаюсь так, что готов все

оправдать [...] Я верю, что истинного счастья человечество достигнет нравственным совершенствованием людей, но думаю, что совершенствование легче совершится в обстановке свободы совести, чем при произволе и насилиях»⁶².

Хотя, вероятно, и меньше, чем его брат, Дмитрий Никитин также занимался благотворительностью. Он бесплатно лечил крестьян в Ясной Поляне, есть его письма с упоминаниями об уходе за больным товарищем, поездке по делам сестры в Петербург, намерении выполнить завещание знакомой Толстых А. Г. Архангельской об устройстве земской школы или библиотеки⁶³.

О своих гимназических годах племянник Д. В. Никитина Сергей Александрович Никитин оставил подробные воспоминания, опубликованные в 1983 г. А. Е. Москаленко. Он признавал в них, что «под воздействием школы, чтения и, конечно, семьи формировались наши вкусы, мнения, интересы и влечения»⁶⁴.

Московская 4-я гимназия, как вспоминал С. А. Никитин, «была известна в Москве как гимназия демократическая...». В его классе не было сыновей ни помещиков, ни фабрикантов, не слышно было о них и в других классах. «В моем классе учились сыновья интеллигентов – врачей, учителей, духовенства, офицеров, служащих; представители мелкой буржуазии – сыновья ремесленников – портных, булочника, торговых служащих; хотя [и] немногочисленные – сыновья подмосковных крестьян [...]», – писал Сергей Александрович⁶⁵. Гимназисты терпеть не могли «фискалов», проявляли единство при столкновениях с начальством. В числе разных по квалификации педагогов С. А. Никитин особо отмечает преподавателя русского языка и литературы Е. А. Сидорова, которого он характеризует как прогрессивного человека, следившего за литературой и педагогической печатью, применявшего новые методы преподавания⁶⁶. В 1917 г., пишет Никитин, «первые шаги демократии в стране нас глубоко затрагивали»⁶⁷.

Таким образом, и семья, и гимназия воспитывали Сергея Александровича Никитина в духе демократии и прогресса, хотя и совсем не в большевистском их понимании.

Выпущенный в 1917 г. из гимназии досрочно, после 7-летнего обучения⁶⁸, С. А. Никитин поступил в 1918 г. в Московский университет. Его учителями были, в частности, такие известные историки

России, как С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, А. И. Яковлев⁶⁹.

Студенческая жизнь С. А. Никитина вряд ли была безоблачной: учебу в университете ему приходилось совмещать с военной службой, на которую студент Никитин был призван в 1919 г. Он находился в армии до 1924 г. сначала как курсант отделения русского языка Военно-педагогического института, а затем как преподаватель Командной артиллерийской школы. В 1922 г. Сергей Александрович окончил факультет общественных наук Московского университета, и к его преподавательской деятельности добавилась профсоюзная работа: он заведовал профсоюзными курсами, был лектором Московского совета профсоюзов⁷⁰. Это стимулировало занятия С. А. Никитина историей российского профсоюзного и рабочего движения. В 1924 г. вышла его первая научная статья о профсоюзной печати в России в 1905 г., в 1925 г. он опубликовал вторую часть этой работы, охватывающую 1906 г.⁷¹

В 1924–1929 гг., оставив преподавание русского языка, но продолжив деятельность в профсоюзах, С. А. Никитин был одновременно младшим научным сотрудником (аспирантом) Института истории РАНИОН. Этот период его деятельности освещен в литературе подробнее, чем предыдущий и последующий. Справедливо указывается, что именно в годы подготовки к научной деятельности в Институте истории С. А. Никитин впервые обратился к вопросам русской политики в Болгарии, и что его новые интересы встретили заинтересованную поддержку М. К. Любавского и В. И. Пичеты⁷².

В 1928/29 учебном году молодой ученый ассистировал С. Д. Сказкину, руководителю семинара по истории взаимоотношений славянских стран с Россией, на цикле истории южных и западных славян МГУ. Он взял на себя проведение занятий по южнославянской проблематике и заслужил лестный отзыв профессора, писавшего, что Никитин «принимал деятельное участие в семинарских занятиях, руководил студентами и наблюдал за выполнением отчетных работ». «Предметом владеет вполне, и был весьма ценным сотрудником семинария», – отметил С. Д. Сказкин⁷³.

Из списка работ С. А. Никитина, опубликованного А. Е. Москаленко, видно, что первой славистической печатной работой Сергея Александровича была статья 1927 г. о богомилах в «Большой советской энциклопедии»⁷⁴. Одновременно он продолжал публиковать

статьи и рецензии по вопросам рабочего и профессионального движения, наиболее значительные из которых были написаны на основе не использовавшихся ранее источников.

Нигде еще, кажется, не было отмечено, что в годы аспирантуры С. А. Никитин, вместе с группой молодых способных историков – А. И. Гайсиновичем, П. А. Анатолевым, Я. Я. Зутисом и др., работал в семинаре Н. А. Рожкова. По словам Сергея Александровича, это был «сплоченный, сработавшийся коллектив, объединенный в основном одной системой во взглядах и методах исторического анализа».

Приведенные выше сведения о работе С. А. Никитина под руководством Н. А. Рожкова вновь возвращают нас к «делу» Никитина, разысканному Л. П. Петровским. «Дело» интересно тем, что позволяет судить о взглядах ученого и содержит важные данные для его биографии. Не будет преувеличением сказать, что некоторые сохранившиеся в нем документы надолго определили судьбу Сергея Александровича. Знакомство с «делом» позволяет также понять особенности характера С. А. Никитина в годы руководства кафедрой в МГУ и сдержанность его поведения.

«Дело» открывается ордером на арест, подписанным заместителем председателя ОГПУ С. Мессингом и начальником оперативного отдела А. Х. Артузовым. По этому ордеру С. А. Никитин был арестован 14 сентября 1930 г. Арест сопровождался обыском, который, видимо, продолжался всю ночь. Как видно из документов «дела», Сергей Александрович работал с 1928 г. до ареста в библиотеке Высшего совета народного хозяйства, где занимался библиографической деятельностью в должности помощника редактора Технической картотеки.

Возможно, то обстоятельство, что после окончания аспирантуры С. А. Никитин не смог продолжить занятия историей, было как-то связано с его учебой у Н. А. Рожкова – как известно, последний подвергся во второй половине 1920-х гг. резкой критике со стороны М. Н. Покровского и обвинялся в меньшевистской интерпретации исторического процесса⁷⁵. Никитин же в ОГПУ показывал на одном из допросов, что получил от работы в семинаре Рожкова «значительную пользу» и «частично принимал» методы своего учителя. Впрочем, в обстановке свертывания исторического образования и сокращения научно-исследовательской работы в области истории,

характерной для 1920-х – начала 1930-х гг., без работы оставались многие историки. В их число попал и один из учителей Сергея Александровича, видный специалист по истории России А. И. Яковлев, который вынужденно занялся редактированием Технической картотеки и стал, таким образом, руководителем С. А. Никитина не только в научной деятельности, но и в библиотечной работе.

Первый допрос С. А. Никитина был проведен 19 сентября 1930 г. помощником уполномоченного 5-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Н. Н. Соловьевым. Уточняя анкетные данные, Соловьев неожиданно задал вопрос о политических убеждениях Никитина. Ответ показал зрелость и мужество ученого. Вместо того, чтобы уверять следователя в своей преданности существующему режиму, С. А. Никитин ответил ему правдиво, дипломатично и, к тому же, с профессиональным историческим видением совершающихся в стране процессов: «Считаю себя близко стоящим к марксистской системе взглядов. Отношение к советской власти как к неизбежному последствию всего исторического развития России», – заявил он.

Записывая (часто безграмотно) дальнейшие показания Сергея Александровича, следователь не считал нужным фиксировать в протоколах свои вопросы и высказывания в адрес подследственного. Поэтому неясно, когда и какие были первоначально предъявлены С. А. Никитину обвинения. Однако на причину ареста проливает свет заявление матери ученого Глафиры Северьяновны, поданное в президиум ОГПУ 20 декабря 1930 г. Она пишет, что сын был задержан как служивший под руководством А. И. Яковлева (последний, как и многие другие учителя С. А. Никитина, был арестован по «Академическому делу»). Приведенная версия весьма вероятна, ее частично подтверждает «совершенно секретная» справка о С. А. Никитине от января 1931 г., составленная для руководителя ОГПУ В. Р. Менжинского начальником 5-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Андреевым.

Справка суммирует все «преступления» уже отправленного к тому времени в ссылку ученого. В ней отмечено, что будто бы он «был связан с группой историков, арестованных по делу “Всенародного Союза борьбы за возрождение свободной России”» (об этом «деле», сфабрикованном ОГПУ и известном теперь как «Академическое», ныне существуют многочисленные публикации и статьи). Другие обвинения, предъявленные С. А. Никитину, были еще более

надуманны, чем «связь» с «антисоветской организацией». Они целиком построены на тенденциозно интерпретированных показаниях ученого. «С. А. Никитин, – говорится в справке, – настроен резко антисоветски». Ему вменяется в вину участие в «антисоветском кружке Рожкова» и то, что С. А. Никитин якобы «выступления свои направлял против Общества историков-марксистов».

О том, что «показал» Сергей Александрович в связи с участием в семинаре Н. А. Рожкова, мы уже знаем. Общество историков-марксистов в «деле» упоминается дважды: в показаниях С. А. Никитина, заявившего об «ортодоксальной, будирующей историческую мысль системе взглядов этого общества», и в заключении Н. Н. Соловьева по итогам следствия, где содержится никак не вяжущееся с показаниями утверждение, будто бы в Обществе истории и древностей российских подследственный выступал против Общества историков-марксистов. При этом версия следователя не подтверждается никакими другими материалами «дела».

С. А. Никитин заявил, что взглядам историков, входящих в Общество историков-марксистов, противостоят взгляды ученых «старой исторической», «идеалистической» школы. К ней Сергей Александрович относил «следующих историков из старшего поколения: С. В. Бахрушин, С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, М. К. Любавский, И. И. Иванов-Полосин, Д. М. Петрушевский, из числа молодых: Л. В. Черепнин, И. С. Макаров». «Развитие исторической мысли происходит в условиях классовой борьбы, – давал показания Сергей Александрович. – В зависимости от политической физиономии историки расслоены на два основных течения».

Признавая, что борьба этих течений «не есть беспредметное единоборство, а имеет определенный социально-политический смысл» и опирается на «сплоченность этой группы историков, как методологически одинаково мыслящих», он в то же время категорически отрицал наличие у них какой-либо организации.

«Противопоставление “мы и они”, которое я неоднократно слышал во время докладов, прений со стороны хотя бы Яковлева А. И., Любавского М. К., я отношу за счет деления исторической мысли на диалектиков-марксистов и представителей академической школы, но не могу приписать это наличию организации...», – заявил С. А. Никитин на одном из допросов.

Перечисление следователю фамилий историков с характеристикой их как авторов немарксистских трудов, на первый взгляд, кажется наивным, однако следует принять во внимание, что в те годы историки еще не отказались от попыток открыто говорить о своих разногласиях по научным вопросам. Именно это, а также мужество С. А. Никитина, решительно отвергнувшего версию обвинения о существовании «контрреволюционной организации», на участии в которой обвиняемых строилось все «Академическое дело», побудили, видимо, Ю. В. Готье, осужденного по этому «делу», выступить позднее оппонентом на защите С. А. Никитиным кандидатской диссертации и сделать там одно многозначительное заявление. «Выступая на защите, – сказал Ю. В. Готье, – я чувствую себя в положении прокурора, который отказывается от обвинения»⁷⁶.

Наиболее развернутой частью показаний С. А. Никитина являются ответы на вопросы о его личных исторических, политических и философских воззрениях. По «мироощущению» и «методам научного анализа» он считал себя «близко стоящим к марксизму». Но при этом Никитин подчеркивал, что принимает «только одну часть марксова учения – учение о критике капиталистического способа производства» (заметим, что пафос этой критики в наибольшей степени из всего учения К. Маркса и Ф. Энгельса был созвучен взглядам русских народников, близких Д. В. Никитину). История, по мнению Сергея Александровича, воплощает в себе «следствия человеческих отношений, вытекающих из экономической структуры общества». В то же время С. А. Никитин отметил, что не разделяет философской концепции марксизма и отвергает философские взгляды диалектиков-марксистов, поскольку стоит «на позициях христианства». Он разъяснил при этом, что не только верит в Бога, но и признает особую роль церкви в плане ее воздействия на отношения между людьми.

На следующем допросе, «уточняя» (видимо, под давлением следователя, лишившего арестованного передач)⁷⁷ свои предыдущие показания, Сергей Александрович вынужден был заявить, что «логически» выводит из своего христианского мировоззрения свое отношение к советской власти. «Я себя вполне советским человеком считать не могу», – записал следователь в протоколе «признание» подследственного. А далее сделана следующая приписка, подписанная С. А. Никитиным: «По тем же самым вышеуказанным убеждени-

ям я не могу встать на путь активной классовой борьбы с классовыми врагами советской власти, и требовать от меня этого невозможно»⁷⁸.

Таким образом, Сергей Александрович, как и старшие члены его семьи, был убежденным христианином. Он не пожелал отказаться от своих убеждений, хотя его вынудили за них дорого заплатить. А слова С. А. Никитина о невозможности для него встать на путь «активной классовой борьбы» хорошо перекликаются с высказыванием его дяди об ужасах борьбы классов. На всех допросах С. А. Никитин не только последовательно отрицал какую-либо связь с антисоветским «Союзом», но и подчеркивал полное отсутствие у него сведений о существовании такой организации. «Я категорически, – заявил он, – утверждаю, что ни в какую контрреволюционную организацию не был привлекаем. Никто никаких разговоров со мной о существовании подобной организации не вел, и ни от кого я не слышал даже намеков на желание вовлечь меня в таковую [...]. Еще раз отмечаю свою непричастность, полную, к какой-либо контрреволюционной организации, и о существовании таковой среди ленинградских и московских историков я ничего не знаю».

Под следствием С. А. Никитин пробыл около двух с половиной месяцев. Все это время он содержался в Бутырской тюрьме. 25 ноября 1930 г. Н. Н. Соловьев подписал заключение по следственному делу № 103591. «Никитин, – писал он, – стоя на позиции резко отрицательного отношения к советской власти, и в научной своей деятельности стоит на чуждых советской власти классовых позициях [...]. Выступая с научными докладами по истории [...], проводил антисоветскую линию, направляя ее против работ Общества историков-марксистов [...]. Принимая во внимание отношение Никитина к советской власти и его социальное происхождение – сын священника-арендатора, считая Никитина С. А. элементом условно социально опасным, полагал бы: дело гражданина Никитина Сергея Александровича [...] передать на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ».

3 декабря 1930 г. Особое совещание вынесло решение по «делу» С. А. Никитина. Ученый был отправлен в ссылку на Урал и должен был отбывать ее три года. По многочисленным ходатайствам матери ученого, поддержанным первой женой А. М. Горького Е. П.

Пешковой, которая до 1937 г. возглавляла политический Красный Крест⁷⁹, С. А. Никитину было разрешено ехать к месту ссылки за свой счет. Ему позволили также остаться в Свердловске. В то же время не нашла положительного отклика просьба Глафиры Северьяновны о разрешении сыну работать по специальности. Базируясь на безграмотном заключении следователя по «делу» С. А. Никитина, в котором было сказано, что он «исключительный путаник и ценности как историк никакой не представляет», какой-то руководящий чекист начертал на заявлении резолюцию: «Т. Волков, Никитин является историком, которого нельзя пускать к преподавательской деятельности. Он эклектик, дуалист. Методологически чуждый марксистской диалектике, о чем сам заявляет. Как историка использовать его невозможно, как библиотекаря возражений нет». 31 декабря 1930 г. на основе этой резолюции был составлен еще один документ. В нем вновь выдвигалось требование о недопустимости использовать Сергея Александровича как историка, поскольку он, трактуя научно-исторические проблемы, «преломляет их через призму христианского вероучения». Первоначально текст заканчивался фразой о возможности использовать С. А. Никитина как библиотекаря, но она затем была вычеркнута. Видимо, соответствующие указания были отправлены на Урал в начале января, вслед за выехавшим туда ранее С. А. Никитиным.

10 апреля 1931 г. Секретно-политический отдел ОГПУ получил сообщение из Свердловска, что в первых числах января С. А. Никитин был направлен в г. Кудымкар, а после получения в феврале отношения ОГПУ возвращен в Свердловск. Там Сергей Александрович устроился на работу в трест «Востоксталь» на должность старшего экономиста⁸⁰.

Потянулись долгие месяцы ссылки. Все же через полтора года Особое совещание пересмотрело свое решение о Никитине. 29 июля 1932 г. было постановлено: «Никитина Сергея Александровича досрочно освободить, разрешив свободное проживание по СССР». С. А. Никитин вернулся в Москву, но, прежде чем он смог вновь заняться историей, прошло около двух лет. В эти годы С. А. Никитин работал главным редактором организации «Союзоргучет». Лишь в 1935 г. ему удалось поступить в группу по истории Средней Азии Историко-археографического института, а с 1937 г. он начал преподавать историю в вузах.

Однако при жизни с ученого так и не были сняты незаслуженные обвинения. Прошли XX и XXII съезды КПСС, осудившие массовые репрессии сталинизма, но за С. А. Никитиным продолжала тянуться нить «участия в контрреволюционной организации», что не раз мешало Сергею Александровичу. Например, оформляя его выезды за границу, «проверяющие» обычно знакомились с «делом» С. А. Никитина многолетней давности, о чем сохранились соответствующие записи.

Всей своей научной деятельностью С. А. Никитин опроверг утверждения невежд из «органов» о его слабости как историка. Он добился не только всесоюзного, но и международного признания. А похоронить себя Сергей Александрович Никитин завещал по церковному обряду, сохранив верность христианским убеждениям. И только спустя десять лет после смерти, 3 марта 1989 г., «дело» 60-летней давности было официально признано незаконным, и С. А. Никитин был реабилитирован.

В заключение следует сказать несколько слов об общем для всех поколений Никитиных культурном фоне их деятельности. Выше он был уже, по возможности, показан применительно к деду и бабке Сергея Александровича и, особенно, к его дяде. Историки, работавшие с С. А. Никитиным, его ученики хорошо представляют себе высокую культуру и огромную эрудицию ученого. Как вспоминает сестра профессора, еще в университетские годы Сергей Александрович интересовался поэзией. Он хорошо знал и прекрасно декламировал произведения Маяковского, интересовался творчеством других русских поэтов, высоко ценил произведения зарубежных писателей, следил за современной литературой. Екатерина Александровна пишет также, что запомнившийся студентам своей невозмутимостью маститый профессор «немного играл на рояле, пел и рисовал»⁸¹.

Продолжая традиции семьи, Сергей Александрович занимался благотворительностью. По рассказам близко знавших его людей, он в трудных условиях послевоенных лет оказывал материальную помощь нескольким студентам.

Наконец, поражает одна бытовая черта, роднящая Сергея Александровича с дядей Дмитрием Васильевичем – их холостяцкое житье. Дядя С. А. Никитина так и не женился (Г. А. Кулижников предполагает, что он был влюблен в Александру Львовну Толстую, но какие-то обстоятельства помешали их браку), а Сергей Александрович женился уже на закате своей жизни.

Примечания

- ¹ *Короткова В. И.* Список трудов профессора С. А. Никитина // Путь ученого: К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1992. С. 96–112. (Балканские исследования. Вып. 14); *Москаленко А. Е.* Печатные работы С. А. Никитина: [Дополнения к библиографии В. И. Коротковой (1972 г.)] // Историко-слависты Московского университета, 1939–1979 гг.: К 40-летию кафедры истории южных и западных славян. М-лы и док. М., 1979. С. 62–66.
- ² *Егоров И.* [Рец. на кн.:] I. Sakazow. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*. Berlin; Leipzig, 1929 // Историк-марксист. 1929. Кн. 14. С. 207–209.
- ³ *Петровский Л. П., Горяинов А. Н.* Неизвестная страница биографии С. А. Никитина (по материалам ОГПУ начала 1930-х годов) // Путь ученого... С. 11–21.
- ⁴ *Шульгин С. П.* Друг Л. Н. Толстого // Приокская правда. 1960. 27. XII.
- ⁵ *Касаткин В. М.* Врач и друг Льва Толстого // Рязанский следопыт. 1995. № 4. С. 27–29.
- ⁶ Государственный музей Л. Н. Толстого (далее – ГМТ). Письмо С. П. Шульгина директору Государственного музея Л. Н. Толстого с материалами биографии Д. В. Никитина.
- ⁷ *Касаткин В. М.* Указ. соч. С. 27.
- ⁸ Как отмечает биограф Д. В. Никитина врач Г. А. Кулижников (два варианта его неопубликованной биографии Никитина хранятся в Государственном музее Л. Н. Толстого), в студенческие годы Дмитрий Васильевич выполнил «исследования относительно определения и нахождения мышьяка в органических соединениях, имевшие практическое судебно-медицинское приложение» (Г. А. Кулижников. Встречи. Рукопись 1992 г., хранится в библиотеке ГМТ. Далее в ссылках на нее указываются только автор и страницы).
- ⁹ *Никитин Д. В.* Рабочие на железнодорожных постройках: из заметок врача // Русское богатство. 1904. № 6. С. 205–220.
- ¹⁰ Дмитрий Васильевич Никитин упомянут в адресной и справочной книге «Вся Москва» на 1902 год (М., 1902. Стб. 885, 962) как практикующий врач.
- ¹¹ ГМТ. Письмо В. А. Дунаева С. Л. Толстому. 23 марта 1902 г.
- ¹² Г. А. Кулижников. Первый домашний врач Льва Толстого. Рукопись 1978 г. с дополнениями 1980 г. Л. 3.
- ¹³ Кулижников. С. 117.
- ¹⁴ Цит. по: *Свадковский Б. С.* Надо жить: из крымской летописи Л. Н. Толстого // Литературная Армения. 1989. № 2. С. 70–80.
- ¹⁵ ГМТ. Д. В. Никитин. Воспоминания о Л. Н. Толстом. 10 января 1932 г.
- ¹⁶ *Скиталец С. Г.* Лев Толстой // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1978. С. 271–279.
- ¹⁷ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 73/74. М., 1954. С. 145.
- ¹⁸ *Петухов А. А.* Врач Л. Н. Толстого под надзором полиции // Советские архивы. 1971. № 4. С. 104.
- ¹⁹ *Поповкина Т.* Л. Н. Толстой и его близкие на любительских фотографиях домашнего врача Д. В. Никитина // Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи. Письма. Воспоминания. Наблюдения. Версии. М., 1994. С. 399–403.
- ²⁰ ГМТ. Г. А. Кулижников. Первый домашний врач Льва Толстого. Л. 25.
- ²¹ Там же. Письмо Д. В. Никитина С. А. Толстой. 28 декабря 1903 г.

- ²² Там же. Письмо Д. В. Никитина А. Л. Толстой. 26 мая 1914 г.
- ²³ Там же. Письмо Д. В. Никитина С. А. Толстой. 20 сентября 1904 г.
- ²⁴ См.: *Петухов А. А.* Указ. соч. С. 105.
- ²⁵ ГМТ. Письмо Д. В. Никитина С. А. Толстой. 24 октября 1904 г.
- ²⁶ Там же. Письмо Д. В. Никитина С. А. Толстой. 20 апреля 1907 г.
- ²⁷ Там же. Письмо Д. В. Никитина Т. Л. Сухотиной-Толстой. 30 ноября 1919 г.
- ²⁸ *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1975. С. 214.
- ²⁹ *Никитин Д. В.* Последние дни Л. Н. Толстого // Русские ведомости. 1910. 6. XI.
- ³⁰ *Гальберштадт Л.* Вчера в Ясной Поляне // Русские ведомости. 1911. 8. XI.
- ³¹ ГМТ. Письмо Д. В. Никитина С. А. Толстой. 1 марта 1916 г.
- ³² Там же. Письмо Д. В. Никитина Т. Л. Сухотиной-Толстой. 8 января 1918 г.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Касаткин В. М.* Указ. соч. С. 28.
- ³⁵ Кулижников. С. 28.
- ³⁶ ГМТ. Письмо Д. В. Никитина С. Л. Толстому. 21 ноября 1936 г. Из письма следует, что Г. А. Кулижников вряд ли был прав, утверждая, будто бы по ходатайству родственников срок ссылки Никитина вскоре после его отправки в Архангельск был сокращен до одного года.
- ³⁷ Кулижников. С. 134.
- ³⁸ Там же. С. 133.
- ³⁹ ГМТ. Г. А. Кулижников. Первый домашний врач Льва Толстого. Л. 54.
- ⁴⁰ Там же. Л. 40–41.
- ⁴¹ Там же. Л. 60.
- ⁴² Там же. Л. 43.
- ⁴³ Государственный архив Рязанской области. Ф. Р–5354. Д. 11. Л. 14.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ГМТ. Г. А. Кулижников. Первый домашний врач Льва Толстого. Л. 68.
- ⁴⁶ Там же. Письмо В. А. Дунаева Л. Н. Толстому. 1 марта 1902 г.
- ⁴⁷ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1902 г. М., 1902. Стб. 699, 1097. С. 305.
- ⁴⁸ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1917 г. М., 1917. Стб. 243, 313, 928. С. 353.
- ⁴⁹ Все факты и цитаты, взятые из этого «дела», приводятся или по нашей совместной с Л. П. Петровским статье (см. примеч. 3), или по текстам, любезно предоставленным Петровским. В первом случае сноски не даются, во втором в них указывается только фамилия: Петровский.
- ⁵⁰ Петровский.
- ⁵¹ *Никитина Е. А.* Из воспоминаний сестры о брате – профессоре Сергее Александровиче Никитине (1901–1979) // Из истории университетского славяноведения в СССР: Сб. ст. к 80-летию С. А. Никитина. М., 1983. С. 143–145.
- ⁵² Петровский.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Никитина Е. А.* Указ. соч. С. 143.
- ⁵⁵ *Маковицкий Д. П.* У Толстого, 1904–1910: «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 2. М., 1979. С. 338. (Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2).
- ⁵⁶ В 1930 г. все названные следователю С. А. Никитиным родственники проживали, по всей вероятности, вместе с ним по адресу: Большой Козихинский пер., д. 37,

кв. 1. Этот адрес упомянут и в ордере на арест Сергея Александровича, и в заявлениях в ОГПУ Глафиры Северьяновны, и в письмах Д. В. Никитина (Петровский).

⁵⁷ ГМТ. Письмо Д. В. Никитина А. Л. Толстой. 12(25) июня 1914 г.

⁵⁸ Там же. Письмо Д. В. Никитина Т. Л. Сухотиной-Толстой. 8 января 1918 г.

⁵⁹ Там же. Письмо Д. В. Никитина А. Л. Толстой. 29 сентября 1928 г.

⁶⁰ *Полонский В.* Ленин о Толстом // Известия. 1928. 9.IX.

⁶¹ ГМТ. Письмо Д. В. Никитина А. Л. Толстой. 29 сентября 1928 г.

⁶² Там же. Письмо Д. В. Никитина Т. Л. Сухотиной-Толстой. 18 января 1905 г.

⁶³ Там же. Письма Д. В. Никитина Т. Л. Сухотиной-Толстой. 15 января и 25 августа 1905 г.; Письмо Д. В. Никитина С. А. Толстой. 21 апреля 1907 г.

⁶⁴ *Никитин С. А.* Воспоминания о гимназических годах // Из истории университетского славяноведения в СССР... С. 130.

⁶⁵ Там же. С. 128.

⁶⁶ Там же. С. 133–134.

⁶⁷ Там же. С. 140.

⁶⁸ Там же. С. 141.

⁶⁹ *Хвостов В. М., Нарочницкий А. Л. и др.* Профессор Сергей Александрович Никитин // Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972. С. 4.

⁷⁰ Архив Института славяноведения. Личное дело С. А. Никитина.

⁷¹ *Никитин С. А.* Очерки по истории профессиональной печати в России: [Очерки 1–2] // М-лы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М., 1924. С. 141–158; Сб. 3. 1925. С. 43–59.

⁷² *Хвостов В. М., Нарочницкий А. Л. и др.* Указ. соч. С. 4.

⁷³ Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1-л. Д. 182. Л. 2.

⁷⁴ *Никитин С. А.* Богомилы // БСЭ. [Изд. 1-е]. Т. 6. М., 1927. С. 599–600.

⁷⁵ См. о нем: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 170–173 и др.

⁷⁶ Цит. по: *Хвостов В. М., Нарочницкий А. Л. и др.* Профессор Сергей Александрович Никитин... С. 4.

⁷⁷ Петровский.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См.: *Берберова Н.* Железная женщина: Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях // Дружба народов. 1989. № 10. С. 182–183.

⁸⁰ Архив Института славяноведения. Личное дело С. А. Никитина.

⁸¹ *Никитина Е. А.* Указ. соч. С. 144.

Л. В. Горина

(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

**С. А. НИКИТИН – ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН
(1947–1961)**

Осенью 1947 г. на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ появился новый заведующий. Это был С. А. Никитин, сменивший скончавшегося академика В. И. Пичету – основателя кафедры. К тому времени это был зрелый ученый и человек со сложной личной судьбой, которая была к нему весьма сурова. Ведь годы его юности пришлось на трагичные времена в истории нашего Отечества – годы революции и Гражданской войны, а в начале 30-х гг. он был репрессирован.

Историко-филологический факультет Московского университета С. А. Никитин закончил в 1922 г. Сразу же отметим – студент Никитин имел в университете блестящих учителей. Историю России вели С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, всеобщую историю – Р. Ю. Виппер, В. П. Волгин, Л. Н. Егоров, В. М. Лавровский, Д. М. Петрушевский и С. Д. Сказкин. В годы учебы в аспирантуре в 1924–1928 гг. в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов он специализировался у Н. Е. Преснякова и Н. А. Рожкова, не прекращая связей с М. М. Богословским и А. И. Яковлевым.

Еще будучи аспирантом, молодой ученый публикует свою первую печатную работу – статью по истории профессиональной печати в России¹. С. А. Никитин активно публикуется и всю вторую половину 20-х гг. Удачно начавшаяся научная деятельность затем прерывается на долгие 7 лет в связи с арестом по политическим мотивам в сентябре 1930 г. Лишь в 1938 г. им был написан обширный раздел по истории Сербии в «Хрестоматии по истории средних веков» под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина и несколько разделов в учебнике «Краткий курс истории СССР» под ред. А. В. Шестакова.

Первый фундаментальный труд ученого вышел в 1940 г. Это была книга «Источниковедение истории СССР. Т. II: XIX в.», которую С. А. Никитин защитил как кандидатскую диссертацию в том же году. К тому времени, когда С. А. Никитин получил предложение занять пост заведующего кафедрой, им были написаны статьи о политике России на Балканах в XIX в. и о Московском славянском комитете².

К 1947 г. была пройдена и известная часть педагогического пути: в 1928–1929 гг. С. А. Никитин, будучи студентом С. Д. Сказкина, вел студенческий семинар по истории связей славянских народов с Россией на этнологическом факультете МГУ. В 1937 г. С. А. Никитин стал читать курс источниковедения и историографии истории СССР в XIX веке в Историко-архивном институте, а затем и в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ). В 1941 г. ученый преподает на кафедре истории СССР истфака МГУ, а в 1942 г. по приглашению В. И. Пичеты становится преподавателем кафедры истории южных и западных славян.

Разумеется, тяжелые годы Великой Отечественной войны не способствовали разворачиванию широкой научно-педагогической деятельности. И все же, как раз на первую половину 40-х гг. пришлось подготовка докторской диссертации ученого на тему «Русское общество в 1853–1876 гг. и вопросы балканской политики России», которая была защищена в 1947 г.

В 1946–1947 гг. С. А. Никитин читал лекции по истории южных славян в XIX в., которые охватывали историю Сербии, Болгарии, Хорватии, Черногории и Воеводины, лекции по источниковедению и историографии южных славян, а также руководил семинаром по истории Сербии и Болгарии в XIX в. В 1945 г. защитили свои работы первые дипломники С. А. Никитина и появились первые аспиранты – И. В. Козьменко, В. Г. Карасев и Л. В. Воробьев³.

Научный талант помогал С. А. Никитину на посту зав. кафедрой справиться с нелегкими организационно-административными обязанностями, выявлять и решать проблемы учебного процесса. Таких проблем было немало. Одна из них – написание учебника по истории южных и западных славян – на долгие годы стала основной задачей нового заведующего.

А пока, 23 октября 1947 г., С. А. Никитин проводит заседание, посвященное памяти В. И. Пичеты, выступив на нем с основным док-

ладом⁴. Сразу же отметим, что С. А. Никитину было свойственно глубоко уважительное отношение к своим учителям и старшим коллегам. Этому чувству он не изменял и в тяжелые времена репрессий и гонений.

С первых шагов заведования С. А. Никитин обратился к проблеме возможности соединения активной преподавательской деятельности с интенсивной научной работой. Самому заведующему это удавалось, а вот кафедральная молодежь должна была этому научиться. Речь заведующего на одном из заседаний кафедры прозвучала ободряюще: «Молодой состав кафедры ведет большую педагогическую работу. Курсы по истории отдельных славянских стран, спецкурсы и спецсеминары требуют весьма большого труда и предварительной подготовки. Часть сотрудников готовит диссертации, часть работает в Академии наук СССР»⁵.

Малыми силами кафедры приходилось делать многое, поэтому к работе подключили аспирантов. Так, В. Г. Карасев и Л. В. Воробьев стали ассистировать в семинаре С. А. Никитина «История Сербии и Болгарии в XIX в.». Стали регулярными выступления аспирантов с научными докладами по теме диссертации на заседаниях кафедры.

Заведующий отчетливо видел и еще одну проблему, а именно уникальность кафедры истории южных и западных славян – она резко выделялась в общефакультетской структуре, так как преподавание истории зарубежных славян велось начиная с древнейшего периода и до современности. Это, разумеется, создавало дополнительные трудности для преподавания.

В конце 40-х гг. к плану написания учебника по истории славян присоединился новый – издание сборников учебных пособий для студентов. И среди первых таких пособий был запланирован «Сборник польских конституций». 1948/1949 учебный год обогатился палеографией, исторической географией и просеминаром для студентов II курса. Тогда же планировалась работа над «Хрестоматией по истории южных и западных славян» весьма солидного объема – 40 п.л.⁶

Отметим одно важное обстоятельство – кафедра работала и развивалась отнюдь не в безвоздушном пространстве: она была частью факультета, университета и всей общественно-политической атмосферы, складывавшейся в государстве. В конце 40-х – начале 50-х гг. кафедру не миновал мощный идеологический натиск. В апреле 1949 г. на заседании Ученого совета истфака, а затем и на заседании кафедры зазвучала тема «буржуазного космополитизма», в котором

был обвинен С. А. Никитин. От маститого профессора потребовалось все его незаурядное мужество, чтобы пережить это нелегкое время. Ведь тогда он был вынужден слушать и такие слова из уст студента III курса: «Общий курс по истории южных и западных славян С. А. Никитина – это буржуазно-объективистская история. Курс не дает возможности правильно понять историю славянских стран, и для студентов он неприемлем»⁷. Заведующий вынужден был объясняться, почему, например, студентам кафедры рекомендуется читать «буржуазные работы» Ю. В. Готье и Л. Нидерле. От С. А. Никитина потребовалось не только мужество, но и еще одно немаловажное качество, которым профессор обладал в полной мере, а именно, способность сохранять человеческое достоинство в сложнейших и крайне неблагоприятных условиях.

Наступили 50-е годы. С. А. Никитин вновь и вновь демонстрирует умение определять общее направление работы кафедры и ориентировать коллег на изучение малоисследованных проблем истории славянских стран. К таковым он относил проблемы феодализма у южных славян, период между Первой и Второй мировыми войнами, развитие капитализма.

Думаю, что большой научный потенциал С. А. Никитина позволил ему совмещать сразу два заведования – кафедрой на истфаке МГУ и сектором в Институте славяноведения. В 50-е гг. профессором было написано значительное число научных работ по самым различным проблемам истории зарубежных славян. Для пишущего эти строки совершенно очевидно, что страницы научных трудов заведующего становились базой для написания учебников и учебных пособий, озвучивались на лекциях, помогали аспирантам. В самом деле, монографическая статья С. А. Никитина «Балканские связи русской периодической печати 60-х гг. XIX в.» очевидно демонстрировала научной молодежи надежность и неисчерпаемость периодической печати как исторического источника. Ученый работает над перспективной проблемой «Славянский вопрос и русское общество в 60–70-х гг. XIX в.», предлагая, таким образом, своим ученикам актуальнейшую тему – «Славяне и Россия». История славянских съездов в России – та проблема, изучение которой позволяло увидеть, что документы можно анализировать объективно, а выводы следует строить только на основании документальных источников. С. А. Никитин – мастер источниковедения, он публикует, комментирует и

анализирует документы. История славяноведения в России – еще одна тема, которую профессор предлагал своим ученикам, делая очевидным вывод, что славяноведение органично и не стоит выделять в нем прогрессивных и реакционных славистов.

Работы С. А. Никитина по истории южных и западных славян помогали при чтении общего курса, поскольку в них освещались узловые вопросы истории славян, начиная от глубокой древности и вплоть до конца XIX в. Ученый обращался к темам: «Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства», «Сербия в XII–XV вв.», «Южные славяне, молдаване и валахи под властью Турции в XVII–XVIII вв.», «Классовая борьба в Чехии и Моравии в XIV–XV вв.», «Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость», «Освобождение Болгарии от турецкого ига», «Участие славян в революции 1848 г.».

Необходимым для студенчества и важным для нужд преподавания становились обобщающие работы С. А. Никитина, вошедшие в состав коллективных трудов по истории Болгарии, Югославии и Чехии, а также главы по истории зарубежных славян, вошедшие в целый ряд вузовских учебников, хрестоматий и обобщающих трудов по истории СССР⁸.

Любимым детищем заведующего стал учебник по истории южных и западных славян, появившийся на свет в 1957 г. С. А. Никитин, несомненно, способствовал его рождению. Обратимся к документам.

Еще весной 1947 г. вопрос об издании учебника был обсужден на заседании кафедры. Тогда кафедрой заведовал В. И. Пичета, который сообщил, что комитет высшей школы предлагает приступить к работе над учебником. В. И. Пичета обозначил примерный объем текста – 20–25 п.л. для истории южных славян и 30 п.л. – для западных, при небольшом числе авторов⁹.

24 марта 1948 г. заседанием кафедры уже руководил ее новый заведующий. Было принято решение подготовить учебник по истории южных и западных славян в течение двух лет. К началу 1949 г. стало совершенно очевидно, что только силами сотрудников кафедры учебника не написать, и С. А. Никитин предложил привлечь ученых из Института славяноведения, а сам учебник считать базой для создания курсов лекций по истории отдельных славянских стран, издания новых документов и подготовки монографических работ¹⁰.

Написание учебника, пусть медленно, но продвигалось вперед, осложненное, правда, в 1952 г. идеологическим прессингом. Так, 24 октября 1952 г. кафедра обсудила вопрос «О практических мероприятиях в работе кафедры в связи с решениями XIX съезда партии и опубликованием работы т. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”». Авторам учебника предлагалось «учесть и соответствующим образом отразить проблемы, затронутые в работе т. Сталина»¹¹.

23 февраля 1953 г. кафедральное заседание отдается единственному вопросу – учебнику. Доклад «О ходе работы по написанию учебника по истории южных и западных славян» делает заведующий. Основное в докладе: сроки подачи авторского материала нарушаются, а поданные тексты нередко превышают намеченный объем. С. А. Никитин предложил обсуждать уже готовые части учебника, чтобы ускорить работу над ними¹².

Рождение учебника приближалось. Но еще до этого события С. А. Никитин предлагает перейти к чтению общего курса по проблемам, опираясь на материалы учебника.

Заведующий печется о судьбе учебника и после его выхода в 1957 г., предложив организовать его обсуждение в ряде городов – Ленинграде, Воронеже, Киеве, Львове, Горьком, Свердловске, Тбилиси – и на основании материалов обсуждения переиздать учебник в дополненном виде¹³.

Появление учебника не сняло, но возможно обострило еще одну проблему, а именно, судьбы общего курса по истории южных и западных славян. Дело в том, что над этим курсом, представляющим по сути лицо кафедры, периодически нависала угроза ликвидации. Уникальный курс приходилось защищать от нападков чиновников. По предложению заведующего вопрос об общем курсе стал центральным на всесоюзных совещаниях историков-славистов, которые получили жизнь благодаря инициативе С. А. Никитина.

К наиболее благоприятному периоду деятельности Сергея Александровича на посту заведующего кафедрой истории южных и западных славян вполне можно отнести вторую половину 50-х гг. В это недолгое время первой демократической оттепели в стране С. А. Никитин вновь и вновь демонстрирует умение определять общее направление работы кафедры и ориентировать коллег на изучение малоисследованных проблем истории славянских стран. Профессор получает возможность опереться и на творческие контакты,

установившиеся между советскими и зарубежными славистами. В этот период он активно участвует в работе международных съездов и конференций, работает в составе Комиссии историков СССР-НРБ, избирается президентом Славянской комиссии при Международном комитете исторических наук, публикует свои работы в зарубежных научных изданиях, становится научным руководителем иностранных стажеров.

В плане научно-исследовательской работы кафедры ученым была заявлена проблема «Русско-славянские связи и отношения», а в качестве ее первой темы – «Россия и освободительная борьба болгарского народа в 40-е гг. XIX в.». В 1959 г. заведующий представил программу спецкурса на тему «Спорные вопросы так наз. болгарского возрождения»¹⁴. В конце 50-х гг. обсуждались проблемы развития кафедры, специализации преподавателей, сокращения учебной нагрузки, подготовки специалистов по «малым славянским странам», преподавания на кафедре венгерского, греческого и турецкого языков.

Успешно сочетающий научное творчество и административно-педагогические обязанности, постоянно убеждающий своих коллег на личном примере в том, что такое совмещение возможно, С. А. Никитин был вынужден осенью 1961 г. решать сложный вопрос «о разъединении» научной и административной работы, так как появился указ соответствующих ведомств о невозможности соединения должностей. С. А. Никитин, как известно, был одновременно и зав. кафедрой истории южных и западных славян и зав. сектором в Институте славяноведения. Трудное решение было принято в пользу академического института. На посту заведующего кафедрой С. А. Никитина сменил И. А. Воронков. Начался новый период в жизни кафедры.

С конца 1961 г. С. А. Никитин сосредоточился на работе в Институте славяноведения. Это вовсе не означало, что он перестал быть профессором-славистом. Он продолжал воспитывать своих учеников-аспирантов. Продолжала развиваться и его научная школа, существование которой бесспорно.

На 60–70-е гг. пришлась интенсивная и плодотворная работа профессора, которая помогала учебной работе кафедры. При чтении общего курса по истории зарубежных славян преподаватели кафедры опирались на фундаментальные сочинения ученого – «Славянские комитеты в России» и «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е гг. XIX в.», а также солидные разделы в коллективных обобщающих трудах – «История Югосла-

вии», «История Болгарии», «Освобождение Болгарии от турецкого ига», «Зарубежные славяне и Россия» и др. Огромное значение имели публикации, выполненные под руководством С. А. Никитина.

Еще одна сторона деятельности профессора – его работа по налаживанию связей с другими университетами страны и зарубежья. В панораме этих связей наиболее впечатляющими являются контакты с воронежскими славистами. И здесь необходимо одно отступление: автор этих строк, которому посчастливилось учиться у С. А. Никитина и писать под его руководством кандидатскую диссертацию, убежден в том, что закрытость и известная неприступность Сергея Александровича вовсе не были его истинным лицом. Это была вынужденная обстоятельствами оборонительная позиция, которую ученый избрал для себя в сущности в экстремальных для него обстоятельствах. И речь идет не только о времени ареста и преследований по политическим мотивам в начале 30-х гг., но и о последующем периоде его жизни, вплоть до середины 50-х гг., когда в адрес С. А. Никитина звучали обвинения в космополитизме, буржуазном объективизме, позитивизме и поддержке реакционного славянофильства, что в те годы было равносильно приговору. За кажущейся суровостью ученикам и коллегам при личном общении открывался человек, которого с гордостью можно назвать истинно московским профессором, любящим и знающим взрастивший его город, сохранивший черты старой русской интеллигенции с ее любовью к литературе и искусству, тяготением к прекрасному, неспешностью и известной наивностью. Именно эти качества, на наш взгляд, сделали столь дружескими отношения С. А. Никитина и воронежских славистов. В самом деле, чем иным можно объяснить следующие факты: 7 раз в течение 50–60-х гг. С. А. Никитин посещает Воронеж, устанавливает тесные научные контакты с профессором И. Н. Бороздиным – видным русским историком, заведующим кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета, а затем и с медиевистом А. Е. Москаленко – заведующим кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов того же учебного заведения. Сергей Александрович считал настоятельной необходимостью создание славистических центров на периферии. А к воронежцам он питал особенно теплые, дружеские чувства. Поэтому буквально опекал научную молодежь, помогал выбирать темы диссертаций, выступал в качестве официального оппонента на защитах молодых ученых, участвовал в научных фору-

мах, организуемых воронежской кафедрой всеобщей истории, отправлял письма в адрес воронежских славистов – Н. П. Мананчиковой, Н. Т. Сапроновой, С. П. Бобровой. Правы воронежцы, подчеркивая, что С. А. Никитин служил единой Науке, не деля ее на столичную и периферийную¹⁵.

Примечания

¹ *Никитин С. А.* Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 года // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М., 1924.

² *Никитин С. А.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; *он же.* Возникновение Московского славянского комитета // Вопросы истории. 1947. № 8.

³ Архив МГУ. Ф. 9 (исторический факультет). Оп. 8. Ед. хр. 136. Л. 3.

⁴ Там же. Ед. хр. 135. Л. 6–13.

⁵ Там же. Ед. хр. 136. Л. 3.

⁶ Там же. Ед. хр. 135. Л. 5.

⁷ Там же. Ед. хр. 159. Л. 41.

⁸ *Никитин С. А.* Россия и славянские народы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История СССР. Т. II: Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1949; Русская культура 1860–1880 гг. // История СССР...; Сербия XII–XV веков // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, 2-е изд. Т. II. М., 1950; Сербия XII–XV веков // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, 3-е изд. Т. II. М., 1953; История Болгарии. Т. I. М., 1954 / Гл. I, II, III, разд. 1–3; Гл. IX, Гл. X, разд. 1–2.; Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955; Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость // Новая история. Т. II: 1789–1870. М., 1958; Народы Балканского полуострова в 50–60-х годах XIX в. // Новая история. Т. II...; Народы Балканского полуострова в 1789–1815 гг. // Новая история. Т. I. М., 1958.

⁹ Архив МГУ. Ф. 9. Ед. хр. 110. Л. 15 и сл.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ед. хр. 271. Л. 18 и сл.

¹² Там же. Ед. хр. 320. Л. 44–49.

¹³ Там же. Ед. хр. 554. Л. 3 и сл.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 610. Л. 3.

¹⁵ См. *Боброва С. П., Таранова В. Г.* С. А. Никитин и историческая славистика в Воронежском университете // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1992.

М. Ю. Досталь

С. А. НИКИТИН И КАМПАНИЯ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

1949 год принес новые тяжелые испытания для советской интеллигенции. Мир стоял на грани новой «холодной войны» и организационного оформления блоковой системы, как тогда говорили, лагеря капиталистических стран и лагеря стран «народной демократии». В связи с этим советское руководство решило начать новую кампанию по разоблачению буржуазной идеологии, происков империализма, которая нашла свое оформление и идейное завершение в очередной идеологической «атаке», объектом которой на этот раз стал «буржуазный космополитизм». В ней самым причудливым образом переплелись элементы прошлых кампаний: по возвышению русской нации среди прочих советских народов (1944), плавно перетекшей в борьбу с «низкопоклонством перед Западом» (1946), приведших к разгрому Еврейского антифашистского комитета и аресту его членов (начало 1949 г.), и одновременно погромных «походов» против буржуазного идеализма и объективизма, за «чистоту» марксистской науки, проведенных в области биологии (разгром генетики), физики, философии и пр.¹.

В 1949 г. кампания развернулась прежде всего в области театральной и литературной критики, постепенно распространяясь на сферы гуманитарных наук². Ее особенностью был негласный, но четко ощущаемый интеллигенцией антисемитизм. В апреле ее волны докатились и до исторической науки. Затем кампания по указанию И. В. Сталина была внезапно свернута, хотя ее отголоски долго отзвучивали в поломанных человеческих судьбах.

25, 26 и 28 марта 1949 г. на историческом факультете МГУ состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное вопросам «борьбы с космополитизмом» в советской исторической науке³. Аналогичное мероприятие было проведено и в Институте истории АН СССР, в Академии общественных наук и др.⁴.

На заседании Ученого совета истфака МГУ выступили почти все его члены. Космополитизм был объявлен «идеологией воинствующего американского империализма» и одновременно «идеологическим орудием войны против СССР и стран народной демократии»⁵. Следствиями уступок ему определялось: 1) принижение роли русского народа в его истории, 2) стремление ослабить чувство советского патриотизма и принизить достижения социалистического строительства, искусства и науки⁶. Объектами нападков и обвинений в космополитизме стали историки преимущественно еврейской национальности (хотя напрямую это не афишировалось). Среди них: академик И. И. Минц и члены его «группы» по изучению истории Гражданской войны в СССР – И. М. Разгон, Е. Н. Городецкий, Б. Г. Верховень, а также историограф Н. Л. Рубинштейн, американист Л. И. Зубок, специалисты по истории Англии И. С. Звавич и Ф. А. Коган-Бернштейн, востоковед А. Ф. Миллер и др. Критике была подвергнута также деятельность медиевистов: академика Е. А. Косминского, А. И. Неусыхина, византиниста Б. Т. Горянова и др. В отношении первой группы предлагались строгие административные взыскания, вплоть до увольнения из университета и АН СССР, в отношении второй – требовалась «покаянная» самокритика и исправление идеологических ошибок. В развернутой резолюции, принятой на заседании, предлагалось подобные «разборки» провести на всех кафедрах исторического факультета. В частности, там указывалось: «Ученый совет считает своим долгом обратить внимание кафедр на то, что в учебниках и учебных пособиях, которыми пользуются студенты исторического факультета, а также в курсах и спецкурсах, которые они слушают, имеется ряд серьезных ошибок. Значительное распространение в курсах и учебниках имеет буржуазный объективизм и рецидивы кадетских либеральных концепций»⁷. Кроме того, предполагалось «предложить зав. кафедрами строить всю свою работу по руководству кафедрой на основе самой непримиримой борьбы с малейшими проявлениями безродного космополитизма, низкопоклонства и буржуазного объективизма, являющихся питательной средой для любых космополитических тенденций»⁸.

Основываясь на итогах расширенного Ученого совета истфака МГУ, подобное заседание «по борьбе с космополитизмом» было проведено и на кафедре истории южных и западных славян. Оно состоялось 9 апреля 1949 г. в присутствии большинства преподавате-

лей, аспирантов и студентов кафедры, представителей партийной и комсомольской организаций и декана Г. А. Новицкого. Отсутствовали Б. М. Руколь, Б. Т. Горянов и Г. Э. Санчук, деятельность которых в большей или меньшей степени подвергалась критике.

Несколько слов о том, что представляла собой кафедра истории южных и западных славян и ее заведующий Сергей Александрович Никитин к апрелю 1949 г. Как известно, кафедра начала свою работу в сентябре 1939 г. Ее основателем и идейным вдохновителем был выдающийся историк-славист широкого профиля Владимир Иванович Пичета (1878–1947). Большой вклад в организацию работы кафедры внес и замечательный чешский историк Зденек Романович Неedly (1878–1962). Этим двум крупным историкам удалось наладить преподавание на кафедре основных славистических дисциплин и воспитать первые кадры советских славистов, не прерывая этот процесс общения и в годы Великой Отечественной войны. С. А. Никитин пришел на кафедру в 1942 г. После отъезда З. Неedly на родину (лето 1945 г.) и смерти В. И. Пичеты (июнь 1947 г.) именно ему, как наиболее опытному преподавателю кафедры, защитившему докторскую диссертацию «Вопросы балканской политики России и русское общество в 50-х–70-х годах XIX века»^{*} и подготовившего книгу по ней, было поручено заведывание кафедрой. Одновременно в 1947 г. он стал сотрудником нового Института славяноведения АН СССР и возглавил там сектор истории славянских народов периода феодализма и капитализма. После смерти В. И. Пичеты он был назначен также зам. директора Института. Большая научная и организационная нагрузка не позволили С. А. Никитину в полной мере посвятить себя заботам кафедры, что составляло объективную основу ряда критических нападок на состоявшемся заседании. К тому же, и по характеру, и по манере человеческого общения он разительно отличался от В. И. Пичеты. Последний посвящал много времени общению с научной молодежью, был окружен ею, выступал в роли генератора идей и благодаря своей феноменальной памяти и большому опыту педагогической работы мог брать на себя, часто импровизационно, чтение больших общих курсов. С. А. Никитин по натуре был человеком более закрытым, сдержанным, много времени посвящал скрупулезной источниковедческой работе, анализу литера-

^{*} Правильное название докторской диссертации: «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.» (прим. ред.).

туры и потому не был готов сразу, без предварительной подготовки начинать чтение обширных общих курсов по славяноведению. В результате из-за недостатка квалифицированных кадров на кафедре возникли трудности с преподаванием ряда курсов и ведением практических занятий. Здесь в то время работали И. М. Белявская, Б. М. Руколь, Б. Т. Горянов, Н. Н. Улащик, А. А. Никольская, И. Н. Частухин, М. А. Бирман, Г. Э. Санчук. Заканчивали аспирантуру И. А. Воронков и В. Г. Карасев. Аспирантами первого курса были В. И. Владимирская, В. И. Фрейдзон, Т. Г. Свистунова, В. М. Ендакова. В 1949 г. кафедра своими силами начала работу по составлению учебника истории южных и западных славян и хрестоматии по истории южных и западных славян (2 тома) – работу над первым объектом предполагалось завершить в 1952 г., вторым – в 1953 г. Разумеется, учебник предполагалось разрабатывать на основе методологии марксизма-ленинизма. В перспективном плане научных работ кафедры указывалось: «Это будет первое целостное изложение истории славян, основанное на марксистско-ленинской методологии и охватывающее все периоды исторического развития. При разработке его будут учтены опубликованные в последнее время работы, и внимание составителей будет направлено на разоблачение националистических взглядов славянских ученых и антиславянских воззрений немецких авторов»⁹.

К 1949 г. члены кафедры выпустили в свет несколько сборников статей и книг, которые значились также в планах нового Института славяноведения АН СССР, сотрудниками которого по совместительству были многие ее преподаватели. Было выпущено в свет подготовленное во время войны популярное издание «История Чехии» (под ред. В. И. Пичеты. М., 1947)¹⁰, два «Славянских сборника». Один был издан в 1947 г. и был посвящен проблемам образования Сербского, Польского и Чешского государств¹¹. Его авторами были ученые старшего поколения – Ю. В. Готье, В. И. Пичета и З. Р. Неядлы. Второй «Славянский сборник» имел подзаголовок: «Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах» (М., 1948). Здесь перу С. А. Никитина принадлежали «Введение», статья «Славянские съезды шестидесятых годов XIX века» (С. 16–92), публикация «Письма и записки Н. А. Киреева о балканских событиях 1876 г.» (С. 93–120)¹². Никитин же написал «Предисловие» к солидному и до сих пор сохраняющему свою уникальность изданию «Документы к истории славяноведения в России» (М.-Л., 1948)¹³.

Во всех этих работах С. А. Никитин представил свое видение истории славяноведения и истории славянофильского движения в России, находя в них прямые соответствия и стараясь подчеркнуть некоторую преемственность идей дореволюционного и советского славяноведения, что было позволено сделать в нашей историографии в период Великой Отечественной войны¹⁴. Точно так же, славянофильское движение представлялось в основном в позитивном ключе, хотя не скрывалось, что его адепты придерживались консервативных, монархических взглядов, разделяли идеи панславизма. Но наступили другие времена. В историографии снова начал акцентироваться сугубо классовый подход к анализу исторических явлений, и советская наука стала представляться совершенно самостоятельным продуктом марксистской мысли, лишенным отечественных корней и всякой преемственности с дореволюционной наукой. (Исключение делалось только для творчества революционных демократов.)

В подходе к общему курсу, читаемому студентам 4 курса истфака МГУ, С. А. Никитин исходил из убеждения о сбалансированном представлении разных периодов истории славянства, хотя понимал, что от него будут требовать большего внимания к периоду новейшей истории.

В чем же заключалась главная суть «разоблачительного» заседания, проходившего на кафедре истории южных и западных славян 9 апреля 1949 г.?

Задачей заседания, установленной деканатом истфака и ректоратом университета, а также его партийной организацией, было, как уже указывалось, разоблачение идей буржуазного космополитизма в среде славистов. Разумеется, что никаких оснований для этого не существовало. Ни зав. кафедрой С. А. Никитин, ни ее молодые сотрудники никогда не стремились принизить роль русского и славянских народов в истории, наоборот, здесь еще жили отголоски настроений времен Великой Отечественной войны, когда славянское движение представлялось как искони противостоящее «натиску на Восток» немецких феодалов, а в современности – агрессии и злодеяниям фашизма. К тому же такая крупная фигура в тогдашнем славяноведении, как С. А. Никитин, не был евреем, а преподаватели-евреи еще не приобрели какой-либо известности в науке, потому против них не было смысла развертывать шумную кампанию, тем более, что главные жертвы кампании борьбы с космополитизмом уже были

намечены партбюро истфака МГУ на уровне факультета. Поэтому главные стрелы критики и самокритики, как было тогда принято на партийных собраниях, были направлены в привычное русло разоблачения буржуазного объективизма, безыдейности, беспартийности в науке.

Собрание кафедры, по-видимому, было заранее срежиссировано партбюро факультета, потому что объектом научной критики были избраны те же объекты, которые обсуждались на открытом и закрытом партсобраниях Института, состоявшихся 20 и 26 октября 1948 г. За неимением новых работ критиковались старые, в том числе – «История Чехии», «Славянские сборники», «Документы к истории славяноведения в России».

В выступлениях преподавателей, аспирантов, студентов кафедры и приглашенных критике были подвергнуты все стороны ее деятельности: организационная, педагогическая, научная.

Общая преамбула выступлений наиболее четко была определена И. М. Белявской: «Партия ведет борьбу против буржуазной идеологии, космополитизма, аполитичности, объективизма. В известной мере ошибки кафедры ведут к космополитизму. Я это подчеркиваю. Партия исходит [из необходимости борьбы] за чистоту, за большую принципиальность, партийность в науке»¹⁵.

Со стороны организации работы на кафедре Никитину ставилось в вину, что он недостаточно полно руководит преподавательской деятельностью, не планирует заранее темы спецкурсов, особенно по новейшему времени, мало внимания уделяет аспирантам и студентам, давая им на откуп выбор тем дипломных и диссертационных работ. В то время как, по выражению тогдашней аспирантки В. И. Владимирской, при бедности литературы «для нас даже дипломная работа является вкладом в нашу науку, поэтому необходимо заранее намечать темы дипломных работ, а не предоставлять их выбор только студентам»¹⁶. Для таких обвинений были некоторые основания, хотя по протоколам заседаний кафедры видно, что Никитин стремился обеспечить учебный процесс на кафедре как можно в более полном виде. Беда была в отсутствии необходимых кадров или в их неопытности. В выступлении И. М. Белявской прозвучали претензии к стилю руководства С. А. Никитина, обвинения в «формализме» и «хвостизме», отражавшие настроения бывших учеников В. И. Пичеты и собственные амбиции. «В этом году, – замечала И. М. Белявская, –

С. А. не взял ни одного семинара, спецкурса, недопустимо отсутствие практического общения со студентами. Необходимо вкладывать больше энергии, времени в дело работы кафедры. Традиции Пичеты нельзя забывать, его общение со студентами. Он ставил студенческие доклады на кафедрах»¹⁷. Она же поставила вопрос о идейно-политическом воспитании студентов кафедры: «На кафедре такие вопросы не ставились. Необходимо преодолеть недостатки. Это можно сделать, создать творческий коллектив, а не формальное заседание кафедры, это хвостизм, с которым необходимо покончить»¹⁸. Ту же мысль развивала другой активный партиец, тогдашняя аспирантка В. И. Владимирская, распространяя идею идейного воспитания не только на студентов, но и на преподавателей кафедры. «Заседания нашей кафедры, – сказала В. И. Владимирская, – не являлись творческой борьбой за партийность в науке. На заседании кафедры не ставились большие теоретические вопросы, не подвергалась критическому разбору ни одна вышедшая научная работа. Нельзя забывать, что партийности надо учить, надо прививать критическое отношение к прочитанному»¹⁹. В этом требовании также невольно напрашивалось сравнение с заседаниями кафедры, проводимыми В. И. Пичетой, хотя в последних не было специальной партийной назидательности.

В. И. Владимирская также требовала от руководства кафедры большей напористости в достижении ее «материального» благополучия, в чем также выражались общие настроения партийной молодежи: «Больше мы не должны терпеть бедность нашей кафедры в кадрах, литературе, помещении. Кафедра слишком малочисленна и не удовлетворяет возросшим потребностям. Руководители кафедры должны проявить больше настойчивости в своих требованиях. Если не идет на помощь деканат, надо требовать помощи от ректора, министерства. Ставить вопрос о кафедре вплоть до ЦК ВКП(б)... Надо говорить о нашей кафедре настойчиво громко. Руководители кафедры должны жить жизнью кафедры, творчески ею руководить. Мы живем слишком медленно. Надо идти в ногу с событиями, по-партийному обсуждать новые партийные вопросы»²⁰. В этих обвинениях тоже чувствовался политический подтекст.

Предметом обсуждения стали структура и содержание нового общего курса истории славян от древности до современности. Курс на кафедре только формировался. С. А. Никитин признавал: «Я сам недоволен своим курсом. Дефекты его: этот курс еще недостаточно

сбалансирован, его пропорции еще не найдены. Это необходимо устранить и выправить. Курс недостаточно отточен, мне оставалось подчеркнуть то новое, что мне удавалось в него внести, курс не отточен политически, встречаются неправильные, неточные формулировки. Я работаю над курсом, считаю, что это основная моя работа»²¹. И. М. Белявская, оценивая общий курс, нашла в нем «фактологизм, отсутствие точных политических формулировок»²².

Владимирская пошла еще дальше и увидела «в несоблюдении пропорций» в курсе, отмеченных самим Никитиным, «крупную политическую ошибку». Она сказала, что «нельзя забывать важность новейшего периода истории» и «совершенно недопустимо выпускать из чтения курса такой важный вопрос, как роль Советского Союза в установлении народной демократии в славянских странах. Показать значение Советского Союза должна именно наша кафедра. Упущение этого в дальнейшем потребует политической оценки»²³.

Примечательно, что наиболее категорическую оценку общего курса С. А. Никитина дал студент 3 курса из Польши Ю. Г. Боген, судя по всему, получивший в СССР хорошую марксистскую подготовку. Он также считал, что наибольший интерес курса представляет новейшая история славянских стран, логически завершающаяся победой «народных демократий»: «Задачи курса – показать пути борьбы рабочих и крестьян и завершение *революций* (Слово неразборчиво. Вариант прочтения. – М.Д.). У нас прочитан курс, изолировавший славянские страны друг от друга, изолированный от всемирной истории, изолированный от России, Советского Союза. Эта изоляция, отсутствие классовой борьбы значит, по сути дела*, это объективистская буржуазная история, не дающая принципиальную оценку событиям, происходящим в славянских странах. Прочитанный курс не дает нам возможности правильно понять историю славянских стран, этот курс для нас неприемлем, нуждается в коренной, радикальной переработке»²⁴.

Молодой преподаватель кафедры В. Г. Карасев также развивал мысль о «высоком предназначении» общего курса и даже его некой «мессианистской» роли в утверждении идей социализма в славянском мире: «Мы должны разобраться в настоящем славянских стран, помочь им узнать свою подлинную историю, помочь им в строи-

* Так в тексте.

тельстве социализма, показать великую роль Советского Союза, это наш патриотический долг»²⁵.

Критиковались также спецкурсы преподавателей кафедры. О спецкурсе Г. Э. Санчука по истории Чехии студент Ю. В. Бромлей сказал: «Главный недостаток в нечеткости выводов, в множестве характеристик чешских историков. Например, Палацкому дано так много характеристик, что студенты не могут в них разобраться, – нечеткие формулировки»²⁶. Было признано, что А. А. Никольская не справилась со спецсеминаром по истории Болгарии XIX века на 4 курсе, который был передан И. Н. Частухину, но вина за это была возложена не на преподавателя, его неопытность и недостаточную квалификацию, а на зав. кафедрой, который, дескать, не планировал заранее работу спецсеминаров. Сама Никольская говорила в свое оправдание: «О том, что я должна вести семинар, сказано в начале года, я была неподготовлена. С. А. не проявил достаточного внимания к работе семинара, не было оказано достаточной помощи, хотя и были сигналы со стороны студентов»²⁷. Б. М. Руколь критиковалась не за слабость содержания курса, а только за то, что историю Чехословакии читает слишком медленно, хотя «читает курс она не впервые»²⁸.

Более всего досталось спецкурсу Б. Т. Горянова по истории Болгарии и его программе. (На ученом совете истфака МГУ Е. А. Косминский критиковал Горянова, за то, что он «не понял, что советская наука стоит на принципиально других позициях, чем буржуазная русская дореволюционная наука» по византиноведению²⁹.) Аспирантка Т. Г. Свистунова отметила, что в нем большее внимание уделяется «древнему периоду, а не новой истории ... , только 1/3 программы посвящена народной демократии. Горянову необходимо было исправить программу после борьбы с космополитизмом. У него [в списке] рекомендательной литературы [работа] космополита Вайнштейна»³⁰. Студент В. Д. Вознесенский критически оценил лекции византиниста Б. Т. Горянова об эпохе национального возрождения Болгарии, показав основные принципы тогдашнего понимания марксистского подхода. «Тов. Горянов, – сказал он, – не выяснил базу, на какой возможно было возрождение Болгарии. Он не начал лекции с экономического положения Болгарии, а начал ее с общих положений о развитии производительных сил и т.д. В лекции говорилось о том, что уже всем известно, как в средней школе. Не упоминались высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, не были приме-

нены их положения к обстановке в Болгарии. Совершенно не были упомянуты труды Благоева». После марксистского ликбеза делался политический вывод: «У болгарского историка Натана есть определение типа буржуазного историка, как историка, который плавает по поверхности, не опускаясь в глубинные воды. Именно такое впечатление оставляют лекции т. Горянова». В следующей лекции студент не нашел характеристики мировоззрения Ботева и упоминания о влиянии на него революционно-демократического движения³¹. В третьей лекции студенту не понравилась картина образования болгарской социал-демократии 1890-х годов, характеристика тесняков только как одной из парламентских фракций: «Ничего не сказано в лекции о борьбе социал-демократии, о рабочем движении, о борьбе Благоева за курс развития Болгарии. Ничего не говорилось о влиянии русской социал-демократии на болгарскую, о влиянии революции 1905 года»³². «В важнейшем вопросе о Балканских войнах, – назидательно заключал студент, – совершенно не упомянуто о том, что говорил по этому поводу Ленин. В лекции говорилось только о буржуазном правительстве, о монархе и их действиях»³³. Вывод делался в духе погромных дискуссий тех лет, и студента несколько не смущало то, что речь шла о его достойном уважения преподавателе: «Тов. Горянов стоит на буржуазно-объективистских позициях, льет воду на мельницу идеологических врагов... Горянов разоружился в момент, когда наука стоит на передовой позиции. Это можно квалифицировать как дезертирство. О Горянове стоит давно вопрос. Его несколько раз предупреждали, но он не сделал из этого выводов»³⁴.

Если для критики организационной и педагогической сторон деятельности кафедры и ее руководителя еще были определенные объективные и субъективные основания, то критика их научных взглядов была явно политически ангажирована. В ней можно усмотреть некоторые ключевые моменты изменившегося подхода к анализу исторических явлений, проявившихся в этот период развития марксистской историографии.

Наибольшую полемику вызвал вопрос о преемственности дореволюционного русского и советского славяноведения, «неправильный» подход к решению которого связали с проявлением космополитизма. И хотя С. А. Никитин во вступительном слове пытался оправдаться («неправильно, что я не понимаю различия между старой

и новой исторической мыслью, что русское славяноведение продолжает линию Ламанского и др., что или недоразумение, или незнание с моими работами»³⁵) и даже привел в подтверждение цитату из одной из своих статей, его продолжали критиковать именно за это понятие преемственности, которое не отвергалось в историографии в период Великой Отечественной войны.

Аспирант Л. В. Воробьев указал, что из предисловия к изданию «Документы к истории славяноведения» можно заключить «о преемственности советского славяноведения буржуазному славяноведению. Туманные формулировки, отсутствие политической остроты приводит к тому, что неискушенный читатель сделает выводы, что существует общеславянская наука, которая развивается и в настоящее время. Нет характеристики истории славяноведения, как борьбы двух направлений. Если С. А. признает эти ошибки, то он должен исправить свою диссертацию при издании своей работы (Это часть диссертации)»³⁶.

Выступление Воробьева поддержал аспирант В. И. Фрейдзон. Он утверждал: «Рецензия в журнале «Вопросы истории»³⁷ отмечает два направления в науке славяноведения и недооценку роли революционных демократов. В сборнике дана правильная характеристика идеологов буржуазного славяноведения (Ламанского, Флоринского), но затем делается упор на изучение именно этих буржуазных историков, а не революционных демократов». И далее: «Неправильно также утверждение С. А. Никитина о том, что Октябрьская революция прервала преграды единению славян. Наоборот, славянские связи были ослаблены в результате антисоветской пропаганды империалистов. Буржуазной науке славяноведения была невыгодна новая советская наука славяноведения, [которая] не является продолжением буржуазной славяноведческой науки. В советское славяноведение надо внести новый революционный марксистский дух»³⁸.

Наиболее четко «партийную» позицию по этому вопросу выразила И. М. Белявская, указав какие именно традиции дореволюционной науки должно развивать советское славяноведение. Она утверждала: «В прошлом существовало славяноведение буржуазное и революционно-демократическое (Герцен, Чернышевский). Это революционно-демократическое славяноведение замалчивается С. А. Никитиным в его статьях в «Славянском сборнике» и в сборнике «Документы». Останавливается внимание только на буржуазных

славяноведах, мракобесах. Можно писать о Погодине и Каткове, но надо их разоблачать, показать, как они боролись против революционного движения, как они ненавидели русский народ и все славянские страны». Из сказанного делался категорический вывод: «Премственность советской наукой революционных традиций не показана С. А. в его научных работах и очень мало в учебной. *Забвение роли русских революционеров, октябрьской революции в истории славянских стран – есть космополитизм*»³⁹. (Выделено нами. – М.Д.). Не стоит говорить, что дальнейшие исследования показали правоту взглядов С. А. Никитина.

Другой принципиальный для Никитина вопрос, подвергнутый критике, касался оценки им славянского движения и его главных деятелей. Ученый стремился не навешивать на них ярлыков реакционеров и прогрессистов, старался показать их вклад в развитие национальной культуры. (Хотя, заметим, и он был человеком своего времени и ему также были присущи некоторые упрощения и политизированные характеристики.) В этой связи аспирант Л. В. Воробьев упрекал своего руководителя в том, что он «недостаточно останавливается на отношении революционных демократов к движению в славянских странах, отсутствуют классовые характеристики, характеристика Каткова и прочих реакционеров... Не указывается, что Славянский комитет поддерживал национальное движение, не говоря [о том], что этот комитет не поддерживал демократические слои славянских стран. Отсутствуют характеристики реакционных кругов славянских комитетов. О национализме славянофилов сказано слабо. Неправильно дана характеристика славянофилов 60-х гг., они были националисты и в 60-х, и в 70-х гг. Неправильна характеристика Каткова, получается объективно, что Катков не был реакционным деятелем той поры»⁴⁰.

Эту же тему развивала Белявская: «С. А. Никитин идеализирует Каткова, Погодина, славянофилов 60-х гг. Катков, Погодин мешали связям славянских народов. У С. А. получается наоборот... Выходит, что, по мнению С. А., революционеры 70-х гг. отмахнулись от славянского движения. Не отмахнулись Катков, Погодин?! Неправильна в статье оценка славянофильства, которое стало реакционным. Здесь дело в объективном содержании и политическом значении, оценке русского освободительного движения и реакции Сергеем Александровичем. В сборнике дана типично буржуазно-объективистская оценка Каткову, Соловьеву, Погодину»⁴¹.

Резкой критике подвергались научные работы и других преподавателей кафедры. Среди них Н. Н. Улащика. Он читал в 1948/49 году часть общего курса и спецкурс «Разложение феодально-крепостнической системы в Польше», ранее опубликовал по этой теме статью «Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г.» (Вопросы истории. 1948. № 12. С. 51–56). Статья удостоилась перевода на польский язык, но на данном заседании стала объектом критики аспирантов Свистуновой и Воронкова. «Тов. Свистунова, – говорилось в протоколе заседания кафедры, – правильно отмечала недостатки статьи тов. Улащика. Действительно, в ней слишком много цитат при небольшом размере статьи. В статье мало внимания уделяется классовой борьбе перед крестьянской реформой 1861 г. Не обрисовано положение деревни перед реформой. Мало освещен вопрос о землеустройстве. Создается впечатление, что у крестьян Литвы и Западной Белоруссии было слишком много земли. Недостаточно подчеркнута связь мелких и средних крестьянских хозяйств с рынком»⁴².

На фоне обсуждения работы Никитина и других преподавателей кафедры основательный, суперкритический разбор А. Х. Клеванским популярного издания «История Чехии», выполненного в рамках Института славяноведения АН СССР под руководством В. И. Пичеты и получившего благожелательные рецензии⁴³, выглядит некоторым диссонансом и несет в себе некую закулисную интригу. Можно предположить, что это выступление было заказано парткомом. Выступавший ставил вопрос ребром: является ли этот «первый опыт советских славяноведов осветить историю отдельной славянской страны с древнейших времен по сегодняшний день первой марксистской работой», и отвечает категорично: «Нет, не является», потому что «книга идеализирует и потому искажает историю». Более того, «книга игнорирует не только общие, но и непосредственные высказывания классиков марксизма-ленинизма о Чехии и даже больше, книга спорит с ними, пытается опровергнуть без достаточных доказательств»⁴⁴. (Почему-то молодой критик не обратил внимания на то обстоятельство, что в книге нет ссылок на литературу, только на труды И. В. Сталина, которого он опрометчиво не отнес к классикам). Далее Клеванский скрупулезно, во всех периодах истории Чехии, представленных в книге, ищет подтверждения своему главному тезису. Примечательна здесь критика оценки Славянского

съезда в Праге 1848 г., которая обсуждалась и пересматривалась в семинаре В. И. Пичеты. Критик заметил: «Автор сказал, что на Славянском съезде в 1848 г. в Праге не было панславизма, т.е. того, в чем обвинял съезд Маркс. В книге же он говорит (С. 145), но если на съезде не выдвигалась идея государственного объединения славян, то выдвигалась идея общеславянского союза (Бакунин, Либельт), кому на руку была такая идея в тогдашних конкретных условиях? Только на руку царскому самодержавию, главному врагу европейской революции. Итак, одна часть съезда объективно играла на руку самодержавию, другая выдвигала идею австрославизма, [играла] на руку реакционной Австрии. В обоих случаях оно было на руку реакции. Поэтому и сам съезд был реакционным, и Маркс был прав, так оценивая его. Но об этом в книге вы не найдете ни слова»⁴⁵.

Клеванский утверждал новый тогдашний подход советской историографии к вопросу о причинах распада Австро-Венгрии. По его мнению, «крах империи Габсбургов «не совпал», а был одной из причин образования Чехословацкой республики. А главной причиной была борьба чешского народа под непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁶.

Выступление было завершено категорическим выводом: «Книга ничего общего с марксизмом не имеет. Героическая и прекрасная история чешского народа не нуждается в идеализации. Не идеализация представителей господствующих классов, а показ героической борьбы народа против них, не изоляция в рамках чешских земель, а освещение значения борьбы одного из славянских народов в истории народов Европы, в истории борьбы человечества за коммунизм – задача партийной советской науки славяноведения»⁴⁷.

Студент В. Д. Вознесенский верно передал тогдашнее ощущение «передовых» студентов, которые в области освоения марксизма опережали своих преподавателей. «Перед нами, студентами, стоит крепость. Нас ведут на штурм этой крепости *с другой стороны*. Мы хотим штурмовать эту крепость современным оружием, каким является наука марксизма-ленинизма»⁴⁸. В этом отношении А. Х. Клеванский искренне считал, что студенты могут помочь своим преподавателям: «Прислушавшись к голосу студентов, по мере своих сил, старающихся помочь в этой большой работе, наши научные руководители воспримут сегодняшнюю критику как посильный вклад своих младших товарищей в наше общее большое дело»⁴⁹. Этот момент

отметила и И. М. Белявская, одобрявшая политически направленную критику студентов: «Выступления присутствующих преподавателей ограничены чисто критическими замечаниями. Не было дано политической оценки своих ошибок. Уровень выступлений преподавателей ниже, чем выступлений студентов и аспирантов. Преподаватели не почувствовали задачи, стоящие перед кафедрой»⁵⁰.

На фоне задиристых критических выступлений студентов, аспирантов и молодых преподавателей заключение декана Г. А. Новицкого выглядело совсем «миролюбиво». Он пожурил С. А. Никитина за то, что он считает себя только «председателем кафедры», а не полноценным заведующим, вникающим во все ее дела. Он отметил: «Большие недостатки имеются на кафедре, и С. А., и я отвечаем за курс Горянова. Хотя критика Горянова была со стороны профессора Тихомирова, и в Академии наук зав. кафедрой не председатель, у него большая власть, он руководитель кафедры, обладает большими правами, как и по отбору кадров, так и по другим [делам]»⁵¹. Тем самым был сделан явный намек на предполагаемое увольнение Горянова, которое могло послужить неким оргвыводом развернутой кампании. Никитин, сказавший во вступительном слове, что всем преподавателям кафедры, включая Горянова и его самого, предстоит исправлять ошибки, в заключительном слове не стал его добивать, остановившись на общих проблемах кафедры и пытаясь оправдаться по критике в свой адрес.

С. А. Никитин, в частности, сказал: «Выступления правильно отражали работу кафедры. Это очень важно, так как критика и самокритика не всегда имеет место на наших кафедрах. Необходимо понять о необходимости скорейшего появления учебника. Это первоочередная работа, не позднее осени 1950 г. Ибо учебник нужен не только нам, но странам народной демократии... Учебник необходимо писать коллективно»⁵².

В заключительном слове С. А. Никитин пытался ответить на выдвинутые обвинения и как-то оправдать себя и других членов кафедры. Момент был серьезный, так как могли последовать репрессивные «оргвыводы». Понятно, что он не принял обвинений в «буржуазном космополитизме», прозвучавших в двух выступлениях, старательно обойдя этот вопрос. Из всех «политических» ошибок он признал только отсутствие «ясных и отчетливых формулировок» при разоблачении реакционных идеологов и то с оговоркой,

что «в другом месте мною написано о Каткове иное»⁵³. На определенную заданность обвинений указывал и тот факт, что, по признанию Никитина, статья из «Славянского сборника», «вызвавшая такие бурные прения», в свое время «была обсуждена на заседании кафедры и не вызвала сомнений». Главную задачу кафедры Никитин увидел в том, «чтобы раз навсегда отказаться от той трактовки вопросов, которая приводит к указанным ошибкам, покончить с объективистским изображением, которое имеет у нас место. Вопрос этот имеет характер далеко не личный, и только общими усилиями всей кафедры можно выйти из создавшегося положения»⁵⁴. Наилучшим образом такую задачу, по его мнению, можно будет реализовать в подготовке учебника по истории славян, которую по заданию деканата необходимо было выполнить в короткий срок. Эта работа должна «явиться тем оселком, на котором кафедра должна показать свою способность к работе. Вопрос об учебнике практический, вопрос не далекого плана, а текущей [работы]: над созданием учебника должны работать все звенья кафедры»⁵⁵.

Никитин признал также, что «положение совместителя не всегда дает возможность уделять кафедре достаточно внимания, столько, сколько она требует. Начало года, связанное с составлением плана в Институте славяноведения, оторвало меня от кафедры. Наиболее неприятное заключается в том, что не хватало времени побывать на занятиях у всех сотрудников кафедры. Это моя вина». Из этого следовал вывод: «Общая организация дел на кафедре требует принятия самых решительных мер, для того, чтобы перестроить всю работу. В этом сошлись все выступающие»⁵⁶.

Никитин специально остановился на вопросе о работе с кадрами, что, как указывалось, косвенно служило обоснованием сохранения коллектива кафедры: «Привлечение работников со стороны очень трудное дело. В Институте славяноведения мало людей, которых можно было бы в полном объеме привлечь к работе на кафедре. Надо делать ставку прежде всего на самих себя. Надо смело привлекать к работе аспирантов. Надо попытаться привлечь работников из Академии общественных наук... Специалистов по новому периоду очень мало, что затрудняет возможность быстро укомплектовать кафедру. Но, повторяю, надо использовать все возможности»⁵⁷.

Тяжелый осадок, несомненно, оставил у старших по возрасту преподавателей кафедры моральный аспект обсуждения. Несмотря

на это, Никитин вынужден был признать, скрепя сердце, результаты обсуждения положительными: «Кафедра получила сегодня встряску, которая будет полезна для совершенствования ее работы. Мы не всегда интересовались работой друг друга. До сегодняшнего дня я не слышал таких суждений о моей научной и учебной работе, хотя и обращался с вопросами к товарищам. Только общей работой кафедры можно достигнуть улучшения работы кафедры»⁵⁸.

Для выработки текущего решения на заседании была избрана комиссия в составе Новицкого, Никитина, Белявской, Владимирской и Улащика, текст которого не сохранился. Инициатором его составления выступила Белявская.

В заключение следует отметить, что к счастью для развития отечественного славяноведения, это заседание не имело серьезных административных последствий ни для кафедры, ни лично для С. А. Никитина, вероятно, потому, что в конце апреля кампания по борьбе с космополитизмом по указанию Сталина была свернута. По свидетельству очевидца, партбюро постановило снять все обвинения с Никитина в космополитизме, как «обвиненного не правильно». Б. Т. Горянов, правда, вскоре вынужден был уйти с кафедры, а Н. Н. Улащик впоследствии был арестован. Одно несомненно: С. А. Никитин получил еще одну глубокую моральную травму, от которой долго не мог оправиться, замкнувшись в себя. За эту закрытость и чрезмерную осторожность его впоследствии не раз упрекали на партсобраниях в Институте славяноведения АН СССР.

Примечания

¹ Об этих идеологических кампаниях 1940-х гг. в настоящее время написано много работ. Укажем наиболее важные из них: *Ахундов М. Д.*, *Баженов Л. Б.* У истоков идеологизированной науки // *Природа*. 1989. № 2. С. 90–99; *Азадовский К.*, *Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме // *Звезда*. 1989. № 6. С. 157–176; *Борцаговский А. М.* Записки баловня судьбы. М., 1991; *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. Из записок современника. СПб., 1992; *Батыгин Г. С.*, *Девятко И. О.* Еврейский вопрос: Хроника сороковых годов // *Вестник Российской академии наук*. 1993. Т. 63. № 1. С. 61–72; № 2. С. 143–151; *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993; *Есаков В. Д.* К истории философской дискуссии 1947 г. // *Вопросы философии*. 1993. № 2; *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последние сталинские десятилетия. Документальное исследование. М.,

- 1994; *Он же*. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 47–60; *Левин Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... // Биология в СССР: История и историография. М., 1995; *Поляков Ю. А.* Весна 1949 года // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 69–73; Еврейский антифашистский комитет СССР. 1941–1948. Документированная история. М., 1996; Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева [публикация Р. Г. Эймоковой] // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–163; *Досталь М. Ю.* Борьба с космополитизмом на историческом факультете МГУ весной 1949 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999. С. 167–175; *Люкс Л.* Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7; *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001 и др.
- ² Подробнее см.: *Борицаговский А. М.* Записки баловня судьбы... С. 229; *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона... С. 179–191.
- ³ См.: На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. № 3. С. 154–156; *Поляков Ю. А.* Весна 1949 года... С. 69–73; *Досталь М. Ю.* Борьба с космополитизмом... С. 166–175; Из дневника Сергея Сергеевича Дмитриева... С. 142–163 и др.
- ⁴ В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Хроника // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 151; *Поляков Ю. А.* Весна 1949 года... С. 69–70 и др.
- ⁵ *Досталь М. Ю.* Борьба с космополитизмом... С. 168.
- ⁶ Там же. С. 169.
- ⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 36. Л. 221.
- ⁸ Там же. Л. 222.
- ⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 8. Д. 160. Л. 3. (План научно-исследовательской работы кафедры на 1949 г.)
- ¹⁰ Авторами книги «История Чехии» являются В. И. Пичета (гл. 1 – дофеодальный период и гл. 2 – Феодальная Чехия), Б. М. Руколь (гл. 3 – Реформация в Чехии и гл. 4 – Феодально-крепостническая Чехия), А. К. Целовальникова (гл. 5 – Возникновение капитализма и нац. возрождение Чехии), И. И. Удальцов (гл. 6 – 1948 год в Чехии и гл. 8 – ЧСР), Н. Д. Ратнер (гл. 7 – Чехия в 1860–1914 гг.), Г. Э. Санчук (гл. 2, § 7 – Возрождение Чехии при Карле I; гл. 3, § 1 – Феодализация Чехии)
- ¹¹ Славянский сборник. Образование Сербского, Польского и Чешского государств. М., 1947.
- ¹² Сборники получили положительную оценку в печати. См.: *Ефимов К.* Сборник статей, посвященный прошлому славянских народов (Славянский сборник. I. Образование Сербского, Польского и Чешского государств; II. Исторические связи славян) // Славяне. 1948. № 9. С. 53.
- ¹³ Публикация оценивалась в двух рецензиях. В первой – в основном положительно, во второй – более критически. См.: *Ростов С.* Публикация писем ученых из славянских земель (Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). Изд-во АН СССР. М.-Л.; 1948) // Славяне. 1948. № 8. С. 54–57; *Бернштейн С. Б., Дитякин В. Т.* Рец. на кн.: Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.-Л.; 1948 // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 132–135.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах 2001. М., 2002.
- ¹⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 159. Л. 43.
- ¹⁶ Там же. Л. 30 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 45.
- ¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Там же. Л. 30.
²⁰ Там же.
²¹ Там же. Л. 26 об.
²² Там же. Л. 45.
²³ Там же. Л. 30 об.
²⁴ Там же. Л. 41.
²⁵ Там же. Л. 45 об.
²⁶ Там же. Л. 29.
²⁷ Там же. Л. 27.
²⁸ Там же. Л. 26 об.
²⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 36. Л. 38 об.
³⁰ Там же. Оп. 8. Д. 159. Л. 28.
³¹ Там же. Л. 42.
³² Там же. Л. 42–42 об.
³³ Там же. Л. 42 об.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же. Л. 25 об.
³⁶ Там же. Л. 28.
³⁷ См. сноску 13.
³⁸ Там же. Л. 31 об.
³⁹ Там же. Л. 43 об.
⁴⁰ Там же. Л. 27 об.
⁴¹ Там же. Л. 43 об.
⁴² Там же. Л. 30.
⁴³ См.: *Яцунский В.* История братского народа («История Чехии». Под ред. академ. В. И. Пичеты) // *Славяне*. 1948. № 2. С. 59; *Никитин С. А., Миллер И. С.* Рец. на кн.: *История Чехии*. Под ред. В. И. Пичеты // *Вопросы истории*. 1948. № 6. С. 109.
⁴⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Д. 159. Л. 32.
⁴⁵ Там же. Л. 36 об.
⁴⁶ Там же. Л. 37 об.
⁴⁷ Там же. Л. 38.
⁴⁸ Там же. Л. 42 об.
⁴⁹ Там же. Л. 38.
⁵⁰ Там же. Л. 43.
⁵¹ Там же. Л. 45 об.
⁵² Там же.
⁵³ Там же. Л. 46.
⁵⁴ Там же. Л. 46 об.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же. Л. 47.
⁵⁸ Там же.

Л. В. Горина

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БОЛГАРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА С. А. НИКИТИНА

Сергей Александрович Никитин охотно и интенсивно занимался историей Болгарии, преимущественно XIX в. На «ниве» болгаристики произрастали его ученики-дипломники, кандидаты, доктора наук. В обширной панораме трудов профессора по истории Болгарии находим работы по средневековью. Автор этих строк видит свою задачу не столько в том, чтобы дать более или менее удачную характеристику трудам своего учителя по проблемам истории Болгарии средневекового периода, сколько в обнаружении закономерностей творчества ученого как медиевиста.

В свое время С. А. Никитин в статье о видном историке болгарского возрождения Паисии Хилендарском весьма точно определил критерии оценки работ историков, полагая, что «исходя из уровня науки каждого периода, можно судить о ценности исторического сочинения данного времени»¹. В сущности, перед нами важнейшая проблема – историк и сформировавшее его время.

Обратимся к творчеству профессора С. А. Никитина, имея в виду медиевистическую его часть и, еще конкретнее, историю средневековой Болгарии. В научном активе С. А. Никитина нет монографий, посвященных болгарскому средневековью. Как известно, его труды по истории южных и западных славян относятся к периоду значительно более позднему. И здесь необходимо сделать оговорку: многие десятки написанных им страниц о болгарском средневековье вошли в обобщающие коллективные труды, в которых С. А. Никитин нередко и автор, и редактор, а также в учебники и разного рода учебные пособия. Будучи вузовским профессором и заведующим кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета Московского университета в 1947–1961 гг., С. А. Никитин твердо придерживался принципа, что не следует противопоставлять мо-

нографии учебникам, так как эти виды научной работы тесно связаны. Являясь заведующим сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма Института славяноведения (затем – Института славяноведения и балканистики) АН СССР (1947–1969), С. А. Никитин стремился, чтобы в составе авторских коллективов обобщающих трудов были как ученые Московского университета, так и различных научных институтов.

В первом томе «Истории Болгарии» (1954) С. А. Никитину принадлежит обширный раздел, относящийся к болгарскому средневековью². Заметим, что еще в начале 50-х гг. ученый приступил к работе над статьей, посвященной важнейшей проблеме, постоянно дискутируемой в научной литературе. Речь шла об образовании болгарского народа и возникновении Болгарского государства. Статья, увидевшая свет в «Вестнике Московского университета»³, являлась вариантом текста, написанного для «Истории Болгарии»⁴.

Небезынтересно сравнение двух вариантов текста, посвященных вопросу образования болгарской народности и государства. Бросается в глаза более обширная историографическая часть в журнальном варианте по сравнению с разделом в «Истории Болгарии». Дело, видимо, в том, что рамки коллективного сочинения всегда достаточно тесны. В обоих вариантах звучит вывод, которому ученый придает большое значение. Он таков: «Продвижение славян на Балканский полуостров представляет собой не частный факт, а одно из крупнейших событий европейской истории. По своему значению оно было ничуть не меньше, чем вторжение на территорию Западно-Римской империи германских и других племен»⁵. Нам сейчас трудно ответить на вопрос, почему характеристика политического образования болгар, так наз. Союза семи славянских племен, более основательна и развернута в журнальном варианте. Именно в нем мы встречаем такого рода характеристики: «Имена этих семи племен остаются неизвестными, они никогда не выступают на исторической арене порознь. Прочное объединение семи мизийских племен представляло собой слагавшееся славянское государство... Раннесредневековое «варварское» государство, с обозначившейся внутри его тенденцией развития в направлении феодализации, сложилось у славян, поселившихся в Болгарии, уже в этот ранний период их оседлости на Балканском полуострове»⁶.

Несравнимо более широкое историографическое введение, как уже отмечалось выше, предпослано статье, а не разделу в «Истории Болгарии», посвященному протоболгарской проблеме. Можно и сейчас с уверенностью утверждать, что это один из наиболее удачных обобщающих очерков литературы о протоболгарах.

Обратимся к «никитинским» разделам «Истории Болгарии». Но прежде еще одно важное, на наш взгляд, наблюдение. В соответствии с требованиями сталинской эпохи любой, желавший остаться в живых, историк произносил идеологические заклинания, иссушающие живую душу научного работника. Не избежал этого и С. А. Никитин. Нет нужды приводить здесь соответствующие пассажи о «руководящей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда», о полном загнивании буржуазной исторической науки и т.п. Важно другое – как, вопреки этим «священным штампам», развивалась творческая мысль ученого и как она вообще уцелела.

В «Истории Болгарии» С. А. Никитиным написаны многие главы, в том числе глава первая – о первобытнообщинном и рабовладельческом строе на территории Болгарии, глава вторая – о социально-экономическом строе славян в IV–VI вв. и три параграфа третьей главы – о социальных и политических отношениях у балканских славян в VII–VIII вв., образовании первых славянских государств на Балканском полуострове и о протоболгарах.

Картина жизни и быта древнейших обитателей территории Болгарии воссоздается ученым буквально по крупицам. Тщательно анализируется необходимый археологический материал. Данных этих явно недоставало. Впереди были и широкие археологические работы болгарских ученых, и создание систематических трудов по древнейшей истории Болгарии.

Естественно, что в очерк о древней болгарской территории были включены разделы по истории фракийцев. С. А. Никитин опирается на труды виднейших болгарских античников – Гавриила Кацарова и Христо Данова. Не являясь специалистом по древней истории, С. А. Никитин, тем не менее, постоянно старается обратить внимание читателей на спорные или дискуссионные проблемы фракийской истории, в частности: о времени и месте расселения фракийцев на Балканах, о разграничении фракийской и иллирийской культур, о характере рабовладения у фракийских племен.

Как уже было отмечено, С. А. Никитин рассматривает в этом труде вопрос о происхождении славян, начиная его с утверждения, которое и сегодня можно повторить: «Вопрос о происхождении славянских племен, на основе которых развились впоследствии средневековые славянские народности, в том числе болгарская, в настоящее время еще далеко не решен»⁷. С. А. Никитин активно использует результаты изучения проблемы, опираясь на труды видных исследователей вопросов этногенеза, равно как и данные источников, преимущественно сочинения византийских писателей. Важнейший вывод ученого завершает раздел о происхождении славян: «В IV–VII вв. общественно-экономический строй славян достиг последнего рубежа первобытнообщинного строя, и они вступили на порог государственности»⁸. Подчеркнем, вывод сколь важен, столь и уязвим – ведь такая широкая датировка события едва ли приемлема.

Ни одна серьезная проблема ранней истории болгарского народа не проходит мимо внимания историка. Основательно анализируется вопрос появления славян на Балканском полуострове. С. А. Никитин был блестящим полемистом. Это вполне очевидно проявляется в указанном разделе. Он спорит с Н. С. Державиным, полагавшим, что славяне произошли от фракийцев. С. А. Никитин убежден: «Решение вопроса, предложенное Н. С. Державиным, не может быть принято. Оно построено на ошибочной, антимарксистской теории Н. Я. Марра о стадильности в развитии языков»⁹. Проблема появления славян на Балканах явно спорная и в значительной мере потому, что источников недостаточно или они разноречивы. В таких случаях С. А. Никитин деликатен: он не опровергает резко отличающиеся от его собственных взгляды, ограничиваясь изложением различных точек зрения. В то же время историк полагает: «...что касается массового проникновения славян на полуостров в VI–VII вв., то этот факт не вызывает никаких сомнений, так как он получил обстоятельное освещение в трудах древних авторов»¹⁰. Известно, что до сих пор о времени заселения славянами Балкан ученые спорят, и сегодня вопрос нельзя считать окончательно решенным. Мнение, высказанное в свое время С. А. Никитиным, и опровергается, и подтверждается. Советскими учеными (Ю. В. Бромлей, В. Д. Королюк и др.) было выдвинуто предположение о возможном перемещении части славян вместе с германскими племенами на юг, в пределы Подунавья и отчасти на Балканы еще в III–IV вв.¹¹. К заключению о появлении сла-

вян на полуострове в IV в. пришли болгарские ученые В. Георгиев и К. Влахов¹². Спорадическое проникновение славян на Балканы имело место в IV–V вв., а массовые их вторжения начались в VI в., полагает В. Тыпкова-Заимова¹³. Возможную инфильтрацию славянского населения на Балканский полуостров еще в III–IV вв. допускает Д. Ангелов¹⁴.

В целом же воссозданная С. А. Никитиным картина поэтапного появления славян на Балканах верна. Ее, конечно, можно дополнять или в незначительной мере корректировать.

Социальные и политические отношения у балканских славян в VII–VIII вв. – этот сюжет избран С. А. Никитиным для рассмотрения в одном из последующих разделов указанного коллективного труда. Здесь встречаем следующее заключение: состоялась мирная встреча славян со старым местным фракийским населением. Этот вывод можно оспорить, ведь согласно современной историографии, «к началу славянских вторжений фракийцы не сохранились этнически как особый народ»¹⁵. В то же время абсолютно прав С. А. Никитин, полагая, что «славяне усвоили некоторые элементы фракийской культуры»¹⁶. Хотя в данном случае ученый осторожен в своем заключении, полагаясь на мнения других историков. Заселение славянами Балканского полуострова – эта постоянная проблема славистики. Она, естественно, присутствует и в рассматриваемом очерке Никитина. Профессор стремился быть предельно точным, обращаясь к реалиям исторической географии, потому и его вывод о расселении славян на полуострове весьма конкретен. Позволим себе привести достаточно обширную цитату на эту тему: «В Добрудже обитали северы (северяне). В придунайской низменности расположилось большое славянское объединение, известное под наименованием «семи племен». Западнее, в области р. Тимок, жило племя тимочан, по течению р. Моравы обитали моравяне. В северо-западной части Фракии, на отрогах Родопских гор и Старой планины, жили драговичи (драгувиты). К югу от Старой планины, в бассейне р. Струмы, находились стримонцы (струменцы или струмяне), близ побережья Эгейского моря в междуречье Струмы и Месты расположилось племя смрлян. К северу от Халкидонского полуострова в междуречье Вардара и Струмы были известны ринхины. В Македонии, в бассейне р. Цоны, жили берзиты»¹⁷. Согласимся, что в подобной тщательности ученого есть нечто от доброй старой школы историографии, с

ее точностью и неторопливостью. Замечу, кстати, что мой учитель всегда считал, что торопливость в научной работе абсолютно недопустима.

Продолжим путешествие по страницам глав, написанных С. А. Никитиным для «Истории Болгарии». Речь идет об общественном строе славян до заселения ими Балканского полуострова и после посещения. Основные выводы ученого таковы: общественный строй славян до заселения достиг последних ступеней развития первобытнообщинных отношений, на новой территории племя являлось не родовым, а территориальным объединением со слабыми остатками родовых связей.

С. А. Никитин опирался на данные «Земледельческого закона» – юридического памятника Византии начала VIII в. Увы! Подобного этому славянского юридического свода или просто не сложилось, или не сохранилось, посему и нынешние ученые при анализе социально-экономического положения на Балканах оперируют данными лишь этого памятника.

В «Истории Болгарии» совсем небольшой параграф посвящен теме образования первых славянских государств на Балканском полуострове. Впоследствии С. А. Никитин не раз и не два обратится к этой теме, расширяя и углубляя ее толкование. Пока же ученый развивал следующие тезисы: у славян протекал распад родовых связей, хотя сохранялись остатки родовых отношений; складывалась территориально-племенная организация, объединившая соседские сельские общины. Эти объединения являлись племенными княжествами, т.е. уже политическими объединениями. Налицо, таким образом, были предпосылки образования государства у славян.

Важнейший его вывод: первые славянские государства возникли на Балканах еще в VII в. «Славянское объединение, известное под наименованием «Семи славянских племен», – писал Никитин, – было раннефеодальным государством, где основной фигурой был свободный славянский крестьянин, постепенно закрепощаемый со стороны усилившихся землевладельцев»¹⁸. Этот решительный тезис подвергся в последующей историографии корректировке. Теперь полагают, что процесс сложения первого болгарского государства был весьма длительным и занял значительное время и после заключения мирного договора Болгарии с Византией в 681 г., а «в славиниях лишь создавались условия для возникновения государственных форм обще-

ственной жизни»¹⁹. Но ведь все дело в том, что у нас нет надежных источников, позволяющих безоговорочно защищать тот или иной вывод.

Наконец, еще один важный раздел в «Истории Болгарии» принадлежит С. А. Никитину. Он посвящен протоболгарам. Заметим, что этот раздел более обширен, нежели предыдущий. Более того, раздел как никакой другой насыщен историографической информацией, с очень точной характеристикой проблемы. Позволим себе процитировать следующий абзац: «Вопросу о происхождении и древней истории протоболгар посвящена большая научная литература. Еще в конце XVIII в. проблема протоболгар привлекла внимание историков и до сих пор она не потеряла своего интереса. Письменные источники не дают убедительного и ясного ответа на вопрос о происхождении протоболгар. Археологический материал, который должен помочь в решении проблемы, добыт в недостаточном количестве, мало изучен и нередко истолковывался тенденциозно. Необходимо специальное археологическое изучение приазовского района, где обитали протоболгары до переселения на Дунай, и параллельное проведение раскопок в тех частях Восточной Болгарии, которые хранят и поныне нераскрытые остатки протоболгарской культуры»²⁰. Согласимся, что в этом коротком отрывке содержится целая программа научного изучения протоболгарского вопроса.

Протоболгарской проблемой С. А. Никитин вполне владел – как литературой, так и источниковой базой этого сложного явления. Это позволило ему рассмотреть протоболгарскую историю, начиная с 30-х гг. IV в. и вплоть до 80-х гг. VII в., когда Византия оказалась вынужденной примириться с создавшимся положением, заключила мир с протоболгарами и признала их хозяевами захваченной территории. И все же свои труды С. А. Никитин писал в сложное время, а точнее и, может быть, это вернее, во времена тоталитарно упрощенные, когда буржуазная историография шла в непереносном сопровождении эпитета «реакционная», а славяне считались «самыми-самыми...». Противостоять этому ненаучному стереотипу было почти невозможно. Поэтому отметим вынужденность некоторых выводов С. А. Никитина. Например, такого: «Реакционные авторы всячески преувеличивали роль протоболгар в судьбах Балканского полуострова... Реакционная буржуазная историография утверждала, что славяне не способны к государственной организации, не обладали

своей культурой, что всюду на Балканском полуострове, где славян не спасла организующая сила протоболгар, они были поглощены другими народами»²¹.

Ученый был убежден в том, что, когда протоболгары пришли на Балканы, государство у славян уже существовало. Источники же во все не давали ответа на столь сложный вопрос. Более того, этот вывод вступал в противоречие с той конкретной ситуацией в Болгарии, где именно протоболгарская знать заняла господствующее положение в управлении страной. Пришельцы протоболгары полностью и бесследно растворились в славянской среде – к такому выводу пришел С. А. Никитин, выводу, очевидно, ошибочному. Но не это в данном случае главное. Хотелось бы еще раз сказать, сколь трудно работать творческому человеку в мертвящих объятиях официальной догматической идеологии. Еще раз напомним читателю, что вышеупомянутый коллективный труд по истории Болгарии, точнее, его первый том увидел свет в 1954 г. – стало быть, писался он в начале 50-х гг.

Наступала эпоха постсталинизма, впереди была первая короткая весна свободы начала 60-х гг.

В 1957 г. кафедра истории южных и западных славян выпустила учебник по истории зарубежных славян, написанием которого руководил профессор С. А. Никитин. Страницы учебника с изложением истории Болгарии, включая и ее средневековье, написаны им же. Обратимся к ним.

Начинается изложение с раздела о происхождении славян, где в сокращенном виде сформулированы выводы, присутствующие в соответствующих разделах «Истории Болгарии». Но не только. С. А. Никитин был опытным педагогом, и, видимо, именно поэтому он насыщает небольшой параграф о происхождении славян подробными историко-географическими сведениями, конкретными данными о границах расселения славянских племен. Профессор счел необходимым обратиться к описанию и анализу общественно-экономического строя славян в IV–VI вв., т.е. до поселения их на Балканах. Представив студентам реалии этого строя (хозяйство, общественные отношения, степень развития военного искусства, политическую власть), С. А. Никитин еще раз решительно повторил свое прежнее заключение: «Славяне IV–VI вв. находились на стадии разложения первобыт-

нообщинного и формирования классового строя. Они вступили уже на порог государственности»²².

С. А. Никитин счел необходимым в соответствующих небольших параграфах изложить историю славянских вторжений на Балканский полуостров, последствия славянской колонизации, дать характеристику хозяйства и общественного строя славян. И эти разделы насыщены подробными историко-географическими сведениями.

Из огромного комплекса проблем, встающих перед исследователем в связи с изучением истории Болгарского государства в VII–IX вв., С. А. Никитин избирает для изложения в учебнике, пожалуй, самые главные. Речь идет о протоболгарах, их происхождении и расселении, о социально-экономическом строе Болгарского государства в VII–IX вв., политическом развитии страны, оформлении феодальных отношений и принятии христианства.

Именно на страницах рассматриваемого учебника С. А. Никитину удалось дать сводный очерк болгарской истории, начиная с конца X в. и вплоть до XV в. В нем мы находим важные обобщающие выводы ученого: в Болгарии к концу IX в. завершился в основных чертах процесс складывания феодальных отношений и образовалось два основных класса феодального общества – зависимое крестьянство и феодалы. Еще одно важное заключение: «К X в. процесс ассимиляции славянами протоболгар, а также остатков старого дославянского населения заканчивается и складывается древнеболгарская народность»²³.

Вполне естественно, что на скупых страницах учебника можно было лишь кратко представить такие сюжеты, как войны с Византией, включая подчинение Восточной Болгарии Византией в конце X в. и завоевание всей Болгарии империей в начале XI в.

Закономерно следующим сюжетом стала история Болгарии под византийским господством. С. А. Никитин отрицательно оценивал последствия византийского владычества в Болгарии.

В изложении последующих событий, развернувшихся на болгарской территории в XIII–XIV вв., С. А. Никитин делает акцент, прежде всего, на анализ внутренних событий, преимущественно социально-экономических. Политические реалии изложены им сравнительно кратко.

С. А. Никитиным написан раздел учебника, в котором представлены события завоевания Балканского полуострова турками-османами.

И сегодня едва ли можно что-нибудь возразить против следующего сделанного им вывода: «Разобщенность сил южнославянских народов, раздробленных на ряд отдельных феодальных владений, не дала возможности оказать сильного сопротивления турецким завоевателям»²⁴. Южные славяне спасли Западную Европу от турецкого нашествия. И этот вывод вполне справедлив.

Работа над учебником была завершена. Профессионально академические интересы профессора С. А. Никитина были в области истории Болгарии XVIII–XIX вв., а не средневекового периода. История болгарского возрождения, болгаро-русских общественных и культурных связей стали предметом его углубленного научного исследования, воплотившегося в две солидные монографии²⁵ и серию статей и публикаций. К болгарскому средневековью С. А. Никитин, тем не менее, обращался, когда писал многочисленные небольшие статьи для энциклопедических изданий, руководил работой своих учеников, готовивших дипломные работы или кандидатские диссертации, обычно на предложенные профессором темы.

Примечания

¹ Никитин С. А. Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 12.

² История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 13–54.

³ Никитин С. А. Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1952. № 1. С. 131–155.

⁴ См.: История Болгарии. Т. I

⁵ Никитин С. А. Образование болгарского народа ... С. 134.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ История Болгарии. Т. I. С. 32.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бромлей Ю. В., Королюк В. Д. Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973.

¹² Георгиев В. Въпроси на българската етимология. София, 1958. С. 67; Влахов К. Трако-славянски успоредици // Годишник на Софийский университет. София, 1965. С. 176.

¹³ Тълкова-Заимова В. По някои въпроси за етнически промени на Балканите през VI–VII в. // Известия на Института за история. Т. 12. София, 1963. С. 81.

¹⁴ Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 115.

¹⁵ Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 25.

¹⁶ История Болгарии. Т. I. С. 47.

¹⁷ Там же. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ Краткая история Болгарии. С. 43.

²⁰ История Болгарии. Т. I. С. 54.

²¹ Там же. С. 57.

²² История южных и западных славян. М., 1957. С. 11.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Там же. С. 67.

²⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960; *он же.* Очерки по истории южных славян и русско-болгарских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.

Б. Н. Билунов

БОЛГАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТРУДАХ С. А. НИКИТИНА

В научном творчестве профессора С. А. Никитина, сыгравшего значительную роль в становлении советского славяноведения, большое место занимали проблемы истории Болгарии, особенно эпохи национального возрождения. Будучи историком широкого профиля, С. А. Никитин с самого начала своей научной деятельности подчеркнутое внимание уделял источниковедческой тематике. Признанный специалист по источниковедению истории России XIX в., он и в собственно исторических исследованиях опирался на выявленные им источники, открывая новые пласты истории связей России и зарубежных славянских народов. Благодаря его активной научной и преподавательской деятельности в Институте славяноведения АН СССР и Московском университете в отечественном славяноведении сложилось научное направление, связанное с изучением общественных связей народов России и балканских стран.

Для создания истории отечественного славяноведения в XX в. крайне важно оценить научное наследие С. А. Никитина, уточнить значение его творчества. Такая работа только начинается¹, в ее рамках необходимо выделить вклад С. А. Никитина в историографию болгарского национального возрождения. В его славистических интересах болгаристика занимала главенствующее место, особенно в период подъема освободительной борьбы болгарского народа на завершающем этапе национального возрождения в 50–70-е годы XIX в.

Строго говоря, в исследованиях С. А. Никитина преобладали вопросы российско-болгарских отношений и связей. Плодотворный характер этого направления, опиравшийся на масштабную изыскательскую источниковедческую работу, на десятилетия определил тематику творчества С. А. Никитина, а также его многочисленных учеников и сотрудников. Это не исключало опасности отхода от истории внутренних проблем балканских стран, в том числе Болгарии.

Однако С. А. Никитин не обходил их в своих работах, принимал участие в обобщающих трудах по истории Болгарии. Кроме того, для историографии истории балканских стран периода борьбы за восстановление собственной государственности большое значение имела реконструкция их связей с Россией. Это объективно определялось ролью данной проблематики в решении общеисторических вопросов, а также дополнительной мобилизацией источниковой базы русского происхождения.

Все это позволяет говорить об актуальном звучании сегодняшнего обращения к изучению наследия С. А. Никитина, выяснению соотношения его результатов и концепций с современным состоянием исторической науки. Историография болгарского национального возрождения динамично развивается, постоянно возникает потребность в обобщении накопленного опыта, переоценке и уточнении творчества крупных историков, к числу которых принадлежит и С. А. Никитин.

Начиная целостное изучение научной деятельности С. А. Никитина, целесообразно высказать ряд соображений о формировании интересов историка, условиях, оказавших влияние на складывание его научных и идейных позиций. В его профессиональной подготовке, включая обучение в 4-й гимназии г. Москвы и на историко-филологическом факультете Московского университета (преобразованном в факультет общественных наук), удачно соединились лучшие традиции отечественной науки, как в области медиевистики, так и истории нового времени. Это относится тематически и к отечественной, и к всеобщей истории. Уже в Институте истории РАНИОН молодой историк фактически разработал аспирантскую тему «Русско-турецкая война и русская политика в Болгарии в 70-е годы XIX в.». С. А. Никитину было рекомендовано продолжить исследование с учетом архивных материалов. В 1928–1929 гг. он ассистировал проф. Сказкину С. Д. в семинаре по истории связей славянских народов с Россией. Эта работа на этнологическом факультете университета в так наз. цикле южных и западных славян, а также профессиональные контакты с университетским болгаристом-филологом А. М. Селищевым укрепили интерес молодого историка к указанной проблематике.

В то же время нельзя не отметить, что формирование С. А. Никитина как ученого протекало в сложных условиях непримиримой

идеологической борьбы в стране, сопровождавшейся административными расправами и прямыми репрессиями. Многие в истории этих процессов в исторической науке конца 20-х и начала 30-х годов, в частности в отношении славяноведения, еще предстоит восстановить и переоценить. Так или иначе, в 30-е годы широкие интересы С. А. Никитина нашли свое выражение преимущественно в области источниковедения, по этой тематике им была защищена кандидатская диссертация*.

Солидная источниковедческая основа позволила историку определить собственную исследовательскую проблематику: общественные связи России с зарубежными славянами. Сознательное ограничение тематики, некоторое отстранение от истории внешней политики официальной России было связано, на наш взгляд, и с непростыми изменениями, происходившими в исторической науке. В упрощенном виде политическая смена акцента с идеи подготовки мировой революции на учет государственных интересов СССР выражалась в устранении вульгарно-социологических концепций внешней политики России. Однако на практике это сопровождалось усилением идеологической борьбы в науке. В историографии русско-болгарских отношений, не имевшей солидных исследований, появился тенденциозно подобранный сборник материалов под характерным названием «Авантюры русского царизма в Болгарии»². Его односторонняя направленность была созвучна первым послереволюционным публикациям, но диссонировала с новыми веяниями. Появление сборника было связано с популярностью прибывшего в Москву героя Лейпцигского процесса Г. Димитрова³. Спустя десятилетия С. А. Никитин неоднократно высказывался о невысокой научной значимости этой публикации. Однако в 30-е годы она не получила развернутых отзывов, зато «руководящее» значение приобрела критика И. В. Сталиным оценок Ф. Энгельса, данных в свое время внешней политике России. В 30-е же годы произошел и резкий перелом в отношении к славяноведению: от преследований ленинградских ученых в начале десятилетия до организационной поддержки исторической славистики в его конце. Эти изменения безусловно оказывали свое воздействие и на субъективистские подходы историков к проблематике.

* В 1941 г. (прим. ред.)

Это, вероятно, отразилось и на выборе С. А. Никитиным темы докторской диссертации – «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 годы», успешно защищенной в 1947 г. Этот огромный труд разрабатывался автором и позднее, на основе его были подготовлены монографии и статьи, составившие новые представления о русско-болгарских общественных связях на завершающем этапе болгарского национального возрождения. Попутно необходимо поставить вопрос о новом просмотре громадного текста диссертации С. А. Никитина для возможной подготовки публикации ее материалов, остающихся малодоступными для современных исследователей.

В книгах С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах» (М., 1960) и «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.» (М., 1970) значительное место уделено русско-болгарским отношениям и общественным связям. В этих книгах и примыкающих к ним статьях⁴ С. А. Никитин сумел восстановить на основе архивных источников и богатейших материалов русской периодической печати историю болгарского города, демографическую ситуацию в болгарских землях, показать связи болгарского национального движения с общественностью России. Без преувеличения можно сказать, что эти работы явились новаторскими и оригинальными, они существенно обогатили историческую картину болгарского национального возрождения. Они сохраняют свое научное значение и сегодня.

Среди большого количества исследований С. А. Никитина по истории Болгарии необходимо выделить его главы в академическом издании «История Болгарии» (М., 1954. Т. I) и первом университетском учебнике «История южных и западных славян» (М., 1957). В небольшом разделе, посвященном историографии болгарского возрождения, С. А. Никитин дал его обобщенное концептуальное изложение. Содержание эпохи определялось им как возникновение капиталистических отношений, формирование буржуазной нации и связанного с этим национально-освободительного движения⁵. Это было созвучно выводам болгарских ученых Ж. Натана, Д. Косева, советского академика Н. С. Державина. Опираясь на сталинские выводы о социальном содержании процесса формирования буржуазных наций, С. А. Никитин сумел обобщить масштабный фактический материал по многим еще не исследовавшимся к тому времени сложным

проблемам и дать ясную картину буржуазного развития Болгарии, усиления освободительной борьбы в результате широкого участия крестьянских масс. В ходе дискуссий, проходивших в 70-е годы⁶, фактически были повторены основные положения, выдвинутые С. А. Никитиным.

Концепция национального возрождения, данная С. А. Никитиным, в хронологическом аспекте весьма противоречива. Он определял рамки этой эпохи, или периода, как это было подчеркнуто, концом XVIII в. – первой половиной XIX в.⁷. По сути это синтез концепции болгарского ученого Ж. Натана⁸ и старых представлений болгарской историографии, идущих от работ историка И. Шишманова⁹. Такое сужение исторических рамок эпохи контрастировало с определением ее содержания. Сложность вопроса, однако, подтверждается и современным состоянием историографии, в которой сосуществуют различные точки зрения о начале и завершении эпохи национального возрождения.

К обобщающим работам необходимо отнести и небольшую статью, написанную С. А. Никитиным к Международному съезду славистов в Праге¹⁰. В ней речь идет о формировании буржуазных наций у южных славян. Можно высказать предположение, что историк чувствовал слабость и прежних схематических представлений, основанных на известных сталинских работах, и преувеличений, имевшихся в историографии балканских стран по вопросу о времени завершения формирования буржуазных наций. В этой связи можно рассматривать эту лаконичную интересную работу как квинтэссенцию исследовательского поиска автора. Не останавливаясь на многих деталях подхода С. А. Никитина к этой сложной проблеме, необходимо выделить новаторские обобщения социальных и национальных аспектов формирования буржуазных наций, взаимовлияния материальных и духовных сторон этой научной абстракции, которая все больше становится предметом острых теоретических дискуссий, в том числе и в самое последнее время.

В небольшой статье невозможно дать полную характеристику многочисленных исследований С. А. Никитина по истории болгарского национального возрождения. Тем не менее, даже краткий обзор формирования его научных интересов, обобщающих выводов и тематической направленности этих работ позволяет говорить о вкладе С. А. Никитина в развитие научных представлений об этой важной

эпохе болгарской истории. Помимо этого нельзя не сказать, что его сотрудники и ученики, консультировавшиеся у него историки продолжали и развивали «никитинские» воззрения о русско-болгарских общественных связях. Это опосредованное влияние С. А. Никитина на историческую науку продолжается и сегодня, что является лучшим свидетельством продуктивности и плодотворности его научного наследия.

Примечания

¹ См.: *Вяземская Е. Е., Данченко С. И.* Россия и Балканы: конец XVIII в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография): Обзор. М., 1990; *Историография истории южных и западных славян.* М., 1987 и др.

² *Авантюры русского царизма в Болгарии.* Сб. документов. М., 1935.

³ Там же. С. V.

⁴ *Никитин С. А.* Россия и освобождение Болгарии // *Вопросы истории.* 1978. № 7; *он же.* Восточный кризис 70-х годов XIX века в новейшей литературе // *Краткие сообщения Института славяноведения.* Вып. 40. М., 1964; и др. Ряд работ С. А. Никитина проанализирован в статьях С. П. Бобровой, В. И. Фрейдзона, И. В. Чуркиной в сборнике «Славяне и Россия» (М., 1972), изданном к 70-летию историка.

⁵ *История Болгарии.* Т. I. М., 1954. С. 214–216.

⁶ См.: *Българската нация през Възраждането.* София, 1980; а также материалы дискуссии в журнале «Исторически преглед» (София, 1978, 1979).

⁷ *История Болгарии.* Т. I. С. 214.

⁸ *Натан Ж.* Болгарское возрождение. М., 1949. С. 25.

⁹ См.: *Шишманов Ив.* Избрани съчинения. Т. 1–3. София, 1965–1971.

¹⁰ *Никитин С. А.* Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. // *История, культура, фольклор и этнография славянских народов.* VI Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1968.

Л. В. Кузьмичева
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

СЕРБСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ С. А. НИКИТИНА

Вклад Сергея Александровича Никитина в изучение истории Сербии, сербско-русских связей трудно переоценить. Его во многом можно назвать первопроходцем. Профессор Никитин со свойственной ему тщательностью и скрупулезностью взялся за распутывание клубка проблем русско-сербских отношений, найдя верную нить: Россия на Балканах. Неустанно разрабатывая эту магистральную тему, он сумел определить тот круг проблем, которые абсолютно не были изучены или были изучены поверхностно.

Сербия поначалу органично входила в проблематику его исследований балканского региона в целом. Но постепенно ее внутренняя история, развитие сербской государственности, культурные, общественные и политические связи с Россией, балканскими соседями, европейскими великими державами привлекали все большее внимание историка. Никитин сумел понять неоднозначность русской «покровительственной» политики по отношению к Сербии, которая оказалась для России довольно строптивым объектом, – как для благодетелей, так и для требований и указаний. Ученый-аналитик, Никитин сразу же отошел от избитых схем «русского диктата» или, напротив, «русского безразличия» к судьбе Сербии. Не остановился он и на достаточно удобном варианте: теории о преследовании царской Россией своих колониальных, имперских целей без учета интересов балканских народов. Эта столь бы хорошо вписавшаяся в дух «разоблачительных» исследований 1930–1940-х гг. идея была чужда Никитину своей однозначностью и примитивностью.

Ученый подошел к решению исследовательской задачи, как сейчас принято говорить, системно, он определил последовательность возможности решения исторической проблемы, этапы работы над ней. Особенно важно отметить в исследовательском почерке Никитина известный, необходимый даже, скептицизм, неприятие одно-

мерных характеристик. Чтобы разбить стену сложившихся в исторической, публицистической и мемуарной литературе штампов, требовался хорошо выверенный фактический материал, нужны были новые источники. Признанный специалист в области отечественного источниковедения, Никитин неустанно вел не только поиск источников, но и, самое главное, их систематизацию.

Не лишне еще раз напомнить известный факт, что практически все серьезные научные публикации по истории сербско-русских отношений в XIX в., многотомные издания, продолжающие выходить и по сей день, задумывались и реализовывались С. А. Никитиным. Это, конечно, прежде всего – публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», первый том которой практически полностью посвящен сербской проблематике¹, а также «Первое сербское восстание и Россия»², многочисленные публикации в «Славянском архиве», материалы архива М. Ф. Раевского³. Публикации, подготовленные Никитиным и его соавторами и продолжателями, образцовы. Труд «Освобождение Болгарии от турецкого ига» был выполнен в лучших академических традициях публикации источников – документы на языке оригинала, переводы, комментарии, подробные указатели. Такие издания делают честь отечественной науке.

Следовательно, первое, что следует отметить, анализируя сербскую проблематику трудов Никитина, – это неустанный поиск и издание документов, которые позволяют современному исследователю выйти на новые темы в изучении не только характера русско-сербских отношений, но и собственно внутрисербской истории. Выявление документов, уточнение известных публикаций, разоблачение фальсификатов – постоянные объекты внимания С. А. Никитина. Серьезный анализ источников, обстоятельное изучение всего корпуса документов определенного исторического периода позволили ученому вести аргументированную критику превратных толкований характера русско-сербских отношений, уточнить конкретные факты. Показательна в этом отношении небольшая работа о характере так наз. конвенции «Кара-Георгий-Паулуччи», где Никитин разбирает по пунктам статьи конвенции, комментирует их и реконструирует автора статей⁴.

Вторым, не менее важным, направлением в творчестве Никитина как исследователя сербской истории является его учебно-методиче-

ская, научно-популяризаторская деятельность по созданию хрестоматий по истории средних веков и новой истории, учебников по истории СССР, новой истории, истории южных и западных славян. Наконец, его редактирование и авторское участие в издании академической двухтомной «Истории Югославии»⁵. Эти, сейчас уже прочно вошедшие в научную и педагогическую практику, труды Никитина впервые в отечественной историографии органично вплели события сербской истории в общеевропейскую и всемирную хронику событий, предоставляли ей достойное место в курсах по истории средних веков и новой истории, позволяли проводить сравнительный анализ процессов национального возрождения, национально-освободительной борьбы и формирования буржуазных государств. Аналогичная работа была проделана профессором в курсах источниковедения и историографии.

Эту трудоемкую, но важную деятельность Сергей Александрович сочетал с трудом рецензента и критика, постоянно откликавшегося на новые книги по истории Югославии и Сербии, выходившие как в нашей стране, так и за рубежом. Его рецензии, как правило, поднимали новые вопросы, расширяли круг исследовательских задач.

И, наконец, собственно исследования С. А. Никитина, посвященные сербской истории. Хронологически они относятся преимущественно к XIX в., проблематика их достаточно разнообразна. Одной из основных тем в исследованиях ученого стало национальное возрождение сербского народа. Естественно, что значительное место занимают здесь события Первого (1804–1813) и Второго (1815) сербских восстаний, отношение к ним официальной России, дипломатическая и военная стороны сербо-русских отношений в этот период. Изучая восстания, ученый обращался и к первым исследованиям по истории сербского национально-освободительного движения – трудам Вука Караджича и Леопольда Ранке⁶. Вук Караджич занимает особое место в творчестве Никитина. Сергей Александрович не только изучил русские контакты Караджича, но и воссоздал научную биографию великого сербского ученого, показал, какие события и личности оказали влияние на формирование его общественно-политических взглядов, проследив эволюцию этих взглядов. Из хрестоматийного, глянцевого просветителя и собирателя фольклора Караджич предстает в небольших по объему работах Никитина как вдумчивый историк, опытный политик, проницательный общественный деятель. Просто-

та и ясность стиля Никитина поражают в оценке им пресловутого «русофильства» Караджича: «Нет никаких оснований думать, что объективная оценка роли России в деле освобождения Сербии сочеталась у Караджича с положительным мнением о государственном и общественном строе России. Получая в России поддержку, Караджич просто не считал нужным касаться внутренних русских вопросов»⁷. Так понять и оценить позицию великого серба мог не только ученый, владеющий материалом, но и прежде всего человек глубоких нравственных и этических правил и норм. Высокий нравственный потенциал историка играет далеко не последнюю роль в его творчестве. Ибо часто случается, что искажение исторической картины происходит не от незнания тем или иным ученым фактической стороны дела, а от неверной трактовки им побудительных мотивов действий его героев.

Отдал должное С. А. Никитин и изучению революционной и революционно-демократической теории и практики в сербских землях. Этому посвящены его работы об участии сербов Воеводины в революционных событиях 1848 г.⁸. Здесь хотелось бы отметить, что сербская проблематика в трудах Никитина, безусловно, не ограничивалась пределами Белградского пашалыка, или впоследствии Сербского княжества. Воеводинские сербы как составная часть общесербского возрождения, а на определенном этапе и культурная элита сербского общества, постоянно присутствуют в трудах ученого. Столь же органично для Никитина при изучении проблем развития внешнеполитической практики Сербии обращение к черногорским сюжетам, изучение взаимоотношений между Сербией и Черногорией.

Революционно-демократическая мысль, получившая сейчас благодаря трудам учеников и продолжателей Никитина довольно полное освещение в отечественной историографии, также затрагивалась в исследованиях ученого. Поначалу лишь тогда, когда он писал о сербских корреспондентах в русской периодической печати, о сотрудничестве русской и сербской революционной молодежи, затем непосредственно обращался к личностям Светозара Марковича и Димитрия Туцовича.

И, пожалуй, главное направление в сербской проблематике трудов Никитина, которое занимало его больше всего, – это отношение русской дипломатии и русского общества к Сербии в 50–70-е гг. XIX в. Здесь Никитин непревзойден, он открыл своими трудами⁹

широкую дорогу исследователям. И надо отметить, что этой дорогой идут уже десятки ученых. Здесь нами многое сделано, но первопроходцем был именно Сергей Александрович. Да, в этой области можно многое без конца уточнять, дополнять, углублять, а это, безусловно, легче, чем самому пробиваться в неизведанный материал.

Главные выводы Никитина, благодаря солидной работе с источниками по этой проблеме, хорошо аргументированны и убедительны. Подробно эту сторону деятельности ученого проанализировали В. И. Фрейдзон и И. В. Чуркина еще сорок лет назад¹⁰. Они констатировали, что в трудах С. А. Никитина «показано, в силу какого исключительного сочетания обстоятельств балканская политика царской России в конце 50-х–70-х гг. XIX в. способствовала интересам южных славян – их национального освобождения, а с ним и уничтожения феодальных отношений»¹¹.

Тщательный анализ буквально каждого года в отношениях России и Сербии в указанный период проведен Сергеем Александровичем практически во всех его трудах и в контексте внешней политики России, прежде всего, ее балканской политики. Вместе с тем Никитин уделил особое внимание месту Сербии в русских планах. Документально подтвердил он развитие А. М. Горчаковым идеи о «Сербии как ядре, вокруг которого будут группироваться славянские элементы обреченной на распадение Турции»¹².

С особым блеском выполнен С. А. Никитиным анализ позиции официальной России в годы Восточного кризиса 1875–1878 гг. Он проследил буквально каждый шаг русской дипломатии на пути мирного урегулирования конфликта и отстаивания интересов балканских славян. По-новому трактуется им и значение важнейших политических международных документов этого времени. Так, он показывает неоднозначность отношения и даже недоверие части русских дипломатов к ноте Д. Андраши, считавшейся ранее в литературе чуть ли не панацеей для решения Восточного вопроса. Сложнейший вопрос о Рейхштадтском свидании также пересмотрен ученым. Он указал на предварительный и условный характер переговоров, предлагал именовать их именно переговорами, а не соглашением. Это принципиально важно в определении позиции России по вопросу о судьбе Боснии и Герцеговины на начальном этапе Восточного кризиса.

Ясна, коротка и выразительна характеристика Никитиным Будапештской конвенции – документа, часто используемого историками разных стран в качестве аргумента о якобы предательской роли России в отношении Сербии и других южных славян. Ученый пишет: «Будапештская конвенция представляется значительной в двух отношениях. Она является шагом к войне, в то же время она означала, что роль России в решении вопросов, относящихся к Боснии и Герцеговине, минимальна. Это увеличивало интерес России к судьбе Болгарии»¹³. Характеристика эта точна и бесстрашна, она верно характеризует изменение в расстановке политических сил на европейской арене, драматизм борьбы за влияние на Балканах между Россией и Австро-Венгрией, одновременно пресекая бесплодные дебаты о том, кому из южных славян больше симпатизировала официальная русская дипломатия. Но для такой точной характеристики Никитин изучил и проработал огромный фактический материал, часть которого вошла в первый том публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига».

Тот вклад, который сделан Сергеем Александровичем в изучение русской общественной мысли и деятельности славянских комитетов и их лидеров, требует отдельной статьи. Здесь мы лишь подчеркнем, что он изучил и обобщил огромный фактический материал, существенно изменивший традиционные представления о характере русского общественного движения в защиту борющихся славян. Он доказал независимость действий славянских комитетов от правительства, показал их роль в укреплении русско-южнославянских связей, ввел в научный оборот новые архивные материалы, проанализировал русскую периодическую печать того времени.

Характеризуя вклад С. А. Никитина в изучение истории Сербии, следует отметить, что он практически первым в отечественной историографии написал комплексные труды по сербской истории XIX в. Ученый занимался проблемами истории, становления и развития независимого сербского государства в XIX в., одного из первых зарубежных славянских государств, восстановивших государственность. Сербия не была единственным объектом исследований ученого, он был специалистом широкого профиля и, прежде всего, изучал различные аспекты русской общественной жизни XIX в. Он показал возможности русских источников в деле изучения балканской в целом и собственно сербской истории. Многочисленные продолжатели

Никитина широко разрабатывали предложенную им проблематику, и к настоящему времени имеются работы, исследующие практически все этапы русской политики по отношению к Сербии в XIX в. Но основоположником этого направления в изучении сербской истории в послевоенной отечественной историографии был С. А. Никитин.

Примечания

¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3 т. Т. I: Освободительная борьба южных славян и Россия 1875–1877. М., 1961.

² Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Т. 1–2. М., 1980–1982.

³ Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975.

⁴ Никитин С. А. О так называемой «конвенции Паулуччи-Кара-Георгий» // *Valca-pisa*. Београд, 1977. С. 235–243.

⁵ История Югославии. Т. I. М., 1963.

⁶ Никитин С. А. Караджич и Ранке // Проблемы историографии. Воронеж, 1960. С. 11–16.

⁷ Никитин С. А. Вук Караджич и Россия // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 318.

⁸ Никитин С. А. К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. // УЗИС АН СССР. 1949. Т. I. С. 85–118; *он же*. Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г. // Революция 1848–1849 гг. Т. I. М., 1952.

⁹ См. подробнее: Фрейдзон В. И., Чуркина И. В. Исследования С. А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Никитин С. А. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50–70-е годы XIX в. // Очерки по истории южных славян... С. 164.

¹³ Там же. С. 177.

М. Я. Гольберг
(Дрогобыч, Украина)

«СО СВИДАНИЕМ!»

У Бориса Пастернака есть такие строки:
*... Не надо заводить архивы,
Над рукописями трястись.*

Можно ли согласиться с этим советом великого поэта? Во всяком случае, я, пусть и бессознательно, следовал ему. За долгие годы своей жизни встречался и переписывался со многими интересными людьми, но дневников не вел, большинство писем как-то не сумел сберечь, а те, что сохранились, не приведены в порядок. Не сберег я два или три кратких, но весьма содержательных письма Сергея Александровича Никитина. Они, в основном, касались моего участия в симпозиумах и конференциях, которые организовывали С. А. Никитин и его сотрудники. Симпозиумы проходили в Институте славяноведения, в том памятном многим особняке в Трубниковском [переулке].

Мои выступления, в основном, были посвящены украинско-сербским культурным связям. Правда, было и сообщение о славянофильском послании «К сербам» 1860 г.

В своих письмах, предлагая темы, я кратко излагал основные положения докладов. Получал благожелательные ответы Сергея Александровича, а вслед за тем и приглашения на симпозиумы. В одном из писем Никитин, как бы шутя, спросил меня: «Так кто же Вы: историк или литературовед?». Этот вопрос впоследствии звучал и в наших беседах.

Не помню, когда я впервые встретился с С. А. Никитиным, скорее всего, это было в 1964 г. До того, начиная с 1961 г., я часто бывал в Институте славяноведения, установил дружеские связи с литературоведами-славистами. Теперь, благодаря С. А. Никитину, я познакомился и с историками, причем не только московскими. Общение с ними обогатило меня.

Впоследствии я был свидетелем и в какой-то мере участником создания той комплексной программы изучения истории и культуры славян, которая разрабатывалась в Институте славяноведения под руководством академика Д. Ф. Маркова*.

Встречался я с профессором Никитиным и во время тех симпозиумов, о которых шла речь, и во время других моих поездок в Москву.

У меня сложилось впечатление о С. А. Никитине как о доброжелательном, отзывчивом, а то же время требовательном и слегка ироничном человеке. Он был скромен, хотя и знал себе цену. Во время конференций, организатором и душой которых он был, Сергей Александрович никогда не выпячивал эту свою роль и старался держаться в тени.

Он умел не только четко и лаконично излагать свои мысли, но и был чутким слушателем, неизменно внимательным к своим собеседникам. С живой заинтересованностью слушал ученый и выступления своих коллег на конференциях и семинарах. В шестидесятые годы в работах молодых тогда славистов-историков и культурологов рождались новые подходы к историко-культурным проблемам. С. А. Никитин проявлял живой интерес к ним. Большую работу по организации конференций историков-славистов выполняла Н. П. Данилова. Всегда с теплотой и благодарностью думаю о ней. Впрочем, многое можно было бы рассказать и о других учениках С. А. Никитина. Долгие годы я переписывался с В. И. Фрейдзоном, редактором материалов «никитинских» конференций.

Во многом именно благодаря С. А. Никитину в конференциях историков на Трубниковском принимали участие ученые из различных славистических центров бывшего СССР. Мне запомнился такой эпизод. После окончания одной из конференций ее участники собрались отметить это событие не то в кафе, не то в ресторане на Новом Арбате. Как всегда бывает в таких случаях, произносились радостные тосты, связанные с надеждой на то, что прозвучавшие на конференции доклады положат начало новым разысканиям, что их авторы углубят выдвинутые положения. Так оно и было. Запомнились выступления И. В. Чуркиной, Е. П. Наумова, Д. Ф. Поплыко, Н. И. Хитровой. Царила непринужденная, дружеская атмосфера. Зву-

* Один из бывших директоров Института (прим. ред.)

чали стихотворные экспромты, которые сопровождали выступления участников. Так, предоставляя слово Н. И. Хитровой, которая тогда начала публикацию своих исследований по русско-черногорским связям, тамада объявил:

А теперь имеет слово
Черногорочка Хитрова.

Мы все, за исключением нашего мэтра С. А. Никитина, были молодцы, полны надежд, в сущности, начинали свой путь в науке. Когда слово было предоставлено С. А. Никитину, он начал его словами: «Со свиданьем!». Потом пояснил, что это значит. В его словах было выражено пожелание, чтобы наши контакты продолжались, чтобы мы чаще встречались и обменивались научными идеями, рассказывали друг другу о результатах своих работ. Выражение, которое употребил Никитин, было колоритным, почерпнутым из глубин истории русского языка. Оно свидетельствовало о прекрасном знании народной речи.

Как-то во время одной из наших бесед я рассказал Сергею Александровичу, что начинал как русист и первые мои работы были посвящены русской поэзии XX в. Мой собеседник заметил, что и он начинал с работ в области русской истории и только потом пришел к славистике. С. А. Никитин говорил об определенных преимуществах такого пути. Важно только, чтобы он был органичным. Одной из проблем, к которой Сергей Александрович пришел, было изучение русско-славянских культурных связей. Этой теме посвящены и многие работы его учеников.

Когда речь идет об ученом такого масштаба как С. А. Никитин, большую роль играет не столько воссоздание бытовых подробностей, деталей внешнего облика, сколько характеристика внутреннего мира, разговор о тех идеях, которые этот исследователь реализовал в своем творчестве. И в беседах со мной Сергей Александрович высказывал мысли, которые в значительной мере характеризовали его.

Доклады, с которыми я выступал на конференциях славистов-историков, были в значительной мере основаны на архивных материалах и на изучении периодики. Это получило одобрение С. А. Никитина. Теперь я понимаю и недостатки своих работ, на основе которых были сделаны эти доклады, и причину одобрительного отно-

шения к ним Сергея Александровича. Для него было важно то, что я обратился к первоисточникам, заглянул, говоря словами Юрия Тынянова, за кулисы фактов. В разговоре со мной С. А. Никитин касался вопроса о материальной базе исследования. Это были беглые замечания, порой сделанные на ходу, но для меня они много значили. Известно, что сам Никитин был и великолепным знатоком российских архивов, и инициатором публикации архивных материалов.

Другой вопрос, которого касался Никитин в наших разговорах, – роль России в славянском мире. Сергей Александрович был одним из тех, кто с должной мерой объективности решал этот вопрос. В те годы это было непросто. Он проявил интерес к моей статье о полемике вокруг славянофильского послания «К сербам» и способствовал ее публикации. И здесь С. А. Никитина привлекла фактическая сторона работы. Проявляя снисходительность, он не стал прямо говорить о ее недостатках. Сейчас они мне ясны. Дело было в односторонней оценке славянофилов, в непонимании того, что славянофильство было отнюдь не однородным: между А. С. Хомяковым и И. С. Аксаковым существовали серьезные различия. Я это понял гораздо позднее.

Из всех сюжетов, над которыми я работал, С. А. Никитин особый интерес проявлял к украинским. Его опять-таки интересовали накопленные мною факты. Вместе с тем он, по всей вероятности, находил в них подтверждение некоторых своих идей. В процессе исследования украинско-сербских литературных связей я пришел к выводу, какую роль в их развитии играли освободительные движения. И здесь я нашел взаимопонимание у С. А. Никитина, который уделял большое внимание вопросу о роли освободительных движений в развитии связей между славянскими народами. В этом отношении показательны его статьи «Караджич и Ранке»¹ и «Вук Караджич и Россия»².

С. А. Никитин был одним из тех, кто вырабатывал многоаспектный подход к истории. Социально-экономическое развитие южных славян, национально-освободительные движения, культура, связи славянских народов – все это входило в круг интересов Сергея Александровича, определяя его начинания как организатора и наставника молодых историков.

Как я уже упоминал, в одном из писем С. А. Никитин спросил меня, кто я: историк или литературовед. Замечания Никитина за-

ставляли меня снова и снова задумываться о взаимодействии истории и филологии, в частности литературоведения.

Будучи человеком большой культуры, Никитин знал и любил русскую литературу и искусство, его речь была образна, поэтична. Знал он и культуру других славянских народов. Потому он не мог не обращаться к вопросам истории культуры и в своих работах, и в своей деятельности организатора науки.

Связи истории и литературоведения в славистическом комплексе имеют давнюю традицию. Можно упомянуть немало ярких ее представителей в науке славянских стран. Достаточно назвать хотя бы А. Н. Пыпина, И. Шишманова, М. Мурко. Но на какое-то время эта традиция была прервана. Состоявшийся в 1958 г. в Москве IV Международный съезд славистов был по сути филологическим. Я не собираюсь преуменьшать значение этого форума. Большинство докладов, сделанных на нем, были серьезным вкладом в филологическую науку. Но общая концепция съезда была неоправданной. В восстановлении давней традиции понимания славистики как комплекса гуманитарных дисциплин большую роль сыграло Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения, состоявшееся в Москве 24–27 января 1961 г. На этом совещании была и историческая секция. На одном из межсекционных заседаний С. А. Никитин сделал доклад: «Задачи в организации работы по проблеме “Генезис капитализма, национально-освободительные движения, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах”»³. Тогда, увлеченный чисто литературоведческими проблемами, я не мог надлежащим образом оценить этот доклад. Я осознал его значение много позже, когда столкнулся с проблемой отражения национально-освободительной борьбы южных славян в украинской литературе. Еще более ясными для меня стали положения С. А. Никитина после встреч и бесед с ним, после знакомства с его работами. Сейчас, перечитывая этот давний доклад, вижу, насколько он опередил свое время. Следы этого времени он, разумеется, на себе несет; это было неизбежно. Но как актуальны некоторые его положения сегодня! Речь шла о том, что политическая и социальная история и история культуры должны дополнять друг друга. Впоследствии, обращаясь к проблематике доклада 1961 г., но, не упоминая о нем, ученый говорил о роли междисциплинарных исследований.

Задачи, поставленные С. А. Никитиным, требовали для своего решения объединения усилий историков, культурологов, литературоведов.

Была еще одна тема, которой С. А. Никитин касался в наших беседах. Речь идет о балканских событиях 70-х гг. XIX в., во время которых в освободительной борьбе южных славян приняли участие русские и украинские добровольцы. В 1957 г. С. А. Никитин опубликовал большую статью «Русское общество и освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг.»⁴. С этой работой связан и в определенном смысле навеян ею мой, впоследствии опубликованный, доклад «Балканские события 70-х гг. XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей»⁵. Я ссылаясь на работу С. А. Никитина, подчеркивая важность и ее теоретических положений. Исследование С. А. Никитина, построенное на солидной источниковедческой основе, и сегодня сохраняет свою актуальность. В наше время, когда мы являемся свидетелями того, каким новым искажениям подвергается идея славянской взаимности и славянской общности, работа С. А. Никитина приобретает особое значение.

В своей работе С. А. Никитин упоминал и о роли украинских добровольцев на Балканах. Справедливости ради, следует заметить, что здесь не все его оценки украинских политических деятелей точны; на них более всего наложило свой отпечаток время, когда писалась работа. Но постановка вопроса была точной и перспективной. В сущности С. А. Никитин намечал программу исследований, которая впоследствии была реализована украинскими исследователями⁶.

В своей работе С. А. Никитин писал: «... следовало бы проанализировать не только участие русских добровольцев в ходе войны, но и действия сербской армии, разобраться во взаимодействии добровольческих отрядов и сербских войск»⁷. Как я впоследствии понял, это замечание можно было отнести и к украинским добровольцам, хотя их численность была меньшей.

Из замечаний С. А. Никитина, который вначале познакомился с темой моего доклада, а затем прослушал его, вытекала мысль о важности рассмотрения балканских событий в широком общеславянском контексте. Сергей Александрович проявил интерес к приводимым мною документам из архивохранилищ Киева и Львова, которые содержали материалы, связанные с балканскими событиями и участием в них украинских добровольцев. Особенно заинтересовала его

личность Феофана Василевского, которому была посвящена значительная часть моего доклада. Человек яркой и драматичной судьбы, Ф. Василевский оставил глубокий след в истории межславянских отношений, в истории национально-освободительной борьбы славян.

Остановлюсь еще на одном моменте. С. А. Никитин был принципиальным сторонником идеи научного сотрудничества ученых славянских стран. Эта идея предполагает и наличие единого информационного пространства, которое ныне разрушено. Речь идет именно о научном сотрудничестве, когда каждый вносит свой посильный вклад в решение тех или иных проблем. Я вспоминаю конференции на Трубниковском, когда звучали голоса ученых многих славянских стран. Разумеется, эта общность должна развиваться на новой основе. В ней каждый из участников будет обладать своим голосом, правом свободно высказывать свои суждения. Непременным условием здесь является методологический плюрализм, освобождение от тех догм и стереотипов, которые в прошлом так мешали нашей науке.

Сейчас, когда есть возможность оценить сделанное С. А. Никитиным во всей полноте и целостности, можно сказать о том, что позволило его работам сохранить свое значение, свою ценность. Я думаю, что это, прежде всего, их насыщенность фактическим материалом, опора на выверенные и представленные с максимальной полнотой факты. Не случайно в своей научной деятельности Никитин так много внимания уделял проблемам источниковедения. Разумеется, признавая роль материальной базы исторического исследования, следует помнить и положение, к которому пришла современная наука: источник только тогда начинает говорить, когда исследователь умеет задать ему вопросы. Происходит своеобразный диалог: мы задаем источнику вопросы на своем языке, источник отвечает на своем⁸⁸. Здесь встает вопрос об историческом факте, который отнюдь не является голой эмпирией.

Прошло много лет со дня смерти С. А. Никитина. В сущности, мы оказались в иной эпохе, чем та, в которую он жил. Снова и снова, обращаясь к сюжетам, связывающим историю и литературу славянских стран, я мысленно пересматриваю основные работы ученого; передо мной встает его облик. Я слышу его речь. Задумываюсь над теми уроками, которые я от него воспринял. Главный из них связан с тем, что Сергей Александрович заставил меня серьезно за-

думаться над многими вопросами, в первую очередь над проблемой взаимодействия наук в славистическом комплексе.

Вспоминая те далекие годы, когда я общался с историками из Института славяноведения, я снова думаю о вопросе, который задал мне С. А. Никитин в начале нашего знакомства. Ведь этот вопрос помог мне впоследствии прийти к простой мысли: задача заключается в том, чтобы, как говорил Э. Кассирер, во множестве форм Духа найти его единую сущность.

Но, наверное, еще важнее был иной урок. Гуманитарные науки, науки о человеке, о Духе по самой сущности своей предполагают высокую духовность того, кто посвящает себя им. В моей памяти С. А. Никитин остался как воплощение подлинной интеллигентности, духовности, честного служения науке.

Конечно, те, кто знал С. А. Никитина ближе, кто работал с ним и под его руководством, могут рассказать и расскажут о нем гораздо больше, подробнее. Но если мне удалось добавить хотя бы два-три штриха к его портрету и выразить уважение к его памяти, я буду считать себя счастливым.

На своем пути я встречал немало добрых, благожелательных людей, настоящих ученых и заботливых наставников, которые помогли мне в моей скромной работе. Сергей Александрович Никитин был одним из них.

Примечания

¹ Никитин С. А. Караджич и Ранке // Проблемы историографии. Воронеж, 1960.

² Никитин С. А. Вук Караджич и Россия // Новая и новейшая история. 1964. № 3.

³ Никитин С. А. Задачи и организация работы по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительные движения, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах» // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 33–34. Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961.

⁴ Никитин С. А. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957.

⁵ Гольберг М. Я. Балканские события 70-х гг. XIX в. и некоторые вопросы развития украинско-сербских общественно-политических и культурных связей // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1976.

⁶ См. например, работы Ю. Ю. Фомина, обобщенные в его кандидатской диссертации: Фомин Ю. Ю. Общественность Украины и национально-освободительные движения южных славян в 1878–1879 гг. Автореферат дис. канд. исторических наук. Киев, 1976.

⁷ Никитин С. А. Русское общество и национально-освободительная борьба ... С. 69.

⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1981. С. 7–8.

С. П. Боброва, В. Г. Таранова

**С. А. НИКИТИН
И ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА
В ВОРОНЕЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

С теплотой и благодарностью вспоминая своих учителей – Илью Николаевича Бороздина (1883–1959) и Анатолия Евсеевича Москаленко (1909–1984), воронежские слависты называют и имя Сергея Александровича Никитина (1901–1979), оставившего глубокий след в их жизни и научной биографии. Что влекло крупнейшего советского слависта в Воронеж, в котором он побывал 7 раз в течение 50–60-х годов, чем вызвана его постоянная заинтересованность в деятельности воронежских славистов (в одном из писем доценту ВГУ Н. П. Мананчиковой Сергей Александрович признавался: «Я всегда интересовался воронежскими делами»), каков вклад ученого в становление исторической славистики в ВГУ – вот те вопросы, которые мы собираемся решить в предлагаемом сообщении. Оно – часть обширной проблемы о роли научной интеллигенции центра в развитии науки на периферии, о становлении научных школ и направлений в нашей науке, о преемственности научных поколений.

Воронеж имеет давние славяноведческие традиции. С 1860 по 1918 гг. здесь издавались «Филологические записки», среди авторов которых значились В. В. Макушев, В. И. Ламанский, Я. К. Грот, М. Н. Попруженко, Л. Каравелов; в период становления ВГУ в 1918–1920 гг. в его стенах трудились такие известные слависты как А. Н. Ясинский и Г. А. Ильинский; славянской проблематике уделял внимание первый ректор университета В. Э. Регель. Но создание историко-славистического направления в ВГУ датируется первым послевоенным десятилетием, когда ощутимо проявился общественный и научный интерес к проблематике истории славянских народов, и связан он, прежде всего, с именем профессора И. Н. Бороздина.

И. Н. Бороздин – видный русский, советский ученый-археолог, антиковед, медиевист, историограф – заинтересовался славянской

проблематикой еще в дореволюционный период. Он поддерживал контакты с В. И. Пичетой, Н. С. Державиным, Ю. В. Готье, Н. П. Грацианским, а со второй половины 40-х годов выступил с рядом научных и публицистических работ, посвященных историографии советского славяноведения, русско-славянским политическим, общественным и культурным связям. С 1949 г. Илья Николаевич, обладавший к тому времени большим организаторским опытом, возглавил кафедру всеобщей истории ВГУ¹. Его целенаправленная деятельность по созданию нового славистического научного направления в Воронеже (параллельно формировалось и историографическое направление; зачастую они дополняли друг друга) складывалась из тщательной и продуманной системы подготовки молодых кадров исследователей, сплочения ученых-славистов, работавших в разных учебных заведениях города, создания воронежского печатного славистического органа, связей с центрами славистики, организации славяноведческих конференций. И почти на всех направлениях этой деятельности – педагогической, научной, организационной – неоценимую помощь воронежскому профессору оказывал С. А. Никитин. Время и обстоятельства знакомства двух историков сейчас точно установить не представляется возможным. Молодой ученый и уже известный профессор – их разделяло почти 20 лет возраста, но оба москвичи, выходцы из кругов русской интеллигенции, кончали 3-ю (Бороздин) и 4-ю (Никитин) московские гимназии, затем – Московский университет. В одно и то же время были связаны с РАНИОН: И. Н. Бороздин в качестве действительного члена Института археологии; С. А. Никитин – научного сотрудника (аспиранта) Института истории. Круг учителей С. А. Никитина (Ю. В. Готье, М. К. Любавский, А. Д. Удальцов, А. К. Дживелегов, В. П. Волгин) во многом совпадал с кругом научного и личного общения И. Н. Бороздина, известного в 20-е годы не только в научных, но и литературных кругах Москвы. Совпадал у ученых, помимо славистической проблематики, и интерес к истории России XIX в., ее внешней политике и культуре. Все это дает основание предположить, что они могли знать друг о друге и ранее 1949 г. Приезд И. Н. Бороздина в Воронеж создавал благоприятные условия для личного общения: теперь за этим стояли не только близкие научные интересы, но и необходимость тесных практических связей.

Вспомним, что к этому времени московский славистический центр, представленный Институтом славяноведения АН СССР и кафедрой истории южных и западных славян МГУ, уже сложился. И в их организации С. А. Никитин принимал самое непосредственное участие. Но из опыта становления славяноведения в России XIX в. было известно: развитие славистики пошло успешно именно благодаря возникновению сразу четырех университетских центров славянской науки; следовательно, и теперь настоятельной необходимостью было создание славистических центров на периферии. Одним из первых поняв это, С. А. Никитин, заинтересованный как всякий большой ученый в развитии своей отрасли науки, с удовлетворением встретил и всемерно поддерживал инициативу воронежского профессора. Тем более, что бывший узник ГУЛАГа И. Н. Бороздин не имел права жить и работать в Москве, а бывал в ней только наездами.

Видимо, тогда же, в конце 40-х годов, устанавливаются и контакты С. А. Никитина с учеником Н. П. Грацианского медиевистом А. Е. Москаленко, работавшим на кафедре всеобщей истории ВГУ и готовившим кандидатскую диссертацию, посвященную социально-экономическому и политическому строю Сплита в XIII–XIV вв. Благодаря усилиям И. Н. Бороздина и А. Е. Москаленко славянская проблематика становится одной из ведущих в деятельности воронежской университетской кафедры; кроме общего курса по истории славян, читаются спецкурсы, проводятся спецсеминары; славянские исторические сюжеты активно разрабатываются на заседаниях научного студенческого кружка. Исходя в своей работе с учениками из двух важнейших принципов: научной значимости решаемых вопросов и учета индивидуальных возможностей и творческой устремленности каждого, И. Н. Бороздин направлял своих питомцев, изъявивших желание заниматься историей южных славян, в Москву на консультацию к С. А. Никитину.

Маститый ученый встречал воронежцев неизменно доброжелательно, не только помогал в выборе диссертационных тем, но и всегда охотно консультировал их. Сергей Александрович 4 раза побывал в Воронеже в качестве официального оппонента: на защите кандидатских диссертаций выпускником Харьковского пединститута П. Т. Рущенко, воронежскими аспирантами – Н. Т. Сапроновой, С. П. Бобровой, Н. П. Мананчиковой. И каждое его выступление не только открывало «зеленый свет» дальнейшим научным и педагогиче-

ческим занятиям молодых исследователей, но и содержало в себе некую сверхзадачу – решение какого-то принципиального вопроса.

Тема диссертации Н. Т. Сапроновой «Захарий Стоянов как историк и политический деятель», избранная по совету С. А. Никитина, дала возможность доказать необходимость обращения к изучению либерально-буржуазной (а не только революционно-демократической) историографии болгарского национально-освободительного движения. Оппонент одобрил выводы Н. Т. Сапроновой относительно приоритета З. Стоянова в освещении ряда фактов Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии, а также определение автором диссертации как сильных (причины восстания), так и слабых (характер восстания, роль интеллигенции) сторон «Записок о болгарских восстаниях».

Исследование в диссертации С. П. Бобровой одного из сюжетов социально-экономической истории средневековой Сербии подтвердило правильность выбора, сделанного не без участия Сергея Александровича: необходимо было несколько ослабить удар, нанесенный по научной югославистике известным разрывом советско-югославских отношений. На решение близких по тематике задач он еще ранее нацелил своих учеников А. Х. Соколовского и А. З. Нюркаеву, ибо совершенно справедливо считал монополизм препятствием для подлинных научных результатов. Совместными усилиями учеников московского и воронежского профессоров удалось выявить важнейшие закономерности процесса развития феодальных отношений в средневековой Сербии, установить его наиболее типичные черты. Позднее ученики С. А. Никитина Е. П. Наумов и В. П. Грачев определили особенности социальных отношений и политического строя Сербии в средние века.

В своем отзыве на диссертацию Н. П. Мананчиковой «Очерки социально-политической истории Дубровника XIII–XIV вв.» С. А. Никитин поставил важный в теоретическом и практическом плане вопрос о возможности исследовательской работы периферийных ученых, лишенных доступа к зарубежным архивам. Здесь, считал оппонент, возможны два пути: изучить какой-либо конкретный вопрос, но без архивов это приведет к созданию компилятивной работы; второй путь – анализ круга проблем, «для которых имеются доступные источники», но сам он «недостаточно исследован предшественниками». С. А. Никитин отметил значимость темы диссертации,

которая «поможет решить многие вопросы для понимания истории Дубровника и изучаемого, и последующего времени», и дал положительную оценку итогов проделанной соискательницей работы.

Для каждого из молодых славистов анализ его первого труда и напутствие Сергея Александровича оказались важнейшим научным импульсом: Н. Т. Сапронова в настоящее время доктор наук, профессор, исследователь общественной борьбы болгарской интеллигенции и русско-болгарских общественных и культурных связей²; С. П. Боброва обратилась к проблемам южнославянской историографии и истории советского славяноведения³; для Н. П. Мананчиковой далматинская проблематика стала делом всей ее жизни⁴. Еще в давние годы Сергей Александрович развеял сомнения молодого ученого относительно целесообразности работы нескольких исследователей, занятых одной проблемой: «Сколько людей иногда одновременно занимались единичными памятниками: Русской правдой, Псковской судной грамотой, и все находили свою трактовку вопроса, – писал он Н. П. Мананчиковой 7 апреля 1968 г. – А в Дубровнике, как мне кажется, всем места хватит».

Помощь в становлении нового поколения воронежских славистов была одной из форм участия С. А. Никитина в развитии историко-славистического направления в ВГУ. Другая – участие в научных форумах, организация которых стала традицией в деятельности воронежской кафедры всеобщей истории. Они проводились как по чисто славистической, так и по более широкой историографической проблематике с непременным привлечением ученых из Москвы, Ленинграда, а также периферийных центров науки. Особое значение имела славянская конференция 1957 г., созванная в рамках подготовки к Международному съезду славистов в Москве. Еще в конце 1955 г. академик М. П. Алексеев, вошедший в состав подготовительного комитета съезда, предложил И. Н. Бороздину продумать план подготовки к нему: «Хотя это будет съезд филологов, – писал он 4 декабря 1955 г. – но и участие историков-славистов в нем очень желательно ... в особенности важно было бы в *самое ближайшее* время (выделено автором письма. – С.Б., В.Т.) ... представить небольшую докладную записку на тему: что могут подготовить слависты Вашего университета к будущему съезду (книги, сборники, доклады, различные мероприятия ...)».

Значительный интерес участников конференции 1957 г. в Воронеже вызвал доклад С. А. Никитина, посвященный определению задач советской славистики при изучении средневековой и новой истории Югославии (советско-югославские разногласия к тому времени были ликвидированы, однако научные лакуны остались). Как подлинный радетель отечественной науки, Сергей Александрович поделился итогом размышлений: могут ли советские историки «плодотворно работать и создавать что-то свое, внести свой вклад в развитие науки?»⁵. Положительно отвечая на этот вопрос и намечая основные направления будущих исследований, результативность которых обеспечена наличием уникальных архивных документов (источниковедческие и историографические сюжеты, вопросы русско-сербских отношений и другие, позднее претворенные в жизнь его учениками и последователями), историк призвал опереться на достижения предшественников – русских буржуазных ученых, причем нельзя не отметить никитинскую оценку вклада буржуазной науки, лишенную политической конъюнктуры.

Таким же глубоким подходом к буржуазной науке отмечался и доклад С. А. Никитина на воронежской межвузовской историографической конференции 1960 г. «Караджич и Ранке». Этот доклад выгодно отличался от значительной части выступлений с традиционным для того времени гиперкритическим уклоном. Он был посвящен обширной проблеме, занимавшей ученого, – историографии славян. «Сложная и неустановившаяся область – историография – требует серьезной разработки», – писал он одному из авторов данного сообщения. В Караджиче ученый видел не просто информатора и рассказчика, но и прямого соавтора Ранке в его работе над историей сербских восстаний, проводника демократических тенденций в совместном труде⁶.

Выступление С. А. Никитина на III межвузовской конференции историков-славистов в Воронеже в 1966 г. о судьбах болгарского города в период освобождения от османского ига положило начало большой исследовательской работе по анализу статистических материалов Русского гражданского управления в Болгарии. Автор уделил внимание национальному составу болгарского города, указал на большое значение сельскохозяйственных занятий в населенных пунктах, именуемых городами, дал их четкую классификацию⁷.

Как видим, выступления Сергея Александровича в Воронеже никогда не были формальными речами «столичной знаменитости» в

«глухой провинции», они всегда отражали главные направления творчества ученого, открывали каждый раз в нем новую страницу.

Завершая характеристику связей С. А. Никитина с воронежцами, нельзя не выделить такие их черты, как научная взаимность и глубокие личные симпатии. На страницах «Кратких сообщений» Института славяноведения Сергей Александрович знакомил с результатами работы воронежской конференции 1957 г. славистическую общественность страны⁸; статьей С. А. Никитина открывался «Славянский сборник» (выпуск исторический), изданный в Воронеже к Московскому международному съезду славистов 1958 г.; воронежские ученые в «Вопросах истории» выступили с развернутой рецензией на 1-е издание «Истории южных и западных славян», в подготовке которой велика была роль С. А. Никитина⁹. Когда в 1959 г. в Министерстве высшего образования возник план ликвидации общего курса по истории славян, Сергей Александрович, сам предпринимавший активные действия в защиту курса, обратился за поддержкой к И. П. Бороздину: «Без университетской базы развитие науки невозможно, – писал известный славист своему коллеге 29 апреля 1959 г. – Если Воронежский университет со своей стороны высказался бы против решения об исключении курса истории южных и западных славян, это могло бы быть полезно».

В памяти остались теплые дружеские отношения, которые связывали С. А. Никитина с И. П. Бороздиным, П. А. Бороздиной, А. Е. Москаленко. Ученики, нередко бывшие свидетелями бесед двух профессоров, не могли не почувствовать глубокой душевности их отношений. Продолжением этих связей были и контакты с П. А. Бороздиной. «Большое спасибо за ласковый прием и заботу, делающие приезды в Воронеж такими приятными», – писал Сергей Александрович П. А. Бороздиной после конференции 1960 г. Она вспоминает о С. А. Никитине как совершенно русском человеке, хранителе русских культурных традиций. Свидетельством особо доверительных отношений С. А. Никитина и А. Е. Москаленко была передача ученым части своего архива Анатолию Евсеевичу, ставшему публикатором его воспоминаний о гимназических годах¹⁰.

Не прерывались контакты С. А. Никитина и с другими воронежскими славистами. Письма Сергея Александровича шли в адрес Н. П. Мананчиковой, Н. Т. Сапроновой, С. П. Бобровой. В них он рассказывал о своей работе над сборниками документов, которые готовились под его редакцией, встречах с иностранными учеными, инте-

ресовался научными планами своих молодых коллег, внимательно следил за выходом в свет каждого выпуска воронежского славистического издания «Вопросы истории славян». «Вы пишете о его (сборника. – С.Б., В.Т.) недостатках, – отвечал он на письмо С. П. Бобровой, – но каковы бы они ни были, хорошо, что издание теплится. Может быть, настанут лучшие времена, когда издавать станет легче» (20 декабря 1977 г.). Последние поздравительные открытки С. А. Никитина пришли в Воронеж в ноябре 1979 г., накануне смерти ученого... Но семена общения не погибли. У воронежских славистов установились прочные связи с учениками С. А. Никитина: безвременно ушедшим из жизни Е. П. Наумовым, Л. В. Гориной, В. П. Грачевым, А. З. Нюркаевой и др.

Итак, участие С. А. Никитина в становлении историко-славистического направления в ВГУ трудно переоценить. Начавшись с общения двух профессоров-единомышленников, это участие вылилось в постоянные контакты с молодым (увы, теперь уже старшим) поколением воронежских славистов, заботу и внимание с его стороны ко всем начинаниям воронежской славистики, переросло в контакты воронежцев с учениками С. А. Никитина. Одновременно исследование общения с воронежскими славистами позволяет воссоздать те черты, которые характеризуют общие подходы выдающегося ученого к принципиальным основам развития науки:

1. Стремление включить советское славяноведение в процесс развития общемировой науки, поиск для этого оптимальных путей.

2. Неприятие любых форм монополизма в науке.

3. Стремление руководствоваться прежде всего не политическими, а научными критериями.

4. Требование непрременной прочной связи науки и широкого университетского образования, из чего вытекали постоянный интерес и помощь в становлении и развитии славистики за пределами столицы.

Для последнего он считал необходимым: а) непрременное включение периферийных ученых в разработку кардинальных для славистики проблем; б) определение наиболее результативных вариантов исследовательской работы на периферии; в) создание условий для творческого общения ученых центра и периферии.

В конечном счете, для С. А. Никитина не было науки центра и периферии, была единая Наука, которой он отдавал талант – Ученого, силы – Учителя, способности – Организатора.

Примечания

- ¹ *Москаленко А. Е.* Памяти И. Н. Бороздина // Вопросы истории славян. Вып. I. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1963. С. 195–202; *Боброва С. П.* И. Н. Бороздин как историк-славист // Советское славяноведение. 1986. № 1. С. 84–92.
- ² *Сапронова Н. Т.* Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981; *она же.* Роль прогрессивных учителей Болгарии в распространении социалистических идей в 80–90-е годы XIX в. // История и культура Болгарии. М., 1981. С. 207–214.
- ³ *Боброва С. П.* Сергей Александрович Никитин (Из истории советского славяноведения) // Вопросы истории славян. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1972. С. 97–112; *она же.* М.С. Дринов и некоторые вопросы новой истории Болгарии. // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. С. 94–106.
- ⁴ *Мананчикова Н. П.* К вопросу о ранней мануфактуре в Дубровнике XV века // Советское славяноведение. 1980. С. 51–65; *она же.* Торговля и купеческий капитал в Дубровнике XIV века // Вопросы истории славян. Воронеж, 1989. С. 112–134.
- ⁵ *Никитин С. А.* Задачи советских историков в области изучения истории Югославии // Славянский сборник. Выпуск исторический. № 1. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1958. С. 9.
- ⁶ *Никитин С. А.* Караджич и Ранке // Проблемы историографии: тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции. Воронеж: Издательство Воронежского университета. С. 11–16.
- ⁷ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 7–66.
- ⁸ *Никитин С. А.* Сессия в Воронежском университете // Краткие сообщения. Институт славяноведения АН СССР. 1958. № 24. С. 108–109.
- ⁹ *Бороздин И. Н., Гапонов П. М., Москаленко А. Е.* «История южных и западных славян» // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 177–185.
- ¹⁰ *Никитин С. А.* Воспоминания о гимназических годах (публикация А. Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М.: Издательство МГУ, 1983. С. 120–142.

С.А. Никитин

ВОСПОМИНАНИЯ О ГИМНАЗИЧЕСКИХ ГОДАХ*

Дом, в котором прошли годы моего детства и юношества, и сейчас стоит на своем прежнем месте, украшая голубым, в стиле рококо, фасадом с белой лепкой, окружающие его ординарные жилые дома. У этого дома особая судьба, у него своя история. Старые гимназические предания утверждали, что здание было выстроено графом Алексеем Разумовским, что в нем он отпраздновал свою свадьбу с императрицей Елизаветой Петровной, с которой венчался в соседней церкви Воскресения в Барашах, на главе которой сиял венец, водруженный в память этого события. Но современные специалисты опровергают это предание. Дом построен позже, в 1766 г., известным архитектором Д. В. Ухтомским. Он принадлежал в XVIII в. Апраксиным, затем князьям Трубецким. Затем в нем помещался «благородный дворянский пансион» при Московском университете, а с 1860 г. Московская 4 мужская гимназия¹.

За долгие годы своего существования здание претерпело ряд изменений, обросло пристройками и в годы, когда я учился в нем², оно представляло квадрат с внутренним двором. На улицу выходил главный старый дом XVIII века, а в переулок – примыкавший к нему флигель; уже в XIX веке с двух других сторон были сделаны пристройки, где помещались рекреационные залы, классы, спальня пансионеров, раздевалки для учеников и всякие хозяйственные помещения. Двор, бывший внутри этих корпусов, служил для игр и прогулок гимназистов во время большой перемены. В здании XVIII века было две арки с железными в них воротами, одни из которых (пра-

* Публикация была подготовлена А. Е. Москаленко. Впервые воспоминания Сергея Александровича были опубликованы в: Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С. А. Никитина. М., Изд-во МГУ, 1983. С. 120–142.

вые, если смотреть с улицы на фасад) были всегда закрыты, ходили же через левые. Над левыми воротами, на уровне второго этажа находился переход в основную часть здания. А за воротами из арки вели два входа: вход направо вел в канцелярию, а левый был главным входом в гимназию. Здесь находилась раздевалка учителей, в которой хлопотал главный швейцар Матвей с колодкой медалей на форменном сюртуке и с большой медалью на шее, а также небольшая раздевалка для ограниченного числа гимназистов. В праздничные дни в ней раздевались те, кто приходил в церковь, а в будни – группа избранных гимназистов: я и доселе не знаю, по какому принципу выделяли избранников.

Из раздевалки шла широкая чугунная лестница, как часто делали в XVIII веке, с узорными чугунными перилами, ведшая на второй этаж. Входящий мог пойти прямо*, тогда он попадал в рекреационные залы, а пройдя через них, – в классы, находившиеся во втором и третьем этажах. Если же входивший поворачивал вправо, его встречали так называемые «Золотые доски» (пансиона и гимназии), т.е. написанные золотыми буквами на светло-сером мраморе фамилии и имена лучших учеников пансиона и гимназии. Идя далее, проходили мимо кабинетов директора, инспектора, учительской и достигали круглого зала. Это был прекрасный белый зал с колоннами, лепным потолком, выходивший во двор. Здесь помещался один из классов. Идя коридорами дальше, можно было дойти до входа в квартиру директора. Тот же, кто поднимался по узкой чугунной лестнице, находившейся близ круглого зала, на третий этаж, оказывался у входов в физический кабинет и в церковь. Вот и все помещения, доступные приходящим ученикам.

В правой (если войти во двор) части квадрата зданий я не бывал, если не считать одного памятного эпизода. Будучи в каком-то из младших классов, я простудился и несколько дней не ходил на занятия. Когда же пришел в гимназию, то как раз в этот день должна была состояться классная работа, в которой было задано повторение какой-то части курса. Подумав, – я за время болезни ничего не повторял – решил, что лучший выход из положения – от классной работы уклониться. И я пошел к инспектору, сделал кислую физионо-

* Это была пристройка XIX века (прим. С. А. Никитина).

мию, стал жаловаться на болезнь живота и просил отпустить меня домой. Но тот вызвал дядьку и велел меня отвести в лазарет. Мы прошли через спальню пансионеров, где находилась запертая дверь. Дядька открыл её и мы пошли коридором. Он постучал еще в дверь, где нас встретила дежурная фельдшерица и, узнав причину моего появления, немедленно достала бутылку горькой воды Франца Иосифа (в те времена была такая слабительная вода), налила мне полстакана и заставила выпить это горько-соленое зелье. После того я возвратился тем же путем обратно, однако не сразу в класс. А классную работу я все же писал. После того я предпочитал от классных работ не уклоняться и лазарета не посещать.

Младшие гимназисты занимались на третьем этаже нового здания, где были большие, очень светлые классы, прекрасно проветривавшиеся в перемены через огромные форточки. В классах свободно помещалось 35–40 человек – нормальное число для первых двух классов. По мере того, как происходило естественное сокращение числа учеников в классе в результате отсева, а одновременно совершался естественный переход младших учеников в старшие классы, класс перемещался во второй этаж, где учебные помещения были меньше и соответствовали обычной численности старших классов – 20–25 человек. Оборудование классов было простым – парты на двоих, кафедра, на которой стояли стол и стул, длинная доска, до верха которой свободно дотягивались стоя, а внизу можно было писать уже нагнувшись. Карты (географические и исторические), таблицы (по естествознанию) приносились на соответствующий урок, что делали дежурные гимназисты. Пособия для рисования обычно приносил сам преподаватель.

Наша 4 гимназия была известна в Москве как гимназия демократическая. Идя каждый день утром в гимназию пешком, я проходил мимо особняка бумажного фабриканта Кувшинникова и видел его собственную пролетку, в которую усаживался подобный мне гимназист. Я не помню, чтобы кто-либо из наших учеников подкатывал к гимназии на собственном выезде. В моем классе не было сыновей ни помещиков, ни фабрикантов, не слышно было о них и в других классах. В моем классе учились сыновья интеллигентов – врачей, учителей, духовенства, офицеров, служащих; представители мелкой буржуазии – сыновья ремесленников – портных, булочника, торговых

служащих, хотя немногочисленные – сыновья подмосковных крестьян. Был только один гимназист моего класса, о котором говорили, что он – сын банкира. Он одевался несколько щеголеватее других, имел (когда перешел в старшие классы) штатский костюм, чего у нас не было, чаще посещал кино и маленькие театры, которых много возникло в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Но был ли он сыном банкира? Не было ли это мальчишеское хвастовство? Допустим, что он был сыном какого-либо банковского крупного служащего, но сомневаюсь, чтобы его отец был банкир – среди представителей московского финансового капитала, как кажется, фамилия его отца не фигурировала.

За семь лет учения в составе класса было немало перемен. Не успевающие отставали или переходили в другие заведения. Помню один случай ухода великовозрастного балбеса, всегда сидевшего «на камчатке» и учившегося весьма плохо, на работу. С другой стороны, к нам приставали второгодники. Но эти перемены не вызывали глубокого впечатления и в памяти не сохранились. Запечатлелось только одно значительное пополнение, произошедшее в период Первой мировой войны, когда из Польши прибыли беженцы и их дети поступили в московские учебные заведения. В мой класс прибыло человека три. Особое внимание привлекал один поляк, ходивший не в форменной шинели, а в кунтуше.

Все мы, поступив в гимназию, надевали форму. Сначала это была серая суконная куртка со стоячим воротником, застегивающаяся справа на скрытые пуговицы, и того же материала брюки. Куртка подпоясывалась ремнем с бляхой, на которой было вытеснено: «М.4.г.». Мы носили серые шинели с блестящими белыми пуговицами и синие фуражки с белыми кантами и кокардой: «М.4.г.» в лавровых ветках. Позже форму изменили и вместо курток было положено носить серые суконные гимнастерки, подпоясанные ремнем. Предписывалось в торжественных случаях надевать мундиры из темно-синего сукна с серебряным на воротнике галуном. Но в нашей демократической гимназии мундиры были лишь у нескольких человек. Ни у меня, ни у моих товарищей по классу мундиров не было. Не было его и у моего старшего брата³, учившегося семью годами раньше, не помню, чтобы в его классе кто-либо имел мундир. Гимназическое начальство мундиров не требовало, поэтому все и обхо-

дились без них. Терпимо относилось начальство и к проявлению мальчишеского щегольства, которое выражалось в отступлении от обычного темно-серого цвета форменного костюма. В одни годы считалось франтовством носить форму светло-серого, а в другие – черного цвета. К концу Первой мировой войны, под давлением обстоятельств и нехватки шерстяных материалов нужного цвета, пошли разные отступления, на которые никто уже не обращал внимания.

Форма дисциплинировала мальчиков – на улице не было ни драк, ни других безобразий, но внутри гимназии все это было. Раздевалка была местом, где «крыли втемную» нарушившего нормы товарищеской этики, где происходили так называемые «дуэли», т.е. драки один на один. Дисциплинирующее значение сочеталось и усиливалось правилами поведения, которые были напечатаны в выдававшихся гимназистам билетах.

Класс в обычное время, а особенно вне гимназии распадался на дружеские группы, подбиравшиеся по сходству интересов, территориальной близости (вместе ходили в гимназию и обратно). Но он становился единым, когда надо было помочь «плавающему» у доски. И тогда летели скомканные бумажки с решением задач, переводом фраз на занятиях языком, сидевшие наиболее удачно для подсказки писали нужное крупными буквами и показывали невзначай, чтобы не заметил учитель. Особенно единодушно ополчался класс на «фискалов» в случаях каких-либо проступков и выступлений. Особое расположение преподавателя к кому-либо из учеников давало повод подозревать товарища в «фискальстве». А бывали случаи, когда только полное единство могло спасти гимназистов. Это были случаи каких-либо исключительных шалостей. Вспоминаю два случая. В младших классах немецкий язык у нас вела очень пожилая преподавательница, которая как-то не могла справиться с группой. Проказники наливали в чернильницу масла – перо не писало. А однажды кто-то во время перемены натер кафедру и стол чесноком. Вошли в класс – стоит крепкий чесночный запах. Начался опрос. Кто сделал? Но одни действительно не знали, другие отговорились незнанием. Всех за это на два часа оставили после уроков. Тем дело и кончилось. Другой случай был такой. Мы были уже в VI классе. У нас был интересный, но своеобразный учитель логики и психологии, хороший лектор, рассказывавший нам самые разные вещи, не

имевшие отношения к его предметам. После революции он ездил с каким-то агитпоездом, выпустил книжку об анархии. Учеников он не знал и был крайне рассеянным человеком. Наш класс находился рядом со спальней пансионеров. Во время перемены группа учеников выдвинула из спальни шкаф и забаррикадировала им дверь в класс. Одни уже зашли и уселись там, другие прохаживались по коридору. Когда прозвучал звонок и пришел преподаватель, он не нашел класса и с недоумением обратился к ходившим в коридоре гимназистам. Они, еле сдерживаясь от смеха, сказали, что сами не могут отыскать класс. Учитель прошелся по коридору, по-видимому, понял происшедшее и велел убрать шкаф. Тогда все с готовностью возвратили шкаф на его законное место и при затухающем возбуждении урок начался. Тут, правда, все знали инициатора и видели исполнителей плана, но начальство ничего не выяснило, да – кажется – и не очень об этом заботилось: шутка была безобидной и рассчитанной только на рассеянность педагога.

Как я уже сказал выше, класс жил, разбиваясь на ряд групп или кружков. В первом-втором классах моим другом был мой сосед Саша Суворовский – очень одаренный мальчик, превосходно учившийся, но рано умерший. Он пользовался любовью всего класса, и мы провожали его на кладбище. Позднее моими ближайшими друзьями были С.Ч-ч⁴, Володя Соловьев, В.К-в, В.М-в и некоторые другие. С ними мы встречались дома, то у одного, то у другого, обменивались книгами и всякими мальчишескими новостями. По окончании гимназии новые интересы привели к тому, что университетские товарищи вытеснили прежних гимназических. Только с Соловьевым мы встречались, перезванивались по телефону до конца его рано оборвавшейся жизни. С иными происходило сближение уже после окончания гимназии. Но это сближение не было устойчивым. Кажется, крепче удерживали связи те из моих соклассников, кто поступил на медицинский факультет (таких было не менее четырех человек), а также небольшая группа, связанная интересом к живописи. На исторический факультет Московского университета я поступил один из класса и, естественно, у меня появились новые связи и иные дружеские отношения.

Обычное течение учебного года прерывалось каникулами и праздниками. Зимние (рождественские) каникулы и весенние (пас-

хальные) продолжались по две недели. Несколько дней давалось на масленице. На пасхальные каникулы отпускали под Вербное воскресенье. По всем классам перед тем, как отпустить гимназистов домой, проходил инспектор, который произносил краткую речь. Он говорил о том, что сейчас открыт Вербный рынок, который многих привлекает, но ходить туда нет никакой надобности, т.к. там толчется толпа всякого народа, могут быть столкновения и драки, и ученикам 4 гимназии не следует участвовать в таких развлечениях. Надо всем сразу расходиться по домам. Но если уж кто не удержится и пойдет «на Вербу», пусть он помнит, что является учеником 4 гимназии, соблюдает полное приличие и ведет себя так, как положено гимназисту. Не знаю, остановила когда-либо кого-либо эта речь, повторявшаяся ежегодно. Обычно сразу после нее, с учебниками в руках, мы устремлялись на Красную площадь, где проходил Вербный базар. Вдоль Кремлевской стены стояли лотки, на которых были расположены разные виды торговли: книжный развал, где подчас попадались крайне интересные вещи, торговля живыми рыбками – золотыми, серебряными; певчими птицами, всевозможными цветами, ветками вербы, сладостями и всякими изделиями ремесленников Марьиной рощи – «тещиными языками», т.е. склеенными из красной бумаги игрушками, которые, когда в них дули, разворачивались и становились похожими на длинные языки, резиновыми чертиками, их можно было надувать, а затем, выпуская постепенно воздух, извлекать звук, похожий на «уйди, уйди». Тут были и мячики из свернутой бумаги с насыпанными в них опилками. Они привязывались на резинки и давали возможность ударять соседа и быстро возвращать себе мяч. А сколько было продавцов всяких украшений, прикалывавшихся на одежду, как знак участия в вербном гулянии. Это были сделанные из крашеной ваты обезьянки, бабочки, разные цветы и т.п. В ящиках с грелками лежали заманчивые пирожки, тут же было мороженое, халва обычная и кос-халва – белая, твердая, малого кусочка которой было достаточно на долгий срок – так медленно она таяла во рту, разные леденцы и пр. Шум, гомон стоял над всей площадью, распространялся на начало соседних улиц. Народа толпилось и двигалось много, но никогда никаких буйств, которыми пугал нас инспектор, я не видел, хотя регулярно посещал Вербный базар. Помимо «тещиных языков» и др. игрушек я покупал там ры-

бок и цветы, книги и сладости. Бойко в эти дни торговал ресторан «Мартьяныч», располагавшийся в подвале торговых рядов (современного ГУМа). Я там никогда не был, да и приятели мои также, т.к. в наших карманах не было таких денег, но приходилось видеть гимназистов старших классов, спускавшихся в подвал, откуда неслись заманчивые запахи.

Хотя это происходило не в каникулярное время, гимназисты посещали и грибной рынок, хотя развлечения там не составляли главного, а являлись туда, поскольку и здесь собиралась молодежь. Главное заключалось в том, что на первой неделе Великого Поста на всем протяжении от Успенского до Каменного моста располагались возы со всеми видами грибов в разнообразном приготовлении – сушеные, соленые, кроме того была здесь свежая и квашеная капуста, моченые яблоки, соленые огурцы, но грибы были основным продуктом. Соленые покупали банками, ведрами. Сухие – нитками. И вся Москва запасала грибы на целый год, благо погреба были практически почти у всех. Немало было на грибном рынке разного вида баранок, в том числе и таких, диаметр которых составлял, как кажется, сантиметров 30. Считалось шиком, купив такую баранку, надеть ее на шею и в таком виде гулять по рынку. Для развлечения нехозяйственных посетителей, главным образом молодежи, были халва, леденцы и разные игрушки и украшения, изготовленные (как и для Вербоного базара) в Марьиной роще.

Ходили гимназисты в кино, но хождения эти были не часты, они были наградами за хорошие успехи в ученье или показом выдающихся фильмов. Особенно мне запомнился эффектный Ханжонковский фильм о событиях 1812 г., где был убедительно показан пожар Москвы, были натуралистические сцены терзания трупов волками; а иные кадры очень напоминали картины Верещагина.

Театры мы посещали сравнительно редко. Я в качестве участника хора несколько раз был на утренниках в Большом театре в ложе, которую абонировала гимназия для хористов. Иногда ездили в театр всей семьей. В памяти остался первый виденный мною драматический спектакль Малого театра «Недоросль». Но из всех театральных зрелищ я всегда предпочитал оперу. Когда мы перешли в старшие классы, мы получили право доступа на гимназические вечера, устраивавшиеся обычно во время зимних каникул. На них выступали

свои хор и оркестр, певцы и декламаторы, были танцы – все это происходило в спальне пансионеров, свободной благодаря каникулам. В классах устраивались гостиные, лампочки обертывали цветной бумагой – где зеленой, где синей, где красной или фиолетовой. Было необычно и весело. Но иногда возникали обстоятельства, не предвиденные начальством, которое всегда присутствовало на вечерах. У нас учились два брата М., отец которых служил в Межевом архиве. Франтоватые молодые люди пригласили на вечер своих знакомых – то ли учениц балетной студии, то ли начинающих танцовщиц. В перерыве между танцами М. уговорил тапера играть какой-то мотив, а танцовщицы, одетые в обычные платья, стали танцевать, поднимая ножки столь высоко, что появившийся директор и инспектор прекратили и музыку, и танец и предложили гостям, если они хотят, танцевать обычным образом.

В учебное время мы, встречаясь вечерами, играли в шахматы, карты, а всего более читали. С глубокой благодарностью вспоминаю я гимназическую библиотеку, которой ведал инспектор и где был прекрасный подбор книг для младшего возраста. Мы упивались Майн-Ридом, Л. Жаколио, с большим удовольствием читал я [произведения] Н. Каразина, где он интересно описывал путешествия по Средней Азии, и др. Но к старшим классам библиотека перестала удовлетворять. У небольшой группы моих друзей появился интерес к более систематическому и серьезному чтению. Мы достали программы для самостоятельного чтения, которые издавало ОРТЗ (Общество распространения технических знаний), и читали каждый соответственно своим интересам. Так я уже в гимназические годы прочел университетский курс В. О. Ключевского, ряд монографий С. Ф. Платонова, В. И. Семевского, А. Н. Пыпина и др. историков, а также ряд книг по философии, психологии, не говоря уже о художественной литературе, которую я читал широко в том смысле, что наряду с первоклассными писателями читал много второстепенных – Потапенко, Тучева, Оренбургского, Эртеля и др.

Не одни и те же книги, но также много читали и мои товарищи – Ч., С., К. и некоторые другие. Так под воздействием школы, чтения и, конечно, семьи формировались наши вкусы, мнения, интересы и влечения.

НАШИ НАСТАВНИКИ

Почти все время моего учения в гимназии директором ее был Казимир Киктианович Добровольский. По национальности поляк, по внутреннему складу сухой педант, а по слухам – ставленник министра Кассо. Худой, среднего роста, с небольшой подстриженной квадратной седой бородой и пенсне на носу. Он всегда появлялся в гимназии только в вицмундире, был необщителен и строг. Его боялись и ученики, и педагоги. Он никогда не повышал голоса, но всякое его замечание пугало, т.к. за ним могло последовать наказание. Он преподавал латинский язык и латинист, как говорили, был хороший. Для гимназистов он был властью далекой, но вызывающей при приближении опасения. А появлялся он всюду, бывал на уроках, присутствовал на вечерах. Будучи католиком, он каждую субботу и воскресенье приходил в гимназическую церковь со всей семьей – женой и двумя дочерьми, и в церкви была полная тишина среди гимназистов (главным образом, пансионеров), стоявших рядами; не допускалось ни ходьбы, ни разговоров. На всякое перешептывание поворачивалась голова директора, и порядок мгновенно восстанавливался. Во всяком облике Добровольского, начиная с его вицмундира, было что-то казенное, холодное и угрожающее. Его не любили и опасались.

Инспектором был Николай Михайлович Алексеев – в просторечии: Пихалыч или Пихлюй. Это тоже была власть, но не такая устрашающая, более мягкая и, я бы сказал, более патриархальная. Он и внешностью отличался от директора. Чисто русское, слегка округлое лицо, небольшая округленная борода, форменный сюртук делали его менее официальным. Он нередко кричал на учеников; желая укротить какого-либо шумного гимназиста или драчуна, он хватал его за ремень, пихал мальчугана назад и вперед (эта манера и привела к образованию его прозвищ) и говорил что-то вроде: «Не дерись (или не безобразничай), блаженный». Этим последним словом он почти всегда сопровождал свои замечания. Однажды автор этих строк опаздывал на урок: звонок зазвонил, когда я из раздевалки поднимался на второй этаж. А еще надобно было пробежать половину рекреационного зала и подняться на третий этаж. Я бежал изо всех сил, ранец болтался у меня за спиной, и вдруг на повороте к

лестнице, идущей на третий этаж, появился инспектор. Инерция меня несла, я не мог уже изменить направления движения и с размаха ударился головой в живот Пихалыча. Как-то боком я оторвался от него, извинился и бросился вверх по лестнице. Вслед мне раздалось: «Вовремя приходить надо, блаженный». В отличие от директора, он разговаривал с учениками и был хорошим советчиком, когда выдавал книги в библиотеке.

Преподаватели в младших и старших классах были разные. Мне самому пришлось немало лет заниматься преподаванием, и я знаю, что никогда при всем старании руководителей невозможно подобрать коллектив одного уровня, во всем безупречный. Но если, имея это в виду, подойти к оценке наших педагогов, я должен признать его высоким. В самом деле, среди наших учителей был Александр Петрович Преображенский, автор постоянно переиздававшихся грамматик славянского языка и единственного в то время в русской литературе этимологического словаря русского языка, который переиздавался уже в советское время. Физику преподавал доцент Московского университета Алексей Алексеевич Покровский, математику – опытейший педагог и прекрасный методист Александр Григорьевич Поперен и некоторые другие. Но были и неудачные: в первом классе на первый урок арифметики пришел молодой преподаватель, велел достать тетради и записывать. Он начал диктовать: «Число есть то, что позволяет нам знать, все ли предметы налицо, если их не различить», и ряд других таких же определений. Естественно возникал вопрос, как можно сосчитать предметы, если их не различать. Определению явно не хватало слова «качественно». Тогда мы просто ничего не поняли, объяснить учитель отказался и приказал к следующему разу выучить наизусть. Вероятно, не один я рассказал дома об этом уроке. Вызванное таким образом недовольство родителей и растерянность учеников достигли крайней степени после второго урока. На нем учитель требовал точного воспроизведения всех записанных положений, а т.к. без ошибок и запинаний не ответил никто, он взял линейку и через весь журнал поставил классу коллективную единицу. На этом его деятельность в гимназии прервалась.

В последующих классах у нас математику вели сначала преподаватель средних лет (если не ошибаюсь, его фамилия была Сапож-

ников), а затем – А. Г. Поперен. Это был замечательный педагог – знающий, спокойный, он ясно объяснял, четко спрашивал. На его уроках никогда не было никаких происшествий, шума, да и сам он не повышал голоса.

Преподавателем русского языка в младших классах был А. П. Преображенский. Худой высокий старик с белой округлой бородой, всегда в форменном сюртуке или тужурке, он, входя в класс, произносил: «Потрудитесь встать». Стоял минуту на кафедре сам, махал рукой, давая знак садиться, и садился сам. С ним мы проходили церковно-славянский язык, грамматику русского языка, писали диктанты – все, что положено. Очень редко он отклонялся от обычного хода урока и говорил о чем-либо связанном, но в курс не входящем. Так, иногда он объяснял происхождение отдельных слов. Занятия велись по его грамматикам и, насколько я помню сейчас, они были ясны и четки и вовсе не похожи на путаные построения грамматиков 20-х годов, о которых нам толковали, когда я учился в Военно-педагогическом институте.

В старших классах русский язык и литературу вел Евгений Афанасьевич Сидоров. Среднего роста, с небольшим животиком, то в черном сюртуке, то в форменном, с небольшой эспаньолкой, в очках в золотой оправе он быстро поднимался на кафедру и начинал урок. Был он сух и спокоен. Отпуская ученика после ответа, он, всегда слегка откашливаясь, произносил «достаточно» и одинаково, без лишних эмоций, ставил и двойки, и пятерки. Он прекрасно оживлял уроки, заставляя нас готовить по добавочной литературе устные доклады.

Помню, что я делал доклад о сатирических журналах XVIII в., для чего ходил читать в Румянцевскую (тогда) библиотеку и узнал при этой подготовке гораздо больше, чем было сказано в учебнике. Когда мы проходили драматические произведения, мы читали их, разделяясь по ролям. Так читалось «Горе от ума», «Борис Годунов», а также произведения, не входившие в курс, например: трилогия А. К. Толстого, комедии Мольера. При чтении объяснялись непонятные места, а все читавшие текст старались это делать выразительно, а иногда и с увлечением. «Горе от ума» я очень любил с тех пор, знал много наизусть, а особенно монологи Чацкого, роль которого досталась мне. Когда я был в классе шестом, возник литературный кружок под руководством Е. А., собиравшийся по воскресеньям.

На нем мы читали таким же порядком, как на уроке, произведения Шекспира. Кружок был общегимназическим, на него ходили ученики во всяком случае из двух, а то и трех классов. Все названные приемы расширяли наш кругозор и вовлекали в активное чтение, а при чтении приучали больше вдумываться в прочитанное.

Сидоров заставлял нас много писать. Бывали небольшие классные сочинения, бывали большие домашние. Помню только одну тему домашнего сочинения, которое я писал, и тетрадка с которым недавно попала мне на глаза: «Век нынешний и век минувший по пьесе Грибоедова “Горе от ума”». Если о большинстве педагогов трудно сказать, каких они держались взглядов, то о Сидорове можно сказать твердо, что он был человек прогрессивный, следивший за литературой и педагогической печатью, применявший в преподавании новые методы. Лично я ему глубоко благодарен: он дал первые навыки устной речи, он научил писать.

Так же с благодарностью я вспоминаю нашего географа Александра Владимировича Новикова. У него был врожденный недостаток – неестественно изогнутые кисти рук, но это не мешало ему чертить на доске, оперировать указкой и т.п. Он заставлял нас делать небольшие самостоятельные работы: выбирать по атласу определенный элемент географических очертаний – проливы, лиманы, дельты рек, пользоваться географической основой. Мне это позже пригодилось в моих последующих занятиях. Но в классе его не любили.

Если впоследствии я стал историком, то это не потому, что меня зачаровал и обратил к этой науке наш преподаватель Александр Семенович. Он был не слишком активным педагогом. Его рассказ, медлительный и краткий, не отличался яркими красками или глубоким анализом событий. Иногда – и в этом его заслуга – он (чтобы не рассказывать самому) приносил в класс какую-либо интересную историческую книгу и, вызывая учеников, хорошо читавших вслух, поручал им чтение. Помню, что таким образом я познакомился с легендой о Федоре Кузьмиче*, с полемикой по этому вопросу. Такие чтения давали больше обычных уроков.

* Легенда гласит, что Александр I не умер в Таганроге, а оставив трон, ушел в Сибирь и, став отшельником под именем Федора Кузьмича, прожил до 1864 г. (прим. ред.).

Языки в гимназии были поставлены слабо. Латынь у нас преподавал молодой учитель Д. М. Сокольский, который очень волновался, часто краснел. А мальчишки это замечали и старались его смутить, задавая вопросы из еще не проходившихся параграфов учебника. Поэтому латынь в моем классе проходила хуже, чем в других, и, окончив, мы ее знали слабее. Я мог впоследствии сравнить свои знания со знаниями своего старшего брата, который учился у Алексева. Не привил Сокольский нам и вкуса к классике – к гекзаметру, к пентаметру; хотя мы и заучивали отдельные места из сочинений латинских поэтов, они нас трогали мало. Конечно, было бы несправедливо не отметить важный недостаток постановки всех занятий языками. Он заключался в численности класса – вести продуктивно язык с 40 человеками в классе просто невозможно. А в младших классах количество учащихся было именно таково. Отсюда и результаты. И все же нельзя не признать, что основы языка мы получили. Когда спустя ряд лет после окончания гимназии я, уже будучи аспирантом, должен был написать работу по латинским источникам (эпиграфика и законодательство), а делал я это для руководителя весьма требовательного, все же посидев над подготовкой доклада достаточно, я справился с материалом, и доклад мой был одобрен.

В нашей полуклассической гимназии не было греческого языка. Позже я жалел об этом, т.к. постигать основы этого трудного языка в студенческие годы было сложнее, чем в гимназические. Я всегда сожалел, а особенно когда стал преподавать в университете, об изгнании классических языков из средней школы. Оно ведет к ограничению кругозора, делает непонятной терминологию всех наук. А для историка и филолога это особенно значительное ослабление его специальной подготовки. Но как показывает эпизод из жизни моего дяди⁵, который был врачом, знание классических языков полезно и для других специальностей. Не говоря о том, что вся медицинская терминология – латинская, один эпизод очень интересен. Во время Первой мировой войны он находился с санитарным отрядом на фронте. Взяли в плен врача-венгра, и не оказалось возможным говорить с ним ни на одном языке. Тогда дядя дотолковался с ним на латинском. Наше поколение наблюдало за истекшие десятилетия катастрофическое падение знания классических языков филологов и историков. Так, недостаток классической школы у историков приво-

дит к упадку в области древней и средней истории. Специалисты же по истории нового времени и истории СССР чаще всего совсем не знают классических языков, а иные даже считают их ненужными.

Преподавание новых языков в нашей гимназии было поставлено неблестяще. Немецкий в младших классах вела преподавательница, ни имени, ни фамилии которой не помню. Безобразий на ее уроке было много, но что-то мы все же усвоили. А когда началась Первая мировая война, немецкий язык (в старших классах его вел мужчина – Р. Анер) оказался в загоне, под видом проявления патриотизма им стали заниматься кое-как, а учитель – по-видимому опасаясь осложнений – не проявлял достаточной требовательности. В результате по немецкому языку мы вышли из гимназии с полужнанием, которое позже пришлось восполнять.

С французским же получилось вовсе оригинально. В младших классах у нас была прекрасная преподавательница Юлия Федоровна Федорович. Она свободно владела языком и нас с самого начала приучала говорить, постепенно расширяя круг фраз и оборотов. В отличие от преподавательницы немецкого языка, прочно сидевшей на кафедре, Ю. Ф. проходила между рядов парт, смотрела записи учеников, мешала читать посторонние книги через щель в крышке парты. Мы делали переводы, пересказывали прочитанный текст и, как я уже отметил, немного говорили. Я не сомневаюсь, что если бы она осталась у нас и дальше, французский язык мы знали бы хорошо.

Но в пятом классе мы перешли в руки другого преподавателя. Им был месье Жано – настоящий француз, но, как говорили, бывший офицер, потерявший ногу во время «боксерского»^{*} восстания

^{*} Ихэтуаньское (боксерское) восстание происходило в Китае в 1899–1900 гг. Им руководило тайное общество китайских патриотов Ихэ цюань (в переводе с китайского – кулак, поднятый во имя справедливости). Восстание было направлено против иностранцев, хозяйничавших в стране. В апреле 1900 г. правительства Англии, США, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, России и Японии потребовали у правящей в Китае манчжурской династии усилить борьбу с повстанцами. Но манчжурская династия сама негласно их поддерживала. 31 мая 1900 г. указанные государства начали интервенцию против Китая и 14 августа заняли Пекин. В 1901 г. китайское правительство вынуждено было подписать кабальный договор, согласно которому иностранные государства получали огромную контрибуцию и право иметь свои войска в Китае (прим. ред.).

и ходивший на протезе. Это был стройный человек с лихо закрученными усами. На первом уроке он подошел к доске со словами: «Вы должны знать азбука». Написал все буквы алфавита, стал проверять наше умение читать. Своим выступлением об азбуке он произвел крайне отрицательное впечатление и многим внушил мысль, что раз дело начинается с азбуки, можно не усердствовать. И, действительно, то напряжение, в котором держала нас Федорович, прошло. Все как-то размагнитилось, о разговоре не было и речи. Язык мы учили, но успехи не были так велики, как могли бы быть при других приемах преподавания.

В классе у нас было двое учеников по фамилии Анисимов: Иван и Михаил. Услышав, что второго из них нередко по мальчишеской привычке звали уменьшительно Мишка, Жано всегда, вызывая одного из них, называл фамилию, затем делал паузу, а потом произносил имя. Михаила Анисимова всегда звал Мишкой.

Все же запас знаний, полученных в младших классах с небольшими прибавками в последующих, оказался достаточным для сдачи мною в университете французского языка (чтение, перевод, краткий грамматический разбор) без особой подготовки.

Из других учителей надо назвать Алексея Константиновича Топоркова, который преподавал логику и психологию. Это был несколько странный человек, который так плохо знал своих учеников, что были случаи ответов одним за другого. Он никого не различал. Наш класс соединялся дверями с соседним. Однажды, когда у наших соседей был пустой час, несколько человек зашло в наш класс и остались на уроке, сев на задних партах. Во время урока на этих партах вдруг началась возня, толкали и пихали друг друга. Когда Топорков заинтересовался причиной, ему сказали, что пришли посторонние, которых хотят изгнать, т.к. они мешают. Распахнули двери и чужаков вытолкали прочь, после чего еще долго не могли успокоиться.

Говорил он хорошо, но часто объяснял очередную тему сложнее, чем следовало бы по возрасту и пониманию учащихся. Зато иногда он превосходно рассказывал литературные новеллы, которые и занимали время.

После революции я слышал о нем разные рассказы. Одни говорили, что он был левым эсером, другие, что он ездил с агитпоездом.

С каким? Может, это были два разных этапа его жизни? Во всяком случае несомненно, что он активно участвовал в политической жизни. О том же свидетельствует написанная книга об анархизме. Хотя позиции автора мне не известны.

Законоучителей, т.е. преподавателей закона божьего, сменилось два. В младших классах преподавал пожилой протоиерей одной из приходских церквей – Михаил Павлинович Ласточкин, который шутил говорил: «У меня все с крылышками». Это был очень образованный человек, живой, интересно рассказывающий, с быстрой и точной реакцией. Однажды, входя в класс, он услышал брошенное кем-то «поп». Он воспользовался случаем и сказал: «Глупый ты, глупый. Ты думал меня оскорбить этим словом, а того не знаешь, что оно происходит от греческого «рарра», что значит – наставник, отец. Так что ты не унизил меня этим словом, а признал, что я твой учитель и наставник». Разъяснение это было выслушано классом в совершенном молчании. Этого слова в классе больше не слышалось.

В старших классах преподавал священник гимназической церкви Новиков. Имени и отчества не помню. Сравнительно молодой, с академическим значком, он был выдержан, благожелателен. Уроки проходили спокойно, без каких-либо инцидентов.

Чистописание и рисование преподавал Петр Федорович Изотов, сибиряк по происхождению, который иногда на уроках после многих упрашиваний рассказывал о ламаитских монастырях, буддийских праздниках, которые видел он на родине. Обучение рисованию он вел без особых разъяснений из области истории или теории искусств. Ставилась натура (геометрический орнамент, горшок, голова и т.п.), мы рисовали. Иногда он ходил и обращал внимание на ту или другую оплошность в рисунке. Все же навык, хотя и примитивный, владения карандашом, акварелью мы получили. Те, кто хотел, мог брать у него частные уроки после занятий.

Пение преподавал тем, у кого были голос и слух, человек средних лет, фамилия которого в памяти не сохранилась. Звали его Николай Степанович. Он же был и регентом хора. С ним мы проходили некоторые азы музыкальной грамоты: ноты, сольфеджио, разучивали партии. Хор наш был четырехголосым, т.к. среди старшеклассников были и теноры, и басы, а среди младших – дисканты и альты. Я несколько лет пел в хоре, пока голос не стал ломаться.

Это для учеников была нагрузка, т.к. занятия и спевки проводились после уроков. В виде меры поощрения гимназическое начальство абонировало ложу в Большом театре, куда мы по очереди ходили на утренние спектакли.

За порядком во время перемен наблюдали надзиратели. Один носил прозвище «Мазепа», обладал зычным голосом и останавливал гимназистов окриком: «Не орать». Он, насколько я помню, действовал преимущественно на втором этаже, а к концу моего пребывания в гимназии из нее ушел. Поэтому лучше запомнился другой – Трифон Ильич Радонежский. Невысокого роста, с животиком и очень сильными пальцами, он был грозой баловников, которым доставляло удовольствие, приблизившись к нему на расстояние, обеспечивавшее возможность бегства, крикнуть: «У Трифона Ильича голова из кирпича». Радонежский бросался в погоню, шалун убегал, а если бывал задержан, то получал такой силы щелчки по мягкому месту, что долго не забывал об этом.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Мирное течение гимназической жизни нарушила Первая мировая война. Здание гимназии было занято под лазарет. На некоторое время нас перевели в реальное училище Воскресенского, помещавшееся в новом здании в переулке близ Покровских казарм. Занимались мы во вторую смену, приходя уже усталые после выполнения домашних заданий, в плохо проветренные классы. Поэтому учиться стало труднее. К тому же какая-то доля домашних работ приходилась на наши плечи – приходилось стоять в очередях и т.п. Нас будоражили сообщения как о военных неудачах, так и о победах русской армии. А с 1916 г. мы, как и все население страны, волновались под воздействием постоянно распространявшихся сведений о распутинщине, о немецкой придворной клике и пр. Знаменитой речью Милюкова с несколько раз повторенным вопросом при перечислении действий правительства: «Глупость это или измена?» мы зачитывались, а убийством Распутина и вовсе были потрясены. Февральская революция, демонстрации вызвали и нас на улицу, – мы сливались с восторженной толпой. Но понимали мы в событиях так же мало, как и большинство населения. Мы не разбирались в политиче-

ских партиях и группах, а события мелькали так быстро, что делавшиеся некоторыми из нашей среды предложения, – создать кружок для знакомства с программами партий, не осуществились. 1917 год был особенно трудным. Нехватка продовольствия, огромные очереди, нередко беспорядочные, привели к образованию общественной продовольственной милиции, в которой основную роль играли студенты и куда привлекали гимназистов старших классов. Некоторые из нашего класса участвовали в ней и дежурили у булочных, занимаясь регулировкой очередей.

Волновали нас проходившие выборные кампании: в Учредительное собрание, в городскую и районные думы. Мы не были по молодости лет избирателями, но первые шаги демократии в стране нас глубоко затрагивали, мы ходили к избирательным участкам, где толпились сторонники разных партий и организаций, слушали их споры, иногда очень горячие и острые, и старались определить свое отношение к обсуждавшимся вопросам. В отличие от Петрограда, где действовали довольно крупные партийные союзы молодежи (см. воспоминания Л. Успенского и др.), в Москве, насколько я могу судить, участие гимназистов в таких организациях не было значительным. В Москве – так мне представляется – молодежное движение базировалось на студенчестве.

По-видимому, в том же 1917 г., когда сократилось число раненых, госпиталь, находившийся в здании гимназии, был то ли закрыт, то ли вывезен, и мы вернулись в свое помещение. В нем мы и закончили наш гимназический курс. Весной 1918 г. в гимназии был двойной выпуск. Были выпущены окончившие полностью весь 8-летний курс. Были выпущены и мы, окончившие курс 7 классов, с соответствующими об этом справками. Очевидно, новые органы народного образования считали нецелесообразным из-за одного года переводить нас в создавшуюся тогда Трудовую школу. Той же весной я поступил в университет. Семь лет гимназического курса остались позади.

События последующих лет разбросали моих бывших товарищей. Многих я потерял из виду сразу же по окончании гимназии и более никогда не встречал. Поэтому трудно сказать в целом, что же дал наш класс стране. Такие сведения у меня имеются примерно о трети класса. Из нашего рядового класса обычной гимназии вышло 4 про-

фессора⁶, 1 художник⁷, 4 врача, 1 экономист, 1 актер и, как я думаю, немало других полезных и нужных стране деятелей. Вот почему, не закрывая глаза на недостатки, существовавшие в нашей гимназии, я с благодарностью посвящаю эти воспоминания памяти наших наставников по М.4.г.

Примечания

¹ Адрес дома в настоящее время (1970-е годы): ул. Чернышевского (ныне Покровка). Дом построен архитектором школы Растрелли в конце 60-х или начале 70-х годов XVIII в. 4-я гимназия переехала в этот дом в 1861 г. См.: *Романюк С.А.* Улица Чернышевского // *Вопросы истории.* 1980. № 11. С. 186. См. также: *Соколов Д.А.* 50-летие Московской 4-й гимназии (1849–1899). Краткий исторический очерк. М., 1899.

² 1911–1918 гг.

³ Никитин Николай Александрович (1893–1972), доктор технических наук, был заведующим кафедрой физики Московского энергетического института.

⁴ Сергей Чехович, в будущем инженер. Расшифровать некоторые сокращения и установить фамилии отдельных лиц помогла сестра Сергея Александровича – Е. А. Никитина.

⁵ Никитин Дмитрий Васильевич (1874–1960). В 1902–1904 гг. был домашним врачом у Л. Н. Толстого.

⁶ Кроме самого С. А. Никитина – Гофман Генрих Ефимович, профессор 2-го Московского медицинского института; Коростелев Владимир, генерал медицинской службы; четвертый нам не известен.

⁷ Михаил Оболенский.

РАЗДЕЛ II

НЕИЗДААННЫЕ ГЛАВЫ КНИГИ
С. А. НИКИТИНА

"Русское общество и вопросы
балканской политики России.
1853–1876 гг."

И. В. Чуркина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

НЕИЗДАННАЯ КНИГА С. А. НИКИТИНА

В 1947 г. Сергей Александрович Никитин, в то время доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, защитил докторскую диссертацию на тему «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.». Защита прошла успешно, оппонентами выступили крупные ученые: историк СССР Н. М. Дружинин, историк-славист В. И. Пичета, историк-турколог А. Ф. Миллер. Столь разнообразная специализация оппонентов была вполне оправданна. Диссертация, посвященная развитию славянских идей в русском обществе с начала Крымской войны 1853–1856 гг. и до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., действительно имела серьезные выходы и на историю балканских народов, и на дипломатическую и военную историю Османской империи.

Высокая оценка диссертации крупными учеными дала С. А. Никитину возможность представить ее в издательство Академии наук СССР, где она должна была выйти отдельной книгой. То, что его труд печатался в издательстве Академии наук, не было случайностью: с 1947 г. Сергей Александрович стал одним из основателей Института славяноведения и балканистики АН СССР и с тех пор вплоть до 1961 г. одновременно заведовал кафедрой истории южных и западных славян истфака в МГУ и сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма в Институте.

Книга С. А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг.» была набрана. Выход ее в свет намечался на 1948 г. Однако он так и не состоялся: цензура сочла нецелесообразным напечатание книги, и набор ее был рассыпан. Я пользовалась экземпляром верстки указанной книги, которая хранилась

в архиве С. А. Никитина, а ныне находится у бывшего сотрудника Института славяноведения А. Н. Горяинова. Ссылки в данной работе будут даваться именно по этой верстке.

Говоря о неизданной книге С. А. Никитина, я остановлюсь на двух моментах. Во-первых, необходимо показать, что представляет собой эта книга с научной точки зрения, и, во-вторых, ответить на вопрос – почему она так и не вышла в свет в то время.

Прежде всего, о самой книге. По своим размерам она должна была быть весьма внушительной: при большом формате (приблизительно равном формату «Ученых записок Института славяноведения») она насчитывала 509 страниц. Первое, что бросалось в глаза при ее прочтении, – это обилие фактического материала: С. А. Никитин использовал документы 41 фонда из двенадцати московских и ленинградских архивов, просмотрел практически всю центральную периодическую печать России конца 50-х–70-х гг. XIX в., а также значительную часть провинциальной прессы (Воронежа, Новочеркасска, Казани, Киева, Одессы и др.). Помимо этого ученый широко пользовался многочисленными опубликованными источниками: воспоминаниями, письмами, трактатами, памфлетами, брошюрами публицистов и т.д. Им была изучена литература на русском, английском, французском, сербо-хорватском, болгарском, чешском и польском языках. Мне редко доводилось видеть труды столь фундированные.

Что касается методологии, то автору, несомненно, ближе всего был позитивизм с его обстоятельностью в подборе фактов, со стремлением любой вывод базировать именно на них. Наряду с этим господствовавшая в то время в советской историографии марксистская методология не могла не оказать на С. А. Никитина заметного влияния. И дело здесь не только в цитатах из трудов классиков марксизма-ленинизма – их сравнительно немного, и они, как правило, носят нейтральный характер. Главное заключалось в попытке каждый раз дать классовую характеристику тому или иному лицу, оценить только с классовых позиций многие события и явления, что приводило к известному их упрощению. Однако хочется еще раз подчеркнуть, что очень часто исследование конкретного материала заставляло С. А. Никитина отходить от принятых в советской историографии оценок, приходиться к самостоятельным, оригинальным выводам.

Книга С. А. Никитина состояла из семи глав. Первая глава называлась «Крымская война», вторая – «Шестидесятые годы», третья – «Славянские комитеты», четвертая – «Славянские съезды 60-х годов», пятая – «Панславистские теории конца 60-х годов», шестая – «Канун восточного кризиса», седьмая – «Начало восточного кризиса». Наиболее обширная вторая глава, «Шестидесятые годы», в свою очередь делилась на три раздела: первый раздел – «Балканские связи русской печати», второй – «Панславистские теории и их критика», третий – «Конкретные проблемы балканских отношений». Значительное количество этого материала было опубликовано С. А. Никитиным позднее. Так, из главы второй он сделал две статьи. Одна из них под названием «Югославянские связи русской печати 60-х годов XIX в.» (слегка измененный раздел «Балканские связи русской печати») вышла в свет в VI томе «Ученых записок Института славяноведения» (М., 1952). Третий раздел второй главы «Конкретные проблемы балканских отношений» полностью вошел в очерк «Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской прессы» в книге С. А. Никитина «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.» (М., 1970). Здесь же была целиком опубликована глава шестая «Канун восточного кризиса», которая в качестве статьи называлась «Балканские события в русской периодической печати кануна восточного кризиса». Наконец, три главы неизданной книги С. А. Никитина (третья – «Славянские комитеты», четвертая – «Славянские съезды 60-х годов» и седьмая – «Начало восточного кризиса») с небольшими изменениями вошли в его монографию «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах» (М., 1960).

Таким образом, большая часть книги Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг.», не увидевшей свет в 1948 г., впоследствии была опубликована. Неизданной осталась ее меньшая часть. И хотя от рассыпки набора в 1948 г. до смерти С. А. Никитина в 1979 г. прошло более тридцати лет, он не счел возможным выпустить эти разделы в свет.

Что же это были за разделы? Это первая глава «Крымская война», второй раздел второй главы «Панславистские теории и их критика» и пятая глава «Панславистские теории конца 60-х годов». На них я и остановлюсь подробнее. Во-первых, они еще нигде не опубликова-

лись, а в силу своей фундированности могут представлять несомненный интерес для исторической общественности. Во-вторых, по-видимому, именно в содержании этих глав кроется причина того, что набор книги С. А. Никитина был рассыпан.

Все неопубликованные разделы объединяются единой проблематикой – развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40–70-е гг. XIX в. Эта проблема исследовалась и за рубежом, и в России, и частично в Советском Союзе. Я не буду здесь останавливаться на ее трактовке различными учеными, ибо это другая тема. Моя цель показать, как проблема панславизма рассматривалась С. А. Никитиным.

В первой главе «Крымская война» автор очень мало занимался войной: военными действиями, дипломатическими перипетиями накануне и в ходе ее. Основное внимание он уделил отношению к ней русской общественности, прежде всего славянофилов и близких к ним кругов. Центральное место в главе отведено разбору «Записки» Константина Сергеевича Аксакова, написанной им, по-видимому, накануне или в самом начале войны. Этот документ был найден Сергеем Александровичем, а введен в научный оборот лишь спустя сорок лет словацким ученым Татьяной Ивантышиновой (см. ее книгу «Чехи и словаки в идеологии русских славянофилов». Братислава, 1987)*. Российской исторической общественности она не известна, поэтому я позволю себе остановиться на ней подробнее.

В своей «Записке» К. С. Аксаков утверждал, что в Европе существует два мира – романо-германский и славянский. При этом Россия и славянство противостоят растленному Западу, или романо-германскому миру. Последнему удалось во многом разложить русское общество, но народ остался нетронутым. Начавшаяся война является новым звеном в вековой борьбе Запада и России, борьбе начал, или принципов, лежащих в основе европейского мира, с одной стороны, и славянского, с другой. Принципы европейского мира – аристократизм и индивидуализм. Запад питает презрение ко всем народам, которые не входят в его орбиту, особенно к славянам. Принципы славянства – кротость, миролюбие, самопожертвование, верность православию. В данный момент речь идет о решительной

* Ivantyšinova T. Česi a Slovace v ideologii ruskyh slavianofilov. Bratislava, 1987.

схватке между Россией и Западом. Цель последнего если не уничтожить, то хотя бы унижить и ослабить русское государство.

Кроме русских, остальные славяне находятся под чуждым игом, турецким или немецким, однако сознание кровной связи с Россией у них не угасло. «И России предлежит подвиг быть заступницею веры, заступницею православных и единокровных братьев. Не расчеты дипломатии, а нравственные вопросы легли в основу войны: единство веры, единство соплеменного братства». Россия, по мнению К. С. Аксакова, должна провозгласить независимость всех славян и всех югославян в Турции и идти освободить их, наконец, от четырехсотлетних страданий. К. С. Аксаков считал, что освобожденные славянские народы создадут свои собственные национальные государства-княжества, которые установят «прочный союз всех славянских народов под верховным покровительством русского государя». При этом, добавлял К. С. Аксаков, Россия не будет вмешиваться «в домашний распорядок покровительствуемых народов». Такое покровительство не затруднит Россию, но, наоборот, только будет способствовать умножению ее сил. К. С. Аксаков полагал, что Молдавия и Валахия также присоединятся к союзу славянских государств. После того, как Австрия показала себя столь неблагодарной по отношению к России, последняя имеет полное право «исполнить свое призвание освободительницы единоплеменных и частично православных народов, присоединив, конечно, при этом к себе свое древнее достояние – Галицию» (С. 12–15). Таким образом, К. С. Аксаков распространял освободительную миссию России и на австрийских славян. В своей записке он четко оговаривал, что непосредственно присоединить она должна только Галицию, остальные же славянские народы должны образовать систему покровительствуемых Россией государств. Сергей Александрович вполне справедливо оценил «Записку» К. С. Аксакова как выражающую концепцию великодержавного панславизма, указав, что на нее несомненно повлияли «Записки» известного русского историка М. П. Погодина, который проповедовал панславистские идеи уже с конца 30-х гг. XIX в. (С. 19).

Далее Никитин подробно останавливался на планах Погодина. Они были разработаны значительно шире и детальнее, чем проекты К. С. Аксакова. Так, в своей «Записке» от 27 мая 1854 г. Погодин рисовал картину создания широкого союза «под председательством

и покровительством России». В этот союз (Дунайский, Славянский, Юговосточный – такие названия на выбор предлагал ему дать Погодин) должны были войти, помимо славянских земель, Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания. Центром союза предполагалось сделать Константинополь, в нем же созывать и общие сеймы – парламенты. Второй блок союзных России государств (Балтийский союз) Погодин полагал возможным установить на севере – из Швеции, Дании, Пруссии. Возглавив эти два союза, Россия может, не опасаясь остальной Европы, направить свои силы на подчинение Китая, Японии, Тибета, Бухары, Хивы, Коканда, Персии. В этом огромном государственном объединении главенствующим должен был стать русский язык. Что касается непосредственно Крымской войны, то Погодин рассматривал ее для России в качестве крестового похода, который должен был привести к следующим целям: 1) возбудить Россию на пути к совершенствованию гражданскому и человеческому; 2) призвать к умственной и духовной жизни «древнейшие многочисленные племена славянские, освободив их сперва от турецкого ига, а потом и всякого другого ига» (т.е. австрийского. – И.Ч.); 3) изгнать турок из Европы; 4) восстановить патриарший престол в Константинополе во всем его величии; 5) обновить обветшалую Европу (С. 17, 18). Как можно видеть, планы Погодина далеко выходили за рамки панславистских грез, распространяясь на северную Европу и практически на всю Азию (за исключением Индии).

С. А. Никитин считал возможным объединить проекты К. С. Аксакова и М. П. Погодина, поскольку оба они исходили из убеждения в высоком предназначении России, в ее решающей роли при освобождении славян. Ученый подчеркивал, что источник их панславизма – вера в мощь николаевской России – был реакционен. В отличие от погодинско-аксаковского панславизма мечтания А. И. Герцена, по мнению Никитина, хотя и были также панславистского толка, носили прогрессивный характер, поскольку Герцен «связывал расцвет славянского мира с распадом романовской империи, а не с укреплением и увековечиванием российского самодержавия» (С. 20).

Оценивая отрицательно панславистские планы К. С. Аксакова и М. П. Погодина, С. А. Никитин отмечал: «...панслависты (славянофилы и Погодин) признавали необходимость освобождения балканских государств, находящихся в тесной связи и под покровитель-

ством России». Не имея возможности сказать более откровенно, Никитин попытался сделать оценку панславистов времен Крымской войны более объемной. Он писал, что в то время они видели ясную конкретную цель – освобождение славянских народов от чужеземного ига, цель, связанную с конкретными политическими событиями – войной России с Оттоманской империей. Поэтому вопрос панславистами ставился решительно: в случае победы над Турцией необходимо полное освобождение от ее господства подвластных ей народов Балкан. Чувствуется, что эта цель панславистов 50-х гг. XIX в. вызывала симпатию Никитина. Недаром в этой же главе как бы мимоходом он замечал, что славянофилы представляли лучшую часть дворянского общества (С. 23).

Возникновение панславистских идей в России Никитин датировал началом Крымской войны. При этом ему удалось показать, что эти идеи появились в самых различных слоях русского общества: в придворных кругах (в частности, у генерала Паскевича, камерфрейлины императрицы графини А. Д. Блудовой и др.), среди дворянской интеллигенции (славянофилы), демократов (А. И. Герцен, М. А. Бакунин) и т.д.

Следующая часть книги С. А. Никитина, посвященная развитию панславистских идей в России, – это раздел «Панславистские теории и их критика» в главе второй «Шестидесятые годы». В нем автор рассказывал о трех вариантах панславистских теорий, сложившихся в России в 60-е гг. XIX в.

Тот панславизм, который возник в начале Крымской войны и основывался на возможности освобождения славян в ближайшем обозримом будущем, уже к концу 1854 г. сошел на нет. Он не исчез полностью, но принял в 60-е гг., годы мирного развития России, годы проведения буржуазных реформ, новые формы. Это был первый вариант панславизма, вариант славянофильский, наиболее видным представителем которого являлся Иван Сергеевич Аксаков. Панславизм И. С. Аксакова в значительной степени вышел из панславистских теорий его брата Константина. Но в отличие от последнего, И. С. Аксаков отрицал необходимость политического объединения славян, а видел предназначение России в призыве славян «к жизни, самобытности и свободе». По его мнению, балканские славяне должны освободиться от турецкого ига, подняв восстание против

Порты, которое поддержит Россия. И. С. Аксаков выступал за «полное признание самобытности каждого племени, способного к самобытности» (С. 92, 76).

Панславистские идеи И. С. Аксакова, несомненно, вызывали сочувствие С. А. Никитина. И сравнивая их со вторым вариантом панславизма 60-х гг. XIX в., который Сергей Александрович условно называл катковским, он подчеркивал: «...военно-повстанческий панславизм Аксакова гораздо легче и либеральнее решал вопрос для освобождения славян». И далее: «Концепция Аксакова стремилась к освобождению славян и созданию федерации во главе с Россией, в недрах которой славяне и должны были получить возможность развития, соответствующего славянофильскому идеалу» (С. 92, 112).

Катковский панславизм сформировался в середине 60-х гг. Его наиболее ярким выразителем стал М. Н. Катков, идеолог самодержавных порядков в России. Этот вариант панславизма, по мнению С. А. Никитина, представлял «политическую доктрину, поставленную на службу решения коренного вопроса русской внешней политики в связи с новой ситуацией, сложившейся в Европе к середине 60-х годов». Новая ситуация определялась, с одной стороны, польским восстанием 1863 г. и его подавлением царским правительством, а с другой, началом энергичных действий Пруссии по объединению Германии, в частности, захватом ею у Дании Шлезвига и Голштинии. Панславизм Каткова носил обрусительский характер. Катков выступал за то, чтобы русский язык стал общеславянским, чему он придавал не культурное, а чисто политическое значение. Никитин оценивал катковский панславизм отрицательно.

Сравнивая две видные фигуры русской общественной мысли 60-х гг. – славянофила И. С. Аксакова и М. Н. Каткова, Никитин указывал на принципиальное отличие их взглядов. Если для Каткова главной была полная поддержка правительства, то Аксаков, даже «когда он действовал вместе с правительством, он сохранял независимость, которая лишь сильнее оттеняла его политическую линию» (С. 111).

Близким по своей сути катковскому панславизму, по мнению Сергея Александровича, был панславизм известного русского слависта и славянофила Владимира Ивановича Ламанского. Ламанский полагал, что каждый славянский народ для своих домашних потреб-

ностей может пользоваться своим родным языком, однако научно-дипломатическим языком для всех славян должен стать русский язык. Любопытны доводы, которые приводил Ламанский в обоснование этого положения. Поскольку за тысячелетие своего существования малые славянские народы не смогли создать богатую литературу и прочную государственность, то «нет никакого основания предполагать, чтобы они могли достичь этих условий в настоящее или будущее время». Ламанский опирался в своих утверждениях на теорию Ч. Дарвина, перенося законы биологического развития на законы развития общества, в частности – языка. Он полагал, что так же как среди флоры и фауны, в человеческом обществе существует борьба за существование и естественный отбор. Это лучше всего можно заметить «на наречиях тех всемирно исторических племен, которые достигают общей человеческой образованности и необходимого ей органа общелитературного языка, то есть тогда, когда одно из наречий известного племени после борьбы со своими родичами и после известного подбора, приобретает, наконец, первенство и гегемонию, становясь общим языком целого племени». Только признание единого литературного языка славянами «может положить конец их нынешнему служебному положению и духовному рабству» (С. 89, 90).

Третий вариант панславизма – панславизм демократического лагеря. Его идеологами являлись А. И. Герцен и М. А. Бакунин. С. А. Никитин отходил от тех оценок их взглядов, которые были приняты большинством советских историков. Подчеркивая, что бакунинский вариант панславизма носил антимонархический характер, что он отрицал гегемонию России над славянами, Никитин считал его непригодным для проведения в жизнь, ибо он «отправлялся от сбивчивых социально-экономических рассуждений Бакунина и по сути дела представлял такое же навязывание готовой точки зрения славянам, как это делал панславизм реакционный» (С. 114).

Своеобразным было отношение Никитина к точке зрения Н. Г. Чернышевского и его соратников на славянский вопрос. В 50–80-е гг. XX в. в советской историографии господствовало мнение, что она являлась наиболее правильной в то время. Проанализировав высказывания Чернышевского, Никитин пришел к выводу: «Чернышевский переоценивал, как показали позднейшие события, возможность по-

беды балканских народов и недооценивал захватнические стремления западных держав и тем самым засвидетельствовал недостаточное знакомство с реальным положением дела». И далее: «“Современник” больше вел борьбу с панславизмом и славянофильством, чем намечал что-либо положительное» (С. 104, 107)¹.

Пятая глава неизданной книги С. А. Никитина называлась «Панславистские теории конца 60-х годов». В центре ее находился анализ идеологии двух общественных деятелей России, которая, по признанию как советской, так и зарубежной историографии, представляла собой квинтэссенцию русского панславизма. Речь идет о Н. Я. Данилевском и Р. А. Фадееве.

Книга Данилевского «Россия и Европа» вышла в свет в 1871 г. Однако до этого она в 1869 г. печаталась отдельными статьями. Уже в конце XIX – начале XX вв. она вызвала резкую критику со стороны передовых деятелей русской культуры. С. А. Никитин, в частности, приводил высказывания о ней, весьма отрицательные, философа В. С. Соловьева и историка П. Н. Милокова.

Так же как и Ламанский, Данилевский пытался привлечь для доказательства своих утверждений естественнонаучные теории. Это отметил еще Милоков, указав, что Данилевскому чужд дарвинизм, а близко учение Ламарка. Действительно, Данилевский исходил из положения, что вся история человечества представляет собой смену типов культур (всего он насчитывал их десять, не считая двух американских). Эти культуры не переходят одна в другую, а совершенно самостоятельны. Предыдущие типы культур являются только удобрением для последующих типов. Могут быть влияния одного культурного типа на другой, но это происходит или путем колонизации (например, греческая культура в Италии и в Причерноморье), или путем прививки (как была привита римская культура кельтской). Данилевский, таким образом, полностью отрицал единство мировой культуры.

Данилевский считал, что Россия и славяне представляют собой особый культурно-исторический тип, который должен сменить романо-германский культурно-исторический тип. Как и К. С. Аксаков, Данилевский противопоставлял эти два культурных мира и видел главного врага славян в романо-германском мире. Данилевский считал, что сущность восточного вопроса есть борьба между романо-

германским и славянским культурно-историческими типами, которая началась еще во времена Карла Великого. Сначала в ней одерживал победу романо-германский мир. Только с царствования Екатерины II славянство начало теснить своего соперника. Среди европейских стран Данилевский видел единственного возможного союзника России в Пруссии.

Никитин оценивал программу Данилевского как программу «царского великодержавного панславизма». Одновременно он указывал, что Данилевский сочувствовал буржуазным реформам в России, поскольку основу будущей славянской федерации он видел в свободном крестьянине с наделом, православной вере и славянской идее (С. 328–355).

Р. А. Фадеев издал свою книгу «Мнение о восточном вопросе» в 1870 г. Он не противопоставлял Россию всем европейским романо-германским государствам, как это делали другие российские панслависты. Он подчеркивал, что «главный враг наш никак не Западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями». Единственным спасением от этого племени является объединение славян во главе с Россией. Это в интересах прежде всего самой России, ибо или «Россия распространит свое главенство до Адриатического моря, или вновь отступит до Днепра». Вообще, согласно Фадееву, «вся русская история без всеславянской цели теряет смысл». Планы объединения у него включали те же народы, что и у других панславистов. Главное отличие Фадеева от последних – антинемецкая направленность всех его проектов. По совершенно справедливому утверждению Никитина, панславизм Фадеева явился реакцией на распространение пангерманских идей. Взгляды его Никитин оценивал как националистические под флагом панславизма. В отличие от Данилевского, Фадеев имел сторонников среди военных (Черняев, Барятинский) и дипломатических (Игнатъев) кругов. Его сочинение получило более широкий отклик за рубежом: книгу перевели на немецкий, чешский, польский, сербский языки (С. 358–365, 369).

Помимо трудов указанных двух широко известных русских панславистов Никитин исследовал сочинение еще одного, близкого им, автора, который до сих пор не привлекал к себе внимания. Это некий А. Стронин, издавший в 1869 г. в Петербурге свой труд «История и метод». Стронин так же, как другие панслависты, исходил из

положения об извечной борьбе двух миров – Запада и России. И так же, как они, он видел залог победы России в объединении ею вокруг себя всего греко-славянского мира. Стронин, вслед за Данилевским и Ламанским, активно переносил законы растительного и животного мира на человеческое общество. Так, ссылаясь на Дарвина, он утверждал, что славяне в конце концов ассимилируют («заглушат») венгров (С. 356, 357).

Итак, мы рассмотрели те главы книги С. А. Никитина, которые не были опубликованы и которые, по всей вероятности, и явились причиной того, что книга так и не вышла в свет в 1948 г.

Что же не устраивало цензуру в этих главах? Расхождение взглядов Никитина на развитие славянской идеи в русской общественной мысли, на славянофилов и революционных демократов с имевшими в то время хождение в советской науке концепциями? Возможно.

Но главное, по моему мнению, почему эта книга показалась столь нежелательной властям, заключалось в следующем. Предсказания панславистов, начиная с К. С. Аксакова и М. П. Погодина и кончая Н. Я. Данилевским и Р. А. Фадеевым, были настолько сходны с ситуацией, которая сложилась после победы СССР над Германией в 1945 г., что волей неволей возникали самые малоприятные для советского правительства параллели. Как предсказывал Фадеев, именно между Германией, с одной стороны, и Советским Союзом, являвшимся преемником России, произошло самое жестокое из всех, какие знала история, военное столкновение. И, как писали русские панслависты, Россия, победив Германию, выступила освободительницей славян от страшного чужеземного ига. После победы СССР была создана система государств, зависимых от него. Даже перечень государств, попавших в орбиту влияния советской державы, практически совпадал с тем, который давали русские панслависты. Так, например, Данилевский полагал, что в федерацию под главенством России войдут: Чехо-мораво-словацкое королевство (в середине XX в. – Чехословакия), Сербо-хорвато-словенское королевство (Югославия), Болгарское королевство (Болгария), Румынское королевство (Румыния), Венгерское королевство (Венгрия), Эллинское королевство (Греция), Константинопольский округ с проливами. Из этих государств только Греция и Константинопольский округ оказались вне сферы влияния СССР.

И, конечно, советское правительство никак не могло открыто признать, что оно осуществило планы русских панславистов. Положение было тем более щекотливым, что СССР провозглашал себя самым верным последователем идей Маркса-Энгельса-Ленина, которые в своих трудах клеймили панславизм самым критическим образом.

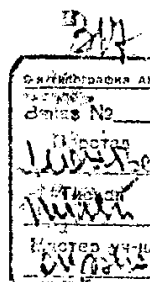
Примечания

¹ Такая точка зрения стала пробивать себе дорогу в советской историографии только с начала 1970-х гг. См.: *Хитрова Н. И.* Русское общество и Черногория 60-е – 70-е годы XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. С. 171. Более развернутая оценка взглядов Чернышевского и Бакунина на славянский вопрос дается в монографии В. М. Хевролиной «Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х – начало 80-х годов» (М., 1986).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С. А. НИКИТИН

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
И ВОПРОСЫ
БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ
1853—1876 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ☆ 1948 ☆ ЛЕНИНГРАД

Глава I КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В русской исторической литературе недостаточно освещено отношение общественного мнения к вопросам внешней политики. Взгляды на внешнюю политику даже видных политических мыслителей и публицистов до сих пор не изучались. Почти ничего не сделано для изучения развития взглядов различных кругов общества по вопросам внешней политики в те или иные периоды нашего прошлого.

Сводная работа А. А. Корнилова «Общественное движение при Александре II» (М., 1909) концентрирует внимание главным образом на вопросе внутренних отношений. Еще в меньшей степени касается внешнеполитических взглядов деятелей изучаемого периода Барриве в своей книге «Общественное движение в царствование Александра II» (М., 1909). Не найдем мы интересующего нас материала и в таких работах, как книга С. С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование» (СПб., 1911). Пожалуй, наиболее ценным в отношении характеристики общественных настроений и взглядов является известное сочинение Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», дающее, благодаря хрестоматийности построения, большой материал по истории эпохи. Но оно лишено исследовательского характера.

Из работ, посвященных Крымской войне, больше других уделил внимания этой стороне вопроса академик Е. В. Тарле («Крымская война». Т. I. М., 1941). Однако он останавливался по преимуществу на общественных откликах на войну и ее частные эпизоды. Внешнеполитические построения отдельных авторов лежали вне поля его зрения.

Если обратиться к монографиям, посвященным отдельным деятелям, то и здесь мы обнаружим аналогичное положение. В немногочисленных работах о славянофилах¹ исследуются философские, общественные, экономические, но не внешнеполитические их воззрения.

Авторы монографий о Н. Г. Чернышевском² затрагивают его внешнеполитические взгляды лишь частично, говоря об отношении

Н. Г. Чернышевского к национальному вопросу³. Специальный интерес к взглядам Чернышевского на внешнюю политику обнаружили немногие авторы: Я. М. Майофис⁴, автор предисловия к «Рассказу о Крымской войне по Кинглеку»^{*} – А. Штраух⁵; последний дал анализ взглядов, изложенных в названном произведении, сопоставив их со взглядами Маркса и Энгельса.

Исследователи взглядов Герцена мало интересовались его внешнеполитической идеологией. Плеханов⁶, Стеклов⁷, Нович⁸, Пипер⁹ даже в связи с «русским социализмом» Герцена не касаются его взглядов на будущее славянского союза, хотя они неотрывны от концепции «русского социализма».

Совсем не касается Плеханов внешнеполитических взглядов Погодина в статье «М. П. Погодин и борьба классов».

Мы не ставим задачей исчерпать литературу в порядке «отрицательной библиографии». Нам хотелось лишь указать на недостаточную разработанность вопроса, для изучения которого нами использованы опубликованные произведения и переписка соответствующих авторов, равно как неизвестное доселе произведение К. Аксакова – записка о восточном вопросе, представляющая собой весьма важный источник для изучения проблемы. Использована также неопубликованная переписка.

Начало Крымской войны ознаменовалось взрывом литературного ура-патриотизма. «Северная пчела» была одним из органов, на страницах которого нашли свое место написанные в этом жанре стихи Ростопчиной, Левашева, Красова, Рончевского и бывшие одними из первых стихи Ф. Н. Глинки – «Ура».

Ура! На трех ударим разом.
Недаром же трехгранный штык.
Ура отгрянем над Кавказом,
В Европу грянет тот же клик¹⁰.

* Кинглек Александр Вильям (1809–1891) – английский политик, либерал, военный писатель. В 1854 г. принял участие в Крымской кампании. Написал труд по истории Крымской войны. Все неудачи союзников ставит в вину Франции. К русским относится сочувственно. На русском языке в 1869 г. вышел отрывок из его труда «Париж и Провинция 2 декабря 1851 г.» о перевороте Наполеона III (прим. ред.).

Еще в начале конфликта, в 1853 г., А. Н. Майков написал свой «Клермонтский собор», где была высказана мысль о новом крестовом походе, предпринимаемом Россией, и об ее провиденциальной задаче:

... нам пришлось на долю
Свершить, что Запад начинал;
... нас отныне бог набрал
Творить его святую волю ...¹¹

Мотив этот не пропал. Клермонт и речь Петра Пустынника упомянуты в записке Погодина «Настоящая война с точки зрения европейской истории» (июль 1854). Мысль о грядущих успехах России на Востоке существовала и в славянофильском кругу. Немного позже Майков заявил об отказе от чистой лирики в пользу общественных тем:

Теперь не служит стих мне праздною забавой.
Он рвется от души, как отклик боевой,
На зов торжественный отечественной славы ...¹²

В письме к Писемскому он расценивал события как «величайший шаг в нашем развитии; с них начнется новый период нашей исторической жизни».

Появилось много мелких брошюр и листовок. Цитированное стихотворение Глинки, где напоминалось, что «о нашу грудь стальную расшибся сам Наполеон», а в конце говорилось: «Вам русского не сдвинуть царства: оно с Христом и за Христа», – было выпущено отдельным изданием и разошлось в огромном для того времени тираже – 9 тысяч экземпляров. «Лавочники, харчевники, саечники и цирюльники были самыми ревностными покупателями», – писал Глинка Гречу¹³. В Москве было перепечатано собрание «предречений» о падении Турции, в первый раз опубликованное в 1823 г., где говорилось, что «ни кой народ царству Оттоманскому никогда вредить не может, кроме единого народа Московского». Этот храбрый народ должен ниспровергнуть турецкую державу. В разных вариациях эта мысль проводилась через всю книгу и находила завершение в таком положении: «Русский ... народ, соединясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит вторично; седмихолмие (Константинополь – С.Н.) возьмут со всеми его принадлежностями».

ми»¹⁴. Таких брошюр или еще более задорных, например, «Непир у Кронштадта, или ехал – да не доехал», или «Ай да Абдул! всех в Париже обманул, или донесение татарина Людовику – Наполеону о взятии Севастополя», появилось очень много.

Вскоре в «Северную пчелу» были присланы знаменитые стихи: «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон...», с указанием министра императорского двора, что «государю угодно, чтобы оные были напечатаны в означенной газете». И мы знаем, что оно, подобно «Ура» Глинки, нашло довольно широкую аудиторию.

«Не только в трактирах, где собирался торговый люд и зажиточные мещане, но и в лучших гостиных с увлечением читали, а то и знали наизусть бывшее тогда в большой моде патриотическое стихотворение:

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон...

Это стихотворение потому было в таком ходу, что оно вполне отвечало настроению тогдашнего общества, в котором преобладала уверенность в возможности закидать неприятеля шапками», – так говорит современник¹⁵.

«...И даже истинный поэт г. Тютчев, – писал позже Чернышевский, – стал писать стихи в том же духе¹⁶, но эти стихи были не для народа, остались неизвестными ему; а публика, тогда хвалившая их, не думала ни о чем подобном до начала войны, точно так же, как и сами авторы стихов не занимались тогда подобными сочинениями»¹⁷. Мысль о неглубоком характере этих настроений подтверждается словами Хомякова в письме к А. Н. Попову¹⁸.

Патриотическое настроение славянофильских кругов, нашедшее отражение в стихотворении Хомякова «России», встречало неодинаковый отклик. Рядом с сочувственными голосами слышалось недовольство обличениями николаевской России, шедшее из консервативных кругов, требовавших безудержного патриотического восторга. О. М. Бодянский, гр. Е. П. Ростопчина и многочисленные авторы анонимных пасквилей на Хомякова были рупором этих кругов¹⁹.

Однако и в первые месяцы войны воинственный угар захватывал не всех равномерно. В дневнике «умеренного прогрессиста» Никитенко, после записи 20 октября 1853 г. о переходе турками Дуная²⁰, представляющей простую констатацию, нет никаких указаний на

войну на протяжении всего 1854 и части 1855 гг. – до смерти Николая I, что явно свидетельствует об отсутствии особого патриотического подъема и интереса к данной теме.

«Никакого патриотического одушевления я положительно не замечал в обществе, – пишет Боборькин о Казани этого времени. – Получались «Северная пчела» и «Московские ведомости»; сообщались слухи; дамы рвали корпию – и только. Ни сестер милосердия, ни подписок. Там где-то дрались, но город продолжал жить все так же: ели, играли в карты, ездили в театр, давали балы, амурились, сплетничали»²¹. Аналогичные сведения о настроениях уездного города Вятской губернии сообщает Чарушин²².

Сложнее были переживания высококультурных либерально-западнических кругов. Здесь известное стихотворение Хомякова «России» вызывало восторг своею обличительной частью, но было ясно, что народ не может вдруг обновиться. «Положение русских людей, которые ясно видели внутреннее состояние отечества, было в то время трагическое. Тут дело шло уже не о внешних победах, а о защите родного края. Русское сердце не могло не биться при рассказах о подвигах севастопольских героев. А между тем нельзя было не видеть, что победа могла только вести к упрочению того порядка вещей, который с такой горечью и с такою силой бичевал Хомяков, к торжеству того бездушного деспотизма, который беспощадно давил всякую мысль и всякое просвещение... Мудрено ли, что Грановский писал в одном письме, что он хотел бы пойти в ополчение не за тем, чтобы желать победы России, а затем, чтобы за нее умереть»²³.

В еще меньшей степени о каком-либо военном увлечении можно говорить по отношению к демократическим кругам русской интеллигенции. Небольшая рецензия Чернышевского в № 9 «Современника» за 1855 г. на одну из многочисленных патриотических брошюр отчетливо говорит об отрицательном отношении автора и к данному виду литературы, и к мыслям, ее наполняющим. Это рецензия на «Рассказ солдата Сидорова при бомбардировании Севастополя англо-французами». В ней мы читаем: «Одна из многочисленных спекуляций, рассчитывающих на патриотизм простонародия. Книжку эту можно похвалить хотя за то, что она не хочет никого вводить своею внешностью в заблуждение: обертка с лубочными картинками и бумага, какой мы уже давно не встречали даже в серобумажных изданиях, с первого же взгляда дают верное понятие о

литературных качествах книжки. Хорошо было бы, если всегда встречалась такая похвальная гармония формы с идеею»²⁴.

Я привел рецензию полностью. Трудно более сдержанно и более уничтожающе охарактеризовать в трех фразах данное произведение. Резко враждебное отношение Чернышевского к мыслям, выразившимся этой брошюрой, вполне ясно. И так как правительство поддерживало и насаждало шовинистический угар, то не приходится удивляться единичности суждений и фактов, говорящих об отрицательном к нему отношении. Но, так или иначе, они свидетельствуют о том, что демократические и отчасти либеральные круги не разделяли тех восторгов и надежд, которые были пробуждены войной в славянофильском и близком к нему кругах.

Горячо встретил войну славянофильский круг. Ожидали разрешения восточного вопроса, освобождения славян, создания всеславянского государства. В поэтической форме об этом говорили Хомяков и Тютчев, в прозаической – все славянофилы.

«Есть слухи о войне с Англией и Францией и, кажется, достоверные. Нам бояться нечего. В русском народе есть страх божий, а страх божий избавляет от всякого страха. Надеюсь на милость божию, вижу я вдали новое величие России, и внутреннее, и внешнее»²⁵, – еще до начала войны замечал К. С. Аксаков в письме к Н. А. Елагиной, написанном в 1853 г.

25 мая 1854 г. А. И. Кошелев писал И. С. Аксакову: «Задача, предлагаемая России, слишком красна и ясна, чтобы не одушевить каждого русского...». Кошелев стремился внести свою лепту в общее дело и написал три статьи, кроме него, писал стихи Хомяков и статьи Погодин. «Во всех этих сочинениях был один дух – одно чувство; т.е. пламенная любовь к отечеству, горячая вера в высокое назначение России в настоящей борьбе и полная готовность всеми силами содействовать правительству в удесятерении его средств к одолению врагов. Россия идет за веру и за братьев – что может быть святее этого дела?»²⁶.

Ту же мысль выражал Ф. М. Достоевский, так отзывавшийся в своем письме к А. Н. Майкову на его «Клермонтский собор»: «Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с Вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной великой России, святой нашей матери. Разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно»²⁷. Ту же мысль он высказал в стихотворении

рении «На европейские события в 1854 году». Мысль об освободительной роли России на Балканах, помимо той общей формы, в какой она изложена в предыдущих документах, находила в том же славянофильском кругу и некоторую дальнейшую конкретизацию. С нею мы встречаемся в письме К. С. Аксакова к Н. Палаузову (от 26 июля 1854 г.), в котором он писал: «Какой бы вид ни принимали политические обстоятельства войны, я уверен несомненно, что начавшаяся борьба на Востоке окончится торжеством веры и правды; уверен я, что родная нам русским многострадальная Болгария будет, наконец, свободна и пробудится к жизни духовной, к истинному просвещению, расцветет благосостоянием и внешним, и внутренним...». «В болгарях видим мы братьев единоверных и единоплеменных и не понимаем окончания настоящей войны без полного освобождения болгар, без устройства их независимости»²⁸. Такие же мысли выражал архиепископ Херсонский Иннокентий за несколько месяцев до К. Аксакова, после перехода Дуная русскими войсками писавший Н. Палаузову: «Отселе начало возрождения Болгарии и начало святого призвания быть у колыбели отроческой»²⁹.

Графиня А. Д. Блудова была занята мыслью об общем восстании славян Балканского полуострова. Она сомневалась в достаточности одних официальных мероприятий и писала Погодину: «Постарайтесь к лету собрать денег несколько и мы ими подожжем Боснию, без вспомогательного войска»³⁰. Это письмо интересно тем, что придворная славянофилка пыталась общественными силами привести к реализации правительственный план³¹; мысль, однако, осталась неосуществленной.

Представители славянофильского круга не ограничились определением вероятной и ближайшей цели – освобождения Болгарии. Крымская война побудила К. С. Аксакова к раскрытию и формулированию своих взглядов, которые он изложил в специальной записке по восточному вопросу. Этот документ, до сих пор остававшийся неизвестным, обнаружен нами в составе Аксаковского фонда (б. Мурановский) Государственного литературного архива, где находится в копии, написанной А. Ф. Тютчевой на почтовой бумаге с ее монограммой³². Подлинник – в архиве Института русской литературы³³.

Небольшая записка К. С. Аксакова имеет особое значение как единственное целостное изложение его взглядов по данному вопросу, дающее очень важную веху в развитии славянофильства и его

внешнеполитических идей. Записка начинается с изложения общих положений славянофильского учения о противоположности Западной Европы и России, основанной на противоположности их начал. Эта противоположность раскрывается так. На Западе – гордая, самопоклоняющаяся личность, индивидуализм, превращающий христианскую веру сначала в служение человеку в лице папы, а затем каждой личности – «в заблуждении протестантском». Запад пошел еще дальше и создал гедонистическую теорию греха, которая «созрела в учении коммунистов, начиная с Vuso и выразилась соблазнительно в сочинениях Georges Sand'a, растленнейшей писательницы в мире, и других сочинителей...». Аристократизм западных народов дополнил расхождение и создал чувство презрения к прочим национальностям. Вражда западного мира в особенности направилась на племя славянское, проникнутое иными началами: духом кротости и мира, духом самопожертвования и верою православной. Западу удалось соблазнить Польшу и совлечь ее со славянского на западный путь; затем он смял прочих славян, а остальных подчинили турки, и из всего славянского мира после этой первой схватки уцелел только русский народ. Это был «чистейший представитель славянства, исповедующий кротость и мир более, чем все его соплеменные братья». Запад поставил себе задачу сломить и уничтожить его, и в качестве исполнителя этого западного плана на Русь пошла «подручница» Запада – Польша, но не одолела. «И вот, военная буря, одна за другою, налетала на русскую землю, целые волны иноплеменных бойцов потопляли ее, но сильная неведомою для Запада силою, она отразила все эти удары, и перед этим кротким землепашцем валялись один за другим боевые пришельцы: поляк, швед, немец и француз и сколько других!»³⁴. Отраженный Запад оказался вынужденным изменить тактику и одержал успехи в жизни общественной и в сфере образования. С помощью «самой опасной силы – моды» он «входит во все, и в платье, и в душу». Западу удалось много испортить и разложить на Руси, но разложение захватило общество, а не народ. «Крестьянин, взятый от сохи, продолжает бить западного воина». Если же тина западноевропейской моды слетит с русского общества, в нем сильнее и неодолимее забьет родник живой своей струи.

Начавшаяся война – лишь новое звено в вековой борьбе Запада и России. Долго таившаяся ненависть обнаружилась, но проявилась иначе, чем раньше. «Это уже не Наполеон, не гениальный завоева-

тель, насильственно ведущий на нас силы народов, нет, это ненависть самих народов Запада, это союз всей Европы против нас – за что? Понятно, – это вражда начал (принципов), глубоко лежащих в основании западноевропейского и славянского мира»³⁵. Дело идет о решительной схватке. «Независимость Турции и все другие наружные причины, все это – пустые предлоги, к которым привязывается твердое намерение войны с нами. Если не одолеть, не уничтожить, то унижить, ослабить нас, общими силами мечтает Западная Европа»³⁶. А потому для России нет иного выхода, кроме войны, зачинщиком которой является Запад. Россия не может кончить дело без борьбы. «Постыдный мир хуже для нас всякой несчастной войны, и Россия его не примет. Бой неизбежен».

Однако Западная Европа упустила из виду, что в Европе два мира – романо-германский и славянский и что второй не очерчивается границей России; много славян в Турции и Германии, славян, которые постоянно устремляют свои взоры на Россию, в которых не угасло сознание кровной с нею связи. И раз дело идет о решительной борьбе, Россия свободна от всех прежних обязательств и не основанных на нравственных соображениях расчетов дипломатии. «Провидение напомнило народам, что есть святые слова, что есть нравственные чувства и духовные двигатели, то есть божию дела на земле... И России предлежит подвиг быть заступницею веры, заступницею угнетенных православных и единокровных братьев. Не расчеты дипломатии, а нравственные вопросы легли в основу войны: единство веры, единство соплеменного братства»³⁷. Война – попытка Запада нанести окончательный удар славяно-православному миру в лице главного представителя этого – России и тем покорить всех стран*. Вот почему «отступить перед этой войной, отказаться от священного подвига защиты православия и угнетенных братьев, – значит уже пасть. Недоумевать и колебаться, – значит сомневаться в помощи божией и в себе»³⁸. И даже хорошо, что на Россию собирается вся Европа – конфликт приобретает более чистый характер борьбы двух миров, и Россия будет бороться одна «без примеси иностранных союзников, не очень верных». Но нельзя терять времени и медлить. Запад начинает понимать, что славянский мир есть и за пределами России, он старается отвлечь от нее славян, засылает к

* Так в тексте (прим. ред.).

ним «извергов всех земель, бездушных выходцев» – по-видимому, имеются в виду поляки и находившиеся на Балканах венгры. Промедление увеличивает силы врагов. Россия «должна провозгласить независимость всех славян и всех православных в Турции и идти освободить их, наконец, на деле от четырехсотлетних страданий». «Европа встает на нас всем своим миром: пусть будет так! И мы встанем целым миром славянским. Вот прямое и единственное решение задачи»³⁹.

Что же дальше? Война окончится удачно для России и славян, так как «правде – помощник бог. Турецкая власть в Европе – позор христианства, добровольно до сих пор терпимый христианскими могущественными народами, – должна исчезнуть». Славянские народы будут освобождены, они создадут свои национальные государства (понятно, для славянофила они мыслились лишь в монархической форме княжеств). Но между ними и освободившей их страной установится тесная связь, «прочный союз всех славян под верховным покровительством русского государя». В области внутренней славяне получают автономию. Аксаков выражает эту мысль в словах: «мы не будем входить в домашний распорядок покровительствуемых народов», но в области внешнеполитической они будут закрыты значением и силой России. «Для России, – читаем мы в записке, – открывается, таким образом, новый путь величия и силы. Это покровительство, расширение которого не затруднит нас, но только умножит наши силы и вместе с тем придаст нам нравственное средоточие для всего славянского мира». Ясно, что по отношению к славянам Россия станет главой. Такой термин, как «покровительство», каким обозначает Аксаков характер будущих отношений России к славянам в соединении с понятием «нравственного средоточия», не может быть истолкован иначе, как в значении русской гегемонии над славянским миром, при сохранении внутренней самостоятельности составляющих его частей. А если прибавить, что Аксаков считает необходимым присоединить к России Молдавию и Валахию как территорию народов, не имеющих самостоятельного значения, и тем самым придвинуть русские границы к территории, которая, по его мнению, создаст прочный союз всех славян «под верховным покровительством русского государя», то станет совершенно ясным что перед нами концепция великодержавного панславизма. Основные стрелы Аксакова метят в Западную Европу, о Тур-

ции он не говорит, но в действительности его план является, прежде всего, планом разрушения Турции. Во всяком случае, на европейской территории она больше существовать не должна, и Константинополь перейдет к России, так как «кроме нас никто (его) удержать не может». Один из ударов направляется в представительницу Европы – Австрию, которая «идет против нас» и по отношению к которой Россия потому приобретает право исполнить свое «призвание освободительницы единоплеменных, и частично православных народов, присоединив, конечно, при этом к себе свое древнее достояние – Галицию».

Панславистская концепция К. С. Аксакова имеет тенденцию перерасти в апологию русской экспансии и в других направлениях. Его внимание привлекает Азия, большая часть которой питает, по его мнению, «сочувствие к Российской державе». И уверенность в сочувствии внушает ему надежду: «кто знает, как широко раздвинется Россия на этой новой стезе своего могущества?»

Широко начертанная картина, в оболочке обычной славянофильской фразеологии, в конечном счете явилась апологией экспансионистских планов России, и в этом отношении записка Аксакова перекликается с записками Погодина этой поры.

Может возникнуть вопрос, особенно естественный в силу новизны изложенного документа, не являются ли взгляды К. С. Аксакова только его личным и не ошибочно ли приписывать их другим представителям течения. Однако, как показывает его переписка с Д. А. Оболенским, К. С. Аксаков охотно распространял записку, а в письмах дополнял практическими советами поднять болгар и сербов, идти к Константинополю и т.д.⁴⁰ Концепция Аксакова была усвоена славянофилами. Это засвидетельствовано «Русской беседой», где в редакционном примечании к отрывкам из донесений Погодина от 1839 и 1842 гг. говорилось: «Знаменем России должен быть, по нашему мнению, не панславизм, в смысле политическом, не централизация, но признание прав каждой народности на самобытное, своеобразное существование, иначе: свободный союз независимых, отдельных славянских племен, которого защита и охранение естественно принадлежали бы России»⁴¹.

Так влияние событий способствовало конкретизации славянофильского панславизма, определило характер отношения славянофилов к восточному вопросу как зависящего от политической задачи

России. Россия же, по мнению славянофилов, должна была занять роль главы и руководителя славянского союза, а члены его – отдельные славянские народы – стать спутниками своего политического вождя. Но абстрактная схема К. С. Аксакова лишь еле-еле намечала то, что в ней, по внутренней логике, должно бы было занять более крупное место, – вопрос о Константинополе, т.е. о проливах. Они отдаются России, так как некому, кроме нее, удержать Константинополь. И это положение автор не видит нужным обставлять аргументами.

Следует отметить, что К. С. Аксаков ограничивался формулированием основной политической задачи, не касаясь вопроса о характере дальнейших отношений между Россией и членами славянского союза ни в плане детализации системы политических связей, ни в области указания культурных и других последствий развитого им решения восточного вопроса. Перед нами только первый набросок решения. Обстоятельнее изложены, подчас в различных формулировках, с разной степенью подробности, с подчеркиванием, в зависимости от воздействия текущих событий, различных сторон вопроса, воззрения на тот же круг явлений М. П. Погодина.

Взгляды Погодина лишены целостности славянофильской концепции, они эклектичны и, при всем стремлении автора казаться глубокомысленным политическим мыслителем, иногда наивны. Так, он объясняет причины Крымской войны следующим образом: «Одни ненавидят Россию, потому что не имеют о ней ни малейшего понятия» и судят по описаниям Кюстина и разных эмигрантов, считают русскую церковь еретической, личность в России беззащитной, литературу безгласной и т.д.⁴². Другие ненавидят Россию как реакционную силу, «препятствие общему прогрессу». Третьи – «пролетарии, которым терять нечего», радикалы, эмигранты, в их числе поляки и венгры, – хотят ловить рыбу в мутной воде или удовлетворять чувство мести. Второе из этих объяснений Погодин считает особенно важным. К этой мысли он возвращается и в другой записке. Но, если в записке, цитированной выше, Погодин считает позицию так думающих людей неверной («Это взгляд, – писал он в декабре 1853 г. – так называемой левой стороны, которую следует вразумлять, что нам до нее дела нет, хоть на голове ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия»), то в записке, написанной спустя четыре месяца (апрель 1854 г.), он утверждал:

«Политика ее (России – С.Н.) возбудила против нее слепую ненависть народов и доставила ей черную неблагодарность государей, вольную или невольную, это в итоге для нас все равно ... следовательно, политика ее была неверная и должна перемениться»⁴³. В другой апрельской записке есть иное объяснение, близкое к пониманию К. Аксакова. Отвечая на вопрос, почему западные державы хотят войны с Россией, он указывает: обычный ответ, ссылающийся на стремление поддержать Турцию, не верен; Турция умирает, оживить ее нельзя. Желание поддержать Турцию – только предлог. «Они хотят войны для того, чтобы унижить Россию и ослабить ее влияние на Востоке»⁴⁴, но цель эта недостижима. Россию унижить и ослабить они не могут, так как военные неудачи могут временно ее задержать, но не остановить, да к тому же дружба христиан и при неудачной борьбе может позволить решить вопрос иначе.

Если Погодин не в силах дать прямого и однозначного ответа на вопрос о причинах войны, то не случайно его особое внимание к Турции и славянам. И когда он говорит о стремлении морских* ослабить Россию на Востоке, видно, что именно это он считал действительной причиной войны, а не мнения читателей Кюстина или Герцена. Говоря уже о русских задачах и проблемах, какие суждено решить в итоге войны, он перечисляет: «Вопрос европейский об уничтожении варварского турецкого владычества в Европе...».

«Вопрос славянский об освобождении достойнейшего, древнейшего и вместе многочисленного племени человеческого славян от грубого ига...».

«Вопрос русский об увенчании, совершении русской истории, ... о решении борьбы с последними ее врагами, ... об ее месте в истории человечества».

«Вопрос религиозный о церкви восточной и западной, о вознесении православия на подобающее ему место...»⁴⁵.

Или в другой формулировке (июль 1854 г.):

«Настоящая война есть крестовый поход Восточной Европы или России. Назначение ее в европейской истории:

Возбудить Восточную Европу, т.е. Россию, державшую свои таланты под спудом, к принятию деятельного участия в общем ходе потомства Иафетова на пути к совершенствованию гражданскому и человеческому...

* Так в тексте (прим. ред.).

Призвать к умственной и духовной жизни древнейшие многочисленные племена славянские, освободив их сперва от турецкого ига, а потом и всякого другого ига (имеется в виду австрийское – С.Н.)...

Изгнать турок из европейского стана, уничтожить их владычество...

Восстановить патриарший константинопольский престол во всем его величии...

Обновить обветшалую Западную Европу, которая приобрела ланкастерские батареи, Пексановы пушки и пули Минье, но утратила веру, погасила поэзию, лишилась человеческого чувства и, отрекшись от бога, слила золотого тельца себе для поклонения»⁴⁶.

Так, в конечном счете, Погодин оказался вынужденным признать, что причины Крымской войны коренились в противоречии интересов России и западных держав на Востоке. Он хотел бы видеть здесь активность русской политики – крестовый поход России и в данном случае занимал позицию более решительную, чем правительство.

Провозглашая новую эру в истории⁴⁷, *Novus nascitur ordo*, Погодин ставит перед Россией двойную задачу: «Запад обветшал, устарел, повредился и имеет такую же нужду в обновлении, какую Восток имеет в пробуждении»⁴⁸. И задача эта должна разрешиться не только в войне России со своими противниками. Хотя Погодин в ранних записках выражал полную уверенность в исходе («Господи! со слезами на коленях благодарим тебя!... Ты оказал уже нам милость свою выше всякой меры: ты избавил нас от наших друзей, а с врагами разделаться пособит нам и старый наш помощник Николай чудотворец»⁴⁹), однако к середине 1854 г. он ощутил неопределенность положения и стал доказывать право России призвать славян к восстанию, а право славянских народов осуществить его. Законное право на восстание имеют болгары, сербы и прочие славяне, но этого мало. «Поднять Турцию, поднять Австрию, поднять Грецию, поднять Польшу, – а Италия поднимется сама, может быть, и Франция: вы хотели войны – так вот вам она: иначе нельзя нам отделаться, если не хотим уступить Крыма, Кавказа, Финляндии, Польши, да заплатить тысячу миллионов рублей военных издержек, принять на себя позор и уйти со стыдом в Азию»⁵⁰.

В этих постоянных колебаниях – весь Погодин: боязливый, неустойчивый, быстро теряющийся, но самомнительный, без отчетли-

вой и руководящей мысли, он не мог создать такой стройной и логичной концепции, как та, которую дал Аксаков, но он еще решительнее защищал русскую активность на Балканах и в более развернутом виде изложил свое понимание того, нового порядка, какой России суждено установить на месте разрушенной Турции.

В записке от 27 мая 1854 г. он указывает, что союзников Россия должна искать среди славян. Он перечисляет 15 славянских областей и восклицает: «Восемьдесят с лишком миллионов – почтенное количество! порядочный союзец!»⁵¹. Болгария, Черногория, Босния и Герцеговина готовы подняться. Сербы ждут сигнала к восстанию, как ворон крови; из 35 миллионов жителей Австрии – 20 млн. славян, 5 млн. – венгров, 5 млн. – итальянцев, «тридцать миллионов ее подданных наши союзники, а двадцать между ними – искренние и верные друзья».

Все это основа новой политической организации. «Назовите новый союз Дунайским, Славянским, Юговосточным, Европейским, со столицей его в Константинополе, под председательством и покровительством России»⁵². Россия должна сделаться главой славянского союза, по «естеству вещей», по необходимости, как самая сильная славянская страна, как государство самого многочисленного славянского народа. А русский язык должен будет сделаться «общим, литературным языком для всех славянских племен, не по принуждению русского правительства, а по законам филологии, как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий славянских»⁵³. В силу географического своего положения к союзу должны примкнуть Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания.

Центром станет Константинополь, но он будет принадлежать не союзу, а России: «как русские мы должны взять Константинополь для своей безопасности»⁵⁴. В нем Россия обретет свой центр тяжести. Много столетий она ищет его, но до сих пор не нашла. Он образовался сначала в Новгороде, перекинулся в Киев, вновь сдвинулся на север – во Владимир, Москву, Петербург. Последний физически не может оставаться центром, так как он – «крайняя точка пятнадцатитысячверстной линии». Размах с севера перебрósился на юг и остановился в Константинополе, который кажется такой же окраиной, как Петербург, но в действительности централен, так как славяне простираются до Адриатики, среднего Дуная и Эльбы.

Новый союз будет представлять собой федерацию автономных во внутреннем управлении государств («будут управляться сами собою, *conditio sine qua non* без малейшего участия прочих, с покровительницею включительно»), объединяемых общим сеймом, собирающимся в Константинополе, и императором русским, главою сейма. Эти две верховных инстанции ведают общими делами. Более точных определений Погодин не дает.

Погодин не остановился на только что нарисованной феерической перспективе. В записке «О русской политике на будущее время» он продолжил ход своих мыслей. Он рекомендовал после осуществления изложенного плана сначала сосредоточиться на своих делах, затем создать Европейский союз и взять в свои руки Зунд и Вельты. На юге к Константинополю он прибавляет Дарданеллы; Европа разделится: Франция, Испания, Италия, Англия, Голландия и юго-западная Германия на одной стороне; Россия с балтийским союзом на севере (Швеция, Дания и Пруссия) и Дунайским – на юге – на другой: «вот настоящее равновесие, вот запад и восток лицом к лицу, с соразмерным разделением сил»⁵⁵. Успокоенная таким равновесием Россия «должна обратить все свое внимание на Азию», так как России «предлежит» половина Азии, Китай, Япония, Тибет, Бухара, Хива, Коканд, Персия.

Почти двадцатью годами позже рассматриваемого времени кн. П. А. Вяземский писал Погодину: «На вашей совести, господа славянофилы, лежит Крымская война, вы ее накликали»⁵⁶.

В этих словах верно одно. Начало Крымской войны явилось сигналом для развития панславистских идей в России. Не удивительно, что Погодин, еще с конца 30-х годов лелеявший мечту о славянской федерации от Тихого океана до Адриатического моря, вновь вернулся к этой мечте и к своей старой мысли о русском языке как общеславянском. Интереснее, что представитель и один из корифеев раннего славянофильства К. С. Аксаков заговорил о том же и в тоне, близком к погодинскому. Для нас не существенно сейчас различие аргументации и обоснования – в этом оба автора идут своими путями. Важно совпадение мыслей о создании всеславянского объединения под эгидой России, существенно одинаковое понимание внутренней структуры союза. Нельзя не отметить совпадение основной территории его и одинаковое решение вопроса о судьбе Молдавии и Валахии. Наконец, характерен дальнейший шаг, делаемый обоими

авторами: от панславизма к паназиатизму. Частные расхождения (Погодин включает в союз Грецию, Венгрию, Аксаков определяет государственный строй частей федерации-княжества, а Погодин не указывает и пр.) не имеют принципиального значения и не меняют существа дела.

Сопоставление политических взглядов Погодина и Аксакова свидетельствует об отсутствии противоречий между ними. Оба автора выступают в качестве панславистов и апологетов русской экспансии, прежде всего на Балканах, затем в Азии. Первенство в высказывании основных положений панславистской программы в России, бесспорно, принадлежит Погодину⁵⁷. Идеи панславизма формулировались обоими авторами не изолированно друг от друга, поскольку Погодин и Аксаков были близки между собой. Погодинские записки широко ходили по рукам. Все это дает основание полагать, что Аксаков находился под известным влиянием и воздействием Погодина. Славянофильский мессианизм был почвой, подготовившей появление формулированной Аксаковым программы.

Формулировка славянофилом Аксаковым панславистской программы позволяет признать, что различия между Погодиным и славянофилами касались не существа, а обоснования и теоретической оболочки их политических взглядов. По существу в области внешнеполитической программы Погодин и славянофилы сошлись на почве «великодержавного панславизма» (Сталин)⁵⁸. Сам К. С. Аксаков засвидетельствовал это в письме к Ю. Ф. Самарину: «Вы, вероятно, читали письма Погодина, как много в них прекрасного»⁵⁹.

Можно было бы отметить еще одну черту, роднящую Погодина и славянофилов. Убеждение в блестящей будущности России-освободительницы славян сочеталось с верой во внутреннюю ее крепость и единство. «Что сделает весь мир, – писал К. Аксаков, – народу, одушевленному верою, готовому стать как один человек? (О, этим не могут, сказать мимоходом, похвалиться западные народы). Если нужно, – вся Россия обратится в военный стан, все шестьдесят миллионов – в одно войско, готовое лечь до последнего человека, все от богатого до нищего отдадут до последней копейки, – и пусть попробует сломить Европа, со всеми своими винтовыми пароходами, молящийся и верующий народ»⁶⁰. Так же Погодин утверждал, что России унижить и ослабить нельзя, а написанную в мае 1854 г. за-

писку «Опасности России» заканчивал следующим патетическим обращением: «А царь не сказал еще настоящего, последнего слова! Что-то будет, если взяв за руки четырех своих сынов, все в солдатских шинелях, – он перекрестится перед народом, простится с женою, дочерьми, невестками и внучатами, велит детям перецеловаться между собою и воскликнет: братцы! пойдем! с богом!.. Что будет тогда с Россией?.. Нет, не могу писать больше... Сердце замирает. Заклучу это свое письмо словами поэта:

Иди, тебя зовут народы...»⁶¹.

Как характерна эта переключка Погодина со славянофильским поэтом! Она еще лучше оттеняет общность их настроения и единство его источника. И Погодин, и славянофилы, даже несмотря на оговорки Хомякова, находились под обаянием миража мощи николаевской России, и это обаяние разделяли с ними все патриотические круги⁶². Источники и погодинского, и славянофильского панславизма оказываются, таким образом, достаточно реакционными.

Однако и в славянофильских кругах патриотическое возбуждение постепенно ослабевало.

«И охота вам еще думать о политике, любезный Константин Сергеевич, – писал Хомяков К. Аксакову летом 1854 г., – бросьте. Мы от Силистрии отступили; княжества очищаем; в напечатанных австро-турецких трактатах сказано: войска австрийские займут княжества после выхода русских, а если русские будут медлить выходом, войска австрийские принудят их к отступлению, и мы не считаем этого публичного оскорбления объявлением войны. Желайте одного – мира, какого бы ни было. Лучше срам без кровопролития и разорения, чем больший еще срам с разорением и кровопролитием, а это неизбежно. Мы не можем иначе воевать, как с помощью народной войны, т.е. подняв народы в Австрии, и мы лучше согласимся половину своих отдать, чем изменить доброму принципу. При таких правилах нужен мир...»⁶³.

Крымская война дала толчок Герцену для формулирования его взглядов на славянский вопрос, и в «Старом мире и России» он изложил основные черты своего учения. Славянство – особый мир, не имеющий общего ни с Азией, ни с Европой. Это патриархальный, демократический, по преимуществу, аграрный мир. Это мир православный: «католицизм совершенно противен славянскому гению».

Поэтому Польша и стоит среди него несколько особняком. Центром же этого мира становится Москва. Герцен дает очерк русской истории с характеристикой Петровской эпохи, XIX века и доходит до Крымской войны. Значение ее он оценивает в терминах, близких к славянофильству: «война эта – *introduzione maestosa e marziale** мира славянского во всеобщую историю и с тем вместе *una marcia funebre*** старого света»⁶⁴. Наступила пора появления на исторической сцене славян. Им нужен центр. Для этого не годится ни Вена, ни Петербург, ни Варшава, ни Москва. «Настоящая столица соединенных славян – Константинополь...». «Не Петербург завоеует Константинополь, а скорее Константинополь заменит Петербург»⁶⁵. Но это будет исходом не самой войны, а ее спутника – революции. Николай I стремился к Константинополю. «Он ему необходим для того, чтобы отвести глаза русского народа на Восток...». Но он идет к пропасти. Призывы его бессильны». «Святая Русь» – эта метафора, которой петербургский кабинет страшит Европу, – пустым звуком отдается в ушах завербованного крепостного и не проникает в глубину его души»⁶⁶.

Россия сильна, но «императорская власть так, как она сложилась, не может вызвать этой силы. Она выродилась и негодна больше»⁶⁷. Война ведет Россию к кризису, а он – к освобождению славян и созданию славянской федерации. Вот как из отрывочных выражений Герцена можно формулировать существенные черты его взглядов. Естественно, что для Герцена вопроса о патриотизме в этой войне не существовало. Наоборот, он искал места для лучшего удара по России и более верного средства, чтобы война перешла в революцию.

Герценовский славизм был лишен реакционных черт погодинско-славянофильского панславизма и связывал расцвет славянского мира с распадом романовской империи, а не с укреплением и увековечением российского самодержавия, как это видим в концепциях Аксакова и Погодина. Несмотря на кажущуюся близость, в своей принципиальной основе эти построения полярны.

* *introduzione maestosa e marziale* (итал.) – величественная и воинственная интродукция.

** *una marcia funebre* (итал.) – похоронный марш.

Потрясающее впечатление в Москве и Петербурге произвели сначала отступление из княжеств, а затем битва на Альме⁶⁸.

21 июня 1854 г. К. Аксаков писал с возмущением и отчаянием по поводу слухов о мире и заканчивал письмо словами: «Повторяю: необходимо объявить независимость всех православных в Турции, необходимо сказать, что их дело принимаем мы, как наше собственное дело, и будем за него сражаться, как за самих себя, как за наше собственное существование, и не положим дотоле меча, пока не освободим от ига магометан православных братьев наших»⁶⁹.

Дальнейший ход событий в Крыму был способен только усугубить тяжелые настроения. «Страшная борьба! На их стороне наука, искусство, талант, храбрость, все материальные средства; на нашей – только правота дела и личное мужество войск; остального ничего нет. Не знаю, право... Да, что об этом писать...», – писал И. С. Аксаков отцу 2–3 ноября 1854 г.⁷⁰

Рождались толки об измене Нессельроде; славянофилы истолковывали неудачи как божью кару за отступничество от святого дела и братьев; унижение России, какое считали невозможным, становилось реальным фактом. В письме от 30 сентября 1854 г. Самарин сообщал С. Аксакову, что «Погодин убит нравственно»⁷¹. Среди общей подавленности и упадка отчетливо выяснились два мотива, две мысли, постепенно становившиеся основными. Это – ненависть к Австрии и сознание неизбежности внутреннего кризиса. В августе 1854 г. Погодин пишет специальную записку, посвященную Австрии. Он выражает в ней негодование австрийской политикой, ждет войны с Австрией⁷². В панславистском кругу это было общее настроение: оно сочеталось все с той же славянской идеей как орудием борьбы с Австрией. Рупор славянофильских мнений – В. С. Аксакова в ноябре 1854 г. записывала: «Нельзя поверить, чтобы нам была страшна война с нею: вся почти Австрия состоит из племен, готовых быть нам союзниками, и стоит только объявить нам поход на Вену, чтобы венгры, славяне отделились от нее и итальянцы со своей стороны...»⁷³. Эта мысль держится упорно, и веру в возможность легкой победы над Австрией, которая быстро распадется, еще в самом конце 1855 г. пытается внушать Александру II А. Ф. Тютчева⁷⁴.

Рядом с нею постепенно прокладывала себе путь мысль, что «кризис внутренний неизбежен». В середине ноября 1854 г. недо-

вольство в славянофильском кругу обозначалось вполне отчетливо. «В настоящую минуту нет человека довольного во всей России. Везде ропот, везде негодование», – писала В. С. Аксакова⁷⁵. Братья Аксаковы обсуждали вопрос, как разразится кризис и что может поднять народ, а Погодин формулировал свое известное положение: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емельян Пугачев»⁷⁶, и тогда же в ноябре 1854 г., когда братья Аксаковы размышляли о грядущем кризисе, Погодин уже говорил: «Мир или война – что лучше? Положим, скрепя сердце, на эту пору: мир лучше войны»⁷⁷. Он констатировал крах своих великих планов. «Я думал прежде и мечтал: мы вернем Константинополь, перенесем туда столицу, выгоним турок, освободим славян и греков, восстановим Восточную империю – человеческие мечтания!»⁷⁸.

Смерть Николая I заставила ожидать новой эпохи⁷⁹, но и в этих ожиданиях все сильнее звучали уже знакомые мотивы. Едва пробудившиеся надежды на постановку Александром II славянского вопроса⁸⁰ не реализовались, и тяга к миру усилилась. «Здесь сильные слухи о мире, – писал А. С. Хомяков А. Д. Блудовой. – Дай бог в добрый час. Испорченного не поправишь, и теперь можно только желать подешевле отделаться, в надежде со временем поправиться. Если мы поняли свои ошибки и твердо решили идти по новым, более естественным путям, не трудно будет нам воротить с лихвою то, что теперь потеряем, вследствие целого ряда ошибок или, лучше сказать, вследствие ошибочной системы, как дипломатической, так и внутренней политики»⁸¹.

В дворянских кругах уже не ждали благополучного конца войны, и лишь редкие оптимисты, как Кошелев, надеялись, что искры Севастополя воспламят Россию⁸².

Этим надеждам положило конец падение Севастополя. При вести об этом в Москве говорили, что у Ермолова отнялись ноги. Грановский был глубоко потрясен. По словам К. Аксакова, Погодин был совсем убит, а о том, как это воспринималось массой населения, говорит в своем дневнике О. М. Бодянский:

«Я знаю одного москвича, который созвал было к себе гостей на обед, как именинник, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость из почтамта вошел к нему и при всех рассказал о падении Севастополя. Гости не могли более продолжать обед, встали и через минуту разошлись восвояси»⁸³.

После Севастополя стало ясно, что война проиграна. «Самарин, – записывала в середине сентября в своем дневнике В. С. Аксакова, – убит настоящими событиями, ничего, разумеется, доброго не ожидает и говорит, что хотя не желал ополчения, но покоряется ему с мыслью, что будет, по крайней мере, чувствовать на себе также часть тягости общей»⁸⁴. А Грановский, побывав в Воронеже, писал полное горечи письмо Кавелину, где говорил об отсутствии патриотизма и благородства в русском дворянстве, смотрящем на ополчение, как на источник наживы⁸⁵.

Интересы лучшей части дворянского общества все более обращались к внутренним вопросам. Славянофилы приходили к выводу, что восточный вопрос «еще не выработался вполне» (И. Аксаков)⁸⁶, а упорное стремление обсуждать эти темы вызывало досаду. «... Погодин, – писал Грановский Кавелину, – не перестает писать свои бесконечные и бесполезные письма... Это что-то вроде Александра Ивановича (Герцена – С.Н.), говорят из двух противоположных лагерей, а выходит один и тот же вздор»⁸⁷. Но то, что Погодин продолжал говорить о вопросах внешней политики, было не случайно. Далеко не все могли сосредоточиться только на вопросах внутренней жизни и преобразований. При всем понимании внутренних вопросов и интересе к ним, трудно было уйти от вопроса о причинах неудачной войны, отказаться от установления связи между вопросами внутренними и внешними. Тем более интерес к вопросам внешней политики естественен для тех, кто связывал с ними широкие планы, для кого внешнеполитическая акция была источником раскрытия грядущих великих судеб России и для кого она была средством отвлечения от внутренних вопросов в условиях назревавшей революционной ситуации.

С 1855 г. начинается период особенного развития литературы политических записок. Они по преимуществу трактуют вопросы внутренней жизни. Длинный ряд их уходит в следующий 1856 год. Среди них мы находим небольшое число записок, посвященных восточному вопросу во внешней политике России.

Начиная с конца 1854 г. целый ряд записок был написан Погодиным. Они касались вопросов и внутренней, и внешней политики, и западных, и балканских отношений. Он считал ошибочной всю систему старой политики во всех ее проявлениях. Был вреден режим милитаризма, заставлявший держать огромную армию, расходы на

которую мешали улучшению государственного аппарата, созданию путей сообщения, подъему духовенства, развитию образования. Был неверен консервативный курс, заставлявший оглядываться на революционное движение Западной Европы и ограничивать в России рост образования, замыкать его рамками дворянского сословия, вводить запретительную цензуру и создавать пагубную и вредную по самой идее тайную полицию. «Взбесились на Западе народы, давай сажать нас на цепь». В итоге «невежи славят ее (России – С.Н.) тишину, но эта тишина – кладбища гниющего и смердящего физически и нравственно»⁸⁸. Для лечения этих внутренних язв нужны прежде всего гласность и образование.

В неразрывной связи с заблуждениями внутреннего режима стоят ошибки внешней политики. «Смотря беспрестанно на Запад, мы и себя сочли Западом» и повели западную внешнюю политику, политику легитимизма и реакции. Но «Россия есть и будет, и должна быть, не красным, не аристократическим, не демократическим, не республиканским государством, а русским»⁸⁹. На Западе Россия должна руководиться не чуждыми ей европейскими принципами, а реальным расчетом: хоть бы пес, да яйца нес. Она должна выбирать союзника, руководясь этими соображениями, и Погодину кажется, что возможным партнером является Франция, но он не верит в открытый союз с Наполеоном III, полагая более возможным тайное соглашение. Легко видеть, насколько близок был Погодин к славившейся в это время политической тенденции правительственного круга, но это не свидетельство какого-либо воздействия с той или другой стороны. Пути эти намечались автором независимо и свидетельствовали лишь о единстве стремлений и классовой базы. В то же время помимо названной политической комбинации, Россия должна вести дело к миру и идти на уступки. Следует согласиться на свободу плавания по Дунаю, Черному морю, дать конституцию Польше⁹⁰. Сожалея, что его советы не были в свое время услышаны, Погодин считает, что в данное время (январь 1856 г.) помышлять о Константинополе поздно, рассчитывать на славян нельзя, невозможно и в Европе заварить кашу, подняв национальную борьбу. Надо перестраиваться внутри «и в Европе приобрести сильного союзника в свободе»⁹¹. Есть ли это принципиальный разрыв со старой политикой захватов на Балканах, политикой панславизма? Ни в коем случае. «А от истории не отказывайтесь: если Днепр и Дон текут в Чер-

ное море, то поворотить их в другую сторону нельзя, если судьба повлечет нас в Константинополе, то против рожна пойти невозможно...»⁹². Это не значит, однако, что Погодин представляет решение вопроса судьбе или истории (с большой буквы) или что он отказывается от каких-либо практических шагов в области славянской политики. Он предвидит ближайшие последствия мира – это недовольство разоренных войной болгар и босняков, которые будут требовать обеспечения своих прав и представления внутренней автономии по сербскому образцу; это недовольство сербов, которые за верность Турции пожелают освободить от турок свои города. Вот тут и должно проявиться изменение системы русской дипломатии; она обязана стать активной по приемам и русской по духу. «Наши посланники и консулы другого духа, чем прежние, или с другими инструкциями, зная наречие и находясь в живом сношении с племенами, а не через переводчиков, как то, к стыду нашему, было прежде, будут поддерживать их требования, содействовать своими советами к внутренним распорядам, и между тем сообщать сведения во все европейские газеты о насилиях турок и о препятствиях: ну вот, мы говорили, можно ли надеяться на турок и их обещания, и проч. и проч.»⁹³. Здесь целая программа практической политики, программа, касающаяся не только Турции, но и Австрии. Следует использовать православных архиереев, пригласить их обсудить для видимости вопрос о расколе, а между тем «поговорить о других предметах».

Временами впадавший в уныние Погодин не только ничем не поступался в своей программе, но ни от чего не отказался в своих мечтаниях, хотя и заявил однажды противное. Он продолжал бредить распадом Турции и Австрии и даже внес новое уточнение в свои планы будущего государственного устройства Дунайского союза. Он нашел применение многочисленным представителям русского царствующего дома в качестве правителей Богемии, Моравии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Греции, Молдавии и т.д. Он продолжал говорить об активной русской политике в Прибалтике, Азии, связях с Соединенными Штатами Америки. Никакие неудачи России в войне не изменили позиции Погодина. Панславистская программа не снималась с очереди, более того, она продолжала уточняться, намечались и методы постепенной подготовки ее реализации.

Гораздо решительнее отходили от внешнеполитических вопросов славянофилы, которые особенно подчеркивали первоочередное

значение внутренних вопросов. Так, Кошелев 9 июля 1855 г. писал Погодину: «Вы написали прекрасные статьи против лжи нашей политики в нынешних обстоятельствах. Переберите другие предметы вам особенно близкие и известные, например: докажите, что строгая, безумная цензура еще более вредна для правительства, чем даже для граждан, ибо правительство ничего не узнает верного и должно во всем основываться на донесениях (по необходимости лживых) своих чиновников».

«Я уговаривал Х[омякова] написать о лжи церковной, а С[амарина] о лжи правительственной. Я собираюсь написать о лжи помещичьей и крепостной (т.е. крепостных людей)»⁹⁴.

Голос о необходимости новой внешней политики раздался из самой дипломатической среды. Речь идет о записке М. Волкова, написанной в начале 1856 г., – «Что довело Россию до настоящей войны».

Записка Волкова представляет собой историческое обозрение русской политики на протяжении всего XIX в. Деятельность русской дипломатии изображается как непрерывный ряд неудач и поражений, возникавших в результате беспредметности и неясности ее целей, неустойчивости направления, беспомощности и негодности ее средств. Он говорит о слабости русского влияния на Востоке, об отсутствии в руках дипломатии консульского аппарата (консулов на Балканах Россия имела лишь трех – в Варне, Адрианополе и Салониках). Записка отмечает бессмысленность Крымской войны.

«Война на Дунае останется в истории темною для нас страницю. После пролития целых рек крови, после необъятных расходов, каждый спросит себя: зачем я воевал? Турция, Англия и Франция останутся без ответа, ибо война ничего в их положении не улучшит и не изменит. Что же касается до России, то ей предстоит каяться во многих прошедших грехах»⁹⁵. И это покаяние должно вести к перестройке русской политики, к созданию собственной – устойчивой, не зависящей от иностранных воздействий и влияний, политики, проводящей русское влияние на Востоке. Однако осторожный дипломат не определял желательного, с его точки зрения, направления и целей нового внешнеполитического курса.

В ином плане велась критика русской политики Б. Н. Чичериным, и эта критика встречала одобрение Грановского и осуждение Хомякова⁹⁶. Чичерин расходится с Погодиным и славянофилами в определении характера войны. Отрицая значение ее как священной,

спор о ключах Чичерин считал чисто политическим предложением. Смысл самой войны он видел в политическом расширении и преобладании на Востоке. Цель эту он признавал законной и справедливой. Славяне – только средство этой политики. Одобряя задачу, ставившуюся Россией, автор осуждал реакционность русской политики и глупость, выразившуюся в непосильности и несоразмерности требований. Он соглашается с Погодиным и славянофилами относительно обреченности Турции и Австрии, но признает их народы неподготовленными к политической независимости и потому бессильными освободиться самостоятельно. Но Европа внимательно следит за Ближним Востоком, она заинтересована в судьбе Константинополя и не потерпит расширения России. Таким образом, вся политика Николая I, которая вызывала такой восторг у панславистов, с точки зрения Чичерина, – «просто мгновенная вспышка самодержавца, потерявшего от долгого самовластия всякое разумное понятие о вещах»⁹⁷. Эта политика была неразумна и в отношении целей и по приемам осуществления: «греки и славяне могли надеяться на наше сочувствие и помочь нам в предстоящей войне, но их умели оттолкнуть от себя, объявив, что не потерпят ни Византийской империи, ни мелких республик»⁹⁸.

Неудачно было ведение дипломатических переговоров. Против России оказались Австрия и Пруссия, Россия стояла изолированной; началась борьба, но война велась неправильно и вела к расточению сил. В то время как Погодин до самого конца уверял, что при царском призыве вся страна откликнется на него, Чичерин утверждал, что война «разорвала союз царя с народом»⁹⁹. По развитию же материальных сил Россия стоит на низкой ступени и не в состоянии бороться с западными развитыми странами. Славяне не помогут, так как боятся русского деспотизма, их привлечь может только революционное знамя, а для этого нужно обновление страны, внутренние преобразования, освобождение Польши, что не может наступить скоро в силу радикальности перемены: «...от народа нечего ожидать, и правительство, разумеется, не отважится на такую перемену в политике». Союзники-славяне не помогут, и остается безрадостная перспектива «идти в ярмо», которое будет результатом безнадежной борьбы.

В этих грустных размышлениях отчетливо видна боязнь «внезапного превращения», которое «производит страшные переворо-

ты», т.е. революции, и неясность дальнейших перспектив внутреннего развития. Эти размышления свидетельствуют, что автор их не был принципиальным противником политики экспансии, хотя и отвергал панславистскую программу. Он считал такую политику вполне естественной, но для успеха русского расширения на Востоке полагал необходимым, чтобы правительство держалось либеральной политики, которая сможет привлечь, а не оттолкнуть славян¹⁰⁰.

Таким образом, военные неудачи Крымской кампании не повели к уничтожению панславистских или экспансионистских планов. Эти неудачи заставляли подвергать критике направление или методы внешней политики правительства; они замыкали мечты о территориальном росте России в кругу убежденных идеологов этого роста, в кругу значительно более узком, нежели тот, в котором поддерживалось патриотическое воодушевление в период войны. Как и тогда, это был круг дворянских идеологов; между некоторыми представителями этого круга и правительством была известная близость раньше: записки Погодина доходили до царского дворца и, отличаясь в широте планов и отдельных деталях от правительственных намерений, шли, вообще говоря, в том же русле. Сейчас, когда правительство еще не формулировало окончательно свою точку зрения, идеологи экспансии намечали новые пути, которые, как и до того, были весьма близки к сформулированным позднее в официальных документах – нотах Горчакова. И как среди этих идеологов появлялась мысль о первенстве внутренних задач перед внешнеполитическими – мысль бывшая общим мнением, общим настроением после окончания войны и заключения Парижского мира, так эта мысль получила признание в «политическом завещании» Нессельроде и в известной депеше Горчакова.

«Государь умер, на престол вступил его наследник без потрясений и беспорядков, война кончилась, мир предстоял достаточно почетный, все было тихо, спокойно, мирно и все могло бы идти по старому, традиционному, с какими-нибудь небольшими починками и преобразованиями. Казалось бы только радоваться и отдыхать после военных трудов и севастопольских потерь. Но в том-то и дело, что старое уж не могло больше повториться, все чувствовали, что порвался какой-то нерв, что дорога к старому закрылась... В том, что после Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение, и заключается разгадка мистического

секрета шестидесятых годов»¹⁰¹. В этих словах Щелгунова прекрасно выражены черты революционной ситуации 60-х годов. Его слова невольно вызывают в памяти слова Ленина: «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому»¹⁰².

Как же в этих новых условиях революционной ситуации ставился и решался восточный вопрос? Ближайшим толчком для обсуждения этой темы явился Парижский мир, вызвавший противоречивые оценки и суждения. Были резкие противники мира. К ним принадлежала, например, А. Ф. Тютчева, пытавшаяся убедить императрицу в необходимости продолжать войну, или И. С. Аксаков, не веривший возможности его¹⁰³. Были патриотические демонстрации в русском театре в Петербурге на пьесе «Дмитрий Донской», где при словах: «Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный», зал загремел рукоплесканиями. Но современники, за исключением сторонников продолжения войны, скептически смотрели на этот шум. Вот что писал Никитенко: «В массах сильно недовольны согласием на мир и принятием в нем четырех пунктов. «Драться надо, говорят отчаянные патриоты, драться до последней капли крови, до последнего человека». Некоторые действительно так думают и чувствуют, как говорят. Это люди благородные, хотя и недальновидные. Но большинство крикунов состоит из лицемеров, которые хотят своим криком выказать патриотизм. Есть и такие, которые жалеют о войне, как о мутной воде, где можно рыбу ловить и где они действительно и ловили ее усердно»¹⁰⁴. Те же, кто должен был драться, т.е. армия, относилась к этой перспективе без всякого энтузиазма¹⁰⁵.

По современным цензурным условиям газеты не отозвались на этот крупнейший внешнеполитический акт, если не считать, что «Северная пчела», например, поместила сообщение о молебне по случаю заключения мира да перепечатала радостную заметку из «Le Nord» или патриотические стихи Петра Каратыгина:

В день Благовещенья великий и святой,
Как новый Гавриил, наш царь христоробивый
Благовестствует нам и радость, и покой,
И осеняет мир он мирною оливой¹⁰⁶.

Журналы отметили его более широко: «Мир! Мир! – вот единственное слово, которое переходило из уст в уста в течение последних тринадцати дней прошлого месяца и заглушало собою все разговоры о других новостях ...», – писали «Отечественные записки». Окончание войны родило светлые надежды. Мысль о мире поглотила интерес всех новостей¹⁰⁷.

Сильнее всего звучало именно это настроение, выраженное «Отечественными записками», ощущение непосредственно радости, что кончилась война. «Мир заключен и – сколько можно надеяться и гадать – заключен под самыми счастливыми предзнаменованиями... Положен конец кровавой борьбе, печальной и бесплодной пагубе сотен тысяч жизней и не менее губительной растрате жизненных соков народного благоденствия»¹⁰⁸.

«О мире ничего не скажу», – записывал в своем дневнике П. А. Валуев, – его русский не забудет, и поэтому записывать о нем на память не нужно. Хуже всего то, что скорбя об условиях этого мира, нужно сознавать его необходимость и радоваться тому, что хоть какой-нибудь да мир состоится»¹⁰⁹. Радость по поводу мира одушевляла все группы общества. Об этом писал Погодин Ф. И. Тютчеву 21 января 1856 г.¹¹⁰. Тогда же Н. Г. Чернышевский сообщал отцу: «Итак, надежды на близкое заключение мира очень тверды. Дай бог, чтобы весна 1856 года увидела тишину на полях брани...»¹¹¹.

Но вслед за этим первым ощущением облегчения наступило раздумье по поводу мира, его условий, его последствий. Оно отразилось отчасти в записках и более – в статьях.

8 мая 1856 г., по прочтении трактата, Погодин написал записку, где говорил: «Игра не прекратилась, а игроки после партии обменялись между собою местами и расселись иначе, ожидая новой сдачи. Вопрос Восточный не решен: продолжение впереди»¹¹². Мир – лишь временная передышка в результате истощения средств у воюющих держав. А сам трактат, если он не сопровождается тайными соглашениями, заключает в себе для России повод к войне. Трактат не выдерживает критики ни с какой стороны, но в большей степени способен вызывать удовлетворение, чем горе. Он свидетельствует о явной божеской милости, проявившейся в уничтожении Священного союза, открытом обнаружении отсутствия у России друзей в Европе и избавлении от опеки со стороны Наполеона III. Он содержит ряд выгод, которые может извлечь Россия: это возможность принимать

живое и деятельное участие в судьбе турецких славян, возможность для России сблизиться и примириться с Польшей, забытой державами, а также левыми и умеренными кругами Европы, и то, что Россия может разослать консулов по всему Востоку, в славянские и неславянские земли Турции, в Персию и даже Индию, консулов «деловых, знакомых с языками, которые способны были бы высматривать все обстоятельства, вступаться во все дела, устраивать всякие связи»¹¹³. И так как договор открывает России значительные возможности, то «медлить нечего, а надо приниматься тотчас за дело... Пожалуют вдруг гости, так не успеешь раскинуть лагерь даже при Дриссе. Надо вдруг приниматься за все: за дороги железные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали...», – следует длинный перечень срочных дел. Внутренними делами, таким образом, надо заниматься для того, чтобы в следующей войне, при новом возбуждении восточного вопроса, Россия могла действовать успешнее и достигнуть желаемого исхода. Во внутренних делах страны масса недостатков. «Зло пустило у нас такой корень, что без хирургической операции подчас ничего не сделаешь», и потому нужна прочная, крепкая власть: «конституции нам не нужно, а дельная, просвещенная, диктаторская власть необходима»¹¹⁴. В рассуждениях Погодина нет места идее кризиса, внутреннего перелома в результате войны, хотя он сознавал позор поражения¹¹⁵. Основное направление внешней политики и общие черты политического строя должны остаться прежними. Только нужно этот строй укрепить технически, культурно, социально (освобождение крестьян), укрепить во всех возможных отношениях и тогда вновь братья за решение прежней задачи на Востоке. Погодин прочно остался на старых позициях, одушевленный всеми прежними планами внешних успехов России, на службу которым призывал поставить и все внутренние мероприятия. Сохранял свои прежние взгляды он и на методы русской внешней политики. Признавая невозможной войну, он полагал необходимым завоевать расположение народов и одним из способов к тому считал предоставление автономии Польше. Это будет шагом важным для сближения с прочими славянами. «Все прочие славяне и другие племена, угнетаемые в Австрии, как-то чехи, кроаты, сербы, венгерцы, живя рядом с счастливою, самоуправляющеюся Польшею, захотят себе, разумеется, такого же простора. Турецкие славяне от них не отстанут – и вот нас сто

миллионов. Милости просим побороться»¹¹⁶. Это – старая идея совместных действий России со славянами и другими народами, которая нам уже встречалась. Никаких изменений в свою внешнеполитическую систему Погодин не счел необходимым внести.

Славянофилы остро ощущали неудачный исход войны. Об этом говорил в своем письме К. Аксаков¹¹⁷. Но они утешались мыслью о пользе, которую Россия в итоге извлечет из своего поражения. Так думал К. Аксаков, и, отвечая на его мысли, И. В. Киреевский писал: «Да, любезный друг, эти страдания очистительные; эта болезнь к здоровью. Мы бы загнили и задохлись без этого потрясения до самых костей. Россия мучается, но это муки рождения»¹¹⁸. Стремясь помочь рождению желаемого, Хомяков провозглашал необходимость поддержки правительства и единства с ним народа, единства интересов правительства и народа: «Если Россия была принуждена заключить позорный мир, она должна по крайней мере объединить все свои усилия, чтобы искоренить злоупотребления и залечить внутренние раны, которые привели ее к этому»¹¹⁹. Но самое полное изложение отношения к миру было дано в статьях кн. В. А. Черкасского в «Русской беседе».

Первая из этих статей – «Обозрение политических событий в Европе за 1856 г.» – дает характеристику отношения западноевропейских держав к Турции. Вторая – «Протоколы Парижского конгресса» – содержит разбор международно-политического положения после заключения мира. Черкасский указывает на огромные усилия, которые предпринимались западными государствами для содействия «вещественными преобразованиями» в Турции и отвлечения сердец греческого и славянского населения Востока от России. Он рассматривает данные английского бюджета, подсчитывает военные расходы Англии и Франции и спрашивает: «не слишком ли дорого куплено ценою этих вещественных пожертвований и всей пролитой крови то временное преобладание западной политики в делах Турции, которое вовсе не естественно и вовсе не законно, а потому и не может долго продолжаться в нынешней мере своей, вопреки ничему не сокрушимо влиянию единоверия и вековых преданий?»¹²⁰. Свой скептический вопрос Черкасский дополняет указанием на изменение отношения европейской печати к Турции по мере более близкого знакомства с нею. Она убеждалась в бесплодности турецких обещаний христианам, газеты «постепенно меняли тон свой,

раскрывали глаза свои на дело и более и более удостоверились в окончательной несостоятельности турецкого мира. Нам невозможно не согласиться с ними в этом явном, осязательном деле, которого война не изменила, которое также несомненно и теперь, как было верно и несомненно до начала последней войны». «Турция является нам безжизненным трупом, разукрашенным в блестящие наряды прихотливою волею погребальных распорядителей, домом без хозяина, плодоносною нивою без орастая. Что же касается до христианских подданных Порты, то разрозненные ныне стада православных греков и славян всегда вновь опознают голос своего природного пастыря, лишь бы тот не забыл их, и всегда сумеют отличить любовную руку, триста лет питавшую их сладостными надеждами, от хищной руки наследников Болдуина и латинских крестоносцев»¹²¹.

Разбираясь в ходе Парижского конгресса, Черкасский отмечает требование русских представителей формально обеспечить судьбу христиан, их заботу об упрочении положения Сербии. Внимательно следит он за обсуждением судьбы Придунайских княжеств и очень хорошо понимает существо борьбы за их объединение. Указывая, что Турции и Австрии выгоднее иметь дело с разъединенными слабыми княжествами, чем с единым государством, автор обращает внимание на голоса французских газет, сватающих будущему княжеству князя-католика. Он считает, что Россия призвана отстоять права православия и что Австрия не может не противиться появлению на своих границах князя, слишком преданного выгодам и политике Франции¹²². Статья отмечала враждебность к России со стороны Австрии, а в связи с договором трех держав о гарантии Турции и итальянскими противоречиями говорила: «Все эти кажущиеся противоречия стали понемногу уясняться лишь с тех пор, как с раскрытием многих новых фактов начало созревать сознание, что, не взирая на минование кровавой брани, Восточный вопрос не потерял, однако, своей важности и остался по-прежнему главным, существенным элементом европейской политики, хотя быть может под временно видоизменной формой, и по отношению к нему все прочие политические запутанности занимают лишь далеко второстепенное место...»¹²³. Показав, что основное направление внешнеполитических столкновений в будущем определится балканскими проблемами и отношениями по поводу них держав, Черкасский указывал, что в данный момент, после только что завершившейся войны, на-

роды сосредоточатся на внутреннем духовном развитии, вещественных улучшениях и «размножении предметов народного богатства». «К этим-то мирным подвигам призвано ныне отечество наше благою державною волею государя и к ним побуждается также собственным величием. Будем твердо надеяться, что провидение благословит совокупные действия царя со своим народом и подарит России в грядущем неизменно счастливые дни на благо всему Восточному миру»¹²⁴.

Таким образом, позиция славянофилов¹²⁵ оказывалась очень близкой к позиции Погодина. В области внешней политики они считали восточную проблему основной, лишь временно отодвигаемой исходом Крымской войны. Подобно Погодину, они считали решающими для этого вопроса отношения России и славян, но полагались гораздо более на трехсотлетние традиции, чем на какие-либо тактические приемы вроде предлагавшихся Погодиным. Во всяком случае огромной принципиальной близости этих двух программ отрицать не приходится, и родство особенно хорошо оттеняется приведенной выше заключительной фразой статьи Черкасского. В ней – то же понимание значения внутренних реформ как способа подготовки к продолжению борьбы на Востоке, какое мы встретили у Погодина. Таким образом, на всем протяжении войны и времени ближайшего к ней оба варианта панславистских мыслей оставались близки по всем принципиальным вопросам, отличаясь друг от друга разработкой отдельных деталей, тоном, глубиной понимания международно-политической ситуации. Как мы уже отмечали выше, они были близки и к кругу мыслей, существовавших в правительственном кругу. Но в близости этой, как указывалось, были оттенки. Были различия в методах, в намерениях. Погодин обращался прежде всего к правительству и посылал свои записки лицам, имевшим возможность довести о них до сведения царя. Славянофилы, сначала в тиши вырабатывавшие свои взгляды, обращались к обществу. И это очень важно. Погодин стремится стать вдохновителем правительства, славянофилы – общественными вождями. Они идут в разных направлениях, хотя отправляются от одной и той же политической программы и являются выразителями чаяний одного и того же помещичьего класса.

Статьи Черкасского вызвали общее одобрение¹²⁶. Чернышевский в «Современнике», отмечая лучшие журнальные статьи, писал: «Пре-

жде всего мы должны называть прекрасные «Обозрения» кн. Черкасского «Обозрение политических событий в Европе за 1855 год» (кн. первая), «Протоколы Парижского конгресса» (кн. вторая)...; они заслуживают большого внимания по ясности и благородству взгляда и по замечательной основательности; в том предмете, которым занимается кн. Черкасский, мы имеем очень мало специалистов, но если б у нас было их и много, автор статей, нами названных, все-таки оставался бы писателем замечательным. Теперь же мы почти не можем указать в этом роде ничего равного по достоинству его дельным статьям, написанным с большим знанием предмета»¹²⁷. Однако, как увидим позже, это не была солидаризация со взглядами Черкасского.

«Русский вестник» Каткова встретил подписание Парижского мира такими соображениями: «Трактат 18/30 марта 1856 г. не заключает в себе ни одной такой меры, которой не следовало бы ожидать заранее, судя по определившимся военным событиям, взаимным отношениям договаривающихся держав и по предварительным условиям мира, подписанным еще так недавно в Вене; тем не менее обнаружение его в полном составе и с пояснениями, заключающимися в протоколах конференции, не могло не произвести глубокого впечатления. Готовность прекратить кровавую, слишком тяжелую для всех борьбу, лишь бы устранены были поводы к дальнейшим столкновениям, очевидно восторжествовала при совершении этого важного акта над помыслами честолюбия и политического эгоизма»¹²⁸. Журнал отмечал существенное расхождение в отношении России и держав к Турции, которое выразилось в договоре 15 апреля, с одной стороны, и отказе от коллективного покровительства христианам Османской империи на Венской конференции 1855 г. Не обостряя своей формулировки, журнал признавал наличие в разных местах Турции беспорядков, вызванных обнаружением льгот христианам, и неспособность правительства эти беспорядки подавить. Однако «Русский вестник» возлагал большие надежды на усилия европейской дипломатии, которая примет меры к разрешению балканских противоречий. Благожелательные намерения дипломатии, ее добрая воля – мысль об этом не сходит со страниц журнала. Идет ли речь о молдо-валахских делах, журнал выражает надежду, что международная комиссия «войдет в беспристрастное рассмотрение желаний народа»¹²⁹, касается ли он Парижской конференции,

он заявляет: «теперь уже нельзя сомневаться в миролюбивом разрешении спорных пунктов по исполнению Парижского трактата»¹³⁰. Своеобразное «западничество» катковского журнала наполняет все политические обзоры 1856 г. Несмотря на общеизвестную англоманию издателя, в области внешней политики «Вестник» в 1857 г. склоняется вполне отчетливо на сторону Франции, тем самым отражая правительственный курс. По адресу Англии раздаются обвинения в непринципиальности, конъюнктурности и неустойчивости ее политики. «Между тем, как другие народы во внешней политике своей стремятся по возможности установить законы, основанные на интересах постоянных и общечеловеческих, английские государственные люди до сих пор нередко придерживаются традиционной политики, изменяющейся под влиянием случайных обстоятельств»¹³¹. Политике Англии противопоставляется политика Франции; последняя, несмотря на изменчивость внутренних мероприятий, во «внешней политике своей ... неизменно руководится цивилизующими началами, по крайней мере относительно тех вопросов, которые не связаны с существующим порядком внутри ее»¹³². «Русский вестник» всецело поддерживает и внутреннюю, и внешнюю политику русского правительства. Но если панслависты обоих направлений, поддерживая лозунг единства правительства и народа, руководствовались главным образом своими собственными планами, стремлением поставить силы государства на службу панславистским стремлениям, «Русский вестник», наоборот, признавал первенство правительства над обществом. «Наше общество, – писал он, – всем обязано государству. Промышленность, образование, наука, весь прогресс, все исходило от государства. Общество было слабо, ничтожно, лишено всяких внутренних побуждений; в нем не было сознания, оно было младенцем, не умеющим ходить. Теперь в нем уже слышится присутствие зреющих сил, проявляется сознание»...¹³³. Изображая правительство в качестве подлинного источника и двигателя прогресса, журнал одновременно выражал «полное сочувствие нынешней политике нашего министерства иностранных дел»¹³⁴ и гордость высокой ролью, которую играла Россия после Парижского мира, стремясь «содействовать ... всеобщему делу цивилизации». Одним из проявлений этого цивилизующего дела была русская политика в Придунайских княжествах, относительно которой «Русский вестник» выступал в качестве представителя «друзей слияния княжеств».

На протяжении целых двух лет (1856–1857) журнал не касался восточного вопроса в целом. Он занимался частными темами. Подробно освещал развитие молдо-валахского вопроса, расшаркивался перед европейской, особенно французской, дипломатией. Только в 1858 г. по случаю смерти Решид-паши журнал впервые коснулся вопроса о судьбе Турции и сказал: «Ни жизнь, ни смерть Решид-паши не могут слишком много значить для Турции; жизнь его не спасла бы ее от внутреннего недуга точно так же, как и смерть его не может слишком много усилить действие этого недуга, который идет своим путем, не нуждаясь в посторонних пособиях для своего развития. Все признаки свидетельствуют, что Турции предстоит сильный кризис, более опасный для нее, чем недавно окончившаяся война»¹³⁵. Сущность и возможные последствия кризиса были затем раскрыты в статье А. В. Рачинского¹³⁶ «Турецкие дела», где мы читаем: «Едва смолк гул севастопольского разгрома, как опять возникает не на шутку настоящий Восточный вопрос, и на этот раз уже для самих христиан». Турции следует понять желания своих подданных. «Без ... разумного сближения Порты с своими подданными, без уважения к правам сербов, молдо-валахов и без признания вековой независимости Черногории, малейший успех восставших крестьян может охватить ярким пламенем возродившуюся южную славянскую национальность», и тогда Балканы превратятся в море огня¹³⁷. За этими первыми формулировками следуют все более сильные. Появляется термин «больной человек», и Турция признается далекой от выздоровления¹³⁸. И вполне логично было бы вслед за тем поставить вопрос о разрешении кризиса. Так и делает журнал. «Турецкие дела, – читаем мы здесь, – осложняются все более и более. Таинственный Восточный вопрос поднимается с новою и еще более грозною силою, чем прежде; по-видимому, кровь, которая проливалась для решения его, послужила только впрок ему; он как будто питается кровью и только растет, а не разрешается. С грустью спрашиваем мы себя: какая мрачная необходимость делает существование Турецкой империи ключом европейского равновесия, и долго ли нити европейской политики будут теряться в путанице этого узла, и где меч, чтобы рассечь этот узел?»¹³⁹. Однако автор отвергает оружие. Восточный вопрос должен решиться не мечом; чем больше крови, тем хуже. Существование Турции – выражение внутренних недугов европейского общества, недугов, пронизывающих христи-

анские народы. Все неурядицы христианских обществ воплощаются в той гангрене, которая зовется Турцией. Поэтому бороться с нею оружием бесплодно: она сама исчезнет, как только получат облегчение внутренние недуги христианских обществ. И это понимание восточного вопроса вполне гармонирует с теми авансами европейской дипломатии, какие делал «Русский вестник» в предыдущие годы. Гуманные рассуждения о невозможности решить восточный вопрос вооруженной рукой должны были подчеркивать легализм русской политики и желание мирного решения проблемы. Если, как мы видели, журнал восторгался направлением французской дипломатии, он не сдерживал иногда сочувствий и по поводу методов дипломатии английской. Так, посылку Гладстона на Ионические острова он находил образцом уважения прав малых народов. Признавая законность стремлений жителей этих островов, обзор выражал изумление по поводу свободы населения заявлять свои требования, жалобы и надежды¹⁴⁰. Методы европейской дипломатии журнал хотел применить к решению восточного вопроса. Он не думал о создании особых преимуществ России на Балканах, а пропагандировал идею совместного действия держав. «Турция находится теперь более, чем когда-нибудь, в таком безвыходном положении материального и нравственного упадка, что над нею нужна постоянная опека держав, подписавших Парижский трактат»¹⁴¹. В этом тезисе нашло свое выражение либеральное западничество «Русского вестника».

Но для «Русского вестника» все же характерно большое внимание к восточному вопросу. В отношении напряженности внимания к нему «Вестник» мало отличается от панславистских групп. Вряд ли это можно приписывать только личности Рачинского, бывшего одно время автором обзоров о турецких делах. Когда во второй половине 1858 г. Рачинский уехал в Константинополь, обзоры продолжались и без него. В обзорах этих есть и другая черта. Отвергая военный путь решения кризиса на Востоке, журнал с интересом, но без возражений отмечает мнения, расходящиеся с его взглядом. Так, в октябрьской книжке 1858 г. была отмечена статья французского публициста Сен Марк Жирардена, утверждавшего, что вооруженное вмешательство европейских государств в Турцию – единственный путь воспрепятствовать взаимному истреблению христиан и турок¹⁴². Однако никаких комментариев или опровержений мысль эта на страницах «Вестника» не встретила. Нельзя не отметить того, что по поводу

переворота в Сербии и провозглашения князем Милоша «Русский вестник» в статье А.А.Н. рекомендовал державам невмешательство. Высказывалось предположение, что сербы захотят достигнуть больших для себя льгот, подобно молдо-валахам, и что в этом отношении они возлагают свои надежды преимущественно на ту державу, к которой издавна питают религиозные и племенные сочувствия¹⁴³.

Все эти особенности издания приходится отмечать, так как в них заметны уже признаки начавшегося перерождения «Русского вестника».

В то время когда даже такие умеренные либералы, как Никитенко, подчеркивали сосредоточение всех интересов на вопросах внутренней жизни¹⁴⁴, в то время как Кавелин, Чичерин и другие занялись писанием записок по вопросам внутренней жизни, «Вестник» уделял очень большое и все возрастающее внимание Балканам. А мы уже видели, что эта черта свойственна представителям реакционных дворянских кругов, стремящихся выдвиганием восточной проблемы отвлечь внимание от обострившихся внутренних противоречий, мимо которых пройти никто не мог, но разрешение которых хотели подчинить внешнеполитическим устремлениям. Преобладающий интерес к внутренним или внешним делам и подчеркивание восточного вопроса были показателем принадлежности к прогрессивному или реакционному направлению. И «Русский вестник», задолго до возникновения польского вопроса, обнаружил усиливающееся тяготение своего редактора к реакционному лагерю. Скоро последний показал это и на деле своим участием в Московском славянском комитете.

Мнение о неизбежности распада и гибели Турции было распространено весьма широко и составляло убеждение (как видно из изложенного выше и следующего далее), общее и панславистам, и революционному демократу Чернышевскому. Существовало оно и у других лиц. В этом отношении интересны непосредственные впечатления от знакомства с положением на Балканах, отразившиеся в книге бывшего фурьериста петрашевца А. П. Милюкова, в путевых записках 1857 г. говорившего: «Никогда разложение Турции не было так очевидно, как в наше время»¹⁴⁵. Однако автор скептически оценивал возможности самостоятельного развития народов Балканского полуострова. Турки-варвары и невежды-греки – «выкидыши

Византийской империи», которая унаследовала все пороки язычества, а от христианства взяла лишь схоластику. Они не способны к созданию крепкого государства. «У дверей кофеен увидите вы греческих мальчиков, с бледными лицами и впалыми глазами, в шитых золотом шальварах и алой феске, которые сидят, поджав ноги, на коврике и умильно улыбаются проходящим туркам. Не в этом ли молодом поколении будущность новой Восточной империи?»¹⁴⁶, – иронически вопрошает Милюков. Прочие райи полуострова не уступают грекам в коварстве, не отстают от них в жадности и отсутствии чести. Константинополь с его разноплеменным населением не может стать вольным городом. Его судьба – загадочный сфинкс. Не говоря этого прямо, Милюков ведет читателя к выводу о неизбежности раздела Европейской Турции более сильными соседями. Надо сказать, что во взглядах нашего автора проглядывает большая близость к пониманию вопроса, данному в записке Чичерина, но свои положения, в отличие от последнего, Милюков подтверждает не общими соображениями, а иллюстрирует живыми набросками картин балканской жизни.

Свои взгляды на восточный вопрос после Крымской войны Чернышевский в сводном и компактном виде высказал в «Рассказе о Крымской войне по Кинглеку». Хотя это произведение отделено несколькими годами от Парижского мира и предшествовавших ему событий, оно содержит очень яркий отпечаток эпохи и отклики на те «патриотические» статьи и записки, какие шли из панславистских кругов. Этот отклик на мысли и толки более раннего, чем время написания, периода, направленность этого произведения на русского читателя, которому разъясняются вопросы, важные с русской точки зрения, делают данную книгу Чернышевского весьма интересной для наших целей. А указание, что автор излагает мнение не начала 60-х годов, а современным событиям¹⁴⁷, избавляет нас от дальнейшей аргументации по поводу использования данного произведения здесь.

Чернышевский признавал наличие внутреннего кризиса в Турции и неизбежность падения турецкой власти над нетурецким населением. Причину этой неизбежности он видел не в турецких притеснениях, хотя и признавал наличие «нахалов из числа мусульман», но главное – в соотношении численности того и другого населения: «Вопрос о ближайшем будущем турецкого племени в Европе – вещь, не подлежащая никакому сомнению: дело быстро идет к тому,

что с турками в их городах-лагерях, Стамбуле, Адрианополе и других, произойдет то же, что в половине XVI века произошло с их одноплеменниками в Казани и Астрахани. Сами по себе европейские турки, как наши казанские татары, племя очень хорошее, с которым легко могут уживаться славяне, даже водить знакомство и дружбу, но ведь невозможная же была вещь, чтобы Поволжье оставалось татарскою землею, когда эта земля стала иметь больше славянского населения, чем татарского». Такое же положение в Турции, но здесь, помимо преобладания нетурецкого населения, оно составляет компактные массы. «На север от Дуная – одни валахи; на юг от Дуная на западе – одни сербы, на восток – одни болгары; южнее – одни арнауты, южнее болгар – одни греки. Все края и грани разлома так ясны и чисты, как нельзя ждать лучше. Турки в Европе то же, что дешт-кыпчакская власть над Москвою, Тверью, Рязанью в начале царствования Иоанна III. Она не может продержаться двух лет без охранения запретительным голосом других европейских властей»¹⁴⁸.

Совпадая в признании неизбежности падения Турции с панславистами, Чернышевский расходится с ними во всем остальном. «Перечитайте то, что писалось у нас о Крымской войне: большая часть написана ... фантастично»¹⁴⁹. Отвечая на слова Кинглека, Чернышевский отвечает и на эти фантастические писания. Он останавливается на вопросе о проливах и, отвергая стремление русской нации к овладению Босфором и Дарданеллами, заявляет: «Русская нация имела на Черном море только один интерес торговый, а для черноморской торговли решительно не нужно владение выводящими в Средиземное море проливами...»¹⁵⁰. Не нужны России и другие территориальные приобретения. «Кто в русском народе имел когда (после времен Святослава, хотевшего действительно переселиться из Киева на Дунай) влечение идти из пределов России жить дальше на юг? У нас привычки северных жителей; южный климат нам не привычен и с непривычки кажется даже хуже нашего, тяжел»¹⁵¹. Шумят о завоеваниях, прислушиваются к предсказаниям о падении Турции во все не народ, а господствующие классы – «просвещенное большинство», «образованное общество», «русская публика», а среди нее особенно «вдовы и бездетные пожилые барыни и праздные отставные чиновники пожилых лет»¹⁵². Окарикатуривая своих противников, Чернышевский хочет придать несерьезный характер панславистским чаяниям. Он утверждает, что о Константинополе слышало

лишь меньшинство русских, большая часть ничего о нем не знает, а следовательно и стремиться к нему не может. У народных масс нет никаких оснований стремиться на Балканы, ни корыстных, ни идеальных. В русском народе очень мало религиозного фанатизма, и никакие религиозные мотивы не влекут его на юг; «столица православия» для русских скорее всего – Киев или Москва, но никто не поставит в сравнение с ними никому неведомый Царьград. Что же касается стремлений к завоеваниям, Чернышевский относится к ним, как и к войнам, отрицательно. «Ему (русскому народу – С.Н.) сказали: завоюй себе связь с Европой, – он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права... Двинули его против Наполеона: он завоевал всему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении»¹⁵³.

Отвергнув своекорыстные стремления России на Балканы, признав неизбежность падения Турции, Чернышевский не мог обойти вопрос о дальнейших перспективах для Балканского полуострова. Отправляясь от высказанного Николаем I в разговоре с Сеймуром пожелания оставления балканских государств под русским протекторатом, он замечал: «Кто бы ни назывался на бумаге протектором этих государств, на факте они были бы под протекторатом всей Европы, от Гибралтара до Уральского хребта. В немного лет эта группа сделалась бы гораздо более самостоятельна, чем теперь Турция. Россия имела бы в столице валахов, столице сербов, столице болгар меньше влияния, чем даже и теперь имеет в Стамбуле, лагере одряхлевшей орды, помыкаемой всеми...»¹⁵⁴.

Отвергал Чернышевский и мысль о возможности возглавить эти государства представителями русской династии. Он доказывал, что младшая линия царствующего дома в качестве правительницы малого государства поведет не к усилению, а к ослаблению старшей линии. «Два брата не могут быть хозяевами двух фирм, имеющих торговлю между собою, все знают, что это не годится, никто из благоумных людей не становится в такие отношения: коммерческие дела ведутся только с чужими людьми, иначе и братья перессорятся, и дело пойдет у обоих плохо»¹⁵⁵. Отвергнув этим своеобразным аргументом мысль о династической связи балканских государств с Россией, Чернышевский тем самым заканчивал свою отрицательную разрушительную работу в отношении панславистских концепций.

Балканские народы имеют право развиваться самостоятельно и сами воспользоваться тем, что является их естественным наследством от распадающейся Турции, т.е. территорией и той государственной властью, какую им предстоит создать.

Отрицая возможность русской гегемонии в славянском мире, отвергая возможность создания славянских государств с русскими династиями, Чернышевский предостерегал славян от ошибочной ориентации на русские официальные сферы – носителей реакции во внешней и внутренней политике. Славяне должны надеяться на себя, а не на русское самодержавие. Чернышевский не мог этого сказать прямо, но из того, что он говорил, не трудно понять его мысль. «В сочувствии к бедствиям австрийских славян мы не уступаем никому. Но мы желаем только, чтобы сами славяне хладнокровнее рассуждали о средствах улучшить свое положение, а главное, чтобы они точнее изучали нашу жизнь с ее особенностями»¹⁵⁶. В русском общественно-политическом строе славянам заимствовать нечего. Это они могут понять, познакомившись с ним... А «самыми естественными посредниками в этом изучении должны служить поляки». Указание на поляков чрезвычайно интересно. Это был яркий и в Европе хорошо известный пример национального гнета русского царизма, который легко бы мог охладить симпатии славян к самодержавной России.

Вместо завоевательной концепции панславистов Чернышевский в согласии со своим пониманием национального вопроса выдвигал идею самостоятельного развития славянских народов.

Герцен имел гораздо больше возможностей высказать свою точку зрения, чем Чернышевский. Но вдали от родины он менее чувствовал необходимость останавливаться на вопросе в целом, так как не знал литературы, трактовавшей восточный вопрос. Он откликнулся на заключение Парижского мира призывом «Вперед! Вперед!», напечатанным в «Полярной звезде». Приветствуя мир, Герцен с удовлетворением отмечал, что он приносит не блеск, а смирение. Он является ударом по царизму. «... С скромный мир обязывает всех задуматься о нашем положении. Все видят теперь, что прежний путь никуда не годен...»¹⁵⁷. Полагая, что ни правительство, ни общество не имеют программы, автор характеризует основную потребность России – уничтожение крепостного права. Мысль о разрыве между двумя эпохами, мысль о невозможности вернуться назад, о том, что

назад не пойдет ни севастопольский солдат, ни ополченный крестьянин, – все потрясено, страна разбужена, вновь она не заснет – эта мысль многократно повторяется Герценом. «Крымская война ... доказала ... всю несостоятельность России бороться против Европы»¹⁵⁸. «Все истинные русские благословляют Парижский мир. Эта война и этот мир унизили императорскую власть. Преувеличения рассеялись, как дым, и печальная истина стала просвечивать, как укор, сквозь трещины севастопольских стен»¹⁵⁹. Задача России – внутри. Для Герцена нет того восточного вопроса, который постоянно мелькает на страницах русских журналов. Для него это вопрос не дипломатической и не вооруженной борьбы держав, а вопрос национальной борьбы самого населения. Свободная славянская федерация, вокруг которой группируются соседние народы – венгры, молдовалахи, – федерация независимая от русского правительства, не соединенная с ним союзом, – вот задача, к которой следует стремиться, вот что следует проповедовать. Правда, временами Герцен обнаруживал еще больше близости к славянофильскому пониманию вопроса. Герцен считал, что освобождением крестьян Александр II «переломил историю и пошел новым путем». Этот путь, в случае если он и Россия пойдут по нему дальше, приведет к тому, что Россия займет первое место среди славянских народов. Для этого ей нужно «понять себя русской не в противоположность общечеловеческому, а в различие с староевропейским». «Пусть же Александр II, – писал он в связи с франко-австрийской войной 1859 г., – найдет в себе силы невозвратным актом разорваться с петровским преданием, так как Петр – с московским, и заявит перед всем светом, что Россия кончила свою военную службу, что она не хочет быть завоевывающей империей с немецким устройством, а славянским государством и мирной главой нового союза»¹⁶⁰.

Программа эта, как видим, не развита, но все же достаточно ясна. Она в родстве и с панславистскими проектами и с взглядами революционного демократа Чернышевского. С первыми ее сближает идея всеславянского союза, связанного с Россией и во главе которого может стоять русский император. Со вторым – требование самостоятельного развития и свободы славянских народов. Но надо сказать, что сотканная из таких противоречивых элементов герценовская программа гораздо сильнее подчеркивает идею конфедерации и связи с русским правительством, нежели тезис о самостоятельном и

независимом развитии славянских народов, который так ярко раскрыт Чернышевским.

Это очень хорошо понимал сам Герцен, в письме к И. С. Аксакову 31 января 1860 г. говоривший: «Если теперь славяне не видят, что мы представляем разное, но родственное с ними направление, а с западниками – разное и враждебное, – не наша вина». Сказанное прекрасно оттеняется предложением: «взять общие меры», найти общую линию действий, предостережением Аксакову о необходимости особой осторожности по отношению к Австрии («там такое озлобление против русских и такая боязнь панславизма»¹⁶¹).

Период Крымской войны способствовал формулированию ряда точек зрения по вопросу о существовании событий, происходивших на Балканском полуострове, и задачах русской балканской политики. Все касавшиеся этих вопросов отмечали критическое положение Турции и естественность и неизбежность изменений на Балканах. Панслависты (славянофилы и Погодин) признавали необходимость освобождения балканских славян от подчинения Турции и Австрии, образования славянских государств, находящихся в тесной связи и под покровительством России. Последняя станет опорной точкой и центром панславянского объединения. Непосредственно в свои руки она возьмет Константинополь, сделает некоторые другие территориальные приобретения (Галиция, Дунайские княжества). С самого начала войны и вплоть до ее окончания панслависты вели пропаганду своих взглядов; особенно активен был Погодин, распространявший свои записки в копиях и посылавший их в правительственные круги Петербурга.

Либералы, признавая наличие кризиса и обреченности Турции, считали неизбежной борьбу держав за ее наследство. Они скептически оценивали возможности самостоятельного освобождения турецких христиан и были невысокого мнения об их политической зрелости и моральных качествах. Захватнической политики России на Балканах они не отрицали, но видели возможность успеха ее лишь при условии либеральной внутренней политики. Этот тезис поддерживали после неудачи войны и панслависты (Погодин).

Революционные демократические круги дали два понимания вопроса: последовательное и наиболее радикальное, сформулированное Чернышевским, и приближающееся к славянофильскому – Герцена. Первый был противником русских захватов на Востоке, сторонником самостоятельного развития балканских народов, отрицал какие-

либо государственные связи между ними и Россией. Второй исходил из представления о грядущем величии славянского мира, был сторонником славянского союза с русским верховенством, но считал предпосылкой этого раскрытие тех социальных институтов, какие обеспечивают превосходство славянства над Европой. Он отрицал возможность для николаевской монархии сыграть роль в раскрытии будущих судеб славянства. Она – «не годна больше»; выход славянского мира на политическую сцену связывался Герценом с демократическим перерождением России. Позже он полагал возможным (в связи с подготовкой крестьянской реформы), что реформированная и ставшая «русской» Российская империя станет главой славянского союза.

В каком же соотношении находятся мнения о восточном вопросе, существовавшие среди тех или иных кругов русского общества, с практической политикой правительства? Нет нужды доказывать полярность позиций Чернышевского и правительства или полную противоположность последнему взглядов Герцена, а также самостоятельность воззрений Чичерина или Милюкова. Сложнее дело обстоит в отношении панславистов. Очень многое сближает их с правительством, и все же отождествлять их позиции не приходится. В начале Крымской войны правительство интересуется славянами и другими народами полуострова. Но оно интересуется ими лишь как орудием осуществления собственных планов разрушения Турции. В планах Паскевича и Николая I все внимание сосредоточено на грядущем распаде Турецкой империи. Признание независимости Сербии и Дунайских княжеств мыслилось как средство борьбы против Турции. «Ежели и угроза не подействует, тогда наступит время угрозу исполнить и признанием независимости княжеств положить начало разрушения Оттоманской империи. Один всемогущий бог определить может, что за сим последует», – писал в записке от 17 мая 1853 г. Николай I¹⁶². Панслависты, напротив, заняты в это время теоретическим исследованием существа конфликта и определением его перспектив. Они детально разрабатывают состав членов будущего всеславянского союза, решают судьбу отдельных территорий, – все это вопросы, стоящие вне поля зрения и интересов правящих сфер.

Правительство стремилось к расчленению Турции; его глава Николай I в разговоре с лордом Сеймуром очень ясно изложил цели,

которые хотел осуществить. Это русский протекторат над Балканами, точнее – над его восточной и центральной частями, составляющими плацдарм для господства над проливами. Русский протекторат не исключал признания независимости отдельных балканских государств – Сербии, Дунайских княжеств. По-видимому, Николай I не отождествлял протектората с полным государственным поглощением балканских территорий.

Панслависты гораздо решительнее в определении территории, подлежащей освобождению. Это – земли, занимаемые православными народами Турции и даже Австрии. Николай I обещал Сеймуру не занимать Константинополя; панслависты прямо говорят, что кроме России, его взять некому. Территориальный предел мыслился Николаю I как раздел имущества «большого человека» между Россией и Англией, как крупный политический ход, делаемый в русских интересах, и, если он изредка прибегал к фразам о борьбе за веру, то употреблял их как лозунг, рассчитанный на славян, а не как формулировки, выражающие существо дела. Для панславистов все окрашено в религиозные тона. Войну они оправдывают религиозными мотивами; последние и делают ее обязательной. Задача, стоящая перед Россией, не есть задача русская, а славянская, мировая, провиденциальная. «В судьбах божьих нет хитростей дипломатических», – писал Аксаков, мотивируя необходимость поднять всех славян. «В волнении всех чувств написал я эти строки, – заканчивал в июле 1854 г. Погодин записку, где говорил об обязанности России освободить славян, занять Константинополь, водрузить крест на св. Софии и т.п. – Такое волнение не соответствует спокойствию Истории. Заключу словом Евангелия: «Кая польза человеку, аще весь мир приобретет, душу же свою отщетит»^{*};

Отче наш! Да будет воля твоя, яко на небеси и на земли...»¹⁶³.

Осуществляя свою провиденциальную задачу, Россия вступает в новую эру: «открывается ... новый путь величия и силы» (К. Аксаков). «Novus nascitur ordo. Новый возникает порядок, новая эра наступает в истории» (Погодин). Россия завершает свою историю как славянской страны объединением славян, решает религиозный вопрос «о вознесении православия на подобающее ему место» (Погодин),

^{*} Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою? (Евангелие от Матфея 16:26) (прим. ред.).

обновит обветшалую Западную Европу, утратившую веру, погасившую поэзию, отрекшуюся от бога (Погодин).

Может показаться общим во взглядах Николая I и его советников (Паскевич), с одной стороны, и панславистов – с другой, понимание вопроса о восстании балканских народов и его значения. Однако и здесь есть существенные различия. Для маккиавелистского плана Николая I восстание христиан – способ добиться распада Турции без участия в этом русских вооруженных сил и, следовательно, без опасности вызвать обострение конфликта России с западными державами. Для панславистов опасений последнего не существует. Россия обязана освободить братьев и для этого должна вести войну. Погодин особенно подчеркивал эту обязанность России¹⁶⁴. Аксаков требовал провозгласить независимость всех православных в Турции и «идти освободить их, наконец, на деле»¹⁶⁵. Сомневаться в необходимости этого «значит сомневаться в помощи божией и в себе». Русская сила, борьба русского народа – основа освобождения Балкан. Что касается восстания христиан Турции, его панслависты оценивали отчасти как способ увеличения русской силы и быстрого окончания войны¹⁶⁶, отчасти как явное осуществление целостности восточно-православного мира и его единства в борьбе против мира западного. «Европа встанет на нас всем своим миром: пусть будет так. И мы встанем целым миром славянским», – писал К. С. Аксаков.

Эти расхождения не приводят, однако, к разрыву между правительством и панславистами; последние лишь пытаются повести правительство за собой, направить в желательную сторону. Когда К. Аксаков говорит, что Россия должна провозгласить независимость славян, ясно, что он имеет в виду правительство. Он считает, что славянский союз должен быть возглавлен русским царем: «прочный союз всех славян под верховным покровительством русского государя». Еще ярче эта мысль звучит у Погодина в приведенной выше цитате, где руководящее значение царской власти в войне выражено еще более ярко: «А царь не сказал еще настоящего, последнего своего слова. Что же будет, если, взяв за руки четырех своих сынов...»¹⁶⁷.

Сила, при помощи которой панслависты думали осуществить свои цели, – русская армия, руководимая правительством, руководимая царем. Его они хотели бы видеть осуществителем своих планов. Вот почему принципиально теоретические расхождения не раз-

водили их в разные стороны. Но объективно соотношение было иным. Правительство было силой, ведшей свою политическую линию. Оно не пошло за панславистами. В вопросе о восстании славян оно сохранило свою позицию; как она повлияла на дальнейший ход событий, мы показали в другом месте¹⁶⁸. Призывы панславистов к войне, несмотря на отличия их программы от правительственной, объективно содействовали правительству. Ратуя в пользу славянского освобождения и объединения, панслависты помогали, пусть бесплодным, попыткам Николая I наложить свою руку на Балканский полуостров.

Положение существенно меняется по окончании войны. Разрыв между целями правительственной политики и программой панславистов возрастает. Русская дипломатия точно очерчивает свои практические задачи. «Наша традиционная цель останется той же: поддерживать церковь и христианские народы (populations) этого государства (Турции – С.Н.) и покровительствовать подъему цивилизации и торговли юга России. Эта двойная задача, далекая от того, чтобы вызывать новые осложнения, должна согласовываться с добрососедскими отношениями, которыми ограничивались наши пожелания в отношении Турции»¹⁶⁹. Секретная инструкция Бутеневу от того же числа перечисляла ряд конкретных задач и заключалась следующими соображениями общего порядка: «Но наши крупные (grands) постоянные интересы и возможные судьбы на Востоке под давлением извне возлагают на нас специальную бдительность в отношении этих вопросов, которые представляют первостепенное значение»¹⁷⁰. Русская дипломатия считается с возможными перспективами (destinées problematiques), очерченными, но не в них полагает смысл своей деятельности, а в целесообразном, с русской точки зрения, решении ряда частных конкретных вопросов.

Панслависты не отрекаются от необходимости разрешить ближайшие практические вопросы, но все надежды их устремлены к далеким целям, и только во имя их они принимают очередные текущие дела. Они охотно протягивают руку правительству, чтобы действовать с ним вместе. При этом панслависты хотели бы, как они и раньше стремились к этому, сохранить за собою руководящую и вдохновляющую роль.

Поскольку жизнь диктовала необходимость решения различных практических частных вопросов, политическая роль панславистских

идеологов не могла не падать. И если в период войны панслависты практически не сыграли сколько-нибудь заметной роли, тем незначительнее – в области большой политики – могла быть их роль теперь.

Примечания

¹ *Завитневич В. 3.* А. С. Хомяков. Киев, 1902; *Бродский Н. Л.* Ранние славянофилы. М., 1910; *Бердяев Н. А.* С. Хомяков. М., 1912; *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1; *Колупанов Н.* Биография А. И. Кошелева. Т. 1. Ч. 1, 2. М., 1889.

Исключением является статья А. А. Михайлова «Революция 1848 г. и славянофильство» («Ученые записки Ленингр. гос. университета. Серия ист. наук». Вып. 8. Л., 1941) и в известной мере книга Бердяева, где несколько страниц посвящены отчасти и этому вопросу.

² *Плеханов Г. В.* Н. Г. Чернышевский. Соч. Т. V (1925). Т. VI (1924); *Стеклов Ю. М.* Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность. Тт. I и II. 1928; *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40–50-х гг. Л., 1934; *он же.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. М., 1936.

³ *Стеклов Ю. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 479–494.

⁴ Франко-итало-австрийская война в оценке Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Сб. статей к 50-летию со дня смерти. Саратов, 1939.

⁵ *Чернышевский Н. Г.* Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935.

⁶ *Плеханов Г. В.* Очерки по истории русской общественной мысли XIX в. Пг., 1923; другое издание: *Плеханов Г. В.* А. И. Герцен. Сб. статей. б. г.

⁷ *Стеклов Ю. М.* А. И. Герцен. Л., 1930.

⁸ *Нович И.* Духовная драма Герцена. М., 1937.

⁹ *Пипер Л.* Мировоззрение Герцена. М., 1935.

¹⁰ *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст. СПб., 1904. С. 3.

¹¹ *Майков А. Н.* Полн. собр. соч. Т. II. СПб., 1901. С. 34.

¹² Там же. Т. IV. С. 282.

¹³ *Лемке М.* Указ. соч. С. 4.

¹⁴ Предречение о падении Турецкой империи, возвещенное Султану Амурату арабийским звездословом Муста-Эддыном с присовокуплением к нему любопытного предсказания стошестилетнего старца Мартына Задека о взятии Константинополя... М., 1854. С. 6, 36.

¹⁵ За много лет. Воспоминания неизвестного // Русская старина. 1894. Кн. 9. С. 44–45.

¹⁶ Имеется в виду известное стихотворение «Не гул молвы прошел в народ», впервые напечатанное в «Современнике» за 1854 г.

¹⁷ *Чернышевский Н. Г.* Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. С. 487–188.

¹⁸ *Хомяков А. С.* Соч. Т. VIII. С. 215.

¹⁹ Дневник О. М. Бодянского // Сборник О-ва любит. рос. словесности. 1891. С. 124; *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XIII. СПб., 1899. С. 44.

²⁰ *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. I. СПб., 1906. С. 427.

²¹ *Боборыкин П. Д.* За полвека. М.-Л., 1929. С. 69.

- ²² Чарушин Н. А. О далеком прошлом. Ч. 1, 2. М., 1926. С. 16.
- ²³ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1929. С. 150–151. Письмо Грановского относится к более позднему времени.
- ²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1904. С. 433.
- ²⁵ Русский архив. 1904. Кн. 3. С. 518.
- ²⁶ Из переписки московских славянофилов. А. И. Кошелев и И. С. Аксаков // Голос минувшего. 1918. Кн. 1–3. С. 243.
- ²⁷ Гроссман Л. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского // Литературное наследство. Т. 22/24. 1935. С. 689.
- ²⁸ Попруженко М. Участие Одессы в возрождении болгар // Записки Одесского о-ва истории и древностей. Т. XXX. Одесса, 1912. С. 413.
- ²⁹ Письмо от 25.03.1854 г. // Русская старина. 1883. Кн. 7 (Т. XXXIX). С. 192.
- ³⁰ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XIII. С. 78.
- ³¹ См. нашу статью «Русская политика на Балканах и начало Восточной войны» // Вопросы истории. 1946. № 4.
- ³² ЦГЛА. Ф. И. С. Аксакова. А/354.
- ³³ Институт русской литературы (Пушкинский дом) (далее – ИРЛИ). Ф. 3.
- ³⁴ Там же. С. 3.
- ³⁵ Там же. С. 4.
- ³⁶ Там же. С. 5.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 6.
- ³⁹ Там же. С. 8.
- ⁴⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). ГАИС III. 158.
- ⁴¹ Русская беседа. 1859. Т. 6 (13). С. 64; положения, сформулированные К. Аксаковым, вполне гармонировали со взглядами Хомякова (*Бердяев Н. А. С. Хомяков*. С. 220–221).
- ⁴² Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 74.
- ⁴³ Там же. С. 93.
- ⁴⁴ Там же. С. 96.
- ⁴⁵ Там же. С. 122–123.
- ⁴⁶ Там же. С. 220–221.
- ⁴⁷ Там же. С. 123.
- ⁴⁸ Там же. С. 214.
- ⁴⁹ Там же. С. 87.
- ⁵⁰ Там же. С. 200.
- ⁵¹ Там же. С. 115.
- ⁵² Там же. С. 119.
- ⁵³ Там же. С. 120.
- ⁵⁴ Там же. С. 186.
- ⁵⁵ Там же. С. 239.
- ⁵⁶ ЦГЛА. Ф. Погодина. № 2931/398–426. 24.03.1873 г.
- ⁵⁷ Погодин М. П. Историко-политические письма... Донесение Мин. нар. просв. 1839. С. 24, 26.
- ⁵⁸ Заявление президента города Варшавы Спыхальского о поездке в Москву // Славяне. 1944. № 12. С. 43.

- ⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. Самариных IV. 7/52. № 181.
- ⁶⁰ Цит. Записка Аксакова. С. 7.
- ⁶¹ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 125. Из других особенностей обоих построений следует отметить более подчеркнутый монархизм Погодина и более острую направленность его записок против Австрии. Однако противоавстрийская нота была и у Аксакова.
- ⁶² *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. II. М., 1943. С. 30.
- ⁶³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. Хомякова. Ед. хр. 33. Л. 34.
- ⁶⁴ *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке. В: 22 т. Т. VIII. Пг., 1919. С. 57.
- ⁶⁵ Там же. С. 56.
- ⁶⁶ Там же. С. 113.
- ⁶⁷ Там же. Т. VII. С. 397.
- ⁶⁸ *Тарле Е. В.* Указ. соч. Т. II. С. 31–32.
- ⁶⁹ НИОР РГБ. ГАИС III. 158. Письмо Д. А. Оболенскому.
- ⁷⁰ И. С. Аксаков в его письмах. Т. III. С. 100.
- ⁷¹ *Тарле Е. В.* Указ. соч. Т. II. С. 35.
- ⁷² *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 220–230.
- ⁷³ *Аксакова В. С.* Дневник 1854–1855 гг. СПб., 1913. С. 15.
- ⁷⁴ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Т. II. М., 1929. С. 92.
- ⁷⁵ *Аксакова В. С.* Дневник. С. 8.
- ⁷⁶ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 262.
- ⁷⁷ Там же. С. 272.
- ⁷⁸ Там же. С. 287.
- ⁷⁹ *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. I. С. 449; *Аксакова В. С.* Дневник. С. 67.
- ⁸⁰ *Аксакова В. С.* Дневник. С. 79, 92.
- ⁸¹ *Хомяков А. С.* Соч. Т. VIII. С. 409 (от 14.03.1855 г.).
- ⁸² *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901. Т. I. С. 55.
- ⁸³ Выдержки из дневника О. М. Бодянского // Сборник О-ва любителей российской словесности. М., 1891. С. 130.
- ⁸⁴ *Аксакова В. С.* Дневник. С. 181. Хорошо настроения, ведущие славянофилов в ополчении, выразил И. С. Аксаков: «Уже более года мне совестно читать газеты, толковать о значении эпохи, желать войны и не участвовать в жертвах, необходимых при исполнении этого желания...», и в другом месте: «Мы должны удобрить землю для будущей жатвы, и порядочные люди все-таки не в праве себя устранять от участия в ополчении, готовя себя для лучших времен» (И. С. Аксаков в его письмах. Т. III. С. 116, 159. Письма от 8.04 и 5.09.1855 г.).
- «Как приумолкли певцы о Святой Руси и святом ее назначении, – писал в своих записках сенатор К. Н. Лебедев. – Странное дело, ни одно государство, кроме азиатских, не имело и не высказывало о себе такого высокого понятия про свое могущество, про свою будущность, как Россия, и вместе с тем никто так не унижал нашего характера, как представители этого воззрения от Петра до Николая, от Посошкова до Гоголя» (Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 145).
- ⁸⁵ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II. С. 454.
- Наблюдение Грановского подтверждается П. Д. Боборыкиным, наблюдавшим дворянские настроения в Липецке (*Боборыкин П. Д.* За полвека. М.-Л., 1929. С. 80).

В письме неизвестного лица (возможно, Погодина) от 26.01.1856 г. из Москвы говорится: «Вообще Москва, да и вся Россия, разделилась на два стана, на мирный и на воинственный. В первый входят те из помещиков, которым жаль денег и рекрутов, те из купцов, которым не хочется жертвовать ни гроша на воинские надобности, те из служащих дворян, от писца до министра, которым достоинство правительства, народная честь и слава русского имени нипочем, – лишь бы им было тепло, светло, сытно и спокойно. Далее: бездомные, развратные мещане, выгнанные из службы негодяи и зараженные англо-урьем и галлобесием пустосвисты. Во второй стан (за войну до честного мира) входят все чисто русские люди от крестьянина до монарха.

За что же отдать Прут и Дунай? Отдать с землей, не только православных, но и русских. В Бессарабии все купцы русские; отдать не только коренных молдаван, но и переселившихся под сень русского орла болгар!.. Грустно и стыдно!.. Проклятая Австрия! Погрози только ей войной – этот мозаик распадется. Венгрия, славяне, итальянцы, все и все отложатся» (О войне и мире шестьдесят лет назад // *Голос минувшего*. 1916. № 1. С. 258–259).

⁸⁶ Аксакова В. С. *Дневник*. С. 110.

⁸⁷ Т. Н. Грановский и его переписка. Т. II. С. 456.

⁸⁸ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 259.

⁸⁹ Там же. С. 278.

⁹⁰ Там же. С. 298.

⁹¹ Там же. С. 337.

⁹² Там же. С. 339.

⁹³ Там же. С. 300.

⁹⁴ НИОР РГБ. Ф. Погодина П.

⁹⁵ *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. I. Приложения. СПб., 1908. С. 190.

⁹⁶ *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Москва 40-х годов. С. 161.

⁹⁷ Восточный вопрос о русской точки зрения. Прилож. I к запискам кн. С. П. Трубецкого. СПб., 1907. С. 134.

⁹⁸ Там же. С. 134–135.

⁹⁹ Там же. С. 153.

¹⁰⁰ Там же. С. 142.

¹⁰¹ *Щелгунов Н. В.* Воспоминания. М., 1923. С. 67–68.

¹⁰² *Ленин В. И.* Соч. Т. XVIII. С. 244.

¹⁰³ *Тютчева А. Ф.* Указ. соч. Т. II. 95–97; И. С. Аксаков в его письмах. Т. III. С. 228.

¹⁰⁴ *Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. I. С. 469.

¹⁰⁵ И. С. Аксаков в его письмах. Т. III. С. 232.

¹⁰⁶ Северная пчела. 1856. № 85 от 13.04; № 70 от 27.03.

¹⁰⁷ Отечественные записки. 1856. Кн. 4. С. 63–64.

¹⁰⁸ Русский вестник. 1856. Кн. 2. С. 167.

¹⁰⁹ *Валуев П. А.* Дневник // Русская старина. 1891. Кн. 6. С. 608–609. Запись от 24.03.1856 г.

¹¹⁰ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 346–347.

¹¹¹ *Чернышевский Н. Г.* Литературное наследие. Т. II. С. 265 (от 10.01.1856 г.).

¹¹² *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 351.

¹¹³ Там же. С. 355.

¹¹⁴ Там же. С. 357.

¹¹⁵ В одной из записок он писал: «Молдавию и Валахию, страны, облитые русского кровью, избавленные от турецкого ига, почти принадлежащие нам, занимают австрийцы, вплоть до наших границ, судят и рядят, и производят разные опыты, вместе с Англией и Францией, не заботясь нисколько о нашем согласии и даже мнении.

От славянского Дуная, нам родного, мы отброшены. Чужие военные корабли плавают около наших обезоруженных берегов. Черное море, без флота и крепостей, принадлежит не нам, и границы наши везде открыты. Мы не смеем принимать мер для нашей защиты; ни строить кораблей, ни сооружать крепостей...

Господи, до чего мы дожили. Стыд, срам и поношение» (*Погодин М. П.* Статьи политические и польский вопрос. М., 1876. С. 336–337).

¹¹⁶ Там же. С. 340.

¹¹⁷ *Тютчева А. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 104.

¹¹⁸ *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М., 1911. Т. I. С. 81.

¹¹⁹ *Тютчева А. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 103.

¹²⁰ Русская беседа. 1856. Кн. 1. С. 18. Перепечатано в: Кн. В. А. Черкасский, его статьи, речи и воспоминания о нем. М., 1879.

¹²¹ Там же. С. 24–25.

¹²² Там же. Кн. 2. С. 7.

¹²³ Там же. С. 21.

¹²⁴ Там же. С. 26.

¹²⁵ Хотя Черкасского нельзя считать вполне славянофилом, однако в данном случае он явился выразителем славянофильских воззрений, что подтверждается имеющимися сведениями о согласии виднейших представителей славянофильства с разработками Черкасским положениями и помещением его статей в «Русской беседе». Правда, в его статьях сравнительно слабо выражен славизм; только этот оттенок и отличает его от других славянофилов.

¹²⁶ *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. Т. 1. С. 71; *Хомяков А. С.* Соч. Т. VIII. С. 155. В Брюсселе вышла анонимная брошюра бывшего дипломата П. Чихачева «La paix de Paris. Est elle une paix solide. Par un ancien diplomate». Вгух., 1856. В московских библиотеках найти ее не удалось.

¹²⁷ Современник. 1785. Кн. I. С. 180–181.

¹²⁸ Русский вестник. 1856. Т. III. Кн. 5. С. 72.

¹²⁹ Там же. Т. IV. Кн. I.

¹³⁰ Там же. Т. VI. Кн. 12. С. 150.

¹³¹ Современная летопись. 1857. Кн. 10. С. 136–137.

¹³² Там же. Кн. 7–8. С. 390.

¹³³ Там же. С. 5.

¹³⁴ Там же. Кн. 10. С. 95.

¹³⁵ Там же. 1858. Кн. 1. С. 33.

¹³⁶ О нем – в гл. III.

¹³⁷ Там же. Т. II. Кн. 2. Под статьей имеется подпись – Д. В литературе (Любимов, Катков и некоторые другие) автор статей ошибочно отождествлялся с Х. Даскаловым. Документы, опубликованные в «Истории Моск. слав. благотв. к-та» Н. Попова, позволяют исправить эту распространенную ошибку.

¹³⁸ Современная летопись // Русский вестник. 1858. Т. VI. Кн. 1. С. 286.

¹³⁹ Там же. Т. VII. Кн. 1. С. 55.

- ¹⁴⁰ Современная летопись // Русский вестник. 1858. Т. XI. Кн. 2. С. 239.
- ¹⁴¹ Там же. Т. V. Кн. 1. С. 33.
- ¹⁴² Там же. Т. X. Кн. 2.
- ¹⁴³ Там же. Т. XII. Кн. 2. «О финансах княжества Сербии». С. 448.
- ¹⁴⁴ Запись от 9.05.1858 г. Три вещи преимущественно занимали мыслящих людей нашего времени в России. Освобождение крестьян, или так называемый крестьянский вопрос, печатная гласность и публичное судопроизводство. Нельзя не признать, что это три самые насущные потребности общества, которое не хочет и не может уже возвратиться к николаевскому времени» (*Никитенко А. В.* Записки и дневник. Т. 1. С. 518).
- ¹⁴⁵ *Милуков А. П.* Афины и Константинополь, СПб., 1859, С. 199.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 204.
- ¹⁴⁷ *Чернышевский Н. Г.* Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. С. 162.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 137–138.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 190.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 183.
- ¹⁵¹ Там же. С. 182.
- ¹⁵² Там же. С. 188.
- ¹⁵³ Цит. по статье *Таубина Р. А.* «Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов – патриоты демократической России» // Н. Г. Чернышевский. Саратов, 1939. С. 34.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 158–159.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 171.
- ¹⁵⁶ *Чернышевский Н. Г.* Соч. Т. V. С. 107; *Майофис Я. М.* Франко-итало-австрийская война в оценке Н. Г. Чернышевского // Н. Г. Чернышевский. Саратов, 1939.
- ¹⁵⁷ *Герцен А. И.* Соч. Т. VIII. С. 286.
- ¹⁵⁸ Там же. Т. IX. С. 403.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 208.
- ¹⁶⁰ Там же. Т. X. С. 9–10.
- ¹⁶¹ Там же. С. 202.
- ¹⁶² *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1908. Приложения. Т. I. С. 603–604.
- ¹⁶³ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки ... С. 197.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 183–184.
- ¹⁶⁵ ЦГЛА. А/354. Записка Аксакова о восточном вопросе. Л. 8.
- ¹⁶⁶ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 199; ЦГЛА. Записка Аксакова о восточном вопросе Л. 8.
- ¹⁶⁷ *Погодин М. П.* Указ. соч. С. 125.
- ¹⁶⁸ *Никитин С. А.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4.
- ¹⁶⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. Constantinople. № 43–44. Rec. 1856. Bouteneff. Л. 93–99. Общая инструкция Бутеневу от 14.07.1856 г.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 133.

Глава II ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Раздел II. Панславистские теории и их критика

Русская печать 60-х годов, хотя и поставила на первое место вопросы внутренней жизни, не могла отказаться от внешнеполитической проблематики. Она отводила определенное место международным событиям и задачам русской внешней политики. Среди многообразия внешнеполитических тем восточный вопрос в различных его формах и проявлениях привлекал внимание едва ли не больше других. И в этом нет ничего удивительного. Уже во время Крымской войны русские деятели разных направлений признавали наличие кризиса на Балканах. Такое понимание проблемы осталось определяющим и исходным в дальнейшем.

Славянофильская печать, провозгласив еще в 1856 г., что восточный вопрос не потерял своей важности и остался по-прежнему главным, существенным элементом европейской политики¹, имела мало возможности вплоть до выхода «Дня», т.е. до 1861 г., развить, детализировать и обосновать этот тезис. Самый характер недолговечной «Молвы» и кратковременность существования «Паруса» препятствовали этому. Тем не менее, позиции славянофильской группы свое, пусть неполное, выявление нашли. В высказываниях представителей этого направления преобладает констатация желательного и должного над анализом действительного.

«Надобно признаться, что непонятное явление представляет Турция, – писала «Молва». – Классическая земля, населенная благородными потомками древних греков, просвещение которых доселе входит как необходимая часть в просвещение образованной Европы, – с другой стороны, населенная трудолюбивым и умным племенем славянским, – эта классическая земля и племена, на ней живущие, племена христианские, находятся под властью магометанского племени турецкого – дикого, невежественного и вдобавок бессильного».

И это явление происходит в виду просвещенной и могущественной Европы, позволяющей существовать такому безобразному, без-

законному владычеству, каково владычество Турции над греками и славянами². Их положение не вызывает в Европе даже сочувствия, так как поддерживать бессильную саму по себе Оттоманскую империю побуждает западные державы эгоистический расчет. Славянофильская печать 60-х годов была наполнена данными, рисующими разложение Турции и закат ее могущества. Причинами внутреннего распада империи османов Аксаков признавал ослабление силы ее создавшей, т.е. силы государственной, военной, какой держалась империя Магометов и Мурадов, и исчерпание терпения христиан. В то время как войны России с Турцией возбуждали угасший дух в славянах и греках, опека западноевропейских государств способствовала распадению мусульманского царства. Во втором выпуске «Паруса» Погодин вторил славянофилам: «Турция необходима для Европы!.. Так рассуждают европейские публицисты. То есть: варварство, по общему признанию великих государственных людей нашего времени, необходимо для цивилизации, – какова цивилизация!.. И такие вещи могут провозглашаться торжественно во всеуслышание в XIX веке, гордящемся своим прогрессом!»³. Заявив тем самым желательность уничтожения Турции для освобождения славян, считая очевидными слабость и бессилие ее, объяснив существование этого государства как результат дипломатической комбинации, обеспечивающей равновесие Европы, панславистско-славянофильская печать, с одной стороны, говорила о сочувствии России к братьям по вере, к славянам, в особенности, и утверждала: «Благоденствие единоверных и единокровных племен для России должно быть всегдашней заботой, священным долгом»⁴. С другой стороны, указывала на чреватость созданного Парижским миром положения неизбежными осложнениями. Россия в Черном море и Бессарабии подчинилась некоторым ограничениям, которых одних уже слишком достаточно было бы, чтобы всякий мир сделать непрочным, и чтобы в более или менее отдаленном будущем породить новые неизбежные распри⁵. Анализируя обстановку, сложившуюся после подписания мирного договора и договора 15 апреля 1856 г. о гарантии независимости и целостности Турции, Черкасский полагал, что «Тройственный союз», сложившийся на основе последнего договора, представлял собой прочную и капитальную дипломатическую конструкцию. Его базой была англо-французская гражданственность, вещественное богатство и промышленность, в основе которых лежала политическая сво-

бода. Англо-французский союз – прочная и имеющая традиции комбинация, а у Англии старые связи с Австрией. Эта комбинация подкреплена австро-французским соглашением о гарантии Францией итальянских владений Габсбургов. Исходя из этого ошибочного предположения, Черкасский считал, что тем Австрия приобретает и фактическую гарантию от возможного нарушения Россией status quo в Турции. Австрия, в понимании Черкасского, оказывалась наиболее выигравшей стороной. Стороной страдательной являлась Россия, против которой союз направлялся, однако он утрачивал активный характер с момента «как рассеяны опасения Европы на счет немедленного поглощения Цареграда Россией»⁶. Однако мог быть и второй вывод, которого Черкасский не формулировал прямо. Он касался возможности возобновления союза в его «деятельной» форме, если бы Россия вновь обнаружила подобные поползновения. Но только такой вывод перебрасывает мост к дальнейшей части статьи, говорящей о необходимости внутренней перестройки в России. Конечным итогом статьи должен был бы быть тезис о невозможности осуществить стремления к реализации ближневосточных планов до завершения процесса внутреннего роста. Но и этого вывода Черкасский не формулировал. Таким образом, изложив достаточно ясно свое понимание международно-политической ситуации, сложившейся после Крымской войны, Черкасский весьма неотчетливо подвел неизбежные итоги собственным размышлениям.

Эту задачу принял на себя И. С. Аксаков. Уже в первом номере «Дня» он формулировал основную задачу России, вполне логически вытекающую из предыдущего развития славянофильских идей. «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия, под сению могущественных крыл русского орла – вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»⁷. Сходясь в оценке позиций Австрии в турецком вопросе с Черкасским, он резко и прямо формулировал естественный вывод: «Русские интересы противоположны интересам австрийским... Австрия есть злейший враг освобождения славян ... из-под турецкого ига»⁸.

Враждебность Австрии в отношении стремлений славян к свободе делала ее союзником Турции, а потому турецкий и австрийский вопросы сливались в один: «Есть один славянский вопрос, и он дол-

жен собою напомнить всю будущую историю Австрии, Европейской Турции и России»⁹.

Поскольку освобождение славян считалось призванием России, естественными являлись мысль о Востоке как «центре тяжести» русской внешней политики и требование более интересоваться положением и делами на Дунае, чем где-либо в Западной Европе, далекой от русских интересов. И столь же неизбежно положение о необходимости ликвидации условий Парижского трактата: «Чем более дыр в этом трактате, тем скорее он разорвется – а это не может не быть в интересах нашей политики на Востоке...»¹⁰.

Само понятие «освобождения», входящее органической частью в представление о роли России, свидетельствует о желании активной роли ее. Так мыслил в свое время К. С. Аксаков, так рассматривает вопрос И. С. Аксаков. Мы увидим ниже, что последний считал неизбежным столкновение двух миров – Запада и Востока, он звал к активности русское правительство, он призывал к борьбе и восстанию балканские народы, считая, что без борьбы и столкновения вопрос не разрешится и не может решиться в силу противоположности Запада и Востока, мира европейского и мира славянского. В одной из статей, оттеняя мысль о неизбежности будущей борьбы, он подчеркивал, что «теперешний мир есть только перемирие более или менее продолжительное, перемирие не разрешающее, но только отсрочивающее разрешение мировых громадных вопросов»¹¹.

Задача Европы, полагал Аксаков, заключалась в том, чтобы помешать России в осуществлении ее цели, а ближайшего пособника Европы в этом деле он видел в Польше. Но вражда Европы не вызывалась действительными намерениями России. На западе боялись русских завоеваний, но «нет у России ни стремлений к захватам, ни замыслов на политическое преобладание: она желает только свободы духа и жизни славянским племенам, остающимся верными славянскому братству. Она представляет им собою такую нравственную, а потому и политическую точку опоры, которая стоит всякой материальной помощи, и вне которой нет им спасения»¹². Предназначение России – призвать славян «к жизни, самобытности и свободе», но даже мысли о поглощении их у нее нет¹³, это – подвиг, возложенный на Россию провидением. Она должна осознать себя средоточием славянского мира, и в этом – будущность России и всех славян. Как Россия немислима вне славянского мира, ибо она есть

его главнейшее выражение и вещественно, и духовно, так и славянский мир немислим без России. «Вся сила славян в России, вся сила России – в ее славянстве»¹⁴. Особая роль России в восточном вопросе определяется, с одной стороны, положением России на Востоке, ее призванием там, с другой – ее материальными интересами, как великой державы, связанными «с вопросом о том, в чьих руках будет Царьград и ключи к Черному морю»¹⁵. Роль России на Востоке поэтому неизбежна и неустранима.

Если славянское племя отделяется от России, оно должно умереть, лишившись жизненного начала, если же оно уцелеет, то не как славянское, ибо, лишившись славянского начала, денационализируется¹⁶. Всякий раз, когда Аксаков подходил к вопросу о будущих отношениях России и славян, он отмахивался от него, указывая на преждевременность обсуждения этих тем, так как сочинять будущие политические отношения несвоевременно и определять заранее «политическую формацию славян» бесплодно¹⁷.

Гораздо важнее другое. «Без объединения духовного не совершится объединение славянского мира». Это значит – необходимо объединение религиозное, объединение в православии. Славяне «должны отречься от Рима и всех его дел». Но этот акт Аксаков рассматривал как добровольный акт сознания, а не как насильственное навязывание иной веры. Таким образом, основа всеславянского единения закладывается, по мысли Аксакова, одновременно в разных плоскостях и ведет к неясному теперь, даже в основных своих очертаниях, всеславянскому союзу, реальные формы которого определяются ходом исторического развития. Для славянофильства 60-х годов существенно при обсуждении славянской проблемы подчеркивание как наиболее актуальной – неполитической стороны ее решения. Славянская федерация, о которой мечтают чехи, писал И. С. Аксаков, возможно, будет только тогда, когда отыщется для нее высшее политическое, но славянское же, – не отвлеченное, а живое и действительно сущее начало. Но главнее и важнее всего, повторяем, для идеи всеславянского братства – идея высшего духовного объединения в вере. Пусть западные славяне ищут, прежде всего, такого объединения и поревнуют о чистоте славянского идеала веры и церкви – а «остальное приложится»¹⁸. Когда же Аксаков касается южных славян, он настаивает на укреплении и развитии «самобытных славянских» начал. Этой идеей вызываются его филиппики против «лжи

государственности» в применении к Черногории. Теми же мотивами пропитано коллективное «Послание к сербам», о чем речь будет идти ниже. Задача политического объединения всегда заменяется задачей идейного единства. Ни о каком политическом объединении славян нет речи. Такой ход мысли объясняется общеславянофильским пониманием соотношения «правды внутренней» и «правды внешней» и оценкой состояния славянства, еще не выносившего и не развившего в себе подлинно славянских начал или начинающего колебаться в верности им¹⁹. Враждебное отношение к возможности насильственного разрешения вопроса, т.е. к простому завоеванию и присоединению славян в связи с явной неподготовленностью их к самостоятельному и добровольному решению вопроса, – все это объясняет такую, на первый взгляд несколько неожиданную, позицию славянофильского лагеря.

Изложенное решение основного общего вопроса показывает частичную близость (на определенном этапе) политических программ славянофильства и дипломатии Горчакова. Мы отчасти касались этого вопроса, говоря о журнальном предприятии Аксакова. Но их нельзя назвать тождественными ни по мотивам и основаниям, ни по конечным задачам. Являясь продуктом одной и той же классовой среды, они, однако, в одних случаях сходятся, в других переходят в антагонизм.

Позже, в 1867 г., Аксаков разъяснил свое отношение к возможности немедленного государственного объединения славян. В этом его суждении нельзя не видеть отражения опыта польского восстания 1863 г. Он понимал, что «государственное внешнее единство еще не приводит к так называемой ассимиляции или отождествлению племен». Он устанавливал, возражая Каткову, что внутренняя задача в России – «не ... обрусить наших инородцев», но добиться нравственным влиянием, чтобы они сами обрусели. Межславянские отношения характеризуются отсутствием у разноименных, разноверных и разноязычных австрийских и славянских племен – общего объединяющего их славянского языка и славянского политического начала»²⁰. Они должны быть выработаны прежде, чем окажется возможным ставить вопрос о реализации этих начал. Но и они должны быть плодом самостоятельной и добровольной деятельности самих славян. Все это хотя и не выдвигало задачи немедленного государственного объединения и создания панславянского государства, но

оставляло ее в качестве далекого идеала и в качестве подспудного существа концепции.

Общее направление русской политики, провозглашенное Горчаковым, славянофилы одобряли.

В статье для «Le Nord» К. С. Аксаков противопоставлял политику Нессельроде и Горчакова: первая не была национальной: «Современная политика России представляет собою иное: она хочет быть русской – это уже много»²¹. Черкасский считал «особенно любезной» всякому русскому депешу Горчакова от 2 сентября 1855 г., где были изложены принципы его дипломатии²². Несколько сложнее была позиция И. С. Аксакова. Признавая положение о национальном характере общего направления русской внешней политики, он не мог принять многого и в ее конкретном осуществлении, возражая против близости с Австрией и Пруссией, против робости русской дипломатии в решении национальных проблем, например, в вопросе о Дунайских княжествах, осуждая официальную позицию в греко-болгарском споре и т.д. И в этом отношении Аксаков был прав, характеризуя свои издания, «как оппозиционные»²³. Но вопрос о решении конкретных проблем, с чем связаны эти его суждения, и о существе оппозиционности займет нас в иной связи. Здесь можно ограничиться этим попутным замечанием.

Из сказанного ясно, что действительным существом концепции Аксакова были русские интересы на Балканах, связанные с проблемой проливов и неотъемлемым от нее вопросом о преобладающем значении на полуострове. Понимая возможные опасности от простого вооруженного захвата (опыт Польши), Аксаков мечтает о самостоятельном влечении славян навстречу русской акции, воспроизводя тем самым ставшую уже традиционной картину русско-турецких войн. Он продолжает затем эту линию в области языковых и других отношений.

В ином плане подходили к тому же вопросу другие общественные группы.

Печать Каткова уделяла большое внимание состоянию Турции. «Русский вестник» признавал Турецкую империю находящейся в состоянии развала. «Турция находится теперь более чем когда-нибудь в таком безвыходном положении материального и нравственного упадка, что над нею нужна постоянная опека держав, подписавших Парижский трактат»²⁴. Она необходима потому, что внут-

ри Турецкой империи назревают острые конфликты, в любой момент возможны восстания христиан, недовольство которых наличием положением все увеличивается в силу невыполнения хатти-хумаюна. Брожение и недовольство захватило все народы Балканского полуострова – и сербов, и валахов, и молдаван; борются за признание своей независимости черногорцы; малейший успех восставших христиан может охватить ярким пламенем возродившуюся южную славянскую национальность»²⁵, и тогда все Балканы запыхают в море огня. В этих условиях говорить о возможности возрождения Турции бесплодно. «Возрождение становится более чем сомнительным». Вопрос заключается в том, что возникнет на месте Турции после ее распада, как эти новые образования будут отвечать интересам Европы. Вот это и составляет существо международного вопроса, каким является турецкий вопрос²⁶. Самая горькая ирония заключается в словах «возрождение Турции»; серьезно можно говорить и рассуждать только о возрождении славян, с которым необходимо соединено падение Турции. Мы присутствуем теперь при политической агонии одной и приветствуем первые признаки возрождения другой»²⁷. Мысль о бесплодности всяких попыток реформ, применения каких-либо «лекарств» к лечению «больного человека» – лейтмотив всех рассуждений журнала о турецкой проблеме. А так как «Русский вестник» рассматривает ее не в плане постулирования и «признания», как это делали панслависты-славянофилы, не в плане простой констатации религиозного и племенного родства восточных и южных славян, как об этом говорило «Время» (см. ниже), а в плоскости международной, то и вывод, к которому приходит «Русский вестник», касается тоже международно-политических перспектив. Так как Турция не имеет будущего, то Балканы рано или поздно станут театром иностранного вмешательства, Англия может воспользоваться подходящим моментом и попробовать решить восточный вопрос в свою пользу. Все больше интереса к восточной проблеме обнаруживает Австрия²⁸. Как же должна вести себя Россия, где ее интересы, в чем задачи русской политики? На все эти вопросы печать Каткова дала вполне ясные, можно сказать, исчерпывающие ответы. Они ближе всего к панславистскому решению вопроса; по самому существу своему положения Каткова и его сотрудников – положения панславистские, но в тактическом отношении они представляют особый оттенок внутри панславистского лагеря, существ-

венно отличаясь от рецептов «Дня». Для Аксакова характерно представление, что дело не обойдется без войны, без резкого столкновения держав. Это представление обусловлено старым славянофильским положением о противоречии «начал» Запада и Востока, оно связано преемственно с концепцией, высказанной К. С. Аксаковым в записке 1854 г. Для И. С. Аксакова это противоречие не есть только столкновение культурных или философских принципов. Каждый факт трений или противоречий России с государствами Западной Европы он рассматривает под этим углом зрения. И общие свои положения он очень удачно и резко формулировал в одной из передовых статей «Дня», написанной в 1863 г. по поводу польского вопроса. Отмечая, что слухи о войне между Россией и державами затихают, он призывает не верить им, так как нельзя решить, что далее последует. «Во всяком случае, Россия не может обнадеживаться мечтами о мире, потому что – если войны и не будет в текущем году – она может быть в следующем или 65-м, – если не за Польшу, то за Турцию, если не на севере, то на юге... И не Россия, конечно, будет зачинщицей кровавой распри, но сам Запад, послушный какому-то безотчетному стремлению, побуждаемый роковым требованием истории. Это все та же борьба двух просветительных начал, двух общественных стихий, двух миров»²⁹. Этим общим положениям глашатая славянофильского панславизма вторили его последователи и союзники. М. А. Волков, бывший дипломат, автор цитированной в первой главе записки о русской внешней политике, в ряде своих статей проводил мысль о противоречии интересов России и Турции, об ошибочности политики союза с Турцией, нашедшей себе выражение в Ункиар-Искелесском договоре, так как она повела лишь к усилению вражды со стороны Англии. Он полагал неизбежным вооруженное столкновение России с Турцией и особенно высоко оценивал значение Малой Азии в качестве плацдарма для подобной борьбы³⁰. Говоря же о народах Балканского полуострова, Волков советовал славянам и грекам держать единство, так как только совокупными усилиями они свергнут иго турок. Если все это формулировать, можно сказать, что славянофилы мыслили решение восточного вопроса и в 60-е годы так же, как в период Крымской войны: Россия ведет войну против Турции, а подвластные последней христиане помогают восстанием осуществить своим братьям их освободительную миссию. Это уже известная нам схема. И вновь, как в 1854–1855 гг.,

славянофилы подчеркивают неизбежность и значение войны, в их понимании дипломатия отходила на задний план, а на первое место выступало решение вопроса вооруженной рукой.

Статьи Волкова встретили возражения со стороны «Русского вестника», где против него выступил В. Неклюдов, постоянный сотрудник катковских изданий по восточному вопросу. Он возражал против малоазиатского плана Волкова, указывал на несвоевременность заявлений о наследственной русско-турецкой вражде. С тех пор как Крым и Бессарабия стали русскими, а Дунайские княжества освобождены от турок, не стало и самого предмета наследственной вражды к Турции³¹. Поэтому прав был Николай I, ставший на путь союза с Турцией. Лучшая политика России в отношении к ней – политика Ункиар-Искелесси. Такой она и должна быть впредь. Интересы держав в Турции различны и определяются несходными мотивами. Так, Австрия заинтересована в слабости Турции и затяжке ее «болезни» – это и спасает ее самое от распада. Бессилие Оттоманской империи тем вернее обеспечивает выгоды Англии. Лишь при этом же условии может Франция осуществить свою основную задачу – окатоличить Восток. Но и России нет основания идти по завоевательному пути. Самый удачный период русской восточной политики начинается после Адрианопольского мира и длится всего 10–15 лет. Россия поступила благоразумно, не присоединив Молдавию и Валахию, но напрасно вызвала конфликт 1849 г. из-за польских эмигрантов, так как он был узлом осложнений, приведших к Крымской войне. Россия не заинтересована в завоеваниях, но она не может удовлетвориться и горчаковской политикой союза с Францией. Дружба с последней Россией ничего не дала, но подготовила объединительные замыслы кн. Кузы.

Внимание должно быть перенесено на самую Турцию. «Стремления России наиболее совпадают с настоящими интересами Оттоманской империи, имея своим единственным предметом благосостояние и процветание ее христианских подданных, от которых зависит вся ее внутренняя сила»³². Поэтому надо поднять русский престиж в Турции, убедить в отсутствии завоевательных замыслов, подобрать соответствующих агентов (обязательно русских, православных), вести политику примирения между славянами и греками и т. д.

Голос Неклюдова был выражением идей катковского лагеря. Сам Катков отвечал на передовую Аксакова, где тот провозглашал

тезис о безразличии для России западных дел и важности только восточных³³, и писал в «Московских ведомостях»: «Будем надеяться, что если бы суждено было возродиться восточному вопросу, то он возродился бы теперь и при более благоприятных условиях для России, чем в пятидесятых годах. Но было бы крайним легкомыслием утверждать, будто бы Россия должна сама, своим образом действий, содействовать возбуждению восточного вопроса, и вместе с тем оставаться совершенно равнодушною к тому, что происходит на берегах Эйдера или Рейна и что касается общего равновесия Европы. Стоит только осмотреться кругом, чтобы убедиться, желательно ли для России возбуждение восточного вопроса, и, с другой стороны, только ближе ознакомиться с политическими вопросами, чтобы усмотреть теснейшую связь между ними. Оставаясь же равнодушною к вопросам общеевропейского равновесия, Россия отказалась бы от значения великой державы.

Положение великой державы в том и состоит, чтобы во всяком европейском деле видеть свое дело»³⁴.

Но в то же время задача России как великой державы заключается в том, чтобы иметь свою самостоятельную внешнеполитическую линию. «Ее сила в совершенной независимости и национальности ее политики»³⁵. Но последнее положение совсем не означает, что Россия должна быть в изоляции или что она может осуществлять свои задачи только в вооруженной борьбе.

«Сдержанная политика не значит также политика равнодушия и апатии к племенам, которым мы не можем не сочувствовать. Не подлежит никакому сомнению, что при обоюдном желании сохранить мир и действовать добросовестно Россия и Англия могут сойтись в политике относительно Турции. Россия не меньше, чем Англия, заинтересована сохранением в настоящую пору Турецкой империи... Европейская дипломатия изберет самый справедливый и самый безопасный путь, если будет содействовать автономии христианских населений, входящих в состав европейской Турции. Пусть Болгария, пусть Босния получают мало-помалу такое же положение, какое уже имеют Дунайские княжества, Сербия, Египет и т.д. Пусть власть султана все более и более теряет свой национальный характер и получает значение отвлеченное, – если угодно, гуманитарное, – и пусть эта власть, постепенно слабеющая ради блага христианских населений, ревниво и добросовестно охраняется Европой от всякого внешнего покушения»³⁶.

Такая политика, заканчивал Катков, есть политика «сохранения Турецкой империи в наилучшей и наиудобнейшей для Турецкой империи форме». Было бы вернее сказать, что это – политика уничтожения Турции как государства, сохранение ее лишь как номинальной величины и фактическое замещение системой формально зависимых, но в существе самостоятельных государств.

Насколько такая формулировка точнее передает действительную мысль Каткова, чем его собственная, видно из дальнейшего раскрытия ее в статьях его соратников – уже известного Неклюдова и постоянного сотрудника «Русского вестника», «Современной летописи» – П. К. Щебальского. Дополняя слова своего руководителя, они завершили его мысль. Если катковский лагерь, отрекаясь от завоевательной политики на Востоке, рекомендовал дипломатическое соглашение с Турцией и Англией, он не закрывал глаз на другую силу, ведущую к решению восточного вопроса. Эта сила – борьба самих балканских народов. «В единении сила!» Вот сборный клич, коим должен огласиться Восток для своего возрождения». Турция, которая, по мысли Каткова, должна получать значение отвлеченное, приобретет его и, тем самым, даст свободу балканским народам под ударами волн вздымающегося народного движения.

«Забудьте свои распри, свои местные вражды и недоразумения, скопите свои силы, дайте им единую цель и единое действие, помните и имейте в виду лишь единого, общего врага, и дружным напором свергайте с себя презренное иго; запечатлейте союз свой общим знаменем православного креста и веруйте, что общая молитва об успехе, на каком бы языке она ни возносилась к престолу всевышнего, найдет того, в чьей власти лежат судьбы и царей, и народов! Вот та русская речь, которая должна, помимо всякой материальной силы, звучать на Востоке среди наших единоверцев, какого бы рода и племени они ни были, и славян, и греков»³⁷.

Освободиться народы Балкан должны сами. «Вы не должны думать о материальной помощи, затем именно, чтобы не дать нашим западным соперникам предлога ухватиться за меч и прикрыть перед общественным мнением, как недавно, свои корыстные виды и свое антихристианское дело пугалом московского честолюбия; для того, наконец, чтобы освобожденная страна осталась достоянием своего туземного христианского населения»³⁸.

Аксаков не обинуясь говорил, что мыслит освобождение балканских народов вооруженной рукой, а по совершении этого освобож-

дения собирався распространить над ними сень крыльев русского орла, т.е. тем или иным способом (каким – оставалось неясным) связать их с Россией. Катков предоставляет балканским народам решать вопрос самим, с помощью дипломатии. И надо признать, что в этом пункте его позиция гораздо ближе к официальной позиции горчаковской дипломатии, чем славянофильская. Но подчеркнув на предыдущем этапе развития программы значение дипломатии, теперь, по мере раскрытия конечных задач, катковские публицисты разъясняли: «Надо рассчитывать не столько на благоприятные дипломатические комбинации, сколько на сочувствие естественных союзников наших в этом деле и более всего с ним согласовать наши действия»³⁹.

Этот вполне тождественный со славянофильским мотив ведет к естественному выводу, что сочувствие должно создать тяготение, а это последнее привести к конечной желанной цели.

«Сущность этой цели лежит в том, чтобы народы Обреновичей, Негошей и пр. пришли, как народы германских герцогств Мекленбурга, Ольденбурга и др., к убеждению, что их народная самостоятельность вернее всего может быть ограждена силой скипетра могущественной державы, в коей они признают свою мать и под сенью которой, скорее всего, могут найти мир, независимость и преуспевание»⁴⁰.

«Разве положение, принятое Саксонией, слишком унижительно для болгар? дополнял Щебальский. – Разве Россия меньше Пруссии способна представлять перед лицом Европы политические и духовные интересы своих единоплеменников?» И завершая и без того ясную картину, он проводил последнюю черту: «Не отрекаться нам должно от панславизма, не преследовать его распространение ... но, напротив, написать его крупными буквами на нашем знамени. «Сим победиши!»»⁴¹.

Так в середине 60-х годов катковский круг, первоначально возлагавший большие надежды на дипломатическое посредничество, на разрешение восточного вопроса дипломатическим путем⁴², веривший в добрые желания турецкого правительства⁴³, отрекся от своих старых представлений – пошел по панславистскому пути и значительно сблизился со славянофильским лагерем, не приняв, однако, от него общефилософской основы взглядов и разойдясь с ним в вопросах тактики.

В чем же сущность всего восточного вопроса с точки зрения русских интересов? Осуществление провиденциальной миссии, отвлеченная братская любовь, – что движет катковский лагерь к Балканам и панславизму?

Это – отчасти умиротворение в Турции и предоставление возможностей развития подвластным ей народам.

«Только Россия, связанная всею своею историей с христианскими населенными Балканского полуострова, только Россия могла бы водворить на Востоке прочный и правильный порядок вещей, благоприятный для всестороннего развития христианских населений»⁴⁴.

Это, с другой стороны (и главным образом), – осуществление основного русского устремления. Не раз Катков заявлял о ненужности завоеваний и территориального расширения для России. Повидимому, эти настойчивые утверждения соответствовали его основному убеждению. Но они были бы неправильно истолкованы, если бы мы задачу создания славянской федерации не связали с проблемой проливов. Она не совсем отчетливо намечена Катковым в плане ее практического разрешения, но его принципиальное отношение к ней абсолютно ясно.

«Обеспечить себе свободный выход в Средиземное море, вот ее (России – С.Н.) собственная насущная потребность, но затем ей нет ни малейшей надобности расширить свои пределы; напротив, она одна только может обеспечить полную внутреннюю свободу христианским населенным Балканского полуострова, для которых она служила бы во всем и всегда лишь опорой и связующим звеном, не жертвуя ни одним из них в пользу другого»⁴⁵.

Но если мы припомним приведенные выше слова Каткова о добровольном желании славян стать в положение Мекленбурга и т.п., то смысл отрицания стремлений к расширению разъяснится вполне. Катков не настаивает на захватах, но не возражает против присоединения.

Его тезис о добровольном обращении народов Обреновичей и Негошей в положение Ольденбурга в отношении к России кое в чем напоминает рассуждения Аксакова о добровольности принятия единого языка и единой религии, и хотя они отнюдь не тождественны (поскольку обсуждаемые вопросы различны), но в способе их решения оба автора совпадают. Однако само различие вопросов выясняет более сильную присоединительную и централизаторскую тенден-

цию Каткова, явно стремящуюся к скорейшему вовлечению славян в систему русской государственности. Этот вывод подкрепляется, когда мы обращаемся к изучению близкого и неразрывно связанного с вопросом о государственном панславизме вопроса об общем славянском языке.

Еще в 1838–1839 гг. Погодин настаивал на кровном единстве славян и доказывал, что русский язык так могущественен, содержит столько элементов, общих всем славянским наречиям, что сам по себе, без всяких насильственных мер, станет рано или поздно общим литературным языком славян⁴⁶. Эта мысль прочно вошла в мировоззрение Погодина и не раз повторялась им позже. В одной из интереснейших записок времени Крымской войны (от 27 мая 1854 г.) он повторил ее почти в прежней формулировке: «Русский язык должен со временем сделаться общим, литературным языком для всех славянских племен, не по принуждению русского правительства, а по законам филологии, как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий славянских, северных и южных, восточных и западных»⁴⁷. Нового в формулировке 1854 г. одна запятая, стоящая после слова «общим». Проверка по рукописям обнаружила верность печатного текста; но если эта запятая поставлена Погодиным, она, по-видимому, отмечает новый оттенок его мысли: русский язык мог сделаться и просто общеславянским языком и общим литературным языком⁴⁸.

Затем на несколько лет вопрос был снят, пока его вновь не затронул В. И. Ламанский, первоначально в неразвитой и неотчетливой форме.

В работе «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании», вышедшей в 1859 г., автор настаивал на единстве славян и выражал убеждение, что славяне во все времена сознавали единство своего общего происхождения и чувствовали взаимное влечение, поддерживавшееся сходством языка.

Он устанавливал взаимосвязь России и славянского мира, органической частью которого она является, хотя и не составляет сама по себе самостоятельного целого «в отношении своих нравственных исторических подвигов». Будучи частью славянского мира, она не может жить вне общения с другими его частями, тем более что она многим в своем прошлом обязана славянству. Без взаимодействия и общения не могут совершаться правильные отправления во всех

частях единого славянского организма, иначе ему грозит смерть или по меньшей мере «искажение и безобразие». Орудием же общения является язык. Поэтому в России следует изучать славянские языки, но в то же время каждый русский естественно стремится к распространению родного языка вне своих пределов. А «распространение языка известного народа вне пределов его отечества не находится ли в тесной связи с распространением умственного влияния этого народа на те страны, в которых принимается этот язык».

В неразвитой еще форме здесь встречаются три положения, в дальнейшем обставляемые рядом добавочных аргументов, но всегда остающиеся в системе панславистских воззрений на проблему общеславянского языка. Это – идея единства славянского племени, представление о неразрывной связи языка и культуры и мысль о необходимости распространения русского языка среди славян.

Однако в ту пору, когда Ламанский писал свою магистерскую диссертацию о славянах в Малой Азии, он был достаточно далек от ряда положений, к каким пришел несколькими годами позже. Это очень хорошо показывает его переписка с И. С. Аксаковым, где он доказывал необходимость для русских откинуть свой квасной патриотизм, «который в славянских вопросах выражен еще Пушкиным следующим нелепым, безумным вопросом:

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос!...»

Желая блага славянам, русские должны желать им того, чего они сами желают. «Иначе нам, русским, поступать нельзя – не желать же присоединения, не мечтать же о городничих и станových? Представьте себе Прагу губернским городом, будьте уверены, что Палацкий никогда бы не напечатал своей истории. Палацкий у нас невозможен, я всегда краснею, когда вспомню после него о Соловьеве»⁴⁹.

В. И. Ламанский подчеркивал заслугу западных панславистов в постановке данного вопроса и в особенности словака Кузмани. Однако выступление Кузмани относится к 1837 г., и, если говорить о преемстве в развитии этой идеи, вероятнее предполагать его через посредство Погодина, записки которого имели широкое хождение. Это тем вероятнее, что Кузмани отделял вопрос о языке от вопроса о государстве и утверждал: «Не правительства и государства, не исповедания определяют народ, а его язык, речь».

В то время как на Западе вопросы о русском языке и славянской азбуке не раз поднимались немногими энтузиастами⁵⁰, в России от Погодина до Каткова и Ламанского его не поднимал никто. И как бы славянофильские историки⁵¹ ни пытались связать позднейшие выступления 1867 г. по вопросу об общеславянском языке с этими западными прецедентами, все же оторвать их от русской почвы нельзя. А если говорить о западных воздействиях, то нужно сослаться не столько на Кузмани, сколько на Штура, знакомство Ламанского с которым относится к 1862 г. На те же мысли наводит сходство взглядов Ламанского с идеями Каткова, который с самого начала 60-х годов занялся этим вопросом, но шел не от общих соображений, а от текущих вопросов внутренней политики.

Однако есть явный параллелизм в развитии их взглядов: одни и те же явления послужили толчком для формулировки их. Это были вопросы о взаимоотношении русского и украинского языков, а также польский вопрос. Когда в 1861 г. Чернышевский опубликовал в «Современнике» свою статью «Национальная бестактность» по поводу львовской газеты «Слово», печатавшейся на русском языке, ответ на нее в «Дне» дал Ламанский. Он доказывал необходимость русского языка как языка школы, науки и образованности и утверждал, что русский литературный язык не есть великорусский, а «плод исторической жизни всего русского народа; он существует в настоящем своем виде, как результат усилий “велико-мало-руссов”»⁵².

Когда в 1861 г. возник журнал «Основа», катковская «Современная летопись» указала, что украинофилы затеяли ненужное дело. В Галиции, в Червонной Руси идет процесс сближения с русской литературной речью, а петербургские украинофилы «передразнивают все оттенки и тоны народного говора». Статья предсказывала для местных говоров неизбежное вымирание и застой в силу развития жизни общенародной, в результате чего «единство народности будет выражаться не в одной внешней силе, а в неисчислимых и разнообразных интересах жизни»⁵³.

«Русский вестник» в то же время писал:

«При благоприятных условиях, русскому языку могла бы быть суждена великая будущность в славянском мире; он мог бы стать бесспорно центром единения его разрозненных племен. И, по-видимому, история готовила наш язык к этому назначению. Он сложился из противоположных стихий славянского мира, принадлежа первоначаль-

но к одной из двух главных ветвей славянского племени, так называемой северо-западной, он усвоил себе долгим процессом все стихии противоположной отрасли так называемой юго-восточной. Нынешний русский язык, которым мы говорим и пишем, есть неразрывное соединение первоначального наречия славян, обитавших в России, прежде чем застала их история, с наречием, которое пришло к нам с юга и принесло с собою евангелие...»⁵⁴.

Этот вопрос приобрел новую и более широкую постановку в связи с польским восстанием. Катков развил его дальше, а параллельно с ним этой схемой занялись славянофилы. Первый признал украинофильство польской интригой. Он провозгласил существование в России одной господствующей народности, одного господствующего языка⁵⁵, и самое существование особого языка истолковал, как признак особого политического бытия. «Если русская земля, – писал он, – должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков... А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу...?»⁵⁶. В цитированных и других полемических статьях против Костомарова была формулирована неразрывная связь особого языка и особого политического, т.е. государственного, бытия.

«Великое дело язык и литература! Что разошлось в языке и литературе, то разошлось в духе, и того не свяжешь потом никакою материальною силою». Литературный язык создается историей, а у Украины ее не было. Была история у Польши, была у нее литература, но иссякла, как иссякла и историческая жизнь Польши, продолжал развивать все ту же мысль Катков⁵⁷. Имея в виду главным образом Украину, Катков подходил постепенно к формулировке общих положений.

«Недаром славянская речь означает одним и тем же словом язык и народ. Никакое политическое разъединение, как бы оно ни было продолжительно, не может изгладить то чувство единства, которое связывает людей, говорящих на одном языке.

... Эта связующая сила общего языка, собственно, должна иметь великое значение в смысле государственном. И действительно, мы видим, что повсюду, где история собрала в одно государство разные народы или языки, оно довершает свое дело, сливая в один народ, в один язык разнородные, входящие в него элементы силою общего языка»⁵⁸.

От этих общих положений Катков переходил и к практическим выводам. Он оперировал опытом Австрии, Франции, Пруссии в области онемечивания и офранцузивания, отмечал успехи в этом отношении в Эльзасе, Померании, Бранденбурге и признавал такой процесс естественным и необходимым. «Принадлежа к государству другого народа, не сливаясь с ним внутренне и удерживая свою инородческую особенность, такое состояние столько же мучительно для инородцев, сколько опасно для государства, к которому они механически примкнуты»⁵⁹. Но для нас сейчас интересна не эта сторона рассуждений Каткова. Признав единство русской нации и русского языка, он провозгласил его языком единым и общим не только для русских, украинцев, белорусов, но языком более широкого значения.

«Русский литературный язык не есть какое-либо племенное наречие: он выработался из двух главных стихий – племенной русской и церковно-славянской. В разнообразии простонародного говора по частям сохранились особенности первоначальной, племенной русской речи, применившейся в литературном языке, под могущественным влиянием церковного, принадлежащего к другой ветви славянских языков, именно к болгарской. Речения и формы, вошедшие в наш литературный язык из церковно-славянской речи, составляют существенную часть его»⁶⁰.

Наконец, в связи с собственно русским вопросом – вопросом о так называемом сепаратизме – Катков коснулся темы об условиях существования федераций и признал, что предпосылкой федеративного устройства является единство языка.

«Всякая федерация – потому только и федерация, что имеет общее, обязательное для всех ее членов, общенациональное учреждение, в котором все они должны принимать прямое и деятельное участие в интересе целого. Стало быть, федерация требует, как необходимого условия, чтобы ее члены были при всем разнообразии их местных особенностей и интересов, детьми одной национальности, принимая это слово в его обширнейшем и самом общем значении. Необходимо, чтобы части одного союза не разнились между собою основным элементом национальности, самым необходимым органом общения и связи людей между собой, – языком»⁶¹.

Это положение Каткова полностью смыкается с тем, что говорили его же издания о чисто политических задачах, стоящих перед Россией. Если внешним условием создания панславянского союза

является полное расслабление Турции и образование самостоятельной государственности южных славян, то внутренней предпосылкой является языковое единство, составляющее культурно-политическое условие жизнеспособности федерации». Катков как будто говорит лишь о внутренних русских делах, в действительности мы имеем дело с широкой одновременной разработкой ряда проблем панславистской теории целой группой публицистов катковского круга. К тем именам, какие мы уже называли, можно было бы прибавить и Н. Попова, как раз в эти годы дополнявшего развивавшийся Катковым тезис о едином языке предложением о принятии единой азбуки. Он рассматривал попытки чеха Езберы, хорвата* Маяра, одобрял первую из них и утверждал: «Отсюда уже не труден переход к сближению между двумя родственными языками: ибо общее правописание может со временем значительно сгладить фонетические различия между ними»⁶². Это вскрывает последнюю и самую далекую цель – постепенное стирание всех особенностей отдельных славянских языков и растворение их в особенностях русского, т.е. русификации. Вот как в конечном счете выглядел катковский панславизм.

Одновременно с Катковым вопроса о языке касался в 1862–1863 гг. Погодин, который признавал право украинского языка на существование, но отрицал возможность и целесообразность выработки из него литературного языка. Таким языком, и не только на Украине, а у всех славян, Погодин мыслил язык русский. Эту мысль он стремился обставить филологической аргументацией и писал: «Язык наш, по свидетельству и мнению первых филологов, с г. Добровским во главе, включает в себе совокупность свойств, принадлежащих всем славянским наречиям, каким в древности был язык кириллов церковный»⁶³.

И. С. Аксаков в отношении Украины и Белоруссии солидаризировался с Погодиным и Катковым⁶⁴, чем вызывал против себя недовольство у иных представителей славянофильского лагеря, например, Гильфердинга, но вопроса о русском языке как общеславянском он не касался⁶⁵. Он спорил «с теми нашими писателями, которые старались создать особый малороссийский литературный язык, и доказывал тщету и ненужность их попыток», но высказывался против запрещения украинского языка и солидаризировался с коррес-

* Это ошибка. Матия Маяр был не хорватом, а словенцем (прим. ред.).

пондентами, писавшими: «Мы скорее готовы видеть сепаратизм в преследовании малороссийской письменности, ибо это преследование может поселить вражду между братьями, не существующую доселе»⁶⁶.

Он выражал сочувствие славянам, отстаивавшим свою «славянскую личность»⁶⁷, говорил о призвании России обеспечить славянам самостоятельное духовное развитие⁶⁸, но во взглядах Аксакова существовала черта, развитие которой могло бы повести к сближению между ним и Катковым. Он признавал, что в России «один народ – русский, одна национальность – русская»⁶⁹, что «русская народность по тому самому, что она русская..., есть народность по преимуществу славянская»⁷⁰. Однако подобные явно шовинистические ноты так и остались намеками и не были развиты. По нашему мнению, это связано с общей концепцией Аксакова в славянском вопросе, где на первый план в числе средств освобождения славян и разрешения самой проблемы выдвигались восстание, война; где на первый план в сближении славян выдвигался не язык, а религия – «объединение в вере». Указанное различие разделяет системы Каткова и Аксакова в отношении вопроса о языке.

Из славянофилов вопросом об общеславянском языке специально занимался и позже Ламанский.

Начиная с 1864 г., вопрос подвергся рассмотрению в статьях Ламанского и Н. А. Попова. Во второй и пятой книгах «Отечественных записок» Ламанский поместил статью «Сербия и южнославянские провинции Австрии», выпущенную затем отдельным изданием; в ноябрьской и декабрьской книжках – статью «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях».

В № 38 «Дня» за 1864 г. в статье «Столетняя память М. В. Ломоносову» Ламанский говорил: «Иного важнейшего общего вопроса, как ... об одном литературном славянском языке, в славянском мире не существует». Без него проекты о будущем славянского мира – болтовня. Это единственная помощь, какую может оказать Россия славянам в их культурной борьбе. В № 52 «Дня» за 1865 г. он поместил вступительную университетскую лекцию, где касался того же вопроса. В вводной лекции к курсу славянской истории в Петербургском университете в 1866 г. он едва ли не половину этой лекции посвятил той же теме. В 1865 г. его поддержал в «Современной ле-

тописи» (№ 39) Н. Попов, подойдя к вопросу от изложения попытки Езберы и Маяра. Именно Ламанский был главным теоретиком вопроса.

Его можно назвать теоретиком с гораздо большим правом, чем Каткова. У того вопрос решается по преимуществу в области практической и идет от практических нужд. Ламанский строит теорию. В основе ее лежит положение о неодинаковых возможностях народов. «Если в течение тысячи с лишком лет своего исторического существования славянские племена, за исключением России, не сумели или не смогли создать себе плотное государственное единство или выработать богатую и самостоятельную литературу, то нет никакого основания предполагать, чтобы они могли достичь этих условий в настоящее или будущее время»⁷¹.

Ссылаясь на Дарвина и применение его теорий к языкознанию, Ламанский говорит о борьбе за существование и отборе в развитии языков. «...Исчезновения некоторых разновидностей, поглощение их в одном новейшем виде, и этот подбор родичей всего лучше замечается на наречиях тех всемирно-исторических племен, которые достигают общей человеческой образованности и необходимого ей органа, общелитературного языка, то есть тогда, когда одно из наречий внутри известного племени, после борьбы со своими родичами и после известного подбора, приобретает, наконец, первенство и гегемонию, становясь общим языком целого племени»⁷². Эта гегемония – великое благо истории, условие прогресса, так как без нее происходил бы распад человеческого рода на не понимающие друг друга группы, и это явление имеет место у дикарей Азии, Африки, Америки. (Поразительно, с какой легкостью ученый, оценивший размер отставания русского исторического процесса от западноевропейского, сопоставляет европейские народы XIX в. и отсталые племена других материков!) Славяне находятся в состоянии опасном – литературной автономии всех наречий и племен. «Только прекращение этой автономии у славян признанием игемонии одного из наречий славянских может положить конец их нынешнему служебному положению и духовному рабству»⁷³. Таким образом, признание русского языка – акт спасительный для самих славян, и он спасителен в двояком смысле. Ни одно славянское племя, кроме русского, не может создать самостоятельной литературы, отвечающей уровню современной науки и образованности. Принятие русского языка раз-

решает эту иначе неразрешимую задачу. «Мы, русские, – говорит Ламанский, – особенно по ближайшем знакомстве с славянскими племенами, не можем не сомневаться в будущем распространении русского языка в землях славянских. Но было бы нелепо детски ласкать себя надеждою, что оно может свершиться без всякой борьбы, без энергических усилий с нашей стороны»⁷⁴.

Принятие русского языка существенно и в другом отношении.

«Распространение русского языка, знакомство с русскою литературою, вообще духовное общение с Россией, по нашему искреннему убеждению, всего скорее могут способствовать устранению тех слабых и темных сторон, которые мы заметили в современном движении южнославянской идеи. Препятствия к ее осуществлению, к собранию южнославянских земель, к образованию плотной южнославянской федерации, не только внешние, но и внутренние. Россия может и должна помогать этому делу» и материально, и духовно⁷⁵. Распространение русского языка может, в частности, ослабить внутреннюю борьбу южных славян.

Но было бы ошибочно думать, что тем все и кончается. «Если есть между славянскими племенами отдельные антипатии, похожие на антипатии племен итальянских и немецких, например, у сербов, болгар, хорватов, словинцев и т.д., то зато у всех у них есть одно глубокое чувство уважения к одному из своих братьев, к племени русскому, как к самому сильному и могущественному. Это чувство и убеждение племен славянских есть их внутреннее признание игемонии русского народа в будущем союзе славянском»⁷⁶. Для Святой Руси только лишь занимается «заря свободы, истинного величия и славы». Как полая вода смывает наносы, так разлив славянских ручьев затопит немецкие, мадьярские, румынские острова. Славянские племена уже сейчас приготовлены к единству сильнее немецких и итальянских; «если придет пора общего разлива славянских волн», «освобождения славянского мира от его оков», «оно совпадет с образованием общего им всем литературного органа или, что то же, – с принятием русского языка за общий письменный язык всех племен славянских»⁷⁷.

Небезынтересно отметить значительную близость некоторых мотивов у Ламанского, Каткова и Погодина. Мы приводили выше мнение Каткова, что русский язык – не племенной. Почти то же говорит Ламанский, ссылаясь на споры великорусских и украинских

писателей: «По своему происхождению и образованию он есть общее достояние Великой, Малой и Белой Руси и, по сильному в нем участию древнеславянского элемента, даже болгар и сербов. Мирное же свободное развитие малорусского наречия в известных пределах ... может и должно служить примером для словаков, словинцев, болгар и прочих племен славянских, которые могли бы, подобно малороссам, пользоваться в одно и то же время и своими местными наречиями, и литературным русским языком. Из общерусского он сделается тогда языком общеславянским»⁷⁸. И в таком качестве он станет важным политическим орудием, предпосылкой объединения. Распространение русского языка в славянских землях очень упростит и облегчит решение различных политических вопросов, ибо с этим условием образование общего славянского языка не представляет таких громадных трудностей, как политическое единство Германии. Все же толки о славянских федерациях, без предварительного решения вопроса о общем славянском языке, принадлежат к величайшим бессмыслицам⁷⁹. Так в конечном счете языковая проблема смыкается с проблемой государственной, «литературный» панславизм оказывается панславизмом политическим⁸⁰.

Но встреченный в штыки при самом появлении, особенно чешской печатью (Н*las*), да и сербо-хорватской (Книжевник)⁸¹, панславизм потребовал смягчения и маскировки. Были убраны все указания на государственное объединение, осталась только идея языкового объединения на почве русского языка, но и та не получила поддержки, как показала борьба на московском славянском съезде.

В итоге Ламанский и Катков сошлись в понимании проблемы общеславянского языка и о политическом его значении говорили почти в тождественных выражениях.

Так, Ламанский, в свое время принятый в кругу «Современника», собеседник Чернышевского, товарищ по научным занятиям А. Н. Пыпина, с которым он неудачно пытался перейти «на ты» для большего сближения, подталкивавший И. С. Аксакова на более радикальную дорогу, чем та, по какой он вел свой «День», оказался не только в том же панславистском лагере, что и Аксаков, но и на более правом его фланге, так как, несмотря на легкие столкновения с правительством, Катков всегда был более близок с ним, чем Аксаков. А в славянофильском лагере, к которому Ламанский в то же время принадлежал, он занял на правом его фланге промежуточное положение между

Катковым и Аксаковым, являясь идеологически соединительным звеном между славянофильским панславизмом и обрусительным «панславизмом» Каткова, представлявшим не только идеологию русской экспансии, но и поглощения славянских народов в недрах Российской империи. Катковский панславизм отличался от аксаковско-славянофильского тем, что он в конечном счете вел славянство не только к политическому, но и языково-культурному, а значит, и к этническому поглощению. Денационализация и обрусение – вот, что он предлагал славянам в качестве непосредственной перспективы.

Панславизм Аксакова был радикальнее по средствам, но умереннее по целям. Он предусматривал возможность включения славян в сферу русской государственности, но на началах скорее федерации, чем поглощения. Правда, полной ясности в этом пункте у него не было. Во всяком случае, принудительного этнического поглощения Аксаков не предполагал. Он говорил о самостоятельном духовном существовании объединенных с Россией славян и выдвигал тезис: «Полное признание самобытности каждого племени, способного к самобытности»⁸².

А если «Москвич» упоминал однажды о возможности обрусения, то как о естественном процессе, который может быть результатом сближения с русским народом и влияния его культуры⁸³. Это далеко не то, за что ратовал Катков, и было ближе всего к позиции либеральных кругов, почти в этих же выражениях высказанной «Вестником Европы»⁸⁴. В смысле же способов реализации конечных задач Аксаков был гораздо решительнее. Военно-повстанческий панславизм Аксакова гораздо мягче и либеральнее решал вопрос о судьбах славянских народов, хотя признавал необходимость войны для освобождения славян.

И думается, что условия возникновения обеих программ не остались без влияния на их развитие. Программа И. С. Аксакова была продолжением и видоизменением программы его брата, формулированной в условиях начинавшейся Крымской войны, когда и речи не могло быть об иных средствах освобождения славян, кроме войны и восстания. Экспансивной и нетерпеливой натуре Аксакова такое решение было по душе. Славянофильская программа осталась ориентированной на активное выступление России. На почве такого решения он оставался до конца. Катковская программа слагалась в обстановке острой внутренней борьбы, в которой ставился вопрос о

единстве государства, когда каждое послабление в области национальных отношений рассматривалось в плоскости сепаратизма или целостности государства. Она формулирована была в пору польского восстания, еще более усилившего в ней указанные элементы, и в период шлезвиг-гольштинского конфликта, также не оставшегося без влияния на ход формирования взглядов. Последний обострил интерес к проблеме национального объединения и языку как средству его. Он привлек внимание к певческим и иным немецким ферейнам, подготовившим подъем национального чувства, и заставил задуматься над значением этого факта для России. Он побуждал с особым вниманием отнестись к положению в Прибалтике⁸⁵. Вся эта группа интересов отчетливо отразилась в современной печати и особенно катковской. В мае 1864 г. Катков отмечал неразрывную связь событий в западной части Балтийского моря с вероятными перспективами на Черном:

«Мы утратили часть нашего значения на Севере, мы рискуем утратить последнее наше значение на Востоке. Что мы утратили, то приобрели другие. Перемены, происшедшие в положении Европы, произошли на наш счет».

«Предупреждая неблагоприятные для нас результаты на Севере, мы сделаем хорошо, если будем всеми способами усиливать и повышать значение нашего Юга».

«Равновесие великих держав, теперь очевидно нарушенное, было бы восстановлено, если бы польский вопрос потерял способность возникать периодически, а для этого всего важнее, чтобы Киев, сделавшись городом, несомненно, русским, получил большую, чем прежде, притягательную силу относительно заднепровских губерний»⁸⁶.

Катков начинает кампанию за постройку железных дорог на юге, в первую очередь Москва – Киев – Одесса, он настаивает на необходимости связать Польшу железной дорогой с Москвой. Он провозглашает неотложную потребность усиления русификации в Польше.

«Польская политическая национальность не может существовать рядом с русскою политическою национальностью ... польская национальность должна слиться с русскою национальностью; без этого невозможен внутренний мир в русской державе и даже невозможно прочное существование ее». Неотложной задачей должно быть теснейшее соединение Запада с Востоком страны. «Теперь уже недостаточно внешнее государственное единство: нужны связи внутрен-

ние, нужно единство национальное, скрепляемое национальным направлением государственного развития»⁸⁷.

Вопрос о Польше поднимался Катковым потому, что присоединение Шлезвиг-Гольштейна к Пруссии он считал последствием польского восстания и слабости России на западной окраине, явившейся результатом этого. Он опасался, что немцы рассчитывают на новые восстания поляков, как средство к дальнейшим захватам на Востоке⁸⁸. Так в его сознании связывались шлезвиг-гольштинский, польский и прибалтийский вопросы.

Но польский вопрос имел и другую сторону. Это была политика Австрии в Галиции. В период, о котором идет речь, внутренняя борьба в Галиции значительно обострилась. Состоявшееся в 1865 г. назначение наместником в Галиции гр. Голуховского вызвало чрезвычайное беспокойство среди галицких украинцев вообще, а русофилов особенно. В середине 1865 г. один из этих деятелей – Ливчак приехал в Россию с политической миссией – поставить перед русским правительством и обществом галицийский вопрос. В Варшаве он виделся с Н. А. Милютиним, которому в секретном порядке были доверены сношения с галичанами.

Ливчак вел переговоры с Ламанским, всегда интересовавшимся Галицией, и связанным с местными деятелями Гильфердингом; по-видимому, в какой-то мере о вопросе был осведомлен Краевский, он вел живую переписку с Н. А. Ионовым – сотрудником «Современной летописи» и «Московских ведомостей».

Галицийский вопрос не мог не вызывать у Каткова стремления теснее сблизиться со славянами, взять руководство в славянском вопросе.

А шлезвиг-гольштинский вопрос вызывал мысль об изменении европейской ситуации.

В Дании потерпела поражение не только Россия («Нам решительно неудобно, чтобы какая-нибудь сильная держава имела в своих руках выход из Балтийского моря»)⁸⁹, но и Австрия.

«Общее внимание начинает все сильнее обращаться к пределам Турции, и австрийские газеты уже прямо говорят, что если Австрия и потерпела поражение на Эльбе, то ей может представиться в непродолжительном времени торжество на берегах Дуная»⁹⁰.

Внешнеполитическое положение России складывалось, как считал Катков, все менее благоприятно для нее.

«Перемены, которые произошли в Европе, не в пользу России. Соединение Дунайских княжеств под властью князя Кузы оказалось вредным для интересов России; из содействия, оказанного Россией Франции в борьбе ее против Австрии и в деле присоединения Ниццы и Савойи, сама Россия не извлекла для себя ни малейшей пользы, а между тем эти события доказали возможность безнаказанного нарушения территориального распорядка Европы, доставили торжество началу национальностей, так нелепо и так фальшиво употребленному в дело против нас же в польском мятеже, и наконец, поставили Австрию в необходимость, рано или поздно, искать себе вознаграждений на юго-востоке Европы. Напоследок, датско-германская война и дальнейшее развитие шлезвиг-гольштинского вопроса принадлежат к событиям, наиболее и прямо неблагоприятным для России»: Россия нуждается в мире, как всякая страна, и не больше. Реформы не увеличивают этой потребности, тем более что клонятся к ее возвеличению. Однако:

«Если в настоящее время она сосредоточится внутри себя самой для совершения необходимых внутренних преобразований, то, конечно, отнюдь не с тем, чтобы другие державы пользовались этим временем и устраивали между собой дела всемирной важности без участия России и в ущерб ей. Миролюбие России никоим образом не может простираться до готовности допускать какие бы то ни было перемены в Европе и особенно на юго-востоке Европы, где замешаны и ее честь, и существеннейшие интересы всего ее будущего»⁹¹.

Все это вызвало у Каткова усиленный интерес к славянским темам, а старый тезис о национальной политике и русификации, формулированный Катковым в связи с польским восстанием, побуждало осложнить славянскими мотивами и связанными с ними мотивами внешнеполитических интересов России. Немного позже Катков писал: «Собственные судьбы России, вся ее будущность соединяется с вопросами, висящими над Востоком... Твердо зная, что с вопросом о выходах из Черного моря состоит в теснейшей связи их собственная судьба, христианские населения Турции естественно сознают свою солидарность с Россией и на нее возлагают все свои надежды. Единоверие и родство происхождения поддерживают эти связи: не только единство интересов и вера в могущество России придает им действительную прочность. Разуверьте христианские населения Турции в способности России действовать на Востоке, разубедите

их в том, что кровный интерес России не позволяет ей бездействовать там, и все их симпатии исчезнут, а с тем вместе исчезнут и все их надежды. А что будет с Россией, когда восточный вопрос будет решен без нее и против нее?»⁹².

Здесь, хотя и мельком, Катков раскрыл истинное существо и смысл своего панславизма. Он представлял собой политическую доктрину, поставленную на службу решения коренного вопроса русской внешней политики в связи с новой ситуацией, сложившейся в Европе к середине 60-х годов.

Мы полагаем, что все сказанное достаточно определяет истоки катковского панславизма воздействием политической обстановки, побудившей его выкинуть это знамя.

Естественно возникает вопрос, был ли катковский круг да Ламанский единственными представителями этих взглядов или развитие последних выявляло какой-то более широкий размах. Легко показать, что ответ может быть только второй. Стоит внимательно пересмотреть «Голос» за 1863–1865 гг., чтобы подметить мотивы, близкие «Московским ведомостям». Газета Краевского уже в 1863 г. очень отчетливо показывала опасность объединения Германии с точки зрения русских интересов.

«Собственно для нас, для России, соединение Германии в одно сильное целое необходимо должно отозваться, со временем, важными изменениями в нашей политике. Вместо соседей, которые до сих пор не были опасны для нас, мы получили соседа, который на первых же порах постарается обнаружить свое существование деятельностью весьма энергической. Вновь создаваемые политические дела не любят оставаться в покое, это должны принять к сведению – и должны наперед разъяснить вопрос: где именно, в каких пунктах может возникнуть столкновение между нами и соединенными немцами? Мы понимаем очень хорошо, что нельзя помешать немцам соединиться в одно крепкое целое. Но в виду такого соединения надобно принять меры, чтобы оно не сделалось опасно для нас»⁹³.

Не менее четка была позиция «Голоса» в шлезвигском вопросе: «Следует ли нам желать, чтобы на Балтийском море, где до сих пор наши морские силы были главными, явился сильный немецкий флот? Без сомнения, наши государственные и торговые интересы заставляют нас желать, чтобы немцы не усиливались в нашем море»⁹⁴.

Рассуждая так, «Голос» советовал оказать возможную поддержку Дании. В то же время газета прекрасно понимала тесную связь балтийской и черноморской проблем. Она предлагала постройку железной дороги, связывающей оба моря, и особенно настаивала на устройстве южной дороги, тем самым повторяя доводы Каткова: «Без этой дороги наше влияние на дела Востока не может иметь и половины того значения, которое предоставила России сама природа и ход исторических событий»⁹⁵.

Говоря о Черном море, газета не забывала вопроса о проливах:

«Моря, конечно, представляют многие удобства для торговых сношений, но не надо забывать, что вход в Черное море находится в руках иностранной и далеко не дружественной нам державы». «Босфор и Дарданеллы пропустят к нам и выпустят от нас в Средиземное море только то, что будет угодно Оттоманскому правительству и его западным руководителям»⁹⁶.

Но говоря так, газета отвергала завоевания, присоединение турецких территорий, по крайней мере в настоящую минуту, хотя не скрывала стремления избавиться от «азиатской язвы»⁹⁷, и требовала «политического преобладания в этих краях», т.е. на Балканском полуострове⁹⁸. Но в то время как катковская печать из всего этого делала ясный практический вывод: средство реализации желательных целей – панславизм, пресса Краевского колебалась. С одной стороны, в «Отечественных записках» сначала появлялись насмешки над славянофилами, например, Бессоновым и его интересами к южным славянам, относившиеся за счет «покойной идеи панславизма, которая когда-то сильно тревожила умы, но в настоящее время едва ли может занимать кого-нибудь»⁹⁹, или печаталась статья Н. И. Костомарова, отрицавшая какую-либо историческую задачу России среди западных славян¹⁰⁰. То помещались известные читателю статьи Ламанского, а политические обзоры говорили, что Россия не может позволить Англии, Франции или Австрии осуществлять свои цели в Турции¹⁰¹. С другой стороны, редакция «Голоса» колебалась стать окончательно на этот путь, считая панславизм кабинетным измышлением: «Панславизм в наше время, если не химера, то такая же сомнительная вещь, как существование на луне атмосферы. Мы не хотим этим сказать, что панславизм невозможен: напротив, по самой теории Дарвина, он более чем возможен, он – неизбежен, неотразим. Более крепкие и более численные виды должны неминуемо погло-

тить все мелкие разновидности; но только поглощение это должно совершаться путем естественного, свободного ассимилирования, без подавления свободы разновидностей, без стеснения их племенных особенностей. Только при возможно полной свободе отношений возможно единение мысли, и тогда, быть может, «славянские ручьи сольются» в одном море, и уже, конечно, в «русском», и это море «не иссякнет»¹⁰².

Причина этих колебаний заключалась в том, что средство, предлагавшееся панславистами Катковым, Ламанским, – единый славянский язык – представлялось фантастичным. Славяне лишь недавно получили возможность развивать свои частные языки. Вместо одного общего славянского вопроса существует их целый ряд: чешский, сербский и т.д. С вопросом о едином языке придется повременить.

Нельзя, однако, в свете прочих суждений «Голоса» переоценивать его скептицизм в отношении панславизма. Это был скептицизм не принципиального характера. Это было сомнение в практической применимости рекомендуемых специалистами этого дела средств. Но «Голос» явно двигался по пути, ведущему к панславизму, и, как будет показано дальше, вскоре к нему пришел¹⁰³.

Теперь, когда мы показали, что националистически-панславистская идеология захватывала две влиятельнейшие газеты, нас не удивит, что признаки распространения панславистских идей могут быть обнаружены и в других органах печати. Так, либеральные «С.-Петербургские ведомости», рассуждая по поводу шлезвиг-гольштинского дела, писали: «Русский человек, без сомнения, может только относиться более или менее равнодушно к этому делу и к его исходу: не от присоединения к Пруссии и не от обособления двух маленьких владений зависит в будущем могущество и значение России. Если первостепенное немецкое государство стремится поглотить владения, принадлежащие к одной с ним национальности, то первостепенное в Европе и в то же время единственное славянское государство может и с своей стороны стремиться к той же цели в отношении к областям, населенным славянами. Стремление вполне естественное!»¹⁰⁴.

Здесь без всяких упоминаний панславизма делался вывод, вполне ему соответствующий.

Однако, подобно «Голосу», «Ведомости» колебались. Разбирая историю славянских литератур Пыпина и Спасовича, газета упрека-

ла авторов за то, что те говорили о панславизме и славянофильстве. «Теория эта почти что похоронена, и по ней позволительно прохаживаться разве еще фельетонистам, а не серьезным ученым»¹⁰⁵. Их общее отношение к панславизму было отрицательное, хотя отдельные формулировки указанного типа в газете встречались.

«Время» Достоевского, дружелюбно относившееся к «идеальному славянофильству» аксаковского «Дня», хотя не без иронии отмечавшее смешение славянофилами идеалов и действительности, констатировало внутренний кризис в Турции. Но оно, подчеркивая признаки внутреннего распада последней, молчало о призвании России.

«Турция отжила свой век, живет только гальванически, так что относительно ее никакое насилие не будет насилием. Но великие державы этого не желают и пуще всего боятся, чтобы угнетенное славянское население не взяло верх над угнетателями. Вследствие разложения последних первые из слабейших сделались сильнейшими, и право силы проявилось бы в полном своем блеске и торжестве, если бы посторонним, чужим державам не было выгодно и удобно нынешнее ненормальное положение дел во всей Турции»¹⁰⁶.

Журнал справедливо отмечал всю относительность тех принципов невмешательства и признания турецкого суверенитета, какие выдвигались западноевропейской дипломатией для защиты Порты от русских поползновений. И тем самым еще сильнее оттенял свою мысль о невыгодности наличного положения в Турции для западных держав. А в другом случае он так раскрывал свое понимание основы, на которой зиждилась близость России и населения Балкан. Это связи религиозные и племенные: «Европейские христиане в Турции принадлежат к одной церкви с нами и к одному с нами славянскому племени, стало быть, тяготеют к России, а это обстоятельство не нравится западным державам»¹⁰⁷.

Однако указываемые журналом связи России и населения Балканского полуострова не считаются им единственной основой необходимых изменений в Турции. В то время как славянофилы полагали, что всякое вмешательство западных держав в смысле осуществления реформ является только способом отвлечения надежд угнетенных народов от России и одним из видов борьбы Востока и Запада, «Время» гораздо терпимее относится к такой возможности. Отмечая наблюдавшиеся в Сирии факты бегства населения из угрожаемых местностей целыми деревнями, политический обозреватель

замечал: «Если бы даже не существовало донесений русских агентов о страдании христиан в Турции, уже этого одного обстоятельства довольно было бы для того, чтобы для христианских подданных Турции в Европе предпринять такое же точно полезное преобразование, какое сделано на Ливане»¹⁰⁸. Журнал таким заявлением признавал возможность реформ в Турции и полагал, что они могут иметь некоторые благоприятные последствия для подвластного ей населения. Таким образом, «Время» достаточно далеко от признания исключительности русского призвания на Ближнем Востоке и, хотя оно симпатизирует церковно-племенным связям России со славянскими народами полуострова, все же не считает восточного вопроса специально русским делом.

Наконец, относительно перспективы общеславянского объединения, журнал не считал ее невозможной, но и не утверждал в качестве желательной. Он говорил так: «Национальности везде шевелятся, желание самостоятельности начало ярко проявляться везде, где только национальность была подавлена. Славяне хотят положительно избавиться от немецкого ига, и немудрено полагать, что когда они достигнут этой первой, ближайшей своей цели, они будут хлопотать о слитии отдельных славянских частей между собою»¹⁰⁹. И тем самым «Время» принимало возможность славянского союза. Но шла ли здесь речь о федерации балканских и австрийских славян, каково могло быть отношение России к этому союзу, – этих вопросов журнал не ставил, как бы останавливаясь на полпути, и оказался дальше от панславистского лагеря, чем рассмотренные выше издания.

Появлялись брошюры, отражающие рассматриваемое явление. Так, в 1866 г. Н. П. Данилов выпустил брошюру о будущем России, где говорил, что главная угроза для славян – Германия, которая «осторожно, шаг за шагом, но настойчиво, не останавливаясь, идет на славян»¹¹⁰, что славяне не нынче-завтра будут онемечены; что России следует желать «полного и непоколебимого торжества национально-русской политики»¹¹¹, а славянам не забывать, что «Россия является единственным государственным телом, в котором славяне могут считать себя действительно безопасными от политически-убийственного для них поглощения их иноплеменными народами. Россия все-таки составляет единственный, самостоятельный и благонадежный корень, на котором могут возрасти и национальная слава, и национальное могущество славянского племени»¹¹².

Все это показывает с полной очевидностью, что к середине 60-х годов сложились новые варианты панславистской программы, выдвигавшие ряд положений, отличных от славянофильского варианта. Новая тенденция в панславизме захватывала частично и славянофильские элементы. Она распространялась и проникала при посредстве печати за пределы круга, в каком созревала панславистская программа. Современная печать является свидетельством распространения указанных взглядов. Правда, распространение панславистской доктрины в это время не может считаться сколько-нибудь значительным. Но усвоение существенных элементов панславизма совершалось достаточно широко, проникая не только в неустойчивые, лишенные своей политической линии издания, как, например, постоянно колебавшийся между умеренным либерализмом и консерватизмом и более склонявшийся к последнему «Голос», но, хотя и в меньшей мере, захватывало органы заведомо либеральные, как «Петербургские ведомости». Для печати либерального лагеря – это новая и нестойкая тенденция, которая потому гораздо легче улавливается на страницах однодневки-газеты, куда она попадает в наскоро набросанной под свежим впечатлением нового известия статье, чем в обстоятельно обдуманной и отредактированной журнальной статье.

Это явление находит объяснение в тех же явлениях современной политической жизни, какие мы указывали, когда речь шла о формировании панславистских взглядов катковского круга.

Конечно, не вся печать была захвачена панславистскими веяниями. Оставались чуждые им издания и в либеральном лагере. Так, «Библиотека для чтения» признавала критическое положение Турции, отмечала постоянные в ней волнения и беспорядки, считала, что та «представляет теперь картину общего разрушения»¹¹³, но считала себя не в силах дать тот или иной прогноз будущего.

«Чем кончится существование турецкой империи, изгнанием ли турков из Европы, собственным ли государственным переворотом, постепенным ли торжеством христиан и образованием нового государства, ... предвидеть невозможно, но одно ясно: существование турецкой империи непрочное и даже нелепо среди образованных христианских государств Европы, а вновь открытый заговор есть один из признаков разрушения»¹¹⁴.

Это была простая констатация кризиса Османской империи, но далее такого признания журнал не шел. Когда же ему приходилось упоминать славянофилов или панславистов, он это делал без

всякого пиетета по отношению к ним. «Славянофильская партия выдает себя за национальную. Чем она доказывает эту претензию? – Фразами. Чем она опровергает ее? – Фактами», – говорилось в рецензии на первые номера «Дня».

«...не только какой-нибудь Константин Аксаков, но и вся-то славянофильская партия перед лицом здравого смысла оказывается какой-то небывальщиной, менее, чем мифом...»¹¹⁵.

Признание тяжелого состояния Турции было общим мнением, разделявшимся всеми, без различия политических лагерей и взглядов. Об этом писал бывший дипломат Чихачев¹¹⁶, эмигрант Иван Головин¹¹⁷, бывший петрашевец А. Милуков на страницах «Русского слова» в очерках его путешествия на Балканы¹¹⁸, Чернышевский – в «Современнике»¹¹⁹; об этом, мы видели, писали славянофилы и катковцы. Но признание кризиса, хотя и было общей исходной точкой, в дальнейшем не мешало от нее идти различными путями. И если славянофилы и катковцы приходили к признанию разных вариантов великодержавного панславизма, если либералы или склонялись в ту же сторону или уклонялись от ответа, были наряду с этим и другие решения вопроса. Существовали концепции, внешне сходные, но внутренне далекие от построений реакционного панславизма, были попытки придать панславизму революционный и антимонархический характер. Иные построения в корне отрицали панславизм.

Представителем первого направления в это время, как и раньше, оставался Герцен, к нему же принадлежал возвратившийся к политической жизни Бакунин.

Герцен, как и прежде, мечтал об объединении славян. В 1859 г. в статье «Война» он призвал Александра II разорвать с прошлым, заявив, что Россия не хочет впредь быть завоевывающей империей с немецким устройством, а будет славянским государством и главой славянского союза¹²⁰. Но это было преходящей надеждой, и серьезных расчетов на царизм в деле реализации славянского союза Герцен не возлагал. Совершенно так же, хотя были моменты, когда Герцен подчеркивал свою близость к славянофилам¹²¹ и сочувствие к ним, не это отношение определяло его принципиальную позицию. Он приветствовал появление аксаковской «Москвы», он ожидал от новой газеты борьбы за общину, выборное начало, земское самоуправление, против неокрепостников, бюрократии, смертной казни

и т.д.¹²². Но когда газета затронула польский вопрос в одной антипольской корреспонденции, Герцен обрушился на нее и отрицал возможность основного «призвания», как его понимал Аксаков. «Не вам, не вам водружать где бы то ни было хоругвь освобождения, омойтесь прежде, покайтесь, приобретите один язык и одну меру или оставайтесь откровенно рабами, – вы в этом звании можете быть «бичами провидения», но не освободителями»¹²³. Откликаясь на планы балканского союза, которые пропагандировала «Москва» и о которых говорила иностранная печать, Герцен говорил «с внутренней болью»: «Мы об этой федерации сами мечтали перед Крымской войной, проповедовали о ней, несмотря на смех с обеих сторон, и теперь верим в нее, но это – не дело рук, домучивающих лежащего врага, отнимающих у побежденного и слезы, и слова, и одежду сетования»¹²⁴.

Герцен и в 60-е годы признавал, что «славянский мир идет к федеральному союзу», что в будущей федерации должна принять участие Польша и «распуститься» Российская империя¹²⁵. Но для него это был вопрос далекой перспективы, а не текущего дня. В 1861 г. в статье «Vivat Polonia» он очень ясно выразил эту мысль, сказав, что и сейчас верит в будущий союз славян, «но теперь на череду не этот вопрос». Ближайшая задача славянства – государственная самобытность Польши¹²⁶. Все же это не было и уклонением от мысли о последующем осуществлении федерации: федерация должна возникнуть на основе независимых славянских государств¹²⁷. В реализации ее не может принять участие царская Россия, наоборот, освобождение возможно лишь вопреки ей¹²⁸. И Герцен разоблачает своекорыстные шаги царского правительства, публикуя слухи о русских поползновениях на присоединение Галиции¹²⁹, и присоединительные мечты ренегата Кельсиева¹³⁰, и «патриотическую экзальтацию» Аксакова, ведущую его в «сети фанатизма»¹³¹. Но при всем том Герцен признавал главенствующую роль России в создании нового мира и предупреждал поляков, что «отделяясь от России, они отделяются от новой жизни, в которую непременно Россия увлечет славянский мир»¹³² в силу своих социальных идей и возможности развития «русского социализма»¹³³.

Близок к Герцену в начале 60-х годов был Бакунин.

В небольшой заметке, напечатанной в «Колоколе», – «Несколько слов южным славянам» Бакунин говорил о свободной славянской

федерации и желал свободы и независимости всем славянским племенам. Он предупреждал их против замыслов правительства. «Ищите силы в твердом и верном союзе всех соседних славянских племен, страдающих ныне равно с вами под гнетом турецким и австрийским. Болгары, босняки, черногорцы, сербы, хорваты, словены, далматы, сплотитесь в одну фалангу, да не сломит вас никакая турецкая сила и никакая австрийская подлость. ...А нам дайте сначала освободиться дома. Потом не станет дело и за нашу помощь»¹³⁴. Уже в этой краткой заметке Бакунин показал существенные отличия своего панславизма и от аксаковского, и от катковского. В то время как те представляли собой идеологию монархического великодержавного панславизма и мечтали о соединении славян «под сенью русского орла», Бакунин стремился к идеалу «древней славянской свободы» и отрицал какую-либо форму русской гегемонии. Принцип, на котором должна строиться федерация, – свобода народов: «Всею воля, а границы между нами, Польшею и Украиной естественно определятся свободною волею освобожденных народов...»¹³⁵. Но в формулировках Бакунина не было ясности.

Панславизм в другом произведении этого же времени¹³⁶ Бакунин определяет в одном случае как союз славян, могущий дать им силу, а несколько ниже говорит: «Панславизм есть вера, что соединение всех славянских племен, состоящих из 85 миллионов, внесет новую цивилизацию, новую живую истинную свободу в мир»¹³⁷. Политический союз славянских племен и «вера и уверенность великой будущности славян» – не одно и то же. Надо признать это не за два различных определения, а за две части одного взаимно связанного понятия. Сама идея союза базируется на вере, что славяне составляют особый мир, в котором сохранились «братство, преобладание деревни над городом, сельского быта над городским, всеобщая безразличная любовь к свободе и патриархальное общество» и который ведет к признанию желательности реализации этой веры в политическом всеславянском союзе, построенном на принципе политического единства, совмещенном с автономией во всех внутренних делах. Бакунин в своих представлениях о панславизме был близок к Герцену, но в некоторых отношениях стоял правее того. В то время как Герцен связывал с выходом славянства на мировую арену рождение нового социального порядка, Бакунин готов был признать возможность сожительства в панславянском союзе разных обществ-

венных укладов. Одни составные части союза могут сохранить общину, другие – частную собственность. Как в его сознании примирилось сохранение частной собственности с дальнейшим требованием уничтожения пролетариата, остается неясным.

Довольно скоро Бакунин начал отходить и от своих панславистских взглядов и удаляться от «русского социализма» Герцена. Он возражал против герценовского противопоставления России и Запада, против «разъединения русского и славянского движения от европейского движения»; «в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, а другой – контрреволюцией»¹³⁸. А еще через два года упрекал Герцена и Огарева, что те от великорусской общины ждут «с мистическою верою и теоретическою страстью» «спасения не только для великорусского народа, но и для всех славянских земель, для Европы, для мира»¹³⁹. Еще несколько позже, в «Государственности и анархии» Бакунин заявлял себя «отъявленным врагом панславизма»¹⁴⁰ и призывал молодежь противодействовать всеми силами панславистской пропаганде, какие бы виды она не имела. Он доказывал вред великого славянского государства и призывал славян «искать своего освобождения вне государства»¹⁴¹. Обрушиваясь на панславизм, Бакунин одновременно опровергал великодержавные стремления отдельных славянских народов и доказывал, что «для всех этих стран спасение одно и путь к соединению один – социальная революция»¹⁴².

Бакунинский «революционный панславизм»¹⁴³ революционен только политически, поскольку предусматривает создание свободного строя, лишённого централизации бюрократии, и требует уничтожения «немецко-татарской централизации» царской России. В социальном отношении это нечто весьма неопределенное.

В этом отношении герценовская концепция цельнее и разработаннее.

Бакунин и Герцен не были одиноки в революционной эмиграции этого времени со своими планами славянской федерации. В журнале Л. Блюммера «Свободное слово», выходившем в Берлине, мы встречаем манифест, адресованный славянам. «Нам следует образовать один великий союз, в который бы вошли все наши народности с равными правами на самостоятельность и независимость. Этот союз должен состоять из областей, образованных на основе как народных особенностей, так и географических и жизненных потребностей, до-

пускаая на будущее время те изменения, какие будут вызваны новыми условиями жизни»¹⁴⁴.

Основами такого союза должны явиться равноправное представительство в союзном собрании, свобода и равенство членов союза перед законом, отсутствие официальной религии, уничтожение сословных различий, свобода мысли и слова, торговли и сношений, единство связующей власти.

Манифест бледен; в нем много недоговоренности, но он интересен как лишнее доказательство распространения идеи всеславянского объединения в революционной среде.

Вряд ли можно в отношении революционной эмиграции решать вопрос о панславизме только в плоскости идеологических воздействий, как это сделал Ю. Стеклов в отношении Бакунина¹⁴⁵, признав бакунинский панславизм за «славянофильскую отрывку». Нельзя игнорировать связей революционной эмиграции со славянскими общественными деятелями. Известно свидетельство Герцена, относящееся к 1862 г., о связях Бакунина с младочехами (Фрич), сербскими оmlадинцами (Йованович и др.), валахами, болгарам¹⁴⁶. На своего знакомого болгарина Бакунин возлагал большие надежды в отношении помощи революционной деятельности в Турции¹⁴⁷. Известны славянские связи Огарева, Кельсиева, Утина; известен проект съезда представителей славянских революционных партий в Константинополе в 1864 г.¹⁴⁸ Через свои славянские связи представители русской революционной эмиграции хорошо знали об освободительной борьбе, кипевшей во всех славянских странах в 60-х годах, как и раньше. Можно предполагать, что это было решающим фактом. Он заставлял задумываться над проблемой решения славянского вопроса, искать путей этого решения. И что удивительного, если при этом в идеологический арсенал русской эмиграции попадали уже освященные историей и традицией решения вопроса, в течение многих лет имевшие хождение и среди самих славян (чехов и др.), а не только в среде славянофилов? И что удивительного, что первым отрекся от панславистских увлечений именно Бакунин, всегда имевший гораздо более многочисленные и тесные связи в славянской среде, чем герценовский круг? Близкие отношения со славянами могли содействовать изменению взглядов Бакунина.

Поколение революционеров-разночинцев было чуждо всякой симпатии к панславизму. Лучшие органы русской революционно-

демократической печати сторонились от панславизма и вели борьбу с ним. Такую позицию заняли «Современник» и «Русское слово».

Касаясь вопроса о положении Турции, Чернышевский не считал, что для нее закрыт путь реформ, хотя и полагал, что осуществление их встречается с огромными трудностями, вызываемыми мусульманским фанатизмом¹⁴⁹. Спустя два года, по поводу заговора, обнаруженного в Турции в 1859 г. и ставившего себе целью осуществление реформ, он подчеркивал важность этого факта, опровергающего, что будто бы в Турции только правительство действует реформаторски, не имея опоры в обществе, а потому действия его оказываются вялы и плохи¹⁵⁰. Другими словами, Чернышевский опять-таки стоял на позиции признания возможным разрешить турецкий кризис путем реформ, в результате которых христиане были бы уравнены в правах с мусульманами. Он даже сожалел, что в Турции не существует журналистики, так как она могла бы помочь осуществлению преобразований. Но было бы ошибочно думать, что Чернышевский считал проблематичные реформы действительным способом решения вопроса. В наиболее полном виде его взгляды и взгляды «Современника» были раскрыты в полемике против славянофилов. В статье «Народная бестолковость», направленной против аксаковского «Дня» и программной статьи издателя в № 1, где содержалась цитированная ранее фраза о призвании России на Востоке, Чернышевский писал: «Нам кажется, во-первых, что у могущественного русского орла очень много своих домашних русских дел. Какие бы там права и обязанности не имела Россия, а первое право и обязанность ее, как и всякой другой державы, – заботиться о собственном благе. У нас на руках очень важные внутренние реформы, не оставляющие нам ни времени, ни средств впутываться в чужие дела... Если вы хотите, чтобы Россия употребляла для освобождения славянских племен только дипломатическое влияние и газетные статьи, вроде разбираемой нами, такое пособие мы действительно можем оказать славянским племенам без большого убытка для себя; только пособие такого рода ровно никакой существенной пользы славянским племенам не принесет... Но быть может вы не дети, быть может вы понимаете, что без войны никакой народ ни от какого чужого ига не освобождается, и желаете, чтобы Россия начала войну с Турцией и Австрией для освобождения славян... Но если вы хотите войны, то рассудите же, дозволяют ли нам думать о войне наши обстоятельства...»¹⁵¹.

Чернышевский оспаривал предположение, что западные державы любят турок, и утверждал, что они поддерживают их только из боязни, что после падения Турции славяне попадут под власть или влияние России. Если бы это опасение исчезло, освобождение турецких славян не встретило бы препятствий со стороны Запада.

Указывая на аксаковскую формулировку русского призвания на Востоке «освободить» славян, Чернышевский замечал, что, если славянофилы думают, будто славяне не могут сами справиться с турками, – те ни на что не годны. С точки зрения осуществления освобождения такие декларации только вредны.

«Спросите какого хотите болгарина или турецкого серба, нужна ли его соотечественникам чужая помощь для освобождения от турок, – он оскорбляется таким вопросом. Им нужна только уверенность, что другие державы не станут мешать их освобождению, – остальное все сделают они для себя сами».

Чернышевский впервые в русской литературе, да едва ли не впервые и в славянской литературе вообще, провозгласил положение, которое в дальнейшем станет одним из основных требований национально-освободительного движения балканских народов – требование невмешательства держав, на котором будет базироваться и первая попытка сербо-болгарского соглашения 1862 г. и Балканского союза 1866–1868 гг. Это замечательное понимание Чернышевским важнейшего условия успешности национальной борьбы балканских народов никогда, насколько нам известно, не отмечалось в литературе. Но выступая против агрессивных тенденций славянофильства, Чернышевский переоценивал, как показали позднейшие события, возможность победы балканских народов и недооценивал захватнические стремления западных держав и тем самым засвидетельствовал недостаточное знакомство с реальным положением дела.

Показав, что политика славянофильского панславизма ведет к задержке освобождения славян, Чернышевский упрекает их в стремлении к территориальным захватам. Боясь, что Россия окажется недостаточно сильна, они возбуждают славян искать покровительства у России и считают их союзниками. Сила России в ней самой, а если ей понадобится союз, она заключит его с любым государством независимо от племени и веры. Славянофилы прикрывают словами любви свои эгоистические расчеты, свое желание господствовать. «Они не умеют удержаться даже от того, чтобы не толковать уже и теперь о нашем старшинстве над другими славянскими племенами, о том,

что у нас одних сохранились истинные принципы славянской народности, и т.д. и т.д. Это говорят они даже теперь, когда еще заманивают славянские элементы идти под наше покровительство и когда надобно утаивать им все, чем могли бы оскорбиться или встревожиться против их заманок славянские племена, легко отгадать, какие стремления обнаружила бы эта партия, когда бы удалось ей поймать в свои лапы милых единоплеменников»¹⁵².

Ссылаясь на статью Ламанского в «Дне» по поводу статьи Чернышевского «Национальная бестактность»¹⁵³ и обращая внимание на краеугольное значение вероисповедных вопросов для славянофилов, Чернышевский иронизировал над их стремлением вернуть славян к православию. Указав на отношение славянофилов к украинскому языку, он спрашивал: если они не церемонятся о народом, насчитывающим 13 миллионов, поцеремонятся ли с менее многочисленным?

Так, Чернышевский обрушил на славянофилов упреки и в захватничестве, и в обрусительстве, приняв за одно Аксакова и Ламанского и приписав аксаковскому панславизму черты, характерные для взглядов Ламанского. Но он прямо заявил себя сторонником полного освобождения славян, сторонником отречения России от всяких на них притязаний, и в других выступлениях дополнил высказанное в данной статье. Так, говоря о положении австрийских славян, он подчеркивал свою любовь к славянам, заставляющую его предупреждать от их излишнего тяготения к России. Западные славяне могут издали не замечать «наших особенностей», т.е. русской отсталости и реакционных сторон русского строя и быта. В России мужа бьют жен, родители женят детей без их согласия; на Западе этого нет, говорит Чернышевский, указанием на бытовые пережитки патриархальности маскируя основную мысль. А она заключалась в том, что славянам нет нужды стремиться попасть в лоно Российской империи, чтобы не жалеть потом и не рваться прочь от нее, как делали поляки. Вот почему он не преминул и сослаться на последних, чтобы рельефнее оттенить опасность царского деспотизма. «Конечно, мы этим вовсе не хотим сказать, что их настоящее положение хорошо, или жалобы их на Австрию несправедливы. В сочувствии к бедствиям австрийских славян мы не уступим никому. Но мы желали бы только, чтобы сами славяне хладнокровнее рассуждали о средствах улучшить свое положение, а главное, чтобы они точнее изучали нашу жизнь с ее особенностями. По географическому по-

ложению самыми естественными посредниками в таком изучении должны служить поляки..., не из особенного расположения к австрийским немцам, а из заботливости о судьбе самих славян мы находим, что они должны рассчитывать исключительно на свои силы для произведения улучшений в своем быте»¹⁵⁴.

В рецензии на «Руководство по сравнительной статистике» Кольба Чернышевский еще раз напал на славянофилов и Ламанского, в частности, вновь вернувшись к теме захватов¹⁵⁵. Совершенно те же мотивы слышатся в других статьях «Современника» и заявлениях людей его круга. Так, в 1859 г. Пыпин писал Ламанскому из Праги: «Неужели же Вы думаете, западники бьют на то, чтобы ругать славян и что это входит в кодекс их мнений? Слава богу, когда всякий несколько либерально, т.е. порядочно, думающий человек порадовался освобождению валахов, то освобождение славян будет для него еще более радостным событием... Если западники меньше говорят о славянах и, пожалуй, меньше знают о них, то они вовсе не опровергают самого принципа, а это главное»¹⁵⁶. В своих статьях «Два месяца в Праге»¹⁵⁷, «Вячеслав Ганка»¹⁵⁸, в рецензии на диссертацию Ламанского «О славянах в Малой Азии»¹⁵⁹ Пыпин повторял те же положения, что и Чернышевский. Временами у обоих встречаются одни и те же выражения. Так, говоря об утверждениях Ламанского относительно славян в Африке и распространения русского языка, Пыпин замечает: «Г. Ламанскому, кажется, опять хочется новых земель отыскивать»¹⁶⁰. Он возражает против «навязывания» русского языка – ему научатся, когда русская литература будет вознаграждать за это. Возражает против введения у западных славян кириллицы: чешская фраза, написанная кириллицей, все равно останется непонятной незнающему языка. Перенесенный к нам панславизм – книжный, он следствие науки, а не непосредственное чувство жизни¹⁶¹. Подобно Чернышевскому, Пыпин подчеркивает наличие иллюзий относительно России в чешском панславизме, приписывающем то политическую силу славянскому братству, то ожидающую поддержки с ее стороны, хотя Россия о том и не думала. Они жили мечтами, а между тем славянский вопрос прививался в русском обществе туго, хотя он и близок ему¹⁶².

В 1863 г. в журнале появилась статья Ю. Жуковского «Народности в политике», где без упоминания славянофилов или панславистов утверждалось, что «национальное начало – антинародное со всех сторон»; приводилось в пример отношение Наполеона III к освобод-

ждению Италии, единства которой тот хотеть не мог, хотя это и принесло бы выгоды части итальянцев. Статья заканчивалась мыслью, что действительное улучшение народного быта может совершиться только через народное дело, которое есть дело чисто хозяйственное¹⁶³. Через несколько книжек с Жуковским солидаризировался автор «Политики» (Э. К. Витсон), считавший, что национальная политика приводит только к образованию «новых милитарных и буржуазных государств, ни на волос не изменяя и не улучшая социального положения трудящихся классов в этих государствах»¹⁶⁴. Хотя непосредственно эти статьи были направлены против политики Наполеона III, они задевали и славянофилов с их национальными чаяниями. Им противопоставлялось стремление к реальному улучшению положения трудящихся. А в качестве дальнейшего развития этой борьбы со славянофильско-панславистской идеологией надо указать большую статью, подписанную: -А- (автор – А. Н. Пыпин), – «Вопрос о национальности и панславизм». Показывая, что современная идея национальности идет, с одной стороны, из идеи XVIII в. о «пранароде», с другой – из романтической литературы и, наконец, из требования вместить каждую национальность в государство, автор показывает шаткость идеи национальности, изменчивость самого понятия, поскольку в него входят язык, обычаи, государство. Он устанавливает малое значение расы или племени примером того, что белорусы и черногорцы одного племени, но между ними лежит пропасть. Указывает, что идея национальности не тождественна с требованиями демократизма. Переходя к панславизму, автор считает, что он – результат славянского возрождения, но возникал у народов слабых, хотя с развитым чувством национальности. В России он успеха не имел: «Большинство нашего общества, способного интересоваться социальными и политическими вопросами, осталось ему совершенно чуждо»¹⁶⁵. Он основывался главным образом на «притязаниях национального самолюбия», на чаянии слияния славянских ручьев. В дальнейшем статья показывает нереальность славянофильских ссылок на славянское единство, которого не существует и не существовало, так как славянство искони разбилося культурно и церковно; разошлась народная поэзия; единство языка можно заметить лишь после изучения; общеславянского типа, объединяющего белорусского крестьянина и далматинского серба, также нет. Если же, начиная с XVIII в., о связях стали вспоминать, то причина тому войны, ведшиеся Россией. Для русских интересов было выгодно при-

сутствие православных славян в областях сосредоточения этих интересов, и в число поводов, оправдывающих войны, вошел лозунг защиты славянства¹⁶⁶.

«Современник» больше вел борьбу с панславизмом и славянофильством, чем намечал что-либо положительное. Оно и понятно: русская демократия не имела никаких эгоистических целей и планов в отношении славянского мира. Он представлял для нее такое же самостоятельное и особое бытие, как всякое другое национально-государственное явление.

Революционно-демократические круги признавали высказанное Чернышевским положение о праве наций на самоопределение: «Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, – это гнусно»¹⁶⁷. Враждебный царской власти «Современник» не ставил и не мог ставить эти вопросы в плане государственных интересов России. «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т.е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов ... и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам»¹⁶⁸. Что же удивительного, что и к данному вопросу он подходит не с точки зрения интересов этого государства, что и от его статей о панславизме «веет духом классовой борьбы»?¹⁶⁹ Вот почему Чернышевского не интересует проблема проливов, вот почему он особенно нападает на завоевательные тенденции панславизма, видя в них попытку дворянско-помещичьих элементов ослабить внутреннюю борьбу внешним расширением, боясь, что славянофильская пропаганда сможет толкнуть к войне, которая нарушит ход начавшихся реформ. И думается, что шутка сатирического журнала «Заноза» над политиканствовавшими помещиками: «Полно тебе делить Оттоманскую Порту; ты бы лучше своих крестьян скорее выделил»¹⁷⁰, – близка к недоговоренной мысли Чернышевского – «Современника».

Близкую к «Современнику» позицию занимало «Русское слово». В ряде рецензий, помещенных в журнале в 1861 г., содержались выпады против славянофилов. Так, говоря о стихотворениях Хомякова,

автор одной из них, Вс. Крестовский, отмечал, что славянофильский поэт считал северного орла старшим, вокруг которого должны сгруппироваться младшие. «Конечно, – замечал рецензент, – подобные убеждения, быть может, приносили не малую честь ему, как пламенному патриоту, но надо сознаться, что в отношении исконного славянского характера политического быта, они были совершенно ошибочны»¹⁷¹. В рецензии на воспоминания Дубровского и Срезневского о Ганке автор (Р.Р.) иронизировал: «Филология иначе рассуждает о возрождении народов, потерявших свою политическую свободу вследствие исторических несчастий; она думает завоевать их независимость с помощью старых рукописей и фолиантов, вместо пушек и гражданской доблестной отваги, примерами которой так богата современная Италия»¹⁷². Говоря об обзоре текущих событий о положении Турции, журнал замечал, что Греция находится в брожении, а Турция в гниении. Ее раздирает соперничество Австрии, Англии, Франции. От нее собираются отложиться Молдавия и Валахия. В Боснии и Сербии происходят столкновения с мусульманами. В то же время султан подарил своему любимцу 3 миллиона, составил себе гарем. И оттеняя мысль о незаинтересованности русских народных масс в балканских делах, обозреватель замечает: «Как все эти подробности должны быть интересны для ... хромых и безруких англичан, французов и русских, пострадавших под Севастополем!»¹⁷³

Признавая критическое положение Турции, журнал полагал, что она может еще несколько продлить свое «сомнительное существование», но возродиться не в силах, да и сохранение ее ни для чего не нужно; это «не есть потребность исторического прогресса или европейского равновесия, а чистая игра случая»¹⁷⁴. Какой же выход из положения?

«На Востоке живут миллионы европейцев, подчиненных уставам Турции; этим европейцам угрожает та же гибель, что человеку, спящему в пылающем со всех сторон доме; их должно спасать... Дело Европы – не греко-российской, не католической, не англиканской, не протестантской, – а Европы гражданской, мирской, единственной охранительницы цивилизации и образования – не жалеть никаких усилий для положения конца таким событиям»¹⁷⁵.

Но надежда на это слабая в силу соперничества и взаимной вражды держав. «Доктора сами не хотят спасти его («умирающего». – С.Н.) от смерти, и если существование его поддерживается еще, то

единственно по причине взаимной зависти наследников, скорее соглашающихся оставить имение в руках умирающего, нежели решиться отдать его в руки одного счастливица из своей собственной среды»¹⁷⁶. И исход будет один.

«Не надобно быть пророком, чтобы предсказать ему (правительству Турции. – С.Н.) тот день, когда мера терпения для измученных райев переполнится, и они восстанут на голос свободы, против своих притеснителей... Этот удар можно отвести еще на несколько лет, но рано или поздно он поразит блистательную Порту».

Эти слова – ясное свидетельство, что «Русское слово» из всех возможных исходов турецкого кризиса склонялось в сторону победы народного восстания.

Во всяком случае «греко-русское» участие славянофилов в разрешении восточного вопроса совсем не привлекало журнал. Он настаивал на принципиальной ошибочности их взглядов. Н. В. Щелгунов в статье «Три народности» указывал на ненаучность славянофильского противопоставления Востока Западу и утверждения о гниении последнего. «В мире существует только один закон, управляющий материей, и везде он неизменен – на юге, на севере, на востоке и на западе. В природе нет особых законов для каждой отдельной национальности»¹⁷⁷. Самую мысль о падении Западного Щелгунов считает неверной параллелью с падением Римской империи. Народы не умирают так, как отдельные люди, не могут они и стариться.

В другой статье он указывал на экономическую зависимость России от Западного. Анализируя данные о русской внешней торговле, он отмечал слабость развития русской промышленности и обращал внимание, что русский вывоз на Восток, который «историки московской школы» собирались просвещать, состоит из коровьего масла, рыбы, икры, спирта, пшеницы, муки и невыделанных кож¹⁷⁸. Так старался он подорвать самую основу славянофильских воззрений, выделяя, хотя и не формулированную, мысль о русской отсталости.

Занимался журнал и полемикой с теоретиком панславизма Ламанским по вопросу об общеславянском языке. Он считал самую задачу распространения одного определенного языка неосуществимой, иначе как в процессе завоевания, при котором завоеватель наводнил бы всю захваченную страну. «Что же касается до попытки уговорить или, как бы то ни было, убедить несколько народов принять какой-нибудь язык, как бы он ни был прекрасен и какими бы

выгодами ни сопровождалось это принятие, то надо удивляться, как могут залазить в голову столь богатые идеи»¹⁷⁹.

«Русское слово» не дало такой всесторонней критики панславизма, как «Современник», однако оно также отвергло его домыслы и планы.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы. В итоге идейного развития 60-х годов оформились три варианта панславистских взглядов. Один представлял собой результат дальнейшего уточнения, расширения и видоизменения славянофильского панславизма, совершившегося под влиянием текущих событий. Другой сложился как ответ на рост национального движения в самой России (Украина – Польша), подъем национального движения в Турции и изменение международно-политической обстановки в Европе. Между ними много общего. Одна конечная цель – славянский союз под русским покровительством, проливы, обеспеченные России, одно понимание безысходного турецкого кризиса. Но не меньше и различий. Надо сказать вообще, что отождествление славянофильства 60 – 70-х годов во всех отношениях с реакционными взглядами катковского круга ошибочно. Даже в таком вопросе, где они всего ближе сошлись, в вопросе польском, оставались существенные различия. Очень удачно эти расхождения формулировал сам И. С. Аксаков в письме Кошелеву: «Вы пишете о вашем безусловном сочувствии с Катковым. Статьи его хороши, но чисто внешние; они удовлетворяют патриотическому чувству, но не требованиям мысли. Барабан, на котором он барабанит, конечно, способен возбуждать к войне против врагов, но это тот самый барабан и те же барабанные звуки, которые заглушали всякую живую речь в течение 30-летнего царствования, которые теперь готовы заглушить всякий человеческий голос, – тот самый барабан, в который бьют и ведя на казнь. Военная диктатура бесспорно нужна, как временная мера, но она не разрешит вопроса. Да он и не разрешится, пока у нас будет благополучно валуевствующее правительство в Петербурге»¹⁸⁰. Еще больше расхождений в изучаемом вопросе. Славянофильскому мессианизму противостоит доктрина реальной политики, лишенная всяких следов отвлеченной мысли и философского обоснования. Первая система в меньшей степени является конкретной программой, чем набором общих положений, у которых не всегда сведены концы с концами и между которыми остаются пробелы. Вторая характеризуется отчетливым

пониманием задачи и средств, ведущих к ней, а между тем первая находится в более выгодном положении, так как основа ее создана давно и она могла бы развиваться в стройное и целостное политико-идеологическое сооружение, тогда как вторая создается под воздействием обстоятельств и выражается по частям. Но создатель первой – темпераментный агитатор, лишенный яркой оригинальной мысли, безраздельно верующий в непоколебимую истинность «начал». Второй – человек с дисциплинированным умом, хорошо понимающий обстановку. Все преимущества были на его стороне. Так, в итоге концепция славянофильского панславизма осталась недосказанной, тогда как у Каткова, хотя и разбросанные в разных местах, положения представляют законченное целое. Лучше всего это видно на примере вопроса об общеславянском языке. Ведь еще в ту пору, когда Катков был англоманом и западником, славянофилы были согласны в том, что из всех славянских народов русский предназначен судьбой к великому будущему. Народ православный, политически независимый, сильный, – кто как не он мог претендовать на славное грядущее в ряду прочих славянских народов, лишенных самостоятельного политического бытия, культуры, языка? Он сохранил славянские институты – общину, артель. Он становился образцом для прочих сородичей. В этой связи выяснилось, что православие – славянская религия, что изменяющие ему отпадают от славянства; таковы поляки, чехи, культурное состояние которых давало повод называть их немцами, говорящими по-чешски. Русский народ изображался как пример, как центр славянского мира, опора его. Но при всем том, что говорилось о русском народе, мы не встречаем никаких ясных указаний, позволяющих считать, что и язык русский Аксаковым считался в такой же мере образцом, чтобы превратить его в собственно славянский. Но и отрицания такого утверждения, когда оно делалось соратниками и друзьями, мы не встречаем. Было бы логично, если бы Аксаков проповедовал то, что писал Ламанский, но он этого не делал. И перед этим молчанием логика должна отступить. Мы не можем приписывать Аксакову того, чего он не говорил. Этого пункта в системе его взглядов не было.

И кажется, что это не случайно. В славянофильской доктрине было положение о «не насильственности» русского народа, о мирном его характере. С этим пунктом учения и связано отмеченное выше обстоятельство. Распространение русского языка как обще-

славянского литературного среди славян, недавно начавших развивать свои собственные литературы, могло иметь место или в результате самостоятельного желания со стороны славян, или в порядке принуждения, насилия. Вторая возможность отпадала по указанному соображению, о первой надо было писать и говорить славянам, а не Аксакову. Об этом он и писал, сохраняя верность доктрине, ее началам. Ламанский разрабатывал этот вопрос и уходил в сторону от славянофильства. Замечание Аксакова, обращенное к славянам, что без связи с Россией «их собственное самобытное развитие и преуспеяние немыслимо и невозможно», сильнее оттеняет нашу мысль¹⁸¹. Таким образом, ортодоксальное славянофильство, представленное И. С. Аксаковым, осталось чуждым русификаторства по отношению к славянам, хотя не удержало чистоты принципа в отношении народов России и *implicit** содержало все данные для развития в сторону катковщины.

Убежденные монархисты и консерваторы, славянофилы – особенно Аксаков – были постоянными оппонентами. Можно назвать весьма большое количество внутренних вопросов, по которым Аксаков был в оппозиции к правительству. Цензурная политика и таможенная, религиозная практика Синода и судебная реформа и ряд других вопросов вызывали возражения, протесты издателя «Дня». А стоит вспомнить многострадальное существование его изданий, закрываемых совсем, приостанавливаемых, стоит почитать постоянные жалобы на цензуру, стоит вспомнить об отношении власти имущих к его журнальной деятельности¹⁸², чтобы понять это обстоятельство.

В оппозиции временами был Аксаков и в вопросах внешнеполитических. Он возражал против союзных отношений с Австрией и Пруссией, он требовал разрыва солидарности с ними по польскому вопросу, рекомендовал решительную политику в отношении греко-болгарской распри, молдо-валахского вопроса и т.д. Это не мешало ему солидаризироваться с правительством там, где это он считал возможным, как не мешало и действовать рука об руку с ним там, где он находил целесообразным. Но существенно то, что и тогда, когда он действовал вместе с правительством, он сохранял независимость, которая лишь сильнее оттеняла его особую политическую линию, заставлявшую его становиться в оппозицию.

* *Implikit* – вероятно – *implicit* (лат.) – по договоренности (прим. ред.)

Катков и в принципе, и на практике был пособником и соратником правительства, хотя и ссорился временами с ним. Обвиняя западные державы в коварной политике относительно России, он указывал, что они старались вовлечь последнюю в комбинации, в каких она была бы вынуждена служить посторонним ей целям, а то и в ущерб себе. «...постоянную политикой относительно России было по возможности изолировать русское правительство от его страны, от его народа, поддерживать и даже усиливать его действие в интересах чуждых, и тем существенно ослаблять его»¹⁸³.

Катков провозглашает принцип единения народа и правительства, осуществление которого – в национальной политике, проводимой правительством. Если Катков становился в оппозицию, характер ее был совсем иной. Он не фрондировал, как Аксаков, а старался воздействовать на правительство, разъяснить ему вопрос. Достаточно вспомнить катковскую борьбу за классическую школу, чтобы стал ясен отличный от аксаковского характер оппозиции Каткова. Его возражения исходили из позиций, общих с правительством, он не имел цели добиваться переворота в направлении политики, что всегда составляло мечту славянофилов.

Аксаковская оппозиционность была проявлением умеренного славянофильского либерализма, которого катковский круг не знал и не разделял. Аксаков имеет ввиду прежде всего общество, он стремится создать и организовать общественное мнение для воздействия на правительство. Катков популяризирует официальные акты, защищает правительство, и в его статьях находит свое отражение принципиальное единение с правительством.

В итоге всех расхождений и различий, существующих между обоими публицистами, и их методов подхода к вопросу и других обстоятельств, отражавшихся на формировании их взглядов, сложились два варианта реакционной панславистской программы. Было ли различие в их классовой сущности? Мы полагаем, что нет. Статьи Каткова относительно дворянства, дворянского землевладения представляют изложение точки зрения отнюдь не буржуазной. Аксаков в период «Москвы» и «Москвича» защищал протекционизм; «Московские ведомости» держались фритрейдерства.

Но и протекционизм, и фритрейдерство в существе своем определялись дворянско-помещичьими интересами разных групп дворянства. Фритрейдерство «Московских ведомостей» неразрывно связано

с активным содействием газеты созданию сети железных дорог, особенно дорог, ведущих к незамерзающим портам¹⁸⁴. Их назначение – поддержка и развитие помещичьего хозяйства, которое должно стать передовым и вестись на капиталистической основе. Возражая против стремлений протекционистов к развитию внутреннего рынка, Катков писал: «Что же за польза земледелию, земледельцам и землевладельцам производить на 10% меньше хлеба и продавать его именно на 10% дороже? Нет, но это можно было бы назвать успехом; он состоит в том, чтобы и производство увеличивалось, и вместе с тем поднимались цены. Это теперь и происходит, и земледелие обязано этим сооружению железных дорог»¹⁸⁵. С этих же позиций Катков возражает против запретительного тарифа. Развитие сельского хозяйства требует машин, металла. «Что же может быть противоположное общим государственным интересам и особенно интересам главного нашего народного промысла земледельческого, как не пошлины с машин и железа?»¹⁸⁶. По каким бы вопросам мы ни взяли суждения Каткова, в них всегда звучит голос представителя дворянства. Катков является выразителем интересов помещиков, ведущих товарное капиталистическое хозяйство.

Другую группу дворянства представляет Аксаков. Защищая протекционизм, кооперируясь с московскими мануфактуристами, он озабочен развитием не заграничной хлебной торговли, а развитием внутреннего рынка и особенно близок экономически более слабому, более отсталому дворянству, для которого «невозможен был сразу переход к капиталистической постановке дела»¹⁸⁷.

В связи с указанными различиями находятся и расхождения теоретические.

Признающая самостоятельное развитие отдельных славянских народов (хотя самостоятельность не следует понимать как предоставление полной свободы развития; оно должно опираться на Россию и развивать «национальные славянские» формы) в определенных пределах, концепция Аксакова стремилась к освобождению славян и созданию федерации во главе с Россией, в недрах которой славяне и должны были получить возможность развития, соответствующую славянофильскому идеалу. Он сосредоточивал все внимание на разрешении задачи освобождения, полагая его осуществимым при помощи соединенного действия восстания угнетенных народов и русской вооруженной помощи им.

Катков переносил внимание на возможность осуществления цели мирными способами и главные средства видел в культурно-политическом объединении славян путем установления общеславянского языка и деятельности дипломатии. Введение русского языка в качестве общеславянского было в то же время и методом русификации как условия устойчивости федерации. Панрусист Катков был явно выраженным централизатором в вопросе об устройстве панславянского государства.

Оба варианта панславистской программы мы признаем продуктом дворянской среды. Этим мы не хотим сказать, что в них не было буржуазных элементов. О наличии таких тенденций в равной мере ясно говорит как все сказанное обоими авторами о проливах, так и написанное по общеэкономическим вопросам. Но это не превращает самих концепций в выражение взглядов буржуазных кругов. Тем более что интерес к проливам – не в меньшей мере интерес дворянских кругов, чем торговых. Поясним нашу мысль.

Вся русская жизнь пореформенной поры в той или другой мере поворачивалась в сторону буржуазного капиталистического развития. Однако буржуазные реформы, осуществляемые крепостниками, остались половинчатыми. Борьба за сохранение позиций дворянства и остатков крепостничества происходила и в публицистике, и в различных областях жизни. Она находила отражение и в трактовке внешнеполитических вопросов. Это видно и на примере рассматриваемых построений. В связи с вопросом о колониальной политике России Ленин писал: «Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь... Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедля-

ет его разрешение»¹⁸⁸. Если отдать себе отчет в методах, рекомендуемых Катковым и Аксаковым для разрешения балканского вопроса в желательном для России смысле, легко увидеть, что панславистская идея вовлечения славянских земель Балканского полуострова в сферу русского влияния представляла собой борьбу за новые территории, за экстенсивное расширение капитализма на колониальных землях, борьбу, исходящую прежде всего из интересов помещичьего класса. И прав был Чернышевский, всегда подчеркивавший в стремлениях славянофилов поиски новых земель. Этим компетентным суждением современника, не раз повторенным людьми его круга, пренебрегать нельзя. Во всех рассуждениях и Аксакова, и Каткова мы не встречаем даже намека на идею экономического завоевания Балканского полуострова. Ниже будет показано, что славянофилы пытались содействовать немногим безуспешным попыткам создания русско-балканских экономических связей. Но попытки эти определялись политическими стремлениями и были бесплодны. И даже понимая значение экономических отношений для решения балканской проблемы, славянофилы ни в какой мере не отражали этого в своих теоретических построениях.

Поскольку внешнеполитическая программа панславизма была создана во имя сохранения дворянских позиций и вытеснения капиталистических элементов на периферию, поскольку это была программа шовинизма и монархического великодержавия, реакционный характер ее не может вызывать сомнений. Но в ней есть и другая сторона, которая раскроется подробнее в дальнейшем изложении, сторона, относящаяся к реализации этой программы. Нам уже приходилось говорить о положительном отношении панславистов к национально-освободительной борьбе балканских народов. Мы не можем, отмечая безусловную реакционность великодержавного панславизма, не указать на данную сторону, объективно в наличных конкретных условиях игравшую положительную роль, преувеличивать которую не приходится.

Был и третий вариант панславизма, представленный Бакуниным. Он был антимонархическим. Он отвергал подчинение славян России или русской гегемонии – в этом его преимущество перед первыми двумя вариантами. Он исходил из мысли о необходимости самостоятельной борьбы славян за свободу. Но он отпирался от сбивчивых социально-экономических рассуждений Бакунина и по сути

дела представлял такое же навязывание готовой точки зрения славянам, как это делал панславизм реакционный. Не случайно поэтому в кругах «главных деятелей освободительного движения», в кругах разночинческих, революционно-демократических мы встречаем резкую оппозицию панславизму, представленную «Современником» и «Русским словом», дружно выступавшими против панславизма, как классово враждебного течения. Отрицая панславизм, круги революционной демократии в то же время сочувствовали освобождению славян, желали для них самостоятельности и были против включения их в той или иной форме в состав российского государства. Преувеличивая собственные силы славян, они предоставляли их освобождение самим себе, а основным залогом успеха их борьбы считали отстранение царской России от дела этого освобождения. Поэтому восточный вопрос для этой группы не представлял особого интереса и никакой специальной разработкой его она не занималась, затрагивая его лишь в порядке рецензии на выступления панславистов-славянофилов. Развитие катковского панславизма как самостоятельного варианта доктрины революционно-демократической группа не отметила, обрушившись лишь на Аксакова и Ламанского. Это в известной мере может объясняться тем, что языковая сторона данного варианта панславизма, хотя развивалась Катковым и Ламанским независимо и одновременно, вторым излагалась специально, обстоятельно, в разных формах и часто. Катковские суждения, разбросанные в газетных статьях, легче могли проходить, не вызывая особого внимания. Окончательная формулировка политических выводов и провозглашение панславистской программы катковским кругом происходит в 1865–1866 гг., когда оба революционно-демократических журнала прекращают существование.

Либеральная и либерально-охранительная печать заняла различные позиции, частично враждебную, отчасти сочувственную панславизму. Это отражало внутреннюю неустойчивость либерального лагеря и его большее тяготение вправо, чем в сторону демократов. «Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство»¹⁸⁹.

Примечания

- ¹ Русская беседа. 1856. Кн. 2. С. 21 (*Черкасский В. А.* Политическое обозрение. Протоколы Парижского конгресса)
- ² Молва. № 14 от 13.07.1857 г. С. 161.
- ³ Парус. 1859. № 2. С. 23 (*Погодин М. П.* Прошедший год в русской истории).
- ⁴ Молва. № 14 от 13.07.1857 г. С. 161.
- ⁵ Русская беседа. 1857. Кн. 2 (6). С. 7 (*Черкасский В. А.* Тройственный союз 15 апреля 1856 года).
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ *Аксаков И. С.* Соч. Т. 1. С. 6. Те же положения в более общей и абстрактной форме см. у П. Бессонова «В память первоучителей славянства» (*День*. № 24 от 15.06.1863 г.).
- ⁸ Там же. С. 29.
- ⁹ Москва. № 11 от 14.01.1867 г.
- ¹⁰ *День*. № 34 от 30.05.1862 г.
- ¹¹ *День*. № 19 от 11.05.1863 г.
- ¹² Москва. № 69 от 28.03.1867 г.
- ¹³ Там же. № 149 от 10.11.1867 г.
- ¹⁴ Там же. № 72 от 4.07.1867 г.
- ¹⁵ Там же. № 176 от 9.11.1867 г.
- ¹⁶ Там же. № 77 от 7.07.1867 г.
- ¹⁷ Там же. Для славянофильства совсем не характерным было представление о подчинении славян Россией. В дневнике А. Киреева читаем: «Панславизм далеко не состоит в поглощении славян Россиею, а в добровольном соединении славян с Россиею, т.е. федерации, при которой каждому славянскому народу предоставлена была бы полнейшая возможность полного и свободного развития, но при этом необходимое условие – политическая терпимость и нежелание властвовать над другими народами» (НИОР РГБ. Ф. Киреева I. Л. 235 об.)
- ¹⁸ *День*. № 44 от 13.11.1865 г.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *День*. № 44 от 13.11.1865 г.
- ²¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 30. «La politique russe est elle russe?» (черновик).
- ²² Русская беседа. 1857. Кн. 2 (6). С. 19.
- ²³ И. С. Аксаков в его письмах. Приложение. Т. III. С. 142.
- ²⁴ Русский вестник. 1858. Т. V. Кн. 1. (Д. [Речинский]. Турецкие дела).
- ²⁵ Там же. Т. II. Кн. 2. С. 245.
- ²⁶ Там же. 1860 г. Т. XII. Кн. 2. С. 279. Возрождение Турции.
- ²⁷ Там же. С. 294.
- ²⁸ Там же. 1860 г. Т. XI. Кн. 1. С. 66.
- ²⁹ *День*. № 19 от 11.05.1863. Близкие мысли – № 45 от 7.11.1864 г.
- ³⁰ Там же. № 9 от 5.03.; № 17 от 28.04.1864 г.
- ³¹ Русский вестник. 1864. Кн. 10. С. 548 (*Неклюдов В.* Об отношении России и Оттоманской империи).
- ³² Там же. С. 627.
- ³³ *День*. № 22 от 30.05.1864 г. «Что нам за дело до того, будет ли Наполеон владеть берегами Рейна или нет? Какой от того ущерб для России? Нам приличнее заботиться о Дунае, нежели о Рейне ...».

- ³⁴ Московские ведомости. № 123 от 3.06.1864 г.
³⁵ Там же. № 58 от 13.03.1864 г.
³⁶ Московские ведомости. № 240 от 2.11.1864 г.
³⁷ Русский вестник. 1865. Кн. 12. С. 492 (*Неклюдов В.* Несколько слов о восточном вопросе).
³⁸ Там же.
³⁹ Там же. Кн. 9. С. 183. (*Щербальский П. К.* Восточный вопрос и дипломатия)
⁴⁰ Там же. 1865. Кн. 12. С. 493 (цит. статья Неклюдова).
⁴¹ Там же. 1865. Кн. 9. С. 181.
⁴² Там же. 1865. Кн. 12. С. 150.
⁴³ Там же. 1865. Кн. 5. С. 80.
⁴⁴ Московские ведомости. № 178 от 24.08.1866 г.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ *Погодин М. П.* Историко-политические письма... С. 2, 29.
⁴⁷ Там же. С. 120.
⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. Погодина I. 18/4, Л. 9; I. 18/9, Л. 56; I. 18/3; 157.
⁴⁹ Из переписки двух славянофилов (Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 4, 5. Письмо от 17.10.1858 г.) К слову сказать, и И. С. Аксаков в это время гораздо умеренней формулировал свое положение о славянском союзе: «Сохрани меня Бог от мысли присоединять славян к России: мы только их испортим. Нет, пусть все славянские племена, сколько бы их ни было, составят союз конфедеративный, оставаясь вполне независимыми, сохраняя каждое свою личную самостоятельность» (Там же. С. 11).
⁵⁰ В 1856 г. Ф. И. Езбера сделал попытку популяризовать кириллицу, в 1860 г. он повторил ее. Кроме того, вопросом о языке занимались Кузмани и Маяр.
⁵¹ *Будилович А.* Общеславянский язык. Т. II. С. 338 – 339; *Кулаковский П.* Опыт истории решения вопроса о едином литературном языке славян // Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885. С. 24 – 30.
⁵² День. 1861. № 2.
⁵³ Современная летопись. 1861. Кн. 4.
⁵⁴ Русский вестник. 1861. Кн. 1. С. 483 («Несколько слов вместо современной летописи»).
⁵⁵ Московские ведомости. № 79 от 13.04.1863 г.
⁵⁶ Там же. № 136 от 21.06.1863 г.
⁵⁷ Там же. № 31 от 6.02.1864 г.
⁵⁸ Там же. № 33 от 8.02.1864 г.
⁵⁹ Там же. № 174 от 7.08.1864 г.
⁶⁰ Там же. № 49 от 2.03.1864 г. Правда, в середине 1863 г. в «Русском вестнике» промелькнула статья, возражавшая против единства литературного языка славян, но смысл ее заключался в том, чтобы опорочить попытку словаков создавать свою литературу. Она утверждала, что исторически уже выработались четыре литературы: русская, польская, чешская, сербо-хорватская. Поэтому словакам целесообразно принять готовый чешский литературный язык, чем создавать новый. Таким образом, отрицание единого языка в этой статье является лишь тактическим приемом.
⁶¹ Там же. № 252 от 16.11.1864 г.
⁶² Современная летопись. 1865. Кн. 39. С. 9 (Попов Н. Вопрос об общеславянской азбуке).
⁶³ *Погодин М. П.* Статьи политические и польский вопрос. М., 1876. С. 386, 417.
⁶⁴ День. 21.02.1862 г., 26.01.1862 г., 8.02.1863 г., 25.01.1864 г.

- ⁶⁵ Из переписки А. Ф. Гидьфердинга с И. С. Аксаковым // *Голос минувшего*. 1916. № 2. С. 24.
- ⁶⁶ *День*. № 4 от 25.01.1864 г.
- ⁶⁷ Там же. № 44 от 13.11.1865 г.
- ⁶⁸ Там же. № 1 от 15.10.1861 г.
- ⁶⁹ Там же. № 44 от 13.11.1865 г.
- ⁷⁰ Москва. № 72 от 1.07.1867 г.
- ⁷¹ Национальности итальянская и славянская // *Отечественные записки*. 1864. Кн. 11. С. 181.
- ⁷² Там же. Кн. 12. С. 614.
- ⁷³ Там же. Кн. 11. С. 182.
- ⁷⁴ Там же. Кн. 12. С. 615.
- ⁷⁵ *Ламанский В. И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 44.
- ⁷⁶ Национальности итальянская и славянская // *Отечественные записки*. 1864. Кн. 12. С. 600.
- ⁷⁷ *Отечественные записки*. 1864. Кн. 11. С. 188.
- ⁷⁸ Там же. Кн. 12. С. 602.
- ⁷⁹ Там же. С. 616. В московских и ленинградских библиотеках этих журналов не имеется.
- ⁸⁰ Не может быть замолчено то обстоятельство, что Ламанский отрицал захватнические цели России, сходясь в этом с Аксаковым. «Мы ... очень хорошо понимаем, – писал он, – невозможность обратиться в русские провинции Валахию, Молдавию, Сербию и Болгарию и ясно представляем себе вредные последствия самых попыток на это» (*Ламанский В. И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 26).
- ⁸¹ *Ламанский В. И.* Распространение русского языка у западных славян // *Журнал министерства народного просвещения* (далее – ЖМНП). 1987. Кн. VI. С. 441; *День*. № 8. от 22.02; № 26 от 27.06.1864 г.
- ⁸² *Русская мысль*. 1916. Кн. 9. С. 2. Письмо к Ламанскому от 3.09.1858 г.
- ⁸³ *Москвич*. № 2 от 24.12.1867 г.
- ⁸⁴ *Вестник Европы*. 1869.
- ⁸⁵ *Московские ведомости*. № 165 от 25.07.1864 г.
- ⁸⁶ Там же. № 111 от 19.05.1864 г.
- ⁸⁷ Там же. № 1 от 1.01.1865 г.
- ⁸⁸ Там же. № 165 от 25.07.1864 г.
- ⁸⁹ Там же. № 42 от 20.02.1864 г.
- ⁹⁰ Там же. № 193 от 4.09.1865 г.
- ⁹¹ Там же. № 193 от 4.09.1865 г.
- ⁹² Там же. № 165 от 6.08.1866 г.
- ⁹³ *Голос*. № 209 от 13.08.1863 г.
- ⁹⁴ Там же. № 319 от 1.12.1863 г.
- ⁹⁵ Там же. № 271 от 1.09.1865 г.
- ⁹⁶ Там же. № 42 от 11.02.1865 г.
- ⁹⁷ Там же. № 133 от 29.05.1863 г.
- ⁹⁸ Там же. № 54 от 23.02.1865 г.
- ⁹⁹ *Отечественные записки*. 1857. Кн. 11. С. 85. Рецензия на статью Бессонова «Некоторые черты путешествия Ю. Венелина в Болгарию» (1857).

¹⁰⁰ Голос. № 6 от 6.01.1865 г.

¹⁰¹ Отечественные записки. 1866. Т. CLXIX. С. 10–11.

¹⁰² Голос. № 275 от 5.10.1865 г.

¹⁰³ Колебания печати Краевского в данном вопросе связаны генетически с тем поворотом вправо в связи с польским вопросом, который «Отечественные записки» характеризовали следующим образом: «...идея государственного единства послужила знаменем, около которого сгруппировались все люди, горячо любившие народное дело и свое отечество. Члены бывших либеральных фракций пришли под это знамя потому, что убедились, что только под ним возможна победа народной полноправности и разумной свободы». «Политическое преобладание господствующей национальности, единство законодательства для всех достигших гражданской зрелости подданных империи, настойчивое и неотложное преследование повсюду национальных интересов, недопущение перевеса над ними интересов субнациональностей – вот это составляет повсюду сущность идеи государственного единства» (Отечественные записки. 1867. Кн. 6. С. 145, 148).

¹⁰⁴ С.-Петербургские ведомости. № 45 от 21.02.1865.

¹⁰⁵ Там же. № 145 от 14.06.1865 г.

¹⁰⁶ Время. 1861. Кн. 3. С. 2–3 («Политическое обозрение»).

¹⁰⁷ Там же. С. 9.

¹⁰⁸ Там же. С. 79–80.

¹⁰⁹ Там же. 1861. Кн. 2. С. 127 («Политическое обозрение»).

¹¹⁰ Данилов Н. П. Будущность России в зависимости от своевременного разрешения вопросов русско-польского и русско-немецкого, путем национальной политики русского правительства и патриотической деятельности русских граждан. СПб., 1866. С. 52. В известной мере интерес к данному вопросу отражает появление брошюры П. Лавровского «Восточный вопрос». Б. м. 1866 г.

¹¹¹ Там же. С. 102.

¹¹² Там же. С. 51.

¹¹³ Библиотека для чтения. 1861. Кн. 2. С. 12.

¹¹⁴ Там же. 1859. Кн. 9. С. 71.

¹¹⁵ Там же. 1861. Кн. 11. С. 3–6. «Пора меж волком и собакой»; см. также 1861. Кн. 6. С. 7 – рецензия на стихотворение Хомякова.

¹¹⁶ Tchihatchef P. Lettres sur la Turquie. P., 1859, P. 79.

¹¹⁷ Golovine J. Les alliances de la Russie. L., 1861. P. 51.

¹¹⁸ Миллюков А. Афины и Константинополь // Русское слово. 1859. Кн. 5. С. 197–198. Есть отдельные издания.

¹¹⁹ Современник. 1859. Кн. 10. С. 453.

¹²⁰ Герцен А. И. Соч. Т. X. С. 9–10.

¹²¹ Там же. Т. XIX. С. 173.

¹²² Там же. С. 202.

¹²³ Там же. С. 227.

¹²⁴ Там же. С. 230.

¹²⁵ Там же. Т. XVII. С. 408.

¹²⁶ Там же. Т. XI. С. 50.

¹²⁷ Там же. Т. XV. С. 197.

¹²⁸ Там же. Т. XX. С. 259.

¹²⁹ Там же. С. 58.

- ¹³⁰ Там же. С. 362.
- ¹³¹ Там же. Т. XVII. С. 254; Т. XIX. С. 278–287.
- ¹³² Там же. Т. XIX. С. 281.
- ¹³³ Там же. С. 96, 127.
- ¹³⁴ Колокол. № 128 от 8.04.1862 г. С. 1068.
- ¹³⁵ Письмо М. А. Бакунина к неизвестному // Былое. 1906. Кн. 8.
- ¹³⁶ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 210.
- ¹³⁷ Там же. С. 260.
- ¹³⁸ Там же. С. 265.
- ¹³⁹ Там же. С. 283. Письмо от 12 (24).04.1864 г.
- ¹⁴⁰ Бакунин М. А. Полн. собр. соч. Т. II. СПб., 1907. С. 43, 49–50.
- ¹⁴¹ Там же. С. 53.
- ¹⁴² Там же. С. 67.
- ¹⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. VII. С. 220.
- ¹⁴⁴ Стеклов Ю. М. М. А. Бакунин. Т. II. М., 1927. С. 35.
- ¹⁴⁵ Герцен А. И. Соч. Т. XIV. С. 428–429.
- ¹⁴⁶ Стеклов Ю. М. Указ. соч. Т. III. С. 334.
- ¹⁴⁷ Письма М. А. Бакунина... С. 266.
- ¹⁴⁸ Литературное наследство», Т. 39/40, М., 1941. С. 612.
- ¹⁴⁹ Современник. 1857. Кн. 3. (LX111) («Заметки о журналах»). С. 305).
- ¹⁵⁰ Там же. 1859. Кн. 10 (LXXV11). С. 453 («Политика»).
- ¹⁵¹ Там же; Чернышевский Н. Г. Соч. Т. VIII. С. 328.
- ¹⁵² Чернышевский Н. Г. Соч. Т. VIII. С. 332.
- ¹⁵³ День. 1861. № 2.
- ¹⁵⁴ Современник. 1859. № 4. С. 137 («Политика»).
- ¹⁵⁵ Там же. 1862. № 2. «Вспомним, как при начале восточной войны из ста так называемых образованных людей девяносто девять ликовали при мысли, что мы скоро овладеем Константинополем. Зачем им нужен был Константинополь? Квартальными надзирателями что ли рассчитывали они быть в нем, получить исправнические должности в Румелии, Фессалии, Албании? Сделаться пашами адрианопольскими, филиппопольскими, салоницкими, янинскими? Хотя бы этот расчет был у них, ликовавших господ, — оно было понятно, хотя и низко было бы желать нового обременения отечеству для получения выгодных должностей себе, но нет, они ликовали совершенно бескорыстно, идеально, так сказать научно: их просто восхищала мысль, что вот на ландкартах весь турецкий полуостров будет обведен той же краской, которая идет от Тарнео через Паланген, Калиш, Броды и т.д. Они интересовались политическими результатами этого, а не финансовой и прочей тяжестью войны для населения».
- ¹⁵⁶ Кораблев В. Н. А. Н. Пыпин и славянский вопрос // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9. С. 75.
- ¹⁵⁷ Современник. 1859. Кн. 4.
- ¹⁵⁸ Там же. 1861. Кн. 2 (LXXXV1).
- ¹⁵⁹ Там же. 1860. Кн. 4.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 314.
- ¹⁶¹ Там же. 1859. Кн. 4. С. 367.
- ¹⁶² Там же. 1861. Кн. 2. С. 36.
- ¹⁶³ Там же. 1863. Кн. I.

- ¹⁶⁴ Там же. 1863. Кн. 12. С. 273.
¹⁶⁵ Там же. 1864. Кн. 2. С. 484.
¹⁶⁶ Там же. Кн. 3. С. 98. К числу антипанславистских выступлений журнала относится заметка относительно записей Ламанского о славянских землях, где опровергается его тезис об общеславянском языке, но отдается должное характеристике действительного положения славян (Современник. 1864. Кн. 4).
¹⁶⁷ Чернышевский Н. Г. Соч. Т. V. С. 48.
¹⁶⁸ Ленин В. И. Соч., изд. 4. Т. 1. С. 264.
¹⁶⁹ Ленин В. И. Соч., изд. 3. Т. XVII. С. 342.
¹⁷⁰ Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904. С. 174. Цит. место – Заноза. 1863. № 6.
¹⁷¹ Русское слово. 1861. Кн. 8. С. 62.
¹⁷² Там же. С. 77.
¹⁷³ Там же. Кн. 11. С. 26.
¹⁷⁴ Там же. 1860. Кн. 9. С. 2.
¹⁷⁵ Там же. Кн. 8. С. 14.
¹⁷⁶ Там же. 1862. Кн. 1. С. 29 (Ж. Лефреть – «Политика»);
¹⁷⁷ Там же.
¹⁷⁸ Там же. 1865. Кн. 5 («Домашняя летопись»). С. 14–15).
¹⁷⁹ Там же. Кн. 3. С. 83 («Библиографический листок»);
¹⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 20. Л. 59 об.–60. Письмо от 5.06.1863 г.
¹⁸¹ День. 1861. № 1.
¹⁸² В мае 1862 г. Головнин отказывался вмешиваться в отношения Аксакова с цензурой и писал: «Ваш журнал приносит вред всей литературе, ибо более всякого другого издания служит поводом к общим строгим мерам...» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 26); Герцен по поводу начала выхода «Москвы» желал ему: «Да будет ему Валуев легок!» (Т. XIX. С. 173).
¹⁸³ Московские ведомости. № 221 от 9.10.1864 г.
¹⁸⁴ Там же. 1868. № 2. 1871. № 37 и др.
¹⁸⁵ Там же. 1867. № 279.
¹⁸⁶ Там же. 1868. № 46.
¹⁸⁷ Ленин В. И. Соч., изд. 4. Т. III. С. 160.
¹⁸⁸ Там же. С. 522.
¹⁸⁹ Там же. Т. V. С. 33.

Глава V ПАНСЛАВИСТСКИЕ ТЕОРИИ КОНЦА 60-х ГОДОВ

Брожение в панславистском лагере, бывшее результатом Славянского съезда 1867 г., явилось толчком, который стимулировал попытки объединить и сгладить принципиальные противоречия, найти единое общее понимание основных вопросов. Нам известна не одна такая попытка. Автор каждой из них стремился построить общезначимую концепцию, решающую главную группу вопросов. Но они отклонялись не от одних и тех же предпосылок и шли не тождественными путями.

Первой по времени появилась книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», печатавшаяся первоначально (в 1869 г.) в журнале «Заря». Появление ее прошло почти незамеченным периодической печатью.

Исключением был «Русский вестник», рецензия которого отмечала ненужность книги: «Как сомневаться, чтобы славянское племя ... не имело своей очереди на сцене мира? К сожалению, этот ответ слишком прост, чтоб удовлетворить г. Данилевского. Он отвечает то же самое, только на двадцати, по крайней мере, листах, уже напечатанных «Зарею», да еще готовит, может быть, столько же»¹. Еще более резкий отзыв поместили «Петербургские ведомости»².

В славянофильском кругу одни приняли сочинение Данилевского с интересом и распространяли. Так, Кошелев, пересылая Погодину номера журнала со статьями Данилевского, просил: «Как эти журналы будут вам не нужны, то возвратите; ибо много желающих прочесть статьи Данилевского»³; другие, как И. С. Аксаков, отмалчивались.

Панслависты Р. А. Фадеев, В. И. Ламанский встретили «Россию и Европу» весьма сочувственно⁴. Восторженно встречали ее представители реакционных националистических кругов, как, например, В. В. Григорьев⁵.

Весьма интересовался статьями Данилевского Ф. М. Достоевский⁶. Проявляли сочувствие к идеям Данилевского люди, которые

еще совсем недавно публично заявляли о своем несогласии с панславизмом. Так, Григорьев писал Погодину: «Вчера Костомаров приходил поклоняться Данилевскому»⁷.

Когда «Россия и Европа» в 1871 г. вышла отдельным изданием, распродажа 1200 экземпляров растянулась на 15 лет, что не свидетельствовало об успехе книги в читательском кругу.

Немногочисленные сочувственные отклики в это время она вызвала лишь в славянофильской среде. Известный славист М. П. Петровский в письме к Колару рекомендовал прочесть «превосходный трактат» Данилевского⁸. Но по свидетельству В. Безобразова, и в славянофильском кругу особого внимания эта книга не возбудила⁹. В печати появился рекламный отзыв издателя Н. Н. Страхова, который в той же «Заре», где впервые появилось произведение Данилевского, писал, что эта книга «завершает и совмещает в себе славянофильские учения». «В книге Данилевского все новое, от начала до конца; она не есть свод и повторение чужих мнений, она содержит только одни собственные мнения автора, мысли, никем и никогда еще не сказанные, почему он и почел за нужное их высказать. «Россия и Европа» есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильством в тесном литературно-историческом смысле этого слова, не составляющая дальнейшего развития уже высказанных начал, а напротив, полагающая новые начала, употребляющая новые приемы и достигающая новых, б о л е е о б щ и х результатов, в которых славянофильские положения содержатся как частный случай»¹⁰. Он предлагал даже новый термин: «данилевщина» для обозначения нового учения. По содержанию Страхов характеризовал «Россию и Европу» как научную книгу, излагающую новую формулу построения истории. А основным выводом считал положение, что славяне не назначены обновить мир, а представляют особый культурно-исторический тип.

В 1872 г. Бестужев-Рюмин в своей книге «Русская история» признал статьи Данилевского «блистательными» и одобрил теорию сменяющихся культурных типов. Каждый тип выражает человечество с одной стороны, и прогресс заключается не в преемственной передаче цивилизации, а в раскрытии новых сторон. Самой плодотворной мыслью Данилевского он считал отрицание непрерывного прогресса и замену этого представления представлением о множестве мелких, расходящихся в разные стороны линий исторического развития¹¹.

В следующем году В. П. Безобразов отмечал разнообразную ученость и талантливость Данилевского. Книгу его он считал заслуживающей уважения и внимания, хотя с нею не был согласен. Он возражал против тезиса об отличии славяно-русской цивилизации от европейской. Считал, что быт поляков и чехов ближе к немецкому, чем немецкий к английскому. Знакомство с Европой вело его к выводу, что романский мир отличен от германского. При известном абстрагировании тех или иных черт, он считал возможным найти сходство между любыми народами. Россия и Европа в политическом отношении идут одной дорогой, хотя на значительном между собой расстоянии, и различие между ними – в степени цивилизации, а не в существе. Утверждения сторонников разобщения России с Европой, о неминуемой войне их между собою – заблуждение. «Великие перевороты в судьбах человечества (каково, например, падение Римской империи и возникновение романо-германских государств и новой цивилизации) совершались медленно, рядом веков, а не годов и не дней...»¹².

В 1877 г., в связи с балканскими событиями, вспомнил о Данилевском Н. К. Михайловский, посвятивший «России и Европе» специальный очерк в цикле «Записок профана» и давший остроумную критику приемов и теоретических положений, а также и политических выводов автора¹³.

Тогда же (и также в связи с текущими событиями) коснулся воззрений Данилевского О. Миллер, который интересовался взглядом его на политику. Провозглашавшийся Данилевским утилитаризм в политике вызвал резко отрицательное отношение Миллера, считавшего это искажением славянофильства и отстаивавшего принцип бескорыстия и справедливости¹⁴.

Серьезно заинтересовались Данилевским в печати во второй половине 80-х годов. В это время началась острая полемика В. С. Соловьева и Н. Н. Страхова по вопросу об оригинальности или подражательности основных исторических понятий Данилевского. Повод к ней дал Страхов своим предисловием к «России и Европе», где он провозглашал эту книгу «кодексом славянофильства», а самым важным в ней считал теорию культурно-исторических типов. Вслед за тем появилась статья В. С. Соловьева «Россия и Европа»¹⁵, где он замечал, что автор книги «стоит всецело и окончательно на почве

племенного и национального раздора». Статья была направлена не только против Данилевского как автора названной книги, но как автора «Дарвинизма», а вместе с тем затрагивала и Н. Н. Страхова, автора «Борьбы с Западом в русской литературе». Страхов ответил статьей «Наша культура и всемирное единство». Он понимал, что «статья г. Соловьева должна несомненно послужить поддержкою того мнения о славянофилах, которое в большом ходу в публике..., что славянофилы – самодовольные, хвастливые патриоты, что они противники прогресса, свободы и европейского просвещения...¹⁶, и оборонял книгу Данилевского утверждением, что та «указывает только методу и общий план исследования; а вовсе не есть полная естественная система истории». За первыми статьями последовали дальнейшие. Спор закончился уже в 90-е годы. В 1888 г., когда началась эта полемика, появилась хвалебная статья К. Н. Бестужева-Рюмина, в которой подчеркивалось значение теории, культурно-исторических типов и раскрывалось основное содержание книги.

Откликом на выступление Соловьева явилась статья В. П. Безобразова «Вопросы дня. Оживший старый вопрос»¹⁷, в которой автор говорил, что «идти дальше в развитии крайностей славянофильского учения и также в национальном самообольщении» – невозможно. Безобразов считал, что Соловьев разрушил в прах все научные построения Данилевского.

«Русская мысль» в 1889 г. поместила большую статью Н. И. Кареева, посвященную разбору теории культурно-исторических типов.

В 90-е годы появилась известная публичная лекция П. Н. Милюкова и беглая характеристика В. В. Розанова, а начало XX в. принесло статьи Н. М. Соколова, бывшие популяризацией взглядов Данилевского и попыткой применения их для текущей политической борьбы, да краткое изложение системы рассматриваемого писателя в книге Масарика¹⁸.

По свидетельству Безобразова, книга Данилевского стала раскупаться только под влиянием шума журнальной полемики 80-х годов¹⁹. При всем том, как явствует из изложенного, Данилевским интересовалась правая, частично либеральная печать; радикально-демократическая и революционная – читателями которой была молодежь, озабочивавшаяся, как увидим, Страхова, почти не занимались теоретиком культурно-исторических типов.

По характеру указанная литература представляет собой обсуждение принципиальных положений Данилевского и в подавляющем большинстве лишена исследовательского значения.

Не широка названная литература и в отношении поставленных и рассмотренных ею вопросов. Она трактует «Россию и Европу» как произведение историко-теоретическое и философское и всего более занимается общими основаниями воззрений Данилевского.

Пламенный защитник Данилевского Страхов сетовал: «Упорное замалчивание, брань и насмешки, гнусные обвинения – вот чем долгие годы сопровождается имя писателя, достойного чести и внимания. И русский юноша, в порыве того неопределенного энтузиазма, который он даже не знает куда приложить, с презрением отталкивает книгу, в которой мог бы найти великое поучение. Так было со славянофилами, с учением которых до сих пор связана дурная слава, ... так было и с книгой «Россия и Европа»²⁰.

Данилевский привлек внимание критиков и апологетов главным образом своими общетеоретическими представлениями. Они возбудили основной спор между Страховым и Соловьевым, им же уделили внимание другие авторы. Возник вопрос о степени оригинальности идей Данилевского в области постулирования основных положений исторической теории. Повод для него дал Страхов, который во вводной статье к изданию «России и Европы» писал, что зачатки мысли о культурно-исторических типах были и у других авторов, в частности у Г. Рюккерта, но только Данилевский оценил значение этой мысли и развил ее²¹. Однако позже Страхов пожалел об этом сравнении, которое он привел в примечании как добавочный аргумент в пользу особой важности дела, совершенного автором «России и Европы». В ответе Соловьеву он заявлял, что «Данилевский даже вовсе не читал и не знал книги Рюккерта»²². Он постарался уличить Соловьева в пристрастности и особых целях, ради которых была начата полемика. Соловьев, писал Страхов, – сторонник соединения церковей. Славянофильская вера в особое призвание России – препятствие на пути к этой цели. Славянский мессианизм становился на пути католического универсализма. Вот где причина нападок Соловьева на взгляды Данилевского.

Страхов настаивал на оригинальности взглядов Данилевского, который был далек и от славянофилов²³, так как опирался не на немецкую философию, а на естественнонаучное мировоззрение. Он

дал в итоге “Кодекс славянофильства”, т.е. обобщение более широкое, включившее в себе и славянофильство». Он доказывал мирный характер теории Данилевского, отличающейся «духом славянской терпимости»²⁴.

Соловьев говорил: «Главный грех в «системе» Данилевского состоит в том, что она основана на м н и м о й величине, ибо культурно-исторических типов в смысле Данилевского ... не существует и никогда не существовало в действительности»²⁵. Всеми компетентными людьми признано, что спорная книга – только «литературный курьез»²⁶. А русско-славянский культурный тип – «предмет произвольных чаяний и гаданий»²⁷.

«Взгляд Данилевского ложен, прежде всего, в смысле исторической теории, так как он противоречит исторической действительности»²⁸. Соловьев критиковал исторические ошибки Данилевского в трактовке восточных культур и вполне справедливо уличил автора в малой осведомленности по данному вопросу, обвинял в несовместимости его взглядов с христианской идеей. Практические выводы Данилевского Соловьев считал полными национального эгоизма (национализма), т.е. извращением национальной идеи, прославлением войны как способа решения мировых вопросов²⁹, а сопоставление «России и Европы» с книгой Рюккерта вело его к признанию неоригинальности основной идеи Данилевского.

Однако в процессе этого спора Страхову удалось выяснить (и это не опровергалось Соловьевым) известное различие и терминологии, и понимания вопроса у Рюккерта и Данилевского.

Немецкий историк употребляет термин *Culturtypus* – культурный тип (в переводе Соловьева), тип культуры (в переводе Страхова). Данилевский говорит о культурно-исторических типах. Однако другое различие, какое пытался установить Страхов в 1894 г., опровергалось и текстом книги Данилевского, и более ранней статьей самого Страхова. Защитник «России и Европы» пытался утверждать, что Рюккерт рассматривает исторический процесс как развитие сосуществующих культурных типов, Данилевский представляет себе их сменяющимися друг друга. Однако в предисловии к книге Страхов писал о возможности сосуществования и развития ряда типов.

Обнаружились и черты сходства. Оба автора признают культурные типы равноправными, но не равноценными. Оба насчитывают четыре разряда культурной деятельности, которые определяют цен-

ность культурного типа. Но у Рюккерта это социально-политические отношения, религия, наука и искусство; у Данилевского – деятельность религиозная, культурная, политическая и общественно-экономическая. Есть сходство в том, что славяне у Рюккерта и у Данилевского не входят в западноевропейский тип³⁰.

Вряд ли итоги шумной в острой полемики можно считать продуктивными. Вряд ли можно спокойно и уверенно принять точку зрения одного из авторов – о полной оригинальности или о «немецком подлиннике и русском списке». В этом споре поражают два обстоятельства: то, что критика уводила теорию с русской почвы, хотя говорила о славянофильской традиции, сказывающейся у Данилевского, и то, что спор протекал вокруг вопросов, мало значительных для уяснения основного существа доктрины Данилевского.

Н. И. Кареев, который показывал непоследовательность и противоречия в изложении Данилевского, отмечал, что отрицая общую теорию общества, автор «России и Европы» строит ее из своих собственных положений, и отрицание общей теории было нужно Данилевскому, «чтобы обосновать научным образом свое право в известных случаях быть ненаучным»³¹. Раскрывалось, что Данилевский – защитник национализма в науке. Формулированные в разбираемой книге законы развития культурно-исторических типов признавались неудачными, страдающими «крайнею невыработанностью своих понятий и недоказанностью своих положений. ... У автора «России и Европы» нет точного определения отдельных понятий, входящих в его основной тезис»³². Разбирая третий закон Данилевского о невозможности передачи цивилизации от одного культурно-исторического типа к другому, Кареев утверждал, что «под тезисом Данилевского: «начала цивилизации не могут передаваться» скрывается его дезидерат: «элементы культуры не должны заимствоваться»³³. Переходя к пониманию роли славянства, как она изложена в «России и Европе», критик отмечал непоследовательность автора, проповедовавшего в XII главе теорию исторических наследий, в силу которой одни народы продолжают дело других. В целом теорию культурно-исторических типов Кареев считал неопределенной и противоречивой, а применение этого понятия к действительности произвольным. Только в одном пункте Кареев солидаризировался с Данилевским – в отрицании всемирно-исторической схемы развития истории. Эта идея независимо (в 1883 г.) была развита Кареевым в

«Основных вопросах философии истории». Но это согласие отмечается лишь попутно, в качестве единственного верного положения книги Данилевского. В основном статья была посвящена разбору теории культурно-исторических типов и вела к признанию ненаучности и полной непригодности этой теории; вопроса о степени оригинальности концепции Данилевского Кареев не касался.

Иная постановка вопроса была предложена К. Н. Бестужевым-Рюминым (1888 г.). Он признал книгу Данилевского не перепевом немецких тем, а «систематизацией славянофильского воззрения»³⁴. Задачу книги он определил как вполне практическую: доказать возможность славянской культуры и обосновать особую историческую роль славянского мира. «На пути к решению этой задачи стоит предрассудок, который надо победить: в Европе, как и у нас, все уверены в том, что культура только одна лишь непрерывно развивающаяся, причем все прежние культуры являются лишь ничем иным, как ступенями этого развития»³⁵. Этот предрассудок разрушает теория культурно-исторических типов.

Исходя из такого понимания, он изложил книгу Данилевского. Статья Бестужева-Рюмина – не критика, не разбор, а апологетический пересказ, который не побуждает останавливаться на себе более.

П. Н. Милюков признал «Россию и Европу» этапом в развитии славянофильской доктрины. Он отправлялся от признания двойственности славянофильства, в основе которого лежали идеи национальности и ее всемирно-исторического предназначения. В дальнейшем развитии учения идеи разделились, и первым представителем нового этапа в истории славянофильской доктрины был Данилевский, отвергший всемирно-историческую точку зрения. Результатом такого решения вопроса были «национальный эгоизм и исключительность»³⁶. Милюков ближе всех дошел к пониманию Данилевского. Он увидел, что «научная теория исторических явлений совсем не составляет главного в книге Данилевского»; задача ее практическая, он заметил облик «раздраженного и осердившегося патриота», проглядывающий в рассуждениях нашего автора. Он признавал необходимость исторического комментария к «России и Европе» и считал его достаточным в виде ссылки на Крымскую войну. Милюков пришел к выводу, что в Данилевском боролись натуралист антидарвинистского лагеря, сохранивший веру в предустановленные типы ламарковской зоологии, и патриот, больно реагиру-

вавший на удары с Запада времени Крымской войны и польского восстания 1863 г. Он попытался ответить на очередные вопросы современной жизни. Его мировоззрение приводило к выводу о невозможности общественных наук. Он искал в кругу интересовавших его вопросов решения, подобного предустановленным типам зоологии, и нашел их в теории культурно-исторических типов. А так как основная задача автора была задачей практической, то эта теория оказалась средством, чтобы прийти к выводам в области практической политики. Однако об этих последних Милуков говорит лишь мельком, в одной фразе. Они явно его не интересовали.

Вопрос о взаимоотношении славянофильства и взглядов Данилевского Милуков решает так. Автор «России и Европы» говорит о вражде России и Европы, он кончает свою книгу проектом славянской федерации во главе с Россией, а философско-историческая теория автора вставлена в эту оправу. Все это – славянофильские черты, которые «почти все целиком взяты из старого славянофильства»³⁷. Данилевского в теоретической части отличает отрицание всемирно-исторических задач, но на практике и это отличие стирается, так как он готов признать связь в развитии народами их мировых задач, а в последней главе говорит о славянстве, как о высшем этапе в осуществлении всемирно-исторической задачи.

Связь и преемственность доктрины Данилевского со славянофильством признал и Н. М. Соколов, который говорил уже не о связи со славянофильством вообще, а об отношениях между учениями Хомякова и Данилевского.

«Хомяков не обосновал своего учения на строго научной почве, – писал Соколов, – не вылил его в те логические формы, в которых выводы могут получить широкое распространение и внешние признаки обязательности для каждого здорового мышления. При таких условиях оно было доступно только немногим избранным рыцарям духа, только той аристократии мысли, у которой запас знания и опыта был достаточно велик, чтобы видеть правду сквозь случайные и иногда символические покровы...

Среди последователей Хомякова нашелся человек исключительных теоретических дарований, с огромною, почти всеобъемлющею эрудициею, который значительную часть выводов Хомякова облек в строго научные формы и обосновал их на научной почве.

Это, конечно, Н. Я. Данилевский»³⁸.

Однако, провозгласив эти положения, Соколов никак их не аргументировал³⁹.

Другая статья Н. М. Соколова была направлена против М. Горького и В. Розанова, Милюкова и Трачевского, Мережковского и Тернавцева, Л. Андреева и Минского, против марксизма, либерализма, «западнического обскурантизма», декаденства, мистицизма и иных новых течений вплоть до орфографической подкомиссии, обсуждавшей вопрос об уничтожении буквы «ять». Это была попытка обоснования консерватизма, попытка отгородиться от прогресса на основании концепции Данилевского. Автор не столько разбирал пропагандировавшегося им автора, сколько излагал его, перемежая изложение отдельными замечаниями. Одно из них заслуживает быть приведенным. Почти все писавшие о Данилевском говорили о теории культурно-исторических типов. «Это злобная клевета или явное недоразумение, – протестовал Соколов. – Никакой теории у него нет... У Данилевского нет никаких насильственных обобщений; у него факты говорят за себя и говорят только то, что сказать могут»⁴⁰. Его построение – это положительное знание.

Как видим, литература о «России и Европе» поставила ряд вопросов, относящихся к теоретическим положениям Данилевского. Главное внимание было направлено на теорию культурно-исторических типов как основу историко-философских воззрений его. Обсуждался вопрос о взаимоотношении концепции Данилевского со взглядами славянофилов, рассматривался вопрос о степени оригинальности его и воздействии Рюккерта. Литература о Данилевском мало интересовалась его политическими взглядами. Как указано выше, Соловьев осудил национализм Данилевского и военно-агрессивный характер его учения. Гораздо точнее определил существо сделанного Данилевским Безобразов, писавший: «Данилевский возродил славянофильское учение, подставил под него, и в особенности под его политическую программу со всеми ее крайностями, новые, якобы научные основы, хотя и ошибочные в своей сущности, но с формальной стороны, в особенности для массы публики, столь благообразные и серьезные, окруженные такою эрудицией и остроумными, даже отчасти глубокомысленными соображениями, что таких с виду твердых основ это учение и прежде никогда не имело»⁴¹. Эти основы имеют модный натуралистический характер, но в существе своем вся концепция Данилевского является шовинистически-милитари-

стическим построением, к счастью, не имеющим возможности реализоваться благодаря необычайному миролюбию «верховного вождя русского народа». Заканчивая свою статью, Безобразов отдает должное Соловьеву, который «разрушил в прах все научные доводы и выводы мировоззрения Данилевского»⁴².

Характерно, что критические замечания Безобразова, так же как других критиков, направляются в руководящую Данилевским националистическую тенденцию, но оставляют без внимания реальную политическую программу его.

В этом отношении из всей литературы вопроса выделяется статья Н. К. Михайловского «Россия и Европа». Возникшая под влиянием политических событий 1876–1877 гг., она, хотя и подвергла рассмотрению теоретические воззрения Данилевского, но наряду с тем занялась и вопросом о его политических взглядах. Касаясь первого из этих вопросов, Михайловский отмечает особенности аргументации рассматриваемого автора. Приводя известное место из «Слова о полку Игореве» о Баяне, Михайловский затем говорит: «Наметив известное положение, как требующее доказательств, он ищет в разных отраслях знания случаев аналогичных, более или менее подходящих, хотя бы самым внешним, поверхностным образом; для этого растекается мыслию по древу (отправляется в ботанику), рыщет серым волком по земле (по геологии и истории), летает сизым орлом не только под, но и над облаками (в области астрономии) и группирует таким путем массу образов, более или менее знакомых читателю и потому мало способных расшевелить его критическую мысль. Немудрено, что при таких условиях слабость действительного, настоящего доказательства не замечается читателем: водимый авторитетом по разным знакомым явлениям, он так привыкает соглашаться с ним, поддакивать ему, что невольно уступает ему и в той собственно существеннейшей части аргументации, где уступать вовсе бы не следовало»⁴³.

Показав несостоятельность и недостаточность аргументации Данилевского, Михайловский выясняет, что теория типов исторически необоснованна и имеет целью убедить в неизбежности развития славянского типа. Данилевский, подчеркивая национальные моменты в истории, игнорирует значение социальных. Михайловский напоминает упреки самого автора «России и Европы» по адресу газеты «Весть», тяготевшей к остзейским баронам и польским магнатам, и

напоминает, как высшие классы балтийских славян продавали свой народ немцам, «сербское дворянство браталось с турецкими беками, чтобы встать в их ряды и вместе с ними топтать и сажать на кол свой народ... Г. Данилевский должен занести эту черту в счет добродетелей славянского культурно-исторического типа или же признать, что все – люди, все – человеки, без различия национальностей»⁴⁴. Выдвигая примат социального, Михайловский говорит: «“Народ” в тесном смысле слова, т.е. не в этнографическом, а в социологическом, должен представить тот новый элемент, который дает иное течение истории, создает новый культурно-исторический тип. И проживет тогда старая Европа века и века, потому что она помолодеет»⁴⁵.

Касаясь вопроса о гегемонии России в славянском союзе и отрицании Данилевским мысли о поглощении славян, Михайловский замечает: «Следовательно, надо думать, он не имеет в виду занять администрацию в славянских землях русскими чиновниками», а говоря о распространении русского языка, показывает неизбежный разрыв между социальными верхами, которые примут его, и народом. «Получится рознь, несравненно сильнейшая, чем та, о которой горюет наш автор по отношению к России»⁴⁶. Так вскрывал Михайловский реакционные поползновения учения Данилевского.

Когда В. Соловьев проходил молчаливым политическое построение Данилевского, это было понятно. К нему философ относился презрительно, как к проповеди мошенничества, а «по-книжному – маккиавелизма». Данилевского-политика он расценивал как ничтожество: «Наивная безнравственность общего взгляда соединяется у Данилевского с видимым отсутствием политической сообразительности»⁴⁷. Но невнимание Милокова к данной стороне дела изумительно. Он понял, что было ядром воззрений Данилевского, но добраться до этого ядра не захотел.

Между тем, думается, что наиболее интересно у Данилевского именно политическое содержание его доктрины, так как вся его книга – политический трактат. Даже если проследить структуру книги, то из 17 глав 7 (1, 2, 12–16) посвящено чисто политическим вопросам, другие 6 глав (3, 7–11) носят полуполитический характер, обсуждая привычные для славянофильской литературы проблемы гниения Запада, вероисповедных различий Запада и Востока, русского «европейничанья» и т.п. Только четыре главы могут быть от-

несены к разряду теоретических (4–6, 17), но и в них теоретические рассуждения обильно переслоены чисто политическими утверждениями и примерами. Наконец, теоретические категории Данилевского (культурно-исторический тип, народы ассимилирующие и ассимилируемые и т.д.) представляют собой понятия, созданные с целью аргументации в пользу определенной политической доктрины, так что и их следует рассматривать по преимуществу под этим углом зрения.

Даже горячий защитник исторической теории Данилевского – Страхов иногда в полемическом увлечении подходил к определению существа воззрений обожаемого им писателя. Данилевский, писал он, «предсказывал борьбу славянского мира с Европой, но предсказывал потому, что видел в этой борьбе единственный возможный выход для разрешения восточного вопроса, выход из давнишней, существующей распри, разрешение тех горячих стремлений, надежд и притязаний, сила которых не ослабевает, а растет с каждым днем. Вы не хотите признать правильности предсказаний Н. Я. Данилевского; но чтобы их опровергнуть, мало сказать, что вы по человеколюбию, или по экономическим соображениям, ужасаетесь войны, – нужно еще показать, как же, по вашему мнению, может совершиться разрешение восточного вопроса»⁴⁸.

Предпринимая свою работу, Данилевский сам разъяснил, что причинами, толкнувшими его к ней, были современные ему обстоятельства международно-политической жизни: Крымская война и шлезвиг-гольштинский вопрос, два вопроса, в которых обнаружилось различие отношения Европы к России, хотя Россия была права в споре о ключах, а Пруссия неправа в нападении на Данию. Мы не последуем за Данилевским в рассуждениях о справедливости и несправедливости, а отошлем читателя к главе о настроениях русского общества в связи с Крымской войной. Она покажет, что Данилевский был типичным представителем русского общества своего времени, которое так остро реагировало на это событие. И в этом ничего выдающегося не было. Вся страна передумывала уроки Крымской войны, учесть их взялся и рассматриваемый автор.

Второй вопрос, привлечший его внимание, – вопрос о Шлезвиге и Гольштинии – был для России отнюдь не безразличным. Это отразила современная русская печать, но не в равной степени. Аксаковский «День» смотрел на затею Бисмарка как на его личное предпри-

ятие, которое может быстро окончиться крахом⁴⁹. Справедливо оценили значение вопроса для России катковские «Московские ведомости», многократно на протяжении 1864 г. возвращавшиеся к этой теме.

Катков к ней подходил с разных сторон. Он отмечал (и это понятно в его устах): «Бессмысленная датская демократия, не имеющая, заметим кстати, корней в датском народном быте... Эта нелепая демократия раздражила шлезвиг-гольштинцев своими притязаниями, а Германию своим задором»...⁵⁰. Он говорил о Бисмарке и оценивал его планы. Но все это были соображения по собственно европейским вопросам. Всего острее основная мысль Каткова формулирована в одной из статей середины года, когда он убеждал Европу в огромном значении завоеваний Шлезвига и Гольштейна и невозможности относиться к этому безразлично. Выражая уверенность, что Европа помешает присоединению герцогств, он затем говорил: «Пруссия в Киле, это значит немецкий флот в Балтийском море и решительная необходимость скандинавского союза, то есть скандинавского флота рядом с флотом немецким. Бог знает, стал ли бы Петр Великий строить Петербург, если бы предвидел, что это возможно. Или, может быть, судьба вынуждает Россию перенести центр своей тяжести на юг, туда, где была колыбель Руси, еще не оттесненной от Европы и обращенной лицом к Цареграду?»⁵¹.

Катковская острая трактовка международно-политического вопроса не заканчивается намечением новой перспективы в развитии русской внешнеполитической ориентации: шлезвиг-гольштинский вопрос должен усилить внимание России к вопросу восточному. Но Катков тесно связывал проблемы внутренней и внешней политики, а потому в других своих статьях поставил, кроме того, задачу укрепления юго-западной окраины с Киевом. Это была целая программа.

Близок к катковской трактовке вопроса политический обзор журнала Достоевского «Эпоха», где также указывалось на важность шлезвиг-гольштинского вопроса для России. Удар, нанесенный Дании, может побудить ее соединиться со Швецией и Норвегией.

«Если Россия желает сохранить свое значение морской державы, то ей, конечно, невыгодно будет допустить соединение Скандинавских держав воедино. Морские силы Дании и Швеции могут равняться силам России на Балтийском море и запретить русским кораблям свободный из него выход; принимая же в соображение усиление

Пруссии на этом море, России придется совершенно отказаться от преобладающего влияния. Таких значительных интересов в скандинавском соединении не имеет ни одна из великих держав»⁵².

И дальше обозреватель говорил: «...скандинавский вопрос преимущественно касается России, и ... в этом смысле сохранение целостности датской монархии имело тоже для нас некоторое значение. Все наши стремления стать морской державою, все наши издержки на образование и содержание морских сил могут быть напрасны, если когда-нибудь состоится соединение Швеции и Дании. А кто может поручиться, что подобное обстоятельство неосуществимо?»⁵³.

Не прошел мимо того же вопроса и Данилевский, но он рассматривал его как вопрос общеевропейской политики. Бисмарк опасался, что в случае неудачи его попытки придется оставить мечту о Киле, о господстве на Балтийском море, о гегемонии в Германии. Русские интересы в шлезвигском вопросе не упоминались вовсе. Задача автора заключалась в том, чтобы привести читателя к пониманию, что: 1) нарушительницами международного права были Австрия и Пруссия, а не Дания и 2) Европа на это нарушение никак не реагировала. Выводы же эти были нужны для того, чтобы затем перейти к изложению вопроса о ключах от Вифлеемского храма.

Если Катков трактует шлезвигский конфликт как политик, Данилевский касается его в качестве абстрактного мыслителя, мало придающего значения конкретной международной обстановке. Обращаясь к палестинскому вопросу и преувеличивая значение конкретных форм этого спора, Данилевский подчеркивает, что он был важнее какого-либо территориального спора, так как речь шла о подтверждении старых прав России. Россия Николая I изображается в качестве невинного агнца. Она хотела лишь удовлетворения за нарушение прав единоверцев и хотя бы самого скромного обязательства, что впредь таких нарушений не будет. Однако Турция под давлением Европы объявила России войну. Для того чтобы подвести читателя к пониманию того, что это вражда именно Европы, сообщается, что правительства действовали под давлением общественного мнения, которое было настроено к России враждебнее, чем официальные дипломатические круги. Объясняя вражду Европы к России, автор отправляется от разговоров с известными ему (какими?) иностранцами и, очевидно, от сообщений современной печати. Он старается опровергнуть, что Россия – завоевательное государство. Эта

глава – сплошная апология великодержавия, пересыпанная выпадами против Англии, завоевавшей Индию, захватившей Канаду, Гибралтар и т.д., и других стран. Войны, которые вела Россия, были вынужденные. Несправедливо и другое распространенное обвинение, что Россия – страна реакции, гасительница света и свободы.

Данилевский далее приходит к выводу, что Европа не знает России и признает ее себе чуждой. Это и является конечным выводом; политическая несправедливость и общественная неприязненность к России объясняется тем, что Европа признает Россию чуждой себе и враждебной. Следуя славянофильской традиции, автор утверждает, что Россия – не Европа. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми Европа всасывала как благотворные, так и вредоносные соки из почвы древнего мира. Характерно, что отправляясь от утверждений корифеев славянофильства – Киреевского, Хомякова, Данилевский весь живет в чисто публицистических идеях, и старых, и новых. Он сводит счеты с Чаадаевым, упрекая его в тяге к европеизму, и от него перебрасывает мост к Шедо-Ферроти. «Нет, как хотите: г. Шедо-Ферроти* прав. Справедливо также и название ультра-русской партии, придаваемое такому чисто внешнему политическому патриотизму. Если Русь еще Русь, то, конечно, смешно говорить о русской партии в этой Руси. Но если Русь есть вместе с тем и Европа, то почему же не быть в ней и русской, и европейской, и ультра-русской, и ультра-европейской партии?»⁵⁴

Мы потому отмечаем эти отступления и выпады, что они хорошо обнаруживают источник вдохновения Данилевского, который почерпнул его не в высоких сферах отвлеченной теории, а в публицистике и политической литературе. И хотя вслед за изложенной частью книги следуют три главы, трактующие вопросы, связанные с понятием культурно-исторического типа, но мы оставим их пока в стороне, отметив только, что автор устанавливает понятие культурно-исторического типа или самобытной цивилизации, насчитывает их 10 и два с оговоркой⁵⁵. Установив это понятие, автор далее переходит к положению об отсутствии общечеловеческой цивилизации. Цивилизации создаются в пределах культурно-исторического типа, которые соответствуют племенам человеческого рода. Арийская ра-

* Шедо-Ферроти – псевдоним русского историка и публициста Федора Ивановича Фрикса (прим. ред.).

са состоит из семи племен; шестое, кельтское, было рано лишено политической самостоятельности и не составило самостоятельного культурно-исторического типа; седьмое племя – славянское, наиболее значительная часть которого составляет великое независимое русское государство. Остальные славяне не имеют политической самостоятельности, но устояли против всех бушевавших против них политических бурь, а в последнее время обнаружили стремление к возрождению политической независимости. Этих соображений достаточно, чтобы автор постулировал следующее очень важное для его концепции положение: «Вся историческая аналогия говорит..., что и славяне, подобно своим старшим, на пути развития, арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию, что славянство есть термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом, – такой же культурно-исторический тип, по отношению к которому Россия, Чехия, Сербия, Болгария должны бы иметь тот же смысл, какой имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе, какой имели Афины, Спарта, Фивы по отношению к Греции»⁵⁶.

Попытки привить европейское просвещение славянам были бесплодны и вредны и в Польше, и в Чехии, и в России, а потому «для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словена, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после бога и его святой церкви, – идея славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически-самобытного, независимого славянства»...⁵⁷.

Так, понятие культурно-исторического типа обнаруживает свой основной для Данилевского смысл – средство аргументировать идею славянской солидарности и единства; видно это и из добавочного соображения, приводимого автором. Славянство потому представляет или должно представлять особый культурно-исторический тип, что это – вопрос его существования: если оно «откажется от самостоятельного развития своих начал, то и вообще должно отказаться от всякого исторического значения и снизойти на степень служебного для чуждых целей, этнографического материала...»⁵⁸.

Но вот когда проникнувшийся доводами Данилевского читатель ждет, что перед ним раскроются великие судьбы славянства, автор

оставляет славян и переходит специально к России, славяне отходят на задний план. Мы встречаемся со многими, знакомыми по славянофильским произведениям, положениями: об особых путях русского исторического развития, значении религиозных различий в судьбах западного мира и России и др.

Так, мы читаем: «Различие в просветительных началах русского и большинства других славянских народов от народов германороманских состоит в том, что первые исповедуют православие, а вторые римский католицизм или протестантство»⁵⁹. Данилевский указывает на различия психического строя славян и западных европейцев. Это – отсутствие «насильственности характера», своеобразия исторических переворотов у русского народа, когда: «Народ отрешается внутренне от того, что подлежит отмене или изменению, борьба происходит внутри народного сознания, и когда приходит время заменить старое новым на деле, эта замена совершается с изумительной быстротой, без видимой борьбы, к совершенному ошеломлению тех, которые думают, что все должно совершаться по одной мерке, считаемой ими за нормальную»⁶⁰. Рассматривается вопрос о государственности в России и на Западе. В понимании этого вопроса у Данилевского есть некоторые отличия от ранних славянофилов, считавших призвание варягов на Русь особой формой образования государства по сравнению с Западом, где имело место завоевание. Данилевский признавал некоторые черты сходства между ходом русского исторического процесса и европейского. Призваны были и англо-саксы, как варяги на Руси, существенное различие заключается только в том, что варягов было мало и они послужили только закваской. Но все же Данилевский признает больше параллелизма в развитии государственных форм России и Европы: «призвание варягов – русская форма завоевания», «крепостное право – это русская форма феодализма», «владычество татар – русская форма данничества»⁶¹. Но признавая параллелизм развития, Данилевский склонен считать его все же внешним, формальным и подчеркивает значение призвания варягов как факта психологического. Автор касается в дальнейшем эпохи Петра I и трактует ее в обычных славянофильских чертах: «русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад», а потом «искажение русской жизни стало распространяться и в ширь, и в глубь»⁶². Автор подробно прослеживает затем разные формы «европейничанья», касаясь архитектуры, пла-

тья и других «искажений» внешних форм быта, заимствований учреждений и идей. В согласии с публицистикой И. С. Аксакова и М. Н. Каткова Данилевский обрушивается на аристократизм газеты «Весть» и на нигилизм как «последовательный материализм»⁶³.

В трактовке нигилизма у Данилевского много общего с Катковым, что особенно отчетливо обнаруживается из сопоставления соответствующих частей его текста со статьями Каткова, написанными после каракозовского покушения. Однако как и в случае, приведенном выше, есть и различия. Данилевского интересует нигилизм в его философской сущности и он обрушивается на его материализм и европейское происхождение. Упоминая в качестве основоположников учения Фохта, Молешотта, Бюхнера, Фейербаха, Бруно Бауэра, Макса Штирнера, Данилевский склонен и термин нигилизм связывать с положением последнего: «Ich stelle mein Sach auf Nichts»⁶⁴. Катков не проходит мимо философского существа неприятного ему течения и видит в нем «разнузданные страсти самого мрачного свойства – демократия, социализм, атеизм...». Он также касается вопроса об истоках нигилизма, но к сочинениям Бюхнера, Штирнера и Фейербаха прибавляет «Колокол»⁶⁵. Есть сходство и более детальное. Оба автора [Катков и Данилевский] утверждают, что нигилизм – «язва», а не заблуждение, но только Катков считает нужным для борьбы с нею серьезно учить молодежь, а Данилевский сопровождает свои суждения сомнением в действенности классической школы⁶⁶. При наличии этих расхождений исходные позиции оказываются весьма близкими. Антителистский характер нигилизма И. Аксаков отмечал еще в 1864 г.⁶⁷.

Все это представляет перепевы Киреевского, К. Аксакова, Хомякова, все это сближает нашего автора с И. Аксаковым и Катковым. Рассуждения эти важны Данилевскому, чтобы противопоставить Западной Европе Россию как представительницу славянского мира. И в процессе этих рассуждений происходит подмена понятия «славянство» понятием «Россия». Так в свое время поступали и учителя славянофильства, но у них в подмене понятий не крылось того осо-

* «Ничто – вот на чем я построил свое дело». Эта фраза – название одной из глав книги Штирнера «Единственный и его собственность». В авторской версии это звучит: «Ich hab' mein' Sach' auf Nichts gestellt». С. А. Никитин приводит это выражение, скорее всего, по памяти (прим. ред.).

бого и прямого политического смысла, какой это приобретает в построении Данилевского.

Говоря раньше о культурно-историческом славянском типе, Данилевский затем вновь возвращается к этому вопросу в связи с проблемой государственного бытия славян.

Для Данилевского понятие государства неразрывно связано с понятием национальности. «Народности, национальности суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает, в пространстве и во времени, возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления... Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, – и главная цель его и есть именно охранение народности»⁶⁸. Не может существовать государство, лишенное народной основы, представляющее смесь национальностей: оно не может охранять отсутствующую у него национальную честь и свободу. У Турции, Австрии или бывшей Польши честь и свобода – угнетение и оскорбление национального чувства и свободы народов, составляющих эти государства. Поэтому «каждая народность, если получила уже и не утратила еще сознание своего самобытного исторического национального значения, должна составлять государство», «одна народность должна составлять только одно государство»⁶⁹. А если одна народность составляет два государства, то цель государства (как ее понимает Данилевский) ни тем, ни другим вполне осуществиться не может. В этой связи Данилевский говорит о народах, существующих лишь как этнографический элемент, осужденный на ассимиляцию более сильным племенем (финские племена в России)⁷⁰.

А так как еще раньше Данилевский постулировал единство славянства и равнозначность последнего термина с терминами эллинизм, латинство и другими, то в дальнейшем он переходит к размышлениям по вопросу о славянском государстве.

Объединение славян возможно лишь под воздействием нового жизненного принципа, каким является идея славянства, «но не идея какого-нибудь частного, австрийского, турецкого, или австро-турецкого славянства, а идея Всеславянства»⁷¹. Автор «России и Европы» решительно отвергает проекты решения славянского вопроса, возникавшие у южных и западных славян. Известна выдвинутая Палацким мысль о создании федеративной Австрии как способа решить

вопрос о судьбах австрийских славян. Автор знаком с произведением Палацкого «Идея австрийского государства», где эта мысль была изложена. Он отвергает план чешского политика, так как в нем нельзя усмотреть никакой идеи⁷², в основе созданного по этому плану государства не было бы смысла: «Австрийская федерация не имела бы за себя ни исторических, ни этнографических, ни географических причин бытия»...⁷³ – она не могла бы и существовать⁷⁴.

Другая комбинация, против которой он возражает, это привлечение в состав австрийской федерации турецких славян. В объединении этого рода также не было бы никакой идеи. Правда, усилился бы славянский элемент, но если бы речь шла о полном разрушении Турции, влились бы и неславянские элементы. «А, главное, большинство славян все-таки оставалось бы вне славянского союза». Это была бы лишь случайная, а следовательно, временная комбинация. Автор не упоминает еще одного современного плана – союза освобожденных народов Турции, но нет нужды говорить, что эта идея для него неприемлема. Причина этого ясна. Славянское объединение должно удовлетворять требованию культурно-исторического типа, т.е. быть всеславянским. Мы видели, что когда он выяснял особенности славянства и его исторического развития, он, как показано выше, оперировал русскими материалами, считал представительницей славян Россию, где общеславянские черты получили особо полное развитие. Но когда речь заходит о славянском культурно-историческом типе, Данилевский не удовлетворяется русскими рамками: будущее государство должно включать не только лучшую выразительницу славянства – Россию, но охватывать все славянство. И с иронией по адресу европейской дипломатии автор говорит: «Чураемся мы обвинения в панславизме, как будто честный русский человек, понимающий смысл и значение слов, им произносимых, может не быть панславистом, т.е. может не стремиться всеми силами души своей к свержению всякого ига с его славянских братьев, к соединению их в одно целое, руководимое одними славянскими интересами...»⁷⁵.

А так как единство культурно-исторического типа составляет славянство в целом, а не отдельные славянские народы, то только объединение всех славянских племен дает решение вопроса с точки зрения национальной.

Чтобы могла зародиться и развиваться цивилизация, свойственная славянскому культурно-историческому типу, необходима политическая независимость славян. Цивилизация культурного типа достигнет полноты раскрытия, если этнографические элементы, составляющие его, не будут поглощены одним политическим целым. Поэтому почвой для развития славянской культуры может быть только славянская федерация⁷⁶.

«По этнографическим условиям, славяне действительно должны составить федерацию, но федерация эта должна обнять все страны и народы – от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага»⁷⁷. Но федерация эта, по представлению Данилевского, очень своеобразна. Дело в том, что у нашего автора неразрывно связаны панславизм с русским великодержавным шовинизмом и идеей необходимости русской гегемонии. Последняя мотивируется так.

Степень государственного объединения определяется размером опасности со стороны соседей и характером необходимой обороны. Положение славян лицом к лицу с враждебным Западом столь опасно, что «заставляет желать для них весьма тесной федеративной связи под политическим водительством и гегемонией России, на что Россия имеет законнейшие права – как по сравнительным силам своим с прочими членами славянской семьи, так и по ее многовековым опытом доказанной политической самостоятельности»⁷⁸.

Нередко встречающийся в славянофильской литературе образ семейства орлов во главе со «славян полунощных орлом», распространяющим свои крылья и защищающим их⁷⁹, в этом положении Данилевского нашел свое далекое от поэзии чисто политическое воплощение. Интересно, что автор «России и Европы» мобилизовал для обоснования гегемонии России и естественнонаучные аналогии. Не признающие «в славянском мире центральности России, этого истинного солнца славян, – уподобляются древним астрономам, которые, не умея отвлечься от ложного понятия центральности Земли, громоздили эпициклы на эпициклы, чтобы этими искусственными комбинациями как-нибудь согласовать наблюдаемые ими явления с своими ложными теоретическими представлениями. Публицисты эти так же точно принуждены громоздить политические эпициклы, в виде различных федеральных комбинаций, с воображаемыми центрами притяжения, для поддержания своих противоестественных

теорий о том, что центр тяжести славянской системы лежит будто бы где-то посреди австрийских земель⁸⁰. Так, приравняв Палацкого к доптолемеевым астрономам, расправился Данилевский с его политическим проектом.

Одного провозглашения русской гегемонии в славянском союзе было недостаточно для выяснения особенностей этой федерации, и Данилевский устанавливает дополнительное требование, могущее обеспечить крепость славянского союза, – это сила и единство отдельных членов союза. Внутреннее дробление «не должно переходить границ больших лингвистических и этнографических групп»⁸¹. Второе положение касается вопроса о судьбе вкрапленных между славянами народов – греков, румын, венгров, которые должны в силу своего положения войти в состав славянской федерации⁸². В итоге всех этих соображений состав всеславянского союза обрисовывается в следующем виде:

- Русская империя с присоединением к ней Галиции и Угорской Руси (Закарпатской Украины).
- Чехо-мораво-словацкое королевство.
- Королевство сербо-хорватословенское.
- Королевство болгарское.
- Королевство румынское.
- Королевство эллинское.
- Королевство венгерское.
- Константинопольский округ с проливами и островом Тенедос.

В процессе создания всеславянского союза решается восточный вопрос. Рассуждая об этом, Данилевский полемизирует с С. М. Соловьевым, который в газете «Москва» в 1867 г. опубликовал начало своего этюда «Восточный вопрос». Данилевский отвергает понимание восточного вопроса как борьбы Европы и Азии, так как ни Европа, ни Азия никогда не признавали себя чем-то целым, и не было войн, в которых бы участвовали все народы Европы против всех народов Азии. Существо восточного, недоступного для дипломатического решения, вопроса заключается в борьбе между романо-германским и славянским культурно-историческими типами. Восточный вопрос зародился давно, он сначала представлял собой борьбу эллинского и иранского, затем римского и древнесемитического,

римского и эллинского, наконец, романо-германского и славянского типов. В развитии его в последние столетия особенно важны два периода: первый период напора Запада на Восток, германо-романского, протестантско-католического мира на православный славяно-греческий мир, период, длившийся от дней Карла Великого до Екатерины II. После него наступает период отпора Востока Западу. В течение этих двух периодов напор германо-романского мира, а затем славяно-греческий отпор приобретали характер борьбы против магометанства, который благополучно завершился к концу царствования Екатерины II возвращением России ее древнего достоинства. Как ни велико значение магометанства в развитии восточного вопроса, оно все же составляет только эпизод. Более того, Данилевский склонен оценивать положительно роль мусульманства в отношении славян, отмечая его невольную и бессознательную услугу, оказанную православию и славянству, «оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством». «Магометанство, наложив свою леденящую руку на народы Балканского полуострова, заморив в них развитие жизни, предохранило их, однако же, изливаю на них чашею бедствий, от угрожавшего им духовного зла, – от потери нравственной народной самобытности»⁸³.

Ход развития восточного вопроса во второй период разоблачил спутывавший его туман. Европа, сначала рукоплескавшая русским успехам, становилась все более враждебной к России и славянам. «Вместо филэллинов, Европа (в особенности же Англия) наполнилась туркофилами. Все стали находить, что не магометанство и не турки враги Европы и ее культуры, а славяне и представительница их Россия»⁸⁴.

Все это с особой отчетливостью проявилось во время Крымской войны, которая открыла последний период восточного вопроса – период его решения.

Состав всеславянского союза показывает, что восточный вопрос не ограничивается узкими пределами Балканского полуострова, он касается всего славянства, более того, всех народов, населяющих Европу и «не принадлежащих к числу народов германского и германо-романского племени»⁸⁵. Кроме Турции, они составляют большинство населения Австрии, самое политическое существование которой обязано славянам. Смысл существования Австрии заключался в обороне слабой Германии от натиска французов и турок, в которой

главная доля участия пала на славян. Но теперь Германия не нуждается в этой защите; исторический смысл свой Австрия утратила – «славяне должны получить свободу действия, по окончании их служебной исторической роли»⁸⁶. И в тот момент, когда на историческую арену выступила главная цель русской государственной политики – освобождение славян и разрушение Оттоманской империи, тогда же уничтожился смысл австрийского конгломерата народов. Лишенное смысла австрийское государство обречено на уничтожение одновременно с Турцией⁸⁷.

Создание всеславянского союза решает еще одну трудную задачу европейской политики – польский вопрос. Вообще говоря, возможны два пути его разрешения. Если полякам удастся создать независимое государство, оно неизбежно станет центром революционных интриг, направленных прежде всего против России, и последняя не потерпит того. Для того же, чтобы противостоять России, Польше пришлось бы установить дружеские отношения с Германией, которая путем экономическим, политическим и колонизацией не замедлит прибрать к рукам свою соседку. «Независимость польского государства была бы гибелью польского народа, поглощением его немецкою народностью»⁸⁸. Отрицая возможность верного союза с независимой Польшей, отрицая дальнейшее употребление «ежовой Муравьевской рукавицы», Данилевский останавливается на следующем решении вопроса. Польша остается в соединении с Россией. «Последняя будет действовать в здраво понятых русских интересах, которые вместе с тем – здраво понятые польские интересы, т.е. даст перевес русским элементам, а польские обратит «в подобающее им ничтожество». «В этом случае польскому народу предстояло бы или постепенное слияние с родственным ему русским народом, или же, при сохранении своей национальности, очищенной продолжительным русским влиянием от приставших к ней зловерных, искажающих ее примесей, стать, подобно всем славянам, – дружественным товарищем и пособником русскому народу в великом общеславянском деле, приобретая и для себя постепенно все большую и большую долю самостоятельности»⁸⁹. Такое решение польского вопроса возможно только при помощи всеславянской федерации. «В качестве члена союза, будучи самостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией, или даже без оно, она была бы свободна только во благо, а не во вред общеславянскому делу»⁹⁰. Силы бы ее были

в распоряжении союза, а действия против России как действия против всего славянства стали бы невозможны.

Так, создание всеславянской федерации решает три проблемы: турецкую, австрийскую, польскую, которые являются составной частью единого восточного вопроса.

Каким же путем возможно достижение этого результата? Борьбой, войной «из-за Восточного вопроса, т.е. из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Цареградом»⁹¹. Этой цели должна быть подчинена вся политика России. «Равнодушные и к красному и к белому, к демагогии и к деспотизму, к легитимизму и революции, к немцам, к французам, к англичанам, к итальянцам, к Наполеону, Бисмарку, Гладстону, Гарибальди, – мы должны быть верным другом и союзником тому, кто хочет и может содействовать нашей единой и неизменной цели»⁹². И если ценой любого союза делается шаг к освобождению славян, к Константинополю, – не все ли равно, какие при этом территориальные выгоды получит та или другая европейская страна, будь то Египет, Рейн или отдельная страна, как Голландия или Бельгия⁹³. Россия не заинтересована в европейском равновесии, ей безразлично усиление любой европейской державы, если она не затрагивает ее особых интересов, так как ни одна, даже резко выросшая западная страна ей не страшна. Наоборот, ей выгодно нарушение равновесия, которое ослабляет Европу. Последняя в таком случае разделяется на две партии, одна из которых будет стремиться привлечь к себе Россию. Ближайшим и естественным союзником России Данилевскому представляется Пруссия, которая заинтересована в объединении и, для него, в помощи со стороны России.

Данилевский не придавал решающего значения для дальнейших судеб славянства вопросу об устойчивости и долговечности всеславянского союза. Хотя он считал, что все условия: и внешнеполитические (федеративная форма союза), и внутренние («православие, славянство и крестьянский надел, то есть нравственный, политический и экономический идеал народов славянского культурного типа»⁹⁴) сочетаются чрезвычайно удачно и предвещают долгоденствие славянского объединения, даже, если бы век его не превышал периода существования Германского союза, он сыграл бы огромную роль. Если за этот срок получит признание независимость славянства со стороны своих врагов, т.е. Европы, – главная цель будет дос-

тигнута. Главная задача заключается в том, чтобы создать условия для дальнейшего культурного развития славян, чтобы выпрямить погнутое ветром дерево славянства. Это было бы достигнуто даже в такой короткий срок. Но какое-либо изменение в положении славянского союза возможно лишь как изменение внутреннее. Союз, который выдержал бы борьбу с Европой, вряд ли имел основания опасаться внешнего нападения. Могла бы иметь место лишь внутренняя перестройка союза, который из тесной федерации превратился бы в более свободную политическую систему государств одного культурного типа. Надо сказать, что при условии наличия постоянного подчеркивания русской гегемонии рассуждения Данилевского о перерождении союза представляются малосущественной частью его системы.

Выше указано, что в литературе концепция Данилевского больше всего привлекала внимание в качестве исторической теории. Последняя отличается чертами, свойственными всему построению Данилевского, которому присущ прежде всего априоризм. Так, без всяких доказательств утверждается, что «Европа есть поприще германороманской цивилизации», также провозглашается положение, что «естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития»⁹⁵. Рассуждая о неправильности общепринятого деления истории на периоды «естественной системы», он выдвигает предложение о выделении культурно-исторических типов и тем самым обнаруживает непонимание различия между периодизацией и классификацией. Выдвигая морфологический принцип, он игнорирует хронологический момент. Беря в основу классификации явления культурного порядка, но не давая точного определения культурно-исторического типа, он постулирует их как основу развития человеческого общества. Типы различаются двух видов – уединенные и цивилизации преемственные; плоды деятельности последних передаются от одного к другому, «как материалы для питания, или как удобрение», оперирует Данилевский привычными ему образами [естественных наук]. Образы этого рода руководят им и в дальнейших рассуждениях. «Как в солнечной системе наряду с планетами есть еще и кометы, появляющиеся время от времени и потом на многие века исчезающие в безднах пространства..., так и в мире человечества, кроме положительнодейственных культурных типов или самобытных цивилизаций, есть еще временно

появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки...»⁹⁶, которых автор «России и Европы» называет «отрицательными деятелями человечества». Наконец, имеются племена, неспособные ни к положительной, ни к отрицательной исторической роли. Это – этнографический материал, «как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов». Введением этих понятий автор показал недостаточность и неудовлетворительность своего основного принципа деления.

На этой малоубедительной исходной основе автор приступил к формулированию «законов» развития типов. Их оказалось всего пять.

1. Всякая этническая группа, характеризующаяся отдельным языком или группой близких языков, если она вышла из младенчества и способна к историческому развитию, составляет самобытный культурно-исторический тип.
2. Для развития соответствующей типу цивилизации необходимо чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.
3. Начала цивилизации не передаются от типа к типу, но влияние предшествовавших или современных цивилизаций может иметь место.
4. Если культурно-исторический тип состоит из разнообразных этнографических элементов, то цивилизация, соответствующая ему, достигает полноты развития, когда каждый из этих элементов пользуется независимостью, а все в совокупности составляют федерацию.
5. Период роста культурно-исторических типов продолжителен (как у «многолетних одноплодных растений»), а «период цветения и плодоношения» – относительно короток⁹⁷.

Как доказываются эти «законы», видно из следующего. «Первые два вывода, – пишет Данилевский, – не требуют больших пояснений; сомневаться в них невозможно». Никакой аргументации в дальнейшем не дается, хотя некоторые исторические иллюстрации сопровождают рассуждения. Говоря, например, о преемственности цивилизаций, автор указывает, что Финикия передала свою цивилизацию Карфагену, греки – Италии посредством колонизации. Это один способ передачи. Другой (Данилевский опять обращается к ботаническим образам) – прививка. Рассказывая подробно о соотношении дич-

ка и прививаемого черенка у фруктовых деревьев, наш «теоретик» утверждает: «Точно таким греческим черенком или глазком была Александрия на египетском дереве, так же точно привил Цезарь римскую культуру к кельтскому корню⁹⁸. Воздействие одной цивилизации на другую уподобляется влиянию почвенного удобрения на растительный организм.

Смысл и центральная часть теории типов Данилевского кратко формулирована в четвертом «законе». Он имеет прямую и неразрывную связь с дальнейшим содержанием книги, тогда как ряд других из этих постулатов не находит никакого дальнейшего применения. К ним принадлежат пятый, второй, третий. Четвертый же «закон», который представлял как бы теоретическую базу для обоснования необходимости всеславянского союза, раскрывается несколько подробнее. «Народ, говорящий языком, коего отдельные наречия и говоры столь близки между собою, что в практической жизни, общественной, торговой, политической, не представляют затруднения к взаимному пониманию, должен составлять и одно политическое целое». Так дело обстоит по отношению к русскому, белорусскому, украинскому (малорусскому) народам. Если же народы говорят на языках одной лингвистической семьи, соответствующей самобытному культурно-историческому типу, то предпочтительнее менее тесная государственная связь в виде федерации того или другого рода.

В этом положении – основа и жизненный нерв всей «теории» культурно-исторических типов. Ее смысл – обоснование панславистского плана; и придание ему того общезначимого, общеславянского теоретического аргумента, который должен убедить всех славян в необходимости реализации панславистских предположений и объединения вокруг основного этнического элемента внутри типа – вокруг элемента русского.

Где же корни теории типов? Перелицовка ли это Рюккерта, создание ли Данилевского?

Культурно-исторические типы Данилевского нельзя отождествлять с трактовкой Рюккертом культурных типов.

Функционально это явления совершенно разного порядка. Для Рюккерта его теория типов являлась своего рода социологической теорией, орудием познания исторической действительности. У Данилевского теория культурно-исторических типов – аргумент для доказательства определенной политической концепции, возникшей в

иной хронологический момент (десятью годами позже Рюккерта) и в иных общественно-политических условиях. Уже это, даже при тождестве внутреннего содержания, делало бы оба учения различными. В действительности различий еще больше, и они, как представляется нам, двояки. Одни касаются общей постановки вопроса, другие – самого понятия. Книга Рюккерта преследует цель разрушения ветхозаветного исторического взгляда на развитие человеческого рода от одного корня. Этому пониманию он противопоставляет идею множественности параллельных линий развития. Однако и при этом Рюккерт не отрицает единства человечества. Он постоянно говорит о человеческом организме, об общей цели человечества⁹⁹. Конкретное определение общей цели человечества, как это соответствует конкретной науке истории, будет выходить всегда из ограниченного (*gedankenmäßigen*) определения о первоначальной и всегда сохраняющейся организации человечества, основание которого есть самосознание (*Selbstbewusstsein*¹⁰⁰) или дух, который ощущает себя как действительную силу». Между тем Данилевский полагает, что понятие об общечеловеческом не имеет ничего реального, нет общечеловеческой цивилизации*. Рюккерт приходит к синтезу общей идеи и ее проявления в индивидуальности, говоря: «С одной стороны, всеобщая идея имеет безусловное право на свое существование, а с другой стороны, в силу фактически несомненного мирового закона она может достигнуть видимого выражения исключительно только в индивидуальной форме, т.е. ее воплощение или оживотворение всегда должно оставаться несовершенным»¹⁰¹. Для Данилевского же славянский культурно-исторический тип мыслится как воплощение всех возможных на земле совершенств – это четырехосновный тип, осуществляющий те разряды культурной деятельности, которых автор насчитывает «ни более ни менее четырех»¹⁰².

Рюккерт старается определить соотношение в историческом развитии необходимости и идеала, наметить формы и этапы исторического развития человечества.

Для Рюккерта понятие культурного типа связано с представлением об уровне культурного развития (*Culturstufe*^{**}) и с раскрытием самосознания человечества. Он не придерживается однообразия в

* Так в тексте (прим. ред.).

** *Culturstufe* – в современном написании *Kulturstufe* (прим. ред.).

терминологии, какую видим у Данилевского и, говоря о развитии человеческого общества, употребляет помимо двух указанных (культурный тип, уровень культуры) еще термин – культурный ряд (Culturreihen*) и прослеживает их последовательность (Reihenfolge) и формы связи. Никакого точного определения понятия типа Рюккерт не дает, беря свои исторические индивиды эмпирически. Иногда они соответствуют пределам одного народа, иногда включают ряд независимых народов. Немецкий историк говорит о воздействиях, борьбе культур, но всегда стоит на точке зрения историко-культурного релятивизма. Даже европейская культура при всей ее эластичности имеет относительное значение, она срослась с физическими особенностями своих создателей – с их строением черепа, цветом кожи и т.д. И если бы она выступила с претензией на абсолютизм, то осуществить его могла бы устранением и физическим истреблением носителей иной культуры¹⁰³. В то же время он не отрицает взаимодействия и даже слияния малых культурно-исторических организмов в одно более обширное целое¹⁰⁴ и не отвергает возможности этого явления и в более широких пределах, оставляя, однако, вопрос открытым для всего человечества в целом. Все рассуждения Рюккерта вращаются в историко-культурном кругу, и когда он рассматривает социально-политические отношения, религию или науку, он изучает одну из сторон культурного развития. И смысл всех рассуждений Рюккерта в конце концов заключается в том, чтобы в итоге многочисленных теоретических рассуждений сказать: невозможно говорить об исторической действительности как развивающейся по одной нити¹⁰⁵. Наконец, Рюккерт, помимо изложения своих общих теоретических воззрений, дает большой обзор истории культуры.

Данилевский, как мы видели, идет дальше в отношении признания раздельности и особенности культурных типов. Он, в отличие от Рюккерта, выделяет в особое положение славянский тип, который осуществит всю полноту исторического развития. «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один, небесный, божественный, через Иерусалим и Царьград, достигает в невозмущенной чистоте до Киева и Москвы; – другой, земной, человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла: культуры и политики, течет мимо Афин, Александ-

* Culturreihen – в современном написании Kulturreihe; это форма множественного числа, т.е. культурные ряды, единственное число – Kulturreihe (прим. ред.).

рии, Рима, – в страны Европы, временно иссякая, но опять обогащаясь новыми, все более и более обильными водами. На Русской земле пробивается новый ключ: справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На обширных равнинах славянства должны слиться все эти потоки в один водоём»¹⁰⁶.

По своей задаче теория культурных типов Данилевского носит вполне политический характер. Ее смысл – убедить, что «идея славянства должна быть вышею идеей» для славян¹⁰⁷. Предложенные им «законы» развития типов особо подчеркивают значение политической независимости, федеративного строя. Само понятие культурно-исторического типа не является средством историко-культурного познания, как *Culturtypus* Рюккерта, а средством пропаганды и лишено тех исторических черт, какие есть у немецкого историка в виде понятия об уровне развития и пр. В отличие от последнего, который в своих рассуждениях (при всем идеалистическом характере их) вполне историчен, Данилевский привносит массу естественнонаучного тумана, что усиливает не научный, а наукообразный характер данного произведения (например, пятый «закон», уподобляющий развитие культурно-исторических типов многолетним одноплодным растениям, и т.п.).

Все это, по нашему мнению, не позволяет солидаризироваться со словами В. С. Соловьева, утверждавшего, что «мнимая «теория Данилевского» находится целиком в книге Рюккерта»¹⁰⁸. Они настолько различны и по цели, и по глубине, и по содержанию, что знака равенства между ними поставить невозможно.

Вот почему абсолютно неприемлемым является утверждение В. С. Соловьева, будто бы «идея культурно-исторических типов высказана впервые в Германии, в сочинении чисто-немецком, и, следовательно, не заключает в себе ничего специфически-русского»¹⁰⁹.

Данилевский идет в развитии своих взглядов не от исторического материала, не от исторической теории. Выше показано воздействие идей раннего славянофильства, славянофильской и катковской публицистики 60-х годов. Но это не вся питательная среда концепции Данилевского. В разных местах его книги разбросаны указания, позволяющие понять идейные на него воздействия и сферу, где он почерпнул свой фактический материал. Он знаком с историками: Вебером, Гервинусом, Карлейлем, это не выходит за пределы чисто дилетантского интереса к истории. Он хорошо знает современную поли-

тическую литературу – записки 50-х годов: Погодина, Чичерина; брошюры Шедо-Ферроти; он следит за текущей печатью: «Современником», «Московскими ведомостями», «Москвой». В передаче текущей печати знает он и современные политические проекты, появившиеся на Западе.

Здесь, в политической литературе, особенно славянофильской, почерпнул Данилевский ряд идей, которые развил, иначе аргументировал. Идею панславянского союза он унаследовал из литературы периода Крымской войны, в частности – от Погодина. Идея противоположности России и Запада – старая славянофильская мысль. Значение русского языка, как общеславянского, – мысль, вышедшая из панславистского круга. Идея неравноценности народов особенно подчеркнута выражалась Катковым, но встречалась и у славянофилов. Наконец, идея культурного типа вырастала из славянофильских положений об особых путях развития, о значении религиозного начала для определения этих различий. Она в зачатке видна в «Записках о всемирной истории» Хомякова, где выдвинуто положение о неравномерности развития народов¹¹⁰ («Народ растет как человек, подвигаясь не вдруг по всем направлениям духа, но находясь всегда под преобладанием одного какого-нибудь начала, одной какой-нибудь мысли»). Из этого круга идей и выросла система Данилевского. Она – политическая доктрина, возникшая в условиях ущербности русского политического влияния на Востоке, а последнее, следуя славянофильской традиции, автор считает основным призванием России.

Концепция Данилевского слагалась в сложной обстановке ряда внутренних и внешних политических явлений и фактов социально-экономических отношений.

Основу для нее дали события Крымской войны и последующие события начала 60-х годов. Удар по национальному самолюбию и внешнеполитическому значению России, который нанесла Крымская война, особенно остро воспринимался в связи с наблюдением благополучного для Пруссии исхода шлезвиг-гольштинского вопроса. Польский вопрос, добавившись к первым двум, задал автору задачу искать путей его разрешения, а идеологическая борьба, связанная с ним, отразилась в раздражении на «клеветы поляков и Европы» и возмущении невежественными теориями Духинского о туранском происхождении русских¹¹¹. Не раз поднимавшаяся в печати

мысль о восстановлении русских прав на Черном море приковывала внимание автора к этой проблеме, но черноморскую проблему он решает в плане совсем ином, чем современная печать. Австро-прусская война 1866 г. была существенным фактом, отразившим изменение в соотношении сил в Европе. Последствия ее весьма интересуют Данилевского. Книга Данилевского писалась четыре года. Она начата под воздействием обстановки трех определявших работу автора событий: исхода Крымской войны, шлезвиг-гольштинского вопроса и польского восстания 1863 г. Последующие явления, как война 1866 г., принесли лишь дополнительные и гораздо более слабые впечатления; ими осложнилась идеологическая работа автора «России и Европы», но не ими определялась.

Наряду с указанными явлениями международно-политической жизни решающее значение имели и некоторые факты внутренней русской жизни. Это прежде всего рост революционного движения, нигилизм, возбуждающий такое негодование автора своим материалистическим характером. Это отчасти реформы 60-х годов, вызывающие неодинаковое отношение Данилевского. В то время как крестьянская, судебная, цензурная встречались им сочувственно, городское положение было им осуждено. Позже, к концу 70-х годов, неприязненное отношение Данилевского распространилось и на судебную реформу.

Нельзя не отметить воздействия сведений о славянской жизни этой поры. Внутренняя борьба в Австрии, отношения чехов и австрийцев, словаков и мадьяр, вопрос о переустройстве Австрийской империи на началах федеративного строя, о германизации и мадьяризации славян – все это входило в идейную лабораторию Данилевского и налагало свою печать на его работу.

Однако все основные помыслы его – на Балканах. Балканы определяют пафос его построений, здесь разрешаются те политические вопросы, какие автор ставит перед собой. А между тем воздействие действительной жизни народов Балканского полуострова на Данилевского ничтожно, понимание ее им значительно слабее, чем отношений западных славян – чехов и поляков. Место Австрии в восточном вопросе побуждает автора к специальным размышлениям, ему он посвящает особую главу. Турция не привлекает такого внимания. Мусульманство играет положительную роль в концепции Данилевского в качестве охранителя славянства и православия от латинского

натиска и романо-германского поглощения. Правда, автор не отказывается от разрушения оттоманского могущества и освобождения подчиненных Турции славян, так же, как он собирается освобождать и славян австрийских. В таком неодинаковом отношении можно видеть различное понимание значения и политической роли обеих стран. Кажется, что в такой трактовке отразилось усиление политического веса Австрии, ставшей важным фактором развития и балканских отношений. Можно полагать, что постоянные толки русской печати о слабости и разложении Турции не могут быть забыты, когда речь идет о понимании этой особенности построения Данилевского.

Наконец, книга Данилевского вполне отражает то брожение умов, какое явилось результатом неудачи русских панславистов на Московском и Пражском славянских съездах 1867–1868 гг., и отражает двояко. Во-первых, автор откликается на споры, имевшие место там. Известно, что во время съездов звучали голоса только представителей и сторонников «литературного панславизма». «Я знаю, – говорит Данилевский, – что многие из выражавшихся в этом духе изустно и письменно, накладывали узду на свою мысль и слово из-за внешних соображений, ради разного рода благоприличий; но некоторые искренно так думают»¹¹². Позицию этих лиц автор «России и Европы» считает ошибочной. Общение научное и литературное, «союз славянских душ и сердец», совершающийся в какой-то высшей, сверхполитической сфере, – фантазия. Такой союз может иметь место лишь в одной области – религиозной. Но народный интерес («хотя идет непосредственно после интереса религиозного») – интерес земной и должен достигаться средствами положительными, земными, и материальными. Большое заблуждение ссылаться на неподготовленность славян к политическому объединению, на внутренние распри и недостаточное знание России. Славянство никогда не созреет, не подготовится, не оставит частных споров и не узнает России, «если не будет выдвинуто силою событий из своей мелочной атмосферы на всемирно-историческую арену великим историческим толчком». Педагогическую роль истории нельзя заменить пропагандой. Поэтому единственный путь объединения славян и решения всех славянских вопросов – всеславянский союз.

Ошибаются и те, кто думает, что можно сделать русский язык общеславянским в условиях, когда славяне составляют часть чуж-

дых им государственных объединений. Это – «дело столь же мало осуществимое, как известный способ ловить птиц, посыпав им соли на хвост»¹¹³. Даже если бы это оказалось возможным, в условиях чуждого господства языку угрожает искажение, что и имеет место в Галиции. Да, наконец, разве единство языка создало единение Галиции с Россией? Данилевский, таким образом, выступает против попыток, сделанных на славянских съездах, и осуждает их ошибочность. Общность русского языка всем славянам будет «необходимым плодом политического объединения славянства»¹¹⁴. Несколько лет общей борьбы, в простом буквальном смысле этого слова, – борьбы, веденной за одно и то же святое дело, несколько лет политического сожительства сделают больше для духовного единства славян, для возведения русского языка в общеславянское средство обмена чувств и мыслей, нежели столетия самых напряженных, неустанных усилий путем частых совещаний, изустных и печатных проповедей¹¹⁵.

Что касается конечной функции русского языка в славянской среде, то Данилевский определяет ее как «общеславянское средство обмена чувств и мыслей», т.е. как орудие науки и литературы. В конце же раздела, посвященного языку, он путем школьного обучения и другими мерами стремится «доставить ему то же распространение, то же господство, которое получил немецкий язык между австрийскими, турецкий – между турецкими, и которое без сомнения скоро получит мадьярский между венгерскими славянами», т.е. значение государственного языка¹¹⁶.

Книга Данилевского связана с идейной борьбой периода славянских съездов и самым фактом своего появления. Она являлась прямой попыткой решить задачу новой аргументации панславизма, которая возникла перед панславистскими кругами. Она давала новую теоретическую постановку вопроса и подробно разработанную программу.

Всеми своими корнями идеология Данилевского исходила из русской почвы, из русской проблематики и задач, возникавших в русской общественной жизни, в той ее части, где она соприкасалась с жизнью других славянских народов. Констатируя ослабление русского влияния на Востоке, изоляцию России, отправляясь от своего понимания внутренних и внешних задач России, Данилевский провозглашал новую, развитую, философски и исторически аргументи-

рованную программу, – программу политической борьбы, военную программу освобождения славян. Но ведение войн – прерогатива государственной власти или революционного народа. Ненавистник революции, порицатель нигилизма и демократии, Данилевский решал этот вопрос в пользу первой возможности. Для этого на помощь была призвана теория особой органичности русского государства, при которой русский государственный строй – самодержавие – объявлялся не внешней формой, но формой органической, т.е. такой, какая «неразделима от сущности того, что ее на себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности»¹¹⁷. Свойство русского народа – дисциплина, энтузиазм, самопожертвование. Это внутреннее нравственно-политическое единство – «дисциплинированный энтузиазм» делает русский народ огромной силой, которой мир давно уже не видал, так как весь многомиллионный народ «может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил ... волею его государя, независимо от непосредственного возбуждения отдельных единиц – личностей, составляющих народ, тем или другим интересом, событием или вообще возбуждением»¹¹⁸.

Этими своими рассуждениями Данилевский окончательно превращал свою программу в программу «царского великодержавного панславизма» (Сталин), которая сплетает общество и государственную власть и стремится их совокупное действие направить на решение традиционного вопроса русской внешней политики.

Если говорить об идеологических основах и корнях «России и Европы», следует признать, что доктрина Данилевского выросла на теоретической почве, подготовленной славянофилами под определяющим воздействием политических идей славянофильской и катковской публицистики. Автор впитал большую массу идей, излагавшихся в многочисленных рукописных записках, газетных и журнальных статьях, использовал материал исторической литературы. Характер основной задачи, основная схема решения вопроса восходит генетически к первым наброскам панславистской программы в 50-х годах. Главная задача автора – обоснование программы всеславянского союза как способа решения восточного и других вопросов. Но вопрос в новых условиях конца 60-х годов ставился по-новому, и решать его приходилось иначе, чем его решали в 1854 г. Результатом этой новой постановки вопроса и иного, чем раньше, решения,

хотя и на базе ряда общих идей, и была «Россия и Европа» Данилевского.

Данилевский выступил с развернутой программой, претендующей на научную обоснованность. Он был не одинок в попытке научно аргументировать панславистскую доктрину. В том же 1869 г., когда печатались в «Заре» статьи Данилевского, вышла книга А. Стронина «История и метод», представляющая опыт социологического трактата и посвященная славянским гостям России 1867 г. В ней обнаруживается интересный параллелизм с «Россией и Европой». Автор стремится открыть законы общественного развития на основе применения к нему понятий и законов математики и естествознания. Этот, как назвал его Михайловский, аналогический метод представляет нечто весьма комическое. Так, автор берет положение: «сила упругости пропорциональна силе давления», и провозглашает: «всякое учение, всякая партия, всякое мнение, всякая секта, всякое государство, всякий образ правления, всякий принцип обыкновенно до тех только пор обнаруживают и жизненность, и энергию, пока встречают свободный отпор, сопротивление, противодействие, словом, давление; но как только эти последние исчезают и первые становятся господствующими, священными и неприкосновенными, – энергия их падает и заменяется мертвою формальностью. Законом этим объясняется огромное множество самых разнообразных социальных явлений»¹¹⁹.

Малые государства, попадающие в сферу влияния крупных держав, автор называет аэролитами, он говорит о трении, притяжении, атмосфере и т.д. в социальной сфере.

Провозгласив ряд различных положений, говорить о которых было бы уместно в каком-либо очерке социологических взглядов, а не здесь, Стронин формулирует ряд интересных для нас тезисов. «Механически, – говорит он, – коль скоро известное движение началось, то оно должно продолжаться до тех пор, пока не будет остановлено трением, средою, собственною скоростью или поверхностью своею». Среда благоприятна для панславянского движения, так как кругом совершаются или готовятся подобные движения: пангерманизм, панэллинизм и пр. Трение или противодействие врагов славянства становится все слабее: Австрия отказалась от противодействия идее народностей, даже Турция постепенно подчиняется ей. «Самая слабость в наше время движения всеславянского есть

только ручательство за то, что скоро остановиться оно не может»¹²⁰. Остается вопрос, будет ли оно совершаться только силами общества или и правительственными. Автор считает, что последние не могут не примкнуть к нему.

С точки зрения закона пропорциональности силы и ускорения, рассуждает далее автор, «если и ничтожный теперешний объем партии панславистов, действуя на массу столь обширную, каков весь славянский мир, успели однакож произвести в нем повсюду большее или меньшее впечатление, то понимание своих интересов, дальнейшее и дальнейшее наращение деятелей в этом направлении, действия на ту же самую массу должны произвести и работу во столько же раз большую»¹²¹. Ссылаясь на законы Дарвина, Стронин считает, что славянское племя рано или поздно заглушит, если не сотрет с лица земли, венгров, отделяющих славян от России. Наконец, «с астрономической точки зрения будущность панславянского племени еще очевиднее: внутри этой системы огромное, плотное и увесистое тело, какова Россия, вокруг дробные, разъединенные, слабые астероиды славянские». Эта формулировка интересна своим параллелизмом с мыслью Данилевского о панславянском союзе. Эта родственность и близость видна и в дальнейшем, особенно в рассуждениях о взаимоотношении славян и Европы. «...Сила упругости пропорциональна силе давления, т.е. известное действие вызывает и известное противодействие». Западный мир оказывает теперь известное давление, обнаруживает антагонизм с Россией. В то же время Запад все больше собирается и объединяется, чему пример – Италия, Германия и др. Скоро весь Запад окажется сомкнутым, сплоченным против России и славян. Еще резче почувствуется противоположность двух миров, а где противоположность там и борьба. Надо ожидать самой великой в истории христианского мира борьбы. «Но если так, то поднять такую борьбу на свои плечи Россия и даже все славянство, и даже весь восток разъединенный не в состоянии; и напротив, в соединении, и соединении по причине большого сродства частей, по всей вероятности, более тесном, чем возможное соединение запада, в соединении таком, как федерация, греко-славянский мир может без боязни ожидать своего будущего»¹²².

Интересно как перекликаются идеи Данилевского и Стронина, как два автора, находящиеся в разных местах (один в Крыму, другой в Шенкурске), формулируют почти одни и те же положения, говоря

о необходимости борьбы славянского мира с Западом, о неизбежности в связи с этим создания панславянской федерации. Эту близость создавало единство условий, в которых возникли обе концепции, а наукообразный характер их следует отнести за счет влияния позитивизма.

Книга Стронина не привлекла к себе особого внимания. Н. К. Михайловский посвятил ей особую статью, в которой осудил ее. «...Книжка его, – читаем мы в этой статье, – может возбудить только отрицательный интерес, может показать только, что не следует идти теми логическими или, вернее, нелогическими путями, какими идет г. Стронин»¹²³. «Что же касается до объяснения социологических явлений с механической, астрономической, физической, химической, геологической точек зрения, то, сколько нам известно, оно на всем земном шаре встречается только в сочинении г. Стронина, если не считать, разумеется, чисто мистических бредней»¹²⁴. Не менее резко осудил он и астрономическое обоснование панславизма, которое может быть без труда опровергнуто¹²⁵. Мягче оценил книгу Стронина анонимный рецензент «Петербургских ведомостей»¹²⁶.

Гораздо более крупным фактом было появление в том же 1869 г. «Мнения о восточном вопросе» Р. А. Фадеева. Генерал кавказской боевой школы, военный писатель, автор «Шестидесяти лет Кавказской войны», «Писем с Кавказа», «Вооруженных сил России» и др., Фадеев в своих построениях стремился дать набросок желательного направления практической политики.

Не соглашаясь с теми, кто от неудачи в Крымской войне перешел к неверию в силы России, Фадеев констатировал невыгодно для России складывающуюся международную обстановку. «В освобождении Италии мы проиграли тем, что к лагерю, конечно не дружественному, прибавилась двухсоттысячная армия; в объединении Германии потеряли ненарушимый прусский союз, прикрывавший половину нашей западной границы, потеряли обеспеченность будущего с этой стороны и утратили свое исключительное положение на Балтийском море; поражение Австрии, задвинутой теперь стеной от остальной Европы, оставленной с нами с глазу на глаз, может иметь последствием то, что сделает любезные отношения 1854 года с этой

державой постоянными»¹²⁷. Россия изолирована в Европе, и последняя враждебна ей. Далее Фадеев продолжает в славянофильском духе. Вражда проистекает от недоверия к многочисленному народу с своеобразным укладом, где многие общественные вопросы понимаются иначе, чем в других странах, где народ наделен землей, где исповедуется религия, одинаково враждебная и католицизму, и протестантству. Это государство имеет родственные ему стихии – славянские и православные, которые Европа поглотила бы и совратила, если бы они не были пробуждены православно-славянской империей. Европу нельзя убедить насчет пугающего ее призрака. Она считает всех русских и других славян чужими и принципы права, свободы и национальности она не распространит на славян. Поэтому для России невозможны прочные и устойчивые союзы; даже сблизившаяся по какому-либо вопросу держава в остальном будет смотреть на нее теми же глазами, как и враги. Сочувственные силы есть, но они в распоряжении недругов; нужны большие перевороты, чтобы выйти из одиночества и стать посреди сочувственной свободной семьи. Так излагал свои взгляды Фадеев в «Вооруженных силах России» (1867 г.). Он развил их в своем «Мнении о восточном вопросе».

Перед Россией стоит дилемма: или остановиться в своих пределах и отбросить всякую мысль о славянстве и православном Востоке, или открыть объятия всем, кто ближе к ней, чем к Европе, и принять их на правах младших, но самостоятельных братьев. Первое решение ведет к разрыву с историей: уже подняты племенные влечения, затронут восточный вопрос, и если Россия не воспользуется моментом для решения вопроса в свою пользу, его решат ей во вред. У нее окончательно отнимут Черное море, и оно перейдет в чужие руки; сорок миллионов славян, оттолкнутых ею, станут во враждебные ряды; непомерно возрастет немецкое могущество; спор из-за Польши приобретет большую остроту, немцы займутся не только ею, но и балтийским побережьем; возникнут осложнения в Финляндии, Ливонии, Бессарабии, Крыму¹²⁸. Средний путь – худший из всех; на нем автор не останавливается. Итак, «Россия распространит свое главенство до Адриатического моря, или вновь отступит до Днепра»¹²⁹.

Объединение славян – это русское дело, оно диктуется русским интересом удержания своего значения как великой державы: «Мы будем дышать свободно тогда лишь, когда устроим внешние окраи-

ны собственными и сочувственными, теперь еще задавленными силами, без спроса у Европы»¹³⁰. Но в этом вопросе есть и другая сторона. Славяне существуют лишь благодаря существованию России, они могут сохранить свое бытие в качестве славянских народов лишь при русской помощи, а если они достигнут свободы, то сохранить независимость могут только опираясь на Россию. Поэтому, «славянские народы должны стремиться к двум целям: каждый отдельно – к самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, все вместе – к теснейшему племенному союзу с Россией и к русскому главенству в военном и международном отношении»¹³¹. Однако это далекая перспектива. Пока сочувствие славян к России – сочувствие отвлеченное, не имеющее никакого практического значения. Славяне не только не самостоятельны, но даже в сочувствии их нет определенного содержания; они довольны уже самым фактом существования большого и самостоятельно родственного по языку и племени народа, и лишь наиболее придавленные ждут непосредственной помощи от России¹³². Главным же образом славяне Австрии и Турции сочувствуют северной соплеменнице литературно. Для того же, чтобы рассчитывать на деятельное сочувствие славян, Россия сама должна дать им «существенный залог своей готовности переходить от слов к делу»¹³³. Нужно дать средства для поддержания умственного славянского движения, поощрять выдающихся деятелей, обеспечить убежище преследуемым за преданность славянскому делу. Необходимо вызывать славян в Россию, когда возникает нужда в людях, например, заменить польских ксендзов славянским католическим духовенством, принимать славян на военную службу, и тем создать «постоянное нравственное соприкосновение между Россией и заграничными ее братьями»¹³⁴. Это – необходимая предпосылка дальнейшего развития событий. Славяне могли бы разом перевернуть весь порядок в Турции и Австрии, если бы могли действовать согласно и единодушно. Достижение такого единодушия возможно лишь при наличии определенного центра, руководителя. Славянам нужен союз. «Без внешнего объединения огромная масса славянского и православного мира бессильна; собранная вокруг одного общего устоя – она неодолима»¹³⁵. Славянский мир – это «космическое облако, могущее стать сложившимся миром только при объединяющем центре тяготения»¹³⁶. Так дело обстоит потому, что славянство стоит перед лицом сильного и опасного врага, каким является немецкое племя. И

вопрос о судьбе славянства решится прежде всего в земле славянской по крови, немецкой по политической географии, т.е. в Австрии. «Когда закончится объединение германской породы в пределах, гордо ею назначаемых для себя, и она примется онемечивать славян прусскими мерами, будет уже поздно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвой»¹³⁷. Надо спешить и помнить, что главная препона в восточном, т.е. славянском, вопросе – Австрия. Европа, в частности Франция и Англия, – лишь союзники Австрии¹³⁸. Ключ вопроса в ней, и даже в отношении собственно восточного, т.е. турецкого вопроса, Австрия – главное препятствие на русском пути. Фадеев понимает это не столько географически, сколько политически. Австрия не может занять другой, не антирусской позиции. «Согласиться на разрешение восточного вопроса не только в русском смысле, но в смысле не прямо противоположном русским видам и чувствам значило бы для нее наложить на себя руки»¹³⁹. Она не может вынести соседства со своими славянскими областями свободных славянских народов. Поэтому или Австрия подчинит себе славян, или последние освободятся на всем пространстве Австрии. Это в особенности относится к соседству с Австрией княжества Сербии. Поэтому «турецко-славянские и австрийско-славянские дела переплелись в такой безвыходной клубок, что нет никакой возможности расплести одну его половину, не трогая другой»¹⁴⁰. От прежнего восточного вопроса, вопроса о бессилии Турции не оставалось ничего, кроме названия. Есть оттенки в славянском вопросе в Австрии и Турции, но они не меняют существа. И новое в восточном вопросе нашло свое выражение в ином, чем раньше, значении Австрии. Она превратилась в оплот Европы против Востока, а под этим последним теперь понимают не Турцию и мусульманство, а Россию, славянство, православие¹⁴¹. Австро-прусская война воспринималась Фадеевым, как показатель дальнейшего сдвига, он считал, что противником России в вопросе о самостоятельности славян будет не только Австрия, но все немецкое племя. В последующем издании брошюры (1873 г.) он еще сильнее подчеркнул роль Германии в противодействии освобождению славян, однако и в первоначальном тексте эта мысль была уже достаточно ясна. «Главный враг наш, – читаем здесь, – никак не западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями»¹⁴². С этим врагом предстоит борьба. Обсуждая ее перспективы, Фадеев, с одной стороны, рассматривает задачи чисто военного ха-

рактера, – размер и состав армии, необходимой для борьбы на западной границе, с другой – те политические средства, какие нужны для предупреждения этой опасности.

Для взглядов Фадеева характерно признание близости грядущего столкновения и невозможности иного, т.е. мирного, исхода. «Россия не может допустить никаким образом ни онемечения или окатоличения своих заграничных сродников, ни тем еще менее решительного перехода их во враждебный стан»¹⁴³. «Никакой сильный народ не дозволит без сопротивления, чтобы в сфере его действия, а тем более на его границах, происходили события, последствия которых могут оказаться ему неблагоприятными»¹⁴⁴. Естественна поэтому попытка автора найти средство борьбы; понятно, что таким средством оказывается славянский союз. Иных союзников нет ни у России, ни у славян. «При нынешнем разделении Европы нет места кучке маленьких народцев, распоряжающихся своими маленькими армиями, объявляющих войну, заключающих мир и союзы – каждый от своего лица. И где же – между русскою и будущею немецкою империями»¹⁴⁵. Здесь нужна крепкая связь, «общий глава с общим советом, ведение международных дел и военное начальствование в руках этого главы, русского царя, естественного начальника всех славян и православных»¹⁴⁶. Всеславянский союз Фадеев мыслит, как союз монархический, объединяемый единством главы государства и единством династии. Объединение славян произойдет вокруг 6–8 центров, каждое подобное объединение будет возглавлено своим монархом. Все они должны быть членами русского царствующего дома. Русская династия займет, таким образом, командные посты во всех государствах – членах Союза. Монархическая государственность панславянского союза мыслится, как государственность самодержавная. Из центральных учреждений Фадеев упоминает лишь общий совет при главе всего союза. Уже то, что речь идет о с о в е т е, показывает, что это не парламент, да и странно ждать от Фадеева парламента для всеславянского союза, когда он отрицал его для России¹⁴⁷. В руках русского царя сосредоточены иностранные и военные дела. Таким образом, государственность членов славянского союза скорее представляет собой внутреннюю автономию, чем государственное устройство в собственном смысле слова. Государственным («политическим и связующим», по терминологии Фадеева) языком должен быть русский, а русский народ – занять главенствующее положение¹⁴⁸.

Очень смутно формулировал Фадеев желательную для него судьбу Константинополя. С одной стороны, он указывал на важность проливов для России, с другой – предлагал Константинополь сделать «вольным городом племенного союза», так как он слишком значителен, чтобы «принадлежать какому-нибудь мелкому народу»¹⁴⁹. Но, по-видимому, делать столицу древней Византии центром нового государства Фадеев не предполагал¹⁵⁰.

Таков в основных своих чертах план Фадеева. Он отличается от доктрины Данилевского своей теоретической неразработанностью и большей отдаленностью от славянофильства. Признание, что славянству предстоит борьба не с Европой, а с немцами, ведет Фадеева в сторону от славянофильства. Можно было бы даже сказать, что при сравнении общих положений «Вооруженных сил России» и «Мнения по восточному вопросу» замечается ослабление славянофильских нот во втором. Здесь противоположность России и Австро-Германии объясняется не столько исконной противоположностью начал, сколько политическим соперничеством и идеей всеславянского объединения во главе с Россией. Характерной чертой взгляда Фадеева является пренебрежительное отношение к Турции, чье значение в восточном вопросе он рассматривает как второстепенное по сравнению со значением Австрии¹⁵¹. Интересна слабость церковных моментов, почти отсутствующих у Фадеева. Идеологически он ближе к Погодину, чем к славянофилам. Так же как и у Погодина, политические и национальные мотивы у Фадеева звучат гораздо сильнее мотивов религиозно-племенного мессианизма, всегда свойственного славянофильству.

Как Погодин во время Крымской войны мечтал о панславянском союзе и, может быть, дальнейшем расширении в Азии, так Фадеев утверждал: «Вся русская история, без всеславянской цели, теряет смысл»¹⁵². Славизм Фадеева был формой русизма, это был национализм под флагом панславизма, что видно и из основных линий концепции, и из отдельных деталей ее конструкции. Первым шагом на пути реализации своей программы Фадеев считал присоединение Галиции, украинское население которой не существовало для него; она называлась Червоная Русь, Прикарпатская Русь¹⁵³ – термины, подчеркивающие русский ее характер. Говоря о решении польской проблемы, Фадеев провозглашает: «Польскому народу один выбор:

быть младшим братом русского народа или немецкою провинциею»¹⁵⁴. Но понимание братства у него своеобразно, оно состоит из двух элементов: это – обрусение западных губерний и признание поляков славянским народом, имеющим право на помощь России для воссоединения растерзанных его членов. Признание русского языка в качестве общегосударственного – это лозунг русификации всех разнородных славянских элементов панславянского союза, вполне аналогичный подобному же требованию Каткова в отношении народов Российской империи и выражающий яснее мысль, не вполне отчетливо звучащую у Данилевского.

Брошюра Фадеева получила ничтожный отзыв в России; печать ее игнорировала; лишь в узком кружке она вызвала восторг¹⁵⁵. Большее впечатление она произвела за границей. Она была переведена на немецкий, чешский, польский¹⁵⁶, сербский языки. Сербское издание, которое нам удалось держать в руках, сопровождалось предисловием, рекомендовавшим автора в качестве одного из наиболее даровитых русских офицеров. Приводились краткие биографические сведения об авторе и отмечалось, что он состоит в близких отношениях с самыми высшими русскими кругами. Неизвестный составитель предисловия был очень высокого мнения о взглядах Фадеева, которые, по его мнению, отличались ясностью, трезвостью политических взглядов, чисто славянским мышлением и государственной гениальностью. Брошюра в его глазах являлась доказательством того, что «славянский дух и славянская программа начинают распространяться и пускать корни в правительственных и военных кругах России»¹⁵⁷.

Отставной профессор П. П. Томич писал с восторгом Н. А. Попову: «Не могу описать словами радость, с какой читал «Мнение о восточном вопросе» Р. Фадеева». Россия, продолжал он, может и должна совершить свою миссию на Балканах¹⁵⁸.

На польском языке появился перевод брошюры в газетах «Край» и «Дзенник львовски», в некоторых других славянских газетах были помещены портреты Фадеева и статьи о нем¹⁵⁹. Чешский журнал «Květy» высказывал сочувствие его взглядам¹⁶⁰. Проф. Первольф писал из Праги Н. Попову, что брошюра Фадеева произвела большое впечатление, и отмечал ее логичность и убедительность. Но в другом, более позднем письме (от 13 мая 1871 г.) сообщал, что один из

корреспондентов русских газет – Гебауер «отказался продолжать свои функции, так как опасно иметь связи с соотечественниками пугала Фадеева»¹⁶¹.

Такой отзвук брошюра Фадеева получила не благодаря новизне и особому интересу его мыслей. Среди панславистских писателей этой поры были более даровитые и интересные, хотя бы Данилевский, которые, оставались на западе неизвестными и незамеченными¹⁶². Причина успеха книжки Фадеева – в положении автора, она была сочтена за официозное сочинение, за голос правительственных и военных кругов. Но она не была им. Если это был голос военных сфер, то не тех, какие в это время были руководящими в русской армии: Милютин расходился с Фадеевым в вопросе о путях реорганизации русской армии, не солидаризировался он с ним и в вопросах внешнеполитических. Но в иных военных кругах эти мысли имели известный успех, что видно из сближения Фадеева с Черняевым, в «Русском мире» которого он стал сотрудничать; известна близость Фадеева к Барятинскому. Это круги (особенно связанные с Барятинским) – выразители отсталых, реакционных взглядов в области военного дела. Это были не руководящие, а оппозиционные военные круги. Среди них находили поддержку идеи Фадеева. Немного позже в число сочувствующих ему лиц (главным образом в отношении общеполитических взглядов) вступил наследник вел. кн. Александр¹⁶³.

Еще в меньшей мере можно говорить о брошюре Фадеева как голосе правительственных сфер в отношении внешней политики. Взгляды Фадеева не имели ничего общего с взглядами Горчакова и ряда других дипломатов, хотя не могли не встречать сочувствия у Игнатьева. Во всяком случае, оценка, данная брошюре сербским переводчиком и некоторыми чешскими кругами, была явно преувеличенной и ошибочной. Она придавала выступлению Фадеева такое значение, какого оно в действительности не имело.

Жертвой подобного преувеличения были и заграничные противники фадеевского панславизма, начавшие полемику против него. На чешском языке появилась анонимная брошюра, оспаривавшая взгляды русского автора и указывавшая на опасность общеевропейской войны в случае попытки реализации изложенных в «Мнении» Фадеева взглядов.

Но если необходимо отвергнуть мысль об особой значимости идей Фадеева или о значении его голоса как рупора правящих сфер, не приходится отрицать значения его произведения в ряду прочих построений русского панславизма конца 60-х годов. Лишенный философской оболочки, как у Данилевского, социологической, как у Стронина, трактат Фадеева интересен как попытка предложить практическую программу внешней политики. В его произведении нет прямых указаний на Славянский съезд 1867 г. и на вопросы, дебатировавшиеся там. Однако обсуждавшийся на съезде вопрос об общеславянском языке нашел себе место в доктрине рассматриваемого автора. Гораздо важнее для понимания концепции Фадеева круг тех международно-политических фактов и наблюдений, от которых он отталкивается. У Фадеева, как и у Данилевского, еще сильны воспоминания о времени Крымской войны, особенно о роли и позиции Австрии. Он очень остро ощущает отсутствие черноморского флота, затрудняющее наступательные действия России на Балканах. Он не забывает отношения Австрии к польскому вопросу. «По двум нашим жизненным вопросам – восточному и польскому – она может служить вместе щитом и мечом враждебной нам части Европы, смотря по своим интересам»¹⁶⁴.

Фадеев хорошо помнит сообщения французской печати 1863 г. о переговорах между Францией и Австрией относительно проекта территориальных разменов: Венеция отойдет к Италии, Галиция – к Польше, а Босния, Герцеговина, Сербия и Румыния – к Австрии. Он старается учесть результаты победы Пруссии в австро-прусской войне и рост пангерманизма. «Возьмите, – восклицает он, – какое угодно путешествие неавстрийского немца в Австрию, какое угодно рассуждение его об Австрии, половина книги состоит всегда в осуждении венского правительства за неумение онемечить в продолжение стольких веков славян, румын и даже мадьяр, – в предложении мер к ускорению этого онемечення и в выражении уверенности, что в руках других, более энергических, сынов Германии оно осуществится, причем Дунай станет исключительно немецкою рекою»¹⁶⁵.

1866 год – вот дата, которая особенно часто мелькает на страницах трактата, вот событие, вызывающее особенно отрицательную оценку автора, так как оно резко ухудшило военно-политическое положение России. Кончилась вековая распря Пруссии и Австрии, между ними сложился союз. Теперь не только Австрия является щи-

том Турции, но Пруссия щитом Австрии. «Противопоставленные нам щиты нагромодились в три этажа»¹⁶⁶. И хотя изменившаяся международно-политическая обстановка делает для Франции весьма важным соглашение с Россией, для осуществления русских интересов никто не протянет России руку. Очень удачно Фадеев замечает: «С кем Россия ни заключит союз и как победоносно ни будет действовать в этом союзе, за нею останется лишь тот выигрыш, который она успеет совершенно закрепить во время войны»¹⁶⁷. Изоляция России в Европе – основной факт, от которого отправляется Фадеев, основное его беспокойство, так как он не только стоит на пути возможного расширения России, но и облегчает возможности немецкого *Drang nach Osten*. «Главный враг нам никак не западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями. Победа склоняется на сторону того, кто возьмет верх в спорной земле – славянской по крови, немецкой по политической географии, разделяющей два могучие народа. Когда закончится объединение германской породы в пределах, гордо ею назначенных для себя, и она примется онемечивать славян прусскими мерами, будет уже поздно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвою»¹⁶⁸. В панславизме Фадеева есть характерные ноты, навеянные пангерманскими настроениями в Германии и Австрии, развившимися перед и во время франко-прусской войны и приведшими к образованию в конце 70-х годов первых экспансионистских организаций, выступавших с защитой колониальных и территориальных требований германского империализма. Надо сказать, что Фадеев остро ощутил тенденцию, проявлявшуюся в современной немецкой печати. В начале 1871 г. в Будапеште стал выходить журнал «Die deutsche Wacht an der Donau», во втором номере которого было помещено резко антирусское стихотворение, где России бросался упрек в желании властвовать над всеми славянами и захватить в свои руки Дунай.

Пока еще теплится капля крови,
Пока кулак в состоянии вытянуть меч,
Пока рука заряжает ружье,
Ни один русский не ступит на берег Дуная! –

говорилось там¹⁶⁹. Берлинские журналы и листки, более сдержанные в отношении России, развертывали бешеную кампанию против австрийских славян и требовали их германизации. Так, «Stasburger Zei-

tung» писал: «Если уж ради политики Германия должна терпеть русские притеснения братьев своих на берегах Двины, то не должна терпеть дерзости чехов, не уступающей французской». Уличным листкам вторили ученые, и проф. Шлезингер в книжке «Положение немцев в истории Богемии» заявлял, что на той части немецкой территории, какой является Чехия, развивалась и могла развиваться только немецкая история, и отрицал тем самым историческое бытие чешского народа¹⁷⁰.

В панславизме Фадеева особенно остро ощущается наличие непосредственной реакции на угрозу пангерманского кулака, заносимого над всем славянским миром. Но реакция эта шла со стороны человека своего времени, представителя помещичьего класса, носителя определенного мировоззрения, и создававшаяся им программа практической политической борьбы не могла не отразить на себе всех этих сторон, не могла не показать классовой ограниченности ее автора. Мы покажем ниже, что развитие пангерманизма дало и другие отклики в современной русской печати.

В ряду сочинений, излагавших или защищавших панславистскую теорию, нельзя не назвать книги, занимающей несколько своеобразное место. Это докторская диссертация В. И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (СПб., 1871). Несмотря на свою ученую цель это исследование представляет собой научную аргументацию в пользу панславизма и по своей принципиальной основе перекликается с книгой Данилевского, сочувственно отмечаемой автором¹⁷¹.

В книге Ламанского три главы: 1. «История (средняя и новая)», где показывается трактовка основной проблемы работы в исторической литературе. 2. «Господствующее, европейское, преимущественно немецкое, воззрение на славян». 3. Разбор этого воззрения. В них раскрыт огромный материал, почерпнутый автором из западноевропейской исторической, этнографической, политической и другой литературы. Он организован рядом определенных идей, для нас как раз и представляющих значение.

Автор утверждает существенное различие между западноевропейским романо-германским и греко-славянским миром во всех отношениях. «Деление христианско-арийского мира на восточный и

западный, греко-славянский и романо-германский, основано на строгом различении их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще культурных особенностей»¹⁷². Их взаимоотношения и борьба – главная ось исторического развития Европы и Азии. Все остальное – внутренняя жизнь этих миров и история неарийского, нехристианского миров – второстепенный вопрос, могущий интересовать лишь по связи и отношениям к двум основным мирам¹⁷³. В дальнейшем автор несколько осложняет свою схему, устанавливая наличие трех арийско-христианских миров: романо-германский мир старого света, романо-германский мир нового света, греко-славянский мир»¹⁷⁴.

Между греко-славянским и романо-германским мирами лежит пропасть. Славяне вообще, русские в особенности, всегда казались романо-германским европейцам чужими по вере, по государственному устройству, по социально-экономическому быту¹⁷⁵. А так как Россия есть «главный и даже единственный самобытный представитель греко-славянского мира»¹⁷⁶, так как она представляет нечто вроде отдельного материка, по отношению к которому прочие славянские земли всего лишь дополнение, то в силу общих исторических путей развития народов греко-славянского мира (отмечается слабость аристократии, значение православия, роль общины, славянский язык церкви и просвещения) он монолитен и лишен двойственности, характерной для Римской империи, где на Западе господствовали латинский язык, греческий язык и образованность – на Востоке. В силу же того, что Россия в греко-славянском мире занимает особое положение, она становится в нем своего рода гегемоном. «В нашем мире нет такой национальности и образованности, нет такого языка, которые бы могли оспаривать первенство, преобладание и господство у русской национальности и образованности, у русского языка»¹⁷⁷. Ламанский убежден в предстоящих широких завоеваниях русского языка. «Обрусение немцев в России и распространение русского языка и грамотности в землях славянских на юге за Дунаем и на западе за Вислою и Карпатами уже отмечены грозною судьбою, как событие ближайших к нам времен...»¹⁷⁸. Вопросу о русском языке как общем языке греко-славянского мира Ламанский (и это вполне понятно) уделяет большое внимание.

Все это – мысли общие всем панславистским авторам данной поры и особенно сближающие Ламанского с Данилевским. Сохраняется подобная близость и в других вопросах.

Основываясь на заявлениях немецких писателей об ослаблении латинской стихии в жизни Европы, ученый-славист делает вывод, что «оскудевает, беднеет, истощается европейская цивилизация вообще»¹⁷⁹, в которой исчезает один из главных деятелей. Сравнение с судьбами других цивилизаций приводит Ламанского к выводу о неизбежности гибели европейской цивилизации: «Ни христианство в его формах католической и протестантской, ни различные системы рационалистической философии, с их сильным национальным отпечатком, ни, наконец, индуктивный метод не придают европейской цивилизации такого особого признака, который бы ее существенно отличал от всех предшествовавших цивилизаций наложением печати бессмертия европейским нациям и государствам»¹⁸⁰. В области современной ему истории государств Ламанский придавал особое значение ослаблению и уничтожению Франции, которое ослабляет Европу в пользу России и Америки. С одной стороны успехи Германии бросают славян и даже поляков в объятия России, с другой – «падение Франции и прочих романских земель есть вообще падение европейской цивилизации», так как в романской Европе сильно германское, а в германской – романское влияние и воздействие¹⁸¹. В своем падении виновата сама Франция, будучи в страшном ослеплении. Как раз в то время, когда Бисмарк, Роон и Мольтке составляли свои планы, Франция была занята проектами борьбы с Россией из-за поляков, тогда как только Россия и могла поддержать независимость Франции. Но все это важно лишь в общей постановке. Никакие частные изменения соотношения сил в Европе для России не представляются актуальными. Вполне совпадая по мысли Данилевского, что всякое нарушение европейского равновесия выгодно России, Ламанский говорит: «С ослаблением же Франции, слабеет вся Европа, теряя свой вес в пользу России и Америки, интересы коих далеко не тождественны с интересами европейскими»¹⁸².

Падение Франции – это только начало. «Кто нас может уверить, – спрашивает Ламанский, – что и в германских народах, в германской Европе не имеется вовсе тех признаков разложения, упадка и смерти, которые ... так отличают современную романскую Европу и Францию во главе»¹⁸³. Он указывает на опасные признаки разложения – умножение политических партий, распространение социалистических и коммунистических учений. Но Ламанский понимает, что все эти учения «имеют ... свою законную причину бытия»: ею

является социально-экономический строй с особенностями поземельных отношений, с развитием индустриализма, пауперизма и пролетариата. Это явления, общие всей Западной Европе. Они-то и свидетельствуют о грядущей гибели романо-германского мира.

Его заменит греко-славянский мир или, как в данном месте выражается Ламанский, «русский народ и вообще славянский (без «греков» – С.Н.) мир призван историей к великой самостоятельной будущности»¹⁸⁴, ему предстоит мировое призвание.

Приведенные мысли, достаточно полно раскрытые автором, были выражением его панславистского мировоззрения. Ламанский говорит о необходимости решения восточного вопроса, но считает, что оно невозможно без борьбы двух европейских миров¹⁸⁵. Он видит для славянского мира иной путь развития, чем тот, который проходила Западная Европа¹⁸⁶. Боязнь немцев перед Россией он объясняет тем, что они «справедливо в ней видят плотное, могущественное тело, которое, обладая притягательной силой и влиянием на западных славян, легко со временем может собрать вокруг себя, под общее славянское знамя, все прочие славянские земли. Развитие славянской идеи в России и русских симпатий в землях славянских вполне справедливо считается немцами за наивернейшее средство для осуществления столь неприятной и противной им задачи»¹⁸⁷. Ламанский не любит термина «панславизм». Если он его употребляет, то говоря, что немцы бредят панславизмом¹⁸⁸. Тем не менее все изложенное до сих пор бесспорно свидетельствует, что Ламанский принадлежал к этому течению общественной мысли.

Но у нашего автора есть некоторые своеобразные черты. Одни из них отличают его от Данилевского, который вслед за К. Аксаковым и И. В. Киреевским утверждал, что русский народ лишен насильственности. Ламанский подобный взгляд считал сентиментальным, полагал, что русский народ не чужд насильственности, что представление о России и русском народе как о незавоевательных не имеет опоры в историческом прошлом¹⁸⁹.

Основная антинемецкая направленность в известной мере сближает Ламанского с Фадеевым, но делает его все же отнюдь не тождественным с последним. Фадеев рассуждает, как политический мыслитель, Ламанский – как ученый. Первого интересуют военно-политические вопросы, второго – вопросы морально-политического порядка и прежде всего разгром немецко-шовинистического и пан-

германского представления о славянах, отразившегося и в научной, и в политической литературе. Он борется против представления, что нужно «для блага всей Европы, всего человечества, желать победы и торжества немецкого элемента над западнославянским и русским, как начала высшего над низшим, доброго над злым, светлого над темным»¹⁹⁰. Он протестует против сравнения славян с неграми, против теории о туранстве русских и т.д. Надо сказать, что по богатству подобранного материала, глубине эрудиции в этой своей части книга Ламанского и сейчас представляет бесспорный интерес, намного перевешивающий значение его теоретических рассуждений. В контексте же последних панславистские воззрения Ламанского приобретали боевой антинемецкий характер, прекрасно отображающий настроения известных кругов русского общества той поры.

Что же представляли собой рассмотренные панславистские системы в классовом отношении.

Для ответа на этот вопрос необходимо учесть некоторые стороны этих построений, до сих пор не привлекавшие нашего внимания, а также и некоторые черты внутреннеполитических взглядов изучаемых писателей. Второе необходимо, в частности, в отношении Фадеева, бывшего автором не только «Мнения», но и других политических сочинений, раскрывающих его воззрения на вопросы внутренней политики России. Так, в известной брошюре «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (1874 г.), первоначально печатавшейся в «Русском мире», Фадеев говорил: «Наше общественное дело может быть поведено только одним дворянством, присоединяя к нему, конечно, силу больших капиталов и крупных талантов, откуда бы они ни взялись»¹⁹¹. Брошюра доказывала далее необходимость первенства дворянства в различных областях управления и администрации. «Наше земское самоуправление станет живым делом лишь при дворянской закваске». «Дворянство будет поставлено в приличное ему положение тогда лишь, когда ему придется н е д о б и в а т ь с я преобладания в местном обществе, а п о л ь з о в а т ь с я им как своим законным правом, для чего нужно не избрание в земские должности из дворян, а напротив – избрание в эти должности дворянами – кого угодно». «С признанием

русского дворянства ... государственным сословием, в прямом значении слова, оно должно стать сословием обязательно служилым»¹⁹². Нет нужды приводить больше цитат, хотя количество их могло бы быть значительно умножено; мысль автора вполне ясна. Он заботится о выдвижении дворянства на первый план, о ликвидации того бессословного строя, какой создавался реформами 60–70-х годов. Фадеев выступает в качестве одного из ранних идеологов контрреформ, как защитник преобладания дворянства во всех областях государственной и общественной жизни. В сжатом виде это формулировал Фадеев в письме к Ю. Ф. Самарину, где писал: «Россия сохранила только одну живую силу – верховную власть, но она, как и вся земля, в руках чиновников, которые не могут руководить ни в нравственных, ни в материальных делах. В результате страна оказалась бесхозяйной. Ее должно взять в свои руки дворянство, потому что как это «историческое сословие» ни «бессвязно и неумело, (оно) есть все-таки действительность». Хозяином на «русском пустыре» должно быть дворянство; правительство должно быть окружено дворянами и действовать через посредство их»¹⁹³.

Фадеев считает необходимым поглощение купечества дворянством. Купечество не сложилось в особое сословие; имеются лишь отдельные лица, владеющие крупными капиталами. Поэтому следует облегчить крупным купцам переход в дворянство. В книге подчеркивается земледельческий характер русского народа, нерывающего связи с деревней даже в лице своих представителей, живущих в Петербурге. Поэтому в России невозможны образование пролетариата и классовая («сословная») борьба¹⁹⁴.

В публицистической деятельности Фадеева можно установить три периода: в 60-е годы он занимается военными вопросами, вопросом о реорганизации армии, конец 60-х – начало 70-х годов отдал проблеме панславизма, после чего перешел к вопросам внутренней политики. Такое движение не было отказом от какого-то круга мыслей и переходом к другому. Это было лишь совершившимся во времени раскрытием воззрений Фадеева в их полноте.

Основная идея Фадеева сводится к следующему. Россия переживает кризис, но менее важный и решительный, чем в Петровскую эпоху. Надо вывести из него государство, так как кризис ослабляет Россию. Благополучное разрешение кризиса зависит и от правительства, и от общества, а путей разрешения – два. «Единственный ис-

ход, который мог бы поднять нас н р а в с т в е н н о , заменить наши жидовские идеалы текущего дня чем-нибудь похожим на действительный идеал – вопрос славянский в обширном смысле, неприступен при нынешнем состоянии русских вооруженных сил, расстроенных до корня и надолго. Поэтому остается только внутреннее сплочение»¹⁹⁵, принципы которого Фадеев развил в «Чем нам быть». Таким образом, программа дворянского преобладания и проект панславянского союза – две части одной целостной концепции, стремящейся наметить пути к укреплению и усилению русской монархической государственности и обеспечению ей европейского преобладания¹⁹⁶.

Фадеев критически относился к славянофильству. Он считал его отжившим направлением, создавшим целостный, но слишком теоретический и непрактичный взгляд, он презрительно именовал их «либералами-утопистами»¹⁹⁷; а в письме к Самарину подшучивал над тем, что они «затрагивали славянский вопрос с точки зрения святителя, служащего когда-нибудь в ризах св. Мефодия в древней Праге, на берегу шумящей Савы и Дравы»¹⁹⁸. Себя самого он считал практиком и свои приемы более верными, «когда вопрос идет о практическом деле, а не о теории». Панславизм Фадеева был не исторической, историко-культурной или какой-либо иной концепцией этого рода. Это был набросок практической программы, которая имела такое же значение, как меры, предложенные в «Чем нам быть», и которая являлась программой реакционных дворянских кругов, стремившихся к укреплению своего расшатанного внутри страны положения восстановлением сословно-дворянского преобладания и к активной внешней политике для цементации желательного внутреннего режима. Во всяком случае, для Фадеева панславизм – средство, а не цель, и средство решения собственных русских вопросов, неразрывно связанных с судьбами русского великодержавия.

Между Фадеевым и Данилевским много общего. Недаром первый считал «Россию и Европу» выдающимся произведением, выделяющимся «как бриллиант из груды ежегодно истребляемой у нас бумаги»¹⁹⁹. Есть, однако, и известные отличия в оттенках решений отдельных вопросов. Прежде всего Данилевский весь сосредоточился на проблемах внешней политики. Внутренним вопросам он уделяет лишь небольшое внимание. Однако он касается и их.

Данилевский и Фадеев сходятся в понимании характера русской государственности и будущей государственности панславянской.

Оба они монархисты, противники конституционализма. Данилевский считает самодержавие не просто формой государственного устройства. «Оно (самодержавие. – С.Н.), конечно, также форма, но только форма органическая, то есть такая, которая неразделима от сущности того, что ее на себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности. Такова форма всякого органического существа от растения до человека. Посему и изменена, или в настоящем случае ограничена, такая форма быть не может. Это невозможно даже для самой самодержавной власти»²⁰⁰. Для Фадеева царь – «естественный начальник всех славян и православных»²⁰¹. Если Фадеев размышляет над способами укрепления положения дворянства, то Данилевский с грустью смотрит на Англию, идущую «по скользкой наклонной плоскости демократизма»²⁰², а в качестве русских грехов европейничания перечисляет: нигилизм, аристократизм, демократизм и конституционализм²⁰³.

Интересно отношение Данилевского к реформам. С одной стороны, он высоко ценит крестьянский надел – основу крестьянской реформы. В то же время судебную реформу он расценивает с точки зрения приближения к славянскому совестному суду. Когда же оказалось, что новый суд – европеизированный суд присяжных, Данилевский был весьма разочарован. Он с большим неудовольствием говорит о газетах – «худшем проводнике убеждений»²⁰⁴, и его выпады против новых веяний в русской жизни вполне гармонируют с суждениями Фадеева о кризисе и разброде, созданном реформами.

У Данилевского сильны связи со славянофильством. Поэтому дворянская точка зрения у него приобретает иной характер, чем у Фадеева, но она выражена и у него. Данилевский идеализирует крепостное право²⁰⁵. Он превозносит крестьянскую общину и надел в качестве основы крестьянского благополучия и обеспечения консервативных инстинктов крестьянства²⁰⁶. Данилевский представляет развитие России, как развитие страны аграрной по преимуществу и экономически самодовлеющей; «нормальный ход торговли и промышленности, – говорит он, – заключался бы в том, чтобы каждое государство производило у себя все, что с выгодой может производить, само обрабатывало бы свои сырые произведения, – и лишь излишек их выменивало на то, чего само, по климатическим и другим условиям, производить не может, но выменивало бы не иначе, как непосредственно из первых рук»²⁰⁷. Судя по рассуждениям автора о

фритрейде и покровительстве промышленности, он особенно ценил «промышленность, соответствующую бытовым особенностям», т.е. изготовление самоваров, парчи и колоколов для церковных нужд и т.п. Современная фабричная промышленность рассматривается им, как результат «искажения быта по чужеземным образцам»²⁰⁸. Отказаться от нее он не считает возможным, склонен даже поддерживать ее мерами протекционизма, но только потому, что там, где «недостижима самобытность, там, по крайней мере, должно охранять независимость». Какое малое значение Данилевский придавал интересам торговли и промышленности, видно и из характера той аргументации, какую он приводит в обоснование необходимости овладения Константинополем и проливами. Все это – соображения исключительно политические и стратегические. Данилевский хочет видеть Константинополь не центром России, а столицей панславянского союза, так как он приносит выгоды всем народам, живущим в Причерноморье и на Дунае²⁰⁹. Так может рассуждать человек, смотрящий на торговые интересы, как на второстепенные. Такая позиция характерна для представителя дворянского панславизма – Данилевского.

Но особенно ярко свою позицию изложил Данилевский в интересном экономическом трактате, являющемся очень яркой защитой протекционизма. Напечатанный в 1867 г. в ряде номеров «Торгового сборника», трактат этот (он называется: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности») представляет собой теоретическое произведение, отправляющееся от современных споров сторонников фритрейда и покровительства. Широко известна шумная кампания в пользу протекционизма, которая велась рядом представителей купечества, московского в особенности. Однако не всякий протекционизм является идеологией промышленных кругов. У Ленина читаем: «...несомненный и неоспоримый факт, что протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего преобладающую роль в народном хозяйстве»²¹⁰. Протекционизм, как он защищался Данилевским, был не защитой промышленности и ее интересов во имя интересов торгово-промышленных кругов, а защитой промышленности как средства создания внутреннего рынка для капитализирующегося крупного

сельского хозяйства. Вот что писал Данилевский: «Ей (сельской промышленности – С.Н.) нужны не столько капиталы, сколько сбыт, а в нашей власти для этого есть только один путь – усиление нашей промышленности мануфактурной, причисляя к ней, конечно, и такие роды сельской промышленности, как производство свекловичного сахара и т.п., так что те капиталы, которые приливают к этим отраслям промышленности, принесут и нашему земледелию гораздо более пользы, чем ежели бы они прямо шли на его техническое усовершенствование»²¹¹, так как никакие капиталы не в состоянии сейчас поднять его технический уровень.

Приведенное место важно в двух отношениях. Оно не только формулирует понимание автором вопроса о взаимосвязи сельского хозяйства и промышленности, но позволяет понять, интересы какой промышленности особенно волнуют Данилевского. Это виды промышленности, особенно тесно связанные с сельским хозяйством и занятые переработкой его продуктов.

«Кроме особенностей климатических, еще и топографические свойства нашего государства, – читаем мы далее, – требуют и требуют во что бы то ни стало, чтобы Россия была вместе и земледельческим, и мануфактурным государством. Это свойство заключается в громадности ее континентального протяжения, при котором естественные пути сообщения, т.е. реки, направлены не вдоль, а поперек этого протяжения, в течение половины года замерзают, и главнейшие из них впадают или в Ледовитый океан, как реки сибирские, или в замкнутые моря, как Волга и Сыр-Дарья». И дальше: «Если Россия должна оставаться государством земледельческим, то какая будущность может ожидать прекрасную и плодородную юго-западную Сибирь? Куда ей сбывать свои сельскохозяйственные произведения? Никакие железные дороги этому пособить не могут»²¹². Единственный реальный путь помощи – создание соответствующей промышленности. Нередко раздающиеся сетования на конкуренцию на мировом рынке Дунайских княжеств или Египта с Россией неуместны, так как Россия не производит никаких «привилегированных» продуктов, а сырье, вывозимое ею, производится и в других странах, подчас с большей легкостью²¹³. Между тем хлебный рынок – самый узкий. Этого не видят фритрейдеры. Расширение его идет почти исключительно за счет прироста населения, так как возрастание благосостояния населения мало повышает спрос на хлеб.

Вот почему политика, ведущая к обеспечению сбыта продукции сельского хозяйства, хотя бы и ценой известного отягощения потребителя, есть политика правильная, государственная; этим путем покупается экономическая, а отчасти и политическая самостоятельность²¹⁴. «...за тягости, налагаемые на потребителей покровительственным тарифом, покупается обеспеченность и верное расширение сбыта наших сельскохозяйственных произведений. Жаловаться на эти тяготы – странно и смешно равно столько же, как жаловаться на всякую страховую премию, обеспечивающую нас в будущем»²¹⁵.

Покровительственный тариф для Данилевского – способ укрепления сельского хозяйства путем открытия для него внутреннего рынка. Это мера, которая хотя и должна вести к некоторому развитию промышленности, но не ради развития хозяйства страны в целом, а как способ укрепления позиций дворянства и совершенствования сельскохозяйственного производства. Идеология Данилевского – это идеология помещичьих кругов, стремившихся к развитию капиталистического дворянского хозяйства и сохранению крепостнических пережитков в деревне.

Таким образом, взгляды двух крупнейших представителей панславизма являются во всех отношениях близкими между собой и свидетельствуют об общей социальной базе их возникновения. Устами обоих теоретиков говорили те самые «богатые патриоты»²¹⁶, которые в свое время горячо волновались судьбами Славянского съезда. Панславизм обоих авторов – дворянская идеология. Но, все же, позиции их не тождественны. Не случайно, что развитие взглядов Фадеева совершается преимущественно под воздействием интересов внутренней политики; у Данилевского – главным образом мотивов внешнеполитических. Вся аргументация Фадеева идет от лица дворянских кругов, стремящихся к возврату утраченных благодаря реформам позиций. Данилевский отражает интересы дворян, стремящихся приспособиться к новым условиям укрепляющихся капиталистических отношений. Оба они, хотя и идут от одной основы, как головы двуликого божества повернуты в разные стороны.

По самому характеру книги Ламанского вопросы этого рода у него развиты слабо. Однако в числе особенностей славянского мира он отмечает аграрный его характер, «преобладание села над городом»²¹⁷, крепкий семейный быт и общинное самоуправление. Ламанский враждебен индустриализации, так как она ведет за собой

пауперизм и «нелепые и безобразные» социалистические и коммунистические теории. Он против латифундий и парацелляции земельных участков крестьян, против безземельных батраков, буржуазии («средний класс») и аристократии. Он также враждебен аристократической газете «Весть», как и Данилевский. Он мечтает о «свободе устного и печатного слова, о свободе сходов, о настоящей свободе совести, о полной независимости суда от администрации»²¹⁸.

Но думается, что это лишь оттенки, не меняющие общего вывода, который позволило сделать подробное и прямое изложение взглядов по внутренним вопросам у Фадеева и Данилевского, вывода о характере панславистской идеологии.

Примечания

- ¹ Рецензия П. [Щебельского] // «Русский вестник». 1869. Май. С. 358.
- ² С.-Петербургские ведомости. № 119. 2.05.1869; № 196. 19.07.1869; Новое время (№ 151. 6.08.1869) не сочувственно излагало XI главу Данилевского «Европейничанье». Исследовательских работ о книге Данилевского до сих пор не появилось.
- ³ НИОР РГБ. Ф. Погодина. № 9231/569–569. Письмо от 25.06.1869 г.
- ⁴ Фадеев Р. А. Соч. Т. II. СПб., 1889. С. 319; Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе СПб., 1871. С. 11.
- ⁵ НИОР РГБ. Ф. Погодина. № 9231/825–929.
- ⁶ Воспоминание А. Г. Достоевской. Под ред. Л. П. Гроссмана. М., 1925. С. 125.
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. Погодина. № 9231/825–929. Л. 34.
- ⁸ Якобсон Р. О русском первоисточнике поэмы Гавличка «Крещение св. Владимира» // Центральная Европа. Прага, 1931. № 6.
- ⁹ Безобразов В. П. Вопросы дня // Наблюдатель. 1888. № 11. С. 237.
- ¹⁰ Заря. 1871. Март.
- ¹¹ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 4.
- ¹² Безобразов В. П. Война и революция. М., 1873. С. 38.
- ¹³ Отечественные записки. 1877. I; Михайловский Н. К. Соч. Ч. III. СПб., 1897. С. 854–887.
- ¹⁴ Миллер О. Европа и Россия в восточном вопросе // Древняя и новая Россия. 1877, № 1; он же. Славянство и Европа. СПб., 1877. С. 264–315.
- ¹⁵ Вестник Европы. 1888. II, IV.
- ¹⁶ Русский вестник. 1888. VI. С. 243.
- ¹⁷ Наблюдатель. 1888. № 11.
- ¹⁸ Миллюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902; Соколов Н. А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский // Русский вестник. 1904. № 7; он же. Россия, Европа и человечество // Там же. № 10; Masaryk. The spirit of Russia. 1. L., 1919. P. 292–293; Розанов В. В. Поздние фазы славянофильства (в сборнике его статей «Литературные очерки»). СПб., 1899).
- ¹⁹ Безобразов В. П. Вопросы дня // Наблюдатель. 1888. № 11. С. 323.
- ²⁰ Страхов Н. Н. Спор из-за книг Н. Я. Данилевского // Русский вестник. 1889. XII. С. 192.

- ²¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1899. С. XXVII–XXVIII.
- ²² Страхов Н. Н. Исторические взгляды... // Русский вестник». 1894. X. С. 158.
- ²³ Он утверждал: «Автор «России и Европы» нигде не опирается на славянофильское учение, как на что-нибудь уже добытое и доказанное. Напротив, он исключительно развивает свои собственные мысли и основывает их на своих собственных началах» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. XXVIII).
- ²⁴ Страхов Н. Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский вестник. 1889. II. С. 202.
- ²⁵ Соловьев В. С. Соч. Т. V. С. 252.
- ²⁶ Там же. С. 265.
- ²⁷ Там же. С. 94.
- ²⁸ Та же работа.
- ²⁹ Соловьев В. С. Соч. Т. V. С. 245.
- ³⁰ Там же. С. 297–322.
- ³¹ Кареев Н. И. Теория культурно-исторических типов // Русская мысль. 1889. № 9. С. 5.
- ³² Там же. С. 22.
- ³³ Там же. С. 25.
- ³⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 562.
- ³⁵ Там же. С. 565.
- ³⁶ Милоков П. Н. Из истории русской интеллигенции. С. 279.
- ³⁷ Там же. С. 273.
- ³⁸ Соколов Н. А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский // Русский вестник. 1904. Т. VII. С. 147.
- ³⁹ Мысль о связи взглядов Хомякова и Данилевского была высказана еще Масариком.
- ⁴⁰ Соколов Н. М. Россия, Европа и человечество // Русский вестник. 1904. № 10. С. 670.
- ⁴¹ Безобразов В. П. Вопросы дня // Наблюдатель. 1888. № 11. С. 327.
- ⁴² Там же. С. 331.
- ⁴³ Михайловский Н. К. Соч. Т. III. С. 860–861.
- ⁴⁴ Там же. С. 883.
- ⁴⁵ Там же. С. 884.
- ⁴⁶ Там же. С. 886.
- ⁴⁷ Соловьев В. С. Соч. Т. V. С. 276.
- ⁴⁸ Страхов Н. Н. Последний ответ Вл. С. Соловьеву // Русский вестник. 1889. № 2. С. 203.
- ⁴⁹ День. 1869. № 4. 4.11.1869.
- ⁵⁰ Московские ведомости. № 106. 13.05.1864.
- ⁵¹ Там же. Мысль о Киле повторяется затем в передовой № 113. 21.05.1864.
- ⁵² Эпоха. 1864. Кн. 8 («Политическое обозрение». С. 14).
- ⁵³ Там же. С. 15.
- ⁵⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 68. Этот мотив очень близок к настроениям Каткова. Статьи на эти темы особенно в большом количестве печатались в «Московских ведомостях» в середине 60-х гг., т.е. в период, когда замышлялась и появилась книга Данилевского. Насколько близко совпадение формулировок, видно из следующего примера: «В России национальную партию составляет весь русский народ» (№ 131 от 16.06.1865 г.). Число подобных совпадений может быть увеличено.

⁵⁵ *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 91. Это египетский, китайский, древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический или арабийский, германо-романский или европейский. Два перечисляемых с оговоркой: мексиканский и перуанский.

⁵⁶ Там же. С. 130.

⁵⁷ Там же. С. 133.

⁵⁸ Там же. С. 172–173.

⁵⁹ Там же. С. 212.

⁶⁰ Там же. С. 203.

⁶¹ Там же. С. 281.

⁶² Там же. С. 287.

⁶³ Там же. С. 314.

⁶⁴ Там же. С. 315.

⁶⁵ Московские ведомости. № 78 от 12.04.1866 г.

⁶⁶ *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 344; Московские ведомости. № 84 от 20.04.1866 г.

⁶⁷ *Аксаков И. С.* Соч. Т. VI. С. 259.

⁶⁸ *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 237. Нельзя не отметить, что в первой половине 60-х годов в русской журналистике обсуждался вопрос о национальности во внешней политике. В то время как для националистических и славянофильских кругов государство и национальность были понятиями соотносительными, революционно-демократическая печать подчеркивала антинародный характер национальной политики. Фактический материал для обсуждения давали внешняя политика Наполеона III и итальянские дела. Но ясно, что такие положения, как «национальность выходит термином совершенно противоположным народности, развитие которого служило всегда интересам известных классов, и никогда народу. Случалось иногда и нередко, что участь народа облегчалась победителями, собственно для того, чтобы привлечь его расположение к новому правительству. Национальная самобытность служила только выгодой для известных классов, народ от нее часто проигрывал», – учитывали и русских сторонников «политики национальности» (*Жуковский Ю.* Народности в политике // Современник. 1863. № 1. В № 12 редакция солидаризировалась с этой статьей).

⁶⁹ Там же. С. 238.

⁷⁰ Излагаемые Данилевским мысли одинаково близки и славянофилам и Каткову. В 1864 г. в «Дне» И. Аксаков писал: «В каждом политическом организме есть основная стихия, которой он есть, живет и движется. Такою основною стихией в создании России явилось русское племя» (Соч. Т. IV. С. 263), и дальше: «Государство, свободное от всякой исключительной национальности, выражающее собою одну отвлеченную идею государственности, – полной и надежной внутренней силы иметь не может» (Там же. С. 265). Катков касался этого вопроса многократно, начиная с 1863 г. Для него характерно признание национального характера государства в смысле наличия господствующей национальности. В состав русского государства входят многие разноплеменные народности. Нельзя требовать, чтобы правительство свойственными ему способами сливало эти чуждые начала с господствующей народностью. Подобные слияния может успешно совершить только жизнь... Но с другой стороны, может ли государство не признавать себя органом господствующей народности и не держать ее знамени над всеми иноплеменными элементами, живущими под ее державой?» – писал Катков в 1864 г. (Московские ведомости. № 102 от 7.05.1864 г.). В другом случае он указывал, что в России нет

предпосылки для создания федерации: «Инородческого народонаселения, взятого в совокупности, насчитывается в России от четырнадцати до девятнадцати миллионов... С нею (этой численностью – С.Н.) было бы можно посчитаться, если б она представляла собою что-нибудь действительное; но она при малейшем внимании разлетится как призрак, и перед нами окажется множество элементов до такой степени ничтожных, что их ни в какой счет ставить не возможно, или же окажутся такие элементы, которых ни в какое соображение нельзя взять при вопросе о политических национальностях...» (С. 707). Например, финская группа включает: финнов, эстов, пермяков, чувашей, мордву, вогулов, которые не все понимают друг друга, разбросаны. Это соответствует учению Данилевского о народах как этнографическом элементе (Московские ведомости. № 246 от 9.01.1864 г.).

⁷¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 394.

⁷² Там же. С. 383.

⁷³ Там же. С. 385.

⁷⁴ Мысль о противоречии австрийской федерации с общеславянской идеей и неосуществимости ее выражал И. Аксаков в «Дне» в 1865 г. (Соч. Т. I. С. 46–47); о том же говорила «Эпоха» в «Политическом обозрении» (№ 12 за 1864 г.).

⁷⁵ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 318. Близкая мысль у И. Аксакова: «Скрывать от Европы наше сочувствие грекам и славянам, наше желание видеть их свободными от иноземного ига и помогать им при каждом удобном случае – не все ли это равно, что уверять ее, будто мы перестали быть русскими» (Соч. Т. I. С. 92–93; Москва от 4.01.1867 г.).

⁷⁶ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 420.

⁷⁷ Там же. С. 395.

⁷⁸ Там же. С. 420.

⁷⁹ Хомяков А. С. Соч. Т. IV. С. 18. Встречается в публицистике И. Аксакова (например, Т. I. С. 6).

⁸⁰ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 394–395.

⁸¹ Там же. С. 421.

⁸² Там же. С. 395.

⁸³ Там же. С. 343, 345.

⁸⁴ Там же. С. 354.

⁸⁵ Там же. С. 357.

⁸⁶ Там же. С. 364.

⁸⁷ Мысли о неизбежности распада Австрии широко были распространены в печати 60-х годов. И. Аксаков указывал, что вопрос о судьбе австрийских славян – тот же, что и турецких (Москва. № 11 от 14.01.1867 г.). Катков начал говорить о неизбежности распада Австрии вслед за окончанием австро-прусской войны (Московские ведомости. № 146 от 12.07.1866 г.). В 1864 г. «Эпоха» писала: «Приближается время внутреннего распада австрийской империи» (1864. Кн. 12. С. 17).

⁸⁸ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 426.

⁸⁹ Там же. С. 428.

⁹⁰ Там же. С. 431.

⁹¹ Там же. С. 474.

⁹² Там же. С. 482.

⁹³ Мысль о незаинтересованности России в территориальных изменениях на Западе так формулировалась «Эпохой»: «Наше положение совсем иное: обладая огромным пространством земли, Россия не имеет особенных причин опасаться территориаль-

ного усиления какой-либо из западных держав. Материальные силы наши в настоящее время достаточны для отражения нападений извне, и если развитие наших природных средств не встретит внутри государства задержек, то силы эти будут постепенно возрастать, увеличивая для нас таким образом возможность обороны. Даже только с этой чисто европейской точки зрения для нашего отечества не заключается серьезного расчета в том, как разрешается большая часть политических вопросов в Западной Европе» (Эпоха. 1864. Кн. 12. «Политическое обозрение». С. 3–4).

⁹⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 512.

⁹⁵ Там же. С. 59, 91.

⁹⁶ Там же. С. 93.

⁹⁷ Там же. С. 95–96.

⁹⁸ Там же. С. 104.

⁹⁹ Ruckert Q. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. L., 1857. В. I. S. 26–27, 30, 53.

¹⁰⁰ Ibid. S. 51.

¹⁰¹ Ibid. S. 64.

¹⁰² Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 516.

¹⁰³ Ruckert Q. Op. cit., S. 93–94.

¹⁰⁴ Ibid. S. 93.

¹⁰⁵ Ibid. S. 96.

¹⁰⁶ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 557.

¹⁰⁷ Там же. С. 133.

¹⁰⁸ Соловьев В. С. Соч. Т. V. С. 314.

¹⁰⁹ Там же. С. 295.

¹¹⁰ Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Ч. 1. М., 1871. С. 124–124; Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 90.

¹¹¹ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 187, 443.

¹¹² Там же. С. 471.

¹¹³ Там же. С. 469.

¹¹⁴ Там же. С. 468.

¹¹⁵ Там же. С. 469.

¹¹⁶ Там же. С. 470.

¹¹⁷ Там же. С. 502.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Стронин А. История и метод. СПб., 1869. С. 200.

¹²⁰ Там же. С. 298.

¹²¹ Там же. С. 299.

¹²² Там же. С. 301.

¹²³ Михайловский Н. К. Соч. Т. I. СПб., 1896. С. 347; Отечественные записки. 1869.

Июль.

¹²⁴ Там же. С. 377.

¹²⁵ Там же. С. 364.

¹²⁶ С.-Петербургские ведомости. № 220. 12.08.1869 г.

¹²⁷ Фадеев Р. А. Соч. Т. II. СПб., 1889. С. 33.

¹²⁸ Фадеев Р. А. Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870. С. 89–90.

¹²⁹ Там же. С. 87.

¹³⁰ Там же. С. 81.

¹³¹ Там же. С. 77–79.

- ¹³² Там же. С. 44.
¹³³ Там же. С. 49.
¹³⁴ Там же. С. 51.
¹³⁵ Там же. С. 57.
¹³⁶ Там же. С. 77.
¹³⁷ Там же. С. 86.
¹³⁸ Там же. С. 20.
¹³⁹ Там же. С. 22.
¹⁴⁰ Там же. С. 28.
¹⁴¹ Там же. С. 40.
¹⁴² Там же. С. 86.
¹⁴³ *Фадеев Р. А.* Соч. Т. II. С. 207.
¹⁴⁴ Там же. С. 215.
¹⁴⁵ *Фадеев Р. А.* Мнение ... С. 92.
¹⁴⁶ Там же. С. 93.
¹⁴⁷ *Фадеев Р. А.* Чем нам быть? // Соч. Т. III и отд. изд.
¹⁴⁸ *Фадеев Р. А.* Мнение ... С. 89.
¹⁴⁹ Там же. С. 92.
¹⁵⁰ В рассуждениях Фадеева есть одна интересная сторона. Автор весьма невысоко оценивает наличные средства славянской политики. Славянские комитеты лишены средств. Славянский съезд, наделавший переполох в Австрии, был невинным посещением Москвы. За славянский вопрос должны взяться общество и государство вместе.
¹⁵¹ *Фадеев Р. А.* Мнение ... С. 37.
¹⁵² *Фадеев Р. А.* Соч. Т. I. С. 77.
¹⁵³ *Фадеев Р. А.* Мнение ... С. 60–61.
¹⁵⁴ Там же. С. 70–71.
¹⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. Н. А. Попова. № 3602. Письмо от 10.11.1869 г.
¹⁵⁶ *Fischel A.* Der panslavismus. S. 404.
¹⁵⁷ Генерала Рагислава Андрејевича Фадјејева расправа о питању источном и словенском. 1870. S. L. С. 3.
¹⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. Н. А. Попова. № 3602. Письмо от 9.05.1870 г.
¹⁵⁹ *Фадеев Р. А.* Соч. Т. I. С. 45.
¹⁶⁰ Там же. Т. II. С. 305.
¹⁶¹ НИОР РГБ. Ф. Н. А. Попова. № 3602.
¹⁶² Немецкий перевод книги Данилевского появился только в 1920 г.
¹⁶³ Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М., 1925. С. 36.
¹⁶⁴ *Фадеев Р. А.* Мнение ... С. 21.
¹⁶⁵ Там же. С. 33.
¹⁶⁶ Там же. С. 38.
¹⁶⁷ Там же. С. 41.
¹⁶⁸ Там же. С. 86.
¹⁶⁹ С.-Петербургские ведомости. № 62 от 3.03.1871 г.
¹⁷⁰ Там же. № 179 от 2.06.1871 г.
¹⁷¹ *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 11.
¹⁷² Там же. С. 12.
¹⁷³ Там же. С. 32.

- ¹⁷⁴ Там же. С. 235.
¹⁷⁵ Там же. С. 283, 289–290.
¹⁷⁶ Там же. С. 38.
¹⁷⁷ Там же. С. 51.
¹⁷⁸ Там же. С. 37.
¹⁷⁹ Там же. С. 239.
¹⁸⁰ Там же. С. 241.
¹⁸¹ Там же. С. 251–252.
¹⁸² Там же. С. 292.
¹⁸³ Там же. С. 242.
¹⁸⁴ Там же. С. 253.
¹⁸⁵ Там же. С. 140.
¹⁸⁶ Там же. С. 595.
¹⁸⁷ Там же. С. 110.
¹⁸⁸ Там же. С. 270.
¹⁸⁹ Там же. С. 153–155.
¹⁹⁰ Там же. С. 110.
¹⁹¹ *Фадеев Р. А.* Соч. Т. III. С. 57.
¹⁹² Там же. С. 88, 89, 132.
¹⁹³ НИОР РГБ. Ф. Самарина IV. 7/76. 18. № 205. Письмо Фадеева от 1.02.1875 г.
¹⁹⁴ *Фадеев Р. А.* Соч. Т. II. С. 71–72, 181.
¹⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. Самарина. Письмо Фадеева от 6.11.1874 г.
¹⁹⁶ *Фадеев Р. А.* Соч. Т. III. С. 318.
¹⁹⁷ Там же. Т. III. С. 13.
¹⁹⁸ НИОР РГБ. Письмо от 4.09.1875 г.
¹⁹⁹ *Фадеев Р. А.* Соч. Т. II. С. 319.
²⁰⁰ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 502.
²⁰¹ *Фадеев Р. А.* Мнение... С. 93.
²⁰² *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 261.
²⁰³ Там же. С. 316.
²⁰⁴ Там же. С. 304, 300–301.
²⁰⁵ Там же. С. 279–281. Но в то же время он понимает тормозящее его влияние на экономическую жизнь России (*Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 355).
²⁰⁶ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 281–282, 512.
²⁰⁷ Там же. С. 262.
²⁰⁸ Там же. С. 295.
²⁰⁹ Там же. С. 409–420.
²¹⁰ *Ленин В. И.* Соч. Т. II. С. 174.
²¹¹ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа; он же. Сборник политических и экономических статей. С. 358.
²¹² Там же. С. 377.
²¹³ Там же. С. 373.
²¹⁴ Там же. С. 371.
²¹⁵ Там же. С. 377.
²¹⁶ Искра. № 18 от 21.05.1867 г.
²¹⁷ *Ламанский В. И.* Указ. соч. С. 44.
²¹⁸ Там же. С. 58.

И. В. Чуркина
(Институт славяноведения РАН, Москва)

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ГЛАВ О ПАНСЛАВИЗМЕ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ С. А. НИКИТИНА

В настоящем сборнике Редколлегия решила опубликовать те материалы из неизданной книги С. А. Никитина, которые посвящены развитию идей панславизма в России и которые так и не были опубликованы. К этому решению Редколлегия пришла по ряду причин.

Во-первых, несомненно, эти разделы имеют значение для изучения советской историографии.

Во-вторых, ряд выводов, сделанных С. А. Никитиным, и сейчас представляют собой определенный интерес. В частности, многие суждения о взглядах К. С. Аксакова и И. С. Аксакова, В. И. Ламанского, о высказываниях Н. Г. Чернышевского по славянскому вопросу не утратили актуальности.

В-третьих, ряд материалов, приведенных С. А. Никитиным, впервые вводится в научный оборот. Это записка К. С. Аксакова, написанная им в начале Крымской войны, в которой он сжато излагает свою панславистскую программу, это и огромный газетный и журнальный материал, посвященный отношению русского общества к славянскому вопросу. Опираясь на газетные статьи Никитин подробно разбирает панславистские взгляды известного русского журналиста М. Н. Каткова. Вопрос о панславизме Каткова тоже пока недостаточно рассмотрен в современной историографии.

Вместе с тем надо иметь в виду, что за те 66 лет, которые прошли со времени написания труда С. А. Никитина, произошли огромные перемены. Историей славянофильства и панславизма занялись серьезные ученые, которые выпустили в свет исследования по этой теме. Они привлекли большое количество новых материалов из различных архивов, которые Никитин не знал. Кроме того, марксистская методика исследования материалов, которой на протяжении всей своей жизни должен был неукоснительно следовать Сергей

Александрович, перестала быть обязательной, и стала только одной из многих, которыми сейчас пользуются ученые. Все это дало возможность современным исследователям более объективно и всесторонне рассмотреть взгляды русских славянофилов и панславистов, чего в силу обстоятельств не мог сделать С. А. Никитин.

Глава «Крымская война» почти полностью посвящена возникновению и развитию панславистских идей в России. Главными их выразителями выступили профессор русской истории Московского университета М. П. Погодин и один из идеологов славянофилов К. С. Аксаков. Никитин, сопоставляя взгляды этих деятелей, приходит к выводу, что между ними отсутствует противоречие, что «оба автора выступают в качестве панславистов и апологетов русской экспансии прежде всего на Балканах, затем в Азии». И далее: славянофилы и Погодин «сошлись на почве великодержавного панславизма»¹. Хотя в некоторых местах Никитин и указывает на отличие взглядов Погодина от мировоззрения К. С. Аксакова и других славянофилов, все же он относит их к одной категории панславистов, пропагандировавших экспансию России и объединение славян под эгидой русского царя.

Н. И. Цимбаев, один из серьезных исследователей славянофильства, рассматривает в своей монографии историю термина «славянофил» и приходит к интересным выводам. Он указывает, что в 30-е годы XIX в. в русском обществе распространился интерес к славянам. Славянам симпатизировали и некоторые периодические издания: «Москвитянин», «Маяк», «Денница». И в это время слово «славянофил» означало человека, любящего славян, равнодушного к их прошлому и настоящему, сочувствующего их культурному и политическому возрождению. Славянофильство, как общественное движение, возникло в 1838–1839 гг., когда произошел обмен посланиями между А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, и окончательно оформилось, по мнению Цимбаева, после европейской революции 1848–1849 гг. Цимбаев подчеркивает, что с этого времени надо отличать истинных славянофилов от славянофилов-славянолюбцев. Истинные славянофилы являлись русской либеральной партией, для которых «славянский вопрос не был сутью, “альфой и омегой”»².

В центре внимания истинных славянофилов (я буду пользоваться терминологией Цимбаева) стояли русские проблемы: отмена крепостного права, свобода печати и общественных организаций и другие либеральные реформы. То, что по своим убеждениям славянофи-

лы являлись либералами, с конца 60-х гг. XX в. считают многие серьезные исследователи. Это показала дискуссия в журнале «Вопросы литературы», где с этих позиций выступили А. Янов, Б. Егоров. Еще раньше об этом заявили философы А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Е. А. Дудзинская, Н. И. Цимбаев, В. А. Дьяков в 80–90-е годы доказали это в своих монографиях³. Дьяков, в частности, прямо утверждает, что «славянофильство и западничество можно оценивать как общественно-политические течения либерального характера»⁴.

В то же время славянофилы-славянолюбцы часто являлись представителями российской элиты, полностью преданными царю. К ним можно отнести графа Д. Н. Блудова, его дочь графиню А. Д. Блудову, М. П. Погодина, А. С. Шишкова и др.

Что касается взаимоотношений М. П. Погодина и К. С. Аксакова, главных теоретиков панславизма в 50-е гг., то они складывались не просто. М. П. Погодин дружил с родителями К. С. Аксакова – писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и его женой Ольгой Семеновной, дочерью суворовского офицера, большой русской патриоткой. Однако с их старшим сыном К. С. Аксаковым отношения у него не сложились. К. С. Аксакову не понравился первый номер «Москвитянина» (1.01.1841), в издании которого Погодин принимал активное участие. Статья в журнале (9.02.1849) о бале у губернатора Москвы графа А. А. Закревского вызвала неудовольствие и у И. С. Аксакова, и даже у С. Т. Аксакова. Вообще в 1849 г. отношения между Аксаковыми и Погодиным испортились. И не случайно – события в Европе так или иначе отозвались в русском обществе⁵.

М. П. Погодина и К. С. Аксакова нельзя отнести к одной категории панславистов прежде всего потому, что они по-разному относились к самодержавным порядкам в России. Погодин был, несомненно, верным подданным императорской семьи и самодержавных порядков. Современный российский ученый В. Я. Гросул справедливо называет его одним из апологетов официальной народности⁶. Он никогда не выступал против правления Николая I. Правда, надо отметить, что отношение к Николаю I у него менялось. Если в письме к Уварову от 1839 г. Погодин утверждал, что император Николай имеет многих почитателей в Европе, то после неудач в Крымской войне мнение его изменилось. В апреле 1854 г. он резко критиковал предшествующую политику России: «Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться». Погодин приходил к выводу, что

европейские государства выступают против России не потому что желают помочь Турции, на самом деле «они хотят войны для того, чтобы унижить Россию и ослабить ее влияние на востоке»⁷. В записке от 16 мая 1855 г. Погодин так выразился по поводу смерти Николая I: «Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России нужна теперь другая система»⁸.

Восшествие на престол Александра II Погодин приветствовал от всей души. Он, как и многие члены российского общества, ждал перемен к лучшему. В своих речах на обедах в честь вступления на престол нового царя Погодин призывал его царствовать «долго, счастливо, милостиво, любовно»⁹.

К. С. Аксаков, как и другие славянофилы, не представлял себе новую Россию без царя, вместе с тем существующая власть вызывала у него отрицательное отношение. В записке К. С. Аксакова, переданной Александру II осенью 1855 г., он резко критиковал современные российские порядки. «Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства... Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах... Народ не имеет доверенности к правительству, правительство не имеет доверенности к народу... Взятничество и чиновный организованный грабеж – страшны... Все зло происходит главным образом от угнетательной системы нашего правительства... Та же угнетательная правительственная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы»¹⁰. Из этого отрывка записки К. С. Аксакова видно, насколько далек автор от принятия самодержавных порядков и насколько критически он относится к современному ему состоянию России, в котором он прямо обвинял правительство, т.е. царя, которому оно подчинялось. Да и сам царь выступал у К. С. Аксакова в роде идола.

Цимбаев совершенно верно отметил, что теория К. С. Аксакова близка идеалам русского патриархального крестьянина: «идеализация прошлого, вера в “доброе царя” и объявление под разными предложениями действительного царя “неистинным”, “неприродным”, враждебность к “верхним классам” (“публике”, изменникам боярам),

культ замкнутой деревенской общины и боязнь правительственных чиновников»¹¹.

То, что деятельность славянофилов враждебна существующим порядкам в России, враждебна самодержавию, очень ясно понимали и российские власти. М. П. Погодин, в статьях и записках призывавший правительство помочь зарубежным славянам, остался в стороне от карательных мер, обрушивавшихся со стороны правительства на подрывные элементы. В 1849 г. были арестованы и сурово осуждены члены кружка М. В. Петрашевского. Помимо них в марте 1849 г. был посажен в крепость славянофил Ю. Ф. Самарин за публикацию статьи «Рижские письма» о засилье в Прибалтике немцев. Николай I в личном разговоре с Самариным заявил, что его письма могли бы произвести новое 14 декабря. Самарин отделался ссылкой в Симбирск, куда он был определен на службу. 18 марта 1849 г. арестовали младшего брата К. С. Аксакова И. С. Аксакова. Ему предъявили обвинения: 1) близость с Самариным; 2) резкость его выражений в частных письмах; 3) подозрение, что он и другие славянофилы находятся в контактах с панславистами на западе, т.е. в Австрийской империи¹². И. С. Аксаков ответил письменно на вопросы чиновников, его ответы были представлены Николаю I. И. С. Аксаков был направлен в командировку в Ярославль.

И в царствование Александра II отношение к властям у К. С. Аксакова не изменилось. Он продолжал выступать со своих позиций, теперь уже в открытой печати. Особенно резкой была его статья «Опыт синонимов. Публика – народ», опубликованная в газете Молва» (1857, № 36). Эта небольшая статья вызвала неудовольствие министра народного просвещения А. С. Норова, который представил ее царю. На докладе Норова об этой статье Александр II поставил следующую резолюцию: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции “Молвы”, что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редактор и цензор подвергнутся строгому взысканию»¹³. Эта статья имела резонанс среди лиц, сочувствовавших славянам. А. В. Никитенко в своих дневниковых записях рассказывал: «У графа Блудова. Там был также попечитель Московского университета (Евграф Петрович Ковалевский – И.Ч.). Разговор о статье в “Молве” “Публика и народ”, за пропуск которой чуть не был отрешен цензор [Н.П.] Гиляров [Платонов]»¹⁴. И это очень четко пони-

мали высшие круги Российской империи, близко стоявшие к трону и так или иначе отражавшие его мнение о славянофилах. Если отношение к Погодину было нейтральным, то к славянофилам оно было отрицательным. Генерал-губернатор Москвы граф А. А. Закревский после революции 1848–1849 гг. в Европе называл кружок А. С. Хомякова то «красными», то «коммунистами»¹⁵. Это мнение подтвердила и А. Ф. Тютчева, фрейлина императрицы, дочь русского поэта Ф. И. Тютчева и впоследствии жена И. С. Аксакова. 13 января 1856 г. она записала в своем дневник, что встретила с А. С. Хомяковым у графини А. Д. Блудовой и далее добавила: «Лица, участвующие в правительстве, называют его красным, революционером и считают с его стороны большой смелостью иметь больше ума и национального чувства, чем они»¹⁶. И спустя почти двадцать лет мнение высшего общества о славянофилах не изменилось. В письме к Е. А. Черкасской, жене видного славянофила князя В. А. Черкасского, от 3 ноября 1865 г. И. С. Аксаков сообщал о своей женитьбе на А. Ф. Тютчевой. «Я же, – писал И. С. Аксаков, – в 4-х летней почти еженедельной переписке приобрел уверенность, что несмотря на гнусность придворной среды, название фрейлины, в моих глазах менее, чем непочтенное, я найду в ней все, что моей душе и моему нравственному существованию на потребу». И далее И. С. Аксаков рассказывал княгине, как отнеслось высшее общество к этому шагу Анны Федоровны: «Фрейлина выходит замуж за редактора журнала, по их мнению, демократического, демагогического, социалистического, красного»¹⁷. Кстати сам князь В. А. Черкасский за адрес императору от 1870 г., который был составлен им, был отрешен от должности городского главы Москвы, которую он в то время занимал. Императору не понравился в этом адресе призыв к нему завершить благие начинания и прежде всего обеспечить простор «мнению и печатному слову, без которых никнет дух народный»¹⁸. Как можно видеть, восприятие существующих в России порядков у Погодина и К. С. Аксакова (и других славянофилов) существенно отличалось.

Вместе с тем многие моменты связывали славянофилов с А. И. Герценом. Перелом во взглядах А. И. Герцена начался сразу же после его переезда в Европу и окончательно завершился после революции 1848–1849 гг. Современный отечественный историк Б. П. Балуев справедливо отмечает, что Герцен разочаровался в Европе, увидев, что капитализм в ней породил идеологию собственничества, накопи-

тельства, тотального мещанства. В душе буржуа и рабочего он нашел только одного бога – бога накопительства¹⁹.

А. И. Герцен прямо признавал свою близость к славянофилам в некрологе К. С. Аксакову, который он опубликовал в «Колоколе». «Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков, – писал он, – больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих противников, которые были ближе нам многих своих ... Киреевские, Хомяков и Аксаков – сделали свое дело... Они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей. С них начинается перелом русской мысли... Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая... У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство... – чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время, как сердце билось одно». Вспоминая баталии между славянофилами и западниками, развернувшиеся в 40-е гг., Герцен подчеркивал, что время и история сблизили его со славянофилами: «и они, и мы ближе стали к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они в нашей»²⁰.

Герцен сам сделал первые шаги к сближению со славянофилами. После разочарования в капиталистических порядках на Западе, он стал полагать, что Россия сможет избежать их, используя русскую общину. Герцен писал о К. С. Аксакове, что тот еще в начале 40-х гг. проповедовал сельскую общину, мир и артель²¹. Герцен особо отмечал заслуги славянофилов перед Россией: «Нам надо было противопоставить нашу народность против онемеченного правительства и своих ренегатов. Появление славянофилов как школы и как особого учения было совершенно на месте»²². Славянофилы использовали периодическую печать Герцена, издававшуюся за рубежом. В частности, Герцен опубликовал в своих изданиях статьи И. С. Аксакова: «Присутственный день уголовной палаты» в 1858 г. (Герцен назвал ее «гениальной вещью») и «Жизнь чиновника» в 1861 г.²³.

Подробно останавливается на взаимоотношениях Герцена и славянофилов Е. А. Дудзинская в своей интересной монографии «Славянофилы в общественной борьбе». Она справедливо подчеркивает,

что их сотрудничество особо тесно происходило во время подготовки реформы по освобождению крестьян. Контакты продолжались с 1856 по 1864 гг., но наиболее интенсивными они были в 1857–1860 гг. Переписка славянофилов свидетельствует, что они, начиная с 1856 г. пользовались возможностью выступать в бесцензурной печати Герцена. Особенно большой интерес к ней проявлял И. С. Аксаков, который не только писал статьи для нее, но и встречался с Герценом в августе 1857 г. в Лондоне. На этой встрече они нашли много точек соприкосновения. Герцен писал об этом 20 августа 1857 г. М. Мейзенбург сразу же после встречи с Аксаковым. Он отмечал, что среди его посетителей «наиболее интересное лицо – сын Аксакова (брат ярого славянофила), человек большого таланта, сам немного славянофил, человек с практической жилкой и проницательностью». По-видимому, Герцен вынес впечатление, что И. С. Аксаков не слишком ладит с остальными славянофилами. «Мне кажется, что Вы к ним относитесь в том роде, – писал Герцен И. С. Аксакову 1(13) января 1858 г., – как я к нашим “западникам”. И из этого, натурально, выходит, что мы, нося разные кокарды, больше согласны между собой, нежели однополчане»²⁴.

С Герценом встречались и другие славянофилы и близкие к ним лица: князь В. А. Черкасский, Ю. Ф. Самарин, П. И. Бартенев, А. Ф. Гильфердинг и др.

Славянофилы пересылали Герцену материалы заседаний редакционных комиссий, разоблачения деятельности чиновников высокого ранга, тормозивших дело освобождения крестьян, и т. д. Самой значительной статьей, по мнению Дудзинской, написанной славянофилами и опубликованной Герценом в «Колоколе», был обширный очерк «Программа для занятий губернских комитетов». В нем критиковалась правительственная программа, вышедшая в свет 21 апреля 1858 г., которая, по мнению славянофилов, являлась шагом назад по сравнению с правительственными рескриптами от 1857 г. Герцен откликнулся на нелегально изданные труды славянофилов, в частности на изданную за рубежом брошюру А. И. Кошелева «Депутаты и редакционные комиссии по крестьянскому делу».

Герцен интересовался мнением о «Колоколе» в России, неоднократно спрашивал об этом И. С. Аксакова. Аксаков отвечал, что влияние лондонских изданий «огромно, что мир чиновников их ненавидит и боится, но вся молодежь не желает ничего признавать

кроме “Полярной звезды” и “Колокола”». В письме к Герцену Самарин отмечал, что «“Колокол” – это теперь единственный голос, к которому прислушивается правительство». Все славянофилы считали “Колокол” «исключительным органом независимой общественной мысли в России»²⁵.

Сотрудничество Герцена со славянофилами стало сходить на нет после оглашения манифеста об освобождении крестьян и полностью прекратилось после подавления польского восстания 1863 г.

Приведенные выше факты говорят, что К. С. Аксаков и другие истинные славянофилы по своим взглядам были гораздо ближе к Герцену, чем к Погодину. Это отмечал в некоторых местах и С. А. Никитин, подчеркивая, что у Герцена понимание восточного вопроса приближалось к славянофильскому. Что касается панславистских идей, то у К. С. Аксакова главную роль играло освобождение славян с помощью России, у Погодина – распространение влияния России на Балканы. С. А. Никитин скорее всего понимал различие программ Аксакова и Погодина. Но в 30–40-е гг. XX в. советская историография провозглашала славянофилов реакционерами, и ученый не мог открыто высказывать свое мнение. Свою точку зрения он все же пытался донести до читателя. «Погодин обращался прежде всего к правительству, – заключал Никитин, – и посылал свои записки лицам, имевшим возможность довести о них до сведения царя. Славянофилы, сначала в тиши вырабатывавшие свои взгляды, обращались к обществу... Погодин стремился стать вдохновителем правительства, славянофилы – общественными вождями»²⁶. С этим заключением можно согласиться.

Во втором разделе о панславизме «Панславистские теории и их критика» С. А. Никитин рассматривает панславистские идеи, имевшие хождение в русском обществе от поражения России в Крымской войне вплоть до конца 60-х гг. XIX в. В это время прежние теории панславизма К. С. Аксаков и М. П. Погодин уже отошли в сторону. К. С. Аксаков умер в 1860 г. Но продолжателем его дела выступил его младший брат И. С. Аксаков, который в 60-е гг. становится фактическим главой славянофилов. Что касается М. П. Погодина, то ему пришлось отказаться от планов территориального расширения Российского государства. В предисловии к сборнику своих писем и записок, написанном 14 августа 1857 г., он с горечью признавался, что вынужден отречься от своих панславистских мечта-

ний, о которых грезил с молодых лет. «Теперь простуженный или охладелый, наученный опытом, я желаю только, чтоб славяне пользовались гражданскими и человеческими правами под всеми правлениями, куда поместила их судьба, наравне с прочими европейскими народами, а после – после что Бог даст, то и будет»²⁷.

Место Погодина в развитии панславистских идей занял М. Н. Катков, который, как и первый, тесно связывал свои славянские планы с интересами самодержавной России. В этом отношении его взгляды были еще более последовательными, чем у Погодина. Это отмечает и российский историк В. М. Хевролина: «Самодержавие, по Каткову, являлось спасительным началом для России, охранявшим ее от ложного пути Запада». И далее она приводит слова Каткова, подтверждающие ее вывод: «С самодержавной властью русского государя неразрывно соединено самое существование России»²⁸.

В отличие от главы «Крымская война» здесь Никитин подчеркивает, что панславизм И. С. Аксакова и М. Н. Каткова являются двумя разными вариантами.

Рассматривая разделы С. А. Никитина о панславизме, надо иметь в виду, что в 30–40-е гг. XX в. он считался в советской историографии реакционной теорией, полностью подчиненной интересам самодержавия. При этом такие понятия как панславизм, славянофильство, славяноведение рассматривались как единое неразрывное целое самого реакционного пошиба. Так, известный советский славист С. Б. Бернштейн в своих мемуарах пишет о выступлении в 20-е годы своего сокурсника Кобецкого: «Славяноведение – это славянофильство, а славянофильство – это черносотенство»²⁹. Такие взгляды стали возможны при господстве в советской исторической науке школы М. Н. Покровского, который насаждал сугубо классовое, часто вульгаризированное понимание исторического процесса. В июле 1927 г. Покровский опубликовал в газете «Правда» статью «Панславизм на службе империализма», написанную по поводу конференции историков восточноевропейских стран, проходившей в Варшаве. А. Н. Горяинов, исследовавший вопрос о трактовке термина «панславизм» советскими историками 20–30-х гг. XX в., указывает, что в ней Покровский намеренно смешал политические интерпретации понятия «славянская идея» с наукой «славяноведение». Покровский при этом подчеркивал, что политическое оружие «славянская идея» «перешло в руки нового хозяина, и этим хозяином был империализм», направивший его против СССР³⁰.

Правительство действовало в соответствии с этими установками. Сильным репрессиям славяноведение подверглось в 1934–1939 гг., когда был ликвидирован Институт славяноведения АН СССР, созданный в 1931 г. Н. С. Державиным. Были арестованы видные слависты, в том числе академики В. Н. Перетц, М. Н. Сперанский, члены-корреспонденты Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский и др. Их обвинили в участии в мифической Российской национальной партии, якобы ведшей антисоветскую деятельность³¹.

Положение стало улучшаться только с 1936 г., когда по указанию советского правительства началась борьба против исторической школы М. Н. Покровского. Славяноведение стало постепенно превращаться во все более поощряемую правительством науку, поскольку агрессивная политика немецкого фашизма, его антиславянская националистическая идеология требовали решительного отпора и в сфере идеологии. В 1939 г. была открыта кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете Московского университета. Одновременно в мае 1939 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья «Панславизм», дававшая на многие годы вперед указание советской исторической науке, как надо оценивать это явление. Авторы статьи решительно утверждали, что идеи панславизма «служили интересам царизма и русской буржуазии в их захватнической политике на Балканах». Вместе с панславизмом клеймилось и славянофильство. В 1941 г. В. И. Пичета в журнале «Историк-марксист» писал: «Представители дворянского и буржуазного славяноведения под влиянием реакционного славянофильского и панславистского учения, были сторонниками объединения славян под властью царской России... Славянофилы и панслависты, точнее панрусисты, выступали в качестве глашатаев захватнической политики на Балканах»³². Эти высказывания не являлись искренним убеждением ученого, а скорее всего стремлением подыграть идеологической линии советского правительства. На совещании историков в ЦК КПСС в 1944 г. В. И. Пичета, по словам академика А. М. Панкратовой, сторонницы Покровского, пересмотрел «характер восточных войн, которые он объявил прогрессивными, т.к. они способствовали освобождению Сербии, Болгарии от турок». Вызывало удивление Панкратовой и то, что Пичета якобы считал западников реакционным, а славянофилов прогрессивным течением³³.

При таком раскладе мнений, когда вопрос об оценке деятельности славянофилов и их теорий только намечался к пересмотру, а наиболее видные в то время историки решительно этому противились, Сергею Александровичу Никитину приходилось быть осторожным. Его определения того или иного персонажа часто не совпадают с его истинным мнением о них. Это касается прежде всего братьев Константина и Ивана Аксаковых, взглядам которых он симпатизировал. Иногда приводимые им цитаты из произведений славянофилов противоречат выводам, сделанным им. Так, например, Никитин утверждает: «Убежденные монархисты и консерваторы, славянофилы – особенно Аксаков – были настоящими оппозиционерами»³⁴. Невольно встает вопрос – могли ли монархисты и консерваторы быть в оппозиции консервативному и монархическому строю? Затем Никитин уточнял свою позицию, сравнивая взгляды И. С. Аксакова и М. Н. Каткова: «Аксаковская оппозиционность была проявлением умеренного славянофильского либерализма, которого катковский круг не знал и не разделял. Аксаков имеет в виду прежде всего общество, он стремится создать и организовать общественное мнение для воздействия на правительство. Катков популяризирует официальные акты, защищает правительство и в его статьях находит свое отражение принципиальное единение с правительством». И далее Никитин снова повторяет свое утверждение: панславистские программы Аксакова и Каткова оберреакционны, а их назначение – поддержка и развитие помещичьего хозяйства.

После неудачной войны Россия перестала казаться непобедимой державой даже самым своим горячим апологетам. Вопрос о создании славянской федерации под руководством России уже не мог считаться актуальным. Зато убеждение М. П. Погодина, что в Европе только славяне являются союзниками России, приобрело значительное количество сторонников в политических, дипломатических и общественных кругах. Этим взглядам сочувствовала даже новая императорская чета. Силой оружия Россия не могла помочь славянам, поэтому на первый план стала выходить новая идея – идея культурного единения славянства. В основе ее лежало принятие всеми славянскими народами русского языка в качестве единого литературного языка всех славян.

Никитин рассматривает это стремление как желание русифицировать славян. Одновременно он отмечал отсутствие у славянофилов стремления к этому. Никитин утверждал, что «ортодоксальное славя-

нофильство, представленное И. С. Аксаковым, осталось чуждым русификаторства по отношению к славянам»³⁵. Что касается М. Н. Каткова, то он, по мнению Никитина, главное средство объединения славян «видел в культурно-политическом объединении славян путем установления общеславянского языка и деятельности дипломатии. Введение русского языка в качестве общеславянского было в то же время и методом русификации как условия устойчивости федерации. Панрусист Катков был явно выраженным централизатором в вопросе об устройстве панславянского государства»³⁶.

Хевролина указывает, что Катков решительно отказывался от обвинений его в панславизме, т.е. он нигде не говорил прямо о политическом объединении славян под эгидой России. Вместе с тем она подчеркивает: «Он полагал, что Россия должна сохранить политическое и моральное влияние в славянских странах. Речь шла о покровительстве, то есть о завуалированном господстве на Балканах». Здесь же Хевролина утверждает: «Освобождение христианских народов Балканского полуострова Катков считал исторической задачей России. Это было, по его мнению, условием возрождения могущества России»³⁷. Хевролина, несомненно, права: она увидела за отказом Каткова от политического панславизма перевод его в другую плоскость, покровительственную. С. А. Никитин уловил другую важную особенность панславизма Каткова – стремление перевести его в культурную сферу, т.е. связать славян общностью культуры с помощью единого литературного русского языка.

Стоит отметить, что в 60-е гг. М. П. Погодин, хотя и не так активно, как в 50-е гг., продолжал заниматься славянскими делами. С 1860 г. он возглавлял Московский славянский благотворительный комитет, активно участвовал в таких общегосударственных мероприятиях, как празднование тысячелетия Российского государства (1862), Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве (1867), привлекая на них славянских деятелей. Эти праздники, славяне, приехавшие на них, русская общественность, восторженно встречавшая славян, снова возбудили у Погодина надежды на объединение славян. 27 мая 1867 г. при расставании со славянскими гостями Погодин в своей речи заявил: «Мы убедились только, кажется все, что славянским племенам для своих сношений необходимо нужен один язык с одною азбукою». И далее Погодин повторил те слова, которые он твердил уже сорок лет: «Мы убедились, что из всех европейских народов естественные, первые друзья русским суть

славяне... Точно так убедились и вы, что вам в Европе... надеяться не на кого, кроме русских»³⁸.

Идею сделать русский язык общеславянским литературным языком пропагандировал и известный русский ученый В. И. Ламанский, активно сотрудничавший со многими культурными и политическими деятелями славянских народов. Хотя С. А. Никитин рассматривает взгляды Ламанского в третьем разделе, я считаю возможным сделать это именно здесь, поскольку его всеславянские взгляды не носили откровенно политического характера, а предполагали прежде всего культурное объединение.

В отличие от Каткова и братьев Аксаковых В. И. Ламанский был серьезным ученым. Л. П. Лаптева, многие годы занимающаяся историей российского славяноведения, считает, что в последней трети XIX в. в России вряд ли можно найти слависта и славянского деятеля более известного, чем В. И. Ламанский (1833–1914). «Это был одновременно, – подчеркивает она, – исследователь славянских языков и литератур, археолог и этнограф, историк и публицист. Особое внимание он проявлял к современному ему славянству и к его историческим судьбам»³⁹.

Докторская диссертация В. И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» вышла в свет отдельной книгой в 1871 г. С. А. Никитин пишет, что для ее написания автор использовал огромный материал, почерпнутый из западноевропейской этнографической, исторической и политической литературы. Как и славянофилы, Ламанский указывал на существование в Европе двух миров: греко-славянского и романо-германского. «Их взаимоотношения и борьба – главная ось исторического развития Европы и Азии». Для греко-славянского мира характерны слабость аристократии, православие, роль общины, славянский язык церкви и просвещения. В греко-славянском мире Россия занимает главенствующее положение, русский язык имеет все возможности широко распространиться в славянских землях. Ламанский указывает на признаки разложения романо-германской Европы, которые он видит в увеличении числа партий, в распространении социалистических и коммунистических идей. Он резко критикует немецких ученых за то, что они сравнивают славян с венграми⁴⁰. Позднее в статье «Три мира Азийско-Европейского материка», опубликованной в 1892 г. в «Славянском обозрении», Ламанский развил теорию существования трех миров или трех типов культур: европейского, азиатского и

среднего. В последний входили Россия, славянские земли, венгерские, румынские, греческие области, прибрежная полоса Малой Азии с Константинополем, Сирия. Азиатский мир, по мнению Ламанского, безнадежно устарел, европейский – находится в расцвете, но уже клонится к упадку, будущее – за средним миром, в котором преобладают славянское население и православная религия. Для его расцвета, полагал Ламанский, необходимо сохранить его многообразие, т.е. самостоятельное развитие малых славянских и неславянских народов⁴¹. Как можно видеть, и в 90-х гг. XIX в. Ламанский прямо не говорил о политическом объединении славян (или всего греко-славянского мира).

Взгляды Ламанского были близки взглядам славянофилов, в 90-е годы на них оказала влияние и теория Н. Я. Данилевского. Правда, отмечает Никитин, в отличие от славянофилов и Данилевского, утверждавших, что характеру русских присуща ненасильственность, Ламанский считал это положение сентиментальным, и «представление о России и русском народе как незавоевательном не имеет опоры в историческом прошлом»⁴².

В целом Никитин с симпатией и достаточно объективно рисует взгляды Ламанского. Он выделяет Ламанского из прочих идеологов, не дает ему классовой характеристики. Никитин только перечисляет его основные постулаты: Ламанский стоит за крепкий крестьянский быт и общинное самоуправление, он враждебно относится к индустриализации, поскольку она ведет к пауперизации населения, возникновению среди него социалистических и коммунистических теорий. Ламанский был противником латифундий и безземельных батраков, мечтал о свободе печати и сходок, их полной независимости⁴³.

Однако его вывод, что Ламанский по своим взглядам стоял ближе к Каткову, чем к И. Аксакову⁴⁴, мне кажется неверным. Во всяком случае, в главном вопросе, в котором он был солидарен с Катковым, а именно относительно превращения русского языка в общеславянский, у них имелись существенные расхождения. Катков видел конечный результат этого в русификации славян. Подход Ламанского был иным. Рассматривая перспективы развития южнославянских языков, он указывал, что литература хорватов, сербов, словенцев никогда не сможет вытеснить из их культурной жизни немецкий и итальянский языки. «Мы принуждены указать, – продолжал Ламанский, – как на единственный исход из этого положения, необходимость для них принять русский язык органом науки и выс-

шей образованности, языком дипломатическим, с сохранением своих наречий и словесностей для местных потребностей»⁴⁵. Практически это означало, что русский язык у австрийских славян должен был занять место немецкого или итальянского.

Третий раздел книги С. А. Никитина «Панславистские теории конца 60-х годов» – является параграфом 5 главы. Главные его герои Николай Яковлевич Данилевский и Ростислав Андреевич Фадеев. Они разработали наиболее полные и объемные панславистские программы, именно на них ссылаются прошлые и современные историки, когда говорят о панславистских теориях в России. Оба они были близки к славянофильским кругам и активно использовали их идеи в своих трудах. В частности, они полностью приняли концепцию славянофилов о непримиримых противоречиях между Россией и славянским миром, с одной стороны, и Европой (романо-германским миром) – с другой.

Труды Фадеева и Данилевского появились в 1869–1871 гг. И это не случайно: русское общество начало оправляться от поражения в Крымской войне. Этому способствовали: проведение реформ в России, главной из которых была отмена крепостного права, резкое увеличение русофильских настроений у зарубежных славян. Последнее было связано: у австрийских славян – с усилением германизации и опасности включения их земель в Объединенную Германию, у славянского населения Турции – с неудачным проведением реформ, приведшее к ухудшению их положения.

Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) происходил из аристократической семьи. Отец его дослужился до тайного советника, был членом Совета Главного управления наместника Кавказа, мать принадлежала к знатному роду Долгоруких. Военная служба самого Р. А. Фадеева сначала складывалась неудачно, но с 1849 г. он переехал в Тифлис по приглашению кавказского наместника графа М. С. Воронцова. Здесь он отличился в боях как с местными племенами, так и с турками. С 1856 г. кавказским наместником и главнокомандующим стал князь А. И. Барятинский, в то время близкий царю Александру II и великому князю Константину Николаевичу. Барятинский полагал перестроить гражданское и военное управление на Кавказе, развивать пароходство на Волге и в Каспийском море, провести железную дорогу между Каспийским и Черным морями. Ближайшим его сотрудником становится Р. А. Фадеев, у которого обнаружился талант публициста. Он подготовил записку «Местное

военное управление покоренными племенами Кавказа». В ней говорилось о необходимости гражданского благоустройства и образования на Кавказе, улучшения нравственного и материального быта местного населения. Фадеев предлагал действовать осторожно, чтобы не внушить горцам отвращения ко всем нововведениям, поскольку они чужды их понятиям и нравам. Фадеев выступал за постепенную замену военного управления гражданским и привлечение к нему местной знати. По поручению Барятинского он написал книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны», которую одобрили многие военные деятели, в том числе генералы Д. И. Скобелев, А. П. Ермолов, П. Е. Коцебу и др. За эту книгу Фадеев был избран в 1860 г. членом императорского Русского географического общества⁴⁶.

Барятинский в 1861–1862 гг. выступил с предложением предоставить независимость Польше, поддержать движение славянских народов, перенести столицу России в Киев. Во время австро-прусской войны 1866 г. Барятинский представил императору проект, согласно которому Россия должна поддержать Пруссию и добиться ее победы над Австрией. Все немецкие земли Габсбургской монархии он предлагал отдать Пруссии, вернуть независимость Венгрии, а славянские земли отдать под покровительство России. Александр II созвал по этому вопросу узкое совещание, на котором присутствовали он сам, князь Барятинский, военный министр Д. А. Милютин, министр иностранных дел князь А. М. Горчаков. Проект Барятинского был отвергнут⁴⁷.

Все это я упоминаю для того, чтобы можно было понять, в каких кругах вращался Р. А. Фадеев и под влиянием каких идей была написана его панславистская программа. Сначала она была опубликована отдельными статьями в ноябре 1869 г. в газете «Биржевые новости», затем издана отдельной книгой под названием «Мнение о восточном вопросе».

Основные положения Фадеева заключались в следующем. Славяне, освобожденные от иноземного ига, создадут славянскую федерацию. Они должны быть самостоятельны в делах внутреннего политического устройства, но едины в международных и военных делах. Возглавит славянскую федерацию русский царь, русский язык в ней – политический, он связывает славян. «Каждому племени нужен свой государь для домашних дел, – утверждал Фадеев, – и великий славянский царь для дел общих». Без объединения вокруг России славяне, даже добившись независимости, быстро бы ее потеряли, ибо

Европа не допустит существования независимых славянских государств⁴⁸. Столицей славянского союза станет Константинополь, возглавят славянские государства члены дома Романовых. В федерацию войдут помимо славянских земель земли греков и румын, «прочно вросших в тело славянщины».

Прежде, чем создать славянскую федерацию, России необходимо добиться поддержки славян. Обеспечить ее должна помощь гонимым славянским деятелям, распространение русской литературы среди славян и славянской – в России. Фадеев предлагал открыть возможность славянам поступать на русскую службу, особенно военную. Он был убежден, что славянский вопрос можно решить только силой. Как и славянофилы, Фадеев считал Европу враждебной России. Но в отличие от них главного врага славян он видел в немцах. «Когда закончится объединение германской породы, – писал Фадеев, – в пределах, гордо ей назначаемых для себя, и она примется онемечивать славян прусскими методами, будет уже поздно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвой». Во Франции и Англии Фадеев видел лишь союзников Германии. Особенно он ненавидел Австрию, которая, по его словам, превратилась в оплот Европы против Востока, и далее добавлял – «под которым Европа подразумевает не Турцию, а Россию, славян, православие». «Главный враг наш никак не Западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями»⁴⁹. Фадеев считал, что вся русская история без всеславянской цели теряет смысл.

Касался Фадеев и судеб Польши. Он считал, что Польша, оказавшись перед выбором «быть младшим братом русского народа или немецкой провинцией», предпочтет первое и станет передовой ратью славян, направленной против Пруссии и Австрии⁵⁰.

С. А. Никитин справедливо указывает: «Трактат Фадеева интересен как попытка предложить практическую программу внешней политики». Он подчеркивает, по его мнению, удачную мысль Фадеева: «С кем Россия ни заключит союз и как победоносно ни будет действовать в этом союзе, за ней останется тот выигрыш, который она успеет совершенно закрепить во время войны». Верно подмечено было Никитиным то, что панславизм Фадеева был навеен пангерманскими настроениями в Австрии и других немецких землях⁵¹. Связанный с дворянскими кругами происхождения, деятельностью, Фадеев был убежден, что дворянство должно занимать первое место в управлении и администрации государства. «С признанием

русского дворянства ... государственным сословием, – подчеркивал Фадеев, – оно должно стать сословием обязательно служилым». Фадеев предлагал облегчить переход крупного купечества в дворянское сословие⁵². Опираясь на высказывания Фадеева, С. А. Никитин приходит к выводу, что его программа является программой реакционных дворянских кругов, стремившихся к восстановлению сословно-дворянского преобладания, что он «выступает как защитник преобладания дворянства во всех областях государственной и общественной жизни»⁵³. В. Я. Гросул, изучавший публицистику Фадеева, не связанную с пропагандой панславизма, также отмечает, что он «пытался обосновать необходимость дворянских привилегий и укрепления дворянства как основы общественного устройства»⁵⁴. С точкой зрения Никитина и Гросула вполне можно согласиться.

Именно потому, что многие мысли трактата прямо отвечали на те вопросы, которые ставило перед Россией и славянским миром международное положение, он имел определенный резонанс в обществе. Главными оппонентами книги Фадеева выступили «Вестник Европы» и «Отечественные записки», т.е. либеральные круги. Странники ее имелись в высших военных и дипломатических кругах, стоявших в определенной оппозиции к политике правительства: генералы Бярятинский, Черняев, Ермолов, и др., видный дипломат Н. П. Игнатьев. За рубежом, особенно в славянских землях, она тоже нашла отклик и была переведена на немецкий, сербский, чешский, польский языки. Некоторые славянские газеты печатали из нее обширные разделы. Русофильски настроенные славянские деятели восприняли книгу Фадеева с восторгом. Хорват П. П. Томич писал о ней Н. А. Попову: «Не могу описать словами радость, с какой читал “Мнение о восточном вопросе” Р. Фадеева». Томич был убежден, что она доказывает, что Россия мужает и должна завершить свою миссию на Балканах. Чешский журнал «Kvety» тоже высказывал сочувствие взглядам Фадеева. Чешский профессор Й. Первольф сообщал Н. А. Попову, что брошюра Фадеева произвела большое впечатление, что она логична и убедительна⁵⁵.

Однако правительство России должно было заверить Австрию через посла Н. А. Орлова, что оно не имеет отношения к появлению книги Фадеева. В мае 1870 г. Фадеев опубликовал в газете «Биржевые ведомости» «Приложение к брошюре “Мнение о восточном вопросе”», которое затем вышло как отдельная брошюра. В ней говорилось: «Если Россия может быть чем-нибудь только с условием,

чтобы она была славянской, и если политический устой наш зависит от того, чтобы внерусские славяне удержали за собой свою личность и свое место на земле, то современная русская задача состоит в том, чтобы спасти славянство». И далее Фадеев утверждал: «Нам нужно славянство не для того только, чтобы устоять в европейской борьбе, но и для того, чтобы с его помощью самим стать опять славянами»⁵⁶. После этого Фадеев сразу же был уволен со службы по болезни⁵⁷.

Совсем иной была жизнь другого теоретика русского панславизма – Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885). Он родился в семье заслуженного генерала, особо отличившегося в битве под Лейпцигом. Николай Яковлевич получил блестящее образование, учась в Царскосельском лицее, а затем на физико-математическом факультете Петербургского университета. Он закончил университет, сдав в 1848–1849 г. магистерский экзамен. В университете Данилевский подружился с братьями Семеновыми. Один из них, Н. П. Семенов, стал сенатором и членом редакционной комиссии по проведению крестьянской реформы, другой П. П. Семенов, получивший впоследствии прозвище Тянь-Шаньский, – знаменитым путешественником. Во время учебы Данилевский помимо физико-математических наук изучал историю, социологию. Особенно он увлекался сочинениями социалистов-утопистов, в частности Фурье.

В Петербурге Данилевский познакомился с Ф. М. Достоевским и вместе с ним посещал кружок М. В. Петрашевского, где молодые люди обсуждали вопросы освобождения крестьян, теории социалистов-утопистов и т.д. Одновременно Данилевский подготовил диссертацию «Орловская флора». Вместе с П. П. Семеновым он составил проект 3-х летней экспедиции по исследованию границ черноземной полосы России, одобренный Вольным экономическим обществом, членами которого они стали. Но в июне 1849 г. Данилевского арестовали по делу Петрашевского, обвинив его в распространении учения Фурье. В ноябре он был выпущен из тюрьмы и выслан в Вологду под надзор полиции. Наряду с чиновничьей работой Данилевский активно занимается научными изысканиями. Его работы «О движении народонаселения в России» (1851) и «Климат Вологодской губернии» (1853) получили премии императорского Русского географического общества. После перевода в 1853 г. в Самару Данилевский был включен в экспедицию М. Бэра, исследовавшую рыболовство на Волге и в Каспийском море. После этого Данилевский 18 лет зани-

мался ихтиологией, исследовал рыбные промыслы почти во всех водоемах европейской России. Помимо этого он изучает русскую географическую терминологию, занимается областным великорусским словарем, определяет маршрут переселения угров с прародины (Пермская и Вятская губернии) в Лебедию (земли между низовьями Дона и Днепра), пишет статьи по внешней политике России. Данилевский изучает теорию Ч. Дарвина и выступает против нее. Последние годы он вместе с женой и детьми проживал в Крыму. Он продолжал дружить с братьями Семеновыми, с Ф. М. Достоевским, А. А. Григорьевым, общался со своим соседом в Крыму военным министром-реформатором Д. А. Милютиным. Особенно близко Данилевский сошелся с Н. Н. Строевым, библиотекарем Императорской публичной библиотеки в Петербурге, который снабжал его необходимыми книгами. Н. Н. Страхов стал ближайшим другом и соратником Данилевского.

Как можно видеть, сфера интересов Н. Я. Данилевского была достаточно широкой. Он занимался филологией, историей, социологией, математикой, естественными науками, и знания по этим предметам, как отмечали его современники, были достаточно глубоки. Его труд «Россия и Европа» не был журналистским, как трактат Фадеева, он опирался на новейшие научные достижения того времени, в частности на учения естествоиспытателей Ламарка и Дарвина.

Свое главное сочинение «Россия и Европа» Данилевский писал в 1863–1868 гг., когда в Европе происходили знаменательные события: польское восстание 1863 г., прусско-австрийская война 1866 г., образование Австро-Венгрии в 1867 г., основание I Интернационала, Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. и др. В 1869 г. труд был напечатан в журнале «Заря». В качестве отдельной книги он вышел в 1871 г.

В своей книге Данилевский, как Фадеев, Погодин и К. Аксаков, как практически все славянофилы, исходил из убеждения, что Европа враждебна к России и славянам, что ее политика по отношению к ним является агрессивной и макиавелистской. Европа подразумевает под европейской цивилизацией самую передовую, по ее мнению, последнюю высшую ступень человеческой цивилизации, романо-германскую цивилизацию, в которую не входят другие европейские народы, в частности славяне. Славян Европа ненавидит, так как чувствует в них зарождение и развитие новой цивилизации. Особенно ненавистна Европе Россия, которая обрела самостоятельность, соз-

дала прочную государственность, превратилась во влиятельную мировую державу и может объединить вокруг себя весь славянский мир. Помимо этого Европа чувствует несовместимость своего и славянского культурно-исторических типов⁵⁸.

Западные ученые стремятся принизить Россию, показать ее как гасительницу света и свободы, мрачную силу. Западные ученые много говорят о неполноценности славян по сравнению с романо-германскими народами и этим обосновывают немецкий Дранг нах Остен. Французы расхваливают славян, но русских считают не славянами, а туранским народом. Данилевский подчеркивает, что против европейского отношения к России и славянам выступали Пушкин, Хомяков, Ламанский.

Пожалуй, ни один из русских теоретиков панславизма так полно не обосновывал мнение о враждебности Европы России и славянам, как Данилевский, посвятивший этому вопросу целую главу в своей книге.

Данилевский утверждал, что деление истории на такие эпохи как: 1. древний мир; 2. средние века; 3. новейшая история, которое придумали европейские ученые, не соответствует мировому историческому процессу, а верно только для Европы. Каждая цивилизация в разных районах мира развивается по-своему и не передает свои достижения другим, более поздним. Всего Данилевский насчитывал 10 культурно-исторических типов (цивилизаций): 1) египетский, 2) китайский, 3) древнесемитический (ассирийско-вавилонско-финикийско-халдейский), 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический (аравийский), 10) романо-германский (или европейский). Каждый культурно-исторический тип развивается самостоятельно. Сначала он переживает этнографический период, который продолжается не менее 1000 лет, затем наступает период цивилизации (цветение и плоды), охватывающий около 600 лет, потом – угасание данной цивилизации. Метод воздействия одной цивилизации на другую – одна цивилизация может быть удобрением для другой, цивилизация может быть пересажена с одного места на другое, так англичане пересадили европейскую цивилизацию в Америку и Австралию⁵⁹.

Общечеловеческая цивилизация, которую проповедуют европейцы, не существует и не может существовать. Как обоснованно отмечает современный российский ученый Б. П. Балугев, Данилевский первым заявил о мультилинейном развитии мира⁶⁰.

Данилевский считал, что славяне находятся только в начале создания своей цивилизации. Но для того, чтобы они могли создать ее, необходимо:

- Этническая группа должна иметь один язык или несколько близких языков.
- Народы, принадлежащие к соответствующему типу цивилизации, должны быть независимыми.
- Принципы цивилизации не передаются от одного типа к другому, но влияние может иметь место.
- Каждый из элементов культурно-исторического типа, пользуется независимостью, но вместе они составляют федерацию.
- Период роста культурно-исторических типов продолжителен, период цветения и плодоношения краток⁶¹.

Славянам опасен Запад, и это заставляет их стремиться к объединению под политическим руководством России. «Для всякого славянина, – подчеркивал Данилевский, – русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгар (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и его святой церкви – идея славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага»⁶². Данилевский был убежден, что каждый честный русский человек должен быть панславистом, то есть стремиться «всеми силами души своей к свержению всякого ига с его славянских братьев, к соединению их в одно целое, руководимое одними славянскими интересами», хотя бы они противоречили интересам Европы и остального мира. «Всеславянская федерация вот единственно разумное, а потому и единственно возможное решение восточного вопроса»⁶³.

В федерацию, которую должны были создать славяне, Данилевский предлагал включить следующие государственные образования: 1. Россия с Галицией и Угорской Русью; 2. Чехо-моравско-словацкое королевство; 3. Королевство сербо-хорвато-словенское; 4. Королевство болгарское; 5. Королевство румынское; 6. Королевство эллинское; 7. Королевство венгерское; 8. Константинопольский округ с проливами и островом Тендос⁶⁴.

Существо восточного вопроса, по мнению Данилевского, составляла борьба между романо-германским и славянским типами цивилизаций.

Основой славянской федерации, полагал Данилевский, должны быть: «Православие, славянство и крестьянский надел – то есть нравственный, политический и экономический идеал народов славянского культурного типа». Данилевский подчеркивал, что особая задача славянского культурного типа «удовлетворительное решение общественно-экономической задачи»⁶⁵. Таким образом, панславизм Данилевского включал не только национально-политические моменты, но и социально-экономические.

Книгу Данилевского польский историк А. Валицкий назвал «первым и единственным в своем роде систематическим изложением панславизма»⁶⁶. С этой точкой зрения можно вполне согласиться.

В отличие от трудов К. Аксакова, М. Погодина, Р. Фадеева, В. Ламанского, которые в XX в. стали предметом изучения историографов, сочинение Данилевского привлекает к себе внимание социологов и философов и спустя многие годы. «Россия и Европа» была дополнительно издана в 1888, 1889 и 1895 гг. – и успешно разошлась. Эту книгу пропагандировали русские философы К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов. А. П. Дубнов утверждает, что Данилевский является признанным предшественником Шпенглера, Тойнби и Сорокина⁶⁷.

И во второй половине XX в. о Данилевском выходят научные монографии. Так Р. Мак-Мастер издал книгу «Н. Я. Данилевский – русский тоталитарный мыслитель» (Массачусетс, Гарвардский университет, 1967), а в России вышла книга Б. П. Балугева «Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» (М., 1999). В. М. Хевролина в своей книге «Власть и общество» (1999) также затрагивает вопрос о Данилевском. Как и Балугев, она не считает Данилевского теоретиком воинствующего панславизма и российского империализма и экспансии, как пишут некоторые отечественные и зарубежные историки. Объединение славян, провозглашаемое Данилевским, Хевролина трактует по-другому. «Во-первых, – указывает она, – объединение провозглашалось с целью не наступления, а обороны... Во-вторых, по Данилевскому, превосходство славянского мира над Западом мыслилось не в политическом, а в цивилизационном плане. В-третьих, у теории Данилевского было и свое рациональное зерно – стремление доказать жизнеспособность и культурную значимость славянства, подчеркнуть прогрессивную роль национального фактора в деле славянского единства». При этом Хевролина подчеркивала, что критика Данилевского за отрицание им

демократизма и конституционализма вполне справедлива⁶⁸. Полемизуя с зарубежными авторами, Хевролина высказывает интересную мысль, что панславизм Данилевского носил не наступательный, а оборонительный характер⁶⁹.

Любопытна статья современного российского историка В. Н. Хачатурян. Она отмечает положительные моменты теории Данилевского. Данилевский, по ее мнению, является «одним из первых российских историков, кто стремится представить всемирно-исторический процесс как органическую систему, все звенья которой являются самобытными и вместе с тем взаимодействующими культурными единицами». Он указывал, что цивилизация не только искусство, философия, религия, но и социально-экономические отношения. Исследуя последние, он «развивает идеи, близкие утопическому социализму». Хачатурян подчеркивает, что книга Данилевского была направлена против европейских историков и философов, рассматривавших славян как второстепенные народы. Француз Ф. Гизо не включал славян в европейскую цивилизацию, Г. Гегель отводил большинству из них роль неисторических народов, Г. Вебер отводил славянам место низших классов, призванных находиться в подчинении других народов. Данилевский выступал против евроцентризма, признавал важность и других цивилизаций: китайской, американской, индусской и др.⁷⁰.

Эти очень интересные замечания показывают, что ученые еще недостаточно глубоко изучили труд Данилевского, человека, отличавшегося энциклопедическими знаниями и умевшего мыслить нестандартно.

С. А. Никитин подчеркивал, что Данилевский взял у славянофилов ряд моментов: противопоставление России Западу, создание славянской федерации. У панславистов он взял идею превращения русского языка в общеславянский⁷¹.

Против идей Данилевского ополчились, как и против программы Фадеева, прежде всего либералы западнического толка. Но были и сторонники взглядов Данилевского, среди них Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов. К. Н. Бестужев-Рюмин, профессор русской истории в Петербургском университете, создатель знаменитых Бестужевских женских курсов, писал в некрологе Данилевскому, что он «был человек гениальный», а его книга «Россия и Европа» – «одна из тех книг, значение и смысл которых уясняется временем»⁷². Высоко оценивали труд Данилевского такие известные русские философы

как К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов. Правда, они не полностью принимали его выводы. Так, например, исследователь идеологии К. Н. Леонтьева В. И. Косик пишет, что Леонтьев был сторонником теории Данилевского смены культурно-исторических типов, хотя и не разделял его либерального славянолюбия⁷³. Многим идеям Данилевского сочувствовал Ламанский.

С. А. Никитин видел разницу между панславистскими программами Фадеева и Данилевского. «Фадеев, – указывал он, – выступает как защитник преобладания дворянства во всех областях государственной и общественной жизни». Программа Фадеева – программа реакционных дворянских кругов, желавших восстановления сословно-дворянского преобладания. Несколько по-иному Никитин характеризует программу Данилевского: «Идеология Данилевского – это идеология помещичьих кругов, стремившихся к развитию капиталистического дворянского хозяйства и сохранению капиталистических пережитков в деревне». И далее Никитин делает заключение: «Панславизм обоих авторов – дворянская идеология». Так или иначе С. А. Никитин должен был дать Фадееву и Данилевскому классовую оценку, подчеркнув, что оба они являлись выразителями интересов дворянства.

Как можно видеть, круг сторонников Фадеева и Данилевского различался. У Фадеева это были генералы и дипломаты, недовольные реформами правительства, у Данилевского – представители интеллигенции, также находившиеся в оппозиции к правящим кругам.

Таким образом, общая оценка панславистских идей Никитиным была отрицательной. Но она в то время, когда взгляды Маркса и Энгельса не могли быть оспариваемы, и не могла быть иной. «Панславистская идея, – пишет Никитин, – вовлечения славянских идей в сферу русского влияния представляла собой борьбу за новые территории, за экстенсивное расширение капитализма на колониальных землях, борьбу, исходящую прежде всего из интересов помещичьего класса». И далее Сергей Александрович подчеркивает, что эта программа была создана во имя сохранения дворянских позиций и вытеснения капиталистических элементов на периферию, и реакционный ее характер не может вызывать сомнений⁷⁴.

Можно согласиться, что для определенных кругов панславизм являлся способом расширить пределы России. Но нельзя забывать, что его важной чертой являлось стремление освободить славянские

народы, находившиеся под чужеземным игом, и этот момент четко прослеживается у всех теоретиков панславизма, начиная с К. С. Аксакова и кончая В. И. Ламанским. Помимо этого, нужно отметить, что у Аксакова, Ламанского, Данилевского панславистские теории были связаны с крестьянским вопросом – освобождением крестьян, наделением их землей.

Вопрос о создании славянской федерации в настоящее время потерял свою актуальность. Но по-прежнему остро стоит вопрос об отношении России и Европы, вызывает законный интерес периодизация мировой истории, принимая во внимание развитие не только Европы, но и Азии, Америки и др.

Возникает вопрос, почему объединение Германии под властью прусского короля, Италии – под властью пьемонтского короля надо считать явлением положительным, а объединение славян под властью русского царя – явлением отрицательным? Маркс, Энгельс, европейские революционеры считали царскую Россию агрессивным, реакционным государством. Но не прошло и 70 лет со дня объединения Германии, как она развязала две кровопролитнейшие мировые войны. Так откуда же в действительности исходила агрессия?

Я только ставлю эти вопросы, ибо они требуют гораздо более обширного и глубокого изучения, чем представленные здесь заметки.

Примечания

¹ *Никитин С. А.* Крымская война. С. 13, 14. Здесь и далее сноски даются по верстке книги С. А. Никитина.

² *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. М., 1986. С. 17, 58, 25.

³ *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6; *Янов А.* Загадка славянофильской критики // Вопросы литературы. 1969. № 5; *Егоров Б.* Проблема, которую необходимо решить // Вопросы литературы. 1969. № 5; *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство; *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

⁴ *Дьяков В. А.* Славянский вопрос. С. 49.

⁵ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. III. СПб., 1892. С. 53, 54; Т. X. СПб., 1896. С. 213, 214, 498.

⁶ *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 264.

⁷ *Погодин М. П.* Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

- ⁸ *Погодин М. П.* Потребности минуты // Историко-политические письма ... С. 324.
- ⁹ *Погодин М. П.* Сочинения. Т. III. М., 1872. С. 199.
- ¹⁰ *Курилов А. С.* Константин и Иван Аксаковы // К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 5.
- ¹¹ *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. С. 197.
- ¹² *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. X. С. 499–506.
- ¹³ *Никитенко А. В.* Дневник. Т. II. М., 1955. С. 561. Примечание 1.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ *Кошелев А. И.* Записки. Берлин, 1884. С. 67.
- ¹⁶ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Т. II. М., 1929. С. 103.
- ¹⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 327 (кн. Черкасских). Кар. 4. Д. 2. Л. 36 с об.
- ¹⁸ *Гросул В. Я.* Русское общество. С. 268.
- ¹⁹ *Балуев Б. П.* Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 145.
- ²⁰ *Герцен А. И.* К. С. Аксаков // Колокол. 13.01.1861.
- ²¹ *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Славянофильство ... С. 129.
- ²² Там же. С. 124.
- ²³ *Курилов А. С.* Константин и Иван Аксаковы. С. 21, 22.
- ²⁴ *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. С. 135–137.
- ²⁵ Там же. С. 140–145.
- ²⁶ *Никитин С. А.* Часть 1. С. 35, 27.
- ²⁷ *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. Т. 4. М., 1874. С. 4.
- ²⁸ *Хевролина В. М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. С. 17.
- ²⁹ *Бернштейн С. Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 67.
- ³⁰ *Горяинов А. Н.* Идея славянской взаимности в 1920–1930-е годы: трактовка в Советской России и в среде эмиграции // В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 11, 12.
- ³¹ *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла ... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 37.
- ³² Там же. С. 50, 51.
- ³³ Там же. С. 177.
- ³⁴ *Никитин С. А.* Часть 2. С. 30.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 32.
- ³⁷ *Хевролина В. М.* Власть и общество. С. 42.
- ³⁸ *Погодин М. П.* Сборник статей, писем, речей по поводу славянского вопроса. М., 1878. С. 281, 282.
- ³⁹ *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 354, 355.
- ⁴⁰ *Никитин С. А.* Ч. 3. С. 26–28.
- ⁴¹ Славянское обозрение. 1892. № 1–4.
- ⁴² *Никитин С. А.* Ч. 3. С. 23.
- ⁴³ Там же. Ч. 3. С. 32.
- ⁴⁴ Там же. Ч. 2. С. 15.

- ⁴⁵ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. № 2. С. 683.
- ⁴⁶ Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев. Генерал и публицист. Волгоград, 1997. С. 11–18.
- ⁴⁷ Там же. С. 26.
- ⁴⁸ Фадеев Р. Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870. С. 78.
- ⁴⁹ Там же. С. 28, 40.
- ⁵⁰ Там же. С. 70, 71.
- ⁵¹ Никитин С. А. Ч. 3. С. 25, 26.
- ⁵² Фадеев Р. А. Мнение о восточном вопросе.
- ⁵³ Никитин С. А. Ч. 3. С. 29.
- ⁵⁴ Гросул В. Я. Русское общество. С. 288.
- ⁵⁵ Никитин С. А. Ч. 3. С. 24.
- ⁵⁶ Фадеев Р. Приложение к брошюре «Мнение о восточном вопросе». СПб, 1870. С. 35.
- ⁵⁷ Кузнецов О. В. Указ. соч. С. 44, 45.
- ⁵⁸ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб, 1888. С. 50.
- ⁵⁹ Там же. С. 105, 112.
- ⁶⁰ Балугев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., С. 70.
- ⁶¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 95, 96.
- ⁶² Там же. С. 133.
- ⁶³ Там же. С. 318, 395.
- ⁶⁴ Там же. С. 423, 424.
- ⁶⁵ Там же. С. 512, 556.
- ⁶⁶ Цит. по: Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 25.
- ⁶⁷ Балугев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». С. 6.
- ⁶⁸ Хевролина В. М. Власть и общество. С. 140, 141.
- ⁶⁹ Там же. С. 141.
- ⁷⁰ Хачатурян В. Н. Н. Данилевский. Европейская цивилизация и Россия // Европейский альманах. М., 1992. С. 65–67.
- ⁷¹ Никитин С. А. Часть 3. С. 17, 20.
- ⁷² Балугев Б. П. Споры о судьбах России. С. 75, 78, 109, 111, 113.
- ⁷³ Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 203.
- ⁷⁴ Никитин С. А. Часть 2. С. 32, 33.

РАЗДЕЛ III

СПИСОК ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА С.А. НИКИТИНА
И
ФОТОДОКУМЕНТЫ

**СПИСОК ТРУДОВ
ПРОФЕССОРА С. А. НИКИТИНА***

1924 г.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Печать 1905 года // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М. С. 141–158.

1925 г.

Очерки по истории профессиональной печати в России. Очерк 2: Общественная печать в 1906 г. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 3. М., С. 43–59.

Январская забастовка 1905 г. в Москве // Вестник труда. № 8–9. С. 246–258.

1926 г.

Московское стачечное движение 1905–07 гг. // Московское профессиональное движение в годы первой революции. М. С. 39–114.

Рец.: *Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева. «Материалы по истории рабочего движения в России».* М., 1926 // Вестник труда. № 7–8. С. 226–227.

Рец.: *Ю. Гессен. История горнорабочих СССР.* Ч. I. М., 1926 // Вестник труда. № 10. С. 138–139.

1927 г.

Московские коммунальщики в 1917 г. // Союз работников коммунального хозяйства в 1917–18 гг. М. С. 7–63.

* В список не включены статьи, напечатанные в БСЭ (1-е, 2-е и 3-е изд.), «Советской исторической энциклопедии» и «Дипломатическом словаре» (1-е и 2-е изд.). Список составлен В. И. Коротковой.

Рец.: *Рабочее движение в 1917 г.* М., 1926 // Вестник труда. № 3. С. 154–155.

Рец.: *Сибирская ссылка.* М., 1927. Сб. I: Каторга и ссылка. Кн. XXIII // Вестник труда. № 6–7. С. 230–231.

1929 г.

Рец.: *I. Sakazow. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte.* Berlin-Leipzig, 1929. S. 294. // Историк-марксист. Кн. 14. С. 207–209. (Рец. подписана: И. Егоров).

1937 г.

Интересный экземпляр «Голосов из России» // Книжные новости. № 9. С. 63.

Неизвестное издание «14 декабря 1825 г.» // Книжные новости. № 8. С. 63.

Несколько разделов в учебнике «Краткий курс истории СССР» / Под ред. А. В. Шестакова). М.

Рец.: *Авантюры русского царизма в Болгарии: Сб. документов* / Сост. П. Павлович. М. 1935. 239 с. // Историк-марксист. Кн. 5–6 (63–64). С. 174–180 (совместно с др.).

1938 г.

Сербия XIII–XV вв. // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. II. Ч. I. М. С. 215–231.

Рец.: *B. H. Summer. Russia and the Balkans 1870–1880.* Berlin, 1936 // Историк-марксист. № 4. (68). С. 159–160.

1940 г.

История Финляндии в гл. IV учебника «История СССР». Т. II: Россия в XIX в. (Под ред. М. В. Нечкиной). М., С. 70–76.

Источниковедение истории СССР. Т. II: XIX век. М., 226 с.

1943 г.

Из прошлого партизанской борьбы в Болгарии // Партизанская борьба в национально-освободительных войнах Запада. Сб. статей под ред. акад. Е. В. Тарле. М., С. 100–116.

Рец.: «Славяне». Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. М., 1942. № 1 (июнь); № 2 (июль); № 3 (август) // Исторический журнал. № 1. С. 94–95.

1944 г.

Методические указания по изучению истории СССР XIX в. для заочников // Программы и методические указания для заочников университетов и педагогических институтов. М.

1946 г.

Исторические издания Болгарской академии наук (1940–1942 гг.) // Вопросы истории. № 7. С. 128–130.

Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-х годах XIX в. // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. № 1. С. 87–91.

Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. № 4. С. 3–29.

1947 г.

Возникновение Московского славянского комитета // Вопросы истории. № 8. С. 50–65.

Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. // Славянский сборник. М. С. 262–290.

Рец.: Христо Ботев. Сочинения. Т. I–II. София, 1945 // Вопросы истории. № 9. С. 140–143.

1948 г.

Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. I. С. 18–51.

Письма и записки Н. А. Киреева // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М. С. 104–105.

Славянские съезды шестидесятих годов XIX века // Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М. С. 16–104.

Введение к сб. «Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах». М.

Предисловие в кн.: *Документы к истории славяноведения в России*. М.

Славянские народы в революции 1848 г. // Вопросы истории. № 7. С. 27–43.

Работы советских ученых в области истории и филологии зарубежных славян // Славяне. № 5. С. 29–34.

Расисты в мантиях ученых // Славяне. № 12. С. 31–32.

Рец.: История Чехии / Под ред. В. И. Пичета. М. 1947. 260 с. // Вопросы истории. № 6. С. 108–111 (совместно с И. С. Миллером).

1949 г.

Деятельность В. И. Пичеты в области славяноведения // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. № 1. С. 21–24.

К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. № 1. С. 85–118.

Россия и славянские народы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // История СССР. Т. II: Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной. М. С. 647–665.

Финляндия и ее завоевание // История СССР. Т. II: Россия в XIX в. / Под ред. М. В. Нечкиной. М. С. 74–81.

Русская культура 1860–1880 гг. // История СССР. Т. II: Россия в XIX в. / Под ред. М. В. Нечкиной. М. С. 808–857.

1950 г.

Сербия XII–XV веков // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. 2-е изд. Т. II. М.

Рец.: *В плену порочных концепций буржуазных историков* (Хр. Гандев. Краткая история Болгарии. София, 1947) // Славяне. № 1. С. 60–62.

Рец.: *В плен на порочните концепции на буржоазните историци* (Хр. Гандев. Кратка българска история. София, 1947) // Исторически преглед. София. Год. VI. Кн. 3. С. 372–375.

1951 г.

Жизненный путь и социально-политические взгляды И. Вазова // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. № 3. С. 8–23.

Slovanské národy v revolúcii r. 1848 // *Revolučné dedičstvo rokov 1848–1849*. Bratislava: SAVU. S. 49–73.

Южные славяне, молдаване и валахи под властью Турции в XVII–XVIII вв. // Новая история / Под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. Т. I. М.

1952 г.

Национальное движение сербов Воеводины в 1848 г. // Революция 1848–1849 гг. М. Т. I. С. 458–475.

Образование болгарского народа и возникновение Болгарского государства // Вестник Московского ун-та. № I. С. 131–153.

Южнославянские связи русской печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 6. С. 89–122.

1953 г.

Образуване на българския народ и възникване на българската държава // Исторически преглед. София. Год. IX. Кн. I. С. 50–77.

Революционная борьба в Болгарии в 1875–1876 гг. и Апрельское восстание // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М. С. 11–46.

Сербия XII–XV веков // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. 3-е изд. Т. II. М.

Южные славяне, албанцы, молдаване и валахи под властью Турции в XVII–XVIII вв. // Новая история / Под ред. Б. Ф. Поршнева и др. М. Т. I. С. 397–416.

Činnost Zdenka Nejedlého na Moskevské universite // Zdenku Nejedlému Československá Akademie věd. Praha. S. 15–18.

Ред.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига*. Сб. статей. М., 321 с. /совместно с Л. Б. Вальевым и П. Н. Третьяковым/.

Рец.: *История братского народа (И. Митев. Кратка история на българския народ.)* // Славяне. № 8. С. 59–61.

Рец.: *История на братския народ (И. Митев. Кратка история на българския народ)* // Исторически преглед. София. Кн. 6. С. 657–660.

1954 г.

Задачите на съветските историци в изследването на историята на България // Исторически преглед. София. Кн. 6. С. 3–14.

История Болгарии. Т. I. М. /Гл. I; гл. II; гл. III, разд. 1–3; гл. IX; гл. X, разд. 1–2/.

Рец.: *История Болгарии*. Т. I. М. 675 с. (совместно с П. Н. Третьяковым и Л. Б. Вальевым).

1955 г.

Вековые связи народов Советского Союза и Югославии // Международная жизнь. № 10. С. 63–76.

Доклад о классовой борьбе в Чехии и Моравии в XIV – начале XV в. // Вопросы истории. № 3. С. 187–188.

Обсуждение «Истории Болгарии» болгарскими историками // Вопросы истории. № 1. С. 188–190 (совместно с Л. Б. Вальевым).

Поездка в Болгарию // Вестник Московского ун-та. № 1. С. 146–148.

Послесловие к переводу романа: Ст. Загорчинов. День последний. М. С. 449–456; то же, 2-е изд. М., 1960. С. 449–451.

Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М. С. 435–501.

Ред.: *История Болгарии*. Т. II. М. 611 с. (совместно с П. Н. Третьяковым и Л. Б. Вальевым).

1956 г.

Выдающийся деятель сербского рабочего движения Д. Туцович // Вопросы истории. № 5. С. 108–115.

Основоположник социалистического движения в Болгарии // Известия. 14 июня. № 141.

Письмо Огарева Бакунину (Публикация) // Литературное наследство. Т. 63. М. С. 153–157.

L'udovít Štúr a národnostný boj južných slovanov v tridsiatych a styridsiatych rokoch 19 storočia // L'udovít Štúr: Život a dielo: 1815–1856. Sb. materiálov z konferencie Historického ustavu Slovenskej Akadémie vied. Bratislava: SAV. S. 431–441.

Slavistika na Moskevské universitě // Slovanský přehled. Praha. № 5. S. 155–156.

Štúr a národnostný boj južných slovanov // Slovanské pohľady. Bratislava. № 1–2. S. 162–171.

Ред.: Светозар Маркович. Избранные сочинения. М. 919 с.

Рец.: Историја народа Југославије. Књ. I. Београд: Просвета, 1953. 821 с. // Вопросы истории. № 10. С. 155–162 (совместно с Ю.В. Бромлеем и И.С. Достяном).

1957 г.

История южных и западных славян. М. /Введение; гл. I, разделы 1–3; гл. II, разделы 1–2; гл. III, разделы 1–9, 13, 14; гл. VI, разделы 1–4; гл. XV).

М. С. Дринов как историк // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 21. С. 3–12.

Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М. С. 3–77.

Ред.: История южных и западных славян. М. 574 с.

Рец.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М. 331 с. (совместно с Л. Б. Валевым).

1958 г.

Борьба народов Балканского полуострова за национальную независимость // Новая история. Т. II: 1789–1870. М. С. 342–439.

Задачи советских историков в области изучения истории Югославии // Славянский сборник. Т. I. Воронеж. С. 7–12.

Избранные труды Б.Д. Грекова // Вестник АН СССР. № 9. С. 124–126.

Народы Балканского полуострова в 50–60-х годах XIX в. // Новая история. Т. II: 1789–1870. М. С. 644–662.

Народы Балканского полуострова в 1789–1815 гг. // Новая история. Т. II: 1789–1870. М. С. 177–189.

Новые работы о водяных знаках в Югославии // Славянский архив. М. С. 31–33.

Руската общественост и Освобождението на България // Исторически преглед. София. Год. 14. Кн. 2. С. 13–26.

Ред.: Славянский архив. Сб. статей и материалов. М. 302 с.

Ред.: Из истории русско-болгарских отношений. Сб. статей. М. 291 с. (совместно с Л. Б. Валевым и В. Н. Кондратьевой).

1959 г.

Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Славянский архив. М. 126–138.

Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии // Сборник в чест на академик Никола В. Михов. София. С. 225–231.

Історія південних і західних слов'ян. Київ (Вступ. розділ I, підрозділ 1–3; розділ II, підрозділ 1–2; розділ III, підрозділ 1–9, 13, 14; розділ VI, підрозділ 1–4; розділ XV).

Ред.: *История Чехословакии.* Т. II. М. 350 с.

Ред.: *Славянский архив.* Сб. статей и материалов. М. 353 с.

Ред.: *Історія південних і західних слов'ян.* Київ. 559 с.

Рец.: *П. А. Зайончковский. Кирилло-мефодиевское общество (1846–1847).* М., 1959 // Вопросы истории. № 2. С. 190–194.

1960 г.

Задачи и организация работы по проблеме «Генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры в зарубежных славянских странах» // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 33–34. С. 65–71.

Караджич и Ранке // Проблемы историографии. Воронеж. С. 11–16.

Переписка М. С. Дринова с русскими учеными // Исследования в чести на Марин С. Дринов. София: БАН. С. 205–216.

Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М. 361 с.

Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М. С. 484–508.

1961 г.

Парижская Коммуна в оценке болгарской печати // Парижская Коммуна 1871 г. М., Т. II. С. 468–472.

Предисловие в кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3 т. Т. I: Освободительная борьба южных славян и Россия: 1875–1877. М. С. 7–16.

Рец.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига.* Документы: в 3 т. Т. I: Освободительная борьба южных славян и Россия. М. 714 с. (совместно с др.).

Рец.: *Славянский архив.* Сб. статей и материалов. М. 271 с.

1962 г.

Европейская дипломатия в Сербии в начале 60-х годов XIX в. // Вопросы истории. № 9. С. 75–102.

Рец.: *Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника.* М. 330 с.

Рец.: *Славянский архив:* Сб. статей и материалов. М. 287 с. 1963 г.

1963 г.

- История Югославии.** Т. I. М. (главы 2, 6, 10).
- Новая история.** Т. I / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М. С. 614–645 (гл. 27).
- Новые данные к биографии Л. Каравелова** // Славянский архив. М. С. 235–236.
- Нота А. М. Горчакова об отмене условий Парижского мира и русская общественность** // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. С. 410–417.
- Паисий и современная ему южнославянская историография** // Известия на Института за история. София. Т. 13. С. 23–31.
- Происхождение славянской письменности** // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М. Вып. 39. С. 21–26.
- Русская дипломатия и национально-освободительное движение южных славян в 50–70-х годах XIX в.** // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации: V Международный съезд славистов. М. С. 159–186.
- Славяноведение** // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М. С. 498–514.
- Ред.: Генезис капитализма в промышленности.** М. 428 с. (совместно с др.).
- Ред.: История Югославии.** Т. I. М. 736 с.
- Ред.: Славянский архив.** Сб. статей и материалов. М. 305 с.

1964 г.

- Вклад Зденека Неедлого в изучение славянских стран** // Зденек Неедлы – выдающийся общественный деятель и ученый. М. С. 199–207.
- Восточный кризис 70-х годов XIX в. в новейшей литературе** // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М. Вып. 40. С. 29–31.
- Вук Караджич и Россия** // Новая и новейшая история. № 3. С. 24–33.
- V Международный конгресс славистов** // Новая и новейшая история. № 1. С. 191–192.

Новая история. Т. I: 1640–1789 / Под ред. Б. Ф. Поршнева. М. (Разделы о южных славянах).

Ред.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига.* Документы: в 3 т. Т. II: Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны: 1877–1878 гг. М. 645 с.

1965 г.

Внешняя политика России в 1856–1876 годах // История СССР. Т. II: 1861–1917: Период капитализма / Отв. ред. А.Л. Сидоров. 2-е изд. М. С. 135–151.

Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография // Славянское источниковедение. М. С. 3–15.

Предисловие к переводу романа: Сл. Настасиевич. Стефан, государь сербский. М. С. 5–14.

Ред.: *Славянское источниковедение.* Сб. статей и материалов. М. 320 с.

Рец.: *Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии.* М., 1964. 405 с. // Советское славяноведение. № 5. С. 71–73.

1966 г.

Александр Бурмов // Советское славяноведение. № 6. С. 106.

Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи. М. 29 с. (Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы. Первый конгресс балканских исследований. София, 26. VIII–IX. 1966. Сообщения советской делегации).

Данные русской переписи 1879 г. о численности и национальном составе населения болгарского города // Славянское возрождение. М. С. 83–103.

Материалы русской аграрной переписи 1879 г. в Болгарии и их научное значение // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1964). Кишинев. С. 769–779.

Описание экономического состояния юго-восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. // Славянское возрождение. М. С. 161–203.

Роль западнославянских и южнославянских стран в международных отношениях в XII – XV вв. // История средних веков. Т. I / Под ред. С. Д. Сказкина. М. С. 506–513.

Славянская проблематика на XII Международном конгрессе историков в Вене // Советское славяноведение. № 1. С. 111–112.

Ред.: *Славянское возрождение*. Сб. статей и материалов. М. 248 с.

1967 г.

Академик Михаил Димитров // Советское славяноведение. № 2. С. 125.

Послесловие к переводу повести: *К. Калчев. Отважный капитан*. М. С. 215–222.

Предисловие в кн.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига*. Документы: в 3 т. Т. III: борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства: 1878–1879. М. С. 7–16.

Ред.: *Источники и историография славянского средневековья*: Сб. статей и материалов. М. 282 с.

Ред.: *Освобождение Болгарии от турецкого ига*: Документы: В 3 т. Т. III: Борьба России и болгарского народа за создание Болгарского государства: 1878–1879. М. 675 с. (совместно с др.).

1968 г.

К 90-летию освобождения Болгарии от турецкого ига (Предисловие к публикации документов) // Советское славяноведение. № 1. С. 67–68.

Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. М. С. 64–79.

Српски политички живот 60-тих година XIX века у руској штампи (периодика) // Уједињена Омладина српска. Зб. радова. Нови Сад, Матица Српска. С. 363–374.

Рец.: *С. В. Овнян. Армяно-болгарские исторические связи и армянские колонии в Болгарии во второй половине XIX в.* Ереван, 1968 // Советское славяноведение. № 6. С. 68–69.

1969 г.

Болгарский город в 1879 г. по данным русской переписи. (Association internationale d'étude du Sud-Est Europeen. IV).

Выступление на научной сессии по проблемам генезиса капитализма // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. М. С. 211–216.

Замечания к докладу доц. Валицкого // L'udovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava. S. 326–329.

К вопросу о корнях национальной идеологии (résumé) // Le développement de la conscience nationale en Europe Orientale. Colloque de la Commission internationale des études slaves de Comité international des sciences historiques (Paris, 29 et 30 janvier 1968). Paris. P. II.

Кому адресован трактат «Славянство и мир будущего?» // L'udovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava. S. 415–416.

Россия и славяне в 60-х годах XIX в. // L'udovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava. S. 270–289.

Ред.: *Славянская историография и археография.* Сб. статей и материалов. М. 277 с.

Ред.: *Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма.* Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11–13 мая 1966 г. М. 278 с. (совместно с др.).

1970 г.

К вопросу о населении и экономике болгарского народа в 70-х годах XIX в. // La ville balkanique XV-e – XIX-e ss. Sofia. P. 155–158 (Studia balcanica. 3).

Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М. 328 с.

Русское гражданское управление в Болгарии 1877–1879 гг. // Освобождението на България: 1878–1968. София, БАН. С. 27–41.

1971 г.

Академик Николай Михайлович Дружинин // Новая и новейшая история. № 3. С. 224–232 (совместно с акад. Б. А. Рыбаковым и др.).

Буржуазно-национальное освободительное движение и образование самостоятельных государств в Балканских странах // Новая история. Ч. I: 1640–1870 / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М. С. 606–624.

Парижская Коммуна в оценке болгарской печати // История Парижской коммуны 1871 года. М. С. 710–711.

1972 г.

Ред.: *Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение.* Сб. статей и материалов. М. 390 с. (отв. ред.).

Ред.: *Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века* / Подготовка текста, введение и перевод Г. Г. Литаврина. М. 742 с. (совместно с др.).

1975 г.

Ред.: *Зарубежные славяне и Россия.* Документы архива М. Ф. Раевского 40–80-е годы XIX века / Составители В. Матула и И. В. Чуркина. Совместное издание АН СССР – Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Института истории в Белграде, Словацкой АН – Институт истории, Чехословацкой АН – чехословацко-советского института. М. 576 с. (совместно с др.).

1976 г.

Предисловие в кн.: *Сахаров И. В. Болгария.* М.

1977 г.

О так называемой конвенции Паулуччи-Кара Георгий // *Balkanica.* Т. 8. Beograd. S. 230–243.

1978 г.

Россия и освобождение Болгарии // *Вопросы истории.* № 7. С. 48–65.

Рец.: *П. С. Сохань. Очерки истории украинско-болгарских связей.* Киев, 1976. 290 с. // *Вопросы истории.* № 6. С. 154–156.

1980 г.

Предисловие в кн.: *Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия*. Кн. I (1804–1807 гг.). М. С. 5–13. Совместное издание АН СССР – Институт славяноведения и балканистики и Сербская академия наук и искусств, отделение исторических наук (совместно с В. Чубриловичем).

Рец.: А. А. Улуян. *Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия*. Очерки. М., 1978. 212 с. // Вопросы истории. № 7. С. 144–145.

Рец.: *Славяноведение в дореволюционной России*. Библиографический словарь. М., 1979. 427 с. // Вопросы истории. № 9. С. 150–152.

Рец.: *Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия*. Кн. I (1804–1807 гг.). М. 480 с. (совместно с др.).

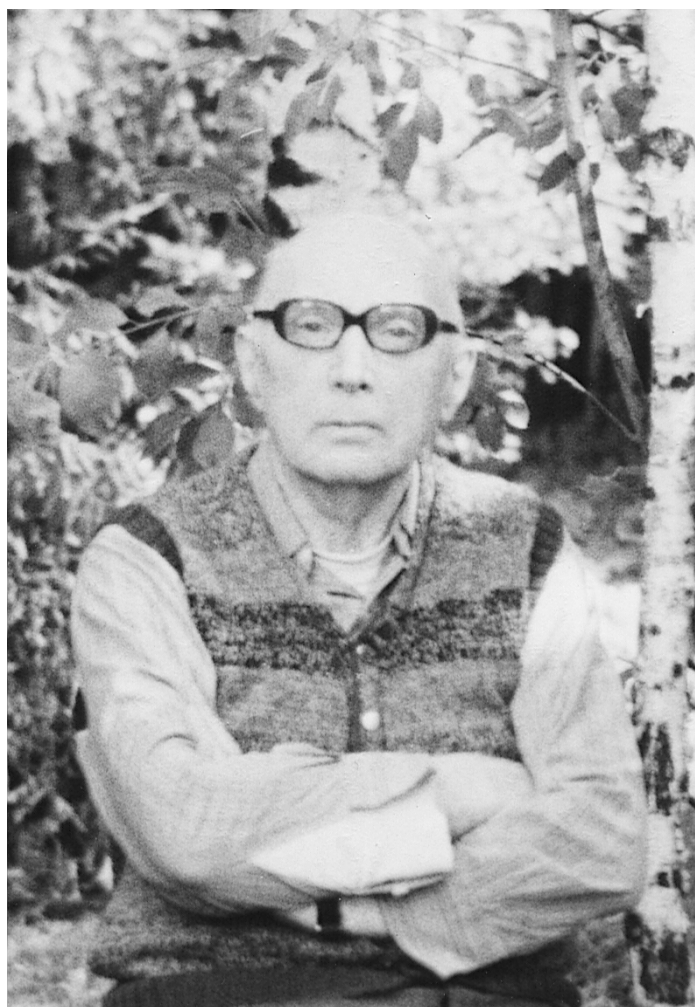
1981 г.

Рец.: Българското възраждане и Русия. София. 593 с. (совместно с др.).

1983 г.

Воспоминания о гимназических годах. (Публикация подготовлена А. Е. Москаленко) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М. С. 120–142.

**ФОТОГРАФИИ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА
ПРОФЕССОРА В. Г. КАРАСЕВА**

**Фото 1. С. А. Никитин на своей даче в Заветах Ильича.
СЕРЕДИНА 70-х гг. XX в.**

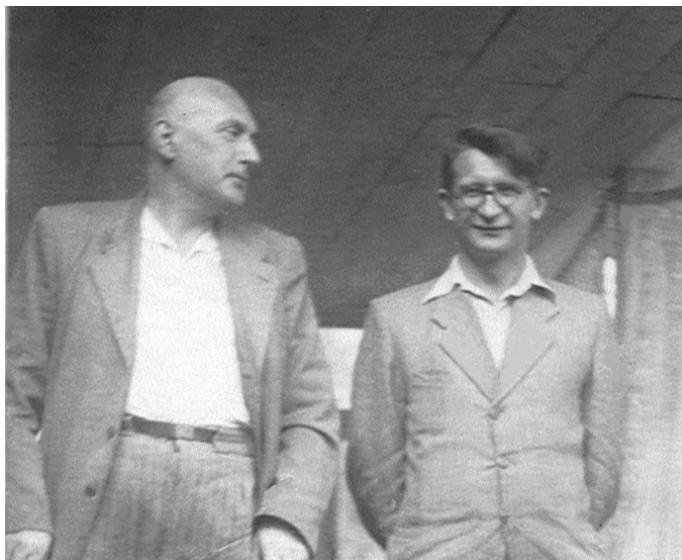

Фото 2. С. А. Никитин и В. Г. Карасев на даче у Никитиных в Заветах Ильича (около г. Пушкино под Москвой) 1956 г.

**Фото 3. На даче у С. А. Никитина в 1956 г.
В первом ряду слева направо: С. А. Никитин,
академик С. Д. Сказкин, супруга С. А. Никитина В. И. Короткова.
Во втором ряду: Д. Г. Песчаный (г. Краснодар) и В. Г. Карасев.**

**Фото 4. На даче у С. А. Никитина в 1956 г.
В первом ряду слева направо: С. А. Никитин, супруга С. А. Никитина В. И. Короткова.
Во втором ряду: Д. Г. Песчаный, В. Г. Карасев и сотрудник Института славяноведения
АН СССР, болгарист, участник Великой Отечественной войны В. Д. Конобеев.**

Фото 5. С. А. НИКИТИН И В. Г. КАРАСЕВ – УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. ЮГОСЛАВИЯ. НОВИ САД, ДЕКАБРЬ 1967 Г.

**Фото 6. В. Г. КАРАСЕВ И С. А. НИКИТИН
НА ДАЧЕ НИКИТИНЫХ В ЗАВЕТАХ ИЛЬИЧА. СЕРЕДИНА 70-х ГГ. XX В.**

РАЗДЕЛ IV

СТАТЬИ

Г. Л. Ариш

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ГРЕЦИЯ ПОСЛЕ КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО МИРА ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ

В соответствии со ст. 11 Кючук-Кайнарджийского договора, который стал результатом окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Россия получала право учреждать по своему усмотрению консульства в любой точке Османской империи. И впервые в истории на территории Греции, главным образом на островах Эгейского моря, находившихся под властью османов, создаются российские консульские органы. Произошло это с большой задержкой из-за того, что Порты сопротивлялась осуществлению как этой, так и других статей мирного договора. В период с 1783 по 1786 гг. учреждаются российские консульства на Негропонте (Эвбея), на островах Хиос, Родос, Самос и Санторин, а на Миконесе создается генеральное консульство России на островах Архипелага. Российские консульства открываются также на Крите и в некоторых населенных пунктах греческого материка, в Салониках, Патрах и Арте, а также на островах Ионического моря – Корфу, Кефаллинии и Закинфе, находившихся под властью венецианцев. Всего в Греции было тогда основано 13 российских консульств – самое большое число консульств, когда-либо существовавших в этой стране за всю историю русско-греческих отношений. Целью их основания было содействие развитию торговли с Грецией, а также обеспечение положений Кючук-Кайнарджийского договора о покровительстве России православному населению Балкан. За учреждением такого большого числа консульств в Греции скрывались и политические замыслы Екатерины II, воплотившиеся в ее Греческом проекте.

Российские консулы в Греции были в большинстве греками, которые поступили на российскую военную службу, служили и

сражались на стороне России во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Например, уроженец Салоник майор Христофор Комнин стал генеральным консулом в Патрах, а майор Либерал Бенаки, сын крупного землевладельца Пелопоннеса, служил консулом на Корфу. Еще один уроженец Пелопоннеса, капитан Николай Анастасьев, был назначен консулом на Санторин. Его карьера на русской службе в какой-то мере является показательной.

Николай Анастасьев был выходцем из Корони (Пелопоннес). Его отец служил генеральным консулом Великобритании в Корони. В 1770 г., когда российский флот стал вести активные военные действия у берегов Пелопоннеса, Анастасьев снабжал российские корабли провизией и другими необходимыми вещами, отказываясь получать за это какую-либо плату. Когда об этом стало известно туркам, они в отместку подожгли в Корони дома, принадлежавшие семье Анастасьевых. Сам Николай Анастасьев вместе с тысячами других греков-добровольцев участвовал в операциях российского флота в Архипелаге и вместо с флотом прибыл в Россию, где и продолжил свою военную службу.

В 1786 г. офицер Анастасьев стал первым российским консулом на Санторине. Он пробыл на острове около восьми месяцев и покинул его в апреле 1787 г., т.е. за четыре месяца до начала очередной русско-турецкой войны. Причиной его отъезда стали трения с некоторыми местными жителями, особенно с католическими старшинами Санторина, которые, по словам Анастасьева, ежедневно в присутствии всех греков всячески хулили и порицали его. Анастасьев смог вернуться в Россию и участвовал в русско-шведской войне 1788 г., за что получил орден Св. Владимира 4-й степени. После 27 лет российской военной и дипломатической службы он вышел в отставку и поселился в Крыму в районе Евпатории на угодьях, дарованных ему Екатериной II¹.

Другой участник Пелопоннеского восстания 1770 г., капитан П. Кривата, в 1786 г. стал консулом на Негропонте. Сохранившиеся в архиве документы, касавшиеся его назначения на должность, проливают свет на процедуру назначения европейских, в том числе российских, консулов в Османской империи. Чтобы начать консульскую деятельность в султанских владениях, нужно было получить два документа: берат и фирман, исходившие от Порты, а формально

– от султана^{*}. Приведем начало «литерального перевода» берата от 5 числа луны шабана 1200 (21 мая 1786 г.), который был выдан П. Кривате:

«Султаном Абдул Хамид Ханом, сыном султана Агмед Хана, всегда победоносного, чрез сей священный знак и сию высокую Императорскую турру^{**}, победителя вселенной, повелевается следующее: Пребывающий ныне при Блистательной моей Порте всероссийской императрицы чрезвычайный посланник, полномочный министр и кавалер Булгаков, знаменитый между вельможами нации Христианской (коего конец да будет благ), поданным за его печатью Блистательной моей Порте мемориалом, представлял, что видя необходимость учредить вследствие трактата в Негропонте консула для пристережения дел российских купцов и проезжих в помянутый остров, наименован и назначен туда консулом капитан Панайоти Кривата, который и получил патент с приложением печати от его двора».

Дальше в берате говорилось о правах консула. Так, в случае, если кто-либо из русских купцов будет вести себя неподобающим образом, то консул мог, «ежели захочет, того сковать и отослать в свое отечество, никто не должен мешаться». Также согласно «высочайшему фирману» консул мог выставить флаг и герб и приступить к исполнению своих обязанностей².

Как уже говорилось, основной задачей российских консулов в Греции было содействовать установлению торговых связей с этой страной. В 1776 г. генеральным консулом в Архипелаге был назначен подполковник Иван Войнович. Как говорилось в данной ему Коллегией иностранных дел инструкции, он получил свою должность «для поспешествования заводимой из России в разные Блистательной Порты Оттоманской морские пристани непосредственной торговли»³.

Во всех донесениях российских консулов из Греции обязательно содержались сведения о возникновении торговых связей между некоторыми греческими островами и Россией. Также консулы обычно включали в свои донесения подробное описание мест своей кон-

^{*} Берат – султанский указ о назначении на должность; фирман (ферман) – султанский приказ.

^{**} Турра – монограмма султана.

сульской юрисдикции. Эти донесения представляют собой уникальный источник информации для изучения положения в Греции после Кючук-Кайнарджийского мира. Однако эта огромная масса ценнейших документов остается пока почти не освоенной исследователями. На основании этих документов мы собираемся поставить следующие проблемы: 1) демографическая ситуация в Греции; 2) греческая торговля и судоходство; 3) турецкая административная система в Греции; 4) повседневная жизнь греков под османским игом.

Среди прочего российские консульские донесения содержат сведения о численности населения некоторых греческих островов и городов, о его этническом и конфессиональном составе. Так как большинство российских консульств было учреждено на островах Эгейского моря, то и информация в этой части об островах носит более исчерпывающий характер. Прежде всего отметим, что, в отличие от материковой Греции, на Эгейских островах не проживало сколько-нибудь значительного турецкого населения. Приведем имеющиеся данные о населении некоторых островов Эгейского моря. Так, согласно донесению российского консула на Негропонте (Эвбея) П. Креваты от 28 июля (8 августа) 1786 г., на островах Скопелос, Скиатос, Скирос, Андрос, Кея обитали исключительно греки⁴. На Санторине, население которого насчитывало свыше 3 тыс. человек, согласно донесению Анастасьева от 18 (29) сентября 1786 г., не было ни представителей турецкой власти, ни вообще турок. Греки же острова были разделены на две общины: православную и католическую⁵. Население острова Самос, по сведениям консула Ф. Гаттески, составляло тогда около 30 тыс. человек. Все они были греками и почти все – крестьянами. Ага и кади составляли правление Самоса и, по словам консула, были единственными турками на всем острове⁶.

На некоторых других больших греческих островах турецкое население было более значительным. Так, по данным российского консула А. Бани, население Хиоса в 1800 г. составляло 123 тыс. человек, в том числе 120 тыс. греков, 2 тыс. турок и 1 тыс. католиков (последняя категория, вероятно, включала не только греков, принявших католичество, но и иностранцев, живших на острове).

Значительное турецкое население имелось на Негропонте – втором по размеру после Крита греческом острове. Это следует из донесения П. Креваты о численности населения главного города острова Халкис (Халкида). Согласно консулу, в 1786 г. здесь «собира-

ется: турков около десяти тысяч, а греков до пятисот душ». Сельское же население острова было целиком греческим: здесь имелось около 400 деревень, где жило 80 тыс. человек, по словам консула, «все греческого исповедания народы»⁷. Турецкие общины существовали также на Крите и Родосе, но данные об их численности в консульских донесениях отсутствуют.

Хотя большая часть донесений российских консулов в 1783–1787 годы относится к Эгейским островам, они дают определенную информацию и о населении материковой Греции. Она содержится, в частности, в донесениях П. Криваты, консула на Негропонте, что было связано с тем, что юрисдикция негропонтского паши распространялась и на значительную часть Румелии (Центральная Греция). По данным консула, население Афин составляло тогда около 7 тыс. человек, из них греков – 5 тыс., турок – 2 тыс. «Вокруг сего города, – писал Кривата, – находится немалое число деревень, в коих жительство имеют все греческого исповедания народы». В донесении Криваты приводятся и данные о соотношении греков и турок в других городах Румелии: в Ливадии – 4 тыс. греков и 400 турок, в Фивах – 4 тыс. греков и 300 турок, в Зейтуни (Ламия) – 2 тыс. греков и 400 турок, в Салоне (Амфисса) – 1 тыс. греков и 300 турок. В Волосе тогда тоже жили и греки, и турки (каких-либо цифр о национальном составе населения города консул не приводит). Эти данные свидетельствуют о значительном преобладании греков в городском населении Румелии. Из донесений Криваты также явствует, что сельское население Румелии в тот период состояло исключительно из греков.

Самым большим по численности населения городом в территориальных рамках нынешней Греции и вторым (после Константинополя) в пределах тогдашней Европейской Турции в 80-е гг. XVIII в. были Салоники. По сведениям российского генерального консула в Салониках Д. Мельникова число жителей обоего пола в городе составляло тогда 143 200 человек, в том числе 80 тыс. турок, 50 тыс. евреев, 8 тыс. греков, 200 европейцев и 5 тыс. евреев-ренегатов (евреев, перешедших в мусульманство). Поясним, что большая еврейская община в Салониках сложилась главным образом в XV–XVI вв. – в результате эмиграции евреев из стран Южной Европы из-за преследований инквизиции. В донесении Мельникова содержатся также данные о числе учреждений религиозного культа, принадлежавших различным конфессиям: 39 мечетей, 20 церквей, 10 синагог⁸.

В донесении консула указаны и преобладающие виды занятий среди названных им национальных общин. По его данным, «большинство турок обращается в купечестве и ведет свою торговлю продажей здешних и в околичности лежащих мест продуктов». Частью турецкого населения являлись янычары: в городе имелись четыре орты* янычар общей численностью 3500 человек. Греки же, по словам консула, «будучи в худом состоянии, упражняются отчасти в мелочной торговле, прочие же в маклерстве** и в прочих других художествах упражняются». А евреи занимаются также маклерством и «разными другими низкими ремеслами»⁹.

В донесениях российских консулов нашла отражение и экономическая жизнь греческих земель последних десятилетий XVIII в. Из этих документов видно, что основой их экономики было сельское хозяйство. Главными продуктами Эгейских островов были виноград и вино. В Румелии же, описание экономической жизни которой содержится в донесении Креваты, также выращивалось много фруктов. Кроме того, среди главных произведений этих мест он называет пшеницу, хлопчатую бумагу (хлопок), сарачинское пшено (рис). Здесь также производилось в большом объеме деревянное (оливковое) масло.

Продукты сельского хозяйства шли на экспорт, как правило, в необработанном виде. Значительное по своим масштабам ремесленное производство существовало только на Хиосе. Остров, изобиловавший фруктами, называли «садом Архипелага». В 1785 г. стоимость экспорта фруктов Хиоса оценивалась в 400 тыс. пиастров. Помимо фруктов, важной статьёй экспорта острова были шелковые ткани. На их производство ежегодно расходовалось 36 тыс. окк шелка-сырца; из них 6 тыс. производилось на самом острове, а 30 тыс. были привозными¹⁰.

В XVIII в. Архипелаг, как и другие районы Греции, был районом активной торговли. Западная Европа экспортировала сюда промышленную продукцию и колониальные товары, получая в обмен продукты питания и сырье. До Кючук-Кайнарджийского мира доминирующие позиции во внешней торговле греческих областей и всего Восточного Средиземноморья принадлежали Франции. И после за-

* Орта – подразделение янычарского войска.

** Маклер для того времени – посредник между продавцом и покупателем.

ключения мирного договора французы в основном сохранили свое преобладание в торговле континентальной Греции. Так, о торговле, которая шла через Афины, консул на Негропонте П. Кривата писал: «Сей город имеет хорошую гавань, к нему приезжает немало французских купцов, привозя при том на своих судах сукно, сахар и кофе. А после, нагружая оные деревянным маслом, отъезжают»¹¹.

Французы сохранили исключительное положение и в торговле прилежащего к континенту острова Негропонт, будучи единственными иностранцами, участвовавшими в торговых операциях. Они сохранили преобладание и в морской торговле Македонии, которую обслуживали Салоники. В 1785 г. консул в Салониках Д. Мельников так описывал роль французских купцов в торговле города: «Из наций европейских – французская всех многочисленнее, она имеет семь купеческих контор. Привозимые французами сюда товары: сукна, сахар, кофе, кочениль, индиго, позумент золотой и серебряный, пряное коренье и разные легкие парчи; вывозимые оными отсюда товары: пшеница, ячмень, хлопчатая бумага, шерсть, воск, мед и бумажная пряжа некрашенная. Французских судов приезжает сюда от пятнадцати до двадцати в год, а грузу поднимают от восьми до десяти тысяч пудов»¹².

Однако после заключения Кючук-Кайнарджийского договора для греческих островов, помимо Франции и в целом Западной Европы, открылись торговые пути и в Россию. С 80-х гг. XVIII в. объем торговли Греции с Россией неуклонно возрастает. «С самого заключения мира с Портою Оттоманскою, – доносил в сентябре 1786 г. русский консул, – производится торг российских подданных в острове Санторине и год от года умножается и распространяется». В 1785 г., несмотря на плохой урожай винограда, Санторин посетили девять кораблей под русским флагом¹³. В 1786 г. восемь русских кораблей побывало в портах Крита. В торговле с Россией участвовали в основном острова.

Особенно большого размаха русская торговля достигла с греческими островами восточной части Эгейского моря. Так, остров Самос в 80-х гг. XVIII в. ежегодно посещали 30–40 кораблей под русским флагом. В 1786 г. 72 русских корабля посетили Хиос. В том же году первое судно под российским флагом побывало и в Пелопоннесе¹⁴. Из Херсона, Таганрога и других русских портов в Грецию привозились зерно, шерсть, сальные свечи, воск, вяленая рыба,

коровье масло. Наиболее важными статьями греческого экспорта в Россию являлись фрукты, коринка, вина. Греческие вина пользовались в России большой популярностью; в частности, славилось санторинское вино.

Развитию русской торговли с Грецией весьма содействовало учреждение здесь русских консульств. Консулы не только защищали российских купцов и давали информацию о состоянии рынка, но в некоторых случаях даже непосредственно организовывали торговые операции. Так, консул К. О. Шпальгабер 19 февраля (2 марта) 1786 г. сообщал с Крита, что по его внушению несколько местных ага нагрузили русское судно шелком-сырцом, мылом и оливковым маслом. Судно отправилось в Херсон, чтобы продать эти товары и привезти в обмен русские¹⁵.

Благоприятным фактором для российской торговли с Грецией было и то, что она обслуживалась в значительной мере самими греками. Как писал консул на Миконосе И. Войнович, «капитаны и экипажи судов, приходящих [на острова] под нашим флагом, являются, большей частью, греками»¹⁶. Это были жители островов и других районов Греции, переселившиеся после Архипелагской экспедиции в Россию. Как правило, они сохраняли свои связи с родиной, хорошо знали обстановку на местах, ориентировались в способах удачного ведения торговых операций.

Большую роль в перестройке внешнеторговых связей островной части Греции сыграло и возникновение нового экономического фактора – греческого судоходства Архипелага.

Еще в первые десятилетия XVIII в. зафиксировано появление у некоторых небольших островов Архипелага собственного флота, который обслуживал экономические потребности островитян. Но пора подлинного расцвета греческого судоходства началась после Кючук-Кайнарджийского мира и в значительной мере благодаря ему. Черное море широко открылось для торговли и судоходства, на его берегах возникли русские портовые города, составной частью которых стали греческие торговые общины. Острова Архипелага были поставлены под особое покровительство России.

Возникновение большого греческого торгового флота, изменившее экономическую, а в перспективе и военно-политическую обстановку в Восточном Средиземноморье, зафиксировано в целом ряде российских консульских донесений. С момента своего прибытия в

османские владения русские консулы обратили в этой связи особое внимание на мореходов с острова Идры. Как писал в 1783 г. И. И. Хемницер – известный поэт, служивший тогда консулом в Смирне (Измир), – «идриотские и другие мелкие суда турецкую торговлю по городам и портам Леванта отправляют»¹⁷. В том же 1783 г. российский генеральный консул в Архипелаге И. Войнович дал весьма высокую оценку не только профессиональным, но и боевым качествам моряков Идры: «Сей остров производит отважнейших из всего Леванта мореходцев, кои также и храбрые воины. У них более ста двадцать судов с парусами треугольными, ходящих с безмерным проворством и годных к перевозкам съестных запасов и войск и к учинению при случаях всякого скорого действия»¹⁸. Такую способность к «скорому действию» идриоты действительно показали во время революции 1821 г. Между тем флот Идры продолжал расти. В 1788 г., после начала русско-турецкой войны, остров, по сведениям русского консула на Родосе майора Г. Турнавити, обладал уже 180 шебеками* грузоподъемностью от 33 до 200 тонн. Консул привел также сведения о количестве судов, принадлежавших еще двум островам Архипелага: Миконос владел 20 судами грузоподъемностью от 50 до 260 тонн, Касосу принадлежало 30 судов грузоподъемностью также от 50 до 260 тонн¹⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что в числе упоминаемых русскими консулами мореходных островов отсутствуют Спеце и Псара – два острова, которые, наряду с Идрой, сыграли выдающуюся роль в национально-освободительной революции. Очевидно, это свидетельствует о том, что становление судоходства этих островов произошло позже судоходства Идры.

Для понимания особенностей развития греческого судоходства важны и сообщаемые консулами сведения о системе управления Эгейских островов. В этом отношении они могут быть разделены на две группы. К первой принадлежали острова, которые находились под управлением капитан-паши, главнокомандующего турецким флотом. Ко второй группе – острова восточной части Эгейского моря и самый большой греческий остров Крит, которые управлялись другими турецкими должностными лицами.

* Шебека – парусно-гребное трехмачтовое судно.

Провинция капитан-паши включала в себя в основном Северные Спорады и Киклады. В большинстве случаев эти острова управлялись видными лицами из числа местных греков – проэстосами, как они назывались. Но были и острова, управлявшиеся турецкими должностными лицами. В связи с пребыванием турецких чиновников на отдельных Кикладских островах на Миконосе произошло неприятное для престижа России событие. Остров этот избрал в качестве своей резиденции генеральный консул в Архипелаге И. Войнович. Но так как остров не вел какой-либо внешней торговли и даже не производил необходимых для этого продуктов, то выбор Войновича вызвал подозрения Порты. Как писал в своем донесении Екатерине II от 1 (12) мая 1785 г. посланник в Константинополе Я. И. Булгаков, Порты «назначила на оный остров воеводу и кадия без сомнения в единственном намерении присматривать за поведением онаго консула. И обыватели, коим, конечно, неприятно было видеть себя управляемыми турками – воеводою и кадием, чего прежде у них не бывало и чрез что лишились они своей вольности, следовательно и против консула, яко виновника нового над собою правления, не могли не быть худо расположены»²⁰. Булгаков счел жалобу жителей Миконоса вполне обоснованной, но что-либо изменить в создавшейся ситуации он был не в состоянии.

Налоги с указанной группы островов Архипелага шли в казну капитан-паши. Помимо этого, на островитян была наложена тяжелая повинность поставлять для турецкого флота суда вместе с командами. Как сообщал консул на Родосе Г. Турнавити, капитан-паша после начала русско-турецкой войны 1787–1791 гг. реквизирует 80 идриотских судов «для употребления на Черном море»²¹.

Хотя все Киклады и Северные Спорады формально зависели от капитан-паши и платили ему налоги, но в российских консульских донесениях 1780-х гг. имя его не упоминается (в то время эту должность занимал Хасан-паша Джезаирли). И это упущение не было случайным. Реальная власть в Эгейском Архипелаге принадлежала Николаосу Мавроенису, драгоману флота*. Имя этого высокого должностного лица неоднократно упоминается в российской дипломатической переписке. Так, в мае 1785 г. Булгаков писал о Николаосе Мавроенисе, что тот «есть первый советник, управляющий всем по-

* Драгоман флота – переводчик при капитан-паше.

ведением капитан-паши»²². Войнович же высказывал о Николаосе Мавроенисе и его брате Димитриосе весьма отрицательное мнение, согласно которому братья Мавроенисы суть жестокие угнетатели островитян и «смертные враги российского имени». И консул выражал сожаление, что во время Архипелагской компании 1769–1774 гг. он заступился за Димитриоса Мавроениса, которого главнокомандующий А. Г. Орлов хотел повесить²³.

Теперь перейдем к другой группе Эгейских островов – к тем, которые не входили в епархию капитан-паши. Наиболее крупными из них являлись Самос, Родос и Хиос, расположенные вблизи побережья Малой Азии. Согласно донесениям консула на Родосе Турнавити, островом управлял представитель власти, именовавшийся мюселимом^{*24}. Согласно же донесению консула на Самосе Ф. Гаттески, «ага и кади составляют его правление и являются единственными турками на всем острове»²⁵.

Более детальную информацию российские консульские донесения дают об административной системе Хиоса. После завоевания этого острова турками в 1566 г. он ежегодно платил фиксированную сумму в казну Османской империи, сохранив при этом свои учреждения и самоуправление. Но к концу XVIII столетия эти привилегии были в значительной степени ликвидированы. Главой администрации Хиоса (так же как и Родоса) был мюселим; он же одновременно являлся и откупщиком сбора налогов с населения. Срок властных полномочий мюселима был небольшим (один или два года), и главной его целью являлось собрать с райи как можно больше денег. Что же касается других органов управления, то, как сообщал в 1800 г. консул на Хиосе А. Бани, здесь существовали два совета: турецкий, который насчитывал 14 ага, и греческий, куда входило 40 проэстов. Этот греческий совет принимал определенное участие в управлении островом²⁶.

Свои особенности в системе управления имел Крит. В 1786 г. остров делился на три провинции – Канея, Ретимно и Кандия, которыми управляли паши²⁷. Паши управляли и континентальной частью Греции. Паша, заседавший в Салониках, управлял этим городом и частью Македонии. Порта часто меняла пашей в Салониках, и ре-

* Видимо, речь идет о фонетическом варианте термина *мюселим* – заместитель губернатора.

альной властью являлись здесь аяны – мусульманские нотабли. В донесении консула в Салониках Мельникова от 20 февраля (3 марта) 1787 г. перечисляются эти аяны: главный аян Мустафа-бей, второй и третий аяны, соответственно, Юсуф-бей и Осман-ага²⁸.

Значительная часть Румелии входила в Негропонтский санджак, которым управлял паша, чья резиденция находилась в Халкисе. Мореей (Пелопоннес) также управлял паша, резиденция которого находилась в Навплии. Как и в ситуации с Архипелагом, при этом паше большую роль играл грек-драгоман, назначавшийся драгоманом Порты и зависевший от него. Особый статус в Морее принадлежал городу Патры. Он являлся вакуфом султана, который представлял доходы с него имарету* в Константинополе. Мютеселим (управляющий имаретом) за определенную фиксированную плату отдал город двум грекам – Бензелло Руссосу и Роди Канакарису, а те, в свою очередь, избрали воеводой турка Юсуф-агу. Этот триумвират и застал в Патрах, по своему прибытии в город в августе 1785 г., российский консул Христофор Комнин. То, что городом управляли единоверцы, для жителей отнюдь не было каким-либо благом. Они, как писал Комнин, «в течение четырех лет управляли городом, как будто он являлся их собственностью. На протяжении этого времени налоги назначались произвольно. И они так хорошо приняли свои меры, что никто не осмеливался публично жаловаться, и они располагали имуществом жителей по своему произволу. Народ стонал под этим гнетом и искал только случая, для того чтобы сбросить эту тиранию». Триумвиры пытались избавиться от русского консула, присутствие которого казалось им опасным. Но Комнин принял свои контрмеры: он сумел получить поддержку архиепископа и некоторых видных горожан. На собрании в его доме жители высказали пожелание, чтобы отныне каждый квартал избирал своего депутата и они все вместе управляли бы городом. В результате триумвиры утратили свое влияние, а Юсуф-ага был смещен²⁹.

Находившиеся на Ионических островах российские консулы внимательно отслеживали также и ситуацию в материковой Греции, особенно в Эпире и Пелопоннесе. Объектом их особого внимания была Мани – горная область на юге Пелопоннеса, на протяжении веков сохранявшая свою фактическую независимость. В 1770 г. Ма-

* Имарет – мусульманский религиозно-культурный центр.

ни стала основным очагом большого антитурецкого восстания, охватившего полуостров. После этого Порта предприняла усилия для умирения непокорных горцев. В 1779 г., в результате похода капитан-паши Хасана в Морею, Порте удалось усилить свой контроль над этим горным краем. Джанет-бей, правитель Мани, отстраненный капитан-пашой от власти и нашедший убежище на Ионическом острове Занте (Закинф), в 1785 г. представил Л. Бенаки, генеральному консулу России на Корфу, записку о положении его родины в это время. Оно характеризовалось усилением зависимости Мани от султанской власти. По словам бывшего правителя, «Мани находится под управлением капитан-паши, который делает все, что он хочет». Общее состояние горного края Джанет-бей характеризовал следующим образом: «Деревень в Мани имеется 70, домов семь тысяч, взрослых мужчин десять тысяч, всего душ 32 тысячи... Купцы прибывают сюда из многих мест, но до настоящего времени – иностранцы, а не местные жители. Сейчас же, после прекращения войны между великими государями, появились здесь немногие пелопоннесцы – соседи, занимающиеся небольшой торговлей»³⁰.

Попытки влиятельных турок, а иногда и греков, помешать появлению у них российских консулов, в которых они видели препятствие для своих бесчинств и произвола в отношении беспорядочного населения, наблюдались в ряде районов Греции. Характерна в этом отношении реакция турецкой знати центрального города Негропонта Халкиса на прибытие в их город российского консула П. Криваты в июле 1786 г. Как уже говорилось, российский консул (как и английский, и французский консулы в османских владениях) имел два официальных документа, исходивших от султана и определявших юридические основания для осуществления консульских функций: берат, содержащий в себе перечень прав и полномочий консула, и фирман, обращенный к властям острова, которым предписывалось позволить консулу «выставить свой флаг и герб без всякого затруднения».

Тем не менее, как сообщал консул, местные турки собрались писать султану, «что будто бы я нарочито послан сюда от России для переговоров с находящимися здесь греками, дабы со временем учинить то, что отец мой и я в прошлую войну в Морее учинили». Турки также всячески препятствовали общению местных греков с российским консулом. Как сообщил Кривате греческий митрополит

Негропонта, «они запретили ему и другим грекам под смертною казнию, что ежели дерзнет с них на двор мой взойти»³¹.

На Крите же турки, настроенные против каких-либо контактов России с греками, перешли от слов к делу. Прибытие в Канею (Ханья) 20 апреля (1 мая) 1785 г. российского консула К. О. Шпалькгабера вызвало мятеж местных турок. Шпалькгабер должен был вернуться в Константинополь и снова высадиться на Крите уже с помощью российского посланника в сентябре 1785 г. Тогда консулу удалось узнать, что за попытками помешать его установлению на Крите была и рука французского консула. По сведениям Шпалькгабера, французский консул на Крите сказал одному видному местному турку, что «он охотно отдал бы из своего кармана 500 пиастров, если бы установление консула России не имело места»³². И это был не единичный случай подстрекательства турок со стороны французских агентов к выступлениям против российских консулов в Греции. Комментируя эти действия французов, российский посланник в Константинополе Булгаков писал Шпалькгаберу, что они «не могут доброжелательно наблюдать за обоснованием наших консулов и особенно в местах, где только они получали всю выгоду от торговли. Всюду они стараются интриговать и возбудить население против наших консулов»³³.

Российские консулы были представителями могущественной державы и находились под ее защитой. Но также они в основном были и греками, вследствие чего принимали близко к сердцу страдания своих соотечественников под чужеземным игом. Во многих донесениях российских консулов дается картина бедствия и страданий, которые испытывали греки под жестоким турецким гнетом. Сильнее всего этот гнет ощущался в областях материковой Греции и на больших греческих островах, которые формально находились под управлением назначенных султаном пашей и на которых имелось значительное турецкое население. Так, согласно донесению консула в Патрах Х. Комнина, жители Пелопоннеса «отягощены и задавлены обременительными налогами, не оставляющими им хлеба на прокормление их семей»³⁴. О непосильном налоговом бремени, которое испытывали жители Салоник, писал и консул Мельников. По его словам, горожане «от необычайных податей и разных других налогов и притеснений, причиняемых им от стороны иногда бываемых

пашей и всегда обитающих здесь аянов или первых начальников, в бедном состоянии находятся»³⁵.

О тяжести турецкого ига писал с Крита и консул Шпалькгабер: «Хотя бедные сии христиане страдают в сем просторном государстве от тиранства турок, но смело подтверждаю, что нигде столь худо с ними не поступают и не чувствуют они столь сильно бремени наложенного на них страшного ига, как в сей провинции»³⁶.

Кревата, консул на другом большом греческом острове, Негропонте, считал, что нигде турки не обращаются с греками столь жестоко, как здесь: «Оные греки весьма в превеликом от турков притеснении находятся, так что убивают их без всякой пощады за самые малейшие вины и иногда и безвинно, ибо таковых, кои бы более обитателей из турков здешнего города наполнены зверством, злостью, суровостью и развратностию, нигде во всем турецком владении обрести нельзя»³⁷.

Шли годы, менялись турецкие правители в Греции, менялись и сами российские консулы, но картина повседневной жизни греков, которая засвидетельствована в их донесениях, не менялась. «Начиная от паши, – сообщал в 1803 г. из Мореи консул М. Я. Минчаки, – все чиновники Порты, которым поручено управлять этими провинциями, постоянно совершают вопиющие несправедливости, занимаются только тем, что насилуют, вымогают, терзают жителей». В 1800 г. не менее резкую характеристику представителям турецкой власти на Хиосе давал консул на этом острове А. Бани: «Здесь управители вообще суть толикие хищные волки, не внемлющие справедливости, и бывают уполномочены здесь от их правительства на один только год, дабы грабить бедных райев и всех тех, кои не в состоянии им упорствовать»³⁸.

Консулы, авторы донесений о тяжелом положении греков под османским господством, как уже говорилось, и сами были в основном греками. Однако нет оснований обвинять их в какой-либо пристрастности или сгущении красок. О тяжелом бесправном положении греческих крестьян писал и Ф. Божур, бывший в конце XVIII в. французским консулом в Македонии. По его словам, «в Македонии, как и в Польше, крестьяне умирают от голода, в то время как господа купаются в роскоши». Правовое положение греческих крестьян он сравнивал с положением американских негров³⁹.

Однако ситуация не везде в Греции была столь тяжелой, как в тех областях, к которым относятся вышеуказанные консульские донесения. Она зависела от присутствия завоевателей и от их власти в той или иной области. На островах Архипелага это присутствие было значительно меньшим, чем в материковой Греции. Консул на Негропонте Кривата привел список островов, где вообще не было турецкого присутствия. В этом списке четыре острова: Скопелос, Скирос, Андрос, Зеа (Кея). По словам консула, «поелику на всех сих островах турки жительство не имеют, то и обитатели их, греки, живут противу других гораздо спокойнее»⁴⁰.

Было бы неправильным считать, что те бесчинства и жестокости, которые творили в отношении греков представители власти и местные необузданные мусульманские элементы, получали одобрение Порты. Эти эксцессы вызывали бегство греческого населения, в результате чего суживались возможности систематической эксплуатации страны. Помимо того, доведенное до отчаяния население усиливало борьбу против османского господства. Этим можно объяснить время от времени предпринимавшиеся Портой попытки ослабить чинившийся в отношении греков произвол.

Об этих попытках и их результатах упоминается в ряде донесений российских консулов. Так, консул на Негропонте Кривата 28 июня (8 июля) 1786 г. сообщал: «20 числа сего месяца прибывший сюда из Константинополя курьер привез к здешнему паше указ, повелевающий чтобы никто из турков, опасаясь смертной казни, никакими обидами угнетать греческого вероисповедания народов не дерзал». Но, как сообщал через два месяца консул, султанский указ отнюдь не был принят к исполнению местными турками. Они, по словам консула, «не только тому предписанию повинились, но и вящее еще прилагают тщание как ко убивству, равно и к непрерывному угнетению оных, так что чрез малое сие время бытности моей здесь обстоит погубленных ими без малейших причин более 15-ти душ»⁴¹.

Аналогичная попытка с аналогичным результатом была предпринята султаном Абдул Хамидом и на Крите. Из донесения Шпалькгабера от 1 (12) сентября 1786 г. явствует, что местный паша получил хаттѐи шериф султана, по которому греки должны были избрать «покровителя», который защищал бы их против притеснений пашей и ага и заботился бы о том, чтобы они управлялись в со-

ответствии с предоставленными им Портой привилегиями. Греки избрали своим покровителем местного муфтия*, однако ага заставили пашу аннулировать этот «священный указ»** султана⁴².

Не находя защиты своей жизни и собственности у турецкой власти, греки искали ее у иностранных держав. В XVIII в. на Балканах появилась довольно широкая категория лиц, которые официально пользовались иностранным покровительством, – так наз. баратеры. Право на такое покровительство давало приобретение двух видов документов, которые, как уже говорилось, формально выдавал сам султан: берата и фирмана. Определенное количество подобных документов получало каждое иностранное консульство в Османской империи для своих сотрудников из местного населения. Эти бераты и фирманы продавали иностранные посольства в Константинополе, для которых они служили источником доходов. Цена берата и связанных с ним фирманов зависела от престижа той иностранной державы, для консульства которой предназначались эти документы. После основания русских консульств в Греции появился интерес к русскому берату, который стал цениться как французский (до того момента самый дорогостоящий). Об одном из случаев появления в Греции русских баратеров свидетельствует указание, данное посланником Я. И. Булгаковым 7 (18) июля 1785 г. генеральному консулу в Салониках Д. Мельникову: «Из принадлежащих к Салоникскому посту бератов выдать один тамошнему обывателю греку Димчо Теодори Мандуке, а зависящие от берата два фермана: 1) греку Темели Абрамосу, 2) жиду Лиезеру Сарфатию. Извещая об оном, прошу покорно в. в. б^е не оставить их своим защищением во всех их нуждах и торгах на основании торговых прав, утвержденных для наших баратеров торговым трактатом, и именно артикулами 6, 9, 51, 55, 56 и пр., в силу коих должны они пользоваться всеми преимуществами наравне с нашими подданными»⁴³. Употребленное Булгаковым слово «выдать» не означало, что эти документы выдавались бесплатно. Российский берат вместе с двумя фирманами, как и французский, стоил семь тысяч пиастров⁴⁴. По тому времени это была большая

* Муфтий – богослов-правовед, имевший право толковать законы и распоряжения власти.

** Буквальный перевод термина «хатт-и шериф».

сумма, и поэтому баратерами могли стать только купцы и другие состоятельные люди.

Более общедоступным был другой способ получения покровительства России – эмиграция. Несколько тысяч греков, участников Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг., переселилось в Россию сразу после Кючук-Кайнарджийского мира. Но тяга греков к эмиграции в дружественную страну не ослабла. Основание российских консульств в Греции дало ей новый толчок. По словам консула на Крите Шпалькгабера, «если бы я захотел удовлетворить всех тех, которые обращались ко мне, чтобы оставить родину и переехать в Россию, то думаю, что лишил бы эту страну почти половины греков»⁴⁵. Некоторые из переселенцев возвращались в Грецию уже с русскими паспортами и таким образом приобретали право на защиту со стороны русских консулов.

Появление в конце XVIII в. русских консулов в греческих землях усилило существовавшие у греков еще с первых веков чужеземного ига надежды на то, что их освобождение придет с Севера, со стороны великой единой державы. Об этом свидетельствует эпизод, рассказанный Шпалькгабером в одном из его донесений: «Прогуливаясь верхом с драгоманом и двумя янычарами, две гречанки остановили меня, желая знать, кто я таков, и, узнав о мне, спросили меня, когда освободите нас от сих варваров? Можно судить о моем смущении, так как сие произошло в присутствии янычаров, то и удалился я в скорости, ничего не отвечая»⁴⁶.

Деятельность российских консулов в Греции, в частности, защита ими притесненной райи получила положительную оценку со стороны патриотически настроенных греческих современников. Так, виднейший греческий просветитель Адамантиол Кораис, живший во Франции и отнюдь не принадлежавший к кругу апологетов Екатерины II, в 1803 г. писал в своей известной записке «*Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce*»: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство или служили под начальством русских»⁴⁷.

После русско-турецкой войны 1787–1791 гг. многие российские консульства в подвластной османам Греции прекратили свою дея-

тельность. Но эпоху широкого присутствия екатерининских консулов в Греции сохранили для истории их донесения, хранящиеся в российских архивах. В комплексе эти донесения дают уникальную картину жизни греческого народа в 1783–1787 гг., занятий и быта греков, их надежд и чаяний, характера власти, в условиях которой они жили. Все донесения проникнуты горячим сочувствием к греческому населению, которое испытывало тяжкий гнет и жестокости со стороны турецких начальников любого ранга. Пребывание большой группы российских консулов в Греции в канун русско-турецкой войны 1787–1791 гг. стало яркой, хотя и малоизвестной страницей в истории многовековых русско-греческих связей.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 488. Различные прошения и ходатайства коллежского советника Н. Анастасьева, бывшего консула в Архипелаге.

² Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 7–8.

³ Уляницкий В. А. Русские консульства за границею в XVIII веке. М., 1899. Ч. II. С. ДСП. Из-за сопротивления Порты установлению российских консульств в своих владениях Войнович смог приступить к своим обязанностям лишь в 1783 г.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 1450. Л. 5–7; Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1786–1787. Д. 1012. Л. 3–7.

⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1434. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 1382. Л. 5.

⁸ Там же. 1785. Д. 1414. Л. 27–28. В источниках имеются и другие оценки численности населения Салоник во второй половине XVIII в. Так, по данным французских и венецианских консулов, она не превышала 80 тыс. человек (Svoronos N. Le commerce de Salonique au XVIII siècle. P., 1956. P. 8–11). Возможно, что речь здесь идет только о мужской части населения города.

⁹ Там же. См. также: Мейер М. С. Османская империя. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 58–60, 108.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785. Д. 992. Л. 25. В конце XVIII в. пиастр был равен 60 коп.; окка (мера веса) равнялась 1,282 кг.

¹¹ Там же. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 5.

¹² Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 35.

¹³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1450. Л. 5.

¹⁴ Арш Г. Л. Указ. соч. С. 36.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1086. Л. 3.

¹⁶ Там же. 1782. Д. 1002. Л. 53.

¹⁷ Там же. 1783. Д. 1600. Л. 5.

¹⁸ Там же. 1783. Д. 1005. Л. 17.

- ¹⁹ *Арш Г. Л.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 653. Л. 37.
- ²¹ Там же. 1788. Д. 1403. Л. 3.
- ²² Там же. 1785. Д. 653. Л. 44.
- ²³ Там же. 1783. Д. 1005. Л. 34.
- ²⁴ Там же. 1785. Д. 1392. Л. 11.
- ²⁵ Там же. 1786. Д. 1434. Л. 3.
- ²⁶ Там же. 1800. Д. 1669. Л. 7, 20.
- ²⁷ Там же. 1786. Д. 1090. Л. 29.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785–1787. Д. 995. Л. 168.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 1359. Л. 48–49.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1785. Д. 325. Л. 44.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1382. Л. 5.
- ³² Там же. 1785. Д. 1073. Л. 69.
- ³³ Там же. 1785. Д. 1078. Л. 5.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785–1787. Д. 991. Л. 75.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 1414. Л. 27.
- ³⁶ Там же. 1785. Д. 1073. Л. 106.
- ³⁷ Там же. 1785. Д. 1382. Л. 5.
- ³⁸ *Арш Г. Л.* Указ. соч. С. 48.
- ³⁹ Там же. С. 31.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 1382. Л. 6.
- ⁴¹ Там же. Л. 6, 15.
- ⁴² Там же. 1786. Д. 1090. Л. 63–64.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1785–1787. Д. 995. Л. 19.
- ⁴⁴ Там же. 1785. Д. 992. Л. 71.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1786. Д. 1090. Л. 50.
- ⁴⁶ Там же. 1785. Д. 1073. Л. 107.
- ⁴⁷ Цит. по русскому переводу: *Корай А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

Л. П. Лантвеа

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

**ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИЙ
И ЕГО «ИСТОРИЯ СЛАВЕНОБОЛГАРСКАЯ»
В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Как известно, жизнь и творчество Паисия Хилендарского исследованы преимущественно болгарскими учёными. Однако и в советской историографии имеется ряд более или менее значительных трудов, посвящённых Паисию или касающихся его деятельности.

Остановимся на главных из них. Первым трудом, самым крупным по объёму и по охвату связанных с Паисием Хилендарским проблем, была работа акад. Н. С. Державина «Паисий Хилендарский и его «История славеноболгарская» 1762 года», опубликованная в 1941 г.¹. В ней поставлены многие вопросы, связанные с личностью и сочинением Паисия. Н. С. Державин привёл биографические данные об авторе «Истории», охарактеризовал историческую обстановку, в которой возникло сочинение, рассмотрел структуру последнего, указал на источники и метод работы автора над «Историей», оценил значение этого труда для науки и болгарской культуры, привёл сведения о распространении «Истории», её списках и изданиях, обратил внимание на её концепцию, форму и язык. Особенно подробно остановился исследователь на задачах труда Паисия и на вопросе о том, интересы какого общественного класса выражал болгарский деятель XVIII в.

Все поставленные Н. С. Державиным вопросы разрабатывались и последующей советской историографией. При этом уточнялись фактические данные, изменялись оценки и концепции, критиковались взгляды Н. С. Державина, ставились и разрабатывались новые вопросы, связанные с изучением «Истории» Паисия, не затронутые Н. С. Державиным.

Фактическая сторона труда акад. Державина базировалась на работах болгарских учёных – Н. Станева², Б. Пенева³, Ив. Шишманова⁴

и многих других историков литературы, на которых и указывает сам автор. Хорошо известна Н. С. Державину была и русская дореволюционная литература о Паисии. Текст «Истории» цитируется исследователем по изданиям и сочинениям болгарских учёных⁵.

Понятно, что труд Н. С. Державина о Паисии, как и всякий труд всякого историка, является плодом определённой эпохи развития исторической науки. В нём есть недостатки, но он долгие годы был единственной работой, из которой советский читатель мог почерпнуть сведения о болгарском деятеле XVIII века.

Из биографических сведений о Паисии Н. С. Державин сообщает, что автор «Истории славеноболгарской» родился в 1722 г., учился, вероятно, в Рильском монастыре, в 1745 г. прибыл на Афон из Самоковской епархии и был монахом Хилендарского монастыря в сане священника⁶. В 1761 г. Паисий посетил Карловцы, где работал в местной библиотеке, собирая материалы по болгарской истории⁷. Возвратившись летом 1761 г. в Хилендарский монастырь, Паисий работал здесь над «Историей», но закончил её уже в Зографском монастыре в 1762 г. Переписав книгу начисто, Паисий отправился с ней в Болгарию и в 1765 г. посетил г. Котел, где священник Стойко Владиславов сделал с рукописи Паисия список⁸. О жизни Паисия после 1765 г. известно мало. Вероятно, он был жив ещё в 1784 г. О месте и времени его смерти сведений нет. Н. С. Державин приводит на этот счёт разные предположения историков, в том числе и о том, что Паисий умер в 1806 г.⁹.

К этим довольно скудным сведениям о жизни автора «Истории» мало что добавили и последующие советские работы. В синтетическом труде «История Болгарии» (1954 г.) автор соответствующего раздела С. А. Никитин уточнил только место рождения Паисия, назвав село Банско, и указал на 1798 г. как на год его смерти¹⁰. Источники этой информации не указаны. Не обнаружили новых данных о жизни Паисия и позднейшие исследователи. Так, автор вышедшей в 1978 г. «Истории болгарской литературы» В. Д. Андреев отмечает: светское имя Паисия неизвестно; родился он около 1722 г., а умер не ранее 1765 г.; в Хилендарском монастыре он занимался самообразованием и выполнял функции уполномоченного по сбору вспомоществований монастырю; в течение 20 лет совершал длительные путешествия по стране и в 1762 г. приступил к написанию истории своего народа¹¹. На скудость сведений о жизни Паисия указывают и другие авторы, ограничиваясь приведёнными выше данными.

В советской историографии о Паисии освещается также вопрос о духовной жизни Болгарии в период возникновения «Истории славеноболгарской». Указания на духовное угнетение болгар фанариотами и планомерную эллинизацию их с конца XVIII в. имеются у многих авторов, но наиболее подробно остановился на этом Н. С. Державин. Осветив вопрос об организации церкви христиан в Турецкой империи после взятия турками Константинополя, Державин особо останавливается на характеристике социального состава фанариотов. Указано, что основное их ядро составляли греческие светские князья и князья церкви – греческие епископы и митрополиты во главе с патриархом. Все церковные чины и должности продавались, как продавались они вообще в Турции – в рамках гражданского административного управления. Поэтому доходные посты получали зачастую люди невежественные, даже неграмотные. Ими и замещали должности епископов и игуменов в болгарских епархиях и монастырях, оттесняя болгарское национальное духовенство. Церковная служба отправлялась на греческом языке, болгарские книги и рукописи истреблялись фанариотами. Школ в Болгарии не было, и кроме как в монастырских кельях грамоте нигде не обучались. Единственным видом литературной деятельности была переписка церковных книг, осуществлявшаяся исключительно монахами и некоторыми попами. Н. С. Державин подробно говорит о том, как церковники собирали налоги, торговали мощами, устраивали паломничества к святым местам, обирая болгарское население, укрепляя в нём невежество и предрассудки. Далее автор очерка отмечает, что с конца XVIII в. начинается политика денационализации славян и развивается процесс эллинизации верхов болгарской городской общественности¹², что все эти процессы приводят к полному упадку болгарской национальной культуры, отчего и зародившаяся в конце XVIII в. наука о славянах не имела представления о болгарях. Так, Й. Добровский в 1814 г. считал болгарский язык одним из наречий сербского; Копитар в 1815 г. знал о болгарском языке только то, что в нём имеется грамматический член, который приставляется к концу слов; Шафарик в 1826 г. не знал ни одной болгарской книги и считал, что болгары в количестве 600 тыс. человек живут между Дунаем и Балканским хребтом. «Политически бесправный, материально эксплуатируемый, культурно приниженный болгарский народ в своих массах влачил жалкое существование», – продолжает Державин¹³. Эта объ-

ективная характеристика положения болгар не вызывала возражений со стороны других советских исследователей. Так, современный нам автор И. И. Калиганов в 1982 г. рисует атмосферу духовной жизни Болгарии конца XVIII в. следующим образом: «К тому времени ключевые посты в национальной церкви были прочно заняты греческим духовенством. Основной опасностью являлась уже не исламизация болгарского населения османскими завоевателями, а эллинизация духовной культуры. Образованные болгары – главным образом церковники, немногочисленные купцы и торговцы – стали стыдиться своего родного языка, считая его языком пастухов и неграмотного крестьянства. Греческое влияние приобрело такие размеры, что грозило удушить собственно национальную культуру болгарского народа»¹⁴.

В общем, из характеристик советской историографии ясно, что униженное состояние некогда славного болгарского народа, насмешки над болгарским языком, имевшим в древности богатейшую культурную традицию и письменность, вызывали у болгарского патриота – хилендарского монаха Паисия чувство возмущения и побудили его к созданию «Истории славеноболгарской», оконченной в 1762 г. Это произведение подверглось в советской историографии всестороннему изучению.

Так, подробно рассмотрена структура сочинения. Н. С. Державин описывает её так: «История» начинается вступительной статьёй общего характера, в которой Паисий в краткой форме излагает свои взгляды на значение и задачи истории вообще¹⁵. Затем идёт «Предисловие», содержащее целевые установки сочинения и выражающее стремление Паисия разбудить в болгарском народе национальное самосознание, чувство национальной гордости¹⁶. Та часть сочинения, в которой Паисий коротко излагает историю болгарского народа, охватывает хронологический период от 450 г. до конца XIV в. Заканчивается историческая часть изложением событий завоевания Болгарии турками и краткой характеристикой тяжёлого положения болгарского народа под турецким владычеством. В следующих двух отрывках Паисий даёт поимённую сводку болгарских царей¹⁷. Затем, в главе, посвящённой Кириллу и Мефодию, в крайне искажённом виде рассказана фактическая сторона их жизни, приводится краткая справка об исторических судьбах болгарской церкви и её положении под игом греческой патриархии. Далее сообщается о жизни и деяниях болгарских святых, вышедших из среды болгарского народа. За-

канчивается «История» послесловием, раскрывающим побуждения, руководившие автором при написании сочинения. Здесь же он приводит краткие биографические сведения о себе. Как отмечает Н. С. Державин, по расположению материала и идеологической направленности «История» Паисия представляет собой цельный труд, законченный и хорошо оформленный¹⁸.

Почти все советские авторы, касавшиеся «Истории» Паисия как целого произведения, говорят о её источниках, главные из которых указаны самим Паисием. Первый из них – сочинение дубровницкого учёного, аббата XVI–XVII вв. Мавро Орбини или Урбини (ум. в 1614 г.). Н. С. Державин приводит об этом источнике интересные сведения. Написанная по-итальянски книга Орбини о распространении славян была переведена на русский язык и издана в 1722 г. Перевод традиционно фигурирует в литературе под сокращённым титулом «Книга историография» (полное название занимает 11 строк), а изложение в нём болгарской истории охватывает 46 страниц, озаглавленных «Собрание историческое о королевстве болгарского народа славянского». Этим материалом и воспользовался Паисий, отыскав русское издание 1722 г. в Патриаршей библиотеке в Карловцах, где он был в 1761 г.¹⁹.

Предложенная Державиным краткая характеристика сочинения Орбини, основанная на работах русских дореволюционных историков В. В. Макушева и А. Н. Пыпина, помогает читателю уяснить, каким именно материалом итальянского писателя мог воспользоваться Паисий.

Н. С. Державин предпринял изыскания и по второму из указанных Паисием источников, отметив, что речь идёт о 12-томном историческом труде кардинала Цезаря Барония (1538–1607) «*Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1198*», увидевшем свет в Риме между 1588 и 1607 гг. и пропитанном ярко выраженной католической тенденциозностью. Державин констатирует, что названный труд Барония был переведён сначала с латинского языка на польский Петром Скаргой²⁰ и издан в сокращённом виде им же; затем в 1687 г. появился русский перевод, выполненный неким монахом Игнатием, причём рукописные выдержки из этого перевода пользовались большой популярностью среди русских раскольников. В противовес переводу Игнатия русский Синод в 1719 г. выпустил своё, полное искажений, издание труда Барония под титулом «Деяния церковная и

гражданская от РХ, из летописей Кесаря Барония собранная»²¹. Это русское издание также имелось в Патриаршей библиотеке в Карловцах, когда там занимался Паисий. Как далее указывает Державин, Паисий использовал – кроме двух названных источников – различные болгарские рукописи и другие материалы афонских и болгарских монастырей, о чём тоже сказано в «Истории», но без конкретных данных.

Проделанная Н. С. Державиным работа по описанию истории возникновения и издания двух основных источников, несомненно, интересна и полезна, но явно не завершена. Когда перед глазами исследователя находятся и источник заимствований и основанная на них работа, то напрашивается сравнительный анализ текстов, который, однако, Н. С. Державин не осуществил.

В определённой мере восполнил этот пробел А. Н. Робинсон²². Он прежде всего отметил, что предисловие к русскому изданию Барония (1719) состоит из двух частей, из которых первую написал Скарга²³, а вторую – русский редактор и переводчик труда Барония с польского языка на русский. Далее, как заключил Робинсон на основе сопоставления текстов, Паисий использовал именно первую часть предисловия к русскому изданию, т.е. русскую версию текста Скарги, заимствуя из неё значительные фрагменты для «Первого предисловия» к своей книге, которое вводит читателя в круг общеполитических исторических представлений. Дело в том, что Бароний придерживался, в частности, взгляда, согласно которому положение отдельных народов в существующем мире может меняться. Паисий использовал эту мысль для утверждения о возможности грядущих благоприятных перемен в судьбах болгар²⁴. Далее исследователь установил, что «Второе предисловие»²⁵ написано Паисием самостоятельно, обращено непосредственно к болгарскому народу и носит ярко публицистический характер. Учёный делает вывод, что оба предисловия, взятые как целое, определяют идейно-философские и национально-политические позиции Паисия²⁶. Глубокое исследование А. Н. Робинсона, основанное на сравнительном анализе частей сочинения Паисия и их протографов, освещает не только вопрос об источниках «Истории», но и ряд других важных проблем, связанных с её созданием. В советской историографии это исследование стоит особняком.

Более поздние работы судят об источниках Паисия далеко не столь глубоко. Так, лишь перечнем этих источников, хотя и более

подробным, чем в работе Державина, ограничивался в 1965 г. С. А. Никитин²⁷. «Паисий, – пишет он, – использовал кроме Орбини и Барония псалтири, хрисовулы, местные, иностранные и византийские, отчасти и западные хроникальные сочинения историков-предшественников, вновь найденные грамоты, житийные памятники и т.д. ... Паисий стремится найти новый материал: использует афонские жития, грамоты, которые он называет привилегиями, и многие рукописные книги»²⁸. Правда, С. А. Никитин не подтверждает свой перечень ни анализом «Истории славеноболгарской», ни ссылками на какие-либо иные источники информации. Однако, если посмотрим, какие виды источников о древней истории Болгарии могли в принципе сохраниться в рукописях, и если примем во внимание содержание «Истории», то гипотезу С. А. Никитина о богатой источниковедческой базе труда Паисия можно признать не лишённой правдоподобия.

Также и В. Д. Андреев, указав на использование Паисием в качестве основных источников сочинений Орбини и Барония, толкует о предпринятом им «аналитическом обзоре» доступных ему «житийных, богословских, апокрифических и светских источников по гражданской истории Болгарии»²⁹. Этот вывод тоже, очевидно, следует отнести к области гипотез. И. И. Калиганов ещё более расширяет источниковую базу «Истории славеноболгарской». «Основными источниками, – пишет исследователь, – Паисию послужили русские переводы сочинения римского кардинала Цезаря Барония («Деяния церковные и гражданские». М., 1719) и Мавро Орбини («Книга историография». СПб., 1722). Помимо них книжник использовал русские прологи, болгарские жития, поучения, похвальные слова, грамоты и множество других отечественных источников. Он проделал огромную работу, собирая по крупице отрывочные сведения об истории своего народа в афонских монастырях, на территории самой Болгарии и Австрии»³⁰. И. И. Калиганов считает возможным даже предположить, что число источников, использованных Паисием, «по-видимому, исчисляется не десятками, а сотнями». «Не все источники, – пишет далее автор, – в равной мере нашли отражение в «Истории славеноболгарской». Иногда от них осталась лишь одна строчка или одно имя: царя, хана или национального святого. Поражает воображение размах собирательской деятельности Паисия. Сведения о родной истории он накапливал в продолжение двух лет»³¹. Если это высказывание И. И. Калиганова принимать серьёзно, то современному ис-

торику, имеющему в своём распоряжении каталоги, описи и многие другие виды информационных материалов об источниках, остаётся только позавидовать хилендарскому монаху, сумевшему найти «за два года» «сотни» источников для своего сочинения и сделать это в эпоху, когда болгарские и другие славянские рукописи сжигались и уничтожались фанариотами или гнили в монастырских подвалах, а грамотные болгары «стыдились своего языка и происхождения»!

Итак, по мере изучения «Истории» Паисия некоторые советские исследователи «расширяют» и «уточняют» источниковую базу этого произведения. К сожалению, однако, они не добавляют никаких аргументов и доказательств действительного использования Паисием «десятков» или даже «сотен» источников. Такие доказательства можно добыть лишь на основе текстового анализа всей «Истории славеноболгарской» – подобно тому, как это сделано А. Н. Робинсоном в отношении некоторых её частей, а именно двух предисловий.

Что касается метода работы Паисия, то больших разногласий по этому вопросу в советской литературе нет. А. Н. Робинсон, отметив, что Паисий свободно относится «к цитации источников»³², определил его метод (по аналогии с методом написания русских и сербских сочинений XVII–XVIII вв.) как «компилятивно-иллюстративный»³³. Также и С. А. Никитин указывает, что Паисию свойственно летописно-библейское начало исторического повествования и отсутствие критики источников³⁴.

Несколько отличаются суждения В. Д. Андреева, видящего у Паисия «элементы научно-историографического метода», сочетающиеся с «традиционно-богословским и одновременно народным, стихийным диалектическим использованием поступательного хода исторического процесса»³⁵. И. И. Калиганов, признавая Паисия компилятором, полагает, что от средневековых компиляторов «его отличает крайняя избирательность и поразительная настойчивость поиска наиболее подходящей литературы»³⁶. К сожалению, это утверждение не подкреплено фактами. Более того, несколькими строками ниже И. И. Калиганов пишет: «Подобно средневековым авторам, он (Паисий – Л.Л.) использует приём литературной аппликации. Так же как Иоанн Экзарх в «Шестодневе» или анонимный составитель «Изборника» царя Симеона, Паисий вставляет в тексты компилируемых источников свои замечания, соображения, рассуждения, окаймляет их своими призывами»³⁷. Отсюда можно сделать вывод, что Паисий при-

держивался в основном традиционного, выработанного ещё в средние века метода исторической работы.

В советской историографии исследовался также вопрос о концепции «Истории» Паисия и о её научности с точки зрения фактического материала, содержащегося в ней. Н. С. Державин в связи с этим заявляет, что в своей исторической концепции Паисий стоит на провиденциалистской точке зрения, т.е. «рассматривает исторический процесс, как действие управляющего царствами мира божественного промысла»³⁸. Касаясь далее содержания изложенных Паисием фактов, учёный отмечает, что «исторические оценки автора отличаются крайней примитивностью и не идут дальше подчёркивания храбрости, военных успехов, побед, разгромов неприятельского войска, завоевания и захвата новых территорий»³⁹. Разбирая главу «Истории» под названием «О учителях словенских», Н. С. Державин указывает, что «фактическая сторона жизни и деятельности Кирилла и Мефодия изложена Паисием в крайне искажённом виде»⁴⁰. Оценивая всю совокупность фактов, имеющих в сочинении Паисия, Н. С. Державин приходит к выводу: «Как исторический труд, «История славеноболгарская» ... не представляет собою сейчас никакой научной ценности. Её автор не обладал необходимыми для историка данными. Поэтому и оценивать работу Паисия как научный труд не приходится»⁴¹.

Провиденциалистскую позицию Паисия подробно разбирает А. Н. Робинсон. «Паисию, как и всем славянским историографам, – пишет он, – был свойственен христианский провиденциализм... В качестве направляющей силы исторического процесса, кроме бога, в архаических сочинениях славянских историографов выступает обычно дьявол»⁴². Паисий в этом смысле не исключение. Но у него провиденциализм получает своеобразную направленность. «По его представлениям, исторические победы болгар одерживались тогда, когда «воля божья» проявлялась в виде народного единения»⁴³. Поэтому автор считает, что провиденциализм Паисия был проявлением «не феодального, а своеобразного национально-демократического сознания начала переходного периода»⁴⁴. Как и Н. С. Державин, А. Н. Робинсон указывает на то, что Паисий идеализировал прошлое болгарского народа⁴⁵. Учёный также признаёт, что «в плане исторической фактологии» оценка сочинения Паисия как ненаучного совершенно справедлива⁴⁶. Но одновременно точку зрения о ненаучности

«Истории» Паисия А. Н. Робинсон объявляет антиисторической, считая, что научность этого произведения некоторые новейшие историки определяют с позиций современности.

Разумеется, было бы антиисторично предъявлять те или иные требования к сочинению XVIII в. с позиций веков XIX или XX-го. Однако, «некоторые историки», высказывая своё мнение о сочинении Паисия, имели в виду соответствие его знаний и метода как раз уровню исторической науки XVIII в. Так, Н. С. Державин, мнение которого приведено выше, писал: «Конечно, было бы неуместным предъявлять к болгарскому историку, православному монаху середины XVIII века, выросшему и воспитывавшемуся в ужасающей обстановке разлагающегося феодализма и фанариотских насилий над родною национальностью, не получившему никакого образования и питавшему свой научный кругозор главным образом старыми болгарскими и сербскими летописями да старой русской литературой вроде сочинений Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Дмитрия Ростовского и т.п., которые имелись в библиотеках славянских афонских монастырей, – требование, чтобы в своих исторических воззрениях ... он мог подняться «выше того культурного уровня», который создала «удушливая обстановка» в Болгарии того времени»⁴⁷. На наш взгляд, эту оценку следует понимать как тезис о несоответствии сочинения Паисия уровню исторических произведений именно XVIII в. Ценность же сочинения болгарского историка XVIII столетия заключалась в национальной идее, которая была демократической, народно-освободительной, что и подчёркивает Н. С. Державин.

С. А. Никитин, как и А. Н. Робинсон, считает оценку труда Паисия как ненаучного антиисторичной. Однако в его дальнейших рассуждениях обнаруживается противоречие. С одной стороны, он совершенно справедливо полагал, что при критике Паисия следует учитывать уровень науки XVIII в.; не менее справедливо и указание С. А. Никитина на то, что Паисий не знал других работ западных авторов, кроме Орбини и Барония, и что он даже «не мог отыскать больше»⁴⁸. Но ведь книги Орбини и Барония написаны на рубеже XVI и XVII столетий и лишь переведены на русский язык в начале XVIII в. Не подлежит сомнению, что за период с начала XVII в. до второй половины XVIII в. исторические знания о славянах значительно выросли качественно и количественно. Например, история немецкой славистики показывает, что знания о славянах в XVIII в. далеко выходили

за рамки сведений, содержащихся в сочинении Орбини, а взгляды историков эпохи Просвещения (ведь именно в эту эпоху писал своё произведение Паисий) на историю и методы её изучения значительно отличались от тех, которые изложены в книге Барония. Освещение исторического процесса «по библейской схеме», «с потопа», как у Паисия, в передовой европейской науке второй половины XVIII в. считалось анахронизмом. В связи с этим нельзя не согласиться с формулировкой И. И. Калиганова, который считает, что сочинение Паисия «уходит корнями в позднее средневековье в буквальном и переносном смысле. Границы между оригинальным и компилятивным в нём, как и в других средневековых памятниках, ещё условны»⁴⁹.

Все советские исследователи «Истории» Паисия совершенно справедливо отмечают публицистичность этого произведения. Так, в «Истории Болгарии» говорится, что оно «представляет собой публицистический трактат, опирающийся на исторические данные. Паисий призывает болгар бороться за свою национальную жизнь, культуру и государственность»⁵⁰. В. Д. Андреев также отмечает, что Паисий обнаруживает «незаурядные свойства публициста, его речь эмоциональна, в ней звучит негодование, гордость, патриотическое воодушевление»⁵¹. На особенности публицистического жанра, созданного Паисием, указывает и И. И. Калиганов. «“История” Паисия, – пишет он, – не была воззванием, прокламацией или манифестом по своей форме в современном смысле этих слов. Отдельные её положения не скомпонованы в одном месте, а рассеяны по всему тексту и выступают из глади комментируемых источников как островки. Однако они настолько отчётливы и проникнуты таким публицистическим началом и пафосом, что заметны уже при первом взгляде»⁵².

Публицистическая форма произведения Паисия объясняется задачами, которые он перед собой ставил. В определении этих задач и их оценке советские исследователи единодушны. Н. С. Державин замечает, что основные целевые установки Паисия «направлены к тому, чтобы путём апелляции к здравому смыслу и национально-историческому прошлому болгарского народа разбудить в нём национальное сознание, поднять его национальную гордость и тем самым вывести его на путь борьбы за своё культурное и политическое национальное самоопределение»⁵³. И в другом месте своей работы учёный отмечает, что «автор «Истории» ставит своей задачей – вызвать народ на борьбу за независимую национальную территорию, мыслимую в рам-

ках независимой национальной государственности, и за права национального языка, и тем самым обеспечить ему нормальное политическое и культурное существование. Этою основной агитационно-политической задачей, красной нитью проходящей через весь труд Паисия, обуславливается и форма, и содержание его исторического труда, т.е. и его национал-патриотическая экзальтация, и лирический пафос, и его идеализация народа и его национально-политического прошлого»⁵⁴. Это определение задачи труда Паисия повторяется в работе Н. С. Державина неоднократно и подтверждается цитатами из «Истории».

Та же мысль высказывается и в работе А. Н. Робинсона, по словам которого, «программа Паисия заключалась в призывах к возрождению всего того, что, по его мнению, было необходимо для самостоятельной жизни Болгарского государства, и что утратилось в нём в результате турецкого завоевания и греческого влияния. Объективно эта программа была обращена к современности и к будущему»⁵⁵. Для выполнения поставленных в «Истории» задач Паисий использовал ряд публицистических приёмов, в том числе призыв к сохранению и возрождению народного языка. Этой проблеме также отводится значительное место в трудах советских исследователей. Н. С. Державин приводит большие выдержки из «Истории», показывая, что Паисий резко упрекал ренегатов родного народа и языка, призывал учиться на родном языке, любить его⁵⁶. А. Н. Робинсон констатирует, что Паисий «мечтал об обучении болгар на болгарском языке и о признании неоспоримых прав родного языка во всех сферах жизни. Яростно нападая на тех болгар, которые обращались к греческой культуре и политике, пренебрегали своим языком и традициями, он напоминал им о прошлом»⁵⁷. А. Н. Робинсон, как и Державин, подкрепляет свои суждения ссылками на «Историю славеноболгарскую». Далее, С. А. Никитин отметил стремление Паисия воодушевить болгарский народ идеей возрождения, его призыв к «любви и уважению к своему роду и языку»⁵⁸. Наконец, в одной из статей Г. К. Венедиктова читаем: «... в «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского ... задача сохранения и возвышения родного языка, обучения на этом языке теснейшим образом увязывается с необходимостью борьбы за освобождение от греческого духовного гнёта и за национальное просвещение, за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности. Паисий с гневом говорит

о тех болгарях, которые отступили от своего рода и языка и стыдились называться болгарями ... Паисий, таким образом, хорошо понимал, что подобное отношение к родному языку наносит национальным интересам болгарского народа огромный ущерб»⁵⁹.

Исследователи не оставили без внимания и особенности языка Паисия. Н. С. Державин посвящает в своей работе этому вопросу специальный раздел. «Язык Паисия, – пишет учёный, – своеобразный искусственный язык болгарской письменности конца XVIII – начала XIX вв. ... В основе своей язык Паисия – простой болгарский народный язык юго-западного диалекта, но ... в своих грамматических формах, в лексике и правописании, он в значительной степени обезличен приходящими в него сторонними элементами: церковнославянским, русским и сербским». Продолжая характеристику языка «Истории», Н. С. Державин приводит много конкретных примеров того, как в этом языке «параллельно и произвольно функционируют формы болгарского живого языка и формы русско-церковнославянского или славянского языка»⁶⁰. И. И. Калиганов считает, что Паисий впервые «идеологизировал» использование элементов живого разговорного языка, которое ранее было стихийным, сумел найти оправдание процессу приближения письменного языка к разговорному, выступил в защиту этого процесса. По мнению И. И. Калиганова, Паисий «намеренно вводил в повествование просторечные обороты, тюркизмы и лёгкие для восприятия грамматические конструкции, желая расширить круг читателей», поскольку писал для простых людей – «землекопов, пахарей и пастухов», из которых, по его собственным словам, и состоял болгарский народ⁶¹.

Большое внимание в советской историографии уделяется вопросу о распространении «Истории славеноболгарской» в Болгарии и других странах. О её популярности подробно пишет Н. С. Державин, которому было известно 40 списков сочинения. «Один из знаменитых списков ... , – пишет он, – в расширенной редакции, принадлежащий авторству Спиридония Иеросхимонаха и относящийся к 1792 г., хранится в Ленинградской Публичной библиотеке (имени М. Е. Салтыкова-Щедрина – Л.Л.). Другой, более позднего происхождения, известный под именем Венелинского списка 1838 г., хранится в Ленинской библиотеке в Москве»⁶². Далее Державин упоминает о первой публикации труда Паисия в 1844 г., о двух последующих его изданиях – 1885 и 1893 гг., осуществлённых русским учё-

ным А. В. Лонгиновым, о переизданиях и публикации в 1914 г. «первооригинала» болгарским историком Йорданом Ивановым, нашедшим в Зографском монастыре на Афоне в 1906 г. черновик труда Паисия⁶³. Н. С. Державин указывает и на то, что первым учёным, давшим науке сведения о Паисии, был русский профессор В. И. Григорович. Имеются в работе Державина и данные о публикациях отдельных отрывков из «Истории», осуществлённых как русскими, так и болгарскими исследователями⁶⁴. В «Истории Болгарии» отмечено, что Паисий и сам распространял свою книгу, а кроме того её переписывали и многие другие, что в течение нескольких десятилетий это было «самое популярное в Болгарии литературное произведение», что в 1765 г. священник г. Котел Стойко Владиславов, которого Паисий познакомил с «Историей», переписал её и положил список в церкви для ознакомления, написав на нём, что укравший его будет проклят «Богом и 12-ю апостолами»⁶⁵. А. Н. Робинсон также указал на популярность произведения Паисия и на тот факт, что «История» продолжала переписываться и после её издания, вплоть до 1882 г.⁶⁶ В 1963 г. Г. К. Венедиктов сообщил о неизвестном ранее списке «Истории», найденном им в отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве в 1960 г.⁶⁷ Автор дал археографическое описание рукописи и высказал предположение о её возникновении не позднее 1873 г.⁶⁸ Вместе с тем, Г. К. Венедиктов отметил, что ко времени написания его статьи науке известно 34 списка и 18 переделок «Истории», а кроме того более десятка трудов подобного жанра, написанных под большим или меньшим влиянием Паисия⁶⁹. Постепенно сведения о распространении сочинения Паисия среди болгар в XVIII–XIX вв. обогащаются новыми данными. В 1982 г. И. И. Калиганов отмечает: ««История славяноболгарская» переписывалась в Болгарии по XIX век включительно и известна более чем в 60 списках. По своей популярности произведение Паисия не имеет себе равных в болгарской рукописной традиции середины XVIII–XIX веков»⁷⁰. Популярность произведения Паисия советские историки объясняют наличием в нём идей, отвечающих интересам всех слоёв болгарского народа, страдавших от национального и социального угнетения. Идеи Паисия стали образцовыми задолго до начала болгарского национального движения, которое впоследствии и взяло их на своё вооружение. Так, И. И. Калиганов объясняет популярность произведения Паисия тем фактом, что оно от-

ражало «устойчивые интересы всех социальных слоёв болгарского общества в течение длительного времени», причём «не последнюю роль сыграла и сама форма “Истории славеноболгарской”»⁷¹.

Значительную эволюцию в советской историографии претерпели мнения о том, чьи (каких конкретных слоёв болгарского общества) интересы отражали идеи, заложенные в «Истории». Н. С. Державин считал Паисия идеологом болгарской буржуазии, интересы которой он и отражал, и защищал, тем человеком, который первым сформулировал «основное содержание национально-освободительного движения болгарской буржуазии», так что «труд Паисия явился первым программным политическим выступлением болгарской национальной буржуазии, первым вызовом, брошенным ею во имя классовых интересов своему противнику – греческой буржуазии и султанскому правительству»⁷². По мнению того же исследователя, буржуазия в Болгарии к середине XVIII в. «поднялась», «выросла», «осознала себя уже как класс, как мощную силу», а Паисий на страницах своей «Истории» дал чёткую формулировку передовых лозунгов национальной буржуазии, «достаточно к тому времени уже окрепшей и хорошо материально и идеологически вооружённой для того, чтобы смело бросить вызов своему классовому противнику и вступить с ним в открытый бой». И далее: «Паисий – это голос новой социальной силы, выросший в национальных недрах болгарского народа и через Паисия мобилизующий боевые национальные силы для борьбы за свои классовые интересы»⁷³. В работе Н. С. Державина имеется и ещё ряд высказываний, квалифицирующих Паисия как «типичного идеолога подымающейся буржуазии».

Заключение Н. С. Державина не было следствием глубокого анализа социально-экономического развития Болгарии XVIII в. Автор не приводит аргументов, подтверждающих наличие развитой буржуазии в Болгарии середины XVIII в.

Точка зрения Н. С. Державина разделялась и некоторыми другими советскими авторами. Так, взгляд Н. С. Державина на Паисия как идеолога формирующейся буржуазии повторяется в работе В. Д. Кобнеева, опубликованной в Софии на болгарском языке в 1972 г.⁷⁴.

С критикой позиции Н. С. Державина выступил в 1963 г. А. Н. Робинсон, отметивший, что толкование Паисия как «типичного идеолога подымающейся национальной буржуазии» не вытекает из содержания «Истории славеноболгарской», что буржуазии, стремящейся к

национальному освобождению, тогда в Болгарии не было, а зарождающиеся буржуазные элементы эллинизировались и денационализировались во имя торговых и других материальных интересов. Паисий, как отмечает исследователь, подверг эти элементы очень резкой критике именно для того, чтобы попытаться вернуть их на путь болгарского национального развития. Призыв Паисия к национальному пробуждению, по мнению А. Н. Робинсона, «не носил социально-ограничительного характера... Паисий мыслил не социально-политическими, а религиозно-историографическими категориями. Свои идеалы он развивал в общенародном (общенациональном), а не в социально-корпоративном направлении... Поэтому едва ли могут быть исторически обоснованными предположения о том, что Паисий выступал в качестве идеолога какого-либо одного класса, ... осознавшего свои интересы, ... и что он сочинил свою «Историю» для борьбы за эти интересы. Такое условное и модернизированное социологическое построение не соответствовало бы реальной социально-исторической обстановке и духовному облику, а главное – содержанию его «Истории»⁷⁵. Программа Паисия не содержит никаких буржуазно-республиканских, философско-материалистических или естественнонаучных идей, характерных для буржуазно-демократических движений в Западной Европе XVII–XVIII вв. Для этих идей не было основ в окружавшей Паисия среде⁷⁶. Этим заключением А. Н. Робинсон, на наш взгляд, ответил на поставленный им же вопрос, – почему между Паисием и его последователями в Болгарии прошло не менее полстолетия. Ведь история знает немало примеров тому, как идея, порождённая одной личностью, не встречает сочувствия в окружающей среде, а нередко вызывает и враждебное отношение этой среды и к новой идее, и к личности⁷⁷.

В связи с этим нельзя не согласиться с заключением А. Н. Робинсона, что Паисий «заметно опередил своё время». Действительно, национально-освободительные идеи Паисия были взяты болгарским обществом на идеологическое вооружение лишь в первой трети XIX в., они могли быть поняты только единицами типа Софония Врачанского. Общественная среда либо ничего не знала об этих идеях, либо была к ним равнодушна. Ведь не случаен и тот факт, что основная масса списков «Истории славеноболгарской» относится к XIX в.

В целом критика теории Н. С. Державина А. Н. Робинсоном была объективной, и его точка зрения, безусловно, более научна: Паисий выступал в интересах всех слоёв болгарского народа, которые страдали от турецкого и греческого гнёта и хотели от него освободиться. Такого же мнения придерживается и И. И. Калиганов. «Неразвитость идеологической жизни в болгарской литературе XVII – первой половине XVIII вв., – пишет он, – имела результатом необычный феномен, каким является «История славеноболгарская». В ней отразилась программа (национальный язык, национальная церковь, национальное государство), которая отражала чаяния всех социальных слоёв болгарского общества: крестьян, торговцев и духовенства»⁷⁸. Автор считает, что специфика «Истории славеноболгарской», как идеологического источника, состоит именно в нерасчленённости по классовому признаку. Весьма плодотворно изучался в советской историографии вопрос о месте Паисия в ряду других славянских историков его времени. Н. С. Державин констатировал, что Паисий был новатором в исторической науке, её основоположником у болгар⁷⁹. Он также выразил несогласие с точкой зрения некоторых учёных XIX и начала XX вв., в том числе И. В. Ягича, утверждавших, что Паисий написал своё сочинение под влиянием сербского историка XVIII в. Ивана Раича (1726–1801)⁸⁰. С. А. Никитин посвятил сравнению Паисия с современными южнославянскими историками специальную статью⁸¹, в которой поставил вопрос об общих и отличительных чертах в сочинениях Г. Бранковича, И. Раича и Паисия. Отметив общую исходную позицию Раича и Паисия, которой, по мнению С. А. Никитина, является патриотизм, автор далее показывает разницу между Раичем и Паисием в понимании задач истории. Вскрыто различие и в социальном существе идей Раича и Паисия: первый лоялен к феодальной Габсбургской империи, тогда как второй объективно призывает к разрушению феодального турецкого режима, а с ним и национального угнетения⁸². Далее С. А. Никитин отмечает, что И. Раич сумел порвать с летописно-библейским началом исторических повествований, которое остаётся в трудах Бранковича и Паисия. Сравнение взглядов трёх писателей на задачи истории, свойственных им приёмов исторической критики, манеры использования источников, способов построения ими исторического повествования приводят С. А. Никитина к выводу о близости всех

трёх авторов и о «по существу одинаковом» их научном уровне. Но, как показано далее, объём фактических сведений у Раича и Бранковича больше, чем у Паисия, а особенностью «Истории славеноболгарской» является её возрожденческий пафос, демократизм изложенных в ней воззрений, так что это произведение отличается от трудов других южнославянских историков своей прогрессивностью⁸³.

Значительные заслуги в определении места Паисия среди других славянских писателей принадлежит А. Н. Робинсону, который сравнил «Историю» со множеством сочинений XVII–XVIII вв. – русских, украинских, сербских, а также некоторых польских в русском переводе. Выяснение близости и различий между всеми этими сочинениями, в круг которых включён и труд Паисия, проделано на основе скрупулёзного источниковедческого анализа, с большой научной тщательностью.

Конечно, следует учитывать, что А. Н. Робинсон подошёл к своей задаче, прежде всего как филолог, что подчёркивает и он сам. Вероятно, поэтому у историка его работа вызывает некоторые вопросы и возражения. Например, не вполне ясно, как следует понимать широко используемый автором термин «славянская историография». Историком кажется очевидным, что так должна именоваться историография, возникшая в различных славянских странах, независимо от языка написания отдельных конкретных работ, каковым может быть, скажем, и латинский. Однако, судя по отбору А. Н. Робинсоном объектов для анализа, он, вероятно, понимает под «славянской историографией» труды, написанные на церковно-славянском языке (естественно, в различных вариантах этого последнего). Этот признак отбора не кажется правомерным – по крайней мере, для историка, обращающего главное внимание не на язык произведений, а на их содержание. Правда, А. Н. Робинсон декларирует своё понимание «славянской историографии» как категории, которая «при всём различии своих конкретных проявлений приобретает в основных идеях (подчёркнуто мною – Л.Л.), методах и формах характер международного течения общественной мысли и литературы»⁸⁴. Однако материал работы не подкрепляет такого понимания, поскольку основой для отбора остаётся всё-таки язык. Не случайно в анализе отсутствуют чешские и польские труды, написанные на латинском, немецком, чешском, польском языках.

Представляется далее противоречивым понимание А. Н. Робинсоном термина «славянское возрождение», вынесенного в заглавие работы. Думается, что противоречие возникает из-за отсутствия в книге чёткого логического определения этого термина в трактовке автора. Неясным остаётся соотношение рассматриваемого понятия и широко распространённого в литературе выражения «национальное возрождение», применяемого именно к славянским народам. Из контекста работы А. Н. Робинсона можно заметить, что эта неточность отражается как на хронологическом, так и на территориальном толковании понятия «славянское возрождение». Так, текст «Введения» к работе оставляет впечатление, что автор понимает под «славянским возрождением» процесс, проходящий «в период формирования славянских наций, в переходный период от феодальной к буржуазной общественной формации»⁸⁵. Значит, имеется в виду вторая половина XVIII и XIX вв.⁸⁶. Но тогда почему в работе рассматриваются произведения гораздо более раннего периода, а именно XVI – начала XVIII вв.? Судя по «Введению» (да и вообще по нашим привычным представлениям), они вовсе не входят в хронологические рамки национального возрождения славянских народов.

В территориальном аспекте понятием «славянское возрождение» принято обозначать определённые исторические процессы, проходившие у славянских народов, но никак не в России, на которую обращено главное внимание А. Н. Робинсона. Таким образом, мы полагаем, что автора можно упрекнуть, по меньшей мере, в нечёткости терминологии, а отсюда и в том, что название его работы обещает читателю больше, чем даёт само исследование. Однако в целом оно является достижением советской историографии, учитывая те положительные стороны, на которые указано выше (пусть даже сопоставление «Истории» с русским переводом Барония в значительной мере опирается на работы В. Велчева).

Наиболее определённые суждения советских историков о том положении, которое занимают «История славеноболгарская» и её автор в национальном возрождении Болгарии и развитии её культуры во второй половине XVIII и в XIX вв. Высказывания советских историков по этим вопросам однозначны. Почти вся советская историография, начиная с работы Н. С. Державина, считает хилендарского монаха родоначальником болгарского возрождения⁸⁷, а его «Историю» – началом нового этапа национально-освободительного движения в Болгарии, первым призывом к болгарскому народу высту-

пить за свою культуру и государственность⁸⁸. Паисий был первым просветителем в истории болгарского национального возрождения, первым выступил в защиту национальных духовных ценностей⁸⁹, стал зачинателем новой болгарской литературы и историографии⁹⁰. Подчёркивается, что во всех этих сферах, как и в идеологии болгарского национального возрождения, Паисий намного опередил свою эпоху. «Фигура Паисия на фоне национального возрождения выглядит гигантской», – отмечает И. И. Калиганов⁹¹. Все приведённые характеристики представляются обоснованными и справедливыми. Однако, очевидно, что признание заслуг Паисия перед болгарским народом не должно превращаться в апологетику. Исследователь должен, разумеется, стоять на почве фактов, руководствоваться чувством историзма, а не собственными эмоциональными побуждениями. Вероятно, нельзя согласиться с точкой зрения украинского ученого Г. Д. Вербеса, который характеризует Паисия как «философа и энциклопедиста»⁹². Паисий не создал никакой философской системы и вовсе не обладал сведениями во всех областях естественных и гуманитарных знаний, что характерно для учёных и культурных деятелей, именуемых энциклопедистами. Паисий написал одно сочинение, в котором простым языком выразил скорбь по поводу отчаянного положения своего народа, дав ему практический совет – бороться за избавление от рабского состояния. Величие и прогрессивность Паисия именно в том и состоят, что он обратился к живому народу и его практическим потребностям, а не оперировал абстрактными философскими категориями.

Подводя итог краткому анализу советской историографии о Паисии Хилендарском и его «Истории славеноболгарской», отметим, что в работах советских историков нашли отражение практически все важные вопросы, связанные с изучением личности Паисия и его труда, предложена научная оценка исторического значения этого феномена болгарской истории. По работам советских историков можно проследить и за процессом познания всей совокупности вопросов, связанных с Паисием и его трудом, – через преодоление схематических, ошибочных построений к наиболее объективным и научным выводам. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что все советские исследователи, работы которых использованы в настоящем обзоре, характеризуют Паисия с неизменной симпатией, выделяя его заслуги перед болгарским народом.

Примечания

- ¹ См.: *Державин Н. С.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.-Л., 1941 (раздел «Очерки по истории болгарской литературы эпохи возрождения, конец XVIII – начало XIX вв.»). С. 63–124.
- ² *Станев Н.* България под иго. София, 1928.
- ³ *Пенев Б.* Паисии Хилендарски. Историко-литературная студия // Период. списание. Т. LXXI. Кн. 9–10. София, 1911 и др. соч.
- ⁴ *Шшиманов Ив. Д.* Паисии и неговата епоха // Спис. на Българ. Акад. на науките. Кн. VIII. 1914 и др. соч.
- ⁵ *Иванов Йордан.* История славено-болгарская собрана и нареждена Паисием Иеромонахом в лето 1762. София, 1914.
- ⁶ *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 81.
- ⁷ Там же. С. 87.
- ⁸ Там же. С. 89.
- ⁹ Там же. С. 94.
- ¹⁰ История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 242.
- ¹¹ *Андреев В. Д.* История болгарской литературы [Учебник]. М., 1978. С. 52.
- ¹² *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 68–77.
- ¹³ Там же. С. 78.
- ¹⁴ *Калиганов И. И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение, национальное возрождение. М., 1982. С. 189.
- ¹⁵ *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 95.
- ¹⁶ Там же. С. 96–98.
- ¹⁷ Там же. С. 99.
- ¹⁸ Там же. С. 100.
- ¹⁹ Там же. С. 87–88.
- ²⁰ Годы жизни Скарги – 1536–1612.
- ²¹ *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 88.
- ²² *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.
- ²³ В издании 1719 г. и эта часть, разумеется, фигурирует в русском переводе.
- ²⁴ *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 12. У Державина этот раздел именуется вступительной статьёй.
- ²⁵ У Державина – просто «Предисловие».
- ²⁶ *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁷ *Никитин С. А.* Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография // Славянское источниковедение. Сборник статей и материалов. М., 1965. С. 3–15.
- ²⁸ Там же. С. 10.
- ²⁹ *Андреев В. Д.* Указ. соч. С. 52–53.
- ³⁰ *Калиганов И. И.* Указ. соч. С. 188.
- ³¹ Там же. С. 190.
- ³² *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 68.
- ³³ Там же. С. 69.
- ³⁴ *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 11–12.

- ³⁵ Андреев В. Д. Указ. соч. С. 154.
³⁶ Калиганов И. И. Указ. соч. С. 190.
³⁷ Там же.
³⁸ Державин Н. С. Указ. соч. С. 96.
³⁹ Там же. С. 99.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же. С. 107.
⁴² Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 98–99.
⁴³ Там же. С. 99.
⁴⁴ Там же. С. 100.
⁴⁵ Там же. С. 131–132.
⁴⁶ Там же. С. 10.
⁴⁷ Державин Н. С. Указ. соч. С. 96.
⁴⁸ Никитин С. А. Указ. соч. С. 4.
⁴⁹ Калиганов И. И. Указ. соч. С. 188.
⁵⁰ История Болгарии. Т. I. С. 242.
⁵¹ Андреев В. Д. Указ. соч. С. 53.
⁵² Калиганов И. И. Указ. соч. С. 190.
⁵³ Державин Н. С. Указ. соч. С. 98.
⁵⁴ Там же. С. 100.
⁵⁵ Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 95.
⁵⁶ Державин Н. С. Указ. соч. С. 97–98.
⁵⁷ Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 94.
⁵⁸ Никитин С. А. Указ. соч. С. 9.
⁵⁹ Венедиктов Г. К. О создании литературного языка как предпосылке упрочения национального единства болгар в XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 151.
⁶⁰ Державин Н. С. Указ. соч. С. 108, 109.
⁶¹ Калиганов И. И. Указ. соч. С. 191, 192.
⁶² Державин Н. С. Указ. соч. С. 90.
⁶³ Там же. С. 91.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ История Болгарии. Т. I. С. 243.
⁶⁶ Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 51.
⁶⁷ Венедиктов Г. К. Неизвестный список «Истории славеноболгарской» Паисия Хилендарского // Славянский архив М., 1963. С. 203–214.
⁶⁸ Там же. С. 205.
⁶⁹ Там же. С. 203.
⁷⁰ Калиганов И. И. Указ. соч. С. 193.
⁷¹ Там же.
⁷² Державин Н. С. Указ. соч. С. 65.
⁷³ Там же. С. 102, 107.
⁷⁴ Конобеев В. Д. Българското национално освободително движение: идеология, програма, развитие. София, 1972. С. 59–77.
⁷⁵ Робинсон А. Н. Указ. соч. С. 92, 93.
⁷⁶ Там же. С. 95.
⁷⁷ Там же. С. 96.

⁷⁸ *Калиганов И. И.* Указ. соч. С. 189.

⁷⁹ *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 96.

⁸⁰ Там же. С. 84–85.

⁸¹ *Никитин С. А.* Паисий Хилендарский и современная ему южнославянская историография.

⁸² Там же. С. 9.

⁸³ Там же. С. 14–15.

⁸⁴ *Робинсон А. Н.* Указ. соч. С. 11.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ В качестве примера обычного понимания термина «национальное возрождение» в применении к славянским народам см.: *Мыльников А. С.* Культура чешского возрождения. Л., 1982. На с. 3 этой работы читаем об «эпохе ... т.н. Возрождения, охватывающей период со второй половины XVIII в. до революции 1848–1849 гг.»

⁸⁷ *Державин Н. С.* Указ. соч. С. 112.

⁸⁸ История Болгарии. Т. I. С. 242.

⁸⁹ *Калиганов И. И.* Указ. соч. С. 181, 193.

⁹⁰ *Андреев В. Д.* Указ. соч. С. 52.

⁹¹ *Калиганов И. И.* Указ. соч. С. 188.

⁹² *Вервес Г. Д.* Связи и взаимодействия славянских национальных культур как фактор прогресса // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII – XIX вв. М., 1978. С. 272.

В. П. Грачев

БУХАРЕСТСКИЙ МИР 1812 г. И СЕРБСКИЙ ВОПРОС

Мирный договор между Россией и Турцией, заключенный в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г., является важной вехой как в истории этих двух полиэтнических империй, так и в истории ряда населявших их владения народов. Большое влияние ст. VIII этого договора оказала и на судьбу сербского народа, который с 1804 г. вел самоотверженную борьбу за независимость от многовекового османского господства. Как справедливо отмечал русский историк и политический деятель XIX в. А. Н. Попов, «значение славянских и христианских племен в Турции в отношении нашей политики (российской политики начала XIX в. – В.Г.) ... это – общий европейский вопрос, который вызывает общее вмешательство всех европейских держав»¹.

Заключенный в экстремальных условиях накануне наполеоновского нашествия на Россию, Бухарестский договор 1812 г. представлял собой компромисс, который не удовлетворял ни царя, ни султана, ни правительства других европейских государств. Но, пожалуй, более ощутимо решения Бухарестского договора отразились на судьбе сербского народа, который к моменту его заключения считал себя фактически независимым от Порты и, отражая нападения румелийских пашей и с трудом преодолевая внутренние неурядицы, создавал новую национальную государственность.

История заключения Бухарестского мира 1812 г. в основном достаточно освещена еще в русской дореволюционной и советской историографии. Однако в XIX – начале XX вв. еще не были известны многие архивные материалы. В этот период публиковались либо единичные документы в журналах, либо подборки документов из отдельных архивов². Систематическая публикация документов из архивов СССР началась только в 40–70-е гг. XX в. в связи с изданием сборников документов о русских полководцах, в данном случае

посвященных М. И. Кутузову³, и по истории внешней политики России⁴.

Однако нужно признать, что в комплексе неплохо освещенных вопросов, относящихся к истории заключения Бухарестского мира 1812 г., хуже других обеспечен источниками и изучен сербский вопрос, который входил в состав четырех наиболее спорных статей, составивших основу Бухарестского трактата. Видимо, это обстоятельство явилось одной из причин того, что при рассмотрении сербского вопроса наблюдается большой разброс мнений и точек зрения. Изначальная неудовлетворенность правительств, ряда политических деятелей и военачальников результатами Бухарестского мира 1812 г. также оказала влияние на оценки и концепционные построения по данному вопросу в национальных историографиях XIX в., которые формировались на ограниченной базе источников и под влиянием мемуаров современников событий 1812–1813 гг. Например, немецкий историк Л. Ранке, одним из первых опубликовавший в 20-х гг. XIX в. работу по истории сербского восстания 1804–1813 гг., характеризовал положения русско-турецкого договора 1812 г. по материалам книги французского историка начала XIX в. Биньона «История Франции после Тильзитского мира», а оценку решения сербского вопроса – на основе анализа ст. VIII этого же договора. Признавая большое значение и чрезвычайную важность прав, предоставленных сербам вышеуказанной статьей, соблюдения которых Россия всегда могла требовать от Порты, Л. Ранке, однако, воздержался от разъяснения этих прав⁵.

В российской историографии XIX в. доступ к архивным документам по истории русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и Отечественной войны 1812 г. раньше других получили военные историки, генерал-майоры А. И. Михайловский-Данилевский, М. И. Богданович и А. Н. Петров. Два последних руководили работой группы офицеров Генерального штаба, которой было поручено выявлять документы по истории Отечественной войны 1812 г. в архивах России. Сосредоточенные и систематизированные в Военно-ученом архиве материалы послужили достаточно надежной базой для создания капитальных трудов по истории этих войн. Однако в исследованиях вышеназванных военных историков основное внимание уделялось объяснению причин возникновения войн, характеристике стратегических замыслов, описанию планов и развитию военных операций как на всем

русско-турецком фронте, так и на отдельных его участках. В книгах А. И. Михайловского-Данилевского и М. И. Богдановича история дипломатических переговоров в Джурджу и Бухаресте в 1811–1812 гг. не получила должного отражения, а история обсуждения сербского вопроса на мирных переговорах практически осталась неосвещенной⁶.

История дипломатических переговоров между Россией и Турцией накануне заключения Бухарестского договора и отношение России к сербскому восстанию 1804–1813 гг. в российской историографии впервые фрагментарно были освещены в двух статьях Н. Ф. Дубровина⁷. Для этих целей последний, по свидетельству А. Н. Петрова, привлек копии документов, которые ранее были подготовлены для Михайловского-Данилевского и не вошли в его книгу. «Дополнив свое сочинение указаниями на Шлёцера, Л. Ранке и других, Н. Ф. Дубровин, – пишет А. Н. Петров, – внес новый вклад в литературу по истории Сербии за время 1806–1812 гг., и уже после него занимались по тем же материалам Военно-ученого архива В. Богишич, Н. А. Попов и другие, писавшие о Сербии»⁸.

Обстоятельнее и детальнее, с привлечением большого фактического материала архивных источников, описал ход дипломатических переговоров о заключении Бухарестского мира 1812 г. историк и политический деятель А. Н. Попов в ряде статей, которые после его смерти были изданы в трех томах под названием «Отечественная война 1812 г.». В I томе этого труда рассматриваются отношения России с европейскими государствами перед войной 1812 г.⁹. Для своих сочинений А. Н. Попов впервые использовал с высочайшего разрешения секретные документы, которые до 70-х гг. XIX в. были замурованы под бюстом Александра I в Главном штабе* российской армии. Эти и другие материалы позволили А. Н. Попову детальнее, хотя и с большими пропусками, осветить историю обсуждения сербского вопроса на мирных переговорах в 1811–1812 гг.¹⁰.

* Главный штаб (полн. Главный штаб его императорского величества) был образован в конце 1815 г. В руках начальника Главного штаба было сосредоточено управление армией. В 1832 г. эта должность была упразднена и во главе военного ведомства вновь был поставлен военный министр. Название Главного штаба сохранилось за группой высших должностных лиц военного ведомства (военный министр, генерал-квартирмейстер, дежурный генерал и др.) (прим. ред.).

Наиболее обстоятельно, с описанием всех 19 конференций, были рассмотрены подготовка и ход мирных русско-турецких переговоров в 1811–1812 гг. в III томе труда А. Н. Петрова «Война России с Турцией 1806–1812 гг.», который был опубликован в 1887 г.¹¹. Полковник, а затем генерал-майор Генерального штаба российской армии А. Н. Петров в 60–70-х гг. XIX в. принимал участие в выявлении архивных документов по истории русско-турецких войн XVIII–XIX вв. и формировании фондов Военно-ученого архива. Из этих материалов была также сформирована подборка документов, до сих пор известная под названием «Дело о сербах», которой пользовались многие российские и зарубежные ученые XIX и XX вв.¹². Однако, несмотря на появление весьма солидной источниковой базы, ни в работах А. Н. Петрова, ни в последующих трудах российских исследователей конца XIX – первой половины XX вв. история обсуждения сербского вопроса накануне и в период заключения Бухарестского мира так и не получила должного освещения.

В сербской историографии XIX–XX вв. также нет специальных исследований, посвященных истории обсуждения сербского вопроса в период мирных переговоров в Джурджу и Бухаресте. Но эта тема присутствует практически во всех исследованиях по истории сербского восстания 1804–1813 гг. и в обобщающих трудах по истории сербского народа. Однако в них имеет место произвольная интерпретация фактов, содержащихся в трудах российских ученых по данной теме. Наиболее показательной в этом отношении является «История сербского восстания 1804–1813 гг.» Л. Арсениевича-Баталаки¹³. Автор с огорчением констатирует, что русское правительство, несмотря на обещание позаботиться о судьбе сербов, на деле во время переговоров никогда и ни о чем не спрашивало и не извещало их представителей. М. И. Кутузов и П. В. Чичагов даже в день подписания трактата не сообщили находившимся в Бухаресте сербским депутатам содержание ст. VIII договора. Узнав об этом от турок, сербы не хотели верить, что Россия могла согласиться на столь неблагоприятные для сербов условия, не спросив об этом мнения их предводителей¹⁴. Впоследствии этот тезис вошел в сербскую, а затем в югославскую историографию.

Наиболее всесторонний и обстоятельный анализ ст. VIII Бухарестского договора с позиций сербской историографии начала XX в. был сделан в работах Ст. Новаковича и М. Гавриловича. Признавая,

что статья о сербах в ходе русско-турецких переговоров всегда вызвала наибольшее сопротивление со стороны турецких уполномоченных, Ст. Новакович тем не менее осуждает российское правительство за то, что оно, отказавшись от границы по Дунаю, изменило свое отношение и к сербскому вопросу, который после этого приобрел для него второстепенное значение. Самым неприятным для сербов было то, что ст. VIII предусматривала вступление турецких гарнизонов в города Сербии, что позволяло туркам бесконтрольно трактовать по своему усмотрению положения ст. VIII договора. Этот тезис также до сих пор продолжает повторяться в сербской историографии. Весьма примечательна общая оценка, которую Ст. Новакович дал договору в целом. «Бухарестский договор, – писал он, – был заключен и не заключен, ратифицирован и не ратифицирован. Им остались недовольны обе стороны, которые его заключили, и все те, кого он касался. В нем по существу не было ничего иного, кроме бродящей закваски новой войны. Но в тот момент невозможно было долее вести переговоры»¹⁵.

Иначе оценивал значение Бухарестского мира М. Гаврилович, который в начале XX в. не без основания считал, что при заключении договора решение сербского вопроса не являлось главной целью российской политики. Неожиданность принятия Россией такого решения в отношении сербов как громом поразила повстанцев¹⁶. Позднее, в статье «Начало дипломатических отношений Великобритании и Сербии», М. Гаврилович пытался обосновать, что ст. VIII Бухарестского договора представляла собой некий компромисс между реалиями, которые сложились в ходе восстания, и правовым статусом, сформулированным в этой статье в отрыве от конкретной ситуации. Последняя, по мнению М. Гавриловича, не имела никакой правовой основы, поскольку до Бухарестского мира Сербия считалась одной из областей Османской империи, находившейся в состоянии мятежа. По Бухарестскому договору Сербия выделялась в особую административно-территориальную единицу с очерченным в ст. VIII политическим статусом и конкретными привилегиями; бывшая рая наделялась правами, за которые Порты несла ответственность перед Россией. Однако последующие события перечеркнули эту правовую обусловленность, и она навсегда утратила свою полезную значимость. Из этих рассуждений М. Гаврилович делает вывод, что сербские повстанцы хотели видеть пользу не в правовом

статусе ст. VIII, а в том, насколько она отразила реальную ситуацию. «На самом же деле, – заключает Гаврилович, – Бухарестский договор отверг то положение вещей, которое было создано в ходе восстания». И, тем не менее, М. Гаврилович был вынужден признать, что даже при более благоприятной международной ситуации Россия не в состоянии была обеспечить и гарантировать те завоевания, которые были достигнуты сербами в ходе восстания. Поскольку до заключения Бухарестского договора сербы считали себя фактически свободным народом, то они, естественно, никак не могли согласиться с условиями ст. VIII, которая, к тому же, не предусматривала ни механизма примирения сербов с турками, ни гарантий их договоренности. Втянутая в войну с Наполеоном, Россия, по мнению Гавриловича, утратила возможность оказывать давление на Порту, которая и не собиралась предоставлять сербам даже ту малость, которая была зафиксирована в Бухарестском договоре¹⁷. Из работ большого знатока сербских и зарубежных архивов, каковым являлся М. Гаврилович, видно, что даже он не имел возможности проследить историю обсуждения сербского вопроса на русско-турецких переговорах в 1811–1812 гг., ограничившись лишь формально-юридическим анализом ст. VIII Бухарестского договора, и в конечном итоге пришел к выводам, которые доминировали в сербской историографии.

Под влиянием работ вышеназванных и других историков и политических деятелей к середине XX в. в сербской историографии сложился довольно устойчивый стереотип в отношении Бухарестского мира 1812 г. и ст. VIII договора. В общих чертах его можно свести к следующим положениям. В процессе мирных русско-турецких переговоров 1811–1812 гг. правительство России никогда не советовалось с сербами и не информировало их о результатах договоренности по сербскому вопросу. Узнав о содержании ст. VIII от турок, сербы были поражены непоследовательностью русского правительства, которое обещало им при заключении мира с Турцией обеспечить полную независимость от Порты. В экстремальных условиях наполеоновского нашествия на Россию ее правительство отодвинуло сербский вопрос на второй план, не обеспечив ни гарантии выполнения условий ст. VIII, ни механизма примирения сербов с турками. Причем, эти положения стали повторяться без анализа быстроменяющейся международной ситуации, заставлявшей русское правительство и М. И. Кутузова идти на вынужденный компромисс практически по всем статьям договора.

Нагляднее всего данная концепция прослеживается в работах югославских ученых по истории государства и права и обобщающих трудах по истории сербского народа. Например, в 1972 г. М. Р. Джорджевич писал: «Продолжая освободительную войну и рассчитывая на завоевание полной независимости, повстанцы дождались, что сербский вопрос стал решаться без их участия и решился неопределенными и недостаточно гарантированными постановлениями ст. VIII Бухарестского договора, исполнение которой в тогдашней ситуации фактически было предоставлено на усмотрение и добрую волю Турции, в крайнем случае предусматривалось и вмешательство русских, но никак не стремлениями самих повстанцев. Принимая во внимание вновь сложившуюся ситуацию, они отвергли сдачу без всяких условий и выдвинули свое право, чтобы путем прямых переговоров с Портой определить объем самоуправления Сербии, а также и его реальные гарантии»¹⁸. Аналогичный подход к освещению интересующего нас вопроса прослеживается и в последней книге Д. Янковича, который писал в 1984 г.: «Русские же представители или ничего не говорили им (сербам – В.Г.) о договоре, или долгое время неточно их извещали. Хуршид-паша Нишский известил Карагеоргия о постановлениях договора, которые касались сербов, и предложил свое посредничество при реализации пункта о внутренней автономии»¹⁹.

При освещении этого вопроса в обобщающих трудах, издававшихся как в СССР, так и в СФРЮ, к сожалению, встречаются досадные пропуски и неточности, которые, как нам кажется, вытекали из недостаточной изученности вопроса. Например, в I томе «Истории Югославии», изданном в Москве в 1963 г., почему-то не указаны ни дата подписания [16 (28) мая 1812 г.] Бухарестского договора, ни дата его ратификации царем и султаном. Вместо них приведена лишь дата подписания предварительных условий (5 мая 1812 г.). Там же утверждается, что султан отказался ратифицировать статью о Сербии, что не соответствует действительности²⁰. Если бы это было так, то договор не имел бы юридической силы. В «Истории Белграда», изданной в СФРЮ в 1974 г., утверждается, что Бухарестский договор был заключен 2 (14) июля 1812 г., то есть вместо даты его подписания указана дата его ратификации Александром I²¹.

Принимая во внимание отсутствие специальных исследований по этой проблеме, а также разноречивость оценок и большой разброс мнений и точек зрения при освещении истории обсуждения и

решения сербского вопроса в отечественной и сербской историографии, автор настоящей статьи поставил перед собой задачу выявить факты из опубликованных и доступных ему архивных источников и, не вдаваясь в полемику, систематизировано изложить их, стараясь таким образом воспроизвести общую атмосферу, в которой велись эти переговоры, и показать последовательность изменений в решениях при обсуждении сербского вопроса на всех 19 конференциях (заседаниях) в Джурджу и Бухаресте в 1811–1812 гг.

Заинтересованность в окончании русско-турецкой войны 1806–1812 гг. у правительств России и Турции прослеживается с начала 1810 г. Еще при назначении главнокомандующего Дунайской армией Н. М. Каменского 2-го ему 7 (19) февраля 1810 г. были даны «полная мочь» на право ведения переговоров с верховным визирем об условиях заключения мира с Турцией и проект мирного договора, состоявший из 15 статей. В статье VII было сформулировано требование петербургского двора, касающееся непосредственно Сербии. В инструкции государственного канцлера России Н. П. Румянцева по поводу этой статьи были даны следующие пояснения: «... Хотя нельзя сказать того, что поведение управляющих в Сербии властей в отношении России заслуживало бы во всех случаях наше одобрение, но е.и.в-во [его императорское величество – В.Г.], особливо уважая сербскую нацию вообще, желает потому на прочном основании утвердить ее благоденствие. Вследствие сего постановление, наиболее е.и.в-ву удобное, было бы то, чтобы Сербия осталась совсем от Порты независимою и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России». «Точная и неременная» воля царя, по словам Румянцева, заключается в том, «чтобы при заключении мира с Портою доставить земле сей все наивозможные выгоды». Однако в Петербурге понимали, что осуществление этого благого пожелания встретит сопротивление Порты и его конкретная реализация будет сопряжена «с большим препятствием к скорому достижению мира». В связи с этим на Н. М. Каменского не возлагалось «точных обязательств» при решении сербского вопроса на предполагаемых переговорах. Но если такие переговоры начнутся и турецкие уполномоченные категорически откажутся признать полную независимость Сербии, то Каменскому предписывалось ограничиться теми требованиями, которых сербы добивались от Порты ранее сами. «Сами

сербы, – пишет Румянцев, – соглашались оставаться данниками Порты, лишь бы затем держава сия (Турция – В.Г.) не мешалась отнюдь ни во что во внутреннее у них управление...». Соглашаясь в крайнем случае на такой вариант, Каменский, согласно инструкции, должен был добиться того, чтобы сербы платили Порте «сколь можно умереннейшую дань».

С учетом вышеприведенных соображений и была составлена ст. VII проекта договора, полный текст которой формулировался следующим образом: «Блистательная Оттоманская Порта по уважению к тому участию, каковое е.и.в-во самодержец всероссийский по единоверию с сербами приемлет в жребии их и благоденствии, соглашается дозволить им учредить внутреннее у себя правление по собственному сего народа желанию и независимо ни от какой сторонней власти; позволяет также им оставаться во владении всех земель и крепостей, которыми владели они до начатия настоящей войны, не принуждая никого из жителей, ныне земли те и крепости населяющих, какой бы нации они ни были и под каким бы то предлогом ни было, перемывать место их пребывания, но оставя всякого в настоящем его жилище спокойно. Сербия же, со своей стороны, в признательность за все ей доставленные выгоды Блистательною Портою, имеет платить ей ежегодно дань, единожды навсегда положенную и определенную без всякой перемены. Дань таковую для внесения в казну Блистательной Порты Сербия будет доставлять в Константинополь со своими депутатами и потому для взимания оной не будут уже никогда посылаться в Сербию ни сборщики, ни же какие-либо другие военные или гражданские турецкие чиновники. В вящее же доказательство искренней дружбы своей к е.и.в-ву самодержцу всероссийскому Блистательная Порта Оттоманская принимает е.и.в-ва ручательство в верном и точном исполнении с обеих сторон всего, сею статьею относительно Сербии постановленного»²².

Однако вскоре, находясь под впечатлением неудач летней кампании 1810 г., Н. М. Каменский сообщил в Петербург: «Не предвижу возможности достигнуть такого мира, какого е.и.в-во желает. Верховный визирь утвердительно объявляет, что Порта не согласна на уплату нам дани и уступку княжеств (Дунайских – В.Г.). Мы не иначе можем принудить ее на уступки, как проникнув в столицу ее. Но число вверенных мне войск несоразмерно для такового предприятия»²³.

Однако после успешной осенне-зимней кампании, в результате которой русские войска одержали ряд побед под Сисовом, Оршавой, Рущуком, Журжой, Турну, Никоподем, Плевной, Ловчей, Сельви, а сербские повстанцы – в Сербии, Порты, при посредстве прусского поверенного в делах в Турции Г. А. Вертерна, дала понять российскому правительству, что она согласна начать переговоры о мире и готова пойти на некоторые уступки в пользу России. В связи с этим верховный визирь Юсуф-паша в январе 1811 г. отправил в ставку Н. М. Каменского своего представителя, чтобы выяснить, как отреагировало российское правительство на предложение Порты, сделанное через посредство прусского дипломата²⁴. Принимая во внимание обоюдное желание воюющих держав «приступить к сближению», Каменский, в свою очередь, послал в ставку верховного визиря И. П. Фонтону, как сказано в письме главнокомандующего Н. П. Румянцеву, «для откровенного по сему предмету объяснения и дабы узнать истинные намерения турецкого министерства»²⁵.

По прибытии в Шумлу, где находилась ставка Юсуф-паши, И. П. Фонтону дали понять, что Порты, действительно, хотела бы начать переговоры о мире, но она категорически не может согласиться на установление границы по реке Дунай, как того требует Россия.

Болезнь, а затем и смерть Н. М. Каменского, последовавшая 4 (16) мая 1811 г., не позволили ему продолжить переговоры об условиях заключения мирного договора. Эта ответственная миссия выпала на долю выдающегося русского полководца и дипломата М. И. Голенищева-Кутузова. Его назначение на должность главнокомандующего Дунайской армией совпало с отставкой Юсуф-паши, вместо которого был назначен Ахмед Хуршид-паша. Перед своим назначением на должность великого визиря он подал султану записку, в которой доказывал необходимость для Турции скорейшего заключения мира с Россией²⁶.

Назначая М. И. Кутузова главнокомандующим Дунайской армией, Александр I снабдил его и полномочиями на право ведения переговоров и заключения мира с Турцией²⁷. В инструкции М. И. Кутузову от 12 (24) апреля 1811 г. Н. П. Румянцев писал, что царь «дает ему полное право на заключение мира на тех самых правилах, о коих писано было к графу Каменскому 2-му»²⁸. Эти полномочия Кутузов получил 26 апреля (8 мая) 1811 г. в Бухаресте, куда он прибыл раньше в связи с болезнью Каменского²⁹.

Получив полномочия, новый главнокомандующий 7 (19) мая 1811 г. отправил в Шумлу И. П. Фонтон с письмом, в котором предлагал новому верховному визирю прислать в Бухарест своих уполномоченных для ведения переговоров об условиях заключения мирного договора. Вернувшийся из ставки И. П. Фонтон сообщил, что положение дел в Османской империи и ее столице значительно ухудшилось и Порта искренне стремится к миру. Однако в Константинополе знают и о том, что международная ситуация в Европе складывается не в пользу России, и это ставит ее в затруднительное положение. Учитывая последний фактор, Порта не намерена соглашаться на выдвигаемые петербургским двором условия мира.

24 мая (5 июня) 1811 г. трое турецких представителей верховного визиря прибыли в Бухарест и вступили в переговоры с А. Я. Италинским. Когда же стало ясно, что Россия не намерена идти на уступки, реис-эфенди 8 июня 1811 г. предписал турецким уполномоченным покинуть Бухарест, а Кутузову передать, что Порта, хотя и желает мира, но заключит его только при условии безусловной целостности и полной независимости ее европейских и азиатских владений. Однако верховный визирь проигнорировал это предписание из Константинополя, приказав уполномоченным оставаться в Бухаресте, хотя и не ждал от их пребывания там большой пользы.

Н. П. Румянцев, со своей стороны, сообщил М. И. Кутузову, что если турецкие уполномоченные не в состоянии предложить ничего нового, то их незачем дальше удерживать в ставке главнокомандующего. Выслушав намек аналогичного содержания из уст бывшего посланника в Константинополе А. Я. Италинского, первый турецкий уполномоченный и опытный дипломат Галиб-эфенди невозмутимо ответил, что турецкие уполномоченные достаточно хорошо себя чувствуют в Бухаресте и у них пока нет особых причин покидать ставку М. И. Кутузова³⁰. После этого уже сам Кутузов 10 (22) июля 1811 г. намекнул верховному визирю, что переговоры зашли в тупик и пора бы отозвать из Бухареста турецких уполномоченных. В ответ на это Ахмед-паша сообщил, что Порта согласна заключить мир с Россией на приемлемых для Турции условиях, но прибывший недавно из Парижа поверенный в делах Латур-Мобург вручил Порте ноту, в которой Наполеон требует от султана, чтобы тот ни при каких условиях не мирился с Россией. В личной же беседе с И. П. Фонтонем Ахмед-паша, как бы между прочим, сказал, что политика

Франции поставила Россию и Турцию в положение, когда им было бы выгоднее объединиться против французов, к которым Порты не имеет теперь никакого доверия³¹.

Для того, чтобы развеять всякие сомнения, Н. П. Румянцев проинформировал Кутузова, что отношения России с Францией в данный момент пока еще не дошли до разрыва, а вот «воплъ народный» в Константинополе уже теперь подталкивает Порту к миру. «Ежели бы Порты снова стала делать предложения к объяснениям, – считает Румянцев, – того не отвергать, но, впрочем, е.в-во изволит судить, что в настоящем положении обстоятельств не время еще ни смягчать требований наших, ни слишком с нашей стороны вызываться к открытию переговоров. Блистательные подвиги, каковыми Ваше высокопревосходительство ознаменовали предводительство Ваше армиею при самом начале, и дальнейшие распоряжения Ваши обнадеживают нас, что Порты вынуждена будет сама о мире у нас домогаться»³².

Тем временем султан Махмуд II, видимо, не без давления Франции и Австрии, произвел перестановки в своем правительстве, а 3 (15) августа 1811 г. приказал новому реис-эфенди Арих-эфенди отозвать из Бухареста турецких уполномоченных. Перемирие и переговоры о мире были прекращены, а военные операции возобновлены. Под Видином, Силистрией и Рущуком в августе 1811 г. турки потерпели серьезные поражения. Готовясь к широкомасштабной наступательной операции, верховный визирь в ночь на 29 августа 1811 г. начал переправу большей части своей армии на левый берег Дуная в 4–5 км выше Рущука. Кутузов, не препятствуя переправе, приказал своим войскам занять выгодную позицию. К началу сентября 1811 г. на левом берегу Дуная сосредоточилась 35–40-тысячная турецкая армия, на правом берегу оставалось 20–25 тыс. человек, а также штаб верховного визиря³³.

19 сентября 1811 г. Ахмед-паша послал к Кутузову парламентаря Мустафа-агу «со словесным и доверительным объяснением» по поводу возобновления переговоров о мире на условиях *status quo ante bellum*. Не исключая возможности, что это предложение было тактической уловкой визиря с целью выиграть время, Кутузов, тем не менее, попросил канцлера Румянцева, чтобы он сообщил ему мнение царя о целесообразности возобновления переговоров и условия, на которых следовало бы их вести при сложившейся ситуации³⁴.

«Государь император указал мне сообщить Вам высочайшую его волю, – отвечал Румянцев 30 сентября (12 октября) 1811 г. на этот запрос Кутузова, – что ежели бы после одержанного ныне успеха над турками учинили они шаг к сближению, то, не отвергая оного немедленно, войти в переговоры на следующем основании:

1. Приобретения наши ограничить одною Молдавиею и Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затрудняться уступкою всего княжества, то довольствоваться определением границы по реке Серету, продолжая оную по Дунаю до впадения его в Черное море.

2. За уступку нами Валахии назначить денежную от Порты сумму, а политическое же существование сего княжества определить в какой-либо новой форме управления, как-то: учреждением там внутреннего независимого правительства или восстановлением господаря с некоторыми против прежнего отменами в пользу княжества, и таковое постановление обеспечить взаимною гарантиєю России и Порты.

3. Обеспечить жителей Сербии сколь можно согласно с желанием сербской нации.

4. Относительно Грузии утвердить за каждою стороною как на суше, так и по берегам Черного моря то, что при подписании мирного трактата будет ими занимаемо.

Когда турецкие министры согласятся на сии четыре главные статьи (подчеркнуто мной – В.Г.), то все прочие пункты мирного трактата е.в-во предоставляет Вам постановить по наилучшему Вашему, милостивый государь мой, усмотрению и немедленно подписать окончательный мир, не теряя времени...»³⁵.

Из этой инструкции хорошо видно, что в конце сентября 1811 г. правительство России статью о Сербии рассматривало не второстепенной, как это иногда утверждалось в исторической литературе, а включало ее в состав четырех главных статей, которые должны были определять основу мирного договора. Более того, соглашаясь на уступку Валахии, Александр I требовал добиваться на переговорах таких условий для Сербии, которые в большей степени отвечали бы желаниям сербов, что вряд ли можно рассматривать как уступку.

Между тем, Кутузов, еще до получения ответа из Петербурга, постепенно блокировал турецкую группировку на левом берегу Дуная, а корпус генерала Е. И. Маркова, переправившись на правый

берег в 18 верстах от Рушука, 2 (14) октября 1811 г., разгромил вторую группировку и захватил ставку визиря. Турецкие войска на правом берегу Дуная разбежались, а сам Ахмед-паша укрылся в Рушукке. Артиллеристы из корпуса Маркова, захватив 6 турецких военных кораблей, начали обстрел из корабельных пушек турецкого лагеря на левом берегу Дуная. 4 и 5 октября 1811 г. русские войска заняли Туртукай и Силистрию.

Получив известие о бегстве Ахмед-паши в Рушук, Кутузов сказал: «Побег визиря приближает нас к миру, [ибо] по обычаю турок, визирь, находящийся в плену, лишается полномочий договариваться о мире. Если бы визирь не ушел, то некому было бы известить султана о том положении, в котором мы поставили его армию»³⁶.

По получении инструкции о новых условиях переговоров Кутузов 9 (21) октября 1811 г. писал Румянцеву: «Предложение визиря бесспорно и весьма малозначаще, но я почел нужным воспользоваться ... сделанным от него первым шагом, дабы начать предварительные объяснения о мире и свести его до благоразумнейшей базы»³⁷. 10 (22) октября 1811 г. изложение «базовой основы» для переговоров было направлено верховному визирю и сводилось к следующим пунктам: договаривающиеся стороны соглашаются признать границей р. Серет; Россия и Турция должны гарантировать восстановление и расширение привилегий, предоставляемых Валахии и ее господарям; урегулирование сербского вопроса путем обеспечения безопасности и спокойствия сербов; в отношении границ в Азии должен быть принят принцип *uti possidenis**. Признание этих условий обеими сторонами позволило бы заключить мирный договор без созыва специального конгресса³⁸.

На следующий день Кутузов отдал приказ по армии об установлении перемирия с турками³⁹. 13 (25) октября 1811 г. Кутузову доложили, что группа турецких представителей прибыла на правый берег Дуная и просит переправить ее в Джурджу к главнокомандующему российской армией. В тот же день турецкая делегация была доставлена в ставку. Утром 14 (26) октября 1811 г. Кутузов принял драгомана Д. Мурузи, который сообщил, что турецкая делегация

* *uti possidenis* – «как владеете» (лат.), существовавшее или существующее в определенный момент территориальное положение воюющих сторон, сложившееся в результате военных действий.

снабжена полномочиями, подписанными только верховным визирем, и не имеет полномочий султана. Несмотря на отсутствие султанских полномочий, Кутузов согласился принять депутацию.

Церемония взаимного представления состоялась вечером того же числа. Первым уполномоченным с турецкой стороны визирь назначил муфти-заде Селима Моилу, вторым – Галиб-эфенди, третьим – Гамид-эфенди, первым секретарем – Кетер-эфенди, вторым секретарем – Незиб-эфенди, первым драгоманом – князя Д. Мурузи. Позднее выяснилось, что в роли первого уполномоченного фактически выступал опытнейший турецкий дипломат Галиб-эфенди, который в 1807 г. в Слободзее возглавлял русско-турецкие переговоры о перемирии, а в 1808–1811 гг. был в должности реис-эфенди⁴⁰. Муфтий Селим Моила был вписан в полномочия в качестве первого уполномоченного из уважения к его духовному званию.

Первым уполномоченным на переговорах с российской стороны был назначен бывший посланник в Константинополе, тайный советник А. Я. Италинский, вторым – генерал-майор И. Сабанеев, третьим – действительный статский советник И. П. Фонтон.

После официальной церемонии представления уполномоченных Галиб-эфенди, оставшись наедине с Кутузовым, заявил, что отсутствие султанских полномочий не должно помешать переговорам, в ходе которых можно было бы выработать проект не только отдельных статей, но и договора в целом. Подобный прецедент уже имел место при заключении Ясского мира в марте 1791 г., напомнил он Кутузову. «Не могу я упустить случая, столь для нас благоприятного, – писал Кутузов Румянцеву по этому поводу, – я должен употребить все мои старания, дабы столь давно желаемое и теперь начатое дело не прервалось и мы не потеряли всей пользы, дарованной нам действием нашего оружия и счастливым стечением обстоятельств. Визирь уже согласен на назначение Серета границей, чего, признаюсь Вам чистосердечно, не смел я надеяться; следовательно, главная статья постановлена...»⁴¹.

Перед началом официальных заседаний (конференций) Кутузов сообщил Румянцеву, что, судя по первым впечатлениям, наибольшие затруднения должны возникнуть при обсуждении двух других главных статей: о размерах денежной контрибуции, которую должна уплатить Порты, и о Белградской крепости, которую российские полномочные предполагают сохранить за сербами. Турецкие

же уполномоченные, по словам Кутузова, упрямо твердят: «Ежели оставить крепость в руках сих мужиков и пьяниц (т.е. сербов – В.Г.), то отвечать нельзя, чтобы вскоре Белград не был продан ими за 1 тыс. червонных. Между тем как Белград есть ключ позиции Порты со стороны Баната»⁴². Учитывая такое настроение турецких уполномоченных в отношении сербов, Кутузов писал: «Вторая статья, подверженная непременно затруднению, есть сохранение за сербами Белградской крепости: сия статья, на которую Порта никогда не согласится, да и действительно не может она оставить ключ своих владений в руках у народа, ей недоброжелательного, и который по невежеству своему или корыстолюбию может при первой остуде Порты с Австрией впустить в столь важную крепость австрийские войска. Впрочем, теперь, когда мы не требуем более Валахии, не вижу я, какой бы сие могло для нас быть пользы, а потому и положил я вовсе о Белграде не упоминать, уверен будучи, что и турки о сем упоминать не будут»⁴³. Основываясь на предварительных беседах с князем Д. Мурузи и Галиб-эфенди, М. И. Кутузов за день до официального открытия первой конференции в Джурджу писал военному министру России Барклаю-де-Толли: «... Трудно будет удостоверить турков, что оставя крепости в руках сербов, возможно будет им почитать их своими подданными. Сербы, один раз будучи отделены от нас Большою и Малою Валахию, конечно, будут искать покровительство австрийского дома... Чтобы, впрочем, удержать для сербов привилегии, как то: собственное их правление, право доставления установленной подати через своих депутатов в Константинополь и неимения никаких турецких правителей, возможно будет назначить и постановить одну военную дорогу для прохода гарнизонов турецких, на что и турки согласятся»⁴⁴.

Предложения Кутузова, касавшиеся содержания обсуждаемых на переговорах статей, меры по установлению перемирия и блокаде турецкой армии были одобрены Александром I, за исключением статьи о Сербии. В этой связи Н. П. Румянцев писал Кутузову: «По представленным от Вашего высокопревосходительства весьма основательным причинам о трудности сохранить за сербами Белград и о маловажности от того для нас пользы е.в-во соизволяет, чтобы в том не упорствовать, но выговорить по крайней мере, чтобы кроме Белграда турецкие войска не занимали других крепостей в Сербии, чтобы внутреннее в оной земле управление установлено было по собст-

венному произволу нации и обеспечено ручательством России. Его величеству угодно, чтобы Ваше высокопревосходительство употребили коликo возможно старание, дабы о жребии Валахии и Сербии сделано было постановление на основании вышесказанном, но чтобы, домогаясь о том, не теряя однако же из виду и того, что главная цель есть мир с Портою, полагающий границею реку Серет ... , чтобы отнюдь не прерывать настоящей негоциации, и чтобы она наипоспешнее вела нас к миру»⁴⁵.

Первая официальная конференция мирного конгресса состоялась в Джурджу 19 (31) октября 1811 г.⁴⁶. На ней обсуждались статьи о границах и о привилегиях Валахии; вопрос о Сербии не затрагивался⁴⁷. К ноябрю 1811 г. окончательно выяснилось, что верховный визирь Ахмед-паша рассчитывал использовать мирные переговоры для того, чтобы собрать новые войска в Румелии и подтянуть их к Рушуку. Об этом свидетельствовало и то, что просьба о присылке султанских полномочий была отправлена в Константинополь только через 3–4 дня после прибытия турецких уполномоченных в Джурджу⁴⁸. Несмотря на это, Кутузов принял решение продолжать переговоры до присылки султанских полномочий и не ставить на обсуждение статью о сербах, поскольку он предвидел «невозможность одержать все требуемые для них выгоды». «Отступая от оных (от сербов – В.Г.) теперь, – пишет Кутузов, – могли бы мы в случае разрыва повредить влиянию нашему в том краю; турки, бесспорно, тогда бы воспользовались согласием нашим на уступку им Белграда, дабы представить сие легковерным сербам в доказательство, сколь мало мы о их благосостоянии печемся и что мы жертвуем ими собственным нашим выгодам»⁴⁹. Придерживаясь этого принципа, российские уполномоченные на одиннадцати конференциях, проходивших в Джурджу с 19 октября по 7 ноября 1811 г., вопрос о Сербии не обсуждали⁵⁰.

Тем временем в Константинополе состоялось несколько заседаний Государственного совета (мухавара), на которых обсуждался вопрос о возможных уступках Турции в пользу России. Участники первого заседания, решив перестраховаться, постановили: поскольку согласно шариату все земли империи являются собственностью султана, то только он один имеет законное право решать этот вопрос. Однако молодой султан также опасался взять на себя такую ответственность и по его настоянию мухавар собирался трижды. В конце концов было принято решение заключить мир с Россией на умеренных

условиях. Узнав об этом, французский поверенный в делах Латур-Мобург стал запугивать султана тем, что если Порта заключит мир с Россией и уступит ей хотя бы часть своей территории, то Наполеон, отобрав ее у России, присоединит к Польше и никогда не вернет Турции.

Венский двор, в свою очередь, уверял султана в неизбежности скорой войны между Россией и Францией и настоятельно советовал использовать это обстоятельство для того, чтобы не уступать России того, что она требует. Под давлением Франции и Австрии султан Махмуд II дезавуировал согласие верховного визиря признать границу по реке Серет и направил ему новую инструкцию, согласно которой русско-турецкая граница в Европе должна проходить по реке Прут⁵¹. Александр I, со своей стороны, настаивал на том, чтобы все завоеванные русскими области на Кавказе оставались за Россией, как вознаграждение за уступку Порте Валахии.

В связи с новыми инструкциями, поступившими из обеих столиц, очередная, 12-я конференция, состоялась 17 (29) ноября 1811 г., то есть через 10 дней. На ее открытии Галиб-эфенди объявил, что 15 ноября получены полномочия султана на переговоры, согласно которым он, Галиб-эфенди, назначается первым уполномоченным с турецкой стороны, и что эти полномочия предоставляют всем прежним турецким уполномоченным право вести переговоры и подписывать мирный договор. Затем Галиб-эфенди объявил, что султан дезавуирует согласие верховного визиря признать границей реку Серет, поскольку на предшествующих одиннадцати конференциях турецкие представители не были снабжены полномочиями султана.

После этого объявления дальнейшие переговоры становились бессмысленными, и российские уполномоченные покинули зал заседаний⁵². Опасаясь, что Кутузов немедленно отдаст приказ об уничтожении окруженной турецкой группировки, Галиб-эфенди вечером того же дня послал Д. Мурузи к И. П. Фонтону, чтобы убедить русских продолжить переговоры по другим статьям договора. Желая знать суть изменений по другим статьям, Кутузов поручил А. Я. Италинскому встретиться с Галиб-эфенди и выяснить интересующие его вопросы. Из протокола беседы первых уполномоченных, которая состоялась 18 ноября 1811 г., видно, что султан соглашался предоставить сербам только те права и привилегии, которыми пользуются все подданные Османской империи. Но султан категорически воз-

ражал против включения в мирный договор не только особой статьи о сербах, но и любых постановлений о них, которые могли бы поставить под сомнение суверенитет его империи. А. Я. Италинский в ответ на это решительно заявил, что если султан и Порты не признают законных прав сербов, то они «будут вынуждены обратиться за помощью к какой-либо иностранной державе в надежде улучшить свое положение»⁵³.

На 13-й конференции, состоявшейся 21 ноября (3 декабря) 1811 г., полномочные подписали протокол о прекращении переговоров. 22 ноября (4 декабря) 1811 г. Александр I дал указание Кутузову возобновить военные действия, которые, по его мнению, принудят турок сделать новый шаг к сближению. При возобновлении переговоров российские уполномоченные должны будут руководствоваться следующими условиями: «1) чтобы река Серет была принята границей, так как о том было уже согласовано; 2) что о Сербии сделано будет постановление, обеспечивающее спокойное и безмятежное существование сей нации; 3) относительно границ в Азии, о чем е.в.во подтверждает все то, что по сей статье сообщил я Вашему сиятельству в секретной моей депеше от 12 числа сего месяца»⁵⁴.

Тем временем окруженная турецкая армия, страдающая от наступивших холодов, болезней и голода, несла неслыханные до той поры потери. К концу ноября 1811 г. из 36 тыс. человек в ней насчитывалось не более 12 тыс.; из 8 тыс. лошадей осталось лишь 60 голов⁵⁵. Чтобы спасти оставшихся от неминуемой гибели, Кутузов 25 ноября (7 декабря) 1811 г. подписал с верховным визирем соглашение о передаче остатков турецкой армии «на сохранение», что в действительности означало добровольную сдачу в плен. После разоружения пленные были размещены на зимние квартиры в Валахии⁵⁶.

В конце ноября – начале декабря 1811 г. ставка Кутузова была перемещена из Джурджу в Бухарест, куда переехали и все уполномоченные для ведения переговоров о мире⁵⁷.

Предпринятые Кутузовым меры вызвали крайнее неодобрение Александра I, который 12 (24) декабря писал главнокомандующему: «Не могу я скрыть от Вас неприятное впечатление, которое произвели надо мною последние депеши ваши. Мирная негоциация не вперед подвигается, но назад. Вам следовало при столь явном нарушении доброй веры со стороны турецких чиновников решительно им объявить, что прекращение военных действий последовало един-

ственно по соглашению визиря на известные кондиции, но что оные отвергаются, то Вы немедленно разорвете перемирие и начнете тем, чтобы принудить к сдаче корпус, окруженный на левой стороне Дуная. Твердые сии изъяснения имели бы несумненно полный успех... Если бы и разрыв последовал, я оный предпочитаю миру на иных условиях, как те, кои мною Вам были назначены...». Упрекал царь Кутузова и за переезд уполномоченных в Бухарест, поскольку там, по словам Александра I, «отверзается лишь пространное поле всем интригам иностранных держав посредством их агентов, там находящихся». Исходя из политической ситуации, сложившейся к этому времени в Европе и на русско-турецком фронте, Александр I считал, что «мир, неприличный достоинству России, будет для нее более вреден, нежели полезен». Царь предупреждал, что если султан откажется одобрить условия, согласованные ранее с великим визирем и турецкими полномочными на переговорах в Джурджу, то он не утвердит конвенцию о принятии турецкой армии под присмотр и сохранение, объявит всех оставшихся в ней военнопленными и отправит в глубь России. В этом же письме Александр I предписывал Кутузову: «Не приступать к подписанию мира иначе, как на тех условиях, кои мною Вам предписаны». В случае отказа турецких уполномоченных подписать мир на этих условиях, царь приказывал немедленно начать военные действия⁵⁸.

Этот рескрипт Александра I Кутузов получил в Бухаресте 20 декабря 1811 г. (1 января 1812 г.). На 14-й конференции, которая состоялась в Бухаресте 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.), турецкие уполномоченные твердо заявили, что султан отказывается утвердить статьи о границах в Европе и Азии и включить в договор статью о Сербии. Российские уполномоченные, со своей стороны, объявили о решительном отказе царя признавать иную границу, кроме как по реке Серет, а граница в Азии должна остаться такой, какой она была до 31 декабря 1811 г. Российские полномочные потребовали также, чтобы в мирный договор непременно была включена статья о сербах, которая при посредстве России гарантировала бы им безопасность, свободу и право выбора ими самими формы их внутреннего управления. Если турецкие уполномоченные откажутся признать эти главные требования российской стороны, то переговоры будут прекращены, а Кутузов возобновит боевые действия и двинет войско в глубь Румелии, которая после разгрома армии осталась без серьезной защиты⁵⁹.

В надежде выиграть время, Галиб-эфенди просил воздержаться от подобных действий, пока не будет получен ответ из Константинополя. Однако Кутузов 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.) отдал приказ о возобновлении военных действий, но согласился на пребывание турецких полномочных в Бухаресте⁶⁰. В письме к верховному визирю он писал по этому поводу: «Его императорское величество, российский государь ... требует, чтобы река Серет стала новой границей между обеими империями в Европе, как об этом была достигнута договоренность с вашей светлостью, чтобы приобретения, сделанные нами в Азии ..., остались в его владении, и, наконец, чтобы заключено [было] под его гарантией соглашение относительно сербов, которое облегчило бы им спокойное существование, гражданскую свободу и избранную ими самими форму внутреннего управления. Е.и.в-во заявляет, что в случае, если уполномоченные Блистательной Порты не согласятся тотчас же на эти предложения, то перемирие будет прервано, а солдаты турецкой армии, переведенной на эту сторону, будут рассматриваться как военнопленные»⁶¹.

Извещения о возобновлении боевых действий Кутузов отправил в Константинополь и Белград. Российский дипломатический представитель в Сербии Ф.И. Недоба сообщил это известие верховному вождю сербов Карагеоргию и Правительствующему совету Сербии в середине первой декады января 1812 г.⁶².

Быстро менявшаяся политическая ситуация в Европе и засекреченность русско-турецких переговоров о заключении мира не могли не беспокоить сербских повстанцев. Карагеоргий и Правительствующий совет в начале января 1812 г. приняли решение направить в ставку Кутузова, а затем в Петербург депутацию в составе трех членов Правительствующего совета: попечителя внутренних дел Якова Ненадовича, попечителя финансов Симу Марковича и секретаря совета Михаила Груйовича. По прибытии в Бухарест депутаты объявили, что цель их поездки, как пишет Кутузов, «состоит единственно в том, чтобы повергнуть и себя, и весь народ сербский к ... стопам е.и.в-ва и просить продолжения к оному высочайшего покровительства государя императора».

Получив от Кутузова разрешение на поездку в Петербург, дорожные документы и деньги, сербские депутаты в сопровождении подпоручика российской армии Радича 12 (24) января выехали из Бухареста⁶³. В столицу России депутаты прибыли 4 (16) февраля

1812 г., а 8 (20) февраля были приняты государственным канцлером Н. П. Румянцевым.

За день до их прибытия в Петербург Александр I лично распорядился, чтобы сербские депутаты были хорошо приняты и должным образом устроены⁶⁴. В соответствии с указанием царя Румянцев направил отношение к министру финансов Д. А. Гурьеву с указанием, чтобы сербским депутатам выдали деньги: Я. Ненадовичу и С. Марковичу по 750 руб. на месяц, а М. Груйовичу – 300 руб. Кроме того, на оплату меблированных комнат им полагалось по 550 руб. каждому, на оплату загородных поездок – 600 руб., на лекарства и прочие нужды – 200 руб.⁶⁵. В субботу 10 (22) февраля 1812 г. Румянцев известил депутатов, что на следующий день они будут приняты Александром I и императрицей Елизаветой Алексеевной⁶⁶. Позднее депутаты принимали также другие члены императорской семьи и многие члены российского правительства.

Подписанное Я. Ненадовичем, С. Марковичем и М. Груйовичем прошение сербского народа депутаты вручили Н. П. Румянцеву 5 (17) марта 1812 г., т.е. спустя месяц после прибытия в Петербург. В этом документе подробно рассказывалось о бедственном положении сербов, разъяснялись беспокоившие петербургский двор причины, побудившие повстанческое руководство поддерживать связи с Австрией, излагались цели приезда депутатов в Россию и основные нужды сербского народа. Авторы прошения писали: «Народ желает, а мы за славу и счастье почитаем ... , да будет оный е.и.величеством покровительствуем, да избавится от ига оттоман, да существует не лишась высочайшей монаршей милости. Народ желает и готов посвятить себя святейшей его воле. Сравнивая общее желание с необходимостями, коими по ныне народ нуждается, оные состоят в военных надобностях ... А как в продолжение настоящей с Портою войны обратила бы она [Россия – В.Г.] силу своих войск к отмщению Сербии, то необходимо нужно корпус е.и.в-ва войск отделить в оную, где общей силою можно бы всегда отражать всякое неприятельское покушение. За счастье народное почитаем, если при заключении мира с Портою народ сербский под неколебимым е.и.в-ва покровительством, не под иным, но под его благим законом, с сохранением имени Сербии, по его монаршему благоволению, утвердится от Порты независимым. А напротив того, несчастьем народным почитаем, если он всемилостивейшего покровительства лишен будет». Прося канц-

лера «тончайше войти в состояние народа сербского», депутаты по данному им верховным вождем поручению просили о помощи в «народных нуждах» и о разрешении в дальнейшем обращаться за ней непосредственно к царю, и чтобы Румянцев письменно удостоверить в этом Карагеоргия⁶⁷.

Есть основание полагать, что в Петербурге с сербскими депутатами довольно обстоятельно обсуждался вопрос и об участии сербов в так наз. Адриатической экспедиции, осуществление которой было поручено новому главнокомандующему Дунайской армией адмиралу П. В. Чичагову. На это, в какой-то степени, указывают как двухмесячное пребывание сербских депутатов в Петербурге, так и явно повышенное к ним внимание Александра I, членов императорской фамилии и министров. Есть некоторые намеки на это и в письме самих депутатов к Карагеоргию от 20 марта (1 апреля) 1812 г. Информировав верховного вождя обо всех приемах у царя и членов его семьи, депутаты писали, что они «имели честь посетить всех министров», которые «обнадеживали их добром». Сам граф Румянцев, «благодетельно ходатайствуя ... и доброжелательствуя сербскому народу, весьма старается доставить удовлетворение в отношении народных нужд». Румянцев сообщил депутатам, что М. И. Кутузову уже предписано отправить в Сербию 1 тыс. пудов пороха и соответствующее количество свинца. Царь и министры, уверяли депутаты Карагеоргия, обещали и в будущем финансовую, военную, и материальную помощь Сербии. Опасаясь излагать в письме суть политических переговоров, депутаты намекали, что они по приезде домой разьяснят все вопросы и надеются «весьма обрадовать» народ их решением. В этом же письме они сообщали и свои впечатления о положении в самой России: в Петербурге «важные движения происходят во всех полках, и многие деташаменты* и корпуса посылаются; очень великие приготовления делаются на границе польской; носится слух, якобы война с французами. Депутаты предупреждали Карагеоргия, чтобы он не беспокоился относительно их столь длительной задержки в Петербурге – она связана с тем, что они с нетерпением ожидают «вожделенного решения»⁶⁸. Можно предполагать, что «вожделенное решение» было связано с утверждением засекреченного плана Адриатической экспедиции, в которой сербам отводилась весьма важная роль.

* деташаменты – отдельные вооруженные формирования.

Перед отъездом сербских депутатов домой канцлер Румянцев 30 марта (11 апреля) 1812 г. подготовил докладную записку на имя Александра I, в которой предлагал «для приласкания» сербов пожаловать Карагеоргию осыпанную бриллиантами табакерку с надписью «За веру и отечество», ценой в 5 тыс. рублей. Депутатов предлагалось наградить золотыми медалями на алых лентах с портретом Александра I и с такой же надписью на обороте. Кроме медалей канцлер советовал наградить их же саблями с надписью «За храбрость» или же часами, осыпанными бриллиантами, ценой до 1 тыс. руб. На обратный путь им было выдано по 400 червонных каждому⁶⁹. Однако позднее, в письме к министру финансов Д. А. Гурьеву, канцлер внес некоторые изменения – сербские депутаты должны быть награждены золотыми медалями с надписью «За усердие»⁷⁰.

Еще до отъезда депутатов в Сербию Румянцев написал письмо Кутузову, в котором сообщал последнее решение царя по сербскому вопросу: «При замирении с Портою устроить участь сего народа наилучшим образом, а между тем снабдить его военными снарядами и подкрепить корпусом войск для совокупного действия противу общего врага...»⁷¹.

Поскольку сербские депутаты спешили вернуться домой, то Румянцев 11 (23) апреля 1812 г. обратился к министру финансов Д. А. Гурьеву и сообщил ему, что сербская депутация отправилась из Петербурга, не дожидаясь изготовления назначенных им наград и подарков. Канцлер просил министра выдать сербским депутатам 500 голландских червонных, награды же отправить позднее через службы МИД России, а подарки с курьером в штаб главнокомандующего Дунайской армией⁷². Получив проездные документы и деньги, сербские депутаты 15 (27) апреля 1812 г. выехали из Петербурга в Сербию. Их пребывание в столице России продолжалось более двух месяцев⁷³.

В Сербии тем временем начали распространяться панические слухи, порожденные секретностью ведущихся в Бухаресте русско-турецких переговоров и разговорами о скорой войне между Россией и Францией, что якобы неизбежно повлечет за собой вывод российских войск из Сербии. Поводом к усилению тревоги послужил приказ о перемещении одного из российских батальонов Нейшлотского полка из Белграда под Неготин для поддержания действий сербских войск в этом районе. Чтобы успокоить белградских жителей

Младен Милованович обратился с просьбой к командованию Дунайской армии об оставлении батальона в Белграде и о вводе в Сербию еще 2-тысячного корпуса российских войск⁷⁴.

Известие о заключении в Париже 14 марта 1812 г. франко-австрийского договора, по которому Австрия обязывалась выделить 30-тысячный корпус своих войск для войны с Россией, еще больше усилило панические настроения среди сербов⁷⁵.

Между тем на русско-турецком фронте в январе-феврале 1812 г. не произошло существенных изменений. Остатки окруженной под Рушуком турецкой армии были разоружены и отконвоированы на 50 верст в глубь Валахии. Из-за обильного ледохода по Дунаю подразделения российских войск не могли переправиться на правый берег. В связи с этим Кутузов 25 января (6 февраля) 1812 г. предписал А. П. Зассу сообщить Карагеоргию его согласие «производить в действо предполагаемую им (верховным вождем – В.Г.) экспедицию противу турок на Дрине». Для осуществления этой операции главнокомандующий предлагал привлечь находившийся в Белграде Нейшлотский батальон российских войск⁷⁶. Когда же Дунай покрылся достаточно прочным льдом, четыре отряда российских войск 2 (14) февраля 1812 г. перешли на правый берег Дуная, но там не оказалось никаких турецких войск. Поскольку при создавшейся ситуации военные действия не могли стать решающим фактором, который мог бы повлиять на скорейшее заключение мира с Турцией на предлагаемых Александром I условиях, то петербургский двор решил использовать политику дипломатического устрашения, которой пользовались российские дипломаты в отношениях с Портой в период правления султана Селима III. С одной стороны, Н. П. Румянцев предписывал Кутузову внушать верховному визирю и первому уполномоченному Галиб-эфенди мысль о том, что Наполеон продолжает предлагать Александру I, как сказано в письме, «воспользоваться настоящею войною к конечному ниспровержению Оттоманской империи в Европе ... и быть готовым ко взаимному разделу остатков сей державы». Чтобы разрушить эти замыслы, не соответствующие намерениям петербургского двора, российский император не только предлагает заключить с Портой мир, но и выражает согласие «взять на себя попечение охранить Оттоманскую империю». Порта же, пишет Румянцев, «вместе с миром пусть потребует от нас союза, в силу которого обе державы обоюдно бы обязались охранять

друг друга от общих им неприятелей»⁷⁷. С другой стороны, Александр I писал Кутузову: «Желая кончить ... войну с Портою, не нахожу лучшего средства для достижения сей цели, как произвести удар под стенами Цареграда совокупно морскими и сухопутными силами»⁷⁸. Осуществление этой операции было возложено на генерал-губернатора Одессы Э.О. Дюка-де-Ришелье. Вскоре план удара по столице Османской империи был отменен — якобы по причине начавшейся в тех краях чумы.

В это же время английский и шведский посланники в Турции, С. Каннинг и Гамель, также пытались внушить Порте мысль о выгоде для нее заключить мир с Россией. Однако дипломатические демарши в Бухаресте и Константинополе, вопреки ожиданиям петербургского двора, вызвали прямо противоположную реакцию со стороны Порты. Султан категорически запретил своим уполномоченным в Бухаресте соглашаться на уступки в Азии и принимать статьи о Валахии и Сербии. Соответствующая инструкция была доставлена верховному визирю 4 (16) марта, а Кутузов ознакомился с ней 6 (18) марта 1812 г. Новые условия султана, естественно, не удовлетворили российских уполномоченных, и переговоры вновь были приостановлены⁷⁹.

В Петербурге еще не знали об этих решениях Порты и продолжали усложнять по сути уже проигранную дипломатическую игру. В секретном отношении от 5 (17) марта 1812 г. Румянцев писал Кутузову: «Е.и.в-ву угодно, чтобы Ваше сиятельство тотчас позвали к себе Галиб-эфенди и, требуя от него непроницаемой тайны, известили бы его именем е.и.в-ва, что государь император, не взирая на войну, существующую между Россиею и Оттоманскою Портою, никогда не взирав равнодушным оком на существование Турецкой империи, которое е.в-во находит необходимо нужным в общем составе Европы. Посему е.в-во, извещая султана посредством его полномочного о грозящей ему опасности, не взирая на все обещания французского правительства, кои опытом доказываются быть столь лицемерными, предлагает султану от искреннего сердца превратить войну, ныне существующую, в теснейшую дружбу... Пусть происки держав, желающих порабощения Европы, уничтожатся с посрамлением от тесной связи двух сильных империй, которые суть Российская и Оттоманская... В случае недостижения желаемой цели не останется ничего другого делать е.в-ву, как с сокрушением сердца со-

гласиться на предложение Франции и силами своими содействовать к падению Турецкой империи»⁸⁰.

По получении писем от Кутузова и известий из Константинополя от английского и шведского посланников о нежелании Порты идти на территориальные уступки и на заключение союзного договора с Россией в Петербурге поняли, что политика угроз и лестных обещаний не может привести к желаемой цели. Тогда Александр I 22 марта 1812 г. отправил Кутузову написанное своей рукой секретное послание, в котором писал: «Обстоятельства час от часу становятся важные для обеих империй. Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира с Портою. Убедительнейше Вас взываю любовью к своему отечеству обратить все Ваше внимание и усилия к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная. Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло. Отстраните все побочные занятия и с тем проницанием, каковым Вы одарены, примитесь сами за сию столь важную работу. Для единственного Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашему желанию, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит заключение мира, можете Вы сделать необходимую уступку в статье о границе в Азии: в самой же крайности позволяю Вам заключить мир, полагая Прут по впадении оного в Дунай границую. Но сие вверяю я личной вашей ответственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо без изъятия не было известно о сем моем дозволении до самого часу подписи (мира – В.Г.). На сию однако же столь важную уступку не иначе повелеваю Вам согласиться, как постановя союзный трактат с Портою (подчеркнуто мной – В.Г.). Я надеюсь, что Вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите из виду ничего нужного к достижению желаемой цели»⁸¹.

Обострившаяся международная ситуация и нависшая угроза наполеоновского вторжения в Россию побуждали петербургский двор спешить с заключением мира с Турцией и идти на уступки ей даже по основным статьям договора. В этой связи не была исключением и статья о сербах. Чтобы добиться ее включения в мирный договор, М. И. Кутузову рекомендовалось сообщить верховному визирю, что в «свое время», т.е., видимо, при заключении союзного договора, Александр I не будет возражать, если султан сам «начертает поста-

новление» о сербах. Однако при подписании договора в статью о сербах непременно следует внести пункт о предоставлении Сербии свободного внутреннего управления. В инструкции от 22 марта (3 апреля) 1812 г. Румянцев писал по этому поводу: «Относительно Сербии обеспечить спокойное существование сей нации обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее в оной земле управление, но предоставит то на волю и произвол жителей. Государь император не оспаривает султану ни право взимать по-прежнему дань с Сербии, ни других преимуществ, которые могут служить к ознаменованию владычества его над сею землею, а в вящее доказательство искреннего своего расположения и по сей статье, его же султанову величеству предоставляет начертать в свое время, как он за благо признает постановление между двумя дворами о сей нации, довольствуясь, чтобы в мирном трактате одно то в пользу ее было выговорено, что во внутреннем у себя управлении будет она совершенно свободна»⁸². В начале апреля 1812 г. Кутузову были даны полномочия и на право заключения оборонительного и наступательного союза с Турцией, который, видимо, рассматривался петербургским двором как один из моментов дипломатической игры, связанной с планом так наз. Адриатической экспедиции⁸³.

В Бухаресте Кутузов 3 (15) апреля 1812 г. возобновил неофициальные переговоры с Галиб-эфенди и сообщил ему «ультимативные условия» о тех статьях, которые предполагалось обсудить на очередной официальной конференции. «Ультимативные условия» сводились к следующему: «Река Серет является, как и было договорено прежде, границей двух империй в Европе; спокойное существование сербов будет гарантировано обещанием со стороны Порты, что она не будет вмешиваться во внутреннее управление этой нации, а предоставит это ей самой». Тогда же Кутузов дал понять Галиб-эфенди, что российский император не намерен оспаривать у султана его право на суверенитет в отношении Сербии и получение с сербов подати. «Чтобы дать наиболее убедительное доказательство в искренности его (царя – В.Г.) намерений по этому поводу, – заявил Кутузов Галиб-эфенди, – е.и.в.во предоставляет великому государю установить в свое время порядок отношений между обоими дворами касательно этой нации и довольствуется лишь тем, чтобы в трактате было упомянуто в пользу сербов, что они будут совершенно незави-

симы в своем внутреннем управлении». Эту беседу Кутузов заключил словами: «Если Порта готова принять эти предложения России, то е.и.в-во ограничится просто заключением мира на предлагаемых умеренных условиях, но если особые интересы побуждают к тесному союзу между двумя империями, то он уполномочен подписать вместе с трактатом о мире и отдельную статью, касающуюся союза». Ультимативный характер требований российской стороны, парировал в свою очередь Галиб-эфенди, отнимают даже надежду на возможность дальнейших переговоров. К тому же, по мнению первого турецкого уполномоченного, предложенные Кутузовым условия почти ничем не отличались от прежних. «В отношении Сербии, – заявил Галиб-эфенди, – Порта Оттоманская соглашается включить в трактат статью, содержащую только помилование и общую амнистию сербам, а также обеспечение их безопасности и спокойствия». Не дав определенного ответа по другим статьям, Галиб-эфенди в очередной раз прибегнул к уже проверенной уловке, пообещав сообщить условия Кутузова верховному визирю, который, в свою очередь, запросит новую инструкцию у султана⁸⁴. Становилось очевидным, что турецкая сторона сознательно затягивает переговоры в расчете на начало русско-французской войны.

В Петербурге считали, что Кутузов недостаточно энергично ведет дело в нужном России направлении. Царь уже не скрывал своего раздражения по поводу действий нелюбимого им военачальника. В надежде ускорить переговоры о заключении мира и союза с Турцией, а заодно приступить к реализации секретного плана Адриатической экспедиции, предусматривавшего диверсию в тыл французской армии, Александр I принял решение заменить Кутузова своим любимцем, адмиралом П. В. Чичаговым, который был одним из авторов вышеназванного плана. По поводу назначения П. В. Чичагова на должность главнокомандующего Дунайской армией было подготовлено два рескрипта: рескрипт от 5 (17) апреля 1812 г. был составлен на случай, если мир с Турцией еще не будет заключен, другой, от 9 (21) апреля 1812 г., на случай, если мир будет заключен. Чтобы сгладить неприятность по поводу отстранения Кутузова от командования армией и ведения переговоров, в рескрипте от 5 (17) апреля указывалось, что царь желает видеть Кутузова «заседающим в Государственном совете», и поэтому он должен сдать армию Чичагову, поспешив с приездом в Петербург⁸⁵. В рескрипте от 9 (21) апре-

ля царь писал: «Заключение мира с Оттоманскою Портою прерывает действия Молдавской армии; нахожу приличным, чтобы вы прибыли в Петербург, где ожидают вас награждения за все замечательные заслуги, кои вы оказали мне и отечеству. Армию, вам врученную, сдайте адмиралу Чичагову»⁸⁶.

Назначая П. В. Чичагова главнокомандующим Дунайской армией, царь одновременно передавал в его подчинение Черноморский флот и управление Дунайскими княжествами. Перед Чичаговым были поставлены две, как сказано в инструкции, «не терпящие ни малейшего промедления» задачи: 1) мирные переговоры с турками; 2) вооружение балканских христиан и славян, «могущих тем усилить военные действия» российской армии на Балканах. Коварное поведение Австрии и ее присоединение к Франции, говорилось в той же инструкции, «заставляют Россию использовать все, находящиеся в ее руках, способы для разрушения вредных замыслов правителей этих государств». Главнейший из этих способов, по словам Александра I, «состоит в обращении к нашей стороне воинского духа славянских народов, как то: сербов, босняков, далматов, черногорцев, бокесцов, кроатов, иллирийцев, кои, будучи вооружены и приведены по воинской части в устройство, сильно содействовать нам могут». Царь не исключал возможности привлечь на сторону России и венгров, которые в тот период были недовольны политикой австрийского правительства. «Все сии народы в соединении с нашими регулярными войсками, – говорится в инструкции, – составят ополчение довольно огромное, чтобы не только противустоять замыслам Австрии, но и произвести сильную диверсию на правом крыле французских владений и служить нам сугубым средством к нанесению ударов со стороны Ниссы и Софии. Целью сей диверсии противу Франции быть должно завоевание Боснии, Далмации, Кроации и направление ополчения сего на возможные пункты, лежащие на берегу Адриатического моря, предпочтительно же на Триест, Фиум, Бокка ди Котора и прочие»⁸⁷. Петербургские политики рассчитывали, что в этих адриатических городах российские войска и ополчения балканских славян установят связь с английским флотом и начнут продвигаться к Тиролю и Швейцарии, где соединятся с народами этих стран, которые также недовольны тамошними правителями. «Все, что может возвысить дух славянских народов для направления оногo к нашей цели, – наставлял Александр I Чичагова, – должно быть Вами употреблено,

как то: обещание им независимости, установление славянского царства, награждение людей, имеющих между ними влияние, деньгами, знаками отличия, приличным проименованием начальников и войск, и прочие подобные сим побудительные средства, со нравами сих народов и обстоятельствами сообразные. Гражданское устройство всех сих народов поручается прозорливому усмотрению и соображению Вашему».

Поскольку после заключения австро-французского союза отношения между Австрией и Россией существенно изменились, то Александр I требовал от Чичагова, чтобы он по прибытии в Бухарест убедил турецких полномочных в необходимости заключения не только мира, но и союза между Россией и Турцией. Если до его приезда мирный договор еще не будет заключен Кутузовым, то Чичагову давались полномочия изменить прежние условия некоторых статей договора. В этой связи в инструкции указывалось: «Должно будет требовать, чтобы турки не токмо не прекословили вспоможениям, каковые мы от сербов и прочих христианского исповедания народов, под державою их живущих, получить можем, но изъявили бы истинное и охотное расположение содействовать всеми находящимися в руках их средствами противу общих врагов». Для большей убедительности сказанного, царь соглашался, чтобы Порты после победы над австрийцами и французами вернула себе Рагузинскую (Дубровницкую – В.Г.) и Ионическую республики. Для склонения Порты к скорейшему признанию дополнительных статей союзного договора царь предписал отправить в Константинополь А. Я. Италинского и И. С. Бароцци. Если же Порты откажется принять эти условия и не согласится подписать мир с Россией, то Чичагов, согласно инструкции, должен был стараться «распространить действия внушений ... и на все части Оттоманской империи: греков возбуждать к сложению тягостного для них магометанского ига; с Али-пашою (Янинским – В.Г.) войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем эфирским, из албанцев стараться через приглашения и особливо посредством достаточной платы составить особые войска...». В организацию войска балканских народов Александр I советовал Чичагову не вмешиваться и предлагал придерживаться в этом вопросе существующих у этих народов порядков. Вооружение и боеприпасы для славян царь предполагал «испросить» у англичан, которые доставят их в порты Адриатиче-

ского моря на своих кораблях. Сам же адмирал Чичагов «для подкрепления славянского ополчения» должен был выделить «достаточное число пехоты с приличною частью кавалерии и артиллерии, не теряя из виду, чтобы мы в случае продолжения войны с Портою могли оставаться безопасно в оборонительном положении против нее». Александр I, со своей стороны, обещал постараться уговорить английское правительство поддержать своим флотом и находившимися в Сицилии войсками атаки российских войск и славянского ополчения на Боку Которску, Триест, Фиуме, Рагузу, а также помочь при блокаде Корфу, чтобы пресечь сообщение с турецкими берегами⁸⁸.

В письме к главе российской миссии в Стокгольме П. К. Сухтелену Н. П. Румянцев следующим образом разъяснял замысел Адриатической экспедиции. Если война России с Францией неизбежна и если в нее будет втянута Австрия, то чтобы нанести удар по интересам этих враждебных держав, царь вынужден будет осуществить обширный план, основные положения которого изложены в инструкции адмиралу П. В. Чичагову от 9 (21) апреля 1812 г. Этот план предусматривает объединение, как сказано в письме, «не под его (царя – В.Г.) властью и тем более не под его суверенитетом, а лишь под его знаменами и лишь во время этой войны с его собственными войсками все славянские народы, которые, начиная с Сербии, где мы уже сейчас находимся, окружают с юга австрийские владения до Адриатического моря. Достигнув этих мест, мы при поддержке англичан и совместно с ними должны будем изгнать французов с этих берегов, а затем попытаться соединиться с недовольными в Тироле, Швейцарии и Северной Италии и оказать им помощь. Общеизвестно, что на всей этой обширной территории, от Иллирии до границ собственно Франции, под пеплом тлеет огонь, и нужны лишь сигнал и поддержка, чтобы он разгорелся и чтобы искры его могли попасть даже в самое сердце Франции»⁸⁹.

Судя по дате составления этих документов, т.е. 9 (21) и 12 (24) апреля 1812 г., находившиеся еще в Петербурге сербские депутаты в той или иной степени были проинформированы канцлером о существовании плана Адриатической экспедиции, в реализации которой сербам отводилась весьма заметная роль.

Французские и австрийские дипломаты в апреле 1812 г. также усилили давление на Порту. Французский поверенный в делах Латур-

Мобург вручил реис-эфенди письмо Наполеона, адресованное султану Махмуду II, с предложением заключить с Турцией союзный договор, по которому Франция обязывалась возвратить Порте все ее владения, завоеванные Россией в течение последних 60-ти лет и гарантировать целостность Османской империи. Австрийский интернунций Штюмер, в свою очередь, убеждал Порту, что венский двор также готов подписать обязательство сохранять в неприкосновенности ее владения. Если же Порта заключит мир с Россией и сама уступит ей часть своих провинций, то, пугал Штюмер, Австрия и Франция «такого трактата не признают»⁹⁰. Вялые демарши английского посланника в Турции Каннинга, пытавшегося убедить Порту отказаться от предложений Франции, не имели успеха. Несколько активнее действовал шведский посланник Гамель, который внушал Порте мысль, что за падением России последует порабощение всей Европы. Чтобы спасти северные и южные окраины Европейского континента от французского завоевания, было бы благоразумнее объединиться с Россией.

Трудно сказать, к каким голосам больше прислушивался молодой султан Махмуд II, однако вскоре турецкие уполномоченные в Бухаресте получили инструкции из Константинополя с предписанием возобновить переговоры о заключении мира⁹¹. До возобновления официальных конференций Галиб-эфенди в одной из частных бесед обратил внимание Кутузова на то, что российский вариант статьи о сербах не позволяет султану принимать самостоятельные решения без согласия российского монарха. Поэтому, с точки зрения турецких уполномоченных, пишет Кутузов, «это требование наше само собою опровергает право владычества, которое мы представить султану желаем»⁹².

В середине апреля Ахмед-паша предложил возобновить и довести до конца переговоры о заключении мира. Кутузов принял предложение и 18 апреля 1812 г. подписал инструкцию российским уполномоченным, основу которой составили «ультимативные требования» Александра I от 22 марта 1812 г. Первая статья этой инструкции касалась непосредственно Сербии. При ее составлении Кутузов учел требование Александра I и вышеупомянутое замечание Галиб-эфенди. В новом варианте статьи о Сербии Кутузов требовал, чтобы Порта обеспечила и гарантировала: «Мирное и спокойное существование сербов и предоставление им возможности самим устанавливать систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и са-

ним осуществлять управление; при этом суверенные права султана ни в какой мере не должны быть ущемлены или умалены»⁹³.

На 15-й конференции Бухарестского конгресса, которая состоялась 19 апреля 1812 г., Галиб-эфенди, вопреки своим прежним заверениям, вновь объявил, что Порта не может согласиться на уступку своих владений в Азии, что граница в Европе должна быть установлена по реке Прут, за исключением Измаила и Килии, которые остаются за Турцией, что Россия должна заключить мир с Персией. Сербам же, заявил первый турецкий уполномоченный, султан может обещать только прощение и забвение их прошлых деяний.

На следующий день Кутузов писал царю, что, судя по заявлениям Галиб-эфенди, «Порта не имеет искреннего желания к миру», и что он, Кутузов, был вынужден, со своей стороны, объявить Галиб-эфенди, чтобы «все, мною при откровенных разговорах сказанное, было предано забвению и *comme non avenue*»⁹⁴.

На 16-й конференции российские уполномоченные 20 апреля 1812 года поставили условие: если турецкая сторона откажется решать вопросы о границах, то обсуждение других статей утрачивает всякий смысл. Переговоры вновь были приостановлены до получения инструкций из Константинополя⁹⁵.

Воспользовавшись перерывом в переговорах, верховный визирь 23 апреля 1812 г. отправил письмо Карагеоргию, в котором предупредил, что он по приказу султана дал пашам Румелии и Боснии распоряжения готовить войска для наступления на Сербию. «Когда разгорится брань, – пишет Ахмед-паша, – знаю я, да и вы знаете, что бедный народ попран будет ногами, будет разорен и пленен, и с обеих сторон много крови прольется. Того ради предупреждаю вас, ибо у нас в обыкновении извещать наперед о том, что быть имеет. Вы знаете, что все сербы и весь народ, находящийся там, все были царские (султановы – В.Г.) подданные, да и теперь, если хотите быть подданными, я могу упросить царя, чтобы простил всю старую вашу вину и что было доселе да предастся забвению, как относительно народа, так и всех старейшин, и чтобы любил вас и более, нежели прежде. Сие есть в моей руке и я могу то сделать. К тому извещаю вас, что ежели имеете намерение просить, искать или свя-

* *comme non avenue* – как не имевшее место (фр.).

зять что-либо (договориться о чем-либо) с царем нашим, я и то могу окончить и утвердить и связать дело с царем нашим, так как вы желаете и в уме имеете, ибо я есмь царский главнокомандующий, сераскир, и все то, что скажу, царь не развяжет. К тому однако же должен ты ведать, что никто другой не должен вмешиваться, но токмо я, и ты, и наш царь да ведаемо; и если сему что-либо подобное думаешь связать, то ты по получении сего моего письма пошли ко мне верного и разумного твоего человека и скажи ему, чтобы мысль твою мне изъяснил, потом я его отправлю к вам. Особенно пусть идет сюда тот, кого назначишь, чтобы никакого сомнения не имел»⁹⁶.

Ожидаемые инструкции верховного визиря были доставлены в Бухарест 27 апреля (9 мая) 1812 г. Галиб-эфенди предложил российским уполномоченным вернуться к редактированию статей мирного трактата с учетом последних предписаний визиря. «С того дня, – пишет Кутузов, – все время проходило в пустых и упорных спорах с его (Галиб-эфенди – В.Г.) стороны»⁹⁷. Чтобы как можно дольше затянуть переговоры, опытный турецкий дипломат непрерывно выдвигал на первый план вопросы процедурного характера. То он предлагал вести переговоры без показной пышности, то настаивал при обсуждении вопросов держать предмет переговоров в строгом секрете и т.д. и т.п.⁹⁸. За этими уловками Галиб-эфенди просматривалось не только стремление выиграть время, но и желание турецкой стороны скрыть от французских и австрийских советников характер уступок Порты в пользу России.

Международная ситуация в Европе к этому времени складывалась крайне неблагоприятно для России. М. И. Кутузов хорошо понимал это и, по его собственному признанию, был вынужден пойти «на самую крайность». После некоторых колебаний он, наконец, решил воспользоваться тайным разрешением Александра I установить границу по реке Прут.

В проекте статей, приложенном к инструкции Кутузова российским уполномоченным от 3 (15) мая 1812 г., по поводу Сербии указывалось: «К статье, относящейся к сербам, предложенной раньше Высокой Портой, будет добавлено, что, по настоятельной просьбе этого народа (сербского – В.Г.), ему будет даровано устройство применительно к жителям островов (Ионических – В.Г.) и некоторых других областей, как в смысле внутреннего управления, так и в отношении установления и порядка взимания податей»⁹⁹.

После обсуждения сделанных российскими уполномоченными уступок наиболее спорные вопросы были разрешены, и к 5 (17) мая 1812 г. был согласован текст проекта мирного договора, который состоял из шести статей. «Вышеупомянутые шесть параграфов, – говорилось в протоколе, – должны в дальнейшем быть утверждены, отредактированы и включены в трактат, дабы при божьей помощи установить полный мир и дружбу». Статья IV проекта о сербах гласила: «Хотя нет сомнений, что Блистательная Порта, следуя своим принципам, проявит милосердие и великодушие по отношению к сербскому народу, который издавна подвластен этой державе и платит ей дань, но учитывая участие, которое сербы принимали во время этой войны в боевых действиях, было признано необходимым вполне определенно обусловить их безопасность. В силу этого Блистательная Порта дарует сербам прощение и всеобщую амнистию и они не будут подвергнуты каким-либо репрессиям за их действия в прошлом. Крепости, которые они могли воздвигнуть в продолжение военных действий на землях, на которых сами проживают и которые не существовали прежде, впредь, становясь бесполезными, будут разрушены. Блистательной Порте будут возвращены во владение все прежде существовавшие крепости, паланки и другие укрепления с артиллерией, припасами и прочим военным имуществом, и она будет располагать в этих укреплениях свои гарнизоны так, как ей заблагорассудится. Однако, для того, чтобы эти гарнизоны не притесняли сербов, что противоречило бы правам сербов, как ее подданных, Блистательная Порта, движимая чувством великодушия, обещается договориться с сербским народом о необходимых мерах безопасности. Она предоставляет сербам по их требованиям те же преимущества, которыми пользуются подданные островов Архипелага и других областей, и распространит на них свое высокое благоволение, предоставляя им самим самоуправление в их внутренних делах, устанавливая общую подать, собираемую от них непосредственно». От имени России предварительные условия мирного договора 5 (17) мая 1812 г. подписали: А. Я. Италинский, И. Сабанеев, И. Фонтон. В тот же день они были утверждены и М. И. Кутузовым¹⁰⁰. Репортуя царю об этом событии, Кутузов 7 (19) мая писал: «Прелиминарные статьи мирного с Портой трактата, ... действительно, подписаны и обоюдными полномочными разменяны 5-го числа сего месяца». Копию на французском языке Кутузов отправил в Петербург,

а оригинал на турецком языке за подписями полномочных султана был оставлен в канцелярии Дунайской армии¹⁰¹.

На следующий день после подписания прелиминарных статей, т.е. 6 (18) мая 1812 г., в Бухарест прибыл адмирал П. В. Чичагов. Поскольку прелиминарный договор был уже подписан и разменен, Чичагов, как и было условлено в Петербурге, вручил Кутузову рескрипт царя от 9 (21) апреля 1812 г., согласно которому Кутузов по случаю заключения мира с турками должен был сдать командование Дунайской армией и явиться в Петербург для награждения «за все знаменитые заслуги»¹⁰². В тот же день адмирал отправил Александру I депешу, в которой обращал внимание царя на то, что в прелиминарном договоре ничего не сказано ни об оборонительном, ни о наступательном союзе. В связи с этим Чичагов сообщал о своем намерении потребовать у верховного визиря пропуск для А. Я. Италинского, чтобы отправить его в Константинополь для продолжения переговоров о заключении союзного договора между Россией и Турцией¹⁰³. Между тем на 17-й конференции Бухарестского конгресса, которая состоялась 8 (20) мая 1812 г., были согласованы и подписаны статьи о прекращении военных действий на суше и на море и о полной амнистии всем участникам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В тот же день были уточнены детали в статьях о границах в Европе и Азии. На 18-й конференции, состоявшейся 9 (21) мая, долго обсуждался еще один спорный вопрос – о сроках вывода российских войск с территории Османской империи. Турецкие уполномоченные настоятельно требовали, чтобы российские войска, находившиеся в европейских владениях Порты, были выведены оттуда в течение одного месяца, а из азиатских владений – через три месяца, считая со дня размена ратификационными грамотами. После длительных и упорных препирательств, наконец, было решено, что российские войска, находившиеся как в европейских, так и в азиатских владениях Турции, должны покинуть их в течение трех месяцев после размена ратификаций¹⁰⁴.

Согласованный и подписанный уполномоченными обеих сторон текст прелиминарного договора Кутузов отправил верховному визирю в Шумлу с чиновником дипломатической канцелярии при Дунайской армии И. С. Бароцци. По ознакомлении с ним Ахмед-паша 11 (23) мая 1812 г. писал: «Предварительный договор, подписанный нашими уполномоченными и пересланный нам Вашим превосходи-

тельством для приложения печати, подписан нами, снабжен печатью и передан обратно»¹⁰⁵. На следующий день, т.е. 12 (24) мая 1812 г., Кутузов издал и разослал по армии приказ о передаче главного командования Дунайской армией адмиралу П. В. Чичагову. Однако он не покинул Бухареста и продолжал вести переговоры вплоть до официального подписания мирного договора¹⁰⁶.

В Петербурге к этому времени уже получили донесение Кутузова о подписании прелиминарных статей договора. «Подписанные пункты, – сообщал Румянцев Чичагову 13 (25) мая 1812 г., – не в полной мере удовлетворили ожидание» царя. Но более всего Александра I огорчило «послабление» Кутузова, которое он сделал туркам в статье об азиатской границе. Царь был готов согласиться с границей в Европе по р. Прут, но при условии, чтобы расположенные на азиатском побережье Черного моря суверенные государства, которые ранее признавали сюзеренитет России, оставались под властью России. «Буде турецкие полномочные и в том, и в другом будут решительно отказывать, – пишет канцлер, – то предложить им как крайнее средство к довершению мира, чтобы относительно Азии утвердить то, что уже постановлено прелиминарными пунктами, но чтобы в таком случае европейская граница была восстановлена на основании прежнего условия, т.е. по р. Серет»¹⁰⁷. Однако это и другие предписания из Петербурга не успели дойти к моменту официального подписания окончательного текста мирного договора.

Торжественная церемония подписания текста договора состоялась 16 (28) мая 1812 г. на последней, 19-й конференции Бухарестского конгресса. Русско-турецкий мирный договор состоял из XVI статей. Сербский вопрос регулировался ст. VIII, которая в окончательной редакции гласила:

«Сообразно тому, что постановлено статьей IV предварительных пунктов [5 (17) мая 1812 г. – В.Г.], хотя и нет никакого сомнения, что Блистательная Порты по правилам своим употребит снисхождение и великодушие против народа сербского, как издревле подданного сей державе и дань ей платящего, однако же, взирая на участие, какое сербы принимали в действиях сей войны, признано за приличное постановить нарочные условия о их безопасности. Вследствие чего Блистательная Порты дарует сербам прощение и общую амнистию, и они никоим образом не могут быть беспокоиваемы за прошедшие их деяния. Крепости, какие могли они построить по случаю

войны в землях, ими обитаемых, и коих там не было прежде, будут, так как оные для будущего времени бесполезны, разрушены, и Блистательная Порта вступит во владение по-прежнему всеми крепостями, паланками и другими укрепленными местами, издревле существующими, с артиллериею, военными припасами и другими предметами и военными снарядами, и она там учредит гарнизоны по своему благоусмотрению. Но дабы сии гарнизоны не делали сербам никаких препятствий в противность прав, подданным принадлежащих, то Блистательная Порта, движимая чувствами милосердия, примет на сей конец с народом сербским меры, нужные для его безопасности. Она дарует сербам по их просьбе те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, и даст им восчувствовать действие великодушия ее, предоставив им самим управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским».

Согласно другим статьям Бухарестского договора, «главноуполномоченный» с российской стороны М. И. Кутузов и верховный визирь Порты Ахмед-паша должны утвердить мирный договор и сопутствующие ему акты в течение 10 дней, а царь и султан обязуются ратифицировать их не позднее 4-х недель, считая со дня заключения.

По этому же договору российские войска должны были быть выведены из пределов Османской империи, как со стороны Молдавии и Валахии, так и из Азии в трехмесячный срок, считая со дня ратификации монархами этих государств. До истечения этого срока, говорится в ст. XI, «управление и порядок вещей останутся в таком состоянии, в каком они теперь существуют под властью российского императорского двора, и Блистательная Порта Оттоманская никоим образом не будет в то мешаться до истечения срока, назначенного для вывода всех войск, которые будут снабжать себя всеми съестными припасами и другими нужными предметами до последнего дня их вывода ...»¹⁰⁸.

Подлинные тексты Бухарестского договора и отдельных секретных статей были составлены и подписаны российскими уполномоченными на французском языке и турецкими полномочными – на турецком языке; затем стороны обменялись этими текстами. Утвердив тексты договора своей подписью, М. И. Кутузов в тот же день,

т.е. 16 (28) мая 1812 г., отправил копию в Петербург. В сопроводительном письме он писал канцлеру Румянцеву: «Примите, милостивый государь, покорнейше мое поздравление по случаю сего важного предприятия, после тяжелых пожертвований, трудов и домогательств, с преодолением всех препятствий к желаемому концу приведенного в то время, когда обстоятельства Европы соделывают мир с Портою толико для нас полезным»¹⁰⁹.

В дни подписания русско-турецкого договора о мире возвращавшиеся из Петербурга домой сербские депутаты находились в Бухаресте. Воспользовавшись этой оказией, новый главнокомандующий Дунайской армией П. В. Чичагов отправил с ними Карагеоргию письмо, датированное 16 (28) мая 1812 г. В нем Чичагов писал, что по просьбе сербских депутатов он согласен усилить находившийся в Сербии российский корпус «новыми войсками». Кроме того он намерен отправить в Сербию нескольких офицеров для формирования и обучения «особого войска из разных сербских войск», которые могли бы действовать совместно с российскими войсками, находившимися в Сербии. Чичагов обещал также снабжать сербское войско порохом, свинцом и прочим военным снаряжением. Адмирал просил Карагеоргия прислать своего представителя в главную квартиру главнокомандующего Дунайской армией, чтобы он мог передавать Чичагову все просьбы о нуждах сербов. В заключение Чичагов не упустил случая сообщить, что из Петербурга в Бухарест уже доставлены богатые дары царя верховному вождю, которые он и пересылает с депутатами по назначению¹¹⁰.

В данной связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этом письме Чичагов ни одним словом не обмолвился о таком важном событии, как заключение мирного договора с Турцией, который, по существу, лишил сербов многих преимуществ, завоеванных ими в течение восьмилетней кровопролитной войны за независимость от османского ига. Поскольку имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают прямого ответа на этот давно волнующий историков вопрос, то по этому поводу можно строить только предположения и догадки. С нашей точки зрения, это сознательное умолчание Чичагова было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, настоятельным требованием турецких уполномоченных не разглашать условия статей договора до их ратификации султаном и царем. Во-вторых, нежеланием нового главнокомандую-

щего заранее отпугнуть сербов от участия в Адриатической экспедиции, в которой им отводилась важная роль. В-третьих, Чичагов был не согласен с условиями заключенного Кутузовым мира и надеялся коренным образом изменить его условия в ходе дальнейших переговоров с Портой о заключении союзного договора и в процессе реализации плана Адриатической экспедиции, успешный исход которой, по замыслу Чичагова, должен был привести к созданию на Балканах ряда независимых государств и, в первую очередь, сербского.

Бухарестский мирный договор 1812 г. и приложенные к нему секретные статьи были ратифицированы Александром I 11 (23) июня 1812 г., за день до вторжения наполеоновских полчищ в Россию. Султан же пока воздерживался от ратификации договора, настаивая на изменении статей о Сербии и Азии и требуя исключения из него всех секретных статей. Задержка с ратификацией осложняла деятельность прибывшего в Константинополь А. Я. Италинского, поскольку Порта до размена ратификационными грамотами отказалась признавать его в качестве официального посланника России. В связи с этим Италинский был вынужден прибегнуть к посредничеству английского посланника Р. Листона, который сменил на этом посту С. Каннинга в июне 1812 г. В беседе, состоявшейся 29 июня 1812 г. Р. Листон спросил реис-эфенди, почему султан настаивает на изменении ст. VIII Бухарестского договора. В ответ на это реис-эфенди заявил, что Османская империя включает в себя большое число христианских народов, которые исповедуют ту же религию, что и русские. Поэтому требование России включить в Бухарестский договор ст. VIII, по словам донесения Италинского, «направлено к независимости сербов и к постепенному образованию множества мелких республик в европейских владениях Оттоманской империи». Конкретизируя свою мысль, реис-эфенди пояснил, что другие христианские народы непременно воспользуются этим опасным примером сербов и также, как и они, будут требовать тех же преимуществ, а впоследствии постараются придать своим требованиям еще большую силу. «Словом, – заключает свое донесение Италинский, – Порта предвидит угрожающие ей затруднения и, как всякое правительство, старается предупредить их и избежать»¹¹¹. Адмирал Чичагов, в свою очередь, настаивал, чтобы Италинский требовал от Порты решительного ответа, согласна ли она заключить с Россией оборонитель-

ный и наступательный союз, а в случае ее отказа предупредить, что мирный договор будет расторгнут, а военные действия будут возобновлены¹¹². Угрозы главнокомандующего возымели свое действие, и султан, наконец, согласился ратифицировать Бухарестский договор, но без секретных статей. Размен ратификационными грамотами был произведен в Бухаресте 2 (14) июля 1812 г., а Александр I получил его в Смоленске 18 (30) июля 1812 г.¹¹³.

На следующий же день после размена ратификациями, т.е. 3 (15) июля 1812 г., П. В. Чичагов отправил Ф. И. Недобе в Белград копию текста ст. VIII Бухарестского договора с инструкцией, в которой предписывал разъяснить сербам причины, побудившие Россию согласиться на такие условия, и убедить Карагеоргия в необходимости вступить в переговоры с Портой о заключении сербо-турецкой конвенции¹¹⁴. Верховный вождь, в свою очередь, известил Чичагова о получении предложения Порты начать переговоры о заключении аналогичного соглашения. Однако Карагеоргий нашел его неприемлемым, поскольку, с его точки зрения, сдача туркам крепостей и орудий не только обезоружит сербский народ, но и обесчестит его. Разъясняя причину своего отказа, Карагеоргий писал Чичагову, что поскольку сербских представителей не было на переговорах при заключении Бухарестского договора и ни одна из договаривающихся сторон не передала сербам аутентичного текста ст. VIII русско-турецкого договора, то они до сих пор еще не знают всех условий этой статьи и поэтому не могут приступить к переговорам с турецким полномочным¹¹⁵.

Занятая сербами позиция весьма осложнила и без того непростое положение Италинского в Константинополе. До середины июля 1812 г. реис-эфенди сначала уверял Италинского в том, что Порта не имеет известий о размене ратификациями, затем ссылался на отсутствие самого договора, что не позволяет объявить народу о заключении мира, а, следовательно, признать полномочия российского посланника. Наконец, реис-эфенди признался, что Порта до сих пор не знает истинных намерений петербургского двора в отношении статей о Сербии и Азии и поэтому не может в дальнейшем определять свою политику в этих регионах. «Я начинаю думать, – писал Италинский Чичагову 14 (26) июля, – что поведение Порты, т.е. отсрочивание обнаружения мирного договора и признание меня ми-

нистром е.в-ва русского императора, зависит от того, что она не уверена, что этот мир будет поддержан с нашей стороны».

Анализируя первые донесения Италинского из Константинополя, русский историк XIX в. А. Н. Попов не без основания считал, что турецкое правительство не могло не знать, что происходило в это время в Сербии и Валахии. У Порты было достаточно оснований не доверять русскому правительству не по одним только «внушениям» французских и австрийских агентов. Чичагов в это время уже устанавливал связи с подвластными Порте балканскими народами и пашами, приступил к формированию ополчения из ее подданных и увеличил численность российских войск в Сербии. Короче говоря, он приступил к реализации плана Адриатической экспедиции. Все эти действия, предполагал А. Н. Попов, не могли внушить Порте доверия в том, что Россия действительно желает поддержать только что заключенный мир¹¹⁶. Однако эти сюжеты выходят за пределы рассматриваемой темы и нуждаются в отдельном и более обстоятельном рассмотрении.

В заключение подведем итог рассмотренным нами фактам. Недостаточная источниковая база и изначальная неудовлетворенность заинтересованных сторон результатами компромиссного русско-турецкого мира 1812 г. способствовали тому, что в российской и сербской историографии XIX–XX вв. наметились разные подходы к оценке как всего Бухарестского договора 1812 г., так и ст. VIII, определявшей дальнейшую судьбу сербского народа. Историки России, исследовавшие проблемы русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и Отечественной войны 1812 г., как правило, сосредотачивали основное внимание на выяснении причин возникновения этих войн и на анализе военных операций. Дипломатическая сторона решения сербского вопроса на мирных переговорах ими освещалась фрагментарно, а в их оценках ст. VIII чаще всего подчеркивалось ее позитивное значение для истории сербского народа. В сербской же историографии ход обсуждения сербского вопроса на переговорах освещался еще слабее, чем в российской и советской историографии. Выводы и оценки по этому вопросу сербскими историками, как правило, делались по окончательным результатам переговоров, т.е. на основе анализа ст. VIII Бухарестского договора. При таком подходе к решению проблемы комплекс причин, побудивших правительство России согласиться на вынужденное признание неблагоприятной

для сербов ст. VIII, оставался не до конца понятным и не всегда верно истолкованным. Поэтому, нам кажется, что детальное восстановление фактической истории обсуждения сербского вопроса на всех 19 конференциях мирного конгресса, проходивших в Джурджу и Бухаресте, поможет лучше понять логику поступков правительства России и причины, которые не позволили М. И. Кутузову принять иное, более благоприятное для сербов, решение.

Факты подлинных и достоверных источников свидетельствуют, что еще в начале 1810 г. Турция и Россия были заинтересованы в прекращении начавшейся в конце 1806 г. войны и заключении мира. Однако предложенные петербургским двором условия не устраивали Порту. Наибольшее сопротивление вызывали статьи о границах в Европе и Азии, а также статьи о статусе Валахии и Сербии. Эти четыре спорные статьи составляли базовую основу всех промежуточных проектов мирного договора. С начала 1810 г. в инструкциях главнокомандующим Дунайской армией Александр I предписывал добиваться для сербов по возможности полной независимости и сохранения за ними всех отобранных у турок городов. Но в то же время в Петербурге понимали, что достижение этих требований будет сопряжено с очень большими трудностями. В связи с этим Александр I допускал возможность альтернативного решения сербского вопроса. Он считал, что если эти трудности окажутся совершенно непреодолимыми и станут препятствием для заключения мира, то в крайнем случае Н. М. Каменский и М. И. Кутузов могут согласиться на те условия, которых сербы добивались от Порты до начала русско-турецкой войны. В частности, согласно инструкции от 7 (19) февраля 1810 г. Каменский должен был требовать от Порты, чтобы она предоставила сербам право «учредить внутреннее у себя правление по собственному народу желанию и независимо ни от какой власти позволить ... им оставаться во владении всех земель и крепостей, которыми владели они до начатия войны», т.е. до 1806 г. Сербия же должна была платить Порте ежегодную дань, которая устанавливалась однажды и навсегда без всяких изъятий. Эта исходная установка царя сохранялась до сентября 1811 г.

В конце сентября 1811 г. Александр I согласился уступить Порте Валахию, что потребовало внесения коррективы и в статью о Сербии. В этой связи Кутузов писал царю, что после вывода российских войск из Валахии сербы неизбежно будут просить помощи у Авст-

рии, которая заинтересована в присоединении Белграда. Турки, естественно, понимают это и ни при каких условиях не согласятся оставить в руках сербов Белград. В связи с этим Кутузов допускал возможность уступить его туркам. В конце октября 1811 г. царь согласился с доводами Кутузова, но потребовал, чтобы кроме Белграда турки не занимали других городов в Сербии.

Между тем и султан, и Порты, и верховный визирь до начала официальных переговоров, которые начались в Джурджу 19 (31) октября 1811 г., категорически отрицали возможность включения в проект договора какой бы то ни было статьи о сербах. Предвидя «невозможность одержать все требуемые для сербов выгоды», Кутузов, чтобы не создавать непреодолимых препятствий для мирных переговоров, на первых одиннадцати конференциях, проходивших с 19 октября по 17 ноября 1811 г., вообще не ставил на обсуждение предлагаемую российской стороной редакцию статьи о сербах. Вопрос о сербах был поставлен лишь на 13-й конференции 21 ноября 1811 г. турецкими уполномоченными, которые официально заявили, что султан возражает против включения в договор особой статьи о сербах, но согласен предоставить им права, которыми пользуются все подданные его империи. Это и другие условия, объявленные турецкими уполномоченными на 13-й конференции, были отвергнуты российскими уполномоченными, и Кутузов, возобновив военные действия, принудил капитулировать окруженную под Рущукком армию верховного визиря. Несмотря на столь сокрушительное поражение, турецкие уполномоченные на 14-й конференции, которая состоялась теперь уже в Бухаресте 31 декабря 1811 г., подтвердили свой отказ включить в договор статью о сербах, после чего военные действия были возобновлены, а окруженная армия турок полностью была объявлена военнопленной. Но и эта катастрофа не сломила упрямства турок. Более того, настойчивость Порты все больше и больше возрастала по мере приближения русско-французской войны. В середине марта 1812 г. в Париже был подписан франко-австрийский договор, согласно которому Австрия обязывалась выставить 30-тысячный корпус для войны с Россией.

Усилия Кутузова активизировать военные действия на правом берегу Дуная не давали желаемых результатов, так как там практически не было турецких войск и, следовательно, военные операции перестали быть решающим фактором, влиявшим на исход перегово-

ров. Политика дипломатического давления на Порту при посредстве английских и шведских представителей в Константинополе также не дала ожидаемых результатов. Понимая серьезность нависшей над Россией угрозы, султан Махмуд II в марте 1812 г. в очередной раз запретил своим уполномоченным на переговорах соглашаться на включение в договор статьи о Сербии. Между тем, Александр I под влиянием вышеназванных обстоятельств был вынужден сочетать политику силового давления и угроз с политикой «лестных обещаний», предложив султану «тайную дружбу» и союз против Франции и Австрии. Но и эта дипломатическая уловка оказалась напрасной. Накануне войны с Францией у петербургского двора не оставалось иного средства, как, скрепя сердце, согласиться на более значительные уступки потерпевшей сокрушительное поражение на поле брани Турции. В этой связи Александр I 22 марта 1812 г. писал Кутузову: «Всякая потеря времени в настоящих обстоятельствах есть совершенное зло». В этом же письме царь давал Кутузову «тайное согласие» на установление границы с Турцией по реке Прут и соглашался на то, чтобы Порта предложила свою редакцию статьи о сербах при одном обязательном условии: в ней должно быть предусмотрено право сербов «на совершенно свободное внутреннее управление».

В частной беседе с первым турецким уполномоченным Кутузов 3 апреля 1812 г. дал понять Галиб-эфенди, что если Порта согласится включить статью о сербах в договор, в которой гарантирует им спокойное существование и невмешательство в дела их внутреннего управления, то российский император не будет оспаривать у султана его право на суверенитет в отношении Сербии и получение с нее подати. После этого турецкие уполномоченные начали обнаруживать признаки возможного согласия на включение в договор статьи о сербах, но при условии, что в ней им будут гарантированы только помилование и амнистия.

Александр I в это время казалось, что престарелый дипломат екатерининской эпохи недостаточно энергично ведет переговоры в нужном России направлении. Поэтому в начале апреля 1812 г. царь принял решение об отстранении М. И. Кутузова с поста главнокомандующего Дунайской армией. При назначении на эту должность адмирала П. В. Чичагова Александр I передавал ему право на заключение мира и союза с Турцией. В случае согласия Порты на заключение союза с Россией, Чичагов должен был требовать, как сказано в

инструкции, «чтобы турки не токмо не прекословили вспоможениям, каковые мы от сербов и прочих христианского исповедания народов, под державою их живущих, получать можем, но изъявили бы истинное и охотное расположение содействовать всеми находящимися в руках их средствами противу общих врагов», т.е. французов и австрийцев. Но еще до прибытия Чичагова в Бухарест Кутузов в середине апреля предписал российским уполномоченным, чтобы они на 15-й конференции требовали от турок предоставления сербам «возможности самим устанавливать систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление». Но при этом, как сказано в инструкции, права султана в отношении Сербии не должны быть «ущемлены или умалены». Турецкие уполномоченные 19 апреля 1812 г. отвергли этот компромиссный вариант статьи о сербах, а Кутузов на 16-й конференции дезавуировал предложенные российскими уполномоченными на 15-й конференции уступки. Под угрозой все ближе надвигавшейся войны с Францией Кутузов, по его словам, был вынужден пойти «на самую крайность» и сделать уступки туркам по основным статьям договора, не исключая и статью о сербах. Он согласился признать редакцию статьи о Сербии, которую предложили турецкие уполномоченные, но настоял на том, чтобы к ней было добавлено требование российской стороны о предоставлении сербам права внутреннего управления, которым пользовалось население Ионической республики. После этого спорные вопросы по другим статьям договора были разрешены, и 5 (17) мая 1812 г. был составлен и подписан проект шести основных статей русско-турецкого договора о мире. В ст. IV прелиминарного договора Порты соглашалась объявить сербам всеобщую амнистию, гарантировала их безопасность и впервые соглашалась предоставить Сербии право, которым пользовалось население Ионической республики, и самоуправление в их внутренних делах. Согласно этой же статье сербы должны были платить Порте общую для всей Османской империи дань, срыть возведенные во время восстания крепости, возвратить туркам Белград и другие города, в которых до восстания находились турецкие гарнизоны. В статье оговаривалось также, что верховный вождь сербских повстанцев договорится особо с представителями Порты по остальным вопросам взаимоотношений сербов с турками, руководствуясь постановлениями данной статьи. После несущественных редакционных

исправлений и добавлений статья о сербах прелиминарного договора была включена как ст. VIII в текст основного русско-турецкого договора, который и был подписан уполномоченными обеих сторон на последней, 19-й конференции в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г.

Кутузов утвердил договор в тот же день, т.е. 16 (28) мая 1812 г., Александр I ратифицировал его 11 (23) июня, султан Махмуд II – в конце июня, обмен ратификационными грамотами состоялся в Бухаресте 2 (14) июля 1812 г. Копия ст. VIII Бухарестского договора была отправлена П. В. Чичаговым в Белград 3 (15) июля 1812 г., т.е. на следующий же день после обмена ратификационными грамотами. Ознакомившись с условиями ст. VIII, Карагеоргий под разными предлогами уклонился от их выполнения, что через год послужило одной из причин жестокого подавления турками Первого сербского восстания и привело к утрате тех преимуществ, которые были зафиксированы ст. VIII Бухарестского договора. Но поскольку право сербов на самоуправление в их внутренних делах впервые было зафиксировано в международном договоре, то ст. VIII ратифицированного обеими сторонами договора послужила той законной основой, которая позволила сербам легально требовать восстановления утраченного при подавлении в 1813 г. восстания права и при поддержке России продолжать борьбу за расширение политических свобод народа в условиях Османской империи.

Примечания

¹ *Попов А. Н.* Славянская заря в 1812 г. // Русская старина. Т. 76 (декабрь). СПб., 1892. С. 631.

² *Уляницкий В. А.* Материалы к истории восточного вопроса 1808 – 1813 гг., извлеченные из архива императорского Константинопольского посольства // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4 (199). М., 1901. С. 1–196; *Горяинов С. М.* 1812 г. Документы Государственного и Санкт-Петербургского главного архива. СПб., 1912.

³ Фельдмаршал Кутузов. М., 1947; Кутузов в Дунайских княжествах. Сборник документов. Кишинев, 1948; М. И. Кутузов. Сборник документов под ред. Л. П. Бескровного. Т. III. М., 1952. (далее – Кутузов ... III).

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел. Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. Серия I. 1804 – 1815. М., 1960–1972 (далее – ВПР). Т. VI. М., 1962; Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. М., 1983. (далее – Первое сербское ... II).

⁵ *Ранке Л.* История Сербии по сербским источникам. Перевод с немецкого П. Бартевева. Издание 2-е. М., 1876. С. 232.

- ⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра I с 1806 до 1812 гг. Часть вторая. СПб., 1843. С. 261–264; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859. С. 77.
- ⁷ Дубровин Н. Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. Т. 46. Кн. 7–8. М., 1863. С. 89–167, 525–676; он же. Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. Т. 36. СПб., 1864. С. 203–256.
- ⁸ Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. III. СПб., 1887. (далее – Петров А. Н. Война России ... III). С. 450–451.
- ⁹ Попов А. Н. Отечественная война 1812 г. Т. I. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 г. М., 1905.
- ¹⁰ Он же. Славянская заря 1812 г. // Русская старина. Т. 76. СПб., 1892. С. 617–642; Т. 77. СПб., 1893. С. 87–120.
- ¹¹ Петров А. Н. Война России ... III.
- ¹² Об этом см.: Грачев В. П. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. в собраниях В. Богишича // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С. 271–291.
- ¹³ Арсенијевић – Баталака Л. Историја српског устанка. Део други. Београд, 1899. С. 889–913.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Новаковић Ст. Васкрс државe српске. Београд, 1954. С. 173, 179–180.
- ¹⁶ Гавриловић М. Спољна политика Србије у XIX веку // Из нове српске историје. Београд, 1926. С. 24. Указанная статья впервые была опубликована в 1901 г.
- ¹⁷ Гавриловић М. Почети дипломатских односа Велике Британије и Србије // Из нове српске историје. Београд, 1926. С. 100–103.
- ¹⁸ Борђевић М. Р. Питање самоуправе Србије 1791–1830 гг. Београд, 1972. С. 82.
- ¹⁹ Јанковић Д. Srpska država prvog ustanka. Beograd, 1984. S. 179.
- ²⁰ История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 321.
- ²¹ Историја Београда. Књ. 2. Београд, 1974. С. 56, 64.
- ²² ВПР. Т. V. С. 361–367. Н. П. Румянцев – Н. М. Каменскому, 7 (19) февраля 1810 г.; Проект мирного трактата с Портой (Приложение).
- ²³ Петров А. Н. Война России ... III. С. 112, 125–161.
- ²⁴ ВПР. Т. VI. С. 19–20. Н. М. Каменский – верховному визирю Юсуф-паше, 16 (28) января 1811 г.
- ²⁵ Там же. С. 685. Примечание 33. Н. М. Каменский – Н. П. Румянцеву, 21 января (2 февраля) 1811 г.
- ²⁶ Петров А. Н. Война России ... III. С. 322.
- ²⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия МИД. Д. 1958. Л. 7, 8. Александр I – Кутузову, 12 (24) апреля 1811 г.
- ²⁸ Там же. Л. 2–3. Румянцев – Кутузову, 12 (24) апреля 1811 г.
- ²⁹ Кутузов ... III. С. 343–344. Кутузов – Румянцеву 26 апреля (8 мая) 1811 г.
- ³⁰ Петров А. Н. Война России ... III. С. 325–329.
- ³¹ Там же. С. 331.
- ³² ВПР. Т. VI. С. 140–141. Румянцев – Кутузову, 18 (30) июля 1811 г.
- ³³ Петров А. Н. Война России ... III. С. 331–332.

- ³⁴ Кутузов ... III. С. 612–616. Кутузов – Румянцеву, 20 сентября (2 октября) 1811 г.; там же. Протокол переговоров Кутузова с Мустафа-агой от 19 сентября (1 октября) 1811 г.
- ³⁵ ВПР. Т. VI. С. 181–182. Румянцев – Кутузову, 30 сентября (12 октября) 1811 г.
- ³⁶ Кутузов ... III. С. XX.
- ³⁷ Там же. С. 650. Кутузов – Румянцеву, 9 (21) октября 1811 г.
- ³⁸ ВПР. Т. VI. С. 715. Примечание 232. Кутузов – верховному визирю Ахмед-паше, 10 (22) октября 1811 г.
- ³⁹ Кутузов ... III. С. 652. Кутузов – Зассу, 13 (25) октября 1811 г.
- ⁴⁰ Об этом см.: *Грачев В. П.* Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX в. и Россия. М., 1992. С. 31–70.
- ⁴¹ ВПР. Т. VI. С. 208–212. Кутузов – Румянцеву, 15 (27) октября 1811 г.
- ⁴² *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 347.
- ⁴³ ВПР. Т. VI. С. 208–212. Кутузов – Румянцеву, 15 (27) октября 1811 г.
- ⁴⁴ Кутузов ... III. С. 672–673. М. И. Кутузов – М. Б. Барклаю-де-Толли, 18 (30) октября 1811 г.
- ⁴⁵ ВПР. Т. VI. С. 215–216. Румянцев – Кутузову, 26 октября (7 ноября) 1811 г.
- ⁴⁶ Кутузов ... III. С. 762. Примечание 2.
- ⁴⁷ Там же. С. 684–685. Кутузов – Румянцеву, 29 октября (10 ноября) 1811 г.
- ⁴⁸ Там же. С. 700–701. Кутузов – верховному визирю Ахмед-паше, 3 (15) ноября 1811 г.
- ⁴⁹ ВПР. Т. VI. С. 237–239. Кутузов – Румянцеву, 10 (22) ноября 1811 г.
- ⁵⁰ О программе этих 11 конференций см.: *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 346–351.
- ⁵¹ Подробнее об этом см.: *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 854–856.
- ⁵² ВПР. Т. VI. С. 244–246. Кутузов – Румянцеву, 28 ноября (10 декабря) 1811 г.; *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 г. Т. I. М., 1905. С. 335–348.
- ⁵³ ВПР. Т. VI. С. 244–246, 720–721. Протокольная запись беседы Италинского и Галиб-эфенди от 18 ноября (1 декабря) 1811 г.
- ⁵⁴ ВПР. Т. VI. С. 242–243. Румянцев – Кутузову, 22 ноября (4 декабря) 1811 г.
- ⁵⁵ Кутузов ... III. С. 719. Кутузов – П. И. Багратиону, 29 ноября (11 декабря) 1811 г.
- ⁵⁶ *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 357.
- ⁵⁷ Кутузов ... III. С. 709. Кутузов – Барклаю-де-Толли, 26 ноября (8 декабря) 1811 г.
- ⁵⁸ Там же. С. 730–731. Александр I – Кутузову, 12 (24) декабря 1811 г.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Д. 1982. Л. 34–44. Протокол 14-й конференции; Кутузов ... III. С. 764–780. Кутузов – Румянцеву, 3 (15) января 1812 г. Подробнее об этом см.: *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 362; *Попов А. Н.* Отечественная война 1812 г. Т. I. С. 352, 354–355.
- ⁶⁰ Кутузов ... III. С. 762. Кутузов – Зассу, 31 декабря 1811 г. (12 января 1812 г.); Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 14209. Оп. 3/1636. Св. 17. Д. 14. Ч. 2. Л. 1. Циркулярное письмо Кутузова по армии от 2 (14) января 1812 г. о прекращении с 31 декабря 1811 г. перемирия с турками и о начале подготовки к наступательным операциям.
- ⁶¹ ВПР. Т. VI. С. 257–258. Кутузов – Ахмед-паше, 1 (13) января 1812 г.
- ⁶² Первое сербское ... II. С. 244. Ф. И. Недоба – А. П. Зассу, 9 (21) января 1812 г.
- ⁶³ Кутузов ... III. С. 772–773. Кутузов – Румянцеву, 12 (24) января 1812 г.
- ⁶⁴ Первое сербское ... II. С. 245–246. Румянцев – Кутузову, 4 (16) февраля 1812 г.

- ⁶⁵ АВПРИ. Ф. ГА-I-8. 1812. Д. 2. П. 1. Л. 3–4. Румянцев – Д. А. Гурьеву, 6 (18) февраля 1812 г.
- ⁶⁶ АВПРИ. Ф. ГА-2-8. 1812. Д. 2. П. 2. Л. 1. Румянцев – графу Николаю Александровичу, 10 (22) февраля 1812 г.
- ⁶⁷ Первое сербское ... II. С. 246–247. Письмо сербских депутатов – Румянцеву, 5 (17) марта 1812 г.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1812. Д. 1982. Л. 368–371. Выдержка из письма сербских депутатов Карагеоргию от 20 марта (1 апреля) 1812 г.
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф. ГА-I-8. 1812. Д. 2. П. 4. Л. 20. Доклад Румянцева Александру I, 31 марта (12 апреля) 1812 г.
- ⁷⁰ Там же. Д. 2. П. 3. Л. 2. Румянцев – Гурьеву, 1 (13) апреля 1812 г.
- ⁷¹ Первое сербское ... II. С. 250. Румянцев – Кутузову, 2 (14) апреля 1812 г.
- ⁷² АВПРИ. Ф. ГА-I-8. 1812. Д. 2. П. 3. Л. 3. Румянцев – Гурьеву, 11 (23) апреля 1812 г.
- ⁷³ АВПРИ. Ф. ГА-I-8. 1812. Д. 2. П. 3. Л. 10. Расписка сербских депутатов и подпоручика Радича в получении денег от 15 (27) апреля 1812 г.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 47. Л. 25–26. Ф. И. Недоба – Е. И. Маркову, 23 марта (4 апреля) 1812 г.
- ⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Вандаль А.* Наполеон I и Александр I. Т. III. СПб., 1913. С. 341–345, 446–467, 500–517, 608–610; *Звавич И. С.* Меттерних и Отечественная война 1812 г. // Исторические записки. № 16. М., 1945.
- ⁷⁶ Кутузов ... III. С. 784. Кутузов – А. П. Зассу, 25 января (6 февраля) 1812 г.
- ⁷⁷ ВПР. Т. VI. С. 282–284. Румянцев – Кутузову, 4 (16) февраля 1812 г.
- ⁷⁸ Кутузов ... III. С. 805. Александр I – Кутузову 16 (28) февраля 1812 г.
- ⁷⁹ Там же. С. 834–835. Кутузов – Румянцеву, 6 (18) марта 1812 г.; *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 363, 371–374.
- ⁸⁰ ВПР. Т. VI. С. 306–307. Румянцев – Кутузову, 5 (17) марта 1812 г.
- ⁸¹ *Горяинов С. М.* 1812 год. СПб., 1912. С. 27–28; Кутузов ... III. С. 850–852. Александр I – Кутузову, 22 марта (3 апреля) 1812 г.
- ⁸² ВПР. Т. VI. С. 737–738. Примечание 362. Румянцев – Кутузову, 22 марта (3 апреля) 1812 г.
- ⁸³ Там же. С. 355–356. Румянцев – Кутузову, 2 (14) апреля 1812 г.
- ⁸⁴ Кутузов ... III. С. 877. Протокол неофициальной беседы Кутузова с Галиб-эфенди от 4 (16) апреля 1812 г.
- ⁸⁵ Фельдмаршал Кутузов. М., 1947. С. 138. Александр I – Кутузову, 5 (17) апреля 1812 г.
- ⁸⁶ Кутузов ... III. С. 866–867. Александр I – Кутузову, 9 (21) апреля 1812 г.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ ВПР. Т. VI. С. 363–365. Инструкция Александра I – П. В. Чичагову, 9 (21) апреля 1812 г.; там же. С. 745. Примечание 406; *Mouraviev V.* L'alliance russeturque au milieu des guerres napoleoniennes. Paris, 1954. P. 352–355.
- ⁸⁹ ВПР. Т. VI. С. 370–373. Румянцев – Сухтелену, 12 (24) апреля 1812 г.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Д. 1922. Л. 207–211. Фонтон – Кутузову, апрель (б/ч) 1812 г.; Кутузов ... III. С. 890–891. Кутузов – Румянцеву, 3 (15) мая 1812 г. Примечание I.
- ⁹¹ Кутузов ... III. С. 285–286. Кутузов – Александру I, 29 апреля (11 мая) 1812 г.
- ⁹² Там же. С. 871–877. Кутузов – Румянцеву, 19 апреля (1 мая) 1812 г.

СТАТЬИ

- ⁹³ Первое сербское ... II. С. 251–252. Инструкция М. И. Кутузова – русским уполномоченным на переговорах от 18 (30) апреля 1812 г.
- ⁹⁴ Кутузов ... III. С. 880–882. Кутузов – Александру I, 20 апреля (2 мая) 1812 г.
- ⁹⁵ Там же. С. 887. Кутузов – Румянцеву, 29 апреля (11 мая) 1812 г.
- ⁹⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 12. Л. 53–54. Хуршид Ахмед-паша – Карагеоргию, 23 апреля (5 мая) 1812 г. Перевод, современный подлиннику.
- ⁹⁷ Кутузов ... III. С. 893–895. Кутузов – Александру I, 4 (16) мая 1812 г.
- ⁹⁸ Там же. С. 891–892. Инструкция Кутузова российским уполномоченным от 3 (15) мая 1812 г.
- ⁹⁹ Там же. С. 892–893. Приложение к инструкции Кутузова российским уполномоченным от 3 (15) мая 1812 г.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 897–899. Предварительные условия Бухарестского мирного договора, подписанные 5 (17 мая) 1812 г.
- ¹⁰¹ Там же. С. 896–897. Кутузов – Александру I, 7 (19) мая 1812 г.
- ¹⁰² Там же. С. 866–867. Александр I – Кутузову, 9 (21) апреля 1812 г.
- ¹⁰³ *Горяинов С. М.* 1812 год. С. 43–44. Чичагов – Александру I, 7 (19) мая 1812 г.
- ¹⁰⁴ *Петров А. Н.* Война России ... III. С. 380.
- ¹⁰⁵ Кутузов ... III. С. 902. Ахмед-паша – Кутузову, 11 (23) мая 1812 г.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 900. Кутузов – вице-президенту валашского дивана С. Я. Репнинскому, 8 (20) мая 1812 г.; там же. С. 902–904. Приказ Кутузова по Дунайской армии от 12 (24) мая 1812 г.
- ¹⁰⁷ ВПР. Т. VI. С. 402–404. Румянцев – Чичагову, 13 (25) мая 1812 г.
- ¹⁰⁸ ВПР. Т. VI. С. 406–416; Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. С. 316–322. Русско-турецкий мирный договор 16 (28) мая 1812 г.
- ¹⁰⁹ Кутузов ... III. С. 904–905. Кутузов – Румянцеву, 16 (28) мая 1812 г.
- ¹¹⁰ Первое сербское ... II. С. 253–254. Чичагов – Карагеоргию, 16 (28) мая 1812 г.
- ¹¹¹ *Уляницкий В. А.* Материалы к истории восточного вопроса в 1808–1813 годы // Чтения ... Кн. 4 (199), М., 1901. С. 83. Италинский – Чичагову, 29 июня 1812 г.
- ¹¹² *Попов А. Н.* Славянская заря в 1812 г. // Русская старина. Т. 77. СПб., 1893. С. 87.
- ¹¹³ *Горяинов С. М.* 1812 год. С. 89–90. Александр I – Чичагову, 18 (30) июля 1812 г.
- ¹¹⁴ ВПР. Т. VI. С. 468–471. Чичагов – Недобе, 3 (15) июля 1812 г.
- ¹¹⁵ Первое сербское ... II. С. 262–263. Карагеоргий – Чичагову, 10 (22) июля 1812 г.
- ¹¹⁶ *Попов А. Н.* Славянская заря в 1812 г. С. 88. Италинский – Чарторыйскому, 14 (26) июля 1812 г.

И. С. Достян

МИЛОШ ОБРЕНОВИЧ – ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ СЕРБСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Милош Обренович (1780–1860) прожил 80 лет и занимал княжеский престол в Сербии почти 26 лет (1815–1839, 1858–1860 гг.). Именно он после разгрома Первого сербского восстания в 1813 г. сумел продолжить дело Карагеоргия. В период его правления были заложены основы сербского государства нового времени. Человек, наделенный выдающимися способностями, громадной волей и энергией, но при этом и тяжкими пороками, Милош Обренович в значительной мере определил особенности исторической судьбы сербов в XIX столетии.

Сын давних переселенцев из Герцеговины, он родился около 1780 г. в маленьком горном селе Добриняц, расположенном на юго-западной окраине Белградского пашалыка, недалеко от крепости Ужица. Детство Милоша было нелегким: его небогатое семейство рано потеряло отца и, оставшись без кормильца, бедствовало. Мальчику рано пришлось зарабатывать наемным трудом – он пас скот, перегонял его на продажу, а позднее стал служить у своего старшего сводного брата Милана, который в компании с неким турком занимался торговлей скотом. Постепенно за Милошем закрепилась и фамилия его брата – Обренович. В торговых делах Милош вскоре приобрел навыки и стал правой рукой брата. Ему часто приходилось перегонять скот на далекие расстояния, например, через Боснию и Герцеговину в крупные торговые центры на Адриатике – Задар, Дубровник и др. Это давало возможность повидать много мест, где жизнь была не похожа на патриархальный быт его родного села, общаться с людьми разных национальностей, профессий и состояний. Уже в юности Милош умел с выгодой вести торговые дела, знал счет деньгам, хотя грамоте так и не научился¹.

Между тем внутренняя обстановка в европейских провинциях Османской империи становилась все более тяжелой, янычарская воль-

ница бесчинствовала. В 1801 г. четыре янычарских главаря (дахии) захватили власть в Белградском пашалыке, поделили его между собой и установили невыносимый для жителей режим террора и насилий. Все это создало большие препятствия для торговой деятельности Обреновичей.

К этому времени разбогатевший и влиятельный Милан стал одним из организаторов и руководителей восстания против дахийцев, начавшегося в феврале 1804 г. Вскоре после освобождения от власти турок Рудничной, Пожегской и Ужицкой нахий он стал их правителем – «господарем», а его ближайший помощник Милош получил от Карагеоргия звание воеводы.

Двадцатипятилетний Милош Обренович в это время был человеком с уже сложившимся характером, с немалым жизненным опытом. Темпераментный, быстрый и сообразительный, он умел ладить с людьми, а своих интересов и целей добивался упорно и всеми средствами. Рассказывая о времени Первого восстания, Вук Караджич писал, что в отличие от Милана Обреновича, который не любил лично участвовать в военных действиях, Милош сам воевал и руководил многими боями, притом ему всегда сопутствовала удача. В начале 1806 г. отряды Милана и Милоша освободили от турок окраинную часть населенной сербами Герцеговины, а летом, придя на помощь войскам Карагеоргия, участвовали в победоносном сражении у Мишара, которое значительно упрочило положение повстанческой Сербии.

В боях за Ужицу в 1807 г. Милош был тяжело ранен и близкие отчаялись, не надеясь на его исцеление, но, как писал Караджич, «и тут счастье его не оставило, а может быть и счастье народа сербского» – он выздоровел и через некоторое время продолжил деятельность как военачальник. Милош участвовал и в политических делах – так, его усилиями поддерживались контакты с черногорским митрополитом, со старейшинами сербов Боснии и Герцеговины².

В конце 1810 г. неожиданно скончался Милан Обренович, и к Милошу перешло управление всем юго-западным краем повстанческой Сербии. Но вскоре его положение как одного из влиятельных руководителей восстания резко изменилось.

В 1811–1812 гг. среди сербских старейшин обострилась борьба вокруг проблем государственного устройства страны. Карагеоргий претендовал на положение самовластного правителя, пытался умалить

власть Правительствующего совета и права воевод – представителей местного самоуправления. Группировка старейшин-оппозиционеров, поддерживаемая Россией, противодействовала стремлению Карагеоргия установить в стране авторитарную систему правления. Милан Обренович входил в эту группировку, а после его смерти такой же позиции стал придерживаться Милош, но вскоре был разоблачен и осужден на Совете старейшин. Карагеоргий отстранил его от управления большей частью юго-западного края³. Униженный и оскорбленный воевода затаил обиду, но все это, по-видимому, не уменьшило его популярности в народе как одного из отважных вождей революции.

В 1811–1812 гг. не только обострились социальные противоречия в повстанческой Сербии, что ослабило ее военные силы, но и очень неблагоприятной стала международная обстановка в Европе. В русско-турецкий мирный договор, заключенный в Бухаресте незадолго до начала Отечественной войны 1812 г., М. И. Кутузову не удалось включить статью, которая удовлетворяла бы вождей повстанцев. Обязательство Порты предоставить права внутренней самостоятельности сербам было сформулировано не вполне конкретно и недостаточно гарантированно. Особенно неблагоприятным было условие о вводе в городские крепости турецких гарнизонов. Но султанское правительство не склонно было выполнять даже таких условий, а, торопясь использовать отвлечение России войной с наполеоновской Францией, готовилось к расправе с непокорными подданными⁴.

Принять условия Бухарестского договора после 9 лет тяжелой, но в целом успешной борьбы за свободу Карагеоргию и сербским повстанцам психологически было не под силу. Они начали самостоятельно вести переговоры с Портой без участия российской дипломатии. Но турки не шли ни на какие уступки, требовали полного разоружения повстанцев и сдачи крепостей. Торопясь использовать благоприятную для себя международную ситуацию, султанское правительство в июле 1813 г. отдало приказ своим войскам напасть одновременно со всех сторон на сербов. Повстанцы готовились к отпору.

Карагеоргий поручил Милошу Обреновичу командование войском всей юго-западной части страны, и он остановил на время наступление турок на р. Дрине. Но силы были неравны, воля к сопротивлению у сербов ослабла, их полное поражение стало неотврати-

мым. Карагеоргий и большинство старейшин вместе с толпами простого люда бежали за Саву и Дунай в австрийские владения.

Милош Обренович, сражавшийся до последней возможности, не последовал их примеру. Он предпочел остаться на родине, где царил жесточайший террор, десятки тысяч сербов были убиты, ограблены или уведены в плен, а оставшиеся в живых скрывались в лесах и горах. Среди них был и Милош Обренович. «Мне, братья, некуда и незачем было бежать в Австрию, спасая свою жизнь в то время, когда турки при моей жизни могли делать рабами и продавать мою старую мать, жену и детей! Боже упаси! Я пошел в свою нахию, куда оставшийся народ, туда и я. Достаточно народа погибло со мной, и будет справедливым, если и я вместе с народом погибну», – такие проникновенные слова впоследствии приписал сербскому князю его биограф Вук Караджич⁵.

Конечно, не только патриотизм и самоотверженность побудили Милоша в очередной раз рискнуть своей жизнью, но и оказавшийся верным расчет. Террору должен был прийти конец. Порта не была заинтересована в полном опустошении Белградского пашалыка, имевшего важное стратегическое и торговое значение в системе ее балканских владений. А главное – поражение Наполеона под Лейпцигом в корне меняло международную обстановку. Одержав победу над Францией, Россия могла переключить свою активность на Восток, даже пойти на военный конфликт со своей давней противницей, разогласия с которой не ограничивались только сербским вопросом⁶.

Смелый и рискованный поступок Милоша Обреновича оказался судьбоносным как для него самого, так и для всего сербского народа. Турки вскоре объявили амнистию, призвали старейшин, оставшихся на родине, сдаваться, а бежавших в Австрию жителей возвращаться к своим разграбленным и сожженным очагам.

Турецкая система управления была восстановлена, а белградским визирем назначен Сулейман-паша Скопляк, на милость которого и сдался Милош. С пашой у него были старые счеты – им не раз приходилось встречаться на поле боя. Но теперь влиятельный повстанческий воевода был нужен паше «из политических соображений», он даже Милоша «усыновил» и назначил обер-кнезом Рудничкой нахии, а позднее также Пожегской и Крагуевацкой⁷.

Это не значило, что Милош вернул себе былую власть в этом крае. Он полностью подчинился турецким властям, стал как бы их заложником и мог поплатиться жизнью за любой проступок. Его главной обязанностью было собирать налоги и передавать их турецким властям. В условиях полного разорения жителей это было нелегкой задачей.

Некоторые послабления, введенные после расправы с повстанцами, вскоре сменились новой волной насилий и беззакония со стороны Сулеймана-паши, непомерным увеличением налогов и повинностей. Это привело к локальному, но достаточно массовому восстанию, начавшемуся в одной из нахий в сентябре 1814 г. Во главе его стал бывший воевода Хаджи-Продан Глигориевич. Это поставило Милоша перед альтернативой: поддержать восставших или стать на сторону турок и не дать восстанию распространиться. Он предпочел второе. Может быть такому решению содействовало то обстоятельство, что у восставших уже был предводитель, с которым предстояло бы соперничать.

Плохо подготовленное восстание было подавлено. Последовали новые расправы, попытки полностью разоружить население. Воевода Станое Главаш, заподозренный в причастности к восставшим, был казнен. Вслед за ним мог поплатиться жизнью и Обренович. Тогда он решил, как вспоминал позднее, «готовить заговор против турок»⁸.

Почва для этого была уже подготовлена, ибо режим белградского паши стал для жителей невыносимым. В начале 1815 г. князья, торговцы, священники Рудницкой, Валеvской и Белградской нахий дважды тайно встречались в укромных местах и договорились о новом вооруженном выступлении. В марте 1815 г. Милош Обренович под предлогом сбора денег для выкупа пленных сербов покинул Белград, где его задерживал Сулейман-паша, и стал объезжать села и монастыри. Беря на себя руководство готовившимся вооруженным выступлением, он предложил собраться 11 апреля на церковный праздник – Вербное воскресенье – в селе Таково и там на народном саборе провозгласить начало восстания, требуя от Порты смещения белградского визиря, но не отказываясь от признания суверенитета султана на условиях предоставления сербам автономных прав при уплате точно фиксированной ежегодной дани.

Разрозненные вооруженные выступления начались за несколько дней до назначенного срока, а 11 апреля 1815 г. в селе Таково в центральной части Белградского пашалыка собрался многолюдный сабор, на котором Милош объявил о начале восстания и взял на себя руководство им. Впоследствии он так описал свое обращение к народу: «Я буду вождем («старейшиной»), но требую от вас постоянства, послушания, согласия и братскую любовь... При этом знайте и то, братья, что будут и кровопролитие, пленение и прочие нежелательные события, но мы идем сражаться за свою свободу и погибнем, и все вытерпим, лишь бы освободиться от этого страшного тиранства»⁹.

Удачный план военных операций, основанный на опыте Первого сербского восстания, моральное превосходство, знание местности, а также прибытие из Австрии нескольких отрядов бывших сербских воевод – все это позволило повстанцам одержать несколько значительных побед над двинутым против них турецким войском. Летом 1815 г. почти весь Белградский пашалык был в руках сербов.

Руководство восстанием Милоша Обреновича, умело командовавшего и принимавшего личное участие в боях с превосходящими силами турок, облегчило успехи повстанцев. Характеризуя роль Милоша Обреновича во Втором сербском восстании сербский историк В. Стоянчевич писал: «Моральная сила, которая вдохновляла восставших, руководила их действиями и координировала их, была сконцентрирована в личности князя Милоша. Во втором восстании он, может быть, проявил себя более смелым, находчивым и героическим, чем при Карагеоргие. Его видели во всех битвах на самых опасных местах. Но свою храбрость и свое самопожертвование он сочетал с тонким и верным расчетом в области стратегии и тактики командования и военного искусства»¹⁰.

Однако окончательная победа не была достигнута, и это Милош понимал. К границам Белградского пашалыка стягивались крупные военные силы румелийского визиря Марашли Али-паши и боснийского Хуршида-паши. Вместе с тем обе стороны проявляли стремление пойти на мирное разрешение конфликта, на компромисс. Милош учитывал такую перспективу с самого начала восстания, делал заявления, что сербы восстали против злочинств Сулеймана-паши, а не против власти султана. Притом в Стамбуле не без основания опа-

сались, что Петербург в ближайшее время начнет вмешиваться в урегулирование сербо-турецкого конфликта.

Зная, что Порты стремится начать переговоры с повстанцами, Милош пошел на очень смелый и рискованный шаг: в сопровождении нескольких старейшин он отправился в лагерь Хуршида-паши. Как писал историк М. Гаврилович, « это был самый критический момент в его жизни». Но такой поступок вождя повстанцев помогал доказать туркам, что сербы хотят мира и борются только против тирании белградского паши. Все было поставлено на карту, ибо другого способа противостоять превосходящим силам турок не имелось¹¹. Но и тут удача сопутствовала сербскому вождю: хотя соглашение не было заключено, Хуршид-паша с ним не расправился, а отпустил, оставив у себя заложников. В августе 1815 г. Милош Обренович был призван на переговоры с Марашли Али-пашой и заключил с ним устное соглашение о прекращении военных действий. Представители сербов, отправившиеся в Стамбул, просили назначить визирем в Белград Марашли Али и издать фирман, предоставляющий сербам широкие автономные права. В это же время Россия начала требовать от Порты выполнения условий Бухарестского мира в отношении сербов. Но турки не шли на окончательное решение сербского вопроса, ограничившись объявлением амнистии повстанцам и назначением белградским визирем Марашли Али.

Этим Второе сербское восстание и завершилось. В конце 1815 г. и в начале следующего султанское правительство издало несколько фирманов, конкретизирующих положение и обязательства Белградского пашалыка: была несколько снижена величина харача, сербам предоставлялось право самим собирать налоги и передавать их турецким властям, поборы помещиков-спахиев ограничивались фиксированной в их бератах рентой, в нахиях восстанавливались местные органы самоуправления, а в Белграде создавалась Народная канцелярия – административный и судебный орган сербов.

Хотя Марашли Али и турецкие власти в Белградском пашалыке фактически считали Милоша верховным правителем сербов, это официально Портой не признавалось. Более того, среди воевод, участвовавших в восстании, у Обреновича было немало соперников, рассчитывавших поделить с ним власть или полностью ее присвоить.

Это соперничество давало о себе знать еще в ходе восстания и обострилось после его окончания. Группировку, претендующую на

расширение власти и самостоятельности обер-кнезов, возглавлял Петар Молер, человек в отличие от Милоша образованный, прибывший из Австрии для участия в восстании. Он занимал второй после Милоша пост в Народной канцелярии и имел ряд сторонников среди ее членов. Но Милош полагал, что он имеет полное право на единоличную власть благодаря популярности в народе и ввиду полного доверия к нему Марашли Али и турецких властей.

И тут начали обнаруживаться черты характера сербского князя, присущие менталитету восточного деспота. Действуя хитростью и обманом, он начал избавляться от своих главных соперников и делал это как бы чужими руками, без своего непосредственного участия. Главного своего противника Молера он обвинил на скупщине старейшин в присвоении народных денег. Тот был арестован и умерщвлен по распоряжению Марашли Али. Вскоре после этого погиб как бы от рук гайдуков вернувшийся из эмиграции архимандрит Милентий Никшич, который мог стать столь же властным, как Петар I Негош в Черногории. Разными способами было устранено несколько других влиятельных старейшин.

Но оставался наиболее опасный претендент на власть в Сербии – вождь Первого сербского восстания Карагеоргий, нашедший, как и ряд других сербских воевод, убежище на юге России, в Бессарабии. А там в это время начала действовать тайная организация греков «Филики Этерия», готовившая всеобщее восстание балканских народов против Османской империи. В ее планах большая роль отводилась сербам, мужественным и опытным борцам за свою свободу. Попытки этеристов вовлечь Милоша в свои замыслы не удались. Зато переговоры с Карагеоргием, которому обещалось военное руководство в будущем восстании, оказались успешными. Летом 1817 г. Карагеоргий тайно вернулся на родину, рассчитывая вступить в переговоры с Милошем о реализации смелых замыслов этеристов. Об этом тотчас стало известно и сербскому князю, и турецкому паше. По приказу Милоша Карагеоргий был убит во время сна. Голову «знаменитого сербского разбойника» при ликовании турок водрузили на ворота серая в Стамбуле.

Вероломная расправа Милоша с легендарным вождем сербской революции заслужила благодарность турок, продемонстрировав, как он и рассчитывал, покорность и верность сюзерену, но народом была воспринята как поступок позорный, принесший новому сербско-

му правительству недобрую славу. Милош это осознавал и впоследствии пытался доказать, что погубил своего соперника ради блага народа, ибо его попытка осуществить свои замыслы и поднять новое восстание совместно с греками принесла бы сербам лишь новые бедствия¹².

Освободившись от наиболее опасных соперников, Милош Обренович решил формально подкрепить свои права на единоличное правление в стране. В ноябре 1817 г. на народной скупщине он был провозглашен наследственным князем Сербии, а вслед за тем стал добиваться признания этого Портой.

Можно считать, что события 1817 г. определили дальнейшую стратегию и тактику борьбы сербского народа за свое национальное освобождение, которая теперь полностью зависела от ее правителя, сумевшего быстро расправиться со всеми конкурентами и укрепить свою единоличную власть. Он полностью отвергал какие-либо революционные акции и сговор с готовившимися к общевалканскому восстанию греками. Медленно, но упорно добиваясь расширения автономных прав княжества, устранения вмешательства турецких властей в его внутренние дела, он поддерживал дружеские контакты с белградским пашой, не скупясь на расходы, на дорогие подарки ему и турецким чиновникам.

Большую поддержку сербам оказывала российская дипломатия. Посланник в Константинополе Г. А. Строганов активно добивался выполнения Портой условий Бухарестского договора о правах княжества. Милош в это время полностью опирался на Россию как державу-покровительницу, но в ходе переговоров с Портой иногда пытался действовать самостоятельно, не согласовывая своих действия с русской стороной¹³.

Уже в первые годы правления Милоша Обреновича обнаружились противоречивые черты его личности. Он сочетал мудрость и дальновидность государственного деятеля, способного при необходимости проявить твердость или пойти на необходимый компромисс, с тяжкими пороками – мстительностью, лукавством и непомерным тщеславием, страстью к наживе. Он не захотел научиться грамоте, к чему его склонял Вук Караджич, и остался до конца дней совершенно невежественным.

Милош и его братья присвоили большие по местным условиям земельные владения, которые обрабатывались безвозмездным тру-

дом крестьян (кулуком). Не брезгуя любыми средствами, сербский князь сумел получить от белградского паши монополию на торговлю выгодными статьями* торговли, откуп на сбор таможенных пошлин и некоторых налогов. Из-за беззакония, увеличения налогов, кулука народ терпел не меньшие тяготы, чем при турецкой власти; купцы были недовольны ограничениями в торговле, а представители местного самоуправления – кнезы – ограничением своих прав и стремлением Милоша полностью централизовать административную систему.

Поэтому общественно-политическая жизнь Сербского княжества в 20-е гг. XIX в. проходила в острой борьбе. Усилилось гайдуцкое движение, вспыхивали локальные, но достаточно массовые восстания, которые подавлялись с немилосердной жестокостью. Необходимость преобразований, создания законов полностью назрели, но Милош ничего не предпринимал для их подготовки. В определенной мере причиной этого было отсутствие окончательного соглашения об автономном статусе Сербского княжества. Несмотря на активное дипломатическое содействие России, Порты упорно отказывалась от его признания. А затем греческая революция и русско-турецкая война отодвинули решение сербского вопроса почти на десятилетие.

В ходе этих событий Милош вел осторожную внешнюю политику. Он решительно пресекал всякие попытки побудить сербов к участию в борьбе греков за независимость, устранился от участия в военных действиях России против Турции (подчиняясь в этом отношении настояниям Петербурга).

После победы России, по условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г., Порты признала широкие автономные права Сербского княжества, выполнение которых должна была контролировать Россия как держава-покровительница. Тем самым автономный статус Сербии получал международное признание. Находясь под верховной властью Османской империи и уплачивая ей ежегодную точно фиксированную дань, сербы получали право на самостоятельное управление, свободу вероисповедания, торговые привилегии. А князь Милош – берет на наследственное правление династии Обреновичей, чего он упорно добивался, начиная с 1817 г.

* Так в тексте (прим. ред.).

Но не все требования сербской стороны были удовлетворены. Подтверждалось право Порты сохранять свои военные гарнизоны в шести городских крепостях страны, в том числе в Белграде. Турецкие власти не торопились передавать в состав княжества отторгнутые в 1815 г. нахии. Тогда Милош ввел в некоторых из них свое управление, а в 1833 г. при его подстрекательстве началось восстание населения в юго-восточной части Сербии, что вынудило Порту признать включение спорных территорий в состав княжества, а также точно фиксировать сумму ежегодно уплачиваемой сербами дани.

При всех этих внешнеполитических успехах, которые, казалось бы, должны были укрепить власть Милоша, внутреннее положение в княжестве оставалось неблагоприятным. Недовольство населения нарастало, им были охвачены и крестьяне, и торговцы, и кнезы, превратившиеся в чиновников, во всем подчинявшихся Милошу. Яркая картина плачевных результатов его правления была нарисована Вуком Караджичем, который 1829–1831 гг. провел в Сербии в качестве чиновника и имел возможность своими глазами наблюдать порядки, там господствовавшие. Оставив выгодную должность и бежав в Австрию, он написал Милошу длинное письмо – настоящий общественно-политический трактат, в котором описал все пороки его правления и наметил меры для их устранения. В «Объяснительных примечаниях», приложенных к русскому переводу письма, посланному российскому министру иностранных дел, отрицательные черты князя и его политики описаны особенно конкретно и беспощадно осуждены. Милош «может лишить жизни всякого человека без всякой вины, явно или тайно, может также приказать Великому суду осудить всякого невинного человека на смерть», – пишет Караджич и перечисляет погубленных князем уважаемых сербских деятелей. «Имением своих подчиненных Милош также располагает, как и жизнью», не щадя честного имени человека, может подвергнуть его «самым непристойным и низким насмешкам». Он не хочет, чтобы в стране был сенат, ибо отсутствие его даст возможность решать все дела на народной скупщине, полностью ему подчиненной. На всех бывших во время его правления скупщинах «никто не думал и не смел что-нибудь сказать, кроме того, чего хотел Милош». Он правит единолично, самовластно, не делея власть в стране с кем-либо, не допуская малейшей критики своих действий и распоряжений. Вук обличал

страсть Милоша к торговле и личной наживе, использование бесплатного труда крестьян, покупку имений в Валахии¹⁴.

В обращении к Милошу намечались конкретные преобразования, которые нужно немедленно осуществить, чтобы избежать уже подготовляемого восстания против его власти. Прежде всего, считал Караджич, надо принять и утвердить на народной скупщине конституцию («правицу») и законы, создать правительство, отменить кулук. Вместо того, чтобы покупать себе имения, князь должен вкладывать деньги в развитие образования молодежи, здравоохранение, культуру¹⁵.

Не собираясь без борьбы идти на ограничение своей власти, Милош должен был принять некоторые меры, используя и рекомендации Вука. В 1834 г. он торжественно объявил на скупщине, что в результате ликвидации спахилуков крестьяне становятся свободными собственниками своей земли. Были созданы попечительства (министерства) правосудия, просвещения, внутренних, военных дел, финансов и иностранных дел. Но сфера их деятельности практически сводилась к исполнению распоряжений князя. Была увеличена вооруженная охрана князя («гвардия»), создан род постоянного войска¹⁶.

Эти нововведения, которые по замыслу должны были укрепить власть Милоша, не погасили недовольства, так как не могли улучшить социального и экономического положения основных слоев населения. В начале 1835 г. в нескольких округах княжества началось восстание, возглавленное влиятельным старейшиной Милетой Радойковичем, по имени которого восстание стали называть Милетиной бунной. Причастны к заговору были еще несколько старейшин, а также княгиня Любица и брат Милоша Ефрем. Во главе нескольких тысяч крестьян Радойкович вошел в Крагуевац (тогдашнюю столицу княжества) и потребовал созыва скупщины для принятия Основного закона, то есть конституции. Милош предпочел согласиться, не доводя дела до вооруженной борьбы.

Срочно созванная скупщина без обсуждения приняла наспех составленный Сретенский устав, содержащий много заимствований из европейских конституций. Гражданам Сербии гарантировались демократические права – равенство перед законом, неприкосновенность личности, имущества, земельной собственности. Большая роль предоставлялась Государственному совету и скупщине. При этом подчеркивалась политическая самостоятельность княжества. События

в Сербии, принятие конституции демократического толка, подчеркивавшей слабую зависимость княжества от Османской империи, – все это вызвало большое недовольство как в Стамбуле, так в Вене и Петербурге. Высказывалась готовность оказать помощь Милошу для восстановления порядка. Это ободрило князя, и Сретенский устав так и не был введен в жизнь¹⁷.

Но конституционная проблема не отпала, и вся вторая половина 30-х гг. прошла в ожесточенной борьбе Обреновичей и оппозиции – так наз. уставобранителей (защитников устава), добивавшихся ограничения власти князя, введения новых правопорядков. Эта борьба теперь проходила при активном вмешательстве не только Турции и России, но также Великобритании и отчасти Австрии. Примечательно, что при этом вмешательстве во внутренние дела княжества английская дипломатия защищала интересы Милоша Обреновича, отстаивавшего свое единовластие, а Петербург поддерживал старейшин, добивавшихся ограничения власти князя, отношения которого с правительством Николая I заметно усложнились. Если в 20-е гг. Милош полностью опирался на Россию, то теперь он искал сближения с Францией, а затем и с Великобританией¹⁸.

Усиление противоборства Милоша и оппозиции, вмешательство держав в урегулирование сербского кризиса – все это помогло Порте сыграть роль арбитра. В декабре 1838 г. Махмуд II отправил белградскому визирю и Милошу хатти-шериф, получивший название «Турецкий устав». Он несколько ограничивал автономные права княжества, но содержал и позитивные постановления: провозглашал равенство всех жителей перед законом, неприкосновенность личности и собственности, отменял кулук, устанавливал трехстепенный суд, провозглашал свободу торговли. Создавался Совет, членов которого назначал князь, но мог отстранить только по решению суда и с согласия Порты. Совет, наделенный законодательными и исполнительными правами, значительно ограничивал власть князя, фактически вводил олигархическую систему правления.

Милош вынужден был признать некоторые из этих нововведений, но не смирился с ограничением своей власти. Он инспирировал восстание своих сторонников, окончившееся поражением и, не достигнув соглашения с уставобранителями, в июне 1839 г. покинул Сербию, отрекшись от престола в пользу своего старшего, тяжело больного сына, вскоре умершего. Престол достался его второму, не-

совершеннолетнему сыну Михаилу, свергнутому уставобранителями два года спустя.

Так закончилось первое правление основателя династии Обреновичей, длившееся почти четверть столетия. За это время немало перемен произошло и в Европе, и в самой Сербии, которая из разоренного и обезлюдившего Белградского пашалыка превратилась в пользующееся широкой автономией, слабо зависимое от Османской империи европейское государство. К концу 50-х гг. феодальные общественно-экономические порядки в Сербии были в основном разрушены, хотя остатки их сохранялись, а патриархальные отношения не потеряли своей роли в народной жизни.

Личная заслуга в достижении всех этих прогрессивных сдвигов Милоша Обреновича несомненна, хотя добиться таких результатов удалось, конечно, и благодаря благоприятной международной обстановке, неуклонному ослаблению Османской империи, дипломатической и военной помощи России.

В течение долгого правления личные особенности, методы внутренней и внешней политики Милоша Обреновича не оставались неизменными. Как человек умный, ловко приспособляющийся к новым условиям жизни, в 30-е гг. он вынужден был считаться с переменами, происходящими в Европе и в самом княжестве, с ростом оппозиции своему режиму. От стиля правления турецкого паши приходилось отказываться.

Еще в 20-е гг. Милош осознавал необходимость разработки и принятия государственных законов. Он приступил к осуществлению этой нелегкой задачи, но «Гражданский законник» был принят уже после его свержения, в 1844 г. При содействии и поощрении князя происходили заметные сдвиги в области просвещения и культуры сербов. Было открыто немало школ, гимназии в Крагуевце, Белграде и других городах. Из Петербурга была привезена типография, что позволило печатать религиозную и учебную литературу. В 1834 г. начала издаваться официальная газета, а вскоре после этого открыт театр, просуществовавший, правда, недолго. Были сделаны первые шаги в здравоохранении: появилось несколько больниц и пограничных карантинных пунктов. Культурный прогресс способствовал национальной консолидации сербского народа¹⁹.

Успехи, достигнутые сербами в борьбе за создание своего независимого государства, привлекали все большее внимание и сочувст-

вие балканских славян, остававшихся под властью Османской империи, порождали их надежды на близкое освобождение с помощью правителя Сербского княжества. Милош Обренович и его окружение сами способствовали распространению таких чаяний, превращению Сербского княжества в «югославянский Пьемонт». «Христиане здесь ожидают князя Милоша как мессию, который освободит нас от тяжкого гнета», – сказала французскому путешественнику Ами Буе сербка в районе Косова. Другой европеец, побывавший в Сербии в 1834 г., встречавшийся с князем и другими сербскими деятелями, утверждал, что Сербское княжество стало «центром или даже опорой славянского движения». Созданию такого представления способствовали, по-видимому, высказывания Милоша и его политика в балканском регионе²⁰.

Возникшая во время Первого сербского восстания идея создания большого и сильного сербского государства в 30-е гг. получила дальнейшее распространение, и Милош Обренович своими практически политическими акциями ее поддерживал. Его целью, хотя и далекой, было объединение в составе княжества всех этнических сербов, живущих в Османской империи, а позднее, возможно, в Македонии и Болгарии. Осуществить эти грандиозные замыслы предполагалось, однако, не революционным путем, а постепенно, пользуясь ослаблением Порты, склоняя ее к уступкам. К тому же слухи о близком конце «больного человека», ходившие среди европейских политиков, позволяли рассчитывать на поддержку таких замыслов какой-либо из держав. Правда, на Россию, которая добилась предоставления Сербии статуса полунезависимого от Порты государства, Милош уже не надеялся. В 30-е гг. он стал рассчитывать на защиту своих интересов сначала Францией, а затем Великобританией, фактически уже добивался замены единоличного покровительства России Сербии гарантией ее автономных прав всеми великими державами.

Покинув Сербию в июне 1839 г., Милош Обренович вернулся на родину в январе 1859 г., проведя в эмиграции около 20 лет. В эти уже немолодые годы своей жизни он не потерял политической и предпринимательской активности, не только проявлял интерес к событиям в Сербии, но и пытался вмешиваться в них, неустанно добиваясь своего возвращения на княжеский трон.

В течение двух лет правления своего сына Михаила и в первые годы после установления власти уставобранителей Милош активно

вербовал своих сторонников, подстрекал их к восстаниям, а в дальнейшем, уже не прибегая к насильственным методам, продолжал вести открыто или тайно борьбу против своих политических противников. Но кроме этого он продолжал заниматься финансовыми операциями, торговал житом и солью, скупал землю. Так приумножались его богатства, что позволяло свободно расходовать средства для своих удовольствий, вербовать приверженцев, поддерживать свой престиж как бывшего сербского правителя.

Милош с почетом был принят в Валахии и провел там в своем поместье и в Бухаресте два года. В это время он упорно добивался возвращения к власти путем свержения своего сына, молодого и совершенно неопытного, оказавшегося в чрезвычайно сложной ситуации. В семействе Обреновичей начались склоки. Княгиня Любица стала теперь на сторону супруга и в 1840 и 1841 гг. пыталась даже организовать заговоры, чтобы добиться возвращения в Сербию Милоша, а его брат Ефрем активно поддерживал Михаила, рассчитывая подчинить юношу своему влиянию²¹.

Милош поддерживал связи с христианским населением прилежавших к Сербскому княжеству районов, где в начале 1840-х гг. усиливалось недовольство из-за аграрных преобразований и увеличения налогов. Вспыхнувшему в 1841 г. восстанию в западных нациях Болгарии содействовало отчасти подстрекательство агентов Обреновича, рассчитывавшего, что беспорядки в балканских владениях Порты ослабят ее вмешательство в сербские дела. Милош продолжал поддерживать отношения с бывшим английским консулом в Сербии Ходжесом, немало сделавшим для умаления там российского влияния.

В середине 1841 г. семейство Обреновичей переехало в Вену. Австрийское правительство дало позволение бывшему правителю Сербии постоянно проживать там как политическому эмигранту. Позднее сам Милош рассказывал, что в Вене он был хорошо принят, что всесильный князь Меттерних, российский посол и весь императорский двор относились к нему с уважением и дружелюбием. Все это позволяло князю хорошо проводить время²². Живя в австрийской столице, Милош получил возможность ближе познакомиться с общественно-политической обстановкой в Европе, реальнее представить сербские проблемы, чему способствовали его сближение с мудрым Вуком Караджичем и его советы.

Свержение князя Михаила в сентябре 1842 г. и приход к власти наследника Карагеоргия князя Александра означали потерю династией Обреновичей прав на сербский престол. Все их семейство теперь собралось в Австрии, прекратило прежние распри и сплотилось для дальнейшей борьбы с уставобранителями. Сложное положение нового режима в княжестве, экономические трудности, вызывавшие недовольство населения – все это порождало надежды на возможность политических конфликтов и перемен, которыми сторонники Обреновичей могли бы воспользоваться. Так наз. Катанское восстание 1844 г., а затем Мирчин заговор 1846 г. были подготовлены не без подстрекательства и финансовой поддержки Милоша и его сторонников. Но уставобранители сумели быстро расправиться с восставшими и недовольными. Все это сделало бесперспективным возвращение в ближайшее время к власти старого князя, но не погасило его упорства в достижении цели.

Так, в представлении Милоша начало революционных событий 1848 г., захвативших и австрийских югославян, могло изменить политическую ситуацию в княжестве в его пользу. Это, по-видимому, побудило его проявить активность и отправиться в Загреб. Но там его приняли недружелюбно и даже посадили под домашний арест, несмотря на то, что он оказал финансовую поддержку бану Елачичу и главе иллирийцев Людовиту Гаю. Причиной этого было распространение уставобранителями, поддерживавшими связи с хорватскими деятелями, слухов, что бывший сербский князь сблизился с венгерскими революционерами и даже вступил с ними в сговор о возвращении на престол. Старания Милоша опровергнуть эти подозрения были бесплодны, заслужить доверие у хорватских национальных деятелей ему не удалось. Зато в Любляне старый князь был встречен с почетом и даже восторженно.

Остается неясным, имел ли Милош в начале венгерской революции какие-либо контакты с ее предводителями. Таковые могли иметь одну цель – возвращение на сербский престол. Но характер общественного движения в Воеводине, в котором участвовало много деятелей, близких к Обреновичам, присущий ему легитимизм, учет позиции в происходивших событиях Австрии и России – все это исключало поддержку бывшим правителем Сербии идей и действий венгерских революционеров. Об этом свидетельствует и тот факт, что из Любляны Милош направился в Инсбрук, куда бежали из Вены

австрийский двор и правительство, а затем, в декабре 1848 г., поехал в далекую морозную Россию. От этой нелегкой поездки он получил большое удовольствие. «Царь принял меня очень хорошо, – рассказывал впоследствии князь. – На следующий день я нанес визит царице и другим членам царской семьи. Царица особенно милостиво меня встретила и приняла. После этого я нанес визиты всем министрам и вельможам и везде был принят прекрасно. И они меня посещали и при всех встречах обходились со мной любезно»²³. Милош получил возможность осмотреть дворцовый арсенал, российский флот в Кронштадте, школы и интернаты. Мощь и богатство Российской империи произвели на него сильное впечатление. Пробыв в Петербурге месяц, он вернулся в Валахию, посетив по пути Москву и Киев, где также знакомился с учебными и военными заведениями, а после начала Крымской войны некоторое время жил в Одессе и успешно занимался там торговыми и финансовыми операциями.

По мере роста в Сербском княжестве недовольства режимом уставобранителей и Александром Карагеоргиевичем политическая деятельность Обреновичей и их сторонников активизировалась. Милош не жалел денег на поддержку недовольных, давал советы как вести пропаганду за свержение непопулярного князя. Распря Александра Карагеоргиевича с Советом помогла привлечь на свою сторону председателя Совета Стефана Тенку, организованный которым не без участия Милоша заговор в конце 1857 г. стал кульминацией политического кризиса в Сербии.

На Святоандреивской скупщине, собравшейся в декабре 1858 г., Александр Карагеоргиевич был свергнут и Милош Обренович был призван занять княжеский трон. В январе 1859 г. он вернулся из эмиграции. Престарелый и уже больной князь, жизненный путь которого был столь необычен, не мог изменить своих былых методов правления, представлений и пристрастий. Все же оставаясь человеком умным, ловким и не потерявшим политическую активность, он пытался учитывать перемены, произошедшие за 20 лет его эмиграции в самой Сербии и во всей Европе. Главной задачей теперь было быстрое укрепление своей власти за счет умаления прав членов Совета и скупщины, а также замены некоторых министров. Надо было привлечь на свою сторону простой народ, положение которого при уставобранителях заметно ухудшилось, что и стало главной причиной вспышки недовольства старым режимом. Поэтому было издано рас-

поряжение о прощении долгов, о свободе торговли и предпринимательства. Милош собирался осуществить и ряд других преобразований, например, расширить сферу деятельности сельских общин по распределению налогов, в области финансов и просвещения, организации войска, но не успел осуществить эти замыслы за полтора года правления.

В области внешней политики князь выдвигал три задачи: признание Портой права наследования княжеского престола Обреновичами, ревизия Устава 1838 г., выселение всех мусульман из Сербского княжества. Первое из этих требований, на котором Милош настаивал особенно решительно и которое поддерживалось европейскими дипломатами, было фактически удовлетворено: Михаил Обренович был признан наследником, но при условии приезда в Стамбул и получения султанского берата на княжение. В начале 1860 г. в турецкую столицу была послана делегация, чтобы добиться важных изменений в Уставе 1838 г., но смерть князя оборвала эти переговоры.

Более четверти века Милош Обренович был правителем Сербии. Именно он возглавил и обеспечил успех народного восстания 1815 г., а затем, путем переговоров, компромиссов, подкупа, упорно добиваясь от Порты уступок, позволивших превратить Сербское княжество в почти независимое от Османской империи, признанное европейскими державами государство.

Нет сомнения, что деспотический режим восточного типа, установленный Милошем, не благоприятствовал общественно-экономическому прогрессу страны, замедлял его. Если бы во главе княжества оказался человек более цивилизованный, более демократичный, этот процесс был бы ускорен и облегчен. Но обстоятельства сложились так, что именно Милош Обренович оказался вторым по значимости (после Карагеоргия) сербом, определившим историческую судьбу своего народа в XIX в.

Примечания

¹ Стојанчевић В. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966. С. 18–22; Гавриловић М. Милош Обреновић. Књ. I. Београд, 1908.

² Караџић В. Грађа за српску историју нашега времена и животи најзнатнијих поглавица овога времена. Београд, 1898. С. 132.

³ Караџић В. Грађа... С. 133–134; Стојанчевић В. Милош Обреновић... С. 36–39.

⁴ Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 221–222.

- ⁵ *Караџић В. Грађа...* С. 135.
- ⁶ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX в. М., 1972. С. 100–103.
- ⁷ *Караџић В. Грађа...* С. 137.
- ⁸ *Милош Обреновић.* Прича о себе // Споменик Српск. Краљ. Акад. Књ. XXI. Београд, 1893. С. 5.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Стојанчевић В.* Милош Обреновић... С. 60.
- ¹¹ *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. I. С. 26.
- ¹² *Милош Обреновић.* Прича о себе. С. 6; *Попов Н.* Россия и Сербия. Ч. I. М., 1869. С. 146–148; *Стојанчевић В.* Милош Обреновић... С. 97–106.
- ¹³ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. С. 170–176; *Кудрявцева Е. П.* Россия и образование автономного сербского государства 1812–1833 гг. М., 1992. С. 51–63.
- ¹⁴ Писмо Вука Караџића кнезу Милошу. Вукова руска верзија. Београд, 1964. С. 47–53.
- ¹⁵ Там же. С. 29–34; *Историја српског народа.* Књ. 5. Т. I. Београд, 1981. С. 125–129.
- ¹⁶ *Попов Н.* Россия и Сербия. С. 303–350; *Достян И. С.* К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии. // Уч. зап. Института славяноведения. Т. XXX. М., 1966. С. 34–54; *Кудрявцева Е. П.* Россия и Сербия в 30–40 гг. XIX в. М., 2002. С. 56–60.
- ¹⁷ *Достян И. С.* К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е гг. XIX в. // Советское славяноведение. 1966. № 6.
- ¹⁸ *Стојанчевић В.* Милош Обреновић... С. 299–316; *Новаковић С.* Србија у години 1834. // Споменик Српск. Краљ. Акад. Књ. XXIV. Београд, 1894. С. 39; *Љушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1985. С. 391.
- ¹⁹ *Стојанчевић В.* Милош Обреновић... С. 419–425.
- ²⁰ *Милош Обреновић.* Прича о себе. С. 6.
- ²¹ Там же. С. 7.
- ²² Там же. С. 9.
- ²³ Там же.

*И. И. Лециловская
(Институт славяноведения РАН, Москва)*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХОРВАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ ИЛЛИРИЗМА

В 30–40-х гг. XIX в. в Хорватии и Славонии, на основной территории проживания хорватов, развернулось общественно-политическое и культурное движение, которое было направлено на национальную интеграцию хорватов, модернизацию социокультурных основ общества и достижение достойного и равноправного положения хорватов в кругу европейских народов. Освободительное движение по своей ведущей идее Великой Иллирии (национального единства южных славян) получило название иллиризма.

Важное место в деятельности участников движения, представлявших продвинутые социальные силы, занимала культура. Они заложили основы ее нового исторического типа – хорватской национальной культуры. Вдохновители иллиризма осовременили основополагающие философские, нравственные, социологические категории, создав тем самым соответствовавший духу времени мироззренческий фон новой культуры.

Печать иллирского движения была проникнута «всеславянством», идейной традицией, истоки которой в Хорватии восходили к XVII в. Однако в рассматриваемое время изменились импульсы, содержание и значение славянского сознания.

Наиболее обстоятельно и последовательно идея славянской общности была развита в работах лидера движения Людевита Гая. Этому, безусловно, способствовало то обстоятельство, что он в большей мере, чем остальные деятели иллиризма, испытал влияние П. Й. Шафарика и Я. Коллара. Уже его брошюра о правописании кайкавского диалекта (1830), который в условиях разноязычия хорватов являлся письменным языком у части этого народа, была проникнута мыслью об общности славян. Со всей определенностью эта идея была сфор-

мулирована Гаем в статье «Наш народ», опубликованной в основном им национальном журнале «Даница хорватска, славонска и далматинска» 29 августа 1835 г. С 1836 г. журнал назывался «Даница илирска». Автор определял численность славян в 80 млн. человек и отводил им больше половины Европы и третью часть Азии. Гай образно сравнивал славян с огромным великаном, голова которого омывается лазурным Адриатическим морем, а ноги упираются в китайскую стену. В правой руке он держит Черное море, а в левой – Балтийское. Его голова – средняя Иллирия, грудь – Венгрия и Карпаты, его сердце – под Татрами, желудок – польская равнина, а живот и ноги – неизмеримые русские просторы. «И этот великан, – заключал аллегория Гай, – есть *наш народ*, народ самый большой в Европе, народ Славянский, так как кости и мясо этого неистового тела есть братья Славяне, а кровь, которая оживляет это огромное тело, есть одна кровь нашей матери Славы, т.е. одна народность Славянская»¹.

Язык был для Гая основанием для установления родства славян между собой и разделения их на группы. В соответствии с языковыми различиями он делил славян на две главные ветви – иллиро-русскую и чешско-польскую. Эти ветви в свою очередь подразделялись им на колена: иллирское и русское в первой ветви, чешское и польское – во второй. В иллирское колено хорватский деятель включал словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, черногорцев, сербов и болгар. В русское колено входили русские и русины. Чешское колено, согласно автору, составляли чехи, мораване, словаки и сербы из Лужиц. В польское колено входили поляки². Классификацией славян занимались крупнейшие слависты того времени. Й. Добровский, Е. Копитар, П. Й. Шафарик объединяли хорватов-кайкавцев и словенцев в одну языковую группу. В отличие от них Я. Коллар объявил южных славян одним «племенем» и высказался за единый литературный язык для них. Гай в классификации славянства последовал за Колларом, позиция которого представлялась наиболее убедительной с точки зрения интересов единения южных славян.

В статье «Краткое введение в историю Великой Иллирии», опубликованной в апреле 1836 г., Гай остановился на происхождении славян. По мнению автора, в древнейшие времена Европу населял один пранарод, который разделился на четыре колена – славянское,

немецкое, латинское и греческое. Гай не без преувеличения писал об участии славянского элемента в образовании почти всех современных ему европейских народов. Он не видел в Европе государства, где бы в далекие исторические времена не поселились славяне. Гай полагал, что многочисленное славянское колено осталось наиболее чистым и близким к тому пранароду, к которому восходило происхождение всех европейских народов. В этом колене сохранилось, писал хорватский деятель, «зерно старинной, для всей единоплеменной европейской семьи спасительной и примирительной братской любви, силы и свободы»³. Близкие мысли о славянстве высказывали в своих программных брошюрах идейные выразители иллиризма Д. Раковац и Б. Шулек. «Даница» неоднократно писала о заслугах славян в развитии европейской цивилизации и их ведущей роли в ее спасении от монголов и татар.

Идеологи иллиризма настаивали на автохтонности славян в Европе, отмечали древность их истории, единое с греками, немцами и другими европейскими народами, но в то же время самостоятельное от них происхождение и развитие славян, подчеркивали важную роль славян в формировании и судьбах европейской цивилизации. Все это служило обоснованием равных с другими народами прав славян на свободное развитие и достойное положение в Европе.

Славянское сознание деятелей иллиризма отличалось от славянской идеи хорватских мыслителей XVI–XVIII вв., заслуга которых при всей их немногочисленности состояла в поддержании славянской традиции. Прежде всего во второй четверти XIX в. всеславянство получило широкое распространение среди славянской общественности, особенно в Австрийской империи. Его хорватские носители выступали в широком идейном русле, что придавало славянской концепции особую действенность и значение.

В годы иллиризма хорватская общественная мысль значительно продвинулась в знании славянства. Если в прошлые века хорватские мыслители имели представления о славянах на уровне догадок и опирались на стертую в веках историческую память и исторические мифы, то деятели иллиризма владели благодаря трудам Шафарика научными достижениями по славянской древности. Хотя в то время сложнейшая проблема этногенеза славян оставалась туманной и во многом неясной, идейные выразители иллиризма во взглядах на сла-

вян находились на уровне научных знаний своего времени. Однако белые пятна в науке о славянах при политической заостренности мышления хорватов оставляли им свободное поле для преувеличений, в частности мессионизма.

Научно обоснованная идея культурно-языкового родства и исторической общности славян как нельзя лучше отвечала интересам освободительных движений славянских народов в Новое время, нуждавшихся в силу малочисленности большей части их во взаимной поддержке и опоре. Она стала одним из факторов национального пробуждения хорватов.

Рассматриваемая идейная концепция стала основой практической деятельности. Ян Коллар создал учение о славянской взаимности – учение о сближении славянских народов путем их взаимного ознакомления и просвещения. Деятели иллиризма от передового мыслителя Гая до графа Я. Драшковича, представителя консервативного дворянства, выступили его горячими приверженцами. В своих сочинениях они неустанно его разъясняли и пропагандировали. Учение о славянской взаимности явилось для них руководством к большой и разносторонней деятельности, направленной на культурное сближение хорватов с другими славянами.

Хорватская общественная мысль была окрашена иллиризмом – идеей национальной целостности южных славян. Гай доказывал в печати правомочность названия «иллиры» для южных славян и преимущество его перед другими этнонимами (например, югославяне), ссылаясь на его древность, широкое применение в литературе и прямую связь южных славян с древней Иллирией. Вместе с тем он категорически возражал против распространения на все южное славянство какого-либо из частных, по его терминологии, наименований. Хорватский лидер пришел к пониманию того, что только нейтральное имя может способствовать собиранию южнославянских сил⁴.

Сербская общественность в Хорватии и Славонии поддержала иллиризм, хотя сербы всегда сохраняли свое этническое название. Однако за пределами Хорватии и Славонии последовательных, открыто выступавших поборников иллиризма среди сербов и словенцев в Австрийской империи оказалось мало и, как правило, их проиллирская позиция была кратковременной. В то время у серб-

ских общественных деятелей, проживавших в Венгрии, складывалось свое видение объединения сербов и южных славян вокруг Сербии. Столкновение загребской и сербской объединительных концепций получило выражение в «споре об именах».

Во главе сербских противников иллиризма в Австрийской империи встал Теодор Павлович, редактор журнала «Летопис» Матицы сербской, издатель и редактор газеты «Сербске народне новине», которая выходила в Пеште с 1838 г. с литературным приложением «Сербский народный лист». Во всех своих изданиях Павлович развернул ожесточенную полемику с идейными выразителями иллиризма и их последователями среди сербов. Противники иллиризма с сербской стороны выдвигали общее для южных славян наименование «сербы» или «югославяне», выступали за литературное единство на базе кириллицы, некоторые отдавали предпочтение даже церковнославянскому языку. Споры шли о численности сербов и хорватов, о принадлежности земель, традиций и т.д. Но в основном борьба велась вокруг общего имени для южных славян, поскольку название «иллиры» было символом иллиризма и олицетворяло всю совокупность проблем. С хорватской стороны сербские взгляды опровергались в изданиях Гая и брошюрах Д. Раковаца и Б. Шулека⁵.

Полемика между хорватскими и сербскими деятелями достигла кульминации в 1839–1841 гг. После запрещения в 1843 г. названия «иллиры» она потеряла остроту. Усиление же мадьяризации и развитие событий во второй половине 40-х гг. еще более отодвинули на задний план эти противоречия, хотя полностью полемика не прекратилась. За «спором об именах» скрывалось соперничество хорватских и сербских общественных сил за первенство на славянском юге.

В Сербии образованные люди с сочувствием следили за национальным Возрождением хорватов и оказывали ему известную поддержку. Иным было отношение сербской общественности к объединительным идеям иллиризма. Большинство ее представителей опасалось, что объединительные устремления руководства иллиризма угрожают поглощением хорватами сербов, ведут к ослаблению позиций сербов среди южных славян в пользу хорватов. Некоторые политики в Сербии усматривали в иллиризме происки Австрии и особенно католической церкви. Отсюда теории иллиризма прямо противопоставлялись идеи южнославянского объединения, смысл

которых сводился к руководству этим процессом со стороны Сербии, или же провозглашаемая Загребом концепция принималась с оговорками, имевшими, впрочем, тот же смысл.

Среди словенцев иллиризм получил поддержку в Штирии и Каринтии, где особенно велика была угроза германизации. Главное, что затрудняло продвижение объединительных идей, как их понимали в Загребе, к сербам и словенцам, был процесс национальной самоидентификации этих этносов.

Идейные выразители иллиризма внесли новое содержание в такие основополагающие общественно-политические понятия, как «народ», «патриотизм». В средневековье под словом «народ» понималось лишь дворянство. Даже в первой половине XIX в. профессор Пештского университета писал: «В Венгрии, согласно букве закона, к народу не относится никто другой, кроме дворян. Горожане и крестьяне же составляют «налогоплательщиков», из которых крестьяне очень часто в законах и актах венгерского сейма выступают под названием *misera contribuens plebs*»⁶. В противовес таким взглядам Гай охватил понятием «народ» этнос в целом⁷. Помимо расширения этого понятия на все сословия, придания ему надсословного характера, Гай внес существенный компонент в его содержание. Он придал своему журналу эпиграф: «Народ без народности есть тело без костей». Народность в данном случае – это самобытность, национальная идентичность, национальное самосознание. Так в понятие «народ» было включено национальное начало. В этом получил выражение объективный процесс национальной интеграции. Но четкости в применении этого социологического термина не было. В печати он применялся и к хорватам, и к южным славянам, и к славянам в целом.

Руководство иллиризмом предложило также новую трактовку патриотизма. До сих пор патриотизм носил локальный, провинциальный характер. Теперь акцент был сделан не только и не столько на любви к родной земле, сколько на преданности своему народу. Гай включил в определение патриотизма верность народа самому себе и каждого члена общества своему народу⁸. Содержание патриотизма составляла сознательная заинтересованность члена общества в его национальном существовании и развитии. Неотъемлемой частью патриотического сознания Гай считал любовь к родному языку, почитание традиций, обычаев, костюма и веры. «Нет патриотизма без

любви к материнскому языку» – так называлась большая статья, написанная Гаем в 1835 г.⁹. Иллирский идеолог придал патриотизму национальный характер, рассматривая его как фактор национального сплочения общества. Он и его сподвижники выступали от лица складывавшейся нации.

Примечательными были воззрения иллирских деятелей на родной язык. На них в этом вопросе оказало влияние учение о языке немецкого философа И. Г. Гердера, главного теоретика «Бури и натиска». Через их сочинения, затрагивавшие языковой вопрос, красной нитью проходила мысль о том, что язык выражает душу народа, его образ мыслей и чувств. Язык – главная отличительная черта его. Язык был объявлен святыней народа.¹⁰ «Народ, который любит свой язык, – писала «Даница», – еще почитает сам себя как народ, если же он отступает от этой любви, тогда молча признается в нежелании в будущем быть народом»¹¹. Это был романтический взгляд на язык. Впервые хорватская общественная мысль выделила и определила язык как главный показатель национальной идентичности.

Хорватские деятели много и настойчиво писали о значении национального языка в жизни народа. «Родной язык, – писал Гай в 1835 г. – является самой прочной соединительной тканью единства и самой прочной опорой национальной самостоятельности»¹². Тогда же поэт Иван Мажуранич заявил в «Данице»: «Родной язык защищать, любить, почитать и обрабатывать есть обязанность»¹³. Отсюда следовал практический вывод, что защита родного языка, обеспечение его свободного, беспрепятственного развития есть форма борьбы за политическое и национальное равноправие.

Широкое распространение в печати иллиризма, особенно в 30-е годы, получило понятие «слога», означавшее единение и согласие. Оно имело прежде всего интеграционный смысл – духовное сплочение всех хорватов и шире – южных славян. Деятели иллиризма уделяли этому вопросу исключительное внимание, исходя из парадигмы Великой Иллирии. Он был связан с конфессиональной проблематикой.

На протяжении веков южные славяне разделялись между собой религией – католицизмом и православием. Эти различия укоренились в общественном сознании, порождая нетерпимость и антагонизм. Религиозное сознание было всеобъемлющим. Преодоление религиозной розни становилось условием их сближения. Деятели

иллиризма поняли вред религиозной конфронтации и выдвинули принцип веротерпимости, подчеркивая при этом равенство католиков и православных¹⁴. Идея веротерпимости была излюбленным постулатом европейского Просвещения. Но в XVIII в. его сторонники исходили из принципа свободы духа, а деятели иллиризма – из национального вопроса.

Однако деятели иллиризма не были последовательны в отношении религии. Они поддерживали средневековое право Хорватии, запрещавшее проживать здесь протестантам. Хотя такая позиция объяснялась не столько религиозной неприязнью, сколько стремлением отвести угрозу колонизации Хорватии и Славонии венграми, среди которых много было приверженцев протестантизма.

В понимании интеллектуалов иллиризма «единение» имело и социальный смысл. Они провозглашали согласие и сплочение всех слоев общества, независимо от происхождения его членов, имущественного состояния и положения. В «Символе веры порядочного гражданина», помещенном в «Данице» в апреле 1837 г., говорилось: «Верую, что все люди братья, т.е. дети одного отца»¹⁵. Т. Блажек в стихотворении «Иллирам» писал в 1836 г., что иллир стремится разорвать вериги и принести добро всякому, невзирая на «кровь, почет и веру»¹⁶, т.е. происхождение, положение и вероисповедание. «Даница» от 25 сентября 1841 г. открывалась следующим четверостишием священника П. Штооса:

«Наше коло согласия
Для богатых и убогих.
Оно никого не отстраняет,
Каким бы счастьем он ни обладал»¹⁷.

В 1845 г. Шулек в «Данице» прямо писал: «Национальное согласие, которое мы столько славим, состоит не в соединении нескольких человек, но в объединении всего народа»¹⁸.

В позиции журнала заключалась просветительская мысль о естественном равенстве людей между собой. Она носила общедемократический характер, поскольку отрицала сословные и областные разграничения, а также религиозную нетерпимость между людьми.

Настойчиво призывая к единению и согласию, идеологи движения исходили прежде всего из потребности национальной консоли-

дации хорватов, но решали они эту задачу в рамках интеграции южных славян.

В годы иллиризма хорватская теоретическая мысль претерпела принципиальные изменения, связанные с формированием нового социального облика общества и его потребностями. Она вобрала в себя по ряду вопросов интеллектуальные поиски отечественных мыслителей прошлых времен, гражданские идеи из арсенала европейского Просвещения и романтические воззрения. Идеальный базис новой культуры был сложным, соответствуя переходному времени.

Примечания

¹ Danica. 1835. Br. 34. S. 234.

² Ibid. S. 235, 236.

³ Danica. 1836. Br. 18. S. 70, 71, 72.

⁴ Danica. 1839. Br. 47. S. 186, 187.

⁵ См.: *Mamuzić I. Ilirizam i Srbi // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1933. Knj. 247.*

⁶ *Georgijević K. Grof Janko Drašković (1770–1856). Sarajevo, 1958. S. 40.*

⁷ Danica. 1835. Br. 20. S. 77–78.

⁸ Danica. 1835. Br. 17. S. 66.

⁹ Danica. Br. 17–21.

¹⁰ Danica. 1835. Br. 8. S. 32; Br. 17. S. 66; Br. 18. S. 70; 1839. Br. 42. S. 167 i dr.

¹¹ Danica. 1839. Br. 42. S. 167.

¹² Danica. 1835. Br. 20. S. 77.

¹³ Danica. 1835. Br. 18. S. 72.

¹⁴ Danica. 1839. Br. 47. S. 187; 1841. Br. 15. S. 57; Novine. 31. X. 1846. S. 364.

¹⁵ Danica. 1837. Br. 16. S. 61.

¹⁶ Danica. 1836. Br. 1. S. 1.

¹⁷ Danica. 1841. Br. 39. S. 157.

¹⁸ Danica. 1845. Br. 1. S. 3.

Т. И. Чепелевская

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ВУК И АННА. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО

Имя Вука Стефановича Караджича (1787–1864), выдающегося сербского филолога, историка, этнографа, фольклориста, реформатора сербского литературного языка, хорошо известно широкому кругу людей. Его вклад в развитие сербской культуры был высоко оценен уже при жизни учеными разных стран, а жизнь и творчество давно стали предметом пристального изучения: об этом написано множество книг и статей. Некоторые из этих работ, имеющих биографический характер и опирающихся на богатое эпистолярное наследие ученого, помогают восстановить этапы творческого роста знаменитого серба, оценить разносторонность его научных интересов и географическую широту его связей¹. В настоящем исследовании на материале переписки В. С. Караджича и его жены Анны², а это около 200 его и 50 её писем, предпринята попытка увидеть «Вука вблизи», понять другую сторону его человеческой натуры – как мужчины, мужа, отца семейства³, волей судьбы за четверть века сократившегося с пятнадцати до четырех членов.

Первая встреча будущего ученого и Анны произошла в 1814 г. в Вене, куда в 1813 г. после поражения Первого сербского восстания (в котором он принимал участие) переезжает молодой Вук. Здесь он знакомится с Эрнеем Копитаром (1780–1844), выдающимся словенским ученым, хранителем императорской библиотеки и цензором книг, выходящих на славянских, греческом и румынском языках. Копитар, сразу по достоинству оценивший природные способности молодого человека, стал активно убеждать его заняться сбором и изданием сербского фольклора, а также подготовить грамматику сербского разговорного языка⁴. Желая ослабить влияние земляков на Вука (последний в то время жил вместе с семьей Живковичей) и тем самым укрепить его стремление продолжить самообразование в Вене и начать работу на культурном поприще, словенский ученый со-

ветует ему переехать на другую квартиру – в дом вдовы венского портного, Марии Краус, на улицу Ландштрассе. Именно здесь двадцатишестилетний Вук знакомится со своей будущей избранницей – младшей дочерью своей хозяйки, пятнадцатилетней Анной Краус. Единственный портрет Анны, написанный, как полагают, Урошем Кнежевичем в 50-е гг. XIX в. (в то время ей было около сорока лет), а также достаточно объективное описание самого Вука в ряде писем позволяют воссоздать ее внешний облик. Она не отличалась яркой красотой: высокий лоб, тонкие брови, голубые глаза с выражением спокойствия и покорности. Их взаимное влечение впервые проявилось в те дни, когда непрекращающиеся боли в ноге на несколько дней приковали Вука к постели. Для юной Анны Вук в какой-то степени явился живым воплощением образа романтического героя: темноволосый красавец с черными, горящими внутренним огнем глазами, в которых угадывались смелость и благородство. Девушка с нежной заботливостью стала ухаживать за постояльцем. Свежесть молодости, наивность и простота все более и более влекли к ней молодого человека. Силу этого влечения Вук ощутил во всей полноте уже при первой разлуке. В ноябре 1814 г. он едет сначала в Пешт, а затем в родные края с целью сбора народных песен, а также выяснения возможности вернуться на родину. Уже в Пеште, где он задержался на некоторое время, Вук ощутил, сколь глубоко Анна вошла в его душу. Вместе с тем, она была не первой женщиной в жизни Караджича, и даже если не принимать во внимание тот факт, что еще в детстве он был обручен со своей подружкой из родного Тршича, Ружицей Тодоровой, позже у него была возможность выбрать брак и по любви, и по расчету. Женитьбу по расчету, на дочери богатого венского торговца, серба по происхождению, Вук отверг сразу. Но его роман с молодой вдовой краинского князя Михаила Карапанджича, Сарой, как и их последующая дружеская переписка, продолжались несколько лет, с 1811 по 1815 гг.⁵. Наконец, перед молодым сербом встал выбор. С одной стороны, союз с молодой, привлекательной, умной и весьма образованной для того времени, а кроме того богатой Сарой Карапанджич. Отметим, что это давало возможность молодому патриоту вернуться домой, в Сербию. А с другой стороны, Анна, недостаточно образованная, не блещущая красотой бесприданница, способная предложить, помимо своей молодости, лишь доброе сердце и преданную душу. Но именно ей Караджич

шлёт из Пешта полные искреннего восхищения и почти романтического поклонения письма. При этом между строк, явно заимствованных из немецких «Письменников для влюбленных» (Вук еще не вполне свободно владел немецким в ту пору), легко можно выделить его собственные слова. «Я должен писать Вам, так как постоянно думаю о Вас» (15.XI.1814)⁶, – пишет он почти сразу после отъезда. А уже в следующем послании звучат заветные слова: «Я всегда хотел, чтобы моей женой стала женщина, в чьем благородном сердце, добротельности и уме я мог быть всегда уверен, а все эти качества я нашел в Вас» (29.XI.1814)⁷. Итак, идеал найден, признание произнесено и услышано. Вук Караджич, славянин по рождению, определил для себя возможным немецкую (германскую) модель семьи (но, подчеркнем, в условиях Австрии). Однако пройдут еще долгие четыре года, прежде чем осуществится мечта молодых людей, прежде чем будут преодолены многие препятствия. Казалось, преграды стояли со всех сторон и имели различный характер: национальный, конфессиональный, материальный. Против этого союза выступили даже близкие друзья – Стефан Живкович, поэт и архимандрит Лукиан Мушицкий. Они понимали, что брак с немкой, «чужеродной Хлоей», сделает Вука «чужаком» на родине, помешает осуществлению многих его планов, лишит столь необходимой денежной помощи земляков для издания книг и словарей⁸. Но в этот период, как впоследствии и в его борьбе за реформу языка, проявились твердость духа и негибкость воли. Он сумел достойно противостоять всем преградам и защитить свой идеал. Их свадьба состоялась 28 января 1818 г. в небольшом католическом храме венского предместья. А уже в декабре того же года Вук с тридцатью экземплярами только что вышедшего «Сербского словаря» отправляется в свое первое длительное путешествие – в Петербург. Главной целью было стремление получить материальную поддержку и выхлопотать пенсию Российской академии наук (она была назначена ему лишь спустя восемь лет, в 1826 г.). Анна и их первенец Милутин тем временем остались в Вене, почти без средств к существованию. Впоследствии Вуку вновь и вновь приходилось уезжать надолго: в родные края – для сбора фольклорного и этнографического материалов, в Германию – для установления научных контактов и организации издания своих книг. Отовсюду он шлет своей Анне письма, в которых отражаются этапы и творческого роста Вука, и развития их отношений.

В посланиях 1810-х – 1820-х гг. наряду с многочисленными поручениями, а также обещаниями выслать при первой возможности деньги, столь необходимые молодой матери, Вук постоянно возвращается к теме их первых, еще таких беззаботных писем. В письме из Петербурга он называет ее не только любимой, но и другом и добавляет: «Ты моя единственная радость и боль на этом свете. И только ради тебя я хочу жить и мне было бы жаль умереть» (23.IV.1819)⁹. Когда разлука продолжается слишком долго, в его письмах звучат нотки тоски и даже страха. «Вот уже два месяца не получаю от тебя весточки, – пишет он из Кишинева, – а это невозможно... Наша любовь останется неизменной, пока мы оба будем жить». И добавляет: «Ты для меня все на этом свете» (Петербург, 26.VIII.1819)¹⁰. Он вновь и вновь повторяет: «Ты знаешь и помни это всегда, что я больше беспокоюсь о тебе, чем о себе, и не перестану делать это, пока буду жив» (Крагуевац, 2.XI.1820)¹¹. Порой чисто деловые послания (обсуждение денежных расходов, выполнения поручений и т.д.) Вука к жене неожиданно прерываются и звучат слова нежности и любви: «Не смогу забыть тебя, пока жив, а без тебя, даже если весь мир был бы моим, я не смог бы жить счастливо» (Земун, 26.VII.1820)¹². Вук немногословен, делясь с женой мыслями о своей работе, которой отдает столько усилий и времени¹³. Вместе с тем, он уверяет Анну, что его научная деятельность всегда стоит вслед за заботой о ней и детях (Дубровник, 19.IV.1835)¹⁴.

Постепенно в письмах Вук все чаще обращается к Анне не только как к любимой женщине, но и как матери своих детей. С беспокойством он спрашивает о здоровье младших и успехах старших, и все чаще звучат слова: «Я тоскую по тебе, нашим детям» (Лейпциг, 22.V.1823), «Почти каждую ночь вижу их во сне» (Крагуевац, 10.VIII.1829)¹⁵. Даже в коротких записках, когда непредвиденные обстоятельства задерживают его в дороге, он пишет, как стремится поскорее вернуться к своей «Нани», детям, в свой дом, который она хранит и оберегает.

Письма Вука Караджича дают нам возможность воссоздать образ Анны как бы в двух ипостасях: как жены-женщины и жены-матери. Ее письма, хотя их гораздо меньше, искренние и простые, исполненные теплотой и заботой о муже, позволяют убедиться в силе и глубине их взаимной любви и преданности. Не случайно, во всех них, как и в письмах Вука, рефреном звучат слова «верности до

гроба». Небольшие по объему письма Анны воссоздают картину крайне тяжелого и даже бедственного положения семьи, особенно в первые восемь лет их жизни. Но вместе с тем в них постоянно звучат слова любви и беспокойства о его здоровье. «Скорее приезжай, чтобы я могла обнять тебя, а мое сердце отдохнуть на твоей груди, ибо только ты единственная радость и утешение мое на земле», – пишет она мужу в Петербург (Вена, 12.III.1819)¹⁶. Понимая, как важна для Вука его работа, Анна старается аккуратно выполнять все его многочисленные поручения, встречается с книготорговцами и издателями, передает письма и книги, находит и пересылает мужу нужные ему материалы. Вместе с тем, она постоянно поддерживает его своей верой в успех его начинаний. «Молю Бога, чтобы вновь увидеть тебя счастливым, чтобы твой труд увенчался успехом, – пишет она в Сербию в 1820 г. и добавляет, – я хотела бы убрать все преграды с твоего пути, чтобы тернии не ранили ног, ведь тогда буду страдать и я» (Вена, 24.XI.1820)¹⁷. И даже в письмах, где ей приходится сообщать грустные вести о смерти детей, она не сосредоточивается на своей материнской боли, а старается смягчить удар, нанесенный судьбой, найти слова, не задевающие свежей раны, а главное – ободрить и успокоить мужа¹⁸.

В работах Г. Д. Гачева, посвященных воссозданию германского образа мира, среди других хотелось бы выделить следующую мысль-лейтмотив: «Шкала положительных ценностей (в германском мировоззрении) группируется вокруг идеи дома, жилья, семьи»¹⁹. Жизнь и судьбу Анны Караджич, ее самозабвенную преданность дому, семье, этим, по выражению Г. Д. Гачева, «германским единицам бытия», на наш взгляд, можно рассматривать как одну из иллюстраций мысли ученого. Заслуживает внимания и рассуждение Г. Д. Гачева о замкнутости германского космоса в Haus, жесткую форму, что «делает немца столь нечувствительным к пониманию другого бытия, человека, принципа жизни, сколь развивает его способность самосознания...». Вот почему, как считает исследователь, у него слаба «восприимчивость на чужое, ... та способность всепонимания, всесимпатии, открытости другому, чем славится славянство, русские, и что связано с незамкнутостью их формы, даже аморфностью, несконцентрированностью, рассеянностью “я”, его обращенностью вовне... Потому “чужой” (Fremde) – очень важное понятие в германском космосе»²⁰, – заключает свою мысль ученый. Неожиданное подтвержде-

ние этому обнаруживается при изучении переписки В. С. Караджича и его жены. Анна, безропотно и покорно сносившая все удары судьбы, выпавшие на ее долю, лишь однажды выступила против воли мужа, отказавшись ехать с семьей к нему в Белград. Свое решительное нежелание молодая мать объясняла заботой о будущем детей, хотя главным, определяющим было иное – необходимость жизни «по другую сторону». «Ты всегда горячо любил свою родину. И я люблю ее, поскольку люблю тебя. Но ты можешь и сам понять, что я не смогу жить на твоей родине, особенно в нынешних условиях, среди людей, которые говорят на другом языке, имеют иные обычаи, нравы и веру, – пишет она мужу в Белград и добавляет. – Мое сердце не успокоится, пока ты не дашь обещания не везти меня в Турцию, даже и сделав меня там княгиней» (Земун, 12.ІІІ.1831)²¹. Обычно строгий и решительный, Вук в ответном письме соглашается с просьбой Анны, еще раз подчеркнув, что «забота о тебе и детях для него превыше всего» (Белград, 14.ІІІ.1831)²².

Вук и Анна прожили вместе почти пятьдесят лет. Нашедший свой идеал женщины в скромной немецкой девушке из венского предместья, В. С. Караджич в конце жизненного пути писал, что стал ученым благодаря Копитару, своей деревянной ноге и Анне²³, тем самым подтвердив правильность своего выбора.

Приложение

ПИСЬМА В. С. КАРАДЖИЧА И А. КАРАДЖИЧ²⁴

Пешт, 17(29).XI.1814 г.

Возлюбленная подруга моего сердца,

С того момента, как я послал Вам свое письмо, каждый новый день казался мне длиннее месяца. Полный страстного желания, я ожидал, что на восьмой день в моих руках окажется Ваше драгоценное письмо.

Когда моя тоска стала совершенно нестерпимой, я вынужден был покинуть Пешт и уехал в соседний город забыть, пока не наступит день, нетерпеливо ожидаемый, когда я надеялся получить Ваш нежный ответ. И между тем, пока я уезжал в упомянутый город и вернулся, пришел восьмой день. Так он пришел и прошел, а я не получил желанного письма. Ми-

нул девятый и десятый. Меня денно и ночью мучило отчаяние, рождающее в душе сомнения. Но вдруг (25 числа) появился почтальон с двумя письмами из Вены.

Драгоценнейшая моя! Нельзя описать словами радость моей души и восхищение моего сердца, которые переполнили меня, когда я увидел столь дорогой для меня Ваш почерк. Как я испугался, когда, вскрыв Ваше драгоценное послание, прочитал, что мое письмо застало вас больной, лежащей в кровати! Моя радость в тот же момент сменилась убийственным страхом. Слово «кровать» зазвучало в моем сердце ужаснее, чем самый страшный раскат грома над головой самого большого злодея. Эта неожиданная весть вызвала в моем воображении мысль, что счастье покидает меня и горе стремится объять меня своими кровавыми руками. В страхе, почти вне себя, я дошел до места, где Вы пишете, что чувствуете себя лучше, и это меня немного вернуло в нормальное состояние. Ах, возможно, таким образом Вы желали меня успокоить, а Бог знает, как Вам на самом деле. Но что я могу сейчас сделать! Мне не остается ничего иного, кроме как взывать к всемогущему, чтобы он спас Вас от болезни и милостиво защитил Ваше здоровье и мир Вашей души, на которых основывается все мое счастье. А поскольку моя чистая совесть – свидетель того, что до сих пор я никому ничего плохого не пожелал и не сделал, а, напротив, моим желанием и сейчас, как и всегда, было стремление помочь всякому, я надеюсь, что справедливость Божья не бросит меня неожиданно в бездну несчастья.

Моя драгоценнейшая, я искренне благодарю Вас за слова, что не нужно сомневаться в Вашей верности. Но я уже однажды и навсегда сказал Вам, что в Вашей верности никогда не буду сомневаться. Я часто повторял Вам, что всегда желал иметь своей женой существо, в чьем благородном сердце, добродетельности и уме я мог бы всегда быть уверен, ничуть не сомневаясь в них, а все эти качества я нашел в Вас.

Только если бы Провидению было угодно соединить нас однажды и навсегда! Боже мой, кто бы тогда был счастливее меня! Уверен, что никто в мире! Что же касается моей верности Вам, мне бы было воистину жаль, если бы я поверил, что она вызывает Ваши сомнения. Много раз, когда мы нежно обнимались, я клялся Вам в вечной верности, и будьте уверены, что я никогда не нарушу свою клятву, поскольку тогда совесть бы меня вечно мучила. Вся любовь моего сердца сосредоточилась лишь в Вас.

Те строки письма, которые содержат самый трепетный, полный чувств, ответ на мой вопрос, я целовал тысячу раз, а когда читал эти слова, представил, что все это говорите мне Вы, Вашими сладкими милыми устами. Но я надеялся, что свой ответ Вы напишете на том же листке, где написан мой вопрос, и вернете мне его²⁵. Может быть, Вы не подумали об этом или же хотели сохранить для себя этот листок, а мне послать лишь Ваш дорогой ответ.

Завтра, с Божьей помощью, отправляюсь в путь и, когда приеду в Карловцы, тотчас же напишу Вам и сообщу свой адрес. Молю Всевышнего, чтобы это письмо застало Вас, единственная моя, здоровой. Оставайтесь всегда бодры и довольны и постоянно вспоминайте меня. Остаюсь верный любви и уважения к Вам до конца жизни.

Ваш самый верный
Вук Стефанович

Передаю сердечные приветы нашей дорогой маме, сестре и ее возлюбленному. Также привет Луизе и ее матери, как и всем остальным друзьям и знакомым. Покорнейше Вас прошу передать приложенное письмо известному Вам господину. Если вскоре он отправится в путь, будьте добры, передайте ему письмо для меня.

Из Пешта
Для мадмуазель Анны Краус
Ландштрассе Штернгассе, № 227
В Вене
до востребования

Вена, 26.X(7.XI).1817 г.

Драгоценнейший моей души,

С веселым сердцем вновь встречаю день твоего, дорогого мне дня рождения. Сегодня снова ощущаю, сколь высоко ценю тебя и как сильно люблю тебя. Счастливы мгновения, в которые родился мой любимый! Я всегда буду думать о них, прославляя его. Надеюсь, что в этот радостный день ты хорошо себя чувствуешь и доволен. Что пожелать тебе, тебе, кто знает любое желание моего сердца?

Дорогой Вук, проживи будущие дни в мире и довольстве и, дай Бог, до твоего следующего дня рождения уже как отец²⁶, ощути себя счастливым в объятиях твоей дорогой Нани. Дорогой мой Вук, я всегда буду стремиться усладить дни твоей жизни и постоянно приносить тебе радость. Каждый день молю Бога, чтобы он благословил нас обоих.

Дражайший мой, не сердись из-за этого маленького подарка, не считай его даром, а и дальше дари мне свою любовь и не забывай меня в своем сердце.

Остаюсь твоей верной

Анна Краус.

Петербург, 23(!22).III (10.IV*), 1819 г.*

Драгоценнейшая супруга,

Твое письмо от 12 марта получил с огромной радостью, но, к сожалению, прочитал его с чувством необычайного горечи и тоски. Не столько из-за болезни Милутина (он мучается, но еще не понимает этого), но более всего из-за тебя, что должна так страдать. А еще больше мое несчастье увеличивает то, что сейчас не могу ничего тебе послать. Две недели назад направил тебе одно письмо и тогда писал господину Копитару, а пишу ему и сейчас, чтобы он дал тебе немного денег и верю, что он сделает это, насколько это возможно. Милостивой госпоже²⁷ не смею сейчас писать об этом, так как ей и так уже достаточно должен. Постараюсь послать тебе через четыре недели хотя бы 20 дукатов. Через два месяца надеюсь, что пошлю тебе еще больше. Пусть за это время твоя мама поможет, насколько возможно. Если бы она смогла одолжить у молочницы сотню-другую на несколько месяцев. Наконец, продайте все, что можно затем снова купить.

Моя драгоценная супруга! Единственный и глубоко уважаемый друг мой! Ты моя единственная радость и боль на этом свете. Лишь ради тебя желал бы я жить и из-за тебя мне было бы жаль умереть (можешь поверить, что сейчас слезы заливают это письмо, как, я знаю, и твои слезы окропят его, когда ты будешь его читать).

Будь терпеливой, полной силы и выдержки. В самой большой беде и несчастье мы должны доказать, что обладаем добродетелями и верой в Бога. Всевышний Бог нас не оставит. Надеюсь, что наши несчастья закончатся в этом году и потом мы сможем спокойнее и жить, и умереть. Пусть мама пощет для нас какую-нибудь красивую и удобную квартиру, как я написал в прошлом письме. Поцелуй нашего дорогого Милутина и его сестру или брата! Желая лишь услышать хорошую весть, что ты счастливо родила. В прошлом письме писал господину Копитару по поводу крещения ребенка. Только бы письмо не пришло слишком поздно. Господину Копитару пишу более объемные письма, чем тебе, так как мне тяжело писать на немецком, а ему я пишу по-сербски. Сердечный привет и поклон милостивой госпоже, как и господину и молодому господину²⁸, и всем остальным в вашем доме.

Возможно, я должен буду остаться здесь еще два месяца и поэтому ты можешь мне еще раз писать сюда. Передай письмо господину Копитару! Передай привет нашей дорогой маме, а также Рабичу и маленькой Луизе и всем остальным друзьям и знакомым! Будь здорова и не казни себя, а старайся быть весела, насколько это возможно. Моли Бога за твоего

Вука

Позавчера, на Пасху²⁹, здесь впервые гремел гром и сверкали молнии, но все еще достаточно холодно. Лед на Неве еще стоит.

* Так в тексте (Т. Ч.).

Кишинев, 14(26).VIII.1819 г.

Дражайшая супруга,

Прошло уже более двух месяцев, как я не писал тебе. Прости, но это было невозможно. Не знаю, что я написал тебе из Петербурга. Не будь больше «Фомой неверующим»! Милутин не унес с собой нашей любви. Она останется неизменной, пока мы двое будем живы. Ты для меня все на этом свете.

Сейчас я более чем за триста миль от Петрограда, а отсюда до австрийской границы не будем и тридцати. Здесь останусь не дольше, чем на неделю, а затем поеду прямо к тебе. Но не через Венгрию, а прямо во Львов и оттуда почтовыми в Вену. Надеюсь, что в конце сентября буду возле тебя. Я не могу послать тебе денег отсюда, но, как только доеду до австрийской границы, тотчас вышлю их по почте, чтобы ты хотя бы оплатила все долги. А до тех пор будь терпелива и старайся вместе с мамой, если возможно, дожить до того времени. Не беспокойся! Все у нас будет хорошо. Господь Бог не забудет нас.

Будь почтительна с нашей дражайшей мамой и передай ей привет. Тысячу раз поцелуй нашу Мицл³⁰, если она еще жива. Самые теплые приветы и уважение милостивой госпоже и молодому господину и всем остальным их близким. Передай привет господину Рабичу, а также госпоже Лизел и маленькой Нети, и Луизе, и всем нашим знакомым!

Остаюсь до гроба твой верный супруг

Вук.

Вена, 27.III(8.IV).1828 г.

Дражайший супруг,

Твое письмо довело меня до слез, поскольку я думала и надеялась, что мы вместе будем наслаждаться рождественским ягненком, но, поскольку это оказалось невозможным, я должна успокоиться и снова ждать тебя.

Получила из Триеста письмо с двумя денежными вложениями. В одном был чек на 55 фл. 16 шил.³¹. Господин Тирка обменял его и точно мне все выплатил. Письма дала прочитать господину Копитару, а он сказал, что должен получить 35 фл. 16 шил., как ты мне и писал, и я все ему выплачу.

Для оплаты квартиры, золото мое, я ничего не сэкономила, поскольку потратила на праздники больше обычного, а также на Саву³² и Маргариту³³. Детям купила только мелочи, так как этим праздникам рад каждый и хочет получить что-нибудь в подарок, а на 50 фл. многого не купишь. Но только

боюсь, что ты снова рассердишься, поэтому не решилась написать тебе об этом раньше.

Не знаю почему, но меня так часто беспокоят сны, в которых я – возле тебя, а ты холоден и равнодушен ко мне и смотришь на меня мрачно. Из-за того я часто задумчива и грустна; тогда вновь вспомню, что это только сны, ибо мои самые блаженные часы лишь те, когда я вижу тебя рядом, совершенно довольного, радостного и веселого, довольного мною и нашими милыми детьми.

Привет от всех знакомых и родных! И от дорогой мамы привет! Маргарита посылает тебе поцелуй!

Остаюсь до гроба твоя верная

супруга Анна.

Благородному господину
Вуку Караджичу
с письмами г-на Йована Берича
Будим

Будим, 31.III(12.IV).1828 г.

Дражайшая супруга,

Получил твое письмо от 8 числа сего месяца. Надеюсь, что за это время ты получила мое второе письмо и 100 ф. С.М., которые я послал тебе по почте.

Что касается твоих снов, можешь поверить именно в обратное. Уверяю тебя, что для меня на этом свете нет ничего дороже тебя и наших детей. Надеюсь, что ты в этом полностью уверена, поскольку знаешь, что я никогда не лгал тебе. Даже в самые тяжелые для меня дни я всегда радовался встрече с тобой и возможности обнять тебя.

Если бы не необходимость работать здесь, я бы давно уже приехал к тебе.

Именно сейчас, когда я пишу это, почтальон принес твое новое письмо от 9 числа этого месяца.

Я редко отдыхаю после обеда, нечасто хожу в гости. Но у меня болезненное состояние, так как я привык к порядку, которого здесь не могу иметь (например, удобная квартира, еда, которая мне необходима, и т.д.). Сейчас у меня насморк и кашель, но надеюсь, что будет лучше. Сегодня или завтра перееду в какую-нибудь другую квартиру.

Надежда на еще один заработок, откровенно говоря, уменьшилась, но все же может и реализоваться.

Очень грустно, что Роза³⁴ снова сильно болела. Как только приеду в Вену, куплю ей новое платье. Мне приятно, что Сава делает успехи. Напиши, как прошел экзамен. Надеюсь, что он вновь будет первым. Конечно, он уже хорошо играет.

Книготорговцу Фолке (на Ober Baecerstrasse) передай, что я пошлю ему обещанные сербские народные песни.

Постарайся найти удобную квартиру.

Поцелуй много раз всех наших детей. Передай нижайший поклон маме и всем нашим друзьям и знакомым.

Остаюсь всегда твой верный супруг, который любит тебя

Вук.

Вложенное письмо перешли господину Копитару!

Передай мои приветы маме и остальным знакомым и друзьям, а также Маргарите, если она хорошо себя ведет.

Напиши, здоровы ли вы все. У меня сильно болел зуб. Две ночи не мог спать, как это уже было однажды на Sechskrugelgasse, но сейчас мне лучше.

Не поговорить ли тебе по поводу квартиры с господином Тиркой, чтобы он дал поручение Йозефу Вагнеру поискать квартиру в городе, лучше всего на первом этаже.

Напиши, что делает жена русского священника³⁵.

Поцелуй много раз всех наших детей!

Белград, 10(22).XII.1830 г.

Дражайшая супруга!

Вовремя получил твое письмо от 18 числа сего месяца. Мне очень грустно, что ты так малодушна. Говорил тебе много раз, чтобы ты не слушала, что говорят люди. Одни говорят из ненависти, зависти и злобы; другие, которых ввели в заблуждение, болтают от незнания. Как только у меня появится время (поскольку сейчас я должен снова ходить в канцелярию), приду в парлаторию³⁶ на переговоры.

Тогда ты поверишь, что в действительности нет ничего того, о чем болтают люди. Бог не смог бы дать тебе лучший и более полезный совет, чем тот, который во сне тебе дала мама: от того, насколько ты будешь ему следовать, зависит твое и наше счастье. Что же касается меня в этом сне, то пока буду жив, постараюсь всеми силами оправдать ее мнение обо мне. Только будь терпелива!

Обо всем другом мы договоримся устно, когда придешь в парлаторию.

Вчера послал тебе с господином переводчиком Василиевичем³⁷ 20 фл.
Очень прошу тебя, не расстраивайся.

Поцелуй много раз наших дорогих детей и быстрее отвечай!
Твой до гроба верный супруг

Вук.

Благородной госпоже Анне Караджич
(в доме покойного попа Косты Ракича), Земун

*Дубровник, 7(19).IV.1835 г.
(закончено 1 мая)*

Дражайшая супруга,

На твое письмо от 27 марта с.г. я ответил тебе 12 числа. *Должен* теперь снова писать тебе, но, к сожалению, ничего хорошего.

Своим злосчастным письмом ты нанесла неизлечимую рану моему сердцу. И хотя два предыдущих письма я получил и читал *в постели* и в каждом из них нашел то, что меня расстроило и тяжело подействовало на мою болезнь, но все-таки я выздоравливал; теперь же не могу оправиться. До сих пор во время моих скитаний и в самые тяжелые минуты жизни меня успокаивала надежда, а мое несчастье смягчала радость, что снова увижу тебя и детей, но этим письмом ты отняла последнюю самую сладкую и самую дорогую радость. Поскольку могу ли я с радостью думать о возвращении к вам, когда вспоминаю не только о том, что ты сразу же, на другой день, будешь требовать денег, которых у меня нет, но и о том, что ты *наделала долгов и взяла вперед* следующую пенсию и уже *ее истратила*. Ты расстроила меня и помешала моим делам, которые после тебя и детей самое дорогое, что у меня есть на этом свете. Ты принесла мне огромные неприятности и позор. Разве мы не договорились перед моим отъездом, что от каждой пенсии ты сохранишь для меня 50 фл.? И разве ты мне этого не обещала? Я не хотел требовать от тебя отчета как в отношении 50 фл. от первой пенсии, так и тех 25 фл., которые были посланы из Венгрии, поскольку Тирка отказался от 28 фл., а ты оплатила по счету переплетчику, а также за другие вещи. Но я с полной уверенностью рассчитывал на 50 фл. из каждой *будущей* пенсии и на основе подобного расчета взял здесь в долг деньги. И теперь вдруг ты пишешь, что не только не можешь послать мне ни одного крейцера, но что для тебя недостаточна и вся пенсия и что ты должна взять в долг в счет следующей.

Не могу понять, как ты могла быть столь легкомысленной. Если бы я знал, что ты будешь так поступать, то поручил бы ее постороннему челове-

ку. Но как я мог даже подумать, что ты, после всех моих советов и своего обещания, так поведешь себя.

Ты пишешь, что не можешь обойтись ежедневной суммой в один форинт. Но если больше нет, то нет и места размышлениям и разговорам на тему «*можно ли это или нет*», а только «*как это можно сделать*». Ты прекрасно знаешь, что означает по-немецки слово «*должно*». И если бы на день было не более десяти серебряных грошей, этим нужно было бы довольствоваться и этого должно быть довольно: имея один форинт, вы должны были бы иметь *достаточно хлеба, картофеля*, а, возможно, и немного сала и муки. Если нет ничего другого, человек должен довольствоваться и этим. Я понимаю, что стыдно и перед прислугой, и перед соседями, а также тяжело для детей, которые привыкли к лучшему. Но если нельзя по-иному, необходимо отказаться сейчас от всего остального. Если Бог поправит наше положение, тогда мы с радостью обо всем этом легко забудем.

Разве не лучше было бы есть сухой хлеб или пресный картофель и быть веселой и надеяться на будущее, чем так разозлить меня и заставить писать тебе подобные письма? Больше всего я бы радовался, если бы мог ежедневно давать вам два обеда с яблоками, печеньем и другими вкусными вещами. Но если это невозможно, нужно быть довольным и тому, что есть, и за это благодарить Бога и утешаться мыслью, что тысячи столь же больших семей в Вене чувствовали бы себя счастливыми, если бы кроме платы за квартиру, дрова и все другие необходимые вещи, могли бы в день тратить по форинту на еду.

Дражайшая супруга! Из того, что я написал тебе, ты можешь понять, чего я хочу, а чего не хочу. Если ты стремишься сохранить любовь, уважение и доверие, которые в полной мере связывали нас более двадцати лет, и если тебя заботит мое и твое счастье и благополучие, а также счастье наших детей, и если ты не хотела бы допустить того, чтобы ликовали мои враги, которые всегда упрекали меня за то, что я на тебе женился, и подсмеивались, когда я хвалил тебя и думал, что я счастлив и доволен, то ты должна постараться внимательно выполнять все то, что я хочу, и с наибольшей точностью избегать всего того, что для меня нежелательно. А прежде всего было бы необходимо следующее:

1) Теперь, когда получишь пенсию, оплати все *свои* долги, которые ты сделала с тех пор, как я уехал. Оставшуюся сумму пересчитай и хорошо рассчитай, сколько тебе остается *на день* на период в четыре месяца (до конца сентября), и не трать в день ни крейцера больше, чем имеешь, но если случится исключительный случай, на который *нужно* израсходовать несколько больше, тогда в следующие дни трать меньше, пока не возместишь эту сумму, чтобы я тебя, когда, Бог даст, вернусь домой, застал *без долгов*. Чтобы ты могла легче с этим справиться, дарю тебе своих 50 фл. и из той пенсии, из которой ты должна прислать мне мою часть.

2) Между тем, если ты получишь откуда бы то ни было деньги, необходимо сразу же передать их господину Копитару и попросить его известить меня об этом (кроме того, что мне необходимо тратить в дороге, ты знаешь, что я должен более 200 фл. мхитаристам³⁸, которые немедленно или хотя бы сразу после возвращения должен вернуть).

Дражайшая моя! Думаю, что в этом письме я уже достаточно тебе сказал. Но не надо за это сердиться *на меня*. Подумай, что это пишет тебе твой супруг, который на этом свете твой самый большой друг, который любит тебя больше всего и желает счастья тебе и детям и который всегда и везде прежде всего думает и беспокоится о вас.

Это письмо я начал писать двенадцать дней назад и только сегодня (1 мая) смог его закончить – такую слабость в голове и желудке я ощущал. А к несчастью, еще и погода постоянно ухудшается (за четыре недели и трех раз не выходил на улицу).

Поцелуй крепко наших дорогих детей и успокой их, что, может быть, Бог даст, будет лучше, когда я вернусь.

Передай привет всем друзьям и знакомым!

До гроба остаюсь твой верный супруг, который тебя искренно любит

Вук

Благородной госпоже Анне Караджич
(Йозефштат, Кайзерштрассе, 97)
до востребования
Вена

Белград, 29.III(10.IV).1861 г.

Моя дражайшая маменька,

Вчера через Димитрия³⁹ я послал тебе по почте 50 царских дукатов⁴⁰. Все, что останется после оплаты за квартиру, сохрани на счету.

От Димитрия и Тирола⁴¹ ты узнала, как я повредил ногу. Слава Богу, сейчас мне намного лучше, но целых три недели я не выходил на улицу, поскольку к несчастью с ногой прибавился сильный изнуряющий насморк, но вот уже который день, похоже, становится лучше. Роза и Павел также чувствуют себя лучше. Павел был сегодня на рынке, а Роза готовит еду.

Послушай кое-что новое: как ты смотришь на то, если вы с Миной⁴² приедете в Белград, а после этого сразу мы вдвоем (ты и я) уедем на 8–10 дней в Лозницу, а затем или через Митровицы, или через Белград в Земун, на австрийскую территорию, в какое-нибудь курортное место⁴³, а где-нибудь в августе в Вену. Так мы провели бы хотя бы несколько месяцев

вместе. Это было бы для нас обоих лучше и приятнее, чем если ты останешься одна в Вене, а я поеду с Розой в Лозницу и на курорт.

Пиши как можно скорее! Если тебе тяжело писать самой, пусть Мина напишет от твоего имени. Передай привет Мине и Янко⁴⁴! Твой старый

Вук.

Примечания

¹ Стојановић Л. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924; Сусрети с Вуком / Избор и редакција Г. Добрашиновића и Б. Маринковића. Нови Сад, 1964; Шаулић Ј. Вук и породица. Београд, 1978; Вук и Вуков завичај / Грађу сакупио М. Бањанац. Тршић, 2008. Особо следует выделить работу И. И. Срезневского: *Срезневский И. И. Вук Стефанович Караджич: очерк биографический и библиографический* // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 339–369. Очерк жизни и деятельности В. С. Караджича, написанный русским славистом еще в Вене, стал первой научной биографией сербского ученого; вместе с тем в книге создан цельный и впечатляющий образ великого сербского просветителя, убедительно и живо обрисована обстановка и условия, в которых он жил и работал. Эта работа неоднократно издавалась как в России, так и в Сербии. – Подробнее об этом см.: *Дмитриев П. А. И. И. Срезневский и Вук Караджич* // Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966. С. 50–78.

² Некоторые из писем В. С. Караджича к жене и А. Караджич к мужу, написанные по-немецки, хранятся в Архиве Сербской академии наук и искусств (АСАНУ): Ф. 8532, Ф. 8699 и др. Большая часть переписки была издана – Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 26. Преписка VII. Београд, 1993. Наиболее полное собрание писем В. С. Караджича и его жены собрано Г. Добрашиновичем и вошло в книгу: Вук – Ана. Преписка / Подготовил Г. Добрашиновић. Нови Сад, 1992.

³ Некоторые письма из этой переписки публикуются в Приложении к данной статье.

⁴ Одна из первых статей В. С. Караджича для газеты «Новине сербске», посвященная урокам Первого сербского восстания, сразу обратила на себя внимание венского придворного цензора своей логикой и ясностью изложения материала, а также чистотой языка. – См. об этом: Шаулић Ј. Вук и породица ... С. 29–34; Копитар и Вук. Београд, 1978. С. 21–22.

⁵ Шаулић Ј. Вук и породица ... С. 41–45.

⁶ Вук – Ана ... С. 7.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ См.: Л. Мушички – Вуку. 10(22).XII.1816. Л. Мушички – Вуку. 25.XII.1816 (6.I.1817)

// Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 20. Преписка I. Београд, 1988. С. 342, 384.

⁹ Вук – Ана ... С. 19.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 57, 128, 171.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 34, 71.

¹⁶ Там же. С. 18.

- ¹⁷ Там же. С. 29. См. также письмо в Вуковар от 11.XII.1837. С. 110.
- ¹⁸ Там же. С. 107, 130–131.
- ¹⁹ *Гачев Г.Д.* Германский образ мира. Рукопись. С. 48. См. также: Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 26, 342–354.
- ²⁰ *Гачев Г.Д.* Германский образ мира... С. 137.
- ²¹ Вук – Ана... С. 88.
- ²² Там же. С. 88–89.
- ²³ Цит. по: *Срезневский И.И.* Вук Стефанович Караджич. М., 1884. С. 17.
- ²⁴ Перевод писем, приведенных в данной статье, осуществлен автором статьи по изданию: Вук – Ана. Преписка / Подготовил *Г.Добрашиновић*. Нови Сад, 1992. С. 8–10, 15–16, 19–20, 23–24, 62–63, 64–65, 82–83, 101–103. Даты писем приводятся по старому и новому стилю.
- ²⁵ Речь идет об отдельном листке, вложенном в первое послание В.С. Караджича Анне. После слова «Вопрос» в нем стояли слова: «Вы! Вы Моя! Хотите ли быть моей?» – См. об этом: Вук – Ана. Преписка... С. 177.
- ²⁶ В феврале 1818 г. у них родился первый ребенок, который умер 30 марта (11 апреля) 1819 г.
- ²⁷ Мария Тирка (ок. 1785–1826) – жена Теодора Деметра Тирки, венского торговца. Это семейство постоянно оказывало В.С. Караджичу и его семье материальную помощь.
- ²⁸ Речь идет о сыне Т.Д. Тирки.
- ²⁹ Г. Добрашиновић считает, что здесь произошла ошибка в дате письма по новому стилю, поскольку разница между старым и новым стилем в XIX в. составляла 12 дней. Кроме того, как отмечает исследователь, в тот год Пасха падала на 6(18) апреля. См.: Вук – Ана... С. 20.
- ³⁰ Милица Караджич (10.04.1819 – 20.11.1819) – второй ребенок в семье В.С. Караджича.
- ³¹ Флорин (гульден), шиллинг – денежные единицы в Австрии.
- ³² Сава Караджич (1820–1837, Петербург).
- ³³ Маргарита – прислуга в доме В.С. Караджича.
- ³⁴ Роза Караджич (26.11.1822 – октябрь 1840).
- ³⁵ Вероятно, речь идет о супруге священника православной церкви при русском посольстве в Вене Гаврилы Тихоновича Меглицкого.
- ³⁶ Парлатория – специальная комната-гостиная (для общения людей, проживающих по разные стороны границы) на территории главной контрольно-карантинной станции («kontumac») г. Земун, расположенного на границе Австрии и Сербии (в настоящее время Земун – часть г. Белграда).
- ³⁷ Игнат Василиевич, переводчик, брат Василия Василиевича, купца из Земуна, большого друга и соратника В.С. Караджича.
- ³⁸ Мхитаристы – конгрегация армянских церковников; основана в 1701 г. монахом Мхитаром Себасти. С 1717 г. ее представители действуют в Венеции, а впоследствии и в других городах Средиземноморья, являясь проводниками влияния Ватикана на Ближнем Востоке.
- ³⁹ Димитрие Караджич (12.07.1836 – 1883).
- ⁴⁰ 50 царских дукатов (или флоринов). Имеется в виду пенсия в 100 дукатов, которую В.С. Караджич ежегодно получал от русского правительства, начиная с 1826 г., и выделял жене половину этой суммы на домашние расходы.

⁴¹ Димитрие Георгиевич Тирол (1833–1876) помогал В. С. Караджичу в качестве секретаря.

⁴² Мина (Вильгельмина) Караджич, седьмой ребенок в семье (12.07.1828 – 12.06.1894).

⁴³ В конце июля 1861 г. Вук и Анна приехали в курортное место Топуско. 2 августа солдаты местного гарнизона «Овдашня Србадија» приветствовали Вука торжественным факельным шествием, перед началом которого с речью выступил священник местного прихода Матия Богданович. См.: Вук – Ана. Преписка... С. 171.

⁴⁴ Янко Вукоманович (6.IX.1859 – 28.V.1878), внук В. С. Караджича, сын его дочери Мины и Алексы Вукомановича (1826–1859).

М. М. Фролова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К ВОПРОСУ
О СОЦИО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ
В БИТОЛЬСКОМ ЭЯЛЕТЕ В 1861 г.
(по донесениям русского дипломата М. А. Хитрово)**

1861 год – это год, когда вспыхнуло новое восстание в Герцеговине во главе с Л. Вукаловичем, которое было поддержано Черногорией. Сопротивление герцеговинцев туркам произвело большое впечатление на Балканах. Весной 1861 г. видный деятель болгарского возрождения Г. С. Раковский с помощью сербского правительства приступил к созданию вооруженного формирования в Белграде – «Первого болгарского легиона». Исходя из убеждения, что «народный дух повсюду подготовлен к восстанию против турок», он разработал к концу 1861 г. новый план освобождения Болгарии, опиравшийся на четническую тактику. Впрочем, попытка претворить его в жизнь обернулась неудачей. Болгарская чета из Тырнова под предводительством хаджи Ставри выступила на Балканы 14 июня 1862 г., но, не имея поддержки со стороны других чет, разделилась на мелкие группы, которые были быстро обнаружены и пойманы турками.

1861 год – это год, когда униатское движение, официально оформленное в Стамбуле актом подачи группой константинопольских болгар прошения на имя Папы римского (18 декабря 1860 г.), достигло своего апогея, поскольку Пий IX рукоположил главу болгарских униатов Иосифа Сокольского в сан архиепископа всех болгар-униатов (14 апреля 1861 г.). Но тайный отъезд Сокольского в Россию (6 июня 1861 г.) обезглавил унию, привел к резкому спаду движения, к отходу от него подавляющего большинства болгарских общин.

1861 год – это год, когда переселенческие настроения, появившиеся в болгарском населении еще в 1860 г., масштабно проявились во многих регионах Европейской Турции и вылились в отъезд в Россию 10990 болгар обоего пола или 1560 семейств¹, выходцев из Видинского санджака.

Обозначенные темы отнюдь не новы в историографии. Но, как правило, каждая из них изучалась обособленно от других. Болгарский историк И. Тодев соединил их в предложенной им концепции, утверждающей, что русское правительство в 1861 г. предприняло хорошо спланированную акцию по переселению болгар в Россию для того, чтобы свести на нет униатское движение, перед которым вставали блестящие перспективы в первой половине 1861 г., а также обратить широко задуманную повстанческую акцию Г. С. Раковского в совсем слабое волнение в Тырновском районе – хаджи Ставрев мятеж². Католические эмиссары сулили болгарам национальную церковь, что избавит их от притеснений греческого духовенства, погашение долгов прозелитов турецкому правительству, покровительство Франции. Альтернативой унии, как подчеркивал Тодев, было переселение в Россию, которое освобождало болгар от гнета мусульман, греческого духовенства, обещало благодаря льготам и наделению землей существенное улучшение жизни. Поэтому и уния, и переселение, подчеркивал болгарский историк, привлекали в первую очередь людей из низших социальных слоев, способных поверить обещаниям. Успешность унии лишала Россию ее влияния на болгар-униатов, поэтому русские дипломаты, отлично уловившие альтернативность унии переселению, не только повели борьбу с унией, организовав вывоз в Одессу архимандрита И. Сокольского, но и спровоцировали переселенческое движение, чтобы отвлечь болгар от унии. Истинной причиной приостановления переселения поздней осенью 1861 г. Тодев называл агонию обезглавленной унии, а не обычно перечисляемые в литературе причины: отсутствие достаточного количества свободных земель в Крыму, осознание того, что переселение настраивает в антирусском духе болгарскую общественность и сокращает болгарское население в Турции³.

Впервые подобная интерпретация политики России начала 1860-х годов была высказана Тодевым в 1989 г., но этот тезис неуклонно повторялся и в последующих трудах историка⁴ и, без сомнения, не может не приниматься во внимание учеными⁵. Так, болгарский профессор Ст. Дойнов, длительное время изучающий вопросы переселения болгар в Россию, отметил точку зрения Тодева как плодотворную, высказав при этом пожелание дальнейших изысканий в этом направлении⁶.

Вовлечение в научный оборот новых документальных данных позволяет полнее осветить многие стороны указанных сюжетов, а заод-

но и поспорить с уважаемым автором, взяв в качестве объекта исследования Битольский эялет.

Политика России на Балканах после Крымской войны, нацеленная на восстановление престижа на Востоке и влияния на христианские народы Османской империи, потребовала расширения консульской сети в Европейской Турции. Российские представительства, в первую очередь, должны были появиться в тех городах, где уже действовали консульства других государств, прежде всего, Франции, Англии и Австрии. В перечне городов, который, например, рекомендовал общественный деятель болгарского возрождения, чиновник на русской службе Н. Х. Палаузов генерал-майору В. И. Васильчикову в записке от 21 апреля 1856 г., был назван и город Битоля (Монастырь)⁷, который в рассматриваемый период являлся административным центром эялета Румелия. Здесь же располагалась Главная квартира военного командования Румелии. В городе находились дипломатические представители Австрии, Англии, Франции, Греции и Пруссии, была открыта миссия католического ордена «Св. Лазаря».

А. П. Бутенев, российский посланник в Константинополе (1856–1859), несколько раз (в докладах от 26 декабря 1856 г. и 18 февраля 1857 г.) также обращал внимание министерства иностранных дел России на пользу от создания русских консульств в Тырново и Варне, вице-консульства – в Битоля. Министр иностранных дел А. М. Горчаков разделял мнение Бутенева о значении указанных городов, особенно первых двух, о чем и сообщил ему в телеграмме от 18 августа 1857 г. Горчаков отмечал, что названные города были не единственными, которые нуждались в присутствии русских дипломатов. «В то время как даже и второстепенные государства имели в Османской империи большое число дипломатических представительств, в Турции были провинции, где только Россия не имела консулов, при том положении, что нигде в другом месте мы не защищаем столь важные интересы»⁸, – подчеркивал министр. Но финансовый дефицит в стране по окончании Крымской войны существенно сдерживал открытие новых дипломатических постов России на Балканах.

Учреждению российского консульства в Битоля способствовали известия о том, что великим визирем Мехмедом Кипризли-пашой (Кюпрюлю-пашой) (1854, 1859–1861), во время его четырехмесячной

инспекционной поездки по Балканам в 1860 г., был раскрыт в Битоля очаг заговора христиан, которые образовали общество, названное «Казино». Посланник в Константинополе князь А. Б. Лобанов-Ростовский (1859–1863) докладывал Горчакову 11 октября 1860 г. о том, что в столицу Турции были привезены девять человек, закованных в железо, которые являлись главными руководителями этого заговора. Великий визирь уверял также, что ему удалось добыть частную переписку⁹. В министерстве иностранных дел России было высказано предположение, что «нити замышляемых южными славянами движений сходятся, быть может, в Битоля»¹⁰.

Еще весной 1860 г. в связи с дамасскими событиями (межконфессиональные столкновения между друзами (шиитами) и маронитами (католиками) в Ливане и Сирии), и подготовкой восстания в Герцеговине в дипломатических кругах России был поставлен вопрос о будущем политическом устройстве христианского населения Турции в случае ее падения. Секретарь русской миссии в Константинополе Е. П. Новиков в письме от 7 июня 1860 г. Е. П. Ковалевскому, директору Азиатского департамента, решительно доказывал, что «разложения Турции нельзя ожидать в близком будущем от общего восстания славянских племен. А частные движения и мятежи будут быстро подавляемы турками»¹¹.

Однако русский консул в Адрианополе (Эдирне) Н. Д. Ступин, начиная с донесения от 13 мая 1860 г., стал сообщать о нарастающей активизации деятельности тайного греко-болгарского общества в городе. Поход Гарибальди стимулировал его повстанческие настроения и разработку планов подобных действий для освобождения Балкан от власти турок. В донесении Ступина от 9 ноября 1860 г. был представлен план «высадок волонтеров на берега Европейской Турции подобно гарибальдийцам в Сицилию», осуществление которого останавливалось из-за отсутствия денежных средств¹². В «весьма секретном» донесении от 23 ноября 1860 г. Ступин сообщал Ковалевскому о том, что он вместе с приехавшим Н. Геровым, российским нештатным агентом в Филиппополе (Пловдиве), подробно разобрал этот план, который им уже не показался совершенно неисполнимым, «если бы единоверцы наши могли осуществить тайный народный заем от 6 до 8 млн. руб. серебром»¹³. Ступин предложил привлечь к движению капитана Илию (Ильо Христов Марков, дядо

Ильо), «страшной для турок личности», «последнего после Гарибальди отпечатка древних благодетельных разбойников, защитников прав угнетенного народа и ужасов его притеснителей». В связи с появлением фигуры капитана Илии родился новый план: «доставление» ему помощи «оружием, порохом и деньгами до миллиона рублей серебром» через Сербию имело «бы последствием быстрое распространение всеобщего восстания христиан, объявивших бы свои требования – исполнения всех обещаний Порты и Хати-Гумаюна»¹⁴. Общим у этих планов было то, что они предполагали обязательное военное вмешательство России и Франции в первом случае (по примеру Гарибальди), и одной России – во втором. (Восставшие объявили «бы желание или подчиниться России, или иметь своим королем одного из членов императорского дома. Это обстоятельство не могло ли бы вызвать немедленное занятие русскими войсками Черноморского побережья Болгарии в отвращение кровопролитных столкновений христиан с мусульманами?»)¹⁵.

Ступин испрашивал разрешение дозволить Герову войти в тайный контакт с капитаном Илией, встретившись в Рильском монастыре. Это донесение из Адрианополя по получении в Петербурге 29 декабря 1860 г. было немедленно доложено Александру II, который отметил: «Иметь такого человека, как капитан Илия, в запасе на случай всеобщего восстания может быть весьма полезно, но самое восстание желательно было бы не торопить и, если можно еще, отложить. Во всяком случае, считаю небесполезным, чтобы Геров вошел с ним в сношение»¹⁶. В тот же день (29 декабря 1860 г.) Горчаков отправил Лобанову-Ростовскому предписание, полученное в Стамбуле 11 января 1861 г., – направить Герова в Рильский монастырь на встречу с капитаном Илией под благовидным предлогом доставления монастырю или окрестным церквам богослужебных предметов, чтобы «узнать о предложениях Илии и о тех средствах, какими он может располагать»¹⁷.

Слишком явные симпатии Ступина идеям всеобщего выступления славян против турок возбудили в администрации Эдирне подозрения и дали повод обвинить его в том, что он подталкивал христиан к восстанию. Русский консул был отозван со своей должности. В министерстве иностранных дел России квалифицировали обвинения против Ступина, «даже если бы они оказались справедливыми», как

проявление «только некоторой опрометчивости, а не дурных намерений» русского дипломата. Но были сделаны соответствующие коррекции в повстанческом потенциале Адрианопольского вилайета. В инструкции от 24 марта 1861 г. Н. П. Шишкину (1861–1863), сменившему Ступина в адрианопольском консульстве, указывалось: «В настоящее время во многих местах Турции грозит, по-видимому, восстание христианских жителей. Если даже оно вспыхнет, то, по всей вероятности, Адрианопольский край вследствие близости столицы и перевеса магометанской стихии останется в стороне от могущих произойти замешательств». В Азиатском департаменте допускали вероятность обращения «вождей христиан» к российскому консулу, которому рекомендовалось «не подавать им преувеличенных надежд, но с другой стороны», не следовало внушать «им недоверия, а тем более неприязни к России». Необходимо было говорить им, «что Россия в настоящее время не в состоянии оказать им материальной помощи и что они в таком опасном предприятии должны исключительно рассчитывать на свои собственные силы», что «Россия будет употреблять для их пользы свое политическое влияние»¹⁸.

Таким образом, правительство России, не желая всеобщего восстания христиан в начале 1860-х гг., тем не менее, учитывало подобную возможность и стремилось быть в курсе событий, чтобы их контролировать и иметь на них влияние. Без сомнения, этой мыслью руководствовались в министерстве иностранных дел при учреждении двух новых дипломатических постов России в Европейской Турции – консульства в Битоля и вице-консульства в Филиппополе. Указ был утвержден Александром II 31 декабря 1860 г.

Управляющим императорским российским консульством в Битоля, вероятно, не случайно был назначен М. А. Хитрово (1837–1896), чиновник Азиатского департамента, который получил военное, а не университетское образование: он закончил школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. В архивных фондах «Российское консульство в Битоля» и «Посольство в Константинополе» (Архив внешней политики Российской империи), к сожалению, не сохранились инструкции, которые, как это было заведено в практике Азиатского департамента, давались дипломатическому представителю перед его отбытием к месту службы. Впрочем, донесения Хитрово убедительно свидетельствуют о том, что в его задачи

входило выявление руководителей подготавливавшихся восстаний в крае, вверенном для наблюдения консульства, и, вероятно, вступление с ними в контакт.

Хитрово прибыл в Битоля в марте 1861 г., когда в разгаре было восстание в Герцеговине. «Битоля представляет вид совершенно военного лагеря; всю ночь напролет по случаю рамазана гремит весьма хорошая военная музыка, на улицах встречаем одних солдат, общество почти исключительно состоит из офицеров, в числе которых весьма много европейцев, большей частью поляков, русских и венгерцев»¹⁹, – писал он в МИД.

С первых же дней Хитрово стал собирать информацию о возможных инсургентах в этом крае. В одном из первых его донесений, от 23 марта (4 апреля) 1861 г., сообщается, что в город поступили известия о высадке в Антивари 250 человек, гарибальдийцев, которые успели перебраться в Черногорию, и что турки опоздали им «воспрепятствовать»²⁰.

Со следующим курьером было отправлено донесение (от 9 апреля 1861 г.), в котором Хитрово писал: «Я старался разузнать, нет ли в здешней местности каких-либо приготовлений в народе, нет ли здесь сербских или греческих эмиссаров, но до сих пор все мои попытки на этом пути остаются без успеха, и, как кажется, сюда ничего еще не проникло. Скорее можно ожидать чего-нибудь в Фессалии и Эпире, где, по-видимому, издавна что-то готовится под тайным греческим покровительством»²¹. В доказательство последнего предположения Хитрово сообщал об обнаружении турками нескольких тайных складов пороха, который хранился довольно хитроумным образом: порох засыпался в засмоленные бочонки, которые размещались вдоль берега в море с небольшими буюми. Однако владельцы этих складов так и остались не найденными.

Военные власти в Битоля, по наблюдениям Хитрово, весьма опасались восстания в Фессалии и Эпире. Они старались хранить в тайне все свои распоряжения. Впрочем, стало известно, что получены «беспокойные вести» с греческой границы, поскольку из Лариссы были запрошены подкрепления. Хитрово отмечал, что в Битоля делались значительные военные приготовления; в город ежедневно прибывали батальоны редифов и отсюда отправлялись по разным назначениям.

По прошествии еще одного месяца пребывания в Битоля Хитрово окончательно убедился в том, что «со стороны здешних христиан, удаленных от всякого внешнего влияния, не заметно никаких приготовлений. Богатые городские чорбаджи, даже из болгар, живут в своих неприступных как крепость домах, мало заботясь о сельском народонаселении, и думают единственно о спасении своих капиталов среди общего финансового кризиса»²². Хитрово констатировал (в донесении от 25 мая 1861 г.): «Христианское народонаселение с давних пор привыкло к двойному игу турецкого самоволия и фанариотского корыстолюбия и далеко не приготовлено еще ни к какому движению»²³.

Русский консул не мог не интересоваться тайным обществом «Казино». Оказалось, что казинисты исповедовали идеи эллинизма, «занесенные из Греции», которые встретили «сочувствие лишь со стороны многих молодых людей, преимущественно влахов и греков, принадлежавших к богатому сословию». Вся деятельность казинистов «ограничивалась одним ропотом, а влияние их на население было слишком ничтожно, чтобы вселять серьезные опасения». Народ остался им чужд. Посещение великого визиря, закрытие «Казино», которое сопровождалось арестом многих его деятелей, а также казнью одного из его членов – Таско (Ташко), «убили в самом основании зародыши свободных стремлений»²⁴.

Впрочем, на западе от Битоля и на юге, на границе Фессалии, по сведениям Хитрово, был «сильно развит греческий элемент». Этот регион, в котором население в большинстве своем состояло из влахов и албанцев-христиан, был «обработан греческими эмиссарами»²⁵. В районе на восток и север от Битоля проживали преимущественно славяне. Центром «болгарского элемента» являлся город Велес (Кюпрюлю). По доходившим до Хитрово известиям, здесь были «те же надежды и стремления», какие наблюдались «в других местностях собственно Болгарии». Болгарский церковный вопрос имел «здесь гораздо сильнейший отголосок, чем в Битоля»²⁶. Богатые люди, которых было много в Велесе, «вдали от непосредственных общений с турками, привыкли более свободно думать и находиться в более близких отношениях к народу, чем в других местностях»²⁷. В отличие от Битоля, где христиане были «слишком раздроблены на партии», где было «слишком много различных противоположных влияний», где «контроль турецких властей слишком

близок и непосредственен» и где «трудно ожидать что-нибудь», «Велес же может действительно сделаться средоточием славянского движения, когда рано или поздно это движение обнаружится»²⁸, – полагал Хитрово. Он хотел сам убедиться в достоверности получаемых известий, которые были «весьма не полны», поэтому просил разрешения у своего начальства совершить поездки во Флорину, Охрид, Дебр, Скопье и в особенности в Велес.

Отлучаться надолго из Битоля Хитрово позволили лишь после приезда (12 июня 1861 г.) Л. В. Березина, назначенного секретарем и драгоманом консульства. Но реализовать свое намерение в 1861 г. Хитрово смог наполовину: ему удалось изучить только южное направление Битольского эйялета. 19 июля русский дипломат отправился в Сачисту и Кожаны. В Сельфичи (Сервии) он встретился с Иониным, российским консулом в Янине, и они вместе посетили некоторые села Эпира и Фессалии. 1 августа Хитрово возвратился в Битоля. 10 октября он направился в Салоники, где была назначена очередная встреча с Иониным. За передвижениями русских дипломатов зорко следили их коллеги. Особое беспокойство проявляло греческое правительство, которое предписало своему вице-консулу в Битоля Валиано немедленно выехать в Сачисту и Кожаны, а также к границе с Эпиром и Фессалией, чтобы «привлечь вновь в лоно грецизма тамошнее население, которое в результате умелых увещаний русских консулов Хитрово и Ионина начало проявлять склонность к панславизму»²⁹. Новый австрийский вице-консул Л. Заксл, прежде бывший переводчиком (драгоманом) и сменивший Соретича на этом посту, полагал, что тревога, испытываемая греческими властями, обосновательна, так как Эпир и Фессалия мечтали об объединении с Грецией, в то время как Россия являлась мечтой для Болгарии³⁰.

Итогом деятельности Хитрово по изучению обстановки в Румелийском эйялете в 1861 г. стал вывод, сообщенный в Петербург в секретном донесении о том, что «христиане здешние, к несчастью, далеко отстоят от христиан других частей Болгарии; и те чувства, которые там пробудились в последнее время, здесь еще спят глубоким сном». Предположение, что Битоля являлся центром готовившихся повстанческих выступлений южных славян, не оправдалось. Но Хитрово полагал, что учреждение российского консульства в Битоля принесло несомненную пользу: «Здешние христиане убеди-

лись, по крайней мере, в том сочувствии, на которое они всегда вправе рассчитывать с нашей стороны, и я старался сделать все, чтобы поддержать в них это убеждение»³¹.

Во время своего пребывания в Стамбуле (конец января – март 1861 г.) в ожидания фирмана Порты на открытие российского консульства в Битоля Хитрово имел возможность хорошо изучить вопрос о развитии униатского движения среди константинопольских болгар. Он стал свидетелем усилий российского посланника Лобанова-Ростовского противодействовать росту и успехам этого движения. В Битоля Хитрово должен был столкнуться с подобной ситуацией, поскольку в этом городе католическая миссия «Св. Лазаря» начала свою деятельность еще в 1856 г. Ею руководил аббат Лепавек, известный миссионер с огромным опытом работы на Востоке.

Но, прибыв на место своей службы, Хитрово убедился, что «масса народонаселения в окрестностях Битоля сильно привержена православию, и религиозные дела болгар в Константинополе не имели там отголоска, несмотря на происки католической пропаганды и протестантских миссионеров»³².

В самом городе в то время насчитывалось около 50 тыс. человек, в том числе 25 тыс. турок, 20 тыс. христиан и 5 тыс. евреев. Христиане состояли из греков, огреченных влахов* и болгар. Известно, что вначале усилия Лепавека, специально выучившего греческий язык, были направлены на греков и влахов. Но ему не удалось вовлечь в лоно католической церкви ни одного из них. В 1858 г. в Битоля прибыл аббат Е. Боре, руководитель ордена лазаристов и его миссий на Востоке, которому стала подчиняться битольская миссия. Он дал распоряжение ввести в богослужение и преподавание болгарский язык³³. Находясь в Стамбуле, Боре внимательно следил за разгоравшейся греко-болгарской церковной борьбой**. Миссионерам в Бито-

* Так в Македонии называли выходцев из Валахии (современная Румыния), которые в основном занимались скотоводством и торговлей.

**Издание хатт-и хумаюна 1856 г., провозглашавшего равноправие мусульман и христиан Османской империи и предусматривавшего реформирование Вселенского патриархата, позволило болгарской общине в Стамбуле, принявшей на себя представительство всего славянского населения Турции, подать султану Абдул Меджиду прошение от имени 6 400 000 болгар. В нем было выражено желание иметь свою независимую от Константинопольской патриархии церковь. Высокая Порта передала

ля также необходимо было оперативно развернуться в сторону болгар, чтобы воспользоваться предоставлявшейся возможностью – использовать церковный конфликт в своих целях и привлечь болгар к унии. В конце 1859 г. из Стамбула был прислан болгарин Васил Манчов*, учившийся в Одесской гимназии. Он поселился в миссии и стал обучать Лепавека и его помощника брата Касена болгарскому языку. Болгарский историк Н. Генчев указывал, что в 1863 г. Лепавек в первый раз говорил на болгарском языке в болгарских селах Велесской казы (уезда)³⁴. А из донесения управляющего российским консульством М. А. Хитрово от 9 апреля 1861 г. следует, что Лепавек уже тогда «хорошо говорил по-болгарски»³⁵.

Лепавек обустроивался в Битоля с размахом, купив красивый дом с огромной территорией. Он разместил «католическую домовую церковь (chappelle) в прекрасном помещении» и начал хлопотать о постройке большой церкви (eglise). Однако оказалось, что это была вакуфная земля. «Проведав о намерениях католиков», турки возобновили находившуюся вблизи избранного места покинутую мечеть и восстановили в ней служение – теке (мусульманский монастырь – М.Ф.): перед католической часовней исполнялись религиозные танцы дервишей³⁶. Судебная тяжба в битольском меджлисе, предпринятая Лепавеком, затягивалась. Не находя решения своего вопроса в местной администрации, он обратился с прошением к Порте, которая также не торопилась с ответом. Летом 1861 г. Лепавеку пришлось предпринять поездку в Стамбул, откуда он возвратился с письмом великого визиря, который позволял обменять вакуфную землю на территорию во французском квартале³⁷.

В исследовании болгарского историка Н. Генчева было показано, что учреждению в Битоля лазаристской миссии активно содействовал первый французский вице-консул Белен де Бюга³⁸. Однако в начале 1860-х гг. дипломатическое представительство Франции в Битоля было упразднено, а защищать французские интересы было поручено английскому консульству. Но Кальверт, по наблюдению

это прошение Константинопольской патриархии, которая отказала в его удовлетворении. Лишь в 1870 г. султан издал фирман об учреждении самостоятельной болгарской церкви.

* В донесениях Хитрово и австрийских вице-консулов В. Манчов фигурирует как Васил Манчевич.

Хитрово, «не очень» «протезировал» лазаристам. Лепавек, недовольный эффективностью покровительства англичан, стал хлопотать об учреждении французского консульства в Битоля. Австрийский вице-консул Соретич, разделяя позицию Лепавека в этом вопросе, писал в своих донесениях, что «пропаганда лазаристов среди болгар была бы облегчена от присутствия французского консула»³⁹. Лепавек, вероятно, на тот момент не сомневался в успехе своих ходатайств, поэтому с 6 мая 1861 г. в доме лазаристской миссии стал держать свободную квартиру для французского консула. Впрочем, Кальверт «ничего официального на этот счет не получал»⁴⁰, – писал Хитрово. В 1860-е гг. Франция так и не возобновила свой дипломатический пост в Битоля.

Хитрово отмечал, что католическая пропаганда действовала в Битоля «весьма деятельно, но совсем безуспешно; до сих пор обратилось только одно семейство и то из бедности»⁴¹. Лепавек «всеми средствами и самыми несбыточными обещаниями» старался склонять болгар к принятию унии. Правой рукой католических пропагандистов служил В. Манчов, который «деятельно» пытался распространять мысли об унии, «но до сих пор успел приобрести со стороны болгар общее презрение»⁴². На основании всех этих данных Хитрово в донесении от 6 апреля 1861 г. пришел к выводу о том, что все старания католических миссионеров в Битоля были тщетны⁴³. Верность этого заключения подтверждается также и мнением австрийского вице-консула, который в своем донесении от 30 (18) мая 1861 г. совершенно независимо от Хитрово писал, что четырехлетние усилия Лепавека вовлечь болгар в католическую церковь оказались бесплодными. Соретич далее констатировал: «Насколько я могу оценить характер и церковные стремления болгар, то жители Охридского каймакамлыка менее всего думают об унии, а напротив, мечтают после приезда русского консула еще больше, чем прежде, о восстановлении болгарской православной патриархии в Охриде»⁴⁴.

Впрочем, Лепавек не думал опускать руки. Убедившись в безуспешности пропаганды в Битоля и других больших городах, он перенес круг «своей слишком ревностной деятельности в отдаленные деревни». И опять «славным подвижником» ему служил В. Манчов. В Битоля, по данным Хитрово, Манчов пользовался «самой незавидной репутацией», поскольку в городе болгары знали, «что он своих убеждений не имеет и служит Лепавеку единственно из-за денег».

Русский дипломат считал, что деятельность Манчова в самом Битоля не могла быть опасна⁴⁵.

Но лазаристы искусно использовали ситуацию в Битольском санджаке, где болгары испытывали острую потребность в церковных книгах и церковной утвари. По сведениям Хитрово, славянских книг не было почти ни в одной из церквей этого региона, тогда как сельские священники были «почти везде болгаре». По заданию Лепавека Манчов стал обходить селения и предлагал им доставить славяно-церковные книги и церковную утварь. Он обещал сельским священникам и общинам снабжать их всем необходимым. При этом Манчов выдавал себя за православного и не говорил, что предлагаемые им книги католические и «что все это делается через западных пропагандистов». «Простодушные крестьяне», «благодарные всякому, кто доставлял им славяно-церковные книги и церковную утварь», без сомнения, и не подозревали, «каким путем и через какие руки они им достаются». Манчов только требовал от жителей этих селений, чтобы они обращались к нему с письменными просьбами. Впоследствии эти просьбы служили для лазаристов теми документами, по которым «легковерные общины совершенно без их ведома» считались обратившимися в католицизм⁴⁶.

Успех подобных действий Манчова был налицо: в апреле 1861 г. он уговорил 12 селений обратиться к нему с письменной просьбой снабдить их церковными книгами, о чем Хитрово сообщил в донесении от 4 (16) мая 1861 г. Русский дипломат срочно предпринял контрмеры, предварительно посоветовавшись «с некоторыми из здешних болгар». К сожалению, он не назвал их имена. Хитрово тайно отправил в эти селения «надежного человека с поручением растолковать жителям значение их легковерного поступка и, если возможно, уговорить их подписать письмо, которым бы они гласно отказались от непрошенных услуг Манчова и католической пропаганды»⁴⁷. Задание было выполнено. 13 (25) мая 1861 г. посланный возвратился и привез письмо (от 7 мая 1861 г.), изобличившее неблагоприятную деятельность Манчова как пособника католических миссионеров. Оно было подписано теми же самыми лицами, которые поставили свои подписи под прежней своей просьбой к Манчову о церковных книгах – священниками папой (попом) Иоанном из сел Слепче и Бойница, папой Стойче из села Стругово и папой Николой из сел Балдино и Траиц.

Хитрово приложил к донесению от 13 (25) мая 1861 г. данное письмо и обратился к посланнику в Константинополе князю Лобанову-Ростовскому: «Не найдете ли Вы возможным передать это письмо для напечатания в “Царьградском вестнике”^{*}. Это обнаружит действия Манчевича перед здешними болгарскими, от которых он до сих пор тщательно скрывает свою апостольскую деятельность, и избавит нас от его беспокойной пропаганды»⁴⁸. Кроме того, Хитрово просил разрешение об отнесении на счет чрезвычайных по службе издержек 15 руб. сер., выданных им на путевые расходы посланному в эти селения человеку. 16 (28) июня 1861 г. в императорской константинопольской миссии было составлено уведомление, согласно которому Хитрово было дозволено «отнести на счет чрезвычайных издержек 15 руб. сер.», выделенные им «доверенному лицу на разъезды по деревням для противодействия латинской пропаганде»⁴⁹.

Лобанов-Ростовский выполнил просьбу Хитрово, и 10 (22) июня 1861 г. в газете «Цариградски вестник» (№ 24) была опубликована заметка без подписи и без заглавия. В ней сообщалось о том, что Васил Манчов «предался и духом и телом» латинянам и «стал их слепым орудием», что он, называя себя православным, ходит по селам и обманом заставляет простодушных крестьян писать ему письма с просьбой о церковных книгах, на основании которых доказывает, что жители этих сел – католики. В заметке отмечалось, что как только жители 12 сел поняли этот обман, так тут же отправили в редакцию газеты письмо, которое редакция посчитала необходимым обнародовать⁵⁰. Письмо было также опубликовано и на страницах газеты «Дунавски лебед»^{51**}. Благодаря вводимым в научный оборот сведениям из донесений М. А. Хитрово раскрываются действия католической миссии в Битоля и история появления вышеуказанных статей в болгарских газетах, которые должны были послужить одним из средств противодействия католической пропаганде как в Битольском санджаке, так и в других регионах Болгарии.

Информация из донесений Хитрово дополняет и корректирует также труд известного болгарского ученого Кирилла, патриарха Болгарского, который при рассмотрении вопроса о развитии униат-

* «Цариградски вестник» – болгарская газета, издававшаяся А. Экзархом, а затем И. Богоровым в Стамбуле (1849–1861).

** «Дунавски лебед» – болгарская газета, издававшаяся Г. С. Раковским в Белграде (1860–1862).

ского движения в Битольском крае весной 1861 г. использовал сведения из рассмотренных нами статей⁵².

При сопоставлении подлинника письма, сохранившегося в АВПРИ (в документах по битольскому консульству), с публикацией в газете «Цариградски вестник» обнаруживаются определенные искажения в напечатанном тексте письма, поэтому представляется значимым для исследователей опубликовать данное письмо с соблюдением его орфографии.

«Господару Василия Манчевиѣу у Битолиа (Манастирь)

Ніе како прости и неучени лузе, кои на свакога, кои би се къ нами съ православіемъ прибижію биль, по вѣре ніе имама, тако смо се и на васъ претъ 4 месеца наслониле, кога сте насъ нудиле, да намъ отъ православната църква у Галата церковни книги донесете.

Ніе сме то онда учиниле, ѣ едно писмо кое сте ви сами диричирале, подписале, у което молихме, да се намъ православни церковни книги ѣспрататъ. Това све сме учиниле съ надеждомъ ѣ намереніемъ да ова ваше предложеніе ѣскрени, ѣ за православната цѣрква, полезень цѣль ѣма.

Но будуѣи сада смо разумеле: Да віе самъ едень католички апостоль сте, да она църква у Галата, католичка църква ѣе, да онѣи книги кои сте обещале да дамъ донесете, чѣсто католички книги су, ѣ въ конде будуѣи вашето намѣреніе не е било друго, него да насъ отъ нашата православна църква делите, ѣ насъ у католичество внесете, съ едень речъ будуѣи сте віе натѣравале ѣ сакале да насъ католици правите.

Зато сме дужий на нашата православна цѣрква да одѣинемо ѣ строшимо тай яремъ католички, кои сте намъ приготовлявале, ѣ да вамъ кажемо, да оно писмо кое сте от насъ съ лукавствомъ и преваромъ ѣзчепѣле, како да нигда не било го смотраме, ербо ніе не само ща нѣгде на католически законъ не сме смислили, него нити името папицанско сакаме да го чуеме, а нити пакъ книги церковни одъ васъ сакаме, ербо съ едень човекъ. Како віе що сте, и кои никакво друго намѣреніе нема одъ семъ нашиотъ законъ да поганѣи, неѣмо никакво сношеніе да ѣмаме ѣ.

Господинъ Богъ да вѣи наградѣи ѣ наплати за вашето лукавство, и свакога человекъ да сохрани от вашиотъ еретическѣи отрофъ.

/Подпѣсао/ папа Јѣванъ отъ село Слепче ѣ село Бѣйница

Со се сито 12 села единоголасно сите общинари неѣмо нити пакъ сме сакале никои, никатъ неѣмо въ нашиотъ законъ ѣ въ нашиотъ манастирь да се мешатъ одъ семъ православната наша восточна църква.

/подпѣсао/ Азь Папа Стойче Ефимерѣа на село Стругова

/подпѣсао/ Азь Папа Никола Ефимерѣа на село Балдино ѣ Траѣц
месець маѣа 7 день 1861»⁵³.

Этот случай позволил Хитрово более настойчиво повторить свою просьбу Лобанову-Ростовскому – о высылке в Битоля церковных книг, хранившихся в императорской миссии в Константинополе⁵⁴.

Разоблачение Хитрово махинаций лазаристов с письменными прошениями крестьян не укрепляли идею унии славян Битольского края с Римской курией. Последовавший затем громкий скандал с униатским священником Й. Чокерлияном и вовсе скомпрометировал католическую миссию в городе. Дело заключалось в следующем.

Осенью 1860 г. в Битоля по приглашению Лепавека появился священник Иован (Йохан) Вукаденович Чокерлиян, определенный вначале в католическую миссию в Салониках. Он владел практически всеми славянскими диалектами и должен был помочь Лепавеку и Касену «в совершенстве овладеть болгарским языком для проповедей среди славяно-болгар»⁵⁵. Вероятно, занятий с В. Манчовым было недостаточно. О Чокерлияне писал и Хитрово в донесении от 9 апреля 1861 г., правда, не называя его имени: «В здании, занимаемом лазаристами, помещается также со своей церковью униатский священник славянин из Баната, совершающий богослужение на болгарском языке и проповедующий, что признание Папы главою церкви не есть отступление от православия, если обряды сохраняемы те же, как были прежде». Хитрово далее сообщал, что Чокерлиян с Лепавеком «не поладил и, кажется, скоро уезжает»⁵⁶.

Чокерлиян был недоволен своим вознаграждением у Лепавека, который предоставлял ему только питание и проживание, но не одежду и белье. Будучи австрийским подданным, Чокерлиян обратился к австрийскому вице-консулу с просьбой о денежной помощи от австрийского правительства. Соретич, имея пример в лице католического миссионера Фортунато ди Вита, который получал подобную денежную субсидию от правительства в размере 100 франков ежегодно, уважил просьбу священника и направил свое ходатайство от 11 (23) мая 1861 г. барону фон Бауму, австрийскому консулу в Салониках. При этом Соретич подчеркивал, что Чокерлиян был безупречного поведения⁵⁷.

Однако уже 1 (13) июня 1861 г. Соретич докладывал о том, что Чокерлиян был уличен в «противоестественном блуде, который он совершал с покупаемыми любовниками». Были представлены свидетельства того, что Чокерлиян «пытался завербовать для своих срамных целей даже двух человек из охраны австрийского вице-консуль-

ства». Он обращался с подобным предложением и к конюху русского консульства, который пас лошадей вне города, и дал ему деньги, но конюх обманул священника, убежав от него. Соретич пытался оправдать свое ходатайство о денежном пособии Чокерлияну, подчеркивая, что его заявление о безупречном поведении священника относилось только к политическому его поведению, поскольку в голову ему не могло прийти, чтобы «почти 60-летний мужчина» мог быть обвинен «в моральных прегрешениях»⁵⁸.

К изобличению католического священника в Битоля неожиданно присоединился автор статьи «Папские миссионеры» в газете «Дунавски лебед» (№ 33 от 11 мая 1861 г.), которая была получена из Белграда в это же время. В статье был опубликован текст судебного приговора от 5 марта 1856 г., вынесенного окружным судом в Темешваре в связи с «противоестественным блудством» священника Иована Вукаденовича Чокерлияна. Из судебного дела становилось ясно, что Чокерлиян, родом из Гросс-Бечкерска (Великс-Бечкерск), 52 лет, принадлежал к греческой униатской церкви, был вдов, прежде был православным священником. По статье 130 Чокерлиян был осужден на 3 года строгого тюремного заключения. Автор статьи, вероятно, Раковский, писал, что это тот самый Чокерлиян, который опубликовал книгу против православной веры, а в этом издании ему помог известный среди славян католический епископ Й. Ю. Штро-смайер⁵⁹.

Это происшествие разгневало местную католическую и возмутило православную общину. Соретич считал, что дальнейшее пребывание Чокерлияна не только в Битоля, но и вообще в Турции было невозможно. При этом он полагал, что не нужно предавать Чокерлияна местным судебным властям, а скорее «отправить под верным конвоем в Салоники, откуда он должен быть депортирован на родину. Во всяком случае, желательно, чтобы этот субъект, опорочивший имя австрийского священника, был бы поскорее удален отсюда»⁶⁰.

Эта неприглядная история, имевшая место в отсутствие Лепавека и Касена, которые еще 17 (29) мая 1861 г. уехали в Стамбул по делам миссии, серьезно поколебала авторитет католических миссионеров среди болгар Битоля.

23 ноября (5 декабря) 1861 г. русский дипломат Хитрово вновь твердо заявил, что католическая пропаганда за первые 5 лет своего существования в Битоля не имела успеха. «Верность местных хри-

стиан православию может считаться хорошим гарантом будущему»⁶¹, – констатировал дипломат.

Важно, что и американский протестантский миссионер Епштейн официально признал свою деятельность в Битольском крае безрезультатной. Он написал своему начальству в Канаду о том, что он убедился «в невозможности произвести прозелитов в этой стране и что его совесть ему не позволяет более получать жалованье, которое ему платят за то, что он ничего не делает. Таким образом, протестантизм остался на данный момент в Битоля без официального представителя»⁶², – сообщал Хитрово в том же донесении.

Итак, труды Лепавека на ниве обращения болгар Западной Македонии в униатство не принесли плодов и в 1861 г.

Публикация документов «Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876» (София, 1987) позволяет выявить первые свидетельства о желании болгар Османской империи переселиться в Россию, которое в конечном итоге частично осуществилось в так наз. видинском переселении. На этот вопрос исследователи мало обращали свое внимание.

Генеральный консул России в Белграде полковник М. Р. Милошевич (1856–1860) в докладе от 19 января 1857 г. А. М. Горчакову сообщал, что хатт-и хумайюн от 18 февраля 1856 г., объявлявший полное равенство прав всех подданных и обещавший проведение реформ, не изменил положение болгарского населения северо-западной Болгарии к лучшему, но вызвал у мусульман ненависть и озлобление. Болгары, прежде всего из Видинского пашалыка, доведенные до отчаяния насилием турецких чиновников, стали часто поодиночке и целыми группами переходить сербскую границу. Сербский князь Александр Карагеоргиевич, не желая портить отношения с Портой, распорядился возвращать назад беженцев под предлогом отсутствия у них паспортов. За помощью болгары обращались к русскому консулу в Белграде⁶³. Милошевич предлагал учредить русские консульства в Видине и Софии, а вице-консульства в Свиштове и Тырнове⁶⁴.

Поток беженцев из Османской империи в Сербию не прекращался и стал ощутимым бременем для правительства княжества. Александр II по докладу Горчакова от 21 апреля 1860 г. позволил передать 15 тыс. руб. серебром в распоряжение посланника в Вене В. П. Балабина для оказания пособий (преимущественно для покупки

хлеба) болгарским и боснийским выходцам, бежавшим от насилий в Сербию и не сумевшим спасти что-либо из своего имущества⁶⁵. Весной 1860 г. обилие жалоб из болгарских провинций в российские дипломатические представительства, в которых содержались «длинные перечни зверств» фанатиков-мусульман и турецкой администрации, заставили Россию предложить европейским кабинетам провести совместное расследование и предотвратить тем самым массовое кровопролитие⁶⁶. Летом 1860 г. для проверки огромного количества жалоб христиан, а также для выяснения, как выполняются реформы на местах, Порта направила великого визиря Кипризли-пашу в инспекционную поездку по Европейской Турции. Однако жалобы христиан и после возвращения сановника в Стамбул не прекратились.

Многочисленность прошений болгар – «эти вопли, эти мольбы о дозволении переселяться» в Россию, сделавшись «общими и настойчивыми, особливо с 1858 г., когда турецкое правительство начало водворять в христианских деревнях Болгарии мусульман, выходцев из Крыма и Ногайских степей», заставила Александра II принять решение о возможности селить болгарских мигрантов в Таврической губернии⁶⁷, откуда в 1860 г. в Османскую империю выехало 136545 человек или 60,5% всех татар и ногайцев⁶⁸. При этом в Петербурге руководствовались «только сочувствием к бедствиям наших единоверцев в Турции, для которых переселение в Россию было бы единственным средством облегчения их участи, сколько и видимую пользою для населения края», что было подчеркнuto в предписании Азиатского департамента МИД консулам от 10 ноября 1860 г. и подтверждено 7 декабря того же года.

Но к началу 1861 г. «движение» начало приобретать такой размах, что А. М. Горчаков счел необходимым предупредить о том Порту и просить ее сделать «соответствующие распоряжения к облегчению, по мере возможности, выезда болгар». С предписанием Горчакова от 11 января 1861 г. Лобанов-Ростовский ознакомил министра иностранных дел Турции Али-пашу (1861–1871), который сообщил о том в Порту. Она постановила приказать «всем зависящим начальствам» не чинить препятствие эмиграции, о чем 22 февраля 1861 г. русский посланник сообщал в своем донесении в Петербург⁶⁹. 10 июля 1861 г. в письме к Лобанову-Ростовскому Горчаков вновь подтвердил: «Мы никогда не имели намерение вызвать массо-

вую эмиграцию райи. Льготы, которые мы предоставляем из видов чисто человеческой гуманности, в условиях аграрной экономики имеют границы, очерченные количеством земли, которым мы можем располагать»⁷⁰. Русский посланник в Константинополе должен был на этот счет успокоить Али-пашу, но одновременно ему следовало настаивать на устранении со стороны турецких властей на местах препятствий к переселению тех болгар, которых будет готова принять Россия.

М. А. Хитрово, как уже отмечалось, находился в столице Османской империи, когда была достигнута договоренность с Портой по вопросам переселения болгар в Россию. Однако в Битоля эта проблема длительное время была не актуальна, донесения русского дипломата были наполнены сведениями о тяжелом положении славянского населения, о произволе местной администрации, о грабежах и убийствах в регионе. Информация о желании болгар Битольского края переселиться в Россию впервые появилась только в донесении от 10 августа 1861 г.

Хитрово едва вернулся в Битоля из поездки в Фессалию, как к нему обратились несколько болгарских семейств с подобной просьбой, которые по примеру дунайских болгар решились оставить отечество и бежать от преследований турок и турецкого правительства. Они также уверяли, что если их просьба (первых переселенцев) будет уважена, то за ними последуют многие другие, и явится до 100 и более семейств, желающих покинуть Турцию.

Похоже, что русский дипломат был совсем не готов к прошением такого рода. Он запросил и в Азиатском департаменте, и в императорской миссии в Константинополе сведения о переселении дунайских болгар, которыми он не располагал, а также подробные инструкции на этот счет. В свою очередь, Хитрово стал выяснять настроения жителей Битоля через разговоры «со многими значительными из здешних христиан и некоторыми духовными лицами». Оказалось, что эта мера, т.е. переселение болгар в пределы России, была встречена сдержанно. Русскому дипломату указали на то, что «через эту меру и в то же время дарованное крымским татарам право переселяться в Турцию, с одной стороны, здесь ослабляется христианский элемент, а с другой стороны, в турецкое, без того уже фанатичное народонаселение, вносятся новые свежие силы»⁷¹, т.е. были по-

вторены аргументы газеты «Дунавски лебед» Раковского, которыми он стремился удержать своих соплеменников от этого шага.

Хитрово располагал сведениями о том, что в окрестностях Водены было поселено около 10 тыс. татар, близ Вереи (Караферио) – около 8 тыс. и столько же близ Генифре. Из всех этих местностей были «слышны жалобы на прибывших из России татар и кавказских горцев». «Разорившиеся, обнищавшие эти переселенцы в стране, для них новой», не спешили «предаваться трудолюбивой оседлости и средства к жизни» изыскивали в грабежах и насилиях. Между тем, турки встречали их «с религиозным гостеприимством как братьев, над которыми долго тяготело чуждое иго, а правительство, как кажется, опасается навлечь себе мерами строгости нерасположение этого нового населения и оставляет безнаказанными все его буйства и насилия»⁷², – удостоверял Хитрово.

Однако русский дипломат знал, что в Крыму на опустевшие земли принимали переселенцев-крестьян, которые умели возделывать виноград, занимались шелководством. Но к нему обратились болгары, большинство из которых принадлежало не к сельскому сословию, «а к городским ремесленным цехам, не знакомым с полевыми работами и вряд ли способным заменить в южной России переселившихся татар». Хитрово, безусловно, не мог не думать об интересах России, поэтому он представил следующие свои размышления: «Люди эти, переселясь в Россию, не только не принесут с собой свежих работающих сил, способных умножить благосостояние края, напротив того, сделаются лишним бременем на руках правительства. Я полагаю, что следовало бы разрешить переселение в Россию только с крайней разборчивостью тем из болгар, о нравственности и поведении которых по наведенным справкам получают самое удовлетворительные сведения, и которые, притом принадлежат к сельскому сословию, способны доставить нам хороших работников для возделывания упраздненных татарами земель»⁷³.

В то же время Хитрово подчеркивал, что ослабление христианского элемента, в особенности, в Румелии и Македонии, где он был слабее мусульманского (число мусульман и христиан соотносилось как 8 или 9 к 5), «может быть весьма вредно и опасно для христиан в виду предстоящих, может быть, событий»⁷⁴. Таким образом, русский дипломат после своей поездки в Эпир и Фессалию не был разубеж-

ден в возможности восстания и с большим скепсисом отнесся к первым ходатайствам о переселении.

Следующее донесение, от 16 августа 1861 г., раскрывает нарастание переселенческих настроений в Битоля и его окрестностях. 15 августа в российское консульство явились два болгарских священника с просьбой о переселении их в Россию. Они сказали, что «далее не в силах выносить порицание их духовного сана и зрелища тех гонений, которым ежедневно подвергаются здешние христиане», а также сообщили подобные просьбы от некоторых других христиан. Священники утверждали, что в одной только Битольской каза (уезде) число желавших оставить Турцию достигало до 200 семейств, а с началом переселения могло дойти до 2–3 тыс. человек. Большая часть из них принадлежала к сельскому населению, а прочие относились к разным городским цехам. Было и несколько семейств куцо-влахов (цинцар). Эти люди не выдвигали никаких условий к своему переселению, будучи готовы оставить здесь все, лишь бы поскорее состоялся задуманный ими выезд из Турции. Священников беспокоило только, смогут ли они в России сохранить свой духовный сан и сопряженные с ним обязанности. Еще два других священника, боявшихся навлечь на себя гонения турок и гнев митрополита Венедикта, подослали к Хитрово доверенного человека узнать, будет ли допущено переселение из Битольского края подобно тому, как в Придунайской Болгарии⁷⁵.

К сожалению, Хитрово не называет имен этих священников. Однако из его более позднего секретного донесения от 17 мая 1862 г. становится известно, что по делу переселения к нему, например, обращался поп Петре, один из достойнейших и образованнейших священников в Битоля. Он имел в городе собственный дом и «независимое состояние»⁷⁶. По проискам митрополита Венедикта в мае 1862 г. он был арестован и без суда и следствия посажен в тюрьму.

Хитрово выслушивал своих посетителей. Однако он не мог дать ответа, не получив от своего начальства разрешения, и только советовал хранить в тайне их намерение. Но слухи быстро расползлись, причем значительно преувеличенные. В городе стали говорить, что будто бы в российском консульстве получено предписание возбуждать христиан к переселению и что в это же время паша получил от Порты приказание никак ему не препятствовать. Хитрово писал, что турки объясняли эти события тем, что падишах не желал иметь в

своих владениях неверных, беспокойных людей и приказал им переселяться в Россию. А христиане, как подчеркивал Хитрово, потеряли все надежды на улучшение их состояния под властью турок и все упования свои возлагали на великодушные русского правительства⁷⁷.

Хитрово заканчивал свое донесение, выразив уверенность в том, что «если уже раз было разрешено переселение болгар дунайских, то правительство наше, мне кажется, вряд ли может отказать в том же здешним болгарам без опасения потерять чрез это их сочувствие и преданность». «С другой стороны, – продолжал русский дипломат, – хотя переселение это и ослабит несколько числительную силу здешнего христианского населения, но в то же время усилит в этом населении веру в то покровительство, которое не переставало оказывать ему русское правительство и чрез то усилит и самое наше здесь влияние»⁷⁸. Эта фраза из донесения Хитрово, вырванная из контекста, фигурирует в исследованиях болгарских авторов как явное доказательство бездушности и коварства русских консулов и политики России в целом в вопросе о переселении славян⁷⁹.

Следующее донесение Хитрово от 31 августа 1861 г. никаких новых сведений о переселенческих настроениях среди болгар не содержало. Русский консул лишь продолжил свои размышления над положением и судьбами местного христианского населения. Он отмечал, что «большую массу низших слоев городского и всего сельского народонаселения» составляли болгары и «малочисленные деревенские влахи, так же как и городские, утратившие свою собственную национальность, но не заменившие ее никакой чуждой». Все эти люди стояли «на самой низкой степени общественного развития», поскольку они слишком долго находились в порабощении и свыклись с тяготевшим над ними игом, который они переносили как необходимое, неизбежное зло. «Мысль о возможности свержения этого ига не могла еще в них пробудиться, они думают только, как бы от него укрыться, и смутно, по преданию, сочувствуют России, на которую на одну, быть может, надеются. Вот почему переселение придунайских болгар в пределы нашего отечества может и должно найти здесь многочисленных последователей»⁸⁰, – приходил к заключению Хитрово.

Наконец, на запрос Хитрово по вопросу о переселении болгар в Россию из императорской миссии в Константинополе пришел ответ от 5 сентября 1861 г., в котором было указано, что «правительство,

допустив переселение в Россию турецких болгар, желало иметь их из земледельцев и по возможности зажиточных». Специальных инструкций для Македонии Хитрово не было дано. Он должен был действовать в соответствии с прежними⁸¹.

Как известно, из-за препятствий и проволочек со стороны местной турецкой администрации переселение болгар из Видина началось только в июле и закончилось 3 октября 1861 г. Следует подчеркнуть, что еще в августе 1861 г. вице-директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов неоднократно просил русского консула в Видине М. А. Байкова остановить до весны переселение болгар, поскольку плавание осенью было опасно. 21 сентября 1861 г. Азиатский департамент направил секретное предписание консулам – удерживать по возможности болгар-переселенцев до весны 1862 г. Это распоряжение прозвучало и 9 октября 1861 г., вероятно, вслед за отправлением 3 октября из Видина последней партии переселенцев.

Впрочем, эти распоряжения не означали кардинального изменения курса: переселение считали выгодным как для славян, спасавшихся от гнета турок, так и для России, заселявшей свои опустевшие земли в Крыму. В октябре Лобанов-Ростовский ходатайствовал «о фирманах для переселенцев варненского и тырновского округов»⁸². Император Александр II, считая дело переселения черногорцев и болгар очень важным, учредил 9 ноября 1861 г. особый комитет, в который вошли А. М. Горчаков, Н. П. Игнатъев, военный министр Д. А. Милютин, министр государственных имуществ А. А. Зеленой и министр финансов А. М. Княжевич⁸³.

Комитет, собравшийся 29 ноября 1861 г., рассмотрел просьбы о переселении в Россию 100 семейств черногорцев, свыше 2500 семейств болгар из Адрианопольского и Видинского пашалыков, 1000 семейств греков, 1000 семейств словенцев, прошения славян из Боснии и Герцеговины, некрасовцев из Добруджи. Был изучен вопрос о переселении русских, украинцев, болгар из южной Бессарабии, отошедшей после Крымской войны к Молдавскому княжеству. Комитет признал возможным переселить 5,5 тыс. семейств из Османской империи при условии, если министерство финансов отпустит 2 млн. руб., но последнее смогло выделить только 1,4 млн. руб.⁸⁴. При обсуждении вопроса прозвучало опасение, что переселение такого количества славян из Турции может ослабить славянский элемент на Балканах. Члены комитета были осведомлены, что размах миграции

взволновал лидеров болгарского национально-освободительного движения, считавших переселение гибельным для самих переселенцев и «народоубийственным вообще для Болгарии»⁸⁵. Однако Игнатъев, как отметила В. М. Хевролина, «горячо ратовавший за переселение славян в Россию», считал, что «их не так много, чтобы ослабить славянские земли»⁸⁶. Годы спустя Игнатъев в своих «Записках» назовет идею «о размене в большом масштабе населения с Турцией», т.е. идею о переселении болгар из Османской империи в Крым, откуда выехали татары и ногайцы, пагубной для влияния России на Востоке⁸⁷.

В соответствии с распоряжениями своего начальства в виду приближения зимы Хитрово довольно сдержанно относился к делу переселения христиан Битоляского края в Россию. В его донесениях за сентябрь и октябрь 1861 г. эта проблема совсем не упоминается. Тем не менее, получив общие инструкции, Хитрово стал доводить до сведения условия переселения, однако, не всех обращавшихся в консульство с этой просьбой, а только некоторых. При этом он убеждал хорошо обдумать тот шаг, на который они решаются, и, «все-таки не давая им никаких положительных обещаний, приглашал их прежде избрать из своей среды доверенные лица для предварительного осмотра предназначенных для переселенцев земель»⁸⁸.

Кроме того, согласно циркулярному предписанию Азиатского департамента от 9 января 1861 г. Хитрово 28 октября 1861 г. обратился к вице-директору департамента П. Н. Стремоухову, занимавшемуся вопросами переселения. Ответ в Битоля был получен только 9 января 1862 г. Стремоухов объяснял столь длительную задержку с отсылкой подробных правил для переселения в Россию славян тем, что «не предполагал, чтобы предстояло переселение болгар из отдаленных местностей»⁸⁹.

В ожидании точных указаний от Стремоухова, Хитрово не форсировал события. В конце октября 1861 г. он совершил поездку в Салоники, обеспокоив тем самым, как уже указывалось, греческого вице-консула Валиано. Но с его возвращением в Битоля вопрос о переселении болгар в Россию вспыхнул с новой силой, поскольку стало известно о получении Хитрово инструкций.

На это обратил внимание австрийский вице-консул Заксл, который докладывал в Салоники барону фон Бауму, 9 (21) ноября 1861 г., что около 60 болгарских семейств из нескольких сел близ

Битоля решили переселиться в Россию, а к весне следующего года это число существенно возрастет. Поводом к переселению, как отмечал вице-консул, был гнет мусульман. Болгары признавали, что хотя и в России налоги и пошлины по размеру были не меньше, чем в Турции, но там человек был уверен за свою жизнь. Заксл не сомневался, что именно Хитрово настойчиво поощрял желание болгар к эмиграции. Заксл также полагал, что Россия выиграет от этих переселений больше, чем Турция, так как из ее пределов выехал народ, предававшийся более безделью и никогда не занимавшийся земледелием. Австрийский дипломат считал своим долгом привлечь внимание генерал-губернатора Абдула Керим-паши к этой проблеме. Оказалось, что тот ничего об этом не слышал, хотя дело о переселении было достаточно известно в городе⁹⁰.

Любопытно, что во всех донесениях Хитрово вообще не приводятся точных цифр о числе болгарских семей, пожелавших выехать в Россию. Подозрения или даже уверенность австрийского вице-консула в том, что его русский коллега возбуждал в болгарях стремление к перемене места жительства, рассеивают последующие донесения Хитрово.

16 ноября 1861 г. русский консул составил два донесения по вопросу о переселении. В донесении № 143, предназначавшемся директору Азиатского департамента, Хитрово откровенно выразил свои сомнения относительно выгод при исполнении этого проекта как для России, так и для местных болгар. Он указывал, что особенности горного рельефа и климат Македонии обуславливали специфику сельского хозяйства. Крестьяне не специализировались на выращивании в больших размерах ни одной из сельскохозяйственных культур. Их доходы извлекались из «множества разнообразных мелких доходов»: хлебопашества (поля расположены по небольшим горным террасам), виноделия, шелководства, овцеводства и разных домашних промыслов⁹¹.

Как уже отмечалось, в русское консульство в Битоля в немалых количествах шли городские жители, которые принадлежали к разным ремесленным цехам. Они, по убеждению Хитрово, заслуживали не менее сострадания, чем и крестьяне, поскольку также были подвержены всякого рода притеснениям. Русский дипломат пытался объяснить им, чтобы они не надеялись обосноваться в городах России, так как переселенцам отводились участки земли для занятия

земледелием, к чему они, городские жители, не привыкли. Однако битольцы не отступали, заявляя, что привыкнут к условиям новой жизни и найдут «в себе нужные способности к возделыванию земли». В то же время они интересовались, будет ли им разрешено независимо от землепашества заниматься и прежними их ремеслами, которые не исключали различной мелочной торговли. Хитрово поэтому выяснял у Игнатьева, могут ли быть допущены к переселению наравне с крестьянами и горожане.

В донесении в очередной раз сообщалось о продолжении споров в Битоля по вопросу о переселении в Россию, которые постоянно подогревались прессой. В сербских журналах, в первую очередь, в журнале «Дунавски лебед», беспрестанно появлялись письма из Одессы, где описывалось бедственное положение прибывших из Турции переселенцев. Хитрово полагал, что они в большинстве своем были подложными, однако они сумели возбудить в «некоторых местностях и некоторых слоях общества» «решительное против нас неудовольствие». Журналы обвиняли Россию, что она из корыстных видов через посредство множества агентов склоняла болгар к переселению всякими ложными обещаниями.

Хитрово, принимая эти обстоятельства во внимание, подробно объяснял условия переселения в Россию, особо подчеркивая, что переселение большими массами не может обойтись без некоторых временных неудобств, что переселенцы не смогут найти там всего готовым и им придется снова обзаводиться всем необходимым в хозяйстве, что нужно будет привыкать к новому для них климату и иным условиям жизни. Русский дипломат старался внушить болгарам, что «Россия не ищет этого переселения и никак не намерена извлекать из него какие-либо выгоды, что государь император хочет только дать пристанище тем из единоверцев наших, которые, вследствие крайнего бедственного их положения, вынуждены покинуть родину». Игнатьев против этого пассажа донесения на полях сделал помету: «Совершенно только так и следовало». Таким образом, Хитрово со своей стороны стремился остудить пыл жителей Битоля и его окрестностей, но «переселение в Россию сделалось любимым и общим предметом разговора между здешними христианами, и число желающих им воспользоваться с каждым днем возрастает», – констатировал дипломат.

Хитрово полагал, что именно Крым предоставлял «наиболее удобств» для переселенцев из Македонии, поскольку в Крыму они «найдут природу несколько схожую с здешнею» и «тот же южный климат, к которому они привыкли». Но он настаивал на том, чтобы до принятия окончательного решения местные болгары отправили избранного ими человека для осмотра земель и переговоров на месте со Стремоуховым во избежание недоразумений и жалоб, «что они обманулись в своих ожиданиях и надеждах»⁹².

Второе донесение от 16 (28) октября 1861 г. Хитрово написал на французском языке и отправил в Константинопольскую миссию. Хитрово отмечал, что проект переселения болгар в Россию стал предметом всех разговоров в городе, несмотря на то, что он сам стремился придерживаться в этом деле крайней осмотрительности и держать все в глубокой тайне, но сохранить секрета оказалось невозможно. Дипломат рекомендовал тем болгарам, которые лично приходили в консульство просить о переселении в Россию, хранить все в глубокой тайне, но они не могли по возвращении скрыть свои чувства от родных и друзей, и новость естественным образом распространялась по городу. Впрочем, Хитрово подчеркивал, что надежда болгар избежать ярма, которое их давит, поднимала их «морально и возродила в них подъем духа, который не может быть удержан от передачи радости от одних к другим»⁹³.

В донесении сообщалось о появлении интереса к проблеме переселения у английского консула Кальверта. 16 ноября 1861 г. он явился в российское консульство и попросил объяснений слухов, согласно которым часть населения Битоля решила уехать из этой страны, чтобы водвориться в России. Хитрово отвечал, что по существу он не получил никаких прошений по этому поводу от жителей Битоля и никаких инструкций со стороны своего правительства. Весь этот шум, полагал русский дипломат, возник от того, что весть об отъезде болгарских семейств из Придунавья в Россию, достигнув Битоля, заставила некоторых его жителей замыслить этот проект по причине весьма понятного с их стороны желания избавиться от несправедливостей, постоянными жертвами которых они являлись. Кальверт вполне разделял мнение своего русского коллеги о том, что положение местных христиан день ото дня становилось все более непереносимым, чтобы терпеть.

Кальверт также сообщил о своем визите к вали, у которого он потребовал объяснений по этому поводу. Абдул Керим-паша отвечал, что если переселение начнется в его провинции, то он не мог бы ему противодействовать официальным образом. Английский консул не мог объяснить возникшее противоречие: с одной стороны, паша заявлял, что не окажет противодействия эмиграции болгар в Россию, а с другой, имелось воззвание турецкого правительства к видинскому паше, напечатанное на турецком и болгарском языках, которое объявляло, что никакого соглашения по этому вопросу не существовало между правительством России и Высокой Портой. Хитрово выказал свое полное неведение о намерениях двух правительств, а также о слухах, которые так волновали Кальверта. После беседы русский дипломат в очередной раз запросил инструкции относительно позиции, которой он должен был придерживаться в этом деле. Хитрово считал, что на тот момент предполагаемая эмиграция не могла бы осуществиться и было необходимо, чтобы все оставалось в Битоля в том же положении до весны⁹⁴.

Со следующей почтой было отправлено донесение от 23 ноября 1861 г., которое вновь подтверждало, что дело о переселении болгар в Россию удержать в совершенной тайне оказалось невозможным. Распространившиеся по городу слухи о том, что «значительная часть здешнего народонаселения громко изъявляет решительность покинуть отечество и искать приюта и крова в России по примеру болгар придунайских», дошли и до местных властей. Но в административных сферах мнения на этот счет разделились: «иные даже радуются переселению, другие же, напротив, сознавая всю важность этого явления, видят в нем новый страшный удар для империи»⁹⁵.

Большую озабоченность выказал английский консул, который прежде держался несколько в стороне от дела. Кальверт, как отмечал Хитрово, «с некоторых пор во все стал вмешиваться и являть какую-то необычную беспокойную деятельность, которую он, впрочем, старается скрывать от прочих консулов». Он всячески старался разведать подробности дела, но все попытки его оставались безрезультатны. Англичанин представил коллегам-дипломатам перевод со своей депеши в Стамбул о беспорядках, происходивших в эялете, и о жалобах на местную администрацию. В депеше говорилось о том, что Кальверт указывал Абдуле Керим-паше на возможность переселения болгар из Битольского края как на прямое следствие его

бездействия и плохого управления. Хитрово подозревал, что скрытой целью этой деятельности английского консула было удаление из Битоля Абдулы Керим-паши и замещение его Хюсни-пашой, который правил в Салониках. Кальверт писал в этом смысле сэру Бульверу, послу Англии в Стамбуле, представляя, что назначение в Битоля Хюсни-паши являлось единственным средством «остановить иначе могущее осуществиться переселение болгар»⁹⁶.

Австрийский вице-консул также доносил о том, что Кальверт, недовольный Абдулой Керим-пашой, стал интриговать в пользу Хюсни-паши, с которым у него были близкие приятельские отношения. Заксл весьма положительно отзывался об Абдуле Керим-паше, отмечая его дружелюбное отношение к Австрии, где он получил образование. Австрийский вице-консул был убежден, что такие глобальные вопросы – «благополучие или бедствие» Турции – решались отнюдь не в Битоля. В стремлении Кальверта сместить с должности пашу были замешаны только его личные интересы⁹⁷, считал Заксл.

Кальверт неофициальным образом представил Хитрово телеграфическую депешу великого визиря, направленную мутессарифу (губернатору) Филиппополя Мухлис-эфенди для оглашения местному населению. Этот документ в Битоля был прислан Блондом, английским вице-консулом в Филиппополе. Хитрово подозревал, что перевод на болгарский язык этого документа являлся произведением самого Блонда. Тем не менее, копию с него он послал в императорскую российскую миссию⁹⁸. Но сомнения Хитрово были беспочвенны. Из донесения вице-консула в Филиппополе Н. Герова от 7 ноября 1861 г. следует, что мутессариф Филиппополя действительно получил телеграмму от великого визиря, переведенную на болгарский язык, чтобы распространить ее содержание по всей провинции. Геров приложил к своему донесению перевод этого документа на русский язык⁹⁹. В нем отрицалось существование предварительного договора между двумя правительствами, а также сообщалось, что слухи о «понуждении» болгар со стороны османского правительства к переселению в Россию ложны, что, напротив, «все больше и больше возрастает высочайшее благоволение и покровительство, оказываемое болгарскому народу за верность и преданность его султану»¹⁰⁰.

Тем временем из Петербурга ко всем русским консулам на Балканах было направлено циркулярное письмо МИД от 13 ноября

1861 г. В нем разъяснялись цели императорского правительства, которое сочло возможным допустить переселение болгар из Османской империи: «открыть гонимым, терзаемым, бесприютным единоверцам нашим убежище в родственной им России». В документе подчеркивалось, что правительство не делало заманчивых обещаний; всем лицам, желавшим уехать из Турции, предварительно объявлялись те льготы, которые предоставлялись переселенцам. «Но мысль императорского правительства была бы совершенно не понята и извращена, если бы кто-либо из агентов наших стал стараться придать переселению преувеличенные размеры и вызывать охотников какими-либо слухами и обещаниями». Консулам вменялось в обязанность противодействовать злонамеренным внушениям, что «будто мы хотим заселить наши пустыни в ущерб славянского элемента в Турции, будто мы желаем ослабить там славянское население, будто мы способствовали удалению татар из наших пределов с преднамеренной целью вознаградить себя насчет трудолюбивых болгар и т.п.».

Циркулярное письмо вполне отражало положительную позицию ее автора, директора Азиатского департамента Игнатъева, по самой проблеме переселения болгар в Россию в целом: «Если убыль, происходящая от выхода к нам переселенцев, распределится равномерно на значительное пространство земель, то она будет почти нечувствительна; но она могла бы действительно повести к вредной убыли славянского элемента в турецких областях, если бы пала исключительно на некоторые местности». Циркуляр уточнял деятельность русских консулов в этом вопросе: они должны были заботиться о том, чтобы «собирались к переселению в ограниченном числе и по возможности лишь те, которые имеют сознательное намерение покинуть свою родину или поставлены в действительную к тому необходимость». При этом русские дипломаты на Балканах должны были помнить, что в переселении славян Россия «имеет в виду преимущественно не свою выгоду, а благо единоверных братьев, ищущих в ней убежище»¹⁰¹.

Вслед за циркулярным письмом в Битоля была получена 18 декабря 1861 г. шифрованная телеграмма из Стамбула «о намерениях императорского правительства по отношению к эмиграции болгар в Россию». В своем ответе от 21 декабря под грифом «секретно», poslanном по телеграфу, Хитрово подчеркивал, что вопрос о пересе-

лении был поднят без всякого поощрения с его стороны вследствие «спонтанных просьб» здешних христиан. Зимой ему будет легче уклоняться от прошений этого рода, но следует предусмотреть, предупредить Хитрово, что «весной часть христианского населения, приведенная в отчаяние всевозможными несправедливостями», вновь обратится в русское консульство, «чтобы умолять императорское правительство о гостеприимстве, в котором оно не отказало христианам Придунавья». Хитрово просил на этот случай инструкции¹⁰².

С почтой затем было послано подробное донесение от 28 декабря 1861 г. в ответ на шифрованную телеграмму Лобанова-Ростовского от 18 декабря. Хитрово кратко представил историю вопроса о переселении в Битольском крае, которая подробно изложена выше. Впрочем, необходимо еще раз обратить внимание на то, что русский консул воспринимал идею переселения без энтузиазма. Причины такого отношения он сам и раскрывал: «неудобства, слишком большие массы и тот вред, который может произойти от слишком большого ослабления христианского народонаселения в стране, где и без того числительное отношение его к элементу мусульманскому не слишком велико». Хитрово подчеркивал, что считал своим долгом не возбуждать христиан к переселению «какими-либо обещаниями, а напротив того, старался охладить их увлечение, давая им уразуметь, что императорское правительство не ищет переселения из собственных выгод, но, принимая к сердцу страдания единоверцев наших, предоставляет гостеприимный приют и убежище только тем из них, которых положение сделалось действительно крайне бедственным»¹⁰³.

Далее, следуя дополнительным инструкциям Игнатьева, Хитрово писал, что «из большого числа желающих воспользоваться дарованным правом поселения, т.к. обещаний им не было сделано никаких, можно будет сделать самый строгий выбор семейств, действительно заслуживающих участия. Переселение в ограниченных размерах принесет несомненную пользу для самих переселенцев и произведет самое выгодное впечатление на остальных христиан, еще более убеждая их в том сочувствии, которое встречают они в России, и в непрестанном попечении нашего правительства об их участи»¹⁰⁴.

В Битоля вместе с сопроводительным письмом от 15 декабря 1861 г. из Азиатского департамента пришла просьба (7 декабря 1861 г.) от генерал-майора П. Струкова, помещика Екатеринославской губернии. До его сведения дошло, что болгары, притесняемые в Турции, готовы перейти в Россию. Струков, имея до 10 тыс. испанских овец, а также рогатый скот и конный завод, нуждался в пастухах до 150 человек и желал предложить нескольким болгарским семьям приехать к нему в деревни, находившиеся в Екатеринославской и Полтавской губерниях. В письме сообщались условия, на которых он готов был принять переселенцев¹⁰⁵. Однако это письмо так и осталось лежать в архиве консульства, поскольку переселение следовало осуществить за свой собственный счет, да и перспективы превратиться в конечном итоге в наемных работников были не привлекательны.

Кроме того, циркуляром от 4 января 1862 г. Азиатский департамент сообщил консулам на Балканах о прекращении переселений болгар в Россию, «кроме тех, которые получили уже на то прежде дозволение от императорского правительства». Была отмечена нехватка свободных земель и денежных средств. Предоставляемые земли в Новороссийском крае – степи, «совершенно безлесные и не орошаемые текущими водами», весьма не понравились болгарам Видинского пашалыка. В документе не акцентировалось внимание на многочисленных примерах возвращения видинцев из России уже в 1861 г. Министерство настойчиво рекомендовало своим сотрудникам в Европейской Турции отклонять «болгар от переселения, не оставя этой мерой в них какого-либо неблагоприятного для нас впечатления или сомнения в нашем искреннем сочувствии»¹⁰⁶.

В историографии повторяется утверждение, которое декларировал еще Г. С. Раковский¹⁰⁷, что к переселению в Россию болгар побуждали многочисленные русские эмиссары и агитаторы¹⁰⁸. Как правило, подобные услуги должны были оплачиваться русскими консулами, которые в специальных отношениях просили таковые расходы отнести на счет чрезвычайных по службе издержек. Однако документальных свидетельств с просьбами такого характера от Хитрово, как и документов от Лобанова-Ростовского, позволявших эту денежную операцию, в архивных фондах Битольского консульства и императорской миссии в Константинополе не обнаружено. Следует обратить внимание также на сведения из донесений Н. Герова и А. В. Рачинского, вице-консулов в Филиппополе и Варне.

Геро́в, как известно, не питал никаких иллюзий относительно возможности болгар Пловдивского края выехать из Турции, поскольку перед отъездом следовало заплатить все долги и налоги, что было большинству не под силу. В донесении от 25 октября 1861 г. он писал, что на русских дипломатов возводят обвинения в том, что они через своих тайных и официальных агентов агитируют болгар к переселению в Россию. Геров констатировал, что при возвращении его в Пловдив из Стамбула по всей дороге от Эдирне к нему «непрестанно подходили» поселяне с вопросом, точно ли выгоняют их из Турции. Дело в том, что турки, и преимущественно заптие (жандармы), уверяли их, что будто бы турецкое правительство не хочет их больше в своей земле. При сборе податей кир-сердары* и заптие говорили болгарам, чтобы они продавали свое имущество для уплаты податей и убирались в Россию¹⁰⁹. А. В. Рачинский сообщал, что татары-переселенцы из России подали болгарам мысль о переселении в Россию «на оставленные там места»¹¹⁰.

Нельзя согласиться также и с утверждением, что Хитрово развернул лихорадочную деятельность по привлечению болгар Битольского края к переселению в Россию. Содержание его донесений служит доказательством обратного.

Таким образом, движение к переселению в Битольском крае имело запоздалый характер, началось в среде жителей города, т.е. наиболее информированной и зажиточной части болгарского населения Западной Македонии. Отсюда оно стало распространяться на крестьян этого региона. Хитрово был захвачен врасплох: он не имел точных инструкций и конкретных указаний от своего начальства. Из-за приближения зимы и отсутствия прямых директив из России, нежелания обострять отношений с местной турецкой властью русский дипломат не форсировал события, стремясь сдержать размах настроений, удержать процесс до поры до времени под покровом тайны.

На наш взгляд, из донесений Хитрово открывается очень важное обстоятельство, на которое обратил внимание и сам русский дипломат: «слухи о переселении видинских болгар, за весьма немногими изъятиями, можно назвать в высшей степени благотворными», поскольку «слухи эти как будто ободрили их»¹¹¹. Движение переселе-

* Кир-сердар – начальник военного отряда, следящего за безопасностью передвижения по дорогам.

ния в Битоля, хотя оно и осталось на уровне только толков, имело положительное значение для болгарского населения края, поскольку, всколыхнув его, подняло его морально¹¹².

Появление надежды на освобождение от турецкой власти способствовало некоторому пробуждению болгар этого региона от апатии и покорности своей судьбе. Переселенческие настроения явились пассивным протестом против османского владычества. Они также свидетельствовали о проявлении интереса к делам своих соплеменников в других частях Османской империи, о приобщении к их умонастроению и, как следствие, рождении чувства своей сопричастности к ним, а, кроме того, об осознании своей конфессиональной и национальной общности с Россией, что в целом играло положительную роль в процессе самоидентификации славян Битольского края. Эти настроения явились одним из катализаторов некоторого оживления общественной жизни болгарского населения края.

В этой связи заслуживает внимание доклад Рачинского из Варны от 16 октября 1861 г., в котором он сообщал, что «один из благоразумных здесь болгар просил меня как можно более возбуждать движение к переселению. Он убежден, что переселятся не очень многие, но самое движение, ободрив народ, может послужить выражением громкого протеста болгар и исподволь заготовить в народе волнение, которому достаточно будет опоры в западно-турецком движении или в незначительной помощи России, чтобы превратиться в решительное восстание»¹¹³.

Переселенческое движение, как следует из донесений Хитрово, никоим образом не было связано ни с католической пропагандой, ни с повстанческими настроениями. Битольский край, таким образом, явно выпадает из той схемы, которую начертал упоминавшийся в начале статьи болгарский историк И. Тодев. Кроме того, документальные материалы, сохранившиеся в указанных выше фондах Архива внешней политики Российской империи, не содержат информацию об исключительно «эгоистической» позиции русского правительства по проблеме переселения болгар в Россию, о коварстве планов по отношению к болгарскому населению Османской империи. Однако ставить точку в этой чрезвычайно сложной проблеме еще рано, необходимо продолжить исследования, привлекая весь обширный и малоизученный комплекс документов о деятельности русских консульств на Балканах в период после Крымской войны.

Примечания

- ¹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876 гг. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 171–172.
- ² *Тодев И.* О балканской политике России в начале 60-х гг. XIX ст. // *Bulgarian Historical Review*. 1988. № 3. С. 54.
- ³ Там же. С. 48–49.
- ⁴ *Тодев И.* Българско национално движение в Тракия. 1800–1878. София, 1994. С. 193–194; *он же.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 1. София, 2003. С. 206
- ⁵ *Еленков И.* Католическата църква от източен обряд в България. София, 2000. С. 153–154.
- ⁶ *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова през възраждането. 1751–1878. София, 2005. С. 127.
- ⁷ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 7. С. 40.
- ⁸ Там же. № 63. С. 155.
- ⁹ Там же. № 215. С. 462.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.
- ¹¹ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 200. С. 415.
- ¹² Там же. № 219. С. 469.
- ¹³ Там же. № 226. С. 487.
- ¹⁴ Там же. № 226. С. 487.
- ¹⁵ Там же. № 226. С. 487.
- ¹⁶ Там же. № 226. С. 488.
- ¹⁷ Там же. № 242. С. 533–534.
- ¹⁸ Там же. Т. 1. Ч. 2. № 269. С. 78–79.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 5 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 34.
- ²² Там же. Л. 33.
- ²³ Там же. Л. 50.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Л. 50 об.
- ²⁷ Там же. Л. 59 и об.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. С. 187.
- ³⁰ Там же. С. 187–188.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.
- ³² Там же. Л. 21.
- ³³ *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 102.
- ³⁴ Там же. С. 179.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 35.
- ³⁶ Там же. Л. 36.
- ³⁷ Там же. Д. 1415. Л. 163–164.
- ³⁸ *Генчев Н.* Указ. соч. С. 111.
- ³⁹ Македония през погледа... С. 139.

- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 36.
- ⁴¹ Там же. Л. 35 об.
- ⁴² Там же. Л. 36 об.
- ⁴³ Там же. Л. 35 об.
- ⁴⁴ Македония през погледа... С. 127.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 67 и об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 67 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 68.
- ⁴⁸ Там же. Л. 68 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 53.
- ⁵⁰ Цариградски вестник. 10 (22) июня 1861 г. № 24. С. 93.
- ⁵¹ Дунавски вестник. 1861. № 36. С. 150.
- ⁵² *Кирил, патриарх Български*. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. Т. 1. (1859–1865). София, 1962. С. 97.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 69.
- ⁵⁴ Там же. Л. 67–68 и об.
- ⁵⁵ Македония през погледа... С. 116–117.
- ⁵⁶ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 36 об.
- ⁵⁷ Македония през погледа... С. 145.
- ⁵⁸ Там же. С. 152.
- ⁵⁹ Папишашки мисионеры // Дунавски лебед. 1861. № 33. С. 141.
- ⁶⁰ Там же. С. 152–153.
- ⁶¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 164.
- ⁶² Там же. Л. 164 об.
- ⁶³ Русия... Т. 1. Ч. 1. № 44. С. 116.
- ⁶⁴ Там же. № 45. С. 117.
- ⁶⁵ Там же. № 182. С. 366–367.
- ⁶⁶ *Макарова И. Ф.* Болгары и Танзимат. М., 2010. С. 160; Русия... Т. 1. Ч. 1. № 182–185, 189–191, 194–196 и др.
- ⁶⁷ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 317. С. 177.
- ⁶⁸ Журнал Министерства государственных имуществ. 1861. № 4. С. 143.
- ⁶⁹ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 262. С. 53–54; № 245а. С. 12–13.
- ⁷⁰ Там же. № 298. С. 133.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 96 и об.
- ⁷² Там же. Л. 96 об.–97.
- ⁷³ Там же. Л. 97 и об.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. Л. 98–99.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 333.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 99 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 100.
- ⁷⁹ *Дойнов Ст.* Българите в Украйна... С. 127.
- ⁸⁰ *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 145.
- ⁸¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 117.
- ⁸² Русия... Т. 1. Ч. 2. № 310. С. 162.
- ⁸³ Там же. № 316. С. 176.
- ⁸⁴ *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Н. П. Игнатъев. М., 2004. С. 111.
- ⁸⁵ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 315. С. 175.

- ⁸⁶ Хевролина В. М. Указ. соч. С. 111.
- ⁸⁷ Граф Н. П. Игнатиев. Дипломатически записки (1864–1874). София, 2008. С. 89.
- ⁸⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 11.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 213. Оп. 536. 1861. Д. 1. Л. 7.
- ⁹⁰ Македония пред погледа... С. 189.
- ⁹¹ Селищев А. О переселении македонских болгар в Россию и греческий спор в Битольской и Охридской областях (из консульских донесений 1861–1874 г.) // Македонски преглед. 1929. № 4. С. 33–34.
- ⁹² Там же. С. 35–36.
- ⁹³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 154.
- ⁹⁴ Там же. Л. 155 и об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 168.
- ⁹⁶ Там же. Л. 168 об. – 169.
- ⁹⁷ Македония пред погледа... С. 192–193.
- ⁹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1861. Д. 1415. Л. 169.
- ⁹⁹ Документи за българската история. Т. 1. Архив на Найдено Герова. Ч. 1. (1857–1870). София, 1931. С. 261–262.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 262.
- ¹⁰¹ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 317. С. 177–178.
- ¹⁰² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1416. Л. 4.
- ¹⁰³ Там же. Л. 10 и об.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 11 и об.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 213. Оп. 536. 1861. Д. 1. Л. 2–5.
- ¹⁰⁶ Русия... Т. 1. Ч. 2. № 324. С. 195–196.
- ¹⁰⁷ Дойнов Ст. Георги С. Раковски и последното масово преселване в Русия // Българско възраждане: Идеи – личности – събития: Годишник. Т. 2. София, 2002. С. 325.
- ¹⁰⁸ Дойнов Ст. Българите в Украйна... С. 127.
- ¹⁰⁹ Архив на Найдено Герова. № 219. С. 260.
- ¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1613. Л. 51 об.
- ¹¹¹ Там же. Д. 1416. Л. 11.
- ¹¹² Там же. Д. 1415. Л. 154.
- ¹¹³ Русия... Т. 1. Ч. 2. С. 164.

И. Ф. Макарова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К ИСТОРИИ
БОЛГАРСКОГО ЧЕТНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
(новые архивные материалы)
(1860-е годы)**

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) сохранился документ, позволяющий скорректировать бытующий в историографии тезис о самодостаточности болгарского повстанческого движения, в частности, в 1867 г.¹ Речь идет о «Заметке о Болгарии», составленной в июле 1867 г. в недрах французского МИД для министра иностранных дел маркиза де Мустье на основе донесений балканской агентуры. Посвящена «Заметка» деятельности русских агентов, нацеленной на эскалацию повстанческого движения в болгарских провинциях Османской империи. История появления этого документа такова. В донесении от 25 июля 1867 г.² российский посол в Париже А. Ф. Будберг сообщил министру иностранных дел А. М. Горчакову, что несколько дней тому назад маркиз де Мустье уведомил его о поступающих жалобах по поводу «происков русских агентов в Болгарии». Затем, собрав «в министерстве факты по этому делу», маркиз вручил барону Будбергу прилагаемую к данному донесению информационную справку – «Заметку о Болгарии». При этом французский министр подчеркнул, что делает это «исключительно в личном порядке» и предоставляет документ «как простую информацию, за которую он не несет ответственности».

«Заметка о Болгарии» сохранилась в фондах АВПРИ в двух экземплярах – в подлиннике³ и копии, отправленной в Константинополь для русского посла Н. П. Игнатьева⁴. Разночтения в списках минимальны, они сводятся к написанию некоторых имен, искаженных во французском подлиннике и выправленных в тексте, предназначенном для Н. П. Игнатьева. В виду высокой степени информативности данного документа представляется целесообразным опубликовать текст подлинника «Заметки о Болгарии» целиком (в до-

словном переводе), указывая в скобках разночтения в отношении имен.

1867 г. июль. – Заметка о Болгарии. Приложение к № 136

Париж

Вся поступающая к нам информация указывает на Болгарию, как на театр многочисленных происков и активной пропаганды, которая имеет отношение к волнениям, которые Порты пытается подавить.

В Константинополе, по адресу улица Дервиш № 15, собирается центральный русско-болгарский комитет, главными членами которого являются господа: Караканов или Каракановский, врач русского посольства; Леонтьев, управляющий русского консульства в Адрианополе; Геров, вице-консул России в Филиппополе; Лафско; Киернов (Кирсов), редактор газеты «Время».

Другой болгарский комитет обосновался в Бухаресте. Он состоит из господ: Гикулеско, адвокат генерального консульства России; Романенко, брат русского консула в Галаце и управляющий землями князя Ипсиланти; Христо Гиоргу (Георгу), богатый банкир, преданный России и весьма влиятельный в Болгарии, и др.

Замечено, что в течение первых шести месяцев этого года консульские агенты, которых Россия держит в Болгарии, совершали неоднократные поездки в Константинополь и Бухарест, где находятся эти комитеты. Г-н Мухин, вице-консул России в Тульче, находился в марте в Бухаресте, где его присутствие дало основание для различных толков и где он, как говорили, добивался руководящих указаний по поводу волнения, разжигаемого на Балканах. Г-н Геров, русский вице-консул в Филиппополе, также отправился в Княжество. Его политическое прошлое хорошо известно. Болгарин по происхождению, школьный учитель, он обратил на себя внимание своими особыми качествами, которые сделали его подходящим для должности русского агента в этой важной части империи. Позиция, занятая Геровым, привлекла уже давно внимание турецких властей. Власти Дунайского вилайета несколько дней тому назад арестовали молодого человека по имени Поль Оглу, кузена по линии жены вице-консула России. В данный момент разыскивают еще двух человек из той же семьи. Согласно довольно распространенным слухам, болгары ныне осуждают г-на Герова за то, что он их подстрекал и скомпрометировал. Из числа агентов-пропагандистов, которые объезжали Болгарию, раздавая деньги, особо отмечены четверо болгар из русской Бессарабии: Деметр (Димитр) Василенко, Атанади (Атанас) Петрович, Максим Ящаренко (Захаренко), Григорий Яковенко. Эти эмиссары, по-видимому, основали свою штаб-квартиру в доме русского подданного Павла Чернова в Ейндабести в округе Ильфар. Скорее всего, они получали указания от г-на Рубана, богатого русского фермера, занимающегося про-

дажей леса и снабжавшего армию обороны в 1854 году. Именно с этим Рубаном связались для переговоров два русских офицера – г-н Тинков и г-н Дуанов (Думков), выполнявшие в провинциях Молдо-Валахии и в Болгарии миссию, цель которой осталась невыясненной. Заметим только, что они часто меняли обличье, чтобы не дать знать о своем присутствии, и что они тщательно избегали останавливаться в гостиницах.

С конца прошлого года болгарин Палаузов*, который, как полагают, является историком, известным в славянском мире, и государственным советником в Петербурге, прибыл в Галацу, где открыл торговый дом. И хотя он делает вид, что ушел с русской службы, он, по-видимому, не чужд политике. Недавно он совершил две поездки в Болгарию, имея паспорт, выданный чиновником русского консульства в Измаиле, в котором он назван фальшивым именем Иван Талиссино. Его сопровождал болгарин Капустин и поляк по имени Ожковский (Оскольский), известный своей службой у русских агентов в Княжествах.

На документе имеется резолюция Александра II: «Я приказал Игнатьеву взять копию, чтобы дать объяснение по поводу названных личностей».

«Заметка о Болгарии» вызвала переполох в российском МИД настолько своим содержанием, сколько резолюцией императора Александра II. Объясняться пришлось не только Н. П. Игнатьеву, но и российскому генеральному консулу в Бухаресте Г. Г. Оффенбергу. Барон Оффенберг от ответа фактически уклонился. Сославшись на ряд мелких неточностей в тексте, он заявил, что данный документ лишний раз свидетельствует, что к информации французского правительства следует относиться с большой осторожностью⁵. Н. П. Игнатьев представил доклад под названием «Соображения по поводу Заметки о Болгарии», однако судить о содержании этого документа не представляется возможным в виду его отсутствия в архивном деле. Параллельно он поспешил, однако, предупредить Н. Д. Герова об аресте родственника и организованной за ним слежке, призвав «соблюдать крайнюю осторожность и осмотрительность»⁶.

До тех пор пока не обнаружен текст доклада Н. П. Игнатьева, не представляется, к сожалению, возможным точно определить степень достоверности материалов, собранных французской агентурой. Однако некоторые документы и косвенные обстоятельства позволяют

* Спиридон Палаузов, известный историк-славист, менее известный в качестве начальника Третьего отделения Министерства внутренней торговли.

предполагать, что в нем содержится определенная доля истины. В первую очередь, на эту мысль наводит исторический контекст, на фоне которого произошел резкий и немотивированный турецкими властями всплеск повстанческой активности болгар.

Для России проблема антитурецких выступлений приобрела в рассматриваемый период стратегическое значение. Политический кризис, потрясший Османскую империю после начала восстания на о. Крит (1866–1869), привел к серьезному обострению политической ситуации на Балканах. К началу 1867 г. положение в регионе русские дипломаты оценивали как критическое. По мнению Н. П. Игнатьева, приближалась «политическая катастрофа»⁷, т.е. момент гибели Османской империи и дележа ее наследства. К сходной оценке склонялось и высшее политическое руководство России, санкционировавшее проработку планов по организации широкой антиосманской коалиции православных народов. В 1866–1867 гг. при посредничестве российского МИД правительства Сербии, Греции, Черногории и Румынии провели переговоры и подписали договоры о заключении Балканского союза – организации оборонительного и наступательного характера. С болгарскими, в лице лидеров Добродетельной дружины – благотворительного комитета с центром в Бухаресте, также велись консультации о присоединении к этому союзу. Обсуждался вопрос и о создании единого болгаро-сербского царства во главе с династией Обреновичей.

С ведома российского МИД сербский кабинет министров принял в феврале 1867 г. программу ускоренной подготовки к войне с Портой, включавшую в себя план организации четнического движения в соседних болгарских провинциях. Он предусматривал подготовку этих областей «к восстанию образованием малых чет с целью поддержать неудовольствие, а в Европе убеждение в невозможности турецкого управления», в случае же благоприятного развития событий предполагал «увеличить состав и число чет и принять более явное участие в поддержке восстания»⁸.

В том же месяце заинтересованность русских дипломатов в разрывании повстанческого движения в среде болгар получила подкрепление со стороны соображений конъюнктурно-политического характера. Международный кризис подвигнул западных дипломатов на поиск новых моделей модернизации османского общества. В феврале 1867 г. страны-гаранты Парижского мирного договора (1856)

представили Порте французский проект реформ, разработанный на базе Хатт-и хумаюна (1856) под непосредственным руководством маркиза де Мустье. План был ориентирован на совершенствование системы администрирования и, как следствие, повышение материального благосостояния населения. Наибольший эффект от его реализации разработчики предполагали получить во внутренних, в частности, болгарских провинциях империи, где общая ситуация была, на их взгляд, наиболее стабильной. Относительно районов с болгарским населением французский министр высказался вполне определенно: «Народ там мягкий, спокойный, преданный сельскому хозяйству и сам по себе весьма мало думает о восстании; будучи в общем бедным и не имея семей, которые могли бы завоевать престиж в стране, он не располагает вождями, способными встать во главе восстания. Здесь хорошая администрация является наилучшим средством, какое можно применить в нынешних обстоятельствах»⁹.

В российском внешнеполитическом ведомстве французский проект вызвал нескрываемое раздражение. По мнению составителей годового Отчета МИД за 1867 г., вместо того, чтобы заниматься защитой христиан от злоупотреблений турецкой администрации, этот план был нацелен исключительно на «возвышение исламизма до уровня современной цивилизации посредством установлений, скопированных с тех, которые существуют во Франции»¹⁰. Русский план, выдвинутый министром А. М. Горчаковым в апреле 1867 г., основывался на идее параллельного, но отдельного развития христианских и мусульманских народов. Как было подчеркнуто в том же Отчете МИД, российский проект был ориентирован на то, чтобы «указать оттоманскому правительству на необходимость распространить административные автономии на все христианские народы, как на единственный способ успокоить население, толкаемое на мятеж вопиющими злоупотреблениями силы и мусульманского фанатизма»¹¹. С целью иллюстрации этого тезиса руководство МИД инициировало сбор компромата на Порту. Уже в марте 1867 г. из Петербурга поступила секретная инструкция, предписывающая дипломатам «активно заняться составлением сведений о недовольстве христиан»¹². На фоне собранной ими информации появление отрядов четников имело бы показательный характер. Особенно при условии, что они состояли бы из болгар – народа, названного французским министром наиболее «мягким» и «спокойным». К тому же, четнические рейды ста-

ли бы наглядным доказательством объективности компромата, представленного консулами.

Что касается конкретных документов, свидетельствующих в пользу правдивости «Заметки о Болгарии», то их количество невелико. Прямых свидетельств, указывающих на прямую причастность русских дипломатов к организации болгарских чет весной 1867 г., немного. Информация подобного рода представлена в источниках крайне скупо, фрагментарно и отрывочно. Среди них особо ценными представляются два документа, датируемые 1867 г. – рапорт Н. Д. Герова на имя директора Азиатского департамента П. Н. Стремоухова и отчет некоего российского поручика В. Скалона.

Отчет В. Скалона представляет собой развернутое изложение результатов командировки с целью выполнения секретного поручения Н. П. Игнатьева к генерал-губернатору Новороссийского края П. Е. Коцебу¹³. Хотя миссия Скалона имела сугубо военный характер – осмотр и подготовка для передачи болгарским повстанцам оружия со складов военного арсенала в г. Николаеве, однако документ был адресован не кому иному, как врачу В. К. Караконовскому, названному в «Заметке о Болгарии» председателем секретного комитета в Константинополе. Судя по отчету, Скалоном было подготовлено для транспортировки 7665 нарезных ружей («переделанных из ударных»), 6835 – новых, «образца стрелкового батальона императорской фамилии», 32000 – гладкоствольных ударных, т.е. всего 46500 штук. Когда оружие было уже упаковано и речь шла о патронах и порохе, случайно выяснилось, что данная операция не согласована Н. П. Игнатьевым с военным министром Д. А. Милютиным. В ответ на запрос, последовавший в Петербург от военного губернатора г. Николаева Б. А. Глазенапа, от военного министра поступила шифрованная телеграмма: «Приостановить отпуск оружия, но иметь необходимую укупорку (?) к нему приготовленную»¹⁴.

Данный сюжет органично вписывается в дискуссию, развернувшуюся в июне 1867 г. по поводу возможных каналов доставки русского оружия в болгарские провинции. В письме от 3 июня 1867 года генеральный консул в Белграде Н. П. Шишкин докладывал директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову, что министр-председатель сербского правительства Илия. Гарашанин предлагает создать на ближайших к Дунаю пунктах сербской границы арсеналы, из которых оружие могло бы перевозиться «через Княжества

в Болгарию по мере образования там партизанских отрядов и по мере распространения восстания»¹⁵. В обсуждении вопроса был активно задействован Г.Г.Оффенберг. В частности, он предложил А.М.Горчакову (письмо от 24 июня 1867 г.) использовать для этой цели оружейные склады, расположенные на черноморском побережье России, откуда небольшие болгарские и греческие суда могли бы («на свой страх и риск») доставлять оружие непосредственно в предгорья Балкан¹⁶. Месторасположение арсеналов Николаева оказывалось, кстати, для этих целей весьма удобным. Однако идея прямого вооружения болгарских повстанцев натолкнулась на сопротивление сербской стороны.

Одновременно русские дипломаты обсуждали вопрос о финансировании болгарских повстанцев непосредственно через структуры Добродетельной дружины. В данной связи можно упомянуть переписку с участием П.Н.Стремоухова, Н.П.Игнатьева и Г.Г.Оффенберга от мая-июля 1867 г., в которой эта тема звучала открытым текстом¹⁷. Например, секретное донесение Г.Г.Оффенберга от 20 мая с просьбой о выделении «материального пособия» на нужды «политического движения между болгарами» практически мгновенно получило высочайшую резолюцию Александра II – «сообразить». Во исполнение этой резолюции между П.Н.Стремоуховым и Н.П.Игнатьевым состоялся обмен мнениями о возможности выделения 25 тыс. рублей из секретного фонда посольства в Константинополе. Со стороны Н.П.Игнатьева это предложение поддержки не нашло. Свое несогласие с директором Азиатского департамента он аргументировал, в первую очередь, полным провалом четнических рейдов, ставшим к началу июля уже свершившимся фактом. «Первые попытки появившихся в Балканах болгарских шаек, – писал он 11 июля, – наскоро сформированных и, как видно, недостаточно подчиненных общему плану действий, имели самые печальные результаты, доказывающие некоторую долю опрометчивости со стороны бухарестских деятелей и непрактичности их планов»¹⁸. Игнатьев посчитал также необходимым напомнить, что секретный фонд (в размере 200 тыс. рублей) был предназначен для обеспечения «успеха христианского дела в западной, едва ли не самой важной с военной точки зрения и для общего успеха, части Балканского полуострова». Поэтому, «если императорское министерство сочтет необходимым оказать пособие Бухарестскому комитету», то для этой цели, по его мнению, необходимо изыскать дополнительные средства¹⁹.

Рапорт Н. Д. Герова от 9 декабря 1867 г. на имя директора Азиатского департамента²⁰ можно охарактеризовать как исчерпывающее доказательство в пользу прямого участия Н. П. Игнатьева в организации болгарских чет. В частности, Н. Д. Геров сообщил, что еще в начале 1867 г. Н. П. Игнатьев вызывал его в Константинополь и поручил «уверить» болгар, будто бы удалось добиться «у Порты автономии для них, но чтобы эта автономия была полнее и сообразнее с потребностями их, потребовал написать ему проект желаемых реформ». Для более успешного продвижения этих реформ Н. П. Игнатьев посоветовал «устроить некоторое движение в Балканах, чтобы тем самым опровергнуть возражения турецкого правительства, будто болгары довольны своим положением и не желают никаких перемен». Н. Д. Геров поставленную задачу успешно выполнил. По его словам, «по соглашению с болгарями» проект реформ был составлен. Затем, «с денежным пособием от его превосходительства», вице-консулом было послано «несколько молодых людей для составления в Балканах хайдутской банды». И, наконец, Н. Д. Геров отправился в Бухарест и «убедил тамошних болгар послать и оттуда некоторые банды в Болгарию».

Действительно, в апреле 1867 г. собрание Добродетельной дружины, на которое съехались представители диаспоры Бухареста, Одессы, Браила, Галаца и Измаила, постановило снарядить к лету 10 отрядов, сразу же выделив воеводе П. Хитову деньги на вооружение 1–2 чет²¹. Однако, когда в конце апреля четы начали переправляться через Дунай, выяснилось, что местное население поддерживать их не торопится. Все отряды, включая наиболее хорошо подготовленные и опытные дружины П. Хитова и Ф. Тотю, были быстро рассеяны. Рапорт Н. Д. Герова завершала просьба об отставке. Он мотивировал ее, как и отмечалось в «Заметке о Болгарии», потерей доверия среди соотечественников из-за провала инициированных им акций.

К этому документу логически примыкает письмо генерального консула в Адрианополе М. И. Золотарева Н. П. Игнатьеву от 3 марта²². Указав на благоприятную политическую обстановку, М. И. Золотарев предложил срочно приступить к конкретным мероприятиям по формированию отрядов болгарских четников. Обсуждение деталей предстоящей операции он предлагал поручить своему доверенному лицу – тому же Н. Д. Герову. По прибытии в Константинополь

тому предстояло изложить Н. П. Игнатьеву «во всех подробностях план, к осуществлению которого важно было бы приступить уже сейчас, чтобы подготовить жителей Болгарии к событиям, представляющим неотвратимыми». «Если императорское правительство одобрит эту мысль, – подытожил М. И. Золотарев, – у нас уже есть на примете два-три человека, заслуживающих доверия и способных взять на себя руководство этими подготовительными действиями. Было бы желательным также, чтобы капитан Илиа, находящийся сейчас в Сербии, появился на Балканах»²³.

В исторической литературе существует традиция противопоставлять Н. П. Игнатьева и А. М. Горчакова в вопросах тактики, классифицируя первого из них как сторонника активной, а второго – осторожной политики России на Балканах²⁴. Что же касается вопроса о причастности русских дипломатов к организации болгарских чет весной 1867 г., то в историографии можно встретить предположение о «своеволии» Н. П. Игнатьева, якобы действовавшего в данном случае без ведома начальства – на свой страх и риск. Наиболее полно и последовательно эта гипотеза представлена в статье С. Радева²⁵. В этой работе, написанной на основе опубликованной переписки между Н. Д. Геровым и все тем же В. К. Караконовским²⁶, обыгрывается тема личной интриги. Четы были якобы организованы Н. П. Игнатьевым по собственной инициативе, а затем, когда выяснилось, что в Петербурге эту идею не поддерживают, он поспешил свалить всю вину на Н. Д. Герова, с которым имел давний конфликт.

Однако данной версии противоречат все изложенные выше материалы. Дипломатическая переписка свидетельствует, что в обсуждении проблемы вооружения и субсидирования болгарских инсургентов был активно задействован П. Н. Стремоухов, непосредственно курировавший в Петербурге балканское направление внешней политики России, а на некоторых документах присутствует виза императора Александра II. К тому же, заинтересованность российского руководства в появлении четников именно весной 1867 г. была слишком глубоко мотивирована. На кону стояли вопросы большой европейской политики, в том числе, судьба российского проекта турецких реформ.

В данной связи стоит также отметить, что курс на поддержку повстанческих инициатив турецких христиан не противоречит новой тактике балканской политики России, предложенной в том же 1867

году А. М. Горчаковым²⁷. В наиболее цельном, развернутом и обоснованном виде эта тактика была сформулирована министром иностранных дел в докладе, представленном Александру II в конце декабря 1867 г.²⁸, однако ее обсуждение длилось на протяжении всего года. В упомянутом докладе министр выразил, в частности, крайнюю озабоченность по поводу турецких реформ, отметив, что, проводимые под указку Запада, они могут серьезно изменить политическую конфигурацию в регионе и ослабить влияние России. «Система, которой добивается Франция, – подчеркнул он, – к которой терпимо относится Англия и которую принимают турки, и которая направлена на восстановление Оттоманской империи с помощью материального прогресса, будет иметь своим следствием то, что в распоряжении господствующей власти окажутся все ресурсы цивилизации Запада, а религиозные и национальные чувства, являющиеся единственной животворной силой христианского Востока, иссякнут благодаря импортированному извне благополучию». В данной ситуации фактор времени играет, по мнению министра, против России. Поэтому необходимо срочно менять тактику поведения, которая некогда была определена как «политика сдерживания от изолированных выступлений». В свое время эта тактика была рассчитана на то, что «постепенный упадок исламизма приведет, в конце концов, к преобладанию христианских народов». Сейчас под воздействием реформ ситуация меняется и Россия не имеет «ни права, ни выгоды останавливать размах их борьбы, иначе мы рискуем оттолкнуть их от себя и бросить в объятия враждебного влияния Запада». «Императорский кабинет рассудил, – подытожил А. М. Горчаков, – что единственное, что следует сейчас сделать, – это оставить христианам Востока свободное поле действия». Поэтому кроме «горячей моральной поддержки и сочувствия» Россия может и должна попытаться обеспечить славянам «преимущество невмешательства».

По предложению А. М. Горчакова это преимущество было официально оформлено в виде международного документа в октябре 1867 г. После длительных и непростых переговоров великие державы подписали коллективную декларацию о невмешательстве в балканские дела. Впрочем, как точно отметил В. Н. Виноградов, на практике инициатива А. М. Горчакова обернулась против местных повстанцев, поскольку западные державы придали ей качественно иное толкование – обязательство невмешательства Греции, Сербии и

Черногории во внутренние дела Османской империи, т.е. отказ от помощи в рамках Балканского союза²⁹.

В заключение хотелось бы отметить, что весь вышеизложенный материал свидетельствует скорее в пользу, чем против информации, представленной маркизом де Мустье в «Заметке о Болгарии». Уточнение деталей – задача дальнейшего исследования. Однако неоспоримым остается очевидный факт – появление отрядов болгарских четников в конце апреля 1867 г. произошло именно в тот момент, когда российское внешнеполитическое ведомство было в них особенно заинтересовано. Ни до, ни впоследствии подобной по силе волны повстанческого движения болгарская история не знала.

Примечания

¹ Подробно см.: *Макарова И. Ф.* «Русский след» в болгарском четническом движении 1867 г. // *Славяноведение*. 2012. № 5.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1867. Д. 133. Л. 85–87.

³ Там же. Л. 88–91.

⁴ АВПРИ. Посольство в Константинополе. 1867. Д. 1538. Л. 235–238 об.

⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Д. 16. Л. 70–72.

⁶ Документ за българската история. Т. 1. Архив на Найдено Героу. 1857–1876. Ч. 1. (1857–1870). София, 1931. С. 443.

⁷ АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A₂. 1867. Д. 534. Л. 30.

⁸ *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение (1860–1869). София, 1978. Приложение. С. 184.

⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1867. Д. 132. Л. 29.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1867 г. Л. 104.

¹¹ Там же. Л. 105 об.

¹² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1867. Д. 336. Л. 78.

¹³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 154–157.

¹⁴ Там же. С. 156.

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ *Улунян А. А.* Из истории национально-освободительного движения в Болгарии в 60–70-х гг. XIX в. По донесениям русских дипломатов // *Известия на Института за история*. Т. 20. София, 1968. С. 273–275; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. С. 45–46; 62–63.

¹⁸ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. С. 63.

¹⁹ Там же.

²⁰ АВПРИ. Ф. Главный архив. Политический отдел. 1866–1868. Д. 6. Л. 72–73 об.

²¹ Бурмов А. Четническо движение в България през 1867 г. // Бурмов А. Избрани произведения в три тома. Т. 2. София, 1974. С. 125.

²² Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 396–397.

²³ Там же. С. 396.

²⁴ Например, см.: *Виноградов В. Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914 гг. М., 2010. С. 355–356; *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение. С. 34; *Международные отношения на Балканах. 1856–1878.* М., 1986. С. 178; *Хевролина В. М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009. С. 240.

²⁵ *Радев С.* Генерал Игнатъев и българските чети в 1867 г. // *Годишник на българския библиографски институт.* София, 1948. Т. 1. С. 39–44.

²⁶ Из архивата на Найден Геров. Писма, доклади и материали за възраждането на българския народ. Т. 1. София, 1911.

²⁷ Подробно см.: *Макарова И. Ф.* Танзимат и балканская политика России в 60–70-е гг. XIX в. // *Новая и новейшая история.* 2011. № 3.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 828. Оп. I. Д. 1362. Л. 1–18 об.

²⁹ *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 148.

А. Л. Шемякин

(Институт славяноведения РАН, Москва)

ПО СТОПАМ С. А. НИКИТИНА («славянская Москва» и Сербия в 1878–1917 гг.)*

В своей классической монографии «Славянские комитеты в России» С. А. Никитин так сформулировал стоявшую перед ним задачу: «Мы останавливаемся на двадцатилетнем периоде (1858–1876 гг.) существования Славянских комитетов, начиная с возникновения и кончая апогеем их деятельности в период Русско-турецкой войны, после которой следует спад активности Комитетов и свертывание самой организации»¹.

Крайние даты повествования выбраны не случайно: в 1858 г. группа славянофилов во главе с М. П. Погодиным и И. С. Аксаковым создала Московский славянский комитет, а 1876 год – пик деятельности славянского движения в России, связанный с Сербо-турецкой войной и участием в ней русских добровольцев. Причем, что важно, именно Москва в эти годы «предстает как инициатор сербского вопроса в общественном и политическом мнении России»². Все крупнейшие идеологические и организационные акции, связанные с русско-сербскими отношениями («Послание к сербам», проведение Этнографической выставки в 1867 г., открытие Сербского подворья в 1873 г., помощь в годы Восточного кризиса 1875–1878 гг., etc.), инициировались из древней столицы, *непосредственно* ассоциируясь с деятельностью Московского славянского комитета, – при реальном (несмотря на вице-председательство) лидерстве И. С. Аксакова, что ярко представлено во 2-м томе совместного документального проекта «Москва – Сербия, Белград – Россия», относящемся к эпохе 1804–1878 гг.³.

* Мы выражаем благодарность кандидату исторических наук Е. В. Ивановой за существенную помощь в сборе архивного материала для статьи.

А затем, как явствует из приведенной цитаты, «следует свертывание организации». 1878 год, таким образом, оказался *переломным* не только для Сербского княжества, тогда же ставшего суверенным, но и для «славянской Москвы»... Спрашивается, что было с ней далее (в русско-сербском контексте), т.е. какие иные люди и структуры пришли на смену Московскому комитету? Ответить на данный вопрос мы постараемся ниже, воспроизведя перед тем, хотя бы в общих чертах, тот самый контекст – с сербской стороны.

С МЕСТА В КАРЬЕР

Начало 1880-х оказалось для «молодых» балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором перспективного пути развития: куда идти и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода – один на ускоренную модернизацию (или *вестернизацию*); другой на отстаивание традиционных ценностей в «системе аграрного статичного мира»⁴. «Либеральная идея и традиция» – это сквозное противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Мировой войны.

В наиболее острой форме оно проявилось в Сербии*. После 1878 г. события в ней «понеслись» бешеным темпом. Дарованная в Берлине независимость, словно всадник, пришпорила ее, подняв на дыбы, – за первое десятилетие самостоятельного развития страна пережила острый внутренний кризис, Тимокское восстание (1883), проигранную войну с Болгарией (1885), принятие новой конституции (1888), отречение монарха (1889). В любом другом государстве всего этого хватило бы на несколько поколений, но только не здесь. Почему?

Решения Берлинского конгресса резко изменили геополитическую конфигурацию Балкан. Сербия, оказавшись в сфере влияния Австро-Венгрии, тотчас ощутила на себе ее мощное давление, что ускорило процесс идейного размежевания в среде местной элиты.

* По точной оценке наблюдателя – болгарского общественного деятеля Стефана Бобчева, считавшего «внутреннюю» борьбу явлением *титическим* в период становления молодых балканских государств, Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример» (*Бобчевъ С. С. Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 27*).

Осенью 1880 г. князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские «рельсы», связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым он четко обозначил свое намерение *втянуть* Сербию в Европу. Призванный в октябре того же года к власти напредняцкий* кабинет Милана Пирочанца и попытался осуществить этот прыжок «из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление верхов европеизировать страну «скорым кавалерийским наскоком» – т.е. «насадить в ней европейскую культуру» и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские», как отмечали русские очевидцы⁵, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Радикальной партии. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, радикалы провозгласили своей главной задачей защиту сербской самобытности, каковую отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, – говорил их лидер Никола Пашич, – но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁶.

По своей внешнеполитической ориентации и цивилизационному настрою вождь и его соратники всегда оставались стойкими русофилами.

Хронический внутренний конфликт продолжался в Королевстве и далее, принимая самые различные формы – отмена новой конституции и возвращение в силу старой (1894), октроирование еще одной (1901) и очередная отмена (1903), госперевороты (1893, 1903) и министерская «чехарда»; наконец, разгон, с применением силы, демонстрации в Белграде (март 1903 г.). Все это закончилось офицерским путчем 29 мая 1903 г. и потрясшей Европу «ликвидацией» монаршей четы.

Майский переворот открыл новую страницу в истории страны. С «самодержавием» (самодурством) и австрофильством последних Обреновичей было покончено. Начиналась эпоха «конституционности и национальной внешней политики» Карагеоргиевичей. Кроме

* Т.е. принадлежавший к Напредняцкой (Прогрессистской) партии. От сербск. *напредак* – прогресс.

того, что самое важное, кроваво, но завершилась почти столетняя распря двух «народных» династий – сербская версия «войны Алой и Белой розы», которая «отбросила Сербию на полвека назад, затруднив консолидацию народных сил для ее нормального развития»⁷. И, действительно, вступив первой на Балканах на путь освобождения, Сербия «забуксовала», теряя «историческое время». Ожесточенная борьба (подстегиваемая этим соперничеством, почему и окрашенная часто в династические тона) обескровливала страну, ее просто рвали на части...

С воцарением новой династии к власти в Королевстве «всерьез и надолго» пришли Радикальная партия и ее вечный гуру Никола Пашич, всего за несколько лет ставший (как выразился о нем Л. Д. Троцкий) «абсолютным властителем Сербии»⁸, – т.е. «вершителем сербских судеб»⁹.

«ОСЕНЬ ПАТРИАРХА»

Помимо сербов, как уже упоминалось, год окончания Великого восточного кризиса оказался *судьбоносным* и для российского славянского движения.

В том году по системе славянофильской «самодеятельности» в Москве был нанесен сокрушительный удар. Не секрет, что Московский славянский комитет и лично Аксаков, «оседлавшие» широкое общественное движение в поддержку балканских славян, начали выходить из-под контроля верхов еще раньше, в 1875–1878 гг., – тогда весь мир следил «за пламенными речами отставного надворного советника, сумевшего стать могучей силой. К его громовому голосу почтительно прислушивались общества и правительства Европы»¹⁰. Но пока война, это еще куда ни шло! По наступлении же мира и подписании Берлинского трактата, когда уязвленный Аксаков продолжил «раскачивать колокол» в своем июньском слове с критикой русской дипломатии (что было вопиюще-демонстративным нарушением «благотворительного» Устава Комитета), реакция последовала незамедлительно.

Император Александр II был столь разгневан «выходкой» Аксакова, что, несмотря на лета и заслуги, приказал выслать его из Москвы в административном порядке. Тогда же власти закрыли и Мос-

ковский комитет. 26 июля Иван Сергеевич выехал к месту ссылки – в село Варварино Владимирской губернии, где находилось имение Е. Ф. Тютчевой, сестры его супруги Анны Федоровны¹¹.

Но ссылка длилась недолго, вскоре царя убедили в неразумности этого шага: ведь, «иное наказание не менее значимо, чем орден»¹², – в глазах общественного мнения. И вот, когда в конце года генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков доложил, что «наш enfant terrible сидит тихо»¹³, ответом стало высочайшее разрешение вернуться в Москву. В первое время по возвращении Аксаков продолжал «сидеть тихо», в чем убедилась власть, дозволив ему в 1880 г. издавать газету «Русь». В ней, кстати, помещались и *объективные* сообщения о «новом курсе» Белграда, что стало причиной частых запретов к ее допуску в Сербию. Автором сербских сюжетов в «Руси» был П. А. Кулаковский, занимавший в 1878–1882 гг. (т.е. в переломный момент становления независимости Княжества и утверждения «нового курса») должность профессора белградской Великой школы¹⁴.

В литературе считается, что после 1878 г. Аксаков отошел от активной борьбы и занимался исключительно публицистикой, отстаивая «консервативные позиции»¹⁵. Так, да не так!.. Не прошло и полтора лет с начала выхода «Руси», как этот «последний могикан славянофильства»¹⁶ вновь вступил на тропу «тайных операций». Тем более, что и повод к тому вскоре представился.

И когда в 1882 г. в Боке Которской (Кривошиях) и Герцеговине начались волнения православного населения против рекрутации в австрийскую армию, русский гвардейский подпоручик черногорского происхождения Йован Попович-Липовац с четой волонтеров и сотней винтовок попытался пробиться из Болгарии через Сербию на помощь восставшим. Казалось бы, обычная авантюра, на которые был богат XIX век в условиях вечно тлевших Балкан и в которых часто «засвечивались» русские подданные. Но в данном случае речь о другом, ведь за кулисами ее скрывался не кто иной, как И. С. Аксаков: по предположению В. М. Хевролиной, «существовал какой-то план московских славянофилов, рассчитанный на организацию крупного антиавстрийского выступления на Балканах»¹⁷. Так оно и было!

В качестве главной базы для организации помощи герцеговинцам была определена находившаяся под русским управлением Бол-

гария. Российские дипломаты в Княжестве (и прежде всего, состоявший в дружеских отношениях с Аксаковым консул М. А. Хитрово), как и многие офицеры, сочувственно отнеслись к планам славянофилов по сбору оружия и денег, а также вербовке добровольцев, – им консульство выдавало русские паспорта¹⁸.

Но экспедиция Й. Поповича-Липовца и «примкнувшего» к нему Стевана Ивановича (такого же русского офицера из черногорцев), в конечном счете, закончилась неудачей, а в октябре 1882 г. восстание было окончательно подавлено¹⁹. Как записал в дневник в конце июня генерал-лейтенант А. А. Киреев, – оценивая кружившие слухи, – «все это указывает действительно на какую-то общую меру, задуманную довольно смело, но исполненную очень неловко...»²⁰. Возмездие за нее не заставило себя ждать – Хитрово был отозван из Болгарии, а Липовац «возвращен» на историческую родину.

Аксакова Бог миловал, но не надолго, – когда в 1884 г. в Софии вновь заговорили о подготовке каких-то новых смут в Боснии и Герцеговине с его участием (что было явным блефом, просто Иван Сергеевич часто забывал об осторожности в общении с балканскими проходимцами, «рядившимися» в борцов за славянское дело²¹), министр иностранных дел России, осторожный Н. К. Гирс, всполошился и пожаловался императору. Тот потребовал от «старого упрямаца» (как однажды выразился в сердцах)²² объяснений. В письме на имя К. П. Победоносцева Аксаков представил искомые, и царь успокоился²³.

Мы внимательнейшим образом проанализировали это письмо и должны заключить: насколько позиция автора прозрачна и убедительна по 1884-му году, – и в мыслях не держал никаких восстаний, – настоль же он лукавил и темнил относительно своего (не) участия в событиях двухлетней давности²⁴.

Но дело даже не в этом (ставшем уже историей) герцеговинском эпизоде... Когда в начале декабря 1885 г. предводитель оппозиционной Радикальной партии Никола Пашич, бежавший осенью 1883 г. из Сербии после неудачи Тимокского восстания и готовивший в эмиграции новый бунт против короля-австрофила Милана Обреновича, впервые приехал в Москву, он сразу же направился к Аксакову. Имея рекомендательное письмо от секретаря Петербургского славянского благотворительного общества В. А. Аристова, – с просьбой к Ивану Сергеевичу помочь Пашичу в его конспиративных

делах²⁵. И тот помог: в Москве был сформирован своего рода штаб заговорщиков, куда вошли Пашич, Аксаков, опальный сербский митрополит Михаил* и незадачливый сербский главнокомандующий, отставной генерал М. Г. Черняев. Были сверстаны планы; Пашич получил денежные средства (а связи Аксакова с богатыми московскими купцами–жертвователями никогда не прерывались²⁶) и отбыл в Румынию с немалыми надеждами²⁷.

Но судьба совсем скоро нанесла непоправимый удар – 26 января 1886 г. Аксаков, с кем Пашич «связывал все свои надежды»²⁸, скоропостижно скончался. Сто тысяч человек провожало его в последний путь в Троице-Сергиеву лавру; газеты и журналы были полны некрологов²⁹. Отправили соболезнования и сербские эмигранты³⁰.

Мы вполне намеренно уделили столько внимания «постберлинской» полосе жизни И. С. Аксакова – центральной фигуры славянофильской общественной самодеятельности в Москве до 1878 г. Иван Сергеевич, как мы старались показать, даже лишившись мощного институционального подспорья в виде Московского славянского комитета, оставался верен себе, пребывая в активной, хотя и изолированной, оппозиции правительственному курсу. То была угасающая инерция некогда мощного движения, с лежавшей в его основе общественной доминантой. Только неприятель после Берлина изменился – вместо Турции он теперь бился против Вены.

«СМЕНА ВЕХ»

Между тем, время шло, и «некоторые из проживающих в Москве лиц духовного и светского сословия», принадлежащих «к числу лиц, несомненно, благонамеренных», – как писал в июне 1885 г. князь В. А. Долгоруков в министерство внутренних дел, обратились с просьбой о разрешении организовать в Москве Славянское благотворительное общество. Мол, «политические события, заключившие со-

* В статье о пребывании свергнутого митрополита Михаила в России (1884–1889) мы констатировали: «В деятельности митрополита Михаила в России можно выделить три аспекта: чисто церковный, культурно-просветительный и политический, который с полным правом можно охарактеризовать как *конспираторский и заговорщический*» (Шемякин А. Л. Митрополит Михаил в эмиграции (вместе с Николаем Пашичем против Милана Обреновича) // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 112–129).

бою войну нашу с Турцией, – поддерживал Его сиятельство ходатаев, – утратили давно свой острый характер; политические страсти, волновавшие в то время деятелей Общества, также улеглись». Да и сами они существенно изменились. «Так, наиболее выдающийся из них г. Аксаков ... в настоящее время издает консервативную газету “Русь”, которая во все время существования ни разу не вызвала против себя нареканий правительственной цензуры»^{31*}. Однако непреклонно-осторожный Н. К. Гирс, которому письмо Долгорукова переправил статс-секретарь МВД И. Н. Дурново, дипломатически витиевато, но недвусмысленно, отказал московским «челобитчикам»³².

На повторное прошение от 24 мая 1886 г., под которым стояли подписи 40 видных граждан и общественных деятелей Москвы, министерство (после неопременного сношения с Гирсом) вновь отвечало, что «затрудняется дать дальнейшее движение ходатайству...»³³. Дело реальной славянской самодеятельности собственно в Белокаменной, таким образом, окончательно заглохло.

А ведь нужно было и денежно поддерживать вдов русских добровольцев в Сербии, призрение коих Московский комитет возложил на себя, и выплачивать пособия студентам с Балкан, обучавшимся в Москве. После его разгрома во всех этих сферах наступил хаос. И если Духовная семинария была неплохо снабжена средствами для продолжения занятий ее южнославянских воспитанников (туда направили более 11 тыс. рублей из имущества упраздненного Комитета³⁴), то другие учебные заведения похвастаться этим не могли. Не случайно, ректор Московского университета Н. С. Тихомиров постоянно сносился с МИД, пытаясь разрешить ситуацию с многократно возросшим числом обращений южных славян с просьбой выдать хоть что-нибудь, ибо с лишением доплат Комитета к университетским пособиям или стипендиям Азиатского департамента жить им стало много хуже, особенно вольнослушателям, которые, – по причине недостатка средств, – даже собирались бросить учебу и вернуться на родину³⁵.

* Московский генерал-губернатор явно «смягчал» ситуацию, пытаясь представить, что Аксаков по-прежнему «сидел тихо». На самом деле, он «пытался заявить о своей оппозиционности правительственной бюрократии», вследствие чего «в декабре 1885 г. над „Русью“ нависла угроза запрещения...» (Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 255).

В данных условиях, лидером в деле поддержки южных славян становится Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество (СПББО), до 1877 г. – филиал Московского комитета. Особую роль здесь сыграл один из немногих оставшихся ветеранов «старого» славянофильского движения, граф Н. П. Игнатьев. Еще в 1879 г., после нового покушения на царя Александра II, он предложил учредить в Москве Попечительство над учащимися славянами, дабы «юные болгары, черногорцы и сербы» не смогли «подчиниться дурному направлению», чем создали бы «бессознательно рассадник нигилизма в соплеменных нам странам». Отсюда – и выраженная цель Попечительства: оно «должно заменить родителей и воспитателей юным славянам, оказать им материальную помощь и нравственное на них влияние», что значит: «знать условия жизни, обстановку и нравственные качества каждого воспитывающегося в Москве славянина и руководить им, доставляя ему дешевый приют, дешевое пропитание и доброе наставление»³⁶. Сам Н. П. Игнатьев был готов предоставить Попечительству капитал в 20 тысяч рублей, пожертвованных ярмарочным купечеством в Нижнем Новгороде³⁷. Однако, на сей раз «затея» с Попечительством не удалась.

Хотя, следует подчеркнуть, что инициатива нижегородского губернатора (Игнатьев состоял тогда именно в этой должности) была весьма дальновидной, ибо в ноябре 1881 г. Департамент полиции обвинил вольнослушателя Московского университета серба Еврема Кочовича в «принадлежности к социально-революционному сообществу и в сношениях с выдающимися деятелями преступной пропаганды», рекомендовав к «высылке за пределы империи»³⁸. Что и было исполнено³⁹...

Вторую попытку учредить Попечительство над славянами граф Николай Павлович предпринял осенью 1889 г. – в качестве председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. В письме министру народного просвещения Д. А. Толстому он предложил открыть Попечительства в Москве, Киеве, Одессе и Варшаве*, т.е. всюду, где обучались молодые славяне⁴⁰. После длительной ведомственной переписки, учитывая «мнение статс-секретаря Гирса»⁴¹, министр внутренних дел И. Н. Дурново разрешил-таки

* В Варшаве южнославянские уроженцы обучались в Суворовском кадетском корпусе.

«Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу образовать из своих членов в г. Москве особое попечительство для наблюдения за успехами и поведением тех славянских уроженцев, которые воспитываются в этом городе исключительно на средства общества»⁴². Но, повторим, *единственно* в Москве. В претензии на «наблюдение» в иных центрах Империи Игнатьеву было отказано.

Таким образом, Питер институционально вступил на «каноническую территорию» своего бывшего сюзерена – некогда *общероссийского* центра славянофильского движения. Возглавил новое Попечительство – по предложению Игнатьева – московский житель, член СПСБО, князь Н. П. Мещерский, задача которого состояла в следующем: «Принять на себя заботы об обеспечении стипендиатов Общества, получающих образование в Москве, а также выдачу пособий в Москве же проживающим добровольцам и вдовам добровольцев или осиротелым семьям их»⁴³.

И здесь надобно отметить весьма важную тенденцию, которая начала складываться в московском обществе по отношению к южным славянам в 1880–1890-е годы. Это рост равнодушия к ним, что, думается, вполне объяснимо. Ибо, с одной стороны, войны долго нет (а русская душа всегда особенно алчет помочь брату-славянину «в минуты роковые»); с другой же – независимые Сербия и Болгария развиваются ныне по «европейскому» пути, имея иных покровителей. Любопытные цифры, иллюстрирующие такую тенденцию, приводят деятели СПСБО В. К. Саблер и В. А. Аристов в письме митрополиту Московскому и Коломенскому Леонтию. Пеня владыке в недостатке «усердия» у епархиальных благочинных по организации кружечного сбора «в пользу нуждающихся славян» (как видим, даже его в Москве и окрестностях, по договоренности с Синодом, заполучило в свою компетенцию СПСБО), они разложили собранные (во всей Московской епархии!) суммы по годам: 1887 – 23 руб. 18 коп.; 1888 – 9 руб. 6 коп.; 1889 – 34 руб. 44 коп.; 1890 – 35 руб. 75 коп.; 1891 – 32 руб. 47 коп.⁴⁴. Статистика не впечатляет!

Другой пример – уже из сферы «традиционной». 24 марта 1897 г. Попечительство в Москве извещало Совет СПСБО о резком уменьшении финансовых поступлений (прежде всего пожертвований) и, соответственно, невозможности финансировать *всех* славянских стипендиатов Общества, обучающихся в Москве. В заключении письма ставился вопрос и о возможной «самоликвидации»⁴⁵.

Граф Игнатьев, подчеркнув, что Совет «затрудняется допустить мысль о закрытии Попечительства», и пообещав присылать из Питера по тысяче рублей в год для поддержки ононого, разразился филиппикой: «Равнодушие москвичей к деятельности Попечительства непонятно, тем более, что до открытия Попечительства благодеющие москвичи ежегодно доставляли в Санкт-Петербургское славянское общество одними членскими взносами в среднем более пятисот рублей, не считая значительных пожертвований, и настойчиво ходатайствовали об открытии бывшего Московского славянского общества, которое пока под видом Попечительства и удалось Совету выхлопотать. Почему же теперь, – вопрошал председатель СПСБО, – москвичи уклоняются поддерживать свою славу, которая живет о Московском комитете в сердцах народов Черной горы, Сербии и Болгарии?»⁴⁶.

Вопрос риторический: о мотивах спада интереса к южным славянам мы упоминали, хотя, думается, был и еще один – то самое отсутствие Московского славянского общества, причем *реального*, а не «под видом...». Но ведь какое-то Славянское общество в Москве с недавних пор существовало. Какое? И почему граф Игнатьев о нем даже не заикнулся?

«...ВТОРОЙ РАЗ В ВИДЕ ФАРСА»

Поздравляя 3 января 1896 г. видного деятеля *старого* славянофильского движения Ап. А. Майкова с Новым годом, настоятель Сербского подворья в Москве архимандрит Кирилл с грустью констатировал: «Тяжко становится на душе, что Вы отказываетесь быть во главе этого молодого и еще не окрепшего Общества»⁴⁷. Речь в послании шла о *новой* славянской организации – после длительной переписки МВД с МИД (министр Н. К. Гирс был еще жив!) статс-секретарь И. Н. Дурново утвердил в апреле 1893 г. Устав Славянского взаимно-вспомогательного общества в Москве, «с тем непременно условием, чтобы оно не выходило в своей деятельности из пределов уже существующих в Москве взаимно-вспомогательных обществ других национальностей»⁴⁸. Официально Общество открылось 11 декабря 1894 г. Его первым председателем и был избран Майков, который, однако, уже год спустя подал в отставку, чем вызвал скорбь архимандрита Кирилла. Сменил Аполлона Алексан-

дровича на ниве служения «славянскому делу» ректор Московской консерватории В. И. Сафонов.

Поначалу «дело» было поставлено на широкую ногу. Благодаря пожертвованиям, Общество занимало роскошное помещение в гостинице «Метрополь» с библиотекой, куда поступали газеты и журналы со всего славянского мира. По воскресным и праздничным дням устраивались славянские вечера... Но указанная тенденция брала свое и здесь, мало того, набирала силу – задуманные на семейных началах вечера не встретили сочувствия у большинства членов; читальня и библиотека привлекали все меньше посетителей.

В 1895 г. число вступивших в Общество уменьшилось наполовину, соответственно сократились и материальные средства. Оно было вынуждено переехать из «Метрополя» в помещение Верхних торговых рядов, что на Никольской ул. (ныне – ГУМ). В следующем году количество членов еще более сократилось и насчитывало 36 человек от 60 прежнего состава. На созванном 1 декабря 1896 г. экстренном общем собрании обсуждался вопрос о существовании Общества. Ап. А. Майков в своем обращении рекомендовал не смущаться затруднительными обстоятельствами, называя их временными, и доказывал, что закрытие Общества равносильно его самоубийству. Обмен мыслями привел к согласному решению продолжить деятельность. Тем не менее, в 1897 г. число членов Общества сократилось до 27, а само оно вновь сменило дислокацию, въехав в дом Хомякова, – напротив Большого театра⁴⁹.

Падать ниже было некуда, надо было что-то срочно менять.

Решили изменить Устав Общества (в смысле «расширения круга его деятельности и филантропических задач»⁵⁰), каковой и был в октябре 1897 г. представлен Московскому генерал-губернатору для рассмотрения и утверждения⁵¹. После длительных согласований новый Устав был подписан 22 июня 1899 г.; само же оно стало называться: «Славянское вспомогательное общество в Москве»⁵².

В апреле 1901 г., вследствие внутренних распрей, председатель Общества А. С. Вишняков (видный предприниматель и благотворитель), вместе с членами Совета, отказались от своих должностей. В мае его преемником был избран А. И. Череп-Спиридович – офицер флота в отставке, пароходный делец и *католик*, занимавший в 1901–1905 гг. должность генерального консула Сербии в Москве... От предложенной им «программы» явно веяло духом мегаломании:

здесь и культурно-духовное единение многомиллионного славянства, и повсеместное введение в славянских странах изучения русского языка, и необходимость *перевоспитания* российской молодежи, дабы увлечь ее идеями славянства, etc.⁵³.

Но это, в целом. Что же касается конкретно Сербии, то, всего год спустя, в письме директору Сербского народного театра Череп-Спиридович начертал целый манифест, не забыв озвучить и собственные заслуги: «Не жалея ни средств, ни трудов, ради укрепления русско-сербских отношений, могу констатировать, что мне настолько удалось поколебать скептическое мнение москвичей в отношении Сербии (всего-то за год? – *А.Ш.*), что теперь почти вся московская пресса, а за ней и все московское общество, стали относиться к ней со значительно большим интересом, пробуждая в себе искренние и братские чувства как к самой Сербии, так и к ее королевскому дому». И далее: «Я стараюсь воскресить к Сербии любовь и доверие, для чего стремлюсь поднять Славянское общество, чьим председателем являюсь, на высоту, которую оно занимало при Аксакове, чтобы, в случае необходимости, Сербия имела солидарную и организованную поддержку в России»⁵⁴.

Так вот, где собака зарыта – лавры «последнего могикана» не давали Черепу покоя! Но, чтобы встать «вровень» с ним, надобно и мыслить категориями стратегическими, чего («мышления») пример мы находим в донесении посланника в Софии Ю. П. Бахметева от 9 сентября 1909 г.: Череп-Спиридович «в последнее время начал все чаще приезжать в наши страны (Болгарию, Сербию, Черногорию. – *А.Ш.*) и выказывать совершенно независимую и несоответствующую его положению деятельность», которую автор назвал «фантазиями и интригами», порожденными «детской ненормальностью»⁵⁵. Что бы это могло означать? «В письме к Фердинанду (царю болгар. – *А.Ш.*)» русский гость «предложил в союзе с ним, Сербией, Черногорией, Грецией, Италией, Боснией и Герцеговиной, Кroatией, армянами и Ватиканом организовать крестовый поход против ислама...». И далее следовала вполне разумная, на наш взгляд, рекомендация дипломата в МИД: «Было бы весьма желательно, если ему будет внушено прекратить свои поездки на Славянский Восток»⁵⁶.

Пятью годами ранее (в сентябре 1904 г.) проницательный посланник в Белграде К. А. Губастов поставил в письме В. Н. Лам-

здорфу «диагноз» как самому Черепу-Спиридовичу, так и московскому славянскому «делу»: «Из личного знакомства с этим общеславянским деятелем я вынес прежде всего впечатление, что, если он может стоять во главе Общества, то это доказывает, что славянское дело в Москве находится в совершеннейшем упадке»⁵⁷.

Увы, «вердикт» точен – когда действительно возникла необходимость (с началом в 1912 г. длинной череды войн) в том, чтобы «Сербия имела солидарную и организованную поддержку в России», она ее и впрямь получила! Вот только трудами иных людей и иных организаций.

А Череп-Спиридович, меж тем, стремился укрепить свое влияние в Москве. С этой целью в конце апреля 1909 г. он обратился к председателю правления Попечительства над учащимися в Москве славянами И. Ф. Тютчеву с предложением объединиться⁵⁸. Ответ был отрицательным: с одной стороны, «вопрос этот подлежит решению Санкт-Петербургского славянского общества» (лояльность соблюдена), с другой – «деятельность Попечительства чисто благотворительная, а Московского славянского общества скорее политическая»⁵⁹. И потому, например, когда в апреле 1912 г. в Москве гостило певческое общество «Обилич» из Белградского университета (во главе с профессором Миланом Андоновичем), секретарь Попечительства В. Е. Пигарев обратился за помощью по встрече и программе пребывания не к Череп-Спиридовичу, а к московскому городскому голове Н. И. Гучкову⁶⁰. То же и в июле: извещенные из СПСБО, члены Попечительства встретили и разместили в Москве очередных экскурсантов – воспитанников Духовной семинарии из Сремских Карловцев⁶¹. А где же, спрашивается, «москвичи»? Политикой, наверное, занимались.

А «завтра была война». И не одна...

Итак, как мы старались показать, на протяжении 1878–1912 гг. Москва последовательно деградировала, как *единый* центр славянского общественного движения. Действительно, его бывшего всероссийского флагмана (Московский славянский комитет) сменили какие-то невнятные «общества»; вслед за историческими фигурами калибра И. С. Аксакова, Н. А. Попова, либо Ап. А. Майкова пришли опереточные отставные офицеры; а вместо Этнографической выставки 1867 г. (имевшей вес и значение славянского съезда) в Москве в 1912 г. был с помпой проведен III Всеславянский конгресс пчеловодов⁶².

Потому-то, когда вспыхнули Балканские войны, стало сразу заметно «горячее дело участия в деле помощи славянам Московского городского общественного управления»⁶³ и других самостоятельных организаций (Иверской и Александринской общин, Купеческого общества, Биржевого комитета). Что уж говорить, если основанный для реальной помощи южно-славянам во вновь наступившие лихие времена *очередной* Московский славянский комитет возглавил городской голова Н. И. Гучков. Главной же опорой Комитета оказалось «Сербское подворье во главе с его настоятелем архимандритом Михаилом»⁶⁴, а отнюдь не Славянское вспомогательное общество, в его состав и не вошедшее*.

«НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ»

Начавшаяся война (войны) всколыхнули москвичей. Дремавшая втуне славянская солидарность проснулась, вылившись в пожертвования, добровольчество, акции духовно-моральной поддержки. Обо всем этом (с чисто *фактической* точки зрения) весьма хорошо известно, чтобы останавливаться еще раз подробно. Есть и специальная литература, где в общем «потоке» русской помощи Сербии выделяется московская «струя»⁶⁵. Мы приведем всего один пример, ясно демонстрирующий общественное настроение – своего рода «дух» жителей Москвы разных возрастов и сословий.

12 ноября 1912 г., по решению «Славянской комиссии» при Московской городской управе, проводился День славянского флага – «сбор пожертвований для оказания помощи больным и раненым воинам союзных балканских армий»⁶⁶. 3500 волонтеров с кружками последовательно обходили центральные улицы, площади, рестораны, театры; «осаждали» трамвайные остановки, предлагая публике приобретать славянские национальные флажки. Состоятельные граждане жертвовали охотно – так, в ресторане «Прага» «в короткое время собрано 500 рублей. В „Метрополе“ собрали около 400 рублей. В только что отстроенном ресторане „Ампир“ собрано более тысячи руб.». Причем, что касается разовой «дачи», то, скажем,

* В Славянский комитет, кроме Сербского подворья, вошли Общество славянской культуры, хорошо нам известное Попечительство над учащимися славянами, все-славянское общество «Славия».

«в „Большой московской“ (имеется в виду ресторан при гостинице. – А.Ш.) никто менее пяти рублей в кружку не опускал»⁶⁷.

Обычный городской люд жертвовал меньше количественно, но также массово – «В большинстве кружек насчитывались десятки рублей»; присутствовали «нательные кресты, обручальные кольца, другие мелкие вещи». И даже со «дна» отозвались: пьяница написал в приложенной записке, что «отказывается от водки и кладет пятак»⁶⁸. Дети – особенно трогательны. Один мальчик: «Я жертвую всю свою копилку (1 руб. 52 коп.)...», а девочка: «Сегодня день моего рождения. Папа дал мне 3 руб. на куклу, а я жертвую на раненых»⁶⁹. Не обошлось без курьезов, – когда сидевшие в ресторане «Мартьяныч» немцы отказались брать славянские флаги, «сборщики изготовили на скорую руку германские и получили от группы немцев солидную сумму в пользу славян»⁷⁰.

Истины ради заметим, что нечасто, но встречались записки (можно не сомневаться, без всякого денежного вклада) чисто «либерального» свойства: «несколько против войны» и несколько «с рассуждениями, почему сбор проводится только для славян-христиан, что следовало бы подумать о раненых турках, ибо и они люди»⁷¹. Впрочем, подобные, в духе Константина Левина, настроения были мало популярны в *православной* Москве, в отличие от *космополитического* Петербурга.

О чем, собственно, свидетельствует и конечный результат акции – всего за день 12 ноября было собрано наличными 103 843 руб. 98 коп. с полушкой: «эта сумма увеличится немного от реализации купонов, монет и ценных вещей...»⁷².

В последний раз Москва показала себя «по-старому», т.е. совсем «по-аксаковски», (правда, в исполнении опять же не славянских структур, а городских властей) весной 1916 г., во время визита в Россию Н. Пашича, прошедшего триумфально. Посланец маленького, но не сдавшего врагу народа был встречен русским обществом с полным восторгом. В его честь устраивались грандиознейшие приемы – 25 апреля в петроградской «Астории» присутствовало 300 гостей, а 29-го – в московском «Метрополе» их собралось в два раза больше. Причем даже меню банкета было здесь выдержано в духе «манифестации»: «Суп славянский. Бульон московский. Филе из судака по-чешски. Жаркое. Салат по-сербски. Соуса: польский и хорватский»⁷³. В этом вся Первопрестольная – широкая, хлебосольная, славянская. Не то, что чопорная «европейская» столица – с ее

«кремом шампиньон» и «севрюгой по-английски», чем закусывали в «Астории»⁷⁴. Московская городская дума во главе с новым городским головой М. В. Челноковым провела по случаю приезда Пашича специальное торжественное заседание, на котором тот присутствовал в ленте ордена Св. Владимира 1-й степени, пожалованного Николаем II. Фотография из газеты «Московский листок»⁷⁵ дает редкий шанс лицезреть Пашича во владимирской «кавалерии» со звездой.

И старый сербский премьер в Москве чувствовал себя лучше: ходил по магазинам, посетил снарядный завод, Сокольнический трамвайный парк, Рублевский водопровод – бывшего мэра Белграда интересовала организация городского хозяйства.

Общественные организации жертвовали средства в пользу сербов: и вновь Москва – «впереди России всей». Так, Петроградский комитет помощи Сербии передал гостю 70 тыс. рублей. Московская городская дума – 100. Московские же славянский комитет и земская управа – соответственно 40 и 10. Киевские городские власти выделили 25 тысяч, а одесские – 30⁷⁶. В середине мая, после инспекции сербской Добровольческой дивизии в Одессе, Никола Пашич в приподнятом настроении отбыл на Корфу. Все впереди казалось ему светлым и радужным...

Но неисповедимы пути Господни, и в 1920 г. Михаил Васильевич Челноков, лишь недавно возглашавший «Николаю Петровичу» с трибуны Мосгордумы «славу и привет»⁷⁷, вручая 100 тыс. рублей⁷⁸, напишет ему же в Белграде расписку ... в получении 10 тысяч динаров беженской помощи⁷⁹. Все смешалось!

Впрочем, это уже другая история.

«О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ АРХИВЫ...»

Ну, а что же еще – кроме смены структур и девальвации исторического «бренда» – привнесла постберлинская «передышка» (1878–1912) в отношения Москвы с независимой Сербией? То есть, что, кроме форм, изменилось в них по сути?

Прежде, как уже упоминалось, бал правили «великие дела» – в Первопрестольной разрабатывались целые идеологии, проводились гала-мероприятия, она оказывала помощь в общеполитических конфликтах. Все завершилось в Берлине в 1878-м – последние всплески некогда могучих волн слышатся в предсмертных «попытках» Акса-

кова. Занималась эпоха дел «малых»... Но жизнь тем самым не преклась: и чем-то «новое время» стыковалось с прошлым напрямую; в чем-то, видоизменяясь, его продолжало; а что-то было в нем чудом невиданным. Начнем с «чудес», оговорив предварительно главный принцип, – анализируя содержание московско-сербских контактов в 1878–1917 гг., мы ставили и ставим акцент на их *общественном* (в широком смысле слова) аспекте, не желая затрагивать официальных межгосударственных отношений, которые суть уже прерогатива Петербурга...

Итак, в рамках рутинного, вроде бы, *константного* процесса образования сербской молодежи в учебных заведениях Москвы, который, несмотря на неурядицы, связанные с разгромом Московского комитета, никогда не прерывался*, мы (уже с 1878 г.) наблюдаем новое и единственное в своем роде явление обратного порядка – обучение сербов русским (*московским*) профессором в Белграде. Имеется в виду наш знакомый П. А. Кулаковский – выпускник Московского университета, преподаватель старших классов IV-й Московской гимназии, занявший тогда (по просьбе сербского либерального правительства) только что основанную в Великой школе кафедру русского языка и литературы⁸⁰. И с первого дня по приезду в Белград он начал записывать свои впечатления о сербах, оказавшись воистину «нужным человеком в нужное время в нужном месте», – ведь его пребывание в сербской столице (1878–1882) пришлось на период формирования «нового», проавстрийского, курса местных властей**, их отчуждения от России и всего русского***, ради «европейского» пути! Соответственно, дневник П. А. Кулаковского⁸¹ – это впечатле-

* В числе студентов, обучавшихся в 1878–1917 г. в Москве, был и знаменитый впоследствии ученый, академик Александр Белич – основатель лингвистической школы и Президент Сербской Академии наук как в королевской, так и коммунистической Югославии. В 1887 г. он перешел из Новороссийского университета в Московский, который закончил в 1889 г. с дипломом 1-й степени.

** Напомним, что в октябре 1880 г. к власти в Сербии (вместо русофилов-либералов) князем Миланом Обреновичем были призваны австрофилы-напредняки.

*** Мы не говорим здесь о чисто внешнеполитическом «курсе»: после Сан-Стефано, зафиксировавшего проболгарскую политику России, это был естественный выбор Белграда. Но, не зная ни в чем чувства меры, Милан Обренович бросился в объятия Вены со всей страстностью неопита. В страхе от собственного народа, Карагеоргиевичей и России, *такая* связь представлялась ему гарантией династии (см.: Шемякин А. Л. Милан Обренович – архитектор сербской перестройки? Полемические размышления // Историки-слависты МГУ. Кн. 7 (Х. Х. Хайретдинов). М., 2008. С. 194–195).

ния человека, наблюдавшего становление Сербии как «независимого» государства не *проездом*, а *изнутри* – в течение длительного времени.

Различие в достоверности оценок обеих категорий очевидцев показал французский историк Альбер Мале – на протяжении полутора лет (1892–1894) он исполнял обязанности наставника юного короля Александра Обреновича: «Внешний лак цивилизации – это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, треснувший в тысяче мест, – это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и делает из него врага изначального ложного образа»^{82*}. Значение материалов Кулаковского для объективной характеристики «нового курса», а равно и особенностей политического процесса в независимой Сербии, в целом, уже не раз подчеркивалось⁸³.

Понятно, что свидетельства Платона Андреевича не ограничиваются одними лишь его политическими наблюдениями. Профессор единственного в Сербии ВУЗа, он оказался в самой гуще немногочисленной сербской интеллигенции, имея возможность познать как систему ее *уже* «суверенных» предпочтений, так и культурное измерение «нового курса» вообще. А познав, изложить оные в письмах в Россию (причем в основном в Москву: И. С. Аксакову, Н. А. Попову и Ап. А. Майкову), каковые – вкуче с дневником – будут в скором времени изданы. По крайней мере, мы на это очень надеемся. Тем более, что 2013 г. – год столетия смерти ученого.

Принципиально новым явлением, в сравнении с прошлой эпохой, была и попытка установления торгово-экономических связей между Сербией и Москвой. Инициаторами ее выступили вроде бы частные лица (Джордже Генчич, А. Л. Мураневич). Но с сербской стороны такая попытка замышлялась явно с политическим акцентом: ведь за активностью Генчича в Москве в 1891 г., представляя-

* И 20 лет спустя данное «различие в достоверности» оставалось актуальным. Российский журналист Н. И. Гасфельд констатировал: «Бытописатели юго-славянских земель, наблюдавшие сербов из вагон-салона и изучавшие их по рассказам и со слов сербских политических деятелей, лишены возможности видеть и слышать сербов в серенькие будни, когда они не надевают париков и не накладывают грима» (*Шевалье Н. (Гасфельд Н. И.). Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента.* СПб., 1913. С. 97–98).

шего здесь сербских предпринимателей, на самом деле стоял первый регент Йован Ристич, желавший «втягиванием» русского купечества в широкую торговлю с Сербией оградить ее от австрийской зависимости... Однако, на все призывы Генчича московские «дельцы» были вынуждены отвечать: «Торговля с Сербией русскими хлопчатобумажными произведениями, составляющими главный предмет русской мануфактуры, при существующей ныне в России пошлине на заграничный хлопок ... немыслима, так как эта пошлина для русских фабрикантов увеличивает цену хлопка около 20% против их западноевропейских конкурентов, производящих торговлю с Сербией»⁸⁴.

Итак, все зависело от власти, а она совсем не стремилась изменять установленный размер пошлин ради Сербии. Имея «теплые Украину и Кавказ», Петербург не был особо заинтересован в торговых связях с Белградом, скрутив «путами» официальной политики и Москву. Поэтому-то вся торговля и ограничивалась поставками из южных краев России в Сербию керосина, соленой рыбы да резиновых галош. Благо, пути доставки существовали: «Общество Черноморско-Дунайского пароходства» князя Гагарина совершало регулярные рейсы из Одессы до сербских дунайских портов. Что же до серьезных русских инвестиций, то мы можем вспомнить лишь одну – страховое общество «Россия» выстроило в Белграде гостиницу «Москва», которая и по сей день украшает площадь Теразие, являясь одной из важнейших городских доминант...

В центре межцерковных отношений – неканоническая (в контексте «нового курса») детронизация сербского митрополита Михаила в 1881 г., его эмиграция в Россию и судьба Сербского подворья в Москве. Свержение Михаила стало в какой-то степени индикатором официального подхода России к Сербии: Петербург напрочь отстранился от белградского режима. Попытки последнего восстановить нормальные межгосударственные отношения наталкивались на упорно выдвигаемое условие – вернуть владыку на митрополицию кафедре. На долгие восемь лет (вплоть до отречения теперь уже Милана Обреновича) так наз. «церковный вопрос», превратившийся из чисто религиозного в остро-политический и принципиальный, отбросил двусторонние отношения к точке абсолютного замерзания⁸⁵... После 1889 г. церковные (а равно и политические) связи вернулись в привычное русло.

Еще одним «общественным» новшеством стали массовые экскурсии сербов (как из Королевства, так и из Австр-Венгрии) в Россию. Причем оно носило «универсальный» характер, «присутствуя» в церковной, образовательной и культурной сферах, – примеры этого были приведены выше. И здесь обнаруживается крайне примечательный факт «обратной связи» – в Земледельческой школе г. Шабача (сербская глубинка, нарушив монополию Белграда и Сремских Карловцев, также подключилась к познанию России) в 1912 г. обучалось трое молодых россиян⁸⁶.

На рубеже столетий пришло время и для «культурного узнавания» двух народов – в обеих странах прошли первые гастроли. В 1896 г. капелла Стевана Мокраньца с успехом знакомила русскую публику с сербским вокальным искусством – искушенные москвичи были в восторге*, а Мокраняц высочайше пожалован орденом Св. Анны. В марте 1901 г., по приглашению еще одного великана сербской культуры Бранислава Нушича, в Белград приехал знаменитый московский артист А. И. Сумбатов-Южин. Это были первые гастроли русского (ких) не только в Сербии, но и на Балканах. Выступления на сцене Белградского Народного театра прошли с полным триумфом. Присутствовавший Александр Обренович принял Южина и вручил ему «командорскую» степень ордена Св. Саввы⁸⁷. Надо, однако, заметить, что играл русский актер одну лишь западную классику: ни одной русской пьесы в репертуаре Народного театра не оказалось, хотя переводы на сербский некоторых из них уже имелись: Грибоедова, Гоголя, Сухова-Кобылина, например⁸⁸ (что явилось очевидным последствием все того же «нового курса»)… Не прекращались поездки в Сербию и далее, – а в 1911 г. А. И. Андреев (в 1898–1906 – актер и режиссер МХТ) поставил на белградской сцене «Бурю» А. Н. Островского⁸⁹.

«Общественно-военные» отношения Москвы и Сербии «нового времени» (наряду с конкретными мерами помощи сербам в 1912–1917 гг.) оказались в непосредственной связи с прошедшей эпохой – участие тысяч русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г.

* 4 сентября 1896 г. капелла Ст. Мокраньца в полном составе посетила Сербское подворье в Москве, оставив запись в книге почетных гостей (См.: Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2044. Л. 3 об.).

сменил процесс увековечивания («материализации») их памяти. Возведение обелиска на высоте Руевица под Алексинацем (1880)^{*} и «церкви Вронского» в селе Горни Адровац (1903)^{**}, сохранившихся до сих пор, стало завершающим (мемориальным) аккордом той войны...

* * *

В заключение отметим, что предложенная статья отнюдь не кажется нам полным и всеобъемлющим исследованием заявленной темы. Мы попытались лишь «телеграфно» прочертить нисходящую траекторию в истории «славянской Москвы» (в русско-сербском контексте), что наметилась после «свертывания организации», – т.е. разгона Московского комитета в 1878 г. Посчитав при том нелишним указать как на некоторые содержательные скрепы, связывающие два периода московско-сербских отношений (до и после), так и на новые явления, привнесенные в них наступившей эпохой... Думается, эти данные смогут помочь будущему историку при написании «продолжения» «Славянских комитетов» С. А. Никитина, необходимость в котором, на наш взгляд, уже давно назрела.

Примечания

¹ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 7.

² Кузьмичева Л. В. Москва и сербский вопрос в 1804–1878 гг. // Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград-М., 2011. С. 39.

³ См. примечание 2.

⁴ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 35.

* Обелиск на высоте Руевица был возведен по инициативе М. Г. Черняева на средства, собранные по подписке, объявленной в России И. С. Аксаковым.

** Церковь Св. Троицы выстроена на высоте Голо Брдо (окраина села Горни Адровац) – месте гибели полковника Н. Н. Раевского 3-го, внука генерала от кавалерии Н. Н. Раевского 1-го. Деньги на строительство храма (50 тысяч рублей) завещала мать погибшего добровольца А. М. Раевская, а сами работы надзирала ее невестка (жена младшего сына – М. Н. Раевского) М. Г. Раевская (урожденная княжна Гагарина). Существует легенда, и на наш взгляд – весьма правдоподобная, что полковник Н. Н. Раевский послужил Л. Н. Толстому прототипом при создании образа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина» (подробнее обо всех этих сюжетах см.: Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. 2-е изд. СПб., 2007).

- ⁵ *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. 2-е издание. СПб., 1898. С. 90; *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы // *Русский вестник*. 1883. № 4. С. 762.
- ⁶ Архив Српске Академије наука и уметности. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.
- ⁷ Определение, данное одним из лидеров Радикальной партии Стояном Протичем (цит. по: *Шемякин А. Л.* Сербия в начале XX века // *Югославия в XX веке. Очерки политической истории*. М., 2011. С. 22).
- ⁸ *Троцкий Л. Д.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 71.
- ⁹ Там же. С. 280.
- ¹⁰ *Лернер Н. И. С. Аксаков* // *Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон»*. Биографии. Т. I. М., 1991. С. 130.
- ¹¹ *Кошелев В. А.* Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005. С. 361.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Лернер Н. И. С. Аксаков* ... С. 131.
- ¹⁴ Подробнее о П. А. Кулаковском и его оценке сербского «нового курса» см.: *Шемякин А. Л.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // *Человек на Балканах глазами русских*. СПб., 2011. С. 66–94.
- ¹⁵ *Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России*. М., 1978. С. 255; *Кошелев В. А.* Сто лет семьи Аксаковых. С. 368–374.
- ¹⁶ *Кошелев В. А.* Сто лет семьи Аксаковых. С. 372.
- ¹⁷ *Хевролина В. М.* Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 – середина 90-х годов XIX века) // *Славянский вопрос: веки истории*. М., 1997. С. 96.
- ¹⁸ Подробнее о планах помощи герцеговинцам и роли в них И. С. Аксакова см.: *Шемякин А. Л.* Свой среди «своих». Йован Попович-Липовац и восстание в Герцеговине (1882 г.) // *Черногорцы в России*. М., 2011. С. 113–117.
- ¹⁹ Там же. С. 120–124.
- ²⁰ Цит. по: *Хевролина В. М.* Идея славянского единства ... С. 96.
- ²¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1104. Л. 23 об.–25; Рукописное отделение Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 390. Л. 13–14; *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. Т. I. 1879–1884. М., 1928. С. 211–212.
- ²² *Кошелев В. А.* Сто лет семьи Аксаковых. С. 373.
- ²³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Фонд И. А. Зиновьева. Оп. 861. Д. 121. Л. 1; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 65 об.
- ²⁴ АВПРИ. Фонд И. А. Зиновьева. Оп. 861. Д. 121. Л. 2–2 об.
- ²⁵ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 14. Д. 55. Л. 3–3 об.
- ²⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 38.
- ²⁷ *Шемякин А. Л.* Никола Пашич в Румынии (1885–1889) // *Славянский альманах* (2006). М., 2007. С. 103–104.
- ²⁸ Н. Пашић – митрополиту Михаилу. Б/м. 19. фебруара 1886. // *Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888)*. Приредило, уводну студију и напомене написао А. Шемјакин. Београд, 2004. С. 141.
- ²⁹ *Кошелев В. А.* Сто лет семьи Аксаковых. С. 374.
- ³⁰ Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка ... С. 141.

- ³¹ АВПРИ. Ф 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 12475. Л. 22.
³² Там же. Л. 27–28 об.
³³ Там же. Л. 33–37.
³⁴ Центральный Исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 234. Оп. 1. Д. 1836. Л. 3.
³⁵ Там же. Ф. 418. Оп. 47. Д. 233. Л. 65–66 об.; Оп. 48. Д. 301. Л. 91–92 об.
³⁶ Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1929. Л. 1.
³⁷ Там же. Л. 2 об.
³⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 108. Д. 58. Л. 24–27.
³⁹ Подробнее о «преступной» деятельности Е. Кочовича в России см.: *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 183–185.
⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 278. Картон 2. Ед. хр. 1. Л. 4–5 об.
⁴¹ Там же. Л. 6.
⁴² Там же. Л. 7 об.
⁴³ Там же. Л. 24.
⁴⁴ Там же. Картон 4. Ед. хр. 1. Л. 2.
⁴⁵ Там же. Ед. хр. 2. Л. 3–3 об.
⁴⁶ Там же. Л. 4–5.
⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 268. Л. 1 об.
⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 132. Д. 35. Л. 5.
⁴⁹ См.: Славянское взаимно-вспомогательное общество. 1894–1897. Отчет за 1897 г. М., 1898.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 132. Д. 35. Л. 1–2 об.
⁵² Там же. Л. 28.
⁵³ См.: Славянское вспомогательное общество в Москве. Отчет за 1901 г. М., 1902.
⁵⁴ Архив Србије (далее – АС). Ф. Народно позориште. Бр. 910.
⁵⁵ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 8883. Л. 24.
⁵⁶ Там же. Л. 24 об.
⁵⁷ Там же. Л. 68 об.
⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 278. Картон 3. Ед. хр. 3. Л. 3–3 об.
⁵⁹ Там же. Л. 22.
⁶⁰ Там же. Ед. хр. 6. Л. 12.
⁶¹ Отчет Попечительства над учащимися в Москве славянами С.-Петербургского славянского благотворительного общества за 1912 г. М., 1913. С. 8.
⁶² ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 51. Д. 2342. Л. 1–3 об.; Московские ведомости. 26 июля 1912 г. № 173; Московский листок. 28 июля 1912 г. № 173.
⁶³ Отчет Попечительства над учащимися в Москве славянами С.-Петербургского славянского благотворительного общества за 1912 г. С. 7; ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 2–2 об.; 24–25.
⁶⁴ Московские ведомости. 2 октября 1912 г. № 227; 6 октября 1912 г. № 231; 9 октября 1912 г. № 233.
⁶⁵ См., например: *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010. С. 47–75; *она же.* Организация гуманитарной помощи больным и раненым сербским воинам, а также населению Сербии в период 1-й балканской войны (1912–1913) // *Родина* (в печати).

- ⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3018. Л. 20–20 об.
- ⁶⁷ Московские ведомости. 13 ноября 1912 г. № 263.
- ⁶⁸ Там же. 15 ноября 1912 г. № 265.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. 13 ноября 1912 г. № 263.
- ⁷¹ Там же. 15 ноября 1912 г. № 265.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ АС. Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).
- ⁷⁴ Исто.
- ⁷⁵ Московский листок. 30 апреля 1916 г.
- ⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 9–10; Московский листок. 30 апреля 1916 г.; Русское слово. 30 апреля 1916 г.
- ⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 8.
- ⁷⁸ Там же. Л. 9–10.
- ⁷⁹ АС. Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).
- ⁸⁰ Подробнее о П. А. Кулаковском, его жизни, взглядах и творчестве см.: *Грот К. Я.* Платон Андреевич Кулаковский. СПб., 1914; *Данченко С. И.* Деятельность П. А. Кулаковского в Сербии (из истории русско-сербских научных связей последней четверти XIX в.) // Балканские исследования. Вып. 6. Культура народов Балкан в новое время. М., 1980. С. 217–230; *она же.* Русско-сербские общественные связи ... С. 74–92; *Липтева Л. П.* Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 111–126; *она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 725–745.
- ⁸¹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1.
- ⁸² *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. Превела и приредила Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 204 (запись от 6 декабря 1893 г.).
- ⁸³ См.: *Шемякин А. Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 3–15. *он же.* Русская профессура о Сербии и сербах (последняя треть XIX века) // Славянский мир: в поисках идентичности. Историки-слависты МГУ. Кн. 8. М., 2011. С. 346–360.
- ⁸⁴ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 95. Л. 72.
- ⁸⁵ См. подробнее: *Шемякин А. Л.* Митрополит Михаил в эмиграции (1883–1889): политик или пастырь // Русская православная церковь в мировой и отечественной истории. Нижний Новгород, 2006. С. 413–419.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 10732. Л. 2.
- ⁸⁷ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 878. Оп. 1. Д. 149. Л. 16.
- ⁸⁸ Новое время. 22 февраля 1901 г. № 8976.
- ⁸⁹ См.: *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век (историја односа). Београд, 2012. С. 145–146.

Н. И. Хитрова

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕРНОГОРСКИХ ГРАНИЦ И РОССИЯ (1878–1884 гг.)

После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. перед Черногорией встала задача присоединить освобожденную славянскую территорию, закрепленную за ней Берлинским трактатом 1878 года. В связи с этим возник вопрос о демаркации и установлении новых границ с Османской и Габсбургской державами. После Адрианопольского перемирия, заключенного 19 января 1878 г., Черногории было предоставлено право вести переговоры непосредственно с Портой о проведении демаркационной линии. Однако переговоры шли медленно вследствие нежелания Османской империи уступать Черногории Подгорицу, которая была превращена османским командованием в укрепленный лагерь. Вопрос о возвращении Подгорицы – современной столицы страны – являлся жизненно важным для черногорцев. Российское правительство поддерживало это требование, считая его «основательным», но в связи с непримиримой позицией Порты переговоры о проведении демаркационной линии не могли быть приведены к желаемому результату.

Сан-Стефанским прелиминарным договором, подписанным 19 февраля (3 марта) 1878 г., признавалась *de jure* независимость Черногории и значительно расширялась ее территория. Россия приветствовала зафиксированные в договоре новые территории княжества в противовес противодействию Османской империи и западных держав, которые отказались признать договор и грозили войной. Они потребовали созыва международной конференции для пересмотра условий мира. Встал вопрос о необходимости уступок. Таким образом, окончательное решение принимала Европа.

Проведение демаркационной линии Черногории с Османской империей оставалось без продвижения, так как Порта рассматривала Сан-Стефанский договор как неокончательный, надеясь добиться от

западных держав «умаления требований княжества». Для достижения этого она стала подстрекать черногорцев к возобновлению враждебных действий, а также укреплять подгорицкий лагерь, увеличивая там численность своих войск. Но следуя указаниям российского правительства, князь Никола тщательно избегал каких-либо поводов к столкновениям. Тем не менее османским властям незадолго до открытия Берлинского конгресса путем интриг удалось вызвать конфликт в Крайне. «К счастью, столкновение это не имело серьезных последствий», – было с удовлетворением отмечено МИД России¹.

Австро-Венгрия, опасаясь усиления влияния Черногории среди своих славянских подданных, также «недружелюбно смотрела на расширение границ княжества». Австрийские агенты в Северной Албании по приказанию своего правительства принимали деятельное участие в составлении подложных протестов против перехода к Черногории территорий с католическим албанским населением. Опираясь на это, в австрийской прессе прямо указывалось на невозможность удовлетворить требования княжества об увеличении территории. Тем самым подготавливалась почва австрийскому противодействию Черногории на конгрессе в Берлине. Чтобы в какой-либо мере обеспечить поддержку Австро-Венгрии при определении границ Черногории, князь Никола направил в Вену сенатора Божо Петровича для переговоров с графом Андраши. Однако, принятый там холодно, он заметил, что Австро-Венгрия имеет «твердое намерение протестовать против такого значительного территориального увеличения Черногории, какое было выговорено в Сан-Стефано»².

Россия, выступая в поддержку территориальных требований Черногории, надеялась создать более благоприятные условия для жизни населения. «Сан-Стефанский договор, расширяя границы Черногории до моря и давая ей торговый путь по реке Бояне, – отмечалось в отчете МИД России, – создавал из нее независимое государство, способное вести в своих пределах вполне самостоятельную жизнь»³.

В отличие от этого венский кабинет стремился поставить Черногорию в полную от себя зависимость и умалить влияние России. Австро-Венгрия выступала против приобретения Черногорией побережья Адриатического моря и берега реки Бояны. При этом австрийский дипломатический представитель не скупился на обещания облегчения связей черногорцев через Боку Которскую. 1(13) июня 1878 г. при такой неблагоприятной обстановке открылись заседания

конгресса в Берлине, определившего окончательно судьбу Черногории. Согласно Берлинскому трактату, Черногория, наконец, была признана Европой независимым государством. Однако присоединяемая к ней территория была значительно уменьшена по сравнению с предназначенной ей Сан-Стефанским договором. Но главное – морская граница была оставлена за Черногорией. К Черногории отходили Подгорица, Гусине и Колашин. Турция сохраняла Улцинь и Динош, но порт Бар с небольшой площадью побережья был отдан княжеству. Новая граница не открывала черногорцам торговый путь. Тем самым сохранялась экономическая зависимость от Османской империи.

В августе 1878 г. по просьбе Александра II творец мирного договора российский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев составил записку, в которой подверг сравнению итоги Сан-Стефанского и Берлинского договоров. 20 августа она была представлена императору. В ней давалась негативная оценка решениям конгресса в Берлине. При этом отмечались территориальные потери Черногории и те выгоды, которые извлекли при этом западные державы, не пролившие ни капли крови. Прежде всего это касалось Австро-Венгрии, которая упрочила свои позиции на Балканах, и Великобритании – в Малой Азии и Средиземноморье. Вместе с тем произошло ущемление интересов славянского населения, значительная часть которого оставалась под османской властью, а другая подлежала австро-венгерской оккупации, что в дальнейшем должно было способствовать падению там влияния России.

Приведем изложенные Игнатьевым в записке территориальные потери Черногории и полученные выгоды западными державами, в первую очередь, Австро-Венгрией⁴.

1. Бухта Спицца, отданная Австро-Венгрии, порт и прекрасный городок Улцинь, а также берег реки Бояны и южная часть Скадарского озера были возвращены Турции; урезана и герцеговинская часть территории, а главное – Гацко-Метохия, центр местности, первоначально восставшей против османского гнета, был отобран Австро-Венгрией; отняты также слияние реки Пивы с рекой Тарой и весь правый берег реки Пивы до реки Лима, т.е. «весьма значительное, населенное и плодородное пространство» с городами: Чайница, Плевле, Белолье, Прилеполье и Беране; округа Бихор и Ругово, земли племен албанских – Клементи, Хоти и Кастрати, ранее заключившие союз с

Черногорией. Одним словом, по Берлинскому договору к Черногории было присоединено не более 1/3 территории с 1/4 населения, уступленных Турцией по Сан-Стефанскому договору, т.е. уменьшение было в 200 кв. миль.

2. Вместе с тем Черногории были навязаны «стеснительные условия». Она лишалась права иметь военные суда и военный морской флаг. Порт и морские воды княжества должны быть закрыты для военных судов других государств, а, следовательно, и России, но не для Австро-Венгрии, которая приобретала право полицейского, санитарного и морского надзора в Баре и над всем берегом, навязывая Черногории и свое консульское покровительство. Таким образом, заключает Н. П. Игнатъев, там устанавливалась «полная промышленная, торговая и морская эксплуатация» Черногории Австро-Венгрией, которая добилась также права постройки и содержания железной дороги на новой черногорской территории. Затем на Черногорию, «обрезанную со всех сторон и стесненную до крайности в своих правах на пользование новою терририею», еще возложена часть османского государственного долга в размере соответственно присоединяемой территории, который должен был определен впоследствии по соглашению между правительствами европейских держав и Портой.

Российский историк В. М. Хевролина в своей книге, посвященной жизни и деятельности графа Н. П. Игнатъева⁵, указывает, что, перечитав свои записи, Игнатъев отметил, что Александр II был сильно взволнован решением Берлинского конгресса о Черногории. Он заявил, что не ожидал такого «унижения результатов войны». Записка была передана наследнику. Вполне возможно, что «собранные воедино Игнатъевым негативные данные в мельчайших деталях с точным указанием размеров потерянных территорий, количества населения и др. произвели впечатление на Александра II».

Оценка Берлинского трактата и его сопоставление с Сан-Стефанским договором была сделана также российским генеральным консулом в Дубровнике А. С. Иониным, в ведении которого находились дела, связанные с Черногорией. При оценке принятых конгрессом в Берлине решений о Черногории Ионин исходил из сложившейся расстановки сил по этому вопросу и возможности России отстаивать свои требования.

22 июля 1878 г. А. С. Ионин направил заведующему канцелярией МИД Н. К. Гирсу «Записку по черногорскому вопросу»⁶. В ней он писал: «Сан-Стефанский мир представлял только закрепление, засвидетельствование победы над Турцией, и что в этом смысле Берлинский трактат ничуть не изменил его внутреннего смысла, а умалил только разве плоды победы в подробностях, в частности, имеющих важное практическое, но не решающее значение». Далее консул подчеркнул, что черногорцы, бывшие до сих пор какой-то «политической амфибиею», вышли из борьбы маленьким, но все-таки государством, существование которого входит в общее сознание и тем закрепляется. Таким образом, приветствовалось признание независимости Черногории, несмотря на территориальные потери.

Вместе с тем А. С. Ионин спрашивал: «Можно ли было решить югославянский вопрос только посредством войны, без соглашения с Европою?», и отвечал, что «нет», так как и до войны были видны своекорыстные виды Австро-Венгрии (на Боснию), Англии и Италии. Обессилевшая войной Россия не могла снова воевать, поэтому было необходимо договариваться с западными державами. Вследствие этого, заключал консул, нужно довольствоваться, что первая задача восточного вопроса решена и на будущее время остается главным образом забота о решении второй, т. е. «о действительном установлении нового и прочного порядка вещей на Балканском полуострове в связи с Ausgleich* с Европою».

Наметив будущее и создав основу для нового порядка вещей, Берлинский трактат породил «целый ряд неудобств», затруднив решение Восточного вопроса. Так, Черногория, получая по трактату Подгорицу, Гусине и Колашин, которые она фактически не занимала, должна была возвратить много занятых ею османских округов. Так, она освободила большую часть местностей в Герцеговине – Билек, Зубцы, Гацко, Црквицу, которые согласно трактату должны были отойти к Австро-Венгрии, которая получила также Спиццу, занятую черногорскими войсками. Кроме того венское правительство в качестве своего интереса рассматривало Улцинь.

Получив «узкие» границы – «эти обглоданные со всех сторон», Черногория оказалась еще окруженной Австро-Венгрией и тем самым практически еще более отдаленной от России. Оккупация Бос-

* Соглашение (нем.).

нии происходила в противовес желанию Черногории и России и при установлении самых неудобных границ для княжества. Но бороться теперь же против «этой горькой действительности» не представлялось ни малейшей возможности. Поэтому, утверждал консул, «необходимо установить себя крепко в границах», которые приобретены по трактату. В Черногории, продолжал он, общее впечатление, что нужно получить то, что приобретено от разрушения Османской империи, и ожидать, пока можно будет воспользоваться этим наследством в более широких размерах. А. С. Ионин считал, что в этом направлении должна быть направлена политика как Черногории, так и частной и официальной деятельности России. А это означало необходимость демаркации и укрепления новых границ. Далее он указывал, что историческая задача и первой важности политическая необходимость должны заключаться как для России, так и для княжества, в одной главной цели: «... сохранить во что бы то ни стало Черногорию в её новом виде, что бы вокруг нее ни происходило. Если бы даже этой Черногории пришлось на минуту действовать по виду заодно с Австриею». Но если Черногория должна пассивно относиться к занятию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, то тем решительнее действовать по присоединению закрепленной трактатом территории, т.е. «отмежеванием» с Османской империей. Таким образом, Черногория должна уступать Австро-Венгрии и получать от Турции. А это задача весьма трудная! – заключил Ионин⁷.

Берлинский конгресс, определив границы Черногории, установил в главных чертах способ размежевания с Османской империей. Но что значили для Порты трактаты без надлежащей силы, могущей привести в исполнение условия в случае необходимости и помимо ее воли.

Следует отметить, что Порта, в нарушение международных правил, вооружала мусульманское население. Вместе с тем в связи с принятым ею еще в июле 1878 г. циркуляре о невозможности присоединения к Черногории некоторых округов, населенных мусульманами, Александр II заявил, что, в случае обращения к России по этому вопросу, он «никогда не согласится на уменьшение черногорской территории, означенной в Берлинском трактате».

4 сентября 1878 г. МИД направил Ионину телеграмму, в которой указывалось, что «царь одобряет Ваш взгляд на настоящее политическое положение Черногории и соображения по поводу Берлинско-

го трактата». Далее сообщалось, что употребляются все усилия к скорейшей передаче Черногории «присужденной ей территории». «Мы потребовали немедленного созвания комиссии по разграничению, но должны были согласиться на временную отсрочку по настоянию всех держав в виду опасности, которой бы ныне могла подвергнуться комиссия, но с условием, чтобы наши требования перед Портой относительно Черногории, в особенности бы о безотлагательной передаче Подгорицы, были поддержаны»⁸, – отмечалось в телеграмме.

В Отчете российского МИД за последующие после войны годы был дан подробный анализ произошедшей расстановки сил и создавшейся новой международной обстановки. В Отчете МИД за 1878 г.⁹ было выражено удовлетворение международным признанием независимости Черногории, хотя оно и сопровождалось сокращением освобожденной территории. В нем указывалось, что границы княжества были уменьшены, но главное – морская граница была оставлена за Черногорией. Выражалось сожаление, что северные округа отходили к Австро-Венгрии, но черногорцы получили Подгорицу. Вместе с тем на юге новая граница закрывала черногорцам торговый путь и ставила их в зависимость от Османской империи. Далее подчеркивалось, что невыгоднее всего для черногорцев были уступка Спиццы и род полицейского надзора со стороны австрийских властей в Баре. Несмотря на все это, Черногория жаждала прочного мира, который дал бы ей возможность хотя бы немного привести в порядок свои внутренние дела.

Второй важной проблемой для Черногории было решение вопроса о герцеговинских беженцах, нашедших во время войны убежище на ее территории. К началу 1878 г. в княжестве находилось до 78 тыс. герцеговинцев. Учитывая создавшееся трудное положение, Александр II повелел, помимо ассигнованных в конце 1877 г. 600 тыс. рублей на покупку хлеба, выдавать по 5 тыс. червонцев каждый месяц до приведения в исполнение решений Берлинского трактата¹⁰.

Во время оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, право на которую она получила на Берлинском конгрессе, черногорский князь Никола решил придерживаться строгого нейтралитета и избегать по возможности каких-либо «недоразумений». При сохранении враждебного отношения со стороны Османской империи, Черногория могла попасть в «безысходное» положение, если бы ре-

шилась выступить на помощь герцеговинцам. МИД России пришел к выводу, что участие Черногории в выступлении против австро-венгерской оккупации Герцеговины может породить только новые осложнения.

Оккупация, начавшаяся с Боснии, была встречена крайне враждебно населением, что вынуждало венский кабинет опасаться вооруженного сопротивления в Герцеговине. Поэтому австрийские власти вступили в переговоры с Черногорией. В результате князь Никола решил не только не поощрять сопротивление населения, но и задержать передачу отходивших к Австро-Венгрии территорий – Билек, Гацко, Зубцы, Црквица, пока их окончательно не займет австрийская армия. Взамен венский кабинет обязывался оказать черногорцам поддержку при переговорах с Портой о передаче Черногории Подгорицы, что в полной мере не было выполнено.

В конце июня 1878 г. австро-венгерские войска вступили в Герцеговину. Благодаря влиянию черногорского князя, ее жители воздержались от враждебных манифестаций. Сопротивление оказала только часть мусульманского населения. Ионин поддерживал решение князя Николы воздержаться от антиавстрийского выступления. По его словам, если бы Черногория стала играть «двухсмысленную роль», то это только затруднило бы, но не помешало действиям Австро-Венгрии. Консул повторил, что для Черногории, а, «может быть, и для нас», необходимо по возможности скорое и полное разграничение с Турцией. Для осуществления своей главной задачи ей выгоднее всего «не ссориться» с Австро-Венгрией. «Несмотря на всю неудовлетворительность решений конгресса . . . , настроение черногорцев ничуть не изменилось, как и их нравственное отношение к России. Они все-таки довольны совершившимся, ибо это совершившееся все-таки огромно: решение вопроса, заданного миру четырехсотлетним мусульманским завоеванием»¹¹.

Но Черногории было не суждено сразу воспользоваться плодами своих побед. Ни одно «из юных независимых государств» Балканского полуострова, провозглашенных Берлинским трактатом, не встретило таких затруднений как Черногория при воплощении в жизнь его постановлений.

Обмен территориями между Черногорией и Османской империей должен был произойти в течение двадцати дней после ратификации Берлинского трактата. Но если Черногория выполнила террито-

риальные требования, то Порты готовилась к вооруженному противостоянию и медлила с передачей черногорцам Подгорицы. У нее было достаточно времени, чтобы организовать сопротивление на всем пространстве Северной Албании и Старой Сербии. Мусульмане были организованы в отдельные банды и снабжены оружием. Везде был собран провиант, и лозунгом этого движения являлось «не уступать нигде ни пяди земли, не занятой еще христианскими войсками». Все их силы группировались, с одной стороны, около регулярных войск, сосредоточенных между Призреном и Митровицей, которые османское командование тщательно укрепляло, а с другой – между Шкодрой и Подгорицей. Около Митровицы находилось, по всей видимости, до 15 батальонов, в Подгорице – 8, в Шкодре – 6, в Дураццо и его окрестностях – 3 или 4. Османские войска там, как и в Боснии, были готовы переодеться в национальные костюмы и перейти на сторону так наз. инсургентов. Вместе с тем османские власти старались вызвать столкновения и ссоры с Черногорией так же, как они это делали во время Берлинского конгресса.

В ответ на это А. С. Ионин говорил, что нужно прежде всего установить границы, чтобы перейти на мирное положение. Но при сложившейся обстановке черногорцы были готовы обратиться к силе. Князь полагал, что чем дольше продлится это положение, тем совершеннее организуются османские власти, тем труднее будет положение Черногории.

Князь Никола выразил намерение при первой возможности начать действовать по овладению Подгорицей и Гусине. Но Ионин отговаривал его от этого шага, считая, что Черногории выгоднее оставаться в более или менее пассивном положении, так как любой неосторожностью можно еще более усложнить дело.

В противоположность этому австро-венгерский дипломатический представитель подполковник Теммель не отговаривал князя «от более энергичных действий», обещая «самое деятельное содействие» венского кабинета при демаркации границ. Но это были пустые слова. Для Австро-Венгрии главным было обеспечить нейтралитет Черногории во время оккупации Герцеговины. Между тем австро-венгерский представитель в Баре «явно и постоянно возбуждал католиков против Черногории». Князь Никола «старается избегать столкновения, но терпеливость его только вызывает австрийских агентов на более дерзкие интриги заодно с английскими агентами», – сообщал в МИД Ионин¹².

В апреле 1878 г. А. С. Ионин передал в Петербург, что князь Никола «просит убедительно» во время переговоров России с Турцией «об очищении» болгарских городов Шумлы и Варны не отделять вопрос о Подгорице и временных укреплениях Верхней Зеты. Князь опасался, что если решится вопрос о болгарских крепостях, то «Подгорица непременно останется в руках турок», так как исчезнет возможность давления России. Взамен князь предложил бы выдать османским властям более тысячи пленных низама. Передача Подгорицы, заметил Ионин, значительно развяжет руки Черногории.

Во имя мирного решения пограничного вопроса князь Никола соглашался на некоторые территориальные уступки. Он просил Ионина передать в Петербург, что считает «главнейшим интересом» для Черногории владение морским побережьем до реки Бояны. Тут уступка была бы «крайне прискорбна», тем более, что местность эта была занята во время войны черногорскими войсками после больших жертв. Кроме того эта уступка могла возбудить такое неудовольствие среди черногорцев, что князю будет трудно удержать народ от выступления.

27 сентября 1878 г. А. С. Ионин сообщил Н. К. Гирсу, что гарнизон Колашина сдал укрепления Черногории без приказа Порты вследствие требований самого населения. На очереди дня встал вопрос о передаче Подгорицы. Князь Никола тревожился из-за промедления с этим, так как отсрочку нельзя было объяснить ни «состоянием умов населения», ни другими мотивами. Мусульмане Подгорицы сами выражали желание перейти в подданство Черногории. Однако еще в октябре 1878 г. губернатор Шкодринского вилайета Хусейн-паша продолжал укрепление Подгорицы, создавая вокруг нее оборонительные сооружения. Вместе с тем он использовал все средства для восстановления населения против Черногории, включая угрозы. Все обращения князя Николы к великому визирю Хайреддин-паше остались без ответа.

Путь к Подгорице прикрывал укрепленный лагерь, расположенный между этим городом и Спужем, сдача которого, по определению Ионина, являлась теперь «главнейшим пунктом выполнения Берлинского трактата в отношении Черногории». Однако Порты уклонялась от вывода войск, ссылаясь на опасность восстания мусульман, но не на противодействие со стороны Албанской лиги. Речь идет о славянском населении, исповедовавшем ислам. Еще до войны

в Турции проповедовался принцип мусульманского союза под именем «иттихад-и-ислам». Идеи о единстве мусульман турки старались применить в Северной Албании. На Берлинском конгрессе османские уполномоченные заявляли, будто Гусинский округ заселен албанцами. Им верили, пожалуй, верят и сейчас. Из перечня сел Гусинского округа видно, что там проживает население не албанское, а славянское. «Это не мог отрицать мне и Мухтар-паша», – заявил консул в Шкодре И. С. Ястребов. К такому же выводу пришел и консул в Дубровнике А. С. Ионин. Он утверждал, что в области между Подгорицей и Спужем нет мусульман-албанцев, а только незначительное их число живет в горах. Во всем Шкодринском санджаке (Северная Албания) нет никакого следа Албанской лиги и албанского движения. Средоточием его служат Призрен, Ускюб и Косово. Что касается мусульман, живущих в Шкодринском санджаке, то это не албанцы, а сербы, «вовсе не говорящие по-албански». Следовательно, по его словам, «не может быть и речи о национальном движении между албанцами при очищении Подгорицы и Спужа». Поэтому князь Никола был уверен, что мусульманское население окажется там самым покорным. По словам консула, эти пункты для Порты имеют единственно стратегическое значение, так как оттуда она всегда имеет возможность «парализовать свободу движения Черногории»¹³.

Черногория продолжала держать на своих границах войска для предупреждения столкновения с османскими войсками, в том числе в областях, предназначенных Австро-Венгрии. Еще весной 1878 г. Черногория приступила к репатриации герцеговинцев на родину. Ее проведение было поручено чиновнику МИД России барону Врангелю, который переправил до 47 тыс. человек на прежние места жительства в Герцеговине. В начале октября 1878 г. вся Герцеговина была занята австро-венгерскими войсками, причем ее население было обезоружено. К концу месяца барон Врангель передал австро-венгерским властям последних герцеговинских выходцев в числе 22 тысяч. На попечении Черногории оставалось 5 тыс. васоевичей.

После урегулирования герцеговинского вопроса черногорское правительство могло сосредоточить основные усилия на разграничении. Однако Порты затягивала начатые переговоры, Черногория получала лишь обещания. В действительности положение оставалось без изменений, и черногорские войска по-прежнему должны были занимать свои позиции на границах.

В ноябре 1878 г. Ионин вручил князю Николе верительные грамоты, что положило начало установлению дипломатических отношений между Россией и Черногорией. Ионин стал первым министром-резидентом российской миссии в Цетинье. До сих пор сношениями между двумя государствами ведало генеральное консульство в Дубровнике. После этого А. С. Ионин отправился в трехмесячный отпуск. Делами миссии стал заведовать А. Н. Шпейер, которому Ионин вручил инструкцию. Определяя действия Шпейера, он указывал, что Черногория находится в «весьма затруднительном положении», когда «смутное состояние дел» на Ближнем Востоке может вызвать «компликации», и потому необходимо придерживаться осторожной политики и сосредоточить усилия на выполнении «насущного вопроса», каковым для Черногории являлось исполнение постановлений Берлинского трактата о территориальных приобретениях со стороны Северной Албании. Далее Ионин предостерегал Шпейера: османские власти стараются воспользоваться трудным положением Черногории и принудить ее к уступкам. «Вы, конечно, будете советовать князю не поддаваться на эту удочку» и избегать всяких обязательств, не вытекающих прямо из смысла Берлинского трактата. И далее: в настоящих обстоятельствах остается только твердо держаться в его рамках. Отсюда вытекала необходимость для Черногории сохранять хорошие отношения с Австро-Венгрией, стараясь не попадать в зависимость от нее¹⁴.

В связи с попыткой Порты задержать передачу Подгорицы, князь Никола обратился к Ионину с просьбой потребовать выполнения Османской империей условий трактата, а для этого отложить эвакуацию русских войск из Восточной Румелии, пока не будет передана Подгорица. Было дано распоряжение послу в Константинополе Лобанову-Ростовскому потребовать от османского правительства указать срок вывода войск. Россия организовала коллективный демарш европейских держав для оказания давления на Порту. Ответ, полученный 6 декабря от Н. К. Гирса, успокоил князя. Черногория начала подготовку к занятию Подгорицы, надеясь к весне разместить там свою администрацию и принять меры для налаживания связи с Даниловградом¹⁵.

13 декабря Лобанов-Ростовский телеграфировал князю Николе, что великий визирь Хайреддин-паша направил прокламацию мусульманам, указав на окончательное решение Порты, – не позже

25 декабря передать Подгорицу Черногории. Он просил князя подготовиться к принятию города. Затем по просьбе князя Николая А. Н. Шпейер передал через российское посольство сообщение для Кередин-паши, что во время этого акта турки не увидят вооруженного сопротивления мусульман, которые согласились принадлежать Черногории. Князь гарантировал им мирное существование. Но османские власти не предприняли никакого приготовления к передаче Подгорицы. Князь Николая решил тогда захватить Подгорицу силой. Черногория сконцентрировала в ее окрестностях несколько батальонов. Эти действия вызвали отрицательную реакцию европейских держав. Австро-Венгрия, Англия и Франция вменили в обязанность своим дипломатическим представителям в Цетинье советовать князю не вступать на этот путь, обещая оказать давление на Порту. Князь просил телеграфировать А. Б. Лобанову-Ростовскому запрос, когда будет приведено в исполнение решение о Подгорице. Он просил передать Порте, что эти войска предназначены только войти в город. Эта телеграмма произвела наилучшее впечатление. Но черногорские войска больше не могли быть увеличены ни на одного солдата. Черногорский вопрос был поставлен на повестку дня, констатировал Лобанов-Ростовский¹⁶.

23 декабря Хусейн-паша заявил властям Подгорицы о твердом решении османского правительства передать город Черногории и был удивлен той легкостью, с которой они приняли свою участь. Было приказано уже 28 декабря разоружить все форты. 29 декабря 1879 г. А. Н. Шпейер направил Н. К. Гирсу отчет о ходе переговоров с Портой относительно передачи Черногории Подгорицы, что дает возможность проследить, как османские власти оттягивали выполнение Берлинского трактата.

8 января 1879 г. после получения письма великого визиря, князь Николая назначил место и день работы черногорско-турецкой комиссии по разграничению. Поскольку Киамил-паша серьезно заболел, то вместо него был назначен Риза-паша. В качестве места заседаний комиссии был избран Вирпазар. 19 января туда выехал черногорский комиссар, в тот же день начались переговоры.

Но Порта в качестве условия передачи Подгорицы потребовала, чтобы в течение первых трех лет ее жители не рассматривались в качестве черногорских подданных. Кроме того от Черногории требовалось согласие на присутствие в городе турецкого консула. Со-

общая об этих претензиях, российский посол добавил, что, по его мнению, данное назначение является «излишним». Князь сделал на полях телеграммы запись, что он скорее откажется от Подгорицы, чем примет эти условия. И лишь 20 января под давлением России, войска которой еще находились в Адрианополе, Порта согласилась на передачу Черногории Подгорицы без всяких условий.

21 января (2 февраля) 1879 г. в Вирпазаре черногорский и османский комиссары подписали конвенцию, согласно которой устанавливались условия эвакуации обеими сторонами занимаемой ими территории. На этот раз Австро-Венгрия поддержала посредничество России. 26 января 1879 г. турецкие войска покинули Жабляк, на следующий день – Спуж, Мало и Веле Бордо и, наконец, Подгорицу. В свою очередь черногорские части очистили правый берег реки Бояны, право на судоходство по которой было передано обеим сторонам. Затем они покинули освобожденную ими территорию Улчина, Крайны и Диноша, отойдя к границам, определенным Берлинским трактатом. Как нам известно, отошедшая к Черногории Подгорица имела славянское население, поэтому в данном случае османские власти не могли апеллировать к албанцам, чтобы спровоцировать военный конфликт. Передача территорий произошла спокойно, без каких-либо столкновений, как и обещал князь Никола¹⁷.

Вопрос о передаче Гусине-Плавского округа оставался открытым. Напряженное положение на границе с Северной Албанией грозило принять опасный оборот. Порта продолжала уклоняться от разрешения вопроса. Она то заявляла, что передача Плава и Гусинье – «вопрос дискуссионный», то требовала, чтобы на картах они были обозначены в составе албанского племени Кельменди, которое по Берлинскому трактату должно было остаться в границах Османской империи. Со своей стороны, Австро-Венгрия была заинтересована в разжигании турецко-черногорского конфликта, так как он отвлек бы внимание Черногории и Албанской лиги от Нови-Пазарского санджака, который венское правительство готовилось оккупировать.

Решить плаво-гусинский вопрос должна была международная комиссия по разграничению. В нее вошли представители держав, подписавших Берлинский трактат. От России был назначен полковник Генерального штаба барон Н. В. Каульбарс, который стал активно выступать в защиту черногорских интересов. Международная комиссия начала свою работу в начале мая 1879 г. Вали Шкодры чинил

всяческие препятствия ее работе. Члены комиссии часто были даже лишены возможности посещать те места, о которых шла речь на заседаниях. Тем временем турецкие войска на границе провоцировали столкновения с черноморцами, а турецкие члены комиссии требовали разбирательства этих конфликтов и, пользуясь правом вето, срывали ее работу. В течение нескольких месяцев эта комиссия из-за разногласий между ее представителями не сумела установить ни одной пяди пограничной линии.

МИД России не прекращал заниматься вопросами, связанными с Черногорией. Выражали свою солидарность с черноморцами и многие российские дипломаты. Так, консул в Шкодре И. А. Крылов¹⁸ с возмущением сообщал А. Б. Лобанову-Ростовскому, что западноевропейские «комиссары», которые в комиссии имеют большинство, «сознательно обижают черноморцев». Они не хотят слушать возражений и проводят пограничную линию путем прямой черты, нарушая границы частной собственности, разделяя территорию племен. Таким образом получалось, что часть населения племени оказывалась в составе одного государства, а вторая – в другом. Это вызывало возмущение российского консула, который заявлял, что в таком случае некому будет защищать население. Западные члены комиссии стремились поддержать Турцию, что проявилось еще на Берлинском конгрессе: «Ничего не дать Черногории со стороны Северной Албании». 4 сентября 1879 г. И. А. Крылов сообщил А. Б. Лобанову-Ростовскому, что труды комиссии не имеют результата. Западные члены комиссии перешли на сторону Турции.

Османские власти продолжали провоцировать столкновения на черноморско-албанской границе. Военной подготовкой руководил Али-паша Гусинский, который был заинтересован в сохранении своей власти в Гусине, потому что владел там землями. В это время А. Б. Лобанов-Ростовский продолжал энергично настаивать перед Портой на передаче черноморцам Плава и Гусиня. Его решительные действия были одобрены МИД. Для ускорения решения этого вопроса российское правительство еще 24 мая 1879 г. обращалось с циркулярной нотой к западным державам о совместном посредничестве. Поскольку дело не продвигалось, в июне Гирс разослал телеграммы в европейские посольства России с указанием, что задержка делимитации угрожает большими затруднениями. Он настаивал на ускорении решения черноморского вопроса¹⁹.

Эвакуация в июле 1879 г. русских войск из Восточной Румелии и Болгарии уменьшила для российского правительства возможность оказания давления на Порту, которая неизменно встречала поддержку со стороны Великобритании и Австро-Венгрии. России стало трудно добиваться делимитации границы Черногории. Между тем вопрос о Плаве и Гусине перешел в сферу бесконечного обмена нотами, меморандумами и протоколами. Порта пыталась найти всевозможные препятствия для решения этого вопроса, старалась добиться признания совершенной непригодности австрийской карты для обсуждения разграничения. Это был не более чем маневр с целью не допустить передачи Черногории Гусиня, так как без австрийской карты Турции легко будет составить такую, в которой округ Гусине будет показан населенным албанским племенем клементи, остающимся по Берлинскому трактату за Турцией. Что касается вопроса о покровительстве черногорцам, то назначение черногорского представителя, хотя бы на короткое время, было необходимым в виду того, что турки не принимали посредничества иностранных представителей в делах черногорских.

Отчаявшись добиться решения гусине-плавского вопроса, князь Никола отдал приказание нескольким батальонам под командованием воеводы Божо Петровича двинуться к границе. 3 ноября после нескольких стычек мусульмане вступили в открытый бой с черногорскими войсками возле села Велико, окончившийся их поражением. 4 декабря произошло еще одно столкновение. После этого Порта заявила о своем решении немедленно покончить с проволочками и направила в Призрен около 16 батальонов регулярного войска под командованием генерала Мухтар-паши. Он должен был содействовать (как было объявлено официально) передаче Черногории Плава и Гусиня. Однако и после прибытия турецких войск дело не продвинулось²⁰.

Порта только делала вид, что согласна передать Черногории Гусине, стремясь в этом убедить Европу. Российский консул И. С. Ястребов сообщил в МИД, что в Пекском и Дьяковском округах османские власти вербуют арнаутов (албанцев) для сторожевой службы около Гусиня. Уклоняющихся отправляют туда связанными. Со времени приезда (уже три месяца) Мухтар-паша не предпринимал никаких серьезных мер для передачи Гусиня, которых от него ждали. Анархия там царила по-прежнему. Ястребов пришел к заключению, что османское правительство считает гусинский вопрос уже решенным.

Итак, документы АВПРИ дают возможность рассмотреть, какие усилия потребовались Черногории, чтобы присоединить территории, определенные ей Берлинским трактатом. Чтобы сохранить эти земли, Порты шла на дезинформацию, представляя международной комиссии ложные сведения об этническом составе населения Гусиня и Плава. Российские дипломаты предприняли меры для внесения ясности в этот вопрос.

Для выяснения этнического состава населения Гусинского округа И. С. Ястребов провел сбор статистических сведений²¹. Он обнаружил, что собранные в этом округе статистические данные доказывают, что албанское племя там весьма немногочисленно и что главная часть населения Гусиня и Плава – «мусульмане сербской народности». На основании изучения этнического состава населения он пришел к выводу, что Порта старается возбудить сопротивление идеей не албанского, а мусульманского союза. И далее он повторял: «Да, есть лига, но не албанская, а мусульманская, во главе которой стоит сама Порта». Большинство албанцев-католиков не принимало и не принимает никакого участия в лиге. В одном Шкодринском санджаке имелось 80 тыс. домов албанцев-католиков, которые не имеют никакого интереса разделять мнение албанцев-мусульман того же санджака, которых не насчитывается и 45 тыс. домов. То же можно сказать и о Призренском санджаке. Католические албанские племена Дьяковского округа (фанды, хассы и прочие) нисколько не сочувствуют мусульманам в их движении против Черногории.

«В самом городе Гусине, – продолжал консул, – имеется 560 домов мусульманских и 120 семейств христианских. Все жители принадлежат к сербской народности и говорят природным сербским языком». Сам Али-паша Гусинский – «природный серб». В Плаве насчитывается 200 семейств мусульманских и 50 семейств христианских. Все – народности сербской, так же как жители сел, следующих ниже, хотя большинство их мусульмане: 1) в селе Войново 15 домов мусульманских и 15 христианских; 2) в селе Вишнево 20 домов мусульманских; 3) в селе Джурицка река 30 домов христианских; 4) в селе Брезовица 40 христианских домов и 1 мусульманский; 5) в селе Крушево 20 домов мусульманских; 6) в селе Грчаре 15 мусульманских и 15 христианских домов; 7) в селе Скач 20 мусульманских домов; 8) в селе Два метеха 20 мусульманских и 20 христианских домов; 9) в селе Коморача 15 мусульманских домов; 10) в селе Богайче 20 мусульманских домов; 11) в селе Мало село

5 христианских домов; 12) в селе Будовица 6 мусульманских домов; 13) в селе Загража 6 христианских и 4 мусульманских дома; 14) в селе Калиновиче 20 мусульманских домов; 15) в селе Новшичи 15 мусульманских домов.

Все эти села – под властью Али-паши Гусинского.

Под черногорской властью:

16) в селе Велико 150 домов христианских. Село это сожжено мусульманами 27 декабря; 17) в селе Аржаница 15 домов христианских; бывшие в 15 домах мусульмане – 15 семейств оставили село; 18) в селе Пепичи 10 христианских домов; 19) в селе Улотина 30 христианских домов; 20) в селе Луге 15 христианских домов; 21) в селе Перवेशина 40 христианских домов; 22) в селе Мяшница 20 христианских домов; 23) в селе Грачаница 50 христианских домов; 24) в селе Грудница 20 христианских домов; 25) в селе Жулике 20 христианских домов; 26) в селе Цецуне 20 христианских домов.

Итого, во всем Гусинском уезде, в двух городах и 29 селах, 1032 дома сербской народности и только 230 домов албанской народности (на стороне последних перевес в численном отношении).

Порта утверждала, что население Гусиня и Плава – это албанцы, хотя в них число албанских домов составляло значительное меньшинство. Так же она рассматривала и другие области Старой Сербии, якобы населенные албанцами. В Призренской, Ипекской и Приштенской областях большинство жителей принадлежало к сербской народности*, хотя мусульманский элемент имел значительный перевес над христианским, так как мусульманские семьи имели много детей.

Далее Ястребов указывал: «В двух последних столкновениях с черногорцами большинство сражавшихся составляли не албанцы, а славяне-мусульмане. В них принимали усердное участие мусульмане-сербы из Ипекского, Призренского и Митровицкого уездов». Таким образом, по мнению Ястребова, гусине-плавский вопрос возник на «основе принципа ислама». «Порта через своих агентов, во главе которых стоял Мухтар-паша, возбуждала не только албанцев против черногорцев, но и мусульман-славян, среди которых она старалась найти поддержку против влияния Черногории и Сербии на Албанию, стараясь воспламенить их идеями о союзе, лиге всех мусульман под знаменем Пророка и устранить от них в самом зачатке такие

* Речь идет о славянах, которых российские дипломаты относили к сербской народности.

или другие тенденции народности, связанные с идеею независимости».

Черногория не смогла добиться присоединения Гусиня и Плава, хотя эта территория была закреплена за ней Берлинским трактатом. Мухтар-паша, тайной целью которого было не уступить эти два округа, выиграл время, дождавшись, когда решение этого вопроса стало возможным передать Европе. В создавшихся условиях Россия обратилась за содействием к Франции, которая стала выступать вместе с ней за разграничение Черногории в надежде на поддержку своих интересов в Египте. Но попытки найти выход из тупика путем территориальной компенсации Черногории передачи ей Груда и Хот провалились.

Тогда Россией было решено поддержать предложение пришедшего к власти в Англии либерального правительства Гладстона, которое отказалось от поддержки Турции в затягивании выполнения условий Берлинского трактата. В мае 1880 г. в качестве компенсации Черногории был определен порт Ульцинь с прилегающей территорией. Но османское правительство, опираясь на силы Албанской лиги, не поддержало это предложение. Убедившись в безрезультатности переговоров, европейские державы решили перейти к вооруженному нажиму. В начале сентября державы, подписавшие Берлинский договор, направили в адриатические воды объединенную военную эскадру, в этой акции приняли участие и военные суда России. Турция была вынуждена подчиниться и 26 ноября 1880 г. передала Ульцинь Черногории²².

Но на этом дело не закончилось. Возникшие на границе с Северной Албанией вооруженные столкновения, организованные османскими властями, создавали условия для затягивания переговоров. В это время османские представители в черногоро-турецкой комиссии потребовали новых территориальных уступок в районе Подгорицы.

Оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины привела к изменению в расстановке сил на Балканском полуострове. Она способствовала обострению отношений Османской империи с Габсбургской монархией и в то же время привела к смягчению противоречий Порты с Черногорией. Порта стала стремиться к налаживанию политических связей с Черногорией, что оказало влияние и на ее отношение к проблеме разграничения.

Во время пребывания князя Николая в августе 1883 г. с визитом в Стамбуле ему удалось принципиально договориться о разграничении и подписать протокол. Князь остался очень доволен своим визитом. В Стамбуле он поддерживал самые дружеские отношения с новым российским послом А. И. Нелидовым. После отъезда князя в сентябре соглашение о разграничении было утверждено султаном Абдул Гамидом II. Ранее, 24 августа, князь Николая возвратился в Цетинье. Вместе с ним прибыли турецкие комиссары, снабженные на этот раз широкими полномочиями для проведения на месте пограничной линии. Таким образом, на решение этого вопроса потребовалось более пяти лет.

В 1883 г. разграничительные работы велись безостановочно и прекратились в 1884 г. в связи с турецкими притязаниями на владение Гусинскими высотами. Для разрешения вопроса князь Николая обратился к султану, который утвердил прежние соглашения. Кроме того вместо этих высот Турция получила Ржаницу с мусульманским населением. Этой уступкой черногорское правительство стремилось ускорить окончание разграничения. 9(21) декабря 1884 г. в Стамбуле был урегулирован вопрос о последнем участке границы в районе Колашина, хотя реализация этого решения затянулась до 1886 г.²³

Таким образом, нормализация черногорско-турецких отношений произошла при содействии России. После этого с окончанием разграничения на границах Черногории установилось спокойствие. Затем довольно быстро произошло расширение торговых связей между населением Черногории и Османской империей. Княжество вступило на путь развития в качестве суверенного государства.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Отчеты МИД. Азиатский департамент. 1878 г. Л. 189–190 об.

² Там же. Л. 191 об., 192–193.

³ Там же. Л. 194.

⁴ Государственный исторический архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1 Д. 13087. Л. 1–16. Н. П. Игнатьев. «Заметки на договор Берлинский по соотношению к постановлениям Сан-Стефанского договора».

⁵ Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 263, 268–269, 275–277.

⁶ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. 1878 г. Д. 1049. Л. 131–160 об. «Записка по черногорскому вопросу».

- ⁷ Там же. Л. 149, 150 об.–152 об., 159–162.
- ⁸ Там же. Ф. Посольство в Вене. Оп. 514 (политич.) 1878 г. Д. 151. Л. 21. Азиатский департамент – А. С. Ионину. 4 (16) сентября 1878 г.; А. С. Ионин – Н.К. Гирсу. 1 августа 1876 г. Л. 176 об.–177.
- ⁹ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1878 г. Л. 195–195 об.
- ¹⁰ Там же. Ф. ГА V-A₂. Д. 1049. Л. 149 об., 150 об., 159, 169–173 об. А. С. Ионин – Н. К. Гирсу. 1 (13) августа 1878 г.
- ¹¹ Там же. Д. 1049. А. С. Ионин – Н. К. Гирсу 26 апреля 1878 г. Л. 227; Ф. Посольство в Вене. Оп. 514 (политич.) 1878 г. Д. 151. Л. 37, 130. А. С. Ионин – Н. К. Гирсу. 19 марта, 1 (13) апреля 1878 г.
- ¹² Там же. Д. 151. Л. 49, 51. А. С. Ионин – Н. К. Гирсу. 27 сентября (8 октября), 30 сентября (12 октября) 1878 г.
- ¹³ Там же. Л. 41 – 41 об. А. С. Ионин – Н. К. Гирсу. 11 (24) октября 1878 г.
- ¹⁴ Там же. Л. 52. А. С. Ионин – Н. К. Гирсу. 8 ноября 1878 г.; Д. 1049. Л. 206, 207. 207 об., 209. А. С. Ионин – А. Н. Шпейеру. Инструкция. 6 (18) ноября 1878 г. Копия.
- ¹⁵ Там же. Л. 9–10; *Ражнатовић Н.* Извршење одлуке Берлинског конгреса о предаји Подгорице Црној Гори; *он же.* Покушај разграничења Црне Горе и Турске 1880 путем компенсације за Плав и Гусиње територијем албанских племена Груда и Хота // *Историјски записи. Подгорица.* 1963. Св. 1. С. 72–73; 1973. Св. 1–2. С. 34.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. ГА V-A₂. Д. 1050. Л. 10–15. Приложение о переговорах с Турцией о Подгорице. Ноябрь 1878 г. – 27 января 1879 г.
- ¹⁷ Там же. Л. 15 об.; *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М., 1965. С. 132–133; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1879 г. Л. 114 об.–116.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 2410. Л. 21, 24–25 об. И. Крылов – А. Б. Лобанову-Ростовскому. 21 июля 1879 г.
- ¹⁹ Там же. Л. 28–29. И. Крылов – А. Б. Лобанову-Ростовскому. 4 сентября 1879 г.
- ²⁰ *Сенкевич И. Г.* Указ. соч. С. 134–136.
- ²¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 675. Л. 14–15 об., 63, 65–66. И. С. Ястребов – А. Б. Лобанову-Ростовскому. 29 января 1880 г., 12, 14 февраля 1880 г.
- ²² *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878 – 1908 годах. Т. I. М., 1993. С. 55–70.
- ²³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1531. 1885 г. Л. 110. К. Э. Аргиропуло – Н. К. Гирсу. 3 октября 1883 г.; Д. 1524. 1883 г. Л. 75–75 об., 81, 81 об., 82. А. Н. Шпейер – И. А. Зиновьеву. 29 и 30 августа 1883 г.; Д. 1528. 1884 г. Л. 107–107 об., 108–108 об., 109. К. Э. Аргиропуло – Н. К. Гирсу. 23 декабря 1884 г.; Д. 1531. 1885 г. П. Вурцель – А. Е. Влангали. 10 (22) марта 1885 г.

В. Б. Хлебникова

(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

**ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ ВОИН
В ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ
(П. А. Ровинский и Н. М. Потапов
о боевых качествах черногорцев)**

Один из самых расхожих стереотипов в российской славистике – представления об исключительных боевых качествах черногорцев, которые в течение пяти веков вели вооруженную борьбу с Османской империей за свою свободу. Формированию этого стереотипа способствовала уникальная история Черногории, устное народное творчество балканских народов и повышенное внимание российской общественности к черногорцам, слывшим последовательными русофилами и неустрашимыми борцами за православную веру. Литературный или научный миф всегда заслуживает самого пристального внимания, так как в нем содержится богатая историческая информация. В то же время очевидна необходимость подвергать эту информацию строгой научной критике, очищать ее от недостоверных деталей и извлекать из нее именно то ценное знание, которое не отразилось в официальных исторических документах.

Чтобы составить верное суждение о том, какими боевыми качествами обладали черногорцы, и справедливо ли расхожее представление об их удивительной храбрости и воинственности, возьмем в качестве источника произведения двух людей, посвятивших свою жизнь Черногории. Речь идет о научном наследии знаменитого слависта Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916) и о дневниках российского офицера Николая Михайловича Потапова (1871–1946). Первый прожил в Черногории около двадцати лет (с перерывами, с 1879 до 1906 гг.), занимаясь этнографическими, историческими, археологическими и филологическими исследованиями. Результатом его подвижнической научной работы стала знаменитая многотомная монография «Черногория в ее прошлом и настоящем», изданная еще при жизни ученого¹. Второй – офицер Генерального штаба России,

был командирован в княжество в 1903 г. для проведения военной реформы, цель которой состояла в модернизации черногорской армии. Двенадцать лет (до 1915 г.) провел Н. М. Потапов в должности военного агента России в Черногории, он приехал в княжество подполковником, а заканчивал службу в 1915 г. генерал-майором. Потапов оставил огромное количество донесений и рапортов, хранящихся сегодня в Военно-историческом архиве в Москве, а также дневники, где писал о своих чувствах и переживаниях по поводу того, что происходило с Черногорией. Эти материалы были обработаны и изданы в двух томах Институтом истории Черногории и Институтом российской истории РАН². Изучая один и тот же предмет почти в одно и то же время, два автора пришли к довольно разным суждениям о военном искусстве черногорцев.

П. А. Ровинский, приступая к своим исследованиям, прекрасно понимал, что ему выпал редкий шанс изучить черногорское общество в переходную эпоху, когда был сделан решительный шаг от племенного устройства к государственной жизни. «... Старые начала еще сохраняются, но вырабатываются уже готовые их заступить новые. Поэтому в нашем изложении мы везде отмечаем это переходное состояние и очень дорожим всем, что сохранилось от старины, и стараемся то произвести во всей целости», – писал он. Поскольку ученый главное внимание в своем труде уделил этнографии, он писал о прошлом боевом опыте черногорцев, не углубляясь в характеристику черногорской армии рубежа XIX–XX вв. Этот методологический посыл очень важен, когда современный исследователь пытается понять, почему такие разные характеристики боевых качеств черногорцев получились у П. А. Ровинского и Н. М. Потапова.

П. А. Ровинский считал черногорские войны до провозглашения княжества в 50-х гг. XIX в. разновидностью хозяйственной деятельности народа: «В настоящее время Черногория уже почти 20 лет ни с кем не воюет...; но вся прошлая ее жизнь, вся ее история сложилась под влиянием вечной войны, которая при том не представляла собой явления случайного или ненормального, а входила в обыденную жизнь черногорца и составляла для него занятие, как всякое другое, как земледелие, скотоводство или охота»³. Хозяйственный аспект войны славист видел в том, что военная добыча давала замкнутым в горах и окруженным турками черногорцам богатую добычу в виде продовольствия, скота, оружия и пороха, одежды и тканей.

Сами они ничего не производили, занимались в перерывах между военными действиями скотоводством и земледелием, но многое из того, что нужно было в быту, добывали путем так наз. четования. Военные трофеи составляли значительную часть благосостояния черногорских семей. Добычу делили на всех почти поровну, только старейшины получали немного больше других, обычно это было вооружение или конь. Не забывали при дележе и о погибших – их доля доставалась семье.

Однако это не означает, что в черногорской войне не было возвышенных и патриотических целей. Иную разновидность военных действий («большая война»), по мнению П. А. Ровинского, составляли боестолкновения, смысл которых заключался в отражении турецких нападений, в отстаивании свободы, защите своих рубежей от турецкого войска. В значительной степени поэтизированная, часто имевшая мало общего с реальностью, история таких войн дала ученому основание полагать, что по сути Черногория никогда не подчинялась Османской империи и была самостоятельной. Он был убежден, что именно война наложила печать на народный тип, «под ее влиянием воспитались его добродетели и пороки, сложился весь характер...», в войне проявился народный гений черногорцев⁴.

Исследователь в своей книге дал развернутую характеристику всем разновидностям черногорских войн («большая война», четование, гайдучество, поединки), подчеркнув при этом, что типичные военные качества проявлялись в любой из них. Эти черты давали о себе знать и в мирной жизни, в перерывах между боями. Основной воинской единицей на протяжении веков была чета – сравнительно небольшой отряд, состоявший, главным образом, из близких родственников. Анализируя устное народное творчество, славист пришел к выводу, что в каждой черногорской семье был как минимум один знаменитый четник, о котором рассказывали легенды и пели песни. Отец вел на войну сына, наставляя его, как вести себя в бою. Позором считалось получить рану в спину, что могло приравняться к трусости. В чете приходилось переносить тяжелые лишения, голод, учиться презирать опасности и жертвовать собой для других. То, что чета состояла из родных людей, само собою подразумевало выручку и взаимопомощь, иначе семьи и роды, отправлявшие мужчин в чету, могли просто вымереть. Оставить товарища в бою без помощи было немыслимо для черногорца. Во главе чет стояли старейшины, кото-

рые определяли главные военные задачи. Но единоначалия в привычном смысле в войске не было, обязательно проходили народные собрания, на которых обсуждалось, как действовать в бою. В сражениях не было командиров как таковых, каждый воин поступал по своему усмотрению.

П. А. Ровинский в своей монографии четко обозначил разницу между четниками и гайдуками. Первые были семейными людьми, чтобы прокормить близких они отправлялись в чету за военной добычей и в перерывах между походами занимались скотоводством. Вторые были борцами за свободу и разбойниками в самом романтическом смысле, они посвящали свою жизнь борьбе с угнетателями, мести своим врагам. «Гайдуцкая шайка составлялась из личностей, собравшихся из различных краев, часто предварительно не знавших друг друга. Их не связывал никакой интерес, кроме непримиримой ненависти к притеснителям своего отечества и личных врагов, которые лишили их дома и заставили скитаться по белому свету», – заметил ученый⁵. Таких мстителей гораздо больше было в Старой Сербии, в Боснии и Герцеговине. В труднодоступной туркам Черногории они всегда находили убежище и кров. Ученый считал, что после провозглашения Черногории княжеством четничество и гайдучество остались в прошлом, постепенно сошли на нет. В Законнике князя Даниила (1855 г.) были запрещены и личные поединки.

П. А. Ровинский поставил перед собой задачу описать причины, правила и обычаи черногорской войны. Причиной он считал насилия турок против славянского населения Балкан и постоянную готовность черногорцев дать отпор любому вооруженному вторжению Османской империи. Началу военных действий обычно предшествовала скупщина – собрание предводителей племен, которые советовались, стоит ли ввязываться в очередной конфликт. На скупщину прибывали те, кто потом в бою командовал отрядами своего племени – лица старшего возраста, имевшие богатый опыт боевых операций. Если было решено воевать, отправляли гонцов в племена, объявить, где будет находиться главный военный лагерь, на какие позиции отправится каждый отряд, какое у него будет конкретное задание в общем военном плане. Местное население во время подготовки к боям тайно сообщало, где находятся турки, сколько их, куда они продвигаются. Бывало, кто-нибудь предлагал туркам услуги проводника и заводил их войско в гибельное место. В крупных сра-

жениях была определенная тактика, которую П. А. Ровинский восстановил на основе народных песен, посвященных войне, и по донесениям русского консула в Дубровнике, относящимся ко временам Петра II Негоша. Все собранные по племенам четы делились на центр (ядро) и два крыла. Впереди выставлялся небольшой отряд, задачей которого было завязать бой и, по-возможности, заманить противника в то место, которое черногорцы выбрали для сражения. Черногорцы старались воевать на своей территории. В течение битвы каждый боец действовал самостоятельно, руководствовался «внутренним побуждением» и «военным инстинктом». Вместе с тем, воины обращали внимание на своего командира, самого опытного бойца, то есть, при отсутствии прямой команды было определенное общее руководство в бою. Согласованность действий обеспечивали и так наз. барьяктары-знаменосцы, шедшие со знаменами впереди своего отряда или целого войска. Они принимали огонь на себя и показывали всем, что победа достигнута, устанавливая знамя на неприятельских позициях. Барьяктары часто гибли, их место занимали сыновья и братья.

Интересно описывает П. А. Ровинский черногорскую тактику ведения ближнего боя. Испытывая острую нехватку оружия и боеприпасов, черногорцы старались стрелять наверняка, поэтому залпы раздавались только тогда, когда ясно было видно лицо («усы и зубы») врага. В первую очередь старались выстрелить в командира или известного воина, вызвать тем самым замешательство неприятеля и затем идти в атаку («на журиш»). На первый взгляд могло показаться, что в этой атаке черногорцы ведут себя безрассудно, не пытаясь укрываться от неприятельских пуль, а напротив, как бы подставляясь под них. Но, по мнению слависта, нежелание уклоняться от пуль вовсе не было пустой бравадой, у атакующих бойцов был просчитан каждый шаг, поэтому им удавалось ошеломить врага и избежать лишних потерь. Самым неприятным для черногорца моментом боя было то время, когда нужно было скрываться в укрытии или отступать, может быть даже убежать. Поэтому главной целью стремительной и опасной атаки было желание перехватить инициативу и не допустить контратаки. Исключительно важную роль в успешном осуществлении такого натиска на противника имело чувство соревновательности у бойцов. Считалось страшным позором отстать во время натиска, не быть среди первых. Отставший мог потом долго подвер-

гаться насмешкам и издевательствам. Черногорец не мог допустить того, чтобы быть последним среди товарищей. После огнестрельных залпов следовал бой с применением холодного оружия. Славист считал черногорцев виртуозами, когда речь шла о применении ножей. С помощью ножа опытный воин мог рассечь надвое противника, а если удар ножом пришелся на ружье, оно уже больше не годилось для стрельбы. Ножом отсекали голову убитого, демонстрируя тем самым свою окончательную победу. Головы надевали на колья и выставляли на обозрение. Однако владыка Петр II, а затем и князь Данило боролись с этим варварским обычаем. П. А. Ровинский лично принял участие в военном походе 1878–1879 гг., когда черногорская армия с боями занимала Бар и Ульцин, переданные княжеству в соответствии с решениями Берлинского конгресса. Славист утверждал, что некоторые участники операции хвастались как трофеями носами, отрезанными у турок. Юнак – герой войны гордился такими трофеями, видя в них доказательство своей доблести.

Интересно трактуется в книге проблема военного предательства. По мнению слависта, такое случалось не из-за трусости, а из-за сербского «ината». «Инат» – это желание сделать назло, наперекор, упрямство, которое чаще всего было следствием обиды. Назло обидчику – старейшине или близким, не понявшим юнака, задевшим его гордость, последний мог уйти на сторону турок, и это навсегда разрывало его связь с родиной и со своим народом.

Отдавая должное храбрости черногорцев и восхищаясь их боевым прошлым, славист признавал, что постоянная война заметно деформировала национальный характер, сделала их непоседливыми, готовыми к необдуманному действию и авантюрам, в значительной степени безразличными к мирным занятиям. Ремесло и торговля считались мало достойными настоящего юнака. Вспыльчивость и стремление хвататься за оружие даже в пустой ссоре стали постоянными спутниками черногорского воина, способного на убийство без серьезных оснований. Ученый не мог не заметить, что дисциплина модернизированной армии, необходимость проходить строевую подготовку, маршировать и обучаться стрельбе, а главное, по первому требованию выполнять приказ командира, давались черногорцам с большим трудом. По мнению исследователя, слишком строгий приказ командира вообще мог парализовать волю рядовых, так это противоречило обычному в прошлом поведению в бою, когда каждый

дрался по своему усмотрению. Правда, П. А. Ровинский постарался завершить очерк о черногорской войне на оптимистической ноте. Он утверждал, что прекращение постоянных военных действий сделало черногорцев более трудолюбивыми и усидчивыми, разбудило интерес к науке и образованию. Но в целом он признавал, что черногорская армия в начале XX в. была готова к современной войне только наполовину.

Российский военный агент Н. М. Потапов знал состояние черногорского войска в начале XX в. может быть даже лучше, чем военные министры Черногории и ее монарх. Имея за плечами отличное образование, включая Академию Генерального штаба России, Н. М. Потапов прошел стажировку в Западной Европе и был хорошо знаком с постановкой военного дела в разных странах. Его дневники свидетельствуют о том, что во время своего пребывания на Балканах русский офицер был не только практиком, но и теоретиком военного дела, внимательно изучал состояние турецкой армии, полагая, что эти сведения будут важны для России в случае войны. Поручая Н. М. Потапову проведение военной реформы в княжестве, российское военное министерство и Генеральный штаб рассчитывали на то, что новейшие достижения военной науки, с которыми был хорошо знаком офицер, будут внедряться в черногорскую армию, и она станет своего рода опытной площадкой. Перед русским подполковником стояла исключительно сложная задача – из народного ополчения сделать современное войско. Исходные данные эту задачу скорее затрудняли, чем облегчали. Во-первых, Черногория была очень бедной ресурсами и людьми страной. Во-вторых, правящая элита отличалась низким уровнем образования и непрофессионализмом, не всегда осознавала ответственность за положение дел в государстве. В-третьих, общество еще не было готово принять государственные институты (включая армию) и государственную дисциплину в ущерб племенному самоуправлению, народ оставался верен племенной психологии.

Первые впечатления Н. М. Потапова при знакомстве с черногорскими воинами были скорее положительными. В 1903 г. он так описал новобранцев: «... это рослые, хорошо сложенные, крепкие на вид молодые люди... Унтер-офицеры при разбивке прибывших по ротам были деятельными и расторопными помощниками офицеров, хотя сами находятся на службе менее года»⁶. Первое посещение учебного батальона на Ловчене тоже оставило хорошее впечатление: «Несмот-

ря на то, что во время моего пребывания в лагере люди находились в строю лишь 5-й день, я нашел их для этого срока выправленными. Они порядочно ходили в ногу и на мое приветствие отвечали довольно стройно. Вообще весь личный состав, видимо, прилагает все старание к тому, чтобы наилучшим способом использовать время (обучения – В.Х.)...»⁷. Но и в самом начале пребывания в Черногории подполковник не мог не заметить, насколько порядки в княжеском войске отличаются от общепринятых. В одном из рапортов он описал посещение артиллерийских складов в Подгорице, Спуже и Никшиче и подчеркнул, что складами заведуют «лица, не только к этому совершенно не подготовленные, но иногда и совершенно неграмотные»⁸. Эти военнослужащие, например, не могли понять, почему нельзя хранить порох, особенно «раскупоренный», вместе с остальной амуницией. Но это не так взволновало российского офицера, как поведение подчиненных по отношению к вышестоящим воинским чинам. Его изумило то, что некоторые «смотрители складов» не считали нужным выполнять приказы начальника артиллерии, полагая, что только военный министр и сам князь могут ими командовать. Н. М. Потапов счел, что причина подобных аномалий – неудовлетворительное состояние военного министерства Черногории, во главе которого стоял 86-летний «старец», воевода Й. Пламенац, не имевший никакого военного образования. Во главе бригад находились «лица, проявившие себя во время военных действий 25 лет тому назад в ролях младших начальников и с тех пор не имевшие случая ни разу видеть бригаду в сборе»⁹. И, наконец, «подготовка чет и батальонов в строевом отношении ведется людьми весьма слабо к этому подготовленными»¹⁰. Не было разведки, саперной службы, обоза, интендантских, инженерных и прочих подразделений, без которых тогда уже не обходилась ни одна армия Европы. Убежденный на первых порах в том, что поставленная перед ним цель вполне достижима, Н. М. Потапов, как говорится, засучил рукава и с энтузиазмом взялся за реорганизацию черногорской армии. Изучение его реформаторской деятельности – это тема отдельного исследования. Здесь интересно проанализировать те трудности, которые пришлось ему преодолевать в ходе модернизации войск княжества, и результаты, которых удалось достичь российскому командованию в Черногории.

Первое затруднение, на которое многие годы жаловался Н. М. Потапов, возникало из-за самого князя, позже короля Николы. В Чер-

ногории было принято использовать рядовых, призванных в учебные батальоны, для строительства дорог и прочих хозяйственных дел, а также для того, чтобы сопровождать монарха в его бесконечных поездках. Учиться военному делу часто не успевали. Во-вторых, командовали подразделениями черногорской армии лица, не имевшие никакого образования. Чести стать офицерами они удостоились в прежних войнах, были очень уважаемыми людьми. Племя, из которого они вышли, считало их своими героями. «Сместить бригадира с издавна занимаемой должности – это значило бы не только оскорбить род и племя, к которым он принадлежит, но также и вызвать крайнее неудовольствие во всем черногорском населении», – доносил Н. М. Потапов в 1903 г.¹¹ Более того, назначение командиров было затруднено вопросом о племенной принадлежности нового офицера, «найти подходящее лицо в том же племени не всегда возможно, а назначение бригадира из другого племени является кровной обидой для того, из коего происходил прежний бригадир». Но мириться с таким положением дел, по мнению Потапова, было нельзя: «... это значит обресть черногорскую милицию еще десятки лет оставаться в той мирной бездеятельности, которая грозит изгладить в черногорцах их бывлые юнацкие доблести, ибо современный состав офицеров народного войска не способен научить вверенных ему нижних чинов ничему, кроме ружейных приемов»¹².

Таким образом, уже на первом году службы российский военный агент осознал, что имеет дело с необычным сообществом, в котором преобладали иные, чем в других европейских странах, моральные ценности и представления о справедливости. Преодолеть это наследие прошлого, изменить ментальность народа, сделать его носителем государственного быта могла только длительная эволюция черногорского общества. Однако Н. М. Потапов помнил, что его поручение состоит в быстром преобразовании народного ополчения в современную армию, к чему побуждала международная обстановка в начале XX в. Выходило, что российское правительство затеяло модернизацию в войске, совершенно к ней не готовом. Такое затруднение не под силу было преодолеть ни одному, даже самому талантливому и энергичному труженнику.

Еще одна сложность, которую приходилось учитывать Н. М. Потапову в ходе проведения преобразований в черногорской армии, это то, что немногочисленные кадровые офицеры проходили воен-

ное обучение в разных странах. Чаще всего их посылали в Россию, но были и выпускники итальянских, австрийских, французских учебных заведений. На пережитки племенного сознания и иногда племенной розни накладывались существенные различия в профессиональной этике. Между офицерами нередко случались размолвки и ссоры, во время которых проявлялось «нерасположение бывших итальянских воспитанников к бывшим русским и обратно»¹³. Подобная «разношерстность» командного состава негативно влияла на общее положение дел в войске. «Получив самую разнообразную военную подготовку в разных государствах Европы, офицеры нуждаются более, чем где-либо, в объединении и направлении их деятельности...», – предупреждал военный агент¹⁴.

К тому же, многих офицеров трудно было назвать ревностными служаками. Они не только не проявляли творческого подхода к службе, но зачастую откровенно ею тяготились. В рапорте от 29 февраля (13 марта) 1904 г. Н. М. Потапов разбирает неудовлетворительную работу черногорских учебных батальонов. Он обратил внимание на то, как вели себя офицеры, написав, «что занятия им бесконечно надоели и что все их участие в деле подготовки новобранцев правильнее назвать полным безучастием»¹⁵. Не были переведены на сербский язык русские инструкции по обучению стрельбе; одни командиры пользовались итальянскими пособиями, другие – сербскими, несмотря на то, что на вооружении в черногорской армии были русские ружья. Гимнастика, так необходимая бойцам, по мнению Потапова, находится в совершенном запустении вследствие огромного сомнения черногорцев и самодовольного убеждения, что «черногорцам гимнастика не нужна»¹⁶. Даже козырять черногорцы не были обучены должным образом, делали это «неуклюже». Не проводились намеченные российским военным агентом мероприятия по созданию санитарного, мобилизационного и прочих подразделений. Потапов не мог скрыть возмущения и не выбирал выражений, когда рапортовал своему начальству: «Не продвигается вперед работа и по организации интендантской части как вследствие выяснившейся ныне полной неспособности начальника интендантского отделения, так и вследствие преступного бездействия ведающего этим отделением начальника Административного отдела, цинично мне заявившего, что он «не желает» работать, так как недоволен получаемым содержанием...». Пример халатного отношения к военной службе пока-

звали сами члены княжеской семьи. «Назначенный в декабре прошлого года (1903 – В.Х.) начальником отдела Генерального штаба князь Мирко (один из сыновей Николы – В.Х.) за истекшие 7 месяцев ни разу не посетил военного министерства...», – доносил Н. М. Потапов в Генеральный штаб России¹⁷. Понятно, что такое поведение сына черногорского монарха не могло не отразиться на умонастроениях подчиненных ему офицеров.

Очень беспокоило российского военного агента «неумение черногорцев отличать секретные сведения от общедоступных». Он лично собирал на столах у писарей «валявшиеся открыто» секретные документы, сетовал на то, что черногорские офицеры слишком откровенно обсуждали с иностранными представителями порядки в своей армии и программы военного обучения, «забывались до того», что толковали в присутствии иностранцев о русской военной субсидии¹⁸. Еще один большой вопрос российско-черногорского военного сотрудничества – это нецелевое расходование русских денег. И глава российской миссии, и военный агент в своих донесениях постоянно высказывали опасения, что деньги, высланные на армию, тратятся не по назначению, часто жаловались на то, что черногорская сторона всячески затрудняет контроль за субсидией. Вот характерная фраза из рапорта Потапова: «Что касается столь ненавистой здешним министерским старожилам *ежемесячной фактической* проверки находящихся налицо сумм, то я надеюсь, что таковую можно будет, наконец, начать с будущего месяца особыми комиссиями из чинов военного министерства...»¹⁹. Н. М. Потапов сетовал на то, что деньги из субсидии тратились на закупку заведомо негодных продовольствия, лошадей, боеприпасов²⁰. Он даже предложил высчитывать из субсидии сумму, «которая так легкомысленно и нерасчетливо выбрасывается черногорцами за окно»²¹. Такая бесхозяйственность серьезно вредила развитию вооруженных сил страны. Но последовать совету военного агента в Цетинье было невозможно хотя бы из дипломатических соображений. На этот рапорт начальник Потапова Сахаров наложил резолюцию: «Не надо нам вмешиваться в это дело»²².

В сентябре 1904 г. прошли первые в истории Черногории военные маневры, которые дали материал для оценок и размышлений. На основании рапортов Потапова в Генеральном штабе России были сделаны такие выводы: «Наиболее крупные пробелы, обнаруженные

во время выполнения маневров, заключаются в слабой тактической подготовке офицеров и в неудовлетворительной организации и слабом несении службы отрядных штабов, выразившемся: 1) в несвоевременной и неумелой передаче войскам приказаний, 2) в неумелой организации разведок и службы связи и 3) в полном игнорировании тыла как в смысле сообщения туда необходимых распоряжений, так и в отношении его обеспечения». Только рядовой состав войска получил высокую оценку. Были отмечены «прекрасная дисциплинированность черногорских воинов, их чрезвычайная выносливость и добросовестное отношение к службе»²³. Эти итоги позволяют думать, что войско княжества не сдвинулось с мертвой точки, несмотря на все усилия российского военного агента. Рядовые черногорской армии еще сохраняли свой боевой дух и хорошую физическую форму, но командование оставалось профессионально неподготовленным.

Правда, Н. М. Потапов не терял надежды изменить ситуацию с командным составом в лучшую сторону. Он постоянно настаивал на повышении качества работы военного министерства Черногории и не оставлял в покое офицеров среднего звена. В марте-апреле 1905 г. по инициативе российского военного агента были проведены учебные сборы офицеров с целью повышения их квалификации. «Привыкшие за прежние годы собираться не для труда, а для празднословия, офицеры народного войска и на этот раз объясняли себе причину сбора тем предположением, что «господарю мило» видеть их и побеседовать с ними. Поэтому они вначале были неприятно удивлены отсутствием князя Николы и усиленной работой (с 6 до 11 час. утра и с 2 до 5 ½ пополудни). Однако уже через несколько дней они по достоинству оценили значение сбора, говоря: «только теперь, когда мы начали учиться, мы стали понимать, какая большая задача возложена на нас в смысле подготовки к войне наших воинов». «Дальнейшее отношение их к делу было вполне серьезно...», – писал Потапов²⁴. Этот эпизод доказывал очевидный факт – черногорцы легко усваивали военную науку, но никак не могли организовать систематическое обучение действующей армии. Сбои в проведении учений и сборов случались довольно часто, по личному распоряжению князя Николы они неоднократно переносились или отменялись, а наследник престола, старший сын Николы Даниил заявил в августе 1905 г. министру-резиденту П. В. Максимову, «что он считает ма-

невры бесполезной и дорогой тратой времени и что, по его мнению, гораздо полезнее было бы употребить назначенную на маневры сумму на что-либо другое, например, на приобретение скорострельной артиллерии...»²⁵.

Видимо, правящая элита Черногории сама была в плену ложных стереотипов об исключительных боевых качествах своего народа, если князь Даниил был убежден, что и без специальной подготовки черногорцы легко справятся с современной сложной военной техникой. Это убеждение в корне расходилось с выводами Потапова, сделанными после очередных маневров в сентябре 1905 г.: «В результате слабой военной подготовки командного персонала является то, что войска *крайне тяжелы* в управлении. Отсутствуют не только частная инициатива и умелое пользование представляющимися во время действий выгодными изменениями обстановки, но даже простая подвижность, быстрое исполнение приказаний и простое применение к местности»²⁶. Удивительно, что в этом рапорте военный агент писал о «почти полном пренебрежении принципом взаимной поддержки». Слова Н.М.Потапова об отсутствии инициативы и взаимовыручки противоречат наблюдениям П.А.Ровинского, считавшего, что черногорец самостоятельно принимает решения и несет личную ответственность за исход битвы и за боевых товарищей. Вероятно, навязывание извне современных представлений о военной тактике и стратегии приводило не к положительным, а к отрицательным последствиям. Черногорцы терялись и не понимали, должны ли они проявлять инициативу в бою или, напротив, обязаны точно исполнять волю командиров, не самовольничать. Эта потерянности, дезориентация отчасти снижала боевые качества армии, делала ее недееспособной.

После 1905 г., когда была введена конституция в княжестве, усилилось вовлечение армии в политическую борьбу, хотя и прежде офицеры любили рассуждать о политике. Еще хуже отразилась на армии начавшаяся министерская чехарда, военные министры менялись стремительно. «А между тем вкусившие за последнее время политической свободы офицеры, позабыв дисциплину, не перестают засыпать Радовича (очередного военного министра – В.Х.) требованиями о выполнении разного рода обещаний, данных им когда-то князем Николаем... Дисциплина забыта до того, что упомянутые офицеры назначают военному министру срок, в течение коего на их

требования должен последовать положительный ответ, угрожая в противном случае идти жаловаться государю», – доносил Потапов²⁷. Он был убежден, что стремительный переход к конституционному правлению без предварительной подготовки, без издания специальных законов об армии нанесли войскам огромный вред: «До дарования конституции все решалось словом государя. Внезапный же переход из патриархального быта непосредственно к парламентскому сразу выпустил наружу все таившиеся прежние обиды, неудовольствия, надежды, желания и проч.»²⁸. Правда, эти выводы российского военного агента можно было в какой-то мере приложить и к его собственным мероприятиям по модернизации черногорской армии. В защиту Потапова можно сказать только то, что действовал он осторожнее и профессиональнее, чем черногорская верхушка. Хотя результаты были приблизительно одинаковыми. Общество не успевало приспособляться к государственным формам бытия и отторгало их на самых разных уровнях. В военном министерстве это выглядело, по описанию Потапова, следующим образом: А. Радович, бывший сразу на нескольких министерских постах, за 2,5 месяца посетил военное министерство «не более пяти раз». «В результате такого положения дел помещения военного министерства в рабочее время или совершенно пусты или же обращаются для служащих в нем офицеров в место взаимных пререканий и ссор на почве разного рода политических и личных вопросов, чем вносится еще большая рознь в среду этих офицеров, и без того не отличающихся особой сплоченностью»²⁹. Политическая борьба, по мнению Потапова, расколола не только командный состав, но и рядовых: «При той непримиримой борьбе, которая ведется ныне между приверженцами старого и нового режима уже не в скупщине, а в самом народе, то есть в том же войске, ибо в Черногории народ – войско, население готово расколоться на две враждебные половины...»³⁰. На эту ожесточенную политическую борьбу, как точно увидел Потапов, ложилось «племенное соревнование», когда племя готово было защищать обиженного даже путем кровной мести. По мнению российского военного агента, государственная безопасность княжества оказалась под угрозой.

Еще одна проблема мешала модернизации черногорского войска на протяжении нескольких лет, а именно эмиграция мужчин в Америку, которая заметно сократила количество бойцов, готовых в слу-

чае необходимости стать под ружье. «Массовое выселение молодежи, то есть тех же войников, не могло, конечно, не отразиться на армии, ухудшив в качественном и сократив в количественном отношении состав народного войска и внося нежелательные течения в среду лиц, состоящих на постоянной службе. Так, например, находящиеся ныне слушателями в Цетинском военном училище 147 унтер-офицеров решили недавно между собой, что ожидающее их через полтора года производство в подпоручики с жалованием в 350 крон (около 140 рублей) в год при условии жить у себя дома на селе и в течение 6–8 дней ежегодно командовать четой, не может их удовлетворить, а потому им следует бросить училище и, подобно многим их родственникам и знакомым, эмигрировать в Америку, где труд оплачивается гораздо щедрее, чем дома», – сообщил Н. М. Потапов начальству и предупреждал, что стремление оставить страну носило в Черногории характер поветрия, принимало «уродливые, чисто болезненные формы»³¹, когда отъезд приравнялся к «оначеству», а желание остаться дома и «стеречь девушек» к трусости³². Резкое уменьшение личного состава черногорской армии грозило свести на нет даже те маленькие сдвиги, которых удалось добиться в военной подготовке войска.

С 1908 г., когда после аннексии Боснии и Герцеговины был увеличен размер русской военной субсидии Черногории, в рапортах Н. М. Потапова стал постоянно упоминаться еще один повод для беспокойства. Военное министерство и двор восприняли увеличение субсидии как возможность повысить свои оклады и ввести новые должности, теперь российский военный агент боролся и с этой тенденцией, усиленно настаивая на том, что деньги предназначены для реальных военных нужд. Нарастающая бюрократизация армии тоже стала типичной чертой военного дела в Черногории в начале XX в. Из перечисленных выше резких критических оценок Н. М. Потапова в адрес черногорских военных складывалась весьма мрачная картина. Черногорская армия не выглядела подготовленной к очередной войне, и Балканские войны 1912–1913 гг. полностью это подтвердили.

Российский военный агент присутствовал на театре военных действий и тщательно фиксировал все, что относилось к боеспособности черногорского войска. Он разбирал наступательные операции и неудачи, оценивал организацию штаба и военного лагеря, действия командного состава, разведки, артиллерии, санитарной службы.

Боевые операции, по его мнению, с первого до последнего дня войны были плохо подготовлены и проведены неудачно. Главное обстоятельство, приводившее к неудачам, заключалось в том, что высшие офицеры были лишены возможности самостоятельно принимать решения. Командовал армией король Никола, требовавший от командиров безоговорочного подчинения и выполнения любого его приказа. Однако эти приказы нельзя было назвать правильными с точки зрения военного дела. Король сам не имел военного образования и не обратился за помощью к специалистам. Сначала он вообще обходился без главного штаба, затем прислушивался не к профессиональным военным, а к своему семейству, включая дочерей, и к придворным, «на решение дел влияли десятки окружавших короля совершенно неответственных лиц», «добрых военных советов король от них получить не мог»³³. Никола и его свита, по словам Потапова, полностью пренебрегали «элементом времени», «ежедневно военные действия начинались при полном свете дня, прерывались в часы трапезы и отдыха, а на ночь вовсе прекращались»³⁴. Война шла по придворному расписанию, а не по обычаям военного времени. Бросалось в глаза несправедливое отношение короля и его сыновей к армии: «...некоторые личности и войсковые части незаслуженно хвалились, а другие – также незаслуженно порицались; одни награждались деньгами, производствами и одеждой, другие оставались без всякого внимания и должны были проводить всю зиму без опанок и шинелей рядом со своими более счастливыми «отличными» товарищами», – писал Н. М. Потапов³⁵. Штабную работу он оценил крайне низко.

Сама армия проявила себя во время войны по-разному. Лучше всего воевали обученные в батальонах и военных училищах бойцы, например, артиллеристы и разведчики, хотя и к ним было много замечаний. Хуже всего дела шли в пехоте, куда явились и давно не годные к военной обязанности старики, и необученная молодежь. Это повлекло за собой неоправданную убыль личного состава: «Последствия от приема в строй стариков оказались в высшей степени пагубными для тех войсковых частей, в которых эти старики оказывались. Не имея понятия о современных приемах наступления пехоты под огнем неприятеля и руководствуясь лишь своим боевым опытом, приобретенным 35–60 лет тому назад, они не признавали применения к местности, громко называя это трусостью. Вследствие

этого даже обученная в казармах молодежь, боясь прослыть трусами, переставала применяться к местности и шла под выстрелами неприятеля открыто, чем и объясняются огромные потери черногорцев в первое время войны»³⁶. Старые воеводы вмешивались в приказы молодых офицеров, отменяли толковые распоряжения и отдавали нелепые команды, из-за которых гибли люди. К этому Потапов добавил небрежное обращение пехотинцев с оружием, «... обращение со всей материальной частью было в черногорской армии варварское»³⁷. Инженерные инструменты можно было увидеть в руках черногорских женщин, заготовлявших хворост. Хуже всего действовали санитарные части. «... В госпиталях особо тяжелых раненых, о которых думали, что «он все равно умрет», не перевязывали и даже по 2–3 дня не кормили и не обращали на него никакого внимания, оставляя лежать на носилках ...»³⁸. Имели место циничные злоупотребления материальной помощью, поступившей из России и других стран в черногорский «Красный Крест»: вместо термометров и лекарств были закуплены автомобили, «в которых катается теперь король Петр и разъезжают по своим деревням черногорские министры ...»³⁹.

Итог, подведенный Н. М. Потаповым после окончания Балканских войн, выглядел неутешительно. Он писал: «1) о крайне слабой дисциплине черногорских войников и офицеров ..., особенно же при очерченном выше образе действий высшего командования и пристрастном отношении последнего не только к отдельным личностям, но и к целым войсковым частям; 2) о многочисленных случаях побегов из армии и вообще о крайне частом уклонении черногорцев от исполнения своего долга и, наконец, 3) о варварском отношении черногорцев не только к неприятелю (отрезывание носов у раненых турок ...), но и к мирному населению (непрекращающиеся в течение всей войны грабежи домов и целых селений в дружественных черногорцам племенах албанцев-малисоров и даже в родственниках черногорцам сербских племенах Ново-Базарского санджака)»⁴⁰. Стоит особо отметить наблюдение Н. М. Потапова, противоречившее историческим боевым традициям народа, который в недавнем прошлом предпочитал смерть позору. Случаи дезертирства из армии оправдывались тем, что на войне погибло слишком много мужчин из того или иного рода, поэтому оставшиеся в живых должны сохранить «семя для потомства»⁴¹. Таким образом, вместо воинственных и го-

товых умереть за свободу племен, описанных путешественниками и учеными, мы увидели слабое и плохо организованное войско, ветераны которого навязывали бойцам давно ушедшие в прошлое представления о воинской доблести. Рядовой состав черногорской армии как будто оказался между двух эпох. Индустриальная война с артиллерией и скорострельным оружием, с массовым применением мин и гранат, требовала определенной тактики поведения в бою, но эту тактику осуждали старшие. То, что поощряли ветераны в ходе военных действий, вело к неоправданной гибели людей и не приносило победы. Старинный дух соревновательности, удали, боевого задора, проявленный в начале войны, быстро угас, на смену пришли неразбериха, пассивность и неумение добиться поставленных военных задач. Почти так же складывались обстоятельства и в Первой мировой войне. Отличие было только в том, что в Балканские войны Черногория вступила после длительного мирного периода, а в Первую мировую войну вошла разоренной и не оправившейся от прежних военных потерь. Поражение королевства было неизбежно.

Неудавшийся опыт реорганизации черногорской армии, затеянный ее монархом и поддержанный российским военным министерством, показал, что патриархальное общество слабо поддавалось модернизации, особенно назязанной сверху и подталкиваемой извне. Сколько бы денег ни вкладывала Россия в военную реформу, успеха добиться не удавалось. Черногорцам были чужды новые современные представления о военной науке, их традиционные ценности не совпадали с кодексом воинской чести, сложившимся в европейских странах, и в известной степени вступали в противоречие с европейским понятием о воинской доблести. Черногорское войско не успело адаптироваться к условиям войны, которая ведется с использованием сложной техники, созданной в индустриальную эпоху. Оно выглядело плохо управляемым, расстерянным, неспособным одерживать победы.

К похожим выводам приходит исследователь, изучающий разные стороны государственной жизни Черногории во второй половине XIX – начале XX вв., будь то работа над законодательством и конституцией, создание новых министерств и ведомств, усилия, направленные на организацию современного школьного образования и проч. Черногорская государственность не могла развиваться и крепнуть так быстро, как этого требовала внутривосточная ситуация

и международная обстановка, сложившаяся в Европе к 1914 г. Не случайно накануне и в годы Первой мировой войны в Черногории широко распространилось стремление объединиться с Сербией, выглядевшей более успешной в деле государственного строительства. Такой федералистский подход, возможно, для патриархального народа, не успевавшего за модернизацией, был интуитивным выходом из сложившейся в начале XX в. тупиковой политической ситуации в Черногорском королевстве.

Примечания

- ¹ *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2. СПб., 1901.
- ² Н. М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Т. I. Подгорица – Москва, 2003; Н. М. Потапов: русский военный агент в Черногории. Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. Т. II. Подгорица – Москва, 2003.
- ³ *Ровинский П. А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. С. III.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Т. II. Ч. 2. С. 54.
- ⁶ *Потапов Н. М.* Указ. соч. Т. I. С. 63.
- ⁷ Там же. С. 70.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 73.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 85.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 115.
- ¹⁴ Там же. С. 149.
- ¹⁵ Там же. С. 116.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 148.
- ¹⁸ Там же. С. 118–119.
- ¹⁹ Там же. С. 133.
- ²⁰ Там же. С. 128–129, 153 и др.
- ²¹ Там же. С. 153.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 163.
- ²⁴ Там же. С. 185.
- ²⁵ Там же. С. 200.
- ²⁶ Там же. С. 212.
- ²⁷ Там же. С. 310.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 312.
- ³⁰ Там же. С. 318.

- ³¹ Там же. С. 308.
³² Там же. С. 306–307.
³³ Там же. С. 654.
³⁴ Там же. С. 654–655.
³⁵ Там же. С. 655.
³⁶ Там же. С. 656.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же. С. 661.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же. Т. II. С. 477.

Н. Г. Струнина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РОССИИ
НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕРНОГОРИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

С самого начала установления русско-черногорских отношений в 1711 г. Россия стала выплачивать Черногории денежную субсидию. Способствуя культурному подъему Черногории, Россия принимала на учебу в школы, лицеи и институты черногорцев, открывала в Цетинье учебные заведения. Черногория фактически жила на русские деньги – ежегодные русские субсидии с 500 руб. при Петре I возросли до 1 млн. руб. к периоду Балканских войн (1912–1913 гг.). С 1868 г. Россия стала выделять специальную субсидию на общеобразовательные нужды Черногории. Несмотря на то, что общая сумма субсидии была велика, доля, отпускаемая на образование, была незначительна: 8 тыс. руб. – Богословско-учительской семинарии, 5,5 тыс. руб. – Женскому институту в Цетинье¹.

Задаваясь вопросом, почему Россия спонсировала Черногорию (мы имеем в виду не только финансирование сферы образования, которое составляло незначительную часть от общей суммы русской денежной субсидии, – огромная часть денег шла на создание современной черногорской армии, а также на содержание двора черногорского князя и престолонаследника), мы не можем не согласиться с исследовательницей истории Черногории Н. И. Хитровой, которая считает, что «со стороны российского правительства это отнюдь не было альтруизмом»².

Существует несколько факторов, обусловивших такую политику России. Первый – необходимость иметь союзника на Балканах, который мог бы в случае военных действий отвлечь на себя часть войск противника (предположительно, Австро-Венгрии). Черногория, субсидируемая с XVIII в. Россией, была своеобразным запасным планом, вариантом на крайний случай. И такой крайний случай настал.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сербия, на которую Россия возлагала большие надежды, считая ее верной союзницей, неблагодарно отвернулась от своей щедрой покровительницы и, получив долгожданную независимость, переориентировалась на Австрию. Россия рисковала потерять влияние в регионе. Известный тост императора Александра III (1881–1894) – «за единственного искреннего и верного друга России – черногорского князя Николая»³, который он произнес 18 мая 1889 г. на званом ужине в честь князя, возвестил о том, что Россия обратила свое благосклонное внимание на Черногорию. Однако вопрос о том, не поступит ли Черногория точно так же, как Сербия и Болгария, «изменившие» России с Австрией, тревожил русских дипломатов. Так, в августе 1901 г. П. М. Власов*, находясь в Черногории, писал В. Н. Ламздорфу** в секретном донесении: «Если Черногория держалась до сих пор России, то, мне кажется, только в силу того, что она не видела другого пути сохранить свою независимость, что образ правления у нее был теократический и что в лице только одной Турции она видела и имела такого же злого и исконного врага себе и православия, как и единоверная Россия. Ныне условия эти отошли в область прошлого: ею правит светский государь, независимость и целостность ее охраняет вся Европа, а Турция не угрожает более православию ... тогда Черногория может неожиданно отвернуться от России, как отворачивались ранее Сербия и Болгария»⁴. Для того, чтобы этого не произошло, необходимо было, по мнению П. М. Власова, перестраховаться, подготовив твердый фундамент в черногорском народе. Мысль о необходимости воспитывать черногорскую молодежь с прорусскими настроениями четко просматривалась в донесениях и записках сотрудников российского МИД.

Важным фактором была отрицаемая некоторыми исследованиями теория о зоне ответственности России. Традиционно русские императоры считали славянские балканские страны зоной своей ответственности, основываясь на принципах православия и славянского единства⁵. Черногория, знаменитая своей многовековой героической

* Власов Петр Михайлович (1850–1905) – дипломат, действительный статский советник, министр-резидент в Черногории в 1900–1902 гг.

** Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907) – граф, русский государственный деятель, министр иностранных дел России в 1900–1906 гг.

борьбой против османского ига, возглавляемая три века митрополитами, была лучшим примером православной славянской страны.

По мнению Е. Ю. Гуськовой, именно православная вера лежит в основе русско-черногорских государственных связей, «именно она цементировала отношения маленькой Черногории и огромной России, которая представлялась естественным защитником единых по вере и языку племен. Однако сотрудничество было успешным, когда прагматический интерес внешней политики России совпадал с внутренними потребностями Черногории»⁶.

Таким образом, обоюдный прагматизм вместе с многовековыми традициями дружбы и взаимопомощи явились причинами активизации отношений России с Черногорией в конце XIX в.

Для России была очевидной необходимость поднимать образовательный уровень в Черногории: к началу XX в. в княжестве было лишь 3,02% грамотных⁷.

В целом складывание системы образования в Черногории происходило на протяжении всего XIX в. Первая школа для мальчиков была открыта при Цетиньском монастыре в 1833 г. митрополитом Петром II Петровичем-Негошем (1830–1851), который, будучи сам незаурядной личностью, желал пролить свет образования на свой народ. Вслед за первой богословской школой была открыта и вторая – в 1847 г. в Добрской Келии. Преемник Петра II, князь Данила (1851–1860), ставший первым светским правителем Черногории в 1851 г., также хотел развивать систему образования в стране, но не успел воплотить в жизнь свои замыслы за непродолжительное правление. Его преемник Никола (1860–1910 – князь, 1910–1918 – король) «принялся за насаждение европейской цивилизации в Черногории, причем на первом плане у него стояла школа»⁸, и уже в 1863 г. он основал семь мужских народных школ. Учителями в них в основном были священники; школы эти были четырехклассные⁹.

В 1868 г. князь Никола предпринял первую поездку в Россию, результаты которой не заставили себя ждать: при всесторонней помощи России в следующем 1869 г. в черногорской столице г. Цетинье были открыты два учебных заведения: Богословско-учительская школа, на содержание которой император Александр II постановил ежегодно выплачивать из российской казны 8000 р., и Мариинский Женский институт, который стала курировать императрица Мария

Александровна*, отпускаемая на его содержание ежегодно 5500 р.¹⁰. Этот институт положил начало женскому образованию в Черногории.

Цетиньский Женский институт пользовался славой и авторитетом не только в Черногории, но и среди других южнославянских народов, о чем писали как русские путешественники на Балканах¹¹, так и русские посланники в Черногории¹².

По сути своей Цетиньский институт являлся черногорским аналогом петербургского Смольного института благородных девиц и давал среднее образование¹³. Его учебный план наглядно показывает, что институт давал весьма хорошее образование: девочки изучали Закон Божий, русский, сербский и французский языки, историю и литературу; преподавание велось в основном на русском языке и, что очень важно, по большей части, русскими учителями; учебные пособия поставлялись из России. Помимо этого, девочки изучали математику, естественные науки, географию, садоводство, домоводство, рисование, музыку, технику и педагогику¹⁴.

Женский институт, являясь центром женского образования в Черногории, не просто давал югославянским девушкам сухие знания, но и воспитывал их в традициях уважения и любви к России. Потенциально это заведение готовило и последующее поколение к тому же отношению к великой покровительнице Черногории – как известно, именно женщина воспитывает будущих мужчин, именно она дает первоначальное образование, то, что ребенок «впитывает с молоком матери». «Кому не известно влияние вообще женщины, а в особенности матери на воспитание и образование человека»¹⁵, – писал один болгарский студент, приехавший учиться в Россию, в официальном прошении в Славянский комитет. Однако, несмотря на те значительные суммы, которые Россия отчисляла для субсидирования Черногории, доля финансирования образования была незначительной. В МИД России постоянно шли донесения и отчеты русских посланников, в которых говорилось о том, что денежных средств не хватает на нормальное функционирование учебных заведений в Черногории, а также о необходимости их дополнительного финансирования и присылке русских учителей¹⁶. Так, П. М. Власов доносил В. Н. Ламздорфу о том, что Россия должна взять на себя ру-

* Императрица Мария Александровна (1824–1880) – жена императора Александра II (1855–1881).

ководство народным образованием в Черногории с целью закрепления духовной связи с черногорским народом, развития его просвещения, как для поднятия престижа России на Балканах такими образцовыми образовательными учреждениями, как Женский институт в Цетинье, так и для устранения австрийского и итальянского влияния в регионе и укрепления русского влияния путем обучения молодежи в русских традициях и русскими учителями¹⁷.

Несмотря на эти значительные доводы, финансирование Института так и не было увеличено. Граф С. Ю. Витте (1849–1915), министр финансов России в 1892–1903 гг., посчитал, что «оказываемые нами княжеству Черногорскому восполнения..., и без того уже достают весьма крупных размеров», так что на предложенные П. М. Власовым новые пособия (единовременные – в размере 147 тыс. руб., и ежегодные – по 125 тыс. руб., или не менее 85 тыс. руб. в год) министр финансов «не нашел возможным изъять согласие»¹⁸.

В связи с тем, что финансирования Женскому институту действительно не хватало, а желающих здесь обучаться было очень много, Институт стал принимать часть учениц на платной основе. Несмотря на то, что по институтскому уставу, полученному 12 апреля 1873 г. и утвержденному князем Николаем, это учебное заведение было рассчитано на 30 воспитанниц, из которых 20 состояли на полном содержании Института, а 10 были своекоштными с платой 200 гульденов в год¹⁹, по смете Института за 1900–1901 гг. мы видим, что здесь обучалось 70 воспитанниц, из которых 47 были на платной основе²⁰.

Для бесплатных воспитанниц был устроен специальный конкурс: «поступающая должна [была] уметь читать по-сербски, знать некоторые молитвы, цифры и счет до ста»²¹.

Для того, чтобы подготовить юных черногорок к поступлению в Институт, в Цетинье в 1872 г. открылась государственная женская основная (начальная – Н.С.) школа, в которой было только два класса, и в ней девочки воспитывались по большей части как домашние хозяйки. Лучшие из этих учениц впоследствии принимались в Женский институт²².

Высшее образование в Черногории получить было сложно, оно давалось лишь в Богословско-учительской школе, программу которой стали постепенно доводить с 4-хклассной до 8-миклассной – с 1889–1890 гг. Однако уже в 1898 г. черногорское правительство

пришло к заключению, что Богословско-учительская школа «не удовлетворяет воспитательным нуждам страны», прекратило прием воспитанников в начальные классы, и тем самым встало на путь закрытия единственного в стране высшего учебного заведения²³. Видимо, черногорский князь посчитал более выгодным посылать черногорцев учиться за границу – в Австро-Венгрию, Италию, Францию и Россию, где они получали главным образом медицинское и военное образование²⁴.

С самого своего открытия в 1869 г. Богословско-учительская школа давала хорошее среднее образование. Возвращаясь после своего визита из России в 1868 г. в Черногорию, князь Никола проезжал через Вену. Здесь он обратился к протоиерею церкви при русском посольстве Михаилу Федоровичу Раевскому (1811–1884) с просьбой найти человека для заведывания Богословской школой в Черногории. Отец Михаил указал князю на Милана Костица – человека с отличными образованием и репутацией. Окончив духовную семинарию в Карловцах, по рекомендации М. Ф. Раевского Костиц был принят в духовную академию в Киеве, где окончил курс со степенью магистра²⁵. Впоследствии Костиц, совместно с Раевским, составил учебный план и устав заведения и стал ректором Богословско-учительской школы в Цетинье.

Как рассказывает П. А. Ровинский, сюда принимались на основании экзамена лучшие ученики из окончивших четыре класса основной школы, которым уже исполнилось 16 лет. Здесь, наряду с сербским, изучались и русский, и славянские языки, а также история, общая и отечественная география, математика, физика, педагогика; антропология с физиологией; диетика и экономия (сельское хозяйство), а также весьма полезные предметы – земледелие, садоводство, огородничество, виноградарство, пчеловодство и правила ухода за шелковичными червями; помимо этого, ученики обучались церковному пению²⁶.

В своей книге «Школы в Черногории с древнейших времен до настоящего времени», изданной в Панчево в 1876 г., М. Костиц писал о прилежании и усердии своих учеников: «Чем больше они читали и знакомились с тем, что делалось у других народов Европы, тем более сознавали, как во всем отстало их отечество и как поэтому они должны трудиться, чтобы сколько-нибудь подвинуть вперед умственное развитие своего народа»²⁷. Некоторые выпускники шко-

лы потом посылались на учебу в Россию. По окончании трехлетнего курса они становились либо учителями основной школы, либо помощниками священников, по крайней мере, на два года, после чего могли сами быть священниками²⁸.

По мнению русского военного агента в Черногории Н. М. Потапова*, для России более выгодным было бы открывать учебные заведения в Черногории, нежели принимать черногорцев на обучение в России, откуда не все хотели возвращаться обратно на родину. Также Потапов сталкивался с недоброжелательным отношением к России черногорцев, окончивших западноевропейские учебные заведения. Военный агент видел спасение в открытии в Черногории кадетского корпуса с русским воспитателем²⁹. Впоследствии такой корпус был открыт в 1911 г. под руководством В. Н. Егорьева**, однако уже через год в связи с началом Первой Балканской войны 26 сентября (9 октября) 1912 г. он был закрыт. В здании кадетского корпуса было размещено отделение русского Красного Креста. Вскоре Красный Крест занял и здание Женского института, а сам институт был окончательно закрыт в 1913 г. по приказу короля Николы. Есть мнение, что король Никола сделал это в пику России за то, что она не отстаивала интересы Черногории во время Скадарского кризиса*** и

* Потапов Николай Михайлович (1871–1946) – полковник Генерального штаба, русский военный агент в Черногории с 1903 по 1915 гг. Был направлен в Черногорию для модернизации черногорской армии, выполнял и дипломатические функции, следил за расходованием русской военной субсидии.

** Егорьев Владимир Николаевич (1869–1948) – полковник Генерального штаба, российский и советский военачальник, командующий фронтом во время Гражданской войны 1917–1922/1923 гг. С 1910 по 1914 гг. состоял при Генеральном штабе. В 1910–1913 гг. был командирован в Черногорию, где занимал важные посты в армии: главный начальник военно-учебных заведений, генерал-инспектор народного образования, командир кадетского корпуса.

*** Во время Первой Балканской войны, длившейся с середины октября 1912 г. до 23 апреля 1913 г., черногорская армия штурмовала турецкий город Скадар (Шкодер, Скутари). Штурм не удался, и черногорская армия предприняла длительную блокаду, длившуюся непрерывно полгода. Во время перемирия Османской империи с Балканским союзом Черногория продолжала блокировать город. Бои под Шкодером взволновали Францию, Австро-Венгрию, Германию и Великобританию. Эти государства потребовали у Черногории снять осаду города, на что та ответила отказом. В ответ великие державы ввели в Адриатическое море свои суда, объявив о морской блокаде Черногории (демонстрация судов великих держав).

Несмотря на это, 23 апреля черногорские войска в результате переговоров с турецким гарнизоном города вошли в Шкодер. Никола I Петрович лично поднял флаг

позволила великим державам допустить демонстрацию флота у берегов Черногории, заставив тем самым черногорцев уступить город Скадар – заветную мечту черногорского короля³⁰.

Отдельная тема – обучение черногорцев в России. Практика приема черногорской молодежи в русские учебные заведения существовала еще с XVIII в., причем для обучения в Россию приезжали не только молодые люди, но и девушки. Так, 5 дочерей князя Николы – Любица (Зорка) (1864–1890), Милица (1866–1951), Анастасия (Стана) (1867–1935), Мария (1879–1885) и Елена (1873–1952) проходили обучение в Смольном институте в Петербурге. Здесь они столкнулись с суровым климатом и тяжелыми условиями институтской жизни, о чем можно узнать из воспоминаний бывших «смолян» – А. Н. Энгельгардт и Е. Н. Водовозовой. Институтки недоедали и постоянно страдали от холода³¹. В таких условиях многие «смолянки» не выдерживали – они часто болели и даже умирали. Так случилось и с черногорской княжной Марией, скончавшейся в 1885 г. в Петербурге в шестнадцатилетнем возрасте.

Черногорские княжны были отправлены обучаться в Россию не случайно – в планах князя Николы было выдать своих дочерей замуж за представителей дома Романовых, поэтому он не оставил их на родине, где они могли бы учиться в Женском институте. Планы Николы осуществились: в 1889 г. состоялись свадьбы Милицы Николаевны Петрович-Негош и Петра Николаевича Романова (1864–1931) и Анастасии Николаевны Петрович-Негош и Георгия (Юрия) Романовского (1852–1912), 6-го герцога Лейхтенбергского. При объявлении о бракосочетаниях Александром III и был произнесен знаменитый тост за «единственного искреннего и верного друга России», о котором говорилось выше. Отметим, что мужьями черногорских принцесс стали двоюродные братья русского императора. Эти бракосочетания имели большое значение для Черногории и правящей династии Петровичей-Негошей, подняв ее престиж на международный уровень и укрепив ее авторитет как в черногорском народе, так и среди других югославян³².

Черногории над Шкодером. Взятие города ознаменовало окончание боевых действий между Черногорией и Турцией, и 30 мая того же года был подписан мир (см. «Пороховой погреб» Европы. М., 2000.).

Став русскими великими княгинями, Милица и Стана не забывали своих черногорских корней. Так, в Черногории существовал «Детский сад великой княгини Милицы Николаевны», который спонсировался лично ею³³. Как пишет П. А. Ровинский, изначально детский сад был открыт для бедняков, которые без дела «шатались» по улицам Цетинье, но вскоре он приобрел добрую славу и туда стали поступать дети из зажиточных и чиновничьих семей. Детей здесь обучали следить за другими детьми, ухаживать за садом, петь, рисовать, шить и заниматься разнообразным ручным трудом³⁴.

Приведенные факты и изученные документы показывают, что на протяжении рассматриваемого периода Россия активно участвовала в организации и развитии системы образования Черногории – как открывая учебные заведения с русскими учителями в Цетинье, так и принимая черногорских студентов в свои учебные заведения, стремясь, таким образом, воспитывать прорусски настроенную молодежь. Образование молодых черногорцев и черногорок служило, по замыслам организаторов этого процесса, мостиком в южнославянский мир, благодаря которому Россия могла закрепить на Балканах свое влияние.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 146 – Славянский стол. Оп. 495. Д. 9152 – Черногория. Пособие от русского правительства. Л. 169–173 – Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П. А. Ровинского. 1908 г.; также см. подробнее: *Jovanović R. Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // Le Montenegro dans les relations internationales. Titograd, 1984. С. 15–55; Хитрова Н. И. Предисловие к сборнику документов «Н. М. Потапов Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.»*. Т. I. Подгорица-М., 2003. С. 15–25; *Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах*. Ч. I. М., 1993. С. 111–125; *Бобовић-Распоновић С. Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош // Династија Петровић-Његош*. Т. II. Подгорица, 2002. С. 407–412.

² *Хитрова Н.* Предисловие к сборнику документов «Н. М. Потапов...». С. 23.

³ *Vitte С. Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллин-М., 1994. Т. I. С. 464.

⁴ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074 – Вопрос о принятии на себя императорским правительством попечения над народным образованием в Черногории, а равно и учреждения там русских больниц. 1901 г. Л. 2 об.–3.

⁵ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 37. (Письмо министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа министру финансов России С. Ю. Витте 28 сентября 1901 г.)

⁶ *Гуськова Е. Ю.* Романовы – Петровичи: пример исторической дружбы на фоне политического прагматизма // *Династија Петровић-Његош*. Т. I. Подгорица, 2002. С. 290.

- ⁷ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 29 об. – Фактические данные о народном образовании в Черногории. 1901 г. (Секретная депеша д.с.с. П.М.Власова министру иностранных дел России В.Н.Ламздорфу № 84. 7 августа 1901 г.)
- ⁸ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. Пгг., 1915. С. 285.
- ⁹ *Вульфсон Э.С.* Черногория и черногорцы. М., 1909. С. 150–151.
- ¹⁰ Там же. С. 152; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория... Ч. 1. С. 111–125.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 7–10, Л. 13–13 об.; *Горталов Н.К.* Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1901 года. Казань, 1903. С. 9; *Князь Голицын Дм.* У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898. С. 98; *Кулаковский П.* Юбилей князей Негошей в Черногории. 1696–1896 г. М., 1896. С. 80; *Россиев П.А.* Гнездо орлов. М., 1914. С. 36.
- ¹² АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 13 (Секретная депеша посланника в Черногории д.с.с. П.М.Власова министру иностранных дел России В.Н.Ламздорфу № 84. 7 августа 1901 г.)
- ¹³ *Ровински П.А.* Девојачки институт Царице Марије на Цетињу. Цетиње, 2000. С. 5.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 17 об.; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 669 – Великая княгиня Милица Николаевна Романова. Оп. 1. Д. 98 – Учебный план (программа) школы для девочек в Цетиње (Черногория) на сербском языке, типографический экземпляр. 1880. Л. 1–6.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 9. (Благодарю за предоставленную цитату М. Д. Жоголеву, соискателя Института славяноведения РАН.)
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074, Д. 9152.
- ¹⁷ Там же. Д. 9074. Л. 1–53 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 43–43 об. (Письмо С.Ю.Витте В.Н.Ламздорфу от 31 октября 1901 г.)
- ¹⁹ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 316.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 17–18. (Фактические данные о Мариинском Женском институте в Цетиње. 1901 г. (Секретная депеша д.с.с. П.М.Власова министру иностранных дел России В.Н.Ламздорфу № 84. 7 августа 1901 г.)
- ²¹ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 317.
- ²² *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 2001. С. 257.
- ²³ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 19 об.–20.
- ²⁴ Там же. Л. 20 об.
- ²⁵ *Ровинский П.А.* Указ. соч. С. 287.
- ²⁶ Там же. С. 289.
- ²⁷ *Костић М.* Школе у Црној Гори од најстаријих времена до данашњег доба. Панчево, 1876. С. 217.
- ²⁸ Там же. С. 228; *Ровинский П.А.* Указ. соч. С. 298.
- ²⁹ Из отчета Н.М. Потапова о своей деятельности в Черногории с 9(22) августа по 1(14) ноября 1904 г., об отношении к России различных групп черногорского общества и о мерах к усилению российского политического влияния. 29 октября (11 ноября) 1904 г. Цетиње // Потапов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Т. I. Подгорица-М., 2003. С. 168.
- ³⁰ *Содомов А.И.* Черногория. М., 1917. С. 8.
- ³¹ *Водовозова Е.Н.* На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008. С. 229; *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени // Там же. С. 135–144.
- ³² *Шкеровић Н.П.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 29.
- ³³ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 442.
- ³⁴ Там же. С. 443–445.

П. А. Искендеров

(Институт славяноведения РАН, Москва)

РОССИЯ И СЕРБО-АЛБАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (начало XX в.)

В эволюции политики России по различным аспектам развития сербо-албанских отношений, а в более широком плане – по проблеме Албании – можно выделить несколько ключевых этапов. Впервые данные сюжеты оказались в фокусе пристального внимания российской дипломатии во время Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. и особенно в период его международно-правового урегулирования. Именно албанская проблема стала одним из важнейших узлов противоречий не только регионального, но и общеевропейского масштаба. Упомянем, в частности, что даже секретное Рейхштадтское соглашение России и Австро-Венгрии, заключенное 8 июля 1876 г. по итогам свидания российского императора Александра II и министра иностранных дел князя А. М. Горчакова с их австрийскими коллегами Францем Иосифом и Д. Андраши в Рейхштадтском замке в Чехии, оказалось составленным таким образом, что русская и австрийская записи различались как раз применительно к албанским делам. В частности, согласно записи Андраши, Албания должна была стать автономной провинцией Османской империи наравне с Болгарией и Румелией. В русской же версии упоминание об Албании отсутствовало¹. Не прояснила ситуацию насчет Албании и подписанная 15 января 1877 г. в Будапеште еще одна секретная русско-австрийская конвенция, а также подписанная 18 марта того же года, но датированная также 15 января дополнительная конвенция². Последний документ особо оговаривал «ожидаемые результаты предстоящей войны»³.

После завершения работы Берлинского конгресса и вызвавшего немало проблем воплощения в жизнь его решений касательно территориального разграничения балканских соседей проблематика Албании и сербо-албанских отношений примерно на четверть века отошла

в деятельности российской дипломатии на второй план. Это было связано как с занятостью Петербурга другими проблемами, так и с произошедшим после разгрома турецкими властями албанской Призренской лиги спадом албанского национального движения. Ситуация кардинально изменилась в 1910–1911 гг. Регулярно вспыхивавшие все более мощные восстания албанцев против режима младотурок вкупе с активной поддержкой оружием, деньгами и добровольцами, оказывавшейся албанским лидерам Черногорией, привели к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России А. А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершалось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»⁴.

Что же касается политики Сербии, то она в тот период определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что ... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»⁵. А уже в начале марта 1913 г. Певческий мост получил из посольства Сербии в России послание, в котором была сформулирована позиция Белграда по проблеме сербо-албанского разграничения и содержалась прямая апелляция к политико-дипломатическому содействию со стороны России. В документе, написанном по-русски (орфография текста сохранена), говорилось, что «из известий некоторых посланников выходит, что не все довольно ясно и решительно сообщили решение правительства (Сербии – П.И.): что мы не покинем Долину Дебарскую, Джаково (Джяковица – П.И.) и Ипек с долиной Белого Дрима, не смотря какое будет решение великих держав. Из этих

краев может прогнать сербскую армию только более сильная армия. Эти края соединены неразделимо с Старой Сербией и разделены с Албанией высокими горами, которые представляют географическую и экономическо-коммуникационную границу между Старой Сербией и Албанией. Арнауты в этих краях по происхождению сербы и теперь еще говорят по-сербски и не имеют никакой связи с приморскими арнаутом. Ипек, Джаково и Призрен лежат в колыбели Старой Сербии и полны монастырей, церковей, школ и святынь сербских. Эти края освободила сербская армия большими жертвами и никто не может ее заставить уйти оттуда кроме иностранной армии и то только в том случае как уничтожит сербскую армию.

Заявите откровенно, что мы этим не угрожаем, что это не шантаж но что мы сообщаем по должности что не можем уйти из этих краев если такое будет решение великих держав. Мы принесли великие жертвы для одержания мира и для осуществления Албании. Больше их не можем приносить, пусть произойдет самая кровавая война.

Слова эти заявляем потому что кажется что великие державы не приняли это заявление так серьезно как мы его сделали»⁶.

Какие международно-правовые документы имели на руках великие державы и Сербия накануне нового раунда дипломатических – и не только – маневров вокруг Албании и сербо-албанского разграничения? Положение самого Албанского государства регулировалось документом о внутреннем устройстве Албании, принятым на 54-м по счету заседании Совещания послов великих держав в Лондоне 29 июля 1913 г. В его основе лежал австро-итальянский проект. Этот документ не признал ни решение о независимости Албании, принятое всеалбанским национальным конгрессом во Влёре 28 ноября 1912 г., ни образованное неделю спустя Временное албанское правительство во главе с Исмаилом Кемали, состоявшее из семи министров – мусульман и христиан⁷. К числу ключевых фигур кабинета Кемали, отвечавших, в частности, за организацию албанских правительственных войск, относились Риза-бей из Джяковицы и Иса Болетини, который незадолго до этого, отступая перед сербской армией, прибыл во Влёру через Люму⁸.

Между тем, на следующий день после провозглашения независимости, Исмаил Кемали направил телеграммы министрам иностранных дел ведущих европейских государств, а также Турции, в кото-

рых он проинформировал их о принятых во Влёре решениях и призвал признать албанскую независимость и защитить албанцев «от любого посягательства на их национальные права, а территорию от расчленения». В документе говорилось, что «албанцы, входящие в семью народов Восточной Европы и гордящиеся тем, что они являются ее древнейшим народом, преследуют только одну-единственную цель: жить в мире со всеми балканскими государствами и стать стабилизирующим началом в регионе». ⁹ В телеграммах, адресованных странам Балканского союза, содержались требования прекратить враждебные действия и вывести свои войска с албанских земель.

Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов оперативно проинформировал о решениях конгресса во Влёре российских дипломатических представителей в Белграде, Софии, Париже, Лондоне, Вене и Берлине. Он особо отметил важность того, чтобы Сербия в сложившейся непростой ситуации соблюдала осмотрительность в албанском вопросе и, в частности, отказалась от планов присоединения прибрежных областей Центральной Албании: «Сербы не должны ставить нас перед необходимостью публично отречься от солидарности с ними, поддерживая то, что мы считаем излишним» ¹⁰.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории с сохранением позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания управляющий сербским министерством иностранных дел М. Спалайкович встретился с Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября 1913 г.) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании», и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить беззащитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению – П.И.) оконча-

тельно еще не установленную»¹¹. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское правительство намеревается дать и на новое коллективное представление великих держав, чьи дипломаты в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции¹².

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения глава сербского кабинета Никола Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета; что и было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.: «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нареkania со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каковом смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обуславливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»¹³.

Тем не менее, сообщив о принятом на заседании кабинета решении российскому и французскому дипломатическим представителям, Спалайкович еще раз повторил оговорку о неизбежном, по мнению сербского правительства, возникновении новых беспорядков в Албании и о вероятном новом занятии сербскими войсками тех же позиций, что позволяло реально оценить отношение Пашича к принятому им самим решению. В самом деле, в тот же день австро-

венгерскому поверенному в делах в Белграде было заявлено не об очищении территории Албании, а об отводе сербских войск на правый берег реки Черный Дрин как на крайнюю возможную линию их отхода.

Это несоответствие было объяснено российскому представителю простым недоразумением, происшедшим вследствие того, что Спалайкович передал данное сообщение фон Сторку не лично, а через начальника политического отдела министерства иностранных дел. Однако последний в беседе со Штрандтманом подчеркнул, что в данном случае Спалайковичем была сделана сознательная попытка, во-первых, удовлетворить австро-венгерское правительство минимально уступкой из опасения навлечь на себя неудовольствие Пашича слишком поспешным решением вопроса, а во-вторых, вызвать затяжку времени в расчете на то, что какие-либо новые анти-сербские выступления албанцев убедят Международную разграничительную комиссию в необходимости изменить в пользу Сербии постановления лондонского совещания послов великих держав относительно сербо-албанской границы, в первую очередь в том, что касается Люмы.

В конце сентября – начале октября 1913 г. сербские власти в целом были мало озабочены реакцией и позицией Европы. Правительство королевства разрабатывало собственную далекоидущую стратегию в албанском вопросе, и она преследовала цель решать его отнюдь не только военными мерами. Российский поверенный в делах в Сербии Штрандтман, имевший неоднократные беседы со Спалайковичем, передал тогда в МИД России изложение той программы, которую решил взять на вооружение кабинет Пашича.

По свидетельству дипломата, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие крупному албанскому землевладельцу и военачальнику Эссад-паше Топтани, боровшемуся против правительства Исмаила Кемали, поставив условием получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего приращения сербской территории.

Сообщив Штрандтману о планах сербского правительства использовать Эссад-пашу, Спалайкович стал убедительно просить его сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Санкт-Петербург, из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. От самого Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидал военного разгрома и изгнания находящегося во Влёре албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Исы Болетини, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен будет признать суверенитет турецкого султана и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупируют уступленную территорию под предлогом временного нахождения там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паши. Наконец, после укрепления своих позиций внутри страны, Эссад-паша должен будет провозгласить себя албанским князем.

В ответ Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется его страна в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступят против подобной политики. В ответ управляющий сербским министерством иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове; что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию»¹⁴. Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение, закончившееся взятием Дебара, могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они нахо-

дились на прежних стратегических позициях в глубине албанской территории; согласившись, однако, со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защищенность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства, откуда он вслед за этим получил две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел А. А. Нератовым, в которых говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном характере сообщения, последний успел поделиться своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также и с итальянским дипломатическим представителем в Белграде, который немедленно поставил в известность свое правительство; причем управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссадпаши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, так же как и в отношении вооруженных сил – вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии¹⁵. Кроме того, по словам товарища министра, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных длительным политическим кризисом и стремящихся к водворению прочного мира»¹⁶.

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог

бы иметь гибельные последствия, прежде всего, для нее самой, и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия»¹⁷. Что же касается сообщений итальянского поверенного в делах, то, по словам Спалайковича, сербское правительство уже сделало официальные заявления здешнему итальянскому, а также австро-венгерскому представителям, что Сербия действовала и в будущем будет действовать лишь оборонительными методами, не имея намерения захватывать чужие территории и уважая постановления Лондонского совещания. По мнению Спалайковича, выразившего российскому представителю свое глубокое сожаление по этому поводу, речь шла либо о недоразумении, заключавшемся в недостаточной информированности поверенного в делах Италии в Санкт-Петербурге о миролюбивой позиции Сербии, либо о его сознательной попытке таким путем выяснить отношение самой России к албанской проблеме¹⁸.

В данных обстоятельствах российский поверенный в делах, получивший, кроме того, секретную телеграмму российского посла в Париже А. П. Извольского, в которой сообщалось о переданных сербскому представителю в этой стране М. Весничу министрами иностранных дел России и Франции С. Д. Сазоновым и С. Пишоном настоятельных советах выполнить требования держав Тройственного союза, немедленно связался с главой сербского кабинета Пашичем и рекомендовал ему изыскать какой-либо иной способ защиты сербской территории от албанских вторжений, без занятия стратегических пунктов. Пашич с пониманием встретил указание российского представителя и пообещал обсудить этот вопрос с главнокомандующим сербской армии воеводой Путником. Но прежде чем Пашич успел сообщить о данной беседе другим членам сербского руководства, поверенный в делах Австро-Венгрии в Белграде вручил 18 октября главе сербского кабинета ультиматум своего правительства, в котором Сербии предлагалось в восьмидневный срок очистить албанскую территорию, под угрозой принятия Австро-Венгрией более решительных мер в случае неудовлетворительного ответа¹⁹. Вслед за этим министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд пригласил к себе сербского посланника в Вене и категорически заявил ему, что монархия Габсбургов предпримет самые решительные действия против Сербии «в случае оставления хотя бы одного сербского солдата вне определенной конференцией границы»²⁰.

Ультиматум привел в сильное возбуждение правительственные круги Сербии. Ряд членов кабинета высказались за категорическое отклонение требований Австро-Венгрии. Однако в итоге возобладала более умеренная позиция главы правительства. Посетив российскую миссию сразу после заседания Совета министров, Пашич сообщил, что кабинет принял решение вывести из Албании сербские гарнизоны, подчиняясь в данном случае не угрозам со стороны монархии Габсбургов, а исключительно благожелательным советам России. При этом Пашич пояснил, что гарнизоны будут переведены на сербскую сторону пограничной линии и размещены с таким расчетом, чтобы при первом же появлении с албанской стороны вооруженных отрядов последние могли бы быть подвергнуты массированному удару сербских войск. Одновременно председатель Совета министров сообщил, что его правительство решило в самое ближайшее время обратиться к европейским державам с настоятельной просьбой о скорейшем создании в Албании международной полиции и жандармерии, которые явятся существенной гарантией спокойствия на сербо-албанской границе²¹.

Согласно извещению сербского верховного военного командования, к десяти часам утра 25 октября 1913 г. – то есть на двадцать четыре часа ранее установленного ультиматумом срока – сербские войска полностью покинули албанскую территорию²².

Кризис вокруг австрийского ультиматума стал не первым в рассматриваемый период, когда российский фактор сыграл во многом ключевую роль в стабилизации обстановки в Сербии и вокруг нее. Так, еще в мае 1913 г. в сербской Народной скупщине разразились острые дебаты по поводу внешней политики кабинета Пашича, в ходе которых депутаты от оппозиции потребовали от правительства занять более решительную позицию в отношении территориальных и иных требований Болгарии²³. Спустя некоторое время, 30 июня, на заседании скупщины депутаты от Либеральной партии прямо обвинили Пашича и его правительство в чрезмерной уступчивости в том, что касалось сербо-болгарских отношений, и одновременно осудили позицию по указанному вопросу России, которая, по их мнению, всегда покровительствовала Болгарии в ущерб Сербии²⁴.

Однако предполагавшийся многими парламентский кризис разразился позднее – в декабре 1913 г., а именно 26 декабря. Тогда оппозиционные партии, выступавшие против введения в присоединенных к Сербии по итогам Балканских войн областях положений от-

дельного «Указа» вместо распространения на них действия конституции, устроили антиправительственную обструкцию на заседании, обсуждавшем ряд статей государственного бюджета, в связи с чем работа высшего законодательного органа страны была прервана до 29 декабря²⁵.

Другим важным пунктом, по которому оппозиционные партии подвергли критике кабинет Пашича, был вопрос о Восточной железной дороге. Они, а также некоторые министры в самом правительстве, находили более отвечающим экономическим и политическим интересам Сербии приобретение в собственность того участка линии, который проходил по сербской территории, в то время как сам Пашич и его ближайшие советники считали подобный путь в сложившихся политических условиях трудноосуществимым, и в связи с этим согласились на выдвинутое группой французских финансистов предложение об интернационализации дороги²⁶.

В принципе, правительство Пашича, используя голоса депутатов-старорадикалов, могло получить необходимый для работы кворум и добиться принятия данного законопроекта без участия в заседании депутатов от оппозиционных партий. Тем не менее, кабинет Пашича принял решение уйти в отставку, будучи уверенным, что ни одна из оппозиционных партий не сумеет образовать работоспособное правительство, а на новых выборах старорадикалы получают подавляющее большинство голосов избирателей²⁷.

Сразу после объявления перерыва в работе скупщины Пашич посетил посланника России в Белграде Гартвига и изложил ему свои соображения относительно будущего возглавляемого им кабинета. На замечание российского дипломата о серьезной опасности осуществления вышеуказанной комбинации в условиях отсутствия политической стабильности в стране и на Балканах в целом, Пашич, в принципе согласившись с подобными опасениями, подчеркнул, что, принимая решение об отставке, его правительство руководствовалось следующими соображениями. Во-первых, с точки зрения интересов Сербии, сознательное допущение внутривнутриполитических осложнений именно в данное время представляется более безопасным шагом, нежели осуществление этого плана весной будущего года, когда резко возрастет вероятность разного рода внешнеполитических осложнений. Во-вторых, новый кабинет, если он будет сформирован усилиями оппозиции, в первую очередь, младорадикалов и напредняков, будет, по его мнению, неукоснительно следовать нынешнему

внешнеполитическому курсу Сербии. По словам Пашича, решение о необходимости отставки будет принято после всестороннего обсуждения данного вопроса в Совете министров, а непосредственным предлогом должно послужить прошение об отставке, поданное военным министром генералом М. Божановичем, ввиду отказа правительства утвердить представленную им смету военных расходов²⁸.

На заседании скупщины 29 декабря 1913 г., несмотря на демонстративное отсутствие всех депутатов от оппозиционного блока, правительству Пашича удалось собрать необходимый кворум и провести через парламент законопроект о государственном бюджете, который получил одобрение 85 депутатов при одном голосе «против»²⁹. Однако после окончания заседания представители трех оппозиционных партий (Либеральной, Младорадикальной и Напредняцкой) имели беседу с Пашичем, в ходе которой поставили его в известность, что они будут неукоснительно придерживаться избранной ими тактики обструкций, направленной на срыв нормальной работы законодательного органа³⁰. В этих условиях, на следующий день, 30 декабря, утром, старорадикальный кабинет Пашича подал королю прошение об отставке. Сразу вслед за этим шагом Пашич побывал в российской дипломатической миссии, где сообщил Гартвигу о принятом решении³¹. К этому моменту российский посланник уже имел на руках секретную телеграмму Сазонова, датированную 29 декабря, в которой министр иностранных дел России аргументировал позицию российского правительства, считавшего желательным сохранение у власти кабинета Пашича. Сазонов отмечал, что в МИД России полностью разделяют опасения самого Гартвига относительно оставления Пашичем своего поста при далеко еще не выяснившейся внешнеполитической обстановке. По его словам, существовала реальная опасность возникновения на Балканах новых осложнений, которые могли потребовать использования политического опыта и выдержки главы Старорадикальной партии, которые сыграли свою позитивную роль в событиях осени 1913 г., связанных с ультиматумом Австро-Венгрии, и не позволили произойти непоправимым для самой Сербии событиям³².

Пашич был глубоко тронут высокой оценкой его деятельности на посту главы сербского правительства, однако он твердо заявил Гартвигу, что обязан подать в отставку в силу конституционного порядка, но что вопрос о власти тем не менее еще не решен, ибо окончательное заключение будет зависеть от короля. Пашич проци-

тировал российскому посланнику текст представленной им королю Петру докладной записки, в которой намечался оптимальный, с его точки зрения, выход их создавшегося положения: «В случае желаяния Его Величества оставить у власти правительство, пользующееся доверием большинства народных представителей, представлялось бы необходимым распустить скупщину и назначить новые выборы»³³. Со своей стороны Гартвиг рекомендовал Пашичу довести содержание вышеуказанной телеграммы Сазонова до сведения короля, с которым у него была назначена аудиенция на 4 часа в тот же день³⁴.

В ходе данной аудиенции король Петр заявил Пашичу, что лично он испытывает по отношению к нему доверие и желает оставить у власти его кабинет. Тем не менее, согласно конституции, он должен обсудить вопрос о формировании нового правительства с лидерами оппозиционных партий³⁵.

В результате переговоров король, на основании сделанного им вывода о невозможности для оппозиции образовать работоспособный кабинет, поручил Пашичу продолжать исполнять обязанности председателя Совета министров. Король также предоставил ему право ходатайствовать о роспуске данного состава скупщины, если оппозиция не изменит своей тактики после возобновления парламентской сессии. Встретившись затем с российским посланником в Белграде, Пашич настоятельно просил его передать Сазонову искреннюю признательность за высокую оценку своей деятельности³⁶.

3 января 1914 г. кабинет Пашича, после обсуждения вопроса в Старорадикальном клубе и на заседании совета министров, принял окончательное решение продолжать функционировать в своем полном составе, за исключением военного министра, вопрос о преемнике которого должен был быть решен дополнительно³⁷.

На заседании скупщины 4 января, несмотря на продолжавшееся отсутствие депутатов от оппозиции, 88 голосами против 1 был утвержден предложенный правительством законопроект о государственном бюджете, а также об ассигнованиях, необходимых ему на обустройство новых областей. Вслед за этим в работе высшего законодательного органа страны был объявлен перерыв до 4 февраля 1914 г.³⁸.

Тем не менее, еще до возобновления заседаний скупщины, политическая обстановка в стране вновь осложнилась. Это было связано с обсуждением вопроса об отставке военного министра Сербии ге-

нерала М. Божановича, последовавшей, как уже говорилось, вслед за отказом со стороны правительства удовлетворить его запрос о выделении дополнительных ассигнований на военные нужды³⁹. Целый ряд высших военных руководителей отказались занять предложенный им пост главы военного ведомства из чувства солидарности с Божановичем, а также полагая, что военное министерство не сможет нормально функционировать при отсутствии дополнительных военных кредитов⁴⁰. 17 января 1914 г. король провел чрезвычайные переговоры с последним из предложенных кабинетом кандидатов – полковником Душаном Стефановичем, являвшимся во время первой Балканской войны командующим сербских дивизий, действовавших в районе Адрианополя⁴¹. К этому времени обстановка сложилась таким образом, что отказ Стефановича возглавить министерство с урезанными правительственными субсидиями автоматически повлек бы за собой отставку всего кабинета и вероятное формирование коалиционного правительства⁴². Однако после аудиенции у короля и беседы с Пашичем полковник Стефанович согласился занять пост военного министра, и таким образом вероятность нового правительственного кризиса была, по крайней мере на время, устранена⁴³.

Сообщая в российское министерство иностранных дел о причинах внутривосточного кризиса в Сербии, Гартвиг подчеркнул, что по имеющимся у него сведениям, в его основе лежали старые чисто партийные разногласия, стихшие во время Балканских войн, а сейчас вспыхнувшие с новой силой. Либералы, напредники и младорадикалы (самостальцы) были уверены, что с успешным окончанием войн должно было само собой прекратиться единоличное и полномочное политическое господство старорадикалов, что последние, «не имея в своей среде достаточного контингента опытных людей для занятия многообразных должностей в присоединенных к Сербии новых краях, – поневоле прибегнут к содействию других политических групп; что таким образом постепенно будут сглаживаться существующие между партиями разногласия по делам внутренней политики, и что это, в свою очередь, поведет сначала к образованию коалиционного правительства, а затем, при благоприятных обстоятельствах, произойдет быть может и столь желанное для Сербии слияние четырех партий в две сильные политические группы»⁴⁴. Эти надежды разделял и Пашич, который не только допускал сотрудничество с оппозиционными партиями, но равным образом «считал неминуемой коренную переоценку существующих в Сербии плат-

форм»⁴⁵. Однако он, в отличие от них, считал, что к внутривнутриполитическим преобразованиям следовало приступать лишь после окончательного разрешения внешнеполитических вопросов, в то время как вся оппозиция стремилась «ныне же занять равное со старорадикалами положение и принять участие не только в совместном обсуждении вопросов нынешней политики, но и переустройстве всех отраслей государственного управления на новых началах»⁴⁶.

Очередное обострение политической обстановки в Сербии произошло в мае 1914 г., когда отношения между правительством Пашича и оппозиционными партиями вновь осложнились на почве внутренней ситуации в стране и, в частности, в присоединенных областях. Пашич вновь заявил о своем намерении подать в отставку, но на некоторое время воздержался от осуществления данного шага, во многом под влиянием неоднократных консультаций с Гартвигом, который указывал ему на то неблагоприятное впечатление, которое произведет на российское правительство его уход в отставку до окончательного разрешения важных вопросов, связанных с международным положением Сербии⁴⁷.

Тем временем ситуация в скупшине еще более накалилась. Резкие взаимные обвинения, которыми в ходе заседаний обменивались депутаты, представлявшие различные политические партии, привели к оформлению оппозиционного блока (ядро которого составили младорадикалы, сплотившие вокруг себя представителей других групп), решившего продолжать бороться с правительством испытанным методом обструкций, покидая зал при открытии каждого заседания, начиная с 22 мая 1914 г. Формально у правительства имелся достаточный для работы кворум, но его незначительность создавала угрозу срыва работы парламента в любой момент. Потерпев неудачу в своих попытках 22–23 мая добиться компромиссного решения с руководителями оппозиционных фракций, Пашич принял решение предложить королю распустить скупшину и назначить новые парламентские выборы, предоставив ему право решать, какое правительство будет функционировать в стране на период выборов – нынешнее во главе с Пашичем или коалиционный кабинет, образованный оппозиционным блоком. Однако, в любом случае, проведение выборов в этот период встретило бы серьезные затруднения чисто практического свойства в Сербии как аграрной стране из-за наступления сезона полевых работ⁴⁸.

В последующие дни оппозиционные партии продолжали прибегать к обструкциям, блокировавшим нормальную деятельность скупщины, в результате которых, после неоднократных попыток организовать работу парламента с имевшимся у правительства абсолютным большинством в два голоса, Пашич вынужден был прекратить свои усилия, и 2 июня 1914 г. он подал королю письменное прошение об отставке всего кабинета⁴⁹.

Переговоры короля с лидерами парламентских фракций продолжались более недели. Первым на аудиенцию был приглашен председатель скупщины, член Старорадикальной партии А. Николич, который категорически отказался от формирования кабинета из членов своей партии и указал королю на желательность призвания к власти оппозиционного блока как на лучший выход их создавшегося затруднительного положения. Аналогичные заявления в смысле отказа от создания правительства были сделаны также лидерами Напреднячкой и Либеральной партий. Иную позицию заняли младорадикалы. Они выразили готовность силами своей партии образовать новый кабинет, тем самым произвольно нарушив планы оппозиционного блока создать коалиционное правительство. Король согласился предоставить право образования нового правительства Сербии младорадикалам, но поручил их лидеру Л. Давидовичу предварительно представить на его рассмотрение политическую программу будущего кабинета. В ходе рассмотрения данной программы король нашел ее несостоятельной и в результате принял решение вновь призвать к власти Пашича, который, восстановив свой кабинет в прежнем составе, получил одновременно согласие на роспуск скупщины и проведение досрочных парламентских выборов⁵⁰. В течение нескольких дней скупщине удалось, в условиях продолжающейся обструкции, используя голоса депутатов-старорадикалов, присутствовавших в полном составе, принять ряд не терпящих отлагательства законопроектов, в том числе закон о дополнительных кредитах на военные нужды, без которых военное министерство оказалось бы в крайне затруднительном положении⁵¹. На последнем заседании парламента, состоявшемся 24 июня 1914 г., был зачитан указ короля о роспуске скупщины, о назначении новых парламентских выборов на 14 августа и о созыве чрезвычайной сессии нового состава высшего законодательного органа Сербии 23 сентября 1914 г.⁵².

Говоря о внутренней ситуации в стране, необходимо отметить, что в целом положительным для Сербии следствием балканского

кризиса явился поворот в общем политическом мировоззрении ряда сербских политических кругов. Так, партия напредняков (прогрессистов), являвшаяся особенно сильной и влиятельной в конце XIX в., в период правления короля Милана Обреновича, традиционно выступала главным проводником австро-венгерского влияния в стране, полагая, в противовес старорадикалам, всегда опиравшимся на Россию, что Сербия сможет достичь осуществления своих национальных идеалов лишь при покровительстве Австро-Венгрии. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. нанесла серьезный удар по позициям напредняков, которые, однако, возложили всю ответственность за этот акт на Россию, «предавшую обе провинции в руки соседней монархии Рейхштадтским соглашением»⁵³.

В период балканского кризиса все оппозиционные партии, в том числе и напредняки, отодвинув на второй план партийные разногласия, объединились вокруг старорадикального правительства, на долю которого выпала основная ответственность. Одновременно каждая из партий внимательно следила за декларациями и действиями великих держав. В ходе балканских событий выявился кризис внешнеполитической ориентации напредняков, которым Австро-Венгрия, по словам российского посланника в Сербии Гартвига, «безрассудным поведением нанесла второй и на сей раз роковой удар, оттолкнув от себя своих последних горячих приверженцев»⁵⁴.

В результате после Балканских войн в политической жизни Сербии практически исчезло организованное австрофильское направление. Партия напредняков отказалась от своего прежнего курса и приняла решение ориентироваться отныне на Россию. Это обстоятельство могло иметь чрезвычайно важное значение для политического будущего страны, ибо оно, как обоснованно писал Гартвиг, «открывает путь сначала к сближению, а затем быть может и к полному слиянию под знаменем русофильства двух самых выдающихся и наиболее влиятельных в стране политических партий»⁵⁵.

Первый шаг в этом направлении был уже сделан в интересующий нас период. Понимая необходимость «несколько оживить свою партию, застывшую на устаревших формах внутренней политики, не отвечающих новым создавшимся последними событиями условиям государственной жизни», Пашич обратился к Гартвику с просьбой организовать ему встречу со вторым лидером партии прогрессистов П. Маринковичем, чтобы обсудить с ним, «под благословением рус-

ского представителя», принципиальные вопросы, связанные с достижением возможного соглашения между двумя партиями⁵⁶. Российский представитель дал на это обращение утвердительный ответ, и в середине июня 1914 г. в помещении российской миссии в Белграде состоялась встреча Пашича и Маринковича. В результате переговоров оба политических деятеля пришли к заключению, что «при доброй воле с той и другой стороны покончить с закоренелыми предубеждениями, сближение обеих партий вовсе не представляет непреодолимых трудностей»⁵⁷.

Главное противоречие между двумя партиями заключалось в их различном подходе к структуре государственной власти в Сербии. Старорадикалы всегда отстаивали существование в Сербии однопалатной системы народного представительства, а напредняки являлись сторонниками двухпалатной системы, настаивая на учреждении в стране верхней палаты, которая могла бы регулировать «безапелляционные и порой совсем несуразные» решения скупщины⁵⁸. По этому поводу Пашич подчеркнул, что, «ввиду изменившихся условий и знаменательного расширения пределов королевства, в среде его партии за последнее время стало преобладать мнение, согласное со взглядами напредняков, и что посему вопрос о двухпалатной системе может быть решен в утвердительном смысле»⁵⁹.

В ходе дальнейшей дискуссии собеседники обсудили вопрос о приемлемой для обеих партий формуле, на базе которой могла бы быть достигнута координация деятельности двух партий. Пашич предложил, чтобы в новом правительстве, которое будет сформировано по итогам внеочередных парламентских выборов, два портфеля были предоставлены напреднякам; тогда как Маринкович полагал более справедливым, чтобы непосредственно после роспуска скупщины обе партии, образовав коалиционное министерство, выступили на выборах единым блоком, что обеспечило бы им подавляющее большинство депутатских мест в будущем составе скупщины. Весьма логично – учитывая несравнимый в тогдашней Сербии вес напредняков и политических «тяжеловесов»-старорадикалов.

Не отвергая принципиально предложения Маринковича, Пашич обещал сообщить результаты данных переговоров на заседании Старорадикального клуба, выразив вместе с тем надежду, что его единомышленники сумеют найти подходящую основу для соглашения с Напредняцкой партией⁶⁰.

Однако Старорадикальный клуб выступил категорически против предлагавшегося Пашичем закрепления двух министерских портфелей за представителями напредняков до окончания выборов⁶¹. Это обстоятельство привело к срыву намечавшегося соглашения между Пашичем и Маринковичем, в результате чего партия напредняков присоединилась к другим партиям оппозиционного блока, принявшим решение о совместном выступлении на парламентских выборах против старорадикалов⁶².

Для лучшего понимания перипетий внутриполитической ситуации в предвоенной Сербии небезынтересно обратиться к частному письму, вышедшему из-под пера российского посланника в Черногории А. А. Гирса. Оно было адресовано начальнику Ближневосточного отдела министерства иностранных дел России князю Г. Н. Трубецкому и посвящено как раз последнему правительственному кризису в Сербии. Письмо было датировано 23 июня 1914 г. и отправлено из Дубровника, где его автор находился на отдыхе. В качестве источника сообщаемых сведений российский дипломат ссылается на одного серба, проживавшего по делам службы в Белграде и являвшегося подданным Австро-Венгрии. Данное лицо, по словам Гирса, было близко знакомо с настроениями и деятельностью сербских политических партий и имело доступ к секретной информации, касающейся функционирования государственной машины этой страны. Гирс подчеркивал, что нижеприведенные данные были получены им в ходе дружеской и доверительной беседы с этим человеком (имени которого он по соображениям секретности не называл), хотя и не ручался за их полную точность.

Собеседник Гирса указывал, что конфликт, возникший между Пашичем и сербскими военными кругами на почве проверки деятельности «Офицерской задруги» (объединения сербских офицеров), представлял собой явление частного порядка «в общей планомерной борьбе с правительством известных кругов армии»⁶³. Он получил особую остроту вследствие того, что его центральной фигурой являлся председатель «Задруги» генерал Дамьян Попович, командовавший сербскими войсками под Шкодером и в ряде других районов Албании и, кстати, являвшийся одним из наиболее активных участников заговора против короля Александра Обреновича.

После того, как правительство Пашича решилось наконец избавиться от такой неоднозначной и потенциально опасной фигуры и

уволило Поповича в отставку под предлогом непринятия надлежащих мер для отражения албанского вторжения, высшее сербское офицерство поспешило избрать его в совет своей «Задруги». Затем конфликт был перенесен в Скупщину, но возникший при этом правительственный кризис имел своей глубинной причиной не отставку Пашича, а столкновение между гражданскими и военными властями в присоединенных к Сербии новых областях, где военные потребовали признания за ними преимущественных прав управления. Кризис, тем не менее, был достаточно благополучно для правительства разрешен. Временно уйдя в отставку, Пашич – как уже говорилось выше – затем снова возглавил кабинет, и «дело о Дамьяне Поповиче пока заглохло» – правда, неизвестно, на какой срок⁶⁴.

Однако вполне определившись, по мнению вышеуказанного лица, результатом данного политического эпизода явился рост недовольства королем со стороны сербского офицерства, которое в более скрытой форме существовало уже длительное время. Гирс указывал, что по полученным им от его собеседника сведениям, «короля Петра офицеры уже давно упрекают в том, что преувеличенно, по соображениям личного и эгоистического свойства, истолковывая свои обязанности конституционного правления, он не только не принимает действительного участия в делах армии, но и не обнаруживает никакого интереса к жизни и трудам офицеров, уклоняясь даже от установленных обычаем внешних проявлений своей связи с армией, как ее верховного вождя»⁶⁵.

Самих же обвинителей собеседник Гирса характеризовал следующим образом. Сербские офицеры, значительное большинство которых были прямо или косвенно причастны к государственному перевороту 1903 г., после него, несомненно, заразились преторианским духом, «а две победоносные Балканские войны взрастили в них крайнее самомнение. Уверенные, что сербской армии придется в недалеком будущем сыграть крупную роль в деле укрепления Сербского государства, они уже заблаговременно заботятся о сохранении за ней первенствующего в стране положения и ведут упорную борьбу с гражданской властью, олицетворяемой в настоящее время радикалами с Пашичем во главе»⁶⁶. У них нет привязанности к той или иной династии. Предвидя неминуемое объединение Сербии и Черногории, они пока мало озабочены вопросом о том, кто займет объединенный сербский престол, одинаково отрицательно относясь и к королю Петру, и к королю Николе; «им нужно процветание

сербства, и ради него они не остановятся ни перед какими династическими соображениями»⁶⁷.

Эти взгляды и задачи лежали в основе деятельности сербского офицерского общества «Черная рука», преследовавшего исключительно патриотическую – в вышеприведенном толковании – цель, выступавшего за создание «Великой Сербии» и критически относившегося к существовавшей в стране политической власти и самому королю Петру. Общество действовало негласно, однако его члены не преследовались правительством.

Во время пребывания в России престолонаследника Александра, несколько офицеров – членов вышеуказанного общества, находясь под впечатлением известий о благосклонном приеме, оказанном королевичу при российском императорском дворе, явились к сербскому королю и предложили ему воспользоваться благоприятными для Сербии обстоятельствами и отречься от престола в пользу своего сына, отличившегося во время войны. В ответ король заявил, что добровольно он власть не отдаст и «предпочитает погибнуть от руки требующих такого отречения»⁶⁸. На это офицеры ответили, что такой ценой они не собираются добиваться перехода престола в другие руки, в связи с чем ситуация, по крайней мере на определенное время, несколько разрядилась⁶⁹.

По мнению Гирса, данные сведения позволяют сделать вывод о том, что указанные настроения, имевшие широкое распространение в среде сербского офицерского корпуса, чреваты различными и, главное, непредсказуемыми последствиями для дальнейшего внутреннего положения и внешнеполитического курса страны. Однако несомненным было одно: сербская армия имела все основания рассчитывать на сохранение за собой определяющей роли во всех событиях, которые могли последовать за тем или иным разрешением жизненно важных для Сербии вопросов, среди которых на первом плане по-прежнему находились сербо-черногорское объединение, албанская проблема и перспективы и возможности нормализации сербо-албанских отношений⁷⁰.

Но действительность оказалась еще драматичнее. Выстрелы в Сараево, ответственность за которые в определенной степени лежала и на «Черной руке», стали сигналом не к сербо-албанскому конфликту, а к общеевропейской войне. И российская дипломатия здесь уже оказалась бессильной.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

Примечания

- ¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 144–148.
- ² Там же. С. 149–155.
- ³ История дипломатии. Т. II. М., 1945. С. 38.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 231.
- ⁵ Там же. Л. 353.
- ⁶ Там же. Д. 2087. Л. 260–261.
- ⁷ *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 21; *Grothe H.* Das albanische Problem. Halle (Saale), 1914. S. 12–13.
- ⁸ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 84–85.
- ⁹ Цит. по: *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 56.
- ¹⁰ Там же. С. 56.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании посллов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц». – АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11. В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов – по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты, топографы и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению. – АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531.
- ¹² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340.
- ¹³ Там же. Л. 343.
- ¹⁴ Там же. Л. 352.
- ¹⁵ Там же. Л. 358–359. Что же касается показателей, характеризующих Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу Первой мировой войны кадровая

численность сербской армии в мирное время составляла 52000 человек, а союзной с ней Черногории – 2000 человек; в случае же военной опасности их боевая численность могла составить 247000 человек у Сербии и 60000 у Черногории. Численность же предвоенной армии, имевшейся в распоряжении Австро-Венгрии, составляла 478000 человек. В случае же начала военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1421250 человек // *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. I. Кампании 1914–1915 гг. М., 1938. С. 20–21.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 358.

¹⁷ Там же. Л. 362.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 530. Л. 183–184.

²⁰ Там же. Д. 531. Л. 385.

²¹ Там же. Д. 530. Л. 184.

²² Там же. Л. 187; Д. 531. Л. 385.

²³ Там же. Д. 531. Л. 183.

²⁴ Там же. Л. 240.

²⁵ Там же. Л. 458.

²⁶ Там же. Д. 2912. Л. 12.

²⁷ Там же. Д. 531. Л. 458.

²⁸ Там же. Л. 461. Генерал Божанович, отличившийся в качестве командира Дунайской дивизии в бою под Куманово, был назначен военным министром Сербии в январе 1913 г. после отставки с этого поста, вследствие разногласий с воеводой Путником, его предшественника полковника П. Бойовича // Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 462.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 460, 462.

³² Там же. Л. 462.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 464.

³⁵ Там же. Л. 462; Там же. Д. 2912. Л. 13.

³⁶ Там же. Л. 13.

³⁷ Там же. Д. 531. Л. 464.

³⁸ Там же. Л. 465.

³⁹ Там же. Д. 2912. Л. 14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Д. 4042. Л. 69.

⁴² Там же. Д. 2912. Л. 14.

⁴³ Там же. Л. 15а.

⁴⁴ Там же. Л. 12.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 12–13.

⁴⁷ Там же. Л. 20.

⁴⁸ Там же. Л. 20, 24.

⁴⁹ Там же. Л. 21, 24.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 24, 31.

⁵² Там же. Л. 27, 31. Однако данным выборам не суждено было состояться вследствие начавшейся Первой мировой войны.

⁵³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 25.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 25–26.

⁶⁰ Там же. Л. 26.

⁶¹ Там же. Л. 31.

⁶² В целом внутривнутриполитическая ситуация в Сербии в этот период складывалась не очень благоприятно для правящей партии. Оппозиционный блок обвинял Пашича, а также поддерживавшего его короля Петра в стремлении действовать в обход скупщины, видя в досрочном роспуске парламента угрозу для конституционного порядка в стране. По предварительным оценкам, партия старорадикалов могла рассчитывать в новом составе скупщины в лучшем случае на 80–85 депутатских мест из 166 // Подробнее см.: *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 23–24.

⁶³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 34.

⁶⁴ Там же. Л. 35.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 36.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Подробнее см.: *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије. Београд, 1973.

Л. А. Кирилина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ
СЛОВЕНСКИМИ ЛИБЕРАЛАМИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

В начале XX в. русско-словенские связи получили новый импульс для развития. В связи с тем, что благодаря тенденциям к сохранению статуса кво, преобладавшим тогда в европейской политике, отношения России и Австро-Венгрии в политическом плане характеризовались стремлением прийти к компромиссу, достаточно успешно развивались связи и в экономической сфере. Развитие транспортной инфраструктуры и международной торговли на фоне относительно мирной политической обстановки привели к тому, что контакты русских и словенцев стали более интенсивными. Конечно, продолжали развиваться традиционные научные и культурные связи. Новыми были два момента. Во-первых, со стороны словенских неославистов в 1908–1913 гг. впервые были предприняты попытки наладить экономические и политические контакты с русскими. Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. словенцы стали совершать туристические поездки в Российскую империю.

В это время Россию в качестве туристов посетило несколько словенцев, сыгравших значительную роль в словенской общественно-политической, научной и культурной жизни; по политическим убеждениям все они были либералами и русофилами. Об их восприятии России и пойдет речь в данной статье.

Иван Хрибар (1851–1941) был крупнейшим и наиболее последовательным словенским славянофилом и русофилом конца XIX – начала XX вв. В сплочении славянских народов он видел единственный способ противостоять немецкому давлению, сохранить и развить национальную индивидуальность и культуру своего народа. Из всех славянских стран наибольший интерес Хрибар проявлял к России. Он отмечал в своих воспоминаниях, что считал ее «непобедимой представительницей неисчерпаемой славянской силы и ... стра-

ной несметного природного богатства»¹. Большое внимание Хрибар уделял развитию русско-словенских культурных связей. Он много сделал для распространения русского языка и культуры в словенских землях – в конце 1890-х годов стал одним из инициаторов организации кружков по изучению русского языка и культуры.

Будучи жупаном (бургомистром) Любляны, на все важные мероприятия в городе Хрибар приглашал представителей других славянских народов, в том числе русских. Заботил его и вопрос о развитии туризма в Словении. В 1909 г. по инициативе и при поддержке Хрибара были организованы экскурсии по словенским землям для русских учителей. Тогда словенские земли посетило 128 русских учителей и 217 учительниц².

Впервые Хрибар приехал в Россию в 1899 г., посетил он Петербург и Москву. Свои первые впечатления о России Хрибар изложил в лекции, прочитанной им в люблянском Народном доме, и, по его словам, ему удалось пробудить «в некоторых слушателях живой интерес к России». В качестве примера Хрибар привел почтового служащего и домовладельца Райко Арце, который стал после этой лекции каждый год проводить свой отпуск в России³.

В 1900 г. он опять поехал в Москву. С юности Хрибар, воодушевленный поэзией Пушкина и Лермонтова, мечтал увидеть Крым и Кавказ, несколько лет копил деньги на путешествие «по матушке России»⁴. В 1903 г. он наконец отправился в двухмесячную поездку, во время которой побывал на Украине, в Крыму и на Кавказе, затем он продолжил путешествие по Волге и, наконец, приехал в Москву. «Это путешествие открыло для меня совершенно новый мир, смутно известный мне лишь по описаниям. Это было лучшее путешествие в моей жизни, – писал Хрибар. – Такое качественное и количественное разнообразие природы и жизни ... можно встретить лишь на огромном пространстве России. Более всего радовало и наполняло гордостью мое сердце осознание того, что на всем этом величии лежит печать славянской культуры»⁵. По его словам, в Тифлисе он убедился, что «европеизация тамошних жителей проходит без давления». Вероятно, по сравнению с германизаторским давлением на славянское население в Австро-Венгрии, российская национальная политика показалась ему вполне лояльной.

Последующие поездки Хрибара в Россию (в 1908, 1909, 1910, 1913 и 1914 гг.) уже никоим образом нельзя было назвать чисто оз-

накомительными. Тогда он уже предпринимал практические шаги по установлению культурных, экономических и политических связей между Россией и словенцами.

В 1901 и 1902 гг. в Россию дважды приезжал известный словенский поэт, редактор крупнейшего словенского литературного журнала того времени «Люблянски звон» («Люблянский колокол») и первый архивариус г. Любляны Антон Ашкерц (1856–1912). Он был либералом и русофилом, другом Хрибара. Как и Хрибар, Ашкерц придавал большое значение развитию русско-словенских культурных связей и всемерно ему содействовал. В 1901 г. Ашкерц побывал в Варшаве, Петербурге, Москве, Киеве, в 1902 г. – в Крыму и на Кавказе. В 1903 г. он опубликовал в «Люблянском звоне» свои путевые заметки «Два путешествия по России». В том же году они вышли отдельной небольшой книгой (89 с.). Сам он охарактеризовал свой опус как «поверхностные записки о моих кратких поездках» (обе вместе заняли лишь около 8 недель), целью которых было «развеять некоторые предрассудки соплеменников и помочь им познакомиться с сестрой Россией»⁶.

В заметках Ашкерц дает краткие исторические справки и описания культурных и архитектурных достопримечательностей тех мест, в которых он побывал. По мнению автора, «каждого сознательного славянина должно интересовать, какова эта крупнейшая страна, где славянин ... является абсолютным хозяином». В России «чувствуешь себя как дома», осознание того, что здесь «один только славянин ... , устанавливает свои порядки, наполняет гордостью и скромного словенца». Русский язык «родствен и похож на наш язык». И этот «братский язык объединяет духовными узами чужие для нас народы в новую семью»⁷. Большинство славян пишут на кириллице, поэтому «национальный долг каждого образованного словенца уметь читать кириллицу, нашим школам надо бы вменить в обязанность обучение молодежи кириллическому письму». Ашкерц подметил, что политически независимыми на тот момент являлись именно православные славянские народы, в то время как все ««латинские» славяне политически зависимы от других народов». Вместе с тем, Ашкерц высказал убеждение, что «в далеком будущем» все славянские народы перейдут на латинское правописание⁸.

Знакомству словенцев с Россией благоприятствовало, по мнению Ашкерца, изменение внутривосточной обстановки в Австро-

Венгрии. «Еще пару десятилетий назад австрийские бюрократы с подозрением смотрели на каждого австрийского славянина, дерзнувшего поехать в Россию». Но это время миновало навсегда. Правда, оговаривается Ашкерц, австрийские чиновники славянского происхождения все еще не решаются ездить в эту страну, боясь, что это «будет иметь для них неприятные последствия». Но «каждый славянин, не зависящий от бюрократии, должен хотя бы раз в жизни посетить Россию». Конечно, Россия «до сих пор еще не является туристической страной», но – «нет страны, которая в этнографическом плане была бы такой разнообразной, как Россия. Сколько различных народов живет в ней и сколько вер и конфессий имеют там своих приверженцев! И в культурном плане какие контрасты! Наряду с бюрократическим деспотизмом и царским абсолютизмом в некоторых отношениях – большая свобода, нежели в каком-либо конституционном западном государстве». Наряду с высочайше образованными слоями – множество неграмотных. Богатство, роскошь, а «в деревнях в некоторых губерниях каждый год – голод». «По сравнению с русскими мы, словенцы, – пигмеи, но наш народ по уровню культурного развития и общего образования на триста лет опережает российский. Это гордое сознание приносит словенец домой из России»⁹. Итак, Ашкерц характеризовал Россию как страну контрастов. Впечатление контраста произвели на него и российские столицы. Петербург он воспринял как западный город, «гигантски увеличенную Венецию»¹⁰. Москва словенскому поэту представлялась как «восток в славянском платье», русский национальный город, «сердце России»¹¹.

Эти контрасты, по мнению Ашкерца, «в большинстве своем истекают из огромного пространства, из особых этнографических условий и из относительно короткого этнографического развития современной России». «К такому огромному государству нельзя подходить с мерками малых западных государств». «Ни о каком государстве мир не имеет столько предрассудков, как о России». Славяне знают о России из «иностранных, по большей части немецких источников», а ее «нужно изучать из первого источника, т.е. из русских книг и газет»¹². Нужно самим ехать в Россию, знать ее историю и литературу.

Ашкерц сетовал на то, что «русские вообще очень плохо знают западных славян. В этом невежестве виновата их школьная система,

не допускающая распространения среди русских славянского самосознания». Немецкая бюрократия противится этому. «Русское общество должно знать, как живут и борются другие славяне». Но славянское сознание распространится среди российской интеллигенции только тогда, когда она «сможет говорить свободно». Сейчас же абсолютизм душит свободную мысль в России. Нужно, чтобы «славянство и свобода не были противоположными понятиями! И лишь тогда, когда в России, как в Западной Европе, вступит в силу свободное слово русского интеллигента, когда и в России начнется эпоха народного самоуправления (конституции), ... лишь тогда Россия сможет выступать перед остальным миром как представительница всего остального славянства». «И эта более свободная эпоха, о которой мечтали и мечтают лучшие русские умы, обязательно наступит». «Ситуация изменилась бы в лучшую сторону лишь в том случае, если бы Россией не правили немцы и немки ...»¹³.

Во время обеих поездок Ашкерц стремился встретиться с Л. Н. Толстым, но встреч не случилось из-за отъезда Толстого¹⁴.

Богумил Вошняк (1882–1955), юрист и публицист, впоследствии стал одним из видных словенских либеральных политиков. Воспитанный в духе идей славянской взаимности (его дядя и отец были известными словенскими либералами-русофилами), еще в студенческие годы (в 1904 г.) он отправился в путешествие по России и затем на основании своих путевых заметок написал достаточно обширную (396 с.) книгу «На рассвете». Вышла из печати она в 1906 г. Книга студента оказалась актуальной – события русско-японской войны и начавшейся в 1905 г. первой русской революции подхлестнули интерес словенцев к этой стране и перспективам ее будущего развития.

Намерением Вошняка было представить целостное и фундаментальное исследование всех важнейших сторон жизни русского государства и общества, выявить потенциал и перспективы его развития, а также препятствия, встречающиеся на его пути к «рассвету».

Главный акцент в книге Вошняк делает на изучении русской среды с точки зрения позитивистской социологии и экономики¹⁵. Описывая различные социальные слои русского общества, большое внимание он уделяет крестьянству и русской общине. «Россия – царство мужиков», – указывает Вошняк, поэтому значение аграрного вопроса, по его мнению, столь велико. «Тип русского мужика при-

ближается к некоему социалистическому идеалу», – писал Вошняк. Он идеализировал русскую общину, вместе с тем отмечая архаичность земельных отношений в России, приводившую к «душевной летаргии» крестьян и препятствовавшую прогрессу сельского хозяйства¹⁶. Освобождение крестьян, по мнению словенского студента, не было завершено, поскольку «они получили слишком мало земли»¹⁷.

Вошняк отметил, что в России мало квалифицированных рабочих. Вместе с тем в качестве одного из главных достоинств русского рабочего класса он упоминает стремление к образованию. «Нехватка политической свободы в России не позволяет рабочему движению иметь такое же значение, какое имеет оно на Западе»¹⁸, – пришел он к выводу.

Вошняк видел и потенциал русского купечества, отмечая, что у этого слоя общества есть будущее. «Вредно пытаться перескочить буржуазный период социального развития, потому что это просто невозможно, к тому же, буржуазия, вопреки всем существующим общественным антипатиям, расчищает путь» новому. Российский абсолютизм препятствует свободному развитию буржуазии, однако, вопреки всем препонам, среднее сословие укрепляется¹⁹.

Самодержавие и бюрократию словенский публицист считал самым большим злом российской действительности. Они распространились в России со времен реформ Петра I, проводившихся под немецким влиянием. Отрицательное отношение к Петру I, по-видимому, сложилось у Вошняка под влиянием славянофилов. В развязывании русско-японской войны виноват не русский народ, а «деспотический режим Петра Первого и его немецких наследников». Абсолютистский режим с неэффективным коррумпированным чиновничьим аппаратом препятствует прогрессу страны, репрессивными мерами душит общественную активность широких слоев населения. Буржуазия и интеллигенция тем самым исключаются из политической борьбы. Борьба абсолютизма с интеллигенцией была жестокой, «что привело к прямо-таки патологическому душевному состоянию интеллигенции, тупое смирение сменялось диким выпадом бесконечной ярости в адрес угнетателей»²⁰. Поэтому в русском обществе развился неполитический дух, склонный к крайностям. Из этого последовал вывод: «В России все привыкли к повинению, но никто не умеет управлять по-умному»²¹.

Словенский студент сблизился прежде всего с кругом славянофилов. Он бывал на приемах у графа Н. П. Игнатьева, русского дипломата и государственного деятеля, с 1888 г. являвшегося председателем С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. Графа Игнатьева, которому Вошняк посвятил целую главу своей книги, он не причислял к «консервативным славянофилам», подчеркивая его «либеральность»²².

У Вошняка сложилось впечатление, что национальный вопрос русских особо не интересует. «Русский человек или крайний космополит, или консервативный националист», – писал он²³. Словенский студент посетил в Ясной Поляне Л. Н. Толстого. Встреча с великим русским писателем произвела на него колоссальное впечатление, но национальных проблем словенского народа Толстой не воспринял. Когда Вошняк спросил его о том, что делать его народу, «который безжалостно затирают сильнейшие народы и соседи», великий писатель высказал свое убеждение, что «воинствующий национализм – это большое человеческое несчастье» и что «те, кто прежде был угнетен, потом сами угнетают других». Толстой посоветовал словенцам решать свои проблемы по-другому: «Если вы твердо уверены, что по отношению к вам совершается несправедливость, действуйте по моему принципу: не платите налогов, не служите в армии, не участвуйте в политической жизни, вообще больше не принимайте во внимание государства!» Вошняк счел совет неприемлемым, поскольку, по его мнению, его осуществление «вызвало бы гражданскую войну»²⁴.

В то время словенского студента еще увлекали идеи славянской взаимности, он подчеркивал родство русских и словенцев. По его мнению, «только два народа были призваны стать идейными вождями славянства – поляки и русские». Однако поляки, преданные Западу, не смогли бы дать славянству ничего самобытного. Вошняк выступил против независимости Польши, считая, что поляки злоупотребили бы ею. При этом он признал, что царское правительство допустило в польской политике очень много ошибок²⁵.

Словенский историк и литературовед Иван Приятель (1875–1937), в 1903–1904 гг. стажировавшийся в Москве и Петербурге как стипендиат Венского университета и значительно глубже, чем Вошняк, ознакомившийся с российскими реалиями, написал рецензию на книгу «На рассвете». Приятель оценил опус словенского студента

достаточно критически. Он писал, что книга слишком поверхностна и оптимистична. Попав под влияние узкого круга славянофилов, Вошняк не сумел познакомиться с настоящей Россией. Вошняк – представитель нового поколения, типичный экономист. Тот, кто хочет глубже понять русскую культуру, русскую мысль, «найдет в этой книге лишь обрывки, крохи материала»²⁶.

Социально-экономическую жизнь России Вошняк рассматривал как экскурсант. Он совсем ничего не написал о русской истории, не охарактеризовал деятельности российских императоров. Он должен был бы показать, что освобождение крестьян было неполным, вследствие чего плохо развивались сельское хозяйство и промышленность. Не знает Вошняк и о борьбе народников и марксистов. Писатель должен был показать причины недовольства крестьян и рабочих, тогда читатель бы понял, «почему Россия идет через рабочие забастовки и крестьянские волнения к рассвету»²⁷. Не осветил он положения студенчества и церкви, мало рассказал о русской литературе, об инородцах – поляках, финнах, украинцах, евреях. Вместо этого в книге – недопустимый сентиментальный оптимизм. Автор не показал, почему Россия – на пороге рассвета, ибо написал книгу с позиций узкого славянофильского круга. Вместе с тем Приятель отметил, что, хотя книга Вошняка мало актуальна, на настоящий момент она является лучшей из тех, что написаны словенцами о России²⁸.

Сложно не согласиться со взвешенной и справедливой оценкой Приятелем книги Б. Вошняка. Впрочем, трудно было бы ожидать от 22-летнего студента такого глубокого погружения во все сферы российской жизни и такого серьезного их осмысления, на каком настаивал И. Приятель. Сам Вошняк во введении к своей книге признавал, что «писать о России – дело не легкое. Никто пусть не воображает, что понимает русские события и знает русских людей, как бы ни старался он порядком углубиться в русскую душу и мысль»²⁹.

Прошло восемь лет. Б. Вошняк стал старше, у него появился большой опыт публицистической и общественно-политической деятельности, взгляды его уже четко оформились. Его идеологическая и политическая ориентация изменилась: от увлечения всеславянской идеей он отошел и все силы устремлял теперь к осуществлению югославянского объединения. В Россию он вновь приехал в 1912 г.,

но российскую действительность теперь воспринял совсем в ином ключе.

О своей второй поездке в Россию Вошняк написал очерк и опубликовал его в журнале «Веда» («Знание»). Он побывал тогда в Москве и Петербурге. Если в 1908 г. Вошняк видел мощный потенциал в российском обществе, то теперь он разочаровался в русской интеллигенции. Словенский политик пришел к выводу, что именно образованный слой виновен в провале конституционного развития России. «Недисциплинированная русская интеллигенция» оказалась «неспособной построить новое государство». В западных странах «люди довольны своей жизнью, там солнце светит ярче, там легче жить». Россия же «всем недовольна. Россия не нашла своего пути», «она есть и останется большой, страшной загадкой»³⁰.

Социальная и политическая борьба в России, по мнению автора, являлась «странной патологической карикатурой» на Запад. «Известнейшие русские политики примитивны и сильно отстают от своих западных коллег», – утверждал словенский публицист. Им не хватает «политического образования», они увлекаются теоретизированием и оторваны от действительности³¹.

Разочарование в русской интеллигенции и в способности России пойти по пути прогресса усугублялось для Вошняка еще одним обстоятельством. Для него, как для представителя малого славянского народа, веками находившегося под властью немцев, самым важным являлся вопрос о том, поймет ли самое могущественное славянское государство чаяния словенцев и поддержит ли их. Раньше Вошняк еще надеялся, что это произойдет, а в 1912 г. ответ на этот вопрос он дал отрицательный. Он больше не ждал от русских понимания национального вопроса южных славян. Препятствием к этому была «российская политическая примитивность». Особенно непонятными для русских были проблемы малых народов. Был и еще один, очень существенный момент, перекрывавший, по мнению Вошняка, всякую возможность взаимопонимания. Он с горечью констатировал в своем очерке: «Но будем откровенны! Национальный вопрос, особенно когда речь идет о южных славянах, для русских все еще является вопросом веры. Если бы болгары и сербы были католиками, русские их никогда бы не освободили. Они освободили прежде всего православного человека, а не славянина»³². Пока русские не знают «национальной жизни и культурного развития» австрийских сла-

вян, «какие-либо интенсивные культурные связи с ними невозможны»³³, – таков был суровый вердикт словенского публициста.

Итак, на первый план для Вошняка в 1910-е гг. выступили различия культур и мировоззрения, происходящие из разных религиозных традиций и разных исторических путей развития. Надежды на Россию и ее освободительную миссию были сильно поколеблены.

Ознакомительные поездки словенцев в Россию на рубеже XIX–XX веков и последующее издание ими путевых заметок и воспоминаний, несомненно, способствовали росту информированности словенцев о великой славянской стране, развитию русско-словенских связей. Характерно, что восприятие России посетившими ее словенскими либералами было неоднозначным. Россия представлялась им страной контрастов (да и была таковой). Она по-прежнему привлекала их как крупнейшее и могущественное славянское государство, где живет талантливый народ, родственник словенцам по крови и языку и имеющий богатейшую культуру. Вместе с тем, более близкое знакомство словенцев с реалиями самодержавной России способствовало развенчанию многих русофильских иллюзий. Да, Россия по-прежнему воспринималась как защитница и освободительница славян, но с оговоркой, что выполнить свою миссию она сможет только тогда, когда освободится от уз деспотизма и немецкого влияния и станет конституционным государством. Русская общественность должна лучше узнать австрийских славян и не воспринимать их как чуждые католические народы.

Примечания

¹ *Hribar I.* Moji spomini. I. Del. Ljubljana, 1983. S. 218.

² *Ibid.* S. 225.

³ *Ibid.* S. 221.

⁴ *Hribar I.* Moji spomini. II. Del. S. 565.

⁵ *Hribar I.* Moji spomini. I. Del. S. 219.

⁶ *Aškerc A.* Dva izleta na Rusko. Črtice s potovanja // *Ljubljanski zvon.* Ljubljana, 1903. S. 729.

⁷ *Ibid.* S. 474–475.

⁸ *Ibid.* S. 656–658.

⁹ *Ibid.* S. 727–728.

¹⁰ *Ibid.* S. 481.

¹¹ *Ibid.* S. 529.

¹² *Ibid.* S. 729.

¹³ *Ibid.* S. 724, 729, 730.

¹⁴ Ibid. S. 535, 594.

¹⁵ *Vinkler D.* Na razsvitu – Bogumila Vošnjaka zgodnja percepcija ruske družbe, politike in diplomacije. // Slovenski diplomati v slovanskem svetu. Ljubljana, 2010. S. 70.

¹⁶ *Vošnjak B.* Na razsvitu. Ruske študije. Ljubljana, 1906. S. 82.

¹⁷ Ibid. S. 115.

¹⁸ Ibid. S. 160, 169.

¹⁹ Ibid. S. 130.

²⁰ Ibid. S. 333.

²¹ *Vodopivec P.* O dveh potopisnih pričevanjih Bogomila Vošnjaka iz Rusije pred prvo svetovno vojno. // Slovenija – Rusija (Pogled v preteklost in sedanjost). III. 4. Ljubljana, 1998. S. 140.

²² *Vošnjak B.* Na razsvitu. S. 35.

²³ Ibid. S. 366.

²⁴ Ibid. S. 239–257.

²⁵ Ibid. S. 10, 13.

²⁶ *Prijatelj I.* Bogumil Vošnjak: Na razsvitu. // Ljubljanski zvon. Ljubljana, 1906. № 5. S. 312.

²⁷ Ibid. S. 314.

²⁸ Ibid. S. 315.

²⁹ *Vošnjak B.* Na razsvitu. S. IV.

³⁰ *Vošnjak B.* Zimski dnevi v Petrogradu. // Veda. Dvomesecnik za znanost in kulturo. Gorica, 1912. S. 1–2.

³¹ Ibid. S. 9–10.

³² Ibid. S. 10.

³³ Ibid. S. 11.

*В. Б. Каширин
(Институт славяноведения РАН, Москва)*

**О ПРОБЛЕМЕ НАЧЕРТАНИЯ
«ГРАНИЦЫ РОМАНОВСКОГО»
(Из предыстории Балканских войн 1912–1913 гг.)**

Исполнившееся в 2012 г. столетие с начала Балканских войн 1912–1913 гг. с неоспоримой ясностью вскрыло тот безрадостный факт, что до сих пор в отечественной науке не написано подробное монографическое исследование об участии России в том крупнейшем военном и политическом кризисе, последствия которого были огромны и для всего Балканского региона, и для судеб Российской империи. И эта лакуна является еще более заметной из-за того, что в весьма обширной зарубежной историографии дипломатической истории Балканских войн существуют, помимо прочего, и специальные исследования о роли России в событиях тех лет¹.

Сравнительно неплохо в русскоязычной научной литературе исследована предыстория Балканских войн². Решающую роль здесь сыграло то обстоятельство, что накануне Второй мировой войны, в 1938–1939 гг., советская Комиссия по изданию документов эпохи империализма успела опубликовать 18-й, 19-й и 20-й тома 2-й серии издания «Международные отношения в эпоху империализма», в которые вошли материалы русского МИД за 1911–1912 гг.³. В целом, период образования Балканского союза весьма хорошо известен историкам, однако до сих пор не вполне исследована политическая роль, которую сыграла Россия в этом процессе. Одной из причин стало то, что введённые в научный оборот источники преимущественно ограничивались документами министерства иностранных дел, тогда как материалы других ведомств, и прежде всего – военной разведки, были или недоступны, или недостаточно интересны для историков. История усилий русского Генштаба на балканском направлении содержит немало белых пятен, в том числе и таких, которые способствовали возникновению далеко не безобидных мифов о роли Петербурга в возникновении и ходе Балканских войн. К их числу относится и проблема «границы Романовского», названной

так по имени русского военного агента в Софии в 1911–1914 гг. Генштаба полковника Ю. Д. Романовского (1877–1939).

По стечению обстоятельств этому офицеру русской разведки зимой 1911–1912 гг. довелось принять активное личное участие в сербско-болгарских переговорах о заключении союза. Ему принадлежало авторство компромиссного проекта начертания одного участка границы сфер влияния Сербии и Болгарии в Македонии, тогда еще находившейся под властью Османской империи. Этот проект получил в дипломатической переписке название «границы Романовского». Упоминание в данном контексте имени русского военного агента позволило некоторым историкам немедленно сделать вывод о прямой причастности русского военного ведомства, его Генштаба и разведки к процессу формирования Балканского союза и, тем самым, к разжиганию войны в регионе осенью 1912 г. Психологическая мотивация такой трактовки достаточно очевидна. Если посредничество профессиональных дипломатов третьей страны в заключении военно-политического союза двух государств обычно воспринимается, по меньшей мере, как компрометирующее обстоятельство, то участие в тех же процессах представителей Генштаба и военной разведки той же самой третьей страны немедленно интерпретируется как прямое доказательство их виновности в подготовке вооруженного конфликта, развязывании агрессии и т.д.

Одним из первых использовал это в своих трудах апостол вульгарного марксизма в исторической науке М. Н. Покровский, систематически разрабатывавший русофобскую концепцию истории внешней политики Российской империи и возникновения Первой мировой войны в частности. В своем предисловии к книге Карла Каутского «Как возникла мировая война» он так писал о процессе подготовки Балканского союза: «Указания начальства были приняты во внимание, и договору была придана «культурная» форма, но *вытравить из него военный дух оказалось выше сил человеческих* (курсив мой. – В.К.): в самом конце процесса, уже в феврале 1912 г., мы встречаем телеграмму Неклюдова (русского посланника в Софии), передающую просьбу болгар уговорить сербов «подписать соглашение на основании границ Романовского». Романовский – это тогдашний русский военный агент в Софии: за невозможностью привести к соглашению единокровные славянские нации, от имени которых договор составлялся, *Турцию делил русский генеральный штаб* (курсив мой. – В.К.)...»⁴. Отметим, кстати, что данная трак-

товка прекрасно дополняла отстаиваемую Покровским в его трудах версию о непосредственной причастности русского военного агента в Белграде Генштаба полковника В. А. Артамонова к Сараевскому убийству 15(28) июня 1914 г. и развязыванию Первой мировой войны. Таким образом, марксистский историк-русофоб набрасывал штрихи большой картины зловещего заговора имперского русского Генерального штаба против общеевропейского мира.

В последующем отечественные и зарубежные историки неоднократно упоминали об участии Романовского в подготовке Балканского союза. К примеру, у классика советской истории дипломатии академика В. М. Хвостова в его очерке о Балканских войнах читаем: «Русская дипломатия и военный агент в Софии полковник Романовский усердно мирили сербов и болгар»⁵. А известный советский болгарист В. А. Жебокрицкий в своей классической монографии 1960 г. писал: «В сербо-болгарские переговоры был также посвящен русский военный атташе в Софии, полковник Романовский, который предложил свой план раздела Македонии. 16 февраля 1912 г. Неклюдов в телеграмме министру иностранных дел России Сазонову передал просьбу Гешова* и Спалайковича** поддержать их перед Миловановичем*** для скорейшего подписания на основе “границы Романовского”»⁶.

Зарубежные авторы, писавшие о Балканских войнах, также неоднократно упоминали участие полковника Романовского в переговорах между Болгарией и Сербией, как и предложенный им проект разграничения в западной части Македонии, в районе города Струга на Охридском озере. Однако по сей день ни в России, ни за рубежом никто не ставил целью специально и подробно исследовать проблему «границы Романовского» как важного элемента дипломатической подготовки войны блока балканских государств против Турции в 1912 г. И, что особенно важно, до сих пор было абсолютно неизвестно, как сам Романовский в своих донесениях в Генштаб оцени-

* Гешов Иван Евстратиев (1849–1924), болгарский государственный деятель, финансист, лидер русофильской Народной партии, министр-председатель Болгарии в 1911–1913 гг. Один из главных создателей Балканского союза. – *В.К.*

** Спалайкович Мирослав (1869–1951), сербский дипломат, в 1911–1912 гг. посланник в Софии, важный участник процесса образования Балканского союза. – *В.К.*

*** Милованович Милован (1863–1912), сербский государственный деятель, дипломат, теоретик государства и права, премьер-министр в 1911–1912 гг. Один из главных создателей Балканского союза. – *В.К.*

вал процесс образования Балканского союза и собственную посредническую роль в этих событиях.

Не так давно, продолжая нашу многолетнюю работу с сохранившимися в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) материалами о Балканах Генштаба Российской империи, нам удалось обнаружить некоторые документы, которые позволяют восполнить этот пробел в знаниях о предыстории Балканских войн 1912–1913 гг. Это несколько собственноручных рапортов в Петербург русского военного агента в Софии, непосредственно посвящённых его участию в подготовке Балканского союза путем начертания того, что в дипломатической переписке и позднейшей историографии получило название «границы Романовского».

Не ставя перед собой амбициозной цели осветить все аспекты политики России в процессе образования Балканского союза, в настоящей статье мы попытаемся осветить участие в нём русского военного агента в Софии и проследить судьбу его проекта разграничения в Македонии. Но вначале расскажем вкратце историю жизни и службы этого человека – видного представителя Генштаба, военной дипломатии и разведки Российской империи, которому довелось сыграть заметную роль в судьбе Балкан в те бурные годы.

Юрий (Георгий) Дмитриевич Романовский родился 13 ноября 1877 г. в Царском Селе, в семье потомственных дворян. Он был сыном выдающегося русского военного деятеля, Генштаба генерал-лейтенанта Дмитрия Ильича Романовского (1825–1881), одного из покорителей Средней Азии⁷. В 1866 г. тот сменил генерала М. Г. Черныева на посту военного губернатора Туркестанской области и сразу же добился больших успехов, разбив главные силы бухарского эмира при урочище Ирджар и взяв штурмом крепости Ходжент и Ураз-Тюбе.

Блестящая военная карьера отца предопределила выбор и благоприятные условия начала служебного поприща сына. Меньше года от роду Юрий Романовский был зачислен пажом-кандидатом Высочайшего двора. Очень рано осиротев, он получил воспитание в стенах Николаевского кадетского корпуса, из которого в 1893 г. поступил в Пажеский корпус, окончил его камер-пажом в 1895 г. и был выпущен корнетом в лейб-гвардии Уланский полк. Осенью 1899 г.

Романовский с успехом выдержал вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба (НАГШ). Весной 1902 г. Юрий Романовский окончил дополнительный курс, хотя в общем списке своего выпуска по старшинству он был всего лишь 53-м из 66 офицеров, окончивших «успешно»⁸. Получив за успехи в учебе, согласно правилам, чин штабс-ротмистра, он сразу же был направлен отбывать двухлетний ценз строевого командования ротой в лейб-гвардии 1-м Его Величества стрелковом батальоне – ещё одной элитной гвардейской части, однако из-за начала войны с Японией ему не довелось отбыть положенный срок ценза полностью. 11 февраля 1904 г. Романовский получил назначение на должность старшего адъютанта штаба расквартированной в Квантунской области 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, будущей героической защитницы Порт-Артура, понесшей самые тяжёлые потери во время его осады – 15 378 человек убитыми и ранеными, или свыше 94% её начального состава⁹. В рядах этой дивизии Юрию Романовскому было суждено с честью пройти первое испытание боевыми трудами.

27 марта 1904 г., незадолго до потери сообщения с Порт-Артуром, Ю. Д. Романовский прибыл к новому месту службы – в г. Дальний на Квантунском полуострове. Очень скоро начались оборонительные бои на дальних подступах к Порт-Артуру, и в каждом из них Романовскому довелось отличиться. Сражения у горы Самсон 3 мая, на перешейке у Цзиньчжоу 13 мая, на Зелёных горах 21 июня, оборона «позиции на перевалах» 15 июля принесли ему, соответственно, боевые ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Приказом по Квантунскому укрепрайону от 4 августа капитан Романовский был назначен заведующим конно-охотничьими командами и разведкой Порт-Артура, а 22 августа он был поставлен во главе сводного передового отряда Западного фронта обороны крепости, в составе 2 рот пехоты, 1 пешей и 6 конных охотничьих команд, 1 казачьей сотни и 2 скорострельных орудий. Задача отряда Романовского заключалась в противодействии обходу левого фланга Западного фронта и прикрытии горного массива Лаотешань. С 8 ноября 1904 г. этот отряд занимал пятивёрстный участок 1-й оборонительной линии Западного фронта, пролежавший от Малой Голубиной бухты до деревни Якудзуй; позже его позиции было присвоено название 2-го

боевого участка. Японцы неоднократно атаковали участок Романовского, прикрывавший с левого фланга знаменитую гору Высокую – ключ обороны Порт-Артура.

К 13 декабря отряд Романовского насчитывал 1228 штыков, 6 скорострельных орудий, 3 орудия разного калибра, 5 пулемётов¹⁰. Отбивая упорные штурмы японцев, отряд нёс большие потери. Во время боёв 12–17 ноября в отряде Романовского выбыло из строя 3 офицера и 110 нижних чинов, в бою 19 декабря – 2 офицера и 250 нижних чинов¹¹. Сам командир отряда счастливо избежал ранений и контузий. «В воздаяние отличного мужества и храбрости в делах с японцами под Порт-Артуром в августе, сентябре, октябре и с 7-го по 19-е ноября 1904 г.» ему было пожаловано золотое оружие с надписью «за храбрость» и, наконец, уже в 1907 году он получил самую почётную боевую награду – орден Св. Георгия 4-й степени – «за блестящий подвиг мужества, выказанный при защите крепости Порт-Артур, 17-го ноября 1904 г., когда японцы значительными силами атаковали позиции на Голубиных бухтах, несмотря на губительный огонь артиллерии противника, он с полным спокойствием руководил боем и, воодушевляя примером личной храбрости подчинённых ему нижних чинов, отбил все атаки противника, нанеся ему громадные потери, и удержал позицию»¹².

После капитуляции Порт-Артура Романовский принял решение не отправляться в японский плен, а воспользоваться разрешением императора Николая II и вернуться в Россию, чтобы продолжать службу, дав слово офицера не участвовать в текущей войне с японцами. В феврале 1905 г. он прибыл с эшелоном в Одессу и после непродолжительного отдыха получил новое назначение – начальником строевого отделения штаба Свеаборгской крепости, одной из лучших второклассных крепостей империи, расположенной на островах близ Гельсингфорса. Во время своей службы в Свеаборге Ю. Д. Романовский начал активно заниматься изучением минувшей войны. В 1906 году военный инженер капитан А. В. фон Шварц, одного с Романовским выпуска из НАГШ, сражавшийся на Восточном фронте обороны Порт-Артура, предложил ему совместно написать историю борьбы за эту крепость. Их фундаментальный двухтомный труд, на издание которого Главное инженерное управление выделило 5 тыс. рублей, получил широкое признание у специалистов, был переведён на немецкий и французский языки¹³.

7 февраля 1908 г. подполковник Ю. Д. Романовский получил перевод в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), в часть 2-го обер-квартирмейстера, на должность помощника делопроизводителя. В дальнейшем Романовский продолжил специализироваться в изучении Японии и её вооружённых сил. Работал он много и плодотворно. По просьбе военного издателя П. А. Риттиха Романовский составил справочную книгу по японской армии, изданную в 1910 г.¹⁴ В начале того же года военный министр распорядился составить новое военно-географическое и статистическое описание Дальнего Востока, причём работу эту следовало закончить не позднее 1 января 1911 г. Исполняя приказ, за восемь месяцев Романовский и его коллега Генштаба полковник Д. Н. Надежный подготовили капитальный трёхтомный труд «Дальний Восток» общим объёмом около 1 900 страниц, который увидел свет как неподлежащее оглашению издание Отдела генерал-квартирмейстера (Огенквар)¹⁵.

После трёх лет службы в Огенкваре, 21 февраля 1911 г. Романовский был назначен военным агентом в Болгарию, на смену полковнику М. Н. Леонтьеву, получившему 85-й пехотный Выборгский полк. В докладе на высочайшее имя В. А. Сухомлинов писал, используя стандартную для таких случаев формулу: «Полковник Романовский является вполне соответственным к занятию должности военного агента в Болгарии, как по своим способностям, так и по знанию иностранных языков»¹⁶. Назначение Романовского в Болгарию состоялось, когда было уже очевидно приближение новых военных и политических катаклизмов на Балканах, одним из главных источников и центров которых должна была стать именно болгарская столица. За три с половиной года, проведённых им в Софии, Романовский, по общему признанию, стал весьма заметной фигурой в военно-политической жизни Болгарии и приобрел серьёзный авторитет среди местного офицерства и в дипломатических кругах. В 1915 г., незадолго до вступления Болгарии в войну, опытный румынский дипломат Александр Гуранеску, поверенный в делах в Болгарии, проведший в этой стране семь лет, так отзывался о Ю. Д. Романовском: «Если исключить покойного г. Сементовского*, то, мне кажется, один генерал Романовский действительно понимает болгарскую по-

* Сементовский-Курилло Дмитрий Константинович (1859–1911), русский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Болгарии в должности гофмейстера в 1907–1911 гг.

литику. Он усвоил манеру говорить с болгарами. По-моему, только он может что-нибудь сделать при настоящих обстоятельствах; это единственный шанс на спасение»¹⁷.

Дела и занятия полковника Романовского в Софии далеко выходили за рамки придворного военно-дипломатического представительства. Он широко занимался негласным сбором информации о военной и политической жизни Болгарии, установил ценные связи с русофильскими офицерскими и гражданскими кругами, вёл агентурную разведку. В 1911–1912 гг. Романовский был посвящён в подробности выработки условий болгарско-сербского союза и даже выступил со своим проектом раздела Македонии, речь о котором пойдёт ниже. Тем не менее, русский военный агент не поддерживал идею начала Балканским союзом войны против Турции осенью 1912 г.; он считал, что начало боевых действий стало результатом слабости и беспомощности русской политики в Болгарии.

Во время 1-й Балканской войны Романовский находился в качестве официального русского военного представителя при болгарской Главной квартире. Вплоть до начала 2-й Балканской (Межсоюзнической) войны он оставался убеждённым сторонником русско-болгарского военного союза. 17 июня 1913 г., в самый день открытия боевых действий между Болгарией и её вчерашними союзниками, Романовский, ещё не получивший последних новостей, писал в своем донесении: «Такая конвенция представляется мне весьма желательной и соответствующей нашим военно-политическим интересам на Балканском полуострове»¹⁸. При этом на проблему русско-болгарского сближения он смотрел глазами прагматика-генштабиста: «При определении же наших будущих взаимоотношений с Болгарией наши военные интересы будут всегда доминировать над остальными. Я даже скажу, что помимо этих интересов искать нам здесь пока нечего»¹⁹. Из-за начала войны этот доклад был отправлен Романовским в Генштаб лишь 23 июля, причём сам автор признавал, что, в свете последних событий, его рапорт уже потерял всякий смысл.

После начала Межсоюзнической войны летом 1913 г. Романовский, с разрешения Огенквара, под предлогом болезни дипломатично уклонился от выезда в полевой штаб командования болгарской армии²⁰. Однако когда над Болгарией в ходе войны нависла угроза окончательного разгрома коалицией союзников, Романовский в качестве посредника сопровождал болгарскую делегацию в Ниш для

переговоров с сербами о заключении перемирия. Затем на протяжении последнего года перед мировой войной русский военный агент в Софии занимался изучением враждебной России деятельности нового правительства В. Радославова.

Боевой офицер и герой Порт-Артура, после начала европейской войны полковник Романовский не задержался на заграничной должности, предпочтя ей строевую службу на фронте, что было несвойственно для многих других военных агентов России. Высочайшим приказом 3 сентября 1914 г. он был назначен командиром 20-го пехотного Галицкого полка и отбыл из Болгарии после смены его Генштаба подполковником А. А. Татариновым²¹. 25 сентября Романовский приехал в Петроград, а уже 4 октября отправился в действующую армию, к вверенному ему полку, с которым и принял участие в боевой страде²². Однако через год, в октябре 1915 г., познания, опыт службы и связи Романовского в Болгарии были вновь востребованы Верховным командованием, которое в то время готовило экспедицию русских войск на Балканы. Генерал-майор Романовский был назначен генерал-квартирмейстером штаба отдельной 7-й армии, заново формирувавшейся в районе Одессы и предназначавшейся для похода в Болгарию по суше или по морю. Это вторжение осенью 1915 г. так и не состоялось. Позднее Романовский со штабом 7-й армии принимал участие в неудачном наступлении Юго-Западного фронта в декабре 1915 г. Увы, ему не довелось после этой неудачи испытать вместе со своей армией радость её побед в ходе весенне-летнего «Брусиловского» наступления 1916 г. С 1 марта 1916 г. Романовский был отозван из штаба армии и в конце апреля направлен в составе русской военной делегации на Западный фронт во Францию для изучения боевого опыта союзников. По решению Ставки, по возвращении из командировки, он был назначен начальником штаба XIII армейского корпуса, решение о чем было высочайше одобрено 4 июля 1916 г.²³. Сам Романовский, по его собственным словам, мечтал получить командование дивизией и нести службу ближе к строю. Этим надеждам не суждено было сбыться.

После февральской революции в мае 1917 г., вслед за отставкой военного министра А. И. Гучкова, Ю. Д. Романовский был назначен исполняющим должность начальника Генерального штаба, сменив на этом посту генерала П. И. Аверьянова. На эту высокую должность он был выдвинут новым военным министром А. Ф. Керенским, хотя

сам Романовский никогда не сочувствовал революции и всегда оставался убежденным монархистом. Сведения о его жизни и деятельности во время Октябрьской революции и Гражданской войны отрывочны. В 1918 г. Романовский на стороне белых участвовал в борьбе с большевиками на Волге, под Казанью. 23 октября 1918 г. он был назначен представителем Директории при союзном командовании во Владивостоке, затем с ноября 1918 по 1 февраля 1920 г. занимал должность главного уполномоченного и военного представителя Верховного главнокомандующего А. В. Колчака при союзниках на Дальнем Востоке²⁴. После этого генерал Романовский получил назначение на пост представителя Колчака в Японии. В апреле 1920 г. он прибыл из Владивостока в Японию, где его и застало окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке. В эмиграции генерал-лейтенант Романовский непродолжительное время оставался в Стране Восходящего солнца, где он стал первым председателем Объединенного комитета русских эмигрантских обществ в Иокогаме. Однако в 1922 г. он уже находился на Балканах, в хорошо знакомой ему столице Болгарии²⁵. Затем Романовский перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), где ему, по данным П. И. Аверьянова на 1932 г., приходилось зарабатывать на жизнь простым инкассатором в частном торгово-промышленном предприятии²⁶. Будучи по взглядам монархистом-легитимистом («кирилловцем»), Романовский не состоял ни в Русском Общевоинском Союзе, ни в Обществе русских офицеров Генерального штаба. Проживал он в Белграде, по адресу улица Тополска, 19.

По имеющимся данным, Юрий Дмитриевич Романовский умер в Белграде в 1939 г.

А теперь, ближе познакомившись с этим выдающимся офицером русского Генштаба, обратимся непосредственно к проекту «границы Романовского».

Активные переговоры о заключении военно-политического союза между Сербией и Болгарией были начаты в сентябре 1911 г. Вопреки наивным иллюзиям русской дипломатии, надеявшейся на оборонительный характер этого союза, все устремления Софии и Белграда имели агрессивно-наступательный антитурецкий характер, и потому узловым местом переговоров с самого начала был вопрос о

разделе османских владений в европейской Турции. В результате долгих и непростых консультаций с представителями Болгарии сербской стороной, которую в процессе переговоров возглавлял выдающийся дипломат, премьер-министр Милован Милованович, был изобретён принцип деления территории Македонии и Косова на три зоны: «бесспорную» сербскую, «бесспорную» болгарскую и «спорную», как своеобразный буфер между ними, решение судьбы которого предоставлялось будущему арбитражу российского императора.

К середине декабря 1911 г. после многих раундов переговоров сторонам удалось в основном договориться об определении границы «спорной» зоны. В обмен на включение в проект договора пункта о возможности автономии Македонии (на чем настаивала Болгария), Сербия добилась проведения такой линии границы «спорной» зоны в северо-восточной и центральной Македонии, которая максимально отвечала её интересам. Болгары согласились на включение в «спорную зону» северной Македонии, включая Скопье (Ускюб). Казалось бы, после этого сферы влияния Сербии и Болгарии в турецкой Македонии были разграничены, что открывало дорогу к подписанию союзного договора. Однако полной неожиданностью для российской дипломатии стало возникновение жёсткого спора между Софией и Белградом о начертании юго-западного отрезка границы «спорной» зоны, в районе Охридского озера. Речь шла примерно об 1/7 общей протяженности восточной границы сфер влияния. Предметом спора была местность со смешанным, преимущественно славяно-албанским составом населения. Значительная часть местных жителей-славян, как это было особенно свойственно населению западной Македонии, еще не имела чётко определившегося этнического самосознания, что делало их желанным призом для проводников сербской и болгарской «великих» национальных идей.

Главным камнем преткновения стал вопрос о принадлежности небольшого городка Струга, расположенного на северном берегу Охридского озера, у истока вытекающей из него реки Чёрный Дрин (сербск. *Црни Дрим*, алб. *Drini i Zi*). Сербы настаивали на том, чтобы от с. Мраморец граница была проведена по условной диагональной линии с северо-востока на юго-запад от с. Мраморец до монастыря Св. Размо (Эразма) на берегу Охридского озера, в нескольких километрах западнее города Охрид. При этом исток Чёрного Дрина и город Струга с его окрестностями входили в «спорную» зону. В свою

очередь, болгары предлагали, чтобы от с. Мраморец линия границы шла на запад до Чёрного Дрина, а оттуда по линии реки до Охридского озера, причем Струга (в 1878 году включенная в пределы Сан-Стефанской Болгарии) отходила к болгарской «бесспорной» зоне.

Отметим, кстати, что, хотя речь шла не о проведении границы между Сербией и Болгарией, а лишь о делимитации «бесспорной» болгарской и «спорной» зон в Македонии, представителями обеих сторон, а также русскими дипломатами «спорная» зона воспринималась как сфера вероятного преобладания Сербии при будущем разделе македонских земель. Именно поэтому споры о границах «спорной» зоны велись сербами и болгарам столь же жаростно, как если бы речь шла о межгосударственном разграничении.

Как докладывал русский посланник в Софии А. В. Неклюдов, министр-председатель Болгарии Иван Гешов Стругу «bona fide (искренне. – В.К.) считал давно уступленной сербам болгарам»²⁷. Именно поэтому непримиримая позиция Белграда по поводу этого района внезапно превратилась в серьезную угрозу процессу сближения двух славянских государств.

По словам Гешова, включение Струги в «спорную» зону (т.е. потенциальная уступка её сербам) встречало особо упорное противодействие болгарских военных. И, коль скоро речь шла о доводах военно-стратегического характера, дипломат Неклюдов решил просить о содействии профессионального военного, генштабиста Романовского. 22 декабря Романовский провёл беседу («в самой дружеской форме», как писал Неклюдов) с начальником Штаба болгарской армии генералом Иваном Фичевым, а на следующий день, 23 декабря, обсудил вопрос с военным министром генералом Никифоровым²⁸. По итогам этих разговоров Романовский 29 декабря направил в Генштаб в Петербург рапорт № 143.

Приведем целиком текст этого интереснейшего документа, чтобы не исказить его содержание пересказом или выборочным цитированием. Итак, Романовский писал:

«Переговоры о болгарско-сербской конвенции, о которых я донес рапортом за № 103, продолжают до сих пор. Обе стороны еще не пришли к соглашению о сферах влияния в Западной Македонии.

По болгарскому варианту граница сфер влияния должна пролегать от села Голем (на сербской границе), следуя по водоразделам, через м.м. Нерав, Градец, Моштанице, Живалево, Туралево, Крушицу и, пересекая р. Вардар близ Сопота, следовать далее на Дреново, высоту в 1622 метра,

м. Крап, по хребту Баба-планина, м. Соп и далее (примерно от м. Мраморец) на запад, до р. Черный Дрин и по течению последней, вплоть до г. Струга включительно.*

Сербы согласны признать эту границу до м. Мраморец (близ истоков речки Брежана), но настаивают, чтобы отсюда граница шла к юго-западу на монастырь, лежащий на берегу озера к западу от г. Охрида.

Здесь сэрбский посланник заявил нашему посланнику, что он получил из Белграда инструкцию отстаивать этот вариант во что бы то ни стало и ни на какие уступки идти не может.

С другой стороны, министр-президент, Гешов, сообщил нашему посланнику, что он готов был бы согласиться с сербским вариантом, но против последнего решительно высказывается военный министр.

Вследствие этого посланник просил меня переговорить с военным министром и генералом Фичевым и постараться убедить их принять сербский вариант, а равным образом по возможности выяснить отношение генерала Никифорова к самой конвенции.

Генерал Никифоров сказал мне, что он искренно сочувствует сербско-болгарскому соглашению и будет очень рад его осуществлению.

Он вполне готов признать границей сфер влияния всю линию, вплоть до м. Мраморец, но считает, что далее сербы избрали границу по искусственной линии, с чем он никоим образом согласиться не может, ибо впоследствии это может явиться источником недоразумений. Болгарский вариант, по мнению Никифорова, несравненно лучше, ибо в нем границей избран рельефный водораздел и р. Ч. Дрин.

В итоге, из разговора с военным министром я убедился, что болгары упорно будут отстаивать свой вариант и на уступку сербам г. Струги ни в коем случае не согласятся. Нельзя также не признать, что указания генерала Никифорова до известной степени справедливы и сербский вариант не вполне практичен, ибо избранная в нем граница носит несколько искусственный характер.

С своей стороны я предложил генералу Никифорову разделить спорный участок пополам, тем более, что по нему протекает р. Брежана, приток р. Сутьески, впадающей в р. Ч. Дрин почти у самой Струги.

Генерал Никифоров отнесся к этому предложению сочувственно и сказал, что на таких основаниях действительно можно придти к соглашению.

Вчера мне пришлось беседовать на ту же тему с сербским посланником, который также в конце концов признал приемлемость указанного выше варианта и решил телеграфировать в этом смысле в Белград.

Таким образом, есть основания предполагать, что если обе стороны проявят некоторую уступчивость, то соглашение между ними может быть достигнуто, тем более что в настоящее время спор идет о небольшой площади, не превышающей 100 кв. километров.

Однако, конечно, все будет зависеть от царя, который пока держится в стороне и предоставил ведение переговоров Гешову.

Полковник Романовский»²⁹.

* г. Ускюб остается в сфере сербского влияния, а г. Велес – болгарского. (Примечание Романовского. – В.К.)

Какие выводы позволяет нам сделать приведённый документ? «Граница Романовского» возникла 23 декабря 1911 г. по старому стилю в ходе разговора русского военного агента и генерала Никифорова, что стало результатом прямого обращения посланника А. В. Неклюдова за помощью к военному агенту. Из рапорта не вполне ясно, согласовывал ли Романовский свое посредничество с руководством Генштаба. Ведение такого рода политических консультаций, естественно, не входило в должностные обязанности военных агентов, однако их служебные инструкции и не запрещали им обсуждение подобных вопросов.

Как следует из документа, глава русской миссии в Софии изначально предполагал, что Романовский лишь обсудит с представителями болгарской армии военно-стратегические аспекты разграничения в Македонии и прозондирует их на предмет готовности к уступкам. Однако военный агент без промедления и весьма активно включился в переговорный процесс, причем не ограничился консультациями с главой военного ведомства, а сразу же начал переговоры и с дипломатическим представителем Сербии. По свидетельству Гешова, Романовский не раз участвовал в переговорах между ним и Спалайковичем об определении границы «спорной зоны»³⁰. Здесь русскому разведчику вначале сопутствовал успех.

29 декабря 1911 г. Неклюдов телеграфировал в МИД Сазонову: «Романовский убедил Спалайковича, что будет справедливо немедленно разграничить округ Струги, отдав болгарам несколько вёрст левого берега Чёрного Дрина до впадения в озеро и взяв себе весь правый берег с правой частью города. Спалайкович телеграфировал Миловановичу, прося разрешения покончить дело на этом основании. Милованович ответил, чтобы Спалайкович выждал и сообщил в Белград соответственно сему предложение с болгарской стороны, а сербское правительство даст ответ. Очевидно, Милованович хочет поддержать мнение мое, Романовского и Спалайковича, но боится оппозиции Пашича. Убедительно прошу вашей поддержки в Белграде. Считаю дело крайне неотложным»³¹.

Таким образом, русский военный агент быстро стал полноценным посредником между Белградом и Софией. Начав переговоры с болгарскими генералами, Романовский убедился, что обладание городом Струга имело для них столь же принципиальный характер, как и для сербов. Достоинствами предложенного им проекта были его компромиссный характер и рациональность с военно-стратегиче-

ской точки зрения. Граница Романовского должна была пройти от с. Мраморец по линиям рек Брежана и Сутьеска вплоть до места её впадения в Чёрный Дрин, а оттуда до истока этой реки из Охридского озера, непосредственно у Струги. Сам город Струга – главный камень преткновения между Сербией и Болгарией – делился Чёрным Дрином на две половины. Для болгарской стороны «граница Романовского» означала дополнительные уступки сербам, однако, опасаясь дальнейшего давления со стороны России в поддержку Сербии, они согласились на этот компромисс.

Весьма интересно свидетельство И. Гешова, который вспоминал: «Одно сообщение, сделанное полковником Романовским генералу Фичеву, было тем более серьёзного характера, что именно в это время и по газетным известиям, и по сообщениям наших дипломатических представителей г. Чарьков уже начал вести в Царьграде переговоры о соглашении с турками»³². Из воспоминаний Гешова не вполне ясно, что именно в тот раз сказал Романовский начальнику Штаба болгарской армии. Но по общему контексту мы можем предположить, что русский военный агент недвусмысленно дал понять Фичеву, что если Болгария продолжит упорствовать, Россия может вообще отказать ей в поддержке и оставить её в одиночку решать свои споры с Сербией.

Позиция русского МИД в те дни отличалась крайней непоследовательностью и изменчивостью. Глава ведомства С. Д. Сазонов вначале поддержал проект Романовского, получивший одобрение болгарской стороны, и призвал власти Сербии заключить договор на основе предложенного компромисса. Однако в Белграде проект «границы Романовского», переданный туда через Спалайковича, был принят властями весьма прохладно и даже враждебно. Сербь отказались принять новый вариант разграничения и потребовали безусловного согласия болгар с их прежними требованиями. 3 января 1912 года Неклюдов докладывал: «При таких условиях считаю переговоры рушившимися окончательно и полагаю, что нам нечего больше рассчитывать на осуществление сербо-болгарского соглашения»³³. В Царском Селе это донесение вызвало настоящее изумление и огромное разочарование. «Не может быть», – написал на телеграмме Неклюдова Николай II³⁴.

В реакции сербов на проект «границы Романовского» не было ничего удивительного, как и в том, что пылкий и бескомпромис-

сний сербофил Н. Г. Гартвиг повел, по выражению историка Эндрю Россоса, яростную атаку лично против военного агента в Софии³⁵. В донесении на имя Сазонова посланник обвинил Романовского в том, что своим вмешательством в ход переговоров тот превысил собственные полномочия и компрометировал политику правительства России. Гартвиг настаивал, чтобы русская дипломатия дезавуировала в Софии проект Романовского, который посланник в Белграде называл «совершенно частным мнением нашего военного агента»³⁶. По словам посланника, «непосредственное вмешательство полковника Романовского в детальные сербо-болгарские споры, находясь в противоречии с основной мыслью императорского правительства о предоставлении самим договаривающимся сторонам выбора различных формул, породило, кроме того, весьма крупное недоразумение. Он даже, например, болгарам выставял названный проект под видом «русского» предложения, обязательного для обоих государств»³⁷.

Гофмейстер Гартвиг прекрасно умел отстаивать интересы Сербии, однако он не имел ни возможности, ни желания сделать что-либо для достижения компромисса между Сербией и Болгарией. Прикрываясь словами о равноудаленности и невмешательстве России в сербо-болгарские споры, Гартвиг, по сути, даже не попустительствовал, а активно содействовал укреплению бескомпромиссной позиции Белграда. Русский МИД пошел на поводу у своего посланника в Сербии и сообщил в Софию, что, коль скоро участию Романовского в переговорах и его проекту в Белграде было придано «нежелательное толкование навязываемого нами решения», следовало отказаться от трактовки проекта военного агента как «русского предложения»³⁸. По сути дела, МИД, ранее сам обратившийся к Романовскому за содействием, теперь отрекся от него.

Однако, несмотря на это, русскому военному агенту в Софии очень скоро и опять не по своей воле пришлось продолжить и даже географически расширить свои посреднические усилия в переговорах между Сербией и Болгарией. Вновь предоставим слово для рассказа ему самому. В своем рапорте № 22 от 8 февраля 1912 г. под грифом «весьма секретно» Романовский докладывал в Генштаб:

«При отъезде великого князя Андрея Владимировича из Софии мне пришлось совершенно случайно сопровождать его до Белграда.

Вечером 22-го января я выехал из Софии, чтобы проводить великого князя до пограничной болгарской станции Цариброд; с этим же поездом

выехал и сербский наследный королевич Александр, которому я был представлен накануне.

В салон-вагоне королевич Александр в крайне любезных выражениях пригласил меня в Белград. С разрешения великого князя я не считал возможным отказываться от этого приглашения.

В Белграде я был представлен королю Петру, который пожаловал мне орден «Белого Орла» 3-ей степени, а затем меня пригласил на завтрак, данный королем в честь великого князя.

Проводив великого князя из Белграда, я в тот же день выехал с ночным поездом в Софию.

Впоследствии здешний сербский посланник сообщил мне, что он просил королевича Александра пригласить меня в Белград, в виду моего участия в болгарско-сербских переговорах, о чем я уже доносил в своих предыдущих рапортах.

До настоящего времени переговоры эти не привели ни к каким результатам. В рапорте № 143 я донес, что обе стороны не могут сговориться относительно разграничения сфер влияния близ Охридского озера. После некоторого колебания болгары согласились уступить часть спорной территории и признать границей сфер влияния р.р. Брежану и Сутьеску, до впадения последней в Охридское озеро, но от уступки г. Струги категорически отказались.

Причина неуступчивости болгар относительно г. Струги, – пункта, не имеющего какого-либо стратегического значения, – объясняется тем, что город этот является родиной братьев Миладиновых, одних из первых деятелей болгарского национального возрождения. Миладиновы умерли в турецкой тюрьме в 1862 году, и недавно по всей Болгарии состоялось чествование их памяти.

На первый взгляд, причина эта кажется мелочной, но, считаясь с шовинизмом болгар, можно заранее предсказать, что они упорно будут отстаивать свое право на преобладание в г. Струге.

Таким образом, спор идет из-за незначительного клочка территории, ограниченного: с сев.-запада р.р. Брежаной, Сутьеской и Дрином, с юга-сев. побережьем Охридского озера и с востока водоразделом, пролегающим примерно по линии м. Мраморец – монастырь на берегу озера.

Во время королевского завтрака в Белграде, будучи посажен рядом с министром-президентом Миловановичем, я имел возможность обменяться с ним мыслями по этому вопросу.

Милованович сообщил мне, что он готов был бы пойти на уступки и согласиться на болгарское предложение, но он один ничего не может сделать (насколько я мог понять, этому противодействует Пашич).

Далее Милованович сказал мне, что в виду кризиса кабинета он едва ли будет в состоянии влиять теперь на ход переговоров.

С своей стороны, я указал Миловановичу, что болгары навряд ли уступят в вопросе о Струге и, таким образом, дело может расстроиться из-за ничтожного городка, не имеющего ни стратегического, ни исторического значения.

В этот же день мне пришлось беседовать на ту же тему с гофмейстером Гартвигом, который указал мне, что сербы отстаивают свой вариант, желая иметь некоторый славянский hinterland* на случай возможной борьбы с албанцами, при своем движении к Адриатике. Как мне кажется, указание это

* Прилегающая территория (нем.) – *В.К.*

было бы справедливым, если бы речь шла о каком-либо значительном пункте, а не о таком небольшом городке, как Струга.

В общем из своей поездки в Белград я вынес впечатление, что без серьезного давления на сербов дело не наладится. Что касается давления на болгар, то оно едва ли может принести пользу: во-первых, потому, что они справедливо сознают себя сильнейшей стороной, а во-вторых, они уже фактически пошли навстречу сербским вождям, признав в сфере сербского влияния такой важный центр как Ускюб и уступив сербам $\frac{3}{4}$ спорной территории близ Охридского озера.

Кризис кабинета Миловановича грозил окончательно прекратить переговоры. В настоящее время, когда Милованович остался у власти, можно было надеяться на благополучное их окончание, но в течение последней недели положение вновь ухудшилось. На днях Гешев заявил нашему посланнику, что царь очень озабочен окончанием этих переговоров и просил по возможности убедить сербов согласиться с болгарским вариантом, о чем д[ействительный] с[татский] с[оветник] Неклюдов телеграфировал в Петербург. Сегодня из Белграда пришел ответ, что сербы ни на какие уступки не согласны. Какой оборот примет дело в дальнейшем – пока предвидеть трудно, но вероятнее всего все переговоры о сербско-болгарском соглашении не приведут ни к чему.

Что касается царя, то он продолжает держаться в этом деле в стороне и избегает разговоров на эту тему как с нашим, так и с сербским посланниками, возложив их всецело на Гешева. Словом, как и следовало ожидать, царь держит себя так, чтобы в случае неудачи переговоров он мог бы сохранить лицо и объяснить эту неудачу неуступчивостью и шовинизмом сербов.

Полковник Романовский»³⁹.

Итак, сербская сторона, зная об активной роли Романовского в процессе переговоров, предприняла особые усилия для того, чтобы на собственной территории попытаться убедить русского генштабиста в справедливости своих пожеланий и, возможно, склонить его на свою сторону. В общении с первыми лицами Сербии и с Гартвигом, который всегда выступал как рупор и адвокат властей Белграда, Романовский выслушал их аргументы и попытался убедить их в целесообразности компромисса, однако на практике убедился в его невозможности. Как мы видели, он вообще сомневался, что переговоры об образовании союза могут быть доведены до благополучного завершения.

Тем не менее, когда русский МИД отказался «продавливать» проект Романовского, болгарская сторона была вынуждена полностью уступить, и 29 февраля (13 марта) 1912 г. политический договор о союзе между Болгарией и Сербией был подписан. Выстраданное соглашение о разделе сфер влияния в европейских владениях Османской империи было зафиксировано во 2-й статье секретного дополнения к союзному договору. По этой статье разграничение

сфер влияния в районе Охридского озера осуществлялось всецело на основе сербской концепции. Однако болгары, тем не менее, не собирались отказываться от Струги, что подтверждало справедливость прежних оценок Романовского о непримиримом, бескомпромиссном характере спора о разделе западной Македонии.

В самый день заключения Балканского союза Романовский написал еще один рапорт в Генеральный штаб в Петербург. Он сообщал:

«Сегодня подписано болгарско-сербское соглашение. Болгары согласились признать предложенную сербами границу сфер влияний, с секретной оговоркой, что в случае реализации этого соглашения Россия будет иметь в виду их право на г. Стругу. В ближайшем будущем будет приступлено к выработке военной конвенции между Болгарией и Сербией.

Вероятным последствием заключения этого соглашения явится возобновление переговоров о заключении конвенции с нами. По крайней мере, царь заявил сегодня нашему посланнику, что он искренно желает этой конвенции.

Пока в Болгарии все спокойно, и каких-либо серьезных приготовлений, указывающих на подготовку к войне, незаметно.

Состав нынешнего правительства дает основание надеяться, что Болгария едва ли может быть вовлечена весной этого года в какую-нибудь политическую авантюру.

Единственное, чего следует опасаться, это военных действий Италии против Дарданелл или побережья Европейской Турции. Эти действия могут вызвать взрыв болгарского шовинизма и поднять шансы воинственных партий, что, в свою очередь, может повлечь за собой выступление Болгарии против Турции.

Предположение это тем более допустимо, что, по полученным мною из достоверного источника сведениям, здешний итальянский посланник недавно беседовал с министром иностранных дел на тему о совместном выступлении Болгарии и Италии против Турции.

Полковник Романовский»⁴⁰.

Несомненно, самая важная часть этого рапорта – его первый абзац. Болгары, формально согласившись на сербский вариант границы, ещё до подписания договора тайно заявляли России о своих исключительных притязаниях на Стругу и о том, что они, по сути дела, рассчитывают на поддержку Петербурга в этих своих устремлениях. Это наглядно показывает, что ещё до образования Балканского союза стороны (в данном случае – болгары) были намерены соблюдать букву договора лишь в том смысле, какой соответствовал их национальным амбициям и чаяниям. Сама идея выделения «спорной зоны» в центральной и западной части Македонии была миной замедленного действия, заложенной создателями Балканского союза под их собственное детище.

Ущербна была и политика России, которая, приняв в форме устной договоренности секретное условие Болгарии насчет Струги, фактически санкционировала возможность тайных сепаратных сделок за рамками союзного договора.

По мнению американского историка Эрнста Хелмрейха, автора классической монографии 1938 года о дипломатии Балканских войн, эта уступка означала, что глава русского МИД Сазонов теперь был настроен поддерживать проболгарский курс посланника Неклюдова⁴¹. Однако нам представляется, что в действительности политика Сазонова ни тогда, ни позднее не была ни «про-», ни «антиболгарской». Она была слабой, неэффективной, непоследовательной, построенной на закулисном лавировании между Сербией и Болгарией и стремлении максимально отсрочить решение принципиального вопроса о судьбе Македонии.

Итак, в последний день зимы 1912 г. политический союз между Болгарией и Сербией был заключён, теперь на повестке дня для этих государств стояла выработка военной конвенции, а также подготовка соглашения с Грецией. Однако полковник Романовский уже не принимал непосредственного участия в процессе дальнейшего формирования Балканского союза, а лишь наблюдал за ним, в силу своих профессиональных обязанностей разведчика. Предложенный им в конце 1911 г. вариант начертания границы в районе Струги навсегда осталась нереализованным проектом.

Начальство Романовского с оптимизмом восприняло факт заключения сербско-болгарского союза. Глава русского Генштаба генерал Я. Г. Жилинский на докладе о заключении договора 29 февраля оставил надпись: «Хороший шаг. Сербско-болгарское соглашение и военная конвенция – первый реальный успех всеславянской идеи». Однако сам Романовский с тревогой и скепсисом продолжал наблюдать за развитием Балканского союза и его приготовлениями к наступательной войне против Турции. Его донесения периода лета и начала осени 1912 г., т.е. непосредственно накануне 1-й Балканской войны, показывают, что русский военный агент в Софии был убеждённым противником вооруженного столкновения Балканского союза и Турции. Он с горечью отмечал неэффективность русской политики в регионе и в Болгарии в частности. К примеру, в личном письме к главе русской военной разведки генералу Н. А. Монкевицу от 20 сентября 1912 г., уже после начала всеобщей мобилизации в Болгарии, Романовский писал: «С болью в сердце должен сознаться,

что наша дипломатия сделала всё, чтобы окончательно запутать и без того скверное для нас положение вещей. Вместо того чтобы вникнуть в положение вещей, Сазонов ограничивался советами благоразумия, подчас в весьма обидной для болгар форме. Это привело к тому, что Неклюдова, который и без этого престижем здесь не пользовался, окончательно перестали слушать и перестали с ним считаться, а затем начали держать нас в полном неведении, как будто русской миссии здесь не существовало»⁴².

В заключение попробуем сделать некоторые общие выводы по проблеме «границы Романовского». Зимой 1911–1912 гг. русский военный агент в Софии Генштаба полковник Ю. Д. Романовский действительно принял достаточно активное участие в завершающей стадии переговоров о размежевании сфер влияния Болгарии и Сербии в турецкой Македонии, которые предшествовали образованию Балканского союза. Однако подключение Романовского к переговорам произошло не по инициативе русского Генштаба и не по собственному почину, а по просьбе дипломатического представителя России в Болгарии А. В. Неклюдова. Причём, судя по всем известным документам, Романовский вообще не испрашивал санкции начальства. Таким образом, вопреки тенденциозному утверждению Покровского, русский Генштаб не «делил Турцию» накануне Балканских войн.

Начав с консультаций с представителями болгарского военного ведомства, Романовский быстро осознал глубокую непримиримость позиций сторон. В этой ситуации он – судя по всему, по личной инициативе и путем быстрой импровизации – предложил компромиссный вариант проведения границы в районе Струги, к северу от Охридского озера. Предложенная им линия – по рекам Брежана, Сутьеска и Черный Дрин, с разделом города Струги на две половины по водотоку Черного Дрина – потенциально могла удовлетворить как военно-стратегические, так и национально-идеологические запросы обеих сторон. И в самом деле, «граница Романовского» для Сербии оставляла возможность получить искомый hinterland для обороны своих новых владений от угрозы со стороны агрессивных горских племен восточной Албании, для Болгарии – давала более защищённый, проходящий по рекам рубеж «бесспорной» зоны; на-

конец, оставляла за болгарами половину города Струги, важного в культурном отношении центра болгарской народности, одного из крайних западных пунктов Сан-Стефанской Болгарии.

К этому моменту тактическая инициатива в переговорах принадлежала Сербии, и потому предложение русского военного агента оказалось гораздо более приемлемо для болгарской стороны, которая быстро на него согласилась. Но затем в судьбе «границы Романовского» в полной мере проявилась беспомощность и непоследовательность русского МИД. Обращение Неклюдова за помощью к военному агенту последовало, когда Сазонов потребовал ускорить заключение союза на основе сербского предложения. Затем и Неклюдов, и руководство ведомства Певческого моста одобрили компромиссный вариант Романовского и попытались склонить к его принятию и сербскую сторону. Однако Белград, нашедший неоценимого союзника в лице Гартвига, категорически отказался идти на уступки. И тогда русский МИД пошел на поводу у бескомпромиссно настроенных сербских властей и у собственного посланника-сербофила. В итоге проект «границы Романовского» был отвергнут, и договор 29 февраля 1912 г. был заключён на основе сербского варианта разграничения – путем проведения условной линии с северо-востока на юго-запад от м. Мраморец до монастыря Св. Размо близ города Охрид.

История «границы Романовского» является ярким примером беспомощности профессиональной дипломатии поздней Российской империи. Она была с самого начала вовлечена в процесс сербско-болгарского сближения, пыталась направить его в выгодное России стратегическое русло, но очень быстро осознала собственную неспособность действительно влиять на ход событий. Однако ведомственные и личные амбиции, в сочетании с реальными государственными политическими и военными интересами на Балканах, не позволяли Петербургу устраниться от процесса образования союза христианских государств региона. А значит, Россия добровольно принимала на себя и немалые геополитические риски и издержки, сопряжённые с этим процессом и его последствиями. Иными словами, она всё больше становилась заложницей своих упрямых и своевольных младших союзников на Балканах. Задача раздела османского наследства между христианскими государствами заведомо не имела справедливого и удачного решения, а выставляться едва ли не главной виновницей этого была обречена именно Россия. И ни «гра-

ница Романовского», ни любой другой подобный компромиссный план даже в случае его успешного претворения в жизнь был не способен снять это проклятие, довлевшее над русской политикой на Балканах в эпоху поздней Российской империи.

Примечания

¹ *Helmreich Ernst Christian*. The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. Cambridge; Harvard; London; Oxford, 1938; *Hoffman John Wesley*. The Austro-Russian Rivalry in the Balkans, 1909–1912. Chicago: The University of Chicago Libraries, 1940; *Thaden Edward C.* Russia and the Balkan Alliance of 1912. University Park, Pennsylvania, 1965; *Rossos Andrew*. Russia and the Balkans. Inter-Balkan rivalries and Russian foreign policy. Toronto; Buffalo; London, 1981; *Hall Richard C.* Bulgaria's Road to the First World War. Boulder, Co: East European Monographs, 1996. Пер. на болгарский язык: *Хол Ричард*. България по пътя на Първата световна война. София, 2005.

² *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940; *Киктев А. Я.* Из истории образования Балканского союза 1912 года // Труды исторического факультета Киевского университета. Т. 1. Киев, 1940. С. 29–40; *Хвостов В. М.* Балканские войны // История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1918 гг.) / Под ред. академика *В. П. Потёмкина*; сост. проф. *В. М. Хвостов* и *И. И. Минц*. М.; Л., 1945; *Галкин И. С.* Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. Вып. 2. № 4. М., 1956. С. 9–40; *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960; *Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912–1913 гг. М., 1969.

³ Гораздо менее повезло 1913 году – времени Лондонской конференции, завершившей 1-ю Балканскую войну, краха Балканского союза и братоубийственной Межсоюзнической войны, что стало катастрофическим моральным поражением русской дипломатии. Её документы по этому периоду так и не были опубликованы до сих пор.

⁴ Цит. по: *Покровский М. Н.* Как возникла мировая война // *Покровский М. Н.* Империалистическая война. 1915–1930 / Изд. 3-е. М., 2010. С. 117.

⁵ *Хвостов В. М.* Балканские войны... С. 219.

⁶ *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн... С. 165–166.

⁷ Подтверждение этого факта оказалось крайне трудно найти в официальных документах, и лишь одно частное письмо Ю. Д. Романовского периода эмиграции позволило окончательно установить его родство с Д. И. Романовским. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5956. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 5–5об. Ю. Д. Романовский – В. В. Чернавину. Б. д.

⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1205. Л. 6–7.

⁹ К 1 мая 1904 г. в дивизии налицо было 16 175 человек. См.: Шварц А. [В.] фон, Романовский Ю. [Д.]. Оборона Порт-Артура. Ч. 2. СПб., 1910. С. 618. Приложения. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 578.

¹¹ Там же. С. 473, 596–597.

¹² Алфавитный список генералов, штаб и обер-офицеров, награждённых орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия за отличия, оказанные в войну с Японией в 1904–1905 гг. // Военный сборник. 1907. № 5, 7.

- ¹³ См.: Шварц А.[В.] фон, Романовский Ю.[Д.]. Оборона Порт-Артура. Ч. 1–2. СПб., 1908–1910.
- ¹⁴ Романовский Ю.[Д.]. Японская армия. Справочник современного устройства японских вооружённых сил. (С рисунками, чертежами и фотографиями). СПб., 1910.
- ¹⁵ Надежный [Д.Н.], Романовский Ю.[Д.]. Дальний Восток. Под общ. ред. Л. М. Болховитинова. Т. 1–3. СПб., 1911.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 1305. Л. 15. В. А. Сухомлинов – Николаю II. Доклад по ГУГШ. 5 февраля 1911 г. № 10.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 990. Л. 206–206об.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 73–75об. Ю. Д. Романовский – генерал-квартирмейстеру ГУГШ. 17 июня 1913 г. № 75. Весьма секретно.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 42, 44.
- ²¹ Там же. Л. 6.
- ²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Ед. хр. 2903. Л. 21, 23.
- ²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Ед. хр. 1304. Л. 367–380.
- ²⁴ РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Ед. хр. 423. Л. 1–1об.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 25.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1.
- ²⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Серия вторая. 1900–1913. [далее МОЭИ] Т. 19. Ч. 1. М.; Л., 1939. № 313. С. 291. А. В. Неклюдов – С. Д. Сазонову. 22 декабря 1911 г. (4 января 1912 г.). № 104.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7392. Л. 1–2. Ю. Д. Романовский – в Огенквар ГУГШ. Рапорт. Из Софии. 29 декабря 1911 г. № 143. Весьма секретно.
- ³⁰ Гешов Иван. Балканский союз // Малые войны первой половины XX века. Балканы. М.; СПб., 2003. С. 356.
- ³¹ МОЭИ. Т. 19. Ч. 1. № 338. С. 312–313. А. В. Неклюдов – С. Д. Сазонову. 29 декабря 1911 г. (11 января 1912 г.). № 107.
- ³² Гешов Иван. Балканский союз... С. 357.
- ³³ МОЭИ. Т. 19. Ч. 2. М.; Л., 1938. № 354. С. 10. А. В. Неклюдов – С. Д. Сазонову. 3(16) января 1912 г. № 1.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Rossos Andrew. Russia and the Balkans...* P. 43.
- ³⁶ МОЭИ. Т. 19. Ч. 2. М.; Л., 1938. № 370. С. 27–28. Н. Г. Гартвиг – С. Д. Сазонову. 5(18) января 1912 г. № 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. № 388. С. 40–41. С. Д. Сазонов – Н. Г. Гартвигу. 12(25) января 1912 г. № 70.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 7392. Л. 3–4 об. Ю. Д. Романовский – в Огенквар ГУГШ. Рапорт. Из Софии. 8 февраля 1912 г. № 22. Весьма секретно.
- ⁴⁰ Там же. Л. 7–7 об. Ю. Д. Романовский – в Огенквар ГУГШ. Рапорт. Из Софии. 29 февраля 1912 г. № 39. Весьма секретно.
- ⁴¹ *Helmreich, Ernst Christian. The Diplomacy of the Balkan Wars...* P. 92.
- ⁴² РГВА. Ф. 37967. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 64–67. Ю. Д. Романовский – Н. А. Монкевицу. 20 сентября 1912 г. Частное письмо.

Э. Г. Задорожнюк
(Институт славяноведения РАН, Москва)

А. И. ГЕРЦЕН, Т. Г. МАСАРИК И СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС*

2012 год – время 200-летия со дня рождения русского социального мыслителя, писателя и политического деятеля А. И. Герцена. Как и сто лет тому назад, этот год отличался активизировавшимися дебатами о темпах и направленности развития России. 1912 год, как известно, стал временем острого столкновения вокруг идей и личности Герцена между В. И. Лениным и П. Б. Струве. В настоящее время спорщиков такого масштаба в российской общественной мысли нет, но дискуссии о Герцене ведутся. Так, еще в начале марта 2010 г. в связи со 140-летием со дня его смерти состоялась конференция «Актуальность Герцена». Одним из главных ее мотивов явился поиск ответов на вопрос: Герцен революционер или постепеновец, социалист, либерал или демократ, западник или славянофил. Внятного ответа на эти вопросы получено не было, поскольку, как отмечали участники конференции, мысль Герцена постоянно пульсировала, политические предпочтения отличались крайней изменчивостью; в целом отмечалась его склонность к постепеновству¹.

В ходе юбилея 2012 г. споры вокруг фигуры и роли Герцена охватили и более широкие слои российской общественности, при этом разноречивой в оценках данной фигуры оказался исключительно большим. О степени проникновения идей Герцена говорит следующее: стали появляться некие сетевые «Герцены», выпускающие аналог «Колокола» и «Полярной звезды», а за право репрезентовать его фигуру как «своего» ведут борьбу государственники и анархисты, либералы и демократы, западники и славянофилы в их современном изводе. При этом особенно яростные споры ведутся вокруг нашумевшего спектакля английского драматурга, выходца из Чехословакии Т. Стоппарда².

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Данные факты и наблюдения свидетельствуют: хотя фигура Герцена была и остается ключевой в плане определения перспектив и направления развития России, полномасштабная ее репрезентация и взвешенные оценки в современном общественном сознании только еще предстоят.

Одно из свидетельств настоятельности таких оценок можно, если вернуться к 1912 году, найти у известного государственного и политического деятеля, видного социального мыслителя, первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика. Этот год – время завершения его работы над произведением «Россия и Европа», одного из первых и фундаментальных трудов в жанре истории идей. Этот труд до сих пор значим в определении точки оценивания развития русской общественной мысли с позиций представителя Европы. Непосредственную разработку его тематики Масарик начал в 1902 г. курсом лекций в Чикагском университете. В дальнейшем создание труда субсидировалось американским миллиардером и осуществлялось по заказу немецких издателей³ и полуофициальных кругов к 300-летию дома Романовых. Книга, увидевшая свет в 1913 г., сложилась из американского цикла лекций, была написана на немецком языке, а в начале 1920-х гг. после ее перевода на английский язык находилась на рабочем столе многих чиновников в британском министерстве иностранных дел⁴. Готовившийся тогда же ее русскоязычный перевод был запрещен царской цензурой, поскольку якобы посягал на авторитет дома Романовых в ходе празднования его 300-летнего юбилея.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы рецепции идей Герцена о славянском единении и соответствующих ему форм государственности, отметим такую ключевую характеристику политического мышления Масарика, как продуктивное социальное проектирование. Воплощение в жизнь результатов данного проектирования привело к созданию во втором десятилетии XX в., в сложнейших условиях межэтнических и межпартийных конфликтов Чехословакии, славянского демократического общества и социального государства, одного из немногих в регионе Центральной Европы, не ставших военной диктатурой; к развитию системы образования, предвосхищающей то, что уже в последней трети XX в. было названо «обществом знаний»; к выстраиванию системы международных отношений с дистанцированием как от восстанавливавшейся Германии, так и от развивавшейся на идеях социализма России. Если бы не было этих достижений, Чехословакия к своему десятилетне-

му юбилею в 1928 г. (пику своего развития, после которого ей пришлось испытать тяжелейшие последствия мирового экономического кризиса) едва достигла бы столь высокого уровня развития и вошла бы в число десяти (а по некоторым подсчетам и пяти) наиболее индустриально развитых стран тогдашнего мира. На президентском штандарте Чехословакии, а в настоящее время Чешской Республики, вышиты золотом слова чешского короля Иржи из Подебрад (1420–1471), известного тем, что он первым выдвинул призыв к мирному сосуществованию народов Европы: «Pravda vítězí!» – «Правда победит!»⁵. Следует подчеркнуть, что проект Масарика в полной мере не удалось реализовать вследствие межъевропейских противоречий. Парадокс истории заключается в том, что разрешение этих противоречий в ходе Первой мировой войны как раз и привело к созданию Чехословакии, но их же обострение в конце 1930-х гг. закончилось ее распадом.

Масарик – плоть от плоти выходец из славянского мира – решал сложнейшую работу национальной идентификации народов Центральной Европы и трансформации их государственности, ориентируясь на мировой опыт решения соответствующих проблем и учитывая положение малых наций поначалу среди империй, а затем и среди вновь возникших республиканских государств. Его идеал – образцы западной демократии, в частности, в американском ее варианте (не случайно в первых конституциях Чехословакии можно найти едва ли не прямые отсылки на Конституцию США). Но ситуация складывалась так, что и становление чехословацкой государственности после Первой мировой войны, и ее восстановление уже в ходе Второй мировой войны происходили благодаря России (СССР)⁶.

Данное общее соображение значимо для более конкретного рассмотрения соотношения идей Герцена и Масарика о решении славянского вопроса. Нами уже отмечалось, что в поистине полифункциональном трехтомном произведении «Россия и Европа» Масарик с беспрецедентной эрудицией развертывает широкую панораму движения русской общественной мысли, в которой он обнаружил и нигилистические тенденции, и социалистические, и демократические идеи, и, при хроническом дефиците критицизма, религиозные искания...»⁷. Не менее важно и то, что написал ее представитель славянских народов, ориентировавшийся на поиски ими новых форм государственности.

В трехтомном произведении Масарика Герцену отводилась одна из ключевых ролей; это следует не только из рецепции общей линии русской общественной мысли, но и близости ряда идей двух великих славянских мыслителей. Главную роль здесь играет идея славянской федерации, но не только она. Важное место занимают как более генерализированная идея общей свободы личности, так и менее значимые идеи относительно роли просвещения, культурного развития⁸.

Прежде чем перейти к более детальному анализу темы «Масарик и Герцен», укажем на некоторое примечательное обстоятельство: намеренное замалчивание многих сторон идейного наследия многогранной деятельности Т.Г. Масарика. Это – несомненное преступление деятелей «социалистической идеологии», превалировавшей в СССР и ЧССР вплоть до конца 1980-х гг. В какой-то мере это можно отнести и к А. И. Герцену, хотя официально ему даже воздавались почести, но, скорее, как революционеру, а не как мыслителю.

Следует отметить, что нарочитое замалчивание наследия Масарика началось фактически со времени его ухода с президентского поста. В конце 1930-х гг., после прекращения существования независимой Чехословакии, его причиной стал негласный запрет на упоминание имени Масарика германскими оккупационными властями. После 1948 г. этой причиной во вставшей на путь социалистического строительства Чехословакии выступила идеологическая неприязнь к Масарику как одному из первых критиков марксизма. Но нельзя сказать, что к его имени часто апеллировали и диссидентские круги в годы «режима нормализации». Многие диссиденты делали акцент на том, что Масарик являлся тем мыслителем и политическим деятелем, благодаря которому общедемократические ценности, включая представления о правах человека, пришли в Чехословакию в основном из Европы и США. Гораздо меньше внимания уделялось тому аспекту наследия Масарика, в котором он уделял значительное внимание России и славянскому миру. При этом надо особо подчеркнуть, что среди представителей именно этого мира он нашел фигуру, к которой проявлял не только глубокий интерес, но и говорил о требовательной любви к ней. Это А. И. Герцен, о котором Масарик писал: «Как бы ни нравился мне Герцен как человек и как писатель, моя любовь к нему имеет пределы. Изменение его взглядов волнует и меня, хотя не совсем потому же, почему оно волновало его друзей»⁹.

Наконец, после 1992 г. причина такого замалчивания заключается в том, что плод титанических усилий Масарика – единое чехословацкое государство – разделилось на две части. Эта акция не соответствовала духу Масарика и тому, что можно назвать масарикизмом (а в решении славянского вопроса – чехословакизмом), и на вопрос, поставленный нами еще в 1993 г.: является ли подобного рода разделение в полной мере продуктивным¹⁰, ответ так и не получен. Это замалчивание не может не быть некой фантомной болью для любого политика как в Чехии, так и в Словакии. Изменчивая его траектория – предмет отдельного исследования; надо сказать, что российские ученые и общественные деятели в этом отношении «преуспели» еще больше, полностью замалчивая идеи Герцена.

Книга «Россия и Европа» находилась и находится в поле зрения многих специалистов по истории, причем критические отзывы о ней выстраиваются из самых разных позиций. В каждом из них можно найти то или иное меткое замечание о том, что Масарик не сделал или сделал неправильно, однако практически всеми признается фундаментальность его труда. Так, еще в конце 1950-х гг. чешский историк Ю. Доланский в рамках укоренившейся в чехословацкой историографии того периода парадигмы подчеркивал, что книга шла в русле непрекращавшегося интереса чешских и словацких мыслителей к России, однако она не опиралась на положения марксизма. Данная идеологическая ангажированность не отменяет того, что он в каких-то моментах справедливо критиковал Масарика, который не всегда правомерно стремился поставить знак равенства между тремя разнородными величинами: русский вопрос – проблема революции – статус религиозности. В соответствии с этой схемой он, по утверждению Доланского, подбирал и интерпретировал фактический материал, часто не останавливаясь перед неточностями в цитировании того же Герцена¹¹. В частности, Доланский ставил в упрек Масарику недостаточность внимания к связке Герцен – Й. Фрич (1829–1890) – последний, будучи революционным демократом, сотрудничал с «Колоколом» и считал первого своим учителем (позже он стал младочехом). Это касается и недостаточного внимания к идее русского мыслителя относительно того, что русификация славян не менее страшна, чем германизация, на что Масарик тоже не обращал должного внимания¹². Книга, как считал Доланский, побуждала к деятельности в направлении победы демократии над теократией, при этом «демократию Масарик воспринимал со своей

религиозно-идеалистической позиции как прямую противоположность “теократическому аристократизму”¹³. В этом плане работа Масарика трактовалась – как при ее выходе в свет Г. Плехановым и Л. Троцким – с консервативно-марксистских позиций как «контрреволюционная» с учетом того, что революция 1905–1907 гг. потерпела поражение.

Действительно, анализа политических сил России в этом произведении Масарика нет – часто его размышления сводятся всего лишь к разгадке Достоевского, роли монаха и фейербахианца в революционном процессе и т.д. Масариком игнорировался и тот факт, что в рассматриваемый период религия и церковь вовсе не являли собой центр духовной жизни в России. В силу этого подход, который условно можно назвать редукцией поисков общественной мысли к духу религиозности, выглядел устаревшим уже ко времени написания «России и Европы».

Знакомство с идеями и деятельностью Масарика и Герцена, этих гигантов общественной мысли славянских народов, показывает, что у них есть много общего. Укажем в первую очередь на следующие: 1) отвержение ряда положений марксизма, его аморализма; 2) глубокая вовлеченность в славянский вопрос в его соотнесенности с Европой в целом; 3) опора на демократию и гуманизм в обосновании и осуществлении политических действий, приверженность идеалу свободы личности; 4) интерес к идее славянского единения и соответствующих ему форм государственности.

Очень важны соображения двух мыслителей об эволюции форм государственности славянских народов, в частности, в процессе считавшегося неизбежным перехода от империи к федерации свободных республик, которые считались результатом и детерминантом соответствующего перехода. Надо особо подчеркнуть, что Герцен был выразителем, а в определенных смыслах и создателем идеи славянского единения в форме общедемократической федерации с учетом фактора преобразующейся России. Масарик отразил эти позиции в «России и Европе». Знакомство же с другими его работами показывает, что ему так и не удалось преодолеть некой заданной самому себе парадигмы в подходе к проблеме Россия и Европа, в соответствии с которой «русская душа» имеет неизживаемую склонность к анархизму или – мягче – а-этатизму, а русская литература не только выражает, но и усиливает эту склонность. Поэтому и русская революция 1905 г. развивалась в теоретическом и практическом, равно

как в философском и моральном плане, вокруг проблемы нигилизма, полагал чешский мыслитель.

В своем ключевом произведении по славянскому вопросу «Славяне после войны» Масарик писал, что еще Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), а за ним Ян Коллар (1793–1852) и многие другие предсказывали падение Германии – и тевтонской расы вообще, – предвидя подъем славянства на высшую ступень развития. Подобных взглядов придерживались польские революционеры-мистики и русские славянофилы, а в определенной степени и западники. Их взгляды и подверглись глубокому анализу в произведении «Россия и Европа» – своеобразном теоретическом предисловии к политическому проекту о славянах, формах их государственного устройства и межгосударственных связей после Первой мировой войны. Необходимо, предостерегал Масарик, критически и с величайшей осторожностью относиться к предсказаниям Гердера и Коллара. При этом он предвидел, что масштаб и поражения Германии, и степени разрушительности России в ходе революционных событий рано или поздно будут поставлены пределы, а славянскому миру будут суждены новые испытания.

Глубинные знания по проблеме «Россия и Европа» пригодились Масарику в меньшей мере при обосновании своей политической активности, направленной на завоевание независимости своей страны. Но, несомненно, они воздействовали на стратегию ее сохранения от воздействий со стороны как большевистской революции, так и германского давления.

Предвидя неизбежность революции в России, обрекая себя на ее приятие, видя отблески зарева, которое охватит Россию и сокрушит многое, близкое сердцу и душе, – Герцен не принимал наиболее устрашающего в ней – аморальности, зряшного нигилизма. С ним солидаризировался Масарик. У большевиков много от Бакунина, писал он, мистическая вера в революцию, в русский народ и его особые качества, в его исключительно коммунистическое будущее. Далее в его работе «О большевизме» идет интересная цитата: «Русский мыслитель удачно отметил тот факт, что схоластика подготовила протестантизм; большевистская схоластика также найдет своего философского противника»¹⁴. Этот мыслитель, по нашему убеждению, – Герцен. В данной работе Масарик подверг осуждению всполохи безудержного революционаризма в стиле Нечаева, благословляемого в свое время Бакуниным. Но и Герцен еще в конце 1860-х гг. осу-

дил того и другого, причем с позиций той созидающей гуманности, которая позже была присуща и Масарику.

После поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. и особенно к концу 1860-х гг. Герцен, по утверждению Масарика, «даже обращается вслед за поздними славянофилами к панславизму. Теперь историческая роль, приписываемая Герценом русским, распространяется им на всех славян. Правда, он не подменяет социальную республику славянской федерацией, но считает, что такая федерация преобразит и подготовит ее. Национальное движение становится для него более важным, чем социальное»¹⁵. Анализируя с этих позиций более широкую проблему – «Россия и Европа» – Герцен предполагал, что первая спасет вторую от анемии, как христиане спасли и обновили Римскую империю.

Согласно Масарику, Герцен «перешел к защите идеи всеславянской федерации»¹⁶ под влиянием прудоновских федеративных доктрин, но также и анархистских взглядов Бакунина. Если внимательно посмотреть на оценки Герценом и того, и другого, то дистанцию между носителями указанных взглядов он все же держал, будучи более искусным, чем Прудон, диалектиком (достаточно вспомнить его поистине диалектическую характеристику знаменитого анархиста как «французского националиста» в книге «Былое и думы»¹⁷), и более трезвомыслящим, чем Бакунин, политическим деятелем. Выход на идею такой федерации Герцен осуществил в 1860-е гг. в большей мере самостоятельно, исходя из ощущавшегося им противостояния Германской и Французской монархий – при все же реформировавшейся России; это единение возможно на платформе социализма.

Как известно, «социалистическое славянофильство» Герцена (по определению М. П. Драгоманова, связывавшего его с идущей от преддекабристского Общества соединенных славян (1823–1825) и Кирилло-Мефодиевского общества идеей «Славянских Соединенных Штатов» как зародышем общеевропейского единения¹⁸) предполагало необходимость освобождения славян как от австронемецкого, так и от российского диктата. В дальнейшем допускалась и федерация государств, но лишь при освободившейся от крепостного права России.

Масарик отмечает ход мысли Герцена, в соответствии с которым сначала Европа для России выступала в качестве идеала (раннее

западничество), а затем Россия стала идеалом для Европы (после 1848 г., когда он признал бесплодным французский социализм, а продуктивным – социализм русского мужика и артели в духе славянофилов). Но любой социализм требует цивилизованности. Поэтому, как полагал Масарик, Герцен сам в глубине души не верил в мужика-спасителя, якобы способного на достижение идеала социального народного государства. Вот почему он рассматривал все социально активные силы, способные приблизить Россию к Европе как носителю начал цивилизованности, а Европу – к России как ферменту социально продуктивных изменений.

Остается добавить, что Масарик, став президентом Чехословацкой республики, во многом воплотил идеал именно социального народного государства, о котором еще во второй половине XIX в. писал Герцен. Путь к созданию такого государства был крайне сложен, однако «малые народы», и в первую очередь чехи и словаки, выбрали именно его. При этом реализовались в какой-то мере идеалы «социалистического славянофильства» в варианте Герцена, то есть имело место создание социальных народных государств, а при благоприятных условиях могли бы возникнуть и их федерации.

Трезвость видения неизбежности фундаментальных социальных перемен в сочетании с неприемлемостью аморальности в политике – вот что свойственно и Герцену, и Масарику, объединяет их, как редко кого другого в политической и духовной истории России и Чехословакии¹⁹. Общее для них и то, что в федерации «юных» славянских государств оба они – в разное историческое время – видели зародыши единой Европы без конфликтов. А это в их времена – если вспомнить хотя бы войны 1866 и 1870 гг.; борьбу за освобождение Италии, а затем Первую мировую войну и ее последствия – было смелой исторической мечтой.

В крупнейшем XIII разделе первого тома работы «Россия и Европа», равно как и в остальных томах отмечается, что русского социального мыслителя отличала широкая политическая активность: его «Колокол» читался царем, он стал едва ли не лучшим автором России, с одной стороны, но с другой – он стал учителем так наз. шестидесятников и реформаторов. Нигилисты учились у Герцена противопоставлению материализма религии, но потом они отвернулись от него за «отвержение революции». Либералы же порицали Герцена за потакание народному бунту, хотя Герцен, в отличие от Бакунина, не призывал Русь ни к топору, ни к расправе.

В чем же, по Масарику, истоки столь мощного и широкого влияния? Дело в том, замечает Масарик, что Герцен, воодушевляясь мистической верой в революцию и прогресс человечества, в 1848 г. прибыл в Париж, но увидел там тщетность данных идеалов. В результате он предался «байронической гордости» в духе Люцифера из «Каина», видя в ней единственный путь к спасению. После разочарования в революции 1848 г. он увидел выход в вере в славянство и Россию. Масарик акцентирует внимание на данной эволюции взглядов русского мыслителя, но и сам он более четко оформляет свои взгляды в духе «революционного реформизма» среди славянства. И все же, судя по работам Герцена, констатирует Масарик, революция оставалась всегда открытой раной его мысли и жизни – раной, от которой может последовать и смерть, и возрождение. Поэтому в конце концов Герцен отказался от некоторых излишеств революционаризма, возлагая надежды на славянство с присущим ему духом общинности. Масарик ощущал, что Герцен не вписывается в парадигму нигилизма, он был в достаточной степени «европейцем». Отсюда его первостепенное внимание к одной из последних работ Герцена – «Письмам к старому товарищу». Соглашаясь с Бакуниным, апостолом и рыцарем нигилизма в **целях** (превращение буржуазного государства в государство народа), Герцен в «Письмах к старому товарищу» расходился с ним в оценке **средства** (революции). Главная мысль Герцена: человечество, народ должны образовываться – через собственность, семью, церковь, государство, добываясь свободы в разуме. Прыжки же противопоказаны истории. В связи с этим, думается, уместны пророческие слова Герцена: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри». Масарик отмечает, что Герцен поэтому не только отрекался от нигилизма, но даже выражал симпатию буржуазии. Именно поэтому в среде эмигрантов он стал «чужим среди чужих»²⁰.

«Перед Герценом, – пишет Масарик, – стояла проблема революции, и ему было необходимо принять решение. Европа подала России революционный пример; воспоминание о декабристах было свято для Герцена, вот почему, воодушевленный революцией, он с такими надеждами поспешил в Париж. Было очевидно, что как русский, как иностранец, он не сможет принять участие в революции. Будь он французом – и то он не был бы обязанным участвовать в революции. Но был ли он прав, осудив революцию?»²¹ Более того,

продолжает Масарик, он осыпал революцию 1848 г. проклятиями за то, что она привела к власти на крови рабочих трусливую буржуазию. Но вряд ли могло быть по-другому: прогресс, согласно Масарику, идет медленно и не по прямой.

Что касается Герцена, он не избавился от упований на революцию, поскольку лишь она могла устранить и крепостное рабство в России, и диктатуру посредственности в Европе. Поэтому начались поиски новых топосов революции – уже не Европа, по крайней мере, не ее западная часть выступает при этом главной. Герцен обратил свои взоры на Россию – и на славянский мир в целом.

Интерпретируя этот душевный переворот Герцена – второй после разочарования в Европе – Масарик утверждал, что русский мыслитель по смыслу призывал: надо следовать Христу, а не Байрону. Нигилистическая русская молодежь не приняла его и не могла принять. Вряд ли согласился бы со своей характеристикой как христианина и сам Герцен. И все же приводимые слова Масарика во многом верны: Герцен «окончил жизнь христианином, христианином на деле, ибо он искренне принял евангелие смирения – этот неверующий христианин!». Каин, утверждал он, превратился в Фауста, того Фауста, которого так сильно презирал Герцен. Более того – «Каин деградировал, заняв место в ряду “лишних людей”»²².

Если продолжить данную цитату, то можно убедиться, что это не окончательное суждение Масарика: «Но практически Герцен пришел к приятию буржуазной тактики и политики. Или нет? Не вполне, ибо если бы он сделал это, то должен был бы принять и буржуазную революцию»²³. То есть, говоря словами одного из персонажей тургеневского «Дворянского гнезда», он сжег все, чему поклонялся, но был вынужден поклониться всему, что сжигал; это значит: отвергая революцию 1848 года как способ легитимации власти буржуазии, он все-таки был обречен принимать идею революции в качестве одного из важнейших путей достижения цивилизованности. Правда, сменился ее движитель – им выступили славянские народы. Это – одно из пульсирующих, живых противоречий, выявленных Масариком у Герцена.

Безусловно, интересно проведенное в книге сопоставление Герцена с Прудоном. Они оба были индивидуалисты, федералисты и анархисты, но Герцен при этом являлся аристократом, отсюда большие горизонты его видения. Последовательно он разочаровался

в позитивизме, прогрессе, даже эволюции общества, но стал предельно близок к историческому нигилизму. Для обоснования уникальности судьбы России он привлекал аргументы европейских социалистов (того же Прудона), чтобы доказать возможности ее прогресса. И все же опора на славянский характер, вопреки тевтонскому, не привела его к последовательному славянофильству.

Герцен говорил о своем социализме как о «русском». Это – «аграрный социализм, социализм мужика и артели. Но в добавление к этому он выступает и за муниципальный государственный и уездный социализм»²⁴, а также – если вспомнить Драгоманова – за «социалистическое славянофильство». Тем и отличается, условно говоря, «герценизм» от «марксизма», где в основном эту идею реализуют рабочие и пролетарии, и от «бакунизма» с его коммунистическим экстремизмом в анархистском духе.

Свой анализ Масарик заключает столь же блестящим, сколь и загадочным афоризмом: «Герцен всегда приближал Россию к Европе, а не Европу к России»²⁵. Отсюда очередной парадокс, высказанный перед данным афоризмом: «Способен ли был Герцен без скептицизма принять мужика в качестве искомого спасителя? Вот почему рядом с мужиком он поставил работника и примирился с буржуазией»²⁶. Тем самым он видел действенную силу столько же в мужике (которого любил), сколько и в буржуа (которого презирал).

Сам Герцен аттестует себя не столь проникательным: «Мы, для утешения себя, хотим другой Европы и верим в нее так, как христиане верят в рай... Наше классическое незнание западного человека наделает много бед, из него разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения... Вся нравственность свелась на то, что немущий должен всеми средствами приобретать, а имущий – хранить и увеличивать свою собственность; флаг, который поднимают на рынке для открытия торга, стал хоругвью нового общества. Человек де-факто делается принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу из-за денег»²⁷. Остается добавить, что именно к такой Европе пришла современная Россия, хотя сама Европа во многом изменилась, как раз усвоив некоторые уроки России (СССР).

Во втором томе своего труда Масарик постоянно подчеркивал глубокую проникательность русского социального мыслителя в подходе к проблеме «Россия и Европа». Он, в частности, отмечает: Герцен писал, что даже славянофил Хомяков ездил в Европу допи-

сывать исконно русскую трагедию «Ермак». Здесь он представлял могучую Россию «всевозможным чехам и далматинцам», а также другим славянам как раз перед тем, как она испытала поражение в Крымской войне²⁸.

Но и тот, и другой сходились в мысли, что Россия может перешагнуть стадии, которые медленно проходила Европа. А.С. Хомяков, а в немалой степени и представитель демократического панславизма Бакунин, стояли на неисторических позициях, Герцен же смотрел на вещи в их развитии. Со временем расхождения между ними увеличивались, хотя личные отношения с Бакуниным сохранились.

Панславизм и его русское ответвление славянофильство оценивались Герценом как позитивное явление с большими оговорками. «Рядом с германизмом, – писал он, – шедшим на воскресение счастливых времен Барбароссы и Гогенштауфенов*, явился чешский панславизм. Правительства были рады этому направлению и сначала поощряли развитие международных ненавистей; массы снова лепились около племенного родства, узел которого затягивался туже, и снова отдалялись от общих требований улучшения своего быта; границы становились непроходимее, связь и сочувствие между народами обрывались»²⁹. Все же Герцен не отказывался и от революционных импульсов демократического панславизма, более того, он считал возможным союз панславистов и Российской империи, для противостояния традиционному угнетателю славянства – империи Германской.

В 1867 г. в Москве состоялся Славянский съезд – и именно в этом году Герцен предсказал поражение в недалеком будущем наполеоновской Франции от бисмарковской Германии³⁰. Исторический его контекст был крайне сложным. Перед этим в 1866 г., в июне-июле, закончилась война между Австрией и Пруссией³¹. По циркулирующим в это время оценкам, войну выиграл прусский школьный учитель. После разгрома войск под Садовой 23 августа 1866 г. в Праге был подписан австро-пруссский мирный договор. Он означил доминирование Пруссии в объединении Германии и укреплении новой империи. Для чехов это явилось новым стимулом к укреплению

* Имеется в виду правление Фридриха I Барбароссы Гогенштауфена (1152–1190) и его внука Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250).

позиций собственного учительства, призыв к чему постоянно звучал в трудах Масарика³² – учительства, ориентированного на создание славянской государственности.

Если в 1848 г. тон в решении славянского вопроса задавали Бакунин и Герцен, участвуя непосредственно в его революционном решении, то в 1867 г. его взяли под надзор славянофилы. Участвовавшие в работе Славянского съезда в Москве Ф. Палацкий и Ф. Ригер в этом плане выступали с умеренными требованиями, при этом, как писал в неизвестном ранее и вновь открытом письме Герцену Бакунин, второй, «когда-то бывший упорным сторонником Австрии, а ныне сделавшийся русофилом»³³, все же вступился за Польшу. Его резко одернули, и перспектива «равноправного славянского союза», о которой Герцен писал в 1864 г.³⁴, стала весьма смутной. Бакунин и в то время стремился опираться на утопическую надежду нового взрыва революции на славянских землях – от Тихого океана и до берегов Балтийского и Адриатического морей. Герцен занял более умеренную позицию: крепнущая Германия, ведомая объединителем земель «железом и кровью» Бисмарком, по-своему хотела решить славянский вопрос, намечая путь от Бранденбургских ворот к Константинополю³⁵. Герцен в этих обстоятельствах призывал помнить об «исторической гравитации» между славянскими народами и Россией – вне зависимости от того, какой там существует строй.

Со времени становления Германской империи решение славянского вопроса лишь усугублялось и однозначные оценки России как всего лишь репрессивной монархии подвергались сомнению. Надо заметить, что еще один мыслитель, пользовавшийся вниманием Масарика, отметил игнорируемый многими социальными мыслителями в силу их идейной ангажированности факт: поляки под цивилизованной Пруссией угнетались куда сильнее, чем под самодержавной Россией. В условиях же Австро-Венгрии они сами подвергали угнетению украинское население, в первую очередь в Галиции. Фиксирующие данную ситуацию наблюдения М. П. Драгоманова всегда находились в поле зрения Масарика при решении им чешского вопроса.

1869 год – время написания последней значимой работы «Писем к старому товарищу», которая привлекла внимание Масарика, хотя ей даются несходные оценки. Сначала, излагая содержание работы, он пишет: «Народ, весь народ, массы не могут быть подготовлены к

жизни в народном государстве ни посредством государственного переворота (*coup d'état*), ни посредством “переворота в головах” (*coup de tête*). Собственность, семья, церковь и государство всегда были и остаются средствами подготовки людей к свободе – свободе разумной! Общество находится в развитии, оно постепенно идет вперед. Государство несомненно представляет собой переходную форму, но функции его по сей день не изжили себя»³⁶.

Действительно, Герцен предупреждал, что «дико необузданный взрыв, вызванный упорством, ничего не пощадит, он за личные лишения отомстит самому безличному достоянию»³⁷. В этом плане вполне правомерно утверждать, что Герцен предвосхитил знаменитую формулу Струве (гораздо в большей степени его последователь, чем Ленин): революция есть реакция³⁸.

Но уже через полтора десятка страниц Масарик утверждает противоположное: «В “Письмах к старому товарищу” уничтожение государства представлено как идеал и говорится, что большинство людей должно достичь наивысшего духовного развития, ибо в этом заключается необходимая предпосылка уничтожения государства. Здесь находит свое выражение также прудоновский федерализм и анархизм»³⁹.

Следует особо подчеркнуть, что эти и им подобные несостыковки – свидетельство действительно трудно разрешимых противоречий и Герценом, и Масариком, касающихся судеб государственности, особенно относительно возможной всеславянской федерации. Действительно, с одной стороны, Герцена страшило сверхобразованное абсолютистское государство – «Чингисхан с телеграфом»; неприемлемо оно было и Масариком. С другой стороны, чешский мыслитель сочувственно цитирует слова русского о том, что если солнце свободы взойдет без кровавых туч, то все равно – будет оно в Мономаховой шапке или фригийском колпаке. Ведь имелись же прецеденты: «галилеянин» (Александр II) в шапке Мономаха освободил крестьян в 1861 г., а революционеры в фригийских колпаках во Франции установили режим террора...

Государственность – это тот феномен, относительно которого требуется придерживаться политического реализма на грани с прагматизмом, и данная мысль свойственна и Масарику, и Герцену. Отказываясь от гиперрадикализма – вследствие изменения «социально-экономического вопроса», – Герцен писал, упрекая своих друзей-

радикалов: «Старые студенты, жившие в отвлеченьях, они ушли дальше от народа, чем его заклятые враги»⁴⁰. В плане политической деятельности эта мысль проявилась в сдерживании антибольшевистской политики, когда его призывали использовать чехословацкие легионы для свержения новой власти в России, в стремлении наладить отношения с СССР и т.д., а также в ослабевающих надеждах на Францию уже в середине 1930-х гг. в противостоянии славянского мира и Германии⁴¹.

В заключительных положениях второго тома «России и Европы» Масарик еще раз – и довольно смело, если не сказать тенденциозно – перечисляет ряд характеристик Герцена, сближающих его с традицией нигилизма и а-этатизма. Он близок к анархизму в духе Штирнера и Прудона; он, подобно Чаадаеву, считал Россию «чистым листом», где можно располагать любые письмена; он вместе с Пестелем критиковал или, по крайней мере, не принимал конституционализма и парламентаризма. Это и неудивительно, считает Масарик, ибо революция против теократического абсолютизма, осуществлявшаяся Герценом, оставляет духовную пустоту, в которой трудно найти место конституции и парламенту. Ведь они – растение протестантское, не прививающееся на русской почве. Герцену хотя и не все было ясно, но он провидчески открывал перспективу развития России, отвергающей парламентаризм, и он оказался прав в своем видении.

И в то же самое время, что составляет глубокий парадокс, Герцен не принял революцию 1848 г., а за ней и революции в целом как единственный и неизбежный способ решения социальных вопросов. Всполохам революции он предпочитал стропила реформ.

В итоге Масарик пишет: «Будучи аристократом, Герцен провозгласил конституционализм, республику и даже всеобщее избирательное право не имеющими ценности, но Герцен был достаточно прозорлив, чтобы во всех этих достижениях буржуазной революции распознать последствия протестантизма. Однако против протестантизма он выступал самым решительным образом – атеист не может прочувствовать религиозное вытрезвление протестантизма, хотя теоретически вместе с Фейербахом, с позитивистами и материалистами требует как раз такого вытрезвления. Революционеры, начиная с Герцена, менее стремились к демократическому равенству, чем к свободе»⁴².

В немалой степени от революции по ее российскому варианту отпугнули Герцена и так наз. «желчевики», которые, по его замечанию, не могли обедать без скрежета зубов, ибо в это время не готовится революция. К числу «желчевиков» Герцен относил не столько Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова (с первым у него был конструктивный разговор в Лондоне), сколько их неумолимых последователей.

В третьем томе издания «России и Европы», анализируя творчество Ф. М. Достоевского, Масарик проницательно, но с чрезмерной пристрастностью замечает, что «русские “богоборцы” обычно становятся обыкновенными убийцами»⁴³ – достаточно вспомнить Печорина и Раскольникова. В качестве «лишь предположения» отмечается, что нигилистическое умонастроение присуще и «титанизму» молодого Герцена, которого Масарик отождествляет то с Манфредом, то с Каином, то с Люцифером – героями Байрона. В то же время Герцен – как подчеркивается в предыдущих частях трехтомника «Россия и Европа» – коллективист и славянофил, то есть любящий народы, склонные к общинности, поэтому он уповает на скрытые силы русского народа и славянства в решении проблемы будущего, связанного с социализмом. В этом он – продолжатель уже известной традиции, которая ранее сложилась в Европе усилиями панславистов.

Масарик уделял первостепенное внимание идеям и деятельности Герцена. Однако помещая их в традициях нигилизма и а-этатизма (а то и анархизма), он видел, что Герцен в каких-то моментах выходит за их рамки. Отсюда его первостепенное внимание к «Письмам к старому товарищу» – работе, не в полной мере оцененной как программа и завещание позднего Герцена и сегодня. Здесь – и это следует подчеркнуть особо – Масарик опередил не только свое время, но и наши дни.

Надо сказать, что дрейфу Герцена к постепенности способствовал И. С. Тургенев. В этой связи интересны оценки Масариком и Тургенева, причем не только как великого художника, но и как политического мыслителя. Возьмем на себя смелость утверждать, что он оценил его как такового даже раньше многих российских исследователей творчества Тургенева.

Тургенев был противником социализма в теории и в практике, и столкновения с Герценом в этом вопросе происходили постоянно.

Он хоть и стремился понять и простить славянофилов (согласно Масарику, это касается сочувственного отношения к их идеалам героя романа «Дворянское гнездо»), но был по преимуществу западником. Поэтому он считал, что лишь европейская наука и цивилизация, правда, в гомеопатических дозах, способствуют выражению сущности славянских народов. «И все же ... Тургенев, точно так же, как Герцен, никогда не чувствовал себя в Европе совсем как дома; несмотря на свою защиту Запада, он, точно так же, как и Герцен, остается русским и верит в своеобразие русского народа»⁴⁴, делает вывод Масарик. В целом же, Тургенев для Масарики в большей мере выразитель вектора поиска цивилизации Россией, чем Герцен. Обозревая все творчество великого писателя, он находит в нем в первую очередь отражение народных потребностей в цивилизованности – при сохранении своей русскости. Последний и наиболее значимый герой для него – герой романа «Новь» Соломин, который преодолевает разрыв между теорией и практикой своим продуктивным трудом, но и «добрым словом». «Тургенев, – пишет Масарик, – рекомендует молодежи терпение. Вряд ли нужно подчеркивать, что Соломин прогрессивнее Базарова: во всех отношениях Соломин более мужествен, чем Базаров, он осуществляет то, чего Базаров только желает. – Дуэль Базарова показывает нам всю глубину различия: теоретически Базаров объясняет, что дуэль – глупость, но на практике эту аристократическую глупость осуществляет – *ex ungue leonem**! Соломин этот разрыв между теорией и практикой преодолел, почти преодолел»⁴⁵. Остается добавить, что среди русской интеллигенции потенциал Соломина вызвал скорее иронию, чем уважение.

Если вернуться к мыслям Герцена и Масарики о пути к единой Европе и месте славянских народов в ней, то между ними можно обнаружить много общего. Это касается своеобразных опасений перед революциями, топором или же привезенной с фронта винтовкой, разрушающими начала цивилизованности. Герцен в последних работах и отказывался поэтому от ультрареволюционности и даже отрицал потенциал революции ради взвешенной эволюции.

Действительно, проиграли все участники Первой мировой войны, за исключением США, а поскольку каждая из трех империй, в которые входили славянские народы, разрушилась по-своему, то и

* По когтям узнаешь льва! (лат.).

перспективы этих народов отличались большой степенью неопределенности. Появились и проблемы во взаимоотношениях между этими народами, в том числе мировоззренческие, на возможность чего указывал тот же Герцен. После войны, пишет Масарик, каждый из славянских народов «именно благодаря своему освобождению получил особую задачу, в которой лишь частично может быть поддержан остальными славянскими народами»⁴⁶. При покупке и продаже национально-лингвистическое родство не играет решающей роли, проницательно замечает он.

Поскольку же для панславизма необходимо политическое руководство, причем со стороны большого народа, и поскольку, естественно, «от этой задачи Россия удалена на долгие годы, на целые поколения»⁴⁷, постольку возникает потребность в новых внешнеполитических конфигурациях. Включая федерацию славянских народов на началах если не социализма, о чем мечтал Герцен, то хотя бы демократизма. Да, утверждал Масарик, существует частичный панславизм в форме Малой Антанты, вопреки военным столкновениям по поводу Тешина формируется союз Чехословакии с Польшей и т.п. — но эти и другие проекты все же слабы вне единой Европы.

Правда, в Малую Антанту вошла и Румыния, а между Чехословакией и Польшей возникли сильные трения. А главное — вновь возникшими славянскими странами проявляли склонность манипулировать западноевропейские государства, ранее составлявшие Большую Антанту, да и влияние, в основном отрицательное, революционной России на них было крайне мощным.

Подобную возможность предвидел и Герцен, видя ее перспективу после освобождения Польши. Так, в «Былом и думах» он критиковал Мицкевича за его пристрастие к Наполеону с учетом именно его убежденности в первенстве Польши среди «освобожденного славянства»⁴⁸. Но имперскую власть готовился принять на излете революции в 1851 г. другой Наполеон, Наполеон III — его племянник. До этого и революционное правительство в поляках «не нуждалось и вовсе о них не думало»⁴⁹.

Эмиграцией манипулировали и в 1848, и в 1863 гг., но для Герцена, поддерживавшего Польское восстание, это не было тайной. На одном из митингов в Лондоне Герцен еще в 1855 г. выступил с призывом поддержать польское дело. Комментируя это выступление и опираясь на суждения самого выступающего, его литературная помощница и переводчица его трудов М. фон Мейзенбург (1816–1903)

писала: «Поляки всегда были в роли просителей у подножия европейских тронов, особенно у французского... Они не научились понимать, что когда французы сочувствуют полякам, то это или революционная фраза, или, может быть, политический ход, являющийся постоянной угрозой России»⁵⁰.

Остается добавить, что не без учета этого трезвого анализа данного феномена Герценом (которому «пришлось пострадать за свои симпатии к Польше»⁵¹) Масарик выработал и свою оценку оси отношений Франция – Польша. «Поляки стремились обеспечить спасение человечества с помощью и под практически руководством французов, которые славянами не являлись, в то время как русские чувствовали в себе достаточно сил для самостоятельного выполнения этой миссии. Чехи (и словаки), сознавая незначительность собственных сил, но помышляя вместе с тем о всеобщем и могущественном славянстве, всегда были склонны уповать на помощь всего человечества и цивилизованного мира... Русские, поляки и южные славяне опирались на церковь, чехи же опирались на культуру»⁵², – заключал он.

Масарик – политический реалист, но одновременно непривычный для XX века «философ на троне», поэтому его мысль шире наличествующего положения дел. Он заключает: «Война и повоенные условия жизни ведут все народы Европы к согласию, голоду и единению. Я верю, что наконец создадутся Европейские Соединенные Штаты. Эта новая Европа будет создаваться понемногу и по частям»⁵³. Намеченный им путь таков: тесные союзы отдельных народов → Антанта (Большая и Малая) → Лига наций. «Единение Европы будет дополнено и расширено единением всего человечества... к объединению европейских народов славянские народы будут подготовлены своим взаимным пониманием и связью»⁵⁴, – провидчески замечал он. Герцен был выразителем, а в определенном смысле и создателем идеи славянского единения в форме общедемократической федерации. Это же касается представлений как Герцена, так и Масарика о протопроектах Соединенных Штатов Европы. Тем самым, между мыслями Герцена и Масарика о единой Европе и месте славянских народов в ней можно обнаружить много общего. Следует заметить, что это предвидение оказалось значимым скорее для XXI в. и в первую очередь для европейских неславянских народов, создавших в XX в. Евросоюз.

Идея единой Европы обосновывалась ими полно и на длительный срок. Но такая Европа немислима без славянских государств. Объединение восточного и западного начал обновит старый континент. Так ранее считал и Герцен – представитель литературы, согласно Масарику, ориентированной на разрушение. Отсюда – парадоксы в его оценке. Естественно, это не значит, что Масарик не принимал этой литературы – более того, есть основания утверждать, что он ею жил. И в силу этого сделал открытия первостепенной значимости в исследовании общественной мысли России.

Герцен в статье «Даниил-Тьер» (1869 г.) – как раз накануне Парижской коммуны – заметил, что в 1848 г. социализм противостоявшие ему силы победили, но такого рода победы чреватые деградацией цивилизации. «21 год тому назад, – отмечал он, – социализм был побит наголову и похоронен рядом с анабаптизмом и другими утопиями, имевшими целью благосостояние большинства и общественное пересоздание на его основах. Уверенность в победе была велика и немудрено: победили больше, чем хотели – победили вместе с врагом самим себе. Хотели усмирить, подавить химеру социализма – а усмирили всякое свободное движение и подавили всякую независимость, всякое человеческое достоинство»⁵⁵.

Мысли и оценки Масарика о Герцене также предостерегают от упоения подобными «победами». Все же социализм, считают они оба, неизживаем из общественного организма. Однако нельзя забывать и того, что как для Герцена, так и для Масарика герой истории – это не крот, который роет, а человек, который строит. Отсюда их отвержение некоторых ключевых положений марксизма с его технократическими интенциями и признание права народов в любых обстоятельствах бороться за независимость, а вслед за этим – за содружество разных народов, предвидя проекты Соединенных Штатов Европы с предельно широким членством государств: новых и старых.

Таким образом, обоим славянским мыслителям была присуща установка на постепенное развитие, особенно четко проявленная в «Письмах к старому товарищу» и культуротворческой работе Масарика. Их сближает и общность видения судеб славянского мира, в частности, в процессе неизбежной трансформации империй в республики.

XXI век внес много нового и неожиданного для мыслительных конструкций двух этих мыслителей. Центральная Европа объевропеилась, а Россия стоит на начальных стадиях данного процесса. Однако это не решило множества проблем в плане взаимопонимания. Более того, возникли процессы трудно предвидимые не только Масариком и Герценом, но и современными мыслителями. Произошел крах социализма, наблюдается резкая активизация националистических идей, но при этом усиливаются идеи панъевропеизма и глобализма. Все же внимание к взглядам Герцена, Масарика и других мыслителей, рассматривавших славянский вопрос, значимо и потому, что их проекты федерации славянских народов наконец нашли воплощение в реализовавшейся идее Европейского Союза уже в конце XX в., включая поиск новых форм наднациональной государственности.

Конечно же, искать лишь у Герцена ответы на вопрос о путях развития России или только у Масарика соответственно новой Европы вряд ли достаточно для конкретного анализа отношений России и Европы, равно как и для решения славянского вопроса в XXI в. Тем не менее, их идеи не потеряли актуальности, а прочтение указанных глав далеко не лишь юбилейное и не только сугубо историографическое занятие. Ибо в XXI в. ряд идей двух мыслителей сохраняют свой креативный потенциал, затрагивая глубинные основы существования как России и Европы, так и славянских народов.

Трезвость видения неизбежности социальных перемен в сочетании с неприятием аморализма в политике – вот что было свойственно и Герцену, и Масарику и объединяло их в решении славянского вопроса и соответствующих ему форм государственности. Так, в федерации «юных» славянских государств оба они – в разное историческое время – видели зародыши единой Европы без конфликтов. А это в их времена – если вспомнить хотя бы войны второй половины XIX – начала XX вв. (борьбу за освобождение Италии, а затем и Первую мировую войну и ее последствия) было смелой исторической мечтой.

Особенно это касается общей проблемы, которую можно обозначить так: от демократического союза славянских народов – к подлинно демократической Европе, а более конкретизированно: от Славянских Соединенных Штатов (термин Герцена, попавший в поле зрения Масарика и по-новому осмысленный им) – к Европейским Соединенным Штатам. Эта идея получила мощное подтвер-

ждение в современном всеевропейском политическом процессе. К слову, в свое время на вопрос о том, кто мог бы стать президентом США, Б. Шоу ответил: Масарик.

Безусловно, тема «Герцен и Масарик о славянском вопросе» далека от завершения. Ее всестороннее рассмотрение значимо для новых условий налаживания контактов между Россией и Западом с учетом того, что Чехия и Словакия в рамках Австро-Венгрии, Чехословакия, Чехо-Словакия, а сегодня Чехия и Словакия являются своеобразным мостом между Востоком и Западом. Отсюда и особая ценность метких суждений и оценок Масарика, не только яркого социального мыслителя, но и политического деятеля, соизмерявшего свои идеи с жизнью.

В первые десятилетия XXI в. ситуация сложилась так, что единение Европы идет интенсивнее не в славянской ее части, а Россия все еще не может нарастить интеграционные импульсы в отношениях с соседями. Упования Герцена и Масарика на интеграционный потенциал славянства и поэтому может выглядеть, как утопия. Однако сдавать их на свалку истории преждевременно: славянским народам предстоит новая роль в достижении единства народов в более широких масштабах.

Примечания

¹ Никольский В. Ф. А. И. Герцен: дворянский революционер, но не революционный демократ // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 93–98.

² Автор пьесы «Берег утопии» Том Стоппард родился в 1937 г. в г. Злине (Чехословакия) и носил фамилию Штрауссиг; после смерти отца его мать вышла замуж за англичанина. Т. Стоппард был знаком с В. Гавелом и переводил его труды. В газетной публикации Стоппард так оценивает идеи и личность Герцена, которые он уяснил через работы И. Берлина: «Величие души Герцена дало его мышлению ту широту, которая отдалила его от следующих поколений активистов» (См.: Новая газета. 2012. 6 апреля). Вышел телевизионный фильм «Изгнанник», прошли телепередачи о Герцене. И все же, как отметила «Российская газета», юбилей отмечен не был, а голос Герцена – не услышан. (См.: *Басинский П.* Прощай, Герцен // Российская газета. 2012. 10 апреля). В статье приведены примечательные слова Герцена, открывающие сборник «Голоса из России»: «Мы равно приглашаем наших Европейцев и наших Панславистов, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных. Мы исключаем одно то, что писано с целью упрочить современный порядок дел в России, ибо все наши усилия к тому и устремлены, чтобы его заменить свободными и народными учреждениями». Там же.

³ Как рассказывал сам Масарик, в 1909 г. к нему обратился немецкий издатель Дидерихс с просьбой написать книгу о России. Личный архивариус Масарика А. Гашпарикова-Горакова писала в 1931 г., что Дидерихс мотивировал свою просьбу «рас-

тушим немецким интересом к славянскому востоку» // См.: *Gašparíková-Horáková A. U Masarykovcov. Spomienky osobnej archivárky T. G. Masaryka*. Bratislava, 1995. S. 97.

⁴ Уже из сказанного видно, произведение Масарика «Россия и Европа» имеет весьма богатую историю. По свидетельствам Сетона-Уотсона и Стида, данный труд стал едва ли не настольным в германском генштабе. Оба они умалчивали, что была эта книга и в штабе английских высших военных кругов, когда Англия и Россия являлись уже не союзниками, а противниками. А вот в самой России ее перевод резко затормозился в царские времена и вопрос о ней не поднимался во времена советские. Получилось так, что до российского читателя она доходила с большущим трудом. Впервые книга в двухтомном издании вышла на немецком языке в 1913 г. (*Masaryk T. G. Russland und Europa: Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen*. Jena, 1913. Bd. I. Flg. 1–2), в 1919 г. – на английском языке и только затем – в 1919–1920 гг. – на чешском (переиздана в 1930 и 1932 гг.). Итальянское издание появилось на свет в 1922–1923 гг., тогда же – хорватское. Готовились и русскоязычные переводы, причем ее хотел увидеть на русском языке М. Горький, с которым Масарик часто встречался на Капри. Что касается переводов, сделанных эмигрантами, то появлялись лишь отдельные их фрагменты. И только в 2000–2004 гг. на русском языке вышли три тома произведения «Россия и Европа»: т. 1. Проблемы русской философии истории и религии. СПб., 2000; т. 2. К русской философии истории и религии. Социологические очерки. СПб., 2004; т. 3. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2003.

⁵ *Machovec M. T. G. Masaryk a naše státnost*. Praha, 2000. S. 39.

⁶ Монархист В. В. Шульгин писал в предисловии к книге В. А. Лазаревского: «Масарик есть один из факторов создания современной Чехословакии. Но другой фактор – Россия. И трагедия состоит в том, что второй “фактор” не любил, вернее сказать, ненавидел второй» (*Лазаревский В. А. Россия и чехословацкое возрождение*. Париж, 1927. С. 7). Примерно в том же духе писали и советские идеологи, давшие санкцию, в частности, на перевод и издание книги «Документы против» (Прага, 1948), но основным его грехом они считали ненависть к большевизму. Ненависти к России Масарик все же не испытывал, с большевизмом ему приходилось идти на компромиссы, а фактором России (СССР) он не пренебрегал никогда.

⁷ *Абрамов М. А., Лаврик Э. Г., Малевич О. М.* Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // *Масарик Т. Г. Россия и Европа*. Т. 2. СПб., 2004. С. 640.

⁸ Как Масарик, так и Герцен предпочитали культурную революцию кровавой революции, хотя они в силу многих соображений признавали допустимость революционного насилия. Известно, что Герцен поместил в своем «Колоколе» письмо с призывом «К топору зовите Русь», а Масарик обращался к легионерам, как конструирующей государство силе. Этим и диктуется необходимость современного прочтения глав книги «Россия и Европа», посвященных Герцену, на что автором данной статьи указывалось еще в 1997 г.: «Глубоко изучил Масарик вовлеченность А. И. Герцена в решение славянского вопроса в его соотнесенности с Европой в целом. В соответствии с видением Масарика, “русская душа” имеет большую склонность к анархизму или – мягче – к а-этатизму, то есть антигосударственности» // См.: *Задорожнюк Э. Г.* «Россия и Европа» Т. Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 30.

⁹ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. Т. 1. СПб., 2000. С. 407. Такие слова находились кроме Герцена только по отношению еще к одному человеку – Л. Толстому: «Ясно, что у Толстого не было времени заниматься другими вопросами, например, вопро-

сом национальным. Ему милы славяне были тем, что славянин меньше требует, чем француз или немец, которые все время что-то выдумывают» // *Masaryk T. G. Velicí mužové*. Praha, 1926. S. 181. И еще: «Когда я его увидел по прошествии 20 лет, я чувствовал, что это последний раз. И его смерть стала логическим завершением его жизни. Он уже в нас, у меня нет ощущения, что мы его потеряли. И в художественном, и в жизненном плане он должен выйти из нас наружу, в жизнь – много Толстого не будет вредить чешской жизни. Дух Толстого достиг и нас, и нужно пожелать, чтобы этот дух, дух правды все больше и больше ширился в нас» // *Ibid.* S. 182.

¹⁰ См.: *Задорожник Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества // *Вестник Российской академии наук*. М., 1993. Т. 63. № 12.

¹¹ *Dolanský J.* Masaryk a Rusko předrevoluční. Praha, 1959. S. 301.

¹² *Ibid.* S. 165.

¹³ *Ibid.* S. 301.

¹⁴ *Масарик Т.Г.* О большевизме. Прага, 1921. С. 50.

¹⁵ *Масарик Т.Г.* Россия и Европа ... Т. 1. С. 400.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1969. С. 660.

¹⁸ Письма Бакунина к Герцену и Огареву. СПб., 1906. С. 57, 102.

¹⁹ Соотношение свободы личности и ее принадлежности к социальной общности, гуманность и политическая необходимость – в анализе данной проблемы Герцен в мысли и политических действиях, Масарик в политических действиях и мысли также обнаруживают много общего. Неслучайно поэтому в сборнике к 80-летию Масарика И. Горак, называя его «человеком мира», сравнивая чехословацкого мыслителя с А. Герценом, включал в этот ряд и А. Мицкевича // См.: *Masaryk: Staatsman und Denker*. Bonn, 1930. S. 118.

²⁰ *Масарик Т.Г.* Россия и Европа ... Т. 1. С. 408.

²¹ Там же. С. 387.

²² Там же. С. 391.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 401.

²⁵ Там же. С. 405.

²⁶ Там же.

²⁷ *Герцен А.И.* Былое и думы ... С. 613, 614, 616.

²⁸ *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. Т. 2. СПб., 2004. С. 119.

²⁹ *Герцен А.И.* Былое и думы ... С. 456.

³⁰ Выразил эти надежды поэт и политический мыслитель Ф. И. Тютчев в знаменитом стихотворении «Два единства», написанном уже после смерти Герцена и не попавшем в поле внимания Масарика:

«Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней ...
“Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью ...”
Но мы попробуем спаять его любовью –
А там увидим, что прочней ...» //

Тютчев Ф. И. Сочинения. Т. 1. М., 1984. С. 384. Характерно, что оно было прочитано 1 октября 1870 г. в Славянском благотворительном комитете по случаю присоединения к православию тринадцати чехов, но как бы затерялось на долгое время, несмотря на свою метафорическую мощь.

³¹ Томашу Масарику в то время исполнилось 16 лет, но уже тогда он осознал сверхсложность решения чешского и более широко – славянского – вопроса в условиях двух империй. «В [18]66 г., когда началась война с Пруссией, мы, несколько чешских гимназистов, учившихся в Брно, решили записаться добровольцами, чтобы выступить против пруссаков. Против пруссаков – но ведь не за Австрию!» // См.: *Чапек Карел.* Беседы с Т. Г. Масариком // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 107.

³² Подробнее см.: *Задорожнюк Э. Г.* «Один против всех...» // Высшее образование в России. 1997. № 2; *она же.* «Учителя, будем демократами». К истории становления образовательной стратегии Т. Г. Масарики // Международный исторический журнал. 2000. № 11. – http://history.machaon.ru/all/number_11/istori4e/process/index.html; *она же.* Томаш Гарриг Масарик и его труд о России // <http://www.mecenat-and-world.ru/33-36/zadorojnyuk.htm>; *она же.* Т. Г. Масарик и Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007; *она же.* Штрихи к портрету Томаша Гаррига Масарики // Новая и новейшая история. 2012. № 5.

³³ Бакунин и Герцен в полемике по славянскому вопросу. Герцен и Запад // Литературное наследство. М., 1985. № 96. С. 411.

³⁴ *Герцен А. И.* Соч. в XXX томах. Т. XVIII. М., 1957. С. 400.

³⁵ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа... Т. 1. С. 157.

³⁶ Там же. С. 389–390.

³⁷ *Герцен А. И.* Соч. в XXX томах... Т. XX. Ч. 2. М., 1959. С. 593.

³⁸ «Содержанием коммунистической революции, – писал Струве, – была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция» // См.: *Струве П. Б.* Истоки и существо коммунистического хозяйства. Берлин, 1921.

³⁹ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа... Т. 1. С. 402.

⁴⁰ *Герцен А. И.* Соч. в XXX томах... Т. XX. Ч. 2... С. 589.

⁴¹ В «Эпилоге» своих воспоминаний личный архивариус Масарики А. Гашпарикова-Горакова так описывала события лета 1937 г.: «В славянских институтах Сорбонны, лионского и страсбургского университетов профессору И. Гораку предстояло прочитать лекции о масариковской философии, о наших народных балладах с учетом их отношения к Западу. Стипендия была достаточной, поэтому я могла присоединиться к супругу еще и потому, что новому чехословацкому министру иностранных дел Камилу Крофте хотелось в неофициальном порядке получить информацию о настроениях во французском обществе. Она не была утешительной. О гитлеровско-немецкой агрессивной западне говорилось так, как будто бы французов это вообще не касалось. Французской общественности не свойственны столь неприкрыто высказывавшиеся взгляды: не рассчитывайте на нашу помощь, мы за вас воевать не будем. С тревогой мы предчувствовали, что они даже себя не станут защищать – эти граждане страны, первой поднявшей знамя свободы» // См.: *Horáková-Gašparíková A.* Z lánského deníku. 1929–1937. Praha, 1997. S. 199–200; см. также: *Gašparíková-Horáková A.* U Masarykovcov... S. 280.

⁴² *Масарик Т. Г.* Россия и Европа... Т. 2. С. 548.

⁴³ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа. Т. 3. СПб., 2003. С. 439.

⁴⁴ Там же. С. 314.

⁴⁵ Там же. С. 326.

- ⁴⁶ *Масарик Т. Г.* Славяне после войны. Прага, 1923. С. 17.
⁴⁷ Там же. С. 18.
⁴⁸ *Герцен А. И.* Былое и думы ... С. 821.
⁴⁹ Там же. С. 802.
⁵⁰ *Мейзенбуг М.* Воспоминания идеалистки // Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 364.
⁵¹ *Масарик Т. Г.* Россия и Европа ... Т.1. С. 303.
⁵² Там же. С. 296–297.
⁵³ *Масарик Т. Г.* Славяне после войны ... С. 20.
⁵⁴ Там же. С. 23.
⁵⁵ *Герцен А. И.* Соч. в XXX томах ... Т. XX. Ч. 2 ... С. 572.

А. С. Стыкалин

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ЮРИЙ КРИЖАНИЧ ГЛАЗАМИ РАБОТНИКОВ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА КПСС
(1950-е годы)**

Личность хорватского мыслителя XVII века Юрия Крижанича (1617–1683), 17 лет проведенного в России, постоянно привлекает к себе внимание как исследователей идей славянской взаимности, так и специалистов по истории духовной культуры допетровской Руси и всего славянского мира. Между тем, отношение к Крижаничу в отечественном общественно-научном сознании не было неизменным, оно зависело от состояния умов, доминирования в обществе тех или иных идейных течений, но иногда также и от колебаний политической конъюнктуры. Это в полной мере касается советского периода российской истории. Как показывает публикуемый ниже документ из фондов аппарата ЦК КПСС в Российском Государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), иногда на протяжении всего лишь одного десятилетия Крижанич предстал в глазах партийно-идеологической номенклатуры СССР то в ипостаси неутомимого, легендарного борца за единение славян, то в облике агента Ватикана, то (что ближе к истине) как не лишенная противоречий фигура, внесшая определенный позитивный вклад в развитие общественной (как политической, так и экономической) мысли России раннего Нового времени.

В дореволюционной России работы Крижанича неоднократно издавались, был опубликован не один десяток исследований его творчества. Однако в раннее советское время, когда торжествовал узкий классовый подход, этот далекий от революционных традиций мыслитель (один из первых идеологов российского абсолютизма и предтеча более поздних панславистских идейных течений) не мог занять достойного места в официально признанном культурном наследии. Ситуация медленно начала меняться с конца 1930-х гг., по мере перерастания революционной версии большевистской идеологии в доктрину, обслуживающую великодержавные интересы сталинского режима. С началом войны идеи славянской взаимности и солидарно-

сти вытаскиваются из глубин культурных хранилищ, полностью реабилитируются и, более того, все активнее привлекаются к решению текущих задач политической пропаганды. Крижанич с легкой руки известного историка С. В. Бахрушина, писавшего свою статью в самые тяжелые месяцы войны, окончательно вызволяется из мрака забвения, нисколько не изменив при этом своему ранее сложившемуся образу радетеля славянской солидарности¹. В новых условиях этот образ совершенно освобождается от присущих ему в предшествующий период негативных коннотаций, связанных с «реакционным» панславизмом, наполняется однозначно позитивным содержанием.

15 февраля 1945 г. по инициативе Всесоюзного общества по распространению научных знаний в Центральном доме актера в Москве была прочитана лекция «Юрий Крижанич – поборник свободы и единства славянских народов». Выступивший с ней работник агитпропа Б. Д. Дацюк писал о Крижаниче также для бюллетеней ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), рассылавшихся по редакциям зарубежных печатных изданий, а через год опубликовал в Госполитиздате большим тиражом брошюру о хорватском мыслителе². Изменение политической конъюнктуры дало возможность обратиться к наследию Крижанича и серьезным ученым, включая академика В. И. Пичету³, для которого эта тема была не новой – свою первую работу о хорватском мыслителе XVII в. он написал еще до революции⁴.

Но прошел всего лишь год после публикации статьи Пичеты, как конфликт между Сталиным и Тито разом обесценил и деактуализировал идею славянской взаимности, очистив имперскую идеологию сталинизма от любых панславистских окрасок, получивших широкое распространение в середине 1940-х гг. Между тем, советско-югославский конфликт не изменил прежней линии Сталина и его окружения в отношении православной церкви. Известно, что поворот в церковной политике пришелся в СССР на годы войны. Причем, если во время войны православная церковь использовалась в интересах достижения национального единения на патриотической платформе, то после войны она становится специфическим инструментом имперской внешней политики руководства СССР, реализации его геостратегических планов, каналом расширения влияния Москвы в Восточной Европе в противовес Западу (и Ватикану). Сталину в принципе не были чужды идеи утверждения в противовес Ватика-

ну вселенскости РПЦ, в последней он видел силу, способную объединить православные церкви на антизападной платформе и уж во всяком случае противодействовать претензиям Ватикана на доминирующие позиции в духовной жизни стран советской сферы влияния в Центральной Европе, а также униатских областей Советской Украины⁵.

В условиях начавшейся холодной войны прежнее пренебрежительное отношение Сталина к Ватикану (хорошо известна его сказанная в 1945 г. соратникам в раздражении фраза: «Римский папа, а кто он такой? Сколько у него дивизий?») сменяется отношением к католическому клиру как одному из наиболее эффективных и опасных орудий Запада в идеологической борьбе с СССР. Поставленные в повестку дня задачи идеологического порядка требовали не только подключения к их решению Русской православной церкви, но и искусственного выстраивания длительной исторической традиции противостояния России Ватикану, его идейной экспансии на русские земли⁶. Своего апогея антикатолическая пропаганда достигает в феврале 1949 г., когда на фальсифицированном процессе в Будапеште предстал перед судом, приговорившим его к пожизненному заключению, глава венгерской католической церкви кардинал Миндсенти.

И здесь оказалась весьма кстати фигура хорвата-католика Крижанича, приехавшего в 1659 г. в Россию с миссионерскими целями. Соблазн проиллюстрировать яркой фигурой Крижанича происки «черных воронов Ватикана» против России оказался сильнее устойчивого, традиционного отношения к нему как к одной из фигур, символизирующих славянскую взаимность. Не помешало и апологетическое в сущности отношение Крижанича к российской государственности второй половины XVII в., ее растущим державным амбициям, формирующемуся абсолютизму⁷. Новый взгляд на хорватского мыслителя нашел законченное выражение в статье П. П. Епифанова, опубликованной уже после смерти Сталина⁸. В работах начала 1950-х гг. по литературоведению и истории культуры отвергалась по сути дела вся современная Крижаничу духовная культура барокко как «реакционный продукт» католической контрреформации⁹.

Но уже с 1953 г. маятник политической конъюнктуры медленно, но необратимо начал двигаться в обратном направлении. Советско-югославские отношения вступают в полосу нормализации¹⁰. Осенью

1954 г. фактически сходит на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов, взявших в конфликте сторону Коминформа и нашедших прибежище в СССР. 20 октября «Правда», используя в качестве повода 10-летие освобождения Белграда от нацистов, провозгласила тезис о братстве народов двух стран. О готовности СССР пойти на сближение с Югославией говорилось и 6 ноября по случаю очередной годовщины октябрьской революции. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 г. подписанием соглашения о товарообмене между СССР и ФНРЮ на 1955 г. Улучшение советско-югославских отношений давало историкам новый политический заказ, перевесивший необходимость разоблачения происков Ватикана, – теперь предстояло выискивать исторические фигуры, способные символизировать общность устремлений, братство и сотрудничество русского и югославянских народов.

Таков был именно «югославский» фон принятия нижеприведенной резолюции аппарата ЦК КПСС об отношении к Крижаничу. Но на актуализацию идеи славянской взаимности, а значит и новый пересмотр отношения к Крижаничу (отказ от взгляда на него как на «агента Ватикана»), работал и иной фактор: именно в 1954 г. широко прошли торжества по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией. Живший как раз в ту эпоху Крижанич, как явствует из ниже приведенного документа, мог быть востребован в интересах пропаганды российско-украинского единства – этому способствовали как его пребывание на Украине, так и некоторые его работы. Все-таки в отделе науки и культуры ЦК КПСС подходили к проблеме Крижанича довольно взвешенно, осторожно и выжидательно, без шарахания в крайности, поскольку в декабре 1954 г. пока еще трудно было предугадать, куда «повернется дело» с Тито, насколько далеко продвинется нормализация отношений с Югославией. Довольно обтекаемая, амбивалентная оценка деятельности Крижанича была дана не только в нижеприведенном документе, но и в том научном труде, в связи с подготовкой которого была принята резолюция, – в первом томе «Истории русской экономической мысли».

Более решительный шаг в переоценке Крижанича был сделан в июле 1956 г., через две-три недели после торжественного визита Тито в СССР. Концепция П. П. Епифанова подвергается открытой критике

в выступлении Л. Н. Пушкарева в Институте истории АН СССР, опубликованном затем в «Вопросах истории»¹¹. Последующие непростые перипетии советско-югославских отношений уже никак не влияли на отношение к Крижаничу. Тесные связи мыслителя с Ватиканом перестали вменяться ему в вину, в литературе признавалось, что, будучи сторонником унии православной и католической церквей, Крижанич видел в этом один из путей к культурному и политическому возрождению славян¹². При этом на смену конъюнктурному использованию его творчества в интересах злободневной политической пропаганды приходит более углубленное и разностороннее изучение наследия выдающегося южнославянского мыслителя, опирающееся на публикацию его важнейших работ¹³.

Приложение

ЦК КПСС

В Отделе науки и культуры ЦК КПСС рассмотрена представленная Госполитиздатом верстка книги «История русской экономической мысли», Т. 1, ч. 1-я, подготовленная Институтом экономики АН СССР.

При ознакомлении с книгой возник вопрос об освещении роли в развитии истории русской экономической мысли хорвата Ю. Крижанича.

Первоначально авторы книги намечали сказать о Ю. Крижаниче как о тайном агенте Ватикана, обманном путем пробравшемся в Россию с целью склонить царя Алексея Михайловича и его приближенных к объединению русской православной церкви с католической и тем самым подчинить Россию Римскому Папе. Соответственно этому экономические взгляды Ю. Крижанича характеризовались как крайне реакционные. После постановления ЦК КПСС о книге Ф. Константинова «Исторический материализм» авторы «Истории русской экономической мысли» решили ничего не говорить о Ю. Крижаниче¹⁴.

Однако до 1953 года в нашей экономической литературе, так же как и в книге Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли», Ю. Крижанич оценивался как прогрессивный мыслитель, сторонник реформ, содействующих экономическому развитию России, неутомимый защитник славянства.

Вопрос о подлинных целях, преследовавшихся Крижаничем в России, вызывал и раньше в нашей литературе споры. Например, П. Епифанов в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 10 за 1953 г.¹⁵, утверждал, что Ю. Крижанич – агент Ватикана. Другие авторы: С. Бахрушин, В. Дурденевский, Б. Дацюк, В. Покровский считали, что Ю. Крижанич в пятидесятых годах порвал с Ватиканом и искренне встал на защиту интересов славянских народов. В книге Г. В. Плеханова вопрос о целях миссии Крижанича в России не затрагивается. Споры по этому вопросу нельзя считать завершёнными¹⁶. Однако это не должно являться основанием для того, чтобы умалчивать о Ю. Крижаниче в книге по истории русской экономической мысли.

Ю. Крижанич находился в России с 1659 по 1677 год, и почти все его работы связаны с Россией. В 1659 году, в бытность его на Украине, Крижанич написал «Беседу с черкасами» и «Усмотрение о царском величестве», в которых он призывал украинский народ добровольно присоединиться к России. В своих челобитных к царю Алексею Михайловичу и в таких произведениях как «Думы политичны»¹⁷, «Разговоры о владельстве», «Об благу»¹⁸ и в некоторых других Крижанич, высоко оценивая значение централизованного государства в России для дальнейших судеб как русского, так и других славянских народов, предлагал русскому царю ряд экономических мер по улучшению сельского хозяйства и развитию ремесел. Он предлагал также закрыть границы для иностранного торгового капитала, оградить национальную торговлю от конкуренции иностранных купцов. В его работах содержатся интересные мысли о благе народа, о народонаселении, о роли государства в экономике.

Учитывая характер работ Ю. Крижанича о России, полагали бы целесообразным, не причисляя Ю. Крижанича к русским экономистам, кратко сказать в книге о работах хорвата Крижанича, а также о его письмах и донесениях царю по экономическим вопросам, так как они отражают в известной мере тогдашнее состояние экономики России и объективно являются одним из выражений состояния русской экономической мысли и экономической политики того периода. Одновременно следовало бы отметить, что в работах Ю. Крижанича содержались противоречивые высказывания.

Что же касается целей приезда Ю. Крижанича в Россию, то следовало бы сказать, что этот вопрос не имеет непосредственного отношения к содержанию его работ и за отсутствием подлинных документов остается недостаточно выясненным¹⁹.

Просим Вашего согласия передать это мнение Институту экономики АН СССР и Госполитиздату, готовящему книгу к выходу в свет²⁰.

Зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС
Инструктор Отдела

А. Румянцев²¹
И. Мрачковская²²

9 XII 1954 г.

*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Ф. 5. Оп. 17. Д. 466. Л. 151–152.*

Примечания

¹ Бахрушин С. Юрий Крижанич // Исторический журнал. 1942. № 1–2. С. 145–151.

² Дацюк Б. Д. Юрий Крижанич (Гуманист XVII века). Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946.

³ Пичета В. И. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618 – 1683) // Славянский сборник. М., 1947. С. 202–240.

⁴ Наумов Е. П. Ю. Крижанич в трудах академика В. И. Пичеты // Советское славяноведение. 1983. № 5. С. 107–115.

⁵ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008.

⁶ Как показательный образец пропагандистской продукции тех лет см.: *Михневич Д. Е.* Очерки из истории католической реакции (Иезуиты). М., 1953.

⁷ См.: *Пичета В. И.* Указ. соч.

⁸ *Епифанов П. П.* Пронски Ватикана в России и Юрий Крижанич // *Вопросы истории.* 1953. № 10.

⁹ См.: *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 19–21.

¹⁰ *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

¹¹ *Пушкарёв Л. Н.* Об оценке деятельности Юрия Крижанича (по поводу статьи П. П. Епифанова в «Вопросах истории») // *Вопросы истории.* 1957. № 1; Обзор выступлений по докладу Л. Н. Пушкарёва на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР в июле 1956 г. // *Вопросы истории.* 1957. № 2.

¹² См.: Крижанич Юрий // *Краткая литературная энциклопедия.* Т. 9 (дополнительный). М., 1978. С. 391.

¹³ См.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965; *Пушкарёв Л. Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

¹⁴ Речь идет о книге будущего академика Ф. В. Константинова «Исторический материализм как наука» (1-е издание – 1949, переиздание – 1951). В записке зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцева и зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС П. Кованова в ЦК КПСС от 15 сентября 1954 г. говорится о том, что при новом переиздании в июле 1954 г. Политиздатом книги Ф. В. Константинова были оставлены «политически ошибочные формулировки, которые могут нанести политический ущерб интересам Коммунистической партии и внешней политике Советского государства». Это касалось, в частности, советско-югославских отношений – руководство ФНРЮ было названо по инерции «шпионской кликой Тито-Ранковича», вынашивающей злые умыслы в отношении стран народной демократии. В соответствии с вынесенной резолюцией распространение отпечатанной части тиража было приостановлено, виновные были привлечены к ответственности. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 468. Л. 183–184, а также: *Едемский А. Б.* Указ. соч. С. 294–295.

¹⁵ *Епифанов П. П.* Указ. соч.

¹⁶ См. из более поздней литературы: *Пушкарёв Л. Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984; *Лавров А. С.* Ю. Крижанич в современной буржуазной историографии // *Критика концепций современной буржуазной историографии.* М., 1987; *Džambo J., Kessler W.* Jurij Krizanič – ein katholischer Eiferer in Russland // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht* 11. – 17. Jahrhundert. München, 1988.

¹⁷ См.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.

¹⁸ Язык работ Крижанича чрезвычайно своеобразен, на нем сказались предпринятые им попытки создать общеславянский литературный язык.

¹⁹ См.: *Пушкарёв Л. Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества.

²⁰ В книге была дана довольно нейтральная оценка личности и деятельности Юрия Крижанича: «Для характеристики экономики и экономической мысли рассматриваемого времени известный интерес представляют работы хорвата Юрия Крижанича (1617–1683), написанные им во время длительного пребывания в России. В своем основном сочинении – “Думы политичны” (“Политика”) – Крижанич разрабатывал вопрос о способах увеличения богатства в стране. Говоря о необходимости развития производительных сил страны, Крижанич намечал широкие планы мероприятий

в области торговли, финансов, промышленности, сельского хозяйства и государственного устройства. Работа Крижанича «Политика» не получила огласки. Она была сдана в царскую библиотеку и опубликована лишь в середине XIX века» (История русской экономической мысли. Том I. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX–XVIII вв. Под ред. А. Н. Пашкова. М., 1955. С. 223 (автор главы об основных направлениях экономической мысли России в XVII в. – Е. С. Яранцева).

²¹ Румянцев Алексей Матвеевич (1905 – 1993) – экономист, академик АН СССР. В 1953–1955 гг. – зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС. В разные годы был главным редактором журналов «Коммунист», «Проблемы мира и социализма», недолго газеты «Правда». Обладал репутацией одного из наиболее либеральных представителей советской партийно-идеологической номенклатуры. Вследствие идеологических чисток, предпринятых после подавления Пражской весны, был в 1971 г. освобожден от обязанностей вице-президента АН СССР, ответственного за общественные науки, а в 1972 г. снят также с поста директора Института конкретных социальных исследований АН СССР. Работал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (позже ИМЭПИ РАН).

²² На документе содержится рукописная помета от 3 января 1955 г. о том, что по договоренности с Политиздатом вопрос о Крижаниче будет рассмотрен редколлегией готовящегося труда совместно с руководителями Политиздата и Института экономики АН СССР.

С. И. Данченко

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**МАТЕРИАЛЫ АРХИВА Н. Н. ДУРНОВО
ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ
В XIX в.**

П У Б Л И К А Ц И Я

В советской и российской историографии немало сделано для открытия и публикации архивных материалов по проблематике российско-сербских связей в XIX в. Это позволило разработать в статьях и монографиях целый ряд неизучавшихся ранее, ввиду отсутствия документов, вопросов. Большой интерес к данному направлению деятельности российских ученых и готовность к сотрудничеству проявляют наши зарубежные коллеги. И это неудивительно, ведь российские архивы, по признанию многих из них, представляют собой настоящую сокровищницу материалов по истории южных славян.

Специалисты хорошо знают, что открытие новых документов в отечественных архивах сопряжено, как правило, с большими трудностями – это и распыленность их по различным хранилищам и фондам, и отсутствие подчас необходимой систематизации и др. И тем более понятна радость исследователя, являющегося первооткрывателем неизвестных ранее документов и незаслуженно забытых имен. В полной мере это относится к обнаруженному автором данной публикации личному архиву русского общественного деятеля и публициста Николая Николаевича Дурново (? – 1920).

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. мне пришлось работать в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) по выявлению документов для совместной с югославскими учеными публикации «Югославыне и Россия. Документы из архива М. Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века», первая книга которой вышла в Белграде в 1989 г.¹. Сотрудники отдела, разбиравшие в то время некоторые фонды, обратились ко мне с просьбой оказать им помощь в прочтении писем на сербско-хорватском языке из архива Н. Н. Дурново, бумаги которого лежали неразобранными в течение нескольких десятилетий. Так состоялась моя первая встреча с этим замечательным деятелем, внесшим большой вклад в расширение и укрепление российско-сербских связей XIX в. В нескольких

архивных папках лежали поистине уникальные документы – письма общественных, государственных деятелей и дипломатов Сербии, многие из которых обращались к своему адресату со словами «дорогой Николай». Имена Алимпие Васильевича, митрополита сербского Михаила, Саввы Косановича, Серафима Перовича и многих других деятелей известны в нашей стране в основном историкам-югославистам, но для сербов и черногорцев, боснийцев и герцеговинцев – это не только весточка из далекого прошлого, но и важная составная часть их нынешнего бытия. Ведь во всех краях бывшей Югославии до сих пор живут и здравствуют их потомки, бережно относящиеся к истории своей родины, к памяти своих знаменитых предков.

Публикацией части вышеуказанных материалов архива Н. Н. Дурново я хочу воздать дань уважения этому благородному, самоотверженному человеку, незаслуженно забытому в наши дни, одному из тех, кто своей неустанной деятельностью «на благо сербов» способствовал поддержанию дружеских российско-сербских отношений.

К сожалению, пока не удалось восстановить полную картину жизни и деятельности Н. Н. Дурново – крайне мало биографических материалов, которые к тому же пришлось собирать буквально по крупичкам.

Николай Николаевич Дурново был типичным представителем дворянской интеллигенции второй половины XIX века, связанной со славянофильскими кругами. Он являлся также религиозным деятелем и публицистом – начиная с 1860-х гг. сотрудничал в целом ряде периодических изданий: «Русские летописи», «Русские ведомости», «Гражданин», «Церковный вестник», «Русская беседа», «Православное обозрение», «Московские церковные ведомости» и др. В 1879–1886 гг. Дурново издавал в Москве газету «Восток», провозглашавшую необходимость объединения славян на религиозной основе. Он принимал активное участие в издании в Бухаресте в 1900–1901 гг. газеты «Православный Восток», редактором которой был сербский писатель Драгутин Илич. Материалы для нее пересылались из России; основным направлением газеты являлась борьба за окончательное освобождение и объединение славянских народов.

Н. Н. Дурново – автор нескольких книг исторического и религиозного содержания. Среди них: «Государство и народы Балканского полуострова. Их прошедшее, настоящее и будущее» (М., 1890); «Иерархия всероссийской церкви от начала христианства в России и до настоящего времени» (Т. 1–3. М., 1892–1898) и др.

В 2011 г. вышел в свет 2-й том совместной российско-сербской публикации «Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов». В этом ценном, выполненном на высоком профессиональном уровне труде представлен целый ряд новых документов по истории сербского подворья в Москве (из фондов Государственного архива Российской Федерации и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской Государственной библиотеки), свидетельствующих о том, что его открытию предшествовала активная деятельность в этом направлении (начиная с 1869 г.) членов Московского славянского комитета: М. П. Погодина, Н. А. Попова и особенно Н. Н. Дурново².

Инициатором создания подворья был сербский митрополит Михаил. В своем обращении в российский Св. Синод от 12 декабря 1870 г. он писал о горячем желании сербов «иметь подворье в Москве как для лучшего единения и общения православных славян на юге с Россией, так и для посильного удовлетворения нуждам церкви нашей благотворительною помощью благочестивых россиян, всегда и везде поддерживающих православие»³. 22 марта (4 апреля) 1873 г. Св. Синод принял положительное решение по этому вопросу, которое 12 мая 1873 г. утвердил император Александр II⁴.

После продолжительных и интенсивных ремонтных работ, с привлечением значительных материальных средств московских благотворителей (купца 2-й гильдии В. В. Сысоева и др.), 30 ноября 1874 г. сербское подворье было открыто – на Солянке, при церкви св. Кира и Иоанна⁵.

В декабре 1874 г. Н. Н. Дурново опубликовал в «Московских епархиальных новостях» (№ 50. 8 декабря) статью, посвященную этому событию. В ней он привел сведения из истории Киро-Иоанновской церкви. Впервые храм упоминался в русских летописях XVI в. Впоследствии за ветхостью он был разобран и построен вновь уже по указанию Екатерины II в память принятия ею православия в 1744 г. и вступления на престол 28 июня 1762 г., в день празднования св. Кира и Иоанна. План и фасад нового храма был составлен архитектором Бланком, рассмотрен и одобрен самой императрицей; в 1765 г. церковь была заложена и по окончании постройки освящена в присутствии императрицы 19 января 1768 г. В 1812 г. Киро-Иоанновская церковь была разграблена французами, подобно многим московским церквам, но вскоре после окончания Отечественной войны была возобновлена. К ней была приписана церковь Всех святых на Кулиш-

ках, со всем своим приходом. В 1860 г. богослужение в церкви Кира и Иоанна прекратилось. 18 февраля 1866 г. Всехсвятская церковь была обращена в самостоятельную, а Киро-Иоанновская стала приписной.

Кратко об истории основания сербского подворья Н. Н. Дурново написал и в статье «К истории сербско-турецкой войны 1876 года» (Исторический вестник. 1899. № 2).

На протяжении всего периода существования сербского подворья в Москве (до 1917 г., когда оно было закрыто) Н. Н. Дурново активно участвовал в его деятельности в качестве заведующего хозяйственным управлением и попечителя. Особенно плодотворными были его усилия в период Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. Судя по «Отчету редактора газеты “Современные известия” по поводу расходования сумм, пожертвованных на славян», хранящемуся в фонде, «в сборе денег ... через сербское подворье г. Дурново был главным действующим лицом; им составлялись и печатались воззвания от сербского подворья; он же – составитель отчетов и изъявлений благодарности и редактор прочих официальных бумаг подворья»⁶.

За деятельность «на благо сербов» Н. Н. Дурново был награжден черногорским орденом Данила, сербским орденом св. Саввы I степени и II степени со звездой («за услуги, оказанные сербскому делу»), сербским Крестом св. Саввы – «за ученые заслуги». Он являлся членом Славянского комитета, Общества любителей духовного просвещения, Сербского Ученого общества, действительным членом Славянского благотворительного общества по попечительству над учащимися в Москве славянами. Дважды, насколько позволяют судить документы, в 1891 г. и 1901 г., он посетил Сербию. Во время второй поездки 6 июня 1901 г. Н. Н. Дурново был удостоен аудиенции сербского короля Александра Обреновича.

Основной архив семьи Дурново поступил в Государственный исторический музей в 1924 г. (до этого отдельные документы поступали дважды – в 1906 г. и 1918 г.). Письма югославянских деятелей (преимущественно на сербско-хорватском и русском языках) сосредоточены в пяти больших папках (ед. хр. 23–27); их около трехсот. Дополнительные сведения о деятельности Н. Н. Дурново исследователь может почерпнуть из ряда других документов фонда, однако наибольший интерес, несомненно, представляют письма, охватывающие период с конца 1860-х гг. до первого десятилетия XX в.

Среди корреспондентов Н. Н. Дурново – известные общественные и государственные деятели, ученые. Например, сербский публицист Матия Бан, одно из писем которого подписано «Ваш славянский брат» (он выражает восхищение содержанием газеты «Восток», в которой и сам сотрудничал, называя ее «газетой будущего»).

Коммерсант Георгие Генчич, впоследствии министр торговли в правительстве радикалов начала 1890-х гг., сторонник расширения российско-сербских торговых связей как основы укрепления межгосударственных отношений, 18 декабря 1891 г. писал из Белграда (по-русски, как бывший «русский воспитанник»): «... мне весьма приятно сообщить Вам, что книга Ваша⁷ разошлась в Сербии в громадном количестве, благодаря чему имя Ваше как человека, любящего от души сербский многострадальный народ, известно почти каждому грамотному сербу. Везде, где только заводилась речь о России в моем присутствии, меня закидывали вопросами о “лучшем и искреннейшем друге сербов – Николае Дурново”. Ваша книга сделала, таким образом, громадную пользу делу взаимного сближения двух братских народов»⁸.

Среди корреспондентов Н. Н. Дурново – министр просвещения и церковных дел Сербии в конце 70-х гг. XIX в. Алимпие Васильевич; сербский ученый Панта Сречкович (29 писем, касающихся в основном сюжетов средневековой истории Сербии и Болгарии); государственный деятель, дипломат и ученый Стоян Новакович (2 письма, относящиеся к осени 1901 г., когда он был сербским посланником в Петербурге); настоятели сербского подворья Савва, Феофил и Кирилл (в основном им принадлежат короткие записки); сербский митрополит Михаил (более 30 писем о внутривосточной обстановке в Сербии, а также по делам подворья). В личном архиве Н. Н. Дурново сохранилось несколько писем известного сербского деятеля, участника национально-освободительной борьбы 60–70-х гг. XIX в., впоследствии директора Народной библиотеки в Белграде Никифора Дучича (в основном по церковным вопросам).

Как уже упоминалось, в 1891 г. Н. Н. Дурново посетил Сербию. В фонде хранится небольшое письмо выдающегося государственного деятеля Сербии, тогдашнего главы радикального правительства Никола Пашича, датированное 18 марта 1891 г., в котором он приглашал своего «русского друга» на ужин в белградскую гостиницу «Париж».

Наиболее обширная переписка была у Н. Н. Дурново с Драгутином Иличем, по поводу издания газеты «Православный Восток».

Трудно перечислить все вопросы, затрагиваемые корреспондентами Н. Н. Дурново, однако попытаемся все же выделить главные.

1. Целый ряд писем – митрополита черногорского Илариона, митрополита сербского Михаила, Серафима Перовича и некоторых других деятелей – посвящены Восточному кризису 70-х гг. XIX в. Они содержат не только сведения о помощи России югославянам, известные факты, но и мысли и суждения их авторов – умных, наблюдательных, довольно образованных для своего времени людей – о происходящем, что для нас не менее важно. В связи с этим заслуживают напоминания слова выдающегося русского историка В. О. Ключевского: «Исторические факты – не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени – те же факты и очень важные, точно так же требующие исторического изучения»⁹.

2. Вторая группа документов – это письма студентов, издателей, преподавателей школ, гимназий и семинарий, в основном содержащие просьбы о присылке книг, икон и материальной помощи. В них же выражения благодарности России, русскому народу и лично Н. Н. Дурново.

3. Во многих письмах отражены события внутривосточной жизни югославянских земель на довольно значительном временном отрезке – с 70-х гг. XIX в. до начала XX в.; содержится и материал о политике России на Балканах.

4. Целый ряд писем касается деятельности сербского подворья в Москве. Эти сведения имеют большое значение для исследователя, так как архив подворья до сих пор не найден ни в России, ни в Сербии.

Таковы краткие сведения о материалах личного фонда Н. Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в.

В предлагаемую вниманию специалистов публикацию включены наиболее интересные, по мнению автора, письма А. Васильевича, митрополита черногорского Илариона, С. Косановича, сербского митрополита Михаила, С. Перовича, М. Протича, существенно дополняющие документы из других отечественных архивохранилищ и содержащие новые факты, прежде всего об участии в ряде событий самого Н. Н. Дурново. Некоторые письма публикуются с небольшими купюрами.

Примечания

- ¹ Югословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Рајевског. 40–80. година XIX века. Том II. Књига I. Београд, 1989.
- ² Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. Белград-М., 2011. С. 282–323.
- ³ Там же. С. 290.
- ⁴ Там же. С. 308.
- ⁵ Там же. С. 320.
- ⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 177 (Дурново). Д. 10. Л. 4 об.
- ⁷ Очевидно, имеется в виду книга «Государство и народы Балканского полуострова. Их прошедшее, настоящее и будущее». М., 1890.
- ⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 177. Д. 23. Л. 39 об.–40.
- ⁹ *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы. Т. 3. Пг., 1918. С. 360.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

АЛИМПШЕ ВАСИЛЬЕВИЧ¹ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 23.
Л. 29–30 об.21 февраля 1878 г.
Белград

Милостивый государь многоуважаемый
Николай Николаевич!

Давно я собирался писать к Вам и благодарить Вас как за Ваши симпатии к сербскому народу, так и за Ваши благожелания в моих личных делах², но в это тревожное время, полное таких громадных и быстро сменяющихся событий, было и довольно препятствий!

И в прошлой, и в настоящей войне³ мне из министров выпало на долю сопутствовать князя в военных походах и постоянно находиться в Главной квартире, из которой возвратился в Белград назад тому пять дней. По возвращении моем владыка Моисей⁴ передал мне высланную Вами карточку, которую получив, я считаю долгом непосредственно побеседовать с Вами об этом столь деликатном вопросе, в котором Вы благоволили принять такое деятельное участие.

Я очень доволен Вашим выбором и не знаю, как одолжиться Вами за такие дорогие услуги. Я желаю, чтобы ее согласие было основано на полном знании всех как позитивных, так и негативных качеств будущего жениха. Оставляю моим приятелям сообщать позитивные, а я попрошу Вас сообщить ей от имени моего только мои негативные свойства, именно: во-первых, что я был женат и имею детей⁵, которые, правда, не будут ей в тя-

гость, но все-таки она должна это знать; во-вторых, что я уже в годах, теперь оканчиваю 45 год. Это, пожалуй, еще и молодой министр, как некоторые и говорят, но нельзя сказать и молодой жених! В-третьих, что я человек небогатый, кроме жалованья и одного дома в Белграде не имею других имений.

Если все это до сих пор ей не было известно, то я покорнейше прошу Вас сообщить, и если она согласна приехать в сербскую столицу, в Белград, то значит, что сам Бог благословил нашу связь, и тогда я Вас прошу устроить всё так, чтобы после Светлого Воскресенья можно было приступить и к церковному благословению.

Если же эти сведения произведут в ней неблагоприятное впечатление, тогда я от души пожелаю ей лучшего выбора, а задержу ее карточку для воспоминания.

Наконец, прошу Вас, милостивый государь, передать ей и мою карточку, которую посылаю с желанием, чтобы она произвела на нее такое впечатление, какое произвела ее карточка на меня.

Примите, добрейший Николай Николаевич, уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

Ваш покорнейший слуга
А. Васильевич

Примечания

¹ Васильевич Алимпие (1831–1911) – видный государственный и общественный деятель Сербии последней четверти XIX – начала XX вв. 4 раза занимал пост министра просвещения и церковных дел Сербии, когда у власти находились представители Либеральной партии, членом которой он являлся. Позднее, в 1890-е гг., дважды был сербским посланником в Петербурге. В молодые годы закончил в России Киевскую духовную академию и получил степень магистра. Являлся активным сторонником распространения в Сербии русского языка и литературы.

² Речь идет о предполагаемой женитьбе вдовца Алимпиевича на русской девушке.

³ Имеется в виду сербо-турецкая война 1876 г. и русско-турецкая война 1877–1878 гг., в которой Сербия принимала участие.

⁴ Моисей (Вересич) (1831–1896) – сербский церковный деятель; епископ Шабацкий (1868–1874) и Неготинский (1880–1883). Обучался в Киевской духовной академии. По возвращении в Сербию (1862) был назначен профессором Белградской богословской школы, затем – настоятелем монастыря Драча. В 1881–1883 гг. – местоблюститель сербского митрополичьего престола. С 1883 г. – член Государственного Совета.

⁵ А. Васильевич имел 5 дочерей и сына.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Получив Ваше уважаемое письмо, я считаю приятным долгом поспешить с ответом.

Если в словах этой личности: «Не могу дать слово, не выдавши», не заключается отказа, то я нахожу ее требование вполне законным; это показывает, как она серьезно относится к делу. Я и сам не думал, чтобы такое дело можно было окончить заглазно, только желал иметь столько данных, по которым мог бы рассчитывать на успех видевшись. Но приезжать для этого в Москву, в случае несогласия, могло бы быть неловко не только для меня, но и для этой личности.

Поэтому я думал, не лучше ли будет устроить случайную встречу где-нибудь за границей, например, где-нибудь на минеральных водах в Чешкой. Такая случайная встреча, и в случае несогласия, не могла бы иметь никаких неприятных последствий ни за кого. Кроме того, моему путешествию теперь в Россию давали бы разные толки, поэтому мне легче бы было поехать в другую сторону, чем в Россию.

Если нельзя устроить это свидание так, чтобы, в случае несогласия, не могло быть никаких неприятных воспоминаний, по крайней мере, для этой личности, то я прошу Вас больше и не хлопотать об этом¹.

Другие новые попытки я вовсе не желаю делать, а и боюсь больше Вас утруждать этим неблагодарным делом. Финансовые вопросы можно и гораздо позже расправлять*.

Мы надеемся, что в скором времени водворится мир. Для этих результатов, для которых велась эта великая и страшная война, не стоит вести еще новой войны. Наше поколение сделало довольно, остальное оставим докончить нашим потомкам.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Ивану Сергеевичу², Нилу Александровичу³ и другим настоящим славянам, в особенности А. Майкову⁴ и моей незнакомой знакомке М.П.⁵

С глубоким уважением и преданностью
Ваш покорнейший слуга
А. Васильевич

Примечания

¹ Личность русской девушки стало возможным установить только после публикации мемуаров А. Васильевича. Она была дочерью банкира Конокова. Причина, по

* Обсуждать (сербск.)

которой их брак не состоялся, не называется. Спустя два года, как пишет Васильевич, он узнал, что банкир умер и оставил дочери огромное состояние в 3 млн. рублей (См.: Васильевич А. Моје успомене. Београд, 1990. С. 129).

² Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист, общественный деятель, видный представитель славянофильства, один из организаторов Московского славянского комитета, в 1876–1878 гг. – его вице-президент.

³ Попов Нил Александрович (1833–1891) – историк, славянофил, секретарь Московского славянского комитета; с 1860 г. – профессор Московского университета.

⁴ Майков Апполон Александрович (1826–1902) – филолог, ученый-славист, публицист, общественный деятель. Идеино был близок к славянофилам.

⁵ См. ком. 1.

№ 3

ИЛАРИОН¹

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 3–3 об.

5 декабря 1875 г.
Цетинье

Господине,

Примили смо Ваше велеуважено писмо од 10 нов[ембра] т.г., у коме нас, између осталог, у име славјанског благотворителног московског комитета извјештавате о суми новаца скупљеној на корист пребјеглога народа из Херцеговине и Босне у Црну Гору и Србију². Ми, господине, примамо све уредно и подпуно што нам шалете. Господин Јонин, царско-руски генерални консул у Дубровнику³, преко којег тај славни комитет шаље нама новац, а у потоње вријеме и робу, коју скупља «Дамски одбор»⁴, непрекидно сваку суму одма спроводи нам најтачније и са истиним саучешћем труди се и подржава нас у нашем трудном послу.

Г. митрополит Иларион, предсједник овога комитета примио је писмо од г. Михаила, србијанског митрополита⁵, у којему тражи г. митрополит Михаил, да му се пошље извештај о стању народа пребјеглога у Црну Гору. Г. Иларион одговорио је и саопштио све потребе овога народа. Имамо надања, да ће и с те стране бити бар колико-толико подпомоћи.

Што се тиче робе, која је скупљена у манастир «Српско подворије»⁶, мислимо да смо већ један дио исте примили, и то преко цар.[ско-] руског консулата дубровачкога, што би се пак скупло у будуће, молимо шалите чим прије.

Господине! Молимо Вашу доброту, да би извјестили тај славни благотв[орителни] славј[ански] комитет, како су се у последње вријеме умножиле потребе још вишим бројем пребјеглога народа међу нас, много више но смо очекивали. Већ сада она по званичном попису око 70. хиљада душа, које је све голо и лишено свега. Осим тога умножили су се рањеници са три

задње велике битке, и то битком на Муратовици, Плани и Трновици. Рањеника препунити ће се шпитаљи наши привремени, а сада опет сваки час очекује се велики бој близу Требиња, гдје је наша, т.ј. усташка војска концентрирана и највиши дио турске војске налази се. И тај бој мого би са стотинама умножити рањене.

Могуће да ће Вама и осталијем члановима тога славног комитета познато бити, да је влада аустријска прекинула давање жита, кога је обећала била давати пребеглијема у границе Црне Горе. Услед тога одбор овај узео је и то тешко бреме на себе, и до данас издао је преко 130 хиљада флорина за жито. То нас је јако уназадило у нашем предузећу па чинимо и дугове, све у надању, да нас наша славјанска браћа и остали човјекољуби неће заборавити, нарочито силна Русија и њени патриоти. Молимо све то да представите члановима славног комитета и најживље представите наше потребе, које није су ограничене само на Црну Гору, него далеко прелазе границе наше државе и стоје у свези непрекидној са народом борећим се за слободу.

Све признанице о шиљању новаца и ствари примиће тај славни комитет преко вишереченог дубровачког консулата.

Са особитим поштовањем и уважањем
Председник одбора,
митрополит црногорски
Иларион

Секретар:
Т. Ковачевић⁷.

Примечания

¹ Иларион (1828–1882) – с 1863 г. митрополит черногорский, в период боснийско-герцеговинского восстания 1875–1878 гг. – председатель Цетиньского комитета помощи герцеговинцам.

² Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. вызвало в России широкое общественное движение в защиту славян. Оно не было инспирировано царским правительством, а возникло стихийно. Характерной особенностью этого движения было его широчайшее распространение. По всей России производился сбор пожертвований – как денежных, так и вещевых. На собранные деньги закупались продовольствие, одежда и лекарства, снаряжались госпитали, посылались денежные суммы для оказания помощи пострадавшему балканскому населению. Всю эту деятельность возглавляли славянские комитеты. // См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960; *он же.* Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // *Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии.* М., 1958. См. также целый ряд публикаций документов: *Освобождение Болгарии от турецкого ига.* Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия: 1875–1877. М., 1961; *Россия и национально-освободительная борьба на Балканах.* 1875–1878. М., 1978; *Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия.* 1864–1875. М., 1988; *Россия и восстание в*

Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008; Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение. 1875–1878 гг. Сборник документов и материалов. Самара, 2009.

³Ионин Александр Семенович (1837–1900) – русский дипломат. В период, о котором идет речь в письме, он являлся русским генеральным консулом в Дубровнике (с 1869 г.). Активно поддерживал герцеговинских повстанцев, был близок к славянским комитетам.

⁴Имеется в виду дамское отделение Московского славянского комитета. Оно было создано в 1870 г. для содействия получению образования девушек из южнославянских земель. С этой целью отделение организовало училище в Москве, при Алексеевском женском монастыре. С началом восстания в Герцеговине оно занималось более широкой благотворительной деятельностью (сбор средств, вещевых пожертвований и др.) // *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. С. 105–110.

⁵Михаил (Иованович) (1826–1899), митрополит сербский (1859–1881 и 1889–1899). Учился в Киевской духовной академии. Русофил, сторонник сербской Либеральной партии.

⁶Речь идет о сербском подворье в Москве. О нем см. далее.

⁷Рукою Т. Ковачевича написано это письмо, которое митрополит Иларион подписал.

№ 4

САВВА КОСАНОВИЧ¹

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 11.

6 апреля 1873 г.

Николай Николаевич!

Имею честь уведомить Вас, что вчера преосвященный Леонид² благоволил меня пригласить на «всенощницу»³, где и я служил вместе с Леонидом и прочими, но без митре, потому что у меня нет ее. Я читал 10-тое евангелие по-сербски.

Целую Вас.

Арх[имандрит] Савва

Примечания

¹Косанович Савва (1839–1903) – православный священник из Боснии, архимандрит; с 1881 г. – сараевский митрополит. В феврале 1873 г. приехал в Россию для сбора пожертвований по разрешению Святейшего Синода. По приезде в Москву, 14 февраля, он обратился в Московский славянский комитет с письмом, в котором сообщал, что в Сараево строится «великолепный храм, пятиглавый собор, как символ православного чувства». Из России для него уже получены 73 иконы. Из письма также следует, что помимо строительства храма сараевская община содержит мужскую, реальную и женскую школы за свой счет, а также собирается открыть семинарию и гимназию. Для этого члены общины уже собрали 50.000 дукатов, но этой

суммы недостаточно. В связи с этим С. Косанович и обратился в Славянский комитет с просьбой препоручить его «состоятельным и богатым жителям святой Москвы» для успешного завершения его миссии (Это обращение опубликовано в сборнике документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1864–1875». М., 1988. С. 334–335).

² Леонид (1817–1876) – в миру Л.В. Краснопевков. Был ректором двух семинарий московской епархии, епископом Дмитровским, викарием московской митрополии, затем архиепископом ярославским.

³ Правильно: всенощная – вечернее богослужение по большим церковным праздникам.

№ 5

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 12.

14 апреля 1873 г.

Высокопочитаемый приятель!

Я не успел отправиться в назначенное Вами место. На днях я буду кончить здесь дело и потом отправиться в губернии. Утвари церковне, мною собране, я вчера передал г-ну Нилу Попову¹. От общества сараевского ожидаю письмо или телеграмму, как я требовал.

Кланяюсь Вам.
Арх[имандрит] Савва

Примечания

¹ Н.А. Попов проявил много энергии, чтобы помочь Савве Косановичу в сборе пожертвований. Он даже написал специальную работу «Православие в Боснии и его борьба с католическою пропагандою и протестантскими миссионерами» (М., 1873), снабдив его следующим предисловием: «В феврале сего года приехал в Москву архимандрит Савва Косанович, посланный из Боснии, одной из стран, родственных нам по крови и вере. Это первый архимандрит в Боснии из природных славян, а не из греков, со времени закрытия сербской патриархии в Ипекѣ, любимый проповедник Сараева, главного города в Боснии, и энергичный деятель на пользу православия между своими соплеменниками. Он послан от сараевской православной общины в Россию для сбора подаяний, с разрешения св. Синода. Пожертвования необходимы не на одно церковное дело, но и в пользу мужских и женских школ в этой славянской области турецкой империи. Архимандрит Савва поселился на время в Сретенском монастыре. Предлагаемая статья имеет целью ближе ознакомить с нуждами православного населения в Боснии». (С. 1).

№ 6

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 13–14 об.

4 июня 1873 г.
Саратов

Высокопочитаемый господине!

Вчера я Вам писал вкратце, а теперь – обширнее, по случаю, что чрез Вашу доброту присылаю письмо для православной общины сараевской, и потому, что я не получил письмо из Вены, о чем во вчерашнем письме я Вам не отвечал. Я просил общество сараевское прислать мне одно лицо в помощь и получил ответ: «что они то не могут сделать по причине очень критичных обстоятельств в настоящее время и всю миссию возлагают на меня – делать, как самый господь меня вразумит».

По известию сараевской общины, консула русского и секретаря общинского, наш народ терпит ужасное притеснение как от турецкого правительства, так и от урожденных турок, которые строят свое училище при воротах нашего нового собора! Я об этом скорбю сердцем и душою, зная, что с одну сторону окружен наш собор римском бискупиом, а с другою – мухамеданским училищем! Наш собор так стеснен, что кругом его невозможно пройти крестным ходом. Дальше, все, что православное народное собрание заключило и устроило для церквей и школ в Боснии, то правительство и греческий митрополит не позволяют!! Смотря на все это, могу привести слова спасителя: «Прискорбна есть душа моя до смерти». Губернатор присутствовал на последнем собрании и выразил, что правительство будет прогнать всех народных учителей и священников, к которым не имеет доверия! Вот равноправность! Вот свобода!*

Люблю Вас.
Арх[имандрит] Савва

№ 7

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 15–16.

23 сентября 1873 г.
Петербург

Достопочитаемый господине,
Николай Николаевич!

Я получил Ваше дорогое письмо и благодарю Вас за доброе расположение, а так и всем членам слав[янского] благотворительного комитета московского. О всему я известил мою родину, претерпевающую ныне страшные гонения!

* Далее текст утрачен.

По жертвователя 3000 рублей я публично поблагодарил в газете «Голос» и писал ему письмо. Как его пожертвование, так и прочие деньги, мною собраны, я передал вчера Азиатскому департаменту и просил отослать на мою родину (6200 руб. всего).

С генерал[ом] Игнатъевым¹ я здесь видался и просил его заступиться мою несчастную родину. Он обещался. Юрию Васильевичу рассказал о Вятке и Козлову. Я получил указ. Здесь погощу несколько дня и скоро буду в Москве. В Киев – весной.

Благодарю за Ваши труды о сербскому подворью и буду радоваться, если ему примените храм св. Саввы!.. Спешу на обедню в Казанский собор, где святыня почивает. Здесь я ничего не собрал! Господа еще не сошлась². Я писал несколько прошений некоторим лицам. Получил от св. Синода церковные книги и устроил, чтобы это все скоро отослано было на родину.

Посоветуйте о. Феофилу³ не скучать. Скоро и я буду между Вами. Кланяюсь всем.

Ваш почитатель сараевский архимандрит
Савва Косанович

Примечания

¹ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – генерал-адъютант; с 1856 г. – на дипломатической службе, в 1861–1864 гг. – директор Азиатского департамента МИД России, занимавшегося делами славян; в 1864–1877 гг. – русский посол в Константинополе. По взглядам был близок к славянофилам.

² Т.е. еще не приехала с летнего отдыха за границей на водах и из своих имений.

³ Иеродиакон сербского подворья в Москве, «назначенный состоять» при архимандрите Савве.

№ 8

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 17–17 об.

9 ноября 1873 г.

Дорогой Н[иколай] Николаевич!

«Жития» св. Феклы готова ли? Образ св. Феклы не буду печатать.

В воскресенье буду с о. Феофилом¹ в слав[янском] заседании. Теперь Вас прошу написать мне одно прошение настоятелю Сергеевской Лавры, чтобы он оказал благодеяние сараевскому собору, именно в том, что мы не имеемо икон христовых, богородичных и святительских в малом формате, которые поставляются на аналогию для целования после «величания». Я надеюсь, что о. архим[андрит] Антоний² примет участие в моей просьбе. Я

слышал, что ему теперь лучше стало, и на днях предполагаю съездить в Лавру и лично вручить прошение о. Антонию. Также прошу Вас назначить мне адреси: тамбовского и саратовского архиереев.

Я не совсем здоров, для чего и писал сараевской общине и консулу, чтобы назначили другого сборщика, потому что мне необходимо нужно съездить в Сербию для побольшания* здоровья.

Люблю Вас душою.
Ваш архим[андрит] Савва

Примечания

¹ См. ком. 3 к док. 7.

² Архимандрит Антоний Радонежский (в миру Андрей Медведев) (1792–1877) – в 1831–1877 гг. – настоятель Св. Троице-Сергиевой Лавры. В 1997 г. причислен к лику святых.

№ 9

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 18–18 об.

6 февраля 1874 г.
Елец

Высокопочитаемый приятель,
г-н Николаевич!

Я виноват пред Вами, что Вам не писал до сей поры. Побывал в Саратове и там поболел глазом, производил плохой сбор. В Тамбове ничего не собрал; поспешил в Елец, где меня не приняли радушно, почему и съездил в Орел для архиерейского разрешения и обратно возвратился в Елец. Повидимому, будет пользы. Предполагаю съездить в Ливны, Орел, Харьков, Новочеркасск и т.д.

«Жития» плохо покупают, я их продаю по 5 копеек, а некоторым и даром. Есть их еще до 250 экземпляров. Это будет мало для многих городов.

Прошу Вас, не найдете ли возможным прислать мне 2000 в Орел и прямо в архиерейский дом, но так, чтобы своевременно застали меня к Пасхе. Мы будем считаться, когда увидимся.

Что делает о. Феофило?¹ Где о. архим[андрит] Савва² сербский? Пишите по жалости.

Несчастливая Босна не дождала любимого Аггафангела, потому что он уже третий раз на епархии! Таковая правила. Локим³ прислал некоторого Анфима Велезского⁴. Если бы Григорий был патриархом, он бы прислал Аггафангела.

* Поправки (сербск).

Прощайте. Пишите в Ливны и рекомендуйте письмо свящ[еннику]
о. Петру Николаевичу для передачи любящему Вас
архимандриту С. Косановичу.

Примечания

¹ См. ком. 3 к док. 7.

² Имеется в виду первый настоятель сербского подворья в Москве. См. ком. 3 к док. 17.

³ Иоаким II (1802–1878) – константинопольский патриарх в 1860–1863 гг. и в 1873–1878 гг.

⁴ Анфим (Антим) Велезский (ок. 1814–1884) – православный церковный деятель, по происхождению грек. В 1874–1880 гг. – сараевский митрополит.

№ 10

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 19–19 об.

23 июня 1874 г.
Сараево

Досточтимый друг
Николай Николаевич!

Чрез имп[ераторское] российское консульство я имел счастье получить Ваше драгоценное письмо, а так и одно от г. Нила Попова. Он мне писал насчет церковных вещей, ему врученных для отсылки в Босну. Нилу писал, и Вам спешу отвечать на вопросы.

Во-первых, слава Богу, я очень здоров. Мои соотечественники меня любезнейше встретили и приняли, удовлетворяясь моими успехами¹. Общество официально просило г. Кудрявцева² выразить от лица боснийского народа глубочайшую признательность благочестивой России за оказанное мне гостеприимство и пожертвования.

Пока я отдохнул, общество возложило на меня должность директора сербских училищ, законоучителя и проповедника в обеих церквях.

Живу хорошо и спокойно, пользуясь любовью и доверием моего народа.

Что касается нового митрополита г. Анфима³, которого хвалят греческие газеты, то имею честь уведомить Вас и без всякого пристрастия сказать, что он самый горячий охотник денег! Единственная его забота об этом. Даже он явно сознается, что за нынешнюю епархию боснийскую заплатил в Константинополе 2000 турецких лир (4000 червонцев австрийских). Поэтому он и отправил в епархию своего архидиакона, чтобы побольше собрал деньги с бедного народа и несчастного духовенства, считая один год, хотя еще не минуло ни три месяца от прибытия его в Босну (г. Анфима). До сих пор он довольно число рукоположил неученых лиц и

с каждого берет порядочно червонцев. Равным образом продает приходы и т.п., как делали и его предшественники. Подобно ему ведется и герцеговинский Прокопий⁴. [...]

В Боснии и Герцеговине Isuiti, милосердные сестры и прочие миссионеры действуют очень влиятельно и без всякого препятствия. Я застал даже и семейства, которые прежде были православны, а теперь жаркие последователи протестантизма. По возможности противодействую и утверждаю стадо и пастырей, насчет чего, как и для училищ боснийских, я имел намерение перевести катехизис священника Спасо-бочаринской церкви, что в С.-Петербурге, и здесь печатать, но преосвящ[енный] Анфим сказал: «Надо это прислать в Константинополь греческому дружеству для цензуры и позволения».

По всему, до здесь сказанному мною, можете узнать, как идут наши дела – очень бедно, неутешительно! Для моей личной безопасности, прошу Вас, все это удержите в секрете и не пишите в газетах ничего о греческих архиереях и иезуитах, потом, чтобы узнали обо мне. Благодарю о заботе сербского подворья.

Желаю Вам здоровья, счастья и всякого благополучия. Кланяюсь всем и прощаю обидящим меня.

Не забывайте душою преданного Вам, пишите, я буду писать.

Ваш друг

архим[андрит] С. Косанович

P.S. Если достанете где-нибудь «Гласник» Српског Ученог друштва, књига XXXVIII, прочтите о боснийской иерархии мою статью. Книгу XXIX и одну от 1874 года, первый том.

Примечания

¹ С. Косанович вернулся в Боснию в конце марта 1874 г. Об этом не преминул сообщить послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву русский консул в Сараево А. Н. Кудрявцев 24 апреля 1874 г. В его донесении отмечалось, что члены сараевской общины с «неподдельным чувством радости приветствовали возвращение своего соотечественника из той земли, откуда сыплется на них материальные блага и столько других». Косанович подробно рассказал своим землякам о впечатлении от поездки в Россию. «Он мог лично оценить ту глубокую симпатию, которая воплощена в русском сердце и обращена на турецких славян; он наглядно ознакомился с могуществом русской державы, с ее пространствами, перекрещенными железными путями, с благочестием русского народа, с величием русских храмов и несокрушимую крепостью православия. В Казани он поражен был разницею, существующею в отношениях магометан с христианами в России и Турции», – сообщил А. Н. Кудрявцев Н. П. Игнатьеву. Примечательно также то, продолжал он, что красочные рассказы Косановича распространяются по городу, а в храм, где он

служит, по праздникам собирается вдвое больше народа, чем ранее («Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины ... С. 362–363).

² Кудрявцев Алексей Николаевич – русский консул в Сараево в 1867–1876 гг.

³ См. ком. 4 к док. 9.

⁴ Прокопий II – герцеговинский митрополит в 1864–1875 гг.

№ 11

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 22–22 об.

5 июля 1874 г.

Почитаемый господин Николай!

Церковь уже начали поправлять, управляясь по Вашему назначению, которого Вы прислали г. Нилу, он же нам.

Архитектор начал боковые двери поправлять, а за печку говорит, что печку непременно нужно перво сделать, потом приступить другой поправке, ибо если она будет строиться последняя, то первая поправка испорчится и загрязнет. Этою причиною он пригласил печника и он согласился на 800 рублей сделать духовую печку.

Об этом мы точно известили г. Нила¹, но он нам ничего после этого не писал. Прошу Вас, Вы об этом согласитесь между собою.

На днях мы получили письмо от г. митрополита Михаила², который Вам очень благодарен за Ваши труды.

Призывляющий благослов божий на Вас и Ваш дом. Кланяюсь Вам.

Архимандрит Савва.

Примечания

¹ Н. А. Попов. См. ком. 3 к док. 2.

² См. ком. 5 к док. 3.

№ 12

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 23–24.

2 августа 1874 г.

Многоуважаемый господин Николай Николаевич!

Нельзя греческим архиереям быть бескорыстолобным, пока они покупают епархии от патриарха. Это злоупотребление или просто сказать симониа идет систематично, которое простирается и на ниже священство в Турции. Но что поделать? Патриарху са его персоналом надо жить по том,

что правительство не покровительствует расходу патриарха, но даже требует от него дани. Надо бы было исправить вещь в самом источнике. По этим обстоятельствам я не считаю нужным ничего писать Игнатьеву¹.

В прочем мы в добрых отношениях с митрополитом Антимом², хотя он не обращает ни малейшего внимания о спасении христового стада.

Что касается болгарского егзархата, то мы, кроме крайней нужды, не будем требовать от него архиереев. Будьте спокойны. Есть слух между нами из позитивного источника, что некоторые высокопоставленные лица из Сербии действуют в Боснии, чтобы мы, сербы в Турции, требовали от султана своего Ипекского патриарха!!! Этому предприятию я горячо противодействую и не могу понять это предложение. Мы еще не имеем ни своих архиереев и этнографично разделены, а уже некоторые советуют, чтобы мы устроили патриархат. Удивляюсь. По ихнему следует, чтобы сербы имели нескольких патриархов.

Для нас, сербов в Турции, необходимо нужно, чтобы патриарх посылал самых добросовестных архиереев из греков, или же позволить природным сербам, которые бы патриарх оградил своим покровительством, как это делает Рим. Таким образом, мы были в состоянии оградить наша чада от сетей иноверцев, но пока это будет, боюсь, что мы опоздаемо.

В г. Мостаре фратри Иезуитского ордена имеют свою собственную типографию и печатают книги для своего народа на латинском и хорватском языке. Также имеют слова турецкие и сербские. В каждом городе в Боснии и Герцеговине существуют римокатолическая женская училища и учительке – милосердные сестры са Запада, даже и по деревням их есть довольно большое число. Траписте, поселившиеся давно в Баньей Луке, где построили свой огромный монастырь, теперь приблизились городу Сараеву. В Бусоваче, 8 часов от Сараева на главной дороге боснийско-австрийской, купили самые плодородные земли и строят монастырь. При каждом монастырю римскому в Боснии существуют высшая училища, и это все стоит под сильным покровительством римокатолических консулов. В самом г. Сараеве австро-унгарски консул купил большой сад в центре города, и уже начинают строить дом для бискупа и высших училищ. Протестанты имеют в Сараеве свое училище женское, где учатся православные девушки числом 16. Их миссионеры непрестанно обходят веси и города са переводом библии и совращают необразованное население. Пока иноверцы торжествуют и идут природным шагом, мы, православни, не имеемо ни свою консисторию! Митрополит Антим рукополагает самые необразованные лица. Банялучская семинария³ уже померла, сербское правительство выгнало из училища почти все молодые люди, котори учились в белградской семинарии, из Босни и Герцеговини. Многи боснийски учителя взяли купеческого занятия. Кроме того, Босна ежегодно заплачивает халхиской семинарии 25.000 пиастров, а до сих пор там не кончил курси ни один из босняков.

Итак, с каждой точки зрения наша дела идут очень и очень плохо и бедно. Смотри на все обстоятельства, я восклицаю: «Уви! Уви!», и ищу смерти от Бога, чтобы не смотрел беду моего народа [...]

Будьте здоровы.

Ваш друг
архим[андрит] С. Косанович

Примечания

¹ См. ком. 1 к док. 7.

² См. ком. 4 к док. 9.

³ Духовная семинария в Банялуке была открыта 1 октября 1866 г. Она готовила учителей и священников. Ее заведующим и преподавателем стал Васа Пелагич (1838–1899), получивший образование в России. Используя столкновение учащихся семинарии с турками и выступление Пелагича в защиту своих питомцев, турецкие власти арестовали его. По приговору суда он был выслан в Малую Азию, откуда лишь весной 1871 г. ему удалось бежать с помощью русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева на русском пароходе «Тамань» в Одессу.

№ 13

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 25–26.

27 ноября 1874 г.

Досточтимый господин, дорогой друг
Николай Николаевич!

Прошу великодушно извинить меня в том, что я задолго не ответил на Ваше письмо. Лихорадка нервозная и ревматизм были причиною моего молчания.

Очень и очень сожалею, что вселенская восточная церковь потеряла одного горячего, умнейшего, истинно благочестивого мужа А. Н. Муравьева¹, мне лично знакомого, ибо он пользовался доверием и любовью у всех ерархов и у всего православного мира. По истинной правде можно сказать, что мы много и много потеряли!

Наши дела в Боснии идут плохо, а в Герцеговине еще хуже! С душевною болезнью заношу Вам весть очень неприятную, а именно: в г. Мостаре (в Герцеговине) распространяется ateizam, под упливом* безбожного сына герцеговинского Георгия Филиповича (он рожден в Црквицах, близ Пиви), кончившего, кажется, курс в Духовной Академии в России. Он настоящий безбожник, коммуниста и социалиста². Я его лично знаю. Летних месяцев

* Влиянием (сербск.)

он приходил в Сараево, с целью посеять плевелы; но, слава Богу, я успел предохранить мой народ. Также я подействовал код мостарского общества, чтобы его выгнали. Он имеет довольноное число единомышленников из молодых людей. Я писал многим знакомым в Мостаре оберегаться, и в настоящее время идет большая борьба. 14 из самых влиятельных купцов прислали письменную жалобу боснийскому губернатору Дервиш-паше, требуя удовлетворения – выгнать Филиповича как «безбожного», и до сих пор губернатор благонаклонен удовлетворить. По этому делу я имею большую заботу. Я об этом писал и белградскому митрополиту Михаилу³, прося его подействовать у патриарха Иоакима⁴, чтобы сделал внушение «ленивому» Прекопью герцеговинскому⁵, который дифферентно стоит или спит. [...]

Дорогой Николай! Я читал в газетах, что Вы теперь официальный попечитель сербского подворья! Поздравляю Вас! Вы всегда имели самую горячую заботу о сербах и их счастью. Бог да благославит Вас и Ваше семейство.

Прошу, не оставите меня без Вашего совета и содействия.

Ваш душевно любящий Вас
архимандрит сараевский Савва Косанович

P.S. Приложенная письма прошу передайте по адресу. Кланяйтесь Н. А. Попову.

Савва

Примечания

¹ Муравьев Андрей Николаевич (1805–1874) – общественно-религиозный деятель и писатель. Служил при Азиатском департаменте в министерстве иностранных дел России.

² Георгий (Джордже) Филипович родился в Герцеговине в 1844 г. В 1866 г. он поступил в Первую С.-Петербургскую духовную семинарию, а в 1869 г. перешел в Московский университет и был принят в число студентов 1 курса медицинского факультета. С 1 мая 1869 г. ему была назначена от русского правительства стипендия в размере 250 руб. серебром в год. Г. Филипович вместе со своими товарищами-соотечественниками Й. Дречем и Й. Лепава поддерживал связи с русскими революционерами и Св. Марковичем. В 1871 г. он уехал из России для участия в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине. // См. подробнее: Карасев В. Г. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. XXX. М., 1966.

³ См. ком. 5 к док. 3.

⁴ См. ком. 3 к док. 9.

⁵ См. ком. 4 к док. 10.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Вы правду сказали, что Ваша два письма не дошли до меня. Из этого следует заключить, что письма откопируют на почтам, и для моей безбедности надо быть предосторожным. Мне можно адресовать: Herr Peter Nagy Risto et Com. in Wienn для Косановича. Больше ничего.

Дорогой друг! Что да скажу Вам про нашем бедном и тяжелом положении? Мы в какой-то неизвестности ждем, ни сами не зная, чего ждать. Троецарский союз вязал руки двема сербским князям (по общему убеждению), и восставший народ гибнет и умалается от меча, голоду и холоду, а наипаче те семейства, которые не успели уехать.

Впрочем, надо припомнить, что турки под Мохаммедом II-м¹ руководились большим хуманитетом, чем теперь, по крайней мере, во время порабощения Боснии и в продолжении несколько столетий щадили св. храмов. В нынешнем восстании они разрушили почти все церкви и монастыри, даже и те, которые имели и султанские привилегии. Таким образом, мы лишились богослужения, лишились и братско-русския лепти и утвари церковния. Нама остала участь: рыдать на развалинах, как св. Иеремия, и проносить слова пророка: «Придоша языцы, оскверниша свящ. церкви, пролиаша кровь иаки воду окрест св. жертвеника и православни быша брашно птицам и волхвам ...»

Султанский фирман² уже опубликован и турки над ним смеются. Он остался, по-прежнему, на бумаге как и гатикумаюм. Там, где алкоран позволяет неверного гяура уничтожать, нельзя не подумать о реформах.

Наше купеческое и ремесленное сословие со дня в день упадает (и прежде не могли себя считать богатыми); поселяни давно потеряли всё, кроме души.

Наш высокопреосвященнейший митрополит Анфим³ сидит в митрополии мирно, валяясь в безднах греховных, а его архиерей Паисий непрерывно обходит еще не восставшие места и селения, преследует священство и собирает деньги со завтиами в то время, когда фирман запрещает, чтобы завтие не ходило для собирания какой-нибудь подати. В каждой тюрьме есть невольных страдальцев из священников и монахов. Убийства, ограбления, насилия везде являются, даже подобные и в самом городе Сараеве, пред глазами полиции, губернатора и европейских консулов. Одним словом, можно сказать, мы были и исчезли, если не заступится за нас мать-Р[оссия].

Душевно люблю Вас и желаю Вам всего лучшего.

Ваш Савва.

Примечания

¹ Видимо, речь идет о турецком султанине Мехмеде II-м (Мехмед Фати) (1421?–1481), правившем в 1451–1481 гг.

² В июле-августе 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнули восстания, направленные против гнета Османской империи. Порта стремилась сохранить провинции в составе империи и 11 февраля (по н. ст.) 1876 г. издала ирадэ, содержавшее ряд дополнительных мер в духе ноты Андраши от 30 декабря 1875 г. Реформы предусматривали полную свободу вероисповедания, ликвидацию системы откупа налогов, продажу отдельных пустовавших участков земли крестьянам-христианам, уравнение христиан и мусульман в правах собственности, наследования и др. В Сараево и Мостаре должны были быть созданы местные советы из христиан и мусульман, в функции которых входил бы контроль за проведением реформ. Также предполагалось использовать часть взимаемых налогов на общественные нужды Боснии и Герцеговины // См.: Чубрилович В. Босански устанак 1875–1878. Београд, 1930. С. 112–113.

³ См. ком. 4 к док. 9.

№ 15

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 34–35.

2 ноября 1880 г.
Сараево

Дорогой друг, досточтимый Николай Николаевич!

Ваше драгоценное письмо я получил. Благодарю Вас за внимание. Я знаю, что Вы меня любите и готовы сделать всё для меня. Кроме того, я не могу доверять бумаге то, что бы я хотел писати Вам и что бы Вы желали узнать...

Высокопреосвящ[енный] Анфим¹ дал в отставку, но еще управляет делами епархии. Про его истину могу сказать Вам, что он дифферентан, не пекется о церкви, ни о стаде. Он человек очень скупой и сребролюбивый, ему же бог – чрево.

На днях православная женщина с двумя дочерьми приняла мухаметанскую веру. Некоторые из православных просили г. Анфима подействовать код правительства – не позволить такового шага потому, что девушки еще не в полном возрасте и малолетние. Г-н Анфим прямо сказал: «Это дело не мое, а правительства; я не мешаюсь. Может идти каждый, где хочет, и принять религию, каковую хочет, без всякого препятствия со стороны высокопоставленных духовных лиц». Я знаю, что прежде почившие св. архиереи (из греков) не говорили так, но даже при турецком правлении горячо заступали свое стадо, как добри архипастыри, а нынешний не хочет ни знать об этом! Таким образом, он еще меньше хочет знать за тех, которые пере-

ходят в католицизм. Г. Анфим давно, с первых дней оккупации, прервал и прекратил всякую корреспонденцию с его святейшеством вселенским патриархом. Также он помимо воли и согласия народа писал карловацкому патриарху Ивачковичу², что он желает войти под его юрисдикцию. Анфим не дерзнет никогда возвратиться в Константинополь. Он будет жить в Вене, как Амвросий в Циле. Он порядочно богатый, имеет больше 80.000 гульденов, кроме того, и пенсию от правительства.

Вам уже известно, что его святейшество вселенский патриарх приглашал меня в Константинополь для посвящения в архиереи, по ходатайству первостоятеля сербской церкви, но здеш[нее] правительство того не позволило. Два раза мне предлагали отправиться в Карловац и там принять чин архиерея, но я не хотел. Правительство принуждено было сделать известную конвенцию с его святейшеством патриархом. По этой конвенции правительство ежегодно заплатит патриарху 58.000 пиастров; святое миро архиереи будут получать из Константинополя; в церкви архиереи будут поминать имя вселенского патриарха. Император австрийский выбирает лица из уроженцев и предлагает патриарху для рассмотрения и подтверждения и т.д.

В прошедшем м[еся]це пригласили меня в Вену для советования по церковным делам. Я объяснил правительству необходимость учредить семинарию и консисторию. Также я сказал, что православное население боснийское желает и дальше остаться в своей связи с великою матерью церковью. В этом отношении правительство уже писало его святейшеству и, как мне сказали, предложили и мою худость между wybranными лицами. Первостоятель сербской церкви писал мне: «принят и послужит святой церкви и народу в минутах очень серьезных». [...]

Ваш друг и почитатель
архим[андрит] С. Косанович

P.S. Кланяюсь Нилу Александровичу³ и прочим друзьям.
P.P.S.S. Извините, что я очень плохо пишу по-русски.

Примечания

¹ См. ком. 4 к док. 9.

² Прокопий (в миру Прокопий Ивачкович) – 3-й карловацкий патриарх (1874–1879).

³ Н.А. Попов. См. ком. 3 к док. 2.

№ 16

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 24.
Л. 36 об.–37.

27 ноября 1880 г.

Николай Николаевич!

Осмеливаюсь просить Вас, не найдете ли возможность хлопотать и ходатайствовать у редакторов: «Семья и школа»¹, «Филологические записки»², «Русский филологический вестник»³ и «Православное обозрение»⁴, чтобы присылаемы были даром нашей православной и очень бедной гимназии, которая не в состоянии прибавить себе периодические часописи*. Это пришло бы нам в пору для усовершеннения русского языка среди гимназиальном коллегнуму (между которым и я считаюсь), так и для изображения нашей молодежи.

Если господа редакторы не соглашутся, то прошу, подействуйте у благотворительного славянского комитета⁵. Позвольте мне надеяться, что Вы не откажете принять участие в этом и примите уверение моего истинного уважения и совершенной преданности.

Ваш друг
ар[химандрит] С. Косанович

Примечания

¹ «Семья и школа» – педагогический журнал, издававшийся в Петербурге в 1871–1888 гг. В нем публиковались материалы по методике преподавания географии, арифметики, естественных наук, много внимания уделялось начальной школе и народным училищам, печатались статьи и очерки познавательного характера.

² «Филологические записки» – учебный и научно-педагогический журнал, выходил в Воронеже в 1860, 1862, 1864–1917 гг. Содержал отделы: «Исследования», «Заметки учителей по учебно-методическим вопросам», «Критика и библиография по славянским языкам», «Перепечатки из различных филологических журналов».

³ «Русский филологический вестник» – научный журнал. Издавался в Варшаве в 1879–1914 гг. В нем публиковались исследования о языках, народной поэзии, древнерусской и славянских литературах. В журнале принимали участие известные русские ученые: Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот, А. А. Потебня, И. И. Срезневский и др.

⁴ «Православное обозрение» – духовный журнал. Выходил в Москве в 1860–1873 гг., 1875–1886 гг., 1890 г. В нем обсуждались проекты церковных реформ и нужды церкви, а также события общественной жизни, печатались произведения иностранной богословской литературы. В журнале принимали участие А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, В. С. Соловьев.

⁵ Речь идет о С.-Петербургском славянском благотворительном обществе, бывшем Петербургском отделе Славянского благотворительного комитета в Москве. Отдел, существовавший с 1868 г., был преобразован в Общество в 1877 г. В деятельности Общества принимали участие В. И. Ламанский, Н. А. Киреев, О. Ф. Миллер, граф Н. П. Игнатьев, И. И. Срезневский и др.

* Журналы (сербск.)

№ 17

МИХАИЛ, митрополит сербский¹ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 25.
Л. 77–78 об.30 октября 1875 г.
Белград

Милостивый государь Николай Николаевич!

От всей души благодарю Вас, достойный друг в нашем общем деле и ревностнейший сотрудник, за все Ваше делание в пользу и помощь нашим страдальцам².

Извините, что не пишу к Вам часто, а следовало бы.

Отец Савва³ в каждом письме ко мне хвалится, что его во всем помогаете как для подворья, так и для собирания помощи народу Боснии и Герцеговины. Спаси Бог за все это!

Из того, что я получаю из России, даю в помощь боснякам, а часть одну посылаю в Дубровник для герцеговинцев. Но мы согласились еще в начале с Веселитским⁴, чтобы помощь поделили или лучше, чтобы большая часть шла в Герцеговину, что и делается. Из Петербурга посылают прямо в Дубровник; г. Черняев мне послал 2000 франков, которых я отослал в Дубровник. Часть одну даю в Сербию, другую посылаю боснякам, которые убежали в Австрию через реку Саву, а третью посылаю в Дубровник. В Черногорию ничего не посылал, зная, что там больше получают, но все же по Вашему желанию писал г. митрополиту и спросил его мнение об этом, и если что потребует, то постараюсь и туда часть послать.

Как Вы изволили в первом письме сказать, что жертвователи высказали свое желание помочь юнакам, так частью и сделано.

Пособляйте теперь и в журналах, и у дипломатов, чтобы они нашли путь, какое устройство помогать, чтобы народ мог возвратиться на свой огниште, ибо без того разбредется по миру, войдет в унию, потому что [...]*, у которых они теперь остановились, атакуют православие, ослабляют их незлобивую и непорочную веру, и эти бедные жители Боснии православные, убежав от сабли турка, попали на нравственные пики. Содействуйте возвращению народа, но так, чтобы турок не мог как бесправную личность убивать всеми средствами рабства и уничтожения.

Призываю на Вас благословение господя, с любовью к Вам остаюсь Вашим богомольцем.

Митроп[олит] сербский Михаил

Примечания

¹ См. ком. 5 к док. 3.

² 16(28) августа 1875 г. в Париже был создан международный комитет помощи семьям и раненым Боснии и Герцеговины. Он стал главным органом по оказанию помощи восставшим. Его председателем был сербский митрополит Михаил, вице-председателем – хорватский католический епископ Йосип Штротсмайер.

* Слово неразборчиво.

³ О. Савва стал первым настоятелем сербского подворья в Москве, которое он принял 15 июня 1874 г. Вопрос о выборе настоятеля был непростым, что следует из ряда документов уже упоминавшейся выше публикации «Москва – Сербии, Белград – Россия» (Т. 2). В письме к Н. А. Попову (октябрь 1872 г.) Н. Н. Дурново предлагал в качестве настоятеля подворья архимандрита Васу Пелагича или Серафима Перовича (о нем см. ниже) – участников национально-освободительной борьбы в Боснии. В начале 1873 г. в переписке Н. А. Попова и митрополита Михаила речь шла о кандидатуре о. Нестора (Николая Поповича), окончившего Киевскую духовную академию. В Сербии он был преподавателем, а затем стал ректором белградской семинарии. Однако в России эту кандидатуру сочли нежелательной – из-за слухов о его неблаговидном поведении. Негативная информация об о. Несторе была получена и от русского посланника в Белграде Н. П. Шишкина. В ноябре 1873 г. всплыла кандидатура о. Саввы из сербского монастыря Горняк. Он и стал настоятелем – с 1874 г. и вплоть до своей смерти в 1880 г. Был похоронен в Москве, в Алексеевском женском монастыре, при котором существовало училище, где обучались девочки из южнославянских стран. За свою деятельность о. Савва пользовался большим авторитетом и уважением в славянофильских и церковных кругах Москвы. (См.: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Белград-М., 2011. С. 294, 296, 312, 557–558).

⁴ Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841–1930) был самым активным деятелем упоминавшегося выше Международного комитета в Париже. Он занимался непосредственно организацией помощи беженцам из Боснии и Герцеговины. По поручению председателя комитета сербского митрополита Михаила он объехал все места размещения беженцев, в том числе и в Черногории. Его призывы о помощи к мировой общественности были опубликованы во многих газетах, в том числе и в русских (например, в «Голосе» от 23 сентября, 17 октября, 29 декабря 1875 г.). В конце декабря 1875 г. он писал в Россию: «Пособия стали притекать отовсюду, но более всего из единоверной великой славянской страны...» (См.: Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М., 1978. С. 68).

№ 18

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 25.
Л. 79–80 об.

31 декабря 1875 г.
Белград

Милостивый государь Николай Николаевич!

Спасибо за письмо, которым объясняете многие обстоятельства. Отец Нестор¹ уже написал Вам о многих предметах, а я спешу уплатить Вам и свой долг.

Благодарю Вас за братское содействие, благодарю за руководство и искреннее сочувствие, благодарю за любовь к нам и всем нашим страдальцам, равно же и к нашему подворью.

Из Петербурга и из других многих стран доходы идут прямо в Черногорию и Рагузу. И я в Черногорию послал 5000 флор[инов], в Рагузу до 4000 флор[инов], а до 15000 флор[инов] в Славонию, начиная с Рачи до Книна; в Сербии дал около 1000 червонц[ев]. А все это с тех денег, кото-

рых получал из Москвы и непосредственно из России. Между тем и наша скупщина одобрила 10000 червон[цев] для жителей Боснии и Герцеговины, находящихся в Нишском и Подринском округах. И посему думаю прокормить сих страдальцев. Но что делать с войсками, которые и теперь находятся на сухой границе Боснии и Герцеговины? Им нужен хлеб и снаряды. А весна что принесет? Мы приготавливаемся, но займа в Европе не нашли, а еще не решается правительство заем делать внутри. Австрия хорватов отворачивает от нас и все делает в пользу присоединения Боснии к себе. Из Лондона имеем известие, что они – англичане – желают помочь Австрии занять Боснию, чтобы испортить счета и планы России. Посему видите, что опять задумывают коалицию против России, которой нужно решить восточный вопрос в пользу свою и славян, преданных ей всем сердцем. Болгаре глупо делают, что ссорятся с сербами. А мы очень рады, что в Греции начинают зрело судить и, выбросив из своей головы иллюзии о византийском своем царстве, полагаются быть в союзе со славянами. [...]

Дай Бог, чтобы этот год 1876 был счастливее прошлого всем славянам. А Вам со всеми Вашими принес счастье и удовольствие.

Наша скупщина кое-что высказывает по наущению одной фракции, которая этим только хочет произвести расстройство в стране, но я надеюсь, что все эти сумасбродные затеи не осуществляются. Мы близ Запада, и оттуда все, что негодно, легко идет на восток, чему радуются все культуртрегеры и даже содействуют этой порче. [...]

С призыванием на Вас благословения господя, имею честь быть
Вашим богомольцем.
М[итрополит] с[ербский] Михаил.

Примечания

¹ См. ком. 3 к док. 17.

№ 19

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 25.
Л. 87–88.

31 мая 1876 г.
Белград

Милостивый государь Николай Николаевич!

Вслед Вашего прежнего заявления об условном ответе, теперь говорю – я совершенно здоров. Акция начнется¹. Но теперь пора вам пособить нам. Все идет к тому, чтобы начать дело. Полезно ли это или нет – последствия скажут. Нам же назад нельзя потому, что мы далеко зашли. Посему прошу Вас постараться обо всем, что нужно в нынешнем положении. Мы рассчитываем на любовь России и братское сочувствие к единоверным и единоплеменным страдальцам. Ожидаем всё, что можно, о чем и просил Вас по-

могать г-ну Протичу², который приезжает к вам объяснить положение и представить необходимость вашего пособия – и материального, и дипломатического. Посему будьте добры потрудиться помочь моему сему земляку-патриоту, который именно после всех неудачных попыток решился приехать сам к вам объяснить положение дел³.

Мы, Николай Николаевич, далеко зашли, так, что нельзя назад, а вы, если можете нас бросить на произвол судьбы, сами знаете – это ваше дело.

С истинным почтением и преданностью, призывая на Вас благословение господя, имею честь быть Вашим богомольцем.

Митроп[олит] сербский
Михаил

Примечания

¹ Имеется в виду сербо-турецкая война 1876 г.

² Протич Милослав – сербский государственный деятель, председатель кассационного суда. Окончил юридический факультет Московского университета (1852 г.). Летом 1876 г. приезжал в Россию по делам сербского займа. Позднее был назначен посланником Сербии в Петербурге.

³ В начале июня 1876 г. в ожидании предстоящей борьбы с Турцией сербское правительство направило в Россию своего представителя М. Протича для переговоров о займе. Благодаря содействию славянофильских и либеральных кругов (И. С. Аксакова, Ф. В. Чижова и др.) русское правительство согласилось предоставить Сербии секретный заем (около 4 млн. рублей), но с условием, чтобы он был реализован частными банками.

№ 20

ОИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 25.
Л. 95–96 об.

14 мая 1877 г.
Белград

Милостивый государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше об орденах я сообщил, кому надлежит знать, и обещано, что исполнят скоро, и Иван Сергеевич¹ будет доволен.

На другое Ваше письмо примечаю, что Вы неловко теперь сравниваете Грецию с Сербиею. Греция не истощена и Англия далеко от нее, а мы тут же под носом Австрии, которая на каждом шагу преследует.

Если бы теперь сердце распоряжалось, сербы ринулись бы в бой мимо всех расчетов. Но из Питера, из Глав[ной] квартиры и с других стран нам крепко велят подождать в мире, чтобы не зажечь европейскую войну. В уважение сих советов и расчетов мы должны быть в мире, а Греция пусть делает, что находит для себя полезным. Мы ни за что не хотим теперь своим вмешательством усложнять дело. Ведь Карцев² очень запутал здесь, так нужно ума, терпения, стойкости, чтобы предотвратить пагубные последст-

вия. Вы и князю³, и его министрам сделаете неправду, если не доверяете. Что могли, мы сделали, и чтобы именно доказать свою преданность общему делу, которое взял в свои мощные руки государь русский, без его совета ни шагу не сделаем. Верим, что Россия сделает всё, что может для христиан, и мы не такие эгоисты, чтобы непременно нам овладеть, мы будем довольны освобождением наших братьев сербов и болгар и в этом и мы выиграем – мы и взяли оружие не для того, чтобы подчинить себе своих, но освободить их. Мы не хотим давать повода, чтобы нас осуждали, а Вам, думаем, и нежелательно продолжать тех неправых отзывов, которыми клеймили нас и доблестных добровольцев разные корреспонденты – время покажет, кто прав, кто виноват – по сплетням наших общих врагов. Посему покорнейше прошу Вас не давать ходу ложным слухам, которые портят дорогое нам благосклонное отношение доброго русского народа, и стараться сдерживать их. Нам будет полезно очень и впредь откровенно писать нам свои мысли и давать свои советы, чем обяжете.

С истинным уважением и преданностию пребываю
Вашим богомольцем.

М[итропоит] с[ербский] Михаил.

Примечания

¹ И.С. Аксаков. См. ком. 2 к док. 2.

² Карцов Андрей Николаевич (1835–1907) – русский генеральный консул в Белграде в 1875–1877 гг.

³ Имеется в виду Милан Обренович (1854–1901) – сербский князь (1868–1882), затем король (1882–1889).

№ 21

СЕРАФИМ ПЕРОВИЧ¹

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 26.
Л. 7–8 об.

28 февраля 1877 г.
Дубровник

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Ваше письмо я получил здесь первого числа этого месяца, которое Вы отправили через Черногорию. Я был на Цетине, но опять возвратился сюда. На Цетине очень холодно для меня и я в несколько дней заболел от простуды. Так как я прожил пять лет в заточении, в жарком африканском климате, то для меня здешний климат, где очень мало холода бывает, почти невыносим; а в Цетине, где холод может быть довольно большой, нечего и говорить. Поэтому я поневоле должен был удалиться с Цетиня и приехать сюда, потому что здешний климат умереннее для меня.

Любимый Николай Николаевич, я много обрадовался Вашему письму и искренно благодарю Вас, что Вы не забыли меня. Читая Ваше письмо, я, хоть не забыл, а все-таки как будто снова воскресли в моей памяти те счастливые дни, которые я провел в России.

Я твердо был уверен, что мои приятели и в особенности те из русских, которые пользуются большим влиянием, не забудут меня и что при удобном случае окажут свое влияние для нашего спасения (т.е. меня, моего брата Ивана и Леонтия иеромонаха); и прямо сказать, я сколько был рад, когда получил письмо, что мы свободны, я еще больше чувствовал радости в том, что я не обманулся в своей вере. Г-н Игнатъев, русский посланник в Константинополе, хоть и имел много других вообще славянских дел в последнее время, однако он и нас не забыл. Улучив на это благоприятную минуту, распорядился так, что нас, считавшихся погибшими, снова воскресил и с честью возвратил на родину, заставив турок признаться, что нас, ни в чем не виноватых, отправили в ссылку.

Г-н И.С. Аксаков, сколько он трудился обо мне, пока я еще находился в России, это всем известно. По возвращении моем в Герцеговину он тоже не переставал заботиться. Я много и много обязан ему за его чистосердечное участие в пользу несчастных славян, находящихся под турецким игмом, и в особенности сербов. Это нельзя забыть, и имя его каждый серб с чувством глубочайшей благодарности вспоминает.

Что касается до того, сколько мы перенесли, сначала в затворе^{*}, потом в ссылке, нет никакой возможности в этом коротком письме высказать. В продолжении семи лет, в самом начале в затворе, в самом строжайшем виде, чтобы ни с кем не могли иметь свободного сообщения. Потом в ссылке в Африку, где подвергнуты были ужасной жаре, разным болезням, лишены всех средств, даже самых необходимых, притом удалены от христианского общества, от христианской церкви. Мы находились в Фезане, где не только православного, но и вообще, где ни одного христианина не находится. Это положение и было для нас самым мучительным состоянием, которое для нас приготовили Сафет-паша – губернатор вместе с двумя митрополитами – Прокопием мостарским² и Дионисием сараевским³.

Все эти несправедливости, сделанные нам нашими врагами; притом еще получая по временам известия от наших сродственников, которые описывали нам ужасы, которые делают турки вместе с митрополитами; с другой стороны, негодование народа, которое все более и более развивалось, превращаясь в волнение. Все это нам придавало больше энергии, и мы с железною твердостью все тяжести перенесли в надежде, что мы опять возвратимся на родину и вместе с нашими соотечественниками будем оспаривать у наших врагов нашу духовную и гражданскую свободу.

* Тюрьме (сербск.).

Надежды наши исполнились. Мы теперь находимся хоть не в середине, а у порога нашего отечества и только смотрим, что теперь будет: мир или война. Мы теперь не знаем еще, какой оборот возьмет европейская политика в отношении Боснии, Герцеговины и Болгарии. Поэтому и мы не знаем, что нам предстоит в будущем. Если мы не будем обеспечены со стороны турецкого насилия и испорченного фанариотского духовенства, то известно, что мы со всеми силами будем бороться с нашими врагами.

Покорнейше прошу Вас, напишите мне о сербском подворье, о котором Вы упомянули в Вашем письме; я не имею о нем никаких сведений.

Примите чистосердечный поклон как от меня, точно так же и от моего брата Ивана Ивановича.

Ваш искренний и Ваш преданный
архимандрит Серафим Перович.

Примечания

¹ Перович Серафим (1827–1903) – с 1858 г. являлся игумном монастыря Житомирского в Герцеговине; с 1864 г. – архимандрит, с 1885 г. – герцеговинский митрополит. За активную национально-патриотическую деятельность в феврале 1870 г. С. Перович, поддерживавший связи с русскими официальными и общественными кругами, а также его брат Иван Перович и иеромонах Леонтий Радулович, по обвинению в шпионаже в пользу России, были схвачены турецкими властями в Герцеговине, брошены в тюрьму, а затем отправлены в ссылку в Фезан (Малая Азия). Переписку русских дипломатов о возможном облегчении их участи см.: Уједињена Омладина Српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. С. 128–137, 141–147, 163–166, 299, 300, 307, 333, 334, 340.

Публикуемые ниже два письма, посланные С. Перовичем Н. Н. Дурново в 1877 и 1878 гг., уже после возвращения на родину, проливают свет на трагические события его жизни, связанные с заточением, а также на обстоятельства его и его соратников освобождения.

² См. ком. 4 к док. 10.

³ Дионисий (Илич) – сараевский митрополит в 1868–1871 гг.

№ 22

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 26.
Л. 9–10.

22 мая 1878 г.
Дубровник

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Вот теперь почти год, как я получил Ваше письмо. Причина, по которой до сих пор я не отвечал на Ваше письмо, есть, что я во все время находился в лагере, ибо когда герцеговинцы с черногорцами взяли продолжать войну с турками, я не мог остаться в Рагузе и сидеть.

Хоть и трудно мне было писать из лагеря, но все-таки я бы этого не пропустил потому, что Вас знаю очень хорошо как искреннего патриота славянского и моего приятеля; знаю, что Вы радуетесь узнать, что делается в наших странах; знаю и то, чтобы и Вы мне писали о вещах, которыми я тоже интересуюсь. Но вышло иначе. Отправляясь в Черногорию, служитель мой перелаживал вещи, вынул некоторые бумаги и вместе с ними Ваши письма, которые и остались дома. Мой брат, который остался после меня здесь, все письма и бумаги собрал и спрятал с другими вещами оставшими. Когда я искал Ваши письма для того, чтобы Вам писать (потому что Ваш адрес иначе не знал), я удивился, не находя писем. Узнав, что служитель перелаживал вещи, я думал, что потерял. Приехав сюда в конце января, я, опять пересматривая вещи, оставшиеся здесь, постоянно отыскивал, и только на днях некоторые бумаги случайным образом, я их нашел в сандуке и я очень стал доволен, чтобы Вам хоть несколько слов написать, ибо знаю, что и Вы удивляетесь, почему Вам не пишу. Чтобы Вам писать о прежнем, нет надобности, потому что я очень хорошо знаю, что Вам все известно по газетам. О настоящем что писать, решительно не знаю. Мы теперь находимся в неизвестном положении. Разные толки о устройству наших стран, Босни и Герцеговини, одни другим противоречат. Одни так, другие иначе, сегодня так, завтра не так, а вот как, и так постоянно одни толки другими сменяются. Это положение для наших герцеговинцев тяжелее войны, потому что конца не видно, и когда и чем кончится, неизвестно. Мы только уверены, что Россия, принявшая в свою обязанность и принесшая столько жертв, докончит в настоящее время славянский вопрос. Мы видим, что есть многие препятствия; мы видим, что многие неприятели славянства мешаются великому делу – единству славянства, но мы в полной надежде, что Россия сумеет устроить лучше, чем мы и подумать можем. Мы видим, что Россия принесла огромные жертвы, мы видим, что весь русский народ приносит и готов принести все возможные жертвы для святого дела, поэтому можем петь: «С нами Бог, языцы (неприятели), не убоимся вас».

Но бедным герцеговинским семействам, находившимся разбросанными по разным углам вне своего отечества, хоть и трудно тяжело и почти невозможно ждать, все-таки утешаются тем, что видеть хорошее в скором будущем.

Слава Богу еще, что из России приходит ежедневно помощь, иначе бы мы совсем пропали. Г-н Васильевич*, член Петербургского благотворительного комитета, устраивает школы для обучения герцеговинских детей. Кроме других мест, на одном только Цетине записано до 500 мальчиков и девочек герцеговинских. Мадам Боголюбова¹ еще в прошлом году устрои-

* Ошибка. Речь идет о П. А. Васильчикове².

ла несколько школ, тоже для герцеговинцев. В одной из этих школ (в Кастельновом – в австрийской границе) мой брат тоже учителем.

За все эти великие благодеяния, оказанные нам Россией, мы не можем забыть, и мы, герцеговинцы и вообще сербы, как и все славянские племена, обязаны вечною благодарностию. Дай Бог, чтобы только это кончилось всё, как следует, о чем мы нисколько не сомневаемся.

Не знаю, адрес Ваш тот ли, как и прежде, и найдет ли Вас мое письмо, поэтому, не распространяясь в этом письме, заканчиваю с искренним почтением

архимандрит Серафим Перович.

Кланяется Вас искренно уважающий мой брат Иван Перович.

Примечания

¹ Боголюбова – член Петербургского дамского благотворительного кружка.

² Васильчиков Петр Алексеевич (1829 – после 1890) – уполномоченный Российского Красного Креста в Черногории, активный член С.-Петербургского славянского благотворительного общества.

№ 23

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 26.
Л. 11.

23 октября 1901 г.
Мостар

Дорогой и уважаемый друг мой!

Ваше дорогое мне письмо, дат[ированное] 25 сентября 1901 г., получил, которое с радостью несколько раз прочел, ибо сердечный друг мой после такого длинного промежутка времени с прежней любовью опять заговорил со мною, утешал меня с сердечным желанием дождаться счастливого спокойного конца.

При первом обстоятельстве, когда буду свободнее от официальных дел, напишу Вам подробно обо всем, хотя жизнь и судьба моя до и после заточения Вам в общем знакома, тем более, что Вы справлялись обо мне от таких авторитетных и знающих меня лиц. В этот же раз прошу Вас прислать мне почтой Ваши сочинения с означением цены, чтобы поближе познакомиться с Вашими трудами, хотя по периодическим изданиям я читал немножко.

Прошу принять мой сердечный поклон и архиерейское благословение.

Ваш искренний друг
Серафим Перович, митрополит.

№ 24

МИЛОСЛАВ ПРОТИЧ¹

ОПИ ГИМ. Ф. 177. Ед. хр. 26.
Л. 57–58 об.

21 мая 1881 г.*

Многоуважаемый г. Н. Дурново!

Вчера получил Ваше письмо, которое меня очень обрадовало. От всей души и сердца благодарю Вас за хорошую память обо мне. Уезжая в Сербию, я уношу самое лучшее воспоминание о России и ее народе. Я, так сказать, сроднился с Россией, которой от души желаю величие и могущество, а ее венценосцу счастье и славу. Покойный император² меня очень любил и не соглашался на мою перемену, что наших глупых политиканов очень раздражало, а император Александр III при прощании три раза выразил мне, что очень жалеет о моем отъезде, и пожаловал мне орден Св. Станислава первой степени. Не соглашаясь ни в чем с направлением австрийской, так сказать, партии, которая теперь владеет в Сербии³, я и не мог дольше остаться на месте, которое служило залогом дружеских и братских отношений между Россией и Сербией.

Враги и днем и ночью работают над разъединением православных славян, но, даст Бог, не успеют. Здесь многим не понравилось, что сербское правительство назначило католика посланником, ибо, как может быть Вам известно, г. Хорватович⁴ – католик и не знает ни слова ни по-русски, ни по-французски, а только по-немецки. Правду Вам сказать, я не воображал, что у меня столько почитателей и друзей, как при сем случае сказалося. Ваш поклон передам всем поименованным лицам и прошу Вас и вперед остаться другом и приятелем моего народа, который как православный и славянин горячо любит Россию – представительницу и защитницу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

М. Протич

NB. Послезавтра, в субботу, 23 мая, уезжаю через Вену в Белград.

Примечания

¹ См. ком. 2 к док. 19.

² Имеется в виду Александр II, убитый в 1881 г. русскими революционерами.

³ Имеются в виду напредняки, члены сербской Напредняцкой (Прогрессивистской) партии, находившиеся у власти в Сербии в 1880–1887 гг. и проводившие проавстрийский внешнеполитический курс.

⁴ Хорватович Джура (1835–1895) – сербский военный и государственный деятель. В 1876 г. – полковник, командующий Тимокской армией, впоследствии генерал, в 1886–1887 гг. – военный министр Сербии.

* Датируется по содержанию письма.

Научное издание

Институт славяноведения Российской академии наук

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ

к 110-летию со дня рождения С. А. Никитина

Сборник статей

Выпускающий редактор: Н.В.Булатова

ИД № 03952 от 07.02.2001. Подписано в печать 13.03.2013.

Формат 60x90 1/16. Печать цифровая. Бум. офсетная.

Гарнитура Times. 49,5 п.л.

Тираж 100 экз. Заказ 0192.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.
Д.002373.03.06 от 24.03.2006 Федеральной службы по надзору
в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека РФ

Научно-исследовательское,
информационно-издательское предприятие «ТЕЗАУРУС»
121248, Москва, Украинский бульвар, 3/5, корп. 2, комн. правл.

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС»

Тел./факс (499) 252 14 31; e-mail: tez_post@mail.ru